M 46/2

Братская помощь пострадавшимъ въ Турціи Армянамъ.

Типо-Литогр. К. В. Александрова, Москва

Ш 46/2

БРАТСКАЯ ПОМОЩЬ
АРМЯНАМЪ.

РУМЯНЦЕВ. МУЗЕЙ БИБЛИОТЕКА

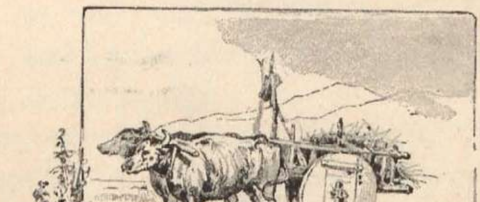
БРАТСКАЯ ПОМОЩЬ

ПОСТРАДАВШИМЪ

ВЪ ТУРЦІИ АРМЯНАМЪ.

Литературно-научный сборникъ съ 4-мя оригинальными рисунками И. К. Айвазовскаго, заставками В. Я. Суреньянца, съ автографами авторовъ и 160 портретами, видами, типами Закавказья, Турецкой Арменіи и пр.—въ текстѣ.

Съ міру по ниткѣ—голому рубаха.

МОСКВА.
Типо-литографія К. Ѳ. Александрова, Арбатъ, близъ Арбатскихъ воротъ, д. Платонова.
1897.

Дозволено цензурою. Москва, 27 Августа 1897 г.

38655-0

2007089972

сохранить перепл.

КНИГА ИМЕЕТ

Печатн. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1952 г.
55			3			7	201	

~~Зак. 828~~
1042

92

Предисловіе.

И въ жизни цѣль есть, цѣль святая:
Помочь слабѣйшему въ пути.

Скорбная своеобразность безпримѣрныхъ бѣдствій, разразившихся въ послѣдніе (1894—1897) годы надъ многострадальнымъ армянскимъ населеніемъ Турціи, — заключалась, между прочимъ, въ томъ, что не сразу выяснилась предъ общественнымъ мнѣніемъ ихъ истинная причина и характеръ, равно какъ ихъ ужасающіе размѣры.

Недовѣріе къ безкорыстію англійской политики, заслуженное ея прошлымъ; осложненія на крайнемъ Востокѣ; натянутое международное положеніе; отдаленность мѣста кровавыхъ событій и опасеніе вызвать призракъ грознаго Восточнаго вопроса,—все это, вмѣстѣ взятое, заставляло относиться скептически къ первымъ извѣстіямъ англійской печати о безчеловѣчномъ истребленіи въ 1894 г. турками въ Сасунѣ 10.000 мирныхъ армянъ подъ предлогомъ усмиренія мнимаго возстанія [1]). Искусная турецкая дипломатія, съ своей стороны, пользуясь благопріятными обстоятельствами, сначала отрицала общеизвѣстные факты, а потомъ

[1]) См. ниже извл. изъ Желтой Книги, въ отд. II стр. 96.

оправдывалась передъ общественнымъ мнѣніемъ, превращая черное въ бѣлое и наоборотъ [1])—въ кровавой эпопеѣ Сасунскаго разгрома.

Ободренные безнаказанностью своего перваго варварскаго поступка въ Сасунѣ и желая свести къ нулю предложенныя для армянскихъ вилайэтовъ реформы, турки, по утвержденіи этихъ реформъ Портою въ октябрѣ 1895 г.,—задумали и выполнили чудовищный планъ [2]) истребленія армянскаго населенія именно въ районѣ проэктированныхъ реформъ [3]). Раззоряя, истребляя тысячами, десятками тысячъ мирное армянское населеніе, совершая невѣроятные акты насилія, утонченной жестокости и скотскаго разврата, акты поруганія христіанскихъ святынь и совращенія въ исламъ, турки, при помощи услужливыхъ органовъ печати, увѣряли Европу, что они только обороняются отъ армянскихъ «бунтовщиковъ», осмѣливающихся нападать на «правительственныя зданія» и даже «на молящихся въ мечети мусульманъ». И нашлись люди, которые искренно повѣрили или прикинулись повѣрившими этимъ побасенкамъ! Еще разъ оправдался грустный возгласъ Тютчева:

Опять Востокъ дымится свѣжей кровью,
Опять рѣзня, повсюду вой и плачъ!
И снова правъ пирующій палачъ,
А жертвы преданы злословью.

Но правда о неслыханныхъ звѣрствахъ, совершенныхъ турками, всплыла, наконецъ, наружу, когда, вслѣдъ за англійскою печатью, объ нихъ заговорила далеко не солидарная съ нею американская, французская и нѣмецкая печать.

[1]) Желтая Книга содержитъ массу тому доказательствъ.—Вынужденная назначить слѣдственную коммиссію для разслѣдованія Сасунской рѣзни, Порта въ своемъ органѣ *Тарикъ*, не стѣсняясь печатала, что коммиссія имѣетъ цѣлью разслѣдованіе „преступленій армянскихъ разбойниковъ" (см. Ж. К. № 12).—Поспѣшно заключивъ, изъ боязни предъ опасностями зимней кампаніи (депеша № 72), съ Зейтунцами капитуляцію 11 февраля 1896 г., —Порта открыто нарушила требованіе ея о назначеніи христіанскаго каймакама и только 4 мѣсяца спустя исполнила настойчивое домогательство державъ (депеши №№, 207, 208, 211).

[2]) См. ниже извлеченіе изъ Желтой Книги. Отд. II. 101 и слѣд.

[3]) По оффиціальнымъ даннымъ, сообщеннымъ Портѣ въ нотѣ шести великихъ державъ въ февралѣ 1896, значилось: Въ шести армянскихъ вилайетахъ, гдѣ предположено ввести реформы. (Эрзерумъ, Сивасъ, Харпутъ, Діарбекиръ, Битлисъ, Ванъ) разграблено домовъ—37.257, разграблено лавокъ—6,512, убито христіанъ—29,107, убито мусульманъ—897, насильственно обращено въ магометанство 36,300, пущено по міру 247,300. Всего же въ Малой Азіи раззорено домовъ—39,749, раззорено лавокъ 7,942, убито христіанъ—37,085, мусульманъ—938, насильственно обращено въ магометанство — 40,950 армянъ, пущено по міру—290,300. См. Желтую Книгу, стр. 294. —См. Макколь—Султанъ и державы, 296 и слѣд.

Самые упорные скептики должны были убѣдиться, что турецкая орда осталась прежнею «ордою дикарей» [1]), усвоивъ себѣ лишь усовершенствованные способы истребленія христіанъ.

«Теперь, писалъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» въ 1897 г. одинъ изъ такихъ скептиковъ-англофобовъ г. Гольмстремъ, ознакомившись съ положеніемъ горемычныхъ армянъ Турціи, — я *всему вѣрю*,—хотя, видитъ Богъ, я былъ-бы радъ не вѣрить, хотя отъ этой вѣры мнѣ больно, горько и позорно, хотя, желая оправдать свои прежніе взгляды, я вчитывался въ каждую строчку, напрягалъ всѣ силы своихъ критическихъ способностей, чтобы отыскать англійскую интригу, армянскую недобросовѣстность, чтобы почувствовать фальшь, преувеличеніе, передержку. Мои усилія оказались *тщетными*: строчки книги, (*Положеніе Армянъ въ Турціи*) чистыя, какъ кристаллъ, проходили рядъ за рядомъ передъ моими глазами, западали мнѣ въ душу, леденили, давили сердце».—Уяснивъ свою ошибку, почтенный публицистъ съ честнымъ мужествомъ сознается въ ней и въ своей замѣчательной статьѣ [2]) рекомендуетъ ближе ознакомиться съ статьей Диллона, дабы убѣдиться, что «истребленіе армянъ направлено исключительно противъ Россіи» [3]).

Безстрастныя, но потрясающія страницы французской Желтой Книги, появившейся, къ сожалѣнію, только весною 1897 г., окончательно закрѣпили достовѣрность газетныхъ извѣстій о чудовищныхъ злодѣяніяхъ турокъ — съ раззореніемъ цѣлыхъ городовъ, сотенъ деревень, съ сожженіемъ 3000 женщинъ и дѣтей въ Орфѣ, съ насильственнымъ обращеніемъ десятковъ тысячъ христіанъ въ исламъ — и о т. п. ужасахъ, которые не только нельзя преувеличить, но даже, какъ замѣчаетъ Гладстонъ, невозможно и въ точности передать, какъ нельзя въ точности указать цифру убитыхъ армянъ... Минимальная цифра (къ началу 1896 г.) была выставлена въ коллективной нотѣ пословъ 37.000 [4]), Макколь счи-

1) Оффиціозный листокъ Le Nord въ іюлѣ 1897 г. писалъ: „со времени взятія Константинополя протекло четыре съ половиной столѣтія, не оставивъ ни малѣйшаго слѣда цивилизаціи на потомкахъ азіатскихъ кочевниковъ. Какими они были шесть вѣковъ назадъ въ Азіи, гдѣ жили грабежами, такими они остались и понынѣ, когда рѣжутъ и сушатъ тысячи христіанъ для того, чтобы овладѣть ихъ имуществомъ, предаваясь самому разнузданному разврату... Частые уроки, полученные Турціею отъ Россіи, могли-бы, кажется, поднять до уровня европейской культуры самихъ антропофаговъ Океаніи, но на Турцію они, къ сожалѣнію, не подѣйствовали". (См. С.-Петербург. Вѣд. 1897 № 193 отъ 18 іюля).

2) Статья Гольмстрема перепечатывается ниже (стр. V—XIV).

3) Статья г. Диллона перепечатывается ниже (См. отд. II. стр. 9—47).—Вполнѣ правдивое освѣщеніе вопроса находимъ и въ только что вышедшей книгѣ „Султанъ и державы" Макколя, еще со времени турецкихъ звѣрствъ въ Болгаріи выступившаго защитникомъ христіанъ и сторонникомъ соглашенія Англіи съ Россіей.

4) См. ниже стр. XXVI

таетъ — въ 200.000, французы — Шарметанъ въ 300.000, а Викторъ Берарь въ 500.000.

Армянскій патріархатъ въ Константинополѣ поименно зарегистровалъ 30.000 сиротъ, а всѣхъ сиротъ-армянъ насчитывается до 100.000 и болѣе [1]).

Едва-ли когда и будетъ приведена въ извѣстность точная цифра убитыхъ армянъ, такъ какъ многіе изъ нихъ нашли смерть въ пропастяхъ горъ Арменіи или въ волнахъ лазурнаго Босфора [2]).

Уцѣлѣвшее чудомъ армянское населеніе, лишенное всего, пущено по міру и не можетъ прожить безъ посторонней помощи [3]). Христіанскіе народы обоихъ полушарій спѣшатъ на помощь „погибающему старѣйшему христіанскому народу“ [4]). Россія ли, связанная вѣковыми славными традиціями съ христіанами Турціи, [5]) отстанетъ въ этомъ добромъ дѣлѣ?

Въ нашъ вѣкъ ипертрофіи личнаго и коллективнаго эгоизма [6]) трезвый, холодный разсудокъ и доктрина интересовъ «конца вѣка» рекомендуютъ держаться правилъ: «своя рубашка ближе къ тѣлу», «моя хата съ краю». Это правда, но правда и то, что кромѣ мѣрки интересовъ существуетъ и другая мѣра, «единая истинная и непреложная» — справедливость, провозглашенная еще въ «началѣ вѣка» [7]); правда и то,—

Что жизнь бы холодомъ знобила,
Что жизнь бы мудростью томила,
Какъ скучной сказкой безъ конца,
Когда бъ не грѣли насъ лучами,
Когда бъ не бились рядомъ съ нами
Другія — *добрыя сердца*...

Живой сочувственный откликъ, который встрѣтилъ отовсюду призывъ къ участью въ „Братской Помощи“, не служитъ ли тому доказательствомъ?

1) По послѣднимъ свѣдѣніямъ число сиротъ достигаетъ 400.000 (см. Петерб. Вѣдом. 1897 г. № 221).

2) См. ниже Отд. II стр. 79.

3) По исчисленію миссіонера Лепсіуса изъ оставшихся приблизительно 700.000 армянъ—546.000 нищіе (Europa und Armenien,—eine Anklageschrift. Berlin. 1896).

4) См. Oeuvre d'Orient Mai-Juin.—Этотъ же органъ сообщаетъ, что въ нынѣшнемъ году Турецкой Арменіи грозитъ еще новый бичъ — голодъ.

5) См. ниже статьи Кананова и Грева. Отд. I стр. 627, 649.

6) См. ниже статьи Сигмы и Буквы 613, 617.

7) «Измѣряя существо его (присоединенія Грузіи) единственно по нашимъ выгодамъ, писалъ Александръ I въ 1801 г., мы не можемъ не признать всей ихъ силы, но *пользамъ* царствъ земныхъ въ правилахъ вѣчныхъ предустановлена другая мѣра — единая *истинная и непреложная*: справедливость и неприкосновенность къ общенародному праву» (Выс. рескр. Александра I на имя Кнорринга по поводу присоединенія Грузіи. См. стр. 219 Дубровина — Георгій XII и присоединеніе Грузіи къ Россіи. Спб. 1897 г. изд. 2-ое).

Принося глубочайшую благодарность всѣмъ участникамъ [1]), трудами коихъ создался настоящій громадный томъ, въ 950 страницъ, льстимъ себя надеждою, что примѣръ пишущей братьи найдетъ подражаніе въ читающей публикѣ.

—

Два слова о составѣ и порядкѣ расположенія статей.

Всѣмъ знакомымъ съ техническою стороною изданія сборниковъ, подобныхъ настоящему, извѣстно, какъ трудно придерживаться строгой системы при размѣщеніи статей, поступленіе коихъ продолжается до конца печатанія. Для „Братской Помощи“ принятъ былъ такой планъ:

Въ **введеніи** помѣщены статьи, имѣющія отношеніе къ помощи армянскимъ сиротамъ и переселенцамъ.

Затѣмъ слѣдуетъ большой **отдѣлъ**, распадающійся на двѣ половины: въ *первой* находятся, собранныя въ нѣсколько группъ, статьи общаго литературнаго и научнаго характера; во *второй*, главнымъ образомъ,—статьи, касающіяся прошлаго и настоящаго армянъ, незнакомство съ коими служило и служитъ источникомъ вредныхъ недоразумѣній.

Ничто, по справедливому замѣчанію Ламартина, такъ не способствуетъ междуплеменной розни, зависти и враждѣ, какъ невѣжество. До чего-же у насъ слабо знакомство съ бытомъ и настроеніемъ армянскаго населенія Закавказья, можно видѣть на одномъ примѣрѣ. У насъ многіе привыкли думать и даже печатно утверждать, что армяне чуть не поголовно живутъ паразитами, занимаясь легкою и прибыльною торговлею и ростовщичествомъ. Непререкаемыя данныя статистики, приводимыя ниже въ статьѣ А. Н. Сазонова, показываютъ, какъ ошибочно это распространенное предубѣжденіе, основанное на мимолетныхъ и случайныхъ впечатлѣніяхъ. Не всякій этому повѣритъ, а между тѣмъ это безусловно достовѣрный фактъ,—что *громадное большинство* армянъ изстари было и остается донынѣ *земледѣльческимъ*. Изъ милліона армянъ Россіи занимаются земледѣліемъ—80%. Въ мѣстахъ же исконнаго кореннаго поселенія армянскаго народа,—въ бывшей Армянской области, гдѣ живутъ 845.667 т.-е. 69.6% этого народа, съ первобытныхъ временъ преданнаго этому излюбленному своему занятію и не даромъ стяжавшаго въ исторіи эпитетъ «трудолюби-

1) Редакція армянскаго журнала „Араксъ“ доставила значительное количество клише, портретовъ, видовъ и типовъ армянскихъ, редакція „Землевѣдѣнія“ — клише видовъ о. Гокчи, типографія К. Θ. Александрова, фототипія, Отто Ренара, писчебумажная фирма Говарда и корректорша О. М. А—а согласились сдѣлать значительныя скидки.

ваго» — % *армянъ-земледѣльцевъ* достигаетъ 96 (*девяносто шести*!) и они производятъ больше половины общаго сбора хлѣбовъ [1]). Вотъ вамъ и «паразиты»! Ex uno disce...

По поводу же обвиненій въ неблагонадежности, съ легкимъ сердцемъ возводимыхъ на армянъ, распространяться тутъ не удобно, но невольно вспоминается характерная сцена, свидѣтелемъ которой недавно довелось быть, кромѣ пишущаго эти строки, еще нѣсколькимъ туристамъ. Это было на берегу Гокчайскаго озера осенью 1896 года, когда изъ Турціи нахлынули послѣ Ванской рѣзни тысячи обездоленныхъ армянъ и когда самое оказаніе имъ помощи, въ виду отсутствія оффиціальнаго разрѣшенія, сопряжено было съ опасностью [2]). Разставшись съ партіею переселенцевъ [3]), мы вошли въ столовую станціи Еленовки. Вскорѣ вошелъ старый, загорѣлый, исхудалый армянинъ въ одной чухѣ, сильно озябшій. Буфетчикъ-имеретинъ поподчивалъ сосѣда водкою. Взявши водку дрожащими руками—этотъ живой памятникъ исторіи, быть можетъ видѣвшій въ дѣтствѣ русскія войска, шедшія съ архіепископомъ Нерсесомъ во главѣ на освобожденіе Эчміадзина—поклонился на-лѣво, поклонился на-право и, прежде чѣмъ выпить водку, торжественно провозгласилъ по-армянски обычный среди здѣшнихъ крестьянъ тостъ. Въ буквальномъ переводѣ тостъ значитъ: *«да содѣлаетъ Господь острымъ мечъ русскаго Царя»*!—Комментаріи излишни...

Хорошо извѣстно, что самыя убѣдительныя свидѣтельства исторіи и статистики не въ силахъ разомъ уничтожить закоренѣлые національные предразсудки. Тѣмъ не менѣе истина, нужно надѣяться, въ концѣ концовъ возьметъ верхъ. Глубоко прискорбно было, что крайне несвоевременное воскрешеніе старыхъ предразсудковъ совпало какъ разъ съ послѣдними, столь горестными для армянъ, годами, когда не только чувство элементарной справедливости, но и простой житейскій тактъ, казалось, должны были воздержать отъ ожесточенной племенной травли...

Въ небольшомъ, но потрясающемъ **II отдѣлѣ** помѣщены нѣсколько страницъ изъ необъятнаго мартиролога горемычныхъ Турецкихъ армянъ за послѣдніе три года—

Мало словъ, но горя рѣченька,
Горя рѣченька бездонная.

Ознакомившійся съ этимъ неисчерпаемымъ горемъ многострадальныхъ армянъ не можетъ не почувствовать хоть капли жалости къ ихъ неимовѣрно бѣдственному положенію.

1) См. I отд. стр. 662—664, а также статью Сазонова въ №№ 8 и 9 *Русской Мысли* за 1896 г.

2) См. стр. XXV.

3) О нихъ см. ниже стр. XX.

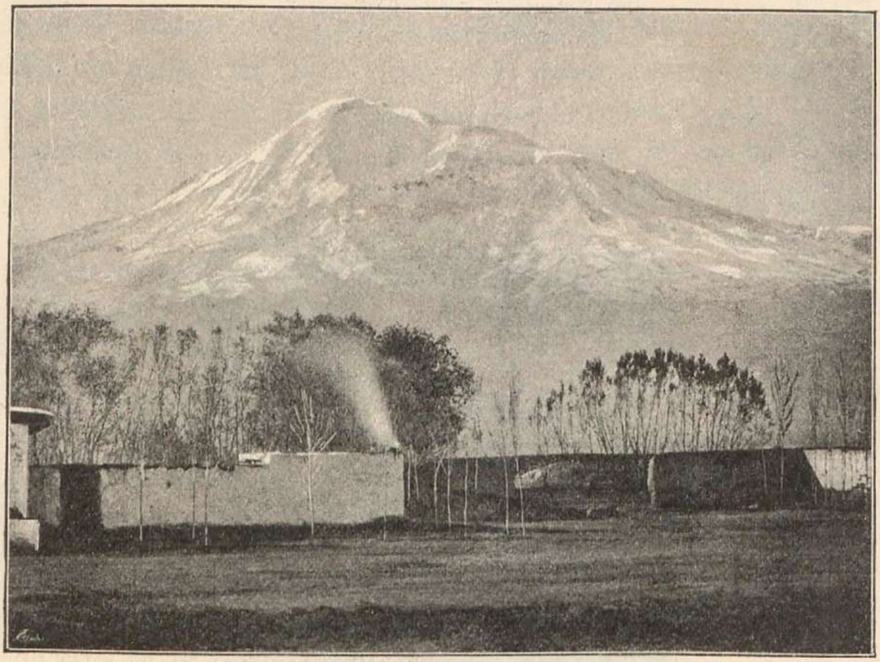
Нужды и горя вездѣ много. Безспорно! Но злополучные турецкіе армяне, надъ которыми разразился ураганъ неслыханныхъ бѣдствій, которые отъ собственнаго правительства претерпѣли ужасы, — подобныхъ коимъ, какъ говоритъ академикъ Лероа-Болье, еще не видало праведное солнце,—такіе глубоко несчастные страдальцы вправѣ разсчитывать на особое состраданіе отзывчивыхъ, добрыхъ людей. Ихъ ужасное положеніе невольно напоминаетъ —

Что въ жизни цѣль есть, цѣль святая:
Помочь слабѣйшему въ пути...
Кто съ болью личнаго несчастья
Не можетъ ближняго любить,
Въ комъ нѣтъ горячаго участья,
Тому... тому не стоитъ жить!

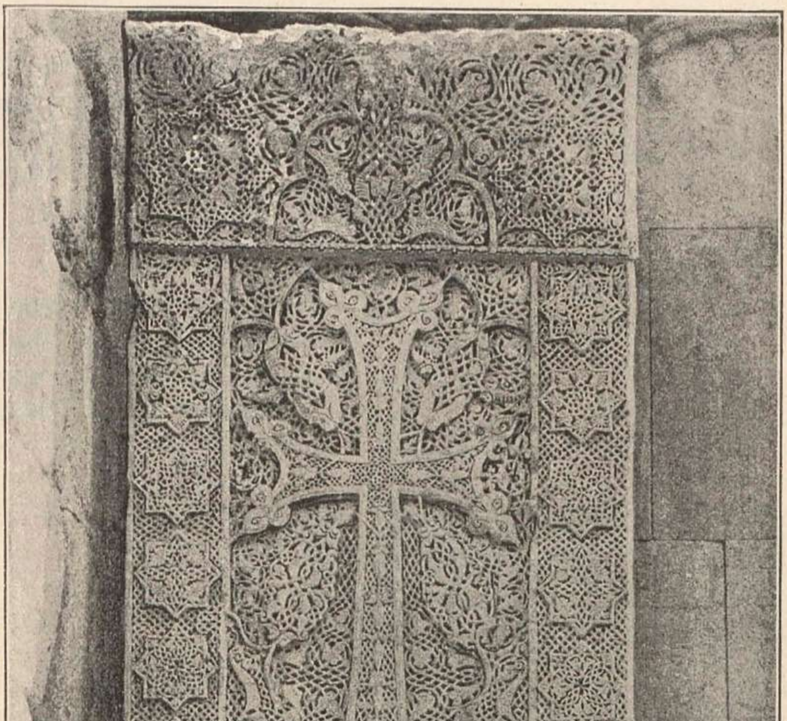
Г. Д.

Армяне-жнецы.

Б. Араратъ.

Надгробный крестъ-камень (X в.).

Введеніе.

Гласъ стенаній, муки сердца,
Вопль души и воздыханья—
Лишь къ Тебѣ я возсылаю,
О, всевидящій Создатель!

Св. Григорій Нарекскій (X в.).

Гдѣ же мукамъ предѣлъ? и куда мы идемъ
Черезъ тьму этой ночи глубокой?
Боже, скоро-ли день? Скоро-ль свѣтъ обрѣтемъ,
Призываемый нами съ востока?

Жемчужниковъ.

Армянинъ на молитвѣ.

В. Суреньянцъ.

Еванг. отъ Матѳея 11, 28.

Изъ Апокалипсиса.

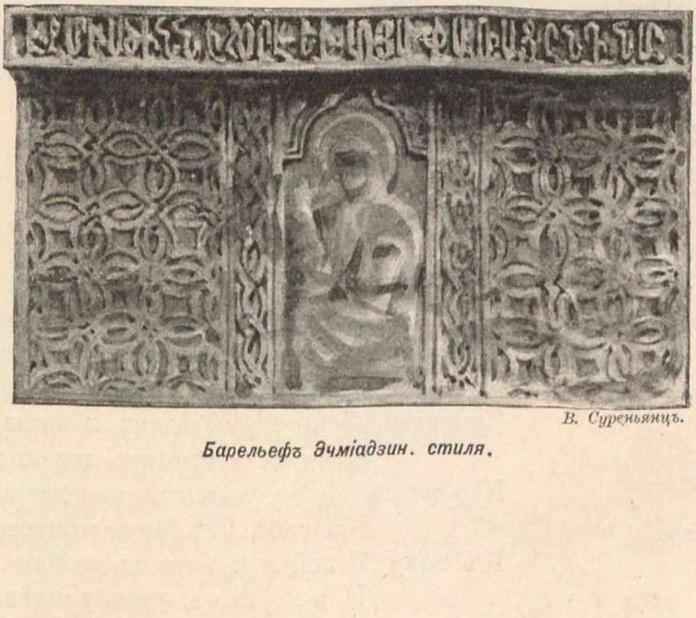
> ...Сѐ стою̀ при две́рехъ и толкꙋ: аще кто оу҆слы́шитъ гла́съ мой, и ѿве́рзетъ две́ри, вни́дꙋ къ немꙋ̀, и вечеря́ю съ ни́мъ, и то́й со мно́ю. III, 20.

Стучася, у двери твоей Я стою:
Впусти Меня въ келью свою!
Я немощенъ, нагъ, утомленъ и убогъ,
И труденъ Мой путь, и далекъ.
Скитаюсь Я по міру бѣденъ и нищъ,
Стучуся у многихъ жилищъ:
Кто гласъ Мой услышитъ, кто дверь отопретъ,
Къ себѣ кто Меня призоветъ, —
Къ тому Я войду и того возлюблю
И вечерю съ нимъ раздѣлю.

Ты слабъ, изнемогъ ты въ трудѣ и борьбѣ,—
Я силы прибавлю тебѣ;
Ты плачешь—послѣднія слезы съ очей
Сотру Я рукою Моей.
И буду въ печали тебя утѣшать,
И сяду съ тобой вечерять...
Стучася, у двери твоей Я стою,
Впусти меня въ келью свою!

Усть-Нарова.
Августъ 1883.

К. Р.

В. Суреньянцъ.

Барельефъ Эчміадзин. стиля.

Братья-армяне.

„Христосъ средь насъ“! поютъ во храмѣ.
Но грустно мнѣ. Душа молчитъ...
И этотъ гимнъ предъ алтарями
Такъ оскорбительно звучитъ.
Когда-бъ Онъ былъ средь насъ и видѣлъ,
Чего достигъ нашъ славный вѣкъ,
Какъ брата братъ возненавидѣлъ,
Какъ опозоренъ человѣкъ,—
И если-бъ здѣсь, въ блестящемъ храмѣ,
„Христосъ средь насъ!“ Онъ услыхалъ,
Какими-бъ *жгучими* слезами
Передъ толпой Онъ зарыдалъ...

Мережковскій.

I.

Неизъяснимой жалостью, мучительной, надрывающей душу болью сжалось бы сердце Спасителя при видѣ невысказанныхъ, неисчислимыхъ, невыносимыхъ, чудовищныхъ страданій, которыя вынесли, еще выносятъ и – о, ужасъ!—могутъ еще вынести наши бѣдные, слабые, беззащитные братья, *современные мученики христіанства*, армяне.

Кровавыми слезами заплакалъ бы Богочеловѣкъ и вторично готовъ былъ бы пріять смерть, чтобы спасти несчастныхъ отъ дальнѣйшихъ мукъ,—какъ сдѣлалъ бы это всякій изъ насъ, кто, вмѣстѣ со мною, прочелъ бы армянскій мартирологъ, сжигающій душу огнемъ *стыда, негодованія и печали*...

У меня есть сестра. Найдя у меня на столѣ брошюру и книгу объ армянахъ, которую я озаглавилъ бы: „Книга Крови и Слезъ“, она, безъ моего вѣдома, прочла первыя 20 страницъ... Съ широко раскрытыми глазами, почти въ столбнякѣ, съ нервами лица какъ бы сконцентрированными, охваченными чувствомъ ужаса, какъ судорогой, сестра пришла ко мнѣ и едва вымолвила:

— Неужели это правда?... и, *закрывъ лицо руками*, поникла головой...

Я вскочилъ со стула. Еще раньше я мелькомъ прочелъ нѣсколько страницъ въ серединѣ книги, почувствовалъ, что мнѣ *заледенило кровь* и отложилъ чтеніе до другого раза. Я боялся за свои нервы... Теперь мнѣ стало жаль сестру, я хотѣлъ прогнать напрасный и безсильный ужасъ, наполнившій ея душу. Я разразился филиппикой противъ армянскихъ агитаторовъ, обвинилъ ихъ въ подкупности, въ работѣ «на руку» Англіи, въ извращеніи фактовъ, назвалъ всѣхъ армянъ революціонерами,—только для обрисовки ангельскихъ качествъ султана Абдулъ-Гамида у меня не нашлось подходящихъ словъ... Сестра ушла успокоенною...

... *Теперь я вѣрю всему*,—хотя, видитъ Богъ, я былъ бы радъ не вѣрить... хотя отъ этой вѣры мнѣ больно, горько и позорно, хотя, желая оправдать свои *прежніе* взгляды, я вчитывался въ каждую строчку, напрягалъ всѣ силы своихъ критическихъ способностей, ломалъ голову, чтобы отыскать англійскую интригу, армянскую недобросовѣстность, чтобы почувствовать фальшь, преувеличеніе, передержку. Мои усилія оказались тщетными: строчки книги, чистыя, какъ кристаллъ, проходили рядъ за рядомъ передъ моими глазами, западали мнѣ въ душу — леденили, давили сердце.

Если-бъ я былъ великимъ виртуозомъ-піанистомъ, я бы властной музыкой сковалъ, подчинилъ своей волѣ всю русскую публику и, держа ее, рабски послушную, въ высшемъ напряженіи, я бы чудовищными, жестокими, невыносимо тягостными, какъ кошмаръ, звуками измучилъ разстроилъ, истомилъ слушателей до того, чтобъ

...змѣинаго цвѣта отливы
Волновали и мучили совѣсть,

пока слушатели, съ широко раскрытыми отъ страданія и ужаса глазами, не схватились бы съ крикомъ обѣими руками за сердце... Если бы я былъ великимъ трагикомъ, я бы вышелъ къ рампѣ и, сосредоточивъ на себѣ вниманіе всѣхъ зрителей, перегнувшись къ нимъ, я шопотомъ, раздающимся по всей залѣ и западающимъ въ душу, произнесъ бы фразу, слово, звукъ... но *такъ*, чтобы ударить прямо въ сердца, уязвить ихъ, изранить до крови и на вѣки, чтобы пробудить къ страшной дѣйствительности сознаніе русской публики, чтобы пріобщить ее мучительною болью къ страданіямъ братьевъ-армянъ...

II.

„Читатель, вашъ голосъ и ваша помощь необходимы. Тотъ вѣренъ Богу, кто вѣренъ человѣку, и тѣ—самые презрѣнные рабы, кто любитъ справедливость только для себя, а не для всего человѣчества“, говоритъ

американецъ Lowell въ предисловіи къ одной изъ статей книги (стр. 226) [1]). Русскій читатель, повторю я, вашъ голосъ необходимъ, потому что всѣ наши голоса составятъ общественное мнѣніе, голосъ Россіи, который не долженъ быть лживымъ. Ваше содѣйствіе нужно не только для матеріальной помощи армянамъ, но и для направленія общественнаго мнѣнія Россіи на правую стезю съ его ложнаго пути. Въ этомъ отношеніи въ нашемъ отечествѣ много грѣшниковъ, *„изъ нихъ же первый есмь азъ“!*

„Вы дерзайте публично выступать съ порицаніемъ общественнаго мнѣнія, такъ безошибочно понявшаго и оцѣнившаго армянскую смуту“, заявлялъ мнѣ какой-то анонимный авторъ, въ безграмотномъ посланіи. Когда общественное мнѣніе ограничивается чутьемъ, оно всегда направляется темными личностями; только ставъ на твердую почву *фактовъ*, можетъ оно претендовать на мѣсто въ общественномъ сознаніи и сдѣлаться осмысленнымъ. Съ этой цѣлью я рекомендую всякому, кто считаетъ себя въ правѣ руководить общественнымъ мнѣніемъ и тому, кто хочетъ самъ составить себѣ мнѣніе, прочесть упомянутую выше книгу, а также брошюру со статьей Диллона [2]). *«Всякій, кто самъ познакомится съ фактами, убѣдится, что силъ человѣческаго языка едва хватитъ для описанія того, что дѣйствительно творилось и творится, и что преувеличеніе, даже если бы мы были склонны къ нему, оказалось бы свыше нашихъ силъ. Я выражаю надежду, что каждый изъ васъ употребитъ стараніе, чтобы по мѣрѣ возможности ознакомиться съ фактическимъ положеніемъ дѣлъ»*, — вотъ, слова Гладстона, которыя должны относиться и къ русскимъ людямъ [3]). Узнайте факты, хотя бы за тѣмъ, чтобы ихъ опровергнуть, — хотя это будетъ свыше вашихъ силъ.

Если человѣчность и справедливость вамъ не дороги, прочтите, какимъ несмываемымъ позоромъ покрываетъ ирландецъ Диллонъ своихъ соотечественниковъ-англичанъ.

Если вы думаете, что въ интересахъ Россіи—политика laisser faire въ армянскихъ дѣлахъ, прочтите статью Диллона и узнайте, что истребленіе армянъ направлено *исключительно противъ Россіи*, дипломаты и публицисты которой съ непонятнымъ ослѣпленіемъ только затягивали до сихъ поръ петлю, уготованную намъ Турціей.

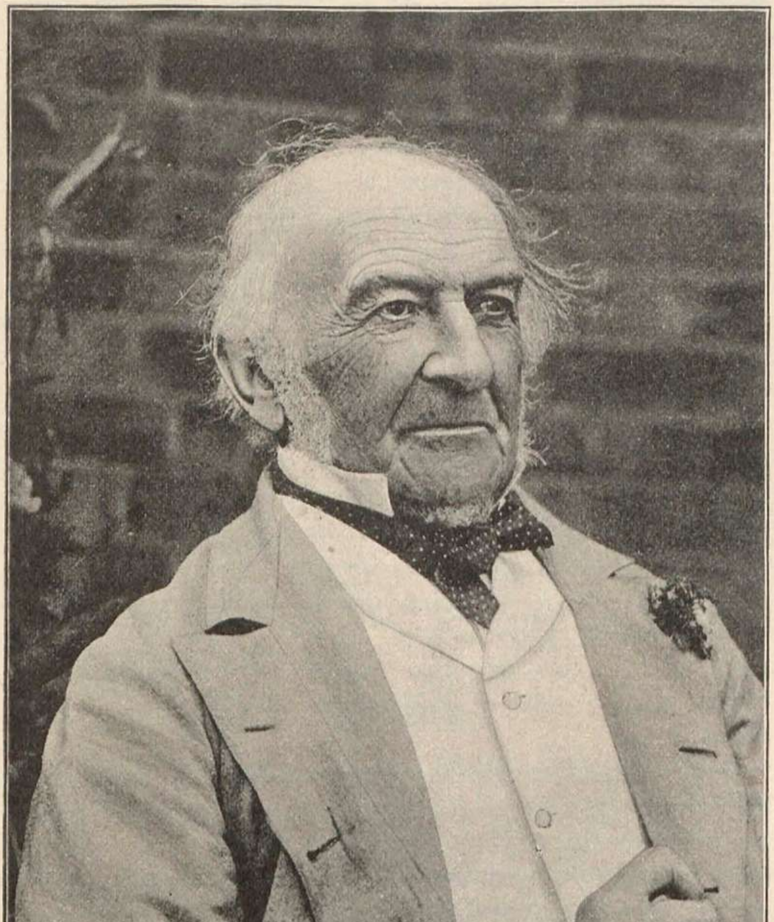
«А англичане?» скажете вы.—«Развѣ не они хотѣли создать у насъ подъ бокомъ очагъ революціонной пропаганды?» —*Англичане*, отвѣтитъ вамъ Диллонъ только *старались предупредить русскихъ*: они воспользовались въ своихъ цѣляхъ горючимъ матеріаломъ изъ армянъ, сложен-

[1]) *Положеніе армянъ въ Турціи до вмѣшательства державъ въ 1895 году*, съ предисловіемъ Гр. Л. А. Камаровскаго (цѣна 1 р).

[2]) „Положеніе дѣлъ въ турецкой Арменіи и турецкія звѣрства въ Сасунѣ“ соч. Э. Диллона и Грина (ц. 25 коп.); статья г. Диллона перепечатана ниже въ II отдѣлѣ.

[3]) XVIII стр. книги.

ныхъ въ костры, облитыхъ керосиномъ и сожженныхъ турками [1]), чтобы, заступившись за армянъ, которыхъ сами же предали во власть магометанамъ уничтоженіемъ Санъ-Стефанскаго договора, заслужить ихъ благодарность и тѣмъ убить двухъ зайцевъ: и сохранить ореолъ

Гладстонъ.

человѣколюбія, и хорошо устроить свои дѣла, сдержавъ наше поступательное движеніе на югъ. Взявшись за святое дѣло помощи нечистыми

1) Сасунская рѣзня въ 1894 году, изслѣдованная европейской комиссіей изъ русскаго, французскаго и англійскаго делегатовъ. (См. II отдѣлъ).

руками и съ нечистыми цѣлями, англичане только обрекли армянъ на горшую бѣду и замарали въ глазахъ Европы чистое дѣло этой націи, ждавшее и—горе намъ, жгучее горе!—не дождавшееся христіанскаго милосердія и отклика со стороны современныхъ цивилизованныхъ народовъ.

Я не оправдываю и не обвиняю дипломатовъ; я вижу, что мѣшало намъ дѣйствовать, и знаю, что *каждое наше человѣчное движеніе было бы учтено Англіею въ свою пользу и къ нашему вящему вреду.* Но это не избавляетъ Европу — и насъ въ томъ числѣ — отъ укора за бездѣйствіе.

Дѣйствовать могла и теперь въ состояніи фактически защитить армянъ только Россія, *но Европа связала ее по рукамъ въ 1878 году и не гарантировала ей въ настоящемъ случаѣ безвредности для русскихъ интересовъ великодушнаго порыва съ нашей стороны.*

Однако, теперь, когда Англія должна была смириться, когда отношенія всѣхъ державъ къ восточному вопросу выяснились, а главное, когда совѣсть народовъ подъ тяжестью позора, пробудилась, теперь и намъ, русскимъ, нужно отдѣлить въ своемъ представленіи *святое* армянское дѣло отъ нечистыхъ рукъ Англіи, нужно откликнуться на этотъ вопль о помощи, нужно принять подъ свою защиту измученныхъ братьевъ-христіанъ...

Русь святая, православная, развѣ изсякли въ тебѣ силы любви?

III

Предпринимая систематическое, организованное, массовое избіеніе армянъ въ своей имперіи, съ цѣлью разрѣдить христіанское населеніе, турки съ ихъ точки зрѣнія, такъ сказать, укрѣпляли свои границы по сосѣдству съ Россіей противъ нашего движенія на югъ. Имѣй они финансовыя средства, они возводили бы укрѣпленія, создали бы пояса крѣпостей, довели бы вооруженіе войскъ до совершенства и сконцентрировали бы ихъ на своихъ границахъ, держа христіанъ своей имперіи въ почтеніи къ мусульманамъ. Но у турокъ денегъ нѣтъ, и они пускаютъ въ ходъ свои мѣры, чтобы остаться господами положенія.

Диллонъ говоритъ: «Въ 1891 году Блистательная Порта, опасаясь серьезныхъ затрудненій для себя отъ обѣщаннаго введенія реформъ въ Арменіи и возможной во время войны враждебности христіанъ, живущихъ въ провинціяхъ пограничныхъ съ Россіей, организовала, такъ-называемую, кавалерію гамидіэ, составленную исключительно изъ курдовъ. Планъ предложенный нѣкоторыми высшими сановниками имперіи, заключался

въ томъ, чтобы вытѣснить армянъ изъ пограничныхъ земель, какъ напр., Алашкертъ, и замѣнить ихъ магометанами, чтобы число ихъ во всѣхъ пяти провинціяхъ было сокращено до такихъ размѣровъ, при которыхъ *исчезла бы надобность въ специальныхъ реформахъ для армянскаго населенія* и чтобы въ случаѣ войны курды дѣйствовали какъ противовѣсъ казакамъ. Эта открытая политика истребленія была точно осуществлена, и она, безъ сомнѣнія, приведетъ къ окончательному разрѣшенію армянскаго вопроса; но это разрѣшеніе будетъ позоромъ для христіанства и презрительной насмѣшкой надъ цивилизаціей. Курды, записанные въ войска, были оставлены въ своихъ родныхъ мѣстахъ, освобождены отъ службы, снабжены оружіемъ, облечены неприкосновенностью посланниковъ и обезпечены жалованьемъ, которое уплачивалось съ регулярностью, характеризующею Блистательную Порту. И они исполнили свою миссію съ щепетильной точностью: грабили богатыхъ армянъ, разрушали дома, жгли хлѣбъ и кормъ, уничтожали деревни, рѣзали скотъ, уводили молодыхъ дѣвушекъ, позорили замужнихъ женщинъ, истребляли цѣлыя поселенія и убивали всѣхъ, кто былъ настолько мужественъ или безразсуденъ, что пытался оказать противодѣйствіе. Власти не только ожидали такихъ дѣйствій со стороны курдовъ, но содѣйствовали и помогали разбойникамъ, побуждали и вознаграждали ихъ, а жалующихся армянъ не только не слушали, но заключали въ грязныя тюрьмы, мучили, и оскорбляли самымъ ужаснымъ образомъ. Теперь доказано, что сасунская рѣзня, поголовное трехдневное избіеніе армянъ курдами и регулярными войсками съ пушками, когда погибло 10,000 человѣкъ, когда согнанные, какъ стадо барановъ, въ кучу, оцѣпленные со всѣхъ сторонъ, беззащитные, безоружные люди прокалывались штыками, когда раненые сжигались облитые керосиномъ и закапывались живьемъ въ землю, когда женщинъ насиловали и вспарывали имъ, беременнымъ, животы, а дѣтей насаживали на штыки, разрѣзали пополамъ, ставили въ рядъ и однимъ выстрѣломъ клали наповалъ десятками, когда христіане отъ ужаса сходили съ ума, все это взывающее къ небу для отмщенія дѣло,—*въ сущности капля въ океанѣ армянскихъ страданій*,—все это дѣло было исполненіемъ *сознательнаго* плана представителей Блистательной Порты, было заботливо подготовлено и безпощадно выполнено въ день восшествія султана на престолъ, послѣ прочтенія фирмана объ истребленіи. При такихъ обстоятельствахъ странно жаловаться и дѣлать Портѣ представленія о необезпеченности жизни и имущества въ Арменіи, такъ какъ это и есть *цѣль*, къ которой стремятся турки“.

Истребленіе армянъ направлено, между прочимъ, противъ Россіи. Изъ сотенъ примѣровъ, приводимыхъ авторомъ брошюры, видно, что турки прилагаютъ всѣ усилія изгнать изъ имперіи армянъ, особенно изъ пограничныхъ съ Россіей областей, но предварительно ограбивъ ихъ дочиста. Вотъ какъ приводится этотъ планъ въ осуществленіе, по словамъ Диллона:

«Планъ истребленія, очевидно, дѣйствуетъ регулярно и хорошо. Христіанское населеніе истребляется, деревни переходятъ въ другія руки почти такъ же быстро, какъ мѣняются декораціи въ оперѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ исходъ въ Россію и погребальное шествіе на кладбище возрастаютъ. Здѣсь не мѣсто давать списокъ деревень, перешедшихъ въ магометанство, но одинъ типическій примѣръ поможетъ составить представленіе о томъ процессѣ, который теперь совершается. Въ провинціи Алашкердъ, *граничащей съ Россіей*, существуетъ пять деревень на востокъ отъ Каракилисе, именно: Кедръ (или Кэтеръ), Мангосаръ, Джаджанъ, Зиро и Кубкеранъ. Эйубъ-паша послалъ своихъ сыновей, чтобы занять эти деревни. Они—курды изъ племени Залаили, и всѣ состоятъ офицерами гамидіэ. Генералъ Эйубъ имѣетъ трехъ сыновей—Ресго-бея, Канидъ-бея и Юсуфъ-бея, и эти доблестные офицеры со своими солдатами выступили прошлою весной и заняли названныя деревни. Тамъ было въ то время около 400 армянскихъ домовъ, т.-е. приблизительно около 3,000 жителей христіанъ. Теперь въ этой мѣстности не осталось *ни одного*. Только одинъ изъ прежнихъ жителей по имени Аведисъ-Аса остался въ странѣ, но и онъ живетъ въ другой деревнѣ, Юнджану. Онъ былъ богатымъ человѣкомъ, когда явились курды; теперь онъ нищій. Армяне были совершенно изгнаны въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ при помощи такихъ мѣръ, которыя должны быть отнесены къ категоріи сильно дѣйствующихъ средствъ. Вотъ примѣръ: однажды курды встрѣтили Маркара, сына Гуго, везшаго съ поля домой свой хлѣбъ. Они потребовали, чтобы онъ далъ имъ свою арбу, но онъ отвѣчалъ, что онъ теперь занятъ, какъ они сами видятъ это, но позднѣе можетъ исполнить ихъ желаніе. Они убили его на мѣстѣ за непослушаніе и бросили его тѣло на повозку. Тридцать поселянъ отправились со своими дѣтьми въ Каракилисе, чтобы жаловаться каймакаму. Послѣдній заставилъ ихъ прождать на открытомъ воздухѣ одиннадцать дней; затѣмъ, выслушавъ ихъ, сказалъ имъ, *чтобы они отправлялись въ Россію*.

«Въ Битлисскомъ вилайетѣ (Буланикская каза и Мушскій санджакъ) находится деревня по имени Хачъ, что значитъ въ переводѣ—Деревня Креста. Теперь это—деревня полумѣсяца. Средства, при помощи которыхъ была произведена эта внезапная перемѣна, были тѣ же, какія описаны выше. Магометъ Эминъ привелъ шайку курдовъ (изъ племенъ Джидракли и Каспакли) и занялъ деревню, т.-е. взялъ ее штурмомъ и, по ихъ собственному живописному выраженію «сѣлъ въ ней». Къ счастью, она расположена всего въ разстояніи пяти миль отъ мѣстожительства турецкаго вице-губернатора; но къ несчастью для населенія, онъ отказался двинуть пальцемъ, и всѣ жители были изгнаны, какъ бараны.

«Послѣ этого побѣдители принялись грабить сосѣднія деревни и въ особенности Пиранъ, расположенный на разстояніи одной мили. Эти деревни также перешли бы къ магометанамъ, если бы у одного

изъ деревенскихъ старшинъ не явилась счастливая идея--предложить одному курду поселиться со своими людьми въ Пиранѣ; онъ получилъ *двадцать пахатныхъ полей, 10 луговъ* и большой двухъ-этажный домъ, который былъ выстроенъ спеціально для него архитекторомъ изъ Битлиса; за это этотъ курдъ взялся защищать армянъ отъ Магомета Эмина и его веселыхъ молодцовъ.

«Когда я уѣзжалъ изъ Арменіи, триста шесть наиболѣе видныхъ представителей населенія Кнусскаго округа подали мнѣ за своею подписью петицію, которую они просили передать «гуманному и благородному народу Англіи.» Въ этомъ документѣ они справедливо говорятъ: *«Мы торжественно увѣряемъ васъ, что рѣзня, бывшая въ Сасунѣ, составляетъ только каплю въ томъ океанѣ армянской крови, которая постепенно и безмолвно проливается во всей имперіи послѣ русско-турецкой войны. Годъ за годомъ, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, день за днемъ невинныхъ людей, не исключая женщинъ и дѣтей, застрѣливаютъ, закалываютъ и убиваютъ въ ихъ домахъ и на поляхъ, пытаютъ варварскими способами въ грязныхъ тюрьмахъ или обрекаютъ на гибель въ изгнаніи подъ палящимъ солнцемъ Аравіи. Въ то время, какъ разыгрывалась эта длинная и страшная трагедія, не раздалось ни одного голоса во имя милосердія и не протянулась ни одна рука, чтобы помочь намъ. Эта трагедія продолжается до сихъ поръ, но теперь она вступила уже въ свою заключительную фазу, и армянскій народъ находится при послѣднемъ издыханіи. Неужели европейское сочувствіе должно выразиться только въ формѣ креста на нашихъ могилахъ?»*.

Эти печальныя заключительныя слова оказались мрачнымъ предзнаменованіемъ... Пока Европа торговалась, не зная, какъ раздѣлить ризы Оттоманской имперіи, турки до мельчайшихъ подробностей выполнили свой планъ: христіанскія души отлетѣли въ мукахъ! Вотъ что писали американцу Грину 11 января 1895 года (т. е. задолго до серіи убійствъ лѣтомъ и осенью 1895 года):

«Теперь, когда пришли извѣстія изъ Муша, тайна цѣлаго ряда кордоновъ между здѣшнею мѣстностью и Харпутомъ (Harpoot) объяснилась. Существуетъ серьезное основаніе предполагать, что мѣстныя власти задумали всеобщее избіеніе или рядъ избіеній христіанскаго населенія. Мало вѣроятія, чтобъ опредѣленное приказаніе въ этомъ смыслѣ было дано изъ столицы, но цѣлый рядъ недавнихъ событій показываетъ, что нескончаемыя преслѣдованія и угнетеніе христіанъ и вообще способы, къ которымъ прибѣгали раньше, чтобы сокрушить христіанское населеніе, признаны теперь недостаточными. Всюду власти обнаруживаютъ теперь дѣятельность, бдительность и энергію въ своемъ стремленіи окружить христіанъ и уничтожить ихъ имя и существованіе. Это указываетъ на возникновеніе новаго плана, который предполагается привести въ исполненіе въ возможно скоромъ времени».

IV.

Диллонъ говоритъ, что «избіеніе — небесная милость въ сравненіи съ адскими *повседневными* дѣяніями турокъ, смерть отъ руки курда въ тысячу разъ легче тѣхъ мукъ, которымъ подвергаются армяне отъ руки турецкаго правительства и въ мрачныхъ тюрьмахъ съ чудовищной системой разнообразныхъ пытокъ».

Говорятъ, что турецкое правительство вынуждено прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, потому что власть его слаба. Диллонъ со словъ курдовъ и турокъ и на примѣрахъ доказываетъ, что это невѣрно, что турецкій законъ очень твердъ и сильно караетъ, если турокъ или курдъ провинится противъ турка. Но для христіанъ закона нѣтъ, — «райя» безправна: жалобщиковъ-армянъ, у которыхъ убили дѣтей, изнасиловали дочерей, увели женъ, турецкіе администраторы бьютъ плетьми, сажаютъ сгнивать въ тюрьмахъ или прямо гонятъ, какъ собакъ.

Нельзя не подписаться подъ словами профессора графа Л. Камаровскаго:

„Фактъ существованія Турціи — *позоръ для христіанскихъ народовъ и*, если бы они рѣшились, какъ слѣдуетъ, сговориться между собой, ставъ на почву нравственности, права и человѣколюбія, они смогли бы быстро, безъ особыхъ потрясеній, положить конецъ этой державѣ, являющей изъ себя среди нихъ одинъ анахронизмъ и вопіющую общественную неправду“.

Реформы для армянскихъ вилайетовъ, съ представительствомъ христіанъ наравнѣ съ турками, мнѣ кажутся вышедшимъ изъ министерскихъ канцелярій полнѣйшимъ *nonsens*, какъ съ турецкой, такъ и съ нашей точки зрѣнія здраваго смысла. Христіанская «райя», свидѣтельство которой не принимается, которая — внѣ законовъ не только человѣческихъ, но и природныхъ, потому что, безоружная, она даже не смѣетъ защищаться, когда ее убиваютъ,—эта презрѣнная безправная «райя» будетъ засѣдать рядомъ съ туркомъ и дѣлить съ нимъ власть!!..

Говорятъ, надо вѣрить въ успѣхъ реформъ: онѣ выработаны въ соединенныхъ канцеляріяхъ разныхъ странъ. Готовъ *вѣрить!*

Credo, qua absurdum [1])...

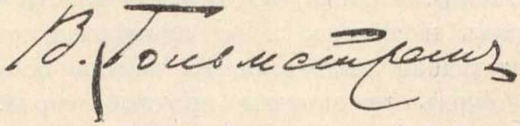
Но разумъ говоритъ мнѣ, что все это только увеличитъ горючій матеріалъ. При такомъ взглядѣ на дѣло, я прося русское общество откинуть навязанное ему и въ сильной мѣрѣ совершенно превратное мнѣніе объ армянскомъ вопросѣ (во всей его цѣлокупности), граничащее съ *безотчетнымъ суевѣріемъ*, и, ознакомившись съ фактами, — *на*

[1]) См. II отд. статью гр. Л. А. Камаровскаго. *Ред.*

нихъ, а не на чутьѣ, обосновать окончательно свое мнѣніе; считаю нужнымъ добавить, что русское сочувствіе измученнымъ армянамъ должно быть въ христіанскомъ смыслѣ *активно*. Имъ, израненнымъ, ограбленнымъ, избитымъ, съ сожженнымъ хлѣбомъ и жилищами, имъ, нашимъ братьямъ-армянамъ, умирающимъ съ голоду, нужна теперь прежде всего заботливая помощь, матеріальная поддержка!

Нельзя утѣшать себя мыслью, что все спокойно въ Малой Азіи.

Этотъ покой заглушаетъ много стоновъ и мученій: сколько въ немъ таится смерти, сколько онъ похоронилъ въ себѣ ужасовъ!!.

В. А. Гольмстремъ.

Письма въ редакцію С.-Петерб. Вѣд.

I.

Письмо о. І. Кронштадтскаго.

Начитавшись въ газетныхъ извѣстіяхъ о страшныхъ бѣдствіяхъ, постигшихъ армянскій народъ и о крайней нуждѣ армянъ, оставшихся въ живыхъ послѣ разгрома, я, изъ горячаго сочувствія къ ихъ бѣдствію и ради посильной имъ матеріальной помощи, жертвую 200 рублей, въ примѣръ и поощреніе моихъ соотечественниковъ, чтобы и они отозвались сочувственно къ своимъ братіямъ по вѣрѣ—христіанамъ. Прошу васъ, князь, оповѣстить объ этомъ въ вашей газетѣ ради добраго дѣла.

Кронштадтскій протоіерей
Іоаннъ Сергіевъ.

II.

Письмо архимандрита Мурадяна.

Въ передовой статьѣ „Новаго Времени“ отъ 2-го января 1897 г. авторъ статьи, между прочимъ, говоря про армянъ, пишетъ слѣдующее:

„Армянскій народъ, главнымъ образомъ, земледѣльцы, будучи миролюбивыми христіанами, въ достаточной степени доказали свое тяготѣніе къ Россіи,—какъ тѣ, что съ давнихъ поръ находятся въ русскомъ подданствѣ, такъ и тѣ, которые до сихъ поръ находятся и томятся подъ турецкимъ владычествомъ. Но зародившіяся въ недавнемъ сравнительно прошломъ и на интернаціональной почвѣ несбыточныя мечтанія о великой и независимой Арменіи могутъ вліять на болѣе крайніе кружки армянъ и развивать въ нихъ вредный въ государственномъ смыслѣ сепаратизмъ, котораго среди грузинъ не существуетъ. Армяне сами должны отказаться отъ обособленности, которая въ концѣ-концовъ ничего кромѣ вреда имъ не принесетъ, тѣмъ болѣе, что эта обособ-

ленность въ значительной мѣрѣ поощрялась изъ Лондона во время недавнихъ безпорядковъ въ Малой Азіи".

Въ отвѣтъ на упомянутую статью могу смѣло удостовѣрить, что тяготѣніе армянъ къ Россіи всегда и вездѣ было безграничнымъ и останется такимъ же, пока мозги армянъ способны работать нормально, чисто армянскимъ духомъ и сердцемъ. Что армяне миролюбивы, доказала вѣковая исторія и то обстоятельство, что они безропотно жили подъ игомъ такого правительства, какимъ является Турція въ отношеніи къ христіанамъ со дня своего существованія. Къ несчастію, армянъ стали обвинять въ сепаратизмѣ, исключительно по пущеннымъ слухамъ и доносамъ такихъ лицъ, для которыхъ нѣтъ на свѣтѣ ничего святого, которыя изъ-за личныхъ интересовъ строчили доносы о томъ, будто армяне замышляютъ въ предѣлахъ русскаго—нашего общаго государства, избіеніе турокъ и цѣлое возстаніе. Чего только не было сдѣлано, благодаря этимъ доносамъ?! Я лично знаю городъ, откуда *турецкій консулъ три раза доносилъ* въ упомянутомъ духѣ, зная хорошо, что этимъ можетъ вызвать извѣстное настроеніе противъ армянъ, что и было необходимо для турецкихъ интересовъ. Да! многіе стремились такимъ путемъ достичь недоброй цѣли и это обстоятельство наполняло сердца наши горечью и удивленіемъ.

Армяне — народъ признательный, и всегда съ распростертыми объятіями встрѣчали русскихъ побѣдоносныхъ солдатъ, видя въ нихъ своихъ спасителей. То же самое будетъ и въ будущемъ. Мы же просимъ лишь объ одномъ: когда раздается послѣдній вздохъ умирающаго армянина подъ ударами полудикаго курда, баши-бузука или турецкаго солдата, когда армянская колыбель орошается кровью невиннаго ребенка, когда оскверняется древнѣйшій алтарь возлюбленной церкви нашей, когда обезчещиваются армянскія дѣвушки и женщины, когда разгромляется и сжигается мирная хижина несчастныхъ братьевъ нашихъ, когда со всѣхъ концовъ свѣта раздаются голоса ужаса и отвращенія при видѣ упомянутыхъ звѣрствъ и когда и изъ нашихъ сердецъ вырывается стонъ и ручьями льются слезы,— не думайте, что это послѣдствіе сепаратическихъ идей... Когда лишенные родного крова, близкихъ и имущества, полунагіе, голодные и измученные братья наши ищутъ у насъ пріюта, и сердце наше наполняется жалостью къ себѣ подобнымъ и ненавистью къ вѣковому врагу восточныхъ христіанъ, когда слышатся плачъ и рыданія собрата, лишеннаго возможности придти на помощь умирающимъ (подъ звѣрскими пытками адской власти) братьямъ и сестрамъ и этимъ выполнить человѣческій долгъ,— не думайте, что это—плодъ антиправительственнаго направленія. Вѣдь сыны девятнадцатаго вѣка, не будучи въ состояніи хладнокровно видѣть грубое обращеніе съ животнымъ, основали же общества покровительства животныхъ! Неужели же мы, разумныя человѣческія существа, воспитываясь подъ всемогущимъ крыломъ Россіи, въ состояніи выносить *молча и безропотно* ужасное положеніе, переживаемое нашими братьями

и сестрами въ Турціи? Армяне, находящіеся подъ турецкимъ владычествомъ,—даже неграмотные крестьяне, никогда не теряли надежды, что великая освободительница восточныхъ христіанъ придетъ и имъ на помощь, что и ихъ участь она тоже облегчитъ, что они тоже будутъ жить свободно и безопасно, какъ и мы: съ особымъ увлеченіемъ распространяли и распространяютъ армяне портреты своихъ спасителей до самой Месопотаміи...

Да! господа читатели, надѣюсь, вы простите, когда слышится изъ нашихъ сердецъ глубокій *стонъ*, когда невольно льются *слезы* ручьемъ изъ глазъ нашихъ, а иногда и слышится *скрежетъ зубовъ* противъ общечеловѣческаго врага, и вспомните, что въ груди нашей, къ несчастью нашему, вложена такая же душа, такое же сердце, какъ и у васъ, которое, сколько ни старайся, не хочетъ и не можетъ превратиться въ камень. А насколько крѣпки вѣковыя нераздѣльныя узы, приковывающія къ нашей общей родинѣ, къ великой Россіи, мы неоднократно умѣли и сумѣемъ доказать также въ будущемъ, защищая всѣмъ нашимъ существомъ интересы общаго нашего отечества противъ враговъ, съ крестомъ въ одной рукѣ и саблей — въ другой, каковой примѣръ былъ намъ данъ возлюбленнымъ всѣмъ армянскимъ народомъ, покойнымъ патріархомъ - католикосомъ всѣхъ армянъ, Нерсесомъ V, еще въ началѣ девятнадцатаго столѣтія, когда онъ съ русскимп войсками, во главѣ армянъ-добровольцевъ, шелъ противъ Персіи подъ знаменемъ Великой Россіи.

Патріаршій викарій Карской области
архимандритъ Еише Мурадянъ.

Въ дополненіе редакція С.-Пб. Вѣд. можетъ сообщить свѣдѣнія, дошедшія до нея на-дняхъ, о новыхъ мусульманскихъ злодѣяніяхъ: „Изъ Муша получены въ Эчміадзинѣ достовѣрныя извѣстія съ раздирающими душу подробностями о творящихся въ данную минуту возмутительнѣйшихъ насиліяхъ надъ армянами въ областяхъ Малоазіатской Турціи. Нѣтъ помина о какихъ-либо реформахъ; гоненія продолжаются съ большею интенсивностью, но по новой безшумной системѣ. Не проходитъ дня ни въ одномъ селеніи безъ убійствъ. Сборщиками податей опредѣлены жандармы, редифы, гамидіе, безнаказанно совершающіе невообразимыя безчинства. Разрушаютъ дома для продажи за безцѣнокъ балокъ съ крышъ; забираютъ послѣдній скарбъ; уводятъ всѣхъ молодыхъ женщинъ и дѣвицъ, обращаемыхъ насильно въ исламъ. Населеніе безъ крова, одежды, терпитъ голодъ. Тюрьмы переполнены несчастными безвинными жертвами насилія. Происходятъ сцены неслыханнаго святотатства, гнуснѣйшаго кощунства. Единственнымъ спасеніемъ турками открыто объявляется обращеніе въ исламъ. Вездѣ вопли отчаянія приведеннаго на край гибели многострадальнаго народа“.

Многотруденъ нашъ путь, насъ усталость томитъ.
Гдѣ мы въ трудѣ и въ неволѣ —
Рѣки слезъ тамъ текутъ, море крови стоитъ...
Сжалься, Боже, надъ нашею долей!

—

Гдѣ же мукамъ предѣлъ? и куда мы идемъ
Черезъ тьму этой ночи глубокой?
Боже, скоро-ли день? Скоро-ль свѣтъ обрѣтемъ,
Призываемый нами съ востока?

—

Хотя много ужъ силъ жизнь у насъ отняла —
Нашихъ силъ и теперь не измѣримъ;
Хоть извѣдали мы много горя и зла —
Все надѣемся, любимъ и вѣримъ.

—

Боже, насъ не оставь и намъ помощь пошли,
Когда злая насъ гонитъ невзгода, —
Дай намъ знать, что Тебѣ слышны стоны земли,
Что Ты видишь страданье народа!

Алексѣй Жемчужниковъ.

(Снято съ натуры фотогр. Энгелемъ).

Армянская переселенческая семья на русско-турецкой границѣ.

Встрѣча съ Армянами-переселенцами[1]).

Въ только-что полученномъ № *Русск. Вѣдом.* напечатано простое, но теплое воззваніе ярославской учительницы N, которая, обращая вниманіе русскаго общества на бѣдственное положеніе бѣжавшихъ изъ Турціи армянъ, жертвуетъ изъ своихъ, само-собою разумѣется скудныхъ, средствъ 5 р. Всѣ, кому привелось въ послѣднее время посѣтить мѣстности, прилегающія къ турецкой границѣ, могли во-очію убѣдиться, какъ велика нужда и какъ необходима помощь для этихъ многочисленныхъ жертвъ безчеловѣчнаго турецкаго режима, потерявшихъ все и бѣжавшихъ изъ Турціи, чтобы спасти жизнь свою и своихъ близкихъ. Пришлось и мнѣ видѣть толпы армянъ-переселенцевъ во время недавней поѣздки своей въ Эриванскую губернію. Послѣдній разъ я видѣлъ ихъ предъ Дилижанскимъ переваломъ, недалеко отъ Гокчайскаго озера.

Я снова увидѣлъ уже знакомыя картины скитанія народа, безпомощно мятущагося, вотъ уже три года не знающаго куда преклонить голову отъ варварскихъ гоненій, поощряемыхъ равнодушіемъ Европы. Сбившись въ кучу, двигается пестрая толпа исхудалыхъ, одѣтыхъ въ лохмотья армянъ и армянокъ, робко озираясь кругомъ. Попадаются всѣ возрасты, начиная отъ груднаго младенца и кончая старцами. Голодные, оцѣпенѣлые отъ морозной ночи, проведенной подъ открытымъ небомъ, шли они молча, плохо согрѣваемые лучами яркаго, но холоднаго зимняго солнца. Въ печальныхъ взглядахъ обезсилѣвшихъ путниковъ написано было столько безъисходнаго горя, столько безропотнаго отчаянія, что самые безчувственные люди не могли бы пройти мимо равнодушно. Не слышно было ни стоновъ, ни вздоховъ и воплей, даже ни одна рука не протягивалась за подаяніемъ. Да и что̀ бы могли прибавить слова и жесты, чего и такъ не говорили съ потрясающимъ реализмомъ эти впалые, потухшіе, глубоко-печальные глаза, видѣвшіе гибель всѣхъ и всего, что̀ дорого человѣческому сердцу, эти поблѣвшія, сжатыя уста, долго, но напрасно взывавшія къ небу и людямъ о защитѣ.

Тысячами переходятъ они границу, направляясь въ Эчміадзинъ. По распоряженію каѳоликоса монастырь кормитъ до 1,000 переселенцевъ. Въ Тифлисѣ устроены безплатные обѣды; помогаютъ также единовѣрцы-поселяне. Но нужда очень велика, а средствъ нѣтъ.

Быть не можетъ, чтобы въ нашемъ обществѣ не нашлись люди, способные откликнуться на нужды этихъ жертвъ дикаго мусульманскаго изувѣрства и озвѣрѣлаго деспотизма.

Батумъ.
12-го ноября 1896 г.

[1]) Изъ письма Г. А. Джаншіева въ редакцію Русск. Вѣдом.

Армяне-переселенцы въ Россіи[1]).

Послѣ того, какъ 11 декабря 1896 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о сборѣ денегъ въ пользу бѣжавшихъ изъ Турціи армянъ-переселенцевъ, всѣ тѣ, которые имѣютъ возможность помочь этимъ несчастнымъ, вѣроятно, пожелаютъ имѣть вѣрныя свѣдѣнія объ ихъ положеніи. Какъ бы ни было велико и тяжко ихъ несчастіе, все же для разумной дѣятельности и помощи имъ необходимо близкое знакомство съ ихъ положеніемъ.

Вотъ уже два года, какъ къ намъ начался наплывъ переселенцевъ изъ турецкой Арменіи, который продолжается безостановочно, но главное переселенческое движеніе началось съ сентября мѣсяца прошлаго 1896 года, когда невыносимо тяжкое положеніе заставило чуть-ли не всѣхъ бѣжать изъ Малой Азіи. Убѣгали главнымъ образомъ мужчины, оставляя на мѣстѣ свои семейства, такъ какъ не могли надѣяться безопасно прибыть на границу, не будучи зарѣзанными курдами въ дорогѣ.

Переселенцы входили на Кавказъ четырьмя главными путями: 1) со стороны Муша и Вана, черезъ Персію, джульфинскій и шахтахшскій карантины — въ Эриванскую губернію; 2) со стороны Эрзерума, Битлиса, Хнуса, черезъ Саракамышъ — въ Карсскую область; 3) со стороны Муша и Вана, черезъ Игдыръ въ Сурмалинскій уѣздъ, Эриванской губерніи и 4) со стороны Константинополя, Трепизонта и прибрежныхъ городовъ морскимъ путемъ въ Батумъ и Черноморскій округъ. Въ Батумъ же прибыла и часть бѣжавшихъ въ Болгарію армянъ.

Понятно, что многіе изъ бѣжавшихъ изъ турецкой Арменіи не достигли даже и русской границы. Одна часть, — главнымъ образомъ женщины и дѣти, старики и больные — умерли въ дорогѣ отъ холода, голода и болѣзней; другая же — погибла отъ руки курдовъ и турокъ. Тѣ, которые перешли границу „и попали въ рай изъ ада", какъ говорятъ сами переселенцы, разбрелись въ Эриванской губерніи по деревнямъ уѣздовъ Нахичеванскаго, Эриванскаго, Сурмалинскаго, Эчміадзинскаго и Александропольскаго; въ Карсской области, главнымъ образомъ, они осѣлись въ окрестныхъ деревняхъ Карса и Кагызмана, далѣе—въ деревняхъ близкихъ къ Батуму и Черноморскому округу; изъ городовъ они поселились въ Нахичевани, Эривани, Эчміадзинѣ, Александрополѣ, Карсѣ, Тифлисѣ, Баку, Нухѣ, Елисаветполѣ, Батумѣ, Новороссійскѣ и Екатеринодарѣ.

Земледѣльцы, сельчане,—въ особенности семейные — остались въ селахъ, найдя тамъ пріютъ у армянъ-крестьянъ; жители же городовъ (ремесленники, купцы и болѣе или менѣе интеллигентные, какъ-то: учителя, священники и приказчики) направились въ Тифлисъ, Баку, Ба-

[1]) Изъ С.-Петер. Вѣдом. 1897 г.

тумъ или съ семействами, или одни, оставивъ ихъ въ селахъ. Часть же переселенцевъ направилась еще далѣе—въ Дербентъ, Кубу, Закаспійскій край, южную Россію, нѣкоторые дошли даже до Финляндіи; большая часть сконцентрировалась, однако, въ губерніяхъ Эриванской, Черноморской и въ Карсской области.

О числѣ и количествѣ переселенцевъ, находящихся въ Черноморскомъ округѣ не имѣется точныхъ и подробныхъ свѣдѣній. Извѣстно только, что цыфра переселенцевъ въ этой губерніи достигаетъ *17,000*; всѣ они большею частью служатъ чернорабочими въ прибрежныхъ городахъ и различныхъ имѣніяхъ. Въ Карсской области цыфра переселенцевъ доходитъ до *20,240*. „Послѣ цѣлаго мѣсяца путешествія, сообщаетъ въ газетѣ „Мшакъ" [1]) карсскій епархіальный викарій, возвратился я изъ деревень Бассена (Карсской области) и этимъ письмомъ спѣшу оповѣстить о цыфрѣ переселенцевъ въ десяти армянскихъ деревняхъ Бассена. Въ деревнѣ Стачакъ нашли пріютъ 53 переселенческихъ семейства, въ Батдюхѣ—35, въ Армутѣ—42, въ Голагли—24, въ Чюрикѣ -21, въ Каракульгарѣ—22, въ Гюлантанѣ—29, въ Шатеванѣ—31, въ Цоберанѣ—33 и въ Каракилисѣ—27. Итого въ десяти армянскихъ деревняхъ размѣстились *320 семействъ*, каждое среднимъ числомъ изъ 8-ми душъ; слѣдовательно, въ этихъ небольшихъ 10 деревняхъ нашли пріютъ *2,560* переселенцевъ, а эта цыфра очень незначительна въ сравненіи съ тѣмъ, сколько укрылось въ другихъ селахъ. Теперь, противъ ожиданія, въ Карсской области находятся 20,240 армянскихъ переселенцевъ и эта громадная масса живетъ и питается главнымъ образомъ отъ стола своего бѣднаго собрата-сельчанина, ставшаго *героемъ* при видѣ несчастнаго положенія своего притѣсненнаго брата и какъ бы на время забывшаго понятіе о собственности. Переселенческое движеніе все еще продолжается: извѣстны даже случаи, какъ богатыя семьи покидали на родинѣ свои жилища, оставляя свое имущество, и въ холодную зимнюю пору, ночью, бѣжали изъ своихъ родныхъ мѣстъ, чтобы скорѣе дойти до „благословенной русской земли".

Въ Эриванской губерніи около 1,000 переселенцевъ находятся въ Сурмалинскомъ уѣздѣ, 1,700—въ Эчміадзинскомъ. Если число находящихся въ другихъ уѣздахъ Эриванской губерніи и различныхъ мѣстностяхъ Закавказья приблизительно считать около 3,000, то увидимъ, что цыфра переселенцевъ въ Закавказьѣ достигаетъ 26,000. Вообще же цыфра армянъ-переселенцевъ (считая и Черноморскій округъ—съ его 19,000 перес.) колеблется отъ *43 до 50 тысячъ*.

Бѣжавшихъ изъ Турціи армянскихъ переселенцевъ слѣдуетъ раздѣлить на двѣ категоріи; 1) одни, которымъ удалось кое-какъ спастись отъ общаго избіенія и бѣжать, оставивъ все: и домъ, и имущество, въ добычу курдамъ и туркамъ и 2) другіе, которые, предчувствуя угрожающую опасность, сумѣли днемъ раньше подумать о себѣ и перейти

[1]) 1897 г. № 5.

заблаговременно границу. Большинство принадлежитъ къ первой категоріи, а такъ какъ такіе заботились лишь о своемъ спасеніи, преслѣдуя одну завѣтную думу—бѣжать и какъ-нибудь достигнуть границы русской имперіи, то они, лишенные всего у себя на родинѣ, не имѣли возможности взять что-либо съ собой, хотя бы одѣяло или одну смѣну бѣлья; они бѣжали *въ своей обычной одеждѣ*, которая во время пути совершенно изорвалась, износилась и едва могла прикрывать наготу бѣглеца. Ко второй категоріи принадлежатъ меньшинство — купцы и ремесленники, которые сумѣли обратить въ деньги часть своего имущества, взять ихъ съ собой и на время, по крайней мѣрѣ, обезпечить себя. Впрочемъ, много и такихъ дорогой подверглось нападеніямъ курдовъ и турокъ, бывъ ограблено ими, и потому въ сущности лишь горсть ихъ имѣла возможность перейти границу со своимъ имуществомъ. Можно въ данную минуту съ увѣренностью сказать, что $^9/_{10}$ *всѣхъ переселенцевъ* пришли къ намъ совершенно голыми, бѣдными, больными, ранеными, словомъ, не могущими заработать пропитаніе. Не лишнимъ будетъ привести здѣсь свидѣтельства о томъ иныхъ очевидцевъ.

Еще въ началѣ октября намъ изъ *Игдыра* писали: „Переселенцы вошли въ нашъ уѣздъ всѣ, безъ исключенія, *нагіе и ограбленные*. Первые пришельцы могли получить въ Игдырѣ старую одежду и этимъ прикрыть отчасти свою наготу; послѣдніе же лишились даже и этого. Между ними не было ни одного, который имѣлъ бы теплое верхнее платье или одѣяло. Лежа прямо на холодной и сырой землѣ, многіе заболѣли тифомъ, нынѣ свирѣпствующимъ между переселенцами, въ формѣ эпидеміи. Нѣтъ семьи, гдѣ не было бы нѣсколькихъ больныхъ; не мало было и умирающихъ, такъ какъ отсутствовала всякая медицинская помощь. Въ деревняхъ переселенцамъ были отданы холодные и сырые „сакю“ (комната при хлѣвѣ) и хлѣвы, мѣстами имъ раздавался хлѣбъ, мѣстами же крестьяне собирали для нихъ пшеницу. Объ одеждѣ, и въ особенности о постеляхъ, не было и рѣчи, такъ какъ бѣдные крестьяне не имѣютъ ни лишней одежды, ни лишнихъ постелей. Едва удалось частной подпиской приготовить для 100 человѣкъ бѣлье, роздать 25 одѣялъ и для 80 дѣтей сшить верхнее платье“.

Изъ *Кагызмана* еще въ октябрѣ сообщали: „Положеніе переселенцевъ ужасное въ полномъ значеніи этого слова. Пришельцы изъ провинціи Арджешъ *голы*, *босы* и почти всѣ не имѣютъ постелей. Они принуждены спать на сырой землѣ, такъ какъ нѣтъ возможности достать постели; только для больныхъ удалось найти нужное число одѣялъ и постельнаго бѣлья. Въ селахъ переселенцы живутъ большею частью въ хлѣвахъ; они голы и также проводятъ ночи на голой землѣ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ они ночуютъ на сѣнѣ и также не имѣютъ покрышки: живутъ и питаются милостыней. Вся ихъ пища — сухой хлѣбъ“.

Изъ *Вагаршапата* (у Эчміадзина) пишутъ: „Почти всѣ переселенцы безъ исключенія нуждаются въ *одеждѣ* и постели, необходи-

мость которыхъ ощутительна особенно теперь, когда становится холодно. Кромѣ этого, всѣ они нуждаются въ жилищѣ, топливѣ и пищѣ, только живущіе въ монастырскихъ хлѣвахъ получаютъ ежедневно хлѣбъ и пищу; остальные же, которые разбрелись по различнымъ селамъ, должны получать ее отъ крестьянъ, положеніе которыхъ также не особенно хорошо и которымъ, дѣйствительно, трудно поддерживать переселенцевъ".

Изъ *Карса* сообщаютъ: „Въ Карской области укрылась новая партія переселенцевъ, человѣкъ въ 4,500. У нея нѣтъ *ни платья, ни пищи, ни постелей*. Большая часть семействъ, лишенная взрослыхъ рабочихъ членовъ семьи, состоитъ изъ женщинъ и малолѣтнихъ дѣтей, одинъ видъ которыхъ наводитъ ужасъ на посѣтителя. Теперь скоро начнется холодная зима съ ея опасными послѣдствіями для этихъ нагихъ, несчастныхъ переселенцевъ, между которыми свирѣпствуютъ тифъ и другія эпидемическія болѣзни".

Изъ *Батума* пишутъ: „Тотчасъ послѣ прошлогоднихъ ужасныхъ звѣрствъ обездоленная народная масса изъ Трепизонта и другихъ прибрежныхъ и даже внутри страны лежащихъ городовъ стала направляться въ Батумъ; число несчастныхъ достигаетъ 3,000. Все это — вдовы, сироты,—безъ знакомыхъ, безъ знанія языка, лишенные всѣхъ матеріальныхъ средствъ. Иные безпомощно остались на морскомъ пескѣ у Батума, — безъ одежды, пищи, платья и жилища. Едва удалось коекакъ помочь изъ нихъ только одной тысячѣ".

Итакъ, изъ всѣхъ главнѣйшихъ пунктовъ, гдѣ сконцентрированы несчастные переселенцы, въ одинъ голосъ сообщаютъ, что они приходятъ голодные, босые, больные, безъ всякихъ матеріальныхъ средствъ, лишенные даже постелей, ежедневнаго сухаго хлѣба и вообще въ крайне несчастномъ положеніи. Пока частная и общественная благотворительность приходитъ имъ на помощь, несчастные переселенцы принуждены жить въ сырыхъ темныхъ хлѣвахъ, подземельяхъ, въ холодныхъ „сакю", лежа на сырой землѣ безъ покрова и питаясь однимъ сухимъ хлѣбомъ. Какую же помощь оказала этимъ несчастнымъ частная и общественная благотворительность до изданія Высочайшаго указа отъ 11 декабря 1896 г. о сборѣ пожертвованій?

Нужно сказать, что помощь эта, въ сравненіи съ грандіозностью бѣдствія, ничтожна. Одежды, постели, медицинской помощи бѣдные крестьяне-армяне естественно сначала не могли дать! Затѣмъ подоспѣла помощь со стороны Армянскаго Благотворительнаго общества, которое, по мѣрѣ возможности, снабжало переселенцевъ теплымъ платьемъ, одѣялами, горячею пищею, хоть въ недѣлю разъ, и отчасти медицинскою помощью. Но не смотря на то, что Благотворительное общество израсходовало около 20,000 руб. на облегченіе участи несчастныхъ голодныхъ и нагихъ переселенцевъ, роздавъ около 50 ящиковъ стараго платья, и около 1,500 одѣялъ, тѣмъ не менѣе помощь эта, въ сравненіи съ численностью переселенцевъ (50,000) и размѣрами нужды,

является ничтожною. Справедливость требуетъ сказать, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ мѣстныя власти оказали тоже возможную помощь переселенцамъ, и въ этомъ отношеніи съ особою благодарностью нужно назвать эриванскаго губернатора *графа Тизенгаузена*, карсскаго — *Томича* и тифлисскаго — князя *Шервашидзе*. Но главная надежда переселенцевъ и публики въ дѣлѣ правильной организаціи помощи переселенцамъ возлагалась на распоряженіе центральнаго правительства объ открытіи подписки въ пользу переселенцевъ и широкой организаціи помощи, ибо не нужно забывать, что *происходившіе въ прошломъ году, по инсинуаціямъ турецкихъ консуловъ, многочисленные аресты иныхъ лицъ*, будто бы оказавшихъ такъ или иначе *сочувствіе судьбѣ турецкихъ армянъ* погибавшихъ подъ кинжаломъ турокъ и курдовъ, до того напугали мѣстное общество, что многіе на Кавказѣ *остерегались дать что-либо даже въ пользу бѣжавшихъ въ Россію переселенцевъ*. Вотъ почему Высочайшій указъ 11 декабря былъ встрѣченъ въ краю съ нескрываемою радостью и явнымъ облегченіемъ сердца.

Къ несчастію, для переселенцевъ — какъ это часто бываетъ, — самыя благія начинанія приносятся въ жертву порой бюрократическимъ и чиновничьимъ соображеніямъ, и дѣло сразу обставили невозможными и тяжелыми условіями. Вмѣсто того, чтобы привлечь мѣстныя общественныя силы, учрежденія и періодическую печать (какъ русскую, такъ и туземную) къ участію въ дѣлѣ пріема пожертвованій и раздачи ихъ переселенцамъ, вмѣсто того, чтобы организовать губернскіе комитеты изъ вполнѣ надежныхъ и компетентныхъ, близко знакомыхъ съ положеніемъ переселенцевъ лицъ, пользующихся всеобщимъ довѣріемъ общества, (какъ, напр. губернаторовъ, городскихъ головъ, членовъ судовъ, предсѣдателей благотворительныхъ учрежденій, представителей духовенства православнаго и армянскаго и т. д.), и возложить на эти комитеты пріемъ и раздачу пожертвованій, кавказское начальство (передъ пріѣздомъ въ край съ нетерпѣніемъ такъ ожидаемаго новаго главноначальствующаго кн. Голицына) почему-то нашло возможнымъ возложить такую трудную и отвѣтственную миссію исключительно на уѣздную, главнымъ образомъ низшую, *полицію*, къ которой публика относится, вообще, съ недовѣріемъ, имѣя въ виду ея составъ, особенно же нравственный и умственный цензъ ея агентовъ въ уѣздныхъ городахъ и селахъ. Такое распоряженіе пагубно вліяетъ на количество пожертвованій, да и сама организація помощи врядъ ли будетъ цѣлесообразною. А между тѣмъ помощь нужна немедленная, дѣйствительная, въ виду хотя бы того, что всѣ эти несчастные 50,000 голодныхъ, истощенныхъ переселенцевъ представляютъ готовый матеріалъ для разныхъ эпидемическихъ болѣзней, да еще теперь, когда страшная гостья изъ Индіи почти стучитъ у нашихъ дверей.

Оффиціальныя данныя о турецкихъ звѣрствахъ.

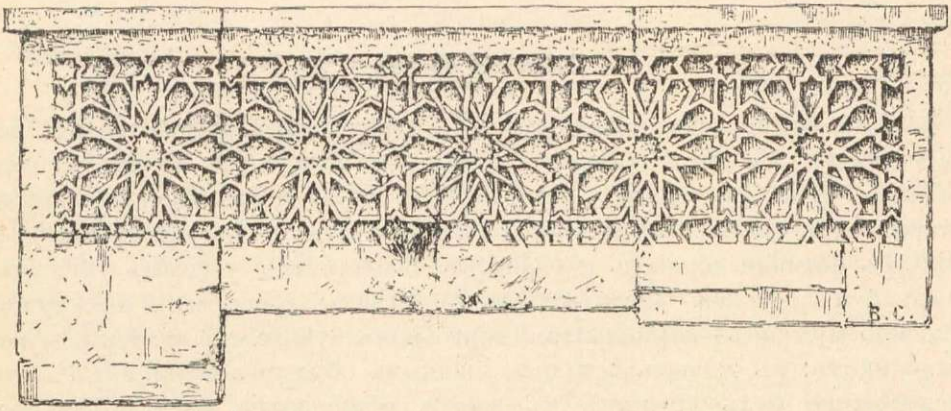
(1895 г.).

Когда въ концѣ 1895 года въ газеты проникали отрывочныя извѣстія о звѣрствахъ въ Турецкой Арменіи, иные подвергали сомнѣнію не только число жертвъ рѣзни, но и самый фактъ участія турецкаго правительства и войска въ звѣрскихъ поступкахъ. Появившійся теперь безусловно достовѣрный документъ не оставляетъ на этотъ счетъ никакого сомнѣнія. Документъ этотъ — оффиціальная таблица, составленная представителями шести великихъ державъ въ Константинополѣ и врученная въ февралѣ 1896 года турецкому правительству. Текстъ этого документа отпечатанъ на французскомъ языкѣ въ брошюрѣ, появившейся недавно въ Парижѣ подъ заглавіемъ „Армянскій мартирологъ [1]). Для каждаго изъ 10 вилайетовъ, гдѣ происходили избіенія армянъ, составлена особая таблица съ точнымъ указаніемъ времени и мѣста рѣзни, числа жертвъ (гдѣ возможно было его опредѣленіе), матеріальнаго убытка, а также образа дѣйствій администраціи и войска и поведенія турецкаго населенія. Источникомъ для составленія таблицъ служили донесенія консуловъ, а также сообщенія протестантскихъ духовныхъ лицъ, причемъ, во избѣжаніе упрека въ преувеличеніи или въ пристрастіи, намѣренно опущены свѣдѣнія, сообщенныя армянами. Число точно зарегистрованныхъ жертвъ, попавшихъ во время рѣзни 1895 г., опредѣляется въ 37,085 человѣкъ, но это лишь небольшая часть общей суммы жертвъ.

Считая неудобнымъ приводить подробныя свѣдѣнія о жестокостяхъ, совершенныхъ армянами въ каждомъ изъ вилайетовъ, сообщимъ для примѣра данныя объ эрзерумскомъ вилайетѣ. 6-го октября было разграблено сорокъ армянскихъ деревень. Дома сожжены, населеніе умерщвлено (точная цыфра убитыхъ неизвѣстна). Населеніе, спасшееся отъ рѣзни, насильно обращено въ магометанство. 30-го октября погромъ начался въ самомъ городѣ Эрзерумѣ. Разграблено 1,500 лавокъ, и болѣе 100 домовъ. Сверхъ 400 убитыхъ, точно опредѣленныхъ консулами, пропало безъ вѣсти множество армянъ. 27-го ноября разграблено 14 деревень, разграбленъ монастырь Гассанкале. Далѣе приводится списокъ 22 разграбленныхъ деревень. „Хотя въ началѣ октября и были усилены патрули, администрація, вопреки домогательства консуловъ, требовавшихъ принятія мѣръ къ успокоенію населенія и обезоруженію мусульманъ, только и дѣлала, что подвергала армянъ тюремному заключенію. Турки открыто готовились произвести рѣзню“. Прямое участіе офицеровъ и солдатъ въ рѣзнѣ и грабежѣ категорически удостовѣряется консулами [2]).

[1]) Martyrologe Arménien par Charmetant. Paris. Au bureau des oeuvres d'Orient.

[2]) Подробную таблицу о Мамуретскомъ вилайетѣ см. ниже въ II отдѣлѣ.

Какъ спасти живыми дѣтей-сиротъ армянскихъ мучениковъ?

How to save alive the Orphan childern of Martyrs in Armenia. New-Iork.

(Сообщенія американскихъ миссіонеровъ).

„Положеніе армянъ таково, что едва ли можетъ быть что либо „худшее. Безъ пристанища, безъ друзей, осиротѣлые, овдовѣвшіе, „ограбленные, лишенные пропитанія, крова, одежды; голодные, напуган„ные, больные, впавшіе въ отчаяніе, ожидающіе смерти, которая слиш„комъ долго медлитъ—вотъ положеніе несчастныхъ. Нужно ли приба„вить что-либо еще?“

Клара Бартонъ.

„Если избито 75,000 человѣкъ, то навѣрное осталось по крайней „мѣрѣ 100,000 сиротъ. Вотъ, гдѣ христіанская благотворительность мо„жетъ совершить одну изъ благороднѣйшихъ задачъ. Одного доллара „въ мѣсяцъ здѣсь достаточно, чтобы одѣться и прокормиться“.

Преп. д-ръ Киръ Гемлинъ.

„Сироты десятками тысячъ бродятъ безъ пріюта, безъ помощи. „Какъ ни нужны были пожертвованія въ прошломъ году, но теперь „они требуются неотложно и повсемѣстно. Помощь, оказанная при та„кихъ обстоятельствахъ этому глубоко несчастному народу, явится не „только матеріальной поддержкой, но будетъ дѣйствительно нравствен„ной опорой, безъ которой эти страдальцы могутъ совсѣмъ потерять „вѣру въ Бога и людей“.

Д-ръ м. Гроссъ Н. Кимбаль.

„Да поступитъ Всевышній въ нашъ послѣдній часъ съ нами такъ, „какъ мы поступаемъ съ нашими армянскими сестрами и братьями и „ихъ малютками въ сей часъ безъисходнаго горя“.

Фрэнсисъ Е. Уиллардъ.

Положеніе армянъ.

Уже болѣе двухъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ начались избіенія мирныхъ, трудолюбивыхъ армянъ, христіанъ, въ Турціи. Цѣлая область, пространствомъ въ 500 миль въ длину и 300 миль въ ширину (территорія, равная Новой Англіи, Нью-Іоркскому Штату и Пенсильваніи), съ сотнями деревень и городовъ подверглась ужасамъ убійствъ, насилій и грабежей. Число жертвъ достигаетъ 75,000 чел., преимущественно мужчинъ—кормильцевъ, торговцевъ, учителей, духовныхъ наставниковъ; въ живыхъ остались главнымъ образомъ женщины и дѣти, совершенно безъ средствъ къ жизни, обнищавшія, числомъ 300,000. Разграбленныхъ и сожженныхъ домовъ и лавокъ было до 50,000.

Одно изъ наиболѣе печальныхъ послѣдствій звѣрской рѣзни въ Арменіи это — жалкое, безпомощное положеніе тысячъ дѣтей-сиротъ, изъ коихъ многія потеряли обоихъ родителей зарѣзанными, а иныя, лишившись отцовъ, погибшихъ за вѣру Христову, имѣютъ матерей, томящихся плѣномъ въ турецкихъ гаремахъ.

Свидѣтельства очевидцевъ о неотложныхъ нуждахъ.

Оффиціальное заявленіе *миссъ Клары Бартонъ*.

„Въ мѣстности между Архипелагомъ и Каспіемъ, Чернымъ и Средиземнымъ морями нынѣ проживаетъ населеніе, количествомъ 1,500,000, принадлежащее армянскому племени, находящееся на извѣстной степени полу-культуры и исповѣдующее религію Христа. Согласно выше упомянутымъ показаніямъ людей образованныхъ, безпристрастныхъ наблюдателей различныхъ странъ, показанія коихъ согласуются съ сообщеніями нашихъ агентовъ — безвозбранно собиравшихъ свѣдѣнія — нынѣ около 200,000 человѣкъ этого населенія, мужчины, женщины и дѣти лишены крова, остались безъ пристанища, безъ одежды, безъ огня, безъ пищи, безъ врачебной помощи и лѣкарствъ, безъ всѣхъ тѣхъ благъ цивилизаціи, которыя клонятся къ охраненію здоровья и продолженію жизни. Лишь человѣколюбіе и христіанская благотворительность остальнаго міра могутъ дать этимъ страдальцамъ средства къ существованію. Вышеприведенныя показанія всѣ единогласно гласятъ, что безъ матеріальной помощи извнѣ 50,000 человѣкъ этихъ жертвъ безчинства умерли бы отъ голода или погибли бы вслѣдствіе всякихъ лишеній за время до мая мѣсяца 1897 г. Никто изъ насъ не нашелъ лучшихъ посредниковъ для раздачи собранныхъ пособій, чѣмъ преданныхъ дѣлу благотворенія миссіонеровъ, живущихъ въ странѣ, и чиновниковъ нашего правительства, дѣйствія коихъ доказываютъ участіе, которое они приняли въ судьбѣ этого несчастнаго населенія“.

В. В. Питъ, членъ Константинопольскаго международнаго комитета, пишетъ:

„Мы должны приготовиться къ тому, что съ наступленіемъ холоднаго времени намъ придется удвоить наши усилія. Мы поражены огромностью предстоящей работы. Положеніе просто ужасно, и съ каждымъ днемъ становится серьезнѣе. Всѣ чувства христіанской любви къ ближнему и побужденія гуманитарныя заставляютъ насъ стараться о томъ, чтобы собрать теперь возможно обильныя пожертвованія на пользу этого несчастнаго угнетеннаго населенія".

Преп. К. Ф. Гэтсъ д-ръ, президентъ Евфратской коллегіи въ Харпутѣ, пишетъ:

„До сихъ поръ наша помощь ограничивалась лишь стараніями поддерживать жалкое существованіе оставшихся въ живыхъ жертвъ турецкихъ звѣрствъ, До чего близко несчастное населеніе находится къ голодной смерти, можно судить по тому, что я видѣлъ сегодня въ деревнѣ, которую посѣтилъ. Прежде это было село въ 150 домовъ. Нынѣ ихъ осталось лишь около 15, всѣ остальные разрушены. Уцѣлѣли лишь стѣны, по коимъ можно судить, какое красивое село это прежде было. Жители ходятъ въ лохмотьяхъ; въ ихъ домахъ нѣтъ постелей, кромѣ развѣ домахъ въ 12-ти; всю зиму люди спали на голомъ полу, непокрытые. Вокругъ не видно ни овецъ, ни скота въ полѣ, остались лишь двѣ собаки. Я не нашелъ запасовъ зерна въ домахъ. Въ нѣкоторыхъ домахъ немного хлѣба. Вездѣ лишь небольшіе пучки *травы*, которая теперь составляетъ ихъ *главную пищу*. Лица женщинъ и дѣтей желты и изможлены; я спросилъ одного маленькаго мальчика: ѣлъ ли онъ хлѣбъ сегодня? и онъ отвѣтилъ: „нѣтъ, только траву". Нѣкоторыя дѣти говорили, что съѣли по кусочку хлѣба, величиной въ ладонь. Когда мы усѣлись на землѣ, окруженные большинствомъ жителей этого села, въ это время дѣти вырывали траву и ѣли ея корни и стебли. Насколько я могу судить, лишь нѣсколько дней отдѣляютъ этихъ людей отъ *голодной смерти*. Я надѣюсь, что въ состояніи буду помочь имъ раньше, чѣмъ они дойдутъ до этого. Я теперь покупаю зерно для отправки въ эту деревню и раздачи. Но меня приводитъ въ ужасъ мысль, что будетъ дальше. Вы говорите намъ, что пожертвованія прекращаются. Это указываетъ, повидимому, на то, что населенію остается лишь ожидать медленной смерти. Эти страдальцы встрѣчаютъ насъ умоляющими взорами и спрашиваютъ: „Неужели намъ нельзя надѣяться на помощь?" Цѣликомъ передаю вашему попеченію это горестное воззваніе. Неужели не пора приняться серьезно за этотъ вопросъ? У меня изныло сердце отъ этихъ сценъ страданія, отъ вида лишеній, которыхъ мы не въ силахъ предотвратить. Когда я проѣзжалъ одной деревней на дняхъ, то все населеніе выбѣжало на дорогу и съ плачемъ взывало къ намъ, пока мы ѣхали мимо: „Мы голодны!" Эти вопли преслѣдуютъ меня".

Сообщенія изъ другихъ пунктовъ помощи.

Эрзерумъ. „Въ этой области мы теперь раздаемъ помощь 50,000 челов., отказавъ тысячамъ просившихъ. Мы даже не стараемся уменьшить бѣдность вообще, мы можемъ лишь пытаться спасать населеніе отъ голодной смерти. Правительство не вмѣшивается въ наши дѣйствія и хлѣбъ дѣйствительно выдается нуждающимся. Выраженіе отчаянія, съ которымъ эти несчастные смотрятъ намъ въ глаза и спрашиваютъ: „что будетъ съ нами?“ способно разжалобить каменное сердце. Мольба, которая выражается въ ихъ глазахъ, когда они всматриваются въ наши лица, ища прочесть хотя бы тѣнь намека о возможности надѣяться на помощь, такъ ясна и трогательна, что иногда является потребность убѣжать и облегчить наболѣвшее сердце слезами. Одно лишь нѣсколько облегчаетъ мучительное напряженіе, въ которомъ мы постоянно находимся, а именно, очевидная искренняя благодарность этихъ страдальцевъ за малѣйшую милостыню. Милость Божія да будетъ съ тѣми, кто даетъ хотя бы чашу свѣжей воды для облегченія жаждущаго“.

Гурунъ. „Разрушенныя стѣны 1,500 или 1,600 домовъ, которые раньше были такъ уютно расположены посреди роскошныхъ фруктовыхъ садовъ—вотъ все, что осталось на мѣстѣ, гдѣ раньше царило очевидное благосостояніе и довольство. По мѣрѣ того, какъ я посѣщалъ одно жилище за другимъ, я слышалъ лишь одинъ вопль страданія изъ устъ осиротѣвшихъ матерей, овдовѣвшихъ женъ. Оставшіеся отъ погрома ютились кучками въ стойлахъ или въ какой-нибудь единственной каморкѣ, оставшейся отъ общаго разрушенія; вотъ все, что уцѣлѣло отъ нѣкогда уютныхъ жилищъ. Эти женщины были одѣты въ лохмотья, привязанныя къ тѣлу веревкой; вотъ все, чѣмъ онѣ могли покрыть свои тѣла“.

Малатія. „Тутъ было убито около 1,500 человѣкъ, почти все населеніе города работники, кормильцы семей. 7,500 человѣкъ, лишившіеся всего имущества, нуждаются въ насущномъ хлѣбѣ. Между ними отъ 2,500 до 3,000 — сироты. Женщины, бывшія прежде состоятельными, которыя лишились мужей и взрослыхъ сыновей, дома которыхъ были сожжены, а все имущество разграблено, живутъ теперь въ низкихъ землянкахъ или сырыхъ подвалахъ. Другія покрыты лохмотьями и не имѣютъ ни куска хлѣба. Многія изъ этихъ несчастныхъ ходятъ просить милостыню изъ дома въ домъ, а иныя ходятъ за подаяніемъ даже на рынокъ. Тамъ, въ своихъ лавкахъ сидятъ тѣ изверги, которые убили мужей и сыновей этихъ нищенокъ; ограбили все ихъ имущество и разрушили ихъ дома; теперь эти злодѣи бросаютъ несчастнымъ женщинамъ горсть мѣдныхъ монетъ или куски хлѣба и хохочутъ, глядя, какъ они бросаются на деньги и хлѣбъ, точно собаки. Со времени рѣзни люди спятъ на соломѣ или кучахъ тряпья, ютясь цѣлыми семьями въ повалку, ради тепла. За послѣдніе дни многіе *умерли отъ голода, холода и лишеній*“.

Арабкиръ. „Число нуждающихся такъ велико, а размѣръ наличной помощи такъ ничтоженъ, что несообразность ея съ потребностями приводитъ въ отчаяніе благотворителей. Если предоставить этихъ несчастныхъ вдовъ и сиротъ ихъ судьбѣ, то онѣ впадутъ въ крайнюю нищету и бѣдствіе и, наконецъ, умрутъ въ отчаяніи. Нѣтъ хлѣба, нѣтъ одежды, никакого имущества, никакой работы, и почти въ каждой семьѣ есть больные".

Армянскія сироты въ Эрзерумѣ.

Мардинъ. „Уже теперь очевидно, что на слѣдующую зиму большее число семействъ христіанъ будутъ нуждаться въ помощи благотворителей, чтобы прожить холодное время, нежели то было въ прошломъ году. Здѣсь мы можемъ кормить ихъ, расходуя менѣе двухъ центовъ въ день на человѣка. Намъ неизвѣстны случаи, чтобы правительство или курдскіе вожди, или турецкіе чиновники непосредственно присваивали бы себѣ посланные на дѣла благотворительности фонды".

Габузи. „Въ этомъ селеніи около 40 сиротъ бродятъ безъ пристанища, живя какъ бездомныя собаки; они ѣдятъ, что найдутъ, и спятъ гдѣ придется. То же можно сказать и о многихъ другихъ деревняхъ".

Миссъ Коринна Шаттукъ пишетъ:

Орфа. „У меня теперь пріютились 50 дѣтей сиротъ. Вотъ свѣдѣнія, которыя я могла собрать о ихъ роднѣ: пятнадцать человѣкъ родныхъ сожжены живыми въ церкви — родители, братья, сестры, бабушка, двое дядей, со всѣми ихъ семьями;— о трехъ сестрахъ съ братомъ записано: отецъ убитъ, мать умерла въ горячкѣ, есть тетка, вдова съ четырьмя или пятью дѣтьми. — Объ одномъ ребенкѣ значится: мать, отецъ и дѣдушка съ бабушкой убиты. И у каждаго изъ этихъ сиротъ такая же скорбная повѣсть".

Позднѣе миссъ Шаттукъ пишетъ:

„Мы теперь оказываемъ посильную помощь 2500 членамъ семей такихъ вдовъ, у которыхъ нѣтъ ни сына, ни дочери, способныхъ къ труду. Я съ ужасомъ ожидаю зиму, которая, какъ мнѣ кажется, будетъ весьма суровая. У меня сейчасъ пріютились 70 сиротъ, а на этой недѣлѣ придется принять еще десять; эти послѣднія, взятыя въ трехъ домахъ, являются для меня источникомъ великихъ заботъ, хотя, слава Богу, я располагаю контингентомъ умѣлыхъ смотрительницъ и образованныхъ наставницъ, которыя живутъ въ пріютахъ и надзираютъ за порядкомъ въ столовыхъ, за религіозными обрядами и такими распорядками жизни пріюта, которыя смотрительницамъ не подъ силу. Намъ слѣдовало бы принять еще 300 сиротъ! Англичане и нѣмцы до сихъ поръ одни, которые посылаютъ намъ пособія. Для тѣхъ нашихъ вдовъ, которыя обременены пятью—семью дѣтьми, это большая помощь имѣть возможность сдать намъ хоть одного. Кромѣ того у насъ есть много круглыхъ сиротъ. Въ нашихъ спискахъ значатся около 3325 сиротъ, которымъ мы помогали лѣкарствами, одеждой, и т. п., а также 1495 вдовъ".

Преп. Г. О. Дуайтъ, д-ръ, пишетъ:

„Европейскія націи, наконецъ, убѣдились изъ произведенныхъ ихъ представителями разслѣдованій, что съ наступленіемъ зимы начнутся страшныя бѣдствія и страданія. Франція пробуждается, Германія собирается открыть убѣжища въ Харпутѣ, Орфѣ и Цезареѣ, подъ покровительствомъ германскаго правительства и подъ управленіемъ діакониссъ, принадлежащихъ имперскимъ братствамъ и обществамъ, Швейцарія учредила комитеты помощи въ Женевѣ, Цюрихѣ, Базелѣ и Бернѣ.

„Что касается сиротъ, то это было бы сущее благодѣяніе, если бы можно было выслать ихъ изъ страны. Конечно, турецкія власти не дозволятъ этого, разсчитывая на то, что рано или поздно приливъ пожертвованій прекратится и сироты останутся въ ихъ власти, такъ что будутъ воспитаны въ мусульманской вѣрѣ. Необходимо обезпечить жизнь этихъ сиротъ основательно спеціальными отчисленіями на этотъ предметъ, которыя будутъ продолжаться. Слѣдовало бы учредить пріюты для сиротъ въ Сивасѣ и Ванѣ или Битлисѣ, кромѣ тѣхъ, о которыхъ упомянуто выше".

Гроссъ Н. Кимбаль, д-ръ мед. изъ Вана, въ Арменіи, пишетъ:

„Совершенно вѣрно будетъ, если сказать, что отъ Константинополя до Персіи, отъ Кавказа до Месопотаміи *девять десятыхъ* мѣстныхъ христіанъ, жителей каждаго города и селенія вынуждены зависѣть для дневнаго пропитанія, одѣянія и топлива отъ помощи извнѣ...“

Вашингтонскій епископъ Генри Саттерленъ пріѣзжавшій въ Европу съ ходатайствомъ за турецкихъ армянъ.

Армянка у люльки.

„Фалагъ вургуни" [1]).

Эскизъ А. Агароняна.

(Переводъ съ армянскаго).

Прекрасенъ видъ Бартогскихъ горъ [2]). Какъ группа беззаботныхъ дѣтей, рѣзво идущихъ за величественной старухой-матерью, гуськомъ тянутся эти горы къ сѣдому Арарату. Но равнодушіе холодной старухи, ея мрачный величественный видъ и леденящій взоръ заставили ихъ остановиться на полпути и оцѣпенѣть, превратиться въ груду камней, всѣ они точно застыли въ различныхъ позахъ: одно изъ дѣтей придвинулось плечомъ къ собрату, другое окаменѣло, поднявши руки къ верху, третьи замерли, стоя вереницей и какъ бы хватаясь другъ за друга, въ ожиданіи милостивой ободряющей улыбки суровой матери, чтобы встрепенуться и пуститься въ плясъ.

Но идутъ года, проходятъ вѣка, они все стоятъ попрежнему, а старуха-мать, поднявъ сѣдую голову къ небесамъ, навстрѣчу молніи и грозамъ, все продолжаетъ хранить таинственное молчаніе.

Когда же улыбнется она?..

Зимою, когда многочисленныя раны и язвы Арарата покрываются бѣлымъ саваномъ, Бартогскія волнистыя вершины, слѣдуя примѣру

1) „Фалагъ вургуни" — турецкое выраженіе и означаетъ „Сраженная судьбой". Подъ этимъ заглавіемъ въ газ. „Мшакъ" помѣщенъ былъ разсказъ молодого армянскаго писателя Агароняна. Мы приводимъ въ переводѣ *Новаго Обозрѣнія. Ред.*

2) Бартогскія горы — на границѣ Турціи.

престарѣлой матери, также покрываются толстымъ слоемъ снѣга. Нагроможденныя другъ на друга неправильными формами, какъ бѣлыя тучи, горы эти издали напоминаютъ уставшихъ верблюдовъ, расположившихся здѣсь на отдыхъ послѣ долгаго пути.

Цѣпь этихъ высотъ прорывается множествомъ проходовъ и ущелій, черезъ которые проходятъ въ теплое время года одинокіе путники, шайки разбойниковъ и контрабандисты. Зимою проходы эти, занесенные глубокимъ снѣгомъ, становятся предательски ровными: скрывая подъ бѣлымъ покровомъ страшныя пропасти, они готовы каждую минуту поглотить въ свои нѣдра смѣлаго путника, рѣшившагося пробиться сквозь цѣпь горъ.

Ужасна зима въ Бартогскихъ горахъ! Сколько несчастныхъ погибло здѣсь! Одни окоченѣли, другіе провалились въ снѣжные сугробы и тамъ нашли свои холодныя могилы. А сколько уложила вражья пуля?...

Вотъ почему въ это время года ни одна душа не осмѣливается показаться на этихъ чудовищныхъ высотахъ; всякій страшится вѣрной гибели.

Только голодные волки бродятъ по этимъ мѣстамъ, нарушая своимъ воемъ мертвую тишину, и далеко несутся ихъ голоса вмѣстѣ съ бушующимъ вѣтромъ.

А вотъ и Синакскія высоты! Лѣтомъ въ цѣпи Бартогскихъ горъ онѣ казались роскошнымъ раемъ, благодаря своей богатой растительности и множеству чудныхъ родниковъ, бьющихъ тамъ и сямъ, среди благоухающихъ горныхъ цвѣтовъ; теперь же и онѣ окутаны снѣгомъ. Послѣдніе лучи заходящаго зимняго солнца, какъ-то робко и безнадежно падая на бѣлыя вершины горъ, слабымъ блескомъ мерцаютъ на ихъ ледяной поверхности. Грустный, меркнущій блескъ! Это—печальная улыбка замирающей природы...

Вечерній вѣтеръ играетъ снѣгомъ. Морозъ крѣпчаетъ. На бѣлоснѣжной вершинѣ показались нѣсколько движущихся тѣней. Не стая ли голодныхъ волковъ спускается съ горъ съ цѣлью напасть ночью на окрестныя деревни для утоленія мучительнаго голода?

Постепенно, хотя медленно, спускаются они внизъ.

Вотъ они уже на склонѣ горъ. Но странно, это оказывается, не звѣри, а люди—жалкая, несчастная семья...

Кто бы подумалъ, что найдется смѣльчакъ, рискнувшій показаться въ этихъ горахъ въ такое время и въ такую пору дня?

Спереди шла молодая женщина, держа за руки мальчика лѣтъ десяти; за ней слѣдомъ еле тащился мужчина: онъ былъ раненъ. Пуля варвара пробила ему правое плечо, и больная рука безсильно повисла; другой рукой онъ старался прикрыть рану, изъ которой сочилась кровь, но напрасно: отъ вершины горы, по блестящему снѣгу, тянулась вслѣдъ за нимъ алая лента изъ капель крови; это были остатки несчастной жизни раненаго, которые падали на бѣлую грудь Синака...

Но, несмотря на это, онъ все шелъ впередъ, употребляя сверхчеловѣческія усилія.

Солнце уже зашло. Скрылись съ вершинъ послѣдніе лучи его, и, наконецъ, вечерній мракъ покрылъ чернымъ саваномъ горы и ущелья, сдѣлавъ путь для несчастныхъ еще ужаснѣе.

Вѣтеръ усилился; холодъ былъ невыносимый.

Путники едва прикрыты, почти голы. Не одинъ уже разъ были они ограблены... Ихъ ноги не чувствовали уже холода, онѣ совсѣмъ окоченѣли и, передвигаясь слабо, какъ деревяшки, еле тащили свой жалкій грузъ.

Всѣ трое продолжали спускаться молча. Тихо кругомъ.

Только снѣгъ хруститъ подъ слабыми ногами.

Сколько мученья перенесли они, пока дошли до этого мѣста. Вотъ нога раненаго провалилась въ яму, покрытую снѣгомъ; онъ упалъ ницъ, издавъ глухой стонъ отъ боли, которую причинила ему рана.

Въ снѣгу безсильно бьется бѣдняга, напрасно стараясь подняться; наконецъ, съ помощью жены кое-какъ онъ становится на ноги и опять шагаетъ впередъ...

Небо заволокло тучами. Мракъ царитъ кругомъ. Путница остановилась, подняла глаза къ небу, гдѣ между тучами виднѣлись двѣ-три звѣздочки, осмотрѣлась вокругъ и испустила тяжелый вздохъ. Она искала ночлега, но не раздобыть имъ его! Гдѣ же однако провести ночь?..

— Карапетъ, что намъ дѣлать? — обратилась она къ мужу, съ отчаяніемъ въ голосѣ. — Темнѣетъ. Какъ бы не пошелъ еще снѣгъ; у малыша нѣтъ силъ идти дальше, да и сама я еле тащусь — ноги подкашиваются.

Отвѣтомъ на это былъ протяжный, тяжелый вздохъ.

А вѣтеръ дулъ сильнѣе и сильнѣе; тучи сгущались; по всему видно было, что природа собирается разразиться ужасной бурей, отъ которой каждое живое существо спѣшитъ укрыться куда-нибудь.

— Какъ же намъ быть, Карапетъ? — повторила жена.

Безнадежное, ужасное положеніе выдавило нѣсколько капель слезъ изъ ея глазъ, давно уже потерявшихъ способность плакать; слезы эти повисли на ея рѣсницахъ и быстро засеребрились на морозѣ. Несчастная! Она знала, что мужъ ея безпомощенъ, слабъ, но все же обращалась къ разуму и силѣ мужчины.

— Что дѣлать, жена! — заговорилъ убитымъ голосомъ мужъ. — Попросимъ Бога, чтобъ онъ далъ намъ умереть здѣсь, скорѣй бы конецъ... Чѣмъ я могу помочь? Куда мнѣ броситься? Ноги отказываются служить. Господи, помоги намъ!

Послѣднія слова были обращены къ небу. Но небо было непреклонно; на немъ не оставалось и тѣни привѣтливости. Суровыя тучи постепенно надвигались и заволакивали весь небосклонъ.

Изъ-за вершинъ Арарата на мигъ показалась стыдливая луна; она какъ-будто намѣревалась освѣтить своими блѣдными лучами снѣжныя

вершины горъ, но напрасно: холодные лучи ея затерялись, исчезли въ темныхъ лучахъ, и свѣтлый ликъ луны подернулся темнымъ флеромъ.

А вѣтеръ бушевалъ съ такой силой и злобой, точно поклялся сорвать эти скалы и сравнять ихъ съ землей.

Луна снова выглянула изъ-за разорванныхъ тучъ и, сдернувъ покровъ своего лица, печальнымъ свѣтомъ освѣтила замирающую природу и растерянныхъ бѣдняковъ; то заглядывая беззаботно, то прячась снова за тучи, она, наконецъ, совершенно скрылась, оставивъ во власти грозно бушевавшей стихіи несчастныхъ одинокихъ сыновъ земли, заброшенныхъ волею судебъ въ эту безлюдную мѣстность.

Началась хорошо знакомая Бартогскимъ горамъ мятель. Трое путниковъ находились въ лощинѣ, не имѣя возможности двигаться дальше. Дороги не было видно, и они, взявшись за руки, пошли было впередъ, но мальчикъ не могъ идти — онъ упалъ.

— Мама, ноги мои одеревенѣли; мама, не могу я дальше идти! — заплакалъ онъ, прижавшись къ матери...

Путники стали. Раненый также не въ силахъ былъ ходить; онъ блуждающимъ взоромъ окинулъ лощину... Только вѣтеръ свирѣпо вылъ кругомъ, да видно было, какъ снѣгъ взвивался къ небесамъ.

Застигнутые мятелью обыкновенно садятся на землю, погребая себя подъ снѣгомъ, съ смутной надеждой на жизнь; такъ рѣшили поступить и наши путники.

Вдругъ они замѣтили большую скалу, которая какъ-то особенно выдавалась изъ-за снѣжныхъ сугробовъ. Лучъ надежды проснулся въ душѣ несчастныхъ. Какъ знать! „Не удастся-ли переждать тамъ до разсвѣта, укрывшись гдѣ-нибудь въ расщелинѣ?“ подумали они.

Всѣ трое дѣлаютъ послѣднія усилія, чтобы дотащиться кое-какъ до этого мѣста. Вотъ, наконецъ, они у цѣли; осторожно обходятъ они скалу, чтобы спрятаться отъ вѣтра, и неожиданно останавливаются передъ входомъ въ пещеру.

Кто бы могъ ожидать этого? Казалось, само небо посылало имъ спасеніе. Молча входятъ они въ пещеру и совершенно обезсиленные падаютъ, не успѣвши пройти дальше отъ входа.

II.

Мрачно въ пещерѣ, — мрачно такъ, какъ на душѣ несчастныхъ, нашедшихъ здѣсь пріютъ.

Каждый звукъ, даже легкій шорохъ шаговъ отдается сильнымъ эхо въ глубинѣ пещеры, переливаясь на тысячу ладовъ, точно гдѣ-то тамъ, вдали, злые духи издѣваются надъ горькой участью несчастныхъ.

XXXVIII

Бѣглецы забились въ уголъ, раненый лежалъ безъ силъ, а малышъ прижался къ матери. Всѣ они безмолвны, только изрѣдка тишина нарушается вздохами раненаго и всхлипываніемъ мальчика.

А въ горахъ попрежнему бушуетъ буря; порывы вѣтра съ воемъ ударяютъ о скалу надъ пещерой и обдаютъ путниковъ снѣжной пылью. Въ грозномъ воѣ вѣтра бѣдняжку-женщину въ трепетъ приводитъ одинъ особенно грустный, душу раздирающій звукъ.

Ахъ, какъ ужасенъ этотъ стонъ!.. Избавится ли она когда-нибудь отъ него? Много бы дала она, чтобы не слышать болѣе этого убійственнаго вопля...

Такъ стоналъ ея маленькій Сато — пятилѣтній мальчикъ, котораго негодяи бросили въ колодезь и засыпали землей. Весь день ей слышались глухіе стоны изъ подъ земли. Боже, какъ бился бѣдный мальчикъ, когда злодѣи, вырвавъ его изъ объятій матери, потащили къ колодцу!.. Даже камни прослезились бы въ отвѣтъ на его отчаянные крики, но люди остались неумолимы...

Напрасно рвалась несчастная мать къ колодцу, напрасно бросилась она съ мольбой къ палачамъ, цѣлуя ихъ ноги! Родное дитя ея — часть ея сердца — погибло, заживо погребенное, и голосъ его раздается и сейчасъ въ ушахъ матери...

Холодно, страшно холодно! Дрожатъ бѣдняжки-путники. Постепенно утихаютъ вздохи раненаго и жалобы мальчика; одна только мать бодрствуетъ, охраняя ихъ, какъ зеницу ока своего. Она прислушивается къ ихъ голосамъ и напряженно слѣдитъ за ихъ дыханіемъ и малѣйшими движеніями.

Перевалило за полночь. Мятель принимаетъ чудовищные размѣры. Мальчика и раненаго, наконецъ, совсѣмъ уже не слышно. „Должно быть спятъ", — думаетъ мать и старается крѣпче прижать къ себѣ мальчика, желая согрѣть его похолодѣвшее тѣло.

Вдругъ ей приходитъ въ голову, что заснувшіе въ морозѣ замерзаютъ легко. Мысль эта леденитъ ея сердце, и она, рѣшившись разбудить заснувшихъ—слегка толкаетъ мужа, но тотъ лишь вздрогнулъ и, издавъ едва слышный стонъ, замолкъ опять. Мать пробуетъ разбудить мальчика, но и онъ неподвиженъ.— Господи, что дѣлать? Въ отчаяніи она ощупываетъ въ темнотѣ замерзшія руки мальчика и, приблизивъ ихъ къ себѣ, старается согрѣть ихъ своимъ дыханіемъ; но, увы, она безсильна, морозъ сковываетъ ее самоё, и руки мальчика остаются холодными, одеревенѣлыми. Несчастная хватаетъ за руки мужа, — и онѣ оледенѣли. Она падаетъ на дорогія тѣла, желая защитить ихъ собою отъ холодныхъ порывовъ вѣтра. Бѣдняжка въ отчаяніи силится спасти своихъ и, будучи поглощена этой мыслью, не чувствуетъ невыносимаго мороза, не слышитъ воя вѣтра; только одна жалобная нота въ немъ, напоминающая предсмертные вопли маленькаго Сато, раздираютъ ея душу...

Она прижимается все сильнѣе и сильнѣе къ спящимъ. Но какъ они похолодѣли, Господи! Она щупаетъ въ темнотѣ ихъ лица,

грудь, ноги — вездѣ холодъ смерти... Зловѣщее чувство внезапно охватило ее.

Неужели дорогія ей существа умерли, замерзли!? Вѣдь бѣдный Карò всю дорогу истекалъ кровью, а маленькій Гркò еще при спускѣ съ вершины совсѣмъ замерзалъ! Несчастная была подавлена этой мыслью и оцѣпенѣла отъ ужаса. Ей казалось, что въ этотъ часъ она, оторванная отъ всего міра, осуждена на заключеніе въ эту пещеру. Суевѣріе рисуетъ въ ея возбужденномъ воображеніи рядъ чудовищныхъ картинъ.

Тамъ бѣснующійся вѣтеръ разсказываетъ ей о чемъ-то страшномъ и грозитъ ей, а тутъ изъ темной глубины таинственной пещеры слышатся шопотъ и движенія многочисленныхъ духовъ. Вотъ они приближаются, угрожаютъ. Уже видны... одинъ, другой, третій... много, много... ихъ не счесть... Женщина обезумѣла. Волосы у нея стали дыбомъ. Она открываетъ глаза, но призраки не исчезаютъ, они тутъ... окружили они ее, и началась дьявольская пляска, сопровождаемая визгомъ и отвратительными кривляніями. На головахъ у нихъ мотается окровавленное тряпье, а въ рукахъ блестятъ обнаженныя сабли. Вотъ ряды сомкнулись, невыносимый топотъ ихъ безобразныхъ ногъ усиливается, визгъ и крики становятся громче; всѣ, точно по командѣ, подняли сабли къ верху. Боже мой, сколько ихъ!.. Она узнаетъ ихъ. О, она помнитъ многихъ изъ нихъ... часто, очень часто видала она этихъ духовъ. „Да, да, это они... вотъ этотъ изъ нихъ бросилъ маленькаго Сатò въ колодезь. Чего же ты хочешь еще, негодяй!.. Отнять и Гркò? Нѣтъ, я не дамъ его, не дамъ, не дамъ... Убейте меня!..“

Отъ ужаснаго крика своего она очнулась: кошмаръ прошелъ.

— Господи Іисусе Христе, Господи Іисусе Христе!—повторила она два раза, оглядываясь и крестясь.

Теперь пещера казалась ей еще мрачнѣе, родные же ея—мужъ и сынъ — продолжали лежать неподвижно, несмотря на ея усилія разбудить ихъ.

— Карò, Карò!.. — позвала она.

Отвѣта не было; подозрѣнія несчастной усилились.

— Карò! — закричала она не своимъ голосомъ, — Гркò, дитятко, проснись, не то замерзнешь, — обратилась она къ сыну.

Но оба неподвижны, оба безмолвны. Страдающая мать въ темнотѣ не могла разглядѣть, что оба они уснули вѣчнымъ сномъ и что на этотъ разъ небо сжалилось надъ ними, положивши конецъ ихъ тяжелымъ страданіямъ. Но то, чего она не могла видѣть, почувствовало ея сердце.

— Господи, Боже мой! Какую бѣду послалъ Ты мнѣ! — воскликнула она, не будучи въ силахъ проронить ни единой капли слезы.

Сознаніе одиночества, непроглядный мракъ въ пещерѣ, наполненной призраками, бездыханные трупы дорогихъ людей и вой бушующаго вѣтра—все это снова привели ее въ ужасъ. Куда бѣжать? Гдѣ скрыться? У кого искать защиты, помощи?...

Казалось, даже эта обширная пещера не была бы въ состоянiи вмѣщать въ себѣ безграничное горе несчастной женщины; чувствовалась необходимость раздѣлить его между свирѣпой бурей, грозными тучами и безпредѣльнымъ небосклономъ, — иначе не было бы силъ снести его.

Обезумѣвшая женщина выбѣжала изъ своего убѣжища, точно свирѣпая фурiя, оставившая тамъ трупы мужа и сына и не зная, куда направить свои невѣрные шаги. Она на нѣсколько мгновенiй остановилась, подняла глаза къ небу и какъ-то безпомощно стала озираться кругомъ, ища спасенiя, помощи...

Затѣмъ она стала прислушиваться къ шуму въ пещерѣ, въ надеждѣ различить стоны дорогихъ ей спутниковъ, но взамѣнъ этого до ея слуха опять донесся преслѣдовавшiй ее все время крикъ, и она пустилась бѣжать по ложбинѣ далеко, далеко, сама не зная куда, лишь бы подальше отъ этихъ страшныхъ мѣстъ.

Долго шла она, гонимая вѣтромъ впередъ и вся засыпанная хлопьями снѣга; то падая, то вставая, она сама, точно снѣжный комъ, катилась дальше. Наконецъ, довольно далеко отъ пещеры она остановилась, чтобы перевести духъ.

Занималась заря. Начинало свѣтать. Буря затихала. Путница повернулась назадъ, направила свои шаги обратно къ пещерѣ и, едва вбѣжавши въ нее, упала безъ силъ.

Тутъ у самаго входа лежали головой другъ къ другу отецъ съ сыномъ, покрытые снѣжною пылью.

Лужа крови, вытекавшей изъ раны несчастнаго, застыла подъ нимъ. На блѣдномъ лицѣ его лежала печать страданiя; ребенокъ же, казалось, спалъ безмятежнымъ сномъ, отдавшись во власть лютаго мороза.

Бѣдняжка мать обняла оба трупа, припавъ къ нимъ головой, и начала цѣловать ихъ застывшiя лица. Затѣмъ, поднявши свои исхудалыя, посинѣвшiя руки къ небу, она начала наносить себѣ удары по головѣ и закричала:

— Моимъ ранамъ нѣтъ числа, рази ты и меня, судьба, не жалѣй!

У нея не было больше слезъ, она лишь повторяла: «*вуръ*, *фалагъ*» [1]) и била себя по головѣ.

Только грустное эхо изъ глубины пещеры повторяло ея крики. Она снова начинала тормошить трупы, зовя: „Каро̀, Каро̀... Грко̀!“

Вставши, наконецъ, на ноги, она подняла руки къ небу и закричала неистовымъ голосомъ:

— Боже! Куда же мнѣ дѣться? Зачѣмъ ты, судьба, не убиваешь и меня вмѣстѣ съ ними?

Долго стояла она, устремивши неподвижный взоръ на лежащiе трупы. Затѣмъ, глаза ея начали безсмысленно блуждать, изъ груди ея

[1]) Бей, судьба.

вырвался дикій крикъ, и она захохотала страшнымъ, неестественнымъ голосомъ. Хохотъ этотъ сопровождался такими безобразными и ужасными конвульсіями лица, что если бы въ лежащихъ мертвецахъ оставалась хоть капля жизни, то видъ несчастной женщины убилъ бы ихъ.

Она помѣшалась...

Подойдя къ трупу мужа и толкнувъ его ногой, она проговорила:

— Вставай, подымись! Долго еще ты будешь спать? Вставай, иди въ поле, на пашню, возьмись за плугъ! Чего ты валяешься?

Замерзшій трупъ качнулся отъ толчка и опять сталъ недвижимъ.

- Эй, чего спишь? Ты не пойдешь, такъ я пойду сама, а вы спите.

Съ этими словами она выбѣжала изъ пещеры...

По улицамъ деревни И... постоянно ходитъ безумная женщина съ всклокоченными волосами на головѣ, едва прикрытая лохмотьями, изъ-подъ которыхъ видно худое, изможденное тѣло. Это — та самая женщина. Блѣдная и истощенная, она походитъ на мертвеца. Съ улыбкой она останавливаетъ прохожихъ, спрашивая:

— Ты не знаешь меня? Я вѣдь „фалагъ вургуни“ [1]... Вонъ гдѣ сразила меня судьба, вонъ...

Тутъ она указываетъ рукой на югъ, гдѣ высятся Бартогскія горы, и съ дикимъ хохотомъ бѣжитъ по направленію къ нимъ...

Н. Кара-Мурза.

Изъ Ѳ. И. Тютчева.

Слезы людскія, слезы людскія,
Льетесь вы ранней и поздней порой,
Льетесь безвѣстныя, льетесь незримыя,
Неистощимыя, неисчислимыя,
Льетесь, какъ льются струи дождевыя,
Въ осень глухую порою ночной.

[1]) Сраженная судьбой.

Изъ А. В. Переводчиковой [1]).

Не говори, что слабы силы,
Не говори: „измученъ я,
Хоть самому бы до могилы
Донесть и горе и себя“.
Не говори, что нѣтъ въ немъ цѣли,
Въ случайномъ бытіи земномъ,
Что силы мрака одолѣли
Живущихъ правдой и добромъ,
Что жизнь безсмысленна, ничтожна,
Что жить, не жить—тебѣ равно,
Когда все въ жизни кратко, ложно
И вкругъ царитъ лишь зло одно.
Ничтожна, правда, жизнь земная—
Страданья жизни велики!
И въ жизни цѣль есть, цѣль святая:
Помочь слабѣйшему въ пути.
Кто съ болью личнаго несчастья
Не можетъ ближняго любить,
Въ комъ нѣтъ горячаго участья,
Тому.... тому не стоитъ жить.....
Зачѣмъ склоняться намъ душою
Подъ гнетомъ пошлости и зла,
Когда любовь горитъ звѣздою
И всемогуща, и свѣтла?
Нѣтъ, нѣтъ унынью малодушно
Ты мѣста не давай въ груди,
Иди за истиной послушно,
Борись и вѣрь—свѣтъ впереди,
Борись со зломъ святой любовью,
Трудися рядомъ съ бѣднотой—
И Богъ, за міръ истекшій кровью,
Дастъ миръ душѣ твоей больной.

1) Осенніе Мотивы,—Саратовъ, 1897 г.

О. Шарметанъ.

Французское благотворительное изданіе въ пользу пострадавшихъ армянъ.

Livre d'Or des martyrs de la charité. Vente au profit de la souscription pour les victimes des massacres d'Arménie. Paris. 1897.

Миссіонеръ Шарметанъ чуть не первый нарушилъ ту систему замалчиванія турецкихъ звѣрствъ, которая долго господствовала во французской прессѣ. О. Шарметанъ задолго до изданія Желтой Книги обнародовалъ тѣ оффиціальныя данныя (см. выше) о страшныхъ погромахъ 1895—1896 г., которыя были собраны послами великихъ державъ. Изъ собранныхъ во Франціи въ пользу обездоленныхъ армянъ 1.000.000 франковъ болѣе половины было собрано черезъ о. Шарметана.

Для усиленія сбора только-что выпущена имъ новая книга: «Livre d'or des martyrs de la charité».

Въ книгѣ этой собрано все относящееся къ недавней парижской катастрофѣ 4-го мая 1897 г., на которой погибло во время благотворительнаго базара 13о человѣкъ. Сопоставляя этотъ несчастный случай съ длинною серіею ужасающихъ бѣдствій, разразившихся надъ турецкими армянами, о. Шарметанъ пишетъ въ предисловіи: «Этотъ пожаръ улицы Жанъ-Гужонъ невольно напоминаетъ другой *костеръ*, гораздо болѣе ужасный, костеръ собора въ Орфѣ, на которомъ заживо сожжены были мусульманами изъ ненависти къ христіанству не 13о, а болѣе 3,000 женщинъ, молодыхъ дѣвушекъ и малютокъ. Въ продолженіе двухъ дней разъяренные магометане убивали отцовъ, мужей, братьевъ, оставляя для гаремовъ женщинъ и дѣвушекъ. Онѣ бѣжали въ соборъ, надѣясь укрыться тамъ отъ ярости мусульманскихъ ордъ. Ихъ было

болѣе 3.000 душъ, когда эти изступленные фанатики, взломавъ желѣзныя двери, разграбили соборъ, издѣваясь надъ безсиліемъ Христа и предлагая ему не сойти съ креста, какъ нѣкогда евреи, и спасти своихъ вѣрныхъ, а сравняться съ Магометомъ! Скрывшіяся женщины въ ужасѣ собрались въ гинекеѣ, деревянной галлереѣ, которая по восточному обыкновенію окружаетъ верхнюю часть этого громаднаго собора древней Едесы.

«Тогда мусульмане, уставшіе отъ двухдневной рѣзни, возымѣли, по соображеніямъ утонченной жестокости, подобной которой не знаетъ исторія, дьявольскую мысль однимъ разомъ истребить эти 3.000 христіанъ. На лѣстницахъ, подъ галлереями, собраны были ковры и прочее церковное имущество, туда же брошены были и трупы убитыхъ; все это было облито нѣсколькими бочками керосина и подожжено.

«Въ нѣсколько секундъ галлереи, переполненныя женщинами и дѣтьми, были охвачены огнемъ, а затѣмъ загорѣлся и весь соборъ. Ни одна душа не могла спастись. Тѣ, которыя выбрасывались въ окна, были тутъ же застрѣливаемы этими чудовищами въ человѣческомъ образѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ въ городѣ стояла нестерпимая вонь отъ этой массы зажженнаго человѣческаго мяса, и болѣе двухъ мѣсяцевъ воздухъ Орфы былъ зараженъ испареніями 3,000 разлагающихся труповъ» [1]).

Указавъ, что и въ другихъ мѣстахъ происходили подобные же звѣрства, о. Шарметанъ продолжаетъ: «Болѣе 300.000 [2]) армянъ пали за вѣру христіанскую, оставивъ послѣ себя десятки тысячъ сиротъ (до 50.000, изъ коихъ на 30.000 въ армянскомъ патріархатѣ составленъ именной списокъ) и тысячи женщинъ въ гаремахъ. Болѣе 500.000 [3]) человѣкъ пущено по міру и имъ предстоитъ либо принять магометанство, либо умереть съ голоду, если добрые люди не придутъ къ нимъ на помощь».

Внѣшность книги, снабженной множествомъ иллюстрацій, очень изящна. Цѣна всего 5 франковъ. Z.

1) Это описаніе вполнѣ подтверждается оффиціальными свѣдѣніями французской Желтой Книги (см. ниже II отд.).

2) Викторъ Берарь считаетъ убитыми до 500.000.

3) Въ довершеніе бѣдствія турецкой Арменіи грозитъ въ нынѣшнемъ году еще голодъ, такъ какъ армяне, у которыхъ курды отняли весь ихъ скотъ, не могли въ свое время сдѣлать посѣва (см. Oeuvre d'Orient. Mai—Juin 1897 стр. 96—105.

Пѣснь армянскаго переселенца.

Ужъ близокъ часъ;—скажу тебѣ:
„Прости", отчизна дорогая,
Страна, гдѣ лишь напасти мнѣ
Сулила рока воля злая!...
Гдѣ ласки и кровъ родной
Отравленъ съ самой колыбели,
Гдѣ безотрадною чредой
Дни юности моей летѣли,
Гдѣ только въ возрастъ я пришелъ,
Увидѣлъ гнетъ и силу злобы,
Гдѣ мракъ и грубый произволъ,
Гдѣ люди мрачны, словно гробы...
Прощай, родимая страна:
Тебя мнѣ не увидѣть болѣ,
Доколѣ ты осуждена,
Въ сей рабской находиться долѣ!..

Ст.

Изъ письма въ редакцію „Братской Помощи" Константинопольскаго патріарха отъ 4 іюля 1897 г.

Извѣщая о полученіи высланныхъ чрезъ Россійское посольство денегъ [1]), патріархъ Малахія Орманіанъ продолжаетъ:

„Вопль бѣдствующихъ [2]), ежедневно доносящійся изъ провинціи, угнетаетъ наше сердце и душу, особенно въ виду неимѣнія въ нашемъ распоряженіи средствъ на закупку хлѣба для нуждающихся.

1) За счетъ редакціи „Братской Помощи" выслано было въ распоряженіе Россійскаго посла при султанѣ А. И. Нелидова въ разное время 7000 франковъ. Г. Нелидовъ изъ этой суммы передалъ армянскому патріарху 5500 фр. и съ своей стороны выразилъ полное удовольствіе по поводу сочувствія русской печати и публики къ дѣйствительно бѣдствующему положенію Армянъ въ Турціи.

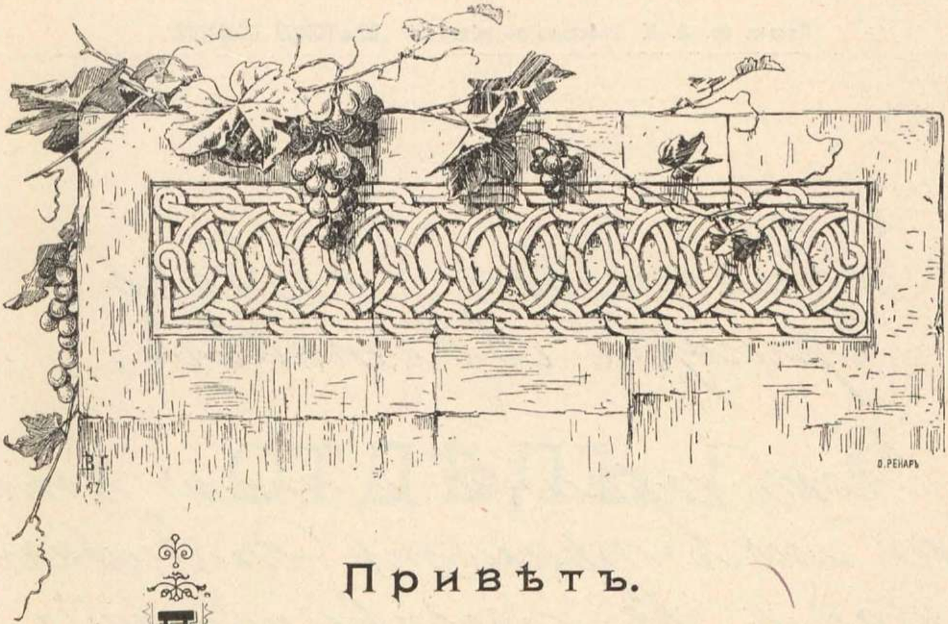
2) Въ послѣднемъ № французскаго журнала „Oeuvre d'Orient" въ статьѣ „La misère en Arménie" вполнѣ подтверждается это извѣстіе, а въ будущемъ, по словамъ журнала, неизбѣженъ голодъ (см. № Mai-Juin). Д-ръ Лепсіусъ, авторъ замѣчательныхъ книгъ: Armenien und Europa и Armenien's Drangsaale, сталъ во главѣ благотворительнаго движенія въ пользу Армянъ и успѣлъ къ 1-му мая 1897 г. собрать болѣе 1.000.000 марокъ, на которые призрѣваются 1250 сиротъ. (Мшакъ, 1 іюля 1897 г. № 76).

«Невозможно описать бѣдствія, испытываемыя повсемѣстно армянскимъ населеніемъ Турціи. Есть мѣста, гдѣ жители цѣлыми недѣлями не видятъ въ глаза куска хлѣба и питаются одними полевыми травами. Масса голодныхъ проводятъ ночь на улицахъ или въ церквахъ. Были даже случаи голодной смерти.

«Особеннаго сочувствія заслуживаютъ сироты, число коихъ достигаетъ 50.000, изъ нихъ 30.000 поименно занесены въ списки патріархата. Въ Константинополѣ и въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ уже основаны пріюты»...

Б. Константинопольскій патріархъ Измирліанъ.

Привѣтъ.

Привѣтъ тебѣ, народъ многострадальный!
Ты вѣрить въ будущность свою не устаешь,
Подъ игомъ вѣковымъ на родинѣ печальной
Судьбу жестокую ты съ твердостью несешь.
И лишь порой, когда ордой остервенѣлой
Свирѣпый курдъ и турокъ закоснѣлый,
Глумяся надъ тобой, губя твоихъ дѣтей,
Хотятъ стереть тебя съ лица земли твоей,
Какъ плачущій прибой, къ подножью Арарата
Они стекаются замученной толпой
Искать прибѣжища, не помощи, у брата.
Да, помощи имъ нѣтъ, съ врагомъ неравенъ бой!
Давно ужь стонъ твоихъ селеній разоренныхъ
И къ человѣчеству, и къ небу вопіетъ.
Еще не пробилъ часъ, оставленный народъ,
Признанья правъ твоихъ священныхъ и законныхъ;
Но вѣрь, крѣпись и жди—желанною зарей
Освобожденіе блеснетъ и надъ тобой.
Когда Европы мощь зовется христіанской,
Она не дастъ, чтобъ вновь душилъ тебя исламъ
И кровью обагрялъ твой крестъ григоріанскій.
Грядущій вѣкъ несетъ конецъ твоимъ слезамъ.
Исчезнетъ гнусный мракъ насилья, жертвъ, безъ шума.
На старыхъ пажитяхъ воспрянетъ новый трудъ,
И возрожденныя долины Эрзерума
Красою мирною роскошно зацвѣтутъ.

Москва,
Августъ, 1897.

Евгеній Морозовъ.

Милостивый Государь
Григорій Аветовичъ,

Очень сожалѣю о томъ что не могъ принять дѣятельнаго участія въ предпринятомъ Вами добромъ дѣлѣ. Болѣзнь и другія обстоятельства помѣшали мнѣ докончить то что я намѣревался предложить Вамъ въ Сборникъ. Отъ всей души желаю ему успѣха и достиженія цѣли ради которой онъ предпринятъ.
Съ совершеннымъ уваженіемъ остаюсь готовый къ услугамъ
Левъ Толстой

О. РЕНАРЪ

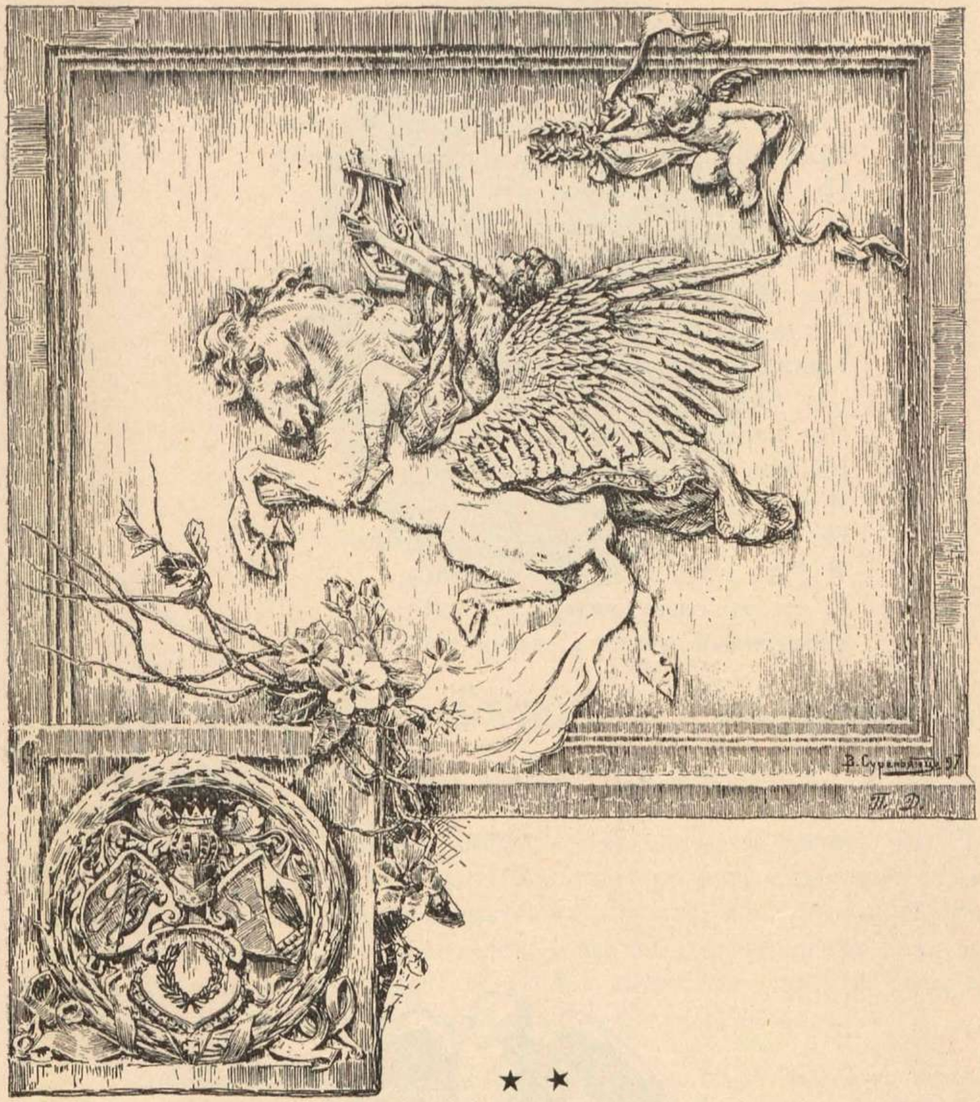
17 Апрѣля 1897.

ОТДѢЛЪ I

Amicus certus in re incerta cernitur.

Когда нѣтъ завѣтной
Печали въ груди,
Туда, гдѣ умъ блещетъ,
Скорѣе иди.
Но съ тяжкимъ приливомъ
Тоски роковой
Стучись ты въ дверь друга
Съ любящей душой.

Переводчикова.

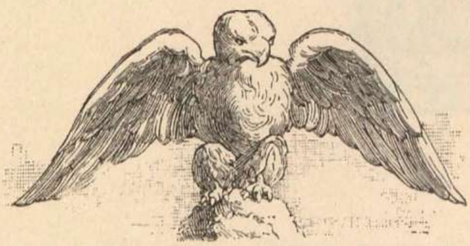
⁂

Я баловень судьбы Ужъ съ колыбели
Богатство, почести, высокій санъ
Къ возвышенной меня манили цѣли,—
Рожденіемъ къ величью я призванъ.
—Но что мнѣ роскошь, злато, власть и сила?
Не та же-ль безпристрастная могила
Поглотитъ весь мишурный этотъ блескъ,
И все, что здѣсь лишь внѣшностью намъ льстило,
Исчезнетъ, какъ волны мгновенный всплескъ.
Есть даръ иной, божественный, безцѣнный,
Онъ въ жизни для меня всего святѣй,

И ни одно сокровище вселенной
Не замѣнитъ его душѣ моей:
То пѣснь моя!—Пускай прольются звуки
Моихъ стиховъ въ сердца толпы людской,
Пусть скорбнаго они врачуютъ муки
И радуютъ счастливаго душой!
Когда-же звуки пѣсни вдохновенной
Достигнутъ человѣческихъ сердецъ,
Тогда я смѣло славы заслуженной
Приму неувядаемый вѣнецъ.
　　Но пусть не тѣмъ, что знатнаго я рода,
Что царская во мнѣ струится кровь,
Родного православнаго народа
Я заслужу довѣрье и любовь,—
Но тѣмъ, что пѣсни русскія, родныя
Я буду пѣть немолчно до конца,
И что во славу матушки Россіи
Священный подвигъ совершу пѣвца.

Аѳины 4 Апрѣля.
1884 г.

К. Р.

Барьелефъ съ развалинъ Ани.

Бѣлинскій.

Изъ переписки Бѣлинскаго съ женою*).

Москва. 1846, мая 1. Вотъ уже четвертый день, какъ я въ Москвѣ, и все еще не могу оправиться отъ проклятой дороги. Холодъ, дождь, слякоть, невозможность прилечь, необходимость сидѣть, все это порядочно измучило меня. Часто дождь просѣкалъ къ намъ сквозь стеклянную складную стору и живописно струился по ногамъ. Не возьми я зимнихъ панталонъ и тулупа, я погибъ бы. Погода въ Москвѣ такая же, какъ и въ Петербургѣ. Вчера было солнце, но въ то же время было вѣтрено и холодно. Сегодня, первое мая, рѣшительно октябрскій день. Мочи нѣтъ, какъ все это гадко. Ни зелени, ни деревьевъ—глубокая осень.

*) Печатаемыя здѣсь письма Бѣлинскаго, къ женѣ его, Марьѣ Васильевнѣ, были разысканы сестрою ея Агриппиною Васильевною Орловою. Послѣ смерти сестры своей А. В. переселилась въ 1889 г. къ единственной своей племянницѣ, дочери Бѣлинскаго, Ольгѣ Виссаріоновнѣ Бензи, которая въ то время жила на о. Корфу, на мѣстѣ службы мужа своего, прокурора мѣстной судебной Палаты, а потомъ переселилась въ Парижъ для воспитанія дѣтей своихъ, изъ коихъ одинъ, Владиміръ, студентъ медицинскаго факультета, а другой, Евгеній, учится въ школѣ инженеровъ путей сообщенія. Съ 1894 г. Орлова переселилась снова въ Москву, гдѣ она разыскала письма.—Изъ найденныхъ писемъ первая половина относится ко времени до женитьбы Бѣлинскаго и была напечатана цѣликомъ въ *Починѣ* 1896 г.—Вторая половина относится къ послѣднимъ поѣздкамъ больнаго Бѣлинскаго на Югъ Россіи и за границу.—Извлеченіе изъ этой довольно обширной переписки печатается нынѣ впервые.

Помѣщаемый здѣсь портретъ Бѣлинскаго снятъ съ бюста, сдѣланнаго по маскѣ его Ге и хранящагося у проф. Н. И. Стороженко.—По отзыву наиболѣе компетентнаго лица, свояченицы Бѣлинской А. В. Орловой, бюстъ очень похожъ на оригиналъ.—Группа „семьи Бѣлинскаго“ сдѣлана съ фотографіи, снятой въ концѣ 50-хъ годовъ. На ней изображена жена Бѣлинскаго Марья Васильевна (слѣва), сестра ея, дѣвица Агриппина Васильевна Орлова (справа), поселившаяся въ семьѣ сестры въ Петербургѣ вскорѣ послѣ выхода ея замужъ, а посрединѣ та самая любимица Бѣлинскаго „Оля“, о которой съ такою нѣжностью упоминается въ каждомъ письмѣ его. *Ред.*

Дорога до того испорчена, особенно между Клиномъ и Москвою, что мы прiѣхали въ воскресенье въ 6 часовъ вечера. Друзья мои дожидались меня въ почтамтѣ съ двухъ часовъ. Принятъ я былъ до того ласково и радушно, что это глубоко меня тронуло, хотя я и привыкъ къ дружескому вниманiю порядочныхъ людей. Безо всякой ложной скромности скажу, что мнѣ часто приходитъ въ голову мысль, что я не стою такого вниманiя. Что это за добрый, за радушный народъ Москвичи! Что за добрѣйшая душа Герценъ! Какъ бы я желалъ, чтобы ты, Marie, познакомилась съ нимъ! Да и всѣ они—что за славный народъ! Лучше, т. е. оригинальнѣе, принялъ меня Михаилъ Семеновичъ (Щепкинъ): готовясь облобызаться со мною, онъ пресерьезно сказалъ: какая мерзость! Онъ глубоко презираетъ всѣхъ худыхъ и тонкихъ. Дамы просто носятъ меня на рукахъ, братецъ ты мой: озябну, укутываютъ своими шалями, надѣваютъ на меня свои мантильи, приносятъ мнѣ подушки, подаютъ стулья. Таковы права старости, другъ мой! Впрочемъ, Наталья Александровна (Герценъ) (къ которой я питаю какое то немножко восторженно-идеальное чувство) нашла, что я *похорошѣлъ* (замѣть это), и поздоровѣлъ. Она такъ была мнѣ рада, что я даже почувствовалъ къ себѣ нѣкоторое уваженiе. Вотъ какъ!

Ѣдемъ мы 16, 17 или 18 мая, не прежде. Боюсь, что возвратимся довольно поздно. М. С. хочетъ лѣчиться, кромѣ купанья, и виноградомъ. Это и мнѣ будетъ очень полезно.

Сегодня поѣду къ твоему отцу, а завтра увижусь съ Галаховымъ. Кстати, завтра друзья мои даютъ мнѣ торжественный обѣдъ. На дняхъ (какъ назначитъ Галаховъ) увижусь съ Остроумовой. Жду съ нетерпѣнiемъ отъ тебя письма. Объ Олѣ не могу вспомнить безъ безпокойства, такъ все и кажется, что мой баранъ не здоровъ. Въ пятницу или субботу опять буду писать къ тебѣ. А пока прощай, будь здорова и спокойна. Крѣпко жму твою руку. *Твой В. Бѣлинскiй.*

Москва. 1846, мая 4. Вотъ уже недѣля, какъ я живу *въ Москвѣ, а отъ тебя все ни строки.* Это начинаетъ меня сильно безпокоить. Все кажется, что то больна ты, то плохо съ Ольгою, то нельзя вамъ выѣхать по множеству хлопотъ, то терпите вы отъ грубости людей. Такъ всякая дрянь и лѣзетъ въ голову и отнимаетъ веселье, а безъ этого мнѣ было бы въ Москвѣ довольно весело. Когда получу твое письмо, и въ немъ не будетъ ничего непрiятнаго, то мнѣ будетъ настоящимъ образомъ весело.

Погода въ Москвѣ до сихъ поръ—ужасъ. Сегодня ночью шолъ сильный снѣгъ. Отъ такой погоды здоровъ не будешь. Особеннаго ничего не чувствую, а все таки такъ, не хорошо, и все отъ проклятой погоды. Въ прошломъ письмѣ моемъ я забылъ сказать тебѣ, что хваленая прочная пломбировка почти вся повыпала еще дорогою, отъ употребленiя пищи, но безъ всякаго участiя пера или другого зубочистительнаго орудiя. Уцѣлѣла только въ нижнемъ зубу, и то сверху сошла. Ай да шарлатаны, чортъ ихъ возьми! Былъ у твоего „дражайшаго". Почтенный человѣкъ! Вотъ истинный-то представитель отсутствiя добра и зла, олицетворенная пустота! Онъ, впрочемъ, былъ мнѣ радъ, и много суетился, угощая меня чаемъ. Я ему объ васъ съ Агриппиной, а онъ все о себѣ—такъ и лупитъ, такъ и наяриваетъ. Только объ Ольгѣ послушалъ минуты двѣ не безъ

удовольствія. Я разсказалъ ему о твоихъ родахъ, и заключилъ, что, не смотря на гнусность бабки, дѣло кончилось все-таки хорошо.—А Богъ-то на что! сказалъ онъ мнѣ съ убѣжденіемъ.—Да, никто, какъ Богъ!—отвѣчалъ я ему съ умиленіемъ.—Живетъ онъ бѣдно, и страшно трусить смерти его княжны, угро-

Семья Бѣлинскаго.

жающей ему монастыремъ. Буду у него еще разъ и позову къ себѣ обѣдать.

Здѣшній кружокъ живѣе нашего, и здѣшнія дамы тоже поживѣе нашихъ (благодари за комплиментъ). И для отдыха Москва вообще чудный городъ. Впрочемъ, и то сказать, теперь какъ нарочно почти всѣ съѣхались сюда въ одно время,

и оттого весело. Сегодня даютъ мнѣ обѣдъ; ему надо было быть въ четвергъ, да по болѣзни Корша отложили до сегодня, а Коршъ-то все таки не выздоровѣлъ.

Я ужъ не знаю, о чемъ больше и писать. И потому въ ожиданіи извѣстія отъ тебя, ma chère Marie, и въ чаяніи, что васъ уже нѣтъ въ Питерѣ, писать больше не буду до выѣзда изъ Москвы. Жму всѣмъ вамъ руки и отъ души всѣхъ васъ цѣлую—о собачкѣ и не говорю. Милкѣ кланяюсь. *Прощай. В. Бѣлинскій.*

Харьковъ. 1846, іюня 10. Вообрази—какую я сдѣлалъ глупость: послалъ къ тебѣ письмо изъ Калуги, въ Гапсаль, на твое имя, думая, что ты непремѣнно въ Гапсалѣ, что тебя въ этомъ маленькомъ городкѣ найдутъ и безъ адреса квартиры и что посылать черезъ Маслова только лишняя трата времени. Сынъ М. С. Щ—на служитъ въ кавалер. полку въ Воронежѣ, былъ долго въ Москвѣ и послѣ насъ долженъ былъ отправиться въ Воронежъ. Пріѣзжаемъ туда и онъ подаетъ мнѣ твое послѣднее письмо изъ Петербурга, которое пришло въ Москву въ день нашего выѣзда, и которое Ивановъ отослалъ въ домъ Щ—на. Изъ этого письма я узнаю, что ты остаешься въ Ревелѣ и что, слѣд., я опростоволосился, пославъ къ тебѣ письмо въ Гапсаль. Досадно! письмо было подробное, почти журналъ—изо дня въ день, съ означеніемъ погоды каждаго дня. Перескажу тебѣ вкратцѣ его содержаніе. Выѣхали изъ Москвы 16 м. (въ четв.), въ 12 ч. Насъ провожали до первой деревни, за 13 верстъ, и провожавшихъ было 16 чел., въ ихъ числѣ и Галаховъ. Пили, ѣли, разстались. Погода страшная, грязь, дорога скверная, за лошадьми остановка. Въ Калугу пріѣхали въ субботу, (18 м.), прожили въ ней одиннадцать дней. Еслибъ не гнусная погода, мнѣ было-бы не скучно. Еще въ Москвѣ, я почувствовалъ, что поправляюсь въ здоровьѣ и возстановляюсь въ силахъ, а въ Калугѣ, въ сносную погоду я уходилъ за городъ, всходилъ на горы, лазилъ по оврагамъ, уставалъ до нельзя, задыхался на смерть, *но не кашлянулъ ни разу.* Съ возвращеніемъ холода и дождя возвращался и кашель. Пребываніе въ Калугѣ для меня останется вѣчно памятнымъ по одному знакомству, какого я и не предполагалъ, выѣзжая изъ Питера. Въ Москвѣ М. С. Щ. познакомился съ А. О. Смирновой. C'est une dame de qualité; свѣтъ не убилъ въ ней ни ума, ни души, а того и другого природа отпустила ей не въ обрѣзъ. Она большая пріятельница Гоголя, и М. С. былъ отъ нея безъ ума. Такъ какъ она пригласила его въ Калугу (гдѣ мужъ ея губернаторомъ), то я еще въ Москвѣ предвидѣлъ, что познакомлюсь съ нею. Когда мы пріѣхали въ Калугу, ея еще не было тамъ; въ качествѣ хвоста толстой кометы, т. е. М. С., я былъ приглашенъ губернаторомъ на ужинъ въ воскресенье во время спектакля; потомъ мы у него обѣдали. Во вторникъ пріѣхала она, и въ четвергъ я былъ ей представленъ. Чудесная, превосходная женщина—я безъ ума отъ нея. Снаружи холодна какъ ледъ, но страстное лицо, на которомъ видны слѣды душевныхъ и физическихъ страданій, измѣняетъ невольно величавому наружному спокойствію. Благодаря тебѣ, братецъ-ты мой, тебѣ, моя милая судорога, я знаю толкъ въ этого рода холодныхъ лицахъ. Потомъ я у нея два раза обѣдалъ, въ послѣдній раскланялся, да еще въ тотъ же вечеръ раскланялся съ нею на лѣстницѣ, ведущей изъ-за кулисъ въ ея ложу. Пишу тебѣ все это не больше, какъ

матеріалъ для разговоровъ и разсказовъ при свиданіи. а потому въ подробности не пускаюсь. Не смотря на весь интересъ этого знакомства погода дѣлала мое пребываніе въ Калугѣ часто невыносимымъ; разъ два дня сряду сидѣлъ я въ заперти въ грязной комнатѣ грязной гостинницы, въ тепломъ пальто, съ окоченѣвшими руками и ногами, и съ покраснѣвшимъ носомъ. Выѣхали мы изъ Калуги, со вторника на середу (29 м.) въ 4 ч. утра, и поѣхали, или, лучше, сказать поплыли по грязи въ Воронежъ на Тулу. Въ Воронежъ приплыли въ субботу (1 іюня), въ 5 ч. утра, и въ пятницу ѣхали уже по хорошей дорогѣ. Въ Вор. погода была славная. Тутъ я получилъ твое письмо, на которое, для порядка и буду сейчасъ отвѣчать. Накапунѣ нашего выѣзда изъ Москвы, пріѣхалъ туда Языковъ, и успокоилъ меня на твой счетъ, сказавши мнѣ, что твои геройскіе подвиги, достойные Бобелины, увѣнчались блестящею побѣдою надъ злокачественнымъ Лопатинымъ и гнуснымъ клевретомъ его, управляющимъ. Это извѣстіе дало мнѣ возможность уѣхать изъ Москвы въ спокойномъ духѣ, который очень былъ разстроенъ твоимъ письмомъ отъ 9 мая. Я не знаю, получила ли ты мой отвѣтъ на него, отъ 14 мая. Ты пишешь, что разлука сдѣлаетъ насъ *уступчивѣе* въ отношеніи другъ друга, но и болѣе *чуждыми* другъ другу. Мнѣ кажется—то и другое равно хорошо. Почему хорошо первое—толковать нечего, и такъ ясно; второе хорошо потому, что даетъ случай познакомиться вновь на лучшихъ основаніяхъ. Я уже не въ этой порѣ жизни, чтобы тѣшить себя фантазіями, но еще и не дошелъ до того сухого отчаянія, чтобы не знать надежды. А потому жду много добра для обоихъ насъ отъ нашей разлуки. Я никакъ, напримѣръ, не могъ понять твоихъ жалобъ на меня, что будто я дурно съ тобою обращаюсь, и видѣлъ въ этихъ жалобахъ величайшую несправедливость ко мнѣ съ твоей стороны, а теперь, какъ, въ новой для меня сферѣ, я смотрю на нашу прежнюю жизнь, какъ на что-то прошедшее, внѣ меня находящееся, то вижу, что если ты была не вполнѣ права, то и не совсѣмъ неправа. Я опирался на глубокомъ сознаніи, что не имѣлъ никакого желанія оскорблять тебя, а ты смотрѣла на факты, а не на внутреннія мои чувства, и, въ отношеніи къ самой себѣ, была права. Ежели разлука и тебя заставитъ войти поглубже въ себя, и увидѣть кое-что такого, чего прежде ты въ себѣ видѣть не могла, то разлука эта будетъ очень полезна для насъ: мы будемъ снисходительнѣе, терпимѣе къ недостаткамъ одинъ другаго, и будемъ объяснять ихъ болѣзненностію, нервическою раздражительностію, недостаткомъ воспитанія, а не какими нибудь дурными чувствами, которыхъ, надѣюсь, мы оба чужды. Что же касается до твоихъ словъ, что мужъ, *безъ причины* оставляющій жену и дѣтей, не любитъ ихъ,—ты права; но, во 1-хъ, я говорилъ тебѣ о разлукѣ съ причиною, хотя бы эта причина была просто желаніемъ разсѣяться и освѣжиться прогулкою, или и прямо желаніемъ освѣжить ею свои семейныя отношенія, и во 2-хъ, я, кажется, уѣхалъ не безъ причины. Но объ этомъ послѣ, какъ ты сама говоришь въ письмѣ своемъ.

Масловъ*) немного сердитъ на меня, что я не писалъ къ нему. Но вѣдь онъ

*) И. И. Масловъ, тогда маленькій чиновникъ, впослѣдствіи былъ управляющимъ Московскою Удѣльною конторою. Масловъ вмѣстѣ съ Тургеневымъ крестили дочь Бѣлинскаго. Желая засвидѣтельствовать сочувствіе великимъ реформамъ Александра II, Масловъ († 1891 г.) завѣщалъ на народныя училища 500.000 р. *Ред.*

долженъ же знать, что я человѣкъ—слабый, (т. е. лѣнивый) мошенникъ такой! Слухъ носится, что умеръ Скобелевъ, а ты пишешь, что Масловъ думаетъ ѣхать въ Ревель, Гапсаль и еще незнаю куда. Гдѣ же мнѣ писать къ нему. А напиши-ко лучше ты, и увѣдомь его о моемъ знакомствѣ съ Александрою Осиповною Смирновой: это для него будетъ интересно.

Комплиментъ, сдѣланный тебѣ Тильманомъ, (докторомъ) основателенъ. Ты сильная барыня, и послѣ твоей войны съ Лопатинымъ, (домохозяиномъ) я не шутя начинаю тебя побаиваться.

Что же ты не пишешь, взяла ли съ собою Егора? И кто у тебя нянька? И какъ ты разсталась съ прислугою?

Въ Воронежѣ мы застали чудесную погоду. Выѣхали во вторникъ, въ 4 ч. послѣ обѣда (4 іюня). Солнце пекло насъ, но къ вечеру потянулъ вѣтеръ съ Питера, ночью полилъ дождь, и мы до Курска опять не ѣхали, а плыли, и въ Курскъ приплыли въ четвергъ (6). Въ тотъ же день поплыли въ знаменитую коренную ярмарку (за 28 верстъ отъ Курска). И ужъ подлинно поплыли, потому-что жидкая грязь по колѣна, и лужи выше брюха лошадямъ были безпрестанно. Ѣхали на 5-ти сильныхъ коняхъ слишкомъ 4 часа, и наконецъ, увидѣли ярмарку, буквально по поясъ сидящую въ грязи, а дождь такъ и льетъ. За 20 р. въ сутки нашли комнатку, маленькую, грязную, и той были рады безъ памяти. Въ тотъ же вечеръ были въ театрѣ, и М. С. узналъ, что онъ играть не будетъ. На другой день прошлись по рядамъ (крытымъ, до которыхъ доѣхали на дрожкахъ, выше ступицы въ грязи). На другой день, около 2 часовъ пополудни, поѣхали назадъ, въ Курскъ. На полдорогѣ встрѣтился крестный ходъ: изъ Курска 8 іюня носятъ явленный образъ Богоматери въ монастырь, при которомъ стоитъ ярмарка. Вообрази, тысячъ 20 народу, въ разбить идущаго по колѣна въ грязи, и который, пройдя 27 верстъ, ляжетъ спать подъ открытымъ небомъ, въ грязи, подъ дождемъ, при 5 градусахъ тепла. Въ Курскѣ перемѣнили лошадей, закусили и пустились плыть на Харьковъ (часовъ въ 8 вечера, въ пятницу, 8 іюня). Ужъ не помню, ѣдучи въ Курскъ изъ Воронежа,—да, именно въ Курскъ изъ Воронежа, имѣли удовольствіе засѣсть въ грязи, и нашъ экипажъ, вмѣстѣ съ нами (потому что выйти не было никакой возможности) вытаскивали мужики. Въ тотъ же вечеръ, какъ мы выѣхали изъ Курска, погода начала поправляться, а съ нею и дорога, такъ что верстъ за сто до Харькова ѣхали мы по дорогѣ довольно сносной, и могли дѣлать по 8 вер. въ часъ (на пяти лошадяхъ), а станціи двѣ до Харькова дѣлали по 10 верстъ. Въ Харьковъ пріѣхали мы въ воскресенье (9 іюня) около 2 ч. послѣ обѣда. Черезъ часъ я былъ уже у Кронеберговъ, съ полною увѣренностію найти твое письмо, а м. б. и цѣлыхъ два. Кронеберги приняли меня радостно, добрая М. А. была просто въ восторгѣ, даже Андрей Ивановичъ былъ видимо разогрѣтъ; а письма нѣтъ. Возвращается М. С. отъ Алфераки—что письмо?—Нѣтъ!—Худо!—Я сталъ было утѣшать себя тѣмъ, что письмо твое должно итти до Харькова три недѣли; но Кронеб. сказалъ мнѣ, что письма изъ Питера въ Харьк. приходятъ въ 11-ый день, а по экстра-почтѣ въ 8-ой,—я и призадумался, забывъ, что по этой дорогѣ почты также дѣлаютъ въ часъ по 5 верстъ, а иногда и въ сутки по 50-ти. Былъ въ театрѣ, посидѣлъ съ четверть часа, и поѣхалъ къ Кронебергу, гдѣ и пробылъ почти до 12 часовъ.

Вчера, часу въ 1-мъ, приходитъ Кр. и подаетъ мнѣ твое письмо, которое взялъ онъ у Алфераки, съ которымъ встрѣтился гдѣ то на улицѣ. И хоть много въ этомъ письмѣ непріятнаго, но я воскресъ. Теперь отвѣчаю тебѣ на твое послѣднее письмо.

Отчего ты ни слова не сказала въ немъ о томъ, опасна ли простуда груди твоей и лѣчишься ли ты? Отчего не отнимаешь Ольгу отъ груди? Ждешь ли 8-го зуба? Наемъ вторыхъ мѣстъ на пароходѣ былъ порядочною глупостью со стороны Маслова. Заграничные пароходы лучше здѣшнихъ и вторыя мѣста на нихъ немногимъ хуже первыхъ, но и ихъ потому всѣ избѣгаютъ, что надо быть въ обществѣ лакеевъ, что не совсѣмъ пріятно и для мущинъ, а о женщинахъ нечего и говорить. О томъ, чего вы тутъ натерпѣлись—нечего и говорить; оставалось бы только радоваться, что все это кончилось и Ольга здорова, если бы не твое положеніе, о которомъ я теперь ничего вѣрнаго не знаю, потому что не знаю,— какова эта болѣзнь—простуда груди, а ты объ этомъ не сказала ни слова. И потому, жду со страхомъ и нетерпѣніемъ твоего второго письма, которое надѣюсь получить въ Харьковѣ, въ которомъ мы пробудемъ до 18 числа, потому что М. С. въ Харьковѣ является въ 5 спектакляхъ. Мнѣ странно, что ты, пробывши въ Ревелѣ 5 дней, все еще только сбираешься пригласить доктора, вмѣсто того, чтобъ пригласить его на другой же день пріѣзда. Ты, видно, забыла мою осеннюю исторію и что значитъ запускать болѣзнь. Это ни на что не похоже. Видно, мы всѣ только другимъ умѣемъ читать поученія, а сами..... но дѣлать нечего—ворчаньемъ не поможешь, а вотъ что-то скажетъ мнѣ твое второе письмо.

Бога ради, не мучь себя заботами о будущемъ и о деньгахъ. Лишь стало-бы денегъ вамъ, и вы могли бы пріѣхать въ Питеръ хоть съ цѣлковымъ въ кармане, а то все вздоръ. И потому, если не хватитъ денегъ, адресуйся заранѣе къ Алекс. Александровичу, и проси не въ обрѣзъ, чтобы изъ пустой деликатности не натерпѣться бѣдъ; а я по пріѣздѣ *тотчасъ* же отдамъ ему, потому что въ Питеръ я пріѣду съ деньгами, которыхъ станетъ не только на переѣздъ на новую квартиру, но и на то, чтобы безъ нужды прожить мѣсяца три—четыре. Я на это и разсчитывалъ, уѣзжая изъ Питера, потому-что я тогда же ясно видѣлъ, что безъ этой надежды, несмотря на всѣ альманахи, мы, послѣ этой разлуки, съѣхались бы съ тобою только для того, чтобы умереть вмѣстѣ голодною смертью. Къ счастью, я не обманулся въ моей надеждѣ, и могу пріѣхать въ Питеръ съ деньгами. Но вотъ что меня безпокоитъ. Ты наняла квартиру до 15 сентября, а я, кажется, буду въ Питерѣ не прежде 15 октября: вотъ тутъ что дѣлать? М. С. надо ѣсть виноградъ, что и мнѣ было бы небезполезно, а это дѣлается въ сентябрѣ, въ которомъ мы и будемъ въ Крыму. Да еще очень можетъ быть, что князь Воронцовъ пригласитъ М. С. въ Тифлисъ, и хоть это не протянетъ нашей поѣздки, но сдѣлаетъ то, что раньше 15 окт. мнѣ невозможно будетъ быть въ Питерѣ. Тутъ худо то, что вѣдь ты не рѣшишься остановиться у Тютчевыхъ, а въ трактирѣ жить Боже сохрани. И потому, скажи мнѣ, можешь ли ты остаться въ Ревелѣ до моего возвращенія.

Некрасовъ будетъ въ Питерѣ къ августу. Онъ открываетъ книжную лавку, и тотчасъ же займется печатаньемъ моего альманаха. Открытіе лавки очень выгодно для моего альманаха, такъ же какъ мой альманахъ очень выгоденъ для лавки. Деньги для лавки даютъ ему Москвичи. Кстати, во время моего пребыванія въ

Москвѣ, у Герцена умеръ отецъ, послѣ котораго ему должно достаться тысячъ четыреста денегъ. Если безъ меня придетъ отъ тебя письмо въ Харьковъ, его перешлютъ ко мнѣ. А по полученіи этого письма, пиши ко мнѣ немедленно въ Одессу, на имя *Его Высокоб. Александра Ивановича Соколова*. Я радъ, что наши псы съ вами, радъ и за нихъ, и еще больше за васъ. И потому, Милкѣ жму лапку, и даже дураку Дючу посылаю поклонъ. Объ Ольгѣ не знаю что писать—хотѣлось бы много, а не говорится ничего. Что ты не говоришь мнѣ ни слова,—начинаетъ ли она ходить, болтать, и что ея 8-ой зубъ? Ахъ, собачка, барашекъ, какъ она теперь уже перемѣнилась для меня—здѣсь уже полгора мѣсяца! Поблагодари ее за память о моемъ портретѣ и за угощеніе его молокомъ и кашею. Она чѣмъ богата, тѣмъ и рада, и понюхать готова дать всякое кушанье. Должно быть она очень довольна поведеніемъ моего портрета, который позволяетъ ей угощать себя не въ ущербъ ея аппетиту. Изъ Харькова я еще пошлю къ тебѣ письмо, т. е. оставлю, а Кр. пошлетъ. А теперь пока прощай. Будь здорова и спокойна духомъ, ma mie, и успокой скорѣе меня на счетъ твоего здоровья. Жму руку Агриппинѣ и желаю ей всего хорошаго, а я не объѣдаюсь и не простужаюсь, какъ она обо мнѣ думаетъ. Прощай. *Твой Висс....*

Среда 12. Сегодня пойдетъ на почту это письмо, а завтра Ольгѣ годъ, по каковому случаю, чортъ меня возьми, если я не выпью завтра шампанскаго. Изъ Харькова мы ѣдемъ въ ночь, въ воскресенье, въ Екатеринославль, а оттуда, черезъ Николаевъ и Херсонъ, въ Одессу. Пиши сейчасъ же въ Одессу, какъ получишь это письмо. Если въ Одессѣ твое письмо и не застанетъ меня, мнѣ перешлютъ его въ Крымъ. Вотъ уже другой день, какъ въ Харьковѣ опять *холодно*. Я отъ Петербурга, а онъ за мною. Прощай.

Зальцбрунъ $\frac{5\ іюня}{24\ мая}$ 1847. Вотъ я и въ Зальцбрунѣ, и уже началъ мой курсъ. Пріѣхали мы сюда 3 іюня, по вашему 22 мая, на другой же день были у доктора Цемплина. Это благообразный старикъ, внушающій къ себѣ довѣріе. Дочитавъ въ исторіи моей болѣзни до имени Тильмана, онъ припрыгнулъ отъ удовольствія на стулѣ. Лучше всего, что онъ сказалъ Тургеневу, что, по моему виду, ручается за мое выздоровленіе; а хуже всего то, что онъ лишилъ меня кофею, замѣнивъ его теплымъ молокомъ, потомъ запретилъ наѣдаться до сыта и велѣлъ меньше ѣсть говядины. Въ тотъ же день, по его предписанію, началъ я мой курсъ. Въ 5 часовъ послѣ обѣда отправился я на колодезь и выпилъ, черезъ $^1/_4$ часа, два полустакана теплой сыворотки, которая дѣлается изъ козьяго молока и очень пріятна на вкусъ. На другой день (т. е. вчера) поутру, проснувшись въ 5 часовъ, выпилъ я чашку ослинаго молока, послѣ чего умывшись и одѣвшись, отправился на колодезь. Тамъ выпилъ стаканъ смѣси $^2/_3$ сыворотки и $^1/_3$ зальцбруна, а походивши полчаса, повторилъ тоже, а черезъ полчаса пошелъ домой завтракать.

Обѣдаютъ здѣсь въ половинѣ перваго часа, или въ часъ—не позже. Кормятъ не дурно и дешево: за 12 билетовъ я заплатилъ 4 талера, стало быть обѣдъ обходится въ 10 серебряныхъ грошей, что составляетъ ровно 30 к. с. на наши деньги. Однако этотъ обѣдъ хорошъ пока его ѣшь, а послѣ отъ него

чувствуется изжога, почему мы и хотимъ слѣдующіе 12 билетовъ взять въ другой гостинницѣ, гдѣ подороже (12 билетовъ стоятъ 5 талеровъ), да за то безъ отравленія, въ чемъ мы удостовѣрились, поужинавъ вчера тамъ. Квартира у насъ не дурная—двѣ опрятныя комнаты съ необходимою мебелью. За каждую изъ нихъ платимъ мы 10 талеровъ, т. е. 31 рубль съ полтиною асс. на наши деньги, да за постель съ бѣльемъ по 15 серебр. грошей, т. е. $15^1/_2$ коп. асс. на наши деньги. Все это очень дешево. Квартира наша въ нижнемъ этажѣ и недалеко отъ ключа. Здоровье мое въ порядочномъ состояніи, по крайней мѣрѣ я чувствую себя лучше, чѣмъ въ Питерѣ, и почти не принималъ лѣкарства. А между тѣмъ, погода здѣсь мерзѣйшая, не лучше вашей. Но теперь я перескажу въ порядкѣ, что упомню, всю исторію моего вояжа. Описывать подробно плаваніе на пароходѣ не стану, потому что я уже и писалъ тебѣ объ этомъ, да и почти забылъ все это теперь. Однако кое-что скажу, въ добавленіе уже сказанному. Когда я почувствовалъ качку и мнѣ стало не въ мочь, я, шатаясь, какъ пьяный, сошелъ въ каюту, и тамъ почувствовалъ такое презрѣніе къ жизни, что извергнулъ на полъ весь мой завтракъ, а затѣмъ, не раздѣваясь, забился въ мою койку, къ которой не то, чтобъ спалъ, а дремалъ часовъ до 2 слѣдующаго дня. Я не ѣлъ сутки, кромѣ того, что меня рвало—стало быть, въ желудкѣ моемъ чувствовалась пустота страшная. Въ перемежкахъ отъ головокруженія качки, мнѣ хотѣлось ѣсть,—и я съѣлъ два ломтя хлѣба, который былъ у меня въ дорожномъ мѣшкѣ. Затѣмъ велѣлъ я подать себѣ 2 порціи ветчины съ горчицею и уксусомъ: это меня поправило. Часамъ къ 5 вечера качка кончилась, и я за ужиномъ страшно жралъ. Пароходъ Владиміръ внутри убранъ великолѣпно, но удобства никакого, и тѣснота страшная. За столъ въ шубѣ сѣсть нельзя—и тѣсно и жарко, а положить ее некуда. Я понялъ, какъ корабли набиваютъ неграми торгующіе этимъ товаромъ. Буфетъ снабженъ гадко. Пива нѣтъ, квасу, кислыхъ щей—тоже, былъ limonade gazeuse, да и тотъ вышелъ весь на другой же день; и вода воняетъ смолою и пить ее не было никакой возможности. Что же пить? вино! Это разсчетъ со стороны буфетчика, потому что за бутылку плохаго Château Langovons онъ бралъ 150 к. с. вмѣсто 150 к. асс. Разумѣется, я вина не пилъ для утоленія жажды, но съ ветчиною выпилъ рюмку хересу; потомъ, когда началась новая качка—другую; но на этотъ разъ меня не рвало и почти не тошнило, хотя голова и ходила кругомъ. Я уже писалъ тебѣ, что въ Свинемюнде мы пересѣли въ судно, которое буксировалъ рѣчной пароходъ въ Штетинъ. Тутъ мы вытерпѣли порядочную боковую качку, но никого не рвало, и я могъ даже ѣсть. Вмѣсто бифштексу, котораго я спросилъ, мнѣ подали небольшой кусокъ битой говядины, въ которомъ вкусу не было ни капли, а перцу было пропасть; отъ этого кушанья меня мучила изжога до той минуты, когда я заснулъ ночью въ Берлинѣ. Въ Свинемюнде деревья давно уже распустились, и сирени были въ полномъ цвѣту. Въ Штетинъ плыли мы часовъ пять; у пристани Побѣдоносцевъ сказалъ мнѣ, что черезъ полчаса пойдетъ въ Берлинъ поѣздъ по желѣзной дорогѣ. Какъ тутъ быть? Опоздать не хочется—оставаться въ Штетинѣ незачѣмъ, а распорядиться безъ нѣмецкаго языка нельзя. Какой-то дюжій малый, по указанію моего пальца, схватилъ мой чемоданъ и потащилъ его какъ перышко. Въ тепломъ пальто и шубѣ, съ тяжелымъ сакомъ въ рукѣ, побѣ-

жалъ я за нимъ, да еще въ гору. Кричу ему: chemin de fer; онъ что-то рычитъ мнѣ въ отвѣтъ и летитъ дальше. Я изнемогъ, думая, что ужъ умираю, останавливаюсь; къ счастію и дуракъ мой остановился отдохнуть и, видя, какъ я тяжело дышу, взялъ у меня сакъ. Пошли опять, и скоро очутились у большого отеля. Швейцаръ бросился ко мнѣ съ вопросомъ: M-r veut la chambre?—Я ему кое какъ объяснилъ, что мнѣ нужно. Онъ помогъ мнѣ расплатиться съ носильщикомъ, позвалъ мнѣ извощика и велѣлъ ему везти меня на желѣзную дорогу. Я благодарилъ его чуть не со слезами на глазахъ: вѣдь спасъ, просто спасъ! Пріѣхали на станцію жел. дороги,

Вынувъ кошелекъ и раскрывъ его, я сказалъ кучеру: nehmen Sie! Но онъ подвелъ меня къ окну, гдѣ раздавались билеты, давая знать, что я могу опоздать. Кое-какъ я управился, и то потому, что столкнулся съ Побѣдоносцевымъ. Чемоданъ заклеймили и отнесли; наконецъ, я поѣхалъ. Въ Берлинъ прибыли часовъ въ 9 вечера. По выходѣ изъ вагона, я снова пропадаю; но вдругъ слышу обращенный ко мнѣ на чистомъ русскомъ языкѣ вопросъ, много ли изъ Петербурга прибыло пассажировъ? Это былъ трактирный слуга. Я объяснилъ ему затруднительность моего положенія, и онъ взялся распорядиться. Стыскавъ кого слѣдуетъ, онъ переговорилъ съ нимъ, чтобъ мой чемоданъ былъ доставленъ ко мнѣ на квартиру; взявши дрожки, мы отправились съ нимъ въ улицу Berhensstrasse № 9, на квартиру Тургенева. Проводникъ мой метался какъ угорѣлый, бѣгалъ по высокимъ лѣстницамъ, наконецъ нашелъ, Тургенева не было дома, однако хозяйка его пустила меня въ его комнату. Когда я далъ моему проводнику талеръ, онъ чуть не припрыгнулъ до потолка отъ восторга. Ровно черезъ 2 часа пришелъ Тургеневъ; мое внезапное появленіе видимо обрадовало его. Все это меня успокоило, и я почувствовалъ себя въ пристани: со мною была моя нянька. Проживъ въ Берлинѣ довольно скучно три дня, мы рѣшились съѣздить въ Дрезденъ, а оттуда дня на три прогуляться по саксонской Швейцаріи, такъ какъ погода все еще была свѣжа и къ водамъ торопиться было нечего. О Берлинѣ распространяться не буду: городъ довольно скучный. Хуже всего въ немъ вода: вонючая, мерзкая, которою невозможно даже полоскать ротъ, и которою противно умываться. Я было принялся за пиво, но скоро увидалъ, что надо быть нѣмцемъ, чтобы каждый день пить эту мерзость, и замѣнилъ пиво искусственной зельтерскою водою. Тиргартенъ—огромный садъ, тѣнистый и красивый. Въ это время цвѣли прекрасныя каштановыя деревья.

Во вторникъ $^{13}/_{25}$ отправились мы по желѣзной дорогѣ изъ Берлина въ Дрезденъ, и переночевали въ Лейпцигѣ. Мнѣ такъ хотѣлось спать, что я не пошелъ посмотрѣть на Лейпцигъ, хотя было всего часовъ 9 или 10. Часовъ въ 11 утра на другой день мы были въ Дрезденѣ. Городъ старый, оригинальный. Пошли ходить; погода была скверная: свѣтло, ясно, но тепла всего было 13 гр. въ тѣни, и приэтомъ пронзительно-холодный вѣтеръ. Въ тепломъ пальто мнѣ было холодновато. Въ тотъ же вечеръ Тургеневъ утащилъ меня въ оперу; давали Гугенотовъ, пѣла madame Віардо... На другой день погода была прекрасная, мы ѣздили за городъ, и мнѣ было очень весело. На третій пошли въ галлерею. Т. все поджидалъ M-me Віардо, на что и сердился; Т. мнѣ представлялъ, что В. знаетъ толкъ въ картинахъ и покажетъ намъ все лучшее, а я

говорилъ, что не хочу сводить знакомства, когда не на чемь объясниться, кромѣ развѣ, какъ на пальцахъ; но Т. успокоилъ меня, сказавъ, что я пойду за нимъ и никого знать не буду. Но Віардо упредили насъ; входимъ въ одну залу, они прямо намъ на встрѣчу,—и Т. представилъ меня имъ. Но какъ дѣло обошлось однимъ нѣмымъ поклономъ съ обѣихъ сторонъ, я ничего. На другой день опять пошли. Все шло хорошо, какъ вдругъ, уже въ послѣдней залѣ, M-me Віардо, быстро обратившись ко мнѣ, сказала: Лучше ли вы себя чувствуете? Я такъ потерялся, что ничего не понялъ, она повторила, а я еще больше смѣшался: тогда она начала говорить по русски очень смѣшно, и сама хохотала. Тутъ я, наконецъ, понялъ, въ чемъ дѣло, и подлѣйшимъ французскимъ языкомъ, какимъ не говорятъ и лошади, отвѣчалъ ей, что мнѣ лучше. Но и этимъ не кончилось дѣло. Віардо жили въ одной съ нами гостинницѣ. Когда мы дошли до нея, г-жа В. пригласила меня въ свой концертъ. Дѣлать нечего, я сказалъ, что буду,—и она прислала мнѣ билетъ, за который отказалась взять деньги, говоря, что она меня пригласила въ свой концертъ. Послѣ концерта Т. тащилъ было меня къ ней, чтобы поблагодарить, какъ оно бы и слѣдовало, но я уперся какъ быкъ—и не пошелъ.

На другой день они должны были уѣхать, но мы еще раньше уѣхали въ саксонскую Швейцарію. Утро было прекрасно и обѣщало жаркій день, но часамъ къ десяти погода начала портиться, и день былъ ни то ни се. Я ходилъ пѣшкомъ, ѣздилъ верхомъ, носили меня на носилкахъ, только на ослахъ не ѣздилъ; видѣлъ чудную природу, прекрасныя и грандіозныя мѣстоположенія; видѣлъ на скалахъ, по берегу Эльбы, развалины разбойничьяго рыцарскаго замка, неприступнаго, какъ орлиное гнѣздо, видѣлъ развалины одного изъ тайныхъ судилищъ, столь знаменитыхъ и страшныхъ въ средніе вѣка. Но все это скоро надоѣло мнѣ. У меня ужасная способность скоро привыкать къ новости. И потому, мнѣ въ тотъ же день показалось, что я лѣтъ сто сряду видѣлъ всѣ эти дива дивныя, и онѣ мнѣ давно наскучили какъ горькая рѣдька. Погода не мѣшала, а способствовала такому настроенію моего духа,—и мы рѣшили завтра же воротиться въ Дрезденъ, чтобъ оттуда не медля ѣхать въ Зальцбрунъ, который манилъ меня, какъ мѣсто осѣдлаго на шесть недѣль пребыванія. Воротились въ Пирну, гдѣ и ночевали. На другой день съѣздили посмотрѣть одно, дѣйствительно удивительное мѣстоположеніе; а потомъ съѣздили въ крѣпость Кёнигштейнъ. Это, по неприступности, третья крѣпость въ мірѣ, съ Гибралтаромъ и Свеаборгомъ. Она стоитъ на площади высокой круглой горы, оканчивающейся отвѣсными скалами. Но меня все это уже не занимало, а только утомляло, день былъ полумрачный и холодный, а со мною не было теплаго пальто. Къ счастію съ Трг. было пальто, которое я надѣлъ на мое бѣлое пальто, и мнѣ стало сносно. Часовъ въ 6 воротились мы въ Дрезденъ, а на другой день въ 4 часа, по желѣзной дорогѣ, пустились въ Бреслау. Желѣзная дорога верстъ на тридцать прерывается шоссе. Ночевали въ какомъ то городкѣ; а на другой день были часовъ въ 11 въ Бреслау. Въ исторіи моей болѣзни, Тильманъ упоминаетъ „о романическихъ окрестностяхъ Зальцбруна, которыя невольно влекутъ *чувствительное сердце* къ наслажденію природою“. Этихъ окрестностей я не замѣчалъ на дорогѣ изъ Бреслау до Фрейбурга, но отъ Фрейбурга до Зальцбруна мы ѣхали на

лошадяхъ и уже все въ гору, и вдали рисовалась полукружіемъ цѣпь горъ. Но погода мерзость, хоть шубу надѣвай. Гулять не хочется, да и негдѣ: всюду нивы, а по нескошенному лугу ходить нельзя—штрафъ сдерутъ: вотъ тебѣ и „романическія окрестности, невольно влекущія чувствительное сердце къ наслажденію природой“! Тѣснота страшная, всюду люди, и буквально—негдѣ на дворъ сходить человѣку. А между тѣмъ, мѣстоположенія дѣйствительно манятъ къ прогулкѣ.

Вообще изъ моего пока еще краткаго пребыванія за границею я извлекъ глубокое убѣжденіе, что я вовсе не путешественникъ, и что въ другой разъ меня и калачомъ не выманишь изъ дому. Еще другое дѣло съ семействомъ; а одному слуга покорный. Мнѣ становится страшно; это я испытываю вотъ уже въ другой разъ. Пріѣхавъ въ Зальцбрунъ, я началъ выкладывать чемоданъ, и мнѣ вдругъ сдѣлалось такъ грустно, такъ грустно, что хоть плакать. Въ глазахъ мерещились всѣ вы, а въ ушахъ все раздавалось: Висаленъ Глаголичъ. Но какъ мнѣ тяжело было все сегодняшнее утро ($^6/_{18}$ воскресенье; письмо это пойдетъ на почту завтра)! Погода была все это время холодная, вѣтреная, но свѣтлая, ясная, а сегодня небо мрачно, кромѣ холода и вѣтра. Я вовсе раскисъ и изнемогъ душевно; вспомнилось и то и другое, насилу отчитался Мертвыми Душами. Чувствую, что пока не получу отъ тебя добраго письма, не буду спокоенъ, и жить мнѣ будетъ тяжело. А какое еще письмо получу я отъ тебя, и отъ тебя ли еще получу я его?.... Нѣтъ, впередъ ни за спасеніе жизни не уѣду вдаль отъ семейства. Я не гожусь въ путешественники еще и по слабости моего здоровья: вставай, ложись, ѣшь безъ порядку, когда можно, а не когда хочешь. Еслибъ не желаніе основательнѣе вылѣчиться, я въ августѣ махнулъ бы домой, не жалѣя, что не видѣлъ того и этого.

Докторъ велѣлъ мнѣ въ 8 часовъ вечера быть въ комнатѣ, несмотря ни на какую погоду, а въ 9½ быть въ постели. Должно быть, отъ холодной погоды на меня все это время напала спячка—сидѣть я не могу, ходить много тоже, а чуть прилягу—и засну. Въ сутки сплю я отъ 12 до 14 часовъ.

Анненковъ пріѣдетъ къ намъ въ Зальцбрунъ $\frac{\text{10 іюня}}{\text{29 мая,}}$ мы получили отъ него письмо. Іюня 4 онъ выѣзжаетъ изъ Парижа. Съ Кудрявцевымъ я надѣюсь скоро увидѣться, и вѣроятно, и ты скоро увидишь его.

Прощай, chère Marie, желаю тебѣ всего добраго и хорошаго также искренно и горячо, какъ желаю его самому себѣ. Обнимаю и цѣлую васъ всѣхъ. *Твой В. Б.*

Парижъ. 3 августа, н. с. 1847. Письмо твое отъ $^3/_{15}$ іюля, chère Marie, я получилъ въ poste restante, на третій день по пріѣздѣ въ Парижъ. Хоть ты въ немъ и не говоришь положительно, что твое положеніе опасно, но оно тѣмъ не менѣе почему то произвело на меня самое тяжелое впечатлѣніе. Я теперь только о томъ и думаю, какъ бы поскорѣе домой, да чтобъ ужъ больше одному не ѣздить отъ семейства дальше какъ изъ Петербурга въ Москву. Вообще все письмо твое дышитъ не здоровымъ. Конечно, къ нездоровью намъ давно уже пора привыкнуть, какъ къ нормальному нашему положенію, но мнѣ почему то кажется, что ты не совсѣмъ въ безопасномъ положеніи. День, въ который новое письмо твое разувѣритъ меня въ этомъ предположеніи, будетъ однимъ изъ луч-

шихъ дней въ моей жизни. Мнѣ такъ тяжело и грустно отъ мысли о твоемъ здоровьѣ, что не хочется писать о себѣ, и если я сдѣлаю это, то потому только, что могу сообщить тебѣ положительно хорошія извѣстія о состояніи моего здоровья, и надѣюсь разсѣять твои болѣзненныя предположенія на мой счетъ.

Я уже писалъ тебѣ, что мы съ Анненковымъ остановились въ Дрезденѣ на 4 дня. Тамъ я сшилъ себѣ дюжину рубахъ. Оттуда до Эйзенаха ѣхали мы по желѣзной дорогѣ. Въ Эйзенахѣ остановились ночевать. Поутру осмотрѣли замокъ Вюртбургъ, въ которомъ содержался Лютеръ. Въ часъ мы выѣхали изъ Эйзенаха во Франкфуртъ на Майнѣ, уже въ дилижансѣ, потому что на этомъ пространствѣ (40 верстъ) желѣзная дорога еще не готова. Ѣхать въ дилижансѣ послѣ желѣзной дороги—пытка: тѣсно, душно, да еще проклятые нѣмцы курятъ сигары—тоска, смерть да и только. Но всякой пыткѣ бываетъ конецъ, и часовъ около 7 на другой день поутру мы пріѣхали во Франкфуртъ. Тутъ мы ночевали, а на другой день переѣхали, по желѣзной дорогѣ, ночевать въ Майнцъ. Изъ Майнца отправились на пароходѣ по Рейну. День былъ гнусный: осенній мелкій дождь, вѣтеръ, холодъ. Въ каютѣ душно, на палубѣ мокро, сыро и холодно: одно спасеніе въ боковой каюткѣ на палубѣ, но тамъ курители сигаръ, эти мои естественные враги. Все это сдѣлало то, что я холодно смотрѣлъ на удивительныя мѣстоположенія, на виноградники, на средневѣковые замки, какъ реставрированные, такъ и въ развалинахъ. Вечеромъ прибыли въ Кёльнъ. Когда я сказалъ Анненкову, что рѣшительно не намѣренъ терять цѣлый день, чтобы полчаса посмотрѣть на Кельнскій соборъ,—съ нимъ чуть не сдѣлался ударъ. Онъ дико хохоталъ, всплескивалъ руками—я думалъ, что съума сойдетъ. Поутру мы пустились по желѣзной дорогѣ на Брюссель, куда и прибыли вечеромъ. Въ Брюсселѣ ночевали и провели слѣдующій день, ради усталости отъ дороги. Были въ соборѣ, куда попали на отпѣваніе покойника. Еще прежде видѣлъ я католическихъ поповъ: верхъ безобразія! Наши... передъ ними красавцы; по крайней мѣрѣ, какъ замѣтилъ Анненковъ, питтораскны, съ ихъ длинными волосами, бородою и широкимъ длиннымъ платьемъ. А здѣшніе—бритые, коротко-остриженные, съ трехъуголками на головѣ, въ длинномъ, но узкомъ платьѣ—мочи нѣтъ, какъ гадки. Но служба эффектна, особенно въ огромномъ соборѣ, когда, при пѣніи хора, органъ отвѣчаетъ трубѣ. Ну, да объ этомъ поговоримъ при свиданіи. На другой день, въ $8\frac{1}{2}$ часовъ по утру, отправились мы, по желѣзной дорогѣ, въ Парижъ, куда и прибыли часовъ въ 6 вечера. Когда еще мы приближались только къ французской границѣ, то уже начали чувствовать сильную перемѣну въ погодѣ: тепло, почти жарко, а въ Парижѣ нашли такую погоду, какой я уже не надѣялся нынѣшнимъ лѣтомъ и во снѣ видѣть. Переодѣвшись, поѣхали мы къ Герцену; там всѣ были такъ рады намъ, особенно эта добрѣйшая Марья Ѳедоровна Коршъ. Проболтали часовъ до 12. На другой день (въ пятницу 30 іюля), одинъ изъ моихъ парижскихъ друзей долженъ былъ привести ко мнѣ Тиро де Мальморъ; однако явился безъ него, потому что, ждавши его нѣсколько часовъ, едва могъ переговорить съ нимъ нѣсколько минутъ и взять съ него слово пріѣхать съ нимъ завтра ко мнѣ. Отъ этого прожданья не успѣли мы съѣздить на почту; впрочемъ, оттого больше, что не знали, что почта открыта только до 4 часовъ вечера. Пошли въ Тюльери. Меня съ перваго взгляда никогда и ничто не удовлетворяло, даже

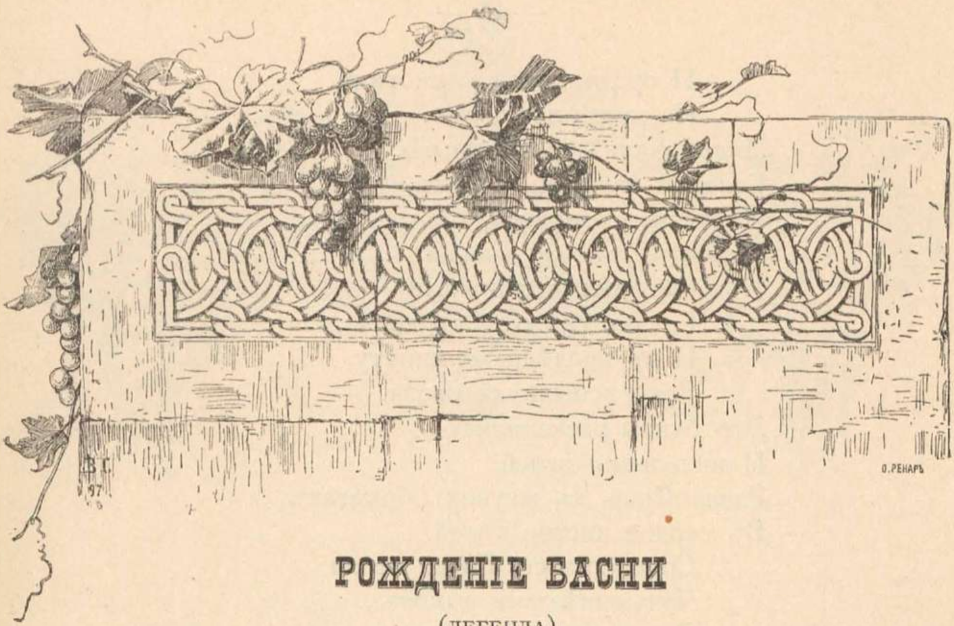
Кавказскія горы; но Парижъ съ перваго же взгляда превзошелъ всѣ мои ожиданія, всѣ мечты. Тюльерійскій дворецъ, съ его площадью, обсаженною каштанами, съ его терассою, съ которой смотришь на place de la Concorde (что прежде была площадь Революціи), съ ея обелискомъ, великолѣпными фонтанами— это, просто, братецъ ты мой, Шехеразада. Вечеромъ поѣхали мы (Герценъ съ Натальей Александровной, я и Анненковъ) въ Пале-ройяль: новое чудо, новая Шехеразада! Представь себѣ огромный четвероугольникъ залитыхъ огнемъ роскошныхъ магазиновъ, а въ серединѣ каштановый лѣсъ, съ большимъ бассейномъ, въ центрѣ котораго бьетъ въ формѣ плакучей березы, огромный фонтанъ! Вечеръ былъ до того тепелъ, что такъ и тянуло спать подъ самый фонтанъ, чтобъ освѣжиться его холодными брызгами. Но обо всемъ этомъ лучше говорить, чѣмъ писать. На другой день (въ субботу) часу въ 12, пріѣхалъ докторъ. Долго, внимательно слушалъ онъ меня, а потомъ сказалъ, что нѣтъ никакого сравненія моего положенія съ положеніемъ, въ которомъ онъ началъ лѣчить M-me Языкову, что онъ нисколько не считаетъ меня опаснымъ больнымъ и надѣется въ $1^1/_2$ мѣсяца не только возстановить мою грудь, но и вогнать меня въ тѣло, т. е. заставить потолстѣть и пожирѣть.

. .

Затѣмъ прощай, обнимаю и цѣлую всѣхъ васъ *).

Твой В. Бѣлинскій.

*) Писемъ изъ Парижа немного и всѣ они касаются хода лѣченія Бѣлинскаго.—22-мъ сентября 1847-го года было помѣчено послѣднее заграничное письмо Бѣлинскаго († 26 мая 1848 года). *Ред.*

РОЖДЕНІЕ БАСНИ

(ЛЕГЕНДА).

Торжество. Трубятъ герольды.
Завтра утромъ на зарѣ
Будутъ жечь нагую Правду
Всенародно на кострѣ.
Ждетъ весь городъ. Даже дѣти
Просятъ: „мама, разбуди“.
До зари, толпа народа
Собралась на площади.
Тамъ чернѣлъ костеръ зловѣщій
Заготовленный въ ночи,
И назначеннаго часа
Дожидались палачи.
Наконецъ... Сверкаютъ шлемы
И идетъ она, въ цѣпяхъ,—
Эта наглая, нагая,—
Со скрижалями въ рукахъ.
Привели. И привязали
У позорнаго столпа.
И костеръ мгновенно вспыхнулъ—
Такъ и ахнула толпа.
Пламя, взвившись по скрижалямъ,
Крѣпко сжало ихъ въ тиски
И коробило, и рвало,
И ломало ихъ въ куски.
А судья глядѣлъ безстрастно
На караемое зло.

И среди толпы у многихъ
На душѣ поотлегло.
Лишь вдали стоялъ уныло,
Головой на грудь поникъ,
И пугливо озираясь,
Плакалъ „тайный ученикъ".
Обгорѣлыя скрижали
Грузно рухнули въ дрова,
И въ послѣднюю минуту
Ярко вспыхнули слова.
Это буквы раскалились—
И мильонами огней
Разлетѣлись въ жгучихъ брызгахъ
Въ сердце чистое дѣтей.
Совершилось. Груда пепла,
Чуть-синѣющій дымокъ...
Отъ преступницы остался—
Догоравшій уголекъ.
Вдругъ — изъ пепла, невредима
И не тронута огнемъ,
Появилась та-же Правда—
Со смѣющимся лицомъ.
Прикрываясь прибауткой,
Добродушно хохоча,—
Держитъ рѣчь она къ народу
На глазахъ у палача.
Говоритъ она все то же...
А они — гляди, гляди:
Цѣлый громъ рукоплесканій
Раздался на площади.
Вотъ, ведутъ обратно въ городъ
Правду-Басню съ торжествомъ.
Самъ судья ее съ поклономъ
Званой гостьей ввелъ въ свой домъ.
Повели ее по школамъ,
И заставили дѣтей
Повторять ея уроки
Подъ диктовку матерей.

А. Баровиковскій.

Университетскій курсъ Грановскаго.

I.

За послѣдніе годы наша печать много занималась Грановскимъ. Переизданы были его сочиненія и его біографія, написанная А. В. Станкевичемъ; вновь издана его переписка; охарактеризованы нѣсколькими профессорами исторіи его общія историческія воззрѣнія; наконецъ, составлена новая біографія, авторъ которой старался освободиться отъ панегирическаго тона и ввести оцѣнку дѣятельности Грановскаго въ болѣе широкія рамки—современныхъ ему общественныхъ движеній. Въ итогѣ всѣхъ этихъ новыхъ и обновленныхъ работъ личность Грановскаго, безъ сомнѣнія, представляется намъ въ болѣе отчетливыхъ чертахъ, чѣмъ прежде. Но въ этомъ отчетливомъ образѣ, отдѣльныя детали котораго перерисовываются и отдѣлываются съ такой тщательностью и любовью нашими изслѣдователями, до сихъ поръ остается, къ удивленію, незаполненнымъ огромное бѣлое пятно. Человѣкъ, считавшій профессуру главнымъ своимъ призваніемъ, на ней сосредоточившій весь жаръ своей души, въ ней принужденный находить главное, если не единственное средство быть полезнымъ русскому обществу,—этотъ человѣкъ донынѣ менѣе всего оказывается извѣстенъ намъ, какъ университетскій профессоръ. Мы знаемъ Грановскаго хорошо и непосредственно, какъ писателя, какъ члена извѣстнаго общественнаго кружка, какъ товарища, даже какъ семьянина; но о его профессорской дѣятельности мы до сихъ поръ принуждены судить по отзывамъ его друзей и слушателей, по его собственнымъ отзывамъ,—по чему угодно, только не по прямымъ продуктамъ этой самой дѣятельности.

Конечно, эти продукты въ полной ихъ жизненности теперь уже возстановлены быть не могутъ. Мы должны примириться съ тѣмъ, что „тайна живой, увлекательной рѣчи“ Грановскаго навсегда отошла въ прошлое, вмѣстѣ съ поко-

лѣніемъ людей, слѣдившихъ за выраженіемъ его лица, то одушевленнымъ, то грустнымъ, слышавшихъ тихій, проникавшій въ душу голосъ профессора. Вмѣстѣ съ этой тайной исчезло безвозвратно и то очарованіе, которое испытали очевидцы университетскихъ чтеній Грановскаго,—и которое они безсильны передать намъ. Понятно, при этихъ условіяхъ, ихъ колебаніе—ввѣрить чуточку новому поколѣнію мертвый остовъ рѣчи, трепетавшей когда-то жизнью и все еще живой въ ихъ воспоминаніи. Но для насъ уже не существуетъ болѣе этихъ мотивовъ. Намъ легче констатировать тотъ несомнѣнный фактъ, что и для Грановскаго, наконецъ, наступила исторія. Мы можемъ сдѣлать это тѣмъ смѣлѣе, чѣмъ болѣе мы увѣрены, что никакая исторія не можетъ лишить Грановскаго того полезнаго положенія, которое онъ занялъ въ общемъ ходѣ развитія русскаго общества и русской науки — именно тѣмъ, что работалъ для науки и общества *своего* времени. Для историка, болѣе чѣмъ для кого либо другого, должны служить аксіомой слова поэта:

...Wer für seine Zeit gelebt,
Der hat gelebt für alle Zeiten.

Съ этой точки зрѣнія мы должны взглянуть и на университетскую дѣятельность Грановскаго. Мѣрить ее научными требованіями нашего времени—значило бы отказывать ей въ той исторической оцѣнкѣ, которая одна только и можетъ опредѣлить ея истинное значеніе. Для *нашего* времени университетскія лекціи Грановскаго уже не годятся,—и вотъ причина,—помимо неточности студенческихъ записей—почему онѣ остаются и, вѣроятно, надолго останутся ненапечатанными въ полномъ своемъ видѣ. Но изъ того, что эти лекціи не имѣютъ значенія въ настоящемъ, еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы мы имѣли право отказываться отъ оцѣнки ихъ значенія въ прошломъ. Каковы бы ни были сами по себѣ недостатки лекцій Грановскаго, мы можемъ быть заранѣе увѣрены, что изученіе ихъ освѣтитъ намъ три очень интересныхъ вопроса.

Во первыхъ, преподаваніе Грановскаго составляетъ страницу, и одну изъ самыхъ важныхъ, въ исторіи нашего университетскаго преподаванія вообще. Начавшееся въ блестящіе годы обновленія Московскаго университета и кончившееся въ годы самыхъ тяжелыхъ испытаній для русской университетской науки, это преподаваніе отдѣлено цѣлой бездной отъ предшествовавшихъ ему университетскихъ чтеній и, наоборотъ, неразрывно связано съ преподаваніемъ послѣдующихъ профессоровъ. Такое положеніе преподавательской дѣятельности Грановскаго объясняетъ намъ и то значеніе, которое она имѣетъ для развитія русской исторической науки.

Какой кругъ научныхъ взглядовъ и интересовъ вынесли изъ аудиторіи Грановскаго его ученики, ставшіе скоро его товарищами или преемниками по преподаванію,—вотъ другой вопросъ, который нельзя выяснить безъ знакомства съ содержаніемъ университетскихъ лекцій Грановскаго. Наконецъ, третій вопросъ, уясняемый ими, касается литературно-научной дѣятельности самого Грановскаго. Здѣсь, въ этихъ лекціяхъ, мы найдемъ зародыши нѣсколькихъ его печатныхъ работъ, и сравнивая послѣднія съ лекціями, мы увидимъ, какъ внимательно слѣдилъ Грановскій за новыми явленіями въ сферѣ своей науки, какъ настойчиво добивался онъ истины, не успокоиваясь на разъ принятомъ воззрѣніи; мы

поймемъ также, чѣмъ объясняется его выборъ сюжетовъ для печатныхъ работъ и какъ мало случайнаго въ этомъ выборѣ; даже, мнѣ кажется, мы поймемъ не только причины того, что Грановскій сдѣлалъ,—но и объясненіе того, почему Грановскій не успѣлъ сдѣлать остальнаго. Если угодно,—все это не ново; обо всемъ этомъ съ замѣчательной проницательностью и тактомъ говорилъ уже другъ и ученикъ Грановскаго, Кудрявцевъ. Но только, проникнувъ сами въ ученую ла-

Грановскій.

бораторію Грановскаго при помощи его лекцій, мы можемъ оцѣнить по достоинству правдивыя, чуждыя всякаго пристрастія объясненія Кудрявцева.

Въ печати изъ университетскихъ лекцій Грановскаго появились только небольшіе отрывки, не могущіе дать понятія о цѣломъ *). Въ рукахъ пр. Вино-

*) Въ журналѣ „Время" за 1862 г. напечатано Бабстомъ введеніе въ курсъ средневѣковой исторіи и характеристики нѣсколькихъ римскихъ императоровъ: затѣмъ проф. Вино-

градова былъ собственноручный конспектъ цѣлаго курса, относимый имъ къ 1839 году (т. е. къ самому началу чтеній Грановскаго въ университетѣ), и студенческая запись курса 1843—1844 г.; но пр. Виноградовъ не ставилъ своей задачей—воспользоваться этими рукописными остатками для характеристики университетскаго курса Грановскаго. Мнѣ лично матеріалъ этотъ остается неизвѣстнымъ, и практическая *) цѣль настоящей статьи не позволяетъ мнѣ дожидаться времени, когда обстоятельства дадутъ мнѣ возможность съ нимъ познакомиться. Единственнымъ моимъ матеріаломъ, на который я хочу обратить вниманіе читателя, служитъ неизвѣстный до сихъ поръ въ печати курсъ 1845—1846 года въ студенческой записи того времени. Курсъ этотъ принадлежитъ вѣрному слушателю Грановскаго, бывшему товарищу предсѣдателя рязанскаго окружнаго суда, М. М. Латышеву, который любезно отдалъ его въ мое распоряженіе **). Текстъ, сохранившійся у М. М. Латышева, не чуждъ обычныхъ студенческихъ недоразумѣній; но, вообще говоря, онъ составленъ чрезвычайно тщательно на основаніи записей нѣсколькихъ студентовъ. Тщательность, съ которой составлялся сводный текстъ, видна уже изъ того, что всѣ сомнительныя мѣста отмѣчены въ немъ знаками вопроса; часто сохранены параллельные варіанты записей, иногда даже совершенно незначительные. При такомъ характерѣ текста во многихъ мѣстахъ удалось сохранить не только содержаніе лекціи Грановскаго, но и ея характерную форму. Эта форма, которую, конечно, нельзя было бы поддѣлать, сама по себѣ является ручательствомъ за точность записи; другое доказательство этой точности можно было бы найти сопоставляя текстъ лекцій съ параллельными мѣстами печатныхъ статей Грановскаго. Большею частью, печатный текстъ оказывается въ такихъ случаяхъ болѣе сжатымъ, чѣмъ текстъ лекцій; въ отдѣльныхъ случаяхъ сходство почти доходитъ до тожества.

Предметомъ курса служитъ средневѣковая исторія,—наиболѣе обычная и любимая тема университетскихъ лекцій Грановскаго. Къ этому курсу онъ готовился уже во время заграничной командировки; съ него онъ началъ свое преподаваніе въ 1839 году. Изъ переписки видно, что несмотря на самую напряженную работу, Грановскій былъ недоволенъ своимъ первымъ курсомъ и считалъ, что онъ еще недостаточно владѣетъ предметомъ ***). Сравненіе конспекта 1839 г. съ нашимъ

градовъ издалъ въ „Сборникѣ въ пользу недостаточныхъ студентовъ университета св. Владиміра“ (СПБ. 1895) введеніе къ курсу по собственноручному конспекту 1839 года, съ дополненіями изъ студенческой записи 1843—44 гг.

*) Статья была написана П. Н. Милюковымъ въ короткій срокъ спеціально для настоящаго сборника, печатаніемъ котораго необходимо было спѣшить. *Ред.*

**) Въ настоящее время этотъ курсъ Грановскаго переданъ мною, съ согласія уважаемаго М. М. Латышева, въ собственность историческаго музея, въ библіотекѣ котораго хранятся и другія рукописныя записи курсовъ Грановскаго.

***) Переписка, стр. 365: „я читаю среднюю исторію, два курса: одинъ для юристовъ, другой для филологовъ; всего шесть часовъ въ недѣлю. Работы ужасно много, болѣе, нежели я думалъ. Круглымъ числомъ я занимаюсь по 10 часовъ въ сутки, иногда приходится и болѣе. Польза отъ этого постояннаго, упрямаго труда (какого я до сихъ поръ не зналъ), очень велика: я учусь съ каждымъ днемъ. Только теперь начинаю понимать исторію въ связи. Студенты мною довольны, а я ими еще болѣе... Я очень знаю, что еще не стою этого вниманія, вижу ясно всѣ недостатки,—и чувствую рѣшительную невозможность—читать въ *этомъ*

курсомъ 1845—46 г. могло бы показать, насколько онъ успѣлъ усовершенствовать свой курсъ. Не имѣя возможности сдѣлать это сравненіе, мы замѣтимъ только, что во время самыхъ чтеній 1845—46 г. Грановскій едва ли могъ посвятить много времени переработкѣ своего средневѣковаго курса, такъ какъ въ одномъ университетѣ онъ занятъ былъ въ это время 10 часовъ въ недѣлю, да сверхъ того читалъ второй изъ своихъ публичныхъ курсовъ, который собирался напечатать и которому, вѣроятно, посвящалъ большую часть своего рабочаго времени *). Несмотря на это, годъ нашей записи, 1845—46, можетъ считаться очень благопріятнымъ моментомъ для характеристики университетскаго курса Грановскаго. Съ одной стороны, Грановскій успѣлъ къ этому времени достаточно углубиться въ историческій матеріалъ: это видно уже изъ того, что съ этого времени онъ начинаетъ по частямъ обработывать содержаніе своего курса для цѣлаго ряда журнальныхъ статей и рецензій. Съ другой стороны, имъ еще не овладѣло тяжелое настроеніе послѣднихъ лѣтъ его жизни, то острое недовольство собой и жизнью, которое такъ сквозитъ въ перепискѣ,—та „апатія и усталость", которую слушатели послѣднихъ выпусковъ подмѣчали на лицѣ профессора.

Съ внѣшней стороны, рукопись лекцій представляетъ четырнадцать пожелтѣвшихъ тетрадокъ въ четвертку, по пяти листовъ въ каждой. Листы эти плотно исписаны (по 40—50 строкъ на четверткѣ) мелкимъ убористымъ почеркомъ (45—55 буквъ въ строкѣ). Всего, слѣдовательно, въ нашей рукописи заключается 280 страницъ, равняющихся, приблизительно, 210—230 страницамъ Русской Мысли или Вѣстника Европы. Первыхъ двухъ тетрадокъ не хватаетъ и нумерація тетрадей идетъ отъ 3 до 16-ой. Такимъ образомъ, первыхъ лекцій, заключавшихъ, повидимому, общее введеніе къ курсу, не сохранилось; пробѣлъ этотъ, впрочемъ, можетъ быть пополненъ введеніемъ къ курсу 1839 г., напечатаннымъ пр. Виноградовымъ. Больше приходится пожалѣть о томъ, что курсъ останавливается на описаніи борьбы между папствомъ и имперіей,—т. е. не содержитъ въ себѣ отдѣла, который самъ Грановскій признавалъ въ 1840 году «лучшей частью курса» **) и который онъ въ 1846 году собирался «пройти довольно подробно» (лекція 41-ая).

Въ сохранившейся части курса содержатся 52 лекціи ***). По содержанію

году иначе. Здѣсь рѣчь идетъ не о способѣ изложенія, а о расположеніи частей предмета. Между ними нѣтъ соразмѣрности—многое прочтешь слишкомъ подробно, другое кратко- самъ не знаешь, какъ быть.—Ср. тамъ же, стр. 331: „Я самъ недоволенъ моими лекціями, и ни за что не согласился бы прочесть еще разъ то, что читалъ, но не могу не замѣтить успѣха... Еще года два — и я буду хозяиномъ предмета; теперь онъ владѣетъ мною, не я имъ".

*) Переписка, стр. 419—420, письмо отъ 17 окт. 1845 г.: „я работаю много теперь. У меня въ университетѣ 10 лекцій въ недѣлю. Сверхъ того я собираюсь читать публичный курсъ". Тамъ же, 421—422, письмо отъ февраля 1846 г.: „я никогда не былъ такъ занятъ, какъ нынѣшнею зимою.. Публичныя мои лекціи идутъ хорошо... Лѣтомъ... займусь приготовленіемъ къ печати моихъ лекцій. Хочется издать „Курсъ сравнительной исторіи Франціи и Англіи до XVII вѣка".

**) Переписка, стр. 381.

***) Отъ 6 до 53—54, или, вѣроятнѣе, 55 — 56, такъ какъ послѣднія лекціи (сколько?) не отдѣлены отъ „лекцій 53—54". При этомъ цифра тридцать повторена дважды.

эти лекціи распредѣляются слѣдующимъ образомъ (тутъ мы сохраняемъ рубрики и заглавія студенческой записи):

Источники и пособія къ средневѣковой исторіи	1 лекція.
Введеніе въ исторію среднихъ вѣковъ.	$15^1/_2$ лекцій.
О германцахъ	$2^1/_2$ лекціи.
Исторія переселенія народовъ	3 лекціи.
Исторія отдѣльныхъ государствъ германскихъ, возникшихъ на римской почвѣ:	
1. Вандалы. 2. Вестготѳы. 3. Остъ-готѳы. 4. Англо-Саксы .	3 лекціи.
Исторія франковъ	$4^1/_2$ лекціи.
Лангобарды	1 лекція.
Карлъ Великій	3 лекціи.
Людовикъ Кроткій	$^1/_2$ лекціи.
Исторія Германіи отъ 887—1056	$2^1/_2$ лекціи.
Исторія Скандинавскаго полуострова	$3^1/_2$ лекціи.
Франція	1 лекція.
Феодализмъ	$2^1/_2$ лекціи.
Города и городскія общины, церковь	1 лекція.
Исторія Византіи (и магометанскаго Востока).	$3^1/_2$ лекціи.
Крестовые походы	2 лекціи.
Исторія западной Европы въ теченіе 12 и 13 вѣковъ . .	2 (?) лекціи.
Всего . .	52 лекціи.

Сравнивая количество лекцій съ размѣрами рукописи, мы найдемъ, что каждая лекція, въ среднемъ, записана на 5—6 страницахъ рукописи или на 4 съ небольшимъ страницахъ печатныхъ. Имѣя въ виду, что сплошь писанный текстъ часовой лекціи занимаетъ обыкновенно около 12 страницъ печатнаго текста, придемъ къ заключенію, что составленный студентами текстъ, при всей тщательности составленія, не можетъ считаться полнымъ воспроизведеніемъ живой рѣчи Грановскаго. Мы не назвали бы его, однако, и конспектомъ, такъ какъ въ немъ видно постоянное стремленіе передать профессорскую рѣчь буквально. Результатомъ этого стремленія явилась нѣкоторая неровность изложенія. Рядомъ съ предложеніями, носящими на себѣ несомнѣнный отпечатокъ простоты и изящества стиля Грановскаго, иногда встрѣчаются фразы, смыслъ и форму которыхъ слушателямъ не удалось уловить, какъ слѣдуетъ. Для послѣдующихъ цитатъ мы выбирали мѣста хорошо записанныя; собственныя наши поправки и дополненія мы дѣлаемъ въ скобкахъ.

Какъ видно уже изъ приведеннаго списка заглавій, — въ пятьдесятъ двѣ лекціи Грановскій умѣстилъ необычное для теперешняго профессорскаго курса

Замѣтно, что въ записи чередуются то двѣ лекціи, прочитанныя вмѣстѣ иногда съ отмѣткой: часъ первый, часъ второй), то одна. Это показываетъ, что курсъ состоялъ изъ трехъ часовъ въ недѣлю, что даетъ около 75 лекцій въ годъ. По неправильностямъ чередованія можно насчитать до четырехъ двухъчасовыхъ лекцій и одну или двѣ часовыя, пропущенныя Грановскимъ, всего 10 часовъ. Остается, слѣдовательно, 65 часовъ, или на 8 часовъ больше, чѣмъ заключаетъ сохранившійся курсъ. Прекратилъ ли Грановскій лекціи до срока, или же послѣднія лекціи не сохранились,—этого владѣлецъ записи не помнитъ отчетливо, хотя скорѣе готовъ предположить первое.

количество матеріала. Надо прибавить къ этому, что онъ, очевидно, не могъ предполагать въ своихъ слушателяхъ и тѣхъ скромныхъ познаній, которыя даются теперешнимъ гимназическимъ курсомъ исторіи; поэтому онъ принужденъ былъ сообщать аудиторіи множество свѣдѣній, пріобрѣтаемыхъ теперь въ курсѣ среднеучебныхъ заведеній. Эти условія зачастую превращаютъ лекцію Грановскаго въ простой, безъ всякихъ претензій, фактическій разсказъ. Въ этомъ отношеніи, какъ и въ отношеніи формы, онъ самъ очень хорошо характеризовалъ свой курсъ слѣдующими словами: «я читаю факты, безъ raisonnement и безъ педантизма. Иногда привожу больше подробностей, чѣмъ нужно. Говорю очень просто и скромно, но не всегда въ состояніи сдержать себя». Дѣйствительно, дойдя до интересующихъ его вопросовъ и эпизодовъ, Грановскій становится обстоятеленъ и даритъ слушателей то критическимъ экскурсомъ, то яркой характеристикой, то живописной картиной. Эти отступленія и остановки какъ нельзя болѣе рельефно рисуютъ передъ нами симпатіи историка, на что мы обратимъ, поэтому, особое вниманіе.

II.

Сохранившаяся часть курса 1845—46 гг. начинается съ указанія «источниковъ и пособій»; въ дальнѣйшемъ изложеніи курса Грановскій также указываетъ важнѣйшіе источники и пособія передъ началомъ каждаго отдѣла. Не останавливаясь на этихъ указаніяхъ, нѣкоторыми изъ которыхъ мы воспользуемся ниже,—переходимъ прямо къ плану курса и къ тому общему опредѣленію, которое даетъ Грановскій исторіи среднихъ вѣковъ. То и другое мы приведемъ словами студенческой записи:

„Исторію среднихъ вѣковъ мы начнемъ не съ той эпохи, съ какой ее обыкновенно начинаютъ,—т. е. съ паденія западной римской имперіи. Такое начало слишкомъ рѣзко, слишкомъ насильственно отрываетъ исторію среднихъ вѣковъ отъ исторіи древней. Для полнаго уразумѣнія органической связи, существующей между жизнію средневѣковою и древнею, необходимо предпослать введеніе, въ которомъ въ краткихъ чертахъ изложимъ судьбу римской имперіи отъ императора Августа до ея паденія. Въ этомъ введеніи мы познакомимся съ тѣми элементами древней жизни, которые вошли въ жизнь среднихъ вѣковъ образовательными началами. Такихъ элементовъ было много. Потомъ мы раздѣлимъ все изложеніе исторіи среднихъ вѣковъ на три большіе отдѣла. Въ первомъ заключается время броженія стихій, изъ которыхъ ожидалась европейская жизнь, время образованія новыхъ государствъ и новыхъ началъ. Границею этого періода можно поставить Карла Великаго, который замыкаетъ весь этотъ періодъ. Второй періодъ—полнаго развитія всѣхъ началъ, на которыхъ основывается жизнь среднихъ вѣковъ. Граница этого періода: конецъ 13 и начало 14 столѣтія. Здѣсь не можетъ быть рѣзкихъ рубежей: одно время переходитъ въ другое, такъ что новое время носитъ на себѣ еще много признаковъ времени отживающаго. Третій отдѣлъ содержитъ разложеніе стихій средневѣковой жизни, паденіе тѣхъ великихъ религіозныхъ и политическихъ учрежденій, которыя характеризуютъ эту жизнь, начало оппозиціи противъ тѣхъ идей, которыя прежде такъ могущественно господствовали надъ умами, и оппозиціи религіозной, политической и литературной; онѣ выходятъ ясно наружу и становятся жизненными событіями въ началѣ XVI вѣка.

„Я надѣюсь представить полную характеристику среднихъ временъ, излагая исторію, —изъ самыхъ событій. Но, если бы потребовалось короткое опредѣленіе этого времени (хотя такое опредѣленіе не можетъ истощить всего жизненнаго богатства, которое лежитъ въ каждомъ времени: можно уловить и выставить однѣ господствующія черты),— объ исторіи среднихъ вѣковъ можно сказать, что было время фантастическое, время стремленія къ абстрактнымъ цѣлямъ. Вся жизнь среднихъ вѣковъ,—разумѣя подъ этимъ именемъ ту часть исторіи среднихъ вѣковъ, въ которой жизненное начало дѣйствуетъ съ наибольшей силой, —состоитъ въ борьбѣ абстрактныхъ противоположностей, императорской и папской власти, феодализма и духовной іерархіи, въ борьбѣ отдѣльныхъ силъ и направленій общества, изъ коихъ каждое объявляло эгоистическое требованіе на отдѣльное существованіе. Въ средніе вѣка не возникло еще понятіе о полной, гармонической жизни всѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается общество, — понятіе, исключительно принадлежащее нашему времени".

«Время стремленія къ абстрактнымъ цѣлямъ», — «борьбы абстрактныхъ противоположностей»—эти термины звучатъ непривычно для уха современнаго читателя. Съ перваго раза непонятно, что хочетъ сказать Грановскій, характеризуя ими эпоху, наименѣе склонную къ отвлеченностямъ. Объясненіе заключается въ приведенной же цитатѣ: абстрактныя стремленія есть, очевидно, стремленія «отдѣльныхъ силъ» къ исключительному преобладанію,—въ противоположность «гармоніи всѣхъ элементовъ», создающей «конкретную» полноту жизни. Это не только мысль,—это даже терминологія Гегеля, — и всякій знакомый съ его философіей сразу пойметъ, что разумѣетъ Грановскій подъ этимъ противоположеніемъ «абстрактнаго» и «конкретнаго». Исторія человѣчества—есть исторія развивающагося въ ней «духа», приходящаго въ результатѣ историческаго процесса къ сознанію самого себя, своей свободы,—составляющей его коренной и неотъемлемый признакъ. Только сознавъ себя вполнѣ, духъ находитъ себѣ полное выраженіе въ соціальномъ строѣ, воплощается въ немъ конкретно; до этого момента форма будетъ всегда находиться въ противорѣчіи съ духомъ, не будетъ выражать его вполнѣ и, стало быть, стремленіе духа выразить себя вовнѣ—будетъ оставаться «абстрактнымъ», неполнымъ, одностороннимъ.

Исходя изъ такого пониманія историческаго процесса, какъ представляетъ себѣ Грановскій ту роль, которую играютъ въ этомъ процессѣ—средніе вѣка? Въ этомъ случаѣ его мнѣнія тоже сходятся съ Гегелемъ, — но на этотъ разъ не съ однимъ имъ. Начало полной побѣды духа есть для Гегеля христіанство; и въ этомъ смыслѣ средніе вѣка и новая исторія—есть, въ сущности, одинъ и тотъ же періодъ исторіи, глубокой пропастью отдѣленный отъ древняго міра. Но такой взглядъ раздѣляется и тѣми руководствами по средней исторіи, которыя рекомендуетъ студентамъ Грановскій [1]).

[1]) Leo, Lehrbuch der Universalgeshichte, 1836, II, 476: „со времени Константина Великаго исторія христіанской церкви есть зерно, душа и основное жизненное начало всемірной исторіи. Ср. *Rehm*, Handbuch, I, 4: Es beginnt mit ihr (der Periode des Mittelalters) eine neue Gesttaltung des Menschengeschlechts, welche zwar vieles aus dem Alterthume aufnahm, aber doch in mancher Beziehung einen Gegensatz zu demselben aufstellte. Die neuere Zeit ist aus dem Mittelalter, welches gleichsam den ersten Theil derselben bildet, hervorgegangen. Тамъ же см. замѣчаніе о невозможности рѣзкихъ дѣленій исторіи на періоды и опредѣленіе „періода", какъ такого промежутка времени, когда, „при всѣхъ различіяхъ въ мѣстѣ и времени отдѣльныхъ происшествій, въ нихъ обнаруживается одна руководящая и преобладающая идея, составляющая *духъ времени*". Естественно, что при своей всемірно-исторической точкѣ зрѣнія

Согласно съ этими представленіями и Грановскій дѣлитъ исторію на два отдѣла: «исторія древностей или исторія человѣка природнаго, естественнаго, по выраженію ап. Павла, и исторія новая или исторія человѣка духовнаго, по выраженію того же Апостола». Въ римской исторіи кончалась исторія естественнаго человѣка и началась чуждая исторія духовнаго человѣка, непрерывно продолжающаяся доселѣ. «Основная идея (среднихъ вѣковъ и новаго времени) одна и та же», говоритъ Грановскій; «но явленія становятся разнообразнѣе, духъ богаче. Такимъ образомъ, зародышъ настоящей жизни лежитъ въ возможности (въ потенціи) уже и въ среднихъ вѣкахъ; нашъ вѣкъ, болѣе свободный, не скованный тѣми условіями, которыя тяготѣли надъ средними вѣками, развиваетъ ихъ». Напротивъ, отъ римской имперіи къ среднимъ вѣкамъ не могло быть никакого непрерывнаго, органическаго перехода; «идея» новаго времени должна была разрушительно подѣйствовать на старыя формы, въ которыхъ выразился «народный духъ» древняго міра. Старая идея умираетъ; новая, чуждая ей, противорѣчащая, — является на смѣну. Такова основная концепція «переходныхъ временъ» у Грановскаго. Это—не эволюція, а революція. Таково и отношеніе древняго міра къ среднимъ вѣкамъ. Вотъ какъ опредѣляетъ это отношеніе Грановскій.

„Въ третьемъ столѣтіи мы видимъ на престолѣ римскомъ нѣсколькихъ отличнѣйшихъ государей, въ которыхъ проснулся римскій духъ во всей своей энергіи и гордости, хотя они были отчасти иноземцы, усвоенные Римомъ. Римъ опирался на 32 легіонахъ—такое войско, которому равнаго не могъ противопоставить ни одинъ народъ. Матеріальное благосостояніе Рима, хотя поколебленное, было еще велико. Отличные ученые являлись во всѣхъ отрасляхъ знанія. Въ сенатѣ засѣдали люди съ патріотическимъ чувствомъ, съ любовію къ добру. И между тѣмъ, несмотря на всѣ усилія императоровъ, отдѣльныхъ лицъ изъ сената, и реформы, которыя всѣ стремились къ одной цѣли, — эта цѣль осталась недостигнутою. Въ исторіи человѣчества есть такія несчастныя эпохи, въ которыя реформы не могутъ быть дѣломъ такъ называемаго правильнаго развитія *), въ которыя между требованіями новаго времени и между требованіями и притязаніями уцѣлѣвшихъ историческихъ остатковъ—существуетъ противорѣчіе, которое можетъ быть уничтожено только насиліемъ. Такое насиліе совершено было въ древнемъ мірѣ черезъ Германцевъ, въ XVIII в. черезъ французскую революцію“ **).

Теперь мы оріентированы относительно того, что будетъ искать Грановскій въ исторіи римской имперіи, составляющей у него «введеніе» о среднихъ вѣкахъ. Упадокъ стараго духа и безплодныя попытки возстановить его, недовольство

Грановскій не одобряетъ изложеніе средневѣковой исторіи по народностямъ, въ этнографическомъ порядкѣ. По его словамъ, это—„дурной порядокъ, возможный только въ новой исторіи но неудобный въ средней,—ибо исторія среднихъ вѣковъ пересѣкается часто великими событіями, довольно общими всѣмъ государствамъ“. Всѣ симпатіи Грановскаго на сторонѣ порядка, принятаго его любимымъ руководствомъ, которое еще въ 1838 году онъ собирался сдѣлать своею „нитью въ первые годы профессорства“ (переписка, 353)—именно Лео. По выраженію Грановскаго, Лео раздѣляетъ среднюю исторію „на живыя части одного организма,—на жизненные отдѣлы, по направленіямъ“,—т. е. именно такъ, какъ требовала философія исторіи Гегеля и какъ хотѣлъ дѣлить исторію самъ Грановскій.

*) Ср. замѣчаніе *Rehm*'а, op. cit., 3, о различіи Revolutionen и Evolutionen.

**) Идею цитированнаго отрывка могло дать Грановскому мѣсто у *Schlosser*'а, Uniwersal-historische Uebersicht der Geschichte der alten Welt unde ihrer Cultur B. III. 2 Abth. Frkf. a M. 1831, стр. 130.

старымъ и безсильныя порыванія въ новый, невѣдомый міръ; чуждые, иноземные народы на римскомъ тѣлѣ, способствующіе денаціонализаціи и превращающіе мало-по-малу государственный организмъ въ механическій агломератъ, готовый распасться отъ перваго толчка,—вотъ черты, которыя Грановскій подчеркиваетъ въ своемъ разсказѣ. Онъ сообщаетъ мимоходомъ факты, свидѣтельствующіе о перерожденіи соціальнаго состава и разрушеніи политическихъ формъ; но не здѣсь лежитъ его главный интересъ: основныхъ причинъ разрушенія Рима онъ ищетъ въ мірѣ нравственныхъ явленій. Это настроеніе источника обнаруживается уже въ самомъ началѣ его очерка римской исторіи, въ любопытной характеристикѣ Юлія Цезаря, которую приведемъ цѣликомъ.

„Юлій Цезарь положилъ конецъ существованію Римской республики въ прежней ея формѣ. Имъ оканчивается зрѣлый возрастъ древняго міра; онъ стоитъ какъ бы на порогѣ между двумя періодами жизненнаго развитія древности—безспорно, самаго величаваго, самого дивнаго изъ всѣхъ личностей, которыя выступали когда-нибудь на сцену древней жизни. Нужно было это удивительное соединеніе всѣхъ пороковъ, всѣхъ странныхъ силъ, развившихся въ развращенной республикѣ римской, съ добродѣтелями новыми, чуждыми имъ,—которыя сошлись въ Цезарѣ, для того чтобъ произвести такой рѣшительный переворотъ. Въ молодости своей Цезарь былъ однимъ изъ начальниковъ буйной аристократической молодежи, которая волновала Римъ оргіями и разными заговорами. Аристократъ по происхожденію, съ гордостью вычислявшій въ надгробномъ словѣ бабкѣ своей своихъ громкихъ предковъ, производившій родъ свой отъ боговъ и царей, Юлій Цезарь былъ величайшимъ демократомъ древняго міра—онъ убилъ окончательно римскую аристократію въ самыхъ преданіяхъ ея, онъ унизилъ сенатъ до гладіаторскихъ упражненій, вывелъ всадниковъ на сцену въ презрительномъ для тогдашнихъ римлянъ званіи актеровъ, смѣялся надъ самыми святыми и великими преданіями римской исторіи, ввелъ въ сенатъ толпы иностранцевъ, людей, выключенныхъ изъ списка римскихъ гражданъ, но служившихъ ему вѣрно въ его враждѣ съ сенаторами. Однимъ словомъ, ни одно изъ величайшихъ преданій римской жизни не остановило его насмѣшекъ и фактическихъ насилій. — Съ другой стороны, Юлій Цезарь облегчилъ бѣдственное положеніе провинцій, страдавшихъ подъ невыносимымъ ярмомъ римскихъ намѣстниковъ. Съ этого времени Римъ пересталъ быть главнымъ городомъ, провинціи перестали быть только средствами. Онъ, такъ сказать, разбилъ грань римской національности, вышедши самъ изъ нея. Объ его характерѣ Светоній разсказываетъ такія черты, которыя приводятъ въ изумленіе даже Светонія, хотя принадлежащаго къ позднѣйшему періоду римской имперіи. Этотъ историкъ съ величайшимъ удивленіемъ разсказываетъ, что Цезарю недоставало духа предавать пыткѣ рабовъ своихъ — вещь самая обыкновенная для римскихъ аристократовъ, — что ему недоставало твердости отмстить шпіонамъ, которые предали его во время гоненія Суллы. Эта мягкость была совсѣмъ не въ римскихъ нравахъ. Цезарь не даромъ жилъ почти въ одно время съ началомъ христіанства. Сѣмена его, зародышъ—лежитъ во времени Цезаря. Уже языческій элементъ побѣжденъ этимъ новымъ человѣкомъ, хотя этотъ новый человѣкъ еще носитъ много грязнаго, завѣщаннаго прежней жизнью римской республики. Въ смыслѣ древности (убійцы Цезаря) дѣйствовали законно. И пороки и добродѣтели Цезаря были равно гибельны для порядка вещей, который они защищали *)... Весьма любопытно то обстоятельство, что у трупа Цезаря собрались съ плачемъ всѣ иностранцы, жившіе въ Римѣ. Евреи проводили цѣлыя ночи у праха его, дорожа имъ, какъ святынею. Это былъ первый изъ римскихъ гражданъ, который понялъ и отдалъ справедливость человѣческому достоинству другихъ національностей... Убійцы Цезаря тоже пали, защищая

*) Грановскій намекаетъ здѣсь на слова Катона по поводу Цезаря (цитир. и у Гегеля): „да будутъ прокляты его добродѣтели, низвергнувшія мою родину въ погибель“.

дѣло, осужденное на погибель, какъ благородныя жертвы убѣжденія, къ осуществленію котораго у нихъ недостало силъ».

И въ этомъ случаѣ, въ изображеніи Цезаря, какъ всемірно-исторической личности, посредствующей между древнимъ и новымъ міромъ, Грановскій имѣетъ предшественника въ Гегелѣ; но Гегель ограничивается указаніемъ на то, что Цезарь, перейдя Альпы, открылъ новую арену исторіи *); Грановскій не останавливается на этомъ «внѣшнемъ» открытіи новаго міра и ищетъ внутренней связи между идеями христіанской Европы и міровоззрѣніемъ Цезаря. Такимъ образомъ, предвѣстникъ германскихъ вторженій превращается у насъ въ предвѣстника христіанства.

Переходя ко времени Августа, Грановскій отмѣчаетъ, какъ значительно улучшилось положеніе государства съ утвержденіемъ имперіи, описываетъ новый правительственный порядокъ, но рядомъ съ этимъ подчеркиваетъ религіозное броженіе, вытекавшее изъ «механическаго соединенія религіи, одна другой противорѣчащихъ». «Этою шаткостью религіозныхъ вѣрованій, этимъ множествомъ суевѣрій, соединенныхъ съ безвѣріемъ», замѣчаетъ онъ, «Римъ привлекалъ въ свои стѣны многочисленныя толпы иностранцевъ. Изъ всѣхъ провинцій являлись они въ видѣ рабовъ, купцовъ, ремесленниковъ, служителей разныхъ божествъ... Всѣ религіи нашли поклонниковъ въ Римѣ, но ни одной изъ нихъ не удалось вытѣснить другія. Это была смѣсь безобразная, дикая. Изъ этого состоянія религіи слышится мучительная потребность духа человѣческаго; умиравшаго человѣчества не удовлетворяли одни матеріальныя блага; оно было удовлетворено христіанствомъ». И подводя итогъ царствованію Августа, Грановскій дѣлаетъ этому времени слѣдующую оцѣнку:

„Никакое время не наслаждалось такимъ благосостояніемъ, какъ первыя два столѣтія римской имперіи. Участь провинцій облегчилась; очень умно поставленная административная система связала части государства; недоставало одного внутренняго единства, религіознаго и національнаго. Августъ, стоявшій безконечно выше своихъ преемниковъ, воспитанный въ переворотахъ политическихъ, которые такъ быстро развиваютъ историческое разумѣніе,—понялъ тотчасъ страшный недостатокъ римскаго міра, отсутствіе связующаго, жизненнаго начала. И потому Августъ старался замѣнить такое начало возстановленіемъ той строгой нравственности, которою отличался древній Римъ. Онъ старался передать чистыя формы древней семейной римской жизни всѣмъ гражданамъ Рима. Сюда принадлежатъ его законы противъ роскоши... и многія другія узаконенія. Но всѣ эти попытки остались безплодными. Римское семейство, какъ оно существовало во время республики, не могло возродиться въ эти времена,—ибо это древнее семейство римскаго міра, существенно отличное отъ семейства христіанскаго, было условлено всѣмъ политическимъ бытомъ Рима, опредѣлено юридически, въ безжалостныхъ отношеніяхъ между отцомъ и дѣтьми. Такое опредѣленіе было невозможно во времена Августа—жестокіе законы остались, но духъ исчезъ“ **).

Этимъ исчезновеніемъ древняго духа, составлявшаго «жизненное начало» античной жизни, Грановскій объясняетъ возможность всѣхъ крайностей императорскаго деспотизма. Изложивши правленіе Тиверія, онъ задаетъ себѣ вопросъ: „на чемъ основывалось могущество этого дряхлаго старика, отвратительной личности, никѣмъ не любимаго, даже не жившаго въ Римѣ, а изъ своего пу-

*) *Hegel*. Philosophie d. Geschichte der Werke, IX, стр. 381.

**) Ср. послѣднюю фразу цитаты изъ Шлоссера, сдѣл. выше.

стыннаго острова управлявшаго судьбами величайшаго государства цѣлаго міра?“ И онъ отвѣчаетъ:

„На страхѣ. Въ римскомъ мірѣ не осталось ни одного живого начала, которое могло бы связать разрозненныя цѣли. Разъединенный религіею, безъ національнаго единства, народъ былъ связываемъ только общимъ чувствомъ страха. Римляне столько же боялись императора, сколько императоръ—ихъ самихъ. Недовѣрчивость была взаимная“ *).

Итакъ, отъ древняго римскаго духа нельзя было болѣе ожидать обновленія семьи и общества. Это обновленіе должно было придти извнѣ, должно было исходить изъ началъ, родственныхъ съ христіанскими, хотя на первыхъ порахъ это родство и оставалось несознаннымъ. Семью императорскаго времени нельзя было принудить къ соблюденію старыхъ республиканскихъ законовъ; но тѣмъ не менѣе, въ нее проникали уже со стороны новыя вѣянія. Грановскій останавливается на этихъ новыхъ вѣяніяхъ по поводу разсказа о женахъ Клавдія, Мессалинѣ и Агриппинѣ.

„Жизнь этихъ женщинъ озаряетъ страшнымъ свѣтомъ внутренность домовъ римскихъ, семейную жизнь римской аристократіи. Въ цѣлой исторіи римской семьи не найдемъ примѣра такого чудовищнаго разврата,—а между тѣмъ, несмотря на это разрушеніе древней жизни, видимъ медленную работу и развитіе новыхъ началъ, хотя безсознательно, но могущественно проникающихъ въ новое общество. Независимо отъ христіанства являются онѣ въ жизни—въ отмѣненіи жестокихъ поступковъ римскихъ господъ съ рабами, въ которыхъ доселѣ законъ не признавалъ человѣческой личности. Клавдій, этотъ полоумный, пьяный правитель издалъ первыя смѣлыя постановленія, которыми ограничивалась власть римскихъ господъ надъ рабами. Этими постановленіями у нихъ отнималось право по произволу наказывать рабовъ смертію. Господинъ, бросившій больного раба безъ призрѣнія, терялъ право на владѣніе этимъ рабомъ. Это было нововведеніе неслыханное. Если сличимъ эти постановленія съ прежними, то они покажутъ намъ, какой огромный путь совершило человѣчество отъ блестящихъ временъ римской республики до этого времени видимаго упадка, но существеннаго перехода къ новымъ требованіямъ. Въ этой нечистой и развратной средѣ вырабатывались тѣ великія начала, въ которыхъ находится основаніе нравственнаго убѣжденія новаго времени,—провозглашены были тѣ великія истины, которыя разъ навсегда сдѣлались неизмѣннымъ достояніемъ человѣчества. Онѣ разумѣется были высказаны неясно, облечены въ тогдашнюю историческую форму; имъ надобенъ былъ длинный рядъ вѣковъ, чтобы быть разработаннымъ и дойти до яснаго сознанія“.

*) Отмѣтимъ еще два характерныя мѣста, показывающія, какъ смотрѣлъ Грановскій на римскую чернь. „Калигула палъ подъ ударами двухъ центуріоновъ гвардейскихъ, побуждаемыхъ и личною ненавистью къ императору, и республиканскими воспоминаніями. Это былъ важный, торжественный моментъ въ жизни тогдашняго Рима. Сенатъ собрался немедленно, въ надеждѣ возстановить республику. Народъ волновался, отчасти сожалѣя о Калигулѣ. На эту развратную массу, plebs sordida (какъ называетъ ее Тацитъ), не падали удары деспотизма; они смотрѣли равнодушно на гибель благородныхъ людей, священныхъ преданій. Игры въ циркѣ и ежемѣсячныя раздачи хлѣба народу продолжались по прежнему. Каллигула былъ щедрѣе своихъ предшественниковъ, и потому его любили низшіе классы народные... Сенатъ не успѣлъ въ своихъ намѣреніяхъ, уже несогласныхъ съ духомъ времени. Кромѣ самихъ сенаторовъ никто не звалъ назадъ республики“. По поводу смерти Нерона Грановскій повторяетъ подобное же замѣчаніе: „Замѣчательна одна черта—глубокая любовь, которая осталась въ массахъ римскихъ къ Нерону. Впродолженіе 30 лѣтъ являлись безпрерывно самозванцы, принимавшіе имя Нерона, и однимъ этимъ именемъ двигавшіе цѣлыми народонаселеніями. И въ этомъ видно распаденіе древняго міра. Такія чудовища, какъ Неронъ, были любимы народомъ—ибо ихъ удары падали преимущественно на образованные, болѣе нравственные и болѣе благородные классы народные, нежели эта sordida plebs, въ которой соединялось все, что было презрѣннѣйшаго и позорнѣйшаго въ тогдашнемъ мірѣ“.

Также какъ въ сферѣ частныхъ отношеній,—и въ общественномъ сознаніи оздоровленіе пошло отъ новыхъ началъ, ничего не имѣвшихъ общаго съ политическими основами погибшей республики. Грановскій находитъ случай отмѣтить это по поводу разсказа о томъ, какъ, послѣ убійства Агриппины, «народъ торжественно вышелъ навстрѣчу матереубійцѣ, — какъ будто Неронъ совершилъ великое дѣло»—и «изъ всѣхъ сенаторовъ одинъ только знаменитый стоическій философъ Тразеа вышелъ безмолвно изъ собранія, когда раздались проклятія противъ Агриппины».

«При этомъ случаѣ», говоритъ онъ, «надобно замѣтить начало новой, могущественной оппозиціи, развившейся изъ римской жизни противъ своеволія императорскаго. Мы видѣли, какъ всѣ элементы этой жизни, отдѣльно взятые, были безсильны и какъ разрозненны въ интересахъ. Никакое нравственное начало не могло соединить народа къ одной общей цѣли. При (двухъ послѣднихъ?) императорахъ мы замѣтили въ сенатѣ, въ войскахъ, однимъ словомъ, въ рядахъ лучшихъ и могущественнѣйшихъ людей въ государствѣ,—сильныя и смѣлыя обнаруженія негодованія. *Это была уже не патріотическая попытка* возстановить формы навсегда погибшія. Эта оппозиція вышла изъ *совершенно другого начала*, изъ стоической философіи, которая именно при Клавдіи и Неронѣ начала распространяться въ Римѣ. Эта философія, такъ высоко поставившая личное достоинство человѣка и въ то же время учившая такому презрѣнію къ жизни и смерти, направлявшая человѣка къ практической дѣятельности, была очевидно враждебной новому порядку вещей. Въ числѣ жертвъ Нерона находились преимущественно приверженцы стоической философіи, которая наконецъ одержала побѣду и взошла на престолъ въ лицѣ Антониновъ и Марка Аврелія».

Мы не будемъ слѣдить за фактическимъ разсказомъ Грановскаго объ императорахъ, по необходимости сжатомъ. Новыя иллюстраціи и характерныя черты, разсыпанныя въ разныхъ мѣстахъ этого разсказа, не измѣняютъ уже извѣстнаго намъ общаго вывода Грановскаго. «Эта исторія», замѣчаетъ онъ самъ, «отчасти потому утомительна и однообразна, что однѣ и тѣ же явленія повторяются безпрестанно; какъ дурныя, такъ и хорошія царствованія сходны между собою. Римская жизнь уже была истощена; она не могла производить новыхъ силъ и противоположностей. Боролись два начала: первое, древнее римское, потерявшее уже всякое право на владычество въ жизни и второе начало, новое, которому суждено было измѣнить міръ, но которое содержалось въ нечистомъ сосудѣ, ибо представителемъ была развратная римская plebs, грубые легіоны и самые императоры». Отмѣтимъ только одно мѣсто, въ которомъ Грановскій указываетъ на новыхъ носителей того начала, которому принадлежитъ будущее. Дѣло идетъ о галльскихъ крестьянахъ, такъ наз. *багаудахъ*.

„Усилія Максиміана, начавшаго царствовать съ 287 года, направлены были преимущественно противъ галльскихъ багаудовъ; у лѣтописцевъ подъ этимъ именемъ являются шайки крестьянъ и рабовъ, изъ которыхъ въ Галліи составилось многочисленное войско, грабившее безнаказанно города и провинціи. Это былъ новый врагъ, явный, не извнѣ, а въ самомъ сердцѣ общества,—плодъ, котораго сѣмя давно лежало въ землѣ. Багауды были тѣ низшіе классы общества, которымъ римскіе законы отказывали даже въ человѣческой личности и достоинствѣ, которыхъ коснулись новыя идеи, наполнявшія атмосферу и высказанныя высочайшими умами тогдашняго времени, александрійскими философами и христіанскими проповѣдниками, и въ грубой, матеріальной формѣ своей падшія въ народныя массы: это была идея эманципаціи общества“.

III.

Въ четвертомъ вѣкѣ разыгрывается послѣдняя борьба язычества съ христіанствомъ. Какъ отнесся Грановскій къ главнымъ представителямъ боровшихся партій? Сужденіе о людяхъ, какъ сейчасъ увидимъ, онъ отдѣляетъ отъ сужденія о представляемыхъ ими идеяхъ. Съ одной стороны здѣсь сказался ученикъ Гегеля, подчеркивавшаго разницу между личными цѣлями дѣятеля и всемірно-историческими результатами дѣйствій; съ другой стороны мы видимъ здѣсь проявленіе той черты личности Грановскаго, которую его современники характеризовали, какъ «любовь широкую и всеобъемлющую: любовь къ возникающему, которое онъ радостно привѣтствуетъ, и любовь къ умирающему, которое онъ хоронитъ со слезами». „Много разъ, когда я слушалъ Грановскаго", говоритъ только что цитированный современникъ, «живо представлялся мнѣ Горацio, съ стѣсненнымъ сердцемъ повѣствующій повѣсть о Гамлетѣ, возлѣ помоста, на которомъ покоится тѣло его. Въ Горацio и мысли нѣтъ воскресить принца..., но онъ не можетъ отказать въ грусти падшему» *).

Приводимъ отзывъ Грановскаго о Константинѣ.

„Мы не должны думать, чтобы одно только религіозное вѣрованіе и убѣжденіе сердца привели Константина къ такому смѣлому поступку. При совершенномъ отсутствіи общихъ интересовъ, напротивъ даже при враждебныхъ направленіяхъ, подъ которыми развивалась древняя жизнь, при разрозненности римскаго міра,—одна только христіанская партія составляла единое цѣлое, связанное внутреннимъ единствомъ убѣжденія и внѣшнею формою іерархіи, уже образовавшейся въ христіанской церкви. Это была единственная дружная и могущественная политическая партія, не говоря о высшемъ ея значеніи. Этимъ объясняется отчасти переходъ Константина къ христіанству и легкая побѣда его надъ всѣми противниками... Съ практическимъ стремленіемъ государственнаго мужа Константинъ соединялъ глубокое пониманіе современнаго вопроса".

Сопоставимъ съ этимъ отзывомъ сужденіе объ Юліанѣ:

„Двухлѣтнее царствованіе Юліана имѣетъ всемірно-историческое значеніе, какъ реакція язычества противъ христіанства, какъ попытка возстановить старое время во всей его первобытной красотѣ, — попытка тѣмъ болѣе замѣчательная, что во главѣ ея стоялъ человѣкъ, какъ Юліанъ,—личность высокая, чистая и благородная, не понявшая христіанскаго ученія, ибо оно дошло до него въ искаженномъ видѣ чрезъ жестокихъ, фанатическихъ наставниковъ. Юліанъ былъ глубоко оскорбленъ зрѣлищемъ придворныхъ интригъ, въ которыхъ участвовали епископы, высшіе сановники христіанской церкви; онъ былъ оскорбленъ формализмомъ, чуждымъ собственно современнымъ хритіанскимъ понятіямъ, но внесеннымъ нѣкоторыми лицами того времени. Между тѣмъ, его привлекала греческая наука, греческое искусство и гражданская жизнь Рима. Эту то жизнь и науку онъ хотѣлъ возстановить. Юліанъ понялъ, какая тѣсная связь существуетъ между этою наукою и жизнью—и прошедшими религіями языческаго міра, — и хотѣлъ вызвать религію обратно въ жизнь. Но возстановить ихъ въ первобытномъ ихъ состояніи было невозможно; самые ученые язычники были уже иначе настроены. Стремленіе къ таинствамъ, къ мистеріямъ, которымъ отличается четвертый вѣкъ, должно было быть удовлетворено, и Юліанъ съ своими друзьями, софистами греческими, старался создать

*) Въ болѣе рѣзкой формѣ та же мысль выражена самимъ Грановскимъ въ словахъ, сказанныхъ имъ на одной изъ публичныхъ лекцій. „Мы часто видимъ необходимость побѣды, но не можемъ отказать ни въ симпатіи къ побѣжденнымъ, ни въ презрѣніи къ побѣдителю".

такую религію, или лучше амальгаму религій, которая бы удовлетворяла современнымъ требованіямъ и въ то же время вытѣснила христіанскія понятія — мысль безумная, которой результаты не пережили Юліана. Онъ вскорѣ погибъ въ войнѣ съ персами,— послѣдній великій представитель языческаго Рима или, лучше сказать, всего древняго міра. Въ немъ соединились греческіе и римскіе элементы,—конечно, не въ той чистотѣ, въ какой мы видимъ ихъ у Александра или Цезаря; но онъ стоитъ какъ бы на послѣднемъ рубежѣ языческаго міра. Въ немъ чистые элементы древней жизни не могли остаться нетронутыми новыми понятіями. Но все мы видимъ въ Юліанѣ мучительную борьбу этихъ двухъ враждебныхъ началъ, — борьбу, которая высказывалась въ самой наружности его, по свидѣтельству св. Григорія Назіанзина. Язычники обвиняютъ въ его смерти христіанъ. Это обвиненіе столь же несправедливо, какъ и обвиненіе христіанами Юліана въ отравленіи Констанція. Въ немъ обличается только борьба партій, враждебныхъ и непримиряющихся".

Дойдя до послѣдней четверти IV вѣка, т. е. до начала переселенія народовъ, Грановскій останавливаетъ свой историческій разсказъ для того, чтобы подвести общіе итоги.

„Обыкновенно", замѣчаетъ онъ, „время имперіи называется сочинителями историческимъ временемъ упадка. Конечно, относительно древняго міра это время считается временемъ старости, дряхлости, упадка; но разсматривая его въ связи съ цѣлымъ историческимъ развитіемъ, оно является временемъ перехода и вырабатыванія новыхъ формъ. Въ это испорченное, несчастное время развились три начала, которымъ суждено было преобладать въ жизненномъ развитіи будущихъ временъ: 1) административная монархія,—новое начало монархическое, развившееся въ римской имперіи. 2) Въ это время также древняя цивилизація греческая и римская составила одно цѣлое и получила возможность перейти къ намъ въ великихъ памятникахъ древней жизни. 3) Наконецъ, подъ сѣнію римской имперіи развилось христіанство".

Затѣмъ Грановскій приступаетъ къ характеристикѣ трехъ намѣченныхъ сторонъ внутренняго быта имперіи. Характеризуя политическій строй, онъ изображаетъ постепенный упадокъ власти сената, развитіе императорской власти и образованіе императорскаго двора съ его полу-придворными, полу-государственными должностями, административное дѣленіе государства на префектуры, муниципальныя учрежденія, составъ сельскаго населенія, наконецъ, организацію податной системы. На все это употреблено двѣ лекціи (15-я и 16-я), изъ чего уже видно, что изложеніе не могло быть сколько-нибудь подробнымъ. Приводимъ выводъ, который извлекаетъ Грановскій изъ этой части своего изложенія.

„Соображая все сказанное, увидимъ ясно, почему римская исторія въ V столѣтіи такъ легко уступала натиску варваровъ. Въ ней не было ни одного элемента, который могъ бы быть поставленъ въ сопротивленіе имъ. Аристократія, которой члены засѣдали въ римскомъ и константинопольскомъ сенатѣ, была немногочисленна...; она не могла играть никакой роли въ этомъ періодѣ переворотовъ. Чернь, которая могла быть вызвана въ дѣйствіе или вслѣдствіе сильнаго патріотизма или вслѣдствіе религіознаго одушевленія, была лишена патріотизма и религіи. Какой патріотизмъ могъ оживить этотъ сборъ народовъ, механически связанныхъ, но чуждыхъ одинъ другому по нравамъ и самому языку. Въ такихъ обстоятельствахъ одинъ только средній классъ, совершенно усвоившій римскую цивилизацію, могъ выступить на поприще и спасти имперію; но его не было. Онъ былъ уничтоженъ, опозоренъ римскою системою податей и налоговъ. Вотъ въ какомъ состояніи находилась римская имперія въ то время когда началось великое движеніе, именуемое переселеніемъ народовъ".

Въ трехъ слѣдующихъ лекціяхъ Грановскій переходитъ къ характеристикѣ языческой и христіанской литературы IV и V вѣковъ. Цѣль его въ этомъ отдѣлѣ — показать, «какія идеи и формы достались изъ древней цивилизаціи

IV-му и V-му столѣтіямъ, — идеи, которымъ суждено было быть проводниками древней цивилизаціи въ средніе вѣка». Указавъ на различіе между латинскимъ образованіемъ запада, и греческимъ образованіемъ востока имперіи, Грановскій начинаетъ затѣмъ свое изображеніе съ слѣдующей общей характеристики:

„Еще при Августѣ все образованіе римской имперіи приняло тотъ характеръ, который носитъ образованіе временъ птоломеевыхъ. Въ наукѣ видимъ трудолюбивыхъ дѣятелей, изслѣдователей, собирателей; творчество исчезло безвозвратно; исчезло также безкорыстное занятіе наукою, свободное домогательство истины. Конечно, и въ провинціяхъ римскихъ видимъ людей богатаго сословія, занимающихся наукою; но эти люди уходили, такъ сказать, въ науку отъ жизни, искали въ ней развлеченія, а не отвѣтовъ на высшіе запросы человѣческой жизни. Единственною сферою, гдѣ духъ сохранилъ еще свою свободу, была разумѣется философія, которой главные представители въ древней исторіи были стоики. Мы уже говорили, въ какомъ отношеніи былъ стоицизмъ къ правительству и къ народу римскому, какъ изъ философской школы развилась политическая оппозиція, отпраздновавшая блистательную побѣду при Маркѣ Авреліи, воспитанникѣ этой философіи. Но это торжество стоической философіи было непродолжительно. Такимъ образомъ, философія осталась удѣломъ немногихъ избранныхъ и лучшихъ людей. Непосредственно послѣ Марка Аврелія вступаютъ на престолъ лица совершенно другого образа мыслей, и вліяніе, которое имѣла философія на политическія дѣла въ первыя три четверти 2-го столѣтія, прекращается“.

Слѣдуютъ краткія характеристики Сенеки и „его ученика“ Тацита. По поводу разногласія между теоріей и жизнью Сенеки Грановскій замѣчаетъ, что «несправедливо было бы презирать его по примѣру легкомысленныхъ и ограниченныхъ умовъ, полагающихъ, что одинъ человѣкъ могъ спастись единственно отъ общей безнравственности».

„Богаче явленіями, обнаруживавшими вліяніе на послѣдующее время, второе столѣтіе. Тогда явились тѣ знаменитыя головы, въ которыхъ, такъ сказать, древній міръ сложилъ всю свою науку, чтобы въ самой удобной формѣ передать ее вѣку среднему“. Вслѣдъ за этимъ замѣчаніемъ Грановскій характеризуетъ сочиненія Птоломея, называетъ Галена и Павзанія. И матеріалъ и заключенія далъ ему въ этомъ случаѣ Шлоссеръ *). Но уже въ слѣдующей характеристикѣ Лукіана Грановскій начинаетъ расходиться съ Шлоссеромъ. По Шлоссеру „Лукіанъ, подобно Вольтеру, былъ убѣжденъ, что насмѣшка и сатира сперва должны уничтожить все старое, прежде чѣмъ можно будетъ начать строить что-либо лучшее... Свою смѣлость онъ противопоставляетъ вялости современниковъ и отваживается сорвать лицемѣрный покровъ, подъ которымъ таится его вѣкъ“. Грановскій судитъ объ этомъ вѣкѣ иначе и не симпатизируетъ голой насмѣшкѣ, ничѣмъ не смягченной, не ожидающей и не ищущей примиренія.

Въ своихъ „разговорахъ“ Лукіанъ выразилъ такое презрѣніе къ древнимъ формамъ, отъ которыхъ міръ тогда отрывался, такъ ядовито смѣялся надъ древнею религіею, философіею, жизнью, что его можно по справедливости сравнить съ другимъ великимъ геніемъ въ этомъ же родѣ, съ Вольтеромъ. Ихъ дѣятельность, средства и цѣль были совершенно одинаковы—разрушить прошедшее, не заботясь о будущемъ. Въ ядовитой насмѣшкѣ Лукіана есть нѣчто оскорбляющее насъ, обратившихся въ болѣе высокихъ, спокойныхъ разсматривателей древности. Мы смотримъ на Лукіана, какъ на великаго бойца, вышедшаго для окончательнаго сокрушенія древней жизни. Мы не должны впрочемъ удивляться ему. Между тѣмъ, какъ онъ сокрушалъ древнее, онъ не

*) Univ. hist. Uebersicht etc. III, 2, 208—231.

понимать настоящаго и будущаго. Христіанство уже возникло во всей красотѣ и силѣ своей. Онъ и надъ нимъ смѣялся“.

Симпатіи Грановскаго не могли принадлежать чисто „отрицательному направленію“. Онъ всецѣло переноситъ эти симпатіи на то, что онъ считаетъ *положительнымъ* элементомъ дряхлѣвшаго міра, на философію и религію. Естественно, что и высшую степень сочувствія онъ обнаруживаетъ къ явленію, въ которомъ религія и философія соединились, для того чтобы собственными усиліями создать христіанскую догму—къ неоплатонизму. И въ этомъ случаѣ онъ уже самымъ рѣшительнымъ образомъ расходится съ Шлоссеромъ, для котораго примѣсь религіи къ философіи въ неоплатонизмѣ есть просто искаженіе чистой философской мысли подъ вліяніемъ модныхъ суевѣрій, мистицизма и мечтательности, порожденныхъ болѣзненнымъ настроеніемъ общества *). Для Грановскаго это, напротивъ,—соединеніе всего здороваго и лучшаго, что выработало прошлое, со всѣмъ великимъ, чему суждено было господствовать въ будущемъ. Въ своей характеристикѣ неоплатонизма онъ всецѣло руководится Гегелемъ **).

Мы не можемъ лишить читателя удовольствія—прочесть цѣликомъ этотъ въ высшей степени характерный для Грановскаго отрывокъ.

„Въ этомъ ничтожествѣ угасающей литературы, въ этомъ старческомъ бредѣ вялаго общества была одна сторона, могущественная, сильная, въ которой сосредоточивалось все, что было глубоко понимающаго и сильнаго духомъ. Это была неоплатоническая александрійская философія... Неоплатоническую школу упрекаютъ въ отсутствіи самостоятельности, въ безсознательномъ смѣшеніи разнородныхъ элементовъ. Но неоплатоники приняли великую мысль органическаго развитія философіи; они поняли преемственность ситемъ философскихъ (изъ которыхъ каждая не выполняетъ совершенно цѣли философіи); поняли каждую систему, какъ одинъ моментъ въ исторіи философіи, не давая впрочемъ ни одной изъ нихъ конечнаго значенія. Они положили въ основаніе своихъ изслѣдованій творенія Платона, привлекаемые къ нему богатствомъ его философскаго воззрѣнія; но они связали его ученіе съ ученіемъ Пиѳагора и Аристотеля. Они не остановились и на этомъ; они вышли изъ сферы философіи въ сферу исторіи и религіи, и здѣсь держались той же путеводной нити; вездѣ слѣдовали они органическому развитію. Они приняли, что въ исторіи человѣчества все истекаетъ одно изъ другаго. Съ этой высокой точки зрѣнія старались они объединять древнія религіи, показать, что въ каждой языческой религіи дано было откровеніе, что всѣ религіи древняго міра суть не что иное, какъ рядъ откровеній. И здѣсь, несмотря на всю глубину этого пониманія, они впали въ великое заблужденіе; глубокіе истолко-

*) Ibid. 242—256.

**) Уже самое вступленіе къ характеристикѣ (Александрія какъ «мѣсто соприкосновенія самыхъ разнородныхъ вѣрованій религіозныхъ“) слѣдуетъ Гегелю (Werke, XV, Vorlesungen über die Geschichte der Phiolosophie, 28): „hier, als in ihrem Mittelpunkte, berührten, durchdrangen und vermischten sich alle Religionen und Mythologien der Völker des Orients und etc. Ср. приводимый далѣе отрывокъ съ слѣдующими замѣчаніями Гегеля (стр. 29—31). „In dem die Weise der Philosophie, die in Alexandrien entstand, sich nicht an den bestimmten ältern philosophischen Schulen hielt, zondern die verschiedenen Systeme der Philosophie, insbesondere das Pythagoräiche, Platonische nnd Aristotelische, in ihren Darstellungen, als Eines erkannte, so wurde sie häufig als Eklektismus aufgeführt.. Im bessern Sinne des Wortes kann man die Alexandriner allerdings eklektische Philosophen nennen... Die Alexandriner legten nämlich die Platonische Philosophie zum Grunde, benutzten aber die Ausbildung der Philosophie überhaupt, welche sie nach Plato durch Aristoteles... erhalten... Im höhern Sinne ist ein weiterer Standpunkt der Idee von der Art, dass er die vorhergehenden Principe, die nur einzelne einseitige Momente der Idee enthalten, concret in Eins vereinigt“.

ватели предшествующихъ формъ, они съ ненавистью говорили о христіанствѣ. Только отдѣльныя личности, вышедшія изъ этой школы, оцѣнили по достоинству христіанство. Но между тѣмъ, ни одна философія не имѣла такого сильнаго вліянія на ученую форму христіанской догматики, какъ неоплатоники. Противъ неоплатониковъ раздаются преимущественно два обвиненія. Одно, болѣе въ видѣ похвалы, принадлежитъ Cousin'у, который называетъ ихъ эклектиками и по образу ихъ хотѣлъ создать философскую систему во Франціи. По его мнѣнію они выбирали, склепывали свое ученіе изъ предшествующихъ системъ. Но въ этомъ обвиненіи нѣтъ ничего оскорбительнаго. Надобно понять, что есть лучшаго въ предшествующихъ философскихъ системахъ и какъ сшить разорванныя части. Каждая система невольно принимаетъ всѣ лучшіе элементы системъ предыдущихъ, отвергая (ихъ заблужденія). Другое обвиненіе, въ мірѣ практическомъ, принадлежитъ Шлоссеру: оно состоитъ въ томъ, что неоплатоники одни просто мечтатели, оторвались совершенно отъ современной жизни и что въ ихъ философіи видимъ боязливое удаленіе отъ дѣйствительности, что они изъ сферы философіи перешли въ сферу мистицизма, проповѣдуя ученіе, странно поражающее воображеніе. Противъ этого обвиненія готовъ отвѣтъ. Я сказалъ, что платоническіе философы были самые глубокіе умы того времени. Гдѣ же были великіе интересы, которые могли бы вызвать къ дѣятельности? Они были загнаны въ науку и умозрѣніе пустотою современнаго вѣка. Съ негодованіемъ, съ отвращеніемъ отвернулись они отъ дѣйствительности, ничѣмъ не привлекавшей ихъ сочувствія. Отсюда происходятъ всѣ ихъ недостатки. Отвлекаясь отъ жалкой, нелѣпой дѣствительности языческаго міра, они проповѣдывали такое презрѣніе къ ней и ко всему міру, что впали во всѣ крайности мистицизма. Они приписали духу человѣческому такую безконечную силу, были такъ сильно убѣждены въ глубокомъ владычествѣ духа надъ матеріей, что вѣрили въ возможность подчинить явленія природы духу человѣческому. Отсюда ихъ суевѣрія, вѣра въ магію, волшебство, демонологія и т. д. Очевидно, это не что иное, какъ искаженіе благороднаго, истиннаго начала вѣры въ силу духа".

Не будемъ останавливаться на характеристикахъ древнихъ явленій образованности III—V вв. напр., тогдашнихъ школъ и софистовъ, такъ какъ эти характеристики болѣе или менѣе общи у Грановскаго со Шлоссеромъ *). Въ такой же зависимости отъ Шлоссера находятся сжатыя характеристики представителей „ученой" христіанской литературы (Іустина, Климента, Оригена, Евсевія). Далѣе слѣдуетъ столь же краткое изображеніе „популярной или народной" христіанской литературы, подъ которой Грановскій разумѣетъ Іеронима, Амвросія и Августина. Грановскій указываетъ на особенныя условія происхожденія этой литературы, могущія объяснить небрежность ея формы. Въ противоположность ученой литературѣ

„здѣсь, въ популярномъ отдѣлѣ христіанской литературы,—формы нечего искать. Форма безобразна, но содержаніе велико. Напомнимъ только одно, что всѣ первыя сочиненія христіанскія вышли изъ чисто практическихъ потребностей. Здѣсь некогда было долго думать о собраніи матеріаловъ; надобно было (немедленно) рѣшить какой-нибудь догматическій или нравственный вопросъ, отвѣчать на недоумѣніе христіанской общины, полнѣе высказать мысли непонятныя. Необыкновенная литературная дѣятельность связывала всѣ христіанскія общины, разсѣянныя по всѣмъ концамъ земли. Посланія извѣстныхъ святостію жизни своей епископовъ въ короткое время приходили разными путями съ границъ Азіи до Галліи и обратно. Посланія списывались, ихъ читали публично, на нихъ получались отвѣты и возраженія, и новые гонцы шли къ ихъ источникамъ. Вездѣ собираемы были свѣдѣнія о смерти мучениковъ, покупались грамоты, протоколы допросовъ христіанскихъ мучениковъ. Изъ этого составлялись христіанскія

*) См. кромѣ цитированнаго выше, также и слѣдующій 3-й отдѣлъ III тома, VIII глава, 3.

описанія—начало христіанской поэзіи, такъ называемыя legendae. Самое ихъ названіе показываетъ, что онѣ читались публично".

Въ приведенныхъ строкахъ можно предполагать вліяніе IV-й лекціи Гизо. Но вообще говоря, вліяніе „Исторіи цивилизаціи" отразилось на курсѣ Грановскаго въ гораздо меньшей степени, чѣмъ можно было бы ожидать. Нельзя считать спеціальнымъ заимствованіемъ у Гизо и то дѣленіе исторіи первоначальной церкви на три періода: демократическій, аристократическій и монархическій, на которомъ основана послѣдняя часть резюмирующаго обзора Грановскаго. Кончается этотъ обзоръ краткой исторіей монашества, причемъ Грановскій дѣлаетъ то различеніе между созерцательнымъ настроеніемъ восточныхъ анахоретовъ и практическимъ направленіемъ западнаго монашества, которое можно найти и у Гизо. Фактическій матеріалъ, сообщаемый Грановскимъ въ этихъ отдѣлахъ, заимствованъ имъ непосредственно изъ сочиненій по исторіи церкви (онъ называетъ въ началѣ отдѣла Шрекка, Неандера, Гизелера, Газе и Планка).

IV.

На этомъ кончается „введеніе", въ исторію среднихъ вѣковъ, занимающее почти треть всего курса и, очевидно, обработанное Грановскимъ съ особенной любовью. Отдѣлъ «о германцахъ» начинается съ указанія источниковъ и пособій. Наиболѣе сильное вліяніе на изложеніе Грановскаго оказали взгляды Мозера и Эйхгорна. Подобно первому, онъ дѣлитъ германскія племена на два отдѣла: *саксовъ* и *свевовъ*. Саксы, занимавшіе скверную, низменную часть Германіи, изображаются какъ представители чистаго германскаго племени.

Свевы, жившіе въ южной, гористой половинѣ Германіи, характеризуются какъ населеніе смѣшаннаго состава, semigermani. Согласно этому дѣленію и общественный строй обѣихъ половинъ Германіи рисуется какъ двѣ совершенныя противоположности: у саксовъ господствуетъ чистый „общинный" бытъ; напротивъ, свевы находятся въ бытѣ «дружинномъ».

„По изслѣдованіямъ новѣйшихъ ученыхъ вся сѣверная часть Германіи, отъ береговъ Нѣмецкаго и Балтійскаго моря до горъ, начинающихся у Шварцвальда и идущихъ до Богемскаго лѣса, между нижнимъ Рейномъ и Эльбою была заселена чистыми германцами... Это край, изъ котораго выросъ германскій народъ. Здѣсь мы находимъ въ чистотѣ тѣ учрежденія, которыя собственно принадлежатъ германцамъ—общинное устройство. Окрай германскаго міра заселенъ былъ на западѣ и югѣ племенами галлокельтическими, на востокѣ славянами... Но изъ Германіи собственной выходили безпрерывно толпы людей, гонимыхъ или кровавою местію или собственными потребностями и дѣятельностью. Эти-то дружины.. сѣли, такъ сказать, на кельтическое и славянское народонаселеніе и образовали великое племя свевское".

Переходъ отъ „общиннаго" быта къ „дружинному" облегчался, въ глазахъ Грановскаго, его пониманіемъ соціальнаго состава древняго германскаго общества. По его мнѣнію, „нормальное, постоянное положеніе германскихъ общинъ" было таково, что онѣ „состояли изъ *ограниченнаго* числа полноправныхъ и свободныхъ людей, между которыми возвышались нѣкоторые благородные люди". „За

то очень *значительно* было число летовъ или лассовъ“, неполноправныхъ. „Это слово на германскомъ нарѣчіи означало человѣка робкаго, лѣниваго. Подъ этимъ именемъ германцы разумѣли покоренныя ими племена, жившія на земляхъ ихъ и обложенныя извѣстными повинностями“. Такимъ образомъ, и населеніе коренной германской земли, находившееся въ чистомъ общинномъ быту, дѣлилось на завоевателей и завоеванныхъ. Съ помощью этого предположенія въ первобытную германскую жизнь вносились уже тѣ самыя явленія, которыя подлежали объясненію изслѣдователя позднѣйшихъ временъ.

„Это—явленіе весьма важное въ германской жизни. Оно объясняетъ многое загадочное въ сказаніяхъ лѣтописцевъ. 1) Одно племя побѣждало другое, овладѣвало его землями; тогда всѣ *свободные* люди побѣжденнаго племени оставляли свое отечество и шли далѣе искать новыхъ земель и образовать новыя общины. 2) Многіе изъ *покоренныхъ* оставались на своихъ участкахъ земли, и отношенія ихъ къ побѣдителямъ оставались всегда тѣ же. Въ наступательныхъ войнахъ между германцами принимали участіе только полноправные, а покоренные или леты не выступали въ походъ, потому что они ничего не теряли, если бы племя, ихъ покорившее, пало въ борьбѣ съ другимъ... Они оставались на участкахъ своихъ и только перемѣняли господъ. Завоеванныя земли дѣлились поровну между всѣми членами побѣдившаго племени; сколько побѣдителей, столько и участковъ... 3) Оставшіеся лассы сообщали естественнымъ образомъ побѣдителямъ своимъ нѣкоторые обычаи, нѣчто въ языкѣ и т. д., ибо число лассовъ всегда превосходило число побѣдителей... 4) Прежнее имя народа изгнаннаго или побѣжденнаго шло далѣе вмѣстѣ съ свободными изгнанниками; имя побѣдителей привязывалось къ почвѣ покоренной земли. Этимъ объясняется безпрестанная смѣна именъ и происходящая отъ того сбивчивость. Иногда эти блуждающія имена германскихъ племенъ исчезаютъ совсѣмъ..; это объясняется тѣмъ, что свободные изгнанники, несшіе имя свое далѣе съ собою, на пути встрѣчали какое-нибудь препятствіе и погибали вмѣстѣ съ именемъ; не должно думать, чтобы эти племена были многочисленны“.

Такимъ образомъ, отъ „общины“ было не такъ уже далеко до „дружины“. „Война выводила народъ изъ коренного положенія...; иногда цѣлыя общины тѣснимыя врагами, принимали характеръ дружинный, который они слагали по прекращеніи опасности“. И, наоборотъ, дружины могли принять размѣры цѣлаго племени. „Участь дружины была различна. Иногда эделинги—вожди дружинъ—были просто грабители, съ добычею возвращались съ войны и вступали въ число членовъ общинъ. Иногда кунингъ вступалъ со всею дружиною въ службу чужихъ народовъ и преимущественно римлянъ. Извѣстно, что многія дружины или отряды нѣмецкіе съ перваго столѣтія являются въ войскѣ римскихъ императоровъ. Иногда же они имѣли обширнѣйшіе замыслы: вождь шелъ завоевать себѣ и товарищамъ новыя земли и новыхъ лассовъ. Дружины были иногда весьма многочисленны. Онѣ походили на цѣлые народы. Такова дружина Гензериха Вандальскаго, Алариха Вестготскаго, Дитриха Великаго Готѳскаго“. Такимъ образомъ, великое переселеніе народовъ было не движеніемъ племенъ, а движеніемъ дружинъ. Если въ предыдущемъ изложеніи Грановскій иногда идетъ дальше Эйхгорна и выражается смѣлѣе его, то въ этомъ случаѣ онъ только слѣдуетъ выводамъ Эйхгорна. „Готѳы жившіе на востокѣ, Алеманны и Бургунды на югозападѣ, наконецъ, Франки на сѣверозападѣ—это были дружины“. До переселенія, Бургунды и Алеманны „такъ же сидѣли на кельтическихъ племенахъ, какъ готѳы сидѣли на славянскихъ“. Передвинувшись въ римскія провинціи, тѣ и другіе только перемѣнили

*) См. Deutsche Staats-und Rechtsgeschichte. T. I. passim. Грановскій очевидно внимательно изучалъ эту книгу, и вліяніе ея замѣтно во многихъ частяхъ курса.

своихъ „лассовъ". По образцу своихъ старыхъ отношеній къ лассамъ они установили и свои отношенія къ покореннымъ жителямъ римскихъ провинцій. Уже въ первоначальномъ германскомъ быту „каждый господинъ жилъ во дворѣ своемъ окруженный хижинами лассовъ, которыхъ онъ судилъ по постановленіямъ такъ называемаго дворскаго права, Hofrecht. Изъ этихъ правъ, въ соединеніи съ другими элементами, развились права ленныя или феодальныя". Такимъ образомъ, „дружинное устройство имѣло безконечное вліяніе на всю исторію запада". Франкскія завоеванія „принесли это устройство обратно въ Германію и наложили его на прежнія общины. Разумѣется, переходъ отъ общины къ дружинѣ совершился не очень скоро: мы видимъ его во всемъ развитіи феодальной системы. Но кончился онъ совершенною побѣдою дружиннаго устройства".

Въ то время, какъ Грановскій развивалъ эту стройную теорію, Вайцъ уже началъ выпускать первые томы своей Verfassungsgeschichte, Зибель только-что далъ свою книгу Entstellung d. deutsch. Königthums. Черезъ годъ въ московскомъ университетѣ громко заговорили о теоріи родового быта. Грановскій не остался позади движенія науки; напротивъ, новыя изслѣдованія заставили его пересмотрѣть вопросъ и дали тему для печатной статьи, въ которой онъ начисто отказался отъ всѣхъ выводовъ Эйхгорна, только что раздѣлявшимся имъ самимъ. Мы разумѣемъ статью Грановскаго „о родовомъ бытѣ у древнихъ германцевъ", посвященную русскимъ защитникамъ родовой теоріи, Соловьеву и Кавелину. Если прежде, вслѣдъ за своими руководителями, Грановскій относилъ свидѣтельства Цезаря и Тацита къ южнымъ „дружиннымъ" германцамъ (свевамъ), утверждая вмѣстѣ съ ними, что эти писатели знали только германцевъ кочевыхъ, а не осѣдлыхъ, — то теперь онъ смѣло принимаетъ показанія источниковъ „о состояніи народа, только что переходящаго отъ кочевой къ осѣдлой жизни, еще незнакомаго съ настоящею поземельною собственностью", и объясняетъ это отсутствіе свидѣтельствъ о земельной собственности—господствомъ родоваго быта". Такимъ образомъ, содержаніе университетскаго курса объясняетъ намъ причину появленія печатной статьи. „Исторія переселенія народовъ" начинается у Грановскаго, довольно неожиданно, критическимъ экскурсомъ о происхожденіи гунновъ. Едва-ли мы ошибемся, если скажемъ, что этотъ экскурсъ вызванъ теоріей славянства гунновъ, по адресу которой Грановскій дѣлаетъ нѣсколько суровыхъ, но справедливыхъ замѣчаній. „Лѣтъ 15 тому назадъ", говоритъ онъ, „покойный Венелинъ выставилъ новое мнѣніе, по которому гунны являются славянами. Это мнѣніе, какъ оно ни шатко, какъ ни нуждается оно въ болѣе крѣпкомъ основаніи, требуетъ однако разбора, потому что нашло много защитниковъ и потому, что послѣдователи Венелина образовали у насъ особливую школу. Нѣтъ сомнѣнія, что труды Венелина носятъ на себѣ печать и сильныхъ дарованій, и трудолюбія, но нельзя не замѣтить, что ему недоставало полнаго историческаго образованія». И кончая свой разборъ вопроса, растянувшійся на цѣлую лекцію, Грановскій замѣчаетъ: «почти у всѣхъ европейскихъ народовъ была эпоха, когда высказывалось въ исторіографіи точно такое же явленіе, какъ у насъ,—когда историки старались населить весь міръ своими единоплеменниками... Это свидѣтельствуетъ нѣкоторымъ образомъ о младенческомъ состояніи науки».

Въ пяти слѣдующихъ лекціяхъ Грановскій ведетъ фактическій разсказъ

о германскихъ вторженіяхъ и излагаетъ исторію новыхъ государствъ, основанныхъ на римской почвѣ. Несмотря на крайнюю сжатость разсказа, Грановскій умѣетъ вводить въ него характерныя реальныя черты, сообщающія наглядность его изображенію. При всякомъ удобномъ случаѣ онъ приводитъ данныя, указывающія на взаимное отношеніе побѣдителей и побѣжденныхъ. Сообразно общему характеру воззрѣній Грановскаго и направленію его ученыхъ авторитетовъ,— римская традиція рѣзче подчеркивается въ его разсказѣ, чѣмъ германская самобытность. Вотъ напр. его замѣчанія по поводу извѣстныхъ словъ, приписывавшихся вестготскому королю Атаульфу.

„У Атаульфа замѣчаемъ мы странную политическую мысль... Вотъ слова, слышанныя однимъ изъ друзей Орозія отъ самого Атаульфа: „въ полной надеждѣ на мои побѣды, я хотѣлъ истребить народъ римскій и на развалинахъ этой монархіи возстановить владычество готѳовъ, основать для нихъ новое государство и дать ему законы. Но мнѣ показалъ опытъ, что дикая необузданность не можетъ подчиниться законамъ; тогда я положилъ другую цѣль моему честолюбію; я хочу употребить мечъ готѳовъ не для разрушенія, а на возстановленіе римской имперіи“. Эта мысль встрѣчается у всѣхъ великихъ кунинговъ германскихъ того времени—Стилихона, Алариха, который хотѣлъ быть magister equitum utriusque militiae, у Атаульфа, въ другихъ размѣрахъ у Дитриха Великаго, кунига остготѳскаго. Они темно понимали могущество римской цивилизаціи, необходимость ея существованія и продолженія, они понимали, что формы германской жизни не могутъ служить замѣною формамъ сокрушавшимся римской жизни,—отсюда проистекаетъ мысль Атаульфа служить римской имперіи... Мысль эта перешла и къ его преемнику. Такимъ образомъ, Валлія былъ не что иное, какъ римскій полководецъ. Для западной римской имперіи онъ воевалъ съ германскими племенами, поселившимися на пиренейскомъ полуостровѣ... Что это дѣлалось не случайно, не безъ сознанія..., это ясно изъ письма его къ Гонорію, сохраненнаго Орозіемъ, гдѣ встрѣчаемъ слѣдующее любопытное выраженіе: nos nobiscum confligimus, tibi vincimus“.

Естественно, что особенно подчеркиваетъ Грановскій сохраненіе римской традиціи, въ предѣлахъ самой Италіи. Первое отнятіе трети земель у жителей Италіи—при Одоакрѣ—онъ считаетъ для нихъ «вовсе не обременительнымъ, ибо въ Италіи было очень много пустырей, земель необработанныхъ. Самое обременительное въ этомъ было то, что съ третью земель отходила и соотвѣтствующая часть скота, дома, рабовъ; но отдѣленіе самыхъ земель можно скорѣе назвать благодѣяніемъ для римскихъ жителей, нежели притѣсненіемъ ихъ». При Теодорихѣ положеніе дѣлъ въ Италіи было еще лучше.

„Дитрихъ, о которомъ говорятъ современники, что онъ не зналъ грамоты, понималъ важное значеніе римской цивилизаціи и настоящее значеніе остготѳскаго народа, считалъ обязанностію быть защитникомъ, хранителемъ этой цивилизаціи, ввѣренной народу римскому, который однакоже безъ чуждой ограды не могъ продолжать самостоятельнаго существованія... Народъ готѳскій при Дитрихѣ составлялъ какъ бы армію Италіи... Изъ всѣхъ внѣшнихъ формъ древней администраціи римской Дитрихъ не измѣнилъ ничего. Остался тотъ же сенатъ, то же городовое управленіе, тѣ же сановники, та же система податей и налоговъ, съ тою только разницею, что они были взимаемы въ меньшемъ количествѣ и съ меньшими притѣсненіями, нежели при императорахъ. Это было лучшее время италіанской жизни“.

Такимъ образомъ, жители Италіи «не выиграли» отъ перемѣны остготскаго владычества на византійское. «Вслѣдствіе новаго порядка вещей, возникшаго въ Италіи послѣ изгнанія остготовъ, въ итальянскую жизнь вошли нѣкоторые элементы, дотолѣ ей чуждые». Такъ, напримѣръ, «желая замѣнить недостающее число войска, необходимаго для защиты Италіи, Юстиніанъ положилъ основаніе военному

устройству городовъ, которое, видоизмѣнившись, перешло и въ средніе вѣка». Наконецъ, вторженіе лангобардовъ частью порвало римскую традицію. «При самомъ поселеніи своемъ они дѣйствовали съ большею жестокостью, чѣмъ предшественники ихъ, герулы и готѳы. Почти вездѣ истребляли они римское народонаселеніе или обращали свободныхъ поселенцевъ въ рабское состояніе. Только въ городахъ остались остатки свободнаго народонаселенія». Однако, при дальнѣйшихъ попыткахъ проникнуть на югъ Италіи, лангобарды «встрѣтили сильное сопротивленіе», особенно со стороны римскаго папы; а затѣмъ, съ принятіемъ католичества значительнымъ числомъ лангобардовъ, начинается внутреннее раздѣленіе среди нихъ; «католическая, римская партія нейтрализируетъ движеніе народной (аріанской) партіи», и «латинскій элементъ» все болѣе «получаетъ превосходство между лангобардами».

И въ этомъ случаѣ, также какъ по вопросу о древнѣйшемъ бытѣ германцевъ, Грановскому пришлось столкнуться съ противоположными мнѣніями новыхъ изслѣдователей. Отраженіе этихъ мнѣній и на этотъ разъ онъ встрѣтилъ среди товарищей по университету—именно, въ изслѣдованіи Кудрявцева о «Судьбахъ Италіи». Результатомъ столкновенія мнѣній была въ данномъ случаѣ тоже печатная статья,—одна изъ лучшихъ статей Грановскаго, подвергнувшая ученому пересмотру вопросъ о римской традиціи на итальянской почвѣ *). Послѣ пересмотра Грановскій остался однако въ этомъ вопросѣ при своихъ старыхъ взглядахъ; онъ даже усилилъ ихъ противорѣчіе со взглядами защитниковъ итальянской самобытности, отказавшись отъ своихъ профессорскихъ заимствованій изъ Лео **) и примкнувши ближе къ теоріи Савиньи. Молодое поколѣніе однако не убѣдилось доводами Грановскаго. Вотъ что писалъ по этому поводу Ешевскій Бестужеву-Рюмину. «Написавши въ первый разъ свою рецензію на Кудрявцева, я изорвалъ ее, когда прочиталъ критику Тимоѳея Николаевича, и передѣлалъ совершенно или, лучше сказать, написалъ снова. Не думай впрочемъ, чтобы рецензія Т. Н. заставила меня перемѣнить свои мысли о развитіи городовъ въ Италіи. Мнѣ кажется, онъ мало обратилъ вниманія на новыя изслѣдованія. Слишкомъ, занятый авторитетомъ Савиньи, онъ всѣ доказательства беретъ изъ его же книги между тѣмъ какъ, мнѣ кажется, самъ Савиньи теперь поискалъ бы новыхъ въ защиту своего мнѣнія» ***).

V.

Послѣ бѣглыхъ очерковъ государствъ, основанныхъ германцами (самый подробный изъ нихъ — очеркъ исторіи англо-саксовъ, составленный преимущественно по Лаппенбергу, занимаетъ около одной лекціи), —Грановскій нѣсколько

*) Отеч. Зап. 1851 г. рецензія на соч. Кудрявцева, перепечат. во II томѣ Сочиненій.

**) Только мнѣніе о національномъ характерѣ итальянцевъ, какъ продуктѣ лангобардскаго завоеванія, изложено въ статьѣ по Лео, въ томъ же видѣ какъ въ лекціяхъ.

***) К. П. Бестужевъ-Рюминъ. Біографіи и характеристики, 305.

подробнѣе останавливается на исторіи франковъ. По своему обыкновенію, онъ начинаетъ свой разсказъ указаніемъ источниковъ и пособій. Характеристика Григорія Турскаго даетъ ему поводъ высказать свое мнѣніе объ общемъ значеніи излагаемаго періода:

„Его (Григорія Турскаго) лѣтопись имѣетъ большое значеніе не только для исторіи франковъ, но и для всей исторіи среднихъ вѣковъ. Нигдѣ не представлена такъ живо и наглядно борьба германскаго варварства съ испорченнымъ образованіемъ римскихъ провинцій, — этотъ чудный порядокъ вещей, возникшій отъ слiянія противоположныхъ элементовъ. Первоначально эти элементы обмѣнялись только дурными сторонами своими, и только дурныя стороны поражаютъ читателя при первомъ взглядѣ. Можетъ быть, не было общества болѣе чуждаго началу нравственному, какъ общество возникшее на римской почвѣ непосредственно по водвореніи германцевъ и преимущественно франковъ. Франки заняли все коварство, все равнодушіе ко всѣмъ высокимъ интересамъ, существовавшимъ въ разныхъ формахъ, въ различныхъ степеняхъ образованности у римлянъ; съ другой стороны вся жестокость германскихъ нравовъ перешла къ римлянамъ. Это какая-то отвратительная смѣсь. Но въ то же время эта исторія утѣшительна. Въ самомъ этомъ паденіи человѣчества видимъ безконечныя силы его, видимъ, какъ оно побѣдоносно выходитъ изъ процесса, коему было подвержено въ продолженіе двухъ или трехъ столѣтій“.

Далѣе Грановскій излагаетъ, по Тьерри, исторію взглядовъ на общественный строй франкскаго государства (теоріи Буленвилье, Дюбо и Мабли) и, наконецъ, даетъ характеристики современныхъ историковъ, Мишле, Гизо и Тьерри. Особенно любопытенъ отзывъ о Гизо, подчеркивающій ту противоположность въ складѣ ума обоихъ историковъ, которая мѣшала Грановскому выбрать Гизо въ число своихъ образцовъ и руководителей.

„У него нѣтъ драматическаго таланта, онъ не умѣетъ живо характеризовать явленій, но едва ли у кого-нибудь изъ современныхъ историковъ есть такой огромный талантъ аналитическій. Онъ разлагаетъ жизнь средняго вѣка на ея отдѣльные элементы и каждый подвергаетъ строгимъ изслѣдованіямъ. У него вся драма исторіи исчезаетъ; но изъ его книги можно коротко познакомиться о всѣми дѣятелями (Грановскій очевидно употребилъ это слово въ смыслѣ французскаго agent) французской исторіи“.

Очевидно, манера Гизо для Грановскаго отдаетъ той же самой «сухой теоріей прогресса» французскихъ изслѣдователей прошлаго вѣка, съ которой покончилъ Гердеръ и на смѣну которой явилось раздѣляемое Грановскимъ понятіе живого органическаго развитія *). Естественно, что всѣ его симпатіи на сторонѣ живописательной манеры Тьерри.

„Это былъ, такъ сказать, манифестъ“, говоритъ онъ по поводу „Lettres sur l'histoire de France“, изданный новою историческою школою, — въ которомъ она показала всѣ недостатки прежнихъ французскихъ историковъ. Въ первомъ письмѣ онъ разбираетъ древнихъ французскихъ историковъ, въ остальныхъ показываетъ, какъ должно писать исторію... Это сочиненіе по живости необыкновенной разсказа и по огромной учености, которою сочинитель не хвалится, замѣчательно. Онъ вездѣ только показываетъ живые результаты своей учености... „Разсказы о меровингахъ“... есть удивительный образецъ историческаго разсказа“.

Относительно «Исторіи Франціи» Мишле, Грановскій высказывается съ оговорками:

„Вообще должно замѣтить, что во всемъ сочиненіи видимъ неровность: нѣкоторыя части отдѣланы превосходно, другія очень слабо. Въ его исторической манерѣ есть

*) См. введеніе Грановскаго въ Сборникѣ въ пользу студ. унив. св. Владиміра, стр. 314—315.

что-то своенравное, капризное; но во всякомъ случаѣ это одинъ изъ самыхъ даровитыхъ, геніальныхъ историковъ нашего времени, въ богатой натурѣ котораго соединенъ блестящій талантъ изложенія съ огромными свѣдѣніями и съ философскимъ пониманіемъ, конечно, не совсѣмъ развитымъ и яснымъ“.

Въ общемъ, Грановскій отдаетъ французскимъ историкамъ безусловное преимущество передъ нѣмецкими. «Французскіе историки», говоритъ онъ, «пользовались много трудами нѣмцевъ, но стоятъ безконечно выше ихъ въ живомъ пониманіи событій и въ дарѣ изложенія. У нѣмцевъ исторіографія имѣетъ характеръ педантства; но она по самому (существу) своему назначена для всѣхъ, должна быть популярна». Это замѣчаніе не мѣшаетъ, однако, Грановскому основывать свой курсъ почти исключительно на нѣмецкихъ пособіяхъ; и причина этого, помимо характера подготовки Грановскаго, несомнѣнно заключается въ томъ, что именно нѣмецкая литература давала изображеніе средневѣковой исторіи съ той всемірноисторической точки зрѣнія, которая была необходимой для міровоззрѣнія Грановскаго.

Съ этой точки зрѣнія смотритъ Грановскій и на исторію франковъ. Сдѣлавши общій обзоръ народонаселенія Галліи, въ V вѣкѣ, онъ переходитъ затѣмъ къ фактическому разсказу слѣдующей фразой. «Во главѣ одной изъ франкскихъ дружинъ является человѣкъ, которому суждено было дать франкскому племени всемірноисторическое значеніе. Это былъ Хлодвигъ». И онъ обращаетъ вниманіе на то, что:

„Хлодвигъ—язычникъ уже въ самомъ началѣ своей дѣятельности въ Галліи является какъ бы союзникомъ католическаго духовенства. Какъ язычникъ, онъ внушалъ болѣе увѣренности духовенству, чѣмъ кунинги-аріане. Вслѣдствіе необходимаго движенія вещей онъ долженъ былъ перейти рано или поздно къ христіанству, котораго сила была очевидна. Уже тогда католическіе епископы смотрѣли на него какъ на будущаго христіанина. Они старались находиться съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Хлодвигъ принялъ этотъ союзъ, и успѣхи его объясняются союзомъ этимъ съ могущественнѣйшимъ сословіемъ тогдашняго времени“.

Такимъ образомъ, Хлодвигъ шелъ по пути, указанному Константиномъ Великимъ, и своимъ отношеніемъ къ духовенству какъ бы преобразовалъ отношеніе Пипина и Карла къ папскому престолу.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи Грановскій характеризуетъ отношенія, установившіяся у франкскихъ королей съ ихъ дружинниками, германскими «общинами» и галлоримскимъ населеніемъ. Онъ подчеркиваетъ при этомъ безусловное преобладаніе въ Нейстріи и Аквитаніи римскаго элемента. «Элементъ германскій преобладалъ потому только, что самые кунинги вышли изъ германскихъ дружинъ; но римляне, какъ самые многочисленные и образованнѣйшіе, занимая всѣ духовныя должности, имѣли сильное вліяніе на управленіе. Этотъ римскій элементъ былъ еще могущественнѣе къ югу отъ Луары; здѣсь сохранились латинскій языкъ, муниципальное правленіе въ городахъ; здѣсь мало было франковъ. Только въ т. наз. Австразіи преобладаетъ исключительно элементъ германскій». Нѣсколько далѣе онъ прибавляетъ: «одно важное и не довольно оцѣненное явленіе надобно замѣтить въ этомъ періодѣ франкской исторіи. Въ южной Галліи и Италіи осталось много сильныхъ фамилій изъ римскаго періода. Во время всеобщаго разложенія общества они удалились въ замки, нарочно ими выстроенные и укрѣпленные въ горахъ и неприступныхъ мѣстахъ. Еще теперь есть развалины такихъ

замковъ, которыхъ древность восходитъ до V, VI столѣтій. Изъ этихъ замковъ вышли въ VIII, IX столѣтіяхъ тѣ феодальные владѣльцы, которые такъ сильно стѣснили королевскую власть».

Въ дѣятельности Брунегильды Грановскій указываетъ «стремленіе ввести римскіе обычаи и нравы въ Германіи, подчинить германскую жизнь этимъ враждебнымъ началамъ». «Это одна изъ самыхъ необыкновенныхъ, дивныхъ личностей того періода... Противница ея Фредегонда стоитъ безконечно ниже ея. Она была представительницей этого испорченнаго времени, этого страшнаго разврата, происшедшаго вслѣдствіе соединенія варварства съ упадающимъ образованіемъ римскимъ». Немедленно вслѣдъ за этимъ Грановскому приходится отмѣтить побѣду дружинныхъ стремленій сѣвера и національной реакціи галльскаго юга надъ королевской властью. «Прогрессивное движеніе франкскаго могущества отъ Хлодвига до смерти сыновей его останавливается въ этомъ періодѣ; внутреннія силы въ государствѣ въ борьбѣ между собою. Надъ всѣми элементами выплываетъ элементъ феодальной власти, не ограниченной въ эту пору церковію. Церковь, чтобы не упустить изъ рукъ той власти, которою она доселѣ пользовалась, вошла въ составъ феодальной системы... Повидимому, въ этомъ движеніи погибаютъ остатки, безъ того уже скудные, римской цивилизаціи, римскихъ учрежденій». Но въ этотъ моментъ дѣло королевской власти берутъ подъ свою защиту сами „начальники феодальной аристократіи“,—палатные меры. Карлу Мартеллу „болѣе нежели кому-нибудь изъ его предшественниковъ удалось сложить оппозицію феодальныхъ дружинъ“. Правда, „онъ былъ ненавистенъ духовенству франкскому по строгости и притѣсненіямъ“; „когда не доставало ленъ для членовъ дружины, онъ сталъ раздавать владѣнія церковныя“. Но бранившіе его за это „лѣтописцы монахи“, — „не понимали заслуги его для Европы“ и „имѣли въ виду только собственныя выгоды“. „Въ началѣ VIII столѣтія иновѣрческія племена, (язычники съ сѣвера, мусульмане съ юга) грозили страшною опасностью германо-латинской Европѣ, которая была въ то время разъединена въ своихъ интересахъ, она была раздѣлена на христіанскую и языческую *). Между той и другой существовала непримиримая, глубокая вражда. Карлъ Мартеллъ въ этотъ роковой моментъ европейской исторіи, дѣйствительно, выказалъ себя героемъ, и его дѣятельность доставила ему всемірноисторическое значеніе. Съ одной стороны онъ удержалъ арабовъ, съ другой удерживалъ движеніе саксовъ, которые силились распространиться далѣе на западъ. Для достиженія этой цѣли онъ долженъ былъ натянуть всѣ силы государства франкскаго“. Вынужденный расхищать церковныя имущества у себя дома, онъ однако «оказывалъ дѣятельную помощь проповѣдникамъ христіанства за Рейномъ». «Онъ понималъ хорошо, что они защищаютъ одно дѣло съ нимъ, ведутъ къ одной цѣли. Это былъ авангардъ Карла Великаго». Такимъ образомъ, «вполнѣ дивная дѣятельность этого человѣка» подготовляла путь священной римской имперіи германской націи. Прежде чѣмъ перейти къ сліянію римской и христіанской идеи въ германской монархіи Карла, Грановскій останавливается на подвигахъ «воиновъ христіанской цивилизаціи» въ дебряхъ внутренней

*) Грановскій, конечно, разумѣетъ здѣсь внутреннее разъединеніе мірскаго и духовнаго общества, въ смыслѣ „философіи исторіи“ Гегеля.

Германіи. Описавъ миссіонерскую дѣятельность Виллиброрда и Бонифація, охарактеризовавъ колонизаціонное и просвѣтительное значеніе среди монастырей, Грановскій указываетъ еще на одну историческую заслугу Бонифація, который безспорно, былъ лицомъ самымъ замѣчательнымъ во всей исторіи запада до Карла Великаго». «Ему принадлежитъ мысль о близкомъ соединеніи франкскихъ католиковъ съ папою... Помазаніемъ Пипина церковь освѣтила права каролингской династіи, въ противоположность языческимъ правамъ дома меровинговъ». Разсказъ о Бонифаціи заканчивается, затѣмъ, слѣдующимъ любопытнымъ замѣчаніемъ:

„Въ наше время, когда католицизмъ явился съ новыми требованіями, снова возникъ вопросъ о дѣятельности и заслугахъ Бонифація. Ему вмѣняли въ преступленіе присягу, данную имъ папѣ, которому онъ, за себя и подчиненныхъ епископовъ въ Германіи обязался вѣчнымъ повиновеніемъ. Порицатели этого поступка полагаютъ, что если бы онъ дѣйствовалъ самостоятельно, внѣ связи съ Римомъ, то участь Германіи могла бы быть гораздо блистательнѣе.—Обвиненіе, основанное на совершенномъ непониманіи того времени. Отдѣльными силами, оторвавшись отъ римской церкви, которая была сердцемъ и единеніемъ западнаго христіанства, св. Бонифацій не совершилъ бы и половины того, что онъ совершилъ... Этому міру, еще юному, разрозненному, не сознавшему единства, нужно было внѣшнее единство—глава духовный или наставникъ. Этого наставника онъ нашелъ въ папѣ“.

Мы стоимъ, наконецъ, передъ разсказомъ о правленіи Карла Великаго,—государя, который «поднялъ ту же самую мысль, надъ которой безплодно трудились Дитрихъ Великій, Брунегильда, короли вестготскіе,—и которой осуществленіе явилось уже черезъ нѣсколько столѣтій послѣ него». И такъ, и Карлъ Великій трудился для осуществленія этой мысли безплодно? Но въ чемъ же тогда его всемірно-историческое значеніе? Грановскій начинаетъ съ того, что формулируетъ эти сомнѣнія. Своимъ разсказомъ онъ хочетъ ихъ разсѣять.

„Имя этого государя окружено такою огромною славою,—его называютъ основателемъ новаго порядка вещей. Естественно самъ собою приходитъ вопросъ: что же онъ сдѣлалъ?. Изъ законодательства его осталось мало слѣдовъ. Государство, имъ основанное, по смерти его распалось на части. Наконецъ, его называютъ воспламенителемъ образованія, — но къ числу самыхъ темныхъ временъ средней исторіи принадлежитъ именно X столѣтіе (слѣдующее за эпохой Карла Великаго). Повидимому, всѣ начинанія Карла были безплодны; онъ ослѣпилъ только мгновеннымъ исполненіемъ своихъ цѣлей, но продолжительнаго вліянія онъ не обнаружилъ.

Такое мнѣніе неоднократно было предлагаемо. Но, чтобы опровергнуть его, стоитъ разобрать въ связи разныя стороны дѣятельности Карла. Напомнимъ, въ какомъ положеніи Карлъ засталъ Европу... При первомъ толчкѣ франкское государство готово было разложиться—у него не было общаго интереса,—не было связывающаго, единящаго начала, кромѣ христіанства. Франкскія владѣнія не были отдѣлены грозными рубежами. Движеніе, которое мы называемъ переселеніемъ народовъ, еще не совершенно прекратилось... Вся масса каролингскихъ владѣній окружена была враждебными ей по національности и религіи племенами. Саксонцы-язычники,—защитники и хранители древняго германскаго быта, за ними славяне, къ югу отъ нихъ авары — происхожденія восточнаго, наконецъ, на самой южной границѣ владѣній каролингскихъ — арабы, отраженные дѣдомъ Карловымъ, но готовые воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ для вторженія во Францію... Ясно, что государство франковъ,—въ томъ видѣ, въ которомъ досталось оно Карлу Великому, — не составляло сплошной массы, соединенной общими интересами; напротивъ, оно было разъединено и отдѣльные элементы стремились къ самостоятельности... Мартеллъ истратилъ всю жизнь свою, отражая внѣшнихъ враговъ, — онъ не сдѣлалъ ничего для внутренняго устройства государства... Наконецъ, духовенство франкское, несмотря на великія заслуги, совершенныя въ этомъ отношеніи

св. Бонифаціемъ, находилось на низшей степени образованія; оно не стояло выше своей паствы..., было грубое, невѣжественное, немногіе чины его умѣли читать и писать— однимъ словомъ, оно совершенно вошло въ составъ феодальнаго общества".

Весь дальнѣйшій разсказъ о Карлѣ отвѣчаетъ на вопросъ, какъ онъ исполнилъ задачи, возложенныя на него только что изображеннымъ состояніемъ Европы.

„Военная дѣятельность Карла Великаго была не дѣятельностью безсмысленнаго честолюбца, ведущаго войны для расширенія владѣній своихъ, безъ всякой высшей мысли. Карлъ прекрасно понималъ всю важность папы, все значеніе этой главы христіанскаго запада,—и въ первые годы своего правленія подалъ ему руку помощи противъ лангобардовъ.. Всѣ остальныя войны Карла имѣютъ цѣлью—связать всѣ части государства въ одно неразрывное цѣлое, — связать ихъ прочнымъ рубежемъ, остановить наконецъ движеніе племенъ. Въ войнѣ противъ саксонцевъ, „(безспорно самой важной по результатамъ") дѣло шло о христіанствѣ или язычествѣ—о торжествѣ элемента древняго образованія надъ варварствомъ германскимъ. Далѣе идетъ рѣчь объ устройствѣ „марокъ" на границахъ государства. Эта часть внутренняго управленія Карла Великаго безспорно, принадлежитъ къ самымъ любопытнымъ сторонамъ исторіи среднихъ вѣковъ. Если (его государство) впослѣдствіи разложилось, — то въ этихъ граняхъ, (установленныхъ „марками"); а за эти границы уже не проникали чуждыя племена, враждебныя германоримской цивилизаціи.

Разнообразіе правъ (различныхъ племенъ, соединенныхъ подъ властью Карла), по всей вѣроятности, заставило Карла Великаго принять императорскій титулъ, и вѣнчаніе его въ Римѣ вовсе не было для него пріятной неожиданностью, а было согласно со всѣми видами его. Послѣ обряда вѣнчанія... онъ беретъ въ отношеніи ко всѣмъ племенамъ титулъ императора, перестаетъ быть кунигомъ отдѣльныхъ племенъ и становится императоромъ германо - римскаго населенія. Онъ оставилъ отдѣльнымъ племенамъ ихъ родовыя права, но сверхъ этого частнаго, родового права развивается право капитулярное, обязательное для всѣхъ жителей имперіи. Вообще, Карлъ думалъ объ окончательномъ соединеніи христіанскихъ земель. (Слѣдуетъ описаніе внутренняго управленія государства). Такимъ образомъ, при разнообразіи національностей, при разнородности правленій, существовало общее законодательство, установлена одна общая система административная, и приняты всѣ мѣры, чтобы дать этому цѣлому единство черезъ миссатиковъ. (Далѣе излагаются „обязанности ленныхъ людей" и воинская повинность народныхъ общинъ. Наконецъ, Грановскій останавливается на просвѣтительной дѣятельности Карла по отношенію къ духовенству и простому народу, упоминаетъ капитуляріи объ учрежденіи школъ, и возвращается къ упреку въ безплодности этихъ усилій, такъ какъ „10-й вѣкъ былъ едвали не самымъ варварскимъ). Надобно взять въ соображеніе всѣ обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ произошло это темное столѣтіе въ Европѣ: нападенія норманновъ, венгровъ, съ одной стороны; отсутствіе всякой единящей мысли, всякаго связывающаго начала, которое бы соединило народы европейскіе подъ одни знамена, хотя бы внѣшнія, каковы каролинги. Вся западная Европа распалась на тысячи мелкихъ народовъ и феодальныхъ владѣтелей. Если образованіе, посѣянное Карломъ Великимъ, не погибло окончательно, то этимъ мы обязаны мѣрамъ, имъ принятымъ. Долго огонь теплился подъ пепломъ; въ XI-мъ вѣкѣ онъ вспыхнулъ ярко и принесъ великую пользу, и потому циркуляръ Карла Великаго есть одинъ изъ величайшихъ памятниковъ средней исторіи, и народы западные должны смотрѣть на него съ признательностью".

Итакъ военная дѣятельность Карла Великаго остановила племенныя передвиженія и окончательно опредѣлила районъ «германо-римской цивилизаціи»; его административная дѣятельность скрѣпила разныя части государства и дала имъ общее право, возвышавшееся надъ «родовыми правами» отдѣльныхъ національностей; наконецъ, его просвѣтительная дѣятельность положила основы для бу-

дущаго развитія просвѣщенія. Таковы итоги правленія Карла, дающіе этому правленію, по мнѣнію Грановскаго, всемірно-историческое значеніе. Въ сущности говоря, въ этихъ итогахъ мы найдемъ много общаго съ тѣми, которыя подводитъ Гизо въ отвѣтъ на такія же сомнѣнія, что дѣятельность Карла прошла безслѣдно. Но за внѣшнимъ сходствомъ нельзя забывать коренной внутренней разницы въ томъ, что составляетъ, такъ сказать, нервъ изложенія обоихъ авторовъ. Оба изучаютъ органическій процессъ историческаго развитія; но Гизо ищетъ его въ постепенномъ измѣненіи національныхъ основъ быта, тогда какъ Грановскій находитъ его во всемірно-исторической связи событій. Вотъ почему Грановскій совершенно оставляетъ въ сторонѣ характеристику тѣхъ «родовыхъ правъ» (т. наз. «варварскихъ правдъ), на которой Гизо опирается, какъ на исходной точкѣ, зарождающагося общественнаго строя. И вотъ почему, когда феодальный строй сложился, для Грановскаго онъ является только постороннимъ фактомъ, препятствующимъ осуществленію всемірно - историческихъ идей Карла Великаго, тогда какъ Гизо изъ самаго законодательства Карла старается вывести его окончательное осуществленіе. «Ничто, безъ сомнѣнія, не похоже меньше на феодализмъ, чѣмъ верховное единство, составлявшее предметъ стремленій Карла Великаго; и все же онъ былъ истиннымъ основателемъ феодализма», говоритъ Гизо. Для Гизо - въ этомъ его прочная заслуга, тогда какъ его личныя «стремленія»—это свойственная великимъ людямъ «доля эгоизма и мечты», осуждаемая исторіей, какъ осудила она претензіи Наполеона на всемірное господство. Такимъ образомъ «честолюбивая мысль, направленная на римскую имперію, на римскую цивилизацію»,—та мысль, которая обща Карлу Великому съ Атаульфомъ, Теодорихомъ и Хлодвигомъ, — эта мысль «не была мыслью и потребностью общею и не имѣла шансовъ осуществиться: «сдѣланное имъ для ея осуществленія погибло вмѣстѣ съ нимъ». Вотъ идеи, діаметрально противоположныя взглядамъ Грановскаго. Для него борьба Карла съ чистыми германцами—есть послѣдняя побѣда Рима и христіанства; для Гизо самое водвореніе каролинговъ есть и окончательная побѣда въ новой формѣ германскаго варварства. Грановскій подчеркиваетъ то обстоятельство, что германская «дружина, утомленная безпрерывными походами Карла Мартелла и Пипина, примиренная богатыми наградами, не бунтуетъ какъ прежде при Меровингахъ и не противится королевской власти; Гизо обращаетъ вниманіе на то, что эта дружина, обогащенная землями и усѣвшаяся на мѣстѣ, становится для королевской власти опаснѣе, тѣмъ когда бы то ни было. Все дѣло въ томъ, что Гизо изучаетъ органическій процессъ развитія Франціи, тогда какъ Грановскій слѣдитъ за всемірно-исторической нитью развитія человѣчества. Въ этомъ послѣднемъ развитіи органическій процессъ исторіи осуществляется, по Гегелю, путемъ противоположностей, — и къ числу такихъ противоположностей принадлежитъ контрастъ между эпохой Карла Великаго и послѣдующимъ періодомъ средневѣковой исторіи. «Только что описанное устройство на видъ кажется превосходнымъ; оно обезпечивало твердую военную организацію и заботилось о правосудіи внутри государства. И однако же, по смерти Карла Великаго, оно оказалось совершенно безсильнымъ, неспособнымъ охранить государство ни извнѣ—отъ вторженій норманновъ, венгровъ, арабовъ, ни внутри—отъ всякаго рода безправія, грабежа и насилій. Такимъ образомъ, рядомъ съ превос-

ходнымъ государственнымъ строемъ мы видимъ отвратительное состояніе, противорѣчащее ему во всѣхъ отношеніяхъ. Подобныя созданія исторіи, именно потому, что онп такъ внезапно возникаютъ, нуждаются въ усиленіи внутренняго отрицанія самихъ себя: онѣ вырываютъ всевозможныя реакціи, которыя и обнаруживаются въ послѣдующемъ періодѣ». Эти слова принадлежатъ Гегелю, а не Грановскому; но они какъ нельзя лучше объясняютъ намъ, что заставляло Грановскаго закрывать глаза на предварительную подготовку феодализма. Подобно Гегелю, для него дальнѣйшая исторія — есть время «реакцій», а необходимость реакціи заключается уже въ томъ самомъ явленіи, которое они отрицаютъ.

Напомнимъ, что Гегель различаетъ послѣ эпохи Карла Великаго три рода реакціи. «Первая реакція — это движеніе отдѣльныхъ національностей противъ франкскаго владычества». Вторая—это «реакція личности противъ закона и государственной власти». Третья — реакція духовнаго начала противъ наличной дѣйствительности. Таковы тѣ «абстрактныя противоположности», по знакомому намъ выраженію Грановскаго, раскрытіе которыхъ должно совершаться въ главной, центральной части средневѣковой исторіи. Къ сожалѣнію, на изложеніе этого отдѣла курса Грановскому оставалась уже только треть времени, употребленнаго имъ на введеніе и на разсказъ о первомъ періодѣ. Поэтому изложеніе становится въ этой части все болѣе сжатымъ. Однако, и отсюда мы можемъ извлечь нѣсколько характерныхъ для Грановскаго страницъ.

Сюда относятся самыя первыя строки слѣдующаго отдѣла, находящіяся въ болѣе чѣмъ вѣроятной связи съ только что указаннымъ взглядомъ Гегеля.

„По самой личности своей Людовикъ Кроткій не могъ стоять во главѣ зданія, сооруженнаго Карломъ Великимъ... Но были и другія причины, независимыя отъ его личности, которыя должны были привести его государство въ то положеніе, въ какомъ видимъ его при смерти Людовика. Могущественная рука Карлова держала подъ одною властію всѣ племена западной Европы, подчиняла ихъ однообразному законодательству, стараясь надѣлить ихъ одною цивилизаціею, попирая ногами особенности или національности племенъ и ихъ требованія. Съ первыхъ годовъ царствованія Людовика начинается реакція отдѣльныхъ народностей противъ исключительнаго владычества франкскаго племени и династіи“.

Указавъ на годъ сверженія Карла Толстаго (887), какъ на моментъ, когда «отдѣльныя національности достигли, наконецъ, своей цѣли, иго франкской династіи вездѣ было сброшено, всюду явились туземныя династіи», — Грановскій немедленно переходитъ къ отдѣльной исторіи Германіи послѣ 887 года. Доведя въ двухъ лекціяхъ разсказъ до смерти Оттона Великаго (972), онъ замѣчаетъ:

„Отнынѣ исторія германская принимаетъ гораздо большую важность. Нѣмецкіе короли уже не выпускаютъ изъ рукъ титула императора римскаго. Они становятся главами феодальнаго міра... Не должно смѣшивать исторіи имперіи съ исторіей имперскаго народа. Отношенія императора были гораздо обширнѣе отношеній народа имперскаго, и выгоды ихъ совершенно различны. Императоры объявляютъ притязанія на первенство; они хотятъ быть главами феодальнаго міра. Увидимъ послѣ, какія жертвы должны были принести императоры, чтобы достигнуть этого признанія. Германія была чуждою императорамъ; они простирали свои виды на Италію“.

Конечно, не исторія Германіи будетъ занимать Грановскаго въ дальнѣйшемъ изложеніи, а именно исторія международныхъ отношеній императоровъ въ борьбѣ

за призракъ всемірной власти. По поводу дѣятельности Генриха III онъ даетъ болѣе точную характеристику этимъ стремленіямъ императоровъ:

„Отнюдь не должно смѣшивать притязаній нѣмецкихъ императоровъ съ цѣлями, которыя преслѣдовали съ XIV вѣка государи европейскаго запада. Эти послѣдніе хотѣли совершенно побороть всѣ элементы средневѣковаго общества, феодальнаго правленія. Они руководствовались явною враждой къ средневѣковымъ правиламъ. Напротивъ, императоры нѣмецкіе признавали бытъ средневѣковой за законную форму общества, но они хотѣли утвердить его на юридическомъ основаніи, дать ему строгую опредѣленность, подчинить его строгимъ, опредѣленнымъ постановленіямъ... Въ феодальномъ мірѣ не было настоящей собственности. Право на собственность исходило изъ высшей (власти). Императоръ раздавалъ королевства, король—герцогства, герцогъ—графства, графъ—баронства и т. д. Каждый получалъ власть свою отъ высшаго. Если бы императоры стали не въ одной только теоріи главами феодальнаго міра, а въ самомъ дѣлѣ (сдѣлались) владыками,—то они пріобрѣли бы такое могущество, какого исторія не представляла еще нигдѣ. Самая частная собственность была бы ихъ собственностью. Таковъ былъ фантастическій планъ нѣмецкихъ императоровъ для достиженія верховной власти“.

Эту задачу преслѣдовалъ и Генрихъ III. «Фантастичность» ея не мѣшаетъ Грановскому дать дѣятельности Генриха слѣдующую оцѣнку:

„Можетъ быть, изъ всѣхъ нѣмецкихъ государей“, говоритъ Грановскій, „никогда германцы не гордились такимъ великимъ властителемъ, ни одинъ не напоминалъ такъ личности Карла Великаго, какъ Генрихъ III. У него были планы великихъ реформъ въ государствѣ и церкви“... „Церковь, пришедшая въ слишкомъ тѣсную связь съ феодальнымъ міромъ, забыла свое назначеніе. Генрихъ хотѣлъ преобразовать ее... Григорій VII въ этомъ отношеніи является только послѣдователемъ идей Генриха III... Генрихъ III думалъ очистить церковь отъ вкравшихся въ нее злоупотребленій—отъ примѣси свѣтской, оторвать ее отъ незаконнаго союза съ міромъ и страстями, но въ то же время думалъ подчинить ее верховной власти императора, какъ главѣ западнаго христіанства. Григорій VII думалъ также объ очищеніи церкви, но хотѣлъ подчинить ее папѣ“.

Дойдя до малолѣтства Генриха IV, Грановскій останавливаетъ разсказъ о борьбѣ папъ съ императорами и возвращается къ нему только въ послѣднихъ лекціяхъ сохранившейся части курса. Разсказавши довольно подробно объ обстоятельствахъ малолѣтства Генриха IV, о его борьбѣ съ саксонцами, Грановскій повторяетъ въ болѣе распространенной редакціи выписанную нами характеристику стремленій императорской власти *). «Относительно церкви», по его замѣчанію, «императоры становились въ положеніе Константина Великаго, защитника, покровителя церкви, advocatus ecclesiae, распространителя христіанства. Церковь же разумѣла подъ этимъ названіемъ только свѣтскаго сановника, котораго она облекла властью—управлять ея собственностью и дѣлами, удерживая за собою право отнять (эту власть)». На характеристикѣ дѣятельности Гильдебранда, до назначенія его папой, курсъ обрывается.

*) Вотъ нѣсколько строкъ въ дополненіе къ нашей цитатѣ: „императоры были еще сыны средняго вѣка; воспитанные въ его преданіяхъ, они хотѣли только подчинить твердымъ законамъ феодальную общину и церковь, опредѣлить ихъ отношенія, положить конецъ безобразной анархіи; они хотѣли стать во главѣ феодальной общины, какъ вершина, отъ коей истекаютъ всѣ прочія власти. Есть любопытное свидѣтельство, какъ понимали это современники (описаніе турнира Рената Анжуйскаго). Въ этой рукописи сказано, что императоръ раздаетъ королевства, король“ etc...

VI.

Длинное отступленіе, перервавшее нить разсказа Грановскаго, начинается «Исторіей скандинавскаго полуострова». Несомнѣнно, Грановскій придавалъ этому отдѣлу значеніе въ общемъ курсѣ; въ началѣ лекцій онъ упрекаетъ Лео, что тотъ «отбросилъ скандинавскій сѣверъ на самый конецъ своей книги, ибо не нашелъ для него мѣста въ серединѣ». Что же интересуетъ его въ этой исторіи? «Самая исторія скандинавская»,—такъ начинаетъ Грановскій этотъ отдѣлъ, «для насъ не можетъ имѣть большого значенія; но должно короче познакомиться съ ея источниками». Далѣе онъ указываетъ, что съ этимъ «связаны многіе вопросы отечественной исторіи, напримѣръ, вѣчный вопросъ о происхожденіи варяговъ». Намъ кажется, однако, что это соображеніе не было для Грановскаго ни единственнымъ, ни даже самымъ главнымъ. Вѣрнѣе предположить, что главную роль играло тутъ то поэтическое достоинство скандинавскихъ преданій, которое побудило его выбрать эту тему и для одной изъ своихъ печатныхъ статей. «Въ сумрачномъ мірѣ скандинавской поэзіи», говоритъ Грановскій въ статьѣ о «пѣсняхъ Эдды», «мы встрѣтимъ образы, дивно отмѣченные трагической красотою страданія, носящіе въ себѣ такой избытокъ силъ и скорби, что ихъ можно принять за могучихъ прадѣдовъ выродившагося и слабодушнаго страдальца, который сдѣлался типическимъ героемъ новыхъ европейскихъ литературъ». Это духовное родство приковывало симпатіи Грановскаго къ древнимъ скандинавскимъ миѳамъ и пѣснямъ. «Въ большей части религіозныхъ пѣсней Скандинавіи», говорится въ лекціяхъ, «высказывается предчувствіе трагическаго конца..., именно, гибели всѣхъ живыхъ, которой не избѣжитъ и Одинъ и Азы. Пророчица поетъ имъ пѣснь о будущей гибели ихъ; они не вѣчные боги: Одинъ самъ въ видѣ ворона предрекаетъ судьбу своего рода. Наконецъ, въ скандинавской миѳологіи говорится еще о какомъ-то неназываемомъ началѣ, которое стоитъ выше боговъ и людей, которому подчинены и тѣ и другіе. Изъ этого воззрѣнія на всю жизнь выходитъ главный результатъ—трагическій конецъ, которымъ наполнены всѣ историческіе и религіозные памятники скандинавовъ. Отсюда происходитъ страшная отвага, съ которою скандинавскіе герои вызываютъ смертныхъ и боговъ..., у нихъ безпрестанно срывается съ устъ упрекъ богамъ, что они не безсмертны, а смертны, какъ люди. Это сообщаетъ миѳологіи скандинавской неизъяснимо поэтическій характеръ» *).

Вотъ что заставило Грановскаго вооружиться Дальманомъ и познакомить своихъ слушателей съ результатами его изслѣдованій объ источникахъ скандинавской исторіи. Этому предмету, а также краткой исторіи Даніи, Швеціи и Норвегіи въ древнѣйшій періодъ посвящено больше трехъ лекцій. Затѣмъ, въ одной лекціи Грановскій излагаетъ набѣги норманновъ на Францію, съ попутной характеристикой ея состоянія за полтора вѣка, и завоеваніе Англіи норманнами. Далѣе.

*) Ср. текстъ печатной статьи.

на характеристику феодализма, развитія городовъ и состоянія церкви удѣлено столько же мѣста, сколько на исторію скандинавскихъ государствъ. Естественно, что на такомъ небольшомъ пространствѣ Грановскому удается дать только самый общій очеркъ главныхъ особенностей средневѣковаго строя.

Лекція о феодализмѣ начинается съ указанія на жизненность феодальнаго начала. «Этотъ вопросъ», замѣчаетъ Грановскій, «еще доселѣ не причисленъ къ тѣмъ историческимъ вопросамъ, которые имѣютъ для насъ только ученое значеніе. Еще доселѣ европейское общество борется противъ остатковъ феодальнаго быта, хочетъ очистить отъ него совершенно свою почву». Указавъ затѣмъ нѣкоторыя сочиненія защитниковъ феодализма (Boulainvilliers, Корнваль и Боркъ), Грановскій продолжаетъ: «окончательный приговоръ феодальной эпохѣ принадлежитъ собственно нашему времени. Историческіе труды послѣднихъ десятилѣтій показали феодализмъ въ настоящемъ видѣ его. Самое лучшее сочиненіе находится у французовъ въ курсѣ Гизо... Можно не соглашаться съ нимъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ, но вообще это полная, живая картина».

На Гизо и основывается дальнѣйшее изложеніе Грановскаго; но и тутъ онъ вноситъ свои оттѣнки пониманія, характеризующіе его симпатіи и напоминающіе о его нѣмецкихъ источникахъ. Резюмируя взглядъ Гизо на происхожденіе феодализма, онъ припоминаетъ и идеи, усвоенныя изъ Эйхгорна. «Отношенія между господиномъ и рабами его» онъ характеризуетъ какъ «самое ужасное насиліе». Конечно, и Гизо показываетъ, какъ тяжело было положеніе крѣпостныхъ и какъ оно ухудшилось къ 10 вѣку. Но онъ старательно подчеркиваетъ, что крѣпостной былъ не рабъ, что положеніе его хотя и тяжелое, было опредѣлено закономъ, и что изъ жалкихъ обломковъ этого правоваго положенія, уцѣлѣвшихъ къ X вѣку, выросъ въ XIV вѣкѣ такой указъ, подобнаго которому «не рѣшился бы публиковать въ Россіи имп. Александръ I». Русскій профессоръ сороковыхъ годовъ не могъ не сгустить невольно красокъ, говоря о положеніи крѣпостныхъ; иначе этотъ профессоръ не былъ бы Грановскимъ.

„Одно уже различіе народностей“, замѣчаетъ онъ, (имѣло большое значеніе). Господинъ былъ германецъ, пришлецъ, завоеватель; подданные большею частью—остатки римскаго народонаселенія. Въ одеждѣ, въ привычкахъ, въ понятіяхъ — во всемъ лежало различіе. Права господина относительно рабовъ его не были опредѣлены закономъ въ X—XI вѣкѣ. Онъ имѣлъ право жизни и смерти, бралъ съ нихъ денежныя и другія подати; на нихъ падала вся тягость феодальныхъ войнъ, войнъ безпрерывныхъ. Словомъ, это былъ деспотизмъ самый тяжелый и безотрадный. Въ Германіи феодализмъ никогда не былъ такъ тяжелъ, какъ во Франціи. Тамъ не было сначала различія національностей, оно (?) было умягчаемо патріархальными отношеніями.—Этимъ объясняется глубокая ненависть къ феодальнымъ учрежденіямъ, которая донынѣ видна во Франціи у простолюдиновъ, не понимающихъ историческаго значенія феодализма, потерявшихъ даже преданіе о немъ.—Это была самая бѣдственная эпоха. При каждомъ замкѣ были еще подземелья—господскія тюрьмы; туда бросали людей безъ суда и приговора, по мановенію господина. Такихъ господскихъ тюремъ въ XIV вѣкѣ въ одной Франціи было до 100.000. Отсюда можно себѣ составить понятіе о значительномъ населеніи этихъ темницъ. Онѣ рѣдко бывали пустыми. Посредникомъ между феодальнымъ властителемъ и деревней могъ быть только священникъ, бывшій при сельской церкви. Но въ X вѣкѣ этотъ священникъ самъ немногимъ отличался отъ поселянъ, и обращеніе съ нимъ феодальнаго владѣтеля было такъ же сурово и грубо, какъ и съ остальными поселянами. Изъ этой неограниченной власти одного лица надъ стадомъ людей—такое названіе по справедливости за-

служиваютъ рабы феодальные (порядокъ вещей, который нигдѣ болѣе не повторяется съ такою ужасною силою, какъ въ X—XI вѣкѣ) — развилось (какое)-то насмѣшливое, своевольное, въ высшей степени оскорбляющее нравственное чувство—отношеніе господина къ рабамъ (слѣдуетъ перечень унизительныхъ повинностей крѣпостныхъ)... Во всемъ этомъ выражается своеволіе частной прихоти, презрѣніе къ человѣчеству. Уже впослѣдствіи, когда церковь, которая во всей средней исторіи играетъ высокую роль образовательницы и умирительницы этихъ дикихъ, грубыхъ побужденій, — когда она пріобрѣла больше вліянія, когда уроки ея проникли и въ феодальные замки, отношенія нѣсколько смягчились".

Такимъ образомъ, не «сила права», на которую ссылается Гизо, а сила религіи улучшила мало-по-малу положеніе крѣпостныхъ. Точно такой же оттѣнокъ вноситъ Грановскій и въ характеристику взаимныхъ отношеній между вассалами. Для Гизо феодализмъ не есть анархія, а нѣкоторый опредѣленный общественный порядокъ, котораго правовыя основы онъ старается выяснить. Для него и взаимныя отношенія вассаловъ регламентируются извѣстными принципами «феодальной юрисдикціи»—раньше чѣмъ ихъ начинаетъ регулировать правительство и церковь. Грановскій совсѣмъ не останавливается на институтѣ «суда перовъ» и на феодальной регламентаціи частныхъ войнъ. Указавши, что феодаламъ «собственно не было дѣла другъ до друга», и замѣтивъ, что, однако же, «надобно было какимъ-нибудь закономъ опредѣлить ихъ отношенія, положить конецъ этому важному самоуправству, этой анархіи», — онъ непосредственно затѣмъ говоритъ: «Свѣтская власть до X вѣка была безсильна обуздать феодальныхъ владѣтелей и подчинить ихъ закону. Церковь приняла на себя этотъ трудъ».

Зато тѣмъ ярче выдѣляется на этомъ фонѣ безправія учрежденіе, привлекающее особыя симпатіи Грановскаго,—именно средневѣковое рыцарство. У Гизо, который не видитъ въ феодализмѣ безправія,—институтъ рыцарства сливается съ самымъ фономъ породившей его жизни. Опровергая мнѣніе, будто рыцарство есть учрежденіе вновь появившееся въ разгарѣ среднихъ вѣковъ, Гизо подчеркиваетъ его происхожденіе изъ самыхъ условій феодальнаго быта и только на готовое уже учрежденіе допускаетъ дальнѣйшее вліяніе церкви. У Грановскаго рыцарство—принципіально отвергаетъ тотъ строй, среди котораго оно дѣйствуетъ. Описавши феодальныя отношенія, онъ слѣдующимъ образомъ переходитъ къ характеристикѣ рыцарства:

„Но это феодальное общество въ XI вѣкѣ принесло благороднѣйшій цвѣтъ свой—рыцарство. О происхожденіи рыцарства есть много мнѣній. Одни думаютъ, что оно возникло въ южной Европѣ отъ столкновенія европейскихъ и азіатскихъ элементовъ. Другіе полагаютъ въ немъ родъ полиціи среднихъ вѣковъ. Конечно, принимая полицію въ благороднѣйшемъ значеніи ея,—оно дѣйствительно могло быть такъ названо. Теорія рыцарства произошла не отъ свѣтской власти. Главное вліяніе на развитіе рыцарства имѣла западная церковь. Вездѣ это великое, благородное учрежденіе старалось воспользоваться всѣми средствами, чтобы смягчить жестокій бытъ феодальный.. рыцарствомъ также, какъ Божіимъ миромъ смягчило оно самый феодализмъ".

Затѣмъ разсматривая обрядъ посвященія въ рыцаря, Грановскій дѣлаетъ слѣдующую оцѣнку рыцарства.

Безъ сомнѣнія, рыцарство приняло много грубыхъ феодальныхъ элементовъ. Очень рѣдко рыцарскій характеръ соотвѣтствовалъ идеалу, который церковь ставила рыцарямъ цѣлію. Но, тѣмъ не менѣе, оно было учрежденіе благородное и прекрасное. Вся

жизнь рыцаря должна была быть посвящена защитѣ церкви, благородной ревности къ войнѣ и турнирамъ. Рыцарь былъ изъятъ изъ ежедневныхъ унижающихъ человѣка прозаическихъ подробностей въ своихъ занятіяхъ. Рыцарство образовало въ Европѣ большую республику, которой члены соединены были братствомъ, не смотря на различіе національностей. Изъ трехъ главныхъ элементовъ сложилась рыцарская нравственность (всякій вѣкъ имѣетъ свои понятія о нравственности; то что древній міръ называлъ нравственнымъ,—то перестало быть нравственнымъ для среднихъ вѣковъ и нравственность среднихъ вѣковъ перестала быть ею для насъ); эти элементы были: честь, вѣрность и любовь. Въ этихъ элементахъ есть много произвольнаго; личная прихоть не могла быть никогда отстранена отъ феодальнаго общества: это мѣшало въ основаніи феодальнаго характера. Но эта прихоть была облагорожена. Въ чувствѣ чести обнаруживается могущественное сознаніе личнаго человѣческаго достоинства. Конечно, это личное достоинство человѣческое сначала сознаваемо было только въ феодальныхъ баронахъ; прочіе классы не имѣли права на это чувство. Но дѣло въ томъ, что отъ феодальныхъ бароновъ это чувство гордой личности впослѣдствіи перешло и на прочіе классы. Понятіе чести есть понятіе отвлеченное. Здѣсь нѣтъ закона, который бы истощалъ опредѣленіе этого понятія и опредѣлялъ вытекающія изъ него требованія,— особенно во время рыцарства, гдѣ честь состояла въ достиженіи цѣлей прихотливыхъ, своенравныхъ. Такого-же рода прихотливымъ чувствомъ была вѣрность господину. Это была вѣрность лицу, а не вѣрность мысли, идеѣ *). Наконецъ, то же можно сказать и о чувствѣ любви... Это не была любовь настоящая, прямая, которая лежитъ въ основаніи семейнаго счастія. Это была любовь фантастическая **). Напротивъ, рыцарь никогда не оказывалъ уваженія собственной женѣ. Изъ этого легко понять, почему весь бытъ рыцарскаго общества принялъ своенравный характеръ. Онъ поражаетъ насъ странными явленіями, принадлежащими къ этому времени и выражающими совершенно характеръ среднихъ вѣковъ".

Дѣйствительно, стоитъ только сравнить эту характеристику рыцарства съ опредѣленіемъ среднихъ вѣковъ, сдѣланнымъ въ началѣ курса, чтобы заключить что въ этомъ учрежденіи Грановскій долженъ былъ видѣть, такъ сказать, квинтэссенцію среднихъ вѣковъ,—самое яркое выраженіе развивающагося въ этотъ періодъ внутренняго противорѣчія,—противорѣчія «абсолютнаго» духа, не узнающаго себя въ чуждой ему оболочкѣ и остающагося поэтому «абстрактнымъ», за неимѣніемъ «конкретной» формы для своего полнаго выраженія. Равняться съ рыцарствомъ въ этомъ смыслѣ могутъ развѣ только неразрывно связанные съ нимъ крестовые походы, этотъ «кульминаціонный пунктъ среднихъ вѣковъ», по выраженію Гегеля. Мы сейчасъ увидимъ, что въ оцѣнкѣ крестовыхъ походовъ у Грановскаго возвращается та же основная идея облеченная въ ту же терминологію. Къ этому отдѣлу мы и переходимъ прямо, такъ какъ ни черезчуръ сжатая характеристика городовъ и церкви, ни фактическій разсказъ о Византіи и Исламѣ — почти не представляютъ такихъ чертъ, которыя было бы важно отмѣтить ***).

*) Ср. *Hegel*, IX, 449. «die Treue des Vassallen ist nicht eine Pflicht gegen das Allgemeine, sondern eine Privatverpflichtung, welche ebenso der Zufälligkeit, Willkür und Gewaltthat anheimgestellt ist».

**) Выраженіе „фантастическое направленіе среднихъ вѣковъ" всрѣчается еще въ отдѣлѣ о городахъ, гдѣ оно противопоставлено „здравому смыслу, разсудку", преобладавшему у горожанъ.

***) Отмѣтимъ только различіе (по Гизо) между понятіемъ „городской общины" и „средняго сословія". „Конечно, въ общинѣ заключается зародышъ и средняго сословія, но онъ долженъ былъ развиться, выйти изъ своей ограниченности, чтобы образовать классъ, въ рукахъ ко-

„Мы видѣли“, — такъ начинаетъ Грановскій свое повѣствованіе о крестовыхъ походахъ,—„что въ каждомъ классѣ тогдашняго общества существовало тайное желаніе, которое не было удовлетворено европейскимъ порядкомъ вещей. Каждое сословіе стремилось къ исключительному преобладанію. Феодализмъ не признавалъ церкви и общины, которыя въ свою очередь не признавали феодализма; а церковь хотѣла подчинить себѣ и феодализмъ и общину... Въ концѣ XI вѣка вездѣ замѣчаемъ какое-то неудовлетвореніе существующими формами и надежду на ихъ перемѣну... На мѣстѣ, въ Европѣ весь западный порядокъ вещей основался на историческомъ основаніи, котораго нельзя было уничтожить. Предпріимчивымъ и смѣлымъ умамъ XI вѣка открылась на новомъ мѣстѣ перспектива великой будущности. Ихъ вели въ землю, гдѣ можно было разсчитывать удовлетворить самыя разнообразныя стремленія... Не было ни одного класса, который бы съ религіозными цѣлями (похода въ Палестину) не соединялъ еще тайной цѣли, затаенной въ душѣ его. Феодальные бароны надѣялись основать порядокъ вещей, ничѣмъ не стѣсненный. Духовенство хотѣло создать ѳеократическую общину, не стѣсненную императорскою властью. Общины надѣялись основать свободные города, безъ притѣсненій феодальныхъ владѣтелей. Всѣ эти надежды не сбылись... Въ (Іерусалимскихъ ассизахъ) феодализмъ пытался устроиться во всей своей чистотѣ, отвлекаясь отъ примѣси, которая возникла на европейской почвѣ. Эта попытка возстановить феодализмъ во всей его абстрактности на новой землѣ... оказалась неудачной... Обязанности каждаго барона... и ленниковъ были строго опредѣлены въ Assises de jerusalem, но были исполняемы довольно небрежно... Итальянскіе города получили въ каждомъ приморскомъ городѣ старинныя права, которыя нарушали единство государства и мѣшали идти строгому порядку... Отъ этого происходила чрезвычайная пестрота законовъ, властей, подсудности... Такимъ образомъ, то государство, въ которомъ надѣялись осуще-

тораго находится судьба западной Европы въ наше время“. Интересно также замѣчаніе Грановскаго о значеніи религіи для Византіи. „Несмотря на всю порчу византійской жизни, въ ней былъ могущественный элементъ—богословскіе споры. Здѣсь, такъ сказать, подданные Византіи нашли нравственную опору. Гиббонъ и историки XVIII вѣка смѣялись надъ участіемъ народа въ богословскихъ спорахъ. Но оно имѣетъ высокое значеніе. Оно сообщило Византійской Исторіи высокій характеръ; оно возстановило нравственность; до VIII вѣка оно держало Византію на высокой чредѣ между государствами европейскими. Въ VIII столѣтіи (т. е. во время иконоборчества) „византійская церковь удалилась сама въ себя, отреклась отъ государства не умѣвшаго понять ее; она берегла дары и обѣтованія свои для лучшаго времени“. Съ этихъ поръ „государство развращенное, лишенное энергіи... держится только благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ и остатками цивилизаціи древняго міра, благодаря славянамъ, которые кровію своею отстаивали его существованіе». Образованность византійской аристократіи была «холодная, равнодушная эгоистическая; она не произвела никакихъ великихъ явленій“. „Отличительный характеръ ея — изящество формъ... и совершенное равнодушіе ко всѣмъ высокимъ интересамъ человѣчества“.

„Этимъ объясняется безплодность науки“. Съ другой стороны, лучшія и благороднѣйшія силы народа уходятъ въ византійскую церковь“; „въ отторженіи отъ государства“, церковь „принимаетъ характеръ аскетическій; вмѣстѣ съ государствомъ отвергаетъ науки и начинаетъ заниматься богословіемъ, которому дѣлаетъ великія услуги“. Приведемъ еще мѣсто, относящееся къ исторіи египетскаго калифата. „Египетъ былъ мѣстомъ, гдѣ образовались странные, чудовищные расколы и ученія восточныя. Въ Каирѣ былъ т. наз. домъ мудрости, высшее учебное заведеніе, Академія всего магометанскаго востока. Учащіеся были раздѣлены на 9 степеней. Въ первой степени имъ читали только Коранъ и объясненія на него. Далѣе, проходя отъ степени къ степени, ихъ учили совершенному равнодушію къ религіи. Въ цѣлой всемірной исторіи едва-ли, найдемъ такой примѣръ. Калифы сами стоятъ во главѣ этого заведенія—зрѣлище чудовищное. Верховная власть проповѣдуетъ атеизмъ. Всю нравственность этихъ ученій можно сжать въ слѣдующую формулу: нѣтъ ничего истиннаго и обязательнаго для человѣка. Эти ученія развиты до послѣдней крайности своей „ассасиналіи“.

ствить всѣ идеалы общественности въ ихъ совершенной абстрактности, — представило эти идеалы въ ихъ разложеніи. Здѣсь въ первый разъ они оказались недостаточными для образованія полнаго, цвѣтущаго государства... Идеи, которыя западное человѣчество хотѣло осуществить во время крестовыхъ походовъ на землѣ Палестинской, не сбылись. Онѣ не сбылись и въ современной Европѣ, гдѣ въ это время между императоромъ и папою завязался тотъ же вопросъ *). Такимъ образомъ, средневѣковыя формы оказались несостоятельными, недостаточными для жизни... Словомъ, видимъ, что жизнь среднихъ вѣковъ кончается, что XIV и XV вѣка суть уже не настоящій средній вѣкъ, а замираніе его и переходъ къ другимъ формамъ".

VII.

Таковъ ходъ идей Грановскаго, настолько занимавшій его мысль, что именно этотъ отрывокъ своихъ лекцій онъ записалъ самъ, въ редакціи довольно близкой къ нашей студенческой записи **). Въ основѣ своей эти идеи, опять таки, не составляютъ собственности Грановскаго: это можно видѣть, сличивъ ихъ съ прилагаемымъ отрывкомъ изъ Лео ***). Но нельзя не замѣтить, что изъ идей Лео Грановскій дѣлаетъ такое употребленіе, при которомъ онѣ становятся очень похожи на страницу изъ «Философіи исторіи» Гегеля. Этотъ «періодъ стремленій къ идеаламъ», какъ называетъ Грановскій время крестовыхъ походовъ въ печатномъ отрывкѣ, — опять характеризуется здѣсь, какъ время борьбы «абстрактныхъ противоположностей».

Мы дошли теперь до конца университетскаго курса Грановскаго. Надѣемся что читатель не посѣтуетъ на насъ за большое количество выписокъ. Представить эти выписки, въ ожиданіи пока найдено будетъ нужнымъ напечатать полный текстъ лекцій Грановскаго, — составляло главную задачу настоящей статьи. Наши собственныя замѣчанія должны служить лишь посильнымъ комментаріемъ къ цитатамъ изъ Грановскаго. Цитаты эти говорятъ, конечно, сами за себя; но чтобы исполнить до конца обязанности комментатора, мы попробуемъ под-

*) Отдѣлъ о борьбѣ императоровъ съ папами начинается фразой: «тѣ же идеи, какія западные народы хотѣли осуществить въ Палестинѣ, были двигателями и западной европейской исторіи этого времени. Въ борьбѣ императорской и папской власти мы видимъ два идеала общественности, изъ коихъ каждый хочетъ осуществиться насчетъ другого, и оба равно безсильны".

**) Отрывокъ „о крестовыхъ походахъ" напечатанъ въ 3-мъ изданіи Сочиненій Грановскаго ч. II, стр. 430—432. Приводимъ, для сличенія съ текстомъ студенческой записи, еще мѣсто стоящее въ курсѣ передъ послѣдней фразой. „Въ началѣ XIV вѣка вышло... сочиненіе Decreta fideium crucis Марино Сануто, венеціанца. Онъ говоритъ о необходимости новаго похода, но предлагаетъ для этого совершенно новыя средства, отличныя отъ тѣхъ, которыя предлагалъ Людовикъ, считавшій Египетъ ключемъ завоеванія Палестины. Онъ, напротивъ, совѣтуетъ прибѣгнуть къ строгой блокадѣ, оставить въ сторонѣ религіозные вопросы и смотрѣть на это только съ точки зрѣнія торговой. Эти книги (въ курсѣ говорится еще о другой подобной) —суть всемірноисторическій фактъ. Въ XI вѣкѣ онѣ были бы невозможны.

***) На этомъ основана характеристика проф. *П. Г. Виноградова* (Русская Мысль, 1893, перепечатана въ „Сборникѣ въ пользу воскресныхъ школъ").

вести теперь итогъ тому впечатлѣнію, которое можетъ получиться изъ сопоставленія всѣхъ сдѣланныхъ нами выписокъ. Впечатлѣніе это, какъ намъ кажется, содержитъ и кое-что новое сравнительно съ тѣмъ, что мы до сихъ поръ знали о Грановскомъ, какъ объ историкѣ. Изслѣдователи, занимавшіеся этимъ вопросомъ судили обыкновенно о научномъ направленіи Грановскаго главнымъ образомъ по его отзывамъ о современныхъ Грановскому теченіяхъ исторической мысли. Такъ какъ Грановскій, конечно, всѣ ихъ зналъ и въ каждомъ находилъ долю истины, то сопоставленіе его сужденій о нихъ свидѣтельствовало о его многосторонности и о его свободѣ отъ увлеченій какою-либо одною школой. Однако же, этотъ способъ наблюденія имѣлъ, какъ намъ кажется, и свои неудобства. Съ его помощью можно было очень хорошо *перечислить* различные вліянія на Грановскаго; но не было никакой возможности *взвѣсить*, съ какой степенью силы дѣйствовало на него то или другое вліяніе. Въ результатѣ, легко могло получиться впечатлѣніе о Грановскомъ, какъ о какомъ-то блѣдномъ эклектикѣ, вѣчно хлопотавшемъ о томъ, чтобъ удержаться на разумной серединѣ. Нечего и говорить, что такое впечатлѣніе,—котораго, вѣроятно, не имѣли и въ виду означенныя сопоставленія,—далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительности *). Эту дѣйствительность университетскій курсъ Грановскаго дастъ намъ возможность гораздо лучше установить, чѣмъ его печатныя сочиненія. Итакъ, попробуемъ опредѣлить, какимъ представляется Грановскій не въ своихъ общихъ сужденіяхъ объ исторіи а въ своей собственной исторической работѣ.

Прежде всего мы видѣли въ ней могущественное вліяніе философской системы, окрасившей своимъ цвѣтомъ не одно десятилѣтіе европейской мысли. Для Грановскаго эта система была не очередной европейской новинкой, изъ которой слѣдовало взять долю истины и отбросить долю ошибки. Она была для него первымъ сильнымъ впечатлѣніемъ, которымъ встрѣтила его Европа; и это впечатлѣніе легло для него въ основу всѣхъ собственныхъ построеній его мысли. Тѣ изслѣдователи, которые говорили, что Грановскій не подчинялся «односторонности» Гегелевской системы или отдѣлался отъ ея «крайностей» впослѣдствіи, и которые въ доказательство этого приводили возраженія Грановскаго противъ историческаго фатализма, противъ отрицанія роли личности и великихъ людей, наконецъ противъ насильственнаго схематизированія и историческихъ фактовъ, — эти изслѣдователи недостаточно оцѣнили, какъ мнѣ кажется, значеніе гегелевской философіи. Едва-ли бы она могла имѣть такую прочную и такую продолжительную власть надъ умами современниковъ, если бы она не сумѣла разрѣшить по своему такихъ основныхъ вопросовъ исторической мысли. Развѣ самъ Гегель не утверждалъ, что «мы должны брать исторію, какъ она есть: мы должны дѣйствовать эмпирически и не увлекаться примѣромъ спеціалистовъ историковъ, особенно нѣмецкихъ, которые авторитетно дѣлаютъ то, въ чемъ сами упрекаютъ философовъ,—именно вносятъ въ исторію апріорные вымыслы». Развѣ Гегель не говорилъ также, что во всемірной исторіи мы не

*) „Это низшая, поверхностная система философская", выражается Грановскій объ эклектизмѣ Кузена, по поводу его похвалъ неоплатоникамъ за эклектическое направленіе („oberflächliches Agregat", характеризуетъ Гегель этотъ видъ эклектизма по тому же поводу Ср. тутъ же замѣчаніе Гегеля о французахъ, для которыхъ „systéme значитъ односторонность").

должны путаться въ мелочахъ, объясняя вмѣшательствомъ провидѣнія всякую случайность, такъ какъ «въ ней мы имѣемъ дѣло съ цѣлыми народами въ качествѣ индивидуумовъ, съ цѣлыми государствами въ качествѣ изучаемыхъ единицъ; мы не можемъ, слѣдовательно, останавливаться, такъ сказать, на мелочныхъ счетахъ вѣры въ провидѣніе, но не можемъ также ограничиваться и простой, отвлеченной вѣрой въ то, что существуетъ вообще провидѣніе, не разбирая въ чемъ именно оно проявляется». И прилагая, съ этой точки зрѣнія, къ объясненію исторіи свое понятіе о *развитіи* (какъ о стремленіи духа къ сознанію своей свободы), — развѣ Гегель не подчеркивалъ настойчиво, что «развитіе не есть мирный и безпрепятственный процессъ, вродѣ тѣхъ, какіе происходятъ въ органическомъ мірѣ; напротивъ эта упорная борьба»; — что «существуютъ во всемірной исторіи цѣлые обширные періоды, нисколько не подвигающіе впередъ развитія, даже уничтожающіе всѣ великія пріобрѣтенія культуры, такъ что послѣ нихъ, къ несчастію, все приходится начинать съизнова, чтобы, воспользовавшись обломками утраченныхъ сокровищъ, съ новой безмѣрной потерей времени и силъ, путемъ новыхъ страданій и преступленій довести развитіе до такой точки, которая давно когда-то была уже достигнута». Наконецъ, смотря на конкретный ходъ исторіи, какъ на результатъ человѣческихъ страстей и усилій, развѣ не утверждалъ Гегель, что «безъ страсти не совершено ничего великаго въ мірѣ», развѣ не издѣвался онъ надъ «психологическими лакеями исторіографіи», отъ которыхъ плохо достается великимъ людямъ, изучаемымъ ими съ точки зрѣнія мелкихъ минутныхъ интересовъ и житейскихъ подробностей, развѣ не уподоблялъ онъ такихъ развѣнчивателей «гомеровскому Терситу, хулителю царей, — безсмертной фигурѣ всѣхъ временъ»? Если Гегель считалъ великихъ людей орудіями всемірнаго духа, то это не только не значило, что онъ оставлялъ за ними лишь «подчиненное значеніе», а напротивъ выдвигалъ ихъ, какъ носителей наивысшей свободы, какъ геніальныхъ протестантовъ противъ существующихъ формъ во имя зарождающихся. Такимъ образомъ, когда напр. Грановскій говоритъ, что массы «коснѣютъ подъ тяжестью историческихъ и естественныхъ опредѣленій, отъ которыхъ освобождается мыслью только отдѣльная человѣческая личность», и что «въ этомъ разложеніи массъ мыслью заключается процессъ исторіи», то онъ не только не отказывается этимъ отъ Гегеля и не устанавливаетъ никакихъ новыхъ принциповъ ученія о личности, а напротивъ, буквально повторяетъ Гегеля*). Ставши на эту

*) Напр. Werke, IX, 37—39. „(die grossen Menschen) waren denkende, die Einsicht hatten von dem, was Noth und was an der Zeit ist... Sie sind darum als die Einsichtigen anzuerkennen; ihre Handlungen, ihre Reden sind das Beste der Zeit... Was sie von Anderen erfahren hätten an wohlgemeinten Absichten und Rathschlägen, das wäre vielmehr das Bornirtere und Schiefere gewesen, denn sie sind die, die es am besten verstanden haben, und von denen es dann vielmehr Alle gelernt und gut gefunden". Взгляды, съ которыми мы выражаемъ несогласіе въ текстѣ, высказаны всего опредѣленнѣе *Н. И. Карѣевымъ* въ его рѣчи „Историческое міросозерцаніе Грановскаго. СПБ. 1896. Авторъ полагаетъ, что Грановскій сперва подчинился фатализму Гегеля, а потомъ протестовалъ противъ него и готовъ былъ создать ту самую теорію борьбы личности и среды, которую исповѣдуетъ проф. Карѣевъ и которая, въ его передачѣ, какъ намъ кажется, лишена цѣльнаго и глубокаго философскаго обоснованія. У Грановскаго это обоснованіе, безъ сомнѣнія, было; но оно, разу-

точку зрѣнія, мы не будемъ искать противорѣчій и въ другихъ взглядахъ Грановскаго, повидимому несовмѣстимыхъ, напр. въ его понятіи о «законѣ», который является у него и «нравственнымъ» въ смыслѣ «конечной цѣли человѣчества»,—и научнымъ—въ смыслѣ «общихъ правилъ» «для однообразно повторяющихся случаевъ». Закономѣрность всемірно-историческаго процесса, въ смыслѣ Гегеля, совпадала съ стремленіемъ человѣчества къ достиженію высшей нравственной цѣли: вотъ почему у Грановскаго, какъ и у Гегеля «истинное» и „нравственное“ сливаются вмѣстѣ. Итакъ, въ ограниченности философскаго пониманія, въ предѣлахъ разъ избранной системы, никакъ не рѣшится упрекать Грановскаго тотъ, кто самъ нѣсколько глубже вникнетъ въ связь идей этой системы. Выборъ *содержанія* для историческаго изученія и изложенія цѣликомъ вытекалъ изъ этой связи идей,—и Грановскій самъ началъ свой первый курсъ указаніемъ на такую зависимость. «Важно то, что характеризуетъ духъ въ его разнообразныхъ переходахъ», говорилъ онъ о своемъ «выборѣ фактовъ». Въ исторіи, какъ «въ человѣческомъ тѣлѣ,.. душа преимущественно обнаруживается въ *извѣстныхъ* частяхъ;» извѣстные «органы при жизненныхъ отправленіяхъ играютъ главную роль». Такъ, въ историческомъ разсказѣ первое мѣсто должны занимать «великіе люди, цвѣтъ народа, котораго духъ въ нихъ является въ наибольшей красотѣ; между *событіями*—великіе перевороты, которыми начинаются новые круги развитія*); между *положеніями*—тѣ, въ которыхъ развитіе достигаетъ полноты своей; наконецъ, между *формами*—великія общества, въ которыхъ народная жизнь просторнѣе движется и чище выражается: церковь и государство **). Сравнивая эту программу съ изложеннымъ нами курсомъ лекцій, мы не можемъ не придти къ заключенію, что исполненіе,—насколько это, конечно, зависѣло отъ доброй воли Грановскаго,—совершенно соотвѣтствовало программѣ.

Само собою разумѣется, однакоже, что одной *системой*, усвоенной въ Германіи, нельзя охарактеризовать вполнѣ научную и преподавательную физіономію Грановскаго. Раньше, чѣмъ начала дѣйствовать на него западная философія и наука,—личность Грановскаго уже совершенно сложилась; и самая западная наука могла подѣйствовать на него въ той мѣрѣ, въ какой это соотвѣтствовало общему настроенію Грановскаго. Темпераментъ и общій складъ убѣжденій — таковы тѣ черты, которыя дѣлали поклонника Гегеля живымъ человѣкомъ на каѳедрѣ. «Люби исторію, какъ поэзію», писалъ Грановскому Станкевичъ въ Берлинъ,—«прежде нежели ты свяжешь ее съ идеей». Этотъ совѣтъ скорѣе можно принять за утвержденіе того, что было въ дѣйствительности — и что навсегда

мѣется, не годится для нашего времени. Трудность защиты теоріи проф. Карѣева и состоитъ въ томъ, что отвергая старое міросозерцаніе, она крѣпко держится за его прикладные выводы.

*) См. выше замѣчаніе объ эволюціяхъ и революціяхъ: также въ отрывкѣ изъ его лекцій о „переходныхъ эпохахъ“ (1849) „меня влекла къ нимъ не одна трагическая красота, въ которую онѣ облечены,—а желаніе услышать послѣднее слово всякаго отходившаго, начальную мысль зарождавшагося порядка вещей. Мнѣ казалось, что только здѣсь возможно опытному уху подслушать таинственный ростъ исторіи, поймать ее на творческомъ дѣлѣ“.

**) Извѣстно, что церковь и государство есть высшія формы проявленія духа въ исторіи по Гегелю.

осталось у Грановскаго. Дѣйствительно, «поэзію» въ исторіи онъ всегда любилъ независимо отъ философскаго смысла исторіи. Принимается-ли онъ за Тацита, — мы получаемъ признаніе: «я хотѣлъ было дѣлать изъ него выписки, читать, какъ историка,—и не сдѣлалъ ничего, потому что читалъ какъ поэта». Приходитъ-ли онъ въ восторгъ отъ лекцій Ранке,—это потому, что его очаровываютъ «его свѣтлые, живые, поэтическіе взгляды на науку». Хочетъ ли онъ похвалить Нибура,—это не его критическій анализъ, не хваленая историческая критика вызываетъ сочувствіе Грановскаго: совсѣмъ нѣтъ: вмѣстѣ съ Гегелемъ онъ отводитъ осторожную работу надъ возстановленіемъ фактовъ въ преддверіе исторіи; въ Нибурѣ же онъ цѣнитъ смѣлый синтезъ, на какой даетъ право историку его знаніе жизни; въ его воззрѣніи на исторію Грановскій видитъ «поэзію». Мы видѣли, какъ въ университетскомъ курсѣ Грановскій выпускаетъ изъ рукъ нить всемірно историческаго процесса, чтобы дать почувствовать своимъ слушателямъ мрачную красоту скандинавской поэзіи. Въ этой подробности Грановскій расходится съ своимъ великимъ учителемъ. Если Гегелю больше нравится ясная, свѣтлая красота эллинскаго міра, то Грановскій любитъ въ поэзіи выраженіе больнаго, надломленнаго чувства пессимиста XIX вѣка, упрекающаго своихъ «боговъ» за то, что они «не вѣчны». Его симпатіи не на сторонѣ самоувѣренныхъ героевъ будущаго, за которыми «право побѣды», а скорѣе на сторонѣ умирающей «красоты» отходящаго времени *).

Если философское пониманіе историческаго процесса указало Грановскому на то, въ чемъ должно состоять существенное *содержаніе* исторіи, то его поэтическое чувство подсказало ему *форму* ея изложенія. Мы видѣли, какъ цѣнитъ Грановскій драматизмъ въ исторіи, и можетъ понять отсюда, почему наилучшей формой изложенія ему всегда казался художественный разсказъ. Ему трудно было представить себѣ, чтобы «философія исторіи» могла быть чѣмъ нибудь отдѣльнымъ отъ изложенія всеобщей исторіи въ фактической связи. Только въ такой связи Грановскій разсчитывалъ удержать въ изложеніи то «чувство жизни», «чувство дѣйствительности», безъ котораго для него не могло существовать пониманія исторіи. Отсюда его отвращеніе къ аналитическому изложенію, вродѣ Гизо. Герценъ съ свойственной ему проницательностью отмѣтилъ эту психологическую черту и ея связь съ призваніемъ, выбраннымъ Грановскимъ. «Онъ очень вѣрно понялъ свое призваніе, избравъ главнымъ предметомъ — занятіе исторіей. Изъ него бы никогда не вышелъ ни отвлеченный мыслитель, ни замѣчательный натуралистъ. Онъ не выдержалъ бы ни безстрастную нелицепріятность логики, ни безстрастную объективность природы: отрѣшаться отъ всего для мысли или отрѣшаться отъ себя для наблюденія онъ не могъ». Герценъ могъ бы прибавить, конечно, что качества, недостававшія Грановскому, могли бы оказать услугу также и при занятіяхъ исторіей. Но такъ ужъ тогда понимали исторію, и при этомъ пониманіи, безспорно, она лучше всѣхъ другихъ областей знанія подходила къ темпераменту Грановскаго.

Сравнительно съ только-что отмѣченными чертами міровоззрѣнія и душевнаго склада Грановскаго всѣ остальныя черты, которыми можно было бы характери-

*) Характеристика Людовика XI.

зовать его, какъ профессора и изслѣдователя отступаютъ на второй и даже на третій планъ. Какъ извѣстно, большой ученостью Грановскій никогда не отличался, да и не цѣнилъ этого качества самого по себѣ. Однако-же, не слѣдуетъ быть слишкомъ низкаго мнѣнія о историческихъ познаніяхъ Грановскаго. Правда на его чтеніяхъ французскихъ историковъ въ ранніе годы молодости настаиваютъ, какъ кажется, напрасно: это чтеніе едва ли было такъ обширно, какъ это утверждаютъ, и во всякомъ случаѣ не принесло сколько-нибудь замѣтныхъ плодовъ. Впервые Грановскій началъ учиться исторіи за-границей – и началъ съ азбуки. Онъ, однако, не жалѣлъ трудовъ и средствъ, и успѣлъ много сдѣлать для курса уже въ это время. Въ началѣ 1838 года онъ пишетъ, что «составилъ себѣ порядочную историческую библіотеку, особливо для среднихъ вѣковъ»,— и прибавляетъ: «хочу читать исторію среднихъ вѣковъ на славу». Въ слѣдующемъ году онъ началъ этотъ курсъ въ Московскомъ университетѣ — работалъ опять по 10 часовъ въ сутки, «учился съ каждымъ днемъ» и находилъ, что теперь только начинаетъ понимать исторію въ связи. И тѣмъ не менѣе, кончая этотъ первый курсъ, онъ пишетъ, что «самъ недоволенъ» своими лекціями и ни за что не согласился бы прочесть еще разъ то, что читалъ. Черезъ годъ, лѣтомъ 1841 г., онъ пишетъ невѣстѣ, что „много читаетъ“ и „готовитъ матеріалъ для курса“: „у меня нѣтъ охоты“, прибавляетъ онъ, „читать по старымъ тетрадкамъ, составленнымъ два года тому назадъ, когда я былъ еще новичкомъ“. Сличеніе нашей записи съ собственноручнымъ конспектомъ 1839 года покажетъ конечно, насколько Грановскій подвинулся впередъ въ знакомствѣ съ предметомъ. Пріѣздъ Кудрявцева въ 1847 г. было новымъ толчкомъ къ спеціальной работѣ, и сличеніе записи 1845—46 гг. съ печатными статьями пятидесятыхъ годовъ показываетъ, какъ мы знаемъ, что Грановскій продолжалъ пересматривать свои мнѣнія по отдѣльнымъ вопросамъ курса и иногда совершенно ихъ измѣнялъ въ результатѣ такого пересмотра.

Такимъ образомъ, втеченіе своей профессорской дѣятельности Грановскій успѣлъ переработать массу новаго матеріала. Конечно, это должно было внести значительныя измѣненія и въ содержаніе его воззрѣній. Мы видѣли однако, что за десять лѣтъ до смерти первыя впечатлѣнія все еще остаются у него наиболѣе сильными: нѣмецкія изслѣдованія, на которыхъ онъ выучился понимать исторію, продолжаютъ имѣть перевѣсъ надъ французскими, и общая концепція остается гегеліанской. Правда, въ послѣдніе годы жизни основныя воззрѣнія Грановскаго какъ будто начали подаваться передъ новыми вѣяніями времени. Онъ сталъ находить, напр. что исторія должна выдти изъ сферы наукъ чисто филологическихъ и заимствовать свой матеріалъ изъ естественныхъ наукъ. Мало того, онъ началъ даже склоняться повидимому, къ мнѣнію, что исторія должна заимствовать у естественныхъ наукъ и ихъ методъ и даже ихъ форму изложенія. «Ясно, говорилъ онъ въ 1852 году, «что при настоящемъ состояніи исторіи она должна отказаться отъ притязаній на художественную законченность формы,.. и стремиться къ другой цѣли, т. е. къ приведенію разнородныхъ стихій подъ одно единство науки». Это была уже ересь,—и Кудрявцевъ горячо протестовалъ противъ новыхъ теорій учителя во имя его собственнаго стараго взгляда.

Едва ли, конечно, Грановскій измѣнилъ бы коренным образомъ свои воз-

зрѣнія, если бы даже жизнь дала ему достаточный срокъ для этого. Такой, какимъ застигла его смерть, — онъ остался однимъ изъ самыхъ яркихъ представителей законченной эпохи русскаго умственнаго развитія. Въ сферѣ товарищей по спеціальности его значеніе, впрочемъ, этимъ не ограничилось. По компетентному свидѣтельству проф. Карѣева, Грановскій былъ не только первымъ на каѳедрѣ всеобщей исторіи, который отрѣшился отъ взгляда на этотъ предметъ, какъ на механическое соединеніе частныхъ исторій отдѣльныхъ странъ и народовъ, для того чтобы возвыситься до всемірно-исторической точки зрѣнія,—до представленія исторіи человѣчества, въ нѣдрахъ коего совершается единый по своему существу и по своей цѣли процессъ духовнаго и общественнаго развитія». «Можно сказать, что въ этомъ отношеніи Грановскій былъ родоначальникомъ той традиціи, которая сдѣлалась характерной особенностью историческаго преподаванія въ Московскомъ университетѣ».—Не вина Грановскаго, конечно, если «всемірно-историческая точка зрѣнія» пережила породившія ее теоретическія основы, и если, какъ мы это видѣли на примѣрѣ автора только что цитированныхъ словъ,—она не можетъ больше обосновать себя съ тою послѣдовательностью и цѣльностью, какія придавала ей въ свое время нѣмецкая метафизика.

П. Милюковъ.

Армянскій крестоносецъ.

ИЗЪ АРИСТОТЕЛЯ ВАЛАОРИТИ *).

САМУИЛЪ.

Монахъ, чего ты ждешь еще, засѣвъ упрямо въ Кунги?
Съ тобой осталось пятеро, да и они всѣ въ ранахъ,
Враговъ-же вашихъ тысячи, и вы у нихъ въ осадѣ.
Иди сюда, сдавай ключи, да въ ноги поклонися;
Тогда тебя Вели-паша епископомъ назначитъ“.

Такъ громкимъ голосомъ съ горы взываетъ Пильйо Гуси.

Но былъ во храмѣ Самуилъ, въ немъ крѣпко затворился,
И вѣтеръ въ сторону отнесъ предателевы рѣчи.

Безъ пѣнія, безъ ладана, свѣчей не возжигая,
Колѣна мрачно преклонивъ, предъ Царскими Вратами
Всего лишь пятеро стоитъ Сульйотовъ, глядя въ землю,
Безъ словъ и безъ дыханія,—лишь изрѣдка увидишь,
Какъ вдругъ рука поднимется и мѣрно крестъ положитъ.
Волочатся по мрамору безъ дѣйствія ихъ сабли,
Такъ много послужившія возлюбленному Сули.
Монаха не видать еще: одинъ онъ у Престола
Все молится, къ таинственной приготовляясь жертвѣ.
Руками крѣпко, крѣпко онъ сжималъ святую чашу

*) Аристотель Валаорити (род. 1824, умеръ 1879 г.)—самый даровитый представитель романтической школы въ ново-греческой поэзіи. Писалъ онъ, за очень немногими исключеніями, на языкѣ, близкомъ къ народному, и вообще старался подражать народнымъ пѣснямъ какъ въ тонѣ, такъ и въ стихотворныхъ формахъ,

И много словъ неслышимыхъ шепталъ, взывая къ Богу.
Глазами, покраснѣвшими отъ бдѣній безпрерывныхъ,
Смотрѣлъ онъ, взора не сводя, на Божьи Кровь и Тѣло.
Какъ бурно море, гдѣ кипятъ надежды тайной волны!..
Молчите, клики бранные, затихни, громъ ружейный:
Передъ кончиной Самуилъ Причастіе пріемлетъ.

И вотъ, пока чернецъ глядѣлъ на Плоть и Кровь Господни,
Изъ глазъ его скатилася на дно священной чаши,
Росѣ подобна чистотой, слезинка незамѣтно.
— „О Боже мой и Отче мой! въ семъ мѣстѣ погребенный,
Я жаждалъ. Безъ воды Твое Причастіе святое
Несовершенно было бы. Прими, Творецъ сладчайшій,
Слезу мою злосчастную, не погнушайся ею:
Чиста она, нѣтъ скверны въ ней, идетъ она изъ сердца.
Прими ее, прими, Творецъ: другой воды взять негдѣ“.

Сіяло солнце, и лучи сверкали на Сосудѣ.
Согрѣлась Кровь, надъ нею паръ, она живетъ и дышетъ.
И Самуилъ возликовалъ, увидѣвъ милость Божью,
И, трепеща, объемлетъ онъ Божественную чашу
И жметъ ее къ своимъ устамъ и чуетъ въ ней біенье,
Какъ будто въ сердцѣ трепетномъ, въ которомъ жизнь играетъ.

что по возможности передано и въ предлагаемомъ здѣсь переводѣ. Поэма „Самуилъ“ основана на слѣдующемъ историческомъ событіи. Жители Сули въ Эпирѣ, благодаря крѣпкому положенію этого горнаго городка и своему военному духу, успѣли сохранить свою независимость отъ турокъ до начала нынѣшняго столѣтія. Въ 1789 г. губернаторъ Эпира, честолюбивый и жестокій Албанецъ, Али Паша, прозванный яннинскимъ волкомъ (отъ Яннины, главнаго города его губернаторства), задумалъ покорить этотъ притонъ ослушниковъ, но потерпѣлъ неудачу. Второе его нападеніе въ 1792 г. также было отражено. Съ 1800 г. онъ началъ правильную истребительную войну противъ Суліотовъ, поручивъ командованіе осадными войсками своимъ сыновьямъ, Мухтару и Вели. Послѣ 3-лѣтняго отчаяннаго сопротивленія Суліоты отчасти голодомъ и утомленіемъ, отчасти измѣной Куцоники и Пильйо Гуси были доведены до того, что 15 декабря 1803 приняли предложенную имъ капитуляцію, на основаніи которой имъ предоставлялось безопасное удаленіе съ оружіемъ. Но, когда они сошли съ горы, на нихъ напали албанскіе солдаты Али-паши и произвели страшную рѣзню въ разстроенной толпѣ. Въ этой бойнѣ отличился необыкновенной храбростью іеромонахъ Самуилъ: съ горстью воиновъ отражая нападенія разъяренныхъ головорѣзовъ, онъ способствовалъ отступленію большинства своихъ согражданъ. Увидѣвъ ихъ въ безопасности, онъ съ пятерыми оставшимися при немъ сподвижниками бросился въ Кунги, небольшую башню на утесѣ, съ церковью Св. Параскевы. Окруженные со всѣхъ сторонъ, израненные, истомленные, лишенные воды, эти храбрецы выдерживали осаду въ теченіе двухъ дней, а на третій, выбившись изъ силъ, взорвали себя на воздухъ.

Валаорити изображаетъ этотъ геройскій подвигъ, какъ залогъ будущаго освобожденія Греціи, которое, какъ извѣстно, послѣдовало за возстаніемъ 1821—1827 г. Такое отношеніе поэта къ предмету стихотворенія необходимо знать для пониманія заключительныхъ трехъ стиховъ. Примѣч. переводчика.

Разверзлись Царскія Врата, и воины склонились,
Челомъ суровымъ опустясь на мраморныя плиты
Въ недвижномъ ожиданіи того, что̀ скажетъ старецъ.

Монахъ выходитъ наконецъ. Лице его блистаетъ,
Какъ снѣгъ на горной высотѣ при мѣсячномъ сіяньѣ.
Въ своихъ израненныхъ рукахъ выноситъ онъ боченокъ,
А въ томъ боченкѣ скрыта смерть, огонь и безнадежность.
Остался этотъ лишь одинъ, но и его довольно.
Передъ Вратами ставитъ онъ боченокъ своеручно
И трижды молится надъ нимъ, креститъ его трикраты.
Какъ будто на Святой Престолъ, Дары гдѣ помѣщаютъ,
Монахъ сосудъ съ Причастіемъ поставилъ на боченокъ
И молча, безъ смущенія зажегъ свѣтильню съ сѣрой.

Стремительно ударились его колѣна объ-полъ,
И къ небу руки поднялъ онъ; лице его горѣло,
А пятеро въ безмолвіи въ глаза ему глядѣли.

Молитва.

Отецъ мой, сорокъ лѣтъ Тебѣ
Я вѣрно службу правилъ,
И вотъ теперь на старости
Меня Ты вдругъ оставилъ.
Да будетъ то, что Ты рѣшилъ!
Но облегчи удары
Своей жестокой кары.

Тебѣ, оставшись сиротой,
Себя я предалъ, Боже!
Мнѣ Сули, какъ дитя мое,
Всѣхъ въ мірѣ благъ дороже.
Теперь его утратилъ я.
Насталъ мой часъ конечный;
Къ Тебѣ иду, Предвѣчный!

Взгляни, какъ мало насъ въ живыхъ!
Другіе перебиты,
Лежатъ, въ ущельяхъ брошены,
Всѣ ранами покрыты;
Друзьями не оплаканы,
Въ лѣсу, не на погостѣ,
Гніютъ погибшихъ кости.

Довольно нашихъ пожрано
И волкомъ здѣсь и птицей.
Помилуй, Боже, по Твоей
Насъ милости велицѣй!
Теперь къ Тебѣ предстанемъ мы.
Насъ, какъ дѣтей родитель,
Прими въ Свою обитель.

Взгляни на руки, что къ Тебѣ
Подъемлются съ любовью,—
Взгляни: они обагрены
Враговъ невѣрныхъ кровью.
Благослови насъ и скажи:
„Щедротъ моихъ достоинъ
За вѣру храбрый воинъ“.

Теперь все Сули вымерло;
Руки здѣсь нѣтъ здоровой,
Чтобъ саблю въ пальцахъ крѣпко сжать
Могла для битвы новой.
О Всемогущій нашъ Отецъ,
Будь Ты роднымъ намъ краемъ!
Другого мы не знаемъ.

На небѣ, тамъ, гдѣ Твой престолъ,
Въ Твоемъ безмѣрномъ царствѣ
Даруй пріютъ хоть скромный намъ,
Погибшимъ здѣсь въ мытарствѣ,—
Чтобъ былъ на Сули онъ похожъ,
Съ такою-же горою:
Тамъ Кунги я устрою.

Земли свободной въ Сули нѣтъ
Ужь мнѣ на погребенье.
Создатель мой, яви свое
Ко мнѣ благоволенье:
Пусть Кунги, храмъ Твой и алтарь
Внутри себя могилу
Разверзнутъ Самуилу!

Нѣтъ, наше Кунги никогда
(Я въ томъ поклялся свято)
Не будетъ попираемо
Ногою супостата.
Ключи съ собой возьму; на мнѣ
Отвѣтъ за ихъ потерю;
Ихъ и Тебѣ не ввѣрю.

И въ небесахъ Ты своего
Раба не обездолишь:

Ты Самуилу ихъ носить
На поясѣ позволишь.
Не гнѣвайся на то, о чемъ
Твое созданье проситъ:
Пусть ихъ другой не носитъ.

Теперь, какъ мы всю скорбь свою
Излить Тебѣ дерзнули,
Прими насъ: покидаемъ мы
Свое родное Сули.
О Сули! я лишенъ тебя.
Душа, свою тревогу
Смири: пора въ дорогу".

Простерши руки къ пятерымъ товарищамъ, онъ молвилъ:

„О милосердый Боже мой!
Предъ тѣмъ, какъ въ мірѣ новомъ,
Покинувъ землю, поселюсь
Я подъ Твоимъ покровомъ,
Одной прошу я милости:
Да будутъ эти дѣти
Со мной и въ горнемъ свѣтѣ!

Взгляни на бѣдныхъ: лишь моя
Забота ихъ ростила;
Любить они пріучены
Тебя да Самуила.
Не бойтесь, дѣти! я съ мольбой
Держу надъ вами руки.
Мы вмѣстѣ безъ разлуки".

За каплей капля, тяжело ихъ слезы упадаютъ,
И шумно трескается полъ, тѣ слезы принимая.
Они ихъ льютъ отъ горести, а не отъ страха смерти.
И между ними Самуилъ со влажными очами,
Одной рукою взявъ потиръ, держа другою лжицу,
По чину началъ раздавать Причастіе Господне.
И вотъ сподобился одинъ, за нимъ другой, ближайшій;
Потомъ даетъ онъ третьему; вкушаетъ и четвертый;
За нимъ идетъ къ послѣднему, и пятый пріобщился.
Когда-же сладкимъ голосомъ чернецъ вознесъ молитву,
Да приметъ Тайной Вечери причастниковъ Сынъ Божій,
Раздался крикъ и шумъ и стукъ и вопли нападенья.
Нагрянули невѣрные—на что монахъ рѣшится?
А Самуилъ взглянулъ туда, откуда шумъ несется,
И, въ Чашѣ лжицей зачерпнувъ, пылающую каплю
Изъ крови Господа спустилъ въ пороховой боченокъ...
Сверкнули молніи кругомъ, и все загрохотало,
До неба освѣтился храмъ, и освѣтилось Кунги.

Какія свѣчи страшныя, кадильницы какія
Для похоронъ своихъ зажгло измученное Сули!..

Взвивается подъ небеса монашеская ряса
И растянулась широко, подобно грозной тучѣ,
И, словно чернымъ облакомъ, закрылось ею солнце.
Покуда дымъ ее носилъ, собою подпирая,
Она летала въ воздухѣ, какъ призракъ духа смерти,
И въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ тѣнь ея багровая мелькала,
Какъ-бы отъ тайнаго огня, деревья выгорали.
А съ первыми зарницами и вешними дождями
Пошла трава зеленая, маслины, лавры, мирты,
Надежды, битвы славныя и радость и свобода.

Ѳ. Коршъ

Могильный крестъ-камень (арм. стиль X в.).

Изъ Владимірской жизни Герценовъ.

Письма мужа и жены.

1839 годъ.

Переселившись изъ Вятки, Герценъ меньше полугода прожилъ во Владимірѣ холостою, одинокою жизнью. Сестра—невѣста не побоялась ни злобы, ни преслѣдованія родныхъ, богатыхъ и сильныхъ родственниковъ, и вопреки всѣмъ свѣтскимъ правиламъ приличія бѣжала изъ дома своей благодѣтельницы, кн. М. А. Хованской, къ ссыльному брату — жениху, и 9-го мая 1838 года, въ 8 часовъ вечера обвѣнчалась съ нимъ во Владимірѣ.

Съ этихъ поръ рѣдко разлучались молодые. Если Герцену приходилось уѣзжать въ Москву, то онъ часто ѣздилъ вмѣстѣ съ женой. Но въ 1839 году онъ раза три на короткое время уѣзжалъ одинъ, а именно: въ январѣ, іюлѣ и декабрѣ.

Отъ первой и послѣдней изъ этихъ одинокихъ поѣздокъ бережно сохранились всѣ письма мужа и жены *). Изъ нихъ мы узнаемъ, что въ январѣ 1839 года Герценъ ѣздилъ на нѣсколько дней къ отцу по случаю смерти дяди—сенатора, Льва Алексѣевича Яковлева, а Наталья Александровна только что перенесла тяжкую болѣзнь и, притомъ беременная, не могла его сопровождать. Въ декабрѣ же, взявши 28-дневный отпускъ, Герценъ отправился черезъ Москву, гдѣ останавливался, разумѣется, не на одинъ день, — въ Петербургъ. Это была его первая поѣздка въ сѣверную столицу. И хоть давно хотѣлось Герцену взглянуть на Петербургъ, на столичную дѣятельность, увидать Эрмитажъ, но на этотъ разъ онъ предпринимаетъ поѣздку больше по желанію отца, И. А. Яко-

*) Они въ оригиналахъ вручены мнѣ А. А. Герценомъ, сыномъ покойнаго А. И. Герцена.

влева, который хочетъ, чтобы сына не въ очередь произвели въ коллежскіе ассессоры — чинъ, къ которому представилъ его владимірскій губернаторъ, Иванъ Эммануиловичъ Курута,— и ради этого посылаетъ его въ Петербургъ. Герценъ пользуется случаемъ и ѣдетъ съ тайнымъ желаніемъ испросить позволеніе на заграничную поѣздку, о которой онъ мечталъ еще въ Вяткѣ. И вотъ съ этой надеждой онъ выѣзжаетъ изъ Владиміра въ первыхъ числахъ декабря прямо въ Москву, а оттуда въ Петербургъ, разсчитывая прожить въ сѣверной столицѣ не менѣе трехъ недѣль. Но Петербургъ своимъ суровымъ, мрачнымъ климатомъ, своими нравами, а также и неудачей, постигшей мечту о заграничной поѣздкѣ— такъ разочаровываетъ Герцена, что онъ томится только однимъ желаніемъ— какъ можно скорѣй покинуть столицу. И дѣйствительно, вмѣсто трехъ недѣль, проживаетъ въ Петербургѣ всего только *девять дней* и мчится въ Москву, откуда послѣ свиданія съ отцомъ и друзьями спѣшитъ къ новому году попасть домой, гдѣ его такъ нетерпѣливо ждетъ жена съ первенцемъ сыномъ.

Ко времени этихъ двухъ поѣздокъ относятся *шестнадцать писемъ* мужа и жены, изъ которыхъ только одно письмо Н—и А—ы Герценъ—къ первой поѣздкѣ, къ январю 1839 года. Остальныя же пятнадцать,—изъ которыхъ *девять* принадлежатъ А. И. Герцену, а *шесть* — женѣ, — относятся *къ первой поѣздкѣ Герцена въ Петербургъ*, къ декабрю 1839 года. Въ этихъ послѣднихъ любопытна сохранившаяся непосредственность перваго впечатлѣнія, которое производитъ Петербургъ на Герцена послѣ четырехъ-лѣтней ссылки, и картина владимірской жизни молодой четы, жизни, окруженной семейными радостями и тѣмъ невыразимымъ счастьемъ, которое въ такомъ изобиліи выпало на долю молодой четы.

Е. Некрасова

Наталья Александровна Герценъ къ мужу.

I.

Владиміръ на Клязьмѣ. 1839 г. Января 21-е. Суббота. Ужасно грустно, хоть перомъ поговорю съ тобою, мой ангелъ. Ты услышишь меня.—Вотъ не видно стало болѣе твоей кибитки, — у меня навернулись слезы, — но я не смѣла плакать, давши тебѣ обѣщаніе; а тяжело было, ангелъ мой, тяжело. Въ первый разъ разстаться и такъ на долго!.. къ тому же мрачное вліяніе грустной, неожиданной новости [1]). Мнѣ безпрестанно представлялась [2]) минута смерти Л. А. [3]) и положеніе оставшихся [4]). Добрая С. Ѳ. [5]) старалась развлечь меня,

[1]) То есть—извѣстія о смерти дяди „сенатора“, Льва А. Яковлева.

[2]) Далѣе стояло слово „смерть“, но потомъ зачеркнуто.

[3]) Левъ Алексѣевичъ Яковлевъ — родной братъ отца Александра Ивановича Герцена, извѣстный подъ именемъ дяди „сенатора“.

[4]) У Л. А. Яковлева были незаконныя дѣти, изъ которыхъ Сергѣй Львовичъ Левицкій— извѣстный петербургскій фотографъ—здравствуетъ и въ настоящее время.

[5]) Софья Ѳедоровна Каппель, сестра жены владимірскаго губернатора „Куруты“.

отъужинала со мной и уѣхала въ 11-мъ часу. — Ты знаешь, гдѣ мы провели большую часть вечера? — въ твоей уборной, у печки, въ уголкѣ. Послѣ нея я хотѣла читать „*L'Italie Pittoresque*“ [1]) и, вмѣсто того, слишкомъ часъ проглядѣла на видъ *Monaco*—не потому, что онъ хорошъ,—я слѣдила за тобою, мой ангелъ. Гдѣ-то ты теперь?—Первый часъ ночи—благослови меня душка, — я лягу;—полегче стало, да всетаки грустно. Прощай, Господь съ тобою. - Какъ-то ты ѣдешь? [2]) погода ужасная, вѣрно, и дорога дурна—ангелъ хранитель надъ тобою! Благослови же *насъ* [3]) еще,—прощай.

22-е воскресенье. Здравствуй, мой ангелъ! Какъ-то ты ѣхалъ ночь? — я вчера долго не могла уснуть: какъ все утихло, мнѣ сгрустнулось еще болѣе, я плакала — прости меня, душка; а иногда ты представлялся мнѣ въ своей шапочкѣ, и я сквозь слезы улыбалась; наконецъ съ надеждою увидѣть тебя во снѣ—уснула. Благовѣстъ къ заутрени разбудилъ меня,—тоже ужасная погода; я воображаю, какъ замело тебя, какъ ты измокъ!

Утромъ рано я послала за Немѣшаевымъ [4]), чтобы спросить его, можно ли выѣхать мнѣ, потому что Юл. Ѳ. [5]) хотѣла заѣхать за мной. Онъ позволилъ,— но я не была у Курутъ: В. Машковцевъ [6]) явился въ 11-мъ часу, я просила его привезть жену. — Хозяйственныя хлопоты заняли меня,—и это въ первый разъ, потому что некому было подумать обо всемъ, кромѣ меня,—даже о дровахъ, которыхъ у насъ не было и которыхъ не хотѣли везти изъ лавки въ праздникъ.—До того же все утро мнѣ было еще грустнѣе, чѣмъ вчера, и съ 5-го часа оно показалось такъ длинно, такъ длинно... я принималась за то, за другое, и ничѣмъ не могла заняться, даже любимая моя теперь работа—крошечная рубашечка [7]) не шилась и падала изъ рукъ. Я начинала ходить, садилась опять, опять ходила и не знала, что дѣлать, даже начинала дурно себя чувствовать. - Въ 12 часовъ прiѣхалъ Машковцевъ; съ женой его—какъ разумѣется— сблизилась тотчасъ. Она чрезвычайно жалѣла, что не застала тебя,—я посадила Влад. [8]) на твое кресло и воображала тебя; женѣ его показывала твой пор-

1) „Живописная Италiя“.

2) На проѣздъ изъ Владимiра до Москвы при хорошей ѣздѣ требовалось больше полсутокъ,—часовъ семнадцать.

3) Наталья Александровна въ это время была беременна, потому и говоритъ—насъ.

4) Извѣстный докторъ во Владимiрѣ. Н. А. на святкахъ была очень больна и теперь мужъ, уѣзжая, конечно, требовалъ, чтобы она была осторожна.

5) Юлiя Ѳедоровна Курута—жена владимiрскаго губернатора, которая такъ же, какъ и ея мужъ, замѣчательно хорошо относилась къ Н. А. и А. И. Герценамъ. Объ этомъ говорятъ и самъ Герценъ, въ своихъ „запискахъ“, и сохранившiяся письма Ю. Ѳ. Куруты къ Н. А. Герценъ, которыя хранятся у меня.

6) Владимiръ Машковцевъ—одинъ изъ владимiрскихъ знакомыхъ Герцена, который, какъ и самъ Герценъ, только недавно женился.—Въ Вяткѣ было нѣсколько купеческихъ братьевъ Машковцевыхъ,—Владимiръ былъ одинъ изъ этихъ братьевъ.

7) Рубашечка, изготовляемая для своего будущаго малютки—первенца.

8) Владимiра Машковцева.

третъ [1]), она любовалась имъ, и я, Александръ, какъ прежде [2]), смотрѣла на него, какъ прежде, восхищалась тобою, какъ прежде, ангелъ мой, слезы восторга навертывались на глазахъ. Я нѣсколько разъ говорила Машковцевой: „посмотрите, посмотрите на моего Александра“, — для того, чтобъ самой посмотрѣть на него [3]). Бесѣда наша безпрерывно становилась живѣе, занимательнѣе, *пламеннѣе*; сходство ихъ счастья съ нашимъ познакомило и сблизило насъ быстро. Намъ было что разсказать другъ другу.—Въ первый разъ первымъ людямъ могла я говорить о тебѣ [4]), — это привело меня въ восторженное состояніе, я забылась, говорила отъ души и—разлука, страданія, *третье марта* [5]), *девятое мая*, [6]) и весь рай, все блаженство, все, все излилось огненнымъ потокомъ. Они слушали меня съ восхищеніемъ и еще съ большимъ разсказывали о себѣ. Въ ихъ прошедшемъ не было столько мрака и горечи, но настоящее также свѣтло, и твой кабинетъ превратился въ храмъ Божій,—наши слезы были—молитва, наши души—гимнъ. — Влад. прощаясь, пожелалъ мнѣ *только*, чтобъ мы такъ вѣчно жили съ тобою. И имъ дай Богъ... дай Богъ! — Въ 5 часовъ я осталась опять одна, но хорошо было на душѣ; мнѣ казалось, что ты чувствуешь это,—и эта мысль гнала еще далѣе всѣ мрачныя.—Влад. по обѣщанію привезъ мнѣ конфектъ; я долго разсматривала картинки на нихъ и отбирала [7]) твои любимыя конфекты. Потомъ взяла снова „*L'Italie Pittoresque*“, и тутъ уже доступны были душѣ изящность и поэзія этой дивной страны. Я погрузилась въ новыя мечты — или прежнія,—какъ назвать ихъ, другъ? [8]) Глядя на волны Адріатики, я воображала, какъ и мы съ тобою когда-нибудь будемъ ими носимы, какъ пойдемъ по Ріальто, не на картинкѣ увидимъ церковь св. Марка и всю красавицу Венецію,—долго, долго я мечтала свѣтло и хорошо. Въ 9 часовъ почувствовала ужасную усталь и прилегла въ кабинетѣ; передо мною являлись неопредѣленные образы, колыханіе волнъ, звуки отдаленные, ты, облака...—потомъ я крѣпко заснула. Ты ужъ былъ дома въ это время, мой ангелъ,—

[1]) Здѣсь говорится про портретъ, сдѣланный въ Вяткѣ Витбергомъ, когда Александру Ивановичу Герцену было 25 лѣтъ. Витбергомъ были сдѣланы два портрета, оригиналы которыхъ хранятся: одинъ, сдѣланный свинцовымъ карандашемъ — у сына Герцена въ Лозаннѣ, другой — въ Москвѣ, у извѣстнаго адвоката Говорова.

[2]) Т. е. когда они жили врозь, онъ—въ Вяткѣ, она—въ Москвѣ.

[3]) Прежде было „тебя“ потомъ зачеркнуто и написано *него*.

[4]) Живя во Владимірѣ, Наталья Александровна, кромѣ добрѣйшей семьи владимірскаго губернатора Куруты, не имѣла такихъ близкихъ людей, съ которыми бы могла говорить отъ души объ А—ѣ И—ѣ и которые бы не знали ихъ тяжелаго прошлаго, и въ этомъ смыслѣ Машковцевы были первые.

[5]) Третьяго марта 1838 г. А. И. Герценъ пріѣзжалъ тайно изъ Владиміра въ Москву для свиданія съ своей сестрой—невѣстой, Н. А. Захарьиной, ставшей потомъ его женою.

[6]) Девятаго мая 1838 года въ 8 часовъ вечера состоялась свадьба А. И. и Н. А. во Владимірѣ, въ Ямской церкви.

[7]) Прежде стояло: „выбирала“.

[8]) Мысль о поѣздкѣ въ Италію уже давно запала Герценамъ: не будучи еще мужемъ и женой, далеко живя другъ отъ друга, они не разъ утѣшали себя въ тяжелыя минуты разлуки мечтами о поѣздкѣ въ Италію, потому Н. А. и не знаетъ, какъ назвать эти мечты „новыми“ или „прежними“.

какая сцена!.. [1]) о, грустно опять, прощай, прощай, 3-й часъ ночи. Ты, вѣрно, спишь,—душка моя, ангелъ, благословляю тебя, благослови и ты........ цѣлую тебя, глаза, чело твое, руки—Александръ! ну прощай,—грустно.

Вторникъ, 24-е. Утро. Здравствуй, ангелъ мой! Къ тебѣ, къ тебѣ скорѣй, проснувшись; ахъ, какою я сиротою безъ тебя! Боже мой, Боже мой, избави насъ впередъ разлуки! Безъ тебя я ничтожна,—какъ не хорошо!—ахъ, нѣтъ, мой ангелъ, не будемъ разлучаться на долго, — четвертый день, — это ужасно!

Вчера я не могла писать къ тебѣ. Утромъ у меня была Юл. Ѳ. [2]), потомъ прислала за мной, и я домой ужъ возвратилась въ 10 часовъ, устала, утомилась такъ, что едва добралась въ постель.

Что за люди, что за люди! уваженіе и любовь моя къ Ю. Ѳ. безпрерывно увеличивается—чудесная женщина! И Ив. Эм. [3]) былъ такъ внимателенъ, съ такимъ участьемъ интересовался всѣмъ, что относится къ намъ—я готова была броситься и обнять его.

Ужъ [4]) я получила письмо папеньки [5]), Огарева [6]) и еще четыре. — Слава Богу, что папенька съ такою твердостью перенесъ эту огромную потерю [7]),—подкрѣпи его Богъ!—Ты можешь вообразить, мой другъ, какъ второе письмо [8]) утѣшило меня. Прощай пока, сегодня почта, надобно писать въ Москву. Ангелъ мой!

Примѣчаніе. Между этимъ и слѣдующимъ письмомъ прошелъ почти годъ,—у молодой четы Герценовъ уже успѣлъ родиться первенецъ Саша, — который въ настоящее время занимаетъ каѳедру физіологіи въ Лозаннскомъ университетѣ.

II

1839. Декабря 6-е. Владиміръ.

„Проснутся завтра на зарѣ
И дѣти, и жена,—
Малютки спросятъ обо мнѣ—
И всплачется она..“

[1]) Т. е. что его ожидало дома? дядя „сенаторъ“ — покойникъ и слезы родныхъ, печаль отца, И. Я. Яковлева, тетки, кн. М. А. Хованской и т. д.—однимъ словомъ—грустныя сцены.

[2]) Юлія Ѳедоровна Курута.

[3]) Иванъ Эммануиловичъ Курута—владимірскій губернаторъ, человѣкъ въ высшей степени „гуманный“. „Мое положеніе пишетъ А. И. въ „Запискахъ“ — онъ понялъ тотчасъ и не дѣлалъ ни малѣйшаго опыта меня притѣснять“. (372. т. I.).

[4]) Прежде было: „такъ“.

[5]) Отца Александра Ивановича,—Ивана Алексѣевича Яковлева.

[6]) Николая Платоновича, друга А—а И—ча.

[7]) Дѣло идетъ о смерти дяди „сенатора“, Льва Алексѣевича Яковлева, который на дняхъ скончался. Его потеря, какъ единственнаго изъ братьевъ, остававшагося въ живыхъ, должна была сильно огорчить И. А. Яковлева.

[8]) Т. е. письмо Н. П. Огарева, котораго Наталья Александровна особенно любила, какъ ближайшаго друга своего ненаглядного Александра, хотя сама лично мало знала или вѣрнѣй даже почти совсѣмъ не знала Николая Платоновича.

Да, да, мой ангелъ, седьмой часъ, Саша проснулся, просится ко мнѣ,—но все не доволенъ, не веселъ, пищитъ, право, будто ищетъ тебя, тоскуетъ по тебѣ... Вотъ и ставни отворили—вотъ и алая заря на небѣ... утро! Лучи веселаго солнца тысячью цвѣтами играютъ на замерзшихъ стеклахъ; праздникъ [1])... а моя заря не алѣетъ, мое солнце катится отъ меня все далѣе и далѣе, темно, холодно... Пошли [2]) пить чай въ гостиную, — кресла, на которыхъ ты сидѣлъ въ послѣдній разъ, стоятъ также, твоя чашка—пустая, ужъ лишняя. Теперь я въ кабинетѣ, здѣсь все, все, какъ ты оставилъ, и жаль приводить въ порядокъ. На столѣ тарелка, солонка, черный хлѣбъ и пустая рюмка,—все это такъ и останется до тебя—будто только сію минуту ты вышелъ и сейчасъ воротишься.

Вчера я скоро послѣ тебя уснула и всю ночь спала крѣпко, все ты снился мнѣ. Ахъ, душка, какъ ты озябъ, у!!... и я не могу согрѣть тебя. Ну, мой ангелъ, поцѣлуй же меня, вѣдь, я умница была вчера — не правда ли? и теперь... ну -да, грустно; да и какъ же не грустить? а все таки не заслуживаю твоего гнѣва.

Вечеръ. Некому было разбудить меня, и я, по обыкновенію своему, проспала до 8 часовъ [3]). Ужъ вы доѣхали—ахъ, душка, какъ весело! Тебѣ хорошо теперь, ангелъ мой, ты отдохнулъ, согрѣлся, тебѣ покойно, пьешь шампанское—чудо, право! И кругомъ тебя друзья... Вижу, вижу тебя, Александръ — лицо горитъ; глаза — огонь, рѣчь — огонь... прекрасный вечеръ, прекрасная ночь. Софья Ѳ. пріѣхала; раньше изъ нихъ [4]) никто не былъ. Привезли вино.

Четвергъ 7-е. Гдѣ ты, мой Александръ? О, ужасное дѣло—разставанье? Какъ утопающій въ морѣ рвется къ берегу, — стремится мысль къ любимому существу,—смотришь, смотришь вдаль—хоть бы черную точку увидѣть—нѣтъ, все исчезаетъ за синей далью.

Еще не подавали огня, мѣсяцъ прямо свѣтилъ въ окна, — Саша спалъ у меня на рукахъ, я думала о тебѣ... ты ходишь, говоришь, тебя видятъ, слышатъ; почему же я не могу этого? Даже не знаю, гдѣ ты, съ кѣмъ... какъ ничтоженъ человѣкъ, какъ мало дано ему, — и почему у любви нѣтъ особыхъ глазъ, особаго слуха?.. На этомъ вопросѣ я задумалась и думала долго; мнѣ сдѣлалось страшно, что онъ явился у меня; какъ глубоко я пала, писавши это,—прости меня, Александръ, прости меня, Господи! [5]) какъ! а эта увѣрен-

[1]) 6-го декабря—Николинъ день.

[2]) Н. А. на этотъ разъ оставалась дома не одна: съ ней жила ея младшая сестра—Екатерина Александровна Захарьина, молоденькая дѣвочка. Наталья Александровна учила ее играть на фортепьянахъ и давала ей уроки *французскаго языка.*

[3]) Наталья Александровна завела привычку (должно быть, со времени рожденія ребенка, когда ей часто приходилось вставать по ночамъ) спать днемъ, послѣ обѣда.

[4]) То есть изъ семьи губернатора Куруты.

[5]) Такъ строго слѣдили за всѣми своими мыслями и мужъ, и жена въ періодъ Владимірской жизни, такъ заняты были своимъ нравственнымъ совершенствованіемъ и полны религіозныхъ мыслей. Въ ихъ глазахъ уже являлась преступной даже мысль, вопрошающая Творца.

ность, это убѣжденіе, это что-то болѣе увѣренности и убѣжденія, что ты со мною, во мнѣ, что наши души одна душа... Ангелъ мой, какъ мы счастливы! душка, душка, вѣдь, ты чувствуешь, какъ я прижимаю тебя къ моему сердцу, какъ я цѣлую твою руку, ты видишь, какъ я смотрю тебѣ въ глаза, видишь эти слезы?.. Ангелъ мой! Было время, когда я желала одинъ мигъ побыть съ тобою и отдавала за него жизнь Богу [1]). Онъ далъ мнѣ этотъ мигъ, и онъ [2]) продолжается полтора года, и ничего не перемѣнилось, ничего, душа все также исполнена тобою, все также нова любовь,—но чему жъ я тутъ дивлюсь?

Кабинетъ твой я не запираю, часто хожу туда, почти все утро была въ немъ съ Сашкой, — а онъ, право, о тебѣ тоскуетъ; давеча увидалъ Андрея [3]) и бросился къ нему, — вѣрно, ему показалось, что это ты.

Вотъ ужъ только 27 дней осталось—*только*! [4])

9-ый часъ вечера. Сейчасъ Юлія Ѳ. и С. Ѳ. были. Ты не можешь себѣ представить, какъ я имъ была рада. Ну, прощай, мой ангелъ, хочу спать, я не отдыхала послѣ обѣда. Благословляю тебя, Господь съ тобою, душка... мой Александръ. Благослови *насъ*.

8-е пятница. Нынѣшній день исполненъ происшествіями. „Пріятнѣйшее изъ нихъ: письмо отъ Саши Б. [5])—Ты знаешь, что она мнѣ».—Начался жестокой головной болью,—это былъ угаръ, я лежала утро; были Нем. [6]), Шишковъ и Похв. [7]) Кромѣ перваго, я не приняла никого. Желая непремѣнно исполнить твой завѣтъ, я дала вчера слово Ю. Ѳ. быть на концертѣ. Всѣ сумерки,—болѣе часа играла съ Сашкой, онъ все ловилъ рученкой мѣсяцъ, потомъ стала приготовлять мыть его;—еслибъ ты видѣлъ, душка, какъ онъ просился въ корыто, какъ плакалъ о томъ, что долго не наливали воды, какъ мило плескался! И такъ, вымывши, убаюкавши его, я отправилась на концертъ. Все шло превосходно, ахъ, душка! я влюблена въ кн. Голицына [8]), что это, какъ онъ дивно играетъ?! Превосходенъ долженъ быть человѣкъ, чья душа постигаетъ и передаетъ другимъ столько гармоніи, да и въ наружности его что-то особенное поэтическое!

Ангелъ, съ какимъ удовольствіемъ я ѣхала туда, думая, что исполняю твое желаніе; я веселилась, какъ ребенокъ,—и тамъ, какъ было весело! Ну, наконецъ я видѣла Владимірскую публику! даже слышала замѣчательное выраженіе о пѣніи Ольги Ив.: «*заманчиво*».—Вспоминая твои нападки, я была очень внимательна

[1]) Т. е. тогда, когда она жила на углу Поварской и Трубнаго переулка, въ домѣ княгини Хованской, въ Москвѣ, а А. И. былъ въ Вяткѣ, когда они между собой вели тайно переписку.

[2]) Т. е. этотъ мигъ.

[3]) Слуга Герценовъ, который ходитъ на почту за письмами.

[4]) То есть до пріѣзда Александра Ивановича: онъ взялъ отпускъ на 28 дней.

[5]) Саша Б.—Александра Александровна Боборыкина—пріятельница Н—и А—ы, дочь помѣщика,—она жила съ отцомъ въ Москвѣ.

[6]) Немѣшаевъ—докторъ, о которомъ упоминалось раньше.

[7]) Шишковъ и Похвистневы—владимірскіе знакомые А—а И—ча.

[8]) Князь Голицынъ—извѣстный музыкантъ, дававшій концерты не только въ Россіи, но и заграницей.

къ своему туалету. Юлія Ѳедоровна надѣла на меня чепчикъ съ цвѣтами, и всѣ восхищались мною, и жалѣли, что ты не видалъ меня никогда такою.

Ахъ, ангелъ мой! завтра, можетъ быть, письмо отъ тебя.. у меня слезы навертываются при этой мысли;—первое письмо—и я его не буду украдкой читать, и сама я пишу свободно!.. [1]). Александръ, гдѣ ты теперь, другъ мой, Александръ? откликнись, пожми протянутую руку. Теперь ты засыпаешь, можетъ быть, первый часъ,—ну, прощай, вся сила небесная да хранитъ тебя. Ты возвратишься къ намъ благополучно, мы молимся о тебѣ,—эта ясная улыбка соннаго малютки—развѣ не молитва? этотъ тихій, спокойный взоръ, не занятый ничѣмъ окружающимъ,—развѣ не молитва? Перекрестилась—прощай. Я бы еще долго писала; но еслибъ ты былъ здѣсь, уложилъ бы меня непремѣнно ужъ давно.—

Сегодня явился Найд. [2]) и шляпка прелестная [3]).

9-е суббота. Вотъ ужъ 25 дней осталось только — ангелъ милый, душка.

Сегодня Похвистневы обѣщали быть у меня, а я собираюсь къ Кожиной [4]); она больна, а завтра въ театръ.—У насъ все и всѣ исправно, какъ нельзя болѣе.—Сашка безпрестанно твердитъ: *papa.* Ну, прощай, обнимемся, поцѣлуемся.

Твоя Наташа.

Приписка сбоку:

Катенька [5]) пишетъ тебѣ *почтеніе.* Матвѣю [6]) поклонъ. Что Алексѣй Михайловичъ? [7]).

1) Извѣстно, что до замужества Н. А. жила въ большой строгости у своей тетки, княгини Хованской, гдѣ ей строго было запрещено переписываться съ А. И., находившимся въ изгнаніи,—а она, не смотря на запретъ, писала ему и получала отъ него письма украдкой, почти тайно ото всѣхъ: о перепискѣ знали только братъ и мать Александра Ивановича, Саша горничная, да няня — Костенька. Со времени же побѣга изъ дома княгини во Владиміръ и выхода замужъ за Герцена прошло болѣе полутора года, которые молодые прожили вмѣстѣ, разлучаясь только на нѣсколько дней. Въ декабрѣ же 1839 года они въ первый разъ со времени женитьбы разстались почти на мѣсяцъ, и въ первый разъ Герценъ принужденъ былъ бесѣдовать съ Н. А. письменно: но теперь она могла читать его письма уже открыто, не хоронясь ни отъ кого.

2) Найденовъ, — староста во Владимірскомъ имѣніи отца, И. А. Яковлева, исполнявшій его разныя порученія во Владимірѣ и Москвѣ. О немъ упоминается и въ „Перепискѣ“ (См. Рус. Мысль 1893 г.), и въ „Запискахъ“. Въ послѣднихъ говорится, какъ, пріѣхавъ изъ Вятки во Владиміръ и остановившись въ гостиницѣ, Александръ Ивановичъ Герценъ былъ встрѣченъ Найденовымъ:.. „явился сначала не человѣкъ, а страшной величины подносъ, на которомъ было много всякаго добра: куличъ и баранки, апельсины и яблоки, яйца, миндаль, изюмъ... а за подносомъ виднѣлась сѣдая борода и голубые глаза старосты изъ владимірской деревни моего отца.—Гаврило Семенычъ! воскликнулъ я и бросился его обнимать.—Это былъ первый человѣкъ изъ нашихъ, изъ прежней жизни, котораго я встрѣтилъ послѣ тюрьмы и ссылки (37, т. II).

3) Съ Найденовымъ А. И. прислалъ Н. А. изъ Москвы шляпку.

4) И Похвистневы, и Кожины владимірскіе знакомые.

5) Еатерина Александровна Захарьина — родная сестра Н. А. Она впослѣдствіи вышла замужъ за Кіевскаго проф. Селина. Теперь же на старости лѣтъ, схоронивши мужа, живетъ совсѣмъ одинокая въ Кіевѣ, въ меблированныхъ комнатахъ.

6) Матвѣй—молодой слуга, отправившійся въ Москву вмѣстѣ съ А. И. Объ немъ много говорилъ Герценъ въ своихъ „Запискахъ“ (II т.).

7) Алексѣй Михайловичъ Кучинъ,—родственникъ Т. П. Пассекъ.

Другая приписка сбоку:

Сашка [1]).

Сашка, писавши, забрызгался весь чернилами, и ты, пріѣхавши, увидишь эти слѣды.

Александръ Ивановичъ Герценъ къ женѣ.

I.

8 декабря 1839. Москва. И вотъ, мой ангелъ, послѣ полуторагодоваго свиданья, свѣтлаго и радостнаго, мы опять въ разлукѣ; но мы уже не тѣ, и разлука не та. Мы съ спокойнымъ сознаніемъ нашего счастья, его продолженія, и у разлуки отнята вся горечь (грусть совсѣмъ другое), потому что на концѣ ея наше свиданіе. Ну, дай же поцѣловать тебя, благословить, благословить Сашку, и потомъ примусь за разсказъ.

Пріѣхалъ я въ 17 часовъ, т. е. въ шестомъ часу вышелъ: Огар. [2])—дома нѣтъ. Досадно. M-me приняла холодно, сухо [3]). Онъ у Кетчера [4])—туда,—искалъ, искалъ: онъ переѣхалъ,—морозу градусовъ 28; наконецъ попалъ къ барону [5]); тотъ былъ въ восторгѣ и Ог. [6]), и Сатинъ [7]), но какъ-то впечатлѣніе начальное было у меня не въ пользу радости. Огаревъ *долженъ былъ* ѣхать въ собраніе, я легъ спать и утромъ явился домой. И такъ, вотъ эти приготовленныя impromptus [8]),—впрочемъ, у Кетчера провелъ время хорошо, тамъ познакомился съ извѣстнымъ актеромъ Щепкинымъ [9]) и хохоталъ, какъ безумный, отъ его дара разсказывать анекдоты.

Ѣду я въ понедѣльникъ утромъ въ 9 часовъ [10]). Завтра буду опять писать. Ты знаешь ли, когда надобно посылать на почту? каждое воскресенье и каждый четвергъ, вечеромъ, въ 8 часовъ.

Pour en finir avec les nouvelles: M-me Og. [11]) est vraiment audessous

1) Написано рукою малютки сына которую водила по бумагѣ Н. А.

2) Н. П. Огаревъ въ это время уже не жилъ у Никитскихъ воротъ: домъ его отца уже былъ проданъ. Огаревъ, вернувшись изъ ссылки въ Москву, поселился близъ Петровскаго парка. (Воспоминанія Т. П. Пассекъ), а оттуда переѣхалъ на Арбатъ.

3) Т. е. первая жена Огарева, Марья Львовна, урожденная Рославлева.

4) У Н. Х. Кетчера—близкаго товарища А—а И—ча.

5) Въ товарищескомъ кругу Н. Х. Кетчера звали Упсальскимъ барономъ.

6) Н. П. Огаревъ.

7) Н. Мих. Сатинъ—одинъ изъ близкихъ товарищей, который въ одно время съ Герценомъ и Огаревымъ былъ сосланъ, только Герценъ—въ Пермь, Огаревъ—въ Пензенскую губ. а Сатинъ—въ Симбирскую, откуда получилъ позволеніе выѣхать по случаю болѣзни раньше друзей—въ 1837 г.

8) „Экспромты".

9) Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ.

10) Изъ Москвы Герценъ долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ.

11) Марья Львовна Огарева—жена Н. П. Огарева. У Герцена были съ ней еще до пріѣзда въ Москву дурныя отношенія; теперь онъ какъ бы убѣждался еще больше, что она плохой человѣкъ.

encore de mon opinion, c'est une femme sans coeur, sans esprit et conduite même, déjà il y a des histoires *qu'on raconte* d'elle.[1]) Бѣдный, бѣдный Огаревъ, и еще повязка не спала съ глазъ его.

Ну, ты, мой ангелъ, какъ проводишь время безъ меня, что нашъ малютка Сашка, здоровъ ли онъ? Пиши, какъ можно подробнѣе. Вотъ мой адрессъ въ Петербургъ:

Его Высокоблагородію

Ивану Яковлевичу

Лисенкову [2]).

Въ С.-Петербургъ.

Въ Канцелярію Г. Оберъ прокурора Святѣйшаго синода. *Для доставленія Герцену.*

По полученіи этого письма ты пиши прямо въ Петербургъ.—Татьяны Петр. [3]) я еще не видалъ, это удовольствіе предстоитъ *сегодняшнему числу.*

Я опять въ Московскихъ суетахъ, насилу нашелъ свободную минуту, и потому все не устоялась душа отъ вздору хлопотъ, росказней безъ интереса и видовъ съ интересами... Я хотѣлъ ѣхать завтра, это значило бы двумя днями сократить разлуку нашу.

Шляпка отправлена еще 25 ноября съ Найденовымъ. Скажи ему, что папенька очень сердится на него за неаккуратную доставку.

Ты знаешь мои чувства, мое уваженіе къ Юліи Ѳедоровнѣ, Ивану Эммануиловичу—и можешь ихъ передать безъ того, чтобы я повторялъ. — Видѣлась ли ты съ Софьей Ѳедоровной? Была ли Похвистнева у тебя? Что концертъ? etc, etc.

Я такъ живо представляю тебя и Сашку, какъ будто съ вами; его ба...ба... брррр, ангельскую улыбку, голосъ, твое баюканье и твой взглядъ на него, полный любви, молитвы.. О, какъ онъ счастливъ тобою! да будетъ же благословенье Божіе надъ вами.

Прощай! жди отъ меня записки, но не письма, до Петербурга.

Мамзель *Катишь* [4]) — поклонъ, пресущедѣвій. Какъ ведетъ себя нянька и вся честная компанія?

[1]) *Переводъ.* „Чтобы кончить съ новостями: мадамъ Огарева дѣйствительно еще ниже того, что я объ ней думалъ: Эта женщина безъ сердца, безъ ума и даже безъ добраго имени, объ ней уже *разсказываютъ* исторіи".

[2]) Не тотъ ли это чиновникъ малороссъ, жившій въ Петербургѣ, про котораго во II томѣ „*Записокъ*" говорится, что онъ прежде занимался дѣлами П. А. Яковлева? „онъ былъ изъ малороссіанъ, говорилъ съ вопіющимъ акцентомъ по русски, вовсе не слушая о чемъ рѣчь, всему удивлялся, закрывая глаза и какъ-то по мышиному, приподнимая пухленькія лапки"... (163 стр.).

[3]) Татьяна Петровна Пассекъ;—она доводилась Герцену двоюродной сестрой. Будучи дѣвочкой, она часто гащивала въ домѣ И. А. Яковлева, занималась и читала вмѣстѣ съ маленькимъ А—омъ И—чемъ, который былъ моложе ея на нѣсколько лѣтъ.

[4]) Такъ звалъ А. И. сестру Н—и А—ы, Екатерину Александровну Захарьину.

При семъ знаменитая *поэма Баронъ Упсальскій* [1]). Всѣ наши кланяются. Папенька ждетъ, что ты будешь писать къ нему.

Прощай, мой ангелъ, — въ первый разъ подпишусь —

мужъ твой,

А. Герценъ.

Не забудь, что я завтра опять буду писать [2]).

II.

9 декабря, 1839 г. Москва. Здравствуй, мой ангелъ. Чувствуешь ли ты по вечерамъ мое благословеніе, посылаемое вамъ обоимъ? чувствуешь ли, что середи всякаго рода хлопотъ—я съ вами?

Мѣсто въ дилижансѣ взято, я ѣду [3]) 11 декабря въ 9 ч. утра, т. е. въ понедѣльникъ. Писавши вчера, я правъ былъ. Здѣсь нѣтъ минуты спокойной— или друзья, или tutti frutti [4]). Тебѣ кланяется Надежда Владиміровна [5]) которая очень весело и умно у княгини [6]) увѣряла какъ-то на дняхъ, что неправда, что я покидаю тебя и что ты оттого больна. Всѣ вѣсти переноситъ и всѣ мерзости отъ Елиз. Мих. Кучиной; [7]) entre autre [8]) она сказала, что Николинька М. [9]) *мой сынъ.*

Видѣлъ Татьяну Петровну [10])—лучше-бъ не видать: что-то толсто, толсто, бабовато, бабовато. Ни онъ [11]), ни она ни на шагъ впередъ, стоятъ спокойно, при-

1) Эта поэма или мистерія,—какъ она названа въ „Перепискѣ недавнихъ дѣятелей", -24 ноября 1839 г. въ день рожденія Огарева — была пародирована имъ и Катковымъ, М. Н. Въ этотъ же день друзья сюрпризомъ разыграли для новорожденнаго водевиль, въ которомъ участвовали: М. Л. Огарева, баронъ, Катковъ, Сатинъ, Боткинъ, Клыковъ, Іоганнисъ и Богдановъ.

2) Это письмо изъ Москвы съ извѣстіемъ о друзьяхъ, ихъ пріемѣ и т. д. и дальнѣйшія письма изъ Москвы, откуда А. И. выѣхалъ въ Петербургъ только 11 декабря, дѣлаютъ поправку въ слѣдующихъ словахъ П. В. Анненкова: „въ концѣ 1839 года мы уже видимъ его (т. е. Герцена) на короткое время въ Петербургѣ, *а затѣмъ* и тоже не надолго въ родномъ его городѣ Москвѣ"(„Идеалисты 30-хъ годовъ". 71 стр.). Въ декабрѣ 1839 г. А. И., какъ видимъ, былъ сперва въ Москвѣ, потомъ въ Пербургѣ а затѣмъ уже опять въ Москвѣ.

3) Далѣе зачеркнуто: „*въ*".

4) „Всякая всячина".

5) Одна изъ посѣтительницъ дома кн. Хованской, жена Дмитрія Павловича Голохвастова, приходившаяся княгинѣ племянницей.

6) У княгини Марьи Алексѣевны Хованской.

7) Елизавета Михайловна Кучина—родственница Т. П. Пассекъ.

8) „Между прочимъ".

9) Николай—сынъ Прасковьи Петровны Медвѣдевой, съ которой у А. И. былъ въ Вяткѣ романъ. Медвѣдева скрыта въ „Запискахъ" Герцена подъ буквой Р. Дѣтей отъ Герцена у нея никогда не было.

10) Т. П. Кучину, замужемъ—Пассекъ.

11) Вадимъ Вас. Пассекъ—мужъ Татьяны Петровны.

винченные къ 1833 году [1]). Прасковья Петровна кланяется, страшно много въ ней—и скрытности, и откровенности, и комедiи, и трагедiи. Дѣти опредѣлены.

Засимъ прощай,—времени ни секунды. Схожу къ Ог. У Астраковыхъ [2]) еще не могъ урваться побывать.

Можетъ быть, ты по слѣдующей почтѣ письма не будешь имѣть, потому что я не знаю, по какимъ днямъ надобно писать по Петербургской дорогѣ.

Будьте здоровы. Расцѣлуй Сашку. — Душка, какъ я давно его не видалъ. Прощай.

Александръ.

Вѣроятно, ты получила I-е письмо.

Н. А. Герценъ къ мужу.

III.

Владимiръ 1839. Декабря 10-е. Ну, вотъ, и такъ, отославши вчера письмо на почту, усѣлись мы въ гостиной всей семьей; я люблю разговаривать о тебѣ съ Сашкой, онъ такъ внимательно смотритъ на меня, такъ мило улыбается, когда я скажу ему papa! papa! и вотъ такъ мы сидимъ съ нимъ на диванѣ. «Завтра отъ папаши намъ письмо... а можетъ быть, и сегодня...» Вдругъ няня бѣжитъ— три пакета, Катенька кричитъ: «отъ Александра Ивановича! отъ Александра Ивановича!» Я вспыхнула, руки дрожатъ, перебираю письма и не знаю, которое твое — душка, какъ я была рада! На всѣ твои вопросы я писала отвѣтъ уже прежде.—Я подѣлилась и съ Сашкой письмомъ, т. е. подарила ему пакетъ, который онъ съ торжествомъ изорвалъ (?).—Грустное впечатлѣнiе сдѣлало на меня твое убѣжденье въ ничтожности М-me О. [3]), ужасно грустное, какъ жаль *его*... но мнѣ жаль и ее, жаль, не видавши ея, я такъ сроднилась съ ней, такъ глубоко была убѣждена, что *въ насъ четверыхъ одна душа* [4]), я такъ вѣрила въ его счастье... теперь мнѣ жаль хоронить *сестру*, жаль разставаться съ моими убѣжденiями. Не правда ли, Александръ, бывало намъ такъ вольно, такъ просторно носиться [5]) по морю нашей любви [6]), смотрѣть на свѣтлое небо нашего счастья? море безгранно было, теперь виденъ берегъ, и на небѣ туча... грустно, — мнѣ ужъ жизнь кажется [7]) не такъ гладка, не такъ хороша. Ты говоришь: „и еще повязка не спала съ глазъ“,—а что же будетъ, когда спадетъ??.

[1]) „Кто-то завтра читаетъ лекцiи? Когда репетицiи? изъ университета „зайду“ къ Огареву“... Это 1833 *годъ*!“ (Записки II-ой томъ, 110 стр.)

[2]) Н. И. Астраковъ и Т. Алексѣевна Астракова помогали Герцену въ маѣ 1838 г. увезти Н. А. изъ дома кн. Хованской.

[3]) О ничтожности первой жены Огарева, Марьи Львовны.

[4]) Т. е. въ ней, А. И. Герценѣ, Н. П. Огаревѣ и его женѣ, Марьѣ Львовнѣ.

[5]) Слѣдующее слово зачеркнуто.

[6]) *Приписка въ оригиналѣ*: „Насъ четверыхъ“.

[7]) Переправлено,—прежде было что-то другое.

Вчера я прождала Похвистневыхъ и не была у Кожиной, хочу съѣздить теперь. Душка, ты пишешь, когда посылать за письмами,—неужели я до того не способна ни на что, что даже не вспомню и этого? Ну, прощай пока, а сегодня-то еще письмо! А!

12 часовъ ночи: Ты пишешь: „déjà il y a des histoires qu'on raconte d'elle", на это что смотрѣть, — посмотри, и на меня выдумаютъ что-нибудь: — только ты изъ Владиміра,— я изъ дому вонъ. Давеча у меня былъ Андр. Ѳед. Каппель [1]), онъ читалъ письмо отъ Каблукова; тотъ пишетъ, что не имѣетъ понятія о портретѣ [2]); въ Петербургѣ есть его родственникъ — Каблуковъ же, нельзя ли его отыскать, можетъ, Кетчеръ ему отдалъ портретъ. Сколько-бы утѣшилъ теперь онъ меня .. несносный Кетчеръ. — Похвистневы были, приглашали меня на вечеръ, я,—разумѣется,—отказалась, съѣзжу къ нимъ въ простой день. Была давеча у Кожиной, она кланяется тебѣ. Кажется, въ этихъ новыхъ знакомыхъ я не найду ничего, т.-е. много словъ, пожатій руки, много блеску... и только. Такой встрѣчи, какъ Юл. Ѳед. здѣсь не повторится. — Я ѣздила въ театръ — лучше не могло быть! Я была въ восхищеньи; для меня Тюриковъ и Епитаховъ играли лучше всѣхъ, и всѣ очень хорошо, только тѣснота и духота была ужасная.—Князь Голицынъ опять игралъ, и Ольга И. пѣла;—зачѣмъ я не могу выразить словами, что выражала эта музыка,—ахъ, душка, душка, почему я не имѣю одного изъ этихъ талантовъ? я бы все пѣла тебѣ, все играла бы тебѣ,—ангелъ мой!.. Я думала о тебѣ въ минуты восторга, у меня навертывались слезы, духъ захватывало, мнѣ казалось, я лечу, лечу высоко... а вокругъ меня говорили, шептали, смѣялись. — Я заѣзжала на почту—письма еще не разобраны. И такъ, до завтра, мой милый, мой ангелъ, мой Александръ, право, душка, какъ весело поговорить съ тобою. — Юл. Ѳед. говоритъ, что послѣ концерта всѣ спрашивали ее, кто такая прекрасная была съ ней — вотъ тебѣ комплиментъ. А среди всей этой суеты мои оба Александра, какъ ангелы хранители, летаютъ надо мною. Засыпаю. [3])

Утро 10-ый часъ — ты отправляешься въ путь, мой ангелъ, я благословляла тебя душою, рукою, взяла Сашкину ручонку и ею перекрестила тебя, — ангелъ мой, поѣзжай съ Богомъ, да хранитъ Онъ тебя, воротись къ намъ скорѣе, тебя ждутъ, ждутъ...

Вотъ и второе письмо отъ тебя — —слава Богу! Чувствую ли я твое благословеніе? чувствую ли, что ты съ нами?.. Душка, душка мой, Александръ. Ну, зачѣмъ ты *пишешь* о сплетняхъ, о нихъ и говорить унижаетъ. Что же не ска-

1) Родной братъ Юліи Ѳед. Куруты.

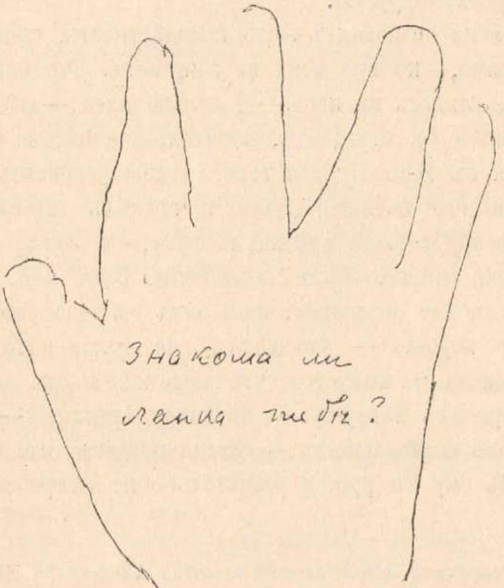
2) Портретъ А-а. И-а., должно быть — тотъ, который А. И. прислалъ Н-ѣ А-ѣ изъ Вятки въ Москву ко дню ея рожденья, къ 22 октября, и который потомъ взялъ Н. Х. Кетчеръ. Послѣдній—сказалъ, что передалъ его нѣкоему Каблукову. И вотъ теперь Каблуковъ извѣщалъ, что онъ даже понятія не имѣетъ о портретѣ. — Думается, что этотъ потерянный портретъ и есть тотъ самый оригиналъ Витберговской работы, который въ настоящее время находится въ собраніи С. К. Говорова, который пріобрѣлъ его отъ покойнаго Остроглазова,— а Остроглазову портретъ достался отъ Кетчера; но, впрочемъ, это только предположеніе.

3) Н. А. имѣла обыкновеніе писать письма, лежа въ постели. Эту привычку она пріобрѣла, живя въ домѣ кн. Хованской.

залъ ничего о своихъ финансахъ и ѣдетъ ли съ тобой Матвѣй или нѣтъ? вѣдь, для меня-то это все интересно.

Ночь 12 часовъ. Вотъ я опять одна, опять мой ангелъ, мой Александръ далеко; опять пишу къ нему и будто также украдкой, ночь, всѣ спятъ... (не сердись, душка, это мое любимое время разговаривать съ тобою: днемъ — суета, домашнія «заботы» — хозяйки взоръ повсюду нуженъ,—не смѣхъ ли, мой то взоръ)! Я тоже на постели—свѣча, бумага, перо—все, все, какъ бывало прежде,—но грусть прежняя гдѣ? Грусть, тяжелая, какъ камень, сомнѣнье гдѣ, гдѣ всѣ страданья? На ихъ могилѣ стоитъ колыбель блаженства, полнаго, совершеннаго. О, какъ мы счастливы! О, какъ мы счастливы! Дай руку, Александръ, посмотри мнѣ въ глаза, прислушайся къ гимну души... ахъ, еслибъ я могла перелить его въ звуки!.. И эта огромная доля [1]) показалась Ему мала, — Онъ послалъ намъ еще ангела... сколько, сколько наслажденій, о которыхъ мы не имѣли и понятія прежде. Не думавши, я говорила, что въ любви матери нѣтъ эгоизма,—а развѣ эта ангельская улыбка не платитъ сторицею за всѣ попеченія и заботы?

Ангелъ мой, вотъ ужъ и недѣля, какъ ты уѣхалъ, остается три—я каждый разъ пишу *тебѣ* объ этомъ; да кто же со мною болѣе порадуется этому? Благословимъ всѣ трое другъ друга..

Теперь ты мчишься, мчишься, ангелъ мой! Господи, когда пройдетъ это время? Нѣтъ, намъ нельзя разлучаться. Мнѣ необходимостью сдѣлалось даже кофе душкѣ подать, пѣночку ему въ чашку положить, — ангелъ ты мой, хоть бы гримаску твою посмотрѣть.

[1]) Далѣе стояло „ему“ и зачеркнуто.

Ну, прощай. Цѣлую твою руку, твои очи, благословляю тебя. Сашка тебѣ улыбается, кричитъ: «папа»! Въ недѣлю въ немъ прибыло много, я думаю, ты его не узнаешь, пріѣхавши.

Твоя, твоя, мой ангелъ,

Наташа.

Прислать ли тебѣ письмо Эрна [1]) и папеньки. Первое я не распечатывала, послѣднее не заключаетъ ничего особеннаго.

Господь съ тобою! а здѣсь Сашка поцѣловалъ. [2])

А. И. Герценъ къ женѣ.

III.

Понедѣльникъ. 11-го декабря 1839 года. Москва. Милый другъ мой, Наташа, теперь шестой часъ, въ девятомъ—я ѣду; нарочно всталъ, чтобы имѣть время написать строчку—другую.

Главное, что меня безпокоитъ—это неизвѣстность, спокойна ли ты? Сегодня должно придти письмо,—но оно меня не застанетъ. Что нашъ малютка? хочется взять его на руки, глядѣть на него.—Я люблю васъ,—люблю.

Ог. видитъ многое [3]), страдаетъ, мучится; мое письмо [4]) сдѣлало ужасную сцену; я помирился съ M-me [5]) для того, чтобы успокоить его, я видѣлъ, что это необходимо для его любящей души, и сдѣлалъ первый шагъ; принесъ на жертву гордость, оскорбленіе и протянулъ руку,—и тутъ, стало, дружба побѣдила любовь. У меня съ нею было объясненіе. Боже мой, какая горькая чаша достается ему, ежели все останется, какъ есть—и еще разовьется!

Мои вѣсти не хороши — что дѣлать, не лучше и то, что могу сказать о Петрушѣ [6]). Астраковъ [7]) жалуется, что переѣхавъ отъ него, *онъ ни разу не былъ у него.* Я спросилъ Петрушу, — по какой причинѣ? — «Не хотѣлось».—Да надобно же было изъ благодарности.—«Когда придетъ желаніе, я поблагодарю». Послѣ этого я далъ ему 25 руб. и рѣшительно не говорилъ ни слова.... [8])

[1]) Гавріилъ Каспаровичъ Эрнъ - вятскій пріятель Александра Ивановича, служившій чиновникомъ при вятскомъ губернаторѣ, Тюфяевѣ.

[2]) Чернила этихъ двухъ строчекъ въ рукописи расплылись.

[3]) Огаревъ, Н. П., видитъ, что его жена, М. Л., не то, о чемъ онъ мечталъ.

[4]) Письмо, посланное къ Огаревымъ еще изъ Владиміра, и послужило началомъ неудовольствій М. Л. Огаревой съ А. И.

[5]) Т.-е. съ Марьей Львовной Огаревой.

[6]) Петръ Александровичъ Захарьинъ, родной братъ Н-и А-ы. Герцены его выписали изъ Шацка, гдѣ онъ жилъ у какого-то купца,—въ Москву.

[7]) Астраковъ, Николай Ивановичъ, о которомъ упоминалось раньше.

[8]) Выпущено нѣсколько словъ.

Шуба Матвѣева [1]) не нашлась.

Праск. Петр. [2]) я видѣлъ разъ. Татьяна Петровна просидѣла вчера весь вечеръ; она всѣхъ больше перемѣнилась: ни одной европейской ни мысли, ни слова, ни даже произношенія, харьковское нарѣчіе, харьковскія идеи etc. Алеша Кучинъ [3]) отправленъ съ жандармами изъ Москвы,— tant va la cruche [4])...

Астракова [5]) будетъ писать къ тебѣ. Люблю я ее; она какъ-то неразрывна съ воспоминаніями отъ 3 марта до 9 мая [6]).

До сихъ поръ мнѣ не дали сосредоточиться въ моей разлукѣ, барабанный бой со всѣхъ сторонъ, и музыка дружбы возлѣ [7]). Я разлуку чувствую теперь par boutades: [8]) вдругъ сдѣлается *нѣмо-больно*, не достаетъ половины бытія, не достаетъ той души, въ которую погружена моя душа; по Сашкѣ тоже очень грустно сдѣлается [9]), такимъ жалкенькимъ кажется онъ въ эти минуты. А... тутъ [10]) тотчасъ прыгать, кривляться, гримасничать, несутъ водку и вино, сыръ и журналы, шумятъ и опять съ ними [11]), какъ въ Волшебной Флейтѣ. Прощай, благословляю васъ три раза. Кат.[12]) поклонъ.

Эту записку пошлютъ 13-го. До Петербурга врядъ будетъ ли возможность написать.

Прощай.

Твой Александръ.

Надпись на письмѣ:

Натальѣ Александровнѣ Герценъ.

И тутъ же сверху, па уголышкѣ приписка рукою Астраковой:

«Мнѣ только и осталось мѣста, чтобы сказать тебѣ, Наташа, спасибо за твое письмо и что я желаю, чтобы ты была здорова и спокойна, и берегла Шушку» [13]).

[1]) Шуба слуги Матвѣя.

[2]) Прасковью Петровну Медвѣдеву.

[3]) Алексѣй Михайловичъ Кучинъ, про котораго спрашивала въ своемъ письмѣ Н. А., родственникъ Т-ы П-ы Пассекъ.

[4]) „Пошелъ кувшинъ по воду ходить“...

[5]) Татьяна Алексѣевна Астракова—жена Николая Ивановича Астракова — женщина, которая ужасно любила Герценовъ, а Н-ю А-у обожала до конца жизни.

[6]) Отъ перваго тайнаго свиданія въ Москвѣ съ Н. А. до дня свадьбы во Владимірѣ.

[7]) Прежде стояло: „съ другой“ и зачеркнуто.

[8]) „Вспышками“.

[9]) Раньше было: „будто онъ“ и зачеркнуто.

[10]) Плохо разобрано.

[11]) Неразобрано два слова.

[12]) Екатеринѣ Александровнѣ Захарьиной.

[13]) Т.-е. малютку—сына, Сашу.

Н. А. Герценъ къ мужу.

IV.

Владиміръ 1839, декабря 13. 11 час. вечера. Вспомнишь ли ты, душка, что сегодня нашему малюткѣ минуло полгода? [1]) — ангелъ, какъ спокойно онъ спитъ, сложа ручонки, ротикъ полуоткрытъ, румянецъ на щекахъ, улыбается... Ахъ, Александръ, что будетъ изъ него?.. Нѣтъ, мы мало строги къ себѣ, мы мало думаемъ о томъ, сколько лежитъ на насъ... сколько вниманія къ его пищѣ, а чѣмъ будетъ питаться его душа? о, мой другъ! Мы такъ очищались, такъ приготовлялись, чтобы достойными другъ друга соединиться [2]), тогда намъ предстояло [3]) блаженство, счастье *только наше*; теперь смотри—то, что мы должны приготовлять, вплетется въ человѣчество и съ нимъ будетъ безконечно. Пусть же наша доля будетъ чиста, *пусть послѣ насъ останется мало труда.* — Мнѣ дѣлается страшно, когда передо мною ясно открывается вся огромность нашего долга,—но что мы можемъ безъ Него. Помоги намъ, Господи!

Сашка научился еще говорить *дядя, ка.* Давеча была Марья Ѳед. и онъ вовсе не дичился, тотчасъ пошелъ къ ней и сталъ играть.

Наконецъ я дочитала „Geisterseher“ [4]),—глубоко душа была взволнована.— Я думала безъ тебя много, много перечитать, а время летитъ все также, и я не вижу, какъ проходитъ день, а минуты даромъ не потрачено: то дѣлаешь что-нибудь нужное, то съ Сашкой поиграешь—это также необходимость моей жизни. Ахъ, онъ удивительно быстро развивается, въ немъ столько прибавилось въ недѣлю!—Гдѣ-то ты теперь?—близъ Питера, мой ангелъ?—ну, смотри же, веселись тамъ.

Вчера былъ Найденовъ [5]), бѣдный старикъ, — его посадили въ замокъ, я посылала за его сыномъ; завтра съѣзжу къ И. Э. [6]) узнать все и попросить,

[1]) Сынъ первенецъ-Саша—родился 13 іюня 1839 года.

[2]) А. И., переѣхавъ изъ Вятки во Владиміръ, далъ обѣтъ вести себя иначе, чѣмъ до свадьбы: не бражничать, удерживаться отъ страстей и даже ѣсть меньше.

[3]) Вычеркнуто слово.

[4]) „Духовидецъ“ Шиллера.

[5]) Гаврило Семеновичъ Найденовъ—деревенскій староста И. А. Яковлева, уже старый старикъ, былъ посаженъ въ острогъ и отданъ подъ судъ за слѣдующее обстоятельство. Сосѣдніе крестьяне просили его поставить за нихъ рекрута. Найденовъ человѣкъ бывалый, онъ знаетъ, что предсѣдатель казенной палаты въ такихъ случаяхъ требуетъ отъ поставщика солидныхъ приношеній. Потому явился въ присутствіе съ молодымъ рекрутомъ и порядочнымъ количествомъ лобанчиковъ въ карманѣ. А на этотъ разъ къ рекрутскому набору во Владиміръ былъ присланъ флигель-адъютантъ графъ Эссенъ, который былъ противъ взятокъ. Староста этого не зналъ и сунулся къ графу съ своими лобанчиками. Гр. Эссенъ разсердился, позвалъ письмоводителя и жандармовъ. Найденовъ и не думалъ запираться. Графъ написалъ губернатору о злодѣйскомъ покушеніи старосты. Найденова посадили въ острогъ и отдали подъ судъ.

[6]) Къ Ивану Эммануиловичу Курутѣ.

если можно. Онъ [1]) проситъ меня взять его на поруки, я безъ совѣта И. Э. ничего не сдѣлаю.—Ну, душка, благословляю тебя, цѣлую, цѣлую, цѣлую.

15-ое пятница. Вчера какъ-то день прошелъ пусто, скучно, тяжело; рано утромъ я ѣздила къ И. Э. поговорить о Найденовѣ;—замокъ, цѣпи, наказанье—все это дѣлаетъ на меня вліяніе ужасное, оно продолжалось до вечера; я рано легла спать, въ горѣ и оттого, что слышала, какъ пришла почта, а письма получить не могу, да и есть ли оно?.. Ныньче утромъ я приготовилась опять грустить весь день, и, дожидаясь Андрея [2]), душа питалась лишь — *авось-ли*! Два пакета—рука папеньки и О. [3]) — Слава Богу! Дружба посылаетъ утѣшеніе любви! Нѣтъ ли хоть въ его письмѣ словечка твоего? — нѣтъ, но все-таки я ужасно была рада ему,—маленькое, нѣсколько словъ;—все это онъ, онъ, милый, несравненный, твой другъ, душа теплая, симпатія и поклоненіе тебѣ; тамъ пишутъ и С. [4]) и К [5]), и Marie [6]). Сильно сердце билось, мнѣ такъ хотѣлось пожать имъ всѣмъ руку. Медленно распечатываю второе письмо...... Душка, душка, ангелъ мой, Александръ, неужели? вѣрить ли мнѣ глазамъ своимъ?.. Другъ мой, милый другъ мой, Сашка, ну, ужъ не умѣю сказать тебѣ, какъ я была рада! Голубчикъ ты мой, душечка, какъ бы я тебя расцѣловала!..

Тебя безпокоитъ то, что всего меньше должно безпокоить *тебя*: „спокойна ли я“? Въ отвѣтъ на это я спрошу тебя: вѣришь ли ты въ меня? при всей огромной любви къ тебѣ — моя твердость, покорность, выросшія подъ ея же вліяніемъ, а потомъ Сашка... Вѣдь, это ты же, ты такой крошечка, малюточка, несмысленочекъ... о, душка, право, иногда я васъ обоихъ равно люблю, то есть—когда во мнѣ ничего нѣтъ кромѣ любви. Большой [7]) *ростъ* твоей души и твоего тѣла исчезаютъ, и всѣ преимущества твои надъ Сашкой исчезаютъ, ты становишься такимъ же ребенкомъ [8]), и вотъ у меня два Сашки; — который лучше—не знаю, не знаю, котораго больше люблю, и они такъ похожи другъ на друга — иногда сливаются вмѣстѣ, и дѣлается одинъ Сашка, вдругъ опять два... я теряюсь, играю съ вами, мнѣ такъ весело, будто я не на землѣ, а тамъ—въ раю ангеловъ; и душа такъ свѣтла, чиста, такъ свободна отъ тѣла, не чувствуешь и крыльевъ, на которыхъ порхаешь, вьешься вокругъ васъ... Замечталась! Прости, Александръ: прежняя привычка; а вотъ дѣйствительность—то стоитъ за себя:—несутъ подносъ, телятина, каша, вилки, ножи .. не хорошо все это, право не хорошо.

Ты грустишь о Сашкѣ,—груститъ и онъ о тебѣ, — право, когда говоритъ: papa, papa, — онъ смотритъ въ дверь и какъ будто ждетъ чего-то. А давеча,

1) То есть, Гаврило Семеновичъ Найденовъ.

2) Слугу, котораго посылали на почту за письмами.

3) Н. П. Огарева.

4) Николай Михайловичъ Сатинъ

5) Николай Христофоровичъ Кетчеръ.

6) Марья Львовна, жена Огарева. Это коллективное письмо отъ четверыхъ напечатано въ «Перепискѣ недавнихъ дѣятелей“ (въ „Рус. Мысли“).

7) Слово вписано потомъ.

8) Слово перечеркнуто.

какъ онъ любовался на себя въ зеркало—я надѣла ему ридикюль на голову,— и крошка, того гляди, выпрыгнетъ изъ рукъ. — Зубовъ еще нѣтъ, прошли и припадки всѣ, только все съ большимъ сердцемъ теребитъ деснами, — видно, — чешутся.

Няня подарила ему какую-то преглупую куклу, и ты не можешь себѣ представить, какъ онъ ее любитъ, что дѣлаетъ съ ней. Привези ему изъ Москвы, только не такую, какъ... [1]), а которую бы онъ могъ колотить и бросать,— это любимое его занятіе.—Каждый день въ сумерки мы идемъ къ тебѣ въ кабинетъ играть на диванѣ, онъ сидитъ тамъ, ловитъ цвѣточки, потомъ ляжетъ и, какъ рыбка, плаваетъ.—Какіе близкіе родные мы съ О. [2]) Онъ пишетъ: „Вижу тебя теперь, милая сестра, ты сидишь грустна, а Саша смотритъ на тебя и смѣется; а ты разсказываешь ему объ отцѣ, который далеко[3])... Да, ясны глаза его души. — О тебѣ говоритъ: „во время проводовъ я былъ веселъ, а послѣ мнѣ стало грустно, я вспомнилъ тебя, и вотъ тебѣ моя рука, — въ эту минуту мы хорошо понимаемъ другъ друга и, печально улыбаясь другъ другу, сознаемъ, что намъ хорошо *только съ нимъ вмѣстѣ*“. [4]) О! какъ я люблю его. Потомъ: „Александръ и Марія примирились. Ничего не прибавлю къ этому, ты и безъ того *поймешь* [5]), сколько это для меня значитъ. Твой Александръ былъ благороденъ, былъ прекрасенъ въ этомъ примиреньи“. Я почти все списала. Ты скоро самъ бы прочелъ его письмо, но мнѣ весело повторять его слова, я ихъ много разъ читала. Родные мы, близкіе родные, о, зачѣмъ же ему не одна съ нами участь [6])... и она пишетъ, что вы помирились. Марья Ѳед. ее очень знаетъ и любитъ...

У Похвистневыхъ я еще не была, право, не могу рѣшиться такъ далеко ѣхать въ этотъ морозъ, но поѣду непремѣнно. Если я не найду тутъ ничего — несносно такое знакомство. Посмотримъ,—письмо запечатано.

Ты пишешь о шубѣ — Филиппъ [7]) говоритъ, что Шкупъ отнесъ ее къ маменькѣ [8]), слѣдовательно спроси у него, кому отдалъ онъ.

Жаль Петрушу [9]).

«Ну, ни слова болѣе, я не слушаю, ложись спать, ужъ три часа», сказалъ бы ты, моя душка, а всего только еще 12,—но все ужъ надо ложиться; и такъ, прощай, мой ангелъ, — благослови насъ, мы благословляемъ тебя, нашъ отецъ, нашъ другъ. Господь съ тобой.

Долго спустя. Сашка спитъ на моей постели, я давно передъ нимъ на колѣняхъ, смотрѣла на него, молилась о немъ: какая чистота, какая невинность!.. помоги намъ, Господи, сохранить это въ немъ до конца жизни нашей!

1) Не разобрано слово.

2) Съ Н. П. Огаревымъ.

3) Письмо Огарева напечатано въ „Перепискѣ недавнихъ дѣятелей“ (въ „Рус. Мысли“) такъ же, какъ и отвѣтъ на него Н-и А-ы.

4) Сносокъ въ оригиналѣ: „Это я подчеркнула. А по твоему счету какъ? Прощай, цѣлуемъ тебя и я, и Сашка, цѣлуемъ твои руки, глаза... ну, прощай. Твоя Наташа».

5) Прежде стояло: „знаешь“, потомъ зачеркнуто.

6) Пропускъ въ оригиналѣ.

7) Слуга-истопникъ.

8) Къ Луизѣ Ивановнѣ Гаагъ, матери Александра Ивановича.

9) Своего родного брата—Петра Александровича Захарьина.

16-е суббота. Сегодня я скажу тебѣ только, что мы всѣ здоровы, что все и всѣ у насъ въ большой исправности, даже такъ, какъ я не ожидала. — На моемъ листкѣ ужъ остается только 17 дней, ангелъ мой [1]).

А. И. Герценъ къ женѣ.

IV.

14 декабря 1839. Петербургъ. Ну, вотъ, душа моя, твой Александръ почти за 1000 верстъ отъ тебя, сидитъ въ комфортабельномъ № d'Hôtel des diligences и думаетъ все объ васъ же, мои милые, мои два ангела. — Петербургъ будетъ для меня великой поэмой, которую я стану читать три недѣли. Мыслей много явилось и на дорогѣ; но это послѣ. Вотъ тебѣ подробности путевыя. Поѣхалъ я 11-го въ дилижансѣ, погода была скверная, гостиницы [2]) зато прекрасныя, здѣсь я еще не оглядѣлся. Я вмѣстѣ съ этимъ письмецомъ отсылаю другое завтра, чтобы посмотрѣть, которое придетъ скорѣе — черезъ Москву или прямо. И такъ, не сердись за мои безсвязныя записки, дай устояться.

15-го. Я здоровъ; Сережа [3]) кланяется, а я благословляю васъ [4])

V.

15 декабря 1839. С.-Петербургъ. Вотъ первая минута, мой ангелъ, послѣ отъѣзда, въ которую я физически свободенъ, въ душѣ не то, все еще волнуется, безпорядокъ ужасный, много-много новаго, образовъ и мыслей, ощущеній, и Богъ знаетъ чего; но все это еще не приняло формы, неясно. И такъ, я въ Петербургѣ, не странно ли все это [5]). Сегодня былъ я въ вашемъ домѣ [6]) и ушелъ скоро,—что-то грустенъ онъ, разваливается. Всего больше меня поразилъ Зимній-Дворецъ своей наружностью; я не смотрѣлъ, стоя у колонны, ни

[1]) Такъ какъ Александръ Ивановичъ уѣхалъ изъ Владиміра на 28 дней, то Наталья Александровна отмѣчала каждый пройденный день и высчитывала, сколько осталось дней до его возвращенія.

[2]) Далѣе стояло: „гадкія“, но зачеркнуто.

[3]) Сергѣй Львовичъ Левицкій, сынъ дяди — „сенатора“, извѣстный петербургскій фотографъ и двоюродный братъ А-а И-ча.

[4]) На четвертой страницѣ, вмѣсто адреса стоитъ: „Натальѣ Александровнѣ Герценъ во Владимірѣ“.

[5]) „Все это“ зачеркнуто.

[6]) Т.-е. въ домѣ отца Н-и А-ы, который послѣ смерти А. А. Яковлева, достался химику“, Алексѣю Александровичу Яковлеву, родному брату (по отцу) Н. А-ы.

на главный штабъ, ни на министерство, а на одинъ дворецъ — лучше я ничего не видывалъ, даже на картинкахъ; онъ что-то напоминаетъ Ескуріалъ, впрочемъ. Хороша будетъ Исакіевская церковь; чудно хорошъ и монументъ Петра, но въ немъ мнѣ именно все нравится, кромѣ Петра, эта огромная масса гранита,—и пьедесталъ великому царю выкупаютъ все. А моря нѣтъ, и Невы нѣтъ [1]). — Остальное мало дѣйствовало: главное отличіе отъ Москвы — чрезвычайная комфортабельность, большая пышность и комнатъ, и платья; дѣятельность торговая и административная главнаго города цѣлой части свѣта. — И при всемъ этомъ я унылъ,—это нехорошо, отчасти виновата въ этомъ ты,—то есть твое отсутствіе, но есть и другія причины. Я и прежде меня всѣ отъ Адама до Пѣшкова [2]) повторяли: удивительно необъятна душа человѣка! что можетъ ее наполнить до краевъ? Океана мало, Петербурга мало; можетъ одна душа любящая. Вѣроятно, завтра получу письмо отъ тебя (доселѣ, душка, ни вѣсточки съ 5 декабря), твое письмо вылѣчитъ многое, я обтаялъ, я грустенъ, не пора ли домой? — Нѣтъ, я еще не видалъ Эрмитажа.

— Ну, на сонъ грядущій о вздорѣ. Я переѣхалъ въ hôtel de Londres, противъ самаго Адмиралтейства, за недѣлю 40 руб. Двѣ комнаты, убранныя хорошо, и главное—съ прекраснымъ видомъ. Прощай, завтра буду опять писать. Вѣроятно, я здѣсь не заживусь, ужъ, вѣрно, не больше *двухъ недѣль* [3]). Что Сашка, что его зубки, здоровъ ли онъ? хоть бы на него взглянуть.—Я видѣлъ во снѣ, спавши въ дилижансѣ, Сашку какъ-то странно, видѣлъ и тебя. Множество птицъ летало, и я ловилъ ихъ, и носилъ тебѣ,—что значитъ? [4]) Прощайте, благословляю васъ. Я и въ дилижансѣ ночью благословлялъ васъ.

16-го. Мы готовимся переѣхать сюда, — много страшнаго въ этомъ, люди послѣ 25 лѣтъ трудно мѣняютъ нѣкоторыя основныя привычки [5]) жизни.—Лишь бы прежде путешествовать, — это будетъ эпилогъ поэтической жизни [6]). Ну, да объ этомъ послѣ. Досадно, что нѣтъ писемъ. Кажется, сегодня надобно бы получить, — до 12 часовъ подожду, потомъ пошлю; вмѣстѣ съ этимъ письмомъ отправлю я къ Юліи Ѳедоровнѣ грамотку.

Писемъ еще нѣтъ. И такъ, прощай пока.—Цѣлую тебя много и много разъ.

[1]) А. И. былъ въ Петербургѣ зимой: и море, и Нева были закованы въ ледяной покровъ.

[2]) Какой-то Пѣшковъ жилъ въ это время въ Твери. Не о немъ ли рѣчь? „Пѣшкову 200 посылаю. Да будетъ онъ твердъ въ несчастіяхъ. Жму ему руку“, — пишетъ въ 1839 г. Огаревъ къ Герцену („изъ переписки недавнихъ дѣятелей“. Р. М.) Это былъ бѣдный молодой человѣкъ, въ которомъ Герценъ и Огаревъ принимали участіе. Они устроили его у Астраковыхъ съ тѣмъ, чтобы Н. И. Астраковъ подготовилъ юношу къ поступленію въ университетъ. Когда же Пѣшковъ уже былъ на 2-мъ курсѣ, умерли его отецъ и мать,—малолѣтнія братья и сестры въ Твери остались одни. Тогда онъ бросилъ университетъ, поѣхалъ къ сиротамъ, устроилъ ихъ и вернулся въ Москву. Но университетъ отказался его принять. Герценъ былъ готовъ ему оказать помощь и уже оказалъ, но было поздно: „бѣдный юноша растерялся, получивши отказъ изъ университета, куда-то уѣхалъ, гдѣ-то училъ и кончилъ жизнь въ съумасшедшемъ домѣ“. (Т. П. Пассекъ. Т. II. 326).

[3]) Пробылъ даже меньше—всего девять дней.

[4]) Не разобрано два слова.

[5]) Прежде стояло: „правила“ и зачеркнуто.

[6]) А. И., еще живя въ Вяткѣ, мечталъ о путешествіи въ Италію.

Н. А. Герценъ къ мужу.

V.

Владимиръ 1839 декабря 17 [1]). Здравствуй, мой Александръ, мой другъ, ангелъ мой,—гдѣ-то ты, моя душка, что ты дѣлаешь, о чемъ думаешь?.. О, чего бы я не дала, чтобъ знать это теперь! узнаю, да послѣ.—Вотъ ужъ двѣ недѣли нѣтъ тебя... пусто безъ тебя, ужасно пусто, но я не грущу; бываютъ минуты—заплакала бы,—вспомню, какъ ты просилъ не грустить, взгляну на Сашку... но рвется душа къ тебѣ, рвется безпрестанно, она оскудѣла безъ тебя, вѣдь ты источникъ, изъ котораго почерпаетъ она все прекрасное, все святое. Я не хороша стала безъ тебя, мой свѣтъ; не къ кому придти съ вопросомъ, нѣтъ взора, въ которомъ бы найти отвѣтъ: вѣдь, учитель мой—ты, о, ты, все ты!.. Ну, вотъ Сашка пришелъ и мѣшаетъ писать, тянется за перомъ, толкаетъ меня [2]).

Да, мой ангелъ, я безъ тебя, какъ цвѣтокъ безъ солнца и дождя.—Хотѣла я перечитать наши прежнія письма [3])—нѣтъ возможности, минуты нѣтъ, все поглощено Сашкой, все отдано ему. Иное кажется мнѣ иногда излишнимъ, слишкомъ мелочнымъ, ничтожнымъ, но тотчасъ я опять *прихожу въ себя*, и никакія занятія для меня не имѣютъ столько важности, какъ все, что до него касается. Все у насъ изломано;—но что няня? еслибъ я *не должна* была этого дѣлать—онъ не былъ бы мой сынъ. Пусть другіе дѣлаютъ только то, чего я не могу дѣлать. А потомъ и пріятности для меня нѣтъ ни въ чемъ столько, какъ въ этихъ заботахъ. Ахъ, душка, иногда мнѣ кажется, что съ ума сойду, я забываю весь свѣтъ, все, слушая его лепетъ, глядя на его безсмысленныя движенія.—Онъ ужъ сидитъ самъ, и сколько лепечетъ: та, та, да, да. Полюбилъ ужасно маменькинъ портретъ [4]); какъ скажешь: баба! онъ тотчасъ ищетъ его и говоритъ самъ: баба! Вотъ еслибъ твой то былъ портретъ [5]).

Вчера я посылала Похвистневой сказать, что у меня болитъ щека, потому долго такъ не была у нея. Пр. Н. [6]) сама не здорова, а мать ея, Марья М., тотчасъ пріѣхала ко мнѣ и хотѣла прислать за мной экипажъ, но я, какъ будетъ потеплѣе поѣду въ саняхъ. И Юлія Ѳ., и Иванъ Э. были у меня. Я весь день весела, когда вижу Юлію Ѳ.

1) Прежде стояло 16, а потомъ переправлено на 17.

2) И дѣйствительно послѣднія слова написаны неровно, вкось.

3) Письма, писанныя другъ другу до замужества — отъ 1835 до 1838 г., часть которыхъ напечатана въ „Рус. Мысли, за 1893 г.

4) Портретъ Луизы Ивановны Гаагъ. Можетъ быть, это былъ тотъ портретъ красками, который снималъ съ нея одинъ изъ крѣпостныхъ И. А. Яковлева. Этотъ послѣдній портретъ хранится въ настоящее время у А. А. Герцена въ Лозаннѣ. Луиза Ивановна изображена на немъ молодой женщиной, съ локонами на вискахъ.

5) Портретъ А. И., который рисовалъ Витбергъ, былъ взятъ, какъ упоминалось раньше, Кетчеромъ, и теперь Н. А. никакъ не могла его добиться.

6) Прасковья Н. Похвистнева.

18-е. Ну, вотъ, мой ангелъ, и понедѣльникъ, а письма нѣтъ отъ тебя. Грустно.

Отъ Астраковой письмо.

Пойду съ горя писать папенькѣ. Татьяна Ал. [1]) пишетъ, что ты у нихъ не былъ отъ недосуга, считалъ все деньги съ папенькой, но жаль, что ,,только считалъ",—стало, у тебя нѣтъ денегъ.

Вечеръ. Охъ ты, моя душечка, Сашка милый, какъ мнѣ хочется взглянуть на тебя, свѣтикъ ты мой, солнышко мое ясное. Не хорошо безъ тебя, вотъ какъ не хорошо, ([2]) точно сиротинки бродимъ съ Сашкой по комнатамъ: придемъ въ кабинетъ—не къ чему, окно замерзло до верху, такъ темно; рюмка, изъ которой ты пилъ высохла, хлѣбъ — засохъ, стулья стоятъ рядкомъ, и все въ томъ [3]) несносномъ порядкѣ, который говоритъ, что *двигателя* нѣтъ давно, что онъ далеко, что не будетъ еще долго. Вотъ тутъ бывало валялись недокуренныя сигары—теперь нѣтъ ихъ; вотъ здѣсь пепелъ съ нихъ кучкой—и того нѣтъ; на столѣ, подъ столомъ бумаги, и *вездѣ* книги; теперь все прибрано, чисто, мертво такъ, и тихо, тихо, не знаю почему, мы сами всегда шепчемъ; одинъ Сашка воюетъ, — при тебѣ кричалъ онъ громко, теперь еще громче; меня это веселитъ ужасно, такъ живо я воображаю тогда тебя. Ну, мой ангелъ, я безъ тебя сдѣлалась какою дѣятельно-аккуратной хозяйкой: какъ ты, каждое утро велю топить печи, отворять ставни, закрывать душники, отпирать кабинетъ; а послѣ обѣда—душники закрывать [4]), лампу поправлять, Филиппа будить, когда онъ на весь домъ храпитъ, а на ночь — кабинетъ и сѣни запирать! Фу, и разсказывать-то устанешь!.. Ахъ, Боже мой, что, это, какимъ вздоромъ я наполняю письмо!.. Нѣтъ, нѣтъ, это хорошо, все для тебя; это такъ живо представитъ тебѣ наше житье-бытье, мою неловкость, неспособность—и душка улыбнется.

Попросила бы я и тебя все подробно писать, да досуга тебѣ столько нѣтъ. Интересно, что Бѣлинскій [5]) съ компаніей? — Душка, можетъ быть, тебѣ захочется провести праздники въ Петербургѣ, а ты поспѣшишь для меня,—пожалуйста, не пріѣзжай, поспѣшишь для меня... а для себя? тебѣ *скучно* будетъ *веселиться* безъ меня.

Я сшила Сашкѣ *экарлатную* [6]), какъ ты говоришь, рубашечку,—и какъ онъ милъ въ ней,—привези же ему поясокъ.

1) Татьяна Алексѣевна Астракова.

2) *Приписка въ оригиналѣ*: ,,Вспомня мое протяжное пѣніе въ носъ:" тошно...не...возможно по ёмъ не тужить".

3) Прежде стояло: ,,въ такомъ".

4) Вѣрно, надо читать: ,,открывать"?

5) Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій еще въ октярбѣ 1839 года перебрался изъ Москвы въ Петербургъ. У А. И. былъ съ нимъ важный споръ въ Москвѣ, должно быть, — осенью того же года, когда А. И. вмѣстѣ съ семьей пріѣзжалъ мѣсяца на два въ Москву. Бѣлинскій утверждалъ, что все, что дѣйствительно, то разумно, и восторгался стихами Пушкина: ,,Бородинская Годовщина". Герценъ былъ противнаго мнѣнія, и они разошлись. Но въ Петербургѣ уже въ 1840 г., они снова свидѣлись: Бѣлинскій доблестно отказался отъ своего мнѣнія, и друзья протянули другъ другу руки на крѣпкую дружбу.

6) Ecarlate „ярко красную".

Не знаю безъ тебя, что читать; выбирала, выбирала изъ Шиллера—читаю стихи его, они мнѣ ясны, понятны, иногда мнѣ кажется, что онъ живъ, что знаетъ тебя, любитъ, и голосъ его доступенъ такъ, такъ отраденъ душѣ [1]).

Мнѣ жаль, душка, что я такая невѣжда, и некогда учиться; мнѣ хотѣлось бы, пока можно, самой заниматься Сашкой. Прощай, ангелъ мой. Благослови же меня и его.

19-е вторникъ. Когда-то письмо отъ тебя?—Прощай, мой ангелъ, будь здоровъ. Я каждую ночь видаю тебя во снѣ.—

Сашка цѣлуетъ твои ручки.

Обнимаю тебя.

Твоя Наташа.

А. И. Герценъ къ женѣ.

VI.

17 декабря СПБ. (1839) Ну вотъ, душечка, наконецъ твое письмо, мой ангелъ, моя безцѣнная подруга. И въ этомъ письмѣ видна ты, ты, моя Наташа. Сегодня мнѣ счастье, съ утра пошло хорошо, я былъ у Жуковскаго,—онъ тотъ Жуковскій, о которомъ писано въ I. Maestri, [2]) потомъ былъ у Ольги Алек. Жеребцовой [3]) и нашелъ столько привѣтливости и доброты, сколько [4]) не ждалъ.

[1]) Перечитывая Шиллера, поражаешься сходствомъ мыслей и думъ его героевъ съ мыслями и думами нашихъ идеалистовъ 30-хъ годовъ. Стоитъ прислушаться къ тому, что говоритъ, напр., даже Амалія въ „Разбойникахъ“ или Луиза въ „Коварствѣ и Любовь“, чтобы найти сходство ихъ мыслей съ тѣми, которыя проводила Нат. Алекс., будучи еще невѣстой, въ своей перепискѣ, проводила тогда, когда еще она сама мало была знакома съ Шиллеромъ. Несомнѣнно, что всѣ такія мысли витали тогда въ воздухѣ и стояли въ умахъ лучшихъ людей.

[2]) Извѣстно, что В. А. Жуковскій, сопровождая своего царственнаго воспитанника, в. к. Александра Николаевича, въ путешествіи по Россіи, въ Вяткѣ встрѣтился съ ссыльнымъ А. И., выказалъ ему много вниманія и далъ обѣщаніе хлопотать объ его возвращеніи въ Москву. Эту встрѣчу съ Жуковскимъ рядомъ съ другими болѣе ранними встрѣчами (—съ Дмитріевымъ, Витбергомъ) А. И. описалъ въ своей статьѣ „I Maestri“, которая въ совершенно измѣненномъ видѣ вошла частію въ его „*Записки*“

[3]) Ольга Александровна Жеребцова — знатная, богатая дама, старая пріятельница отца Герцена, который, отпуская сына въ Петербургъ, вручилъ ему нѣсколько рекомендательныхъ писемъ. Одно изъ этихъ писемъ было къ Жеребцовой. А. И. во II т. „*Записокъ*“ говоритъ, что былъ *въ первый разъ* у Жеребцовой въ свой второй пріѣздъ въ Петербургъ въ 1840 г. Какъ видимъ, это не вѣрно, онъ запамятовалъ. Дружба Жеребцовой съ отцомъ А — а И—ча“ шла,—какъ говорится въ «Запискахъ», съ незапамятныхъ временъ; онъ познакомился съ ней, когда она была при дворѣ Екатерины II, потомъ они встрѣтились въ Парижѣ, вмѣстѣ ѣздили туда и сюда, наконецъ оба пріѣхали домой на отдыхъ, лѣтъ тридцать тому назадъ». (183 стр. II т).

[4]) Раньше было „что“ и зачеркнуто.

Пришелъ домой—твое письмо. Я прочелъ его—и тоска, какъ бывало въ Вяткѣ; мнѣ сдѣлалось узко въ комнатѣ, захотѣлось бѣжать къ Невѣ, на Невскій Проспектъ, гдѣ бы было обширно, гдѣ бы ничто не тѣснило моего счастья. Наташа, о, напрасно сказала ты какъ-то, что я ужъ не влюбленъ въ тебя. Другъ мой, напрасно.

Я былъ у Анны Александровны [1]), она и ея мужъ приняли меня, какъ брата, просили переѣхать къ нимъ; я просидѣлъ цѣлый вечеръ, говорили о тебѣ, о будущемъ пріѣздѣ, о томъ и о семъ, и я тутъ только узналъ продѣлку Алексѣя Александровича: [2]) онъ сжегъ духовное завѣщаніе вашего отца.

С.—un homme répandu [3]). Въ вицъ мундирѣ, въ башмакахъ — вальсируетъ по паркету.

Я больше и больше вглядываюсь въ Петербургъ. Ко многому привыкъ, ко многому никогда не привыкну. Мнѣ часто бываетъ досадно, когда я долго займусь чѣмъ-нибудь новымъ, досадно, что въ эти минуты не чувствую разлуки— и мнѣ тотчасъ представишься ты печальная, и одинъ утѣшитель — Сашка. Я рвусь домой—но опредѣленно сказать, когда ѣду,—нельзя.

Мои письма ужасно безпорядочны и сбиты отъ вѣчной суеты; здѣсь, ежели люди мѣшаютъ мнѣ меньше, нежели въ Москвѣ, такъ дома, [4]), улицы мѣшаютъ, и не то, чтобы я на нихъ радовался, или чему—нибудь радовался, нѣтъ, какъ то первое впечатлѣніе по въѣздѣ было не въ пользу Петербурга [5]), и сердце сжалось, и до сихъ поръ недоступно истинной радости,—но это только до Эрмитажа;—тамъ надѣюсь провести чудный день—билетъ ужъ есть.

18-го. Здоровы ли вы, мои дѣти, Наташа и Сашка? Фу, какая даль въ самомъ дѣлѣ—900 верстъ! Я сегодня иду смотрѣть Каратыгина въ Гамлетѣ, еще ни разу не былъ въ театрѣ; вообще я воображалъ, что буду еще больше суетиться, метаться; а, можетъ, и оттого я мало даю воли душѣ, что дѣла много, хлопотъ довольно сухихъ и скучныхъ.

Объяви Сашкѣ мое благоволеніе за приписку,—я такъ живо, ясно вижу его передъ собой: «ну, тяни же рученки къ папѣ». Я не забылъ о поясѣ ему, но не могу догадаться—какой. Поѣду на дняхъ въ лавки, т. е. на Невскій Проспектъ съ Анной Александровной [6]) и разомъ куплю нужное.—Скучно, другъ мой, встрѣ-

[1]) Анна Александровна Орлова, старшая родная сестра Н—и А—ы, была замужемъ въ Петербургѣ, жила очень богато и кончила жизнь трагически.

[2]) Алексѣя Александровича Яковлева — роднаго брата Н—и А—ы, котораго прозывали „химикомъ" и которому досталось все состояніе послѣ отца, Александра Алексѣевича Яковлева.

[3]) С.—„человѣкъ, имѣющій много знакомыхъ".

[4]) Вспомнимъ, какъ поразилъ его дворецъ въ Петербургѣ, памятникъ Петру Великому и т. д.

[5]) „Пріѣхавши часовъ въ девять вечеромъ въ Петербургъ, я взялъ извощика и отправился на Исакіевскую площадь — съ нея хотѣлъ я начать знакомство", съ Петербургомъ,— такъ разсказываетъ А. И. въ „Запискахъ" о своемъ первомъ пріѣздѣ въ Петербургъ. „Все было покрыто глубокимъ снѣгомъ, только Петръ I на конѣ мрачно и грозно вырѣзывался середь ночной темноты на сѣромъ фонѣ"... (159).

[6]) Съ Анной Александровной Орловой.

тишь ты праздникъ, да и я не веселѣе, скоро оба мы будемъ встрѣчать и провожать его здѣсь, въ Петербургѣ.—Я видѣлся съ Арсеньевымъ, [1]) — кажется по всему, не долго намъ жить во Владимірѣ,— жалѣть нечего, ибо и Иванъ Эммануиловичъ не долго останется [2]). Завтра буду опять писать. Прощайте, мои милые.

Что хочешь дѣлай, а тоски не заглушить.

Твой Александръ.

Благословляю васъ.

На этомъ же листочкѣ надпись:

„Натальѣ Александровнѣ Герценъ".

VII.

(Декабря) 18. Вечеръ поздно. (1839 г.). Великъ, необъятенъ Шекспиръ! Я сейчасъ возвратился съ Гамлета, и повѣришь ли — не токмо слезы лились изъ глазъ моихъ, но я рыдалъ. Нѣтъ, не читать, это надобно видѣть (voir c' est avoir [3]) для того, чтобъ усвоить себѣ. Сцена съ Офеліей и потомъ та, когда Гамлетъ хохочетъ послѣ того, какъ король убѣжалъ съ представленія, были превосходно сыграны Каратыгинымъ; и безумная Офелія была хороша. Что это за сила генія такъ уловить жизнь во всей необъятности ея отъ Гамлета до могильщика. А самъ Гамлетъ страшный и великій [4]). Правъ Гёте — Шекспиръ творитъ, какъ Богъ: тутъ ни дополнять, ни выражать нечего, его созданіе есть потому, что есть, его созданіе имѣетъ непреложную реальность и истинность... Я воротился домой весь взволнованный... Теперь вижу темную ночь, и блѣдный Гамлетъ показываетъ на концѣ шпаги черепъ и говоритъ: „тутъ были губы, а теперь ха, ха...!"—ты сдѣлаешься больна послѣ этой пьэсы. —Завтра въ Эрмитажъ.

Еще письмо отъ тебя. Твоя душа, мой ангелъ, такая же безконечная поэма любви, въ ней та же грація, какъ въ высочайшихъ произведеніяхъ художества, художникъ Богъ не уступитъ Рафаэлю. Все въ твоемъ письмѣ дышетъ любовью, проникнуто поэзіей. Я перечитываю и перечитываю, и тотчасъ станетъ радостно и захочется сѣсть въ дилижансъ и мчаться, мчаться, и обнять душку, и поцѣловать лапку, которая подписалась подъ письмомъ своимъ портретомъ. Да, мы счастливы,—а *они* [5])—нѣтъ! О. звалъ меня поговорить объ этомъ; я сказалъ ему

[1]) К. И. Арсеньева Герценъ встрѣтилъ въ Вяткѣ вмѣстѣ съ Жуковскимъ.

[2]) И. Эм. Курута—недолго останется губернаторомъ во Владимірѣ.

[3]) „Видѣть, значитъ обладать".

[4]) Эта драма Шекспира давно поражала А. И. своей художественно изображенной правдой. Онъ писалъ о Гамлетѣ въ „Перепискѣ" съ своей невѣстой еще изъ Вятки и совѣтовалъ ей непремѣнно прочесть это произведеніе.

[5]) *Они*—т. е. Н. П. Огаревъ съ своей женой, Марьей Львовной.

дѣло и спросилъ: кто виноватъ? Слезы были у него на глазахъ, и онъ, наконецъ сказалъ: „Que faire? à présent on ne peut plus changer [1]). — Онъ страдаетъ и мечтаетъ облегчить свою грудь, помиривши насъ, мы помирились,—но онъ, вѣрно, не меньше страдаетъ.

19 декабрь. Въ ней есть поэзія [2]); но это невысокая поэзія avec minauderies, avec coquetterie [3]), за то сердца нѣтъ, я не вѣрю, чтобъ она любила его, она обманываетъ, а ежели и любитъ, то что это за любовь. Ссора за меня такъ далеко было зашла, что она предлагала разстаться. Скорѣй разстаться, нежели пожертвовать гордостью. Понимаешь ли ты это? Отвернемся, это страшно, какъ сцена изъ Гамлета.

Когда я смотрѣлъ на Татьяну Петровну, мнѣ пришло въ голову: такъ я встрѣчусь съ Полиной [4]), можетъ. Онѣ обѣ были хороши до замужества; но міръ высшій, который одинъ придаетъ человѣку печать духа Божія, блескъ и торжественность, не были для нихъ *необходимостью*. Онѣ *могли* удовлетвориться вседневными заботами... Да за что же я говорю о Полинѣ, можетъ, она и не такова. *Можетъ*, но не больше. А за тебя я ручаюсь, даже въ этомъ отношеніи ручаюсь за Марію [5]) (хотя она умомъ, а не сердцемъ подымается въ сферу пообширнѣе хозяйственной). Какое разстояніе между человѣкомъ въ самомъ дѣлѣ и добрымъ человѣкомъ! Сколько ступеней отъ Гёте до Зонненберга [6])! и всѣмъ ладно, у каждаго и свое счастье, и своя полнота жизни, и свое мѣсто. Чудеса!

Вечеръ. Сегодняшній день провелъ я въ Эрмитажѣ. Но не жди ни описаній, ничего. Какой гигантъ долженъ быть тотъ, кто можетъ сразу оцѣнить, почувствовать, восхищаться *40 залами* картинъ. Тутъ надобно мѣсяцъ времени. Да и я вовсе не умѣю смотрѣть на галлерею. Какъ было бы въ душѣ твоей, еслибы тебѣ прочли: пѣснь Миньоны, главу Онѣгина, Фауста, куплеты Беранже, оду Шиллера и проч. за одинъ присѣстъ. Когда я взошелъ въ V и VI залу, я былъ

[1]) Прежде было написано: „c'est trop tard" и зачеркнуто (т. е. „слишкомъ поздно"). *Переводъ*: „Что же дѣлать? теперь уже измѣнить нельзя".

[2]) Т. е. въ женѣ Огарева, въ Марьѣ Львовнѣ.

[3]) „Съ жеманствомъ, съ кокетничаньемъ".

[4]) Съ Полиной Тромпетеръ—его вятской пріятельницей, которой онъ повѣрялъ въ Вяткѣ свою любовь къ Натальѣ Александровнѣ, тогда еще не Герценъ, а Захарьиной. Полина по отъѣздѣ А. И. во Владиміръ вышла замужъ за Скворцова, учителя Вятской гимназіи, усерднаго поклонника А—а И—ча.

[5]) За жену Огарева, Марью Львовну, въ которой Герценъ признавалъ безспорный природный умъ.

[6]) Это тотъ самый Зонненбергъ, который нѣкогда тонулъ въ Москвѣ рѣкѣ и былъ спасенъ, благодаря И. А. Яковлеву; послѣдній потомъ отрекомендовалъ его въ гувернеры къ Огареву. Благодаря Зонненбергу, Герценъ и Огаревъ часто видались въ дѣтствѣ, — въ дѣтствѣ же началась и ихъ крѣпкая дружба, съ которой они дошли до гроба.—Этотъ же Зонненбергъ въ послѣдствіи исполнялъ разныя порученія И. А. Яковлева,—между прочимъ долженъ былъ устроить и омеблировать домъ для А—а И — ча, когда тотъ былъ сосланъ въ Пермь.

неспособенъ вмѣщать ничего, душа была полна, и я смотрѣлъ *такъ* [1]). Нѣсколько картинъ Рафаэля,—узналъ ли бы я его безъ подписи? — Изъ всѣхъ я узналъ бы одну (замѣть, это моя узкость, а не художникова)—Мадонна и старикъ тотъ же. Чѣмъ дальше я всматривался въ черты мадонны, тѣмъ отраднѣе становилось въ душѣ, слезы навертывались: какая кротость и безконечность во взорѣ, какая любовь струится изъ него—вотъ такъ человѣческое лицо, есть оттиски божественнаго духа, а ребенокъ очень хорошъ, онъ какъ-то *задумчиво* улыбается Іосифу.. Фламандская школа—страсть люблю эти сцены, вырванныя изъ клокочущей около насъ жизни, это другая сторона искусства. У итальянцевъ идеализація тѣла, здѣсь жизни. Ну, здѣсь было довольно случая [2]) посмотрѣть на Теньера, Остадэ и пр., въ заключеніе меня поразила loggia [3]) Рафаэля, сдѣланная совершенно по Ватиканской. Представь себѣ огромную галлерею, въ которой нѣтъ нигдѣ вершка, гдѣ не было бы картинки или арабесковъ, или цвѣтка, или бѣлки... и все это дѣлано по рисункамъ Рафаэля, — и все имѣетъ единство такого украшенія стѣнъ, съ такою роскошью и избыткомъ генія, льющагося черезъ край, я и не могъ вообразить себѣ. Довольно.—Обѣдалъ у Le Grand, вечеромъ былъ въ Михайловскомъ театрѣ. Французская труппа прекрасная, но выборъ пьесъ плохъ. Тальони [4]) я еще не видалъ, билетъ достать довольно трудно.—Климатъ здѣсь для непривыкшаго ужасный; мнѣ кажется, что съ тѣхъ поръ, какъ я пріѣхалъ, все продолжается одна вьюга, неба не видать, дни продолжаются 4 часа, и темнымъ, холоднымъ ночамъ не помогаютъ газовые фонари. Зато обѣщаютъ чудныя ночи въ маѣ, на берегахъ Невы, — и ихъ-то мы увидимъ вмѣстѣ, мой другъ!

20 декабря. Ну дѣтушки,—мелкота, встали ли вы, здоровы ли, мои душки? Сашка, ѣшь кашу порядочно и не марайся! а ты, Наташа, будь весела и спокойна, пройдетъ десять дней декабря, да дней пять января, а я и тутъ, какъ тутъ.

Ѣду сейчасъ къ Жуковскому, тамъ рѣшимъ, что сдѣлать и куда опредѣлиться, и какъ, и пр. Прощай, не знаю, успѣю-ли сегодня приписать хоть строчку. Прощайте, мои милые. — А зачѣмъ вы это уронили, Катерина Александровна? вѣдь говорилъ, что разбудите [5])....

Хлопоты и хлопоты. — Прощай, въ слѣдующемъ письмѣ я могу написать, когда буду.

1) Тоже самое чувство испытывалъ онъ, когда въ 1847 г. попалъ въ Ватиканъ: „Въ галлереѣ человѣкъ черезъ часъ чувствуетъ, что онъ не въ состояніи понимать и все таки смотритъ по обжорству своей натуры». („Письма изъ Италіи“. 220 стр.).

2) Раньше стояло—„*мѣстъ*“, а потомъ зачеркнуто.

3) „Комната“.

4) Знаменитая танцовщица.

5) Екатерина Александровна Захарьина, сестра Н. А. Герценъ. Труня надъ ея неловкостью, А. И.,—по всему вѣроятію, трунитъ надъ собой. Про его неловкость въ ухаживаніи за сыномъ первенцемъ разсказываетъ Т. А. Астракова въ своихъ воспоминаніяхъ, которыя вошли въ составъ „Воспоминаній Т. П. Пассекъ“: „Александръ, желая помочь Наташѣ,—говорила она,—въ ухаживаніи за ребенкомъ, не умѣлъ взяться за это: брался ли отыскивать одѣяльце—приносилъ тряпку; хотѣлъ ли подать молока—обливалъ имъ себя. Иногда Наташа, смотря на его неловкость, смѣялась до слезъ, а онъ терялся, конфузился и даже сердился“ („Изъ дальнихъ лѣтъ“ Т. Пассекъ. т. II, 101 стр.).

VIII.

21 декабря 1839. Петербургъ. Дружокъ мой, знаешь ли ты, что можетъ очень легко сдѣлаться, что я 26 или 27 выѣду, и тогда 31 пріѣду въ Москву, а 3 во Владиміръ. Смерть хочется къ тебѣ, мой ангелъ. Дѣла идутъ теперь хорошо[1]), мое присутствіе не нужно, и я полечу, и буду летѣть, летѣть стремглавъ и обниму душку, и отдохну на ея груди, и поцѣлую Сашку, и все это скоро отъ 21 до 3, 12 сутокъ. О, какъ грудь трепещетъ при этой надеждѣ! Ужъ и гостинцы тебѣ куплены, стоитъ сѣсть, да ѣхать, и сяду, душка, и поѣду.

Вчера видѣлъ я Talioni, la grande, l'immense Talioni [2]). Тальони просто перышко, граціозное, милое, совершенно воздушное перышко райской птички. Какъ она танцовала Bollero [3]), что за избытокъ граціи и изящества!—ну, да это дѣло рѣшенное; объ этомъ нынче ужъ и не говорятъ.

У Анны Александровны Орловой бываю; по наружности она очень хочетъ быть близка съ нами, но по внутренности — то знаетъ одинъ Богъ. Прощай, ѣду слушать Robert le Diable.

Мы перейдемъ въ Петербургъ непремѣнно. Я сегодня подамъ бумагу и мѣсяца черезъ три явлюсь сюда съ тобою [4]). Радоваться этому или нѣтъ, право, не знаю,—qui vivra verra[5]).

23 декабря. Вотъ тебѣ, другъ мой, подарокъ къ Рождеству. — Я завтра ѣду отсюда въ Москву и, стало, 1-го или 2-го обниму. Ну, и больше ни слова,— жди. Хлопотъ, дѣла ужасно много.

Прощай.

А. Герценъ.

Благословляю Сашку.

Отъ доброй и милой Анны Александровны поклонъ привезу лично.

Н. А. Герценъ къ мужу.

VI.

(Декабря) 21-е четвергъ. (1839 г. Владиміръ). Скоро 12, ночь. Еслибъ я была не въ постели, еслибъ это было можно, еслибъ Андрей [6]) понялъ меня, я сжала бы его руку, облила бы ее горячими слезами благодарности.—Два

1) Дѣла по переводу и по полученію чина коллежскаго ассессора, — хлопотать о чемъ по желанію отца и ѣздилъ А. И. въ Петербургъ,—какъ говорится въ „Запискахъ“.

2) „Великую, обширную Тальони“.

3) Испанскій танецъ.

4) Дѣйствительно А.И.Переѣхалъ въ Петербургъ, но не черезъ 3, а черезъ 4 мѣсяца— въ половинѣ мая 1840 г.

5) „Поживемъ — увидимъ“.

6) Андрей слуга,который принесъ ей съ почты въ 12-мъ часу ночи письмо отъ А—а И—ча

Сошествіе Ноя съ Арарата – ориг. рис. И. К. Айвазовскаго.

VIII.

21 декабря 1839. Петербургъ. Дружокъ мой, знаешь ли ты, что можетъ очень легко сдѣлаться, что я 26 или 27 выѣду, и тогда 31 прiѣду въ Москву, а 3 во Владимiръ. Смерть хочется къ тебѣ, мой ангелъ. Дѣла идутъ теперь хорошо[1], мое присутствiе не нужно, и я полечу, и буду летѣть, летѣть стремглавъ и обниму душку, и отдохну на ея груди, и поцѣлую Сашку, и все это скоро отъ 21 до 3, 12 сутокъ. О, какъ грудь трепещетъ при этой надеждѣ! Ужъ и гостинцы тебѣ куплены, стоитъ сѣсть, да ѣхать, и сяду, душка, и поѣду.

Вчера видѣлъ я Talioni, la grande, l'immense Talioni![2]. Тальони просто перышко, грацiозное, милое, совершенно воздушное перышко райской птички. Какъ она танцовала Bollero[3], что за избытокъ грацiи и изящества!—ну, да это дѣло рѣшенное; объ этомъ нынче ужъ и не говорятъ.

У Анны Александровны Орловой бываю; по наружности она очень хочетъ быть близка съ нами, но по внутренности — то знаетъ одинъ Богъ. Прощай, ѣду слушать Robert le Diable.

Мы перейдемъ въ Петербургъ непремѣнно. Я сегодня подамъ бумагу и мѣсяца черезъ три явлюсь сюда съ тобою[4]. Радоваться этому или нѣтъ, право, не знаю,—qui vivra verra[5]).

23 декабря. Вотъ тебѣ, другъ мой, подарокъ къ Рождеству. — Я завтра ѣду отсюда въ Москву и, стало, 1-го или 2-го обниму. Ну, и больше ни слова,—жди. Хлопотъ, дѣла ужасно много.

Прощай.

А. Герценъ.

Благословляю Сашку.

Отъ доброй и милой Анны Александровны поклонъ привезу лично.

Н. А. Герценъ къ мужу.

VI.

(Декабря) 21-е четвергъ. (1839 г. Владимiръ). Скоро 12, ночь. Еслибъ я была не въ постели, еслибъ это было можно, еслибъ Андрей[6]) понялъ меня, я сжала бы его руку, облила бы ее горячими слезами благодарности.—Два

1) Дѣла по переводу и по полученiю чина коллежскаго ассессора, — хлопотать о чемъ по желанiю отца и ѣздилъ А. И. въ Петербургъ,—какъ говорится въ „Запискахъ“.

2) „Великую, обширнук Тальони“.

3) Испанскiй танецъ.

4) Дѣйствительно А.И.Переѣхалъ въ Петербургъ, но не черезъ 3, а черезъ 4 мѣсяца—въ половинѣ мая 1840 г.

5) „Поживемъ — увидимъ“.

6) Андрей слуга, который принесъ ей съ почты въ 12-мъ часу ночи письмо отъ А—а И—ча

Сошествіе Ноя съ Арарата — ориг. рис. И. К. Айвазовскаго.

дня не писала я, не писала тебѣ, мой ангелъ, *нечего было*,— да, прежде этого не случалось, прежде досугъ былъ [1]) жить внутри и переливать всю эту жизнь на бумагу въ разлукѣ съ тобою; теперь Саша завладѣлъ этимъ, я разсѣянна, большая часть жизни въ дѣйствіяхъ. Къ тому жъ мнѣ было грустно, тяжело; какъ заблудившійся въ лѣсу ждетъ звука роднаго голоса, какъ слѣпой—луча солнца, такъ я твоего письма. Ужъ доживу ли я до нынѣшняго вечера? думала я давеча утромъ; вечеръ пришелъ, а почта не приходила... Ужасъ, грустно, ужасъ! доживу ли до утра? Уложила Сашку, легла сама, взяла ужъ перо—погрустить съ тобою вмѣстѣ,— вдругъ письмо! Ангелъ мой, душка моя, отъ тебя письмо! Читаю его, читаю, перечитываю и плачу—Александръ, другъ мой; ты благополучно доѣхалъ, ты здоровъ — о, слава Богу, слава Богу! Но грустишь, зачѣмъ грустишь? я не ждала этого отъ тебя, это поразило меня, я плакала; Александръ, зачѣмъ ты грустишь? мы здоровы, спокойны, мы веселы, лишь бы письма были чаще. Душка, нѣтъ, если тебѣ хочется, если еще много интереснаго — не спѣши, я же еще не дошила пунцовой рубашки Сашкѣ, въ которой онъ долженъ тебя встрѣтить. Хочется писать много, но нѣтъ, прощай, надо отдохнуть, благословимъ другъ друга, обнимемся—и его [2]), твоего сына, благослови [3]) — взгляни, какъ онъ милъ—ну, перекрести и спи.

Утро. 22 пятница. Что жъ я вчера тебѣ не досказала? — Посылала на почту Филиппа,—онъ сказалъ: „Почта еще не пришла и разбирать будутъ завтра. У меня цѣлый вечеръ сидѣла Софья Ѳедоровна. Я послала Андрея за санями къ нимъ въ домъ; онъ зашелъ на почту и ждалъ тамъ до 12 часовъ,—видишь, какъ мнѣ хорошо безъ тебя, *какъ мнѣ служатъ*.

Проснулся ли ты, мой ангелъ? 7-й часъ, семья твоя давно не спитъ. Я каждое утро—предолго вожусь съ Сашкой на постели... Боже мой, какъ мнѣ это странно—ты въ Петербургѣ, я—здѣсь, и черезъ шесть дней только можемъ узнать другъ о другѣ вѣсточку! — Послѣ 9 мая мнѣ это казалось невозможнымъ, но повторяю, мой ангелъ, я не заслуживаю упрека, — только ты-то зачѣмъ грустишь?

Ты пишешь—не болѣе двухъ недѣль,—вотъ ужъ одна прошла, остается еще одна, да нѣсколько дней на дорогу и житье въ Москвѣ,—все, стало, ты будешь не ближе, какъ къ десятому. Приходи скорѣе, это время.

12 часовъ вечеръ. Сашка сидитъ пресмирно и все шепчетъ: дай, дай, дай!... а нянюшка безпрерывно болтаетъ, надоѣла ужасно, а замолчать велѣть—совѣстно. Сашка ужъ больше ничего не говоритъ, какъ—дай, дай, дай. Меня радуетъ, что онъ вовсе не дикъ, ко всѣмъ идетъ, даже Найденова [4]) беретъ за бороду. Я хотѣла навѣстить сегодня Кожину (она, бѣдная, ужасно больна, весь ротъ болитъ у нея — слѣды алопатіи) — да Софья Ѳедоровна не заѣзжала за мной. Юлія Ѳ. уѣхала въ Юрьевъ, въ день своего рожденья она пріѣзжала ко мнѣ. — Душка,

[1]) Далѣе зачеркнуто два слова.

[2]) Всѣ послѣдующія строки писаны слабо, неровно, нетвердой рукой.

[3]) Вставлено слово.

[4]) Алексѣя Найденова, сына старосты Найденова.

будешь писать въ Вятку,—напиши всѣмъ отъ меня, Полину поздравь съ 30-мъ. Да не забудь, у тебя не записано въ коммиссіяхъ купить что-нибудь Вѣрѣ Александровнѣ. — Не хочется мнѣ ѣхать къ Похвистневымъ, ихъ не хвалятъ очень. Но на праздникахъ надо будетъ съѣздить.

Меня замучилъ бѣдный Алексѣй Найденовъ, безпрестанно приходитъ просить, а я что могу? И. Эм. все забываетъ узнать объ его дѣлѣ, а мнѣ ужъ совѣстно въ десятый разъ напоминать,—да и какая польза?[1]).

И такъ, мой ангелъ, ты ужъ колеблешься въ своемъ намѣреніи поселиться въ Петербургѣ,—меня что-то страшитъ тамошняя жизнь—„городъ пышный“..... куда-бъ-нибудь, гдѣ потеплѣе, попривѣтнѣе, гдѣ больше солнца, меньше камня. А видно намъ не суждено съ О.[2]) жить даже въ одномъ городѣ, — а, помнишь, мечтали объ одномъ домѣ? Она пишетъ, что ужъ не хочетъ въ Петербургъ, что въ Москвѣ ей очень хорошо; мнѣ кажется, именно потому, что мы будемъ тамъ. А тебѣ, душка, некому было указать въ нашемъ домѣ, гдѣ мой уголокъ тамъ былъ, гдѣ я играла, гдѣ спала. Можетъ быть, ты изъ того окна смотрѣлъ на Неву, у котораго я такъ любила сидѣть на столѣ. Счастлива я была въ этомъ домѣ, любима, лелѣема[3]).

Птицъ хорошо видѣть во снѣ. Ты мнѣ снился каждую ночь и часто больнымъ, грустнымъ... ахъ, душка моя, какъ бы я полетѣла взглянуть на тебя! Конечно, большую часть времени, ты занятъ, разсѣянъ, а потомъ часы отдыха, часы досуга — одинъ, все одинъ и некому отъ души разсказать, и некому отъ души послушать.... о, мой ангелъ, мой милый другъ, люблю я тебя.

На дняхъ у меня была проѣздомъ Emilie[4]), два-три часа я провела очень пріятно,—неувидишься ли ты съ ней въ Москвѣ? можетъ быть, она тамъ останется и выйдетъ замужъ[5]).

[1]) А. И. Герценъ, какъ вернулся во Владиміръ, самъ принялся хлопотать о Найденовѣ: онъ бросился къ губернатору, но тотъ отклонилъ отъ себя всякое вмѣшательство; онъ къ предсѣдателю, къ совѣтникамъ уголовной палаты—они качаютъ головой. Тогда онъ къ гр. Эссену. Эссенъ говоритъ, что онъ не хотѣлъ ему зла: „пусть его посудятъ, да и отпустятъ“. — Однако Найденова присудили къ наказанію плетьми и къ ссылкѣ въ Сибирь. Герценъ опять поѣхалъ кланяться и добился того, что, наказавши плетьми, его оставили на мѣстѣ жительства. („*Записки*“, т. I, 335). Но потомъ оказалось, что и наказаніе плетьми было мнимое, стояло только на бумагѣ.

[2]) Съ Огаревыми.

[3]) Эти слова Н—и А—ы вполнѣ опровергаютъ сообщеніе П. В. Анненкова въ его статьѣ „Идеалисты тридцатыхъ годовъ“, что будто бы А. А. Яковлевъ прозванный «химикомъ“ *долго скрывалъ Н. А. вмѣстѣ съ* другими своими сестрами и братьями *въ одной изъ своихъ деревень*. „*Впослѣдствіи* Н. А., — продолжаетъ Анненковъ — попала въ домъ побочной тетки, кн. Хованской, которой полюбилась: тутъ она и получила первоначальное воспитаніе *въ видѣ поправки несправедливости, ей оказанной отцомъ*“... Н. А., какъ извѣстно изъ „Переписки“, прямо изъ дома отца, изъ Петербурга, гдѣ ей по ея собственному признанію было такъ хорошо,—попала въ домъ кн. Хованской, и никогда небыла въ деревнѣ.

[4]) Эмилія Михайловна Аксбергъ—ея бывшая гувернантка, съ которой Н. А. была очень дружна. Онѣ повѣряли другъ другу свои тайны, и обѣ обожали А—а И—ча. У Эмиліи Михайловны былъ несчастный романъ съ однимъ изъ товарищей А—а И—ча, съ Н. М. Сатинымъ.

[5]) Женихомъ теперь уже былъ не Сатинъ, а другой.

Сегодня сочельникъ, мы ужасно постничаемъ. А бѣдная Катенька все хвораетъ. Ну что, видѣлъ ли ты Анну Александровну, и пр?...—Что твое здоровье, душка моя, головныя боли? о, Господи, кто походитъ за тобой, кто тебѣ будетъ надоѣдать заботами? — Доволенъ ли ты Матвѣемъ?

Прощай, цѣлую тебя, благослови насъ, а мы тебя благословляемъ.

23-е. Какъ неизвѣстно все будущее! Кто бъ изъ насъ повѣрилъ, что послѣ 9-го мая мы встрѣтимъ два раза новый годъ прегрустно — разъ подлѣ моей постели, другой—такъ далеко отъ меня?... Теперь меня не мучаетъ [1]), какъ прежде, вопросъ: что-то будетъ? „ich habe geliebt und gelebt“ [2]) а Сашка? ich habe noch nicht geendet [3]). Но вѣры больше, любви больше и меньше страха. Прощай, мой ангелъ, смотри же, веселись праздники! Буду писать къ Марiи и ко всѣмъ Николаямъ[4]).—Ну, благословимъ другъ друга—обнимемся.

Твоя, твоя Наташа.

А. И. Герценъ къ женѣ.

IX.

27 декабря (1839). Москва. Душка, душка, знаешь ли ты, что я уже въ Москвѣ? 23 выѣхалъ изъ Петербурга и вчера вечеромъ очутился здѣсь и все, что надобно, сдѣлалъ; никто глазамъ не вѣритъ, что я въ самомъ дѣлѣ я, и не на Невскомъ проспектѣ, а на Арбатѣ. Любовь носитъ быстро: я летѣлъ къ тебѣ, мой другъ, и дня черезъ четыре, ежели отпуститъ [5]) поскачу во Владимiръ.

Я смертельно обрадовался, въѣхавъ въ Москву. Москва не замѣнится въ моей душѣ Петербургомъ [6])—и не по однимъ воспоминанiямъ. Петербургъ холодный, угрюмый, полурусскiй, покрытый туманами, совсѣмъ не то, что наша Москва, звонящая тысячью колоколами, народная. А климатъ Петербурга? — Я тамъ не видалъ солнца; жить тамъ всегда—страшно и подумать [7]).

Ну, что вы мои милые? Скажи Сашкѣ, что я ему везу мячикъ, поясъ и игру-

[1]) Зачеркнуто слово.

[2]) Переводъ: „я любила и жила“.

[3]) Переводъ: „я еще не докончила“.

[4]) Всѣ самые близкiе товарищи Герцена носили имена Николаевъ: Николай Платоновичъ Огаревъ, Николай Христофоровичъ Кетчеръ, Николай Михайловичъ Сатинъ и др.

[5]) Папенька, Иванъ Алексѣевичъ Яковлевъ.

[6]) „А я люблю Москву, люблю ее за ея русскiй характеръ, люблю за воспоминанiя юности, люблю за тебя, Наташа. Господь благословитъ стѣны города, хранящiя ангела. Слово „Москва“ у меня нераздѣльно съ мыслью о свиданiи“ („Переписка“).

[7]) „Я оставилъ Петербургъ съ чувствомъ очень близкимъ къ ненависти. А между тѣмъ дѣлать было нечего, надо было перебираться въ непрiязненный городъ“. („Записки“, т. II, 163).

шку. Здоровъ ли онъ — часто мечтаю я объ немъ, онъ какъ то нераздѣленъ сталъ и съ тобою, и съ нашей любовью, и съ самой жизнью.

Послѣднее письмо, которое получилъ отъ тебя, было отъ 16-го—прелестное письмо, какъ всѣ; и Ог. [1])—дивно хороши, — я не могъ удержать слезы, читая выписки изъ его письма. Я не видалъ его еще,—сегодня увижу... Странно располагается наша жизнь, надобно итти по волѣ сильнаго начала, распредѣляющаго людьми. Этотъ ужасный и рѣшительный вопросъ—Москва или Петербургъ—такъ страшно явился и требовалъ, какъ въ военномъ судѣ, рѣшенья въ 24 часа, — я думалъ, думалъ и подалъ просьбу министру [2]). А видитъ Богъ — легко ли мнѣ оставить еще на два года (по крайней мѣрѣ) Москву и Николая [3]).— Но дѣло рѣшено. И мы весною въ Петербургѣ, и Петербургъ весною хорошъ, и у него есть майскія ночи, лунныя, приморскія.

Ты, должно быть, вмѣстѣ съ этимъ письмомъ получишь посланное изъ Петербурга 23-го и, можетъ, побранишь меня за краткость моихъ писемъ вообще—и дурно сдѣлаешь. Ежели бъ ты знала, какъ я метался въ Петербургѣ, какъ былъ занятъ! Вспомни—и я *въ 9 дней* [4]) успѣлъ все привести къ концу— и такъ, насколько короче письма, настолько короче разлука.

Кат. Александровнѣ поклонъ; везу ей на платье [5]) отъ себя, да серьги отъ Орловой.

За симъ благословляю васъ и поручаю покрову Божію.

Твой Александръ.

Вѣроятно, въ субботу напишу послѣднее письмо [6]).

Юліи Ѳедоровнѣ я не приписываю почтенія:—скажу на словахъ его.

Н. А. Герценъ къ мужу.

VII.

Владиміръ. 1839. Дек. 27. Куда пошлю это письмо — въ Петербургъ или въ Москву?... Восемь дней остается [7])... завтра узнаю все. Душка, душка, знаешь ли, вѣдь, ты скоро пріѣдешь, порадуйся, ангелъ мой, ахъ, какое торжество! Нѣтъ ужъ терпѣнья не достаетъ. Въ иныя минуты я чувствую себя такою сиротою, особенно когда Сашка долго спитъ. Мертвая тишина.... ни звука род-

1) Т. е. и письмо Огарева.

2) Министру внутреннихъ дѣлъ, графу Строгонову.

3) Друга — Николая Платоновича Огарева. Всѣ желанія мужа и жены были за Москву, но отецъ А—а И—ча хотѣлъ, чтобы онъ непремѣнно изъ Владиміра ѣхалъ служить въ Петербургъ.

4) Въ „Запискахъ" говорится—въ три недѣли. Ясно, что А. И. забылъ. „Я и то недолго оставался въ мой первый пріѣздъ. *Въ три недѣли я* все покончилъ и къ новому году прискакалъ назадъ во Владиміръ". (*„Записки"*. Т. II. Стр. 162).

5) Неразобрано слово.

6) Онъ самъ пріѣхалъ, вмѣсто письма.

7) До окончанія 28 дневнаго отпуска, на который поѣхалъ А. И. изъ Владиміра.

наго, ни взгляда; такъ грустно, грустно сдѣлается; тогда я сажусь подлѣ сонпаго Сашки или хожу смотрѣть на него часто. Вѣдь, бывало же,— ты дома, а я долго не вижу тебя (боюся идти въ кабинетъ, прогонишь), но ужъ одна мысль, что ты тутъ, близко, что я *могу* видѣть тебя,—поддерживаетъ меня на той ступенькѣ, на которую возвело меня 9-го мая, я имѣю совершенную силу и свободу дѣйствовать, думать, мнѣ ничто не мѣшаетъ, мнѣ хорошо, а теперь.... я не умѣю попрежнему шага сдѣлать, какъ-то несмѣло ступаю, все что-то такъ не полно, все не нужно кажется, и такъ все неловко, не хорошо, и все это потому, что тебя со мною нѣтъ, тебя мой Александръ! Не брани меня, ангелъ мой, за все это, прости великодушно. Не все же я такая слабая, недостойная тебя, бываетъ время, когда я возношусь еще выше той ступени, на которую взвело 9-го мая, время—когда я *знаю*, что ты за 900 верстъ, и *чувствую*, что ты возлѣ меня, и вижу тебя, и слышу, о, въ эти минуты мнѣ вовсе не грустно, я не понимаю разлуки.—Лучшіе часы изъ [1]) цѣлаго дня—это когда я скажу—пора спать [2])—все утихаетъ, уснетъ половина, а я отправлюсь въ спальню, возлѣ тоже сонный Сашка,—тутъ я совершенно съ тобою, тутъ мнѣ ничто не мѣшаетъ. Съ тобою, ангелъ мой, я, если и не умѣю,—то хочу и съ величайшимъ удовольствіемъ заняться хозяйствомъ, мысль: *для тебя* [3]) —придаетъ каждой бездѣлицѣ большую важность и интересъ,— теперь же все это потеряло смыслъ, все стало пошло; кажется, ничего не нужно, кромѣ каши для Сашки,—еслибъ ею заключился весь кругъ дѣйствій моихъ (хозяйственныхъ)? нѣтъ, ужъ я въ заколдованномъ кругу, ужъ я *барыня*! жалкая, бѣдная роль, и никакими мечтами, ничѣмъ на свѣтѣ не отдѣлаешься отъ нея. Вотъ я думаю, коль мы будемъ вмѣстѣ въ Эрмитажѣ и увидимъ Рафаэлеву мадонну, она рисуется въ моемъ воображеніи... „Корыто лопнуло, стирать нельзя, чугунъ надобно купить, да горшокъ для каши“... О, Боже мой! я очень понимаю, что женщинѣ необходимо быть вмѣстѣ и Маѳой, и Маріей,—но—но—видно, не дается вмѣстѣ. Иногда я мучусь серіозно моей безталанностью, особенно когда придется душку кормить горькимъ масломъ [4]), о, тогда-бъ я желала быть коровницей.—Давеча Юлія Ѳеодоровна и Иванъ Эммануиловичъ были у меня. А у какой красавицы обѣдалъ ты, и не написалъ мнѣ, а??...

Право, душка, я читаю твое письмо и веселюсь, что ты теперь разсѣянъ, бываешь и тамъ, и сямъ, видишь и слышишь много [5]), тебѣ это нужно, я рада: тебѣ плыть по морю, по большой рѣкѣ по крайней мѣрѣ, а здѣсь болото.... только я ужасъ боюсь слѣдовъ Петербургскаго климата, ты ни разу не писалъ о своемъ здоровьи. Здѣсь вѣетъ ужасный холодъ и вѣтеръ, и потому я не могу никуда выѣхать.

Душка, запиши, пожалуйста въ свой [6]) портфель: 1-е. Матвѣю сходить къ Сашѣ [7]); 2. купить 2 ф. чаю по 7 р.; 3-е, фунта 3 конфектъ, сыру; —и,

[1]) Раньше стояло „всего“—и зачеркнуто.
[2]) Далѣе зачеркнуто одно слово.
[3]) Далѣе зачеркнуто: „дѣлается“.
[4]) *Сноска въ оригиналѣ*: „Ты еще не забылъ его? Чѣмъ то мнѣ угощать тебя послѣ обѣда у Le Grand? Охота, батюшки мои родимые!“
[5]) Далѣе зачеркнуто „здѣсь“.
[6]) Въ оригиналѣ стоитъ: „свою“.
[7]) Къ Сашѣ—горничной, которая продолжала жить въ Москвѣ.

пріѣхавши въ Москву, исполни эти коммиссіи, да запиши же, пожалуйста, обрати крошечку вниманія и прими трудъ. Тебя ни о чемъ не надо такъ много просить, какъ о вздорѣ.—Ну, помиримся. Руку—благословляю тебя, мой другъ, Господь съ тобою. Прощай, мой ангелъ.—Да когда же ты пріѣдешь? Каждыя сумерки я хожу съ Сашкой по комнатамъ и каждый разъ остановимся у окна, изъ котораго было видно, какъ ты уѣхалъ и изъ котораго будетъ видно, какъ пріѣдешь. „Тамъ папа, говорю я ему, и онъ смотритъ, смотритъ....

29-е. Что со мною было, ангелъ мой, какъ я получила письмо твое изъ Москвы — я не могу сказать. Едва перевожу духъ.... можетъ быть, ты встрѣтишься съ этимъ письмомъ на дорогѣ. Не хочется ничего писать, — говорить, говорить.

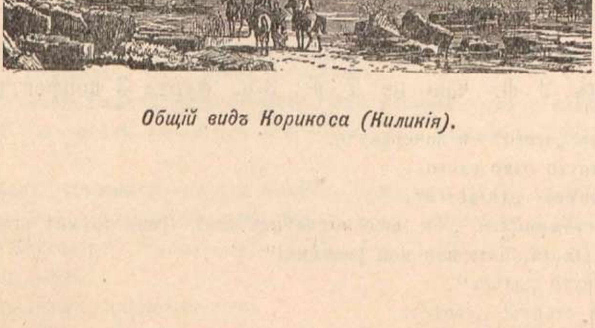
О, душка ты моя, ангелъ мой. Лети, лети, тебя ждутъ и Сашка, и Наташа — лети!...

30-е. Ангелъ мой, что жъ ты не ѣдешь? мнѣ ужъ опять стало грустно. Опять хочется хоть бы письмо получить. Пока я не узнала, что ты въ Москвѣ, ждала съ нетерпѣніемъ, а теперь каждая минута — сутки. Пріѣзжай, другъ мой, пріѣзжай.

Жена и сынъ обнимаютъ тебя.

Ну, если же ты новый годъ встрѣтишь въ Москвѣ.... я съ тобой буду, ангелъ мой, съ тобой.

На четвертой страничкѣ листа, вмѣсто адреса стоитъ: „Александру“.

Общій видъ Корикоса (Киликія).

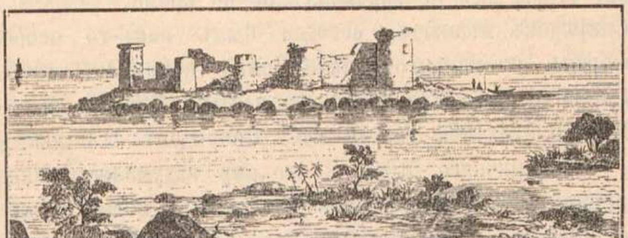
Изъ Джироламо Муціо.

Любовь есть свѣтъ, что сходитъ къ намъ оттуда,
Изъ царства звѣздъ, съ лазурной высоты,
Она въ насъ будитъ жажду чуда
И красоты.

И красота есть лучъ, который тонетъ,
Вдали отъ солнца, въ сумракѣ тѣней,
Когда оно его уронитъ
Въ умы людей.

И если духъ людской пронизанъ свѣтомъ,
Что шлетъ ему небесная звѣзда,
Онъ жадно мчится за отвѣтомъ —
Туда, туда!..

К. Бальмонтъ.

Крѣпость Корикосъ (Киликія).

Ночь.

Эскизъ.

I.

Они уже вышли... сказалъ онъ, когда начало стемняться, и въ передней избѣ зажгли сальную свѣчу.

— Кто вышелъ? спросилъ старикъ хозяинъ.

Онъ только опустилъ глаза и ничего не отвѣтилъ. Приставать съ распросами къ *нему* не полагалось. Въ избѣ царила тишина, нарушавшаяся только жалобнымъ воемъ зимняго вѣтра въ трубѣ. При *немъ* никто не смѣлъ говорить.

Потомъ *онъ* всталъ и старческой походкой вышелъ въ сѣни. Было слышно, какъ хлопнула дверь въ заднюю избу, гдѣ была въ боковушѣ устроена потаенная молельня. Въ избѣ продолжало царить молчаніе, потому что всѣ знали, что *онъ* ушелъ молиться. Старуха свекровушка, возившаяся у печи, старалась не стучать своими ухватами, сноха, молодайка Домна, закачивала на рукахъ полугодового ребенка, чтобы онъ не закричалъ не во время.

Свекоръ, Спиридонъ Агапычъ, сегодня былъ какъ-то особенно суровъ и старался не смотрѣть ни на кого. Сноха Домна понимала, что онъ труситъ. А вдругъ наѣдутъ и накроютъ раскольничьяго владыку Ираклія, котораго уже давно выслѣживаютъ? Не пустилъ-бы его къ себѣ Спиридонъ Агапычъ, да боялся идти противъ своего раскольничьяго міра. И что ему вздумалось, владыкѣ Ираклію, остановиться именно у него? Развѣ не стало другихъ боголюбивыхъ народовъ въ Озерномъ... Труслвъ былъ старикъ. Онъ боялся даже собственнаго сына Ефима, который характеромъ уродился въ мать. Со стороны это выходило даже смѣшно: отецъ былъ большого роста, плечистый и могутный мужикъ, а Ефимъ маленькій, сутулый, безбородый. Но физическая сила находилась у обоихъ въ обратно пропорціональномъ отношеніи съ нравственной. Собственно домъ вела матушка свекровушка, но и она поддавалась Ефиму, который забиралъ силу молча.

Владыко Ираклій нѣсколько разъ возвращался въ среднюю избу. Онъ, видимо, не могъ размолиться по настоящему. Худенькое, изрытое оспой лицо, съ

козлиной бородкой и глубоко посаженными сѣрыми глазками было полно тревоги. На видъ ему можно было дать подъ шестьдесятъ, но въ темныхъ волосахъ еще не было даже признаковъ старческой сѣдины.

— Ѣдутъ... бормоталъ онъ, поглядывая въ окно.

— Да кто ѣдетъ-то, владыко? спрашивалъ свекоръ.

— А кому надо, тотъ и ѣдетъ... Се женихъ грядетъ въ полунощи.

У Спиридона Агапыча захолонуло на душѣ отъ этихъ темныхъ намековъ. Молодайка Домна отвертывалась отъ пристальнаго взгляда владыки и дѣлала видъ, что укачиваетъ ребенка.

Вошелъ Ефимъ, задававшій на дворѣ кормъ скотинѣ. Владыко Ираклій посмотрѣлъ на него такъ любовно и сказалъ:

— Ты бы погрѣлся, Ефимушко... Вонъ какая непогодь.

— Мы привычны... отвѣтилъ Ефимъ, снимая полушубокъ.

На улицѣ поднималась настоящая вьюга. Вѣтеръ набѣгалъ порывами, обсыпая сухимъ снѣгомъ, точно его бросала невидимая рука. Старикъ каждый разъ крестился и шепталъ: „О, Господи милосливой?!.“ Владыко Ираклій сидѣлъ въ переднемъ углу у стола и тоже вздыхалъ.

— Немощенъ человѣкъ, а лукавства въ немъ преизбытокъ, — думалъ онъ вслухъ.— И все думаетъ сдѣлать лучше для себя, лукавый-то... А нѣтъ горше грѣха, какъ преданіе — предателю нѣсть покаянія. Да... Предатель-то тоже думаетъ, што все лучше дѣлаетъ.

Владыко Ираклій усмѣхнулся съ горечью, точно припоминая что-то далекое.

— А ежели преданіе по нуждѣ? спросилъ Спиридонъ Агапычъ, прислушиваясь къ завыванью вѣтра въ трубѣ.

Это одно мечтаніе... Такой нужды не бываетъ, и только наша душевная ложь. Отчего остуда, прекословіе, и неистовство? Сначала-то мы другихъ предаемъ, а потомъ себя начнемъ предавать...

— Значитъ, по твоему, владыко честной, всѣ предатели?

— Всѣ! рѣшительно отвѣтилъ Ираклій.—Самое легкое преданіе, когда человѣкъ предаетъ человѣка въ руки человѣковъ... Это даже на пользу иногда бываетъ, когда человѣкъ въ немощахъ силу обрѣтаетъ. Душевное злато ввергается въ горнило... ввергохомъ злато въ огонь, и изліяся телецъ. Путь узокъ и тернистъ, а ходящіе по нему сущи малобѣры и малоумы.

Дальше владыко Ираклій заговорилъ о послѣднихъ временахъ. Онъ говорилъ долго и убѣдительно и кончилъ тѣмъ, что началъ обличать безпоповщину съ ея подраздѣленіями на десятки толковъ.

— Какъ гнилое мочало расщепляется безъ конца... гнилая нитка рвется на нѣсколько частей... и хуже этого не можетъ быть, какъ рознь и свара въ своей семьѣ. Аще и бѣсъ раздѣлится на ся — погибнуть бѣсу тому, и дому погибнуть, у котораго всѣ четыре угла рубятъ и крышу снимаютъ... Единеніе во множество въ единеніи.

Старикъ даже прослезился, увлекаясь нарисованной картиной грядущаго разрушенія. Матушка свекровушка тоже всплакнула, стоя у своей печки.

— Ну, я пойду... проговорилъ Ираклій, заглядывая въ окно. — Часъ мой уже близится...

Онъ опять ушелъ въ заднюю избу, а за нимъ ушелъ Ефимъ. Спиридонъ Агапычъ проводилъ ихъ глазами за дверь и началъ ворчать:

— И къ чему онъ все это говоритъ?.. Какъ будто не ладно, старуха...

— Ты бы ужъ молчалъ, Спиридонъ Агапычъ,—довольно сурово отозвалась старуха.—Не нашего ума это дѣло...

— А вдругъ ежели начальство? А вдругъ за пристанодержательство поволокутъ? Охъ, грѣхи, грѣхи...

II.

Наступила ночь. Свѣча въ передней избѣ была потушена, но никто не спалъ. Домна прилегла, какъ всегда, на лавку у зыбки (люлька) и слышала, какъ на полатяхъ ворочается старикъ. Свекровушка спала около печи на сундукѣ и тоже ворочалась съ боку на бокъ. Изъ задней избы доносилось заунывное раскольничье чтеніе, точно гудѣлъ большой шмель.

— Ахъ, скорѣе-бы... думала Домна и ей дѣлалось все страшнѣе и страшнѣе.

Она теперь припоминала каждое слово Ираклія — онъ все это говорилъ ей одной. Учуялъ, видно, что дѣло не ладно. И никто его не понимаетъ... Предателю, слышь, не будетъ прощенія. А мужа отбивать у женъ — за это будетъ прощеніе? На Ломовскомъ заводѣ кто увелъ въ скиты пудлинговаго мастера Куркина? Ираклій... Теперь у Куркина осталась жена съ махонькимъ младенчикомъ— ни баба, ни дѣвка, ни вдова,—на комъ будетъ грѣхъ за нее? Сейчасъ Ираклій къ Ефиму подбирается... При послѣдней мысли Домна чувствуетъ, какъ она начинаетъ вся холодѣть. Ей уже представлялось, какъ она останется одна одинешенька въ чужой семьѣ съ ребенкомъ на рукахъ, какъ ее будетъ донимать свекоръ батюшка, какъ будетъ поѣдомъ ѣсть свекровь матушка. Она-же и будетъ кругомъ виновата: мужа остудила, вотъ онъ и ушелъ въ скиты, а ты майся съ ребенкомъ.

— Ахъ, скорѣе-бы...

Домна чутко прислушивалась къ каждому шороху на улицѣ и на дворѣ, и ей нѣсколько разъ казалось, что кто-то подъѣхалъ, что слышны чьи-то осторожные шаги, что чьи-то руки нащупываютъ дверную скобу. Но это бушевала мятель, такая-же мятель, какая бушевала въ ея собственной душѣ.

Домна была изъ безпоповщинскаго толка, а вышла за поповца Ефима. Очень ужъ крѣпко полюбился ей этотъ серьезный не по лѣтамъ парень. Пришлось для него бросить родную семью, которая проводила ее съ проклятіями. Тяжелѣе горы родительское проклятіе... Не долго порадовалась Домна, хотя и любила мужа безъ ума. Вѣдь другихъ такихъ людей и на свѣтѣ не бываетъ, какъ Ефимъ. Два года бабьяго счастья промелькнули незамѣтно, а тутъ еще появился ребенокъ. Но и въ самую счастливую пору Домна замѣчала, какъ Ефимъ начиналъ какъ будто задумываться и все чаще смотрѣлъ на нее какими-то удивленными глазами, точно спрашивалъ, зачѣмъ она здѣсь. Этотъ взглядъ давилъ ее точно камень.

— Что съ тобой, Ефимъ? спрашивала она.

— А ничего... такъ... грѣхъ...

— Какой грѣхъ?

— О душѣ своей не думаемъ—вотъ и грѣхъ. Только тѣшимъ свою скверную плоть...

— Какой-же грѣхъ между мужемъ и женой?

— Ангелы не знаютъ ни мужей, ни женъ...

По зимамъ Ефимъ пропадалъ иногда на цѣлую недѣлю и возвращался домой измученный, больной, съ страшно горѣвшими глазами. Домна потомъ уже узнала, что онъ проводилъ это время у Ираклія на покаяніи. Ираклій скрывался гдѣ то въ скитахъ, въ горахъ, куда къ нему и сходились. Онъ вербовалъ себѣ самыхъ лучшихъ овецъ и въ число этихъ лучшихъ попалъ Ефимъ. Разъ онъ сказалъ женѣ прямо:

— Я скоро уйду въ скиты, Домна...

— Тебя Ираклій сманиваетъ?

— Не Ираклій, а совѣсть. Не могу больше терпѣть...

— А какъ же я то останусь?

— Ступай и ты въ скиты...

— А ребенокъ?

— Ребенокъ останется у стариковъ...

Какъ ни плакала Домна, какъ ни умоляла мужа—Ефимъ стоялъ твердо на своемъ. У молодой бабы совершенно опустились руки... За что-же такая напасть? За что разбитая жизнь? А тутъ еще на рукахъ останется ребенокъ хуже сироты. Для Домны ясно было одно, именно, что заводчикомъ всего дѣла былъ владыко Ираклій. Да, онъ сманилъ не одного Ефима и будетъ сманивать другихъ. У Домны явилась страстная жажда мести. Э, пропадать, такъ пропадать всѣмъ, а владыкѣ Ираклію въ первую голову, какъ хищному волку въ овечьей шкурѣ. Случай ей помогъ привести этотъ планъ въ исполненіе. Батюшка свекоръ какъ-то проболтался о срокѣ, когда владыко Ираклій поѣдетъ изъ скитовъ на южные уральскіе заводы и что остановится у нихъ, какъ показывалъ Ефиму. Старикъ трусилъ впередъ и ворчалъ.

Домна воспользовалась этимъ извѣстіемъ по своему.

Сейчасъ она лежала и ждала исполненія. И страшно до смерти, и жаль любимаго человѣка, и грѣхъ передъ Богомъ, какъ говорилъ давеча самъ Ираклій. А самое главное, стоило только ей сказать одно слово, и владыко Ираклій спасенъ, но именно этого слова она и не находила въ себѣ. Ей овладѣла фатальная рѣшимость: пусть будетъ, что будетъ.

Вьюга продолжала гудѣть тысячью звуковъ. Въ одно время кто-то и хохоталъ, и плакалъ, и бѣжалъ, и подкрадывался, и дышалъ тысячью холодныхъ пастей. Спиридонъ Агапычъ даже садился на полатяхъ и начиналъ креститься.

— О, Господи милосливой... шепталъ онъ, прислушиваясь къ непогодѣ.

Наконецъ, онъ не вытерпѣлъ. Прислушавшись, что всѣ спятъ, онъ потихоньку спустился съ полатей, надѣлъ валенки, полушубокъ, шапку и вышелъ. Въ сѣняхъ онъ прислушался. Читалъ Ефимъ раскольничьимъ речитативомъ акаѳистъ Богородицѣ.

— Матушка пресвятая Богородица, спаси и сохрани, — помолился старикъ про себя, осторожно выходя изъ сѣней на крыльцо.

Дворъ былъ крытый на глухо, какъ строятся въ этой полосѣ Урала, гдѣ лѣсу достаточно. Онъ ощупью прошелъ къ конюшнѣ, гдѣ были лошади и въ темнотѣ началъ обряжать старую бѣлоногую кобылу. Лошадь его узнала и любовно терлась о его рукавъ своей угловатой головой. Захомутавъ ее, онъ осторожно вывелъ изъ конюшни и запрегъ въ легкія пошевни на высокихъ копыльяхъ, на какихъ ѣздятъ въ горахъ по глубокому снѣгу.

— Вотъ такъ-то повѣрнѣе будетъ,—думалъ онъ, стараясь не шумѣть.— Чуть што — сейчасъ и изловимъ владыку. Ступай, ищи вѣтра въ полѣ... Не въ первой ему отъ никоніанъ спасаться.

III.

Домна не утерпѣла и выбѣжала въ сѣни послушать, что дѣлаетъ свекоръ батюшка. По топтанью лошади она поняла, въ чемъ дѣло. Старикъ сильно трусилъ и готовилъ на всякій случай „погоню". Она стояла въ сѣняхъ босая и не чувствовала холода. Въ задней избѣ продолжалась та же молитва. Заунывное чтеніе Ефима нарушалось только поправками, которыя Ираклій дѣлалъ наизусть— онъ зналъ каноны наизусть.

— ... радуйся многихъ согрѣшеній прощеніе... радуйся любы всяко желаніе побѣждающи...

Былъ моментъ, когда Домна готова была броситься въ заднюю избу, пасть въ ноги владыкѣ Ираклію и покаяться, но послышались шаги батюшки свекра, и она убѣжала въ избу. Прилегши на лавку, она опять превратилась въ одинъ слухъ. Ахъ, скоро все будетъ кончено... Ее начинала бить лихорадка. Вьюга выла по прежнему, и по прежнему слышались голоса, подкрадывавшіеся шаги и чье-то жалобное причитанье, какъ причитаютъ по покойникѣ. Заслушавшись вьюги, Домна совсѣмъ не замѣтила, какъ въ избу вошелъ владыко Ираклій и чуть не закричала, когда онъ въ темнотѣ пощупалъ ее руками.

— Вставай... шепталъ онъ.—Часъ уже приспѣлъ...

Она поднялась, чувствуя, какъ зубы выбиваютъ барабанную дробь. Владыко Ираклій положилъ ей на голову обѣ руки, что-то пошепталъ, а потомъ неожиданно поклонился въ ноги.

— Прости, жено, мою твердость... *Они* уже близко... настало время... Не печалуйся, что черезъ тебя принимаю узилище и душевныя раны .. Иду на великій праздникъ неистоваго гоненія... Я все знаю... Слышишь? Это за мной пришли...

Одновременно раздался сильный стукъ въ ворота и въ окно.

— Уходи скорѣе... заговорила Домна. — Батюшка и лошадь запрёгъ... А я ихъ тутъ задержу.

— Отъ воли Божіей не уйдешь...

Въ избу вбѣжалъ испуганный Спиридонъ Агапычъ и потащилъ владыку за рукавъ.

— Не нужно... Куда ты меня тащишь? упирался Ираклій.

— Владыко, не погуби ты насъ всѣхъ... Изъ за тебя вся семья въ раззоръ пойдетъ...

Это доказательство подѣйствовало. Спиридонъ Агапычъ накинулъ на Ираклія свою шубу и шапку. Они осторожно вышли на дворъ и пошли къ заднимъ воротамъ, у которыхъ стояла запряженная лошадь.

— Спустись на рѣку... шепталъ хозяинъ.—А потомъ поверни направо... тамъ выпадетъ тебѣ куренная дорога...

Спиридонъ Агапычъ торопливо отворилъ ворота и сразу попалъ въ руки четверыхъ мужиковъ.

— Держи его! громко крикнулъ кто-то. — Э, какой здоровущій архирей... Вяжи его, братцы.

— Братцы, да тутъ два архирея!.. крикнулъ другой голосъ.—Этотъ совсѣмъ маленькій...

— Вяжи и его на случай! Да ворота отоприте Палъ Митричу... Сразу двухъ архиреевъ накрыли.

Черезъ минуту вся передняя изба была занята понятыми, и переодѣтыми стражниками. Въ переднемъ углу сидѣлъ знаменитый становой Палъ Митричъ, сухой и жилистый мужчина съ рыжей бородой. Онъ потиралъ одно колѣно и говорилъ совершенно равнодушно:

— Ну, и погодка... Настоящая волчья ночь. Который я разъ тебя ловлю, владыко Ираклій?

Владыко Ираклій молчалъ, опустивъ глаза. Спиридонъ Агапычъ совершенно растерялся. У него тряслись руки и ноги. За нимъ стоялъ Ефимъ и смотрѣлъ на становаго спокойными строгими глазами.

— Да, погодка... продолжалъ думать вслухъ Палъ Митричъ. — Хорошій хозяинъ собаку на улицу не выгонитъ. Да... Ну, а ты, сахаръ, что скажешь? обратился онъ къ Спиридону Агапычу.

— Я его совсѣмъ не знаю, ваше высокое благородіе... Это какой-то бродяга попросился переночевать.

— Такъ, такъ... Ну, и погодка. Такъ ты его счелъ за бродягу? Отлично... Пожалѣлъ, что можетъ замерзнуть? Превосходно... Такъ и запишемъ: добрый мужичокъ Спиридонъ.

Это издѣвательство заставило выступить впередъ Ефима. Онъ тряхнулъ головой и заявилъ:

— Отецъ ничего не знаетъ, Палъ Митричъ. Прикажите меня вязать—мое все дѣло...

Становой равнодушно посмотрѣлъ на него своими по дѣтски голубыми глазами и, мотнувъ головой стражнику, лѣниво проговорилъ:

— Завяжите и этого сахара узелкомъ...

Въ отвѣтъ послышались глухія рыданія Домны.

Д. Мамин-Сибиряк.

Два духа.

(Новелла).

I.

Въ одну изъ темныхъ ночей, двѣ звѣзды—свѣтлая и красная, съ высоты безвоздушнаго пространства, упали на землю. Не многіе изъ обитателей земли видѣли эти двѣ упавшія звѣзды, — большинство спало, нѣкоторые заняты были своими житейскими дѣлами и развлеченіями, а мнѣнія тѣхъ немногихъ, которые замѣтили упавшія звѣзды были совершенно противоположны другъ другу. Одни, сидѣвшіе въ высокихъ башняхъ и наблюдавшіе небо при посредствѣ разныхъ трубъ и инструментовъ, были убѣждены, что видѣли два метеора, другіе, не имѣвшіе даже понятія о томъ, какъ, посредствомъ чего, и зачѣмъ наблюдаютъ небо и что такое метеоры, считали паденіе двухъ звѣздъ, и въ особенности красной—знаменіемъ.

И тѣ и другіе ошибались. Двѣ, слетѣвшія на землю звѣзды были два духа: свѣтлая—добрый, и красная—злой. Съ далекихъ временъ, когда земля вышла изъ состоянія хаоса, остыла, на ней появились растенія, животныя и люди, эти два духа, въ стремительномъ полетѣ, словно стараясь опередить другъ друга, спускались на нее и, коснувшись поверхности, принимали человѣческій обликъ. Иногда добрый духъ опережалъ злого и тамъ, гдѣ онъ проходилъ, дѣятельно разсѣевая добрыя чувства и начинанія — люди становились лучше, справедливѣе, честнѣе. Но чаще опережалъ злой духъ, отличавшійся лукавымъ проворствомъ и отвагою и, коснувшись земли, посѣвалъ смуту, вражду и преступленія. Даже тамъ, гдѣ онъ видѣлъ, что добрый духъ прошелъ раньше его, онъ дерзостно рѣшался портить, и соблазнами и хитрыми прельщеніями совращалъ и губилъ людей. Тогда возвращался добрый духъ и снова принимался за свою трудную работу.

Эта страшная борьба началась съ тѣхъ поръ, какъ появился на землѣ первый человѣкъ и кончится тогда, когда съ лица ея изчезнетъ послѣдній. Въ вѣчной, неустанной борьбѣ этихъ двухъ элементовъ войны затѣвались и массовыя избіенія людей, проливались рѣки крови, опустошались цѣлыя страны, голодъ и повальныя болѣзни довершали остальное, и человѣчество гибло десятками, сотнями тысячъ.

II.

По узкой, горной тропинкѣ пробирался одинокій путникъ. Онъ былъ молодъ и строенъ. Кудри темныхъ волосъ волною ниспадали на его плечи. Большіе, лучистые глаза смотрѣли задумчиво-грустно. На немъ была простая, крестьянская одежда изъ грубой ткани и котомка за плечами: босыя ноги не боялись ни терній, ни острыхъ камней въ изобиліи покрывавшихъ горныя тропинки. И тамъ, гдѣ онъ проходилъ, все оживлялось, все радовалось жизни: солнце свѣтило ярче, ручьи звучали звончѣе, истомленные дневнымъ зноемъ цвѣты поднимали поникшіе вѣнчики и благоухали, птицы соединяли свои голоса въ торжественный хоръ.

Путникъ дошелъ до скрещеніи двухъ тропинокъ и присѣлъ на поросшій мохомъ камень. По другой тропинкѣ, подобно сѣрой змѣѣ спускавшейся съ кручи, ѣхалъ, приближаясь къ скрещенію, всадникъ въ чалмѣ и богатой, расшитой золотомъ, курткѣ. Громко звенѣли серебряныя подковы его великолѣпнаго, чернаго коня, ритмически согласуясь съ звономъ монетъ, ожерельями украшавшихъ лебединую шею красиваго животнаго. Дорогіе каменья вправленные въ сбрую коня и сѣдло и висѣвшая сбоку въ серебряныхъ ножнахъ кривая сабля ярко горѣли на солнцѣ. Скрестивъ на груди мускулистые руки, мрачно потупясь, сидѣлъ всадникъ. На бронзовомъ отъ загара лицѣ, изъ подъ густыхъ, какъ бы сросшихся бровей, сверкали злые глаза.

При видѣ фигуры, сидѣвшей на камнѣ, черный конь фыркнулъ, повелъ ушами и остановился. Всадникъ взглянулъ на юношу и легкій трепетъ пробѣжалъ по его тѣлу.

III.

— Ты здѣсь? спросилъ онъ, не поднимая на юношу глазъ, — ты опять явился мѣшать мнѣ?

— Да! спокойно отвѣчалъ юноша, — я тебѣ мѣшать буду всегда и во всемъ!

— Знаю! прошепталъ всадникъ, — но здѣсь твои усилія будутъ напрасны! Посмотри внизъ, на эти долины, усѣянныя деревнями и городками; въ нихъ живетъ народъ, который ты хочешь охранить. Эти долины—отличная ловушка! Посмотри дальше, — ты вѣдь можешь видѣть такъ далеко какъ никто, — какъ только вижу я, — что видишь?

— Я вижу другой народъ, другого племени, другихъ вѣрованій и обычаевъ.

— И этотъ народъ многочисленнѣе, сильнѣе. Онъ уже владычествуетъ надъ твоимъ маленькимъ народцемъ, что ему стоитъ стереть его съ лица земли?

— Ты забываешь, что есть другіе народы, которые не позволятъ этого сдѣлать!

Всадникъ расхохотался и такъ громко, что эхо ближайшихъ темныхъ и сырыхъ ущелій долго передавали другъ другу его демонскій хохотъ.

— Другіе народы? Какое имъ дѣло до твоего маленькаго народца! Или ты думаешь, я не позаботился о томъ, чтобы достаточно затмить ихъ сознаніе, заставить забыть, что и этотъ народецъ исповѣдуетъ такую же вѣру, какъ они? Или ты, можетъ быть, думаешь, что эгоизмъ не достаточно сильное чувство? Я имъ бросилъ хорошую приманку, и покуда они всѣ глядятъ на нее, придумывая, съ которой бы стороны захватить первому,—я залью эти цвѣтущія долины кровью!

— А я напомню людямъ о томъ, что они люди, и этого не будетъ. Темныя брови всадника сдвинулись гуще и искры злобы засверкали въ его глазахъ.

— Не мѣшай мнѣ! вымолвилъ онъ глухо, — довольствуйся тѣмъ, что ты отвоевалъ отъ меня! Есть страны, гдѣ племенная вражда затихла навсегда... и вражда вѣрованій тоже! Есть страны, куда не заглядывали давно ни голодъ ни повальныя болѣзни. Есть страны, гдѣ культура, наука, поднялись такъ высоко, что начинаютъ даже бороться съ смертью. Настанетъ время, и эти страны будутъ охвачены однимъ ученіемъ добра, справедливости, братства! Оставь мнѣ этотъ дикій уголокъ! Кто о немъ знаетъ, кому онъ нуженъ?

— О немъ знаетъ Тотъ, Кто послалъ меня! отвѣчалъ юноша,—и если бы въ этихъ долинахъ остался только одинъ человѣкъ, я и къ нему пришелъ бы!

Всадникъ сердито дернулъ поводья и гордый конь вскинулъ свою лебединую шею.

— Даже тутъ ты не хочешь оставить меня одного! воскликнулъ всадникъ.

— Всюду, гдѣ ты,—буду и я! вымолвилъ юноша.

— Опять борьба?

— И теперь, и всегда во вѣки вѣковъ! сказалъ юноша.

Всадникъ затянулъ поводья. Черный конь взвился на дыбы. Кровавая пѣна обагрила удила. Острыя шпоры всадника вонзились въ бока коня, искры посыпались изъ подъ серебряныхъ подковъ и, черезъ минуту, мрачный всадникъ вихремъ мчался къ долинамъ.

VI.

Широкое, красное зарево огня поднималось къ темному небу. Горное эхо повторяло ружейные выстрѣлы и жалобные крики истязуемыхъ, молившихъ о пощадѣ, людей. Черные силуэты людей бѣгали изъ дома въ домъ по опустошенному селенью, вытаскивали женщинъ, дѣтей, и ихъ надрывающіе душу вопли скоро прекращались подъ ударами сверкающихъ сабель.

Десятка два, оставшихся въ живыхъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей были согнаны кучкой на площадь села. Сюда же были притащены: солома, доски, домашняя утварь,—словомъ все, что могло горѣть,—и облито керосиномъ. Готовилось сожженіе мучениковъ.

Сюда же пришелъ и сталъ посрединѣ юноша съ волнистыми, падавшими до плечъ волосами. Никто не зналъ, откуда пришелъ юноша, кто онъ, но когда явился, верхомъ на черномъ конѣ, начальникъ шайки съ цѣлью полюбоваться, какъ будутъ горѣть живые люди, онъ содрогнулся, увидя юношу, и повернулъ коня такъ, чтобы не видѣть его лучистыхъ глазъ.

— Зажигайте! крикнулъ начальникъ шайки,— зажигайте скорѣе! Лейте больше керосину, бросайте солому! Чтобы ни одинъ не ушелъ! Чтобы всѣ, всѣ сгорѣли! Скорѣе, скорѣе!

Юноша ободрялъ осужденныхъ на страшныя муки. Онъ тихо и проникновенно говорилъ каждому, указывая на небо, клалъ руки на плечи мужчинъ и гладилъ головы дѣтей.

И въ ту минуту, когда костеръ, въ который были заключены люди, вспыхнулъ, раздался страшный ударъ грома. Молнія пронизала кучку злодѣевъ; ослѣпленные, закрывая глаза руками, они бросились къ своимъ лошадямъ.

Приникнувъ къ гривѣ коня, начальникъ мчался въ горы. Вихрь вздымалъ его плащъ, дождь смывалъ съ его богатаго оружія темныя пятна запекшейся крови...

V.

Вся долина была во власти орды варваровъ. Подобно горнымъ потокамъ вооруженные люди стремительно спускались съ высотъ, жгли селенія, убивали мирныхъ, безоружныхъ жителей, уводили въ горы ихъ женъ и скотъ и грабили имущество. Народъ стоналъ подъ невыносимымъ игомъ мучителей и не могъ ничего предпринять въ свою защиту: малѣйшее сопротивленіе какой нибудь горсти безоружныхъ пастуховъ вызывало новыя убійства и истязанія цѣлаго населенія деревни. Тюрьмы были переполнены узниками томившимися въ ожиданіи казни и подвергавшимися страшнымъ пыткамъ. Страна гибла подъ ударами своихъ мучителей...

Въ это время по городамъ и селеніямъ ходилъ человѣкъ, принадлежавшій къ одной свободной націи на западѣ. Онъ не избѣгалъ никакихъ опасностей потому, что не боялся ихъ. Стоило ему только назваться, и рука, поднятая для нанесенія смертельнаго удара — опускалась. Если бы онъ по ошибкѣ былъ заключенъ въ тюрьму, стоило представителю той націи, къ которой онъ принадлежалъ, произнести одно слово, и его бы немедленно выпустили на свободу.

Это былъ молодой человѣкъ, одѣтый въ европейскій костюмъ, карманы котораго были наполнены записными книжками. Его лицо, опушенное русой бородкой, смотрѣло открыто и привѣтливо; въ его свѣтлыхъ, большихъ глазахъ свѣтился огонь любви къ ближнему.

Онъ ходилъ изъ города въ городъ, изъ селенія въ селеніе и записывалъ, со словъ потерпѣвшихъ и свидѣтелей полные леденящаго душу ужаса раз-

сказы объ убійствахъ и насиліяхъ. По ночамъ онъ писалъ длинныя письма и отправлялъ ихъ на родину. Тамъ эти письма печатались въ газетахъ, оповѣщали весь міръ о неслыханныхъ злодѣяніяхъ варваровъ и призывали христіанъ къ оказанію сочувствія и помощи братьямъ во Христѣ.

Однажды этотъ человѣкъ зашелъ въ домъ нѣкогда зажиточнаго, а теперь ограбленнаго и совершенно разореннаго поселянина. Въ домѣ было много мужчинъ и женщинъ уцѣлѣвшихъ отъ избіенія, но не имѣвшихъ крова и явившихся просить пріюта на ночь. Хозяинъ всѣхъ принялъ, предложилъ каждому, что имѣлъ. Онъ сдѣлалъ это такъ безучастно, какъ бы самъ былъ гостемъ въ своемъ домѣ. Слезы все время бороздили исхудавшія щеки этого человѣка.

— Не плачьте! сказалъ ему человѣкъ въ европейскомъ платьѣ, — сегодня у васъ увели скотъ и сожгли хлѣбъ—но все это вернется.

— Вы думаете, я плачу объ этомъ? возразилъ хозяинъ, — о, если бы это было такъ, вы вправѣ были бы меня презирать, какъ презираютъ насъ многіе за то, что мы стараемся обезпечить наши семьи. Но у меня отняли то, чего мнѣ никто не вернетъ... даже самъ Богъ! Взгляните сюда!

Онъ провелъ его въ другую комнату. Тамъ было темно, но въ одномъ углу виднѣлся какой-то предметъ подъ бѣлымъ покрываломъ. Хозяинъ зажегъ тоненькую свѣчку и, сдернувъ покрывало, сказалъ:

— Вотъ что отняли у меня! Смотрите!

На доскахъ, крытыхъ ковромъ, лежалъ мертвый, пятилѣтній мальчикъ; страшная, съ запекшейся, черной кровью, рана зіяла на его горлышкѣ.

— Они зарѣзали его за то, что я не хотѣлъ отдать имъ своей старшей дочери. Ребенокъ съ плачемъ вцѣпился въ платье своей сестры, когда ее тащили, и одинъ изъ разбойниковъ перерѣзалъ ему горло!

Человѣкъ въ европейскомъ платьѣ содрогнулся и поникъ.

— «Это мой единственный сынъ! сказалъ хозяинъ—еслибы онъ хворалъ, и умеръ, ахъ какъ тяжело было бы мнѣ отдать его Господу! Но ребенокъ былъ здоровъ и веселъ. За полчаса передъ убійствомъ, онъ рѣзвился, игралъ. Онъ игралъ на солнцѣ, бѣгалъ по дорожкамъ нашего маленькаго сада, наклонялъ вьюнчики цвѣтовъ и вдыхалъ ихъ ароматъ, онъ звалъ меня безпрестанно, когда его интересовала какая нибудь букашка, мотылекъ, онъ наслаждался жизнью; онъ весь былъ преисполненъ Божественнымъ даромъ, господинъ, онъ жить хотѣлъ и не меньше этой букашки имѣлъ на то право, но пришли люди и отняли отъ него жизнь! Этого мало! Они обѣщались придти въ эту ночь за моей дочерью! Даже смерть этого малютки не можетъ искупить позора и несчастія дѣвушки!

VI.

Человѣкъ въ европейскомъ платьѣ остался въ этомъ домѣ на ночь. Онъ зналъ, что злодѣи вернутся и ждалъ встрѣчи съ ними. Домъ былъ переполненъ женщинами и дѣтьми, не осмѣливавшимися сомкнуть глазъ и съ тревогой прислу-

шивавшимися къ малѣйшему шуму на темной улицѣ. Кругомъ было тихо. Изрѣдка выли лишившіяся крова собаки да вспыхивали снопы искръ отъ догоравшихъ домовъ.

Въ глухую полночь на улицѣ села послышался конный топотъ. Бряцая оружіемъ, перекидываясь словами своего гортаннаго нарѣчія разбойники приблизились къ дому. Одинъ изъ нихъ постучалъ въ дверь и потребовалъ, чтобы ее отворили. Хозяинъ переглянулся съ человѣкомъ въ европейскомъ платьѣ, и когда тотъ шепнулъ ему нѣсколько словъ подошелъ къ двери.

— Я не могу впустить каждаго проходящаго! сказалъ хозяинъ,—скажи, кто ты, и я отворю!

— А! Ты еще торгуешься, собака! крикнулъ разбойникъ,—погоди же! Знай, что начальникъ отряда требуетъ у тебя постоя!

— Пусть самъ начальникъ войдетъ сюда! Я ему отворю! отвѣчалъ хозяинъ.

Закутанный въ плащъ начальникъ сидѣлъ неподвижно на своемъ черномъ конѣ. Солдатъ передалъ ему слова домохозяина. Молча бросивъ поводья солдату, начальникъ отряда слѣзъ съ коня и направился къ дому.

— Отворяй! крикнулъ онъ,—да поскорѣе!

Дверь распахнулась. На порогѣ стоялъ человѣкъ въ европейскомъ платьѣ, опираясь на плечо хозяина.

Взгляды мрачнаго всадника и человѣка въ европейскомъ платьѣ встрѣтились; въ одномъ сверкала демонская злоба,—въ другомъ лучезарно свѣтилась кроткая любовь къ ближнему.

И мрачный всадникъ, не выдержавъ взгляда своего противника, отступилъ.

— Опять на моей дорогѣ! глухо пробормоталъ всадникъ,—этотъ домъ мнѣ нуженъ! Я хочу расположиться въ немъ!

— Ты не можешь этого сдѣлать потому, что этотъ домъ — мой! спокойно отвѣчалъ человѣкъ въ европейскомъ платьѣ,—уходи!

И всадникъ и всѣ, бывшіе съ нимъ люди, изчезли изъ селенія...

VII.

А письма,— не одного человѣка въ европейскомъ платьѣ, но и многихъ другихъ, въ которыхъ вселился его высоко-христіанскій духъ добра и сожалѣнія къ ближнему,—все спѣшили въ разные концы міра и оповѣщали его о неслыханныхъ злодѣяніяхъ творившихся въ несчастной странѣ. Телеграфъ проворно стуча, передавалъ длинныя, полныя ужасной правды депеши, пароходы и желѣзныя дороги развозили по всему свѣту очевидцевъ *рѣзни христіанъ конца XIX вѣка* и міръ, потрясенный, опечаленный, сталъ прислушиваться къ стонамъ безвинныхъ мучениковъ!...

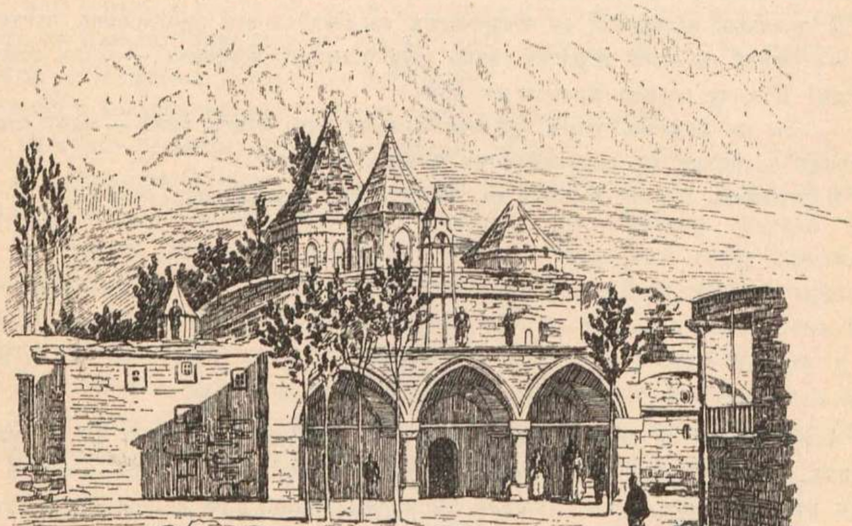
Они стонутъ до сего дня...—„Помощи и милосердія“! стонутъ они, —«милосердія къ нашимъ ни въ чемъ неповиннымъ женамъ, сестрамъ и дѣтямъ! Откликнитесь и помогите всѣ, въ комъ есть хотя капля чувства сожалѣнія къ стра-

ждущему человѣчеству! Вспомните завѣтъ Христа и не нарушайте Его заповѣдей! Пусть холодные сердцемъ филистеры-философы говорятъ, что совокупность добра и зла—необходимый элементъ всего живущаго на землѣ, пусть нѣкоторые изъ нихъ договариваются до того, что считаютъ зло однимъ изъ дѣятельныхъ рычаговъ прогресса, пусть политики хлопочатъ объ излюбленномъ ими равновѣсіи. Намъ, *просто людямъ*, не должно быть дѣла ни до однихъ, ни до другихъ и третьихъ! Мы должны знать одно, что мы люди, обязанные и словами и дѣламъ помогать людямъ,—„нѣсть же эллинъ и іудей“ армянинъ, или даже этотъ, самый, изнывающій подъ ярмомъ безправія и грабежа,—турокъ!

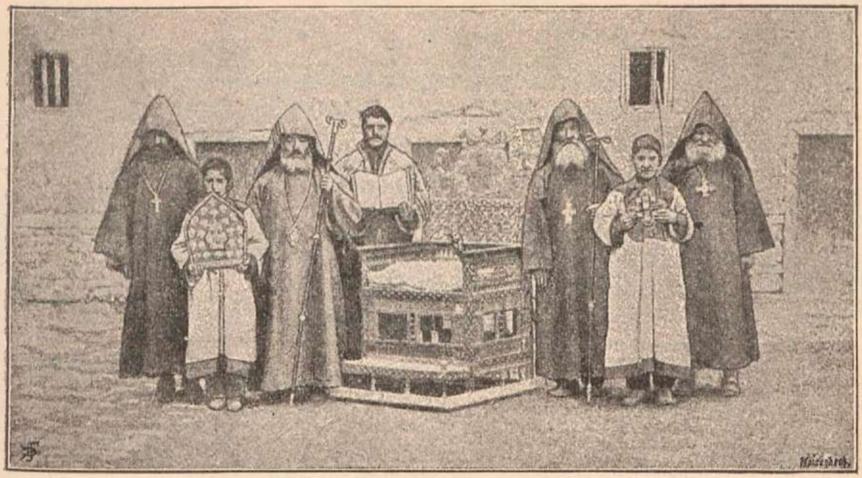
И мы всѣ, сколь бы разноплеменны мы ни были,—принадлежащіе одному великому народу, благородная рука котораго не разъ подпималась для огражденія защиты,—мы всѣ вправѣ ожидать, что, приклонивъ ухо къ стонамъ сотней тысячъ поруганныхъ матерей и голодныхъ, холодныхъ дѣтей,—этотъ могущественный народъ, какъ одинъ человѣкъ, воскликнетъ:

«Довольно! больше я не позволю!»

Н. Барыцевич

Віракскій монастырь близъ Вана (IX вѣка), разрушенный въ 1895 г.

Духовенство Варанскаго монастыря.

КЪ СМЕРТИ.

(Армянская мелодія).

Убиваешь ты безжалостно
Сотни, тысячи людей,
Порази жъ врага ты лютаго
Бѣдной родины моей!
Отъ тебя пощады не было
Лучшимъ силамъ молодымъ,
И могилы ненасытныя
Рано вырыла ты имъ.

* *
*

Сколько прежде ихъ боролося
За любимый край родной;
Свято жертвовали радостью,
И любовью, и собой!
Ты ихъ словно убаюкала.
Спятъ подвижники въ землѣ,
Край родной, край опозоренный
Потонулъ, какъ ночь, во злѣ!

* *
*

Смерть! Коль вправду косу острую
Держишь ты въ своихъ рукахъ,
Пусть захватитъ безпощаднѣе
Каждый яростный размахъ,
Пусть онъ выжжетъ словно пламенемъ,
И пусть вырветъ съ корнемъ вонъ
Все, что дерзко такъ нарушило
Мирный праведный законъ!..

І. Кансонъ.

Гюлизаръ, жертва курда Мусса-бея.

Жертвы жизни.

Очеркъ.

I.

Направляясь къ берегу моря, мы проходили длинной безлюдной аллеей, усыпанной гравіемъ—мелкимъ сыпучимъ камнемъ, хрустѣвшимъ подъ нашими шагами. Высокіе стройные кипарисы, кудрявые снизу и до верху, окаймляли нашъ путь; они были величественны и красивы, но, глядя на нихъ, чувствовалось что-то тяжелое и тоскливое, точно это были не деревья, а рядъ молчаливыхъ невольниковъ, безнадежно одинокихъ, обреченныхъ на вѣчное сиротство.

— Вы слышите, какъ шумитъ море? замедляя шагъ и прислушиваясь, сказалъ мнѣ мой спутникъ, Столяровскій, шедшій со мною рядомъ. Вотъ этотъ шумъ да запахъ розъ, который я чувствую гдѣ-то по близости, да эти вѣчно зеленые, вѣчно одинокіе и гордые кипарисы наводятъ меня на думу: какъ, вѣроятно, здѣсь хорошо счастливому въ лунную ночь, и какъ невозможно плохо несчастному!

Онъ вздохнулъ и добавилъ:

— Впрочемъ, всегда такъ: гдѣ счастливому вдвое лучше, тамъ несчастному хуже въ сто разъ!

До сихъ поръ мнѣ еще никогда не приходилось видать такихъ людей, несчастныхъ и угнетенныхъ, какъ Столяровскій. Это былъ человѣкъ лѣтъ 28, съ серьезнымъ, почти красивымъ лицомъ, но до крайности измученный жизнью и неудачами. Онъ настолько уже свыкся съ своимъ положеніемъ, настолько притерпѣлся, что пересталъ пытаться даже на борьбу и покорно дожидался новыхъ неудачъ и новыхъ несчастій, которыя его преслѣдовали, дѣйствительно, на каждомъ шагу. На него было страшно смотрѣть, когда разговоръ заходилъ объ энергіи, о борьбѣ съ судьбою, или о достиженіи чего-нибудь въ жизни; онъ мѣнялся въ лицѣ и безнадежно махнувши рукою, говорилъ, что все это заблужденіе, что человѣкъ, которому «не везетъ», — никогда ничего не добьется, и что такого человѣка можетъ спасти только чудо.

— Вы, кажется, вѣрите въ судьбу? спросилъ я его. Но вѣдь судьба человѣка—это, по моему, результатъ его же собственныхъ дѣйствій, а вовсе не руководящее начало. Даже пословица есть: всякій—кузнецъ своего счастія.

— Вздоръ! остановилъ меня Столяровскій. Судьба — это все. Говоря безъ всякой предвзятости, вы не можете отрицать, что въ природѣ есть какая-то страшная сила, которая помимо нашей воли создаетъ намъ положенія, толкаетъ насъ на разныя дѣла, выноситъ на высоту или опрокидываетъ въ бездну и топчетъ... Я не знаю, какая это сила и какъ она называется, но она есть, и она — все! Только сила эта недобрая: она зла, насмѣшлива и ненасытна. Вы думаете, я никогда не боролся съ нею? О, вы ошибаетесь! Я много и упорно боролся, пока не созналъ, что всѣ мои попытки напрасны. Да, я созналъ это и воочію убѣдился. Можетъ быть, это было бы ясно и вамъ, и всѣмъ, еслибъ въ природѣ не было другой, второстепенной силы, которая сглаживаетъ всѣ эти грубости и представляетъ ихъ намъ въ такой послѣдовательности, въ такомъ логическомъ порядкѣ, что трудно подмѣтить самую суть. И только человѣкъ очень несчастный способенъ раскусить всю эту хитрость и увидать то, чего не увидитъ счастливецъ.

— Что же вы увидали особеннаго?

— А вотъ что. Я увидалъ дѣятельность этихъ двухъ силъ природы. Одна изъ нихъ законодательная, а другая исполнительная, одна требуетъ себѣ жертвъ, а другая ихъ собираетъ, одна дѣйствуетъ грубо и слѣпо, безъ разбора, безъ логики, а другая работаетъ послѣдовательно, постепенно, изо дня въ день и шагъ за шагомъ... Развѣ бываетъ, что человѣкъ ни съ того, ни съ сего—возьметъ да застрѣлится, или убьетъ кого-нибудь, или украдетъ, или съума сойдетъ? Ни внезапно, ни безъ причинъ этого не бываетъ въ жизни, а причины такъ ловко и хитро подстраиваются судьбою, что бороться съ ними человѣку нельзя. Это не фразы, это только то, чего многіе не видятъ, но что есть, было и будетъ на свѣтѣ, потому что въ извѣстномъ состояніи общества извѣстное число лицъ *должно* лишить себя жизни, и тутъ ничто, ни боязнь „того свѣта", ни привязанность къ жизни, ни проповѣди, ни благоразуміе — ничто не въ силахъ умѣрить дѣйствіе этого закона, сила котораго непреодолима. Сама жизнь требуетъ себѣ жертвъ, само общество приготовляетъ преступленіе и выдѣляетъ изъ себя виновниковъ, а виновники эти—слѣпое орудіе. Желалъ бы я знать, какъ будетъ бороться такая единица, когда все и всѣ обрекли ее на гибель?!... Я гдѣ-то видѣлъ таблицу, которая раскрыла мнѣ глаза на это, и теперь я всѣ свои несчастія и неудачи понимаю: я—жертва, обреченная на гибель, но мое время еще не пришло, хотя оно уже, кажется, недалеко...

Столяровскій задумался и замолчалъ; я тоже боялся тревожить его возраженіями; и такъ, не разговаривая, мы прошли до конца аллеи, затѣмъ спустились къ берегу моря и сѣли на скамью. Не вдалекѣ отъ насъ, подъ наблюденіемъ гувернантки, игралъ хорошенькій бѣлокурый мальчикъ, лѣтъ шести, отыскивая пестрые камешки и бросая ихъ въ волны. Это былъ сынъ богатаго помѣщика, жившаго здѣсь цѣлое лѣто. Я встрѣчалъ ежедневно этого ребенка и невольно любовался его дѣтской красотой, добрыми осмысленными глазами; всегда веселый и радостный онъ бѣгалъ по дорожкамъ, безпечно откидывая свои кудри, которыми вѣтеръ щекоталъ ему лицо.

— Взгляните, — сказалъ мнѣ Столяровскій, указывая на мальчика. Я его вижу здѣсь каждый день и, право, такъ интересуюсь имъ, что вы и подозрѣвать не можете. Я узналъ, что родители его очень богаты и образованы, самъ онъ такой красивый, здоровый.... Вѣроятно, это растетъ будущій счастливчикъ, которому въ жизни приготовлено уже судьбою видное мѣсто.... Почему знать, можетъ быть онъ и есть тотъ баловень судьбы, ради котораго отнято у меня мое счастіе?... Природа требуетъ жертвъ, и все живущее либо отдаетъ свое, либо беретъ чужое. Въ этомъ случаѣ христіанство — великое утѣшеніе, потому что его идеалъ — страданіе за другихъ... Но знаете, иногда такъ хочется личнаго счастія, такъ мучительно хочется, такъ изнываетъ душа,—а его нѣтъ и нѣтъ, и никогда не будетъ!... Для чего-жъ тогда жизнь? Кому нужны эти безполезныя муки, кому нужно мое горе, отчаяніе, мои стоны, мое несчастіе? Кому это нужно? Отвѣтьте мнѣ, кому это нужно!

Столяровскій внезапно разволновался, поблѣднѣлъ и, ломая руки, прошелся нѣсколько разъ возлѣ скамейки, какъ-бы желая что-то договорить мнѣ, потомъ рѣзко остановился, приподнялъ шляпу, сказалъ „до свиданія“, и сейчасъ же ушелъ.

Послѣ этого я не видѣлъ его нѣсколько дней.

II.

Вечеръ выдался превосходный... Это былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ вечеровъ, ясный и спокойный, когда на душѣ становится легко и мирно, когда чувствуется близость, почти родство съ окружающей природой, а мягкія лунныя тѣни, распластанныя по дорогѣ, и чернота листвы вперемежку съ яркими блестящими отраженіями, и вечерній сумракъ насквозь пронизанный серебристымъ свѣтомъ, вызываютъ задумчивость, затрогиваютъ въ душѣ какія-то новыя, невѣдомыя струны, и хочется вѣрить, будто жизнь становится краше... Море тоже было спокойно, оно не билось, а точно ласкалось къ берегу, и волны не шумѣли, но ворковали. Было тепло, въ воздухѣ пахло цвѣтами и влагой,—и мнѣ невольно вспоминались слова Столяровскаго: „Какъ, вѣроятно, здѣсь хорошо счастливому и какъ невозможно плохо несчастному!“... Эти слова, которыя такъ недавно я выслушалъ вполнѣ равнодушно, показались мнѣ теперь справедливыми, полными такой грусти, такого страданія и душевнаго разлада, что мнѣ стало страшно. Тишина и красота ночи вызывали во мнѣ что-то похожее на тоску, на сладкую тоску, на какую-то неясную неудовлетворенность, и мнѣ казалось, что случись сейчасъ что-то небольшое, что-то очень небольшое, чего я не могъ бы даже назвать по имени,—и можно было бы захлебнуться отъ счастія!... А Столяровскій, котораго бьетъ судьба, измученный, озлобленный неудачникъ, съ широкими запросами и больными нервами—что долженъ чувствовать онъ?...

Любуясь, думая и, въ сущности, наслаждаясь, я забрелъ на такъ называемый „выступъ“, куда прямо изъ парка вела узенькая дорожка; этотъ „выступъ“

не что иное, какъ громадный широкій камень, выдвинувшійся въ море, гдѣ стоятъ двѣ-три скамейки и гдѣ собирается днемъ много публики, чтобы полюбоваться отсюда извилистой линіей берега и помахать платками мимоидущимъ пароходамъ.

На этотъ разъ на камнѣ я засталъ только одного Столяровскаго; больше не было никого. Сильно сгорбившись и опираясь обѣими руками на палку, онъ стоялъ ко мнѣ задомъ, глядя внизъ на волны, но я сразу узналъ его.—„Гдѣ-то теперь его мысли?“—подумалось мнѣ.

Вѣроятно, мысли его были очень далеки, потому что когда онъ обернулся и подалъ мнѣ руку, то съ секунду глаза его хранили какое-то другое, постороннее впечатлѣніе; потомъ онъ промолвилъ:

— Ахъ, это вы...

И мы сѣли съ нимъ на скамейку.

— Какъ хорошо, — сказалъ онъ осматриваясь. Какъ все вокругъ красиво и полно поэзіи... И жить хочется, и любить хочется... И вотъ поэтому-то лучше бы поскорѣе смерть!

— Какъ такъ? спросилъ я, вглядываясь въ его лицо, которое было еще строже и еще блѣднѣе, чѣмъ раньше.

— Очень понятно: не для меня все это! отвѣтилъ грустно Столяровскій. Но вѣдь во мнѣ такая же душа какъ и въ другихъ, я чувствую, какъ и всѣ, обаяніе жизни, можетъ быть даже лучше и тоньше чувствую, но жизнь—не для меня; радости ея—не для меня. Въ томъ-то и бѣда, что я понимаю ихъ, предвкушаю, а ихъ нѣтъ, онѣ у меня отняты ради кого-нибудь другого....

Онъ помолчалъ и добавилъ.

— Можетъ быть, ради того-же курчаваго мальчишки, котораго я не могу прогнать изъ своихъ мыслей! Въ концѣ концовъ....

Онъ опять замедлилъ рѣчь, видимо волнуясь.

— Я возненавижу этого мальчишку! почти крикнулъ Столяровскій, ударяя палкой по камню.

Нѣсколько минутъ мы просидѣли молча послѣ этого. Спорить съ нимъ было безполезно, и я желалъ только одного — не раздражать его противъ мальчика.

— Вотъ вы говорите: борьба, борьба, энергія, проявленіе воли.... Какіе пустяки! заговорилъ опять Столяровскій. Съ чѣмъ я буду бороться? Наконецъ, какъ и за что? За счастіе? Да у меня его нѣтъ! Понимаете, у меня нѣтъ и не можетъ быть счастія, я уже разбитъ, я уже доведенъ до того, что мнѣ не за что бороться, я уже пересталъ принадлежать себѣ... Меня подхватила какая-то сила и неудержимо тянетъ къ моему концу—къ погибели... Чтобъ быть счастливымъ, необходимо озвѣрѣть, сдѣлаться тираномъ, угнетать, давить и мучить другихъ, а я... у меня не такое сердце. Я не могу видѣть чужого горя, чужого страданія... Что же мнѣ дѣлать? Терпѣть? Я терплю. Но я вижу, какъ на мнѣ спекулируетъ природа ради другихъ; я попалъ въ число этихъ жертвъ; ихъ нужно ровно столько, сколько требуетъ жизнь для своихъ непонятныхъ намъ цѣлей, ни больше и не меньше. И тутъ борьба только одна, это—задавить другого, ради себя. Или я, или онъ!... Но кто этотъ „онъ“? Гдѣ? каковъ? Я не знаю его. Но жизнь требуетъ свою жертву на сцену: подавай ее, или готовься самъ... Жизнь неумо-

лима, требованія ея математически точны, а стало быть справедливы и неизбѣжны, хотя ужасны... Можетъ быть, мой взглядъ покажется вамъ страннымъ, отсталымъ, даже чудовищнымъ и безумнымъ, но я всетаки вижу, что древніе язычники, принося свои кровавыя жертвы, были *эгоистически* правы... да! Это ужасно, это страшно, но вѣдь и жизнь тоже страшна и ужасна: она требуетъ себѣ жертвъ, она ихъ требовала и получала во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, только наши вкусы теперь утончились до такой степени, что мы предпочитаемъ погибать сами взамѣнъ другихъ, а не губить ихъ взамѣнъ себя—въ этомъ вся разница! Вы не согласитесь со мною, я знаю. Вы не можете видѣть этого, потому что вы не были такъ несчастны, какъ я... А я доведенъ неудачами и горемъ до изступленія, до отчаянія... Это, наконецъ, невыносимо!

Столяровскій ударилъ себя въ грудь и вскочилъ съ скамейки. Онъ стоялъ прямо передо мною, съ блестящими глазами, полными гнѣва, и продолжая стучать кулакомъ по груди, нѣсколько разъ повторилъ.

— Цыфры! цыфры! Проклятыя цыфры! Нѣтъ намъ изъ нихъ никакого выхода! Нужно знать только цыфры и не нужно быть пророкомъ, чтобы сказать, что ожидаетъ насъ на будущій годъ, и сколько несчастныхъ жертвъ будетъ вырвано насильственнымъ путемъ изъ нашего общества, безвольнаго, безсильнаго и слѣпого, думающаго, что оно свободно и сильно. Всѣ мы, со всѣми нашими жалкими геройствами и мыслями, со всѣми чувствами и стремленіями, съ борьбою, радостями и несчастіями, всѣ мы—послушныя, слѣпыя цыфры! Цыфры, цыфры и цыфры, — и больше мы ничего не значимъ!.... Вотъ я живу, думаю, чувствую, дѣлаю что-то, стремлюсь куда-то, но кругъ моихъ дѣйствій настолько ограниченъ судьбою, что я въ сущности — только послушная роковая цыфра. Мнѣ хочется счастья, я не могу болѣе жить безъ счастья, безъ личнаго счастья, и вотъ во мнѣ пробудился дикарь и язычникъ, готовый признать только одинъ выходъ, одно средство къ своему избавленію... Мнѣ тяжело, мнѣ больно, я не хочу далѣе выносить этой пытки, и пусть падетъ жертвою *онъ*, а не я!!..

Неожиданно Столяровскій ухватилъ меня крѣпко правой рукой за плечо и, глядя въ упоръ, рѣзко, съ увѣренностью сумасшедшаго человѣка, заявилъ:

— Мы встрѣтились съ *нимъ* случайно, но я вздрогнулъ, когда увидалъ его, и онъ тоже вздрогнулъ, увидѣвши меня, и ручаюсь, мы оба инстинктивно почувствовали, что между нами есть какая-то роковая связь, точно наши двѣ жизни должны скреститься рано или поздно, или... онѣ уже скрестились... Но кто изъ насъ падетъ жертвою, кто пополнитъ печальную цыфру жизни — я или онъ — неизвѣстно, но вмѣстѣ мы жить не можемъ!

Столяровскій снялъ съ моего плеча руку, покивалъ мнѣ головою съ какимъ-то страннымъ сожалѣніемъ, точно съ упрекомъ и, горько усмѣхнувшись добавилъ:

— Не правда-ли, я говорю вамъ смѣшныя вещи?.... Кудрявый мальчишка, общій любимецъ, будущій счастливчикъ, — и я, изувѣченный жизнью, — враги?! Какъ это, вѣроятно, смѣшно! Намъ всегда и все кажется смѣшнымъ, чего мы не понимаемъ, и особенно то, что до насъ не касается!...

Онъ расхохотался нервнымъ, болѣзненнымъ смѣхомъ и, не прощаясь, ушелъ. Я сейчасъ же послѣдовалъ за нимъ, съ цѣлью догнать, но его уже не было.

Я исходилъ весь паркъ, побывалъ у него на квартирѣ, которая оказалась незапертою, но Столяровскаго нигдѣ отыскать не могъ. Положеніе становилось уже не шуточнымъ. Онъ говорилъ такимъ убѣжденнымъ и рѣшительнымъ тономъ, что возможно было ожидать всего. Цѣлую ночь я не могъ успокоиться, я боялся за судьбу ребенка, и то считалъ необходимымъ предупредить родителей объ этомъ, то находилъ это нелѣпостью и вздоромъ, то опять мнѣ казалось возможнымъ ожидать отъ Столяровскаго всякаго поступка, — и такъ почти до самаго утра я не смыкалъ глазъ.

III.

Недаромъ наканунѣ плескались въ морѣ дельфины; по примѣтамъ, это предвѣщало бурю, и дѣйствительно, послѣ ночного затишья на другой-же день море внезапно перемѣнилось, нахмурилось и почернѣло; громадныя косматыя волны мчались издалека и кидались на берегъ словно разъяренные звѣри,—и все возлѣ берега пѣнилось, шумѣло и скрежетало...

Въ этотъ день ожидалось на морѣ интересное зрѣлище: мимо берега должна была пройти эскадра съ громаднымъ броненосцемъ во главѣ. Публика ждала этого зрѣлища съ нетерпѣніемъ, и когда я, утомленный безсонною ночью, нѣсколько запоздавши, направился къ „выступу“, откуда было удобно смотрѣть, то всѣ скамейки на немъ были уже заняты и мнѣ пришлось сѣсть на камень, на самый край, нависшій надъ водою, такъ что время отъ времени, когда сильно разбивалась волна, мнѣ вѣяло въ лицо влажною и соленою пылью.

Вскорѣ я услыхалъ знакомый дѣтскій голосъ—и сердце во мнѣ сжалось.... Я видѣлъ, какъ, держась за руку гувернантки, пришелъ сюда-же на выступъ „врагъ“ Столяровскаго въ сопровожденіи матери и отца; сѣсть имъ было некуда и они остановились, какъ и я, только на другомъ углу камня, шагахъ въ десяти отъ меня. Мальчикъ громко разговаривалъ, задавая вопросы отцу, на которые тотъ отвѣчалъ тихо и серьезно, при этомъ указывалъ рукою на горизонтъ и на волны, очевидно, объясняя маршрутъ или значеніе броненосцевъ.

Я глядѣлъ на нихъ и дивился: вѣдь бываетъ-же такое прекрасное, чисто ангельское лицо, какъ у этого мальчика! Глядя на него, нельзя было не вѣрить, что судьба именно на немъ отразила всѣ свои милости; болѣе красиваго лица и болѣе осмысленнаго взгляда я никогда не видалъ ни у кого изъ дѣтей. Да, Столяровскій правъ,—думалось мнѣ,—что это растетъ будущій счастливчикъ, которому уже заранѣе приготовлено въ жизни видное мѣсто.... И я замѣтилъ, что не я одинъ, а всѣ любуются мальчикомъ; даже разговоры затихаютъ и всѣ съ улыбкой прислушиваются, когда онъ говоритъ.

— А не свалимся мы въ море, если такъ будемъ сидѣть? — раздался внезапно голосъ надъ моей головой, и я увидѣлъ Столяровскаго, который опускался рядомъ со мною на камень. Онъ сѣлъ и даже свѣсилъ ноги, но когда морская пѣна взвилась и обрызгала его, онъ отодвинулся и сѣлъ по-турецки.

Можетъ быть потому, что на немъ была большая соломенная шляпа, которую онъ никогда раньше не носилъ, лицо его показалось мнѣ похудѣвшимъ, безцвѣтнымъ и даже какъ будто не тѣмъ, какое я зналъ.

— Я вчера васъ долго искалъ,—сказалъ я ему. Вы испортили мнѣ цѣлую ночь вчерашнимъ разговоромъ, но я надѣюсь, что сегодня у васъ уже прошло это „языческое“ настроеніе.

— Напротивъ; укрѣпилось. Взгляните: насъ здѣсь человѣкъ пятнадцать, двадцать... но кто здѣсь герой? На кого всѣ смотрятъ, кого слушаютъ?... Вѣдь еслибъ онъ говорилъ умно, или ново, а то вѣдь это—лепетъ... дѣтскій лепетъ! А его слушаютъ и подчиняются его вліянію. Вѣдь это-же безсмыслица, но это фактъ. Этотъ герой возносится на нашихъ глазахъ за нашъ-же счетъ; его вліяніе — нашъ собственный ущербъ, его красота и его счастье въ жизни — идетъ намъ-же на минусъ, онъ отнимаетъ у насъ наше, онъ невольно пьетъ нашу кровь... О, еслибъ только не утонченность вкуса, привитая намъ христіанствомъ, повелѣвающимъ отречься отъ личнаго счастья ради другихъ, то я задушилъ-бы его сію же минуту!

Столяровскій нагнулся ко мнѣ къ самому уху и тихо шепнулъ.

— Все равно... Мы съ нимъ разочтемся!

Я взглянулъ на него съ изумленіемъ, но онъ сидѣлъ, видимо, спокойный, только руки его были скрещены на груди, какъ это дѣлаютъ борцы въ ожиданіи противника, да въ холодномъ, пристальномъ взглядѣ, устремленномъ прямо на мальчика, свѣтилась такая ненависть, что мнѣ стало страшно.

А мальчикъ стоялъ на самомъ краю камня, держась за руку гувернантки, и, смѣясь, громко разсказывалъ отцу, какъ будетъ махать платкомъ навстрѣчу броненосцамъ. Еслибъ не разстояніе, отдѣлявшее его отъ Столяровскаго, я, вѣроятно, боялся бы очень за его судьбу. И я начиналъ уже бояться,— но въ это время среди собравшейся публики произошло внезапное движеніе: изъ-за далекой скалы показался слабый дымокъ, и всѣ съ шумомъ поднялись съ своихъ мѣстъ, всѣ придвинулись ближе; кто-то даже крикнулъ восторженно: —„Эскадра! эскадра!..“ Волненіе и шумъ усилились, только мы съ Столяровскимъ сидѣли по прежнему смирно...Еще минута напряженнаго ожиданія—и передъ нами изъ-за скалы появился броненосецъ, за нимъ второе и третье судно,—и вдругъ среди нашего говора раздался отчаянный, пронзительный крикъ и вся толпа ахнула какъ одинъ человѣкъ — страннымъ, быстрымъ и короткимъ стономъ, похожимъ на вздохъ. Обернувшись, я увидѣлъ только, какъ широко всплеснула гувернантка руками, — но мальчика на скалѣ уже не было.

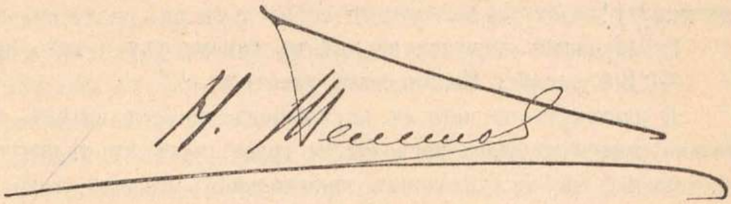
Я не помню, какъ и что произошло въ толпѣ. Въ одну и ту-же секунду я увидѣлъ и Столяровскаго, сидѣвшаго по прежнему рядомъ со мною, видѣлъ и мать, повалившуюся безъ чувствъ, и видѣлъ какъ сѣдая волна, раскатившись, отшвырнула отъ берега ребенка. Дѣло было одного мгновенія. Всѣ точно онѣмѣли, всѣ потерялись, всѣ стояли не двигаясь, но въ этотъ самый моментъ чья-то рука крѣпко сдавила мнѣ плечо, чей-то голосъ крикнулъ надъ моей головой: Нѣтъ!!— и Столяровскій прыгнулъ съ камня вслѣдъ за ребенкомъ.

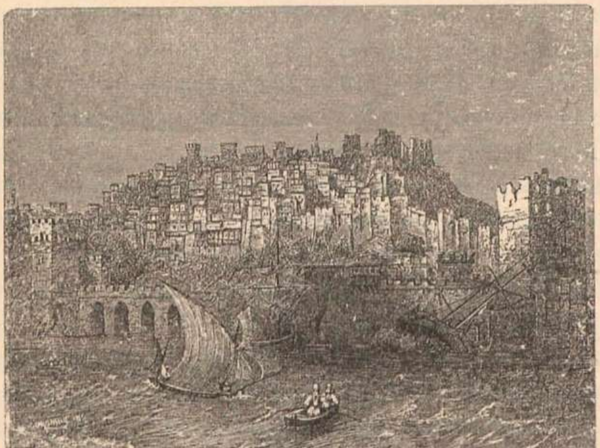
Всѣ видѣли какъ скрылся онъ въ волнѣ, только соломенная шляпа осталась на поверхности и, качаясь, покатилась вмѣстѣ съ волною. Толпа зашумѣла, за-

колыхалась; послышались крики: Лодку! лодку!... А море пѣнилось и гудѣло, бѣшено бросаясь на берегъ...

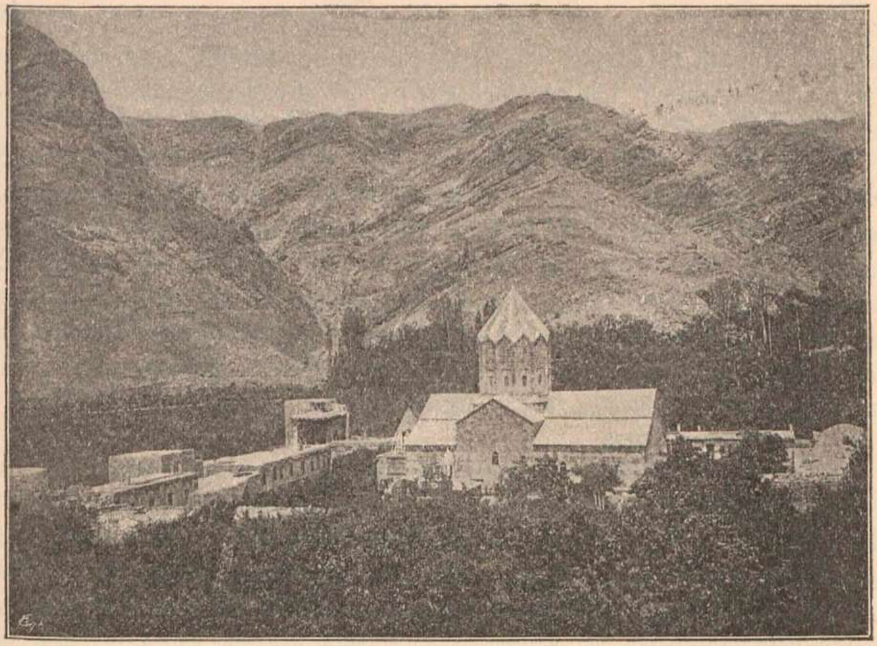
Вдругъ на волнахъ показалась рука, которая хваталась за ихъ гребни, боролась и вновь исчезала... Всѣ замерли отъ ожиданія и надежды. Потомъ на секунду вынырнули рядомъ двѣ головы, потомъ снова скрылись и вновь показались; потомъ громадный, сѣдой и зеленоватый валъ, косматый и бѣшеный, взвился около нихъ, заревѣлъ и выросъ еще круче, но обломился и рухнулъ, перебросился имъ черезъ головы и широко раскатился по морю безсильною бѣлою пѣной; а вдогонку за нимъ уже бѣжали и взвивались новыя волны; однѣ бѣжали къ намъ, другія отъ насъ, все мѣшалось, ревѣло и шипѣло, и высланная лодка долго не могла побороть ихъ натиска; ее трепало возлѣ берега. И сколько мы ни ждали, сколько ни глядѣли въ волны, сколько ни надѣялись,—но уже ничьихъ рукъ и ничьей головы болѣе не показалось....

По словамъ Столяровскаго, жизнь взяла свои жертвы. Но.... сталъ-ли отъ этого кто-нибудь счастливѣе на свѣтѣ?

Городъ Алая (Киликія).

Монастырь св. Ѳомы въ Акулисахъ (Нахичев. у).

Страсти Господни въ Оберъ Аммергау.

(путевыя воспоминанія).

I.

Въ пятницу 18 іюля 1890 я отправился по желѣзной дорогѣ изъ Мюнхена въ Партенкирхенъ; въ поѣздѣ были по большей части англичане и въ числѣ ихъ множество духовныхъ лицъ. Мы очутились у самыхъ предгорій Баварскаго Тироля. — Десятковъ пять—шесть экипажей: каретъ, фаэтоновъ, повозокъ ждутъ пассажировъ и везутъ ихъ по шоссейной дорогѣ въ 9 километровъ нарочно для доставки зрителей на Passionspiel устроенной. Дорога подымается зигзагами вверхъ по Амперу на Этталь къ длиннѣйшей въ одну улицу выстроенной деревушкѣ Оберъ Аммергау.—Весь этотъ край званъ былъ поповскимъ (Pfaffenwinckel); одни прелятуры да монастыри. — Объѣзжая его, можно было въ теченіе двухъ недѣль проводить каждую ночь въ иномъ монастырѣ или церковномъ домѣ. Земля эта принадлежала Вельфамъ, потомъ Гогенштауфенамъ, потомъ Виттельсбахамъ. Одинъ изъ сихъ послѣднихъ Людвигъ Баварскій сталъ Императоромъ въ 1314 (Людвигъ IV) отправился въ Италію короноваться, а потомъ, вернувшись опять въ свои баварскія владѣнія, устроилъ въ Эттаlѣ монастырь и при немъ общежитіе для 13 престарѣлыхъ рыцарей, подчиненное строгому уставу, нѣчто подобное тому, что по сказанію существовало въ Монсальватѣ для храненія

святого Грааля. Отъ Миннезингера Вольфрома фонъ Эшенбаха и Людвига IV до Людвига II, короля баварскаго, построившаго неподалеку Шванштейнъ и помышлявшаго о сооруженіи новаго Монсальвата въ Фалькенштейнѣ, вездѣ слышатся здѣсь отголоски сказанія о Парсивалѣ, вдохновившіе Вагнера. — Рыцарское братство, основанное Людвигомъ IV, какъ-то разстроилось, исчезло, но монастырь оставался и былъ умственнымъ и артистическимъ свѣточемъ въ этомъ захолустіи. Когда въ 1744 г. церковь въ Этталѣ сгорѣла, ее отстроили вновь въ XVII вѣкѣ въ стилѣ бароко на подобіе венеціанской Santa Maria della Salute. Громадный куполъ увѣнчанъ фонаремъ, верхъ котораго пирамидальный; множество арокъ, избытокъ позолотъ, множество орнаментовъ, амурчиковъ, лѣпныхъ и рѣзныхъ облаковъ, множество фресокъ на сводахъ.—Въ 1803 монастырь закрытъ, церковь обращена въ простую приходскую съ хорошею при ней монастырскою школою.

Отъ Эттаря по пути къ Оберъ Аммергау край небосклона образуютъ вереницею растягивающіеся верхи горнаго хребта, между которыми особенно замѣтна тонкая и заостренная игла *Kofel* (римскія Coveliacae). Тутъ былъ римскій лагерь, тутъ была большая и въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ сильно посѣщаемая дорога изъ Вероны въ Аугсбургъ. — По этой дорогѣ не только ввозились въ Германію издѣлія италіанскія, но распространялись италіанскія культура и искусство.—Все мѣстное населеніе художнически образованное, въ каждой избѣ есть живописцы или рѣзчики, главнымъ образомъ *богорѣзчики* (Herrgottschnitzler), выдѣлывающіе распятія и изображенія святыхъ. Оберъ Аммергау—простая деревня, въ видѣ одной безконечной ломаной линіи, съ множествомъ придворковъ, съ простыми деревянными заборами изъ жердей. Каждый домъ въ два этажа. Дома большею частью каменные, бѣлые, но на этомъ бѣломъ фонѣ росписаны фрески: Христосъ, святые въ облакахъ. Есть теперь и гостинницы на европейскій манеръ, но только для весьма богатыхъ людей; за то имѣется великое множество заѣзжихъ домовъ (Gastwirtschaften) устроенныхъ на одинъ манеръ. Съ крыльца ходъ въ сѣни, по одну сторону которыхъ нарядная гостиная (Gaststube), по другую шинокъ, преимущественно пивный. Изъ сѣней крутая лѣстница ведетъ на верхъ въ жилыя комнаты, которыя въ эпохи представленій превращаются въ общія спальни для пріѣзжихъ посѣтителей, кроватей по 3 или по 4 въ комнатѣ, съ платою по 4 марки съ персоны за переночеваніе. Такъ какъ въ томъ же домѣ подъ тою же крышей есть помѣщенія для лошадей и скота, то запахи отъ навоза и кухни проникаютъ повсюду. Деревня растянулась по рѣчкѣ Аммеру; на одномъ ея концѣ церковь, на другомъ театръ, обнесенный заборомъ съ греческимъ фронтономъ, весь расписанный сѣрокоричневыми фигурами (grisaille). По другой сторонѣ рѣки на холмѣ высится великолѣпное исполинское распятіе, кругомъ котораго расположена группа, состоящая изъ Богоматери и учениковъ. Этотъ памятникъ изъ желтоватаго камня сооруженъ королемъ баварскимъ Людвигомъ 1.

Такова мѣстность; къ субботѣ переполненіе ея посѣтителями страшное, всѣ дома, не исключая самыхъ скромныхъ крестьянскихъ, заняты; ненашедшіе себѣ мѣста помѣщаются въ окрестныхъ селеніяхъ. — Богатые экипажи и конные ѣздоки проталкиваются съ трудомъ чрез толпу пѣшихъ гуляющихъ, между ко-

торыми преобладаютъ англосаксонцы надъ нѣмцами и духовные надъ свѣтскими. Между духовными у многихъ по фіолетоваго цвѣта примѣтамъ въ костюмѣ видно, что они римскокатолическіе прелаты или епископы. — Тотчасъ послѣ того какъ смерклось, улица пустѣетъ. Пріѣзжіе рано ложатся спать. На слѣдующій день съ 6 часовъ утра идутъ обѣдни, а ровно въ 8 начинается представленіе. Прежде чѣмъ стану его описывать, скажу нѣсколько словъ о происхожденіи и теперешнемъ устройствѣ представляемыхъ на сценѣ страданій или мукъ Господнихъ.

II.

Большинство космополитической интеллигентной публики, стекающейся въ этотъ театръ выноситъ обыкновенно то впечатлѣніе, что они созерцали какимъ то чудомъ уцѣлѣвшій остатокъ средневѣковыхъ мистерій, нѣжный цвѣтокъ наивной, чисто народнической поэзіи, продолжающій цвѣсти и благоухать въ какомъ то захолустьи у мало образованныхъ мужиковъ. Такое мнѣніе совсѣмъ несогласно съ истиною. *Passionsspiel* есть нѣчто весьма искусственное, плодъ книжной учености, школьной выправки и обдуманнѣйшей религіозной политики. — Своими подземными для простаго глаза невидимыми корешками представленія страстей Господнихъ по своему содержанію, по своему тексту, заходятъ въ средніе вѣка, но сами они произошли отъ скрещенія италіанскаго возрожденія, перенесеннаго на нѣмецкую почву, съ католической антиреформаціей, обновившей римскій католицизмъ въ XVII столѣтіи, то есть съ религіознымъ движеніемъ, во главѣ котораго стояли іезуиты.

Вездѣ въ западной Европѣ вообще, а слѣдовательно и въ Германіи, были въ ходу такъ называемыя мистеріи, представленія изъ ветхаго и новаго завѣта, разыгрываемыя цеховыми, церковными или иными братствами,—иногда труппами странствующихъ актеровъ, товарищами мейстерзенгеровъ занимающихся драматическимъ искусствомъ.—Отличительными чертами подобныхъ представленій въ Германіи были простота, наивность, серьезность. — На первомъ планѣ стояли мораль благочестія, забота о самой сути представленнаго сюжета, а не о пышной внѣшности, не объ обстановкѣ, дѣйствующей на воображеніе посредствомъ чувственныхъ воображеній. — Наоборотъ, за Альпами въ періодъ возрожденія сама обстановка стала главнымъ дѣломъ и совершенствовалась по мѣрѣ усиливающагося знакомства съ античнымъ театромъ. Сохранились извѣстія, что въ самомъ концѣ XV и въ первой четверти XVI вѣка страсти Господни представляемы были въ Римѣ въ Колизеѣ и что тогда же изданъ былъ самъ текстъ этого представленія Пенитенціаріемъ флорентинцемъ *Джуліано Дати* (умершимъ въ 1520 г.): La representazione del Nostro Signore Jesu Christo quale si representa in Coliseo in Venerdi santo con la sua Resurrezione istoriata (См. статью Грегоровіуса въ „Unsere Zeit“ 1890 г. 8 выпускъ).—Представленія происходили обыкновенно на Пасхѣ, постановкою занималось церковное братство del Gonfalone при церкви S. Maria Maggiore. Зрители помѣщались внизу, на самой аренѣ, сцена

устраивалась на возвышающихся ступеняхъ амфитеатра, еще совсѣмъ на маперъ средневѣковый. Рядкомъ одна возлѣ другой помѣщались немѣняющіяся декораціи, изображающія Садъ Елеонскій, Голгоѳу и дворецъ Пилата, надъ ними родъ галлереи изображающей облака съ ангелами, а внизу преисподняя, сообщающаяся со сценою посредствомъ трапа.—Прологъ произноситъ ангелъ. Душа патріарха Іакова опускалась въ адъ, возвѣщая присутствіе Мессіи. Представленіе кончалось докладомъ сотника Пилату о чудесахъ и знаменіяхъ сопровождавшихъ распятіе Христа. Представленія въ Колизеѣ были прерваны по разореніи Рима въ 1525 войсками Карла V, они возобновились въ 1529 г., но были окончательно закрыты въ 1539 г., потому что давали поводъ къ безпорядкамъ, къ избіенію евреевъ — Между тѣмъ театральное зодчество въ XVI столѣтіи ознаменовалось въ Италіи громадными успѣхами. Великіе мастера берутся за преобразованіе, устраивая сцену по образцу античнаго театра. Знаменитый Андрей Палладіо родомъ изъ Виченцы (род. 1518 умеръ 1680) затѣялъ въ Виченцѣ постройку „Олимпійскаго театра", которую довелъ до конца въ началѣ XVII в. его ученикъ Скамоцци. — Сценическая обстановка въ Оберъ Аммергау по своему устройству поразительно похожа на этотъ Олимпійскій театръ Палладіо. Начало Оберъ Аммергаускихъ представленій относится къ первой половинѣ XVII вѣка, то есть ко времени, когда іезуиты, ставъ твердою ногою въ Баваріи, господствовали не только въ политикѣ, но и въ искусствѣ, когда они были въ модѣ, давали тонъ, были законодателями вкуса и когда ихъ вліянію подчинялось все духовенство, всѣ церковныя братства, занимавшіяся драматическимъ искусствомъ.—Всѣ усовершенствованія въ театральной техникѣ въ подражаніе древнимъ образцамъ не только въ архитектурѣ, но и въ пластикѣ, музыкѣ и мимикѣ были примѣнены братьями ордена съ религіозною цѣлью борьбы съ протестантизмомъ и усиленія привязанности народа къ римскокатолическому вѣроисповѣданію посредствомъ дѣйствія на его чувственность, на его воображеніе. — Переворотъ произведенный братьями ордена въ сценическомъ искусствѣ отчасти былъ похожъ на тотъ, который совершенъ въ нашемъ вѣкѣ Рихардомъ Вагнеромъ и который состоялъ въ сочетаніи всѣхъ родовъ искусствъ въ рамкахъ драмы, причемъ однако сама основа драмы, заключающаяся въ текстѣ, сдѣлалась чѣмъ то второстепеннымъ. Этотъ текстъ могъ бы быть и даже бывалъ иногда латинскій. Уразумѣнію его помогутъ печатныя книжки (Periochen), не вслушиваются же и теперь въ слова текста иностранные пріѣзжіе въ Оберъ Аммергау.—Самъ текстъ взятъ изъ средневѣковыхъ мистерій, но онъ передѣланъ и до неузнаваемости изукрашенъ; точно также измѣнена и вся обстановка на сценѣ съ помощью итальянскихъ мастеровъ, скульпторовъ, рѣзчиковъ, штукатуровъ, при содѣйствіи такихъ капельмейстеровъ, какъ знаменитый въ свое время Орландо ди Лассо и при роскошнѣйшей костюмировкѣ.

Религіозная драма, въ которой главными дѣятелями были братья іисусова ордена пришла въ концѣ XVII и въ XVIII столѣтіяхъ въ состояніе полнаго разложенія и упадка, вслѣдствіе того, что съ перемѣною времени и вкусовъ сцена сдѣлалась по отношенію къ церкви совсѣмъ независимою и свѣтскою. Въ Германіи постепенный ходъ этой секуляризаціи драматическаго искусства обозначается тѣмъ, что при дворахъ нѣмецкихъ, а въ томъ числѣ и при баварскомъ заводятся

иноземныя привозныя представленія: италіанская опера (drama per musica съ 1652 г.) и французскія труппы актеровъ (съ 1670 г.). Денежныя средства, щедро сыпавшіяся изъ казны на іезуитскіе спектакли, текутъ уже по иному руслу, на эти иностранныя сцены международнаго характера. Образованное и великосвѣтское общество уже не интересовались библейскими сюжетами. Эти сюжеты стали развлекать одно лишь простонародье и представленія ихъ дѣлаются болѣе и болѣе уродливыми и рутинными. Они переполняются аллегоріями. Дѣйствующими лицами являются отвлеченныя понятія: смерть, грѣхъ, или божества языческой миѳологіи. Это смѣшеніе языческаго съ христіанскимъ, доходящее до карикатурнаго изображенія религіозныхъ предметовъ, заставило само католическое духовенство вооружаться противъ религіозныхъ представленій на сценѣ и требовать ихъ запрета. Духъ XVIII вѣка былъ вообще антирелигіозный и раціоналистическій склонный къ тому, чтобы относиться къ религіознымъ предметамъ не только отрицательно, но и насмѣшливо. Въ представленіяхъ духовенства проводится та идея, что священныя таинства религіи безусловно не подлежатъ сценическому представленію.—31 марта 1770 г. послѣдовало распоряженіе баварскаго курфирста Макса Іосифа III безусловно запрещающее постановку страстей Господнихъ (die Passionstragödien gänzlich abzuschaffen und die selbe weder in der Fasten am mindesten aber in der heiligen Charwoche mehr zu gedulden), тяжелая рука бюрократіи и полиціи легла такимъ образомъ на этой отрасли искусства, сдѣлавшейся простонародною, вслѣдствіе того, что для интеллигентнаго общества она стала безразличною. — Спрашивается, какъ могли уцѣлѣть при запретѣ 1770 г. народныя религіозныя представленія въ Оберъ Аммергау?

III.

По мѣстному преданію, когда въ 1633 г. въ Баваріи свирѣпствовала *черная смерть*, Оберъ Аммергауская община, которую опустошала эта зараза, постановила въ видѣ религіознаго обѣта справлять каждые десять лѣтъ трагедію смерти Господней (die Tragedie zur Ehren des bitteren Leydens und Sterbens Jesu Christi zu halten und zu exhibiren). — Какъ только данъ былъ этотъ обѣтъ, язва внезапно прекратилась. Первое представленіе дано въ 1634 г., но затѣмъ въ 1680 г. рѣшено перенести зрѣлища на года оканчивающіяся нулемъ, что продолжалось съ 1680 г. по 1770 г., когда послѣдовалъ правительственный запретъ. Оберъ Аммергауцы жаловались, ссылаясь на обѣтъ. Правительство отвѣтило, что данный обѣтъ можно исполнять инымъ какимъ-нибудь образомъ (eine andere gottesdienstliche Handlung, Predigt oder Standgebet). Ходатайство общинниковъ возобновилось въ 1780 г. при курфирстѣ Карлѣ Теодорѣ, когда сила запрета значительно уже ослабѣла. Примѣняясь къ мотивамъ вызвавшимъ запретъ, Оберъ Аммергауцы просили о допущеніи представленія изъ ветхаго и новаго завѣта, по очищеніи его отъ всѣхъ дающихъ поводъ къ соблазну несообразностей (von allen anstossli-

chen Ungebührlichkeiten). Имъ разрѣшено то, о чемъ они просили, но послѣ представленія 1780 г. поднялось уже послѣднее преслѣдованіе зрѣлищъ въ духѣ просвѣщеннаго деспотизма. Первый магистръ графъ Монжеля (Montgelas) запретилъ въ 1801 г. Passionspiel безусловно и объявилъ, что привиллегія данная Оберъ Аммергауцамъ потеряла силу. Въ 1810 г. депутація отъ общинъ, имѣя во главѣ своего бургомистра Лонга, пріѣхала въ Мюнхенъ хлопотать о разрѣшеніи. Прошеніе для депутаціи сочинилъ священникъ Самбуга, бывшій воспитатель тогдашняго кронпринца, сдѣлавшагося потомъ королемъ Людвигомъ I. По просьбѣ сына король Максъ Іозефъ разрѣшилъ 3 марта 1811 г. представленія, которыя съ тѣхъ поръ отбываются по нулевымъ годамъ, но въ 1870 г. были прерваны по случаю франко-германской войны. Ближайшее произойдетъ въ 1900 г.

Необходимость приспособленія зрѣлища къ духу вѣка и устраненія изъ него несообразностей и неприличій повліяла самымъ благотворнымъ образомъ на логическую часть зрѣлища, то есть на содержаніе текста, который представляется нынѣ въ слѣдующемъ видѣ. У мѣстнаго почтмейстера Гвидо Лонга имѣется старинный печатный текстъ представленія изъ 4500 стиховъ, помѣченный 1662 г.—Критическія изслѣдованія показали, что онъ образовался отъ сліянія въ одно двухъ источниковъ: 1) рукописнаго Passionsspiel'а XV вѣка, которымъ пользовалось какое-то братство аугсбургскихъ лицедѣевъ, весьма грубаго и наивнаго и 2) трагедіи о страстяхъ и смерти I. X. напечатанной въ 1566 и сочиненной аугсбургскимъ учителемъ *Basti* (т.-е. Себастіаномъ) *Kild*'омъ. Въ своей совокупности компиляція 1662 ниже всякой критики, она произведеніе преимущественно нравоучительное. Съ конца XVII в. въ представленіе включаются разныя вставки, разныя аллегоріи; входитъ душа и начинаетъ бесѣдовать съ ангеломъ о страстяхъ господнихъ. Когда близилось представленіе 1750 г. и Оберъ Аммергауцы ожидали пріѣзда до 12000 посѣтителей, они обратились къ ученому профессору Фердинанду Росслеру, кончившему жизнь монахомъ въ Этталѣ, какъ къ извѣстному того времени драматургу (berühmter Comicus seiner Zeit) съ просьбою о приспособленіи текста „Страстей" къ требованіямъ новаго времени и вѣка. Росслеръ установилъ то дѣленіе представленія и тотъ распорядокъ частей, которые соблюдаются и теперь. Сцены драмы чередуются съ такъ называемыми *Exhibitionen*, то есть живыми пластическими картинами, изъ ветхаго завѣта, предвозвѣщающими страданіе Христа.—Передъ дѣйствіями драмы и живыми картинами на просценіумъ выходятъ такъ называемые „духи хранители" (Schutzgeister), родъ хора знакомящаго зрителя съ тѣмъ, что будетъ представляться.—Сверхъ этихъ духовъ хранителей выводились на сцену олицетворенія отвлеченныхъ понятій: смерть, грѣхъ, жадность, зависть, толпы адскихъ духовъ:—Представленіе сопровождалось музыкальнымъ акомпаниментомъ и хоровыми аріями. О вкусѣ господствовавшемъ въ этомъ произведеніи, скомпанованномъ Росслеромъ, можно судить по заключительной картинѣ представленія или по такъ называемому апоѳеозу. Стоялъ на сценѣ алтарь, на немъ книга съ семью печатями, а на ней агнецъ съ ореоломъ, лавровымъ вѣнкомъ и хоругвью. Предъ алтаремъ лежатъ скованные грѣхъ, смерть и дьяволъ, алтарь окружали прародители и пророки.

Я уже упоминалъ о томъ, что подъ вліяніемъ развившейся въ XVII в. реакціи противъ религіозныхъ зрѣлищъ, признано необходимымъ произвести очистку ихъ

отъ миѳологическихъ налетовъ, и видоизмѣнить даже словесную ихъ форму, сдѣлавъ дѣйствіе болѣе простымъ, болѣе свободнымъ и реальнымъ.—Эта новая переработка произведена въ 1811 г. однимъ изъ монаховъ упраздненнаго монастыря Отмаромъ Вейссомъ и была весьма коренная, капитальная. Вейссъ безпощаднѣйшимъ образомъ исключилъ изъ представленія все аллегорическое, стихи онъ оставилъ только для хора, то есть для части представленія поучительно-лирической, а все лицедѣйствіе передалъ просто прозою, съ воспроизведеніемъ представляемыхъ событій на сколько возможно по подлиннымъ словамъ евангелія. Послѣдняя ретушировка текста сдѣлана умершимъ въ 1883 г. отцомъ Іосифомъ Алоизіемъ *Дайзелбергеромъ*, который сильную прозу Вейсса превратилъ въ бѣлые нерифмованные стихи. — Музыкальный акомпаниментъ игравшійся при представленіяхъ 1890 г. принадлежитъ мѣстному школьному учителю Рохусу *Дедлеру*, сочинившему въ 1814 г. музыку довольно однообразную и слабую, но подходящую къ представленію и къ средствамъ труппы въ качествѣ добавочнаго второстепеннаго элемента.

IV.

Представленіе начинается въ 8 часовъ утра и продолжается до 6 часовъ вечера съ малымъ перерывомъ въ полдень, длящимся полтора часа. Оно происходитъ на открытомъ воздухѣ. Они не прерывались даже въ случаяхъ довольно частыхъ въ этой горной мѣстности падающихъ дождей. Отъ этой непріятности нынѣ защищена часть сидѣній для публики; эти дороже оплачиваемыя мѣста имѣютъ надъ собою родъ легкаго навѣса. Три крытыя строенія возвышаются на сценѣ, одно главное съ фасадомъ въ родѣ греческаго храма съ занавѣсью, поднимающеюся, когда внутри этого храма представляются живыя картины изъ ветхаго завѣта или идутъ главныя явленія напримѣръ: тайная вечеря, моленіе въ Геѳсиманскомъ саду или распятіе на Голгоѳѣ. — По обѣ стороны этого храма расположены симметрически двѣ меньшія постройки, направо дворецъ первосвященника Каіафы и налѣво дворецъ Пилата. Оба боковыя строенія соединены съ главнымъ посредствомъ арокъ, подъ которыми виднѣются въ перспективѣ двѣ улицы Іерусалима. Передъ тремя зданіями широкая площадка или такъ называемое proscenium, на которомъ свободно движутся изображаемыя толпы народа числомъ до четырехсотъ человѣкъ и потомъ быстро исчезаютъ, либо входя въ храмъ либо стекая по улицамъ подъ арками.—Все представленіе состоитъ изъ трехъ совершенно отдѣльныхъ перемежающихся и поочередно дѣйствующихъ на публику элементовъ.

Представленіе состоитъ *во-первыхъ* изъ хора „духовъ хранителей", произносящаго на распѣвъ при акомпаниментѣ музыки въ церковномъ стилѣ стихи въ родѣ псалмовъ. Послѣ каждаго драматическаго явленія и во все время представленія живыхъ картинъ выходятъ на просценіумъ и располагаются лицомъ къ зрителямъ полукругомъ 10 мущинъ, 14 женщинъ, всего 24 человѣка такъ на

зываемые *Schutzgeister*. — Въ былое время они являлись въ фантастическихъ костюмахъ, съ вѣнками изъ птичьихъ перьевъ на головахъ, съ какими изображалъ поздній ренессансъ американцевъ временъ Колумба. Теперь дѣйствуютъ они въ нарядахъ царей и царицъ средневѣковыхъ, въ золотыхъ коронахъ и опоясанные золотыми шнурами. Лица хористовъ грубыя, но выразительныя. Есть между женщинами такія, которыя по голосу и по очертаніямъ прямо годились бы въ валькиріи.

Вторую составную часть представленія образуютъ *Vorbilder* или живыя картины изъ ветхаго завѣта, предвозвѣщающія символически событія новаго завѣта.—Въ 1890 г. даваемы были 22 такія картины. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ съ новымъ завѣтомъ самую отдаленную и такъ сказать натянутую связь, въ доказательство чего, напримѣръ, приведу поясненіе даваемое хоромъ разводу Артаксеркса съ Васти и возведеніе въ царицы Эсѳири.

Seht Vasti die stolze wird verstossen
Ein Bild was mit der Synagoge hat Gott beschlossen.

Первоклассные мюнхенскіе художники помогли крестьянамъ Оберъ Аммергауцамъ ставить эти картины, онѣ скомпанованы въ стилѣ италіанской живописи лучшаго времени, то есть XVI вѣка.

Наконецъ *третью* часть представленія, собственно ту, которая и есть существенная, образуетъ сама драма, въ 17 дѣйствіяхъ подраздѣляющихся на сцены. Представленіе начинается со въѣзда Христа въ Іерусалимъ на осляти. – Густыя толпы народа текутъ изъ проходовъ подъ арками, изображающихъ улицы Іерусалима, на просценіумъ. Христосъ спѣшившись входитъ въ храмъ и изгоняетъ оттуда торговцевъ. — Христосъ и ученики изображены въ костюмахъ, въ какихъ ихъ писали Тиціанъ и Рафаэль. Толпа наряжена по восточному въ цвѣтныя яркія одежды; она движется съ такою свободою и непринужденностью, какими мы восхищались при представленіяхъ мейнингенской труппы. Конечно, въ уста Христа влагается многое, чего нѣтъ въ евангеліи, но это вставное превосходно выдержано въ тонѣ и духѣ евангельскаго повѣствованія.

Затѣмъ слѣдуетъ совѣщаніе архіереевъ и книжниковъ у Каіафы, въ которомъ надо было все сочинять отъ начала до конца. Сочинено недурно; главная забота какъ заполонить и взять въ свои руки Христа; есть въ виду ученыхъ сребролюбецъ, котораго рѣшено къ себѣ зазвать и склонить на свою сторону. Затѣмъ въ Виѳаніи Христосъ разговариваетъ съ учениками по случаю близящагося праздества Опрѣсноковъ; приходятъ Лазарь съ сестрами; Христосъ прощается съ матерью. — Въ этой средѣ, дышащей одними только задушевными чувствами и любовью обрисовывается темнымъ пятномъ лицо предателя, передаваемое довольно близко къ евангелію, но задуманное съ замѣчательно тонкою художественностью и не превращенное въ нѣчто сатанинское. За нимъ оставленъ обликъ человѣческій, такъ что мы понимаемъ мотивы его дѣйствій, рѣшимость грубаго, черстваго, ограниченнаго человѣка, имѣющаго свои поводы недовольства образомъ дѣйствія Христа. Это по натурѣ любостяжательный скопидомъ; онъ недаромъ и избранъ былъ Христомъ въ казначеи всего братства, въ распорядители довѣренной ему мошны, которая истощалась вслѣдствіе щедрости Спасителя. Онъ искренно скорбитъ о томъ, что одного нарда на умащеніе ногъ Спасителя вышло на 300 динаріевъ.—Онъ страдаетъ потому, что вмѣстѣ съ другими вѣруетъ въ возстановленіе

Христомъ Іудейскаго царства, но когда онъ услышалъ, что Христосъ готовится душу свою положить за овцы, то крайне смущенъ и озадаченъ мыслью о томъ, а съ нимъ же самимъ что будетъ? (Wer sorgt, wenn ich nicht sorge, bin ich nicht Säckelmeister)? Въ эту минуту раздраженія къ нему подходятъ посланные отъ первосвященника, которымъ онъ открываетъ душу свою по пріятельски, думая что они напрашиваются поступить въ ученики Христа. Онъ сообщаетъ, что имъ нечего ожидать отъ Христа, что Христосъ собирается умереть и что онъ расточаетъ общее достояніе своихъ послѣдователей. Посланные склоняютъ Іуду указать имъ, гдѣ учитель, что онъ въ концѣ-концевъ и дѣлаетъ, предполагая, что онъ самъ и заступится за Христа передъ первосвященникомъ. Онъ думаетъ, что Христа арестуютъ только на нѣкоторое время и разстается съ посланными добродушно па нѣмецкій манеръ ударивъ другъ другу рука объ руку и имѣя на умѣ при этомъ рукобитіи поговорку: *ein Mann*, *ein Wort*. Оставшись наединѣ онъ разсуждаетъ самъ съ собою въ монологѣ, который сочиненъ въ шекспировскомъ стилѣ: арестуютъ Его — тогда я получу изрядныя деньги. — Онъ ли возьметъ верхъ — тогда я испрошу у него прощеніе; Онъ вѣдь добръ и милосердъ. Собственно я не измѣняю ему, я только сообщилъ извѣстіе о томъ, гдѣ онъ будетъ находиться.

Наступаетъ широкою кистью написанная сцена Тайной Вечери, вся по евангелію, воспроизводимому почти дословно, съ омовеніемъ ногъ ученикамъ, съ преломленіемъ хлѣба (пріймите ядите...) съ выпиваніемъ вина и съ указаніемъ на будущаго предателя, какъ на опускающаго вмѣстѣ съ Христомъ руку въ солило.

Громадное впечатлѣніе, производимое дѣйствіемъ Тайной Вечери, усиливается еще и ростетъ прогрессивно въ послѣдующихъ сценахъ. Іуда продаетъ учителя архіереямъ въ синедріонѣ за 30 сребренниковъ при сильномъ сопротивленіи продажѣ со стороны Никодима, котораго тутъ-же заподозрили его товарищи, что онъ тайный послѣдователь Христа. — Послѣ ухода Іуды съ солдатами и слугами архіерейскими, совѣтъ, въ маломъ, такъ сказать, комплектѣ предрѣшаетъ смерть Іисуса.

Въ слѣдующей затѣмъ сценѣ въ Геѳсиманскомъ саду, переданной точнымъ образомъ по евангелію, въ составъ представленія входитъ сверхъестественный элементъ, неизбѣжный при условіяхъ религіознаго зрѣлища; съ облаковъ спускается ангелъ съ чашей на камень, у котораго изнемогаетъ Христосъ и подкрѣпляетъ его.—Затѣмъ появляется Іуда съ вооруженными людьми, у Малха усѣчено ухо, Христосъ заарестованъ. Въ Оберъ Аммергау на сценѣ это событіе происходитъ не въ полночь, а ровно въ полдень, и тѣмъ кончается первая часть представленія.— Послѣ полуторачасоваго перерыва идетъ вплоть страшная и необычайно сильно дѣйствующая на нервы трагедія страданій Христовыхъ. Почти все дѣйствіе происходитъ подъ открытымъ небомъ либо на просценіумѣ передъ самой публикой, либо на двухъ боковыхъ крыльцахъ направо у Каіафы или налѣво у Пилата; Христосъ поставленъ сначала передъ Анною, а потомъ передъ зятемъ его, первосвященникомъ Каіафою. Смертная казнь изрекается всѣмъ совѣтомъ въ полномъ составѣ. Послѣ запирательства Петра появляется раскаявшійся Іуда, который приноситъ совѣту свои серебренники и, недостигнувъ освобожденія Христа,

бросаетъ ихъ на землю. Увѣнчаннаго терніемъ и почти обнаженнаго Христа солдаты сажаютъ на стулъ, кланяются ему, а потомъ сталкиваютъ его на полъ.— Когда Христа увели за утвержденіемъ приговора, въ среднемъ строеніи опять показывается Іуда, надѣваетъ себѣ веревку на шею; занавѣсъ опускается въ тотъ самый моментъ, когда онъ вѣшается.

Замѣчательно хорошо очерченъ Пилатъ. Этотъ проконсулъ до мозга костей римлянинъ, въ глубинѣ души онъ справедливый человѣкъ, но настолько безхарактерный, что всѣ его попытки къ тому, чтобы Христа выгородить, служатъ только къ усиленію поруганія Христа и его мученія. Пилатъ съ презрѣніемъ относится къ евреямъ. Онъ какъ юристъ доискивается состава преступленія и требуетъ доказательствъ. — Вмѣсто доказательствъ онъ слышитъ одни крики и ругательства. Когда ему надоѣла эта безсмысленная орава, онъ хватается за пришедшій ему на умъ предлогъ, чтобъ сбыть Христа съ рукъ: «оказывается, что онъ Галилеяниnъ, такъ ведите его къ царю Ироду».

Недурно также задуманъ и Иродъ, сластолюбецъ и безбожникъ, но вѣрующій въ чудеса и сгорающій желаніемъ, чтобы Іисусъ, котораго онъ представляетъ себѣ великимъ фокусникомъ, показалъ бы ему какой нибудь фокусъ, превратилъ бы день въ ночь или посохъ въ змѣю. Раздраженный молчаніемъ Христа (stumm wie ein Fisch) онъ рѣшаетъ отдать его на посмѣяніе и такъ какъ говорили люди, что онъ называлъ себя царемъ іудейскимъ, то облечь его въ багряницу и въ такомъ видѣ отправить его опять къ Пилату.—Передъ проконсуломъ Христосъ предсталъ почти нагой, въ трико, опоясанный холстомъ вокругъ торса, со связанными руками, ручьи крови изображены струящимися изъ ранъ его на головѣ по всему тѣлу. Пилатъ хитритъ съ евреями, желаетъ ограничиться бичеваніемъ, предлагаетъ дать народу на выборъ,кого онъ захочетъ отпустить—Христа или Варавву, наконецъ прибѣгаетъ къ слѣдующей юридической уловкѣ.—Вы не народъ, говоритъ онъ къ старѣйшинамъ, священникамъ и книжникамъ, пускай выскажется народъ, который его превозносилъ. Тогда архіереи распускаютъ во всѣ концы своихъ клевретовъ. — Между тѣмъ происходитъ за сценою бичеваніе, а потомъ на сценѣ же въ главномъ строеніи вбиваніе въ голову терноваго вѣнка и всученіе въ руки Христа тростника вмѣсто скипетра.

Наступаетъ особое явленіе народнаго мятежа (die Empörung), вся труппа лицедѣевъ въ полномъ сборѣ на просценіумѣ: старцы, взрослые, дѣти; бѣснующіеся, разъяренные, точно тигры, съ ревомъ и воемъ домогающіеся преданія Христа на распятіе. Христа выводятъ изъ дома Пилата. Онъ спускается медленно по лѣстницѣ въ накинутой на него и опускающейся до стопъ мантіи, со связанными руками, съ лицомъ обращеннымъ къ народу и зрителямъ.—Еврейскій бунтъ озадачилъ Пилата; онъ омываетъ руки заявляя, что онъ удовлетворяетъ ихъ домогательству, чтобы избѣгнуть большаго зла (Jch habe eurem Drängen nachgegeben um grösseres Uebel zu verhüten) Форма суда соблюдена, писарь читаетъ приговоръ, народъ ликуетъ, что ему выдали Христа. Верхъ художественности представляетъ собою шествіе на Голгоѳу; впереди ѣдетъ сотникъ верхомъ и движутся солдаты, затѣмъ изнемогающій подъ тяжестью креста Христосъ. о которомъ сожалѣютъ даже его палачи, заставляющіе нести крестъ Симона Киренейскаго. Происходитъ свиданіе Христа съ матерью. Одна изъ женщинъ обтираетъ лицо Христа платкомъ.

Передъ явленіемъ, посвященномъ распятію, хоръ духовъ-хранителей является въ черныхъ ризахъ. Во время хороваго пѣнія за сценой слышенъ стукъ молотковъ. Когда поднимается занавѣсь, закрывающая главное строеніе, уже два разбойника висятъ прикрѣпленные къ своимъ висѣлицамъ, а Христосъ лежитъ въ горизонтальномъ положеніи на крестѣ который придется водружать. По словамъ исполнявшаго роль Христа Майра пребываніе на крестѣ — самая трудная поза, которая, еслибы продолжалась дольше чѣмъ положено, то кончилась бы тѣмъ, что лицедѣй впалъ бы въ обморокъ. Такъ и случилось разъ съ Майромъ въ 1880 г. Едва онъ произнесъ: Или или лима совахѳани, какъ потерялъ сознаніе и пришелъ въ себя только послѣ того, какъ оказался снятымъ уже съ креста среди Богородицы и женщинъ. Впечатлѣніе на зрителей поднятіемъ и водруженіемъ креста съ Христомъ переходитъ за предѣлы художественнаго; всѣ страдаютъ отъ болѣзненнаго нервнаго раздраженія, отъ преизбыточнаго реализма въ зрѣлищѣ. Изъ прободенныхъ ногъ и рукъ торчатъ подобія гвоздей, потоки крови стекаютъ по членамъ тѣла. — Двадцать минутъ длится распятіе. Изображающій Христа Майръ имѣлъ подъ своимъ трико корсетъ прикрѣпленный къ фиксированному въ крестѣ крюку. Преломленіе голеней у разбойниковъ не производитъ даже и иллюзіи.— Два палача съ пребольшущими палицами въ рукахъ, состоящими изъ кожи начиненной хлопкомъ ударяютъ раза четыре по разбойникамъ и произносятъ: „довольно съ тебя" (Jetzt hast du genug). Прободеніе груди у Христа по распоряженію сотника исполняется такимъ образомъ, что изъ имѣющагося подъ трико пузыря наполненнаго красной жидкостью брыжжетъ подобіе крови.—Великолѣпны снятіе съ креста и погребеніе. На томъ можно было бы покончить представленіе. По религіознымъ соображеніямъ оно было бы однако не полно безъ воскресенія, которое значительно сокращено противъ текста сочиненнаго Дайзенбергеромъ и занимаетъ не болѣе четверти часа. Мы видимъ стражу у Гроба Господня; происходитъ внезапное сіяніе, камень закрывающій гробъ отваливается. Христосъ появляется въ бѣлой ризѣ и удаляется со сцены, между тѣмъ какъ солдаты разинувъ рты недоумѣваютъ и рѣшаютъ доложить архіереямъ о происшедшемъ. Затѣмъ хоръ поетъ: Христосъ воскресъ и аллилуйа, а въ глубинѣ сцены въ апоѳеозѣ возносится на небо воскресшій Христосъ. По пространному тексту, исполнявшемуся до 1890 г. послѣ женщинъ и ангеловъ, возвѣщающихъ о воскресеніи, прибѣгали испуганные вѣстью Анна, Каіафа и архіереи, ругались со стражею, грозили жалобою Пилату за допущенное похищеніе мертваго тѣла, потомъ подкупали эту стражу, дабы она заявила, что тѣло украдено было учениками.—Послѣ ухода и солдатъ и архіереевъ на опустѣвшій просценіумъ вбѣгаютъ святыя жены и апостолы, въ томъ числѣ Петръ и Іоаннъ. Представленіе должно было заканчиваться богоявленіемъ Христа одной Маріи Магдалинѣ и прощальными обращенными къ ней словами Христа. Представленіе завершается хоровымъ гимномъ аллилуйа безъ мала въ 6 часовъ пополудни.

Мнѣ остается прибавить еще нѣсколько интересныхъ закулисныхъ свѣдѣній о лицедѣяхъ религіознаго представленія и о финансовой сторонѣ этого крупнаго и существенно важнаго для благосостоянія общины Оберъ Аммергау предпріятія. Эти данныя я заимствую изъ интересной книжки Выля (W. Wyl), присутствовавшаго при представленіяхъ 1880 и 1890 годовъ: *Der Christus Mayr.*

V.

Функціи поставщика на сцену или такъ называемаго *impressario* по представленію страстей Господнихъ исполняетъ Оберъ Аммергауская община, состоящая изъ 217 домохозяевъ; конечно, не община въ цѣломъ ея составѣ, а ея представительство или спеціальный комитетъ для Passionspiel'а, въ которомъ предсѣдательствовалъ въ 1890 г. бургомистръ Іоганъ *Лонгъ*, онъ же и Каіафа въ пьесѣ, а дочь его Роза изображала Богородицу, другая же дочь играла роль Маѳы. Родственникъ ихъ, учитель рисованія, тоже по фамиліи Лонгъ, ставилъ живыя картины. Руководителемъ и главнымъ вдохновителемъ этого комитета былъ мѣстный приходскій священникъ. Роли въ Оберъ-Аммергау не наслѣдственны, но даются только людямъ приписаннымъ къ общинѣ и очень долго остаются за однимъ и тѣмъ же лицомъ, которое переходитъ постепенно съ одного амплуа на другое. Начавъ съ мальчика актеръ становится въ слѣдующее десятилѣтіе апостоломъ Іоанномъ, а еще по истеченіи десяти лѣтъ бывали случаи, что прежній Іоаннъ дѣлался Христомъ. Бывали примѣры, что прежній Іоаннъ превращался потомъ въ Іуду Искаріотскаго (живописецъ Цвинкъ). Геттъ, продолжающій оставаться апостоломъ Петромъ, имѣлъ прежде черные какъ смоль волоса, а въ 1890 г. былъ уже какъ лунь сѣдой.—Рендль, бывшій сначала Іоанномъ, потомъ Пилатомъ, состязался въ 1870 г. съ Іосифомъ Майромъ, начинавшимъ только играть въ то время, по вопросу о томъ, кому изъ нихъ играть роль Христа. Майръ сослужилъ 3 срока (1870, 1880 и 1890 г.) и, достигнувъ въ послѣдній срокъ 47 лѣтъ, покидаетъ окончательно свою театральную должность, потому что и посѣдѣлъ и отъ игры на холоду въ одномъ трико совсѣмъ разболѣлся и страдаетъ неизлѣчимымъ ревматизмомъ. Когда въ 1890 г. Іосифу Майру непоздоровилось, такъ что усумнились будетъ ли онъ въ состояніи играть, то по мірскому приговору общины постановлено было возложить исполненіе этой роли на бывшаго Пилата—Рендля, вслѣдствіе чего выписанъ былъ для него даже особый парикъ изъ Мюнхена, но всякую мысль о подобной замѣнѣ лица пришлось бросить, такъ какъ Рендль оказался совсѣмъ неблагообразнымъ и неподходящимъ къ роли человѣкомъ. Мрачный, рѣзкій, онъ былъ совсѣмъ лишенъ той мягкости, и той извѣстной степени елейности, которыя неразлучны съ образомъ Христа въ воображеніи народномъ; онъ бы не могъ заставить зрителей, чтобы они надлежащимъ образомъ страдали за него и ему соболѣзновали.—Представленіямъ грозили перерывы, забастовка, а можетъ быть и крахъ всего предпріятія. Я разскажу потомъ, какимъ образомъ вышла община изъ этого необычайно труднаго положенія.

Всѣ Майры изъ рода въ родъ рѣзчики; самъ Іосифъ Майръ нынѣ продавецъ рѣзныхъ издѣлій (Schnitzwaaren verleger). Родился онъ въ 1843 г. отъ отца, исполнявшаго роль Каіафы, и учился своему искусству въ Нюрнбергѣ. Въ 1866 г. онъ исполнялъ обязанности военной службы какъ артиллеристъ во время австро-прусской войны, затѣмъ поступилъ въ 1867 г. унтеръ - офицеромъ въ запасъ. Еще будучи солдатомъ онъ женился на бывшей въ услуженіи у графа Голлейна

женщинѣ старше его 5 годами.—Супруги Майръ были круглые бѣдняки. Въ концѣ 1867 г., когда ему было только 26 лѣтъ, когда онъ былъ въ полной красѣ молодости, когда онъ успѣлъ отростить себѣ волосы и когда оказалось, что онъ обладаетъ прекраснымъ теноровымъ голосомъ, община избрала его единогласно на роль Христа послѣ состязанія съ Рендлемъ. Съ первой же пробы всѣ убѣдились, что онъ Христосъ превосходный, какихъ еще никогда не бывало.—Въ самомъ началѣ представленій 1870 г. розыгралась франко-прусская война и, какъ унтеръ-офицеръ запаса, Майръ отправился въ Мюнхенъ со своею батареею и долженъ былъ идти на войну. Разумѣется, представленіямъ положенъ былъ въ 1870 г. конецъ; изъ Оберъ - Аммергауа отправилась депутація къ королю Людвигу II всеподданѣйше просить объ оставленіи Майра въ гарнизонѣ и о разрѣшеніи ему не бриться и не стричь своихъ великолѣпныхъ шатеневыхъ волосъ. Принцы крови ходатайствовали за него, король вошелъ въ положеніе общинниковъ, трепещущихъ за своего безподобнаго Христа, и разрѣшилъ просимое. Лѣтомъ 1871 г. отпразднованъ былъ Passionspiel на славу въ присутствіи короля, который затѣмъ угощалъ Майровъ въ своемъ по близости лежащемъ Линдергофѣ и подарилъ общинѣ тысячу гульденовъ.

Майръ сдѣлался потомъ героемъ печатнаго романа. Одна знатная дама, Вильгельмина фонъ Гиллернъ, выстроившая на Аммерѣ изящную дачу къ началу представленій 1890 г. обнародовала повѣсть въ 2 томахъ подъ заглавіемъ *Am Kreutze*, въ которой дѣйствуютъ подъ прозрачными псевдонимами живыя лица (Freyr-Mayr, Rendl-Renner, Grois-Long, сама писательница, какъ графиня Wildersee).—Фабула повѣсти та, что героиня Вильдерзэ, увидѣвъ Фрейра, играющаго роль Христа, воспылала къ нему страстною любовью. Она его увлекала, но такъ какъ она вдова, получившая большое состояніе отъ мужа по его завѣщанію подъ условіемъ не выходить ни за кого замужъ, то любовники соединяются тайнымъ бракомъ, отправляются странствоватъ, посѣщаютъ Палестину. Въ концѣ концовъ Вильдерзэ дѣлаетъ Майра своимъ управляющимъ по имѣніямъ, но по простотѣ своей онъ ей надоѣлъ, притомъ родившіяся отъ этого брака дѣти померли. — Фрейръ самъ уходитъ отъ Вильдерзэ, не взявъ отъ нея ни гроша. Оборванный, нищій онъ возвращается на родину и поступаетъ на свою роль, въ свою сценическую дѣятельность. Въ графинѣ отъ жалости къ нему пробуждаются опять нѣжныя чувства. Она присутствуетъ на представленіяхъ, открыто заявляетъ себя женою Фрейра, теряетъ имѣніе, но на оставшіеся при ней брилліанты и драгоцѣнности покупаетъ домъ, въ которомъ супруги проживаютъ до новаго представленія. Въ это послѣднее представленіе Фрейръ умираетъ на крестѣ отъ разрыва сердца.

Таковъ романъ. Доля правды въ немъ только та, что г-жа Гиллернъ влюбилась въ Майра и что она преслѣдовала его своими ухаживаніями за нимъ. Никакихъ подарковъ отъ нея онъ не принялъ, но она успѣла оказать ему существенную услугу. Онъ страдалъ ревматизмомъ; болѣзнь коснулась и мозговыхъ покрововъ; она настояла на томъ, чтобы онъ отправился лѣчиться въ Мюнхенъ. Онъ тамъ и вылѣчился. Гиллернъ разсказывала всѣмъ, что она восхищалась Майромъ какъ натурщикомъ и пыталась посредствомъ книги *Christus in die Mode zu bringen*.—Но ея честолюбіе заходило гораздо дальше; она затѣяла по-

пасть въ члены комитета представленій и повліять на то, чтобы все предпріятіе было приспособлено къ духу времени, чтобы оно было сильно модернизировано. Она заручилась обѣщаньемъ содѣйствія ей со стороны Мюнхенскихъ художниковъ, одобреніемъ со стороны министровъ, письмами отъ мѣстнаго архіепископа. Музыку предположено было измѣнить, текстъ рѣчей передѣлать. Когда эти обширные планы огласились и бурмистръ Лонгъ созвалъ общинную сходку, то произошло страшное волненіе между общинниками, они взбунтовались и единогласно постановили оставить все по старинѣ и прервать съ г-жей Гиллернъ всѣ сношенія. Съ тѣхъ поръ никто изъ дѣйствующихъ въ представленіи лицедѣевъ не показался къ ней, кромѣ одного Пилата Ренделя, управляющаго ея имѣніями.— Она покинула Оберъ Аммергау, продавъ свою виллу. Ея вторженіе отклонено и всѣ ея предположенія отвергнуты, но тѣмъ не менѣе духъ новизны проникъ въ селеніе и произвелъ соблазнъ; онъ повліялъ на нѣкоторую порчу и искаженіе прежнихъ нравовъ.—Несомнѣнно, что въ Оберъ Аммергау съ каждымъ десятилѣтіемъ мѣняются и публика и нравы и самъ духъ зрѣлища.—Характеръ этихъ измѣненій всего виднѣе сказывается въ слѣдующихъ данныхъ статистическихъ, числовыхъ.

VI.

По отчету объ операціяхъ комитета въ 1880 г. дано было 40 представленій, которыя принесли 330000 марокъ за билеты для 121000 посѣтителей и 6000 марокъ отъ продажи текстовъ представленій и фотографій, изображающихъ актеровъ и отдѣльныя сцены дѣйствія, всего 336000 марокъ.—Изъ валоваго прихода израсходовано.

На ремонтъ зданія и костюмы	78000
На уплату процентовъ займа на представленія	3000
На увеличеніе помѣщенія сельской школы.	11000
На пробный театръ и его гардеробъ.	7000
На церковь мѣстную, выстилку камнемъ русла ручья, пожарную машину, мостовую ,	12000
Въ запасный капиталъ	44000
На школу, бѣдныхъ, училища рисованія и скульптуры. . .	23000
	178.000 марокъ.

Остатокъ отъ вычета изъ прихода 336000 марокъ израсходованныхъ на потребности общины 178000 марокъ составляетъ 158000 марокъ, которыя при дѣлежѣ распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

нищимъ	1500
207 домохозяевамъ общинникамъ	40000
актерамъ, музыкантамъ и статистамъ участвовавшимъ въ представленіяхъ	116500

Участвовали въ представленіяхъ 700 человѣкъ; еслибы всю приходящуюся на участниковъ сумму раздѣлить между ними поровну, то на долю каждаго вышло бы по 166 марокъ или по 4 марки за каждое изъ 40 представленій. Правда, что значительное большинство участниковъ или статисты или музыканты или дѣти, все-же эти разряды оплачиваются весьма скудно.—Майръ послѣ 1880 г. за трудовыя деньги завелъ лавку рѣзныхъ товаровъ, и купилъ для себя вторую корову.

Ростущій успѣхъ предпріятія заставилъ общину расширить предпріятіе весьма значительно. Стало впередъ извѣстно, что стекутся во множествѣ не одни крестьяне, но и богатые посѣтители со всѣхъ частей свѣта. Пущена въ ходъ реклама. Я самъ видѣлъ объявленія объ удешевленныхъ поѣздахъ къ Оберъ Аммергау въ Галиціи, Венгріи, Богеміи. Чтобы не ударить въ грязь лицомъ, община рискнула заключить заемъ въ 200000 марокъ и употребила эту сумму на постройку за ново театра, росписала его рисунками заимствованными изъ плафона Сикстинской капеллы въ Ватиканѣ, вмѣсто старинныхъ изображеній вѣры, надежды и любви. Устроены крытыя мѣста съ повышенными цѣнами, припасено мѣстъ въ оградѣ на 4000 зрителей съ максимальнымъ сборомъ, еслибы всѣ мѣста были заняты, въ 20.000 марокъ, что принесло бы со всѣхъ 40 представленій 800000 марокъ.—Еслибы сборы дали только 500000 марокъ валоваго прихода, то это равнялось бы неудачѣ предпріятія и прямому убытку, чего однако въ 1890 г. не случилось.—Рискъ былъ громадный. — Община пережила самый критическій моментъ въ іюнѣ 1890 г., когда у Майра разболѣлись зубы съ 25 мая. Въ субботу 31 онъ выдернулъ больной зубъ, но боль не прекращалась и щека сильно распухла. Зрителей собралось неимовѣрное число, между тѣмъ время стояло самое дождливое. Доктора строжайше запрещали больному даже и думать ибъ игрѣ. Всю ночь онъ пролежалъ въ лихорадкѣ. На слѣдующій день въ 6 часовъ утра бурмистръ, не спросивъ его, далъ сигналъ о готовности къ представленію выстрѣломъ изъ мортиры.— Когда ничѣмъ не предупрежденный больной услыхалъ выстрѣлъ, онъ соскочилъ съ кровати со словами: «jetzt muss es sein», сталъ надѣвать трико, пошелъ на представленіе и съигралъ свою роль, хотя весьма блѣдный и съ припухшею щекою.

Когда я былъ въ Оберъ Аммергау во второй половинѣ іюля уже опредѣлилось, что предпріятіе окупится, что долгъ будетъ покрытъ и актеры получатъ по сравненію съ прежнимъ временемъ надбавку. Я не думаю, чтобы эта надбавка была значительна, чтобы актеры превратились въ промышленниковъ. Тому мѣшаетъ и малая матеріальная выгода, которую они извлекали изъ своей работы и продолжительность десятилѣтняго промежутка между игрою и игрою.— Однако помимо нихъ духъ коммерческой спекуляціи проникаетъ въ селеніе. Оно дѣлается предметомъ разныхъ всемірныхъ промышленныхъ затѣй. Крестьянинъ Лехнеръ, бывшій Іуда, открылъ Pension Lechner съ платою по 20 марокъ въ сутки съ квартиранта. Мужики, перебирающіеся на ночь на чердакъ или на сѣновалъ, получаютъ по 3 или 4 марки въ день за кровать, а иные передаютъ свои дома въ аренду на время представленій за 10 тысячъ марокъ и болѣе. Вмѣсто мужицкихъ хозяйствъ и харчевенъ съ хорошимъ пивомъ есть теперь и трактиры съ гастрономическими деликатессами, завелись винная *Bodega* и *Restaurant Lucullus*. Въ 1880 община предоставила фотографу изъ Партенкирхенъ исключительное право продажи фотографій

театра и сценъ за 3000 марокъ. Въ 1890 году Вѣнская фотографія купила это право за 37000 марокъ. — Бургомистръ Лонгъ выражался недавно, что ему хотѣлось порою взять плетку въ руки и выгонять торгашей изъ храма, но торгашей этихъ теперь несмѣтное число.

VII.

Невольно ставится вопросъ: какова будущность Оберъ Аммергаускихъ представленій?—Вопросъ этотъ вызываетъ на размышленія, потому что преобразованія представленій въ 1890 г. коснулись только декоративной ихъ части, то есть несущественной внѣшности, а будущія реформы должны будутъ коснуться и инструментальной и хоровой и самаго текста, сообразно тому, съ какой точки зрѣнія рѣшаемо будетъ преобразованіе сложнаго цѣлаго? какія цѣли будутъ руководить преобразованіемъ: художественныя или религіозныя?

Допустимъ, что наступитъ увлеченіе только одною стороною дѣла—чисто художественною; что освободившись отъ всякихъ требованій религіозныхъ и обращаясь свободно съ исторической истиною, преобразованіе поставитъ себѣ единственною задачею наибольшее артистическое наслажденіе, самое сильное и самое глубокое.

Тогда придется все съ корнемъ измѣнить, вмѣсто слабой деревенской музыки Дедлера дать ораторію во вкусѣ Вагнера или нѣчто вокально-инструментальное въ родѣ Вердіевскаго *Requiem*, а можетъ быть устранить и то и другое, потому, что сочетаніе разныхъ искусствъ производятъ впечатлѣніе, которое по своей силѣ слабѣе впечатлѣнія отъ одного искусства, доведеннаго до высшей степени совершенства. И такъ придется отсѣчь ораторію и остаться при одной драмѣ или наоборотъ. Скорѣе придется пожертвовать музыкою и хоромъ. Деревенская музыка не соотвѣтствуетъ нашему утонченному вкусу. Хоръ имѣетъ многое въ его пользу свидѣтельствующее; во время хорового пѣнія успокаиваешься и отдыхаешь послѣ сильныхъ драматическихъ ощущеній.—Гораздо легче придется пожертвовать праздными, устарѣвшими и терпимыми только по преданію живыми картинами.— Онѣ произведенія богословской схоластики.

Допустимъ, что живыя картины упразднены, что музыкальный и хоровый элементы либо устранены либо превращены въ простыя рамки для драмы? По законамъ свободнаго художественнаго творчества драма эта будетъ безпрестанно до неузнаваемости измѣняема по вкусу вѣка. Прежде всего будетъ выкинутъ изъ драмы сверхъестественный элементъ, безъ котораго не можетъ обойтись религіозное зрѣлище. Затѣмъ, вслѣдствіе того, что искуство заимствуетъ и изъ природы и изъ исторіи только нѣкоторые факты, которые потомъ произвольно усиливаются или сочетаются и что—всякое подобное новшество колеблетъ представленія утвердившіяся и передаваемыя по преданію, перемѣны будутъ вызыватъ оппозицію даже въ слояхъ общества самыхъ интеллигентныхъ и самыхъ скептическихъ.—Новатору говорятъ: печатайте что угодно, печатаемое сойдетъ, но не ставьте на сцену, тамъ всегда верхъ берутъ религіозныя требованія народной массы. Въ Оберъ Аммергау

эти требованія стоятъ на первомъ планѣ. Мѣстное искусство насквозь мужицкое и держится только потому что оно благочестиво. Превратите мистерію въ театръ и въ Оберъ-Аммергау никого больше не пойдетъ.

Перейдемъ на религіозную почву, на поклоненіе посредствомъ искусства извѣстной до скончанія вѣка установленной святынѣ, извѣстному религіозному идеалу считаемому неподвижнымъ. Строго религіозная точка зрѣнія на искусство можетъ быть только отрицательная. Искусство, какъ способъ передачи религіозныхъ идей, есть примѣсь языческая. Собственно религіозное искусство есть ересь, есть сознательное отступленіе отъ хрустальной чистоты и безцвѣтности вѣры у самаго ея источника, но разъ оно существуетъ и дѣйствуетъ благотворно, то надобно его лелѣять, относясь къ нему впрочемъ консервативно, какъ относимся мы къ складнямъ какого-нибудь Мемлинга, къ прэрафаэлитамъ, къ самому Рафаэлю. „Страсти Господни“ въ Оберъ Аммергау и суть такіе складни съ мощами, которые выставляются на показъ публикѣ каждые 10 лѣтъ. „Держитесь старины, ничего не измѣняйте“, сказалъ послѣ представленій 1871 г. Оберъ Аммергауцамъ Людвигъ II въ Линдергофѣ.—Такой же совѣтъ могли бы и мы предложить. Представленія въ Оберъ Аммергау—палеонтологическій остатокъ вѣковъ минувшихъ, поражающій современныя поколѣнія тѣмъ, что онъ произведеніе религіознаго искусства не наивнаго, но происходящаго изъ такой эпохи, когда вѣра была сильнѣе, остатокъ твердо хранимый въ рукахъ консервативнаго мужичья безподобно приспособленнаго къ такому храненію, вслѣдствіе своей профессіонально художественной подготовки.

С.-Петербургъ,

28 Января 1896 г.

В. Спасовичъ

Ворота Аманосянъ (Киликія).

Калькутскіе армяне и Будда-Гайа.

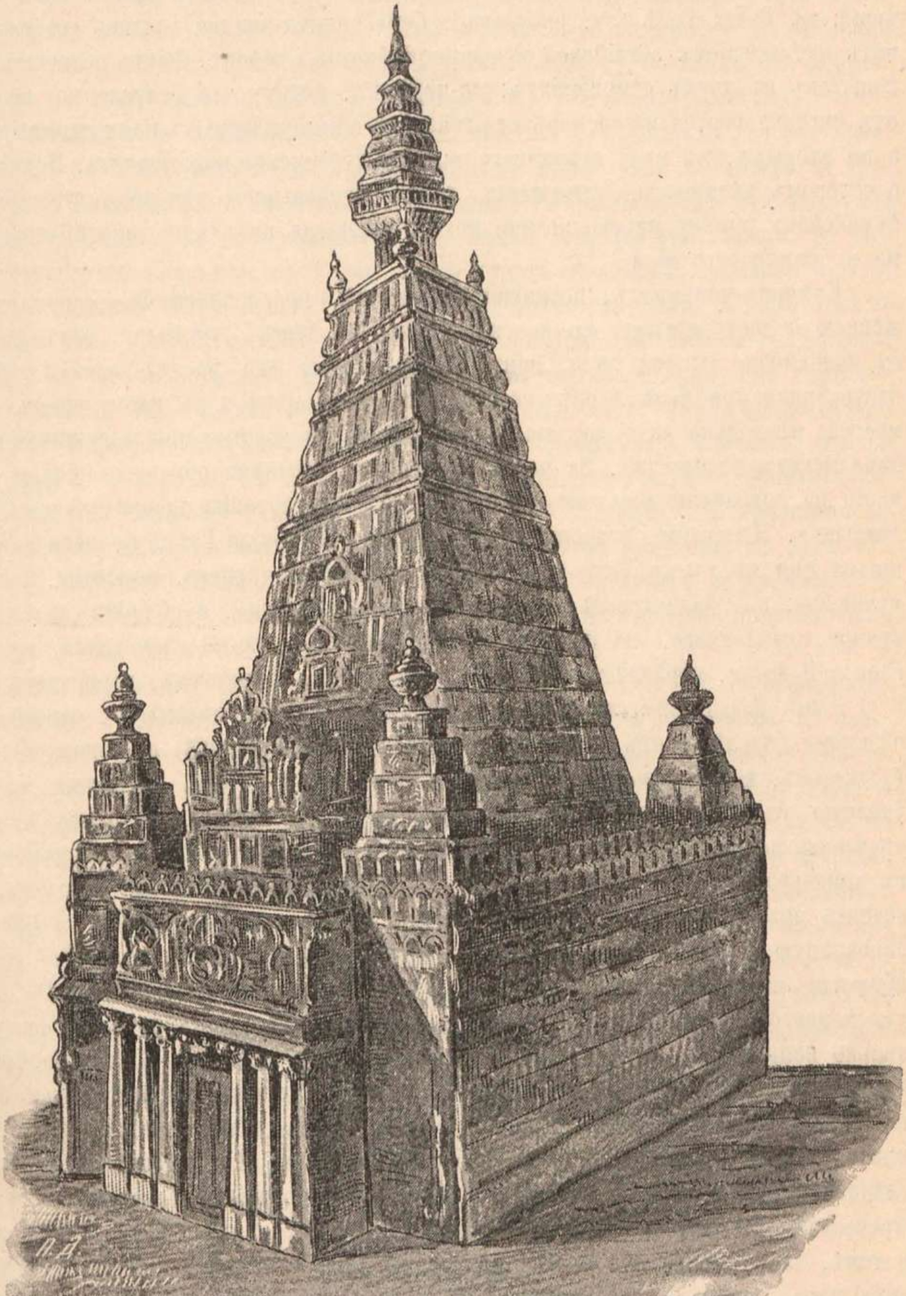
Глава изъ „Путешествія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА на Востокъ".

Кн. Э. Э. Ухтомскаго.

Въ Индіи давно уже отличается нѣкоторымъ вліяніемъ армянскій элементъ, никогда не порывавшій духовныхъ связей съ Эчміадзиномъ. При каждомъ избраніи Католикоса въ предѣлахъ Россіи есть голосъ и отъ его единовѣрцевъ съ Ганга. Кавказъ и наше государство вообще поэтому дороги сердцу народа, въ интересахъ торговли давно углубившагося въ Азію и занявшаго во многихъ краяхъ видное экономическое положеніе. Положимъ, съ той прикаспійской окраины за Гималаи споконъ вѣка являлись выходцы съ разнообразнѣйшими профессіями. Въ XIV вѣкѣ, напримѣръ, около Бомбея мусульмане казнили грузина-христіанина Димитрія изъ Тифлиса. Въ исходѣ XV столѣтія въ южной Индіи основалъ новую мусульманскую династію нѣкій Баридъ изъ проданныхъ въ рабство грузинъ или малоазійскихъ турокъ. У Акбара считалась любимой женою христіанка изъ Грузіи.

Но преобладающимъ племенемъ съ кавказской кровью всегда были армяне. Когда одинъ Великій Моголъ искалъ невѣсту служившему у него доктору-англичанину и тотъ отказывался, говоря, что не возьметъ иновѣрки,—ему представили армянку, дочь царскаго военно-начальника. Когда сэръ Ро, первый англійскій посланникъ въ Индіи, собирался ѣхать во внутрь страны изъ Сурата,—вдругъ (почти на погибель экспедиціи) поваръ свиты страшно набуянилъ, напившись у духанщика—«армянина». Въ этой роли, а также и въ качествѣ плантаторовъ (особенно въ области разведенія и сбыта индиго) потомки Гайка разбрелись по цѣлому полуострову, переправились въ Бирку, всюду,—гдѣ можно,—основали по цвѣтущей колоніи. И въ Калькуттѣ возникла таковая, настолько прочная и состоятельная, что уже въ 1724 г. Аго Назаръ основалъ тутъ армяно-григоріанскую церковь. Число ея прихожанъ должно было быть значительнымъ, если спеціально на ихъ долю перепало въ 1757 г. 700,000 р. пени съ Бенгальскаго набоба за нападеніе на городъ. Теперь въ столицѣ страны ихъ насчитывается свыше восьмисотъ.

Калькуттскія духовныя чада Эчміадзинскаго патріарха (коихъ предки, къ слову сказать, уведены персіанами на чужбину изъ Джульфы), сознавая значеніе

Серебряная модель храма Будда-Гайа, поднесенная Государю Императору Калькутскими армянами.

для иныхъ Россіи, захотѣли что-нибудь принести въ даръ Е. И. В. Наслѣднику Цесаревичу, и пользующійся авторитетомъ среди своихъ единовѣрцевъ археологъ-любитель Іосифъ Меликъ-Бегкаръ заказалъ съ этой цѣлью модель знаменитаго храма въ Будда Гайѣ (см. рисунокъ). Серебряники-армяне взялись сработать ее, подъ наблюденіемъ англійской ювелирной фирмы Стефенъ. Фактъ подношенія любопытенъ въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, потому что безусловно исходитъ отъ чистаго сердца и краснорѣчиво говоритъ о возбуждаемыхъ нами симпатіяхъ,— а во вторыхъ, въ виду сдѣланнаго выбора, что именно возсоздавать. Памятникъ, о которомъ упомянуто, выражаетъ собой непрерывное вѣковое служеніе Азіи буддійскому принцу на его родной почвѣ, несмотря на все противодѣйствіе ислама и браминскаго міра.

Кумирня-монументъ, возникши на мѣстѣ, прославленномъ созерцательной жизнью и достигнутымъ ею просвѣтленіемъ въ душѣ „учителя", вотъ уже двѣ съ половиною тысячи лѣтъ притягиваетъ взоры его послѣдователей. Заново отстроенная при царѣ Асокѣ пагода, въ средніе вѣка и въ наше время, подымается нѣсколько разъ изъ развалинъ, благодаря усердію присылавшихся къ ней бирманскихъ посольствъ. За послѣдніе годы англичанами обращено больше вниманія на сохраненіе или даже на подходящую реставрацію древнихъ «языческихъ святынь». Изысканія, недавно произведенныя въ Будда-Гайѣ, привели занимавшихся ими къ мысли, что въ стѣнахъ главнаго памятника, вѣроятно, еще замурованы: и «адамантовый престолъ царевича мудреца», и обломки его перваго кумира, сдѣланнаго, по преданію, изъ 8 драгоцѣнностей (кристалла, жемчуга, слоновой кости, коралловъ, рубиновъ, сапфировъ, аметистовъ, изумрудовъ).

Нынѣ Будда-Гайя становится центромъ въ глазахъ мѣстнаго теософическаго общества (наслѣдія отъ нашей соотечественницы Блаватской) и разноплеменныхъ буддистовъ, которые мечтаютъ основать при старомъ храмѣ монастырь, высшія училища съ богословскимъ и философскимъ факультетами, съ просвѣщеннымъ кружкомъ космополитовъ-ревнителей (Maha-bodhi Society) и своимъ журналомъ, съ книгохранилищами и т. п. — создать, однимъ словомъ, цѣлый городокъ, разсадникъ знанія и вѣры въ духѣ «учителя», съ цѣлью воздѣйствія на браманизированную Индію,—чтобы постепенно воспользоваться расколами въ ней и снова обратить несмѣтныя толпы на стезю почитанія «царевича-монаха». Во главѣ умственнаго и религіознаго движенія, кажется, хотятъ имѣть Далай-ламу. Но только вопросъ—въ томъ, можетъ-ли сравнительно замкнутая Хласса войдти въ болѣе или менѣе тѣсныя сношенія съ родиной буддизма. Рѣшеніе этой задачи не лишено и политическихъ оттѣнковъ, о которыхъ тѣмъ своевременнѣе вспомнить, что въ Дарджилингъ, около тибетской границы, Ихъ Высочества не ѣдутъ: слѣдовательно мнѣ и не придется при случаѣ подробнѣе говорить о царствѣ жречества въ Гималаяхъ и за ними, о присущей ему громадной культурной силѣ,— о томъ, какъ именно она бьется въ сердцѣ Азіи. Открыть къ нему доступъ до сихъ поръ никому не доводится въ полной мѣрѣ. Только Китай въ лицѣ ряда династій вліятеленъ тамъ и смотритъ до нѣкоторой степени хозяиномъ въ странѣ ламъ. Посягать на нее святотатственной рукой пока рѣшались лишь грубые горкинцы. Напр. въ прошломъ столѣтіи они разграбили, въ южномъ Тибетѣ, его важнѣйшій центръ: Даши-лхунбо. Пекинскій дворъ въ отмщенье послалъ

армію на Нэпаль. Она быстро совершила труднѣйшіе зимніе переходы горами, настигла нападавшихъ, разгромила ихъ и, отобравъ добычу, продиктовала пораженнымъ постыдныя условія мира. Много жертвъ оставили китайцы при этомъ неслыханномъ въ лѣтописяхъ походѣ: когда войско хоть на минуту испытывало трепетъ, командовавшій мандаринъ изъ пушекъ арьергарда стрѣлялъ по смутившимся. И престижъ имени богдыхана держится вотъ уже цѣлые вѣка надъ тибетскими пустынями и монастырями. Англія тщетно стучится въ двери края, молящагося на вѣчно возрождающихся «святыхъ» людей (изъ мѣстныхъ же уроженцевъ) и сохраняющаго въ самомъ загадочномъ смѣшеніи формъ культъ Будды съ культомъ Шивы. Военно-дипломатическая миссія Маколея (на сѣверъ: за предѣлы британскаго Сиккима), съ конвоемъ въ триста человѣкъ, вѣжливо отклонена была недавно китайскимъ вѣдомствомъ иностранныхъ дѣлъ. Вскорѣ затѣмъ произошли даже кровопролитные инциденты тревожнаго для Хлассы характера. Но оттуда трудно бороться съ наступленіемъ или, точнѣе, вторженіемъ европейцевъ въ южный Тибетъ, гдѣ это, повидимому, сознается и самими правителями: по крайней мѣрѣ, въ печатныхъ дневникахъ лэди Дэффеӷинъ значится, что ея мужу, какъ вице-королю, въ 1885 г., прислано изъ Даши-лхунбо, привѣтственное письмо отъ великаго «перерожденца» Баньчень Ринпочэ, съ приложеніемъ этнографически цѣнныхъ подарковъ и благодарностью за полученіе въ даръ изъ Калькутты парагнаго одѣянія въ 2000 рублей. Ясно, что англичане не дремлютъ,— и сношенія постепенно завязываются. Предлоговъ для изученія пограничныхъ мѣстностей—сколько угодно.

Члены алпійскаго клуба въ Лондонѣ, захвативъ съ собою швейцарскихъ проводниковъ, поднялись на нѣкоторыя сиккимскія высоты и увидѣли за недосягаемой «царственной» Кинчинджингой еще болѣе гигантскіе вершины и хребты. Кто туда, наконецъ, первый проникнетъ съ Запада, торжествуя побѣду науки и прогресса надъ преградами чисто физическаго характера: мы-ли, имѣющіе въ своемъ свободномъ распоряженіи для любыхъ экспедицій (несомнѣнно мирнаго и безкорыстнаго свойства) тысячи кроткихъ и преданныхъ, исполнительныхъ пилигриммовъ-ламаитовъ, или же британскіе эмиссары съ горными батареями впереди? Объ этомъ, положительно можно сказать, никто и не думаетъ пока на берегахъ Невы. Между тѣмъ торговля удостовѣряетъ, какими путями вліялъ и вліяетъ Востокъ на пригималайскія страны. Въ числѣ лучшихъ даровъ, присланныхъ княземъ Ладака, когда онъ принималъ подданство англичанъ, находились куски кожи, тисненой золотомъ, съ Всероссійскимъ Орломъ.

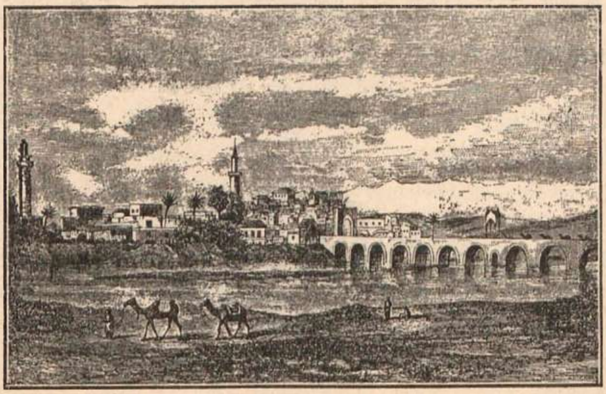
* *
*

Надъ розой душистой поетъ соловей,
И думаетъ роза:—„не мнѣ-ли
Облитой сіяньемъ серебристыхъ лучей“,
Онъ шлетъ свои вздохи и трели?!...
Но—сорвана роза жестокой рукой,
И снова—истомой объятый —
Въ серебряный вечеръ надъ розой другой
Поетъ обожатель пернатый.....

———

Надъ розой душистой поетъ соловей,
Поетъ и мечтаетъ. „меня-ли,
Облиты сіяньемъ серебристыхъ лучей,
Влюбленныя розы ласкали?.....“
Но въ сѣть залучилъ соловья птицеловъ,
И снова—истомой объята —
Влюбленная роза свободныхъ пѣвцовъ
Ласкаетъ волной аромата.....

Вл. Гессенъ.

Адана (Киликія).

Среди запустѣнія.

(изъ очерковъ Константинополя).

С. Н. Филиппова.

Глядя на Константинополь съ высокой Сераскератской башни, прежде всего поражаешься его громадностью. Онъ кажется такимъ неизмѣримымъ городомъ, что напрасно глазъ старается уловить его предѣлы, ускользающіе даже отъ сильнаго бинокля. Но истинное понятіе объ этихъ размѣрахъ можно получить, лишь познакомившись съ окрестностями турецкой столицы. Чтобы выѣхать изъ города, нужно проѣхать четыре станціи по желѣзной дорогѣ, на протяженіи которыхъ поѣздъ все время бѣжитъ по Константинополю. Правда, по оффиціальному плану, это уже константинопольскія предмѣстья, но они такъ тѣсно соединены съ городомъ, что отдѣлить ихъ отъ него невозможно. Это скорѣе отдаленные кварталы Константинополя, нежели его предмѣстья.

Въ Стамбулѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Сераля, стоитъ хорошенькій вокзалъ Константинопольско-Вѣнской или, такъ называемой, Восточной жел. дор. Она, между прочимъ, доставляетъ желающихъ и въ Санъ-Стефано, куда лѣтомъ нѣсколько разъ въ день ходятъ спеціальные поѣзда. По дорогѣ къ Санъ-Стефано, идущей по берегу Мраморнаго моря, вдоль древнихъ стѣнъ Византіи, расположено нѣсколько дачныхъ мѣстечекъ, и потому движеніе здѣсь очень оживленное.

Едва поѣздъ выйдетъ изъ Стамбула, вы уже въ армянскихъ кварталахъ, густо населенныхъ, богатыхъ, тихихъ, хотя и не безжизненныхъ, какъ турецкіе. Путь этотъ прелестенъ. Характерныя постройки, разноцвѣтное мѣсиво домовъ, паутина узенькихъ переулковъ, бѣгущихъ въ сторону отъ полотна дороги,—это съ одной стороны. Другая сторона ограничена циклопической стѣной, идущей по самому берегу Мраморнаго моря. Вѣка пролетѣли надъ нею, безслѣдно прошли милліоны жизней, были землетрясенія, пробовали ее разрушать разноязычныя орды непріятелей, смѣнялись культуры, а она осталась почти въ томъ же видѣ, какъ и была нѣсколько сотъ лѣтъ назадъ, внушительная, крѣпкая и великая.

Цѣлыя деревья выросли на ея камняхъ, толстые слои земли засыпали амбразуры, мѣстами она обрушилась, но это разрушеніе—дѣло рукъ человѣческихъ, таскавшихъ камни на постройку окрестныхъ домовъ.

Эти домишки прилѣпились къ стѣнѣ, какъ гнѣзда ласточекъ, и часто вы видите, что цѣлыя семьи помѣщаются въ нишахъ древней твердыни, или мирныя кофейни разставили въ нихъ свои столики и табуреты. Иногда стѣна разрывается и въ разрывѣ вдругъ заголубѣетъ передъ вами море съ парусными судами, которыя, точно чайки, бѣлѣютъ на солнцѣ. Въ перспективѣ—Принцевы острова и Мало-азіатскія горы.

Стѣна поднимается надъ самымъ моремъ, и чѣмъ далѣе, тѣмъ величавѣе и суровѣе встаютъ ея башни и выступы. Нѣкоторые на мигъ погружаютъ васъ въ сѣдое прошлое Византіи. Другіе внятно говорятъ объ ураганѣ Ислама, который пролетѣлъ здѣсь когда-то. Третьи опять повѣствуютъ объ имперіи, о смутныхъ ея временахъ: вы замѣчаете въ основаніи башенъ фризы, колонны и капители, попавшіе сюда, очевидно, изъ церквей. И точно для того, чтобы смягчить мрачныя краски этихъ воспоминаній, стѣна снова разрывается и снова мелькнетъ оттуда морская голубизна. И у самаго моря глянутъ на васъ рыбачьи хижины, примкнувшія прямо къ стѣнѣ.

По временамъ попадаются руины какихъ-то колоссальныхъ построекъ. Солнце играетъ на ихъ камняхъ разноцвѣтными бликами, и среди груды желтыхъ обломковъ тамъ и сямъ яркими пятнами краснѣютъ фески. Поѣздъ на минуту останавливается у станціоннаго домика подъ навѣсомъ той же стѣны. Въ одной изъ ея нишъ—большая кофейня, откуда вырывается гомонъ армянскихъ и греческихъ голосовъ. Кажется вамъ, что произошла какая-то свалка, кого-то бьютъ, кто-то отбивается и вопіетъ о пощадѣ. На самомъ дѣлѣ, это „мирно" бесѣдуютъ десятка полтора армянъ или грековъ и никакого „происшествія" не случилось. Передъ кофейной цвѣтистая толпа бродитъ по улицѣ, сидитъ группами подъ акаціями или толкается около поѣзда. Но... раздается свистокъ — и снова мы мчимся дальше.

Вонъ изъ оконъ армянскихъ домовъ выглядываютъ женщины, провожая нашъ поѣздъ скучающими взглядами. Онѣ по цѣлымъ днямъ виснутъ на окнахъ, довольствуясь этимъ единственнымъ развлеченіемъ—созерцать бѣгущіе мимо поѣзда. Вонъ опять цѣлый хаосъ переулковъ, лѣзущихъ въ гору, а съ другой стороны все та же импонирующая стѣна, отъ которой никакъ не уйдешь. И вотъ, наконецъ. станція Еди-Кулэ, четвертая по счету отъ Стамбула. Здѣсь мы останавливаемся и выходимъ.

Еди-Куле,—въ переводѣ: Семибашенный замокъ,—заключаетъ со стороны Мраморнаго моря стѣны древней Византіи. Страшная крѣпость расположена въ армянскомъ участкѣ и до нея отъ желѣзнодорожной станціи минутъ двадцать ходьбы цѣлымъ лабиринтомъ маленькихъ улицъ и переулковъ, идущихъ въ гору.

Уже подъѣзжая къ замку, вы видите, что эта за громада, что за стѣны, башни и размѣры передъ вами. Но время не поцеремонилось съ этимъ колоссомъ: отъ страшилища старины оно оставило красивую декорацію—руину, а практичная современность пришпилила къ ея воротамъ клочокъ бумаги съ надписью: „Entree

—5 piastres". Цѣлая рощица чинаръ и акацій разрослась около грозныхъ стѣнъ, поднялась на ихъ выступы и красиво оттѣняетъ желтизну камня на самыхъ башняхъ.

Снаружи величавый замокъ поражаетъ васъ не одними размѣрами, но и своей архитектурой. Чѣмъ больше вглядываешься въ него, тѣмъ сильнѣе впечатлѣніе грандіозности, строгаго величія. И это впечатлѣніе скоро переходитъ прямо въ наслажденіе передъ общей могучей красотой и силой линій, передъ импонирующей перспективой башенъ. Начинаешь понимать, что не одну неприступность имѣли въ виду строители, но и стремились къ эффекту, хотѣли дѣйствовать на фантазію непріятеля-варвара и, конечно, дѣйствовали.

Добродушнѣйшій турокъ-смотритель вводитъ насъ во дворъ, гдѣ совершались когда-то казни, гдѣ ужасъ и муки были обычны, а кровью казненныхъ, вѣроятно, пропитана вся земля. Не даромъ разрослась на дворѣ такая сочная трава. На этомъ импровизованномъ пастбищѣ мирно пасутся чьи-то лошади и бараны. Тутъ же и маленькая кофейня. Первое впечатлѣніе, какъ видите, совершенно другое, нежели получаешь снаружи. Но когда начнешь подниматься на лѣстницу, ведущую на высокую стѣну, оно снова встанетъ съ прежнею силою.

Длинная зубчатая стѣна такъ широка, что вамъ кажется, что это шоссе или, скорѣе, бульваръ, по которому вы идете среди кустарниковъ и старыхъ искривленныхъ акацій. Стѣна приведетъ къ первой башнѣ. Эта круглая башня на первыхъ порахъ поставитъ васъ въ положительное недоумѣніе; какъ попасть въ ея внутренность? Только потомъ замѣтишь какую-то лазейку въ стѣнѣ, точно звѣриную нору, и этой лазейкой попадешь въ башню. Когда привыкнутъ глаза къ темнотѣ, различишь спиральную лѣсенку, которая поднимается все выше и выше. На каждомъ ея поворотѣ какія-то темныя дыры въ толстѣйшей стѣнѣ, гдѣ въ каждой помѣстился бы развѣ десяти-лѣтній ребенокъ. Однако въ нихъ томились взрослые заключенные, часто даже пожизненно. Поднявшись на самый верхъ, мы взглянули во внутренность башни, — бездонный колодезь, темный, сырой и страшный! Онъ и теперь заставляетъ содрогаться, въ тѣ же времена онъ былъ до краевъ переполненъ отчаяніемъ и слезами. Въ этомъ каменномъ мѣшкѣ задыхались живые люди, которымъ только одинъ выходъ открывался отсюда и этотъ выходъ была—смерть.

Сколько людей здѣсь погибло, сколько проклятій и стоновъ, моленій и слезъ слышали эти стѣны—никто никогда не узнаетъ. Извѣстно только, что сюда заключались государственные преступники, медленно умиравшіе десятками лѣтъ. Ихъ тюремщики давно уже сгнили и не оставили даже костей, а стоны узниковъ, кажется, и теперь слышишь подъ этими сводами. Проклятіями точно пропитаны камни башни, какъ этой, такъ и остальныхъ.

Еще и до сихъ поръ вы разбираете самодѣльныя надписи на камняхъ, которыя вырѣзывали заключенные въ своихъ казематахъ. Вотъ какой-то секретарь Венеціанской республики, пробывшій много лѣтъ въ своей кельѣ, оставилъ нѣсколько коротенькихъ строчекъ, и въ нихъ вся трагическая повѣсть его жизни. Вотъ имя какого-то генуэзца, вотъ греческая неразборчивая вязь и много еще другихъ. Какъ и чѣмъ были сдѣланы эти надписи, какихъ усилій онѣ стоили

авторамъ?!... И всѣ онѣ точно сливаются въ одно общее проклятіе: будьте вы прокляты, безсердечные палачи!„

Семибашенный замокъ созданъ еще императоромъ Зенономъ и затѣмъ все перестроивался и достроивался вплоть до конца XII вѣка. Прежде онъ имѣлъ только пять башенъ. Магометъ, взявъ Константинополь, пристроилъ къ нимъ еще двѣ, и съ тѣхъ поръ замокъ получилъ свое названіе. Султаны обратили его въ тюрьму, и здѣсь, въ числѣ другихъ, пересидѣло не мало иноземныхъ посланниковъ, среди которыхъ были и наши — Обрѣзковъ и Булгаковъ. Со временъ Махмуда II Еди-Кулэ потерялъ свое прежнее значеніе. Но и до сихъ поръ, находясь въ его башняхъ, вы не можете отдѣлаться отъ отвратительнаго впечатлѣнія, которое онъ создаетъ внутри.

Изъ этихъ башенъ хочется вонъ, къ солнцу и свѣту, къ этой пышной зелени, которая разрослась вокругъ величавыхъ стѣнъ. Въ одной изъ нихъ, западной, вы увидите задѣланную наглухо арку съ двумя прелестными коринѳскими колоннами, которыя сохранили еще мѣстами позолоту. Эта арка забрана наверху деревянными щитами и на нихъ грубо намалеваны турецкія военныя эмблемы. Говорятъ, это и есть знаменитыя „Золотыя ворота", что, впрочемъ, и до сихъ поръ еще не доказано. Но если это они, вы стоите передъ тріумфомъ всей византійской исторіи: черезъ эту арку Ѳеодосій въѣзжалъ на колесницѣ, запряженной слонами; ею входили Велизарій, Никифоръ, Цимисхій, Михаилъ Палеологъ послѣ изгнанія латинянъ и, наконецъ, къ этимъ же воротамъ нашъ Олегъ пригвоздилъ свой новгородскій щитъ...

За Еди-Кулэ вы уже за городомъ. Поля, кипарисовыя рощицы, а дальше— выжженные солнцемъ холмы тянутся непрерывными линіями вокругъ. Тамъ, за этими холмами, есть маленькая греческая церковь, такъ называемая „Живоноснаго источника Балуклы". Ее слѣдуетъ посмотрѣть, хотя бы для того, чтобы не надолго погрузиться въ доброе старое время наивныхъ чудесъ.

Балуклы верстахъ въ трехъ отъ Семибашеннаго замка. Это двухъ ярусная церковка въ хорошенькой рощицѣ на невысокомъ холмѣ. Ничего особаго она не представляетъ и еще разъ даетъ случай убѣдиться въ отнюдь не „духовныхъ" стремленіяхъ греческаго духовенства. Здѣсь, какъ въ Влахернѣ и Фанарѣ, вы натыкаетесь прежде всего на выставку блюдъ съ мѣдными деньгами, на всякіе поборы и желаніе опустошить карманъ посѣтителя-богомольца.

Внутри церковка темна и мала. Въ настоящемъ своемъ видѣ она существуетъ съ 1830 г., построенная на мѣстѣ когда-то великолѣпнаго храма, который разрушили янычары во время греческаго возстанія. Своимъ возсозданіемъ Балуклы обязана главнымъ образомъ русскимъ жертвователямъ, изъ которыхъ особенною щедростью отличилась извѣстная гр. Орлова-Чесменская. Эта „благочестивая жена» пожертвовала на постройку 50.000 піастровъ.

Въ нижней церкви находится агіазма, т.-е. источникъ. Его сейчасъ же вамъ показываютъ, прося обратить особое вниманіе на плавающихъ въ резервуарѣ рыбокъ. Вотъ что разсказываетъ о нихъ наивная легенда: „Когда, послѣ долговременной борьбы и рѣшительной осады, Константинополь былъ взятъ турками, дано было знать о томъ одному праведному старцу, жившему при Живоносномъ источникѣ. „Тогда повѣрю,—сказалъ старецъ,—что Константинополь взятъ, когда

эти, поджаренныя уже на моей сковородѣ, рыбки оживутъ и очутятся въ Живоносномъ источникѣ“. И дѣйствительно: рыбки ожили и унеслись въ „живоносный ключъ“.

— Видите, — ораторствуетъ сладкорѣчивый грекъ передъ толпой паломниковъ-богомольцевъ,—это и есть тѣ самыя рыбки, которыя были зажарены на сковородѣ. Они ожили и плаваютъ теперь здѣсь почти пятьсотъ лѣтъ.

Поѣздъ снова быстро мчится далѣе въ Санъ-Стефано. Дымъ заволакиваетъ грозныя башни Еди-Кулэ и онѣ все отодвигаются, пока не пропадаютъ совсѣмъ. По дорогѣ, съ той и другой стороны, тянутся холмы и равнины. Солнце выжгло на нихъ траву и кругомъ полная безотрадность. Изрѣдка вдалекѣ мелькаютъ зеленые садики, точно оазисы въ этой пустынѣ. Вотъ показался словно лѣсокъ, а за нимъ скоро зарябило въ глазахъ отъ разноцвѣтныхъ построекъ. — Это Макри-кіой, послѣдняя станція передъ Санъ-Стефано.

Маленькій дачный уголокъ расположился на самомъ берегу Мраморнаго моря и весь заселенъ греками и армянами. Растительность его вовсе не дачная, скудная и чахлая, но зато, какъ купальный пунктъ, Макри считается изъ лучшихъ подъ Константинополемъ. Здѣсь, между прочимъ, лѣтомъ живетъ вселенскій патріархъ. Здѣсь множество кофеенъ, веселыхъ садиковъ, куда жители собираются по вечерамъ.

Но поѣздъ стоитъ здѣсь не долго.

Онъ выбросилъ толпу дачниковъ и снова мчится, снова по выжженнымъ холмамъ и равнинамъ. Вотъ показалась полувысохшая извилистая рѣчушка, ничтожная, претендующая на роль въ нашей исторіи: она была демаркаціонной линіей для войскъ нашихъ и турецкихъ въ послѣднюю войну. Еще и теперь видны каменные высокіе столбы, служившіе границей стоянокъ обѣихъ армій... Черезъ нѣсколько минутъ открывается уже Санъ-Стефано, все зеленое, все въ садахъ и рощицахъ, точно въ зеленомъ вуалѣ.

Санъ-Стефано—маленькій, хорошо обстроенный городокъ, съ прекраснымъ воздухомъ, съ отличными морскими купаньями. Его вы можете считать какой угодно національности, только не турецкой. И турецкаго въ немъ рѣшительно ничего нѣтъ. Это скорѣе типъ обще-европейскаго южнаго захолустья. Въ зимнее время онъ наполовину пустъ, только лѣтомъ сплошь заселяется, служа главнымъ образомъ дачнымъ и купальнымъ пунктомъ для константинопольскихъ грековъ и армянъ. Они же составляютъ и его незначительное осѣдлое населеніе.

Городокъ переднимъ фасомъ и лучшей своей частью расположился по самому берегу Мраморнаго моря. Внутреннія улицы не многочисленны и, которой бы вы ни пошли, вы все равно черезъ нѣсколько минутъ выйдете въ поле. Тишь да гладь здѣсь изумительныя. Едва нѣсколько десятковъ людей можно встрѣтить въ теченіи цѣлаго дня. Дома всѣ закрыты ставнями и жалузи; улицы пусты; въ пышныхъ садахъ млѣютъ разнѣжившіяся на солнцѣ деревья. Кое-какая жизнь только и замѣчается на берегу въ становищахъ греческихъ рыболововъ. Кажется, рыбная ловля и единственный промыселъ въ Санъ-Стефано.

Конечно, Санъ-Стефано не представляло бы ни малѣйшаго интереса, если бы съ нимъ для насъ, русскихъ, не было связано извѣстнаго воспоминанія. Ради него мы и пріѣхали въ этотъ тихій, маленькій городокъ на берегу Мраморнаго моря.

Немного лѣтъ прошло со времени пребыванія здѣсь русскихъ войскъ, а уже никакихъ слѣдовъ этого событія вы не сыщете въ Санъ-Стефано. Домикъ, гдѣ жилъ покойный Великій Князь, главнокомандующій, уже передѣланъ и занятъ теперь какими-то армянами. Сохранилось, разумѣется, русское кладбище и его то и интересно было видѣть, — такъ разсуждали мы, разыскивая этотъ грустный памятникъ недавнихъ событій. Но никто изъ мѣстныхъ жителей не могъ указать намъ, гдѣ онъ находится.

Долго и тщетно бродили мы за городомъ, пока не наткнулись на католическое кладбище, расположенное недалеко отъ станціи и полотна желѣзной дороги. На него любо было взглянуть: это хорошенькій садикъ съ чистенькими аллейками, усыпанными пескомъ, съ видимымъ на каждомъ шагу любовнымъ вниманіемъ къ похороненнымъ здѣсь людямъ. Могилы умершихъ въ Санъ-Стефано католиковъ содержатся чрезвычайно опрятно. На каждой плитѣ вы читаете надпись, видите часто цвѣты, словомъ, заботливая рука чувствуется здѣсь во всемъ. Конечно, это не величавое кладбище въ Гайдаръ-паркѣ, гдѣ похоронены павшіе въ крымскую войну англичане. Оно не заставляетъ васъ, какъ это послѣднее, удивляться его красотѣ и наполняться глубокимъ благоговѣніемъ. Но и то, что вы здѣсь видите, все же трогательно...

Гдѣ же однако наше кладбище? Гуляя по кипарисным аллейкамъ католическаго кладбища, мы вышли въ смежный участокъ, обнесенный невысокой полуразрушившейся стѣнкой, которую безъ труда перешагнули. Вѣроятно, это запасный участокъ для тѣхъ католиковъ, которые будутъ еще являться сюда для вѣчнаго успокоенія. Пока же этотъ клочокъ земли, въ сотню шаговъ въ ширину и въ длину, больше напоминаетъ разрушенный загонъ для овецъ. Сквозь кучи мелкаго щебня пышно разросся бурьянъ и репейникъ. Мохнатая собачонка съ лаемъ выскочила изъ-за куста и сейчасъ же скрылась при нашемъ появленіи. Долго еще въ застывшемъ воздухѣ звенѣлъ ея тоненькій лай.

— Послушайте, да вѣдь это же оно!..

И вмѣсто поясненія, мой спутникъ прочелъ: „Лейбъ-гвардіи 4-го стрѣлковаго Императорской фамиліи батальона, роты Его Высочества унтеръ-офицеръ Терентій Горбуновъ“.

Это была единственная, хорошо сохранившаяся плита русскаго кладбища. Слѣдовательно, мы уже были на немъ, когда собирались искать его въ другомъ мѣстѣ... Послѣ мы розыскали еще другую могилу, ефрейтора Тимофея Бѣликова, и еще три—четыре, гдѣ едва можно было разобрать имена похороненныхъ солдатиковъ. Остальныя плиты обратились въ груды мелкаго щебня. Кладбищенская ограда вся въ дырахъ, мѣстами разрушена, а мѣстами сбита до основанія. Сохранились только ворота съ крестомъ и помѣтою: «1879».

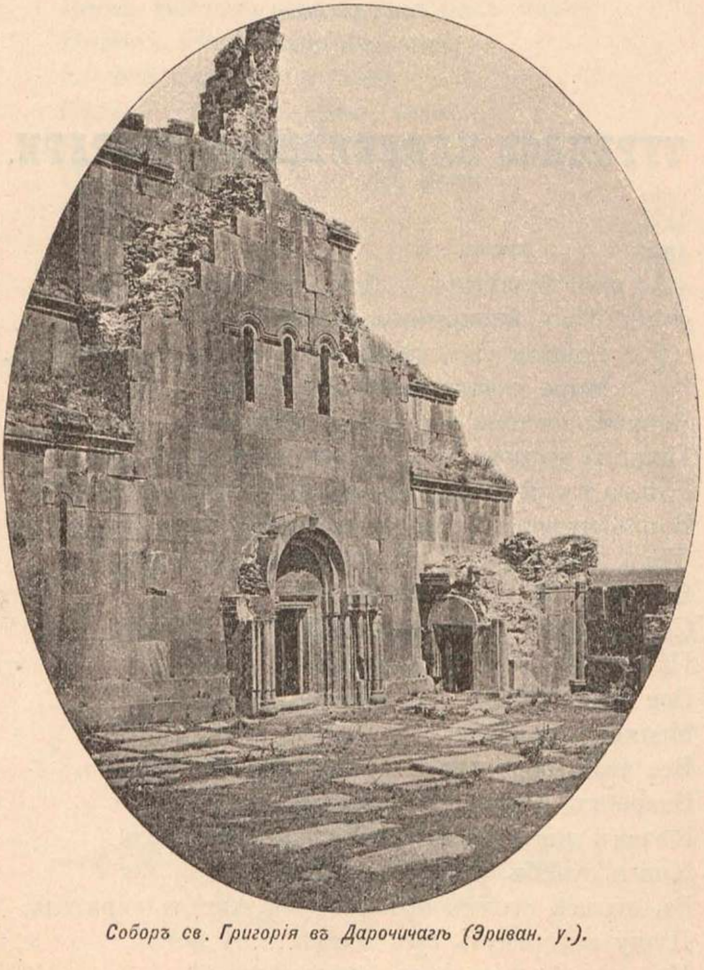
Время ли это наложило свою безпощадную руку на кладбище, или варварство человѣка? Говорятъ, что могилы безбожно разрываются грабителями, которые ищутъ у мертвецовъ цѣнныхъ вещей и денегъ. Плиты, тѣ, что не разбились на мелкіе куски, пошли, будто бы, на постройку нѣкоторыхъ домовъ въ Санъ-Стефано. Еще нѣсколько лѣтъ назадъ,—разсказываютъ дальше,—здѣсь насчитывалось два-три десятка сохранившихся плитъ и жилъ какой-то сторожъ, будто бы отставной русскій солдатъ. Онъ жилъ въ сторожкѣ католическаго кладбища, за

неимѣніемъ своей. Умеръ ли онъ уже, или его выселили,—какъ разсказываютъ,— не знаю навѣрное. Только теперь на кладбищѣ никого уже нѣтъ...

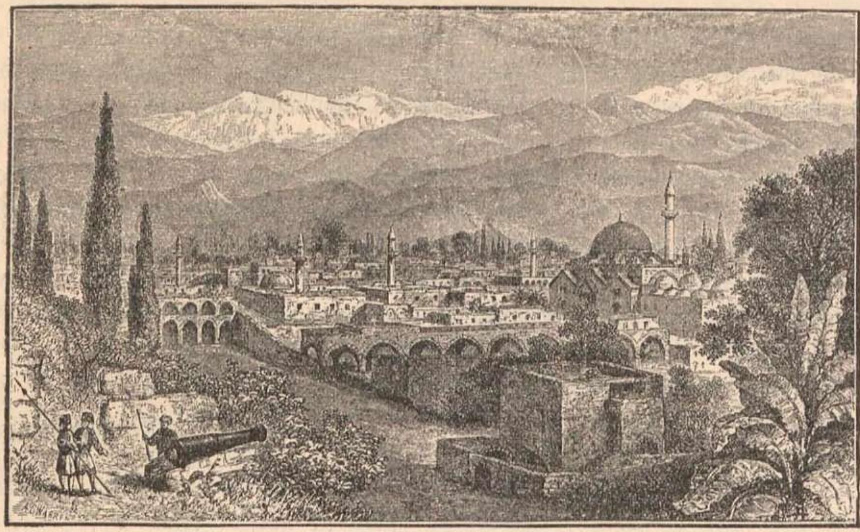
Заброшенные на чужбинѣ Терентіи Горбуновы одиноко покоятся подъ этимъ знойнымъ, глубокимъ небомъ. Вѣтерокъ съ Мраморнаго моря вѣетъ на нихъ отрадной прохладой. Соловей въ кустахъ сосѣдняго кладбища поетъ имъ свои пѣсни. Стаи чирикающихъ воробьевъ беззаботно разсаживались на немногихъ уцѣлѣвшихъ плитахъ. И кто знаетъ? можетъ быть и соловей, и эти чирикающія стаи перелетѣли сюда съ далекой родины, съ ея полей, изъ зеленыхъ лѣсовъ. Прилетѣли—и принесли имъ тихія слезы матерей, женъ и отцовъ... Грустно и горько становится за этихъ, незамѣтныхъ героевъ, которыхъ забыли въ чуждой землѣ..

Спите же мирно, Терентіи Горбуновы! Спите, герои, великіе!

С. Филипповъ.

Соборъ св. Григорія въ Дарочичагѣ (Эриван. у.).

Тарсъ (Киликія).

Турецкое кладбище въ Скутари.

—

Тихо, безлюдно.... Лишь въ небѣ лазурномъ
Лѣсъ кипарисовъ темнѣетъ.
Городъ ужъ скрылся въ сіяньи пурпурномъ,
Море сквозь дымку синѣетъ.
Вешняго солнца все залито свѣтомъ,
Полною грудью здѣсь дышется намъ,
Гдѣ-то съ незримаго намъ минарета
Вопль муэззина летитъ къ небесамъ.
Тихо, безлюдно..... Лишь камни сѣрѣютъ
Въ мрачной тѣни кипарисовъ,
Солнца лучи лишь украдкой тамъ грѣютъ
Прахъ вѣковой османлисовъ.
Все поросло тамъ бурьяномъ, травою,
Мраморъ разбился и стерлись сказанья,
Все тамъ сравнялось предъ вѣчной судьбою,
Возрастъ, богатство и званье!...
Вѣченъ лишь Онъ, всемогущій Создатель,
Книга судебъ у подножья Его.
Въ страхѣ стоитъ предъ Нимъ Ангелъ-каратель,
Душу исторгнуть онъ ждетъ..... у кого?
Милость Аллаха моли, правовѣрный!

Ради пророка даруетъ Онъ рай.
Вѣруй въ коранъ, устраняйся отъ скверны
И безъ борьбы умирай!
Тихо, безмолвно на древнемъ кладбищѣ,
Точно во снѣ дремлютъ вкругъ кипарисы,
Жизнь не касается смерти жилища,
Вѣчнымъ тамъ сномъ почіютъ Османлисы.

Царьградъ,
4 февраля 1895.

* *
*

Въ тишинѣ прохладной ночи
Раздалися саза звуки,
Плачетъ скрипка, льется пѣсня,
Страсти полная и муки.
Вновь Востокъ предсталъ предъ мною,
Полонъ нѣги, тайныхъ чаръ,
Съ безконечною тоскою
Надъ Босфоромъ средь чинаръ.
И каикъ скользитъ лѣниво
При лунѣ средь сонныхъ водъ
И мечети горделиво
Смотрятъ въ звѣздный неба сводъ,
И влюбленная ханума
Пѣсни страстной томно внемлетъ.
И на кладбищѣ угрюмомъ
Кипарисъ старинный дремлетъ.....
Громко пѣсня раздается,
Заунывно стонетъ сазъ.
То Востокъ въ ночи несется
Предо мной въ послѣдній разъ.

Нишъ, 15 іюня 1896.

С. Чахотинъ

О воображаемомъ банкротствѣ науки.

Какъ бы это ни казалось страннымъ, а все-же приходится признать, что въ переживаемое нами время, отличающееся столь поразительными и блестящими научными открытіями, все чаще и чаще раздаются жалобы на несостоятельность науки, на безсиліе ея объяснить самые животрепещущіе вопросы жизни, на полное ничтожество ея передъ вопросами религіи и морали и на то, что она вовсе не приноситъ людямъ счастья. Конечно, голоса эти, разочарованные въ наукѣ, раздаются всего чаще среди литераторовъ—не ученыхъ и не философовъ, къ нимъ примыкаютъ изрѣдка и серьезные ученые и мыслители; упреки повторяются затѣмъ на разные лады въ обществѣ и преподносятся не безъ ироніи различнымъ представителямъ науки.

Это считается теперь тѣмъ болѣе умѣстнымъ и справедливымъ, что въ самой наукѣ о жизни выдѣлилось нынѣ особое неовиталистическое ученіе, защитники котораго силятся доказать непримѣнимость общихъ физико-химическихъ способовъ изслѣдованія къ анализу явленій жизни, утверждающихъ, что то, что есть активнаго въ явленіяхъ жизни, немыслимо объяснить одними только физико-химическими законами, управляющими неодушевленной природой, такъ какъ жизнь опредѣляется еще и другими факторами, ничего не имѣющими общаго съ матеріальными механическими явленіями. На этомъ основаніи наиболѣе выдающіеся представители современнаго неовитализма — Бунге, Риндфлейшъ, Ганштейнъ и Кернеръ—заключаютъ, что біологическія науки должны навсегда отказаться отъ мысли объяснить явленія жизни путемъ механическаго изученія ихъ, другими словами путь изслѣдованія жизненныхъ явленій, избранный такъ называемыми точными науками есть путь недостаточный, ложный, не могущій привести къ цѣли. Такъ какъ среди явленій жизни, въ особенности относящихся къ психическому ряду есть не мало лишенныхъ всякаго пространственнаго характера, то къ этимъ послѣднимъ, говорятъ неовиталисты, уже никакъ не могутъ быть приложены механическіе методы изслѣдованія, примѣнимые только тамъ, гдѣ объектомъ служитъ движеніе, совершающееся въ пространствѣ и во времени; тутъ можетъ имѣть силу только субъективный методъ, самонаблюденіе, могущіе одни только проникнуть въ активный источникъ жизни; но въ этомъ направленіи наука еще не сдѣлала и перваго шага, современное-же объективное механическое отношеніе науки оказалось по мнѣнію неовиталистовъ совершенно безсильнымъ.

Нѣтъ словъ, что такіе нападки на біологическія науки, какъ имѣющія дѣло съ наиболѣе сложными явленіями, не остались безъ отвѣта, безъ основательныхъ возраженій со стороны большинства біологовъ и физіологовъ. Тѣмъ не менѣе такое признаніе безсилія науки въ объясненіи активной стороны жизненныхъ явленій, хотя бы и сравнительно малой группой неовиталистовъ, все же способствовало въ извѣстной степени деградированію науки въ глазахъ общества.

Среди ученыхъ первоклассныхъ, Гёксли первый выразилъ свой безнадежный взглядъ на науку, какъ на факторъ совершенно безсильный въ дѣлѣ усовершенствованія моральнаго и соціальнаго строя современныхъ обществъ и отчаяніе его въ этомъ отношеніи было настолько велико, что онъ, въ виду безвыходной нищеты и прогрессирующаго моральнаго упадка народныхъ массъ, считалъ за лучшій исходъ, чтобы явилась какая-нибудь добрая комета, которая бы своимъ хвостомъ смела всѣ дѣла людей.

Еще далѣе этого идутъ нѣкоторые очень выдающіеся писатели—мыслители, и среди нихъ въ особенности графъ Л. Н. Толстой, обвинявшіе, конечно, въ пылу раздраженія, науку въ томъ, что она силится созидать гипотезы и теоріи только оправдывающія самыя несправедливыя теченія и вопіющія стороны общественной жизни, санкціонирующія въ ней пожираніе сильнымъ слабаго, побѣду насилія надъ правдой. Это было, конечно, однимъ изъ самыхъ обидныхъ для науки и незаслуженныхъ обвиненій.

Бенжаменъ князь въ своей „Social évolution“ признавая огромные успѣхи научныхъ знаній и блестящія открытія послѣднихъ лѣтъ, влившія такъ много роскоши и комфорта въ практическую жизнь людей, въ то же время признаетъ, что наука не даетъ и не можетъ дать ключа къ успѣшному разрѣшенію главныхъ соціальныхъ и экономическихъ вопросовъ современныхъ государствъ въ духѣ высшей справедливости и гуманности и что въ этомъ отношеніи наука уступаетъ вполнѣ мѣсто религіи—этой путеводной звѣздѣ современныхъ обществъ—на пути моральнаго и соціальнаго совершенствованія.

Сказаннаго достаточно, чтобы видѣть сущность основныхъ нападокъ на науку. Справедливы ли, однако, они и представляется ли она дѣйствительно банкротомъ передъ жизнью и обществомъ?

Прежде всего два слова по адресу неовиталистовъ, подрывающихъ вѣру въ цѣлесообразность физико-химическихъ методовъ изслѣдованія жизненныхъ явленій. Оставляя въ сторонѣ подробный анализъ слабыхъ сторонъ неовитализма, мы утверждаемъ, что біологическія науки придерживаются вполнѣ вѣрнаго и единственно мыслимаго пути изслѣдованія жизненныхъ явленій, такъ какъ только механическій физико-химическій способъ изслѣдованія даетъ возможность расчленять шагъ за шагомъ сложныя явленія жизни, анализировать ихъ въ деталяхъ и опредѣлять ихъ основныя матеріальныя причины; только имъ однимъ опредѣляется круговоротъ веществъ и силъ, лежащій въ основѣ жизненныхъ явленій.

Сказанное вовсе не значитъ, что явленія жизни и жизненные процессы укладываются прямо въ рамки простой физики и химіи неодушевленной природы; эти послѣднія науки вовсе не обнимаютъ собою сложныхъ и разнообразныхъ жизненныхъ явленій и законовъ управляющихъ ими, а даютъ только точно выработанные методы изслѣдованія ихъ, измѣняемые сообразно съ условіями, данными

живыми объектами, и къ этимъ методамъ по необходимости прибѣгаютъ всегда біологи при окончательномъ анализѣ ближайшей причины даннаго жизненнаго явленія.

Жизнь клѣтки или колоній ихъ, входящихъ въ составъ сложныхъ организмовъ, имѣетъ свои цѣли, свои способы достиженія ихъ, свой циклъ развитія, совершенствованія и т. д. и изученіе этихъ спеціальныхъ жизненныхъ явленій всецѣло является задачей различныхъ отраслей біологическихъ наукъ. Эти послѣднія открываютъ намъ, что въ простѣйшихъ и сложныхъ организмахъ отчетливо выражаются три основныхъ стремленія: коимъ отвѣчаютъ три основныхъ чувствованія чувство самосохраненія, сохраненія рода и соціальность т. е. чувство солидарности съ себѣ подобными. Сообразно съ этими основными стремленіями въ живыхъ организмахъ развиваются такія морфологическія и функціональныя измѣненія, которыя наиболѣе всего гарантируютъ анатомофизіологическую цѣлость и безконечное совершенствованіе живыхъ организмовъ. Біологія и изучаетъ вещественный субстратъ жизни т. е. клѣточную протоплазму со всѣми ея свойствами, способствующими достиженію высшихъ полезностей, какъ то: раздражительность, измѣняемость живыхъ образованій, приспособляемость, спеціализацію, объединеніе функцій, общія внѣшнія и внутреннія условія существованія, а также законы размноженія, развитія и наслѣдственности.

Всѣ эти свойства и явленія жизни, конечно, не входятъ въ рамки однихъ только физико-химическихъ процессовъ неодушевленной природы и составляютъ предметъ чисто біологическихъ изслѣдованій, устанавливающихъ общіе принципы жизненнаго потока и выясняющихъ намъ сцѣпленіе различныхъ жизненныхъ процессовъ съ точки зрѣнія ихъ цѣлесообразности для основныхъ стремленій жизни. Такимъ образомъ устанавливаются біологическіе законы и хотя они по значенію своему и формулировкѣ представляютъ меньшую ясность и опредѣленность, нежели болѣе простые законы механики и химіи, тѣмъ не менѣе они также необходимы для ученія о жизни, какъ простые законы механики и химіи для развитія ученія о мірѣ неорганическихъ явленій.

Изъ сказаннаго вовсе, однако, не, вытекаетъ чтобы біологическіе законы *противуполагались* простымъ механическимъ законамъ; напротивъ того, они являются естественнымъ дополненіемъ послѣднихъ. Такъ, біологическая точка зрѣнія никогда не даетъ объясненія самаго механизма жизненнаго акта, а служитъ только руководной идеей въ изслѣдованіи его и какъ только дѣло доходитъ до *объясненія* того, *какъ* совершается то или другое жизненное явленіе и на основаніи какого обмѣна веществъ и силъ, даннаго спеціальными условіями живаго органа или клѣтки, такъ мы всегда бываемъ вынуждены прибѣгать къ механическому т. е. физико-химическому методу изслѣдованія, какъ къ единственному, открывающему намъ коренную непосредственную причину того или иного біологическаго явленія. Касаемся ли мы болѣе простыхъ явленій пищеваренія, кровообращенія или болѣе сложныхъ явленій психики и наслѣдственности, біологическая точка зрѣнія обнимаетъ только общій смыслъ жизненныхъ явленій, условія ихъ теченія, модификаціи ихъ въ индивидуумахъ различнаго вида и т. д.; но проникнуть во внутренній механизмъ жизненныхъ процессовъ дано только механическому анализу ихъ т. е. физико-химическому изслѣдованію субстрата функціи, матеріальныхъ процессовъ, проте-

кающихъ въ немъ и агента, приводящаго въ дѣйствіе весь механизмъ т. е. самаго раздражителя. Безъ этой основы всѣ біологическіе законы являются просто эмпирическими положеніями, скользящими по поверхности жизненныхъ явленій и непроникающими въ глубь ихъ, въ ихъ внутренній механизмъ.

На основаніи вышеуказаннаго становится яснымъ, что къ анализу явленій жизни слѣдуетъ подступать съ двухъ разныхъ сторонъ—біологической и физико-химической, и только при этомъ можно разсчитывать на выработку правильныхъ представленій о жизни. Этого, единственнаго мыслимаго направленія, и придерживается наука въ наши дни и если до сихъ поръ многіе біологическіе законы носятъ характеръ чисто эмпирическихъ положеній, то виной тому недостаточность развитія нашихъ физико-химическихъ знаній и методовъ, мѣшающая вникать въ тончайшій анализъ сложныхъ явленій жизни.

Судя, однако, по громадному движенію впередъ біологическихъ наукъ во второй половинѣ текущаго столѣтія, широко освѣтившихъ намъ многіе тѣлесныя и психическія функціи живыхъ организмовъ какъ въ ихъ здоровомъ, такъ и больномъ состояніи, можно выразить твердое убѣжденіе, что біологическія науки попали на вѣрный путь изслѣдованія и что, благодаря ему, эмпиризмъ въ біологіи станетъ постепенно уступать мѣсто, по мѣрѣ развитія физико-химическихъ знаній и методовъ, раціональному объясненію явленій жизни.

Неовитализмъ поэтому грубо заблуждается, допуская мысль, что прямымъ орудіемъ изслѣдованія жизненныхъ явленій должно служить самонаблюденіе и внутреннее чувство, а не механическій методъ изслѣдованія. Изъ вышесказаннаго явно слѣдуетъ, что самое большее, чего можно было бы достигнуть, слѣдуя совѣту неовиталистовъ, это установки нѣкоторыхъ біологическихъ законовъ касательно условій теченія и развитія жизненныхъ явленій и то такихъ, которыя протекаютъ въ полѣ зрѣнія нашего сознанія. Что же касается *коренныхъ причинъ* такого, а не иного теченія, данныхъ всегда матеріальными условіями жизни, то о нихъ мы бы безъ помощи физико-химическихъ методовъ изслѣдованія не могли бы имѣть ни малѣйшаго представленія, какъ бы долго и усиленно не подвергали бы мы себя самонаблюденію и анализу внутреннихъ чувствъ.

Неовитализмъ утверждаетъ, что извѣстными законами физики и химіи могутъ быть объяснены одни только пассивныя явленія жизни; что же касается до того, что есть активнаго въ ней, то это навсегда останется недоступнымъ современному механическому методу въ наукѣ; въ такомъ положеніи находятся напр. вопросы о явленіяхъ развитія, наслѣдственности, возбужденія и т. д. и такое заключеніе подкрѣпляется неовиталистами еще тѣмъ, что даже сравнительно простыя явленія всасыванія, диффузіи, отдѣленія соковъ и т. д. въ живыхъ тѣлахъ протекаютъ наперекоръ физическимъ законамъ ихъ теченія въ мертвыхъ объектахъ; на сколько же труднѣе должны поддаваться механическому объясненію всѣ остальныя болѣе сложныя явленія жизни, какъ то: размноженіе, наслѣдственность, явленія нервнаго, мышечнаго возбужденія и т. д.?

Такъ восклицаютъ неовиталисты, увлекаясь своимъ нетерпѣливымъ отрицаніемъ могущества механическаго метода изслѣдованія жизненныхъ явленій, забывая только одну съ виду малую вещь, что живое вещество не то же, что

мертвое и что поэтому процессы диффузіи и всякіе другіе должны уже въ силу этого одного протекать въ обоихъ случаяхъ неодинаково. Физико-химическія свойства живого вещества иныя, нежели мертваго, и такъ какъ объ нормальной конституціи живаго вещества мы, въ силу его высокой разлагаемости, не имѣемъ никакого представленія, то и объ физическихъ свойствахъ живого вещества, о томъ какъ оно должно относиться къ процессамъ всасыванія, диффузіи и т. д. мы не можемъ имѣть никакой точной идеи. Мало того, мы благодаря примѣненію механическаго метода въ біологіи и узнаемъ, что живыя ткани въ явленіяхъ диффузіи, всасыванія и т. д. ведутъ себя не такъ, какъ мертвыя, узнаемъ еще много другихъ дифференціальныхъ различій въ физическихъ и химическихъ свойствахъ живыхъ и мертвыхъ тканей и тѣмъ создаемъ себѣ картину того, чѣмъ въ общихъ чертахъ живое отличается отъ мертваго. Нѣтъ сомнѣнія, что пытливая мысль человѣка не остановится на констатированіи только этихъ отличій, но въ свое время перейдетъ и къ опредѣленію причинъ этихъ отличій и все это путемъ глубокаго знакомства съ физико-химическими свойствами живого вещества и его измѣненій при разнообразныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ условіяхъ. Но тутъ мы встрѣчаемся съ категорическимъ утвержденіемъ неовиталистовъ, что всѣ эти попытки останутся тщетными, такъ какъ активныя стороны различныхъ жизненныхъ явленій останутся навсегда закрытой книгой для изслѣдователей придерживающихся механическаго т. е. физико-химическаго способа анализа жизненныхъ явленій.

Намъ кажется, что подобное утвержденіе черезчуръ смѣло, въ виду огромныхъ завоеваній, дѣлаемыхъ со дня на день біологическими науками; это съ одной стороны; а съ другой, такія категоричныя, безнадежныя предсказанія уже не разъ высказывались въ наукѣ и въ дѣйствительности быстро опровергались.

Для примѣра напомнимъ слѣдующіе извѣстные факты. Когда Папинъ, изучивъ законы пара, выразилъ мысль о постройкѣ пароходовъ движимыхъ огнемъ и паромъ, то онъ подвергся всеобщему осмѣянію; такимъ несбыточнымъ, безумнымъ показался всѣмъ его смѣлый проектъ! Кто могъ допустить тогда, что немного пламени надъ котломъ будетъ достаточно чтобы приводить въ движеніе паровозы и машины. Даже много позже, когда Фультонъ предложилъ Наполеону I выстроить первый пароходъ, то императоръ принялъ его за сумасшедшаго. Тьеръ еще такъ недавно сомнѣвался въ томъ, чтобы дилижансы могли замѣниться когда нибудь желѣзными дорогами. Когда въ Парижской Академіи Наукъ узнали объ изобрѣтеніи телефона, то одинъ изъ извѣстнѣйшихъ знатоковъ электричества отрицалъ всякую возможность постройки такого аппарата; а когда въ слѣдующемъ же засѣданіи той же Академіи Наукъ начали демонстрировать фонографъ, то одинъ изъ академиковъ, сильный скептикъ, заявилъ, что звуки раздававшіеся при дѣйствіи фонографа принадлежатъ не аппарату, а чревовѣщателю, приводившему его въ движеніе.

Вотъ какъ велика бываетъ сила отрицанія въ виду вопіющей даже очевидности. Прибавлю еще одинъ поразительный примѣръ того же рода: когда знаменитый Гарвей заявилъ, что при біеніяхъ сердца слышатся въ груди опредѣленные звуки, тоны, то одинъ итальянскій врачъ отвѣтилъ ему, что быть мо-

жетъ это вѣрно для Лондона, но что въ Венеціи не слышно ничего подобнаго. И такіе отвѣты возможны были еще въ XVII столѣтіи. Если уже въ такихъ сравнительно простыхъ и очевидныхъ вопросахъ мысль человѣческая допускала сомнѣнія и отрицанія, то на сколько чаще могли являться они и дѣйствительно являлись въ случаяхъ болѣе сложныхъ, касавшихся различныхъ запутанныхъ задачъ изъ области біологіи, психологіи и т. д. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Прево и Дюма еще въ 1821 году утверждали, на основаніи собственныхъ изслѣдованій, что наукѣ *никогда* не удастся изолировать красящаго вещества крови и что всѣ попытки въ этомъ направленіи окажутся тщетными. Не успѣло пройти послѣ этого нѣсколько десятковъ лѣтъ, какъ извѣстному физіологу-химику Ф. Гоппе-Зейлеру удалось получить прекрасные кристаллы красящаго вещества крови и нынѣ, благодаря трудамъ названнаго ученаго, а также Стокса Клода-Бернара, Ненцкаго и ихъ учениковъ, свѣдѣнія о краскѣ крови, т. е. о гемоглобинѣ, представляютъ одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ физіологіи и патологіи человѣческаго организма. Знаменитый Химикъ Берцеліусъ въ 1827 г. абсолютно отрицалъ, чтобы людямъ удалось когда либо добыть *лабораторнымъ путемъ* хоть одно изъ органическихъ соединеній, вырабатываемыхъ животными или растеніями; и вдругъ послѣ такого пророчества не прошло и года, какъ Велеръ добылъ лабораторнымъ путемъ *мочевину* изъ ціанистаго аміака. Съ тѣхъ поръ число органическихъ соединеній, добытыхъ лабораторнымъ путемъ, благодаря руководящей теоріи Кекуле, рѣзко увеличилось, и въ недавнее еще время Ладенбургу удалось получить синтетически алколойдъ *конінъ*, вырабатываемый растеніями и обладающій всѣми химическими и физіологическими свойствами натуральнаго конина. Кромѣ того теперь удалось уже получить синтетическимъ путемъ рядъ веществъ, близкихъ по своему составу и свойствамъ къ сахару и никто уже не сомнѣвается, что полученіе настоящаго сахара является лишь вопросомъ времени. Въ такомъ же приблизительно положеніи находится и вопросъ объ искусственномъ полученіи частицы мертваго бѣлка. Пока все затрудненіе только въ сознаваемой химиками недостаточности развитія органической химіи, непозволяющей приступить къ синтезу столь сложныхъ бѣлковыхъ соединеній; никто изъ химиковъ не сомнѣвается однако въ томъ, что слѣдуя шагъ за шагомъ по пути своего развитія, химія дойдетъ наконецъ роковымъ образомъ до созиданія бѣлковой частицы.

Въ концѣ этихъ размышленій нельзя не припомнить словъ извѣстнаго физіолога Іоганна Мюллера, высказанныхъ имъ въ 1839 г. на счетъ скорости движенія нервнаго возбужденія по нервамъ; она казалась столь великой этому знаменитому физіологу, что онъ отрицалъ возможность ея опредѣленія когда бы то ни было и кѣмъ бы то ни было. Несмотря на такое пророчество, геніальному Гельмгольцу удалось вскорѣ разрѣшить эту задачу самымъ простымъ и остроумнымъ способомъ и указать, что скорость эта, напротивъ того, ничтожна сравнительно со скоростью свѣта, электричества и даже звука, а именно скорость эта равна всего 30—50 метрамъ въ секунду, въ то время какъ скорость свѣта, какъ извѣстно, равна 300000 километрамъ въ секунду. Этотъ фактъ представляетъ блестящій примѣръ того, какъ рѣзко могутъ ошибаться въ отрицательныхъ пророчествахъ своихъ самые выдающіеся по уму и знаніямъ личности и притомъ наканунѣ почти дѣлаемыхъ открытій.

Кто бы могъ предсказать лѣтъ за 60 передъ этимъ, что люди будутъ въ состояніи опредѣлять количество желѣза и натрія на планетѣ Сиріусъ? Или что будутъ фотографировать движенія, длящіяся только $\frac{1}{1000}$ сек., что свѣтовые электрическіе токи, убивающіе на поваль человѣка, будучи превращены въ альтернативные токи высокаго напряженія, но съ большимъ числомъ колебаній, оставаясь свѣтовыми, могутъ безо всякаго вреда пронизывать живого человѣка, доставляя ему пользу, наконецъ, кто бы даже лѣтъ пять тому назадъ допустилъ возможность фотографированія предметовъ, заключенныхъ въ непроницаемыя для свѣта ящики или конверты или фотографировать кости и внутренности живого человѣка, — а между тѣмъ все это дѣлается теперь такъ просто, благодаря случайному открытію X лучей.

Кто бы думалъ, что живые организмы являются носителями цѣлебныхъ для нихъ же средствъ, живыми ходячими аптеками, способными вырабатывать массу противоядій противу различныхъ заразныхъ болѣзней? А между тѣмъ успѣхами біологическихъ медицинскихъ наукъ факты эти поставлены нынѣ внѣ всякаго сомнѣнія и на нихъ воздвигнуты два новыхъ могучихъ способа борьбы съ болѣзнями— эта органотерапія и сывороточная терапія, та и другая, прибѣгающія къ впрыскиваніямъ и прививкамъ, производящимъ, какъ извѣстно, во многихъ случаяхъ чудеса въ борьбѣ даже съ такими болѣзнями какъ дифтеритъ и чума.

Взвѣсивъ все сказанное, трудно себѣ представить человѣка, который бы рѣшился теперь ставить предѣлы прогрессу науки въ грядущія столѣтія и указывать бы на неразрѣшимость тѣхъ или другихъ задачъ для человѣческаго ума. Благоразумнѣе будетъ воздержаться отъ безнадежныхъ пророчествъ и надѣяться, что то, что недоступно сегодня, то можетъ быть объяснено или пріобрѣтено завтра.

Каждый день намъ приноситъ все новыя и новыя доказательства того, какъ мы мало еще знаемъ о себѣ и объ окружающей насъ природѣ и приходится только удивляться, какъ съ этой крохой знаній человѣку удалось уже подчинить себѣ, видоизмѣнить природу, создать массу новыхъ условій и явленій, представляемыхъ цивилизованной жизнью и стать уже владыкой пространства и времени.

Правда, существуетъ безчисленное множество вопросовъ, рѣшеніе коихъ еще не назрѣло, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что проблемы эти навсегда останутся для насъ закрытой тайной. Историческій ходъ развитія науки доказываетъ намъ противное и обѣщаетъ намъ въ будущемъ обильную жатву, тѣмъ болѣе что и мозгъ человѣческій—этотъ тончайшій анализаторъ и синтетикъ растетъ и совершенствуется съ теченіемъ столѣтій. По вычисленіямъ знаменитаго физика Тампона съ момента отвердѣнія земной коры прошло уже 400 милліоновъ лѣтъ, по измѣреніямъ же череповъ добытыхъ Брокки и Топинаромъ изъ кладбищъ различныхъ столѣтій оказывается, что средняя емкость череповъ растетъ изъ столѣтія въ столѣтіе; невольно думается, чѣмъ можетъ стать этотъ мозгъ въ туманной дали грядущихъ тысячелѣтій, если землѣ суждено просуществовать еще сотни милліоновъ лѣтъ? Какія задачи будутъ доступны уму человѣческому въ томъ отдаленномъ будущемъ и мыслимо ли намъ теперь имѣть объ этомъ опредѣленное мнѣніе? Благоразумнѣе, конечно, на основаніи всего вышесказаннаго воз-

держаться отъ всякихъ пессимистическихъ пророчествъ и питать твердую надежду въ безграничный ростъ ума человѣческаго и въ безпредѣльность его завоеваній.

Наука изучаетъ факты и явленіе какъ внѣшняго, такъ и внутренняго намъ міра, изучаетъ весь міръ явленій въ томъ видѣ, въ какомъ онъ рисуется въ нашемъ сознаніи а также и самое сознаніе. Прямая цѣль, преслѣдуемая наукой — это открытіе *истины* т. е. настоящей причинной связи явленій на основаніи изученія отношеній между фактами и установки законовъ этихъ отношеній, при непремѣнномъ предполагаемомъ соотвѣтствіи между міромъ внутреннихъ и внѣшнихъ явленій. Никто не можетъ требовать чего либо большаго отъ науки и въ особенности никто не вправѣ требовать отъ нея объясненія того, что находится внѣ предѣловъ человѣческаго сознанія.

Если стать на эту правильную точку зрѣнія на задачи науки, то всякій безпристрастный человѣкъ долженъ будетъ признать, что наука именно въ настоящее время переживаетъ блестящія минуты своего существованія, даря міру рядъ поразительныхъ открытій изъ области біологіи, медицины, физики и химіи, находящихъ широкое и плодотворное примѣненіе въ жизни. Она удовлетворяетъ не только требованіямъ разума, стремленію къ истинѣ, но и доставляетъ неоцѣнимыя услуги въ области практической жизни. Біологическія науки—анатомія, физіологія, медицина, зоологія и т. д. объясняютъ, *что мы такое* представляемъ собою; геологія, палеонтологія, филогенезъ и исторія доисторической эпохи выясняютъ намъ, *откуда* мы происходимъ, а на вопросъ о томъ, *куда* мы идемъ, отвѣчаютъ по мѣрѣ силъ всѣ такъ называемыя соціальныя науки: исторія, право, философія и т. д. Кто же другой можетъ дать болѣе удовлетворительные отвѣты на эти животрепещущіе вопросы, какъ не наука? О какомъ же банкротствѣ науки, о какихъ несбыточныхъ надеждахъ можетъ быть теперь рѣчь, когда время наше есть пора наиболѣе поразительныхъ и блестящихъ научныхъ открытій бросающихъ свѣтъ на вышеуказанные вопросы, разливающихъ комфортъ и здоровье среди членовъ современныхъ обществъ.

Нѣтъ, современное состояніе науки не даетъ никакихъ основаній для разочаровыванія въ ея силахъ, въ ея будущности и если вопреки этому складываются пессимистическіе взгляды на нее, если раздаются упреки по ея адресу, то главнымъ образомъ отъ нетерпѣливости людей съ одной стороны и отъ того, что наукѣ навязываютъ совершенно чуждыя ей задачи.

Ходъ науки медленный, послѣдовательный, вполнѣ надежный, такъ какъ она преслѣдуетъ шагъ за шагомъ раскрывающіяся передъ нею задачи, руководясь только однимъ стремленіемъ къ опредѣленію причинной связи явленій, удовлетворяющимъ врожденный человѣку законъ причинности. Истинная наука не задается прямо практическими житейскими цѣлями, обыкновенно отвлекающими изслѣдователя отъ прямыхъ его задачъ, и вводящими его нерѣдко въ цѣлый рядъ ошибокъ, затрудняющихъ раскрытіе истины; нѣтъ, она заботится только о подробнѣйшемъ анализѣ всѣхъ звеньевъ, участвующихъ въ данномъ явленіи съ цѣлью установленія закономѣрности его теченія и для этого на всемъ пути идетъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Путь этотъ, повторяемъ, медленный, трудный и нерѣдко истощаетъ всякое терпѣніе общества, требующаго тщетно отъ науки по воз-

можности скорѣе отвѣта на различные неотложные вопросы практической жизни. Отсюда недовольство наукой, черезчуръ медленно двигающейся, разговоры о ея безполезности, банкротствѣ и тому подобное.

Съ другой стороны наукѣ навязываютъ такія вопросы и задачи, которые вовсе не могутъ входить въ кругъ ея изслѣдованія и находятся выше ея компетенціи. Сюда относятся вопросы касающіеся сущности вещей, сущности атомовъ, одаренныхъ силой и того, почему они обладаютъ такими, а не иными свойствами и почему той или другой игрой своей атомы служатъ источникомъ развитія то электрическихъ, то магнитныхъ, то свѣтовыхъ, то психическихъ явленій и такъ д. и т. д.

Всѣмъ извѣстно, что наука уже давно отказалась отъ всякихъ попытокъ рѣшать подобнаго рода задачи, такъ какъ господствующая «теорія познаванія» гласитъ, что весь вещественный сознаваемый нами міръ предметовъ и явленій существуетъ только въ нашемъ представленіи, другими словами онъ представляетъ только различныя состоянія нашего сознанія т. е. условныя символы, а вовсе не копіи реально существующаго внѣ насъ. Въ виду такой условности и субъективности нашихъ познаній умъ человѣческій въ томъ видѣ, въ какомъ онъ функціонируетъ нынѣ, не въ силахъ проникнуть въ сущность вещей, какъ они существуютъ сами по себѣ, помимо ихъ отношенія къ намъ и потому вопросы о томъ, *почему* они обладаютъ тѣми или другими свойствами или силами, а не иными являются праздными въ силу ихъ неразрѣшимости. Символическому языку нашихъ ощущеній, воспріятій и представленій вполнѣ доступно опредѣленіе порядка, закономѣрности теченія тѣхъ или другихъ явленій съ указаніемъ ближайшей непосредственной причины ихъ и, такимъ образомъ, наука въ самомъ лучшемъ случаѣ опредѣляетъ лишь то «*какъ*» протекаютъ явленія, а вовсе не «почему» текутъ они такъ, а не иначе.

Положеніе вопроса не измѣнится, если даже согласиться съ мало обоснованнымъ и высказаннымъ недавно Сѣченовымъ мнѣніемъ, что между нашими представленіями о предметахъ и явленіяхъ внѣшняго міра и этими послѣдними въ томъ видѣ, въ какомъ они находятся внѣ насъ, существуетъ полное тождество. И при этомъ, даже невѣрномъ взглядѣ на предметъ, мы не видимъ возможности допустить, чтобы умъ человѣческій былъ въ состояніи рѣшать вопросы о томъ, *почему* напр. водородъ обладаетъ сильнымъ сродствомъ къ кислороду и образуетъ съ нимъ воду, и почему этимъ свойствомъ не обладаетъ напр. сѣра или хлоръ; *почему* такой то нервный центръ при возбужденіи даетъ ощущеніе свѣта, другой ощущеніе звука и т. п. Допущеніе невѣрнаго положенія о томъ, что представленія о предметахъ и явленіяхъ суть почти копіи этихъ послѣднихъ, не можетъ подвинуть въ этомъ отношеніи дѣла и отъ науки можно требовать лишь отвѣта на вопросъ о томъ, „*какъ*" протекаютъ явленія а вовсе не «*почему*. Ни метафизика, ни философія даже, глубоко проникающая во внутренній смыслъ явленій, не въ силахъ до сихъ поръ отвѣтить на вопросы, касающіеся сущности вещей, самихъ по себѣ.—Многими всѣ эти положенія не сознаются въ достаточной мѣрѣ и поэтому на науку возлагаются невыполнимыя требованія, ведущія конечно къ разочарованію. Но и тутъ, какъ видно, наука не при чемъ — все дѣло въ непониманіи ея задачъ.

Къ этой же категоріи нападокъ на науку относится и упрекъ въ томъ, что она не дала и не даетъ людямъ *счастья*; какъ будто наука обѣщала когда нибудь человѣчеству счастье! Между тѣмъ взглядъ на историческій ходъ развитія науки ясно показываетъ, что задачей ея было всегда только открытіе *истины*; въ этомъ же отношеніи наука оправдала всѣ ожиданія, подаривъ обществу массы частныхъ и общихъ истинъ касательно закономѣрности самыхъ разнообразныхъ явленій изъ физическаго живаго міра природы и соціальной жизни людей — истинъ, легшихъ въ основу цивилизованной жизни націй.

Хотя заботы о *счастьи* человѣчества не составляютъ прямой задачи науки, тѣмъ не менѣе она открытіемъ и пропагандированіемъ *истинъ* облегчаетъ достиженіе имъ счастья; разсѣяніемъ суевѣрій, уменьшеніемъ страданій и смертности, повышеніемъ матеріальнаго благосостоянія интелектуальнаго развитія, наука несетъ великую службу человѣчеству, приближая его къ болѣе счастливому будущему. Наука сама по себѣ не создаетъ страданій, а скорѣе учитъ какъ избѣгать ихъ и въ открываемыхъ ею истинахъ видитъ могущее средство согласованія индивидуальнаго блага съ благомъ общимъ всего человѣчества.

Тутъ мы невольно касаемся связи между наукой и моральными началами жизни. Религіи безспорно принадлежитъ первое мѣсто въ установленіи и распространеніи нравственныхъ началъ въ обществѣ; но не подлежитъ въ то же время сомнѣнію, что наука, просвѣщая людей, знакомя ихъ съ истиннымъ смысломъ и значеніемъ окружающихъ ихъ явленій служитъ истинной помощницей религіи въ дѣлѣ укрѣпленія моральныхъ началъ въ обществѣ и народѣ; такъ какъ моральныя начала отвѣчаютъ идеѣ любви къ ближнему, а черезъ это и идеѣ общаго блага, а пониманіе этихъ высокихъ общихъ истинъ доступнѣе уму болѣе просвѣщенному, привыкшему къ чарующей силѣ истины, то высокая полезность союза религіи съ наукой является фактомъ безспорнымъ. Вѣдь наука научаетъ насъ понимать, что такое человѣкъ въ его здоровомъ и больномъ состояніи, наука разъясняетъ намъ, что люди въ общемъ равны между собою, что они братья, что человѣчество есть лишь одна семья родственныхъ народовъ, она доказываетъ воочію солидарность людей и народовъ и т. д. и всѣмъ этимъ подготовляетъ благодарную ниву для воспріятія и пышнаго расцвѣта альтруистическихъ моральныхъ началъ, ведущихъ человѣчество къ болѣе счастливому будущему. Какъ же послѣ этого въ видахъ повышенія этическихъ идеаловъ въ обществѣ и народѣ не пожелать самаго близкаго союза религіи съ наукой, разумѣя подъ послѣдней просвѣщеніе. Вотъ почему наука, цивилизація и нравственность являются нераздѣльными и почему истинное знаніе всегда возвышаетъ и облагораживаетъ вѣру. — О какомъ же банкротствѣ науки можетъ быть рѣчь послѣ всего этого?

И. Тарханов

Армянки пекутъ хлѣбъ.

Изъ исторіи народнаго хозяйства.[1]

—

Подъ названіемъ «натуральнаго» хозяйства обыкновенно разумѣется тотъ строй хозяйственныхъ отношеній, при которомъ каждая обособленная группа людей удовлетворяетъ своимъ матеріальнымъ потребностямъ продуктами собственнаго производства. При этомъ отдѣльная хозяйственная ячейка стремится приспособить свое производство только къ своему-же потребленію, а не работаетъ для сбыта. Но уже на весьма раннихъ ступеняхъ развитія народнохозяйственной культуры встрѣчается обмѣнъ, что свидѣтельствуетъ о затруднительности для изолированной группы производителей удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ исключительно трудомъ однихъ ея членовъ. Этого мало. Разнообразіе потребностей достигаетъ значительнаго развитія уже въ весьма отдаленную отъ насъ эпоху и влечетъ за собой начало раздѣленія занятій еще въ тѣ времена, относительно которыхъ мнѣніе о полномъ господствѣ принципа натуральнаго хозяйства является распространеннымъ. Прослѣдить развитіе процессовъ, сопро-

1) Предлагаемый отрывокъ составляетъ сводъ небольшого числа матеріаловъ по народнохозяйственной исторіи.

вождавшихъ ломку этого вида хозяйства въ его чистомъ видѣ, уловить причинныя зависимости, закономѣрности, которыя обнаруживаются въ этой области — представляетъ одну изъ весьма благодарныхъ задачъ исторіи народнаго хозяйства. Изученіе этихъ процессовъ имѣетъ и немалый современный интересъ для странъ, въ которыхъ хозяйство массы населенія еще не освободилось отъ многихъ «натуральныхъ» чертъ недавняго прошлаго.

Внѣшняя обстановка типичнаго натуральнаго хозяйства очерчена довольно подробно Гомеромъ. Въ Одиссеѣ собрано немало характерныхъ чертъ, свойственныхъ хозяйству того времени, когда составлялась эта поэма. Полнотѣ набросанной въ ней картины способствуетъ въ значительной мѣрѣ то обстоятельство, что авторъ описываетъ хозяйство представителей группы наиболѣе состоятельныхъ людей—царей Алкиноя и Одиссея.

Передъ нами—домъ-особнякъ, обширный дворъ, садъ, огородъ; все это окружено заборомъ, иногда стѣной — нѣчто въ родѣ помѣщичьей усадьбы, нерѣдко укрѣпленной, согласно требованіямъ времени, У Алкиноя дворъ окруженъ строеніями; за нимъ плодовый садъ съ высокой оградой и особо - виноградникъ и далѣе — огородъ [1]). У Одиссея [2]) — широкій мощеный дворъ, обведенный зубчатой стѣной съ двойными воротами:

. . . . въ нихъ ворваться насильно никто не помыслитъ.

У Лаэрта—домъ съ садомъ, окруженный со всѣхъ сторонъ широкимъ навѣсомъ, подъ которымъ рабы вмѣстѣ работали, обѣдали и спали [3]).

Этотъ типъ жилищъ встрѣчается и у другихъ народовъ. Въ древнемъ Египтѣ сельскіе дворы обводились стѣнами съ одними только воротами. Внутри помѣщались плодовый садъ и виноградникъ, хозяйственныя постройки и жилые дома. Принадлежность усадьбы кромѣ того тамъ составляли каналы для стока водъ Нила и пруды (садки для рыбы, заходящей при разливѣ рѣки) [4]). Городскіе дома тамъ строились также во дворѣ, при входѣ въ который былъ портикъ, поодаль кладовыя для храненія запасовъ растительнаго масла, вина, зерна и пр. Дворами окружались даже небольшіе дома. Ограниченность пространства внутри городскихъ стѣнъ не позволяла расширять дворовъ и принуждала надстраивать этажи на домахъ [5]). Древніе Иранцы селились чаще деревнями, рѣже — отдѣльными дворами. Вторая система могла практиковаться въ мѣстностяхъ, защищенныхъ горами; первая была необходима въ открытыхъ мѣстахъ, захваченныхъ земледѣльной культурой и на границахъ пустынь, гдѣ надо было остерегаться набѣговъ кочевниковъ. Но и деревни ихъ представляли собой также рядъ дворовъ, окруженныхъ особыми стѣнами. Внутри этихъ стѣнъ жили вмѣстѣ нѣсколько семействъ (6—8), изъ которыхъ каждое въ свою очередь отгораживалось стѣной отъ другихъ и имѣло особый дворъ съ жилыми и хозяйственными постройками [6]).—Городъ Римъ еще къ концу царскаго періода представлялъ вполнѣ

1) Одиссея, VII 113—128.
2) Тамъ же XVII 268.
3) Тамъ же XXIV 208—210.
4) *Gustav Klemm*—Allgemeine Culturgeschichte. Leipzig. 1845—51. B. V. S. 272—3.
5) Тамъ же s. 268—70.
6) *W. Geiger*—Ostiranische Kultur im Alterthum. Erlangen. 1882 s. 422, 418—20.

сельскій видъ: къ жилищамъ, выстроеннымъ изъ соломы, глины и дерева, непосредственно примыкали пахотные и пастбищные участки [1]).

Внутренность дома Одиссея состоитъ изъ «длиннаго ряда горницъ просторныхъ»[2]). У Алкиноя «палаты», «залъ» [3]) имѣютъ немало цѣнныхъ украшеній, двери изъ литаго золота, стѣны обиты мѣдью, карнизъ «лазоревой стали», серебряныя притолки, серебряный косякъ, мѣдный порогъ, золотое кольцо на дверяхъ, у входа двѣ собаки — золотая и серебряная («хитрой работы искуснаго бога Ифеста»), на высокихъ подножіяхъ «лики златые отроковъ», поддерживающихъ свѣточи для освященія комнаты [4]). Въ египетскихъ домахъ также упоминаются изящныя дверныя украшенія, богато украшенныя и пестро раскрашенныя стѣны, скульптура [5]).—Обычной мебелью служили лавки, размѣщенныя вдоль стѣнъ и прикрытыя покровами домашняго тканья [6]). Были и кресла: въ покояхъ царицы Ареты у очага стоятъ кресла царя Алкиноя, на которыхъ онъ «сидя, виномъ утѣшается, свѣтлому богу подобный» [7]). Въ Египтѣ дома состоятельныхъ людей меблировались диванами, покрытыми матеріями или кожей, креслами, стульями, скамьями; тамъ уже извѣстна была и роскошь въ этомъ отношеніи: для выдѣлки мебели и друг. предметовъ обстановки употребляли также и золото, и слоновую кость.—Въ домахъ несостоятельныхъ людей мебелью служили деревянныя колоды [8]).

За пріемнымъ «заломъ» у Алкиноя слѣдовали внутреннія комнаты, въ которыхъ протекала хозяйственная жизнь дома. Здѣсь помѣщался очагъ и царила хозяйка, работавшая съ своими рабынями [9]). Обращаетъ на себя вниманіе описаніе кладовой въ домѣ Одиссея, въ которой хранятся какъ его сокровища, такъ и запасы платья, провизіи и пр. продуктовъ домашняго производства. Это «зданіе пространное», гдѣ «злата и мѣди кучи лежали», хранилось «много платья въ ларяхъ и душистаго масла», сосуды съ многолѣтнимъ виномъ; она снабжена «двустворными дверями, дважды замкнутыми» [10]).—Наконецъ, у Алкиноя имѣлись обширныя помѣщенія для рабовъ, для производства разныхъ работъ и для животныхъ. Лаэртъ довольствовался для первыхъ двухъ цѣлей, какъ уже упомянуто, простымъ навѣсомъ вокругъ дома, но Алкиной не могъ имъ удовлетвориться, такъ какъ былъ гораздо богаче его рабами и скотомъ.

Такимъ образомъ, внутри укрѣпленнаго двора помѣщалась цѣлая колонія, жившая обособленной жизнью; эта обособленность могла быть тѣмъ больше, чѣмъ выше стоялъ дворъ на общественной лѣстницѣ по признаку имущественной обезпеченности. Намеки на такія различія можно замѣтить уже въ приведе-

1) *L. Friedländer*—Darstellung aus der Sittengeschichte Roms—Leipzig 1888. B. I s. 3

2) Одис. XVII 266.

3) Одис. VI 304.

4) Одис. VII 86—103.

5) *Klemm*—назв. соч. V 268—72, 274 и слѣд.

6) Одис. VII 96, XVII 328, 462 и др. м.

7) Одис. VI 308.

8) *Klemm*—тамъ же 273 и слѣд.

9) Одис. VI 52, 304 и слѣд.

10) Одис. II 338—314.

ныхъ описаніяхъ; намъ придется видѣть ихъ болѣе рельефное выраженіе и въ дальнѣйшемъ.

Трудовыя силы двора состояли изъ 1) членовъ хозяйской семьи, 2) рабовъ и 3) наемныхъ свободныхъ рабочихъ.—

Вмѣстѣ съ рабами *хозяинъ и его семья* въ болѣе ранній періодъ работаютъ, повидимому, всякую работу. Царица Феаковъ Арета сучитъ нити близъ очага въ кругу служанокъ [1]); Пенелопа и Андромаха непосредственно завѣдуютъ домашнимъ хозяйствомъ [2]); Навзикая проситъ у отца позволенія мыть бѣлье; сама мать готовитъ ей «корзину со всякой ѣдой», мѣхъ съ виномъ и лакомства; Навзикая сама правитъ мулами; вмѣстѣ съ рабынями она моетъ, полощетъ и сушитъ бѣлье [3]); «благороднорожденные» женихи Пенелопы сами рѣжутъ скотъ для своего обѣда [4]), тоже дѣлаетъ и Телемакъ [5]); Лаэртъ, отецъ Одиссея, собственноручно обрабатываетъ свой садъ «съ попеченіемъ великимъ», при чемъ онъ долженъ былъ имѣть и соотвѣтственный костюмъ: «онъ былъ одѣтъ неопрятно: платье въ заплатахъ; худыми ремнями изъ кожи бычачьей, наживо сшитыми, были опутаны ноги, чтобъ иглы ихъ не царапали; руки отъ острыхъ колючекъ терновыхъ онъ защитилъ рукавицами; шлыкъ изъ потершейся козьей шкуры покровомъ служилъ головѣ» [6]).—При такой трудовой близости не удивительно, что хозяйская семья нерѣдко отдыхала и ѣла вмѣстѣ съ рабами. Навзикая купается, обѣдаетъ и играетъ въ мячъ вмѣстѣ съ рабынями [7]). Козоводъ Мелантій, свинопасъ («богоравный») Эвмей и Одиссей въ видѣ нищаго пьютъ и ѣдятъ вмѣстѣ съ «благороднорожденными» женихами. [8]) — Въ Римѣ въ царскій періодъ и въ первые вѣка республики хозяинъ также работаетъ вмѣстѣ съ рабами въ мирное время. Отсюда — ихъ относительная близость; рабъ—до извѣстной степени членъ семьи (familiaris), принимаетъ близкое участіе въ хозяйскихъ дѣлахъ; онъ — товарищъ дѣтства, совѣтникъ хозяина; онъ совершаетъ вмѣстѣ съ нимъ религіозные обряды, вмѣстѣ ѣстъ. [9]) — Въ Египтѣ отношенія были, повидимому, таковы-же; обращеніе съ рабами мягко; за убійство раба полагалась смертная казнь; за услуги и прилежаніе рабъ могъ надѣяться получить свободу. [10])—У Евреевъ встрѣчаемъ приблизительно тоже. У нихъ рабы единоплеменники становились свободными безъ выкупа на 7-й годъ, а выкупить раба родственники его могли всегда. При такихъ условіяхъ положеніе раба могло сравнительно мало отличаться отъ положенія свободнаго. „Не господствуй надъ рабомъ съ жестокостью“. [11]) *Рабы* составляли, конечно, главный рабочій элементъ

1) Одис. 53, 307.
2) Одис. XXIII 355, Иліад.
3) Одис. VI 57 и слѣд.
4) Одис. XVII 175.
5) Одис. XXIV 215.
6) Одис. XXIV 206, 227—232, 242.
7) Одис. VI 96 и слѣд.
8) Одис. XVII 259, 327—58, 369, 411.
9) *Муромцевъ*—Гражданское право древняго Рима. М. 1883. стр. 33.
10) *Klemm*—назв. соч. V 351.
11) Лев. XXV, 39—55; Исх. XXI 2.

двора. У Алкиноя 50 невольницъ занимались только перемоломъ ржи ручными жерновами, другія сучили нитки и ткали, сидя за станками рядами, „подобно листьямъ трепещущимъ тополя“; иныя изготовляли покровы для лавокъ; иныя выдавливали часть винограда въ чанахъ. [1]) У Одиссея на ручной мельницѣ работали 12 рабынь „вседневно“, моловшія ячмень и пшено для домашнихъ съ ранняго утра до поздней ночи. [2]) Но численность рабовъ, однако, повидимому, значительно колебалась въ зависимости отъ достатка домохозяина. Даже въ болѣе позднее время въ Аѳинахъ бѣднѣйшіе граждане имѣли всего по одному рабу; самолюбіе свободнорожденнаго аѳинянина вообще уже достаточно удовлетворялось тремя рабами [3]); но рядомъ съ этимъ были философы, имѣвшіе по 10 рабовъ; въ болѣе состоятельныхъ домахъ ихъ, однако, требовалось тогда уже довольно много для всевозможныхъ занятій (молоть, печь, варить, дѣлать платья, быть на посылкахъ, сопровождать господина и госпожу, которые рѣдко выходили безъ прислуги и т. п.). [4]) Въ царскій и въ началѣ республиканскаго періода въ Римѣ было по одному рабу въ домѣ; были дома вовсе безъ рабовъ. Къ концу III в. а. н. с. на 440.000 жит. было не болѣе 50.000 рабовъ съ вольноотпущенными и даже съ иностранцами, жившими въ Римѣ, [5]) т. е. менѣе чемъ 8 : 1.—Но колебанія этихъ цифръ были тогда уже довольно велики. Такъ, для спасенія Лота изъ плѣна уже Авраамъ могъ вооружить 318 рабовъ, рожденныхъ въ его домѣ. [6]) Въ Аѳинахъ, въ ту-же эпоху, о которой приведено выше свидѣтельство Böckh'а обычное число рабовъ въ состоятельныхъ домахъ было около 50; у богатыхъ людей — больше; отецъ Демосѳена имѣлъ 52 — 53 рабовъ мужчинъ, не считая рабынь; Лизій и Полемархъ по 120, Филемонидъ—300, Гиппоникъ—600, Никій —только въ горномъ дѣлѣ занималъ 1000 рабовъ; еще до аѳинской гегемоніи въ Коринѳѣ было уже 460 т., а въ Эгинѣ—470 т. рабовъ, [7]) въ Хіосѣ — еще больше. Если кто выходилъ изъ дому безъ раба, то тѣмъ обнаруживалъ, по понятіямъ того времени, свою бѣдность; свободные стремились имѣть на улицѣ свиту изъ рабовъ побольше, такъ какъ это указывало, что у нихъ имѣется дома еще немало рабовъ дома для работы. [8]) Въ позднѣйшій періодъ республики въ Римѣ считали нищимъ того, кто не имѣлъ рабовъ; Горацій считаетъ необходимымъ для „порядочнаго человѣка“ по крайней мѣрѣ 10 рабовъ; вообще-же у состоятельныхъ людей ихъ было ужъ тогда весьма много: agmina servorum et ancillarum greges—по 400 и больше въ одномъ домѣ. [9]) Численность ихъ, такимъ образомъ съ теченіемъ времени вездѣ возрастаетъ у богатыхъ классовъ;

1) Одис. VII 97, 103, 125.

2) Одис. XX 106.

3) *A. Böckh* — Die Staatshaushaltung der Athener. Berlin. 1817. B. I s. 40 (*Wer vornehm scheinen wollte*“).

4) Тамъ-же.

5) *Муромцевъ*—указ. соч. стр. 30.

6) Быт. XIV, 14.

7) *Böckh*—указ. соч. стр. 41.

8) *Klemm*—указ. соч. VII 138.

9) *Marquart u. Mommsen*—Handbuch der Römischen Alterthümer.—2-te Aufl. Leipzig. 1877. B. V. S. 119.

положеніе ихъ, подъ вліяніемъ увеличивающейся легкости ихъ добыванія, конечно, быстро измѣнялось; росли и внѣшнія различія между занятіями господъ и рабовъ. — Весьма характерно, далѣе, что даже въ эпоху Гомера въ Греціи уже встрѣчаются *наемные рабочіе* изъ числа свободныхъ. Такъ, одинъ изъ жениховъ Пенелопы, Антиной, допрашиваетъ Ноэмона, какихъ людей взялъ себѣ гребцами Телемакъ—свободныхъ изъ народа, *наемниковъ*, или рабовъ; [1]) у Одиссея служатъ козоводами, кромѣ рабовъ, и наемники; [2]) Эвримахъ предлагаетъ Одиссею, принявшему видъ нищаго, наняться къ нему въ поденьщики для работы въ полѣ. [3])—Можно думать, что заработная плата при этомъ носила только натуральный характеръ: Эвримахъ обѣщаетъ Одиссею «плату хорошую» и перечисляетъ только слѣдующіе ея виды: „обильную пищу," „всякое нужное платье" и „для ногъ надлежащую обувь", [4]) не упоминая ни о чемъ другомъ; помѣщеніе, вѣроятно, подразумѣвалось само собой. Въ позднѣйшее время въ Аѳинахъ было уже немало свободныхъ, принужденныхъ снискивать себѣ пропитаніе поденной работой [5]) которые получали послѣ Пелопонезской войны уже денежную ничтожную плату—3-4 обола въ день; война эта особенно сильно повліяла въ смыслѣ обѣдненія низшихъ классовъ населенія Аттики. [6])

Такимъ образомъ, трудовой составъ обособленнаго двора увеличивался и разнообразился съ теченіемъ времени, что помогало придавать труду болѣе общественный характеръ. Увеличивая численность рабочихъ рукъ, домохозяинъ могъ послѣдовательно проводить принципъ раздѣленія труда въ производствѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и увеличивать ловкость рабочаго, дѣлать въ производствѣ техническія улучшенія, разнообразить его и тѣмъ удовлетворять болѣе изысканнымъ вкусамъ своимъ и своей семьи. Мы не будемъ здѣсь касаться вопроса о томъ, было ли такое увеличеніе рабочаго состава домохозяйства и этотъ прогрессъ производства причиной развитія потребностей и стремленія къ комфорту и роскоши, или наоборотъ—вызывало ли въ каждой странѣ знакомство съ бытомъ болѣе культурныхъ народовъ соотвѣтственныя измѣненія въ формахъ производства, или наконецъ—не существовали-ли оба процесса одновременно, обусловливая взаимно необходимость каждаго изъ нихъ. Едва - ли, однако, можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что развитіе потребностей и измѣненіе первобытныхъ формъ труда находились въ тѣсной причинной связи между собой. Число потребностей возрастало, способы удовлетворенія ихъ становились болѣе изысканными и изолированный производитель знакомился съ выгодами коопераціи.

На первомъ планѣ въ натуральномъ хозяйствѣ стояли, конечно, работы домоводственныя, сельско - хозяйственныя и ремесленныя. Рабыни варятъ, ткутъ,

1) Одис. IV 641—44.

2) Одис. XIV 102.

3) Одис. XVIII 357.

4) Одис. XVIII 358 — 61. У Евреевъ: Іаковъ пасетъ стадо Лавана за плату скотомъ (козами и овцами). (Быт. XXX).

5) *Klemm*—ук. соч. VIII 141.

6) *Bockh*—ук. соч. I 120.—Есть неясное указаніе на то, что въ позднѣйшее время въ Римѣ эдилы дѣлали даже попытки регулировать высоту заработной платы (*Marquart u. Mommsen*—ук. соч.—II, 1, s. 493.

прядутъ, шьютъ, прислуживаютъ, моютъ бѣлье, няньчатъ дѣтей; рабы мужчины— экономы, слуги, земледѣльческіе рабочіе, пастухи, надсмотрщики, ремесленники. Кромѣ того въ болѣе позднее время рабы обоихъ половъ получаютъ массу другихъ разнообразнѣйшихъ профессій: встрѣчаются среди нихъ педагоги, гувернеры сопровождающіе въ путешествіяхъ богатыхъ молодыхъ людей, танцовщики, пѣвцы, музыканты, актеры, эвнухи [1]) и т. д. Важнымъ указаніемъ на сравнительное разнообразіе занятій рабочихъ силъ двора можетъ служить простое перечисленіе разновидностей, на которое распадался трудъ замледѣльца и животновода въ отдаленнѣйшія времена. Такъ, въ Египтѣ сѣяли, кромѣ зерновыхъ хлѣбовъ и овощей, кормовыя травы, масляничныя и красильныя растенія, ленъ, хлопокъ, лотосъ, финиковыя пальмы, занимались цвѣтоводствомъ, разводили лошадей, ословъ, рогатый скотъ (для работы и молочныхъ продуктовъ), овецъ, козъ, свиней, приручали змѣй и крокодиловъ (зачѣмъ?), занимались съ глубокой древности *искусственнымъ выводомъ* цыплятъ. [2]) Въ древнемъ Китаѣ. гдѣ земледѣліе, какъ извѣстно, находилось въ особомъ почетѣ, террасировали горы и холмы для обработки, рыли пограничные рвы, служившіе отводными каналами для воды, между участками, сооружали массу каналовъ для орошенія и сообщенія, поднимали воду на обработанныя терассы на высоту 1000 фут. и устраивали на нихъ новые каналы и резервуары, тысячи людей заняты были собираніемъ человѣческихъ и животныхъ экскрементовъ, сора, всякихъ отбросовъ, костей, волосъ, рога и пр. для удобренія, которое транспортировалось цѣлыми барками по каналамъ во внутрь страны; предметами земледѣльческой культуры были тамъ рисъ, маисъ, хлопокъ, бамбукъ, сахарный тростникъ, индиго, чай, плоды; горное дѣло состояло въ добываніи желѣза, олова, мѣди, каменнаго угля, мрамора, драгоцѣнныхъ камней, горнаго хрусталя, соли (и изъ моря, и изъ солончаковъ, и изъ нѣдръ земли); кромѣ обычныхъ видовъ домашнихъ животныхъ разводили птицу, занимались *искусственнымъ выводомъ* утятъ, разведеніемъ рыбъ, шелковичныхъ червей, пчелъ, червей для питанія, насѣкомыхъ для украшенія [3]). — Въ древней Японіи извѣстно было удобреніе костями сельдей; практиковали много разнообразныхъ культуръ— риса, хлопка, плодовъ, горчицы, дынь, табака, чая и соды друг. [4]) — Въ древнемъ Иранѣ существовала изумительная система орошенія; массы каналовъ разливали рѣчныя воды и вызывали къ земледѣльческой культурѣ огромную территорію; устраивали цистерны для сбереженія дождевой воды; осушали болота. У Иранцевъ вообще было стремленіе не оставлять, по возможности, ни клочка земли необработаннымъ; выработалось вѣрованіе, что необработанный участокъ есть жилище злыхъ духовъ; земля, въ ихъ понятіяхъ, сравнивалась съ женщиной: обѣ расцвѣтаютъ и развиваютъ свои производительныя силы при оплодотвореніи. Тамъ встрѣчается травосѣяніе (люцерна), заготовка сѣна на зиму; очень распространено плодоводство; [5]) скотоводство состояло въ разведеніи лошадей, рогатаго

1) *Klemm*—ук. соч. VIII 138—9.
2) *Klemm*—ук. соч. V 295—7, 301.
3) Тамъ-же—VI 61—89.
4) Тамъ-же VI 515.
5) *Geiger*—ук. соч.—373—86.

скота, верблюдовъ, ословъ, мелкихъ животныхъ и птицъ. [1])—Насколько всѣ эти разнообразныя отрасли земледѣльческаго и животноводственнаго труда требовали сотрудничества рабочихъ, можно понять изъ сравненія приведенныхъ данныхъ съ тѣми свѣдѣніями, которыя имѣются въ Библіи о хозяйственномъ строѣ древнихъ Евреевъ. Этотъ послѣдній строй отличался отъ вышеназванныхъ гораздо большей первобытностью и несложностью. Библейскіе патріархи были кочевники, хозяйственныя заботы которыхъ опредѣлялись главнымъ образомъ потребностями ихъ многочисленныхъ стадъ. Авраамъ переселяется съ своимъ скотомъ (крупный и мелкій, ослы, лошаки, верблюды) изъ земли Халдейской въ землю Ханаанскую, затѣмъ—по случаю голода въ Ханаанѣ—въ Египетъ; далѣе онъ перекочевываетъ изъ Египта на югъ въ страну, весьма „богатую скотомъ, серебромъ и золотомъ". Лотъ имѣетъ свои стада и шатры и сначала перекочевываетъ съ нимъ; но потомъ, когда не хватило корма для стадъ ихъ обоихъ, когда стали возникать изъ за этого споры между ихъ пастухами, Авраамъ и Лотъ расходятся въ разныя стороны [2]).—Исаакъ перекочевываетъ съ своими стадами въ Гераръ [3]). Іаковъ посылаетъ въ даръ Исаву 200 козъ, 20 козловъ, 200 овецъ, 20 барановъ, 30 дойныхъ верблюдицъ съ жеребятами, 40 коровъ, 10 быковъ, 20 ослицъ, 10 ословъ. [4]) Нѣсколько позднѣе братья расходятся въ разныя стороны (подобно Аврааму и Лоту), такъ какъ „земля странствія ихъ не вмѣщала ихъ по множеству стадъ ихъ". [5])—Іосифъ говоритъ Фараону о своемъ отцѣ и братьяхъ: „эти люди пастухи овецъ, ибо скотоводы они"; [6]) братья Іосифа говорятъ о себѣ Фараону-же такъ: „пастухи овецъ рабы твои, и мы, и отцы наши; мы пришли пожить въ этой землѣ, потому-что нѣтъ пажитей для скота рабовъ твоихъ, ибо въ землѣ Ханаанской сильный голодъ; и такъ, позволь поселиться рабамъ твоимъ въ землѣ Гесемъ". [7]) И послѣ ухода изъ Египта передъ входомъ евреевъ въ обѣтованную землю у племенъ Рувима и Гада было *весьма много* стадъ. [8]) Преимущественно скотоводственный характеръ еврейскаго хозяйства удерживался въ теченіе долгаго времени уже и послѣ того, какъ народъ этотъ началъ вести осѣдлый образъ жизни въ Палестинѣ. У Іова было вначалѣ 7000 головъ мелкаго скота, 3000 верблюдовъ, 500 паръ воловъ, а послѣ постигшихъ его несчастій—14.000 головъ мелкаго скота, 6000 верблюдовъ и 1000 паръ воловъ [9]). Занимались евреи издревле, правда, и земледѣліемъ. Древнѣйшія сказанія ихъ приписываютъ воздѣлываніе земли Адаму и Каину, [10]) виноградарство Ною; [11]) Исаакъ сѣялъ въ Герарѣ *ячмень* и у него были не только стада мелкаго и

[1]) Тамъ-же 343—73.
[2]) Быт. XII; XIII 1, 2, 5, 6, 7.
[3]) Быт. XXVI, 1.
[4]) Быт. XXXII, 14, 15.
[5]) Быт. XXXVI, 7.
[6]) Быт. XLVI. 32.
[7]) Быт. XLII, 3—4.
[8]) Чис. XXXII, 1.
[9]) Іов. I. 3, XLII, 12.
[10]) Быт. III 23; IV 3.
[11]) Быт. IX 20, 21.

крупнаго скота, но и „множество пахатныхъ полей;“ [1]) во время *жатвы пшеницы* возникаетъ одинъ изъ споровъ между Ліею и Рахилью изъ за яблокъ, принесенныхъ Рувимомъ; [2]) одинъ изъ вѣщихъ сновъ Іосифа состоялъ въ томъ, что связанному имъ *снопу* поклонились *снопы* его братьевъ. [3])—Но все это указываетъ лишь на то, что патріархи, вѣроятно, не были кочевниками того чистаго типа, которому бываетъ совершенно неизвѣстно воздѣлываніе хлѣбовъ, что они снимали жатвы на мѣстахъ ихъ стоянокъ; продолжительность-же ихъ пребыванія на одномъ и томъ-же мѣстѣ обусловливалась, очевидно, потребностями ихъ стадъ, составлявшихъ центръ тяжести хозяйства въ теченіе весьма продолжительнаго періода еврейской исторіи. И вотъ—при такой несложности ихъ хозяйства, они все также нуждались въ совмѣстномъ трудѣ *большаго* числа рабовъ по причинѣ, вѣроятно, разроставшагося большого числа стадъ. Выше было указано, что Аврамъ могъ вооружить (по тогдашнему — цѣлое войско) отрядъ изъ 318 рабовъ („рожденныхъ въ домѣ его“), кромѣ того у него было большое число рабынь [4]) и должно было при этомъ быть немало рабовъ дѣтей, подростковъ и вообще — неспособныхъ носить оружіе. Обѣ переписи еврейскаго населенія, произведенныя Моисеемъ и Аарономъ при странствованіяхъ изъ Египта въ Палестину, къ сожалѣнію, даютъ только цифры по племенамъ и только лицъ муж. п. старше 20 лѣтъ (левитовъ—старше 1 мѣсяца); [5]) поэтому мы лишены возможности судить о трудовомъ составѣ у евреевъ отдѣльныхъ семействъ въ эту эпоху. Но о томъ, что составъ этотъ въ теченіе еще долгаго времени былъ великъ у состоятельныхъ людей, можно думать хотя-бы на основаніи свидѣтельства о весьма большомъ числѣ прислуги у Іова [6]).

Значительно сложнѣе былъ, вѣроятно, хозяйственный строй осѣдлыхъ Феаковъ и жителей о. Итаки. Главнымъ занятіемъ ихъ, какъ можно видѣть изъ Одиссеи, было добываніе и обработка собственными трудовыми средствами двора продуктовъ сельскаго хозяйства для собственнаго потребленія—хлѣбопашество, скотоводство, садоводство, плодоводство, виноградарство. Земледѣльцы—пахари составляли весьма крупную часть греческихъ войскъ, собранныхъ подъ Троею [7]); городъ Феаковъ окруженъ обработанными полями; [8]) у Алкиноя близъ дома плодовый садъ (яблони, груши, гранаты, маслины) и «богатый» виноградникъ, а за городомъ — другой плодовый садъ; [9]) у Одиссея было до 12 стадъ быковъ, столько же свиней, столько-же козъ, сверхъ того—на «разныхъ паствахъ» гуляло еще 11 козьихъ стадъ; [10]) мясо рогатаго скота, свиней, овецъ и козъ составляетъ принадлежность каждаго обѣда, описываемаго поэтомъ; [11]) мулы

1) Быт. XXVI, 12, 14.
2) Быт. XXX 14.
3) Быт. XXXVII, 7.
4) Быт. XII.
5) Чис. I 1—47; III 39; XXVI 1—62.
6) Іов. I, 3.
7) Илліад. (пер. Жуковскаго) II 522, 575, 583, 605, 608, 634.
8) Одис. VI 259.
9) Одис. VII 113; 123; VI 293.
10) Одис. XIV, 100.
11) Одис.—въ разн. мѣст.

служатъ для перевозки тяжестей; [1]) у Лаэрта—большой плодовый садъ (смоквы, оливы, груши, виноградъ, цвѣточныя гряды). [2]) Было извѣстно той эпохѣ уже и *удобреніе*.

Во дворѣ Одиссея у воротъ находился навозъ собранный „отъ многихъ муловъ и коровъ“ на запасъ, «чтобъ послѣ имъ Одиссеевы были поля унавожены тучно» [3]). Изъ тѣхъ миѳическихъ сказаній грековъ, по словамъ которыхъ земледѣліе насаждено было въ незапамятныя времена Деметромъ, Палладой и Бахусомъ и изъ тѣхъ диѳирамбовъ, которые расточались земледѣлію въ позднѣйшее время Аристотелемъ и Ксенофонтомъ, можно замѣтить, что разновидности сельскаго хозяйства составляли главнѣйшую часть экономической дѣятельности населенія въ теченіе всей античной исторіи грековъ, хотя трудно замѣтить въ немъ какія либо существенныя черты развитія, осложненія на пространствѣ весьма продолжительнаго періода» [4]).

Выше было указано, что хозяйственная дѣятельность «натуральнаго» двора, однако, не исчерпывалась приведенными домоводственными и агрикультурными работами. Въ составъ ея входила и обработка продуктовъ. Эта сторона трудовой жизни семьи обращаетъ на себя въ данномъ случаѣ особое вниманіе. Если домоводство и сельское хозяйство должно было требовать коопераціи большаго числа рабочихъ (по размѣрамъ стадъ и по разнообразію культуръ), то еще нагляднѣе выясняется ея необходимость въ примѣненіи труда въ той области, которая заключала въ себѣ зачатки ремеслъ. Уже въ давнія времена обработка была настолько разнообразна, что едва-ли допускаетъ мысль объ отсутствіи спеціализаціи занятій у древнихъ внутри трудового населенія «натуральной» хозяйственной единицы. Степень искусства, котораго по отзывамъ культуръ—историковъ, достигало производство нѣкоторыхъ вещей, вмѣстѣ съ упомянутымъ разнообразіемъ производствъ даетъ право предполагать наличность такой спеціализаціи и даже, быть можетъ, раздѣленія труда въ тѣсномъ смыслѣ («внутри мастерской») въ весьма отдаленную эпоху. У древнихъ Египтянъ существовало столярство, производство колесницъ, плотничество, разрисовка дерева, мебельное дѣло, скульптура статуй, кирпичное и гончарное дѣло, выдѣлка стекла, обработка кожъ (ословъ, лошадей, рогатаго скота, овецъ, козъ, львовъ, леопардовъ, жирафовъ), обработка камней, золота, серебра, мѣди, бронзы, желѣза; египетскіе ткачи (мужчины и женщины) были знамениты въ древнемъ мірѣ (ткали

[1]) Одис. VI 73, 83, 89, 111.

[2]) Одис. XXIV 246.

[3]) Одис. XVII 297—299.

[4]) Boсkh—ук. соч.—43—47, Klemm—ук. соч. VIII, 110—121. Коневодство въ большей части Греціи развилось сравнительно поздно: при Мараѳонѣ у Аѳинянъ не было еще конницы. Ксенофонтъ упоминаетъ объ изученіи и истребленіи вредныхъ животныхъ и насѣкомыхъ (змѣй, скорпіоновъ, клоповъ и др.); при немъ была культура апельсинъ, пальмъ; въ плодоводствѣ извѣстны были пріемы придаванія искусственнымъ путемъ разнообразныхъ формъ плодамъ (незрѣлые плоды заключались въ гипсовыя формы въ видѣ головъ животныхъ, людей и т. п.). Объ орудіяхъ производства свѣдѣнія весьма скудны, что можетъ указывать на несовершенство ихъ развитія. Klemm утверждаетъ, что въ источникахъ нѣтъ рѣчи объ употребленіи коровьяго молока. Упоминается о развитіи пчеловодства; медъ составлялъ въ Аѳинахъ одну изъ видныхъ доходныхъ статей частнаго хозяйства.

изъ льна, хлопка и шерсти); египтяне умѣли строить большія суда (при Сезострисѣ изъ кедра—въ 420 фут. длин.) и умѣли «роскошно» ихъ отдѣлывать; они дѣлали сосуды изъ земли, камня (базальта, порфира, гранита, мрамора, алебастра и пр.), лавы, металловъ, дерева, растительныхъ волоконъ, кожи, слоновой кости, другихъ видовъ кости, рога, стекла—при чемъ роскошь отдѣлки и окраски и затѣйливость формы сосудовъ достигали весьма высокой степени; египтянамъ извѣстенъ былъ способъ выдѣлки китайскаго фарфора, и живопись по фарфору, производство металлическихъ зеркалъ и затѣйливыхъ женскихъ украшеній изъ золота, драгоцѣнныхъ камней, раковинъ, коралловъ, слоновой кости, страусовыхъ перьевъ (зонтики и пр.) [1]) Въ Китаѣ производство предметовъ домашняго потребленія гончарами достигало большой степени искусства; выдѣлывалось стекло и разныя стеклянныя вещи, бумага (изъ хлопка, рисовой соломы и др.), шелковыя ткани, бархатъ, краски; производилась окраска тканей; извѣстенъ былъ съ незапамятныхъ временъ фарфоръ; строились водяныя мельницы [2]).—Въ древнемъ Иранѣ, кромѣ гончарнаго дѣла, занимались обработкой золота, серебра, мѣди, олова, бронзы; выдѣлывали затѣйливыя стѣнныя украшенія, серьги, цѣпочки, сосуды, чаши, оружіе, золотыя рукоятки мечей; ткали золотыя покрывала, ковры, выдѣлывали мѣха для одежды [3]). Евреи еще во времена Моисея дѣлали приношенія въ Скинію въ видѣ золотыхъ цѣпочекъ, запястьевъ, перстней, серегъ, привѣсокъ; [4]) на ковчегѣ завѣта были золотыя кольца, золотые херувимы чеканной работы, золотая обкладка всего ковчега, сдѣланнаго изъ дерева; въ Скиніи находились золотыя блюда, кадильницы, чашки, кружки, золотой свѣтильникъ о семи лампадахъ со стеблями, вѣтвями, чашечками, яблоками [5]). Выше приведены были описанія украшеній въ домѣ Алкиноя. Мы видѣли, что Феаки умѣли обрабатывать золото, серебро, мѣдь, сталь; мы видѣли также, что ткачество составляло занятіе царицы Ареты и ея служанокъ. Въ домѣ Одиссея занимались выдѣлкой кожъ; Телемакъ укрывался ночью не одѣяломъ, а «овчиною мягкой» [6]).

Такое разнообразіе, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ—искусство, которыхъ достигали разныя профессіи въ области обработки продуктовъ, должны были обусловливать необходимость выдѣленія профессіональнаго класса ремесленниковъ уже въ сравнительно раннюю эпоху. Техническія условія производства требовали обособленія рабочихъ помѣщеній (мастерскихъ), орудій труда, послѣдовательнаго развитія раздѣленія труда. Такое обособленіе бываетъ менѣе удобно въ хозяйственной единицѣ, которая составляетъ механическій конгломератъ земледѣлія, скотоводства, виноградарства, кожевенной, ювелирной, кузнечной и пр. и пр. мастерскихъ. По мѣрѣ роста потребностей самихъ домохозяевъ и ихъ семействъ, по мѣрѣ того, какъ то или другое производство входило въ обычный обиходъ жизни страны, возрастающіе запросы на усовершенствованіе техники

1) Klemm—ук. соч.—V 264—313.
2) Klemm—ук. соч.—VI 88—102.
3) Geiger—ук. соч.—388—91.
4) Чис. XXX 50.
5) Исх. XXV.
6) Одис. I 439.

обработки продуктовъ обусловливали и обособленіе ремесленниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивающееся неравенство состояній свободныхъ, численный ростъ класса вольноотпущенниковъ и иностранцевъ, поселявшихся въ той или другой странѣ—всѣ эти факторы вліяли въ томъ смыслѣ, что уже въ древнихъ государствахъ, которыя принято иногда считать областью исключительнаго господства натуральнаго хозяйства, накопляется классъ населенія, готовый удовлетворить возрастающему спросу на продукты ремесленнаго труда. Въ Египтѣ въ древнѣйшія времена существовала уже особая каста ремесленниковъ, члены которой имѣли право заниматься только ремеслами; они жили въ городахъ и пользовались нѣкоторымъ благосостояніемъ; по своему общественному положенію они стояли въ довольно тѣсныхъ отношеніяхъ съ жрецами, которые нуждались въ нихъ для построекъ и украшеній храмовъ, для мистерій; дѣти ремесленниковъ обучались въ школахъ жрецами, для нихъ существовали особыя письмена [1].— Въ Китаѣ ремесленники составляли особую группу городскихъ жителей, работавшихъ за плату (кромѣ нихъ—рыбаки, матросы и др.). Сапожники, паяльщики, кузнецы, цирульники часто работали на улицахъ, немедленно удовлетворяя потребностямъ заказчиковъ. Китайскіе ремесленники группировались уже въ особые союзы (нѣчто въ родѣ цеховъ) съ особыми старшинами, празднествами, божествами, театральными представленіями; въ Кантонѣ кузнецы, сапожники, аптекари населяли отдѣльныя улицы [2].

Аналогичныя свѣдѣнія сообщаетъ тотъ же авторъ и о древней Японіи [3].— Въ Греціи уже въ давнія времена обособлены были занятія хлѣбниковъ, мясниковъ, обработки шерсти и кожи, сапожниковъ, каменьщиковъ, плотниковъ, слесарей, кузнецовъ, гончаровъ, столяровъ, судостроителей, обработки мрамора, мѣди, желѣза, олова, ртути, золотыхъ украшеній, стекла, токарства по дереву и слоновой кости, обработки драгоцѣнныхъ металловъ [4]; производствами этими, повидимому, въ теченіе долгаго времени занимались обособленные ремесленники *рядомъ* съ натурально-хозяйственными единицами.—Въ Римѣ, хотя обработка продуктовъ производилась главнымъ образомъ рабами, уже въ царскій и въ началѣ республиканскаго періода существовали свободные самостоятельные ремесленники. При Нумѣ Помпиліи называютъ ихъ 9 категорій: флейтисты, ювелиры (издѣлія изъ золота), плотники, красильщики, мѣдники, кузнецы, шорники. кожевники и гончары [5].—Позднѣе число этихъ группъ увеличивалось тѣмъ болѣе, что среди класса ремесленниковъ происходила замѣтная дифференціація занятій; напр. производство обуви раздѣлилось на изготовленіе 1) башмаковъ, 2) сапоговъ, 3) сандалій, 4) туфель и женскихъ башмаковъ; булочное дѣло отдѣлилось отъ кондитерскаго; въ мѣдномъ дѣлѣ были: 1) литейщики, 2) канделябрщики. 3) фонарщики, 4) дѣлающіе вѣсы, 5) дѣлающіе шлемы и щиты; въ желѣзодѣлательныхъ производствахъ: 1) слесаря, 2) ножевщики, 3) изготовляющіе то-

1) Klemm—ук. соч. V 349—50.

2) Klemm—ук. соч. VI 158—9, 249.

3) Тамъ-же 520.

4) Klemm—ук. соч. VIII 121—128.

5) Тамъ-же, 382.

поры и молоты, 4) полировщики мечей; особымъ занятіемъ служило производство лѣстницъ; обработка «благородныхъ» металловъ распалась на 7 спеціальностей, кромѣ того ювелирное дѣло—особо на три отдѣльныхъ спеціальности, а сверхъ того особо стояли мастера колецъ, чеканщики золота и позолотчики.— Было извѣстно въ Римѣ и раздѣленіе труда. Въ серебряномъ промыслѣ продуктъ проходилъ много рукъ прежде, чѣмъ получалъ окончательную отдѣлку; при расписываніи стѣнъ—цвѣты, арабески, фигуры животныхъ, ландшафты и т. п.— все это изображались особыми спеціалистами; были особые мастера, которые вставляли статуямъ только глаза (цвѣтные), другіе изготовляли разные члены тѣла, иные дѣлали только геніевъ и т. п. [1]) —При такой дифференціаціи производствъ возникали все чаще и чаще союзы ремесленниковъ, цехи (collegia); они размножились и въ императорскій періодъ вводились уже даже въ городахъ провинцій (collegia aromatariorum, dolabrariorum. fabrorum, tignariorum, ferrariorum, inauratorum, ligniferorum, medicorum, naviculariorum, nautarum, purpurariorum, venatorum и др.). Цехи имѣли свои празднества; общимъ для многихъ изъ нихъ (по Овидію: для ткачей, пряхъ, красильщиковъ, статуйщиковъ, сапожниковъ, художниковъ, врачей и школьныхъ учителей) праздникомъ былъ день основанія храма Минервы (покровительницы ремесленниковъ и художниковъ) на Авентинѣ—19 марта (позднѣе — до 23 марта); день Весты (9 іюня) былъ праздникомъ мельниковъ и хлѣбопековъ (украшали вѣнками мельницы, надѣвали на ословъ гирлянды изъ цвѣтовъ и изъ хлѣбовъ); цехъ музыкантовъ (особенно флейтисты) праздновалъ 13 іюня въ храмѣ Юпитера Капитолійскаго: музыканты, переодѣтые женщинами, проходили процессіей по городу съ веселыми пѣснями. На тріумфахъ и проч. общественныхъ празднествахъ цехи присутствовали съ своими значками. Союзы проявляли заботу объ интересахъ своихъ отдѣльныхъ членовъ, помогали въ нуждѣ, заботились о ихъ погребеніи и т. п. [2]).—Въ началѣ исторіи Калифата обработка продуктовъ лежала почти исключительно на рабахъ; обособленнаго класса ремесленниковъ еще почти не было. Но накопленіе богатствъ, съ одной стороны, и возраставшая вопіющая бѣдность — съ другой, имѣли скоро въ результатѣ нарожденіе особаго городского сословія, начавшаго спеціализироваться въ ремеслахъ. Первыми профессіями являются производства разныхъ продуктовъ первой необходимости и строительныя (портные, сапожники, мясники, ткачи, стекольщики, дѣлатели бумаги, каменьщики, плотники, маляры и пр.). Рядомъ съ этимъ какъ и въ Римѣ, тамъ начали образовываться и ремесленныя ассоціаціи; навстрѣчу этому процессу шелъ законъ признававшій юридическое существованіе такихъ союзовъ съ карательною властью надъ ихъ членами; среди нихъ были корпораціи уличныхъ актеровъ, фокусниковъ, укротителей змѣй (этотъ—съ весьма давнихъ поръ [3]).

1) Были особыя *женщины-врачи*, знавшія не только акушерство, но лѣчившія также и женскія болѣзни; отъ нихъ требовалось: 1) чтобы они имѣли полное образованіе врача 2) не были падки на вознагражденіе, изъ-за котораго могли-бы согласиться дѣлать абортьы и 3) не были суевѣрны (Friedländer—340—41).

2) Friedländer—ук. соч.—300—308; Klemm—ук. соч. VII, 382.

3) Былъ даже цехъ воровъ, который однажды при безпорядкахъ пріобрѣлъ въ Багдадѣ могущество на нѣкоторое время; начальникъ города (Statthalter) спасъ свою жизнь только тѣмъ,

Когда, такимъ образомъ, на ряду съ производствомъ въ натуральной хозяйственной единицѣ, возникали обособленныя ремесленныя мастерскія, между обѣими этими формами организаціи труда должно было возникать нѣчто въ родѣ конкурренціи. Продукты спеціалистовъ ремесленниковъ могли быть лучше и разнообразнѣе продуктовъ домашняго производства, что могло имѣть слѣдствіемъ постепенное сокращеніе различныхъ видовъ послѣдняго и замѣну издѣлій ихъ покупными продуктами ремесленниковъ. Этотъ процессъ съ теченіемъ времени долженъ былъ существенно видоизмѣнять чистоту типа натуральнаго хозяйства. На такое предположеніе наводитъ, напр., сообщеніе Böckh'а о наймѣ рабовъ ихъ владѣльцами другимъ лицамъ въ Аѳинахъ. Если-бы домашнее производство могло успѣшно конкуррировать съ ремесленнымъ, то рабовладѣльцамъ было-бы выгоднѣе сохранять рабочую силу въ своемъ дворѣ и расширять у себя выработку продуктовъ хотя-бы для рынка, такъ какъ сбытъ уже долженъ былъ существовать тогда, когда обработка обособилась. Если-же силу рабовъ уступали на сторону, стало-быть этотъ способъ ея эксплоатаціи былъ выгоднѣе для рабовладѣльца. Заслуживаетъ вниманія именно то обстоятельство, что рабы нанимались не только на земледѣльческія работы и въ горное дѣло, но и въ мастерскія. «Цѣлыя массы рабовъ» прилагали свой трудъ по найму у ремесленниковъ, «въ многочисленныхъ мастерскихъ, которыми славились Аѳины» [1]). Рядомъ съ этимъ владѣльцы отпускали рабовъ «на оброкъ», который эти зарабатывали между прочимъ въ тѣхъ-же мастерскихъ [2]). Высота цѣны раба находилась въ зависимости отъ его умѣнья работать, при чемъ сельскіе рабочіе, мельники и горнорабочіе цѣнились дешевле другихъ [3]). Еще до Пелопонезской войны конкурренція рабовъ оказывала вліяніе на паденіе заработной платы [4]).

Далѣе, когда такимъ образомъ къ бѣднымъ свободнымъ гражданамъ и иностранцамъ, жившимъ поденнымъ трудомъ, стало прибавляться еще большее или меньшее количество рабовъ въ качествѣ наемныхъ рабочихъ, размѣры ремесленнаго производства въ Аѳинахъ могли крупнѣть, если то позволяли условія рынка. Это тамъ дѣйствительно и наблюдалось. „При полной свободѣ занятій, при возможности крупнаго морского вывоза, при большихъ размѣрахъ внутреннихъ потребностей, всѣ ремесла процвѣтали и въ Аѳинахъ было большое число фабрикъ (sic), въ которыхъ работало большое число рабочихъ". Аѳинское оружіе, другія металлическія издѣлія, инструменты, тканье были въ большомъ спросѣ; кожевники, оружейники, ткачи, даже мельники и пекари жили иногда въ большомъ довольствѣ. Шагъ далѣе—и на поверхности аѳинской общественной жизни выплываютъ «фабриканты» (Клеонъ и др.), достигающіе весьма большого вліянія и значенія, вслѣдствіе своего богатства, не смотря на то, что ремесла все еще продолжаютъ считаться низменнымъ занятіемъ, до котораго не унижаются древ-

что зачислилъ съ надлежащими церемоніями своего племянника въ члены этого цеха (Alfred v. Kremer—Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen. Wien. 1877. B. II 183—88).

1) Bockh—ук соч.—41.

2) Тамъ-же 78.

3) Тамъ же 73.

4) Тамъ-же 128.

нія «благородныя» семейства; но для Солона, Θемистокла, Перикла становится уже необходимымъ поощрять ремесла и ремесленниковъ въ цѣляхъ своего сближенія съ народомъ, своей популярности. Нельзя забывать, что все это относится къ тому времени, когда въ домахъ еще весьма многіе предметы потребленія приготовлялись собственными рабами. [1]) И при всемъ томъ постепенно вырабатывались новыя наслоенія, новыя общественныя группы, измѣнявшія первобытную патріархальную физіономію древнихъ народовъ.

Однако, для того, чтобы становилась возможною такая эволюція производства, чтобы обособленное ремесло могло развиваться и принимать болѣе крупные размѣры, чтобы могли образовываться огромныя частныя состоянія (въ родѣ богатства Клеона) этихъ «фабрикантовъ», т. е. просто владѣльцевъ крупныхъ мастерскихъ съ большимъ числомъ рабочихъ—для всего этого нужна была наличность сбыта товаровъ. Прежде всего, на мѣстномъ рынкѣ издѣлія мастерскихъ должны были успѣшно конкуррировать съ продуктами натурально-хозяйственныхъ единицъ; а затѣмъ - въ виду малыхъ размѣровъ аѳинскаго государства и слабой населенности разныхъ странъ того времени вообще—для такихъ издѣлій должны были постепенно открываться иноземные рынки странъ съ менѣе развитымъ ремесленнымъ производствомъ. Слѣдовательно, развитіе внутренняго и внѣшняго обмѣна являлось непремѣннымъ условіемъ того расширенія обособленной обработки продуктовъ, которая выростала мало по малу на фонѣ натуральнаго строя хозяйства; другими словами — послѣдній долженъ былъ въ силу необходимости мало по малу уступать мѣсто строю мѣновому. На самомъ дѣлѣ такой именно процессъ и замѣчается.

Въ болѣе отдаленный отъ насъ періодъ, когда типъ натуральнаго хозяйства былъ гораздо чище, чѣмъ впослѣдствіи, обмѣнъ былъ сравнительно слабъ и ограничивался лишь мѣстностями, довольно близко расположенными одна отъ другой. Въ Египтѣ главной торговой дорогой издревле былъ Нилъ, по берегу котораго главнымъ образомъ скучивалось населеніе; по мѣрѣ его размноженія и разселенія по долинѣ рѣки, сооружались каналы, служившіе новыми путями для внутренняго обмѣна немногосложными предметами мѣстнаго хозяйства—хлѣбомъ, яйцами, хлопкомъ, гончарными и кожевенными издѣліями. Внѣшней торговлѣ въ теченіе ряда вѣковъ жрецы, оберегая свое вліяніе, ставили серьезныя препятствія. Море представлялось Тифономъ, пожирающимъ Нилъ; туземецъ рѣдко получалъ разрѣшеніе путешествовать. Поэтому морская торговля отсутствовала у египтянъ весьма долго. Сынъ Псаметтиха Нехо (VII в. до Р. Х.) первый обратилъ вниманіе на море, но его попытка прорыть Суэцкій перешеекъ разбилась о сопротивленіе жрецовъ. Только Амазисъ открылъ г. Навкратиду иностранцамъ и тѣмъ положилъ начало морскому обмѣну. Менѣе препятствій встрѣчала внѣшняя сухопутная торговля, слишкомъ затруднительная и небезопасная по тому времени

[1]) Böckh—ук. соч. 47—50.—Въ Аѳинахъ на ряду съ домами, которые выстроены были для жизни ихъ собственниковъ (οἰκίαι), существовали уже и другіе, назначеніе которыхъ заключалось въ сдачѣ ихъ въ наемъ (συνοικίαι); въ послѣднихъ жило обыкновенно по нѣсколько семействъ съемщиковъ за плату отъ 3-хъ до 120 минъ (68—2750 талер.) (*тамъ-же* 71).—Наемъ домовъ получилъ особенное развитіе потому, что иностранцы своихъ домовъ въ Аѳинахъ имѣть не могли; дома приносили около $8^1/_2$ % дохода (154—6).

для того, чтобы она могла получить широкое развитіе. Караваны двигались: 1) изъ Өивъ въ Феццанъ, Карөагенъ и къ Атлантическому океану; 2) изъ Өивъ въ Эфіопію; 3) изъ Мемфиса въ Финикію, 4) и 5) изъ Верхняго Египта и изъ Мерое къ Аравійскому берегу. На всѣхъ этихъ путяхъ лежали пустыни, затруднявшія передвиженіе. Египтяне вывозили продукты своего хозяйства — хлѣбъ, льняныя издѣлія, позднѣе стекло; а ввозили рабовъ, соль, разные предметы, нужные для бальзамированія, и предметы роскоши (золото, слоновая кость, пряности ароматы, вино, мѣха пантеръ, перья страуса и т. п.). Деньги были еще неизвѣстны и торговля была исключительно мѣновая [1]). Въ Китаѣ оживленъ былъ только внутренній обмѣнъ по рѣкамъ и каналамъ; денежными знаками (до введенія металлическихъ денегъ) служили только раковины, жемчугъ, черепаха, шкуры бѣлаго оленя и нѣк. друг. [2]). Въ Иранѣ, повидимому, былъ только обмѣнъ продуктовъ между сосѣдними общинами; денежнымъ знакамъ служитъ скотъ [3]). — У Гомера Феаки, („которымъ не нужно ни луковъ, ни стрѣлъ"), правда, имѣютъ корабли „скоротечные, какъ легкія крылья, иль мысли", и запасы мачтъ, веселъ, канатовъ и парусовъ [4]); но о правильной активной торговлѣ соплеменниковъ Одиссея нѣтъ рѣчи. Финикійцы („хитрые гости морей") привозятъ „мелочи всякой" на кораблѣ „чернобокомъ", сбываютъ товары, остаются цѣлый годъ, наполняютъ корабль новымъ грузомъ и отплываютъ; при этомъ они не брезгаютъ и такими пріемами пріобрѣтенія, которые не свойственны правильному обмѣну (они увозятъ рабыню съ порученнымъ ей мальчикомъ, котораго продаютъ въ рабство, и съ золотомъ, похищеннымъ ею у своего господина) [5]). Такой пассивный характеръ торговли у Грековъ иногда уступаетъ мѣсто набѣгамъ съ цѣлью грабежа: Одиссей хвастаетъ своими десятью набѣгами, отъ которыхъ онъ обогатился [6]); его войско грабитъ поля мирныхъ Египтянъ [7]); убытки, причиненные ему женихами Пенелопы, онъ собирается возвратить себѣ набѣгомъ и данью съ ахейцевъ [8]).— Въ качествѣ денежныхъ знаковъ въ этотъ періодъ упоминаются лишь *быки*: Эвриклея, няня въ домѣ Одиссея, куплена была Лаэртомъ за 20 быковъ [9]); оружіе Діомеда и Главка оцѣнивается въ Иліадѣ въ быкахъ.

Таковы были слабые зачатки обмѣна въ болѣе отдаленный періодъ. Съ теченіемъ времени, однако, по мѣрѣ ломки натурально-хозяйственнаго строя и развитія обособленія занятій, картина рѣзко мѣняется: появляются металлическія деньги, профессіональный классъ торговцевъ обособляется, усиливаются

[1]) *Klemm*—указ. соч. V 359—64.

[2]) *Klemm*—ук. соч. VI 237, 241—44.

[3]) *Geiger*—ук. соч, 397, 414.—Скотъ служилъ залогомъ при сдѣлкахъ; скотомъ уплачивали жрецу и врачу за ихъ трудъ (за излѣченіе домохозяина врачъ получалъ быка, осла, лошадь или верблюда; за излѣченіе хозяйки—самку такого-же животнаго; за излѣченіе сына—лошадь; за излѣченіе головы скота — слѣдующее по цѣнѣ животное: за лошадь корову, за вола—осла, за осла—овцу, а за овцу—хлѣбъ или молоко) стр. 396.

[4]) Одис. VII 34; VI 204.

[5]) Одис. XV 415 и слѣд.

[6]) Одис. XIV 230.

[7]) Одис. XIV 263.

[8]) Одис. XXIII 355—58.

[9]) Одис. I 426.

размѣры частныхъ богатствъ и обмѣнъ связываетъ уже гораздо болѣе удаленныя одна отъ другой мѣстности.

Золото, какъ орудіе мѣны, появилось въ Греціи еще до Персидскихъ войнъ; серебряныя монеты начали чеканить раньше золотыхъ; Крезъ чеканилъ золотые статиры, позднѣе Греки, еще позднѣе Македоняне (при Филиппѣ); размѣнная монета состояла обычно изъ мѣди съ цинкомъ [1]). —Мелкая внутренняя торговля въ Греціи оживлялась базарами въ городахъ (обмѣнъ продуктовъ земледѣлія и ремеслъ, продажа рабовъ и пр.). Общественныя празднества представляли собой ярмарки: въ Делосѣ, Олимпіи, Фокидѣ по окончаніи религіозныхъ церемоній отворялись лавки и производили торгъ рабами, скотомъ, платьемъ, серебромъ, золотомъ; въ заключеніе — большія жертвоприношенія, при чемъ сжигались и лавки [2]).—Не говоря объ оживленныхъ взаимныхъ торговыхъ сношеніяхъ, въ которыя вовлекались мало по малу всѣ греческія государства и острова Эгейскаго и Іоническаго морей, нѣкоторыя изъ нихъ, преимущественно Аѳины, расширяли постепенно область своихъ активныхъ торговыхъ операцій и вытѣснили прежнихъ монополистовъ Средиземнаго моря—Финикіянъ. — Главными торговыми путями Грековъ служили слѣдующіе: 1) *Восточный*—по берегу Малой Азіи до Эфеса (главный складочный пунктъ) и далѣе къ юго-восточному углу Чернаго моря; въ Діоскуріасѣ (близь Поти) собирались товары верхней Азіи; *сѣверо-восточный*—изъ Эгейскаго моря къ Ѳессаліи, Препонтидѣ (Потидея близь Салоникъ, и Византія—были пунктами торговли съ Ѳракіей) и далѣе къ сѣвернымъ берегамъ Чернаго и Азовскаго морей (Ольвія, Пантикапея и Фанагорія—пункты обмѣна съ Скиѳами); 3) *южный*—въ Критъ, Кипръ и Египетъ (Навкратида въ Дельтѣ); 4) *юго-западный*—въ Кирену (часть Триполиса—Барка), откуда шла дорога во внутреннюю Африку, гдѣ Аѳиняне конкуррировали съ Карѳагеномъ; 4) *сѣверо-западный*—по берегамъ Іоническаго и Адріатическаго морей; 5) *западный*—черезъ южную Италію и Сицилію къ берегамъ Испаніи и Галліи за Геркулесовыми столпами; послѣ Персидскихъ войнъ Греки вступили въ непосредственныя торговыя сношенія и съ Карѳагеномъ [3]) Такимъ образомъ, они завоевали себѣ рынки по всему бассейну Средиземнаго моря и получили возможность широкаго сбыта продуктовъ своего ремесленнаго производства. Взамѣнъ, они получали зерно, въ которомъ Аѳины нуждались болѣе всего, разное сырье, бумагу изъ Египта, пергаментъ изъ Іоніи, рабовъ изъ Ѳракіи, Скиѳіи, Кавказа и др. мѣстъ и проч. Мѣнялы составляли въ Греціи уже профессіональный классъ.

Наконецъ, и въ Римѣ обмѣнъ первоначально былъ весьма слабъ и ограничивался небольшими внутренними сосѣдскими торговыми отношеніями. Впрочемъ, въ Лаціумѣ издавна существовали ярмарки, которыя шли на первыхъ порахъ, вѣроятно, объ руку съ общественными сборищами и празднествами. Въ Римѣ такимъ былъ, можетъ быть, праздникъ Діаны въ союзномъ храмѣ на Авентинѣ; Латины, стекавшіеся по этому поводу въ Римъ каждый годъ къ 13 Августа, могли удобно пользоваться этимъ, чтобы закупить въ Римѣ все нужное. Боль-

[1]) *Klemm*—ук. соч. VIII 136.

[2]) Тамъ-же, 129—30.

[3]) Тамъ-же 133.

шую важность имѣло для Этруріи годичное собраніе въ храмѣ Вольтумны, служившее ярмаркой, которую исправно посѣщали римскіе купцы; важнѣйшая ярмарка происходила у Соракта въ рощѣ Ферониі [1]). Кромѣ того были въ Римѣ торги и поменьше, базары, гдѣ сбывали продукты хозяйства, каждый девятый день (nundinae), при чемъ главнѣйшія разновидности товаровъ имѣли особыя мѣста для продажи (forum boarium, suarium, piscarium, olitorium и друг.)—крытые навѣсы на столбахъ. — Со времени Пуническихъ войнъ римскій обмѣнъ оживился, хотя носилъ вначалѣ лишь пассивный характеръ. Иноземные купцы стали дѣлать въ Римѣ немалыя коммерческія дѣла. Богатства притекали къ высшему классу республики, быть можетъ, не столько путемъ мѣстнаго производства, сколько въ видѣ военной добычи. Покупательная способность и потребности возрастали. Слѣдовательно, Римъ становился все болѣе и болѣе привлекательнымъ мѣстомъ для ввоза произведеній другихъ странъ. Изъ Греціи сюда везли ткани, произведенія искусства, книги, рабовъ; изъ Сициліи—хлѣбъ, медъ, вино; изъ Африки—золото, слоновую кость, драгоцѣнные камни; изъ Испаніи—„благородные“ металлы, вино; изъ сѣвера—цинкъ, янтарь, гусиное перо, гагачій пухъ, мыло; изъ Малой Азіи—тонкая шерсть; изъ Индіи и Аравіи—разныя драгоцѣнности и мн. друг. [2]).—Послѣ разрушенія Кароагена торговля усилилась еще болѣе. Въ этотъ же періодъ усовершенствовалось и орудіе мѣны — деньги.

Въ первые 300 лѣтъ своей исторіи Римъ не имѣлъ никакой монеты. Какъ и въ Гомеровской Греціи, первыми деньгами тамъ былъ *скотъ и овцы* (pecunia отъ pecus); затѣмъ имѣли обращеніе слитки мѣди, кусочки которыхъ отдѣляли для расплатъ; неудобства слитковъ привели къ тому, что государство стало чеканить пластинки (вѣроятно, съ Сервія Туллія) мѣди съ прибавкой олова и съ изображеніемъ вола или свиньи—они принимались еще по вѣсу и разламывались при мелкихъ расплатахъ. При децемвирахъ была уже тяжелая мѣдная монета, становившаяся съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе мелкою. На ряду съ этой появилась затѣмъ серебряная монета въ 485 г. a. u. c. (=269 г. до Р. Х.) Золото въ слиткахъ появилось въ оборотѣ раньше введенія серебряной монеты. Первыя попытки чекана золотой монеты относятся ко второй пунической войнѣ (537 г. = 217 г.). Но отношеніе между золотомъ и серебромъ, установленное этой монетой (1 : 17, 143), было настолько приподнято сравнительно съ дѣйствительнымъ курсомъ того времени, что она не могла удержаться на рынкѣ. Послѣ этого чеканъ золота пріостановился до конца республики. Но въ торговлѣ такимъ образомъ, рядомъ съ серебряной монетой обращались уже и золотые слитки, и затѣмъ прибавились монеты разныхъ полководцевъ (Суллы, Помпея, Цезаря), чеканившихъ золото для расплаты съ солдатами, для подарковъ и т. п. Наконецъ, Августъ (739 г. = 15 г.) принялъ чеканъ золота и серебра исключительно на себя и золото (между прочимъ — вслѣдствіе порчи серебра) стало господствовать въ обращеніи [3]).

[1]) *Муромцевъ*—ук. соч.—52-53.

[2]) *Klemm*—ук. соч. VIII 386—7. Авторъ упоминаетъ о существованіи торговаго договора съ Кароагеномъ.

[3]) *Marquart u. Mommsen* -ук. соч., V 4—35

Послѣ гибели Карѳагена скопленіе денежныхъ капиталовъ въ рукахъ оптиматовъ (вѣроятно, какъ результатъ ограбленія покоренныхъ народовъ) достигло уже крупныхъ размѣровъ. Объ этомъ можно судить потому, что въ эту эпоху оптовая торговля переходитъ мало по малу въ руки высшаго сословія; ее оберегаетъ военный флотъ; оптиматы составляютъ компаніи для того, чтобы брать на откупъ доходы провинціи. На помощь имъ является и кредитъ „банкировъ" (ростовщиковъ?), впервые упоминаемыхъ при этомъ въ качествѣ особой профессіональной группы общества того времени [1]). Римъ становится средоточіемъ всемірнаго (въ смыслѣ того времени) обмѣна. По словамъ Плинія, тамъ можно было встрѣтить товары отдаленнѣйшихъ странъ: испанскую шерсть и китайскіе шелка, цвѣтное стекло и тонкое полотно изъ Александріи, вино греческихъ острововъ, альпійскій сыръ, черноморскую рыбу, цѣлебныя травы Сициліи и Африки; благовонія Аравіи, жемчугъ Индѣйскаго океана, смарагдъ изъ уральскихъ рудниковъ, драгоцѣнное дерево съ вершинъ Атласа, цвѣтной мраморъ изъ разныхъ мѣстностей имперіи. Туда стекались „изъ всѣхъ странъ и морей продукты всѣхъ временъ года, всѣхъ климатовъ, все, что производятъ греки и варвары" [2]).

Пассивный характеръ торговли уступаетъ мѣсто активному обмѣну. Римскія суда уже начали посѣщать Черное море, Атлантическій океанъ до Британіи (при Домиціанѣ римляне посѣщали гавани и складочные пункты Ирландіи, въ Лондинумѣ (Лондонѣ) въ 61 г. была масса римскихъ купцовъ и обмѣнъ былъ весьма оживленъ); покореніе Египта открыло имъ дорогу въ Индію (изъ Александріи вверхъ по Нилу, затѣмъ верблюдами къ Красному морю, гдѣ были устроены большіе складочные магазины и караванъ-сарай; солдатскимъ трудомъ выкопаны были на пути колодцы). Во времена Страбона перевозкой товаровъ въ Индію занимались 120 купеческихъ кораблей [3]). Римскія монеты конца республики и начала имперіи находятся на Цейлонѣ, въ Пенджабѣ и Передней Индіи [4]); велись сношенія черезъ Тонкинъ съ Китаемъ [5]). Съ другой стороны, янтарь Балтійскаго побережья доставлялся сухимъ путемъ [6]) черезъ Силезію, Моравію, Чехію къ Адріатическому морю; римскія монеты распространены не только по сѣверному побережью Германіи, въ Даніи, но и на югѣ Скандинавскаго полуострова. Экспедиціи римскихъ, греческихъ и египетскихъ купцовъ въ Эфіопію поддерживали торговыя сношенія Италіи съ нѣкоторыми частями центральной Африки [7]). И т. д. приведенныя отрывочныя свѣдѣнія едва могутъ дать отдаленное понятіе о томъ огромномъ міровомъ (въ смыслѣ того времени) развитіи обмѣна, которое онъ получилъ въ Италіи въ концѣ республики и въ императорскій періодъ.

Нѣтъ нужды указывать, что эти крупныя торговыя сношенія, требовавшія крупныхъ затратъ времени и средствъ, могли расширяться лишь при наличности обособленія профессіональнаго класса купцовъ и при накопленіи крупныхъ купе-

1) *Klemm* ук. соч., VIII 387—8.
2) *Friedländer*—ук. соч.—19.
3) Тамъ-же.—II 67—8.
4) Тамъ-же II 70,
5) Тамъ-же II 72.
6) Морская экспедиція за янтаремъ извѣстна лишь одна—при Neронѣ.
6) Тамъ-же, II 72—4 и слѣд.

ческихъ капиталовъ. И въ самомъ дѣлѣ, значительно ранѣе указанной эпохи мы встрѣчаемъ въ Римѣ не только торговцевъ по профессіи, но даже и замѣтную дифференціацію этого класса по разновидностямъ торговли, достигавшую значительной дробности. Такъ, встрѣчались особыя группы дрогистовъ, аптекарей, продавцовъ волчьяго боба (lupinus), торговцевъ красками, торговцевъ эссенціями торговцевъ солями, продавцевъ косметики и т. п.; даже мелочная торговля имѣла много особыхъ спеціальностей, напр. торговля накидками была отдѣлена отъ торговли плащами, отъ продажи лѣтняго платья и т. п. [1]). Денежныя спекуляціи были уже, какъ упомянуто, также обособлены и имѣли при Тиберіѣ солидную организацію. Кредитъ, который и ранѣе оказывало торговцамъ (съ 402 г. = 352) государственное казначейство, при названномъ императорѣ переданъ былъ въ руки «банкировъ», которые и присоединили эти операціи за счетъ казны къ своимъ собственнымъ. Они имѣли свою биржу на forum'ѣ, ссужали деньгами, вели расплаты за счетъ своихъ кліентовъ, производили аукціоны вещей; вообще передвиженіе денежныхъ капиталовъ въ значительной степени сосредоточивалось въ ихъ рукахъ. Кромѣ этихъ argentarіевъ были еще простые мѣнялы (nummullarii), производившіе покупку и продажу римскихъ и иностранныхъ денегъ; впослѣдствіи они конкурировали съ аргентаріями—брали деньги на храненіе, производили платежи и т. п. [2])

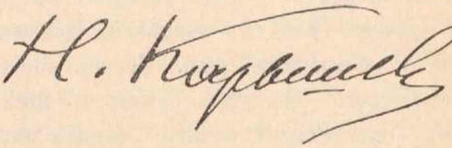
Въ результатѣ получилось, какъ извѣстно, огромное неравенство состояній. Въ теченіи болѣе 5 столѣтій римской исторіи землевладѣніе составляло почти единственный источникъ доходовъ. Спекуляція-же началась съ Пуническихъ войнъ; со временъ Гракховъ владѣльцы денежныхъ капиталовъ начали уже играть крупную общественную роль. Крассъ вложилъ 200 милл. сестерцій [3]) въ земли и сверхъ того—огромныя суммы въ дома и работорговлю. При Августѣ нѣкій Исидоръ (потерпѣвшій раньше большія потери въ гражданскую войну) оставилъ состояніе въ 60 мил. сестерцій и большой капиталъ въ скотоводствѣ. Еще сильнѣе росли богатства при императорахъ: 5 мил. динаровъ считалось тогда бѣдностью. При Августѣ у авгура Лентулла было 400 мил. сестерцій, при Клавдіѣ у вольноотпущенника Нарцисса—400 мил., у Паласса — 300 мил., у философа Сенеки—300 мил., у Криспа Пассіена—200 мил., у императора Тацита до его воцаренія—280 мил.; еще въ началѣ V в. встрѣчались семьи, которыя получали до $3^1/_2$ мил. герм. марокъ и болѣе годоваго дохода. Домъ Цицерона въ городѣ (безъ обстановки) цѣнился въ 2 мил. сестерцій, его Тускуланумъ —въ 500 тыс., его Форміанумъ —въ 250 тыс.; къ его обстановкѣ принадлежали столы изъ лимоннаго дерева цѣною по 1 мил.—1, 3 мил. сестерцій за штуку; говорятъ, что у Сенеки число такихъ столовъ доходило до 500; обычной составной частью обстановки римскихъ богачей служили серебряныя ванны, зеркала, серебряные сосуды, хрустальные—по 150 тыс. сест. и пр. Но рядомъ съ этимъ росло и число ра-

[1]) *Friedländer*—ук. соч. I 3?2. Мелочной торгъ былъ предметомъ презрѣнія оптиматовъ, хотя это не мѣшало имъ спекулировать наймами земель и домовъ подъ лупанаріи и т. п. (стр. 305).

[2]) *Marquart u. Mommsen*—ук. соч. V 63—66.

[3]) 4 сестерціи=1 динару; 10 динаровъ=9 герм. маркамъ.

зоренныхъ безчисленными войнами, денежными спекуляціями, возраставшей въ крупныхъ размѣрахъ задолженностью. У Цезаря до времени его могущества было 1300 талантовъ (5, 4 мил. герм. марокъ) долговъ, у Антонія — 6 мил., у Милона—70 мил. сестерцій; Цицеронъ провелъ всю жизнь въ долгахъ; задолженные граждане составляли весьма видную часть приверженцевъ Катилины [1]. Ростовщичество развивалось въ большихъ размѣрахъ, не смотря на запрещенія ссудъ за проценты (Lex Genucia—412 г.=343 г.); при поискахъ большихъ суммъ на расточительную жизнь, для выборовъ и пр. ихъ можно было доставать изъ 24% —48%—и это въ то время, когда, вслѣдствіе развитія денежнаго хозяйства, размѣръ процентовъ уже нѣсколько понизился [2]. Законодательство отъ времени до времени вмѣшивалось въ эту область отношеній. Сначала (по Lex Licinia — 577 г.=377 г.) уплаченные проценты причислялись къ капиталу и остатокъ долга долженъ былъ быть уплоченъ въ 3 лѣтній срокъ; затѣмъ начали подвергать крупнымъ штрафамъ ростовщиковъ (458 г.=296 г.). Но задолженность росла, а ростовщичество, вѣроятно, продолжало быть выгоднымъ даже подъ страхомъ штрафовъ. Тогда законъ легализировалъ банкротство: по Lex Flaminia minus solvendi (537 г.=217 г.) узаконена уплата 10 ассовъ за 16, а по Lex Valeria (668 г.=86 г.) долги уменьшались на 25% [3]. Но, какъ указано, задолженность все-же прогрессировала, такъ какъ скопленіе въ рукахъ оптиматовъ огромныхъ богатствъ въ конецъ извратили ихъ вкусы и понятія о потребностяхъ.—

Армянская арба.

1) *Marquart u. Mommsen*—ук. соч. V 53—6.

2) Тамъ-же стр. 62—3. Въ Египтѣ около того же времени узаконенный процентъ=30%, а при займахъ подъ хлѣбъ—33 1/3%; въ Греціи—средній 12—18%, а для морского судоходства—24—36% (*Goldschmidt-Handbuch des Handelsrechts.-Stuttgart*, 1891. B. I S. 50, 55).

3) *Marquart u. Mommsen*—Тамъ же стр. 56—7.

ИЗЪ ПАНАГІОТА ФЕРБА.

Летучая мышь

(БАСНЯ).

Мышь летучая не въ часъ,
Чуть проснулась, собралась
Изъ хоромъ своихъ куда-то —
Раздобыться-ли ѣдой,
Повидаться-ли съ сестрой, —
Можетъ быть, провѣдать брата.

—

Только шмыгъ туда-сюда,
Вдругъ — съ чего-бъ, кажись, бѣда? —
Грусть напала на бѣднягу.
Мало времени прошло,
А она въ свое дупло
Во весь духъ даетъ ужъ тягу.

—

Но вѣдь, если поспѣшишь,
То людей лишь насмѣшишь.
Ничего не замѣчая
(Охъ, ужъ эта суета!),
Мышь наткнулась на кота, —
Честь, конечно, не плохая.

—

Всякой мыши этотъ котъ,
Гдѣ ни встрѣтитъ, задаетъ
Безъ пощады потасовку.

Такъ онъ крикнулъ и теперь:
„Это мышь, знакомый звѣрь!“
И ужъ приподнялъ головку.

—

„Милый другъ, сказала мышь:
Право, вздоръ ты говоришь:
Не видалъ путемъ, и что-же?
„Мышь“, рѣшилъ ужъ тотъ-же часъ!
Развѣ съ крыльями у васъ
Мыши здѣсь? избави, Боже!

—

„Значитъ, я попалъ въ просакъ“.
И нашъ котъ, отвѣтивъ такъ,
Вновь усѣлся безобидно.
Прочь летитъ она скорѣй,
Но и дальше ждетъ злодѣй,
И его ужъ близко видно.

—

Это ястребъ-молодецъ;
Малыхъ пташекъ онъ въ конецъ
Истребить готовъ хоть стаю.
Мышь завидя въ далекѣ,
Приободрился на сучкѣ:
„Эту птичку я поймаю“.

—

„Я-то птица? вовсе нѣтъ!“,
Мышь кричитъ ему въ отвѣтъ
(Знать, родилась плутовата):
Какъ-такъ? птица — и въ шерсти!
Мышь я, — звѣрь, какъ не верти:
Посмотри, какъ я мохната!“

—

Такъ и здѣсь ушла цѣла,
Отъ бѣды домой ушла.
Вотъ что значитъ быть лукавымъ!
Есть такіе господа:
И туда онъ и сюда —
И вездѣ выходитъ правымъ.

5 августа 1890.

Ѳ. Корш[illegible]

Изъ исторіи крестьянскихъ движеній на Западѣ.

I.

Одной изъ любимѣйшихъ темъ великаго испанскаго драматурга Лопе де Вега, съ которымъ познакомили нашу публику переводы С. А. Юрьева, является подъемъ простонародья противъ владѣтельныхъ классовъ. Пьеса „Овечій Источникъ“, напримѣръ, всецѣло посвящена изображенію причинъ, хода и послѣдствій крестьянскаго возстанія. Она въ такой же мѣрѣ можетъ считаться его оправданіемъ, въ какой отдѣльныя сцены историческихъ хроникъ Шекспира являются сатирой на народныхъ вожаковъ, въ родѣ Кэта, предводителя Норфолькскихъ ополченій въ царствованіе Эдуарда VI. Всякому, кто желалъ бы узнать дѣйствительный источникъ, изъ котораго предшественникъ и учитель Корнеля черпалъ свое знакомство съ психологіей народныхъ массъ и фактической обстановкой его соціальныхъ движеній, не можетъ показаться безразличнымъ изученіе тѣхъ—не разъ повторявшихся со стороны крестьянства попытокъ сложить съ себя силою оковы личной несвободы и земельной крѣпости,—какія представляетъ намъ въ XV вѣкѣ исторія Испаніи, и въ частности, Каталоніи и Маіорки. Кто знакомъ съ характеромъ крестьянскихъ жакерій только по пристрастному описанію Фруассара, тотъ едва-ли объяснитъ себѣ сочувственное отношеніе къ нимъ автора „Овечьяго Источника“. Нужна другая подготовка для сознательнаго отношенія къ его, поистинѣ, историческимъ драмамъ; необходимо непосредственное знакомство, по крайней мѣрѣ, съ нѣкоторыми изъ тѣхъ аграрныхъ революцій, какія рисовались его воображенію и послужили образцомъ для его картины.

Независимо отъ этого историко-литературнаго интереса, возстаніе крестьянъ или, такъ называемыхъ, forenses острова Маіорки заслуживаетъ особаго вниманія еще потому, что имъ, можно сказать, открывается рядъ тѣхъ движеній, въ которыхъ, вмѣстѣ съ протестомъ противъ крѣпостнаго безправія, выступаетъ совер-

шенно новая черта: антагонизмъ сельскаго люда и городской буржуазіи, выросшей на плечахъ перваго и охотно пользующейся своимъ политическимъ преобладаніемъ для того, чтобы увѣковѣчить имущественную зависимость крестьян-

Габріеліанъ.—Армянскій хамалъ.

ства или обезземелить его въ собственную пользу.—Въ этомъ отношеніи возстаніе крестьянъ въ Маіоркѣ нельзя поставить рядомъ ни съ движеніемъ жаковъ во Франціи, ни съ подъемомъ народныхъ массъ въ Англіи въ правленіе Ричарда II.

Если встрѣчается сходство въ средствахъ, то источникъ движенія и классъ, противъ котораго оно направлено, выдѣляютъ его изъ ряда другихъ. Найти

подобіе ему можно только въ плохо изученныхъ еще возстаніяхъ крестьянъ противъ того гнёта, въ какомъ держала ихъ городская буржуазія нѣкоторыхъ итальянскихъ республикъ. Послѣдняя видѣла въ жителяхъ зависимой отъ города территоріи, такъ называемой contado (откуда и терминъ contadini — крестьяне) однихъ налоговыхъ плательщиковъ, а не политически-полноправныхъ гражданъ. Вотъ почему жители контадо лишены были даже той скромной доли самоуправленія, какой они пользовались нѣкогда подъ властью феодальныхъ сеньёровъ, благодаря своимъ народнымъ сходамъ и выборнымъ властямъ. Движеніе маіоркскихъ [1]) форензесъ представляетъ нѣчто среднее между бунтами крѣпкихъ къ землѣ людей и свободныхъ отъ такой неволи, но политически безправныхъ итальянскихъ поселянъ или контадини. Оно носитъ на себѣ еще тотъ оригинальный отпечатокъ, что является столько-же протестомъ противъ замѣны крестьянскаго труда трудомъ подневольнымъ, сколько и попыткою положить предѣлъ вѣковымъ поборамъ и вымогательствамъ земельныхъ собственниковъ. Первой своей стороной оно соприкасается съ тѣми движеніями античнаго міра, въ которыхъ враждующими сторонами являлись, съ одной стороны плебеи, политически полноправные, но имущественно обездоленные, а съ другой—оптиматы-рабовладѣльцы. На маіоркскомъ движеніи лежитъ, впрочемъ, и печать новаго времени. Оно едва-ли не первое изъ столкновеній округляющей свои владѣнія буржуазіи съ постепенно теряющимъ землю крестьянствомъ. Въ этомъ отношеніи его можно сравнить только съ тѣми аграрными движеніями, какія встрѣчаются, напримѣръ, въ Англіи съ эпохи секуляризаціи церковныхъ имуществъ и перехода ихъ въ руки новаго дворянства изъ рядовъ облагороженной Тюдорами буржуазіи.

Въ особенностяхъ занятія острова христіанскими дружинами короля Донъ Хайма Завоевателя надо искать причину, сдѣлавшую Маіорку еще съ XIII-го вѣка средоточіемъ не столько аристократическихъ латифундій, сколько средняго землевладѣнія въ рукахъ низшаго дворянства и городской олигархіи. Не входя въ подробности этого процесса, отмѣчу, что среднее сословіе получило здѣсь львиную часть въ землевладѣніи. Послѣ упадка торговли съ Левантомъ, благодаря торжеству ислама маіоркская буржуазія съ особенной охотой занялась сельскимъ хозяйствомъ, скупая землю у эмфитевтическихъ владѣльцевъ, т. е. наслѣдственныхъ колоновъ, и передавая обработку ея въ руки рабовъ [2]). Чума 1348 и 1375 годовъ содѣйствовала этому процессу замѣны вздорожавшаго крестьянскаго труда даровымъ трудомъ невольниковъ.

II.

Что эти народныя бѣдствія и сопровождавшія ихъ попытки воспротивиться естественному росту заработковъ и пониженію арендной платы путемъ расширенія системы личной обработки земли съ помощью невольниковъ, стоятъ въ прямой связи съ первыми крестьянскими движеніями, это доказывается уже временемъ наступленія послѣднихъ вслѣдъ за новымъ появленіемъ заразы въ 1384-омъ году,—правда, не тотчасъ, но на разстояніи нѣсколькихъ лѣтъ.

[1]) Смотри Quadrado Forenses y cindadanos.

[2]) Chronicon Maioricense per Alvaro Companor Palma. 1881 г., стр. 78.

Болѣе четырехъ тысячъ человѣкъ принимаютъ участіе въ этомъ первомъ по времени возстаніи. Оно направлено столько-же противъ евреевъ-ростовщиковъ, сколько и противъ невольниковъ, нещадно побиваемыхъ мятежниками. Но задолженностью городскимъ ростовщикамъ и замѣной крестьянскаго труда рабскимъ не исчерпываются еще всѣ причины недовольства поселянъ горожанами и необъясняется основаніе ихъ вооруженнаго похода на главный городъ острова—Пальму. Въ числѣ заявленныхъ ими губернатору ходатайствъ встрѣчаются и такія, которыя относятся къ выкупу цензовъ и рентъ,—иначе говоря, крестьянскихъ оброковъ,—и вообще являются выраженіемъ нескрываемаго далѣе желанія—ликвидировать обязательныя отношенія къ помѣщику. Крестьяне требуютъ перевода натуральныхъ платежей на деньги, и, притомъ, по прежней цѣнѣ, а не по новой, вызванной недостаткомъ рабочихъ рукъ, какъ естественнымъ послѣдствіемъ эпидеміи и смертности.

Вражда крестьянъ къ натуральнымъ рентамъ доходитъ до того, что они требуютъ запрета на установленіе ихъ вновь. Дозволенными должны быть одни денежныя ренты [1]).

Мятежники дважды принимались за осаду Пальмы. Въ іюлѣ и въ октябрѣ они нашли единомышленниковъ и поддержку въ низшихъ слояхъ городскаго населенія, и болѣе всего пострадали еврейскіе кварталы. Число жертвъ было не менѣе 300. Цѣлыя улицы разграблены и убытки оцѣнены въ 50,000 ливровъ золотомъ. Въ амнистіи, дарованной 14-го Октября 1392-го года, говорится, что пятнадцать человѣкъ, принадлежавшихъ къ числу вожаковъ, подвергнуты казни.

Новое крестьянское движеніе, несравненно болѣе серьезное, чѣмъ предыдущія, вспыхнуло въ 1451-омъ году вскорѣ послѣ обнародованія Альфонзомъ V аррагонскимъ указа, который призналъ въ принципѣ необходимость ликвидаціи оброчныхъ отношеній и крѣпостнаго права путемъ выкупа и разрѣшалъ сборища крестьянъ и самообложеніе ихъ съ этою цѣлью.

Причины возстанія на этотъ разъ были еще сложнѣе прежнихъ, но господствующимъ мотивомъ оставалось недовольство высотою наслѣдственныхъ рентъ и цензовъ. Въ прошеніи, поданномъ государю синдиками возставшихъ крестьянскихъ общинъ, говорится, что въ главномъ городѣ острова, въ которомъ можно насчитать не менѣе пяти тысячъ сосѣдей (vesins) или, что тоже, дворовъ, и въ числѣ ихъ, много богатыхъ (molt grans richs), сплошь и рядомъ встрѣчаются лица, доходъ которыхъ составляютъ наслѣдственныя ренты съ крестьянъ. Эти ренты поступаютъ со свободной отъ феодальной службы королю городской алодіальной собственности и уплачиваются крестьянствомъ на началахъ круговой поруки.

Къ этой причинѣ недовольства присоединяется другая, болѣе недавняго происхожденія. Синдики утверждаютъ, что жители Пальмы пріобрѣли много большихъ и роскошныхъ имѣній въ предѣлахъ крестьянскихъ владѣній и держатъ ихъ нынѣ въ своихъ рукахъ [2]).

Это свидѣтельство подтверждается цѣлымъ рядомъ актовъ, налоговаго обложенія 1511-го года, доказывающихъ переходъ собственности за это столѣтіе во многихъ мѣстностяхъ изъ рукъ крестьянъ въ руки горожанъ.

[1]) См. Архивъ Королевской аудіенціи въ Пальмѣ. Pregones 1, 385—92.

[2]) См. документы, отпечатанные Квадрадо въ приложеніи къ его монографіи о крестьянахъ и горожанахъ на Маіоркѣ. Докум. II-ой.

Такое сосредоточеніе [1]) недвижимостей въ рядахъ буржуазіи совпало съ быстрымъ возрастаніемъ числа рабовъ, которымъ ознаменована вторая половина XIV и первая XV-го вѣка. Рабы призваны замѣнить вздорожавшій трудъ крестьянина своимъ собственнымъ; непосредственное завѣдываніе хозяиномъ воздѣлываемыми ими полями, сокращаетъ площадь менѣе выгодныхъ для его неизмѣнныхъ наслѣдственныхъ оброковъ или цензовъ [2]).

Мы не будемъ настаивать на другихъ причинахъ крестьянскаго недовольства, на обремененіи его налогами и, въ частности, поборами съ соли, взросшими въ значительной степени съ 1432-го года. Отмѣтимъ только тяжесть обязательства доставлять весь получаемый съ полей хлѣбъ на городской рынокъ, что̀ вызвано было вполнѣ понятной заботливостью городскаго магистрата объ обезпеченіи народнаго продовольствія, а также—вліяніе, какое низкія таксы на хлѣбъ, установляемыя муниципальными властями, должны были оказать на упадокъ сельскаго благосостоянія [3]).

Ближайшій сигналъ къ возстанію подали дѣйствія самихъ владѣтельныхъ классовъ. Въ виду предстоящаго выкупа и возможности отхода къ крестьянамъ значительныхъ земельныхъ участковъ, граждане Пальмы прибѣгли къ слѣдующему пріему: они стали требовать отъ сельскихъ обывателей предъявленія письменныхъ записей, удостовѣряющихъ фактъ владѣнія ими тѣми или другими участками.

Такъ какъ крестьянская собственность на Маіоркѣ, какъ и повсюду, имѣла своимъ источникомъ обычай и давность,—въ рѣдкихъ случаяхъ формальное соглашеніе,—и такъ какъ архивы находились, въ рукахъ не крестьянъ, а горожанъ, то не удивительно, если комиссарамъ, посланнымъ изъ Пальмы въ Сольеръ, Монакоръ и другіе деревенскіе округа, удалось подъ указаннымъ предлогомъ отобрать отъ поселянъ не мало участковъ, состоявшихъ дотолѣ подъ ихъ обработкой. Узнавъ въ чемъ дѣло, крестьяне встрѣчаютъ посланцевъ камнями, вынуждая ихъ тѣмъ къ пріостановкѣ дальнѣйшей дѣятельности. Въ Санъ Маргаритѣ собирается въ іюлѣ 1450-го года первое крестьянское ополченіе. Численность его ростетъ по дорогѣ въ Монакоръ и Петро. 25-го іюля подъ стѣнами Инки мы видимъ уже полчище въ 6000 человѣкъ.

Чиновники финансоваго управленія—первыя жертвы народной ярости. Одинъ изъ налоговыхъ раскладчиковъ, Альберти не можетъ защитить отъ напора толпы принадлежащій ему за городомъ виноградникъ. Народъ вламывается въ его жилище, грабитъ все попадающееся ему подъ руки и до тла уничтожаетъ лозы. Изъ Инки вожаки движенія разсылаютъ воззванія по селамъ и мѣстечкамъ, призывая всѣхъ и каждаго къ участію въ рядахъ народнаго ополченія. Надо отмѣтить тотъ фактъ, что въ Маіоркѣ, какъ десятки лѣтъ спустя въ Каталоніи, мятежники прикрываютъ себя именемъ короля. Ихъ предводители въ манифестахъ называютъ себя „королевскими капитанами". 27-го іюля передовые отряды сельскаго войска

[1]) Ibid. документъ 1-ый.

[2]) Квадрадо въ XV главѣ своей книги приводитъ многочисленные факты обработки земли невольниками.

[3]) Квадрадо, стр. 113.

стоятъ уже у стѣнъ Пальмы; ими предводительствуетъ Симонъ Балестеръ, сынъ сельскаго батрака въ Монакорѣ. Не имѣя возможности взять городъ приступомъ, онъ надѣется заморить его. Не получая подвоза припасовъ и лишенные воды, вслѣдствіе отвода каналовъ, горожане Пальмы ищутъ посредничества пребывающаго въ ихъ стѣнахъ епископа Ургельскаго. Послѣдній убѣждаетъ крестьянскія полчища отступить на нѣкоторое разстояніе отъ города и предоставить рѣшеніе препиратедьства королю. Враждующія стороны посылаютъ каждая свою депутацію къ Альфонзу V-му въ Неаполь. Ремесленники слѣдуютъ примѣру сельскаго люда и ихъ депутація выказываетъ то же враждебное отношеніе къ городскому управленію, что и крестьяне. Между тѣмъ, магистратъ въ лицѣ „присяжныхъ" или „jurati" доводитъ тайно до свѣдѣнія регентши о необходимости скорѣйшей помощи. Послѣ двадцати-дневнаго плаванія, 25 февраля 1451-го года, возвращаются изъ Неаполя крестьянскіе посланцы; ихъ сопровождаетъ членъ королевскаго совѣта, снабженный самыми широкими полномочіями въ пользу губернатора острова, Беренгара де Ольмсъ [1]), который, на основаніи этихъ полномочій, присуждаетъ мятежныхъ крестьянъ, сверхъ уплаты 2000 ливровъ, къ вѣчной крѣпости — въ искупленіе всего ими содѣяннаго.

Для обнародованія этого приговора, онъ созываетъ всѣхъ участниковъ возстанія въ Бенизалемъ. Сойдя въ числѣ не менѣе полутора тысячъ и имѣя при себѣ оружіе, крестьяне принуждаютъ губернатора и его отрядъ искать спасенія въ стѣнахъ города.[2]) Беренгаръ де Ольмсъ спѣшитъ запугать крестьянъ казнью немногихъ захваченныхъ имъ ополченцевъ. Симонъ Балестеръ соединяетъ, между тѣмъ, въ Монакерѣ временно разсѣявшіяся полчища и направляетъ ихъ на столицу. Число осаждающихъ быстро ростетъ, благодаря подмогѣ не только изъ селъ, но и изъ самой Пальмы въ лицѣ покидающихъ городъ сотенъ ремесленниковъ. Снова прекращается подвозъ припасовъ и отводится въ сторону водопроводъ. Послѣ четырехдневной блокады, горожане открываютъ переговоры. Крестьяне соглашаются отступить подъ условіемъ полной амнистіи, отставки нѣкоторыхъ властей и разрѣшенія созвать представителей отъ селъ для выбора новыхъ депутатовъ къ королю. Все это обѣщано; но едва ополченцы начинаютъ расходиться, какъ губернаторъ посылаетъ военный отрядъ для подавленія мятежа на мѣстѣ его возникновенія, въ Лукмаіорѣ, Монакорѣ и Синеу. По дорогѣ начальникъ войска, Хаймъ Кадель, встрѣчается съ ополченіемъ Балестера. Городская милиція переходитъ на сторону возставшихъ и Кадель можетъ вернуться въ Пальму только благодаря великодушію побѣдителя. Въ городѣ распространяется паника, которая ведетъ къ усиленію благопріятной крестьянамъ партіи. Съ церковной паперти раздаются голоса въ ихъ пользу. Впослѣдствіи въ обвинительномъ актѣ противъ доминиканца Хуана Тэй приводится слѣдующій текстъ слова, сказаннаго имъ въ храмѣ святаго Михаила: „Іосифъ плѣненъ и былъ братьями проданъ въ землю египетскую; это не помѣшало ему сдѣлаться могущественнымъ повелителемъ и призвать своихъ въ Египетъ. Когда же они прибыли въ эту землю, Іосифъ сказалъ: не смѣйте жить въ городахъ; точно также вамъ нечего дѣлаться дворянами и горожа-

[1]) Quadrado гл. 7 и 8.
[2]) Ibid. гл. IX и X.

нами; достаточно быть пастырями и земледѣльцами. Такъ какъ жители Моіорки не исполнили этого завѣта и допустили разъединеніе въ своей средѣ, то Богъ разлюбилъ ихъ и они Его. Люди перестали сострадать къ ближнимъ и заботятся только о собственномъ обогащеніи, не думая о бѣдныхъ. Бойтесь, чтобы васъ не постигла та же участь, какой подверглись нѣкоторые дожи Венеціи. Я самъ видѣлъ изображеніе одного изъ нихъ съ отрубленной головой. На мой вопросъ, что сдѣлано имъ для этого, мнѣ отвѣтили: „онъ не исполнилъ своего долга и не зналъ справедливости; пусть лучше погибнетъ одинъ, чѣмъ вся земля". Такъ и въ Маіоркѣ, лучше пожертвовать четырьмя или пятью лицами, нежели городомъ. Недостатокъ справедливости—причина тому, что Богу предстоитъ совершить свой судъ надъ нами; пусть же немногіе погибнутъ въ искупленіе всѣхъ. Въ другихъ городахъ міра есть правда и для бѣдныхъ, и для богатыхъ, въ Маіоркѣ крестьяне не знаютъ ея. Всѣ преимущества на сторонѣ горожанъ, которые годны только для того, чтобы стоять за прилавкомъ и клеветать другъ на друга" [1]).

Одновременно съ этимъ движеніемъ въ рядахъ народныхъ проповѣдниковъ, крестьяне вызываютъ къ себѣ открытыя симпатіи и въ средѣ рабочаго люда. Простой кожевникъ, по имени Петръ Маскаро, составляетъ заговоръ съ цѣлью передачи города осаждающимъ. Замыслы его открыты и ему остается только бѣжать въ крестьянскій лагерь. Губернаторъ успѣваетъ захватить нѣкоторыхъ его сообщниковъ и передаетъ ихъ немедленно въ руки палача [2]).

Конецъ этой новой осады города подаетъ прибытіе 21-го мая 1451-го года чрезвычайныхъ посланцевъ короля, графа де Прадъ и Хуана Маримона. Они обѣщаютъ мятежникамъ амнистію на все время, пока будутъ длиться переговоры. Еслибы соглашенію не суждено было состояться, комиссары, прежде чѣмъ допустить возобновленіе военныхъ дѣйствій, обязуются оповѣстить крестьянъ о неудачѣ своей попытки. Такое оповѣщеніе должно было воспослѣдовать по отдѣльнымъ селамъ и мѣстечкамъ за мѣсяцъ до истеченія срока перемирія. Одновременно горожанамъ запрещено пребываніе въ средѣ крестьянъ и, наоборотъ, крестьянамъ—въ средѣ горожанъ,—очевидно, съ цѣлью предупредить возможность соглашенія сельскаго демоса съ городскимъ.

Крестьяне и на этотъ разъ полагаются на данное имъ слово: они допускаютъ снабженіе города водою и подвозъ съѣстныхъ припасовъ.

Но не ожидая благопріятнаго исхода своимъ петиціямъ, вожаки крестьянскаго движенія, во главѣ ихъ Симонъ Балестеръ, продолжаютъ готовить мѣры сопротивленія.

Неизвѣстно, каковъ былъ-бы конецъ, если-бы ходъ событій не былъ ускоренъ внезапнымъ появленіемъ новаго уполномоченнаго, близкаго къ королю человѣка, его медика Джерарда Ферреръ. Уроженецъ острова, онъ по рожденію и связямъ принадлежалъ къ крестьянской средѣ и могъ расчитывать на ея довѣріе. Ему не трудно было убѣдить возставшихъ въ необходимости подчиниться требованію Альфонза и послать въ Неаполь депутацію въ двѣсти пятьдесятъ человѣкъ, которые-бы у подножья престола истолковали дѣйствительныя намѣре-

[1]) См. Quadrado, стр. 69.
[2]) Quadrado глава XIV-ая.

нія сельскаго населенія и очистили его отъ обвиненія въ измѣнѣ. Расчетъ правительства лежалъ въ томъ, чтобы удалить изъ театра дѣйствій главныхъ зачинщиковъ. Пока депутація, подъ предводительствомъ Симона Балестера, направлялась въ Неаполь, присланныя изъ Италіи войска пришли на помощь жителямъ Пальмы. Крестьяне разбиты были на голову подъ Инкой, а наемныя дружины предались такимъ грабительствамъ и насиліямъ, передъ которыми блѣднѣетъ все дотолѣ содѣянное возставшими. Немногимъ только разсѣяннымъ бандамъ удалось продержаться еще нѣкоторое время въ горахъ, подъ предводительствомъ новаго начальника Москана. Горожане празднуютъ свою дешевую побѣду отсылкой благодарственной депутаціи къ королю. Она должна представить ему новое ходатайство о закрѣпощеніи крестьянъ въ отмщеніе за мятежъ. Текстъ петиціи самъ по себѣ весьма интересенъ. Онъ даетъ движенію своеобразную окраску, констатируетъ связь крестьянства съ рабочимъ людомъ въ стѣнахъ самой Пальмы и указываетъ на тѣ средства, какими буржуазія надѣялась предотвратить въ будущемъ всякій новый подъемъ простонародья. „Нѣтъ преступленія", читаемъ мы въ этомъ документѣ, „въ которомъ мятежники не оказались бы виновными; нѣтъ клятвы, ими не нарушенной. Спокойствіе немыслимо безъ ихъ истребленія. Висѣлица ждетъ вожаковъ. Остальныхъ надо подвергнуть, кого членовредительнымъ наказаніямъ, кого вѣчному изгнанію. Особенно необходимо это по отношенію къ поселянамъ Инки, Алкудія, Полепза и Сольера. Имъ предстоитъ теперь поплатиться за неправду" [1]).

Петиція не оставляетъ безъ вниманія и поддержки, которую крестьянское движеніе нашло въ городскихъ рабочихъ, и предлагаетъ отнять у членовъ цеховъ право носить оружіе, право быть избираемыми на должности городскихъ совѣтниковъ и муниципальныхъ властей, иначе — jurati. Урны, содержащія въ себѣ имена избирателей, должны подвергнуться тщательному пересмотру, шары рабочихъ предстоитъ взять обратно. Вольноотпущенники, принявшіе сторону мятежниковъ, достойны потерять свободу и вернуться въ рабство; деньги же, внесенныя ими при выкупѣ, слѣдуетъ обратить въ пользу города.

Но такъ какъ цехи и впредь могутъ сдѣлаться очагомъ опасныхъ броженій, къ которымъ могутъ примкнуть всѣ недовольные, то не лучше-ли расторгнуть ихъ вовсе, объявивши ремесленную дѣятельность свободной для всѣхъ, даже для невольниковъ?

Призывъ къ свободной промышленности дѣлается, такимъ образомъ, въ интересахъ расширенія несвободнаго труда. Свобода призвана оказать собственникамъ и рабовладѣльцамъ ту же услугу въ сферѣ промышленности, какую свобода распоряженія состоявшими въ рукахъ крестьянъ землями оказывала имъ въ сферѣ земледѣлія; они воспользуются той и другой свободой для замѣны далеко не дарового труда крестьянъ и цеховыхъ трудомъ мало стоющихъ имъ невольниковъ. Порядокъ пойдетъ, такимъ образомъ, рука объ руку съ торжествомъ имущественныхъ интересовъ буржуазіи.

Не дожидаясь возвращенія посланной къ королю крестьянской депутаціи, начальникъ прибывшаго изъ Италіи войска, Франциско де Риль, за одно съ

[1]) См. Historia de Sollert t. I, стран. 497.

гражданскимъ губернаторомъ, приступаетъ къ казнямъ. Въ нихъ гибнутъ постепенно всѣ вожаки движенія, въ числѣ ихъ, и кожевникъ Москаро, склонившій рабочихъ къ союзу съ крестьянствомъ и продолжавшій отчаянную борьбу и послѣ пораженія Болестера.

Казни избѣгаютъ только тѣ, кто отплылъ въ Неаполь. По прибытіи ко двору Альфонза, депутаты крестьянства, въ числѣ двухсотъ пятидесяти человѣкъ, насильственно включаются въ кадры аррагонскаго войска и идутъ воевать съ папой и представителями анжуйской династіи, укрѣпляя права претендента на захваченную имъ область. Одинъ Симонъ Балестеръ возвращается на родину въ декабрѣ 1456-го года, но для того лишь, чтобы попасть въ тюрьму и сойти затѣмъ, окончательно со сцены, по всей вѣроятности, путемъ еще неразъясненной, но принимаемой всѣми насильственной смерти. Крестьянству дарована, правда, амнистія, жизнью поплатились одни только предводители; но вызванныя возстаніемъ послѣдствія втеченіе многихъ лѣтъ продолжаютъ тяготѣть надъ судьбою сельскаго населенія. На него возложены всѣ издержки военной экзекуціи; оно призвано къ покрытію всѣхъ убытковъ, понесенныхъ горожанами, а также — всѣхъ накопившихся недоимокъ по налогамъ и сеньёральнымъ платежамъ.

Такія мѣры могли, очевидно, только поддерживать недовольство среди побѣжденныхъ. Когда въ 1462-мъ году разнесся слухъ о возстаніи крестьянъ въ Каталоніи, точно по данному сигналу поднялись снова и Маіоркскіе форензесы. На этотъ разъ предводительство движеніемъ принимаютъ не крестьяне, а отщепенцы дворянства и буржуазіи. Рыцарь Петръ Хуанъ Альберти изъ Инка, а послѣ его казни—зажиточный купецъ въ Монакорѣ, Гальсеранъ де Змасъ. Войску подъ начальствомъ губернатора удается въ октябрѣ 1463-го года выйти побѣдителемъ изъ столкновенія съ плохо-вооруженными бандами. Снова открываются экзекуціи.

Четвертованіе и висѣлица скоро избавляетъ правящіе классы отъ послѣднихъ эпигоновъ столь страшной для нихъ жакеріи. Крестьянство раздавлено подъ тяжестью новыхъ контрибуцій [1]) и не имѣетъ силы подняться снова. Его обезземеленіе ростетъ съ каждымъ годомъ и достигаетъ уже серьезныхъ размѣровъ въ 1511-омъ году, какъ видно, между прочимъ, изъ петицій, представленныхъ имъ въ это время по случаю задуманной правительствомъ налоговой реформы.

Крѣпостное право, тѣмъ не менѣе, постепенно вымираетъ и въ Маіоркѣ, прежде всего, потому, что отмѣна его лежитъ въ интересѣ самихъ горожанъ, дозволяя имъ болѣе широкое примѣненіе рабскаго труда. Въ концѣ XV-го вѣка, въ эпоху католическихъ королей, Фердинанда и Изабеллы, крестьянству остается уже немного земель для выкупа, и торжество городскихъ латифундій надъ мелкимъ крестьянскимъ владѣніемъ становится совершившимся фактомъ. [2])

Больё, 10 февраля 1897.

Максимъ Ковалевскій

[1]) Quadrado, глава XX-ая.

[2]) Статья М. М. Ковалевскаго напечатана съ нѣкоторыми сокращеніями. *Ред.*

Предложеніе компромисса.
(По поводу газетныхъ статей)

На насъ онъ дѣйствуетъ двоякою стороною.
Не согласимся ль мы, весь споръ прекративъ,
Съ тобою я — что онъ правдивъ,
А что онъ глупенъ — ты со мною?

Алексѣй Жемчужниковъ.

2 Апрѣля 1897 г.

Тамбовъ.

Сасунскій Армянинъ.

Давидъ Сасунскій.

ОБРАЗЧИКЪ АРМЯНСКАГО НАРОДНАГО ЭПОСА.

Извѣстно, что между многочисленными источниками, которыми пользовался армянскій историкъ Моисей Хоренскій для составленія своего труда, упоминаются имъ и *неписанныя народныя сказанія* и *народный армянскій эпосъ*. Они служатъ Хоренскому не только для подтвержденія или оправданія т. наз. „Халдейской книги" сирійца Маръ Абаса Катины о начальной исторіи армянъ, восходящей, будто, ко временамъ столпотворенія, но также матеріаломъ для исторіи нѣкоторыхъ армянскихъ князей и царей изъ династіи Хайкидовъ и Аршакидовъ, въ промежуткѣ, примѣрно, отъ XX столѣтія до Р. Х. и до III в. по Р. Х.

Первый изъ ученыхъ, обратившій вниманіе на этотъ источникъ Исторіи Хоренскаго былъ покойный арменистъ Н. О. Эминъ. Въ изданномъ имъ въ 1850 г. на древне-армянскомъ языкѣ изслѣдованіи объ „Эпосѣ древней Арменіи" онъ сгруппировалъ разбросанные въ трудѣ Моисея различные *эпическіе* отрывки и далъ имъ научное объясненіе. Вслѣдъ за тѣмъ появились трактаты о томъ же предметѣ на армянскомъ и французскомъ языкахъ; всѣ они, въ томъ числѣ и недавно появившійся на нѣмецкомъ языкѣ, отражаютъ на себѣ вліяніе вышеназваннаго изслѣдованія. Въ послѣдствіи (въ 1881 г.) Эминъ переработалъ свой трудъ на русскомъ языкѣ [1]) и, расширивъ предѣлы предполагаемаго имъ армянскаго эпоса, далъ новое освѣщеніе древнѣйшему періоду Исторіи Арменіи Хоренскаго. Онъ сталъ отвергать существованіе какъ „Халдейской книги", такъ и самого Маръ Абаса, по его мнѣнію, вымышленныхъ армянскимъ историкомъ съ

[1]) Моисей Хоренскій и древній эпосъ армянскій, Москва, 1881.

цѣлію подъ ихъ прикрытіемъ свободно пользоваться богатымъ народнымъ эпосомъ языческой Арменіи, который подъ собственнымъ своимъ именемъ могъ быть отвергнутъ новообращеннымъ христіанскимъ народомъ, какъ исходящій изъ нечистаго языческаго источника.

Такимъ образомъ, благодаря Эмину и его послѣдователямъ, установилось мнѣніе, что вся древняя исторія Арменіи составлена Хоренскимъ на основаніи существовавшихъ въ его время, т. е. въ V вѣкѣ по Р. Х., народныхъ пѣсенъ и преданій, образовавшихъ, судя по приводимымъ отрывкамъ, обширный циклъ эпическихъ поэмъ.

Армянскій эпосъ, по мнѣнію Эмина, состоялъ изъ пѣсенъ, имѣвшихъ предметомъ дѣянія родоначальниковъ и царей изъ династіи Хайкидовъ и Аршакидовъ. Таковы: *Хайкъ*, участникъ въ Вавилонскомъ столпотвореніи, сопротивникъ и убійца Немврода, родоначальникъ армянъ и ихъ же эпонимъ [1]; *Арамъ*, союзникъ Нина Ассирійскаго, такой же счастливый завоеватель и эпонимъ своего народа; *Арай Прекрасный*, котораго тщетно хотѣла соблазнить знаменитая Семирамида Ассирійская; *Тигранъ Великій*, союзникъ Кира Персидскаго въ борьбѣ противъ Мидійца Астіага (арм. Аждахака), павшаго отъ руки армянскаго царя; *Вахагнъ*, сынъ Тиграна, обоготворенный современниками за великіе подвиги; Ервандъ Аршакидъ—узурпаторъ и Арташесъ II—законный наслѣдникъ армянскаго престола (во времена Веспасіана и Адріана), романъ Арташеса и Сатиникъ, князь Аргамъ Мидійскій, изъ потомковъ Аждахака, какъ соблазнитель царицы, и месть царевича Артавазда и мн. др.

Изъ этого перечня читатель видитъ, въ какихъ широкихъ размѣрахъ предполагается изслѣдователями циклъ армянскаго эпоса и насколько онъ разнообразенъ по содержанію; а чтобы составить понятіе также о цѣльности, обширности и послѣдовательности армянскихъ поэмъ, достаточно указать на медо-армянскія эпическія пѣсни, обнимавшія, по словамъ Эмина, *семисотлѣтній періодъ*!

Въ изданномъ мною въ прошломъ 1896 г. изслѣдованіи объ армянскомъ эпосѣ въ Исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго [2] я, вопреки установившимся взглядамъ, взялъ на себя смѣлость утверждать, что не только то, что изслѣдователями приписывается Хоренскому въ качествѣ эпическаго матеріала, но и то, что самъ историкъ называетъ *народнымъ эпосомъ*, повидимому, очень мало заключаетъ въ себѣ дѣйствительно *древняго*, *народнаго*, *эпическаго*. Напротивъ того, это продуктъ литературныхъ заимствованій изъ самыхъ разнообразныхъ книжныхъ источниковъ, не имѣющихъ однако никакого отношенія къ армянской исторіи, въ особенности же изъ мотивовъ Библіи и другихъ переводныхъ сочиненій армянской литературы V—VIII вѣковъ. Таковы: Іосифъ Флавій, Филонъ Еврей, Климентъ Александрійскій, Евсевій Кесарійскій, Псевдо—Каллисѳенъ, апокрифическія Житія Св. Сильвестра и Св. Василія, Малала и др., отрывки которыхъ пе-

[1] Національное названіе армянъ — *Хайк'* (множ. ч. отъ *Хай*), сосѣди же ихъ, персы и греки, издревле называли ихъ *Армен*'ами.

[2] Армянскій эпосъ въ Исторіи Арменія Моисея Хоренскаго. Опытъ критики источниковъ, ч. I Изслѣдованіе, ч. II Матеріалы, М. 1896.—Изъ этого изслѣдованія своего я позаимствовалъ нѣкоторые отрывки для настоящаго введенія.

реработаны Хоренскимъ болѣе или менѣе удачно и искусственно приноровлены къ армянамъ.

Чтобы не быть голословнымъ, я остановлюсь на одномъ наиболѣе характерномъ примѣрѣ, а именно—на пресловутомъ романѣ Арташеса и Сатиникъ. Изъ детальнаго сравненія этого отрывка у Хоренскаго (кн. II, 37, 43, 47—52) съ романическимъ же разсказомъ объ Арташесѣ Персидскомъ и Есѳири изъ Библіи видно, что не только общее содержаніе книги Есѳирь, но и дѣйствующія въ ней лица, побужденія ихъ и роли перенесены въ армянскую сферу и, такъ сказать, арменизированы. Эта зависимость армянскаго историка отъ Библіи, и именно отъ армянскаго ея перевода, ясно усматривается сверхъ того изъ цѣлаго ряда словъ, типичныхъ выраженій, оборотовъ, а иногда и цѣлыхъ фразъ библейскаго текста, сохранившихся въ изложеніи Хоренскаго, б. м., помимо его воли и отмѣчаемыхъ мною здѣсь *курсивомъ*.

a) Въ самомъ дѣлѣ, персидскій *царь Арташесъ* книги Есѳирь является у Хоренскаго *Арташесомъ* же, царствовавшимъ почти столько же времени, сколько и первый.

b) У обоихъ царей въ самомъ началѣ идетъ рѣчь *о богатой свадьбѣ* и великолѣпіи *дворца*, гдѣ въ такомъ изобиліи было *золото*, *жемчугъ* и драгоцѣнные камни.

c) У обоихъ *Арташесовъ* по *красавицѣ царицѣ*: у персидскаго—*Астинэ* (замѣненная потомъ Есѳирью), у армянскаго—*Сатиникъ*; та и другая иноземнаго происхожденія.

d) Со словъ народной, будто, поэзіи Хоренскій заставляетъ армянскаго царя *метнуть* арканъ съ *золотымъ* кольцемъ, которымъ тотъ, обхвативъ станъ Аланской царевны, увозитъ ее въ свою ставку; подобно тому, какъ и персидскій царь *простираетъ* (по армянски тотъ же глаголъ, что и *метнуть*) *золотой* скипетръ къ Есѳири, которая, поднявшись съ мѣста, уходитъ въ опочивальню.

e) Смбатъ Багратидъ „Исторіи Арменіи", *потомокъ одного изъ знатныхъ іудеевъ*, *полоненныхъ Навуходоносоромъ*, *воспитатель царя и его же спаситель*, *которому было поручено царемъ управленіе царскимъ домомъ*, — есть тотъ же Мардохей книги Есѳирь, *который также происходилъ отъ полоненныхъ Навуходоносоромъ же іудеевъ*, былъ также *воспитателемъ* царицы Есѳири и *спасъ жизнь царю*, и *которому* равнымъ образомъ *было поручено царемъ управленіе царскимъ домомъ*.

f) Какъ въ библейскомъ, такъ и въ армянскомъ разсказахъ является лице, пользующееся особымъ довѣріемъ царя и *возвеличенное имъ выше всѣхъ князей въ государствѣ*, въ качествѣ *втораго по царѣ*. Въ обоихъ случаяхъ лица эти иноземнаго происхожденія—*Аманъ* библейскій Македонянинъ, *Аргамъ* Хоренскаго—Мидянинъ.

g) И въ книгѣ Есѳирь, и въ „Исторіи Арменіи" царь *Арташесъ идетъ на обѣдъ*: въ первой—къ царицѣ, во второй—къ князю Аргаму; и тутъ и тамъ *за обѣдомъ обвиняется второе лице по царѣ въ замыслѣ противъ жизни царя и заподозривается въ преступной связи съ царицею*; одинаково происходитъ *смятеніе за обѣдомъ и царь Арташесъ въ гнѣвѣ выходитъ со стола*.

h) Да и участь *обоихъ вторыхъ лицъ по царѣ*—Амана библейскаго и Аргама Хоренскаго совершенно одинакова: *они погибаютъ со всѣми своими сыновьями, а имущества ихъ и владѣнія переходятъ къ лицамъ, открывшимъ ихъ заговоръ*: по Библіи—къ царицѣ Есѳири, по Хоренскому—къ царевичу Артавазду.

i) Наконецъ, какъ на *источникъ* приведенныхъ событій объ Есѳири и царицѣ Сатиникъ, въ обоихъ памятникахъ дѣлается ссылка на *Персидскія книги*; равнымъ образомъ самой исторіи обѣихъ царицъ придается *аллегорическій характеръ*: въ Библіи вся повѣсть объ Есѳири является какъ-бы исполненіемъ видѣннаго праведнымъ Мардохеемъ *сна*, въ которомъ благодѣтельная царица уподобляется обильной водой рѣкѣ, а у Хоренскаго — нѣтъ событія изъ жизни царицы Сатиникъ, которое не было бы облечено въ форму аллегоріи.

Уже то обстоятельство, что начальная лѣтопись армянъ,—индоевропейцевъ по происхожденію и иранцевъ по культурѣ, —явилась въ изложеніи М. Хоренскаго въ сильной *семитической* окраскѣ, ясно опредѣляетъ вліяніе библейско-христіанскихъ книжныхъ представленій эпохи, указывающихъ на искусственность этой лѣтописи, равно какъ и на болѣе позднее время ея составленія, чѣмъ V вѣкъ. Это подозрѣніе о болѣе позднемъ составленіи „Исторіи Арменіи" подтвердилось недавно близкимъ изученіемъ и детальной провѣркой многихъ источниковъ армянскаго историка [1]), приведшими къ заключенію, что Моисей не можетъ быть писателемъ ни V, ни VI вѣка, но, вѣроятнѣе, VII—VIII в. Выводы эти, раздѣляемые нынѣ многими арменистами, еще болѣе подорвали довѣріе къ Хоренскому и къ его основнымъ источникамъ— т. наз. „Халдейской книгѣ" изъ Ниневійскаго архива и къ „армянскому эпосу".

Что изначальная исторія всякаго народа, помимо легендарности, представляется болѣе или менѣе искусственной, — это общеизвѣстно. Она является въ эпоху самосознанія народа, пытающагося разгадать корень своего происхожденія соединеніемъ своего прошлаго съ какимъ-нибудь великимъ событіемъ древности или съ какимъ-либо героемъ и даже съ божествомъ. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ фантазія народа опирается на преданія, въ которыхъ сохранились глухіе отголоски какихъ-нибудь событій изъ его жизни, и во всякомъ случаѣ на такія сказанія, которыя не только не противорѣчатъ настоящему его міровоззрѣнію, его религіознымъ взглядамъ, культурѣ и проч., но, напротивъ того, совершенно согласны съ ними и вытекаютъ изъ нихъ.

Исторію Урартійцевъ (Урарту—Араратъ), древнѣйшаго народа, населявшаго географическую Арменію и принимаемаго нѣкоторыми учеными за прото-армянъ, нужно въ данномъ случаѣ оставить въ сторонѣ, вслѣдствіе спорности вопроса объ языкѣ Ванскихъ надписей, равно какъ и о національности начертившаго эти надписи племени. Гораздо важнѣе для насъ та эпоха въ жизни армянъ, которую

1) Кромѣ вышеупомянутой работы моей, ср. *Gutschmid*, Kleine Schriften, т. III, стр. 332—338; *Carrière*, Nouvelles sources de Moïse de Khoren, Vienne, 1893—94; *Гарагашьянъ*, Критич. Исторія Арменіи, ч. III, 1895, Тифлисъ, стр. 191, 229, 348; *Vetter* въ Kirchenlexikon Wetzer und Welte, Heft 88.

застаетъ достовѣрная исторія, а именно—VI вѣкъ до нашей эры, когда Арменія является сначала союзницей Мидіи и Персіи, а потомъ, въ V вѣкѣ, не безъ упорной борьбы, становится надолго персидской сатрапіей вмѣстѣ съ другими странами Передней и Малой Азіи—Грузіей, Понтомъ, Каппадокіей, Лидіей и др. Съ этого времени (486—323) начинается въ Арменіи, какъ и въ упомянутыхъ странахъ, усиленная *иранизація*, выразившаяся въ распространеніи также персидской культуры—персидскаго языка, нравовъ, религіи и проч. Селевкидское господство въ Арменіи (323—187), въ смыслѣ вліянія греческой культуры на армянъ, прошло почти безслѣдно, по крайней мѣрѣ, мало сохранилось у насъ данныхъ отъ этой эпохи. Съ бóльшею силой процессъ иранизаціи сталъ продолжаться въ этой странѣ при парѳянахъ, имѣвшихъ въ Арменіи, сверхъ того, побочную линію Аршакидовъ. Многіе порядки въ странѣ, какъ-то: политическое устройство, родовая аристократія, администрація, судъ, календарь, синкретическая религія, также культурныя понятія, отчасти даже и оффиціальный языкъ и канцелярія—были парѳянскіе. Они не исчезли не только послѣ паденія персидскихъ Аршакидовъ (226 г.), но и послѣ принятія армянами христіанства (въ самомъ началѣ IV вѣка). Даже въ V в., когда у армянъ зародилась своя письменность, понятія и нравы народа мало чѣмъ отличались отъ прежняго, языческаго быта. Я уже не говорю объ армянскомъ языкѣ, который подъ перомъ еще первыхъ армянскихъ писателей наводненъ пехлевійскими и вообще персидскими словами до такой степени, что лингвисты одно время считали его за иранскую вѣтвь.

При такихъ условіяхъ, если и было у тогдашнихъ армянъ какое-нибудь представленіе о своемъ прошломъ, оно должно было выразиться, надо полагать, въ духѣ парѳянскомъ, имѣть, во всякомъ случаѣ, иранскій характеръ, подобно тому, какъ это мы замѣчаемъ въ ихъ религіи, миѳологическихъ сказаніяхъ и т. под. Мнѣ кажется, что повѣствованія объ изначальной исторіи армянъ V—VI вв. по Р. Х. должны были походить скорѣе на эпическіе разсказы въ прозѣ у *Фавста Византійскаго* (писат. V вѣка), носящіе явно иранскій отпечатокъ, либо даже на сохранившіяся до насъ пехлевійскія легенды [1]), напр., *Karnamak* и *Yatkari-Zareran* (редакція VI вѣка по Р. Х.).

Доказательствомъ вліянія иранскаго эпоса на народныя арм. сказанія могъ бы служить и предлагаемый памятникъ безъискусственной армянской литературы—поэма Давидъ Сасунскій, составляющая какъ бы отрывокъ или главу изъ армянскаго богатырскаго эпоса. Поэма записана на мѣстѣ въ 60-хъ годахъ лучшимъ знатокомъ и собирателемъ произведеній народнаго творчества, покойнымъ епископомъ Сруанцтіанцомъ, и издана въ Константинополѣ въ 1874 году. Съ этого изданія перепечаталъ ее проф. К. Паткановъ въ изслѣдованіи своемъ о Мушскомъ діалектѣ СПБ. 1875 [2]).

Самая поэма, по крайней мѣрѣ въ основѣ своей, относится, какъ я полагаю, ко времени едва ли позднѣе XI—XII вѣка, а именно къ той эпохѣ, когда

1) Ср. у *Nöldeke*—Karnamak и Persische Stud. II.

2) Впослѣдствіи было напечатано два весьма любопытныхъ варіанта той же поэмы—М. Абехіаномъ въ Шушѣ (1889) и дьякономъ Гаречиномъ въ Тифлисѣ (1892).

на мѣстѣ ея дѣйствія—въ Сасунѣ — господствовали еще армянскіе князья, въ качествѣ исконныхъ его владѣтелей, каковыми они являются и въ данномъ разсказѣ. Господству же армянскихъ владѣтелей положенъ конецъ въ XII вѣкѣ: съ этого времени область Сасунъ со всѣми своими крѣпостями переходитъ къ сельджукидамъ, послѣдовательно смѣненнымъ сначала монголами, а потомъ турками.

Слѣдуетъ замѣтить, что не смотря на встрѣчаемые во вступленіи поэмы нѣкоторые библейскіе отголоски (*IV кн. Царствъ, XIX, 37*) и связь имени одного изъ ассирійскихъ царевичей (Сапасара), бѣжавшихъ за 700 лѣтъ до Р. Х. въ южную Арменію, съ названіемъ области *Сасунъ*,—мы однако ничего ассирійскаго, ниже библейскаго не находимъ въ ней. Самое вступленіе не имѣетъ, повидимому, тѣсной связи съ основнымъ разсказомъ, будучи присоединено къ нему искусственно для того, чтобы оправдать народную этимологію названія упомянутой области. Совершенно въ другомъ характерѣ представляется намъ личность настоящаго героя поэмы—Давида Сасунскаго. Тутъ мы видимъ многія изъ тѣхъ характерныхъ и типичныхъ чертъ, которыми отличается *иранскій* эпосъ вообще и которыя не чужды также преданіямъ другихъ кавказскихъ народностей, находившихся по отношенію къ Персіи въ одинаковыхъ съ армянами политическихъ условіяхъ. Впрочемъ, вліяніе иранскихъ сказаній распространилось далеко за Кавказъ и за предѣлы нѣкогда могущественной персидской монархіи: мотивы ихъ, хотя бы въ видѣ остововъ, отразились, повидимому, даже на южно-русскихъ былинахъ Кіевскаго цикла, конечно, пройдя предварительно рядъ передѣлокъ и измѣненій въ промежуточной тюркско-половецкой средѣ [1]).

Не лишено интереса то обстоятельство, что имени главнаго героя иранскаго эпоса, *Рустема*, встрѣчающагося почти у всѣхъ кавказскихъ племенъ, не сохранилось, насколько извѣстно, въ народныхъ преданіяхъ армянъ. Здѣсь я не имѣю въ виду литературныхъ памятниковъ, въ которыхъ изрѣдка упоминается знаменитый персидскій богатырь, какъ, напр., у Моисея Хоренскаго (не ранѣе VIII вѣка) и у Григорія Магистра († 1058). Аналогичное съ этимъ явленіе мы встрѣчаемъ и въ русскихъ былинахъ: при удивительномъ сходствѣ въ основномъ типѣ двухъ главныхъ національныхъ богатырей обоихъ эпосовъ — иранскаго и русскаго, — имена ихъ совершенно различны; въ-первомъ—Рустемъ, во-второмъ—Илья. Явленіе это могло бы быть объяснено обычнымъ въ устныхъ преданіяхъ перенесеніемъ со стороны народа чертъ и эпизодовъ изъ жизни какого-нибудь прославленнаго иноземнаго богатыря на своего любимаго національнаго героя, разумѣется, не безъ переработки заимствованнаго матеріала на свой ладъ и приспособленія его къ основному характеру своихъ сказаній. Такимъ героемъ у южныхъ армянъ былъ *Давидъ* Сасунскій—такое и столь же славное ветхозавѣтное имя, какъ *Илья* Муромецъ русскихъ былинъ.

Въ самомъ дѣлѣ, подобно иранскому Рустему, эпическому прототипу и русскаго и армянскаго національныхъ богатырей,—Давидъ также обладаетъ неимо-

[1]) Ср. Экскурсы (I—VIII) въ область русскаго народнаго эпоса *Всеволода Миллера*, Москва, 1892. Я воспользовался для своего введенія русско-иранскими параллелями, приведенными авторомъ къ его III, IV и V экскурсахъ.

вѣрной физической *силой*, имѣющей божественное происхожденіе и дѣйствующей благотворно[1]). Сообразно своей силѣ, Давидъ также *ѣстъ* и *пьетъ* больше другихъ богатырей [2]). Равнымъ образомъ онъ отличается высокими *нравственными качествами* [3]) — благочестіемъ, нестяжательностью, уваженіемъ къ обычаю, великодушіемъ, состраданіемъ къ бѣднымъ и слабымъ и такимъ же образомъ является главнымъ оберегателемъ страны, борясь противъ дивовъ, великановъ и всякихъ враговъ родной земли.—Давидъ тоже имѣетъ лишь *одного сына*, Мхера, (какъ Рустемъ—Сохраба), который по одному варіанту [4]) также позволяетъ себѣ еще въ дѣтствѣ *богатырскія шутки* по отношенію къ своимъ сверстникамъ, (какъ Зурабъ кавказскихъ сказаній и Василій Буслаевъ или Подсокольникъ русскихъ былинъ), и также *превосходитъ своего отца по силѣ* [5]). — Армянскій эпосъ не чуждъ и извѣстнаго мотива о *единоборствѣ* отца съ сыномъ, хотя въ извѣстныхъ до сихъ поръ спискахъ нашей поэмы [6]) онъ разработанъ, какъ и въ русскомъ эпосѣ, сравнительно слабо.

Замѣчу мимоходомъ, что сынъ Давида, *Мхеръ*, имѣетъ съ другой стороны сходство съ титаническимъ *Святогоромъ* русскихъ былинъ: какъ и его русскій двойникъ, онъ обладаетъ чрезмѣрной силой, которая тяготитъ его и также „не держитъ его земля и ноги его уходятъ въ землю". Подобно Святогору, онъ также живетъ въ горѣ.

Кромѣ этихъ основныхъ чертъ въ типахъ армянскаго и иранскаго богатырей, мы находимъ сходства и въ частностяхъ—въ обстановкѣ, пріемахъ, ситуаціяхъ. Таковы—одинаковыя *оружія*, употребляемыя ими въ борьбѣ съ врагами—булава, лукъ и мечъ булатный; сюда же относится и мотивъ *вырыванія дерева*, употребляемаго, какъ оружіе [7]).—*Чудный жеребчикъ* Давида соотвѣтствуетъ *Рахшу* Рустема и «косматому бурушкѣ» Ильи Муромца [8]); жеребчикъ также преданъ своему хозяину и предупреждаетъ грозящую ему бѣду, но всадникъ, не догадываясь о западнѣ и разгнѣвавшись на жеребчика, который равнымъ образомъ упрямится въ виду *скрытыхъ подкоповъ*, укоряетъ его и попадаетъ въ подкопъ [9]).—Далѣе, и извѣстный пріемъ расправы богатыря—*раздираніе на полы* [10]), столь обычный для Рустема и Ильи, свойственны также армянскому герою. — Наконецъ, и въ судьбѣ обоихъ богатырей—Рустема и Давида—есть полная аналогія: они погибаютъ не въ бою, такъ какъ никто не можетъ ихъ одолѣть, но *отъ коварства*, при чемъ оба передъ смертію успѣваютъ отомстить измѣннику.

[1]) Ср. *Mohl*, Livre des rois, I, p. 435, 445, III, p. 183,311. — *Кирѣевскій* I, стр. 51; IV, стр. 46.

[2]) *Mohl*, IV, p. 476, 505. — *Кирѣевскій*, II, стр. 94.

[3]) *Mohl*, I, p. 438.

[4]) См. варіантъ по изданію *М. Абехіана*, стр. 48.

[5]) Ср. *Mohl*, II, p. 64; *Ефименко*, № VII.

[6]) См. изд. *М. Абехіана*, стр. 49—50.

[7]) Ср. *Mohl*, I, p. 435; *Кирѣевскій*, I, Прилож. 1; *Рыбниковъ*, II, стр. 326 и др.

[8]) *Рыбниковъ*, I, стр. 63.

[9]) См. варіантъ по изд. *М. Абехіана*, стр. 30—31. Ср. *Mohl*, IV, p. 573 и слѣд. — *Гильфердингъ*, Онеж. былины, столб. 453; *Рыбниковъ*, III, стр. 219.

[10]) *Mohl*, I, p. 414; Ср., напр., у *Гильфердинга*, столб. 1249.

Любопытенъ въ нашей поэмѣ также типъ женщины-*паленицы* въ лицѣ жены Давида, Хандудъ-Ханумы, являющей рядомъ съ богатырскими наклонностями нѣжно-любящее сердце вѣрной супруги: она не захотѣла пережить мужа своего и добровольно лишила себя жизни. И въ ней мы находимъ черты, сходныя съ иранскимъ и русскимъ эпосомъ.

Другіе сходные мотивы нашей поэмы съ русскими былинами будутъ отмѣчены ниже—въ примѣчаніяхъ къ тексту.

Давидъ Сасунскій.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ АРМЯНСКАГО).[1]

I.

Силенъ и могучъ халифъ Багдадскій Онъ сбираетъ войско и идетъ на нашего св. Предтечу[2]): сильно тѣснитъ нашъ народъ (армянъ) и уводитъ съ собою много плѣнныхъ. (Между плѣнными) была дѣвушка изъ себя прекрасная: Багдадскій халифъ беретъ эту дѣву себѣ (въ жены). Проходитъ нѣкоторое время—она родитъ двухъ сыновей: одному даютъ имя Абамеликъ, а другому—Санасаръ.

Отецъ дѣтей — язычникъ, а мать — поклонница креста: вѣдь халифъ увелъ ее изъ среды нашего народа.

Халифъ этотъ еще разъ собралъ войско и пошелъ на нашъ народъ. На этотъ разъ—преклоняюсь передъ твоими святыми чудесами, о Предтеча Святой,— уже нашъ народъ сильно стѣснилъ его; и въ этой тѣснотѣ халифъ воззвалъ къ своему идолу и сказалъ: «О, великій богъ, упаси ты меня отъ этого народа, и когда я вернусь (домой) живъ и здоровъ, обоихъ моихъ сыновей принесу тебѣ въ жертву!»

Ихъ мать (въ Багдадѣ) заснула и увидѣла сонъ. Ей привидѣлось, будто у нея (въ рукахъ) два свѣтильника: передъ тѣмъ, какъ имъ потухнуть, они еще разъ вспыхнули и издали (яркій) свѣтъ. Утромъ, когда она проснулась, разсказала свой сонъ сыновьямъ своимъ. Она сказала: „Въ эту ночь явился ко мнѣ во снѣ св. Предтеча и сказалъ, что отецъ вашъ попалъ въ большую бѣду и

[1]) Русскій переводъ предлагаемой поэмы былъ напечатанъ еще въ окт. книжкѣ Ж. М. Н. Пр. за 1881 г. Здѣсь онъ пересмотрѣнъ и снабженъ обстоятельнымъ *введеніемъ*.

[2]) Рѣчь идетъ о знаменитомъ монастырѣ св. Предтечи (*сурбъ-Карапетъ*), построенномъ въ IV вѣкѣ Григоріемъ Просвѣтителемъ на Горѣ Карке, у берега Евфрата, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде стояли капища языческихъ боговъ. Ежегодно, въ извѣстный праздничный день отовсюду стекаются, сюда благочестивые армяне на поклоненіе мощамъ св. Предтечи. Между ними много бываетъ молодыхъ пѣвцовъ (ашуговъ) и атлетовъ, которые послѣ продолжительнаго (иногда въ нѣсколько лѣтъ) поста и молитвъ, вымаливаютъ себѣ, кто способность пѣть, кто силу и отвагу. Вообще св. Предтеча въ глазахъ народа считается покровителемъ искусствъ.

Габріеліанъ — Ванскій Армянинъ.

васъ обѣщалъ (принести) въ жертву идоламъ своимъ; когда онъ вернется—васъ заколаетъ. Подумайте о своей участи!"

Оба брата призвали своего Бога, взяли запасъ на дорогу, насыпали денегъ въ суму и пустились въ путь-дорогу. Шли, долго плутали и пришли въ чужедальную страну. Пришли и остановились въ узкой долинѣ. Видятъ—течетъ рѣка; а тамъ протекаетъ потокъ: онъ прорѣзываетъ эту рѣку полосою до средины ея, потомъ сливается съ рѣкою и течетъ дальше по ея теченію.

Санасаръ сказалъ Абамелику: Кто найдетъ ключъ (начало) этого потока и построитъ себѣ жилище надъ нимъ—того и родъ будетъ также могучъ.

Встали оба брата и пошли вверхъ (по теченію) потока. Пошли и нашли на его начало. Вода этого ключа—какъ бы (течетъ) изъ трубочки; течетъ и совсѣмъ перерѣзываетъ подъ нимъ находящійся потокъ и потомъ уже сливается съ потокомъ. Остановились они у этого ключа и положили основаніе своему зàмку.

Санасаръ ходилъ на охоту, а Абамеликъ работалъ надъ зàмкомъ. Въ этихъ мѣстахъ не было (тогда) жилья.

Дней десять-двадцать они работали надъ этимъ жилищемъ. Пришелъ разъ Абамеликъ, видитъ—Санасаръ, утомившись, задремалъ: бросилъ онъ дичину еще въ крови—такъ, не жареную—и заснулъ. Крѣпко запечалился онъ, при видѣ участи брата, и сказалъ: «Встань, братецъ, уйдемъ (отсюда); доколѣ же мы будемъ оставаться тутъ и ѣсть мясо безъ соли? Ежели бы далъ Богъ (счастье), онъ далъ бы намъ въ хоромахъ нашего отца».

Братья сѣли (на коней) и поѣхали къ правителю Эрзерума Пріѣхали оба брата, пошли къ этому мужу, отвѣсили по поклону и стали передъ (нимъ).

Страшные и могучіе были мужи оба брата.

Сидящему въ Эрзерумѣ эмиру они крѣпко пришлись по нраву; онъ спросилъ объ ихъ родѣ, племени и сказалъ: „Что вы за люди?" Санасаръ сказалъ: „Мы сыновья Багдадскаго халифа".

Эмиръ этотъ сказалъ: „Ой, ой, ой!.." и стряхнулъ свой воротъ, какъ бы подальше отъ нихъ.—„Мы отъ ихъ покойниковъ бѣжимъ, а тутъ встрѣчаемъ ихъ живыми! Пріютить васъ мы не можемъ; ступайте, куда хотите!"

Санасаръ сказалъ Абамелику: „Братецъ, мы вѣдь убѣжали отъ нашего отца; зачѣмъ же мы носимъ его имя? Съ этихъ поръ, куда бы мы ни пошли, кто бы насъ ни спрашивалъ, скажемъ: у насъ никого нѣтъ—ни отца, ни матери, ни жилища, ни родины! Авось люди пріютятъ насъ".

Отсюда они поѣхали къ Карсскому эмиру. Тотъ тоже далъ такой отвѣтъ этимъ мòлодцамъ. Они повернули назадъ и поѣхали на этотъ разъ къ царю Капуткоха [1]). Капуткохскій царь увидѣлъ этихъ мòлодцовъ и сильно полюбилъ ихъ. Абамеликъ отвѣсилъ поклонъ (царю) и сталъ передъ (нимъ): это очень понравилось царю. Онъ спросилъ ихъ: «Дѣти (мои), откуда вы, что у васъ есть, чего нѣтъ?»

«Мы никого не имѣемъ—ни отца, ни матери—ровно никого!»

Санасаръ сдѣлался *чебукчи* [2]), а Абамеликъ—*хайвачи* [2]). Такъ они жили нѣкое время.

[1]) На юго-западѣ отъ Ванскаго озера находится большая гора, носящая названіе *Капутъ-Кохъ*—отъ синяго цвѣта горы.

[2]) *Чебукчи* означаетъ лице, на обязанности котораго лежитъ приготовлять и подавать господамъ *чебукъ*—трубку, *хайвачи*—кто подаетъ *хайву*—кофе.

Однажды Санасаръ сказалъ Абамелику: „Мы не мало потрудились, а нашъ за́мокъ такъ и остался недостроеннымъ. На утро, сказалъ онъ, — ни ты не вари кофе (царю), ни я не подамъ ему чебука; давай завтра не явимся передъ лицо (царя)“.

Царь Капуткохскій проснулся. (Видитъ) — нѣтъ ни того, ни другого. Онъ вызвалъ этихъ мо́лодцевъ, подозвалъ къ себѣ и сказалъ: „Дѣти (мои), вѣдь я напередъ спросилъ васъ: есть ли у васъ кто, есть ли у васъ мать, отецъ?—и вы мнѣ разсказали, что у васъ нѣтъ никого. Зачѣмъ вы такъ опечалены?“

Сказали: „Много лѣтъ здравствуй, государь! И въ правду, у насъ нѣтъ ни отца, ни матери. Если скроемъ (это) отъ тебя, отъ Бога не скроемъ. Мы немного поработали надъ за́мкомъ, потомъ бросили его и ушли. Такой-де ключъ есть тамъ“. И разсказали ему все сполна (какъ было).

Защемило сердце у царя при этомъ; онъ сказалъ: „Дѣти (мои), ежели такъ — на утро я вамъ дамъ нѣсколько дворовъ: ступайте, кончайте вашъ замокъ“.

Царь этотъ всталъ, отпустилъ имъ сорокъ дворовъ. И какой народъ-то! У каждаго по ослу да по веретену (и только).

Они встали на утро, навьючили свой скарбъ, и оба брата (съ ними) поѣхали къ замку своему. Поѣхали и стали у своего ключа и своего порога.

Санасаръ сказалъ Абамелику: „За́мокъ ли этотъ строить намъ прежде, или избы—бѣдному люду?“

Абамеликъ сказалъ: „Напередъ построимъ имъ избы, а потомъ — нашъ за́мокъ: эти бѣдняги не могутъ оставаться на солнцѣ“.

И начали съ избъ.

Абамеликъ былъ такъ силенъ, что въ день рылъ (мѣсто) для десяти избъ и ставилъ по десятку избъ; другой (братъ) таскалъ лѣсъ, а отдѣлкой занимались они оба. Въ четыре дня оба брата вдвоемъ построили сорокъ избъ совсѣмъ готовыхъ. Послѣ того принялись за постройку за́мка и привели его къ концу. Они были такъ могучи, что къ *каменному столбу приставили каменный же столбъ*, подставили подставку, и за́мокъ былъ готовъ.

Абамеликъ взялъ поѣхалъ къ своему царю Капуткохскому и сказалъ: „Мы — твои дѣти: мы построили и завершили нашъ замокъ: пришли къ тебѣ и просимъ тебя прійдти и дать имя нашему замку“.

Царь Капуткохскій обласкалъ, любовно принялъ Абамелика и сказалъ: Добро, что вы меня не забыли!

И взялъ выдалъ дочь свою за Абамелика и сдѣлалъ его своимъ приближеннымъ. Послѣ свадьбы собрались въ замокъ самъ царь и молодые; дядя Торосъ [1]) тоже присталъ къ нимъ. Сѣли (на коней) и поѣхали. Абамеликъ поѣхалъ впереди (всѣхъ); доѣхали до замка. Тутъ царь (вдругъ) повернулъ своего коня, чтобъ ѣхать назадъ, и сказалъ: Вы уже дали имя своему за́мку, и нарочно позвали меня, чтобъ испытать“.

[1]) Тутъ въ первый разъ мы встрѣчаемъ это имя. Въ нашемъ варіантѣ говорится о немъ, какъ о лицѣ уже знакомомъ. Повидимому, дядя Торосъ—братъ Капуткохскаго царя.

Абамеликъ сказалъ: «Много лѣтъ здравствуй, государь! Повѣрь, что мы этому замку имени еще не давали; знаемъ лишь то, что построили и завершили замокъ».

«Ну, хорошо! Какъ вы имени не давали, а къ каменному столбу каменный же столбъ приставили,—то пусть его имя будетъ *Сансунъ* [1]) или *Сасунъ*».

Здѣсь они остались малое время, поженили и дядю Тороса, и тотъ остался тутъ же, а царь вернулся во свояси.

Абамеликъ былъ мужъ сильно-могучій: начиная съ окрестностей Черной горы и вершины Цицмака, отъ верхней стороны Мушской (равнины) до пояса Сехансара и равнины Чапахчура, всѣмъ этимъ онъ завладѣлъ, окруживъ эту мѣстность стѣной. И поставилъ четверо воротъ: постоянно, бывало, запретъ свои ворота, сядетъ на своего коня и давай ловить кого ни попало—демоновъ, звѣрей. Разъ даже онъ хватилъ, прошелъ до Месра и Месромъ тоже завладѣлъ. Пошелъ онъ ночью и легъ съ женою правителя Месра: она отъ него понесла, и родился мальчикъ. А царь Месра узналъ, что мальчикъ этотъ отъ Абамелика—и мальчика звали Абамеликомъ—за это дали ему имя Мсрамеликъ. Абамеликъ же убилъ царя Месра, взялъ (себѣ) его жену, остался въ Месрѣ и сталъ царемъ.

Этотъ пока останется здѣсь.

II.

Санасаръ жилъ въ Сасунѣ. Отцовскіе идолы не даютъ ему покоя; потому взялъ собрался къ своему отцу и матери и поѣхалъ въ Багдадъ. Отецъ его сидѣлъ у окна, видитъ—идетъ сынъ его Санасаръ: узналъ его и сказалъ: „О, великъ ты Богъ мой! Какъ ты привлекъ сюда свою жертву! Должно быть скоро и другую приведешь силою».

Мать—а она была поклонница креста,—начала плакать и обливаться слезами по дѣтямъ своимъ. Отецъ взялъ вострый мечъ, вышелъ, подозвалъ (сына) и сказалъ: «Пойдемъ, сынъ (мой), поклонись великому богу; я хочу тебя принести ему въ жертву.

Сынъ сказалъ: «Батюшка! Твой великій богъ—зѣло чудесный богъ: даже по ночамъ не давалъ намъ покоя; должно быть скоро и другую свою жертву силою приведетъ».

Отецъ взялъ съ собою сына, и оба вошли въ кумирню. Сынъ сказалъ отцу: «Батюшка, вѣдь ты знаешь, что мы ушли (изъ дому) еще ребятишками: мы не знали силы твоего бога. Ну-ка ты прежде наклонись, да поклонись богу твоему; я посмотрю, какъ ты сдѣлаешь, и самъ сдѣлаю то же».

Отецъ сказалъ: «Вотъ такъ, сынъ (мой)»,—и, нагнувшись, поклонился.

[1]) Слово въ переводѣ означаетъ *столбъ къ столбу*. Этимъ объясняется, будто, происхожденіе названія области *Сасунъ*, иначе называемой *Санасунъ*.

Сынъ сказалъ: «Батюшка, что за чудесный богъ—твой богъ! Когда ты нагнулся, въ глазахъ у меня потемнѣло, и я не замѣтилъ — какъ это ты сдѣлалъ?» (Онъ не успѣлъ въ первый разъ ударить: пуговки кафтана не растегнулись).

Сказалъ: «Тятя, тятя, поклонись-ка еще разъ, посмотрю, какъ это ты дѣлаешь, чтобъ и мнѣ сдѣлать то же»!

Когда же во второй разъ нагнулся отецъ, сынъ воскликнулъ: «Хлѣбъ да вино—живъ Господь!»—хватилъ булавой и на семь аршинъ въ землю вогналъ отца своего, халифа. Взялъ булаву и бросился на идоловъ и давай ихъ разбивать,—всѣхъ перебилъ, взялъ набралъ себѣ серебра въ полу кафтана, принесъ, отдалъ матери и сказалъ: «Матушка, вотъ тебѣ на украшеніе!»

Мать пала ницъ, поклонилась ему и сказала: «Благодарю тебя, Творецъ неба и земли; хорошо, что ты избавилъ насъ отъ рукъ этого жестокаго человѣка!»

Она взяла, женила Санасара и посадила на престолъ вмѣсто отца. Этотъ останется тутъ.

Вернемся къ Абамелику.

III.

Абамеликъ, что сидѣлъ въ Мсрѣ, оставилъ своего сына (отъ Мсрской царицы), Мсрамелика, вмѣсто себя (царствовать), а самъ пріѣхалъ въ Сасунъ.

Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, и у него родилось нѣсколько дѣтей: одному онъ далъ имя Ченчхапокрикъ, старшему сыну далъ имя Цранвэги, другому—Цэновъ-Ованъ, третьему—Хоръ-Гусанъ [1]), а самому младшему—Давидъ.

Между этими сыновьями Ченчхапокрикъ и Цранвэги оказались ни на что годными. За то у Цэновъ-Ована былъ такой голосъ, что онъ, высушивъ на солнцѣ семь буйволовыхъ шкуръ, обвертывался ими, чтобы не треснуть, и тогда только принимался кричать. Всѣхъ искуснѣе былъ Давидъ, а о силищѣ его языкомъ не передать!

Прожилъ нѣкое время и состарѣлся Абамеликъ. Какъ-то разъ сидитъ онъ себѣ, призадумался и говоритъ самъ съ собою: «Кругомъ (всѣ) стали мнѣ врагами, и кто по смерти моей будетъ пещись о моихъ дѣтяхъ? Ежели кто и будетъ—это Мсрамеликъ. Кромѣ него, никто другой не справится съ моими врагами».

Взялъ да поѣхалъ къ Мсрамелику. Онъ ужъ тогда былъ старъ.

[1]) Всѣ эти прозвища эпическія, данныя дѣйствующимъ лицамъ въ виду тѣхъ или иныхъ ихъ качествъ. Такъ, одинъ изъ братьевъ названъ *Цэновъ-Ованъ*, что значитъ *Зычный Иванъ*, другой — *Хоръ Гусанъ*, т. е. *Могучій Пѣвецъ;* прозвища же остальныхъ двухъ братьевъ Давида—*Ченчхапокрикъ* (Воробышекъ) и *Цранъ Вэги* (Трусишка-Вэги) даны имъ, вѣроятно, въ насмѣшку за ихъ слабость или трусость.

Сказалъ: «Мсрамеликъ, сынъ (мой), вѣдь и ты кровь моя: ежели я прежде умру, то дѣтей своихъ я поручаю тебѣ (ты ихъ береги); ежели же ты прежде умрешь—пусть дѣти твои будутъ поручены мнѣ: я буду ихъ беречь».

Вернулся назадъ и остался жить въ замкѣ. Насталъ день смерти (и) померъ.

Пріѣхалъ Мсрамеликъ, забралъ его дѣтей и увезъ ихъ съ собою; онъ не забылъ отцовскаго наказа.

Семь лѣтъ Сасунъ былъ въ печали по смерти Абамелика. Разъ крестьяне съ дядей Торосомъ сѣли пировать, вина попивать. Крестьяне сказали: «Дядя Торосъ, молодцы наши состарѣлись, а красныя дѣвицы—старухами стали. Ежели ты думаешь, что нашимъ семилѣтнимъ плачемъ Абамеликъ оживетъ, мы еще семь лѣтъ готовы (плакать по немъ)».

Дядя Торосъ далъ позволеніе своимъ крестьянамъ и сказалъ: «Засватайте вашихъ молодцовъ и дѣвушекъ; плачемъ ничему не пособишь»!

И снова они сѣли пировать, вино попивать. Дядя Торосъ взялъ чашу въ руку и стоитъ: онъ призадумался—ни пьетъ, ни выпускаетъ изъ рукъ (чаши). Сынъ Тороса закричалъ отцу съ улицы и сказалъ: «Тятя, вѣдь это шальные Сасунцы! (Того и гляди), сейчасъ тебѣ обидное слово скажутъ. Или выпей, или оставь—уйдемъ!»

Отецъ обратился къ сыну и сказалъ: «Ахъ ты, собачій сынъ! Мнѣ тутъ сидѣть пировать, (а) Мсрамелику прійдти да забрать нашихъ ребятишекъ? Ему мучить да терзать дѣтей Абамеликовыхъ,—а мнѣ тутъ сидѣть да пировать? Вишь, срамъ какой! Хлѣбъ да вино—живъ Господь—не выпью другой чаши, возьму да поѣду къ своимъ ребятишкамъ.

Дядя Торосъ ударилъ изъ Сасуна и поѣхалъ въ Месръ. Поздоровался онъ съ Мсрамеликомъ, и они сѣли. Онъ сказалъ: „Ну, пойдемъ мы съ тобою на судъ! Правда, ты и Абамеликъ другъ съ другомъ условились, но (вѣдь не даромъ сказано): ежели продаютъ плѣнника, то онъ долженъ достаться хозяину“.

Встали и пошли на судъ: дѣти достались дядѣ Торосу.

Мсрамеликъ сильно боится этихъ ребятишекъ. Онъ сказалъ дядѣ Торосу: «Поди, пропусти этихъ ребятишекъ подъ мой мечъ, а тамъ возьми ихъ съ собою да ступай!»

Дядя Торосъ пришелъ и разсказалъ молодцамъ. Цранвэги сказалъ: «Давайте, пройдемте подъ его мечъ и уйдемте! Остальные двое сказали то же самое.

Но Давидъ сказалъ: «Коли убить, такъ пусть сегодня же насъ убиваетъ; тогда люди скажутъ: ребенка онъ убилъ! Подъ его мечъ я не пройду. Это онъ дѣлаетъ, чтобъ я не поднялъ на него меча, когда выросту!»

Дядя Торосъ изъ страха собралъ ихъ, чтобы взять провести подъ мечъ. Давидъ заупрямился, сталъ и не идетъ подъ мечъ. Дядя Торосъ схватилъ Давида за воротъ и пихнулъ, чтобы тотъ прошелъ подъ мечъ. Давидъ не прошелъ подъ мечъ, онъ пошелъ мимо него и задѣлъ большимъ пальцемъ (ноги) за кремень: заискрился огонь оттуда. Сильно перепугался Мсрамеликъ, когда увидалъ это. Онъ сказалъ: «Этотъ еще такъ малъ, а какой (страшный), что же будетъ, когда онъ выростетъ! Ежели приключится со мною бѣда какая, то отъ него».

Дядя Торосъ взялъ дѣтей и пріѣхалъ въ Сасунъ. Цранвэги онъ поставилъ въ замкѣ на мѣсто отца, а Давида, что былъ моложе всѣхъ, приставилъ къ телятамъ.

IV.

Ухъ, какой былъ Давидъ! Какъ хватитъ телятъ дубиной, (такъ ихъ всѣхъ) да еще сорокъ теленушекъ съ ними съ ногъ собьетъ. Разъ онъ погналъ телятъ на вершину горы. Видитъ—пастушокъ бранитъ своихъ телятъ. Давидъ сказалъ: «Ты, молодецъ, меня что ли бранишь? Погоди, доберусь я (до тебя), да такъ хвачу дубиной, что ай, ай!»

Тотъ сказалъ Давиду: «Умереть мнѣ за твою за головушку! Вѣдь я тоже пастухъ изъ деревни батюшки твоего, а это—крестьянскіе телята».

Давидъ сказалъ: «А, коли такъ, паси и моихъ телятъ. Я не знаю времени, когда ихъ на дворъ загнать. Когда настанетъ время —скажи мнѣ, я ихъ поведу».

Въ этотъ день погналъ Давидъ телятъ во время и пришелъ въ деревню. Обрадовался дядя Торосъ и сказалъ: «Сынъ (мой), всегда будь такъ точенъ, всякій день во́ время иди и возвращайся!»

Давидъ сказалъ: «Дядюшка, это не моя догадка; брата я себѣ нанялъ; каждый день онъ будетъ стеречь моихъ телятъ. Теперь мнѣ легко будетъ справиться съ ними».

Какъ-то разъ товарищъ его запоздалъ. Давидъ крѣпко осерчалъ. Оказалось— у нихъ въ деревнѣ служили обѣдню: малый-то былъ тамъ,—вотъ почему и замѣшкался. (Наконецъ) пришелъ. Давидъ ему сказалъ: «Какъ-то ты сегодня уйдешь изъ моихъ рукъ?»

Малый сказалъ: «Давидъ, умереть мнѣ за твою за головушку! Изъ-за гнѣва твоего я не выстоялъ (въ церкви) и даже ни одной ложки не отвѣдалъ праздничной похлебки (*матахъ*), погналъ телятъ, и пришелъ. Вотъ почему немного замѣшкался».

Давидъ сказалъ: «Ты подожди здѣсь, я пойду принесу тебѣ обѣдать».

Положилъ дубину на плечо и пошелъ. Приходитъ въ деревню, видитъ — всѣ повыставили кашу на гумно, а попы пришли и благословляютъ. Пошелъ Давидъ, продѣлъ дубину въ ручку четырехручнаго мѣднаго котла и полнехонекъ, какъ онъ былъ, взялъ положилъ себѣ на плечо. Дивились тѣ попы и крестьяне, что стояли тутъ, а одинъ закричалъ: «Да вѣдь онъ унесъ котелъ!»

Попъ вскричалъ: «Ради Бога молчи! Вѣдь онъ изъ шальныхъ Сасунцевъ: (того и гляди) вернется да бока намъ помнетъ. Пусть нелегкій его беретъ, провались онъ съ нимъ?»

И взялъ Давидъ котелъ полный каши и пришелъ къ своему товарищу. А товарищъ сидитъ себѣ да плачетъ.

«Э, э!» сказалъ Давидъ, — «знаю объ чемъ ты плачешь: кашу-то я тебѣ принесъ, а масло и соль забылъ, — вотъ о чемъ ты плачешь! На, ѣшь теперь кашу, а вечеромъ — соль и масло на нее!»

Малый сказалъ: «Давидъ, умереть мнѣ за твою за головушку! На что мнѣ масло и соль? Пришли сорокъ разбойниковъ-дэвовъ, ударили на нашихъ телятъ и угнали ихъ».

Давидъ сказалъ: «Ты останься тутъ, да стереги этихъ телятъ, а я пойду тѣхъ приведу».

И пошелъ за телятами. Пошелъ онъ по ихъ слѣдамъ, пришелъ къ входу одной пещеры и сталъ. Давидъ тутъ закричалъ такимъ голосомъ, что ужасъ напалъ на тѣхъ дэвовъ, — (словно) бѣсы засуетились, когда голосъ Христа раздался въ аду. Какъ только это услышалъ атаманъ тѣхъ разбойниковъ, сказалъ:

«Видно это — Давидъ, сынъ Абамелика. Идите, примите его съ почетомъ, чтобъ онъ насъ не убилъ».

Вышли они по одиночкѣ, а Давидъ угожалъ каждаго дубиной, и (такъ) снесъ сорокъ головъ, (одни) трупы остались (на мѣстѣ). Онъ отрѣзалъ у всѣхъ сорока уши и пошелъ спряталъ подъ камень—недалеко отъ пещеры.

Давидъ оставилъ дубину у входа, самъ же вошелъ въ пещеру. Видитъ—стоитъ одна куча золота, другая — серебра, — (словомъ) добро и богатство всего свѣта! Съ тѣхъ поръ какъ его отецъ умеръ, разбойники грабили и (все) складывали въ эту пещеру. Онъ отворилъ одну дверь — а тамъ стоитъ на привязи жеребчикъ. Призадумался Давидъ и говоритъ про себя: «Дядюшка, все это добро тебѣ, мнѣ же этотъ звѣрь: дашь—хорошо, не дашь—и тебѣ къ нимъ дорога!» А потомъ самъ себѣ отвѣчаетъ: «Дитя (мое), и добро тебѣ, и звѣрь тебѣ; что мнѣ (съ ними) дѣлать?»

Оглянулся, видитъ—на кострѣ стоитъ мѣдный котелъ о сорока ручкахъ и въ немъ—(свои) сорокъ телепушекъ. Просунулъ дубину черезъ ручки и поднялъ. Воду вылилъ, а ножки телятъ положилъ (въ котелъ), взялъ на плечо и пошелъ къ товарищу.

Взяли — погнали они остальныхъ телятъ и вернулись въ деревню. Давидъ призвалъ хозяевъ телятъ и сказалъ: «Ежели хоть на палецъ обсчитаете моего братца, бѣда будетъ вамъ! Продайте, этотъ котелъ, пусть онъ пойдетъ за вашихъ телятъ».

А самъ отдѣлилъ своихъ телятъ (отъ крестьянскихъ), пришелъ въ полдень домой и сказалъ дядѣ Торосу: «Возьми скорѣе муловъ двадцать и поѣдемъ, добра привеземъ (столько), что и тебѣ хватитъ и (дѣтямъ твоимъ) до седьмого колѣна! Долго ли мнѣ быть пастухомъ?»

И взяли муловъ да поѣхали. Подъѣхали къ пещерѣ: дядя Торосъ видитъ — дэвы растянулись у входа въ пещеру и всѣ они раздулись, словно холмъ Похъ. Дядя Торосъ отъ страха отвязалъ своего мула отъ прочихъ и давай бѣжать (назадъ).

Давидъ сказалъ: «Разоритель ты! Я не убѣжалъ отъ нихъ, живыхъ, чего же бѣжать отъ нихъ, мертвыхъ? Сказалъ: ежели не вѣришь, вернись назадъ да загляни подъ большой камень: уши всѣхъ я туда сложилъ».

Дядя Торосъ посмотрѣлъ, вернулся, взялъ муловъ и вошелъ въ пещеру. Собрали все, что было, и стянули въ тюки. Давидъ сказалъ: «Дядюшка Торосъ, все это добро — тебѣ, мнѣ же — этотъ звѣрь: дашь — хорошо, не дашь — и тебѣ къ нимъ дорога»!

Тотъ сказалъ: «Дитя (мое), и добро тебѣ, и звѣрь тебѣ; что мнѣ съ ними дѣлать?»

Давидъ получилъ согласіе дяди, сѣлъ на жеребчика и пришпориваетъ его

да скачетъ то туда, то сюда. Нѣтъ, то не (простой) жеребчикъ; о проворствѣ его языкомъ не разскажешь!

Такъ съ добромъ и казной вернулись они въ Сасунъ.

Давидъ досталъ себѣ прекраснаго сокола и, разъѣзжая по пашнямъ, охотился. Телятъ онъ уже оставилъ. Разъ (на охотѣ) онъ наткнулся на пашню бѣдняка. А у того семья изъ семи душъ и семь бороздъ просу (засѣяно); четыре (борозды) онъ растопталъ, осталось три. Кто-то пришелъ съ вѣстью къ бѣдному старичку и говоритъ: «Да ты пропалъ! Скорѣй ступай на свою пашню: къ ночи онъ (пожалуй) разоритъ и остальныя три борозды!»

Старикъ всталъ спозаранку и пока помолился и пошелъ, видитъ — пашня разорена. Глядь, ѣдетъ Давидъ на жеребчикѣ съ соколомъ на рукѣ. Тутъ старикъ проклялъ Давида и сказалъ: «Да ты развѣ вовсе не боишься Бога? Силу свою на моемъ что-ли просѣ испытываешь? У меня семь душъ и семь бороздъ проса: четыре ты растопталъ, осталось три. Ежели ты храбръ, поди возврати себѣ вотчину свою, что отъ вершины Цицмака тянется до пояса Сехансара: ее захватилъ Мсрамеликъ и пользуется ею! Поди вонъ то возврати себѣ! Что ты силу свою на мнѣ испытываешь?

Давидъ сказалъ: «Старина, не кляни меня! На̀ тебѣ горсть золота, прокармливайся!»

И тутъ же убилъ сокола.

Давидъ (вернулся домой и) сказалъ: «Дядюшка Торосъ, поди достань мнѣ булаву и лукъ моего отца: я ѣду воевать! Вотчину мою чужіе заѣдаютъ, а вы мнѣ ничего не скажете».

Всталъ дядя Торосъ, пошелъ къ Цранвэги и потребовалъ (отъ имени Давида) булаву и лукъ его отца. Цранвэги не далъ. (Давидъ) вторично послалъ къ нему и (велѣлъ) сказать: «Дашь — хорошо, не дашь — пріиду отдѣлаю тебя (такъ, что) голова (твоя) отлетитъ прочь, останется одно туловище».

Струхнулъ Цранвеги и отдалъ отцовскіе булаву и лукъ, а дядя Торосъ принесъ ихъ Давиду. Давидъ заснулъ и видитъ въ ту ночь сонъ.

Взялъ онъ (на другой день) сорокъ тёлокъ и пошелъ на Святой Высокій Маратукъ[1]), закололъ тёлокъ и выкупался въ ихъ крови; затѣмъ палъ ницъ и долго плакалъ и молилъ Бога, (до тѣхъ поръ, пока) Богъ не низпослалъ ему Святое Зна́меніе и гребешокъ. (И по сіе время это Св. Знаменіе находится тамъ, въ Гавар'ѣ въ домѣ Зорк'а). Давидъ поцѣловалъ Св. Знаменіе и положилъ его за правую пазуху, а гребешокъ — за лѣвую пазуху.

V.

Услышалъ тотъ Мсрамеликъ, что сынъ Абамелика (Давидъ) возмужалъ, что собирается и идетъ на него войной. Съ его стороны поднялся Холбаши, взялъ

1) *Маратукъ* — монастырь, построенный на горѣ того же названія, въ Сасунской области.

войско свое и пошелъ на Маратукъ противъ Давида. Видитъ — бабы на дорогѣ стоятъ; онъ имъ сказалъ: «Пойте себѣ да пляшите, пока я вернусь»!

Тѣ сказали: «Что же намъ пѣть и плясать: да вѣдь мы не знаемъ, о чемъ пѣть?»

Холбаши имъ пропѣлъ:

„Приземистыя бабы (пусть) на жерновѣ мелютъ,
„Высокія бабы — верблюдовъ навьючатъ!
„Нашъ Холбаши пошелъ по дѣлу въ Сасунъ:
„Онъ приведетъ дюжихъ упряжныхъ воловъ,
„Онъ приведетъ красныхъ дойныхъ коровъ,
„Весной приготовимъ себѣ вдоволь масла и творогу“.

Холбаши видитъ — бабы начали себѣ это пѣть и плясать. Самъ онъ собралъ войска (свои), пошелъ и засѣлъ на дворищѣ Маратукскомъ.

Дочь-то Маратукскаго попа (частенько) заглядывалась на Давида; да и этотъ не былъ къ ней равнодушенъ. Приходитъ попова дочка съ извѣстіемъ и говоритъ: «Давидъ, умереть мнѣ за твою за головушку! Встань, посмотри, сколько войска привалило во дворище — видимо-невидимо».

Сказала это попова дочка, вышла со двора да и заперла снаружи (всѣ) ворота. Воспрянулъ Давидъ и воскликнулъ: «О, хлѣбъ да вино — живъ Господь,» — и давай рубить головы у ратныхъ людей: всѣхъ перерубилъ, (такъ что) туловища полетѣли за ограду, а головы остались на дворищѣ. Давидъ схватилъ и Холбаши, вырвалъ у него зубы и вколотилъ ихъ ему въ лобъ; а копье его свернулъ (въ дугу), словно ошейникъ собачій, надѣлъ ему на шею и сказалъ: «Ну (теперь) ступай и доложи (обо всемъ) Мсрамелику! Ежели у него еще осталось народу, пусть ихъ сбираетъ, пока я пріиду».

Холбаши въ другой разъ встрѣтился съ тѣми бабами; а онѣ поютъ себѣ да приплясываютъ. Одна изъ бабъ затянула:

„Холбаши, милый Холбаши!
„Отсюда ты пошелъ — что волкъ лютый,
„Оттуда ты пришелъ — что песъ гончій:
„Копье твое на шеѣ — словно ошейникъ собачій,
„Ротъ у тебя разинутъ, словно окно широкое;
„Изо рта у тебя пѣна валитъ, словно изъ мѣху молоко кислое [1]),
И на рту-то у тебя мухъ — цѣлый караванъ!“

Холбаши пропѣлъ:

„Ахъ ты безстыдница непотребная!
„Я думалъ — Сасунъ — чистое поле,
„А не думалъ (тамъ) — одни камни да ущелья;
„(Что) дѣти новорожденныя — настоящіе бѣсы,
„(Что) стрѣла ихъ — точно бревна на маслобойнѣ:
„Какъ пустятъ — (такъ) ротъ разинешь, словно окно широкое.
„Мóлодцы, чтò были со мною, всѣ легли въ Хараманѣ [2]);
„Весной, какъ прибудетъ вода, много добра (даровъ) принесетъ съ собою:
„Тогда-то вы себѣ изготовите вдоволь масла и творогу!“

[1]) На Востокѣ приготовляютъ сливочное масло и изъ кислаго молока (*мацунъ*), отъ чего вся посуда (напр., кожаный мѣхъ), въ которой бьютъ масло, бываетъ полна пѣны. Это и дало поводъ къ сравненію.

[2]) Названіе деревни, недалеко отъ города Муша.

На этотъ разъ поднялся Давидъ, снарядился и поѣхалъ на Мсрамелика. Пріѣхалъ, видитъ — собралась рать великая и засѣла у пояса Сехансара (Столовидная гора).

Давидъ сказалъ: «Даю зарокъ не выходить на бой, пока подъ зелено-краснымъ шатромъ не поѣмъ я семь дней пилава изъ рису!»

И погналъ оттуда Давидъ (коня), поѣхалъ и внезапно явился съ заката,— явился и сталъ противъ шатра.

Когда рать замѣтила того всадника, на нее нашелъ великій страхъ. Меликъ спросилъ: «Что ты за человѣкъ?»

Давидъ сказалъ: «Я сынъ западнаго царя; пріѣхалъ къ вамъ на подмогу».

Меликъ разбилъ (для него) палатку. Семь дней они ѣли вмѣстѣ. На восьмой Давидъ взялъ сѣлъ на своего коня, проѣхался раза два и сказалъ: «Ну, выходи: я пріѣхалъ воевать съ тобою! Долго ли тебѣ ѣсть мое отцовское добро?.

Бой начался.

Давидъ воскликнулъ: «Хлѣбъ да вино, живъ Господь!»

Дошелъ слухъ до дяди Тороса о ихъ борьбѣ. Онъ вырвалъ (съ корнемъ) тополь, положилъ себѣ на плечо и идетъ. Самъ сталъ поверхъ долины, а тѣ бьются въ долинѣ: если кто на побѣгъ побѣжитъ и вскарабкается на верхъ, Давидъ закричитъ: «Дядюшка Торосъ, ты ихъ гони въ долину, а я съ ними управлюсь!»

Войско стало роптать: «Нужно де вамъ обоимъ только состязаться; кто одолѣетъ, того и будетъ побѣда».

Одинъ (изъ братьевъ) говоритъ: «Ты сядь — я ударю (булавой)!» Другой говоритъ: «Нѣтъ, (сиди) ты!»

По уговору пришлось сидѣть Давиду, (какъ) младшему брату.

Давидъ надвинулъ щитъ на голову, взялъ подъ щитъ Св. Знаменіе и сѣлъ. Мсрамеликъ отъѣхалъ на разстояніе трехчасоваго пути, поспѣшно вернулся и ударилъ булавой, приговаривая: «Ты еси земля — въ землю обратися!.

Давидъ сказалъ: «Исповѣдую (и) вѣрую въ высокое Маратукское Св. Знаменіе! Я словно подъ зелено-краснымъ шатромъ ѣмъ пилавъ изъ рису!»

Такъ три раза Мсрамеликъ проѣхался, ударялъ булавой, приговаривая: «Ты еси земля—въ землю обратися!»

А Давидъ трижды повторялъ: «Исповѣдую (и) вѣрую въ высокое Маратукское Св. Знаменіе!»

Теперь пришла очередь сидѣть Мсрамелику. Мсрамеликъ заупрямился, сталъ и не хочетъ садиться. Войско стало корить его. (Тогда) онъ пришелъ, взялъ надвинулъ щитъ на голову и сѣлъ. Мать Мсрамелика начала укорять Давида и сказала: «Давидъ, умереть мнѣ за твою за головушку! Развѣ не братъ онъ тебѣ? Не бей его, пожалѣй!»

Сказалъ Давидъ: «Ахъ ты, безстыдница этакая! Пока онъ ударялъ (меня), что же ты не говорила (ему): развѣ не братъ онъ тебѣ»? Ну, пусть будетъ (по твоему)! Одинъ ударъ я уступаю Бога ради, а другой—ради тебя, но послѣдній мой ударъ я ужъ нанесу: или умретъ, или живъ останется».

Проѣхался Давидъ взадъ и впередъ, хватилъ булавой и на семь аршинъ въ землю вогналъ Мсрамелика. И пошелъ, захватилъ Месръ и сѣлъ на царскій престолъ.

Этотъ здѣсь останется.

VI.

У Кахизванскаго эмира есть дочь. Имя ея—Хандудъ-Ханумъ. Она узнала объ удальствѣ Давида, наградила ашуха (пѣвца) и сказала (ему): «Ступай, воспой Давиду красоту мою! Авось онъ пріѣдетъ сюда, и мы полюбимъ другъ друга».

Ашухъ взялъ да пошелъ въ Сасунъ; думалъ онъ — Давидъ въ Сасунѣ. Пришелъ и вступилъ въ замокъ Цранвэги: онъ думалъ — тамъ сидитъ Давидъ. Сѣлъ и началъ воспѣвать Цранвэги. Цранвэги вскричалъ: «Эй, вы, подите, поколите его и прогоните вонъ! Онъ пришелъ обманомъ увести моего брата»! Поколотили ашуха, потащили его въ долину и выбросили на дорогу.

Вечеромъ пастухи на своихъ волахъ возвращаются въ деревню. У одного волъ заортачился—пастухъ слетѣлъ съ него. Поискали и нашли ашуха. Ашухъ плакалъ и молилъ пастуховъ, и спросилъ: «Который (изъ братьевъ) живетъ въ этомъ замкѣ?»

Пастухи сказали: «Тутъ—Цранвэги, Давидъ же тамъ, въ Месрѣ».

Взялъ ашухъ далъ пастухамъ червонецъ. Пастухи собрали ему куски его (разбитаго) тамбура (гитара) и показали ему дорогу. Ашухъ направился къ Месру. Пошелъ и воспѣлъ Давиду красоту Хандудъ. Давидъ богато одарилъ того ашуха и сказалъ: «Ты ступай, я пріїду!»

Ашухъ пришелъ и разсказалъ (обо всемъ) Хандудъ-Ханумъ. А Давидъ выѣхалъ изъ Месра и прямо прибылъ въ Сасунъ. Изъ Сасуна онъ поѣхалъ къ Цицмакской вершинѣ. Видитъ—на дорогѣ стоитъ плугъ [1]). Отвязалъ воловъ, (самъ) схватился за цѣпь и сѣлъ на коня: отсюда потянетъ плугъ — снесетъ внизъ. Такъ, съ вершины Чернаго Сара [2]) онъ стремглавъ спустился къ водопротоку деревни Марникъ.

[1]) На Востокѣ, въ странѣ богатой черноземомъ, обыкновенно употребляютъ для полевыхъ работъ не соху, но такъ называемый армянами *гутанъ*—нѣчто въ родѣ большаго и сложнаго плуга, который тянутъ отъ 8 до 10 паръ воловъ или буйволовъ. Можно себѣ представить, какой необъятной силой обладалъ Давидъ, бороздя такимъ громаднымъ плугомъ! Невольно вспомнишь прекрасное мѣсто изъ русской былины о встрѣчѣ Вольги Святославовича съ ратаемъ:

„Посылалъ онъ (Вольга) всю дружинушку хоробрую.
„Они *сошку* за обжи вокругъ вертятъ,
„А не могутъ сошки съ земельки повыдернуть...
„Тутъ-то Вольга Святославовичъ
„Подъѣзжалъ къ сошкѣ кленовыя...
„Къ этой ко сошкѣ подхаживалъ,
„Этую сошку попихивалъ:
„Какъ улетѣла та сошка къ подоблакамъ,
„Пала сошка о сыру землю“...

(*Рыбниковъ*, I, стр. 21, 23).

[2]) *Черный саръ*, т. е. черная гора, иначе называемая Мушскою горою, у подошвы которой находится деревня Марникъ.

Пріѣхалъ, смотритъ отвязался буйволъ, вышелъ на средину дороги и оставилъ тамъ (свой) пометъ. Посмотрѣлъ Давидъ на этотъ пометъ и сказалъ: «Ежели приключится со мною бѣда какая, то отъ того, кто оставилъ этотъ пометъ, не случится,—отъ него же (не случится)».

Видитъ — вышелъ изъ лужи буйволъ. Давидъ, какъ ничего подобнаго не видалъ еще, поднялся и сталъ, чтобъ ударить буйвола. Съ противной стороны пришелъ пастухъ и сталъ бранить буйвола. Давидъ подумалъ, что его ругаютъ, и сказалъ: «Молодецъ, что я тебѣ сдѣлалъ, что меня ругаешь?»

Пастухъ сказалъ: «Кто же тебя, братецъ? Вѣдь ты Сасунскій шальной — свѣта не видалъ! Я обращаюсь къ своему буйволу».

Давидъ сказалъ: «Молодецъ, чего же сердишься: стыдно, что ли, что я ничего подобнаго еще не видалъ? А много ли такихъ въ вашей землѣ?»

Пастухъ сказалъ: «Пойдемъ, я тебѣ покажу!»

Пошли въ Авзутское поле, а тамъ запрягли (крестьяне) буйволовъ и погоняютъ. Видитъ Давидъ—буйволы, высунувъ отъ жара языки, тащутъ плугъ. Жалко ихъ стало Давиду: онъ распрегъ буйволовъ и погналъ ихъ въ прудъ. Пахарь принялся клясть его. Сказалъ (ему) Давидъ: «Ты пахарь, не кляни меня: дай (только) мнѣ въ руки цѣпь отъ этого плуга».

Схватился онъ за цѣпь и ну—тянуть. Пахарь сталъ на плугъ, и Давидъ девять бороздъ запахалъ плугомъ. Пастухъ сказалъ Давиду:

«Это не твоя умѣлость; слѣзай-ка съ коня и тогда потяни, посмотримъ— твоя ли это умѣлость или коня твоего!»

Давидъ слѣзъ (съ коня) и еще девять бороздъ запахалъ одинъ.

На это пахарь ему сказалъ: «Давидъ, голубчикъ, уже полдень, поди, пообѣдай—а тамъ ступай себѣ!»

Давидъ сказалъ: «Нѣтъ, я уѣду: пусть дѣтки ваши обѣдаютъ! (Если) я примусь ѣсть, имъ ничего не останется».

Ну, сѣли. Когда подали обѣдъ—что ни было хлѣба, скомкалъ Давидъ, разомъ очистилъ горшки и проглотилъ.

Пастухъ сказалъ: «Эй, вы, спасайтесь скорѣе: пожалуй онъ и насъ съѣстъ».

Давидъ сказалъ: «Конечно, братецъ, кто тянетъ плугъ, тому хлѣбъ нуженъ. Какъ же иначе?»

И поднялся оттуда и прямо поѣхалъ къ Хандудъ-Ханумъ.

VII.

Пріѣхалъ Давидъ къ воротамъ замка Хандудъ-Ханумъ—туда, гдѣ останавливаются всѣ сватья. И онъ—туда. Видитъ—кто-то стоитъ у воротъ съ булавой въ рукѣ.

Давидъ спросилъ его: «Эй, молодецъ, какъ тебя зовутъ?»

Сказалъ: «Меня зовутъ Горгизъ».

Давидъ сказалъ: «Горгизъ, я—Давидъ! Когда я женюсь на Хандудъ-Ханумъ, ты будешь моимъ кумомъ».

Потомъ сказалъ: «Кумъ Горгизъ, кто тамъ въ домѣ?»

Сказалъ: «Пришли сватья отъ великановъ Шибикана Хорасанскаго и Гамзы Лорiйскаго».

Сказалъ: «Возьми моего коня и привяжи!»

Тотъ повелъ его и привязалъ.

Давидъ спросилъ: «Что за булаву дали тебѣ въ руки? Покажи-ка.

Взялъ изъ его рукъ булаву и метнулъ, и по сихъ поръ еще она летитъ...

Потомъ сказалъ: «Кумъ Горгизъ, взойдемъ, будемъ пировать, вино попивать!»

(Они вошли). Давидъ сѣлъ: онъ утомился и голоденъ; а тѣ сватья подаютъ Давиду вина чарку за чаркой. Давидъ потерялъ терпѣнiе: схватилъ жбанъ съ виномъ и осушилъ его единымъ духомъ, приговаривая: „Да скажите же на здоровье!“

Вино ошабурило Давида. Когда онъ сдѣлался такимъ, и голова его отъ вина стала наклоняться къ землѣ, тѣ сватья обнажаютъ мечи, чтобъ ударить его. И какъ только онъ подниметъ голову, тѣ прячутъ мечи подъ себя. Когда же снова они взялись за свое, кумъ Горгизъ закричалъ: „Давидъ, кумапекъ, тутъ—в н а с т у н ъ, а не В р а с т у н ъ!“[1]).

Услышавъ это, Давидъ сказалъ: „Ну-ка, стой крѣпко у дверей!“

Тутъ же сватья встали и бросились бѣжать. Каждый отвѣсилъ по оплеухѣ Горгизу и убѣжалъ. Теперь Давидъ обратился къ Горгизу и спросилъ: «Гдѣ бы видѣться съ Хандудъ-Ханумъ?»

Горгизъ сказалъ: «Въ царскомъ саду: нынче пятница—(она будетъ тамъ). Передъ нею пойдутъ двадцать невольницъ, за нею — двадцать же. Сегодня пойдемъ туда и увидимъ (ее)».

Давидъ и Горгизъ пошли, прислонились къ оградѣ сада и стали (ждать). Прошли невольницы одна за другою. Явилась и Хандудъ-Ханумъ. Давидъ охватилъ рукой Хандудъ-Ханумъ за шею и трижды поцѣловалъ ее. Ханумъ — ни слова. Онъ - давай еще разъ. Хандудъ-Ханумъ схватила Давида за́ воротъ и хвать его объ стѣну: кровь брызнула у него изъ носу. Осерчалъ Давидъ и пошелъ оттуда къ своему Св. Знаменiю и коню, чтобы сѣсть на него. И сказалъ: «Кумъ Горгизъ, выведи моего коня: я разорю этотъ городъ».

Горгизъ сталъ умолять его: «Прошу тебя, отложи это до утра, (теперь) темно. На разсвѣтѣ встань, разоряй и поѣзжай себѣ!»

Лежитъ Давидъ въ постели и отъ досады заснуть не можетъ: «Скоро ли разсвѣтетъ», — (думаетъ онъ), — «чтобы мнѣ встать, разорить этотъ городъ и убраться!»

Хандудъ-Ханумъ (все еще) прогуливается по саду. Пришла хромая невольница и сказала: «Не веселая будетъ твоя прогулка! Вотъ сейчасъ Давидъ разоритъ городъ твоего отца и уѣдетъ».

1) Тутъ игра словъ—*Врац* (Иверiя) и *внас* (бѣда, опасность), въ сложенiи съ *тун* (домъ, мѣсто); переводъ ихъ таковъ: тутъ мѣсто о п а с н о е, а не И в е р i я.

Прибрали свою скатерть съ яствами и вернулись. Онѣ пошли прямо къ замку, (гдѣ остановился Давидъ), и стали стучаться въ ворота, чтобъ имъ отперли.

Давидъ сказалъ: «Ого, ого! Какой же тутъ наглый народъ: не дождутся утра, говорятъ: теперь же встань, разори (городъ) и уѣзжай!»

Всталъ Горгизъ, посмотрѣлъ, и вернувшись, сказалъ: «То бабы, не мужчины».

Отперли ворота.

Хандудъ пришла къ Давиду, Хандудъ сказала: «Давидъ, ты разъ поцѣловалъ меня за пройденный тобою путь, другой разъ — за себя, третій — Бога ради. За что же былъ лишній поцѣлуй? Ты молодчина своего отца, я — (молодица) своего! Не даромъ сказано: «Возьми жену у Езида, чтобы сынъ вышелъ въ дядюшку!» Подумаешь, ты мнѣ привезъ головы великановъ Шибикана Хорасанскаго и Гамзы Лорійскаго, что лишній разъ цѣлуешь меня?

На этотъ разъ Давидъ смягчился и сказалъ: «Ежели такъ, съ разсвѣтомъ я отправлюсь и доставлю тебѣ ихъ головы».

Потомъ прибавилъ: «Но вотъ я поѣхалъ. Случись, что они пересилятъ меня, они убьютъ меня. Бога твоего ради прійди искать мой трупъ: на правой рукѣ у меня родимое пятнышко — крестъ. Ты узнаешь меня по немъ, возьми (мой трупъ), отнеси и похорони!»

И Давидъ собрался и пустился въ путь-дорогу. Замѣтили великаны, что ѣдетъ всадникъ, и пыль изъ подъ копытъ коня къ небу летитъ. Сказали: «Этотъ всадникъ на бой ѣдетъ сюда. Не извѣстно — изъ роду ли онъ Срго?» [1]).

Они громко позвали его и спросили: «Эй, молодецъ, что ты за человѣкъ и откуда ѣдешь? Не вѣдаемъ, — знаешь ли ты Хандудъ-Ханумъ и не можешь ли передать ей вотъ этотъ перстень?»

Давидъ сказалъ: «Вѣстимо знаю. Но я пріѣхалъ затѣмъ, чтобъ отвезть ваши головы царевнѣ Хандудъ. Я не за перстнемъ пріѣхалъ».

У Шибикана Хорасанскаго брови такъ нависли, что доходили до груди; а онъ вилой привязалъ ихъ къ спинѣ (своей). А у того великана, у Гамзы Лорійскаго, нижняя губа тянулась по землѣ и мела землю.

И начали биться-рубиться, Давидъ и тѣ великаны, булавами и луками цѣлый день до вечера. Давидъ воззвалъ: «Исповѣдую (и) вѣрую въ высокое Маратукское Св. Знаменіе! Іисусе Сыне, помоги мнѣ!» Хватилъ и отсѣкъ (мечемъ) обоимъ головы [2]). Онъ связалъ ихъ кудри, и, словно хурджинъ (переметная сума), привязалъ въ торокахъ къ коню. А языки великановъ высунулись изо ртовъ и бороздятъ землю, точно плугъ какой. Давидъ везетъ ихъ головы и уже проѣхалъ половину дороги, видитъ—летитъ на встрѣчу всадникъ межъ небомъ и землей и кричитъ ему: «Го...! берегись! (Не думаешь ли ты), что встрѣтился съ великанами Шибиканомъ Хорасанскимъ и Гамзой Лорійскимъ?»

[1]) *Срго* уменьшительное отъ Саргисъ-Сергій. Этимъ именемъ нерѣдко курды называютъ христіанъ, почитателей Св. Сергія, весьма популярнаго между армянами Муша и Вана.

[2]) Это мѣсто напоминаетъ любопытное описаніе борьбы Алеши Поповича съ Тугариномъ Змѣевичемъ, происходившей на палицахъ, на коньяхъ и сабляхъ и продолжавшейся очень долго. Какъ и въ нашей поэмѣ, Алёша отрубаетъ Тугарину „буйну голову“ и везетъ ее князю Владиміру.

Всадникъ заѣхалъ въ тылъ Давиду и хватилъ было его булавой: Давидъ увернулся подъ сѣдло, булава попала въ стремя, и (оторвавъ его), вогнала въ землю. Давидъ вывернулся изъ подъ сѣдла и закричалъ: «О, хлѣбъ да вино — живъ Господь!», — и занесъ было булаву надъ головой (всадника) сопротивника; тотъ наклонился, и разсыпались кудри по лицу. Давидъ посмотрѣлъ и узналъ: то была Хандудъ-Ханумъ. Она переодѣлась (мужчиной) и пріѣхала на встрѣчу Давиду.[1]).

Давидъ сказалъ: «Ахъ ты безстыдница! Такъ и хочется хватить тебя булавой и сквозь землю провалить: это уже второй разъ ты срамишь меня!»

Взяли да поѣхали вмѣстѣ въ городъ Хандудъ-Ханумъ. Пріѣхали и сошли (съ коней). Тутъ они позвали отца Хандудъ-Ханумъ, а Давидъ ему и говоритъ: «Не выдашь ли ты дочь свою за меня?»

Отецъ сказалъ: «Не выдамъ. Ежели возьмешь ее и останешься тутъ (жить), выдамъ; ежели уѣдешь, не выдамъ! Да какъ же! У меня враговъ много. Они разорятъ мой городъ».

Давидъ сказалъ: «Возьму ее и останусь здѣсь, не увезу ее».

Тогда взяли, выдали ее, сыграли свадьбу и семь дней, семь ночей пировали.

VIII.

Время проходило незамѣтно, и, когда исполнилось девять мѣсяцевъ, девять дней и девять часовъ, Богъ далъ имъ сына.

Давидъ сказалъ Хандудъ Ханумъ: «Ежели этотъ мальчикъ отъ меня, на немъ долженъ быть знакъ: проявится въ немъ сила великая».

Взяли спеленали мальчика и въ замѣнъ свивальника обвязали его цѣпью отъ плуга. Когда мальчикъ заплакалъ и повернулся въ колыбели, обмотанная вокругъ него цѣпь разлетѣлась въ кусочки.

Послали Давиду вѣсточку: «Мальчикъ—хоть куда! Онъ разорвалъ цѣпь. Только одна рука у него съ изъяномъ: она закрыта, и никто не можетъ ее раскрыть».

Пришелъ Давидъ, сѣлъ и сталъ гладить руку мальчика и открылъ ее. Видитъ—въ рукѣ комокъ (сгустившейся) крови. Сказалъ: «Ай, ай...! (Весь) свѣтъ превратилъ въ каплю крови и держитъ у себя въ рукѣ! Если онъ живъ останется, дивныя будутъ отъ него дѣла».

[1]) Этотъ эпизодъ весьма сходенъ съ русскою былиной о встрѣчѣ Дуная Ивановича съ татариномъ. Только побѣдивъ его, Дунай узнаетъ, что это — знакомая ему Настасья королевична, переодѣвшаяся татариномъ. Обрадованный Дунай везетъ ее въ Кіевъ вѣнчаться съ ней. Всматриваясь ближе въ эту былину, мы находимъ въ ней и другія любопытныя мѣста, также сходныя съ заключеніемъ нашей поэмы. Извѣстно, что, вскорѣ послѣ женитьбы, Дунай Ивановичъ затѣялъ споръ съ женой своею, кто лучше стрѣляетъ изъ лука, онъ или она? Трагическая смерть Настасьи, убитой изъ лука Дунаемъ, и самоубійство послѣдняго съ отчаянія — тѣ же, что несчастный конецъ Давида, убитаго стрѣлой, и жены его, Хандудъ-Ханумы, съ отчаянія бросившей себя съ башни. У тѣхъ и у другихъ рождается сынъ „будущій богатырь, какъ говоритъ русская былина, которому не будетъ сопротивника“. — (*Рыбниковъ*, I, 182—186; ср. также II, 49—51, III, 96—103).

Взяли окрестили мальчика и назвали его Мхер'омъ.

Прошло нѣкоторое время. Мальчикъ выросъ. Давидъ оставилъ мальчика въ Кахизванѣ у дѣда и бабушки (его), взялъ Хандудъ-Ханумъ и поѣхалъ въ Сасунъ.

Эрзерумская Армянка.

Хлатцы узнали о пріѣздѣ Давида. Они собрали войско, вывели противъ него валъ, устроили изъ телѣгъ защиту и начали бой.

Хандудъ-Ханумъ какъ ударитъ древкомъ своего копья, такъ и снесетъ весь валъ, и телѣги полетятъ на разстояніе двухчасоваго пути. А Давидъ шелъ себѣ впередъ и крошилъ войско. Обратился (къ нимъ) Давидъ: «Хлатцы [1]), что вы за безстыдный народъ! Воюете противъ женщины. Дайте отвезти жену свою въ Сасунъ, и тогда уже я пріѣду и будемъ биться».

Тѣ не повѣрили.

«Если такъ», сказали они,—«клянись Св. Знаменіемъ, что у тебя за пазухой,—и мы повѣримъ»!

Давидъ ударилъ рукою о гребешокъ; онъ думалъ, что клянется гребешкомъ,—но рука попала на Св. Знаменіе. А сила Св. Знаменія въ томъ и была, чтобы не клясться имъ.

Давидъ взялъ Хандудъ-Ханумъ и увезъ въ Сасунскій замокъ. Тутъ (только) онъ засунулъ руку за пазуху (думая тамъ найдти гребешокъ), видитъ — въ ту пазуху попало Св. Знаменіе, и что имъ онъ поклялся.

Сказалъ: «Теперь мое дѣло—дрянь: поѣду ли, не поѣду ли, все плохо! А мнѣ все-таки надо ѣхать».

Хватилъ да пріѣхалъ на бой. Хлатцы сильно стѣснили его. Его конь завязъ въ камышахъ Чхура [2]), въ болотѣ. Кое-какъ онъ выбрался изъ болота и пріѣхалъ къ водамъ Лохура [3]).

Еще при своей жизни, когда Абамеликъ былъ въ домѣ Ибрахима аги, онъ силою пробрался къ его женѣ. Ее звали Шимшимъ-Ханумъ. Отъ Абамелика она родила дѣвочку, и та была отъ ихъ племени (т.-е. мусульманкой), —очень талантливую. Вотъ эта дѣвица и взяла лукъ да стрѣлу и пошла притаилась у обвалившагося берега (рѣчки).

Когда купался Давидъ въ водахъ Лохура, дѣвица та тайкомъ пустила стрѣлу Давиду въ спину. Давидъ сталъ на ноги и закричалъ; голосъ его дошелъ до Сасуна. Собрались Цэновъ-Ованъ, Хоръ-Гусанъ, дядя Торосъ, Чинчхапокрикъ и

[1]) Городъ *Хлатъ* (по-турецки Ахлатъ)—на сѣверо-западномъ берегу Ванскаго озера. Онъ славился въ древности торговлей, богатствомъ и своей неприступной крѣпостью. Вражда жителей Хлата къ Давиду объясняется тѣмъ ущербомъ, который наносилъ имъ отецъ Давида, Абамеликъ.

[2]) *Чхуръ*—болото у истоковъ рѣчки Карасу (она же „рѣчка Муша"), притока Евфрата.

[3]) Небольшая рѣчка, впадающая въ Ванское озеро, неподалеку отъ города Хлата.

Цранвэги. Цэновъ-Ованъ далъ откликъ изъ Сасуна: «Давидъ, мы ѣдемъ!».

И поѣхали на выручку Давиду. Давидъ еще въ водѣ услыхалъ голосъ своего брата. Они пріѣхали къ рѣкѣ и нашли Давида. Давидъ сказалъ: «Цэновъ-Ованъ, (знать) отъ нашего оклика дѣвица въ ужасѣ такъ и остолбенѣла. Подите, поищите ее!»

Поискали и нашли дѣвицу съ голубыми глазами. Давидъ схватилъ ее за одну ногу, наступилъ на другую, рванулъ, разорвалъ ее на́ двое и махнулъ подъ гору въ деревню, и деревню ту назвалъ Чвтисъ-Чапкисъ [1]). Эта деревня, что у устьевъ Чхура, и по сихъ поръ называется Чапкисъ.

Братья взяли Давида и поѣхали въ Сасунъ. Четыре дня спустя, Давидъ умеръ. И стали братья его сѣтовать по немъ. Они пошли къ Хандудъ, чтобъ утѣшить ее, и пожелали ей многаго здравія. А Хандудъ-Ханумъ сказала: «Охъ, охъ! Видно, послѣ Давида быть мнѣ у нихъ посмѣшищемъ».

Чнчхапокрикъ сказалъ: «Хандудъ-Ханумъ, не плачь, не плачь!»

«Давидъ померъ, (но) моя голова (еще) цѣла».

Хандудъ-Ханумъ поднялась на вершину башни и бросилась оттуда внизъ. И ударилась она головой о камень, и голова ея пробила камень.

Въ (долбленное) головой мѣсто Сасунцы сыплятъ полъ-шника [2]) проса и толкутъ, какъ въ ступкѣ. До сихъ поръ видны тамъ слѣды ея семи косъ; а ступка та и понынѣ стоитъ тамъ передъ за́мкомъ.

IX.

Собрались братья Давида и пришли къ Хандудъ-Ханумъ. Они ощупали ея груди,—тамъ молоко; вѣрно, у нея былъ ребенокъ. И стали совѣтоваться другъ съ другомъ, говоря: «Ежели она родила дитя, оно должно быть тамъ (въ Кахизванѣ)».

Взяли да поѣхали въ Кахизванъ и сказали тамошнему намѣстнику: «Отъ нашего брата и невѣстки здѣсь есть дитя: гдѣ оно?»

Тотъ сказалъ: «Нѣтъ ничего».

Они сказали: «У насъ есть примѣта: въ грудяхъ нашей невѣстки было молоко».

Тотъ сказалъ: «Отъ нея была дочь, да она померла».

Они сказали: «У насъ и для покойниковъ есть свой знакъ; нашъ годовалый (покойникъ) бываетъ въ одинъ шагъ, двухгодовалый—въ два шага, и такъ дальше».

Взяли пошли на кладбище и не нашли ни одной могилы по своему шагу.

Цэновъ-Ованъ сказалъ: «Ну, давайте обтягивать меня шкурами: я хочу кричать!»

А для Мхера устроили погребъ подъ землею, заключили его туда и поставили стражу къ нему.

Обтянули Цэновъ-Ована шкурами, и онъ закричалъ; Мхеръ узналъ его голосъ и хотѣлъ выйдти, но бабушка ему сказала: «Это не голосъ твоихъ: то шумъ ребятишекъ и бой барабановъ.

1) Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ народной этимологіей: въ переводѣ слова эти означаютъ— *будь разодрана и разбросана*!

2) *Шникъ*—мѣстная мѣра сыпучихъ тѣлъ, равняющаяся четыремъ русскимъ мѣрамъ.

Когда Мхеръ въ третій разъ услыхалъ тотъ же голосъ, ударилъ, разбилъ дверь и вышелъ вонъ. Дверь разбила дверь: отъ удара ноги — первая дверь ударилась о вторую, вторая о третью,—и такъ разбилъ онъ всѣ семь дверей и вышелъ вонъ. Видитъ, тутъ его дяди, а отца нѣтъ. Спросилъ дядей. (Тѣ въ отвѣтъ), что Хлатцы убили его отца. Онъ заплакалъ и упалъ лицемъ къ землѣ. Когда онъ упалъ на земь, дяди бросились къ нему и какъ ни старались, не могли перевернуть его.

А слезы Мхера прорыли землю и потекли, словно потокъ. Когда исполнилось три дня, Мхеръ перевернулся. Онъ тотчасъ же вскочилъ на отцовскаго коня, поѣхалъ въ Хлатъ и поставилъ его верхъ дномъ. И по сихъ поръ еще разоряетъ....

И взошелъ онъ на вершину Немрута [1]). Глядь—(что-то) дымится, и дымъ все усиливается. Смотритъ—осталась (жива) только одна старушка. Онъ схватилъ ее за ноги, (согнулъ два дерева), привязалъ ее ноги къ деревьямъ и спустилъ. Такъ-то убилъ ее! (Съ тѣхъ поръ) и дыму [2]) Хлатскаго не стало видно.

Отсюда онъ позволилъ дядямъ вернуться по своимъ мѣстамъ; а самъ поѣхалъ на холмъ Тоспъ [3]). Говорятъ, и по сіе время онъ тамъ, и теперь еще показывается его конь, и до сего времени моча его коня течетъ изъ скалы.

X.

Въ ночь на Вознесенье открывается дверь въ пещеру Мхера. Но ему не велѣно выходить; земля его не держитъ, ноги его уходятъ въ землю.

Разъ въ ночь на Вознесенье пастухъ видитъ — открывается дверь Мхера. Пастухъ входитъ внутрь. Мхеръ его спрашиваетъ: «Чѣмъ вы живете на свѣтѣ?» А тотъ отвѣчаетъ: «Умомъ».

На это Мхеръ говоритъ: «(Посмотримъ), что у васъ за умъ? Ну, возьми торбу у того коня и надѣнь ему на шею!»

Пастухъ какъ ни бился, не могъ поднять. Подвелъ коня къ торбѣ, открылъ торбу, надѣлъ ее коню на голову, перекинулъ бичевку черезъ шею; конь поднялъ голову, а пастухъ повелъ его на мѣсто, привязалъ и сказалъ: «Таковъ нашъ умъ, вотъ чѣмъ мы живемъ на свѣтѣ!»

Потомъ пастухъ спросилъ: «Мхеръ, когда ты выйдешь изъ этого мѣста?»

А тотъ сказалъ: «Когда пшеница будетъ со сливу, а ячмень съ шиповникъ, тогда только велѣно мнѣ выйдти изъ этого мѣста».

15-го Февраля, 1897 г.

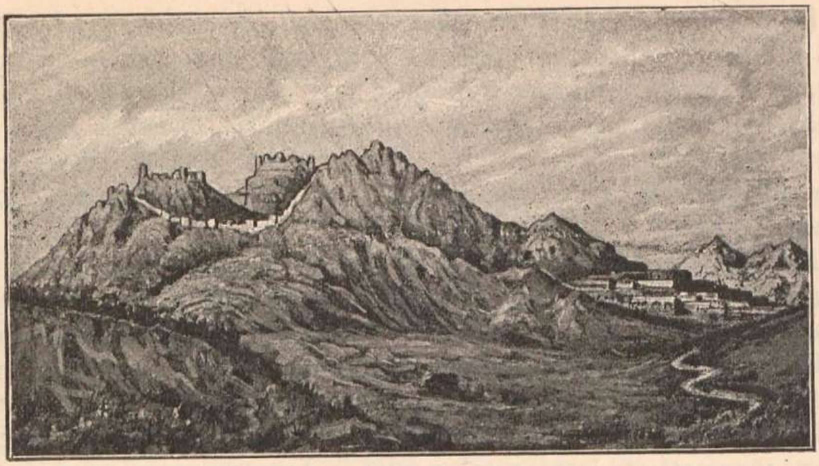
Москва.

Г. Халатьянцъ.

[1]) Гора, лежащая на с.-зап. отъ Ванскаго озера, недалеко отъ г. Хлата.

[2]) *Дымъ*, какъ признакъ жилья.

[3]) *Тоспъ*—одна изъ провинцій древне-армянской Васпураканской области, съ главнымъ городомъ Ванъ.

Сисскія цитадель (Киликія).

Фотографія и чувство природы.

Ars est homo additus naturae.
Bacon.

Луббокъ, въ своихъ «Красотахъ природы», составляющихъ pendant къ другому его томику «Радости жизни», подробно анализируетъ различные источники наслажденія, доставляемаго научно и эстетически развитому человѣку изученіемъ или простымъ созерцаніемъ природы. Но, мнѣ кажется, талантливый натуралистъ упустилъ изъ вида одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ, которое современная наука даетъ въ руки человѣку для увеличенія эстетическаго наслажденія природой.

Ружье и собака — да пожалуй удочка — были еще недавно чуть не единственнымъ поводомъ для сближенія человѣка съ природой. Имъ мы обязаны чудными страницами Тургенева, Некрасова, Аксакова. Съ другой стороны, уже въ прошломъ вѣкѣ, Руссо, указывалъ на иного рода, безкровную, охоту, съ жестянкой ботаника за плечами. Онъ пояснялъ особую прелесть такой охоты. Кто не запомнитъ краснорѣчивыхъ страницъ его воспоминаній о длинныхъ зимнихъ вечерахъ, которые онъ коротилъ въ убогой комнаткѣ, перебирая сухія растенія своего гербарія, вызывая въ памяти связанныя съ ними картины, переживая вновь и вновь, чуть не единственные, свѣтлые часы своей безотрадной жизни, проведенные въ лѣсу, въ горахъ, вдали отъ людей. Но сухое, раздавленное между листовъ бумаги, выцвѣтшее растеніе, конечно, очень несовершенный символъ, только въ творческомъ воображеніи Руссо, могущій вызвать тѣ яркія картины, которыя щедрой рукой разсѣяны въ его произведеніяхъ. Не лучше ли, вмѣсто мертваго символа, унести самую картину, вмѣсто случайной ассоціаціи

идей, сохранить связность и полноту непосредственнаго впечатлѣнія? Не всякому дано быть художникомъ—активнымъ, но зато число пассивныхъ, страдательныхъ художниковъ, тѣхъ, что только чутки къ красотѣ природы и ея воспроизведенію въ искусствѣ, конечно, должно быть неизмѣримо больше — иначе не было бы почвы для искусства. Вотъ этому то значительному числу людей любящихъ и природу и искусство такою несчастною любовью — любовью безъ взаимности — является на помощь — *фотографія.* Я убѣжденъ, что придетъ время, когда люди будутъ чаще бродить по лѣсамъ и полямъ не съ ружьемъ, а съ камерой фотографа за плечами, и не затѣмъ чтобъ подшибить какую нибудь несчастную пичужку, и лишь мимоходомъ, урывками полюбоваться на природу— а затѣмъ именно, чтобъ любоваться природой и при случаѣ унести съ собою возможно художественное ея воспроизведеніе.

Каждый разъ, когда въ присутствіи присяжнаго эстетика позволишь себѣ неосторожное сопоставленіе этихъ словъ—художество—искусство—фотографія, навлекаешь на себя громы или цѣлый градъ насмѣшекъ. Фотографія, возразятъ вамъ, не искусство, это прямо таки гибель, отрицаніе всякаго искусства. Не смѣю спорить; знаю только то, что она увеличиваетъ сумму эстетическихъ наслажденій и прежде всего наслажденій красотами природы. Отраслямъ искусства, подобнымъ гравюрѣ, фотографіи и пр. у нѣмцевъ присвоено названіе vervielfältigende Künste—искусства размножающія, воспроизводящія; но развѣ въ иномъ, болѣе широкомъ смыслѣ, задача всякаго искусства не сводится на то, чтобы размножать -- дѣйствительность, природу и прежде всего жизнь съ ея радостями и горемъ. Чего проситъ простой смертный отъ искусства, какъ не возможности въ предѣлахъ одной краткой жизни переживать тысячи такихъ же жизней, болѣе свѣтлыхъ и болѣе темныхъ, прочувствовать, увидѣть вновь, что уже чувствовалъ и видѣлъ, что могли чувствовать и видѣть вокругъ него или отдаленные отъ него, пространствомъ или временемъ, такіе же люди какъ онъ самъ. Напрасно жрецы новой красоты, рвутся изъ предѣловъ дѣйствительности, пытаясь дополнить ее болѣзненной фантазіей мистика или бредомъ морфиномана — одна дѣйствительность была и будетъ предметомъ истиннаго, здороваго искусства. Самый талантливый ландшафтъ съ береговъ канала на Марсѣ, подстрекнетъ мою любознательность, но не скажетъ ничего моему художественному чувству, потому просто, что я самъ его не перечувствовалъ. Въ художникѣ присутствуютъ два человѣка: тотъ, который чувствуетъ красоту и тотъ, который одаренъ способностью ее возсоздавать, такъ чтобы вызвать то же настроеніе въ другомъ человѣкѣ. Но въ этомъ другомъ, вѣдь это чувство должно было уже ранѣе существовать, хотя въ зачаткѣ; онъ прежде долженъ былъ испытывать передъ дѣйствительностью то, что должно вызвать въ немъ произведеніе искусства. И если вы разовьете въ немъ способность подмѣчать и схватывать этотъ элементъ красоты въ дѣйствительности, вы только изощрите въ немъ отзывчивость къ произведеніямъ искусства. Справедливо ли послѣ этого утверждать, что фотографія вредитъ искусству? Успѣхамъ искусства способствуетъ не только то, что увеличиваетъ число тѣхъ, кто его создаютъ, но и все то, что увеличиваетъ ряды тѣхъ, кто его воспринимаетъ.

Тургеневъ, по поводу „Записокъ ружейнаго охотника", съ своей обычной

простотой, учитъ какъ нужно чувствовать природу и какъ ее изображать. Во-первыхъ... «любите природу въ силу того, что она вамъ сама по себѣ мила и дорога—и вы ее поймете". А при описаніи природы: „дѣло въ томъ, чтобы сказать все, что можетъ придти вамъ въ голову: говорите то, что должно придти каждому въ голову,—но такъ, чтобы ваше изображеніе было равносильно тому, что вы изображаете, и не вамъ, не намъ, слушателямъ, не останется больше ничего желать"[1]). Это правило, очевидно, примѣнимо не къ одному изображенію природы словомъ. Что бы ни говорили эстетики, желающіе всюду видѣть элементъ таинственности, а въ изображеніи природы кистью задача, очевидно, та же, чтобъ „изображеніе было равносильно изображаемому", т. е. истинно—не даромъ же великій художникъ, наиболѣе идеализировавшій природу, Клодъ-Лорренъ назвалъ свое собраніе этюдовъ — Liber Veritatis. «Чтобы изображеніе было равносильно изображаемому» — какъ это просто, но кто изъ тысячи, изъ милліона обладаетъ этимъ простымъ даромъ? Иное дѣло, когда эту задачу беретъ на себя та же природа, когда человѣку предъявляется только первое условіе—безхитростная къ ней любовь, любующійся ею глазъ.

Но въ томъ и вопросъ: дѣйствительно ли фотографія передаетъ природу такою, какъ она есть, точно ли она удовлетворяетъ основнымъ требованіямъ эстетической правды. Конечно, пока не можетъ быть рѣчи о колоритѣ, а только о вѣрной передачѣ свѣта и тѣней, разрѣшенія той задачи, которую осуществляетъ карандашъ и гравюра [2]). Это сопоставленіе фотографіи съ гравюрой также неизмѣнно вызываетъ негодованіе знатоковъ и цѣнителей этой области искусства. На прошломъ фотографическомъ съѣздѣ однимъ изъ нихъ было категорически высказано мнѣніе, что фотографія не можетъ, напримѣръ, дать того неотразимаго впечатлѣнія солнечнаго свѣта, который даютъ офорты Рембрандта, не говоря уже о его картинахъ. Но мнѣ кажется, было бы очень трудно доказать такое поло-

[1]) Крайне любопытно сравнить воззрѣнія Тургенева на природу и ландшафтъ съ воззрѣніями одного современнаго эстетика, Гюйо (см. главы его книги—*Чувство природы. Пейзажъ* и пр.). Оба писателя какъ будто сговорились пояснить свои воззрѣнія на томъ же самомъ примѣрѣ. Тургеневъ возстаетъ противъ олицетворенія природы и подкладыванія ей собственныхъ своихъ чувствъ и стремленій; какъ образецъ изображенія природы онъ приводитъ, въ своемъ переводѣ, описаніе моря съ высоты обрыва—изъ Короля Лира. Гюйо на оборотъ считаетъ, что природа насъ на столько именно интересуетъ, на сколько мы въ нее влагаемъ свои чувства — и поясняетъ это своимъ описаніемъ также вида моря съ кручи. Но у него получается аллегорія, можетъ быть и симпатичная, но все же аллегорія, къ тому же довольно таки темная. И до чего только не договаривается этотъ эстетикъ въ своемъ желаніи прикрасить природу! „Чтобы чувствовать весну (цитирую по русскому переводу) необходимо, чтобы въ сердцѣ было хоть немного той легкости, какая есть въ крыльяхъ бабочки, тончайшую пыльцу которыхъ, разсѣянную въ весеннемъ воздухѣ, мы вдыхаемъ въ себя". Говоря по правдѣ, что кромѣ чиханія или перхоты въ горлѣ можетъ вызвать такое вдыханіе?

[2]) Не касаюсь вопроса о вѣрности перспективы въ фотографіи, онъ имѣетъ обширную литературу и, кажется, можетъ считаться разрѣшеннымъ въ пользу фотографіи. Ніевенгловскій вѣрно замѣчаетъ, что иной художникъ находится въ положеніи менѣе благопріятномъ, чѣмъ фотографъ, будучи вынужденъ для вычерчиванія своей перспективы обращаться къ чисто техническимъ знаніямъ особаго спеціалиста. Пренебреженіе къ фотографіи вызываетъ иногда и ея малые размѣры. Но развѣ голландцы давно не пріучили насъ къ нимъ, и кто не предпочтетъ вершковъ Месонье квадратнымъ саженямъ Пюви де Шавана?

женіе. Во-первыхъ, средства и ихъ предѣлы и здѣсь и тамъ одни и тѣ же—это чернота угля и бѣлизна бумаги, и никакой художникъ, будь онъ геній, какъ Рембрандтъ, не можетъ отъ себя вложить никакого новаго свойства въ тѣ матеріальныя средства, которыми располагаетъ его искусство. Но еще важнѣе другой вопросъ: дѣйствительно ли Рембрандтъ передаетъ намъ свѣтъ и тѣни такъ, какъ мы видимъ ихъ въ природѣ. Этотъ вопросъ несомнѣнно долженъ быть разрѣшенъ отрицательно. Я провелъ не одинъ часъ передъ его знаменитой Ronde de nuit (въ Амстердамѣ), несчетное число разъ стоялъ въ Salon carré передъ его очаровательной маленькой Ménage du menuisier, съ ея жизнерадостнымъ солнечнымъ лучемъ, отъ котораго глазъ не хочетъ оторваться—и тѣмъ не менѣе при холодномъ обсужденіи приходится сознаться, что впечатлѣніе солнечнаго свѣта достигается въ ущербъ тѣнямъ. По отношенію ко второй картинѣ, убѣдиться въ этомъ легче, чѣмъ по отношенію къ первой: тамъ остается неизвѣстнымъ, откуда и въ какомъ количествѣ берется свѣтъ, которымъ залитъ первый планъ;—здѣсь свѣтъ солнца потоками льется въ настежь открытое окно,—а въ глубинѣ комнаты составляющей фонъ картины такъ темно, что не распознаешь что тамъ помѣщается. Можно подумать, что почернѣвшія стѣны убогой комнаты не отражаютъ свѣта, но въ нашихъ физическихъ кабинетахъ имѣются комнаты съ черными стѣнами и даже потолкомъ и тѣмъ не менѣе стоитъ пропустить въ нихъ лучъ солнца, не въ окно, а черезъ небольшую щель, чтобъ явственно увидать всѣ предметы. Великій чародѣй кисти захотѣлъ вызвать впечатлѣніе солнца, и вотъ вѣка и поколѣнія проходятъ передъ его полотнами и каждый зритель неизмѣнно выноситъ именно то впечатлѣніе, которое пожелалъ вызвать въ немъ художникъ—но это не мѣшаетъ намъ, анализируя свои впечатлѣнія, открывать въ чемъ заключалась его тайна [1]). То же затрудненіе и тѣми же путями приходится преодолѣвать и фотографіи; и она вынуждена прибѣгать къ такому компромиссу, къ сдѣлкѣ между ярко залитыми солнцемъ поверхностями и слишкомъ непрозрачной чернотой тѣней. Но существуетъ одинъ родъ фотографій, представляющій въ этомъ смыслѣ даже несомнѣнное преимущество передъ гравюрой. Гельмгольтцъ, въ его извѣстныхъ лекціяхъ объ оптическихъ основахъ живописи, указываетъ на тѣсные предѣлы, въ которыхъ она можетъ передавать колоссальные контрасты свѣта и тѣней, представляемые природой, и замѣчаетъ—быть можетъ живопись прозрачными красками, живопись на стеклѣ, могла бы значительно раздвинуть эти предѣлы. Этого именно и достигаетъ фотографія на стеклѣ (діапозитивы). Не подлежитъ сомнѣнію, что освѣщенные сзади, умѣло распредѣленными источниками свѣта, діапозитивы даютъ впечатлѣніе солнечнаго свѣта, съ которымъ, конечно, не поспоритъ никакой офортъ [2]). Скажутъ это, пріемъ не художественный. А почему же нѣтъ; развѣ и живопись не ищетъ порою новыхъ и вполнѣ сходныхъ пріемовъ (какъ напримѣръ у Куинджи) для передачи трудно достижимыхъ свѣтовыхъ эффектовъ?

[1]) Величайшій изъ учениковъ Рембрандта — Герардъ Доу достигалъ наибольшаго контраста въ освѣщеніи, помѣщая фигуры въ амбразурѣ окна; на этотъ разъ контрастъ являлся вполнѣ законнымъ.

[2]) Парижскій мастеръ Макенштейнъ придумалъ даже особаго рода камеру для полученія наиболѣе художественнаго впечатлѣнія при разсматриваніи діапозитивовъ.

Остается другой не менѣе важный вопросъ: можетъ ли фотографія передавать вѣрно въ монохромѣ естественный колоритъ предметовъ? При ея возникновеніи, это было, конечно, ея самымъ больнымъ мѣстомъ. Кто не помнитъ жалкихъ ландшафтовъ съ однообразнымъ бѣлымъ небомъ, безъ облачка, безъ перехода отъ горизонта до зенита и съ другой сплошной черной массой, на мѣстѣ растительности безконечно разнообразной въ своихъ оттѣнкахъ и переливахъ свѣта? Успѣхи фотографіи сдѣлали эти воспоминанія уже преданіемъ старины. Современная фотографія не только вполнѣ вѣрно для глаза передаетъ цвѣта, въ соотвѣтствующихъ имъ черныхъ полутонахъ, но, если бы потребовалось, можетъ это доказать строго научнымъ способомъ, чего, по отношенію къ гравюрѣ, конечно, невозможно сдѣлать [1]).

Значитъ фотографія вполнѣ можетъ дать результаты, удовлетворяющіе основнымъ требованіямъ искусства. Можетъ — но даетъ ли? Здѣсь, какъ и вездѣ въ искусствѣ, выступаетъ впередъ личный элементъ—ars est homo additus naturae: какъ въ картинѣ за художникомъ-техникомъ виднѣется художникъ въ тѣсномъ смыслѣ, художникъ-творецъ, такъ изъ за безличной техники фотографа долженъ выступать человѣкъ—въ ней должно видѣть не одну природу, но и любующагося ею человѣка. Фотографія, освобождая его отъ техники, отъ всего того, что художнику дается школой, годами упорнаго труда, не освобождаетъ его отъ этого по преимуществу человѣческаго элемента искусства. Конечно, если фотографъ будетъ щелкать направо и налѣво своимъ кодакомъ, снимая походя „интересныя мѣста", то въ результатѣ получится лишь утомительно пестрый инвентарь живыхъ и неодушевленныхъ предметовъ, годный для того, чтобы узнать, гдѣ что стоитъ—здѣсь дачка съ фронтончикомъ и палисадникомъ, на горизонтѣ неизмѣнная фабричная труба, а справа—влѣво, вереницей, въ струнку, телеграфные столбы. Такъ ли относится къ своей задачѣ истинный художникъ? Много лѣтъ тому назадъ, въ École des beaux arts, на выставкѣ Diaza, представлявшей почти всѣ произведенія художника—l'oeuvre de Diaz, итоги цѣлой жизни, я былъ пораженъ, что въ этомъ обширномъ собраніи, наполнявшемъ нѣсколько залъ, почти преобладали всего два мотива: буковый лѣсъ, въ самый разгаръ лѣта, пронизанный лучами солнца, разсыпавшимися золотыми брызгами по его листвѣ, скользящими по густой травѣ, отражающимися въ зацвѣтшей лужѣ или лѣсномъ болотцѣ, да кое-гдѣ сквозящіе обрывки голубого неба; и другой — однообразная вересковая степь съ убѣгающею вдаль тропинкой, по которой спѣшитъ путникъ, очевидно торопящійся уйти отъ дождя, который вотъ вотъ посыплетъ изъ низко стелящихся тучъ, мѣстами разорванныхъ порывомъ вѣтра, свободно гуляющаго надъ безотрадною равниною, слабо освѣщенной красной полоской догорающей зари. Видно художникъ снова и снова возвращался къ этимъ не хитрымъ, но имъ об-

[1]) Чтобъ доказать это, т. е. что извѣстный фотографическій пріемъ вѣрно передаетъ колоритъ, соотвѣтствующей ему градаціей черныхъ (или иныхъ) полутоновъ, нужно доказать, что онъ вѣрно передаетъ въ монохромѣ свѣтовой спектръ, такъ какъ, передавая вѣрно всѣ элементарные цвѣта, онъ необходимо вѣрно передаетъ и всевозможныя ихъ сочетанія. Но для того, нужно еще ранѣе знать, на что въ дѣйствительности былъ бы похожъ свѣтовой спектръ, фотометрически вѣрно переданный въ черныхъ полутонахъ. Эту задачу превосходно разрѣшилъ извѣстный англійскій физикъ-фотографъ Абней.

любленнымъ темамъ, сжился съ ними, проникся ими, и свое настроеніе съумѣлъ сообщить зрителю, такъ что теперь, спустя много лѣтъ эти картины стоятъ передъ моими глазами, точно я самъ бывалъ въ этомъ лѣсу, ходилъ этой тропинкой. Спрашивается, неужели фотографъ, если только онъ любитъ природу, научился цѣнить ея искреннее воспроизведеніе въ искусствѣ, не можетъ послѣдовать примѣру художника въ его добросовѣстномъ изученіи и подсмотрѣть, уловить въ ней тѣ моменты, которые приковали бы и глазъ художника, и закрѣпить ихъ, сохранить ихъ для себя—благо техника дается ему даромъ, безъ всякихъ съ его стороны усилій? Еслибъ въ томъ могло быть сомнѣніе, стоитъ ознакомиться съ произведеніями англійскихъ фотографовъ-любителей.

Англичане, можетъ быть, и не оставили прочнаго слѣда въ искусствѣ, но они всегда и вездѣ обнаруживаютъ наибольшую чуткость ко всему, что касается естественныхъ красотъ природы: не они ли вытѣснили жесткія архитектурныя линіи италіанско-французскаго сада, замѣнивъ его свободной красой ландшафтнаго парка; не они ли стянули къ себѣ чуть не всѣ лучшія произведенія Лоррена; не они ли дали въ Рёскинѣ самаго чуткаго, художественнаго цѣнителя природы; не они ли, наконецъ, создали въ акварели болѣе широко доступное средство для воспроизведенія этой природы. Естественно, что они же намъ дали лучшіе образцы художественной фотографіи, показали чего можетъ достигнуть развитой вкусъ и любовь къ своему дѣлу [1]). Въ каждомъ ландшафтѣ чуется человѣкъ не только наводившій камеру и щелкавшій затворомъ, но какъ истинный художникъ, быть можетъ, десятки разъ любовавшійся этимъ теплымъ лучемъ солнца, этимъ всплескомъ волны прежде чѣмъ успѣлъ подкараулить ихъ и закрѣпить на стеклѣ своей камеры [2]). Въ группахъ животныхъ, всегда сквозитъ землякъ Ландсира, знатокъ животной психики и какого то особаго зоологическаго юмора. Наконецъ картинки изъ дѣтскаго міра никогда не оскорбятъ столь обычной театральной слащавостью или бомбоньерочною пошлостью а проникнуты тѣмъ глубокимъ, искреннимъ чувствомъ, заставившимъ одного англійскаго эстетическаго критика воскликнуть: „улыбка пробуждающагося ребенка стоитъ сотенъ солнечныхъ закатовъ“.

Тонкаго знатока искусствъ, цѣнящаго въ какомъ-нибудь обломкѣ архаической статуи или въ рѣдкомъ листѣ avant la lettre тотъ ихъ неуловимый оттѣнокъ красоты, который недоступенъ пониманію толпы, отталкиваетъ въ фотографіи именно ея доступность—ея демократичность. Да; фотографія демократизируетъ искусство и прежде всего ту его область, которая по своему существу сама демократична—красоту природы. Луббокъ приводитъ слова одной бѣдной женщины, которую послѣ изнурительной болѣзни ея друзьямъ удалось отправить на берегъ моря. Въ первый разъ въ жизни увидавъ море, она остолбенѣла отъ восторга и когда могла добраться до словъ, то проговорила: „и знаете, что въ немъ всего лучше—

[1]) Лучшіе трактаты по художественной ландшафтной фотографіи, переведенные и на другіе языки, принадлежатъ также англичанамъ: Робинсону, Горслей-Гинтону и другимъ. Впрочемъ, должно къ нимъ присоединить еще замѣчательно остроумную, бойко написанную книжечку Raphaels—Künstlerishe Photographie.

[2]) Изъ *мнѣ извѣстныхъ* русскихъ фотографовъ-ландшафтистовъ выдающееся мѣсто несомнѣнно должно быть отведено г. Дементьеву.

я въ первый разъ вижу что-то такое, чего хватитъ на всѣхъ". Природа и есть тотъ источникъ красоты, котораго достаетъ на всѣхъ, изъ котораго всякій черпаетъ по мѣрѣ разумѣнія. Передъ картиною заката, равны и Клодъ Лорренъ «какъ орелъ осмѣливавшійся смотрѣть на солнце» и сохранившій его на своихъ полотнахъ—и простой смертный, хотя бы то былъ бѣдный филистеръ, своимъ невольнымъ восклицаніемъ нарушившій аристократически брезгливое настроеніе Гейне [1]). Передъ пѣсней жаворонка равны и его пѣвецъ, замученный рефлексіей, Шелли—и любой крестьянскій ребенокъ, разинувъ ротъ заслушавшійся его серебристой трели — только перескажетъ онъ свои чувства—mit ein bischen andern Worten. И не только сама природа, но и ея передача истиннымъ художникомъ, мнѣ кажется, всего яснѣе говоритъ пониманію простого человѣка, котораго еще не коснулось вліяніе искусства. На эту мысль меня невольно навело слѣдующее наблюденіе. Художественный отдѣлъ Нижегородской выставки представлялъ для наблюдателя тотъ несомнѣнный интересъ, что никогда еще искусство не врѣзалось клиномъ такъ далеко въ нашъ темный востокъ, и здѣсь, конечно, попадались тысячи и тысячи людей, быть можетъ, въ первый разъ стоявшихъ передъ картиной [2]). Съ этою мыслію я часто бродилъ по ея обширнымъ заламъ, прислушиваясь къ говору толпы. И всего разъ, я услыхалъ восклицаніе искренняго, неподдѣльнаго восторга: «Тятенька, а тятенька, — нѣтъ, вотъ сюда взгляните"! И увидалъ мальчугана, тащившаго за рукавъ пожилаго человѣка, съ виду подгороднаго крестьянина или мѣщанина. Тотъ подошелъ къ картинѣ, постоялъ, помолчалъ и, неторопясь, степенно вынесъ свой приговоръ: „Н-н-да, это статья иная".—Картина была лѣсъ Шишкина. Можетъ быть, это только случайность, но, повторяю, другихъ отзывовъ мнѣ такъ и не привелось услышать, за нѣсколько мѣсяцевъ наблюденій, надъ этой молчаливой толпой при ея, быть можетъ, первой встрѣчѣ съ искусствомъ.

Это чувство природы, сближающее всѣхъ людей, заключаетъ въ себѣ что-то неразгаданное: не берется его выразить словомъ поэтъ, не въ состояніи разобраться въ немъ ученый [3]). Какой-то безотчетный патріотизмъ—не тотъ узкій, мрачный, который раздѣляетъ людей, а болѣе широкій, свѣтлый, который ихъ соединяетъ общей связью съ общей родиной, болѣе обширной чѣмъ та, которая показана на картахъ. Какая-то смутная память объ общемъ дѣтствѣ человѣче-

1) Гейне находился въ обществѣ тонко образованной дамы, съ которой, за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ велъ разговоръ о картинахъ Рафаэля въ *храмѣ Петра* (!?). Самъ Клодъ былъ, какъ извѣстно, неудавшійся булочникъ, до конца жизни, не научившійся толкомъ грамотѣ.

2) Много было говорено объ экстравагантности нѣкоторыхъ финляндскихъ художниковъ на Нижегородской выставкѣ, но не припомню, чтобы упоминалось о слѣдующемъ ландшафтѣ одного русскаго художника. Изображенъ закатъ солнца и вокругъ одного багрового солнца—настоящаго, размѣстилось нѣсколько зеленыхъ! Это,очевидно, субъективныя впечатлѣнія ослѣпленнаго солнцемъ глаза. Изобразить природу съ точки зрѣнія человѣка, у котораго въ глазахъ позеленѣло, это кажется послѣднее слово—не знаешь только чего—реализма или идеализма, субъективизма.

3) Вспомнимъ Байрона — I feel what I can neer express, yet cannot all conceal. Однажды въ Даунѣ, у Дарвина и его гостей, былъ возбужденъ вопросъ о происхожденіи этого по преимуществу человѣческаго чувства красоты, по отношенію къ картинамъ природы; проговорили цѣлый вечеръ и все же не пришли ни къ чему.

ства, какъ и воспоминаніе о личномъ дѣтствѣ, съ годами становящаяся только болѣе дорогой. Среди природы находитъ успокоеніе человѣкъ, бѣгущій отъ людей, ищущій только передышки, для того чтобы вернуться вновь къ борьбѣ—примѣръ Руссо. Среди той же природы, сознаетъ человѣкъ еще сильнѣе свою близость къ людямъ, охотнѣе дѣлится ихъ радостями: — недаромъ только среди ликующей весенней природы, сбросившей съ себя ледяной покровъ зимы, и среди вырвавшейся, „изъ оковъ тяжелаго труда", „изъ мрака душнаго жилища" на свѣтъ и волю, веселой, праздничной толпы—заставилъ Гете Фауста, разъ въ жизни, ощутить—Hier bin ich Mensch, hier darf ich's sein. Среди природы же болѣе чутокъ человѣкъ и къ человѣческому горю. Кто не помнитъ чудной, свѣжей, залитой солнцемъ, дышащей дѣтской беззаботностью и отвагой картинки Волги— обрывающейся на стонѣ, на этомъ «воѣ» бурлака, измѣнившемъ все міросозерцаніе ребенка—«я стоялъ на берегу родной рѣки и въ первый разъ ее назвалъ рѣкою рабства и тоски [1])».

А тѣ картины, которыя въ эти минуты носятся въ воображеніи, встаютъ нѣмой укоризной передъ совѣстью современнаго человѣка — развѣ ихъ ужасъ не выростаетъ отъ той обстановки, при которой онѣ разыгрываются? Надъ головой бирюзовый сводъ неба; тамъ и сямъ вонзаются въ него стрѣлки темныхъ кипарисовъ и бѣлыхъ минаретовъ; у ногъ текучая лазурь; слухъ ласкаетъ ропотъ морской волны набѣгающей на берегъ, а въ воздухѣ разлитъ какой-то опьяняющій ароматъ. Мысль убаюкивается мечтой о безмятежной жизни, среди безконечно щедрой и улыбающейся человѣку природы и... «вдругъ... страшный какой-то жалобный, молящій, протяжный, громкій крикъ и вслѣдъ за ними нѣсколько выстрѣловъ — быстро промелькнуло нѣсколько фигуръ, впереди бѣжалъ кто-то спотыкаясь, обезсиливая. За нимъ гнались человѣкъ десять—все это произошло въ какое-нибудь мгновеніе и вслѣдъ затѣмъ мы увидали распростертый трупъ бѣжавшаго. Это былъ поденщикъ-армянинъ, работавшій у пристани—смерть захватила его за работой, онъ успѣлъ пробѣжать отъ преслѣдователей какихъ-нибудь сто шаговъ»... Shall he expire and unavenged? Arise! ye Goths, and glut your ire [2])!

Да, эти стоны, эти крики безнадежной мольбы за жизнь несомнѣнно звучатъ ужаснѣе, когда раздаются среди мирной, среди ликующей природы. Несомнѣнно и то, что любовь къ природѣ,—конечно не кривляющаяся, жеманная, которую встрѣчаемъ у современныхъ поэтиковъ-пигмеевъ, для приданія себѣ росту, завѣряющихъ, что дѣйствительность ихъ не вмѣщаетъ и преподносящихъ намъ себя въ придачу къ ней—а простая, здоровая любовь къ природѣ какъ-то всегда шла рука объ руку съ любовью къ человѣку. Примѣры на лицо: Тургеневъ, Некрасовъ, Миц-

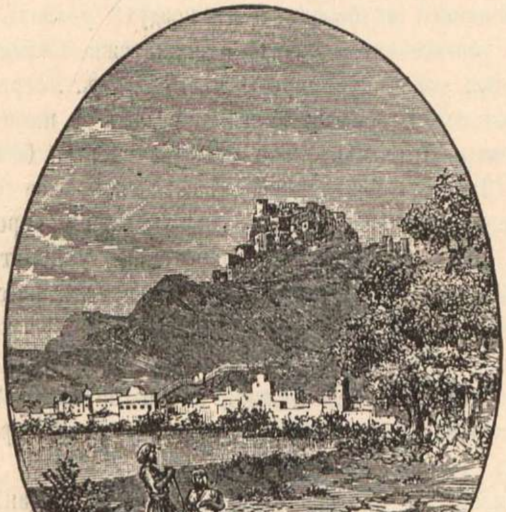
[1]) Живо припоминаю тотъ, едва ли не единственный разъ, когда Некрасовъ самъ читалъ свою Волгу на литературномъ вечерѣ въ Петербургскомъ университетѣ. Чтеніе его, какъ извѣстно, не отличалось какими-нибудь внѣшними красотами—слабый, болѣзненный голосъ не давалъ для того средства, но за то оно подкупало какою-то жуткой искренностью. Какъ сейчасъ слышу щемящія душу, задыхающіяся слова, предшествующія этому описанію Волги:—„я усталъ, въ себя я вѣру потерялъ и только память дѣтскихъ дней не тяготитъ души моей".

[2]) Не рѣшаюсь переводить эти строки; ихъ сжатую, страстную энергію отказался передать даже Лермонтовъ.

кевичъ, не говоря уже о Руссо или о томъ поэтѣ, чье имя невольно приходитъ въ эти минуты всякому на память—о поэтѣ, дѣлившемъ свою любовь между природой и человѣкомъ, говорившемъ себѣ въ оправданіе: J love not man the less и скрѣпившемъ эти слова своею смертію въ Миссолонги: — Больше сія любви никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя. Но могутъ возразить, а Гете — онъ ли не любилъ природу, и что же? Правда, всю свою жизнь отстаивалъ онъ свои права на олимпійски-безучастное отношеніе къ людской толпѣ. Правда, даже подъ старость, съ напускной рисовкой, увѣрялъ онъ-будто исходъ академическаго спора его тревожитъ болѣе, чѣмъ участь цѣлаго народа. Но правда, вѣдь, и то, что уже изъ-за гроба онъ принесъ покаяніе, склонился передъ тѣмъ, что всю свою жизнь сжигалъ и призналъ, что моментъ высшаго нравственнаго удовлетворенія для человѣка наступаетъ лишь тогда, когда онъ видитъ возможность „на почвѣ свободной, съ народомъ свободнымъ стоять [1])".

18 Апрѣля
1897 г.

К. Тимирязевъ

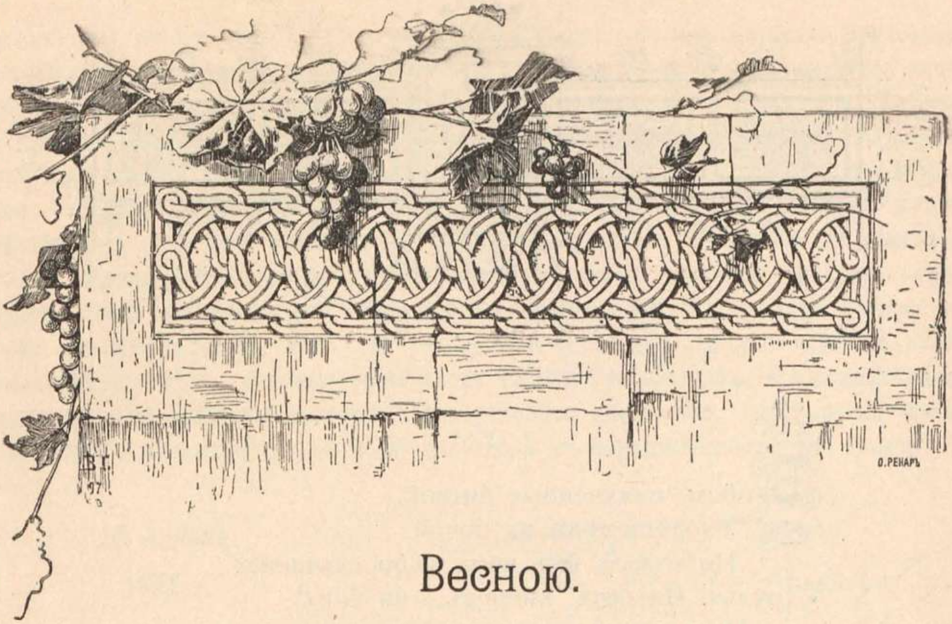
Килинійскій видъ.

[1]) Auf freiem Grund mit freiem Volke stehen. Извѣстно, что Гете держалъ рукопись второй части Фауста въ запечатанномъ пакетѣ съ надписью издать ее только послѣ его смерти.

* * *

Бойцы, измученные битвой,
Уходятъ тихо на покой.
Но голосъ ихъ намъ ясно слышенъ:
«Друзья! Впередъ, впередъ,—на бой»!
Не въ поле ратное зовутъ насъ,
Гдѣ слышенъ стонъ, гдѣ льется кровь,
Гдѣ люди—братья межъ собою —
Забыли братскую любовь, —
Нѣтъ,—въ бой съ неправдою людскою,
Во имя истины святой
Зоветъ насъ голосъ благородный
Людей, измученныхъ борьбой,
Имъ нужны силы на подмогу, —
Число ихъ меньше съ каждымъ днемъ;
А мы сидимъ въ довольствѣ праздномъ
И пѣсни о «цвѣтахъ» поемъ.
Мы нашихъ братьевъ пригнетенныхъ
Не видимъ горькихъ, жгучихъ слезъ;
Природой, жизнью наслаждаясь,
Мы тонемъ въ морѣ сладкихъ грезъ.
Проснись же, сердце,—съ новой силой
До боли бейся ты въ груди, —
Работы честной, благородной
Смотри,—какъ много впереди!..

Иван Белоусов

Весною.

(Изъ дорожныхъ воспоминаній).

— Тоэто! (постой!) раздался сзади отчаянный крикъ нашего спутника, стараго казака Нико́лая. Караванъ остановился.

— Что такое?—спросилъ, полуобернувшись въ сѣдлѣ проводникъ, Якутъ Кумулякъ.

— Конь съ камня сорвался; — пояснялъ Николай, — скорѣе, огонёръ (старина).

Якутъ медленно слѣзъ, надвинулъ ниже на уши шапочку, сшитую изъ шкурокъ гагаръ, — затѣмъ, проваливаясь по поясъ въ рыхлый снѣгъ, лежавшій всюду въ горныхъ трещинахъ, пошелъ на выручку къ Николаю, конь котораго по брюхо загрузъ въ снѣгъ. Мы были въ верстахъ въ пятистахъ сѣвернѣе Верхоянска, въ горахъ Тасъ-Хаята, являющихся едва ли не наиболѣе дикой частью всей Якутской области. Вотъ уже много дней, какъ мы оставили «городъ» и теперь весенняя распутица грозила насъ совершенно отрѣзать отъ людей, тогда именно, когда они намъ были особенно надобны. Наши запасы, которые мы три мѣсяца тому назадъ вывезли изъ Якутска,—всѣ истощились. До ближайшаго жилья было много дней пути; весь порохъ вышелъ до зерна; на придачу, верховые кони, которыхъ мы не мѣняли около мѣсяца, выбились совершенно изъ силъ на этой адской горной «дорогѣ», если только этотъ терминъ можетъ быть употребленъ. Въ этихъ далекихъ краяхъ еще не дошли до ковки коней. Острые камни искалѣчили совершенно ноги у половины нашихъ вьючныхъ коней. Каждый разъ, когда они ступали, оставался слабый кровавый слѣдъ. Мы вынуждены были подвигаться лишь маленькими переходами въ 15—20 верстъ ежедневно, устраивая частыя дневки и это тогда, когда каждый часъ былъ дорогъ. Кругомъ насъ тѣснымъ кольцомъ охватили гольцы. Каждый разъ приходилось слѣзать съ коней, чтобы взвести ихъ на косогоръ или, чтобы спуститься по головоломному скату. Чуть ли не каждые десять шаговъ лошади провалива-

лись въ трещины, засыпанныя рыхлымъ снѣгомъ. Тогда приходилось разгружать коня и вытаскивать его соединенными силами. На это уходило около получаса, а черезъ десять минутъ опять приходилось разгружать только что навьюченнаго коня.

Скоро изъ невозможной дорога стала адской. Нужно представить себѣ исполинскую стѣну, которая вслѣдствіе какихъ то причинъ частью разсыпалась и покрыла скатъ сотнями тысячъ саженныхъ каменныхъ глыбъ; изъ нихъ одна легла ребромъ, другія торчатъ иглами; тѣ сблизились основаніями и выставили свои острыя вершины или образовали исполинскую лѣстницу съ полутора-аршинными, острыми и кривыми ступеньками, а далѣе—глубокая разщелина, на днѣ которой бурлитъ потокъ, только что вырвавшійся изъ ледяного панцыря. По камнямъ и между ними клубятся, кружатся, падаютъ каскадами безчисленные горные ручьи, которые пугаютъ коней своимъ несмолкаемымъ шумомъ. Все это заросло кустами тальника и арника. На вершинѣ стѣны грозно наклонились каменныя глыбы, которыя, кажется, вотъ вотъ обрушатся. Мы подвигались впередъ шагъ за шагомъ, вползая на острыя ребра камней на четверенькахъ, цѣпляясь за кустарники, которые больно хлестали по лицу. Мы прыгали съ камня на камень, безпрерывно скользили, рискуя упасть и при паденіи свернуть себѣ шею. Коней приходилось большею частью вести въ поводу. Медлить нельзя было, потому что сзади набѣгаетъ конь, который можетъ толкнуть мордой въ спину и тогда не удержаться конечно, на скользкомъ карнизѣ. Голодъ и усталость сдѣлали другаго нашего попутчика, молодаго казака Ѳому, крайне нервнымъ и раздражительнымъ. Онъ то принимался ругать старика Николая, то накидывался на проводника Кумуляха, флегматически выслушивавшаго такія ругательства, среди которыхъ не послѣднее мѣсто занимала самая обидная якутская брань «ханъ-ветъ-харахъ», т. е. «кровь черной собаки».

Ночей уже не было. Наступилъ безконечный

«Polar day, which will not see
A sanset till its summer's gone».

Цѣлый день съ громкимъ клепотаніемъ летали парами гуси и спускались на болотѣ возлѣ гальцовъ. Оттуда доносилось верещаніе куличковъ и воробьевъ. Въ лѣсу жарко работалъ дятелъ. Часовъ въ шесть «вечера» мы спустились въ котловину и поѣхали льдомъ по озеру, которое занимало ее всю. Ледъ раскисъ и при каждомъ шагѣ издавалъ глухой трескъ. Наледи у береговъ заставляютъ держаться середины озера. Въ иныхъ мѣстахъ конь до колѣнъ уходилъ въ жидкую ледяную кашу, слегка подмерзшую на поверхности. Но вотъ ледъ принимаетъ все болѣе и болѣе обозначенный зеленый цвѣтъ, признакъ, что онъ размытъ водою. Мы ѣдемъ ледянымъ карнизомъ, становящимся все уже да уже. У самаго берега на льду также кое гдѣ появились проталины, тамъ зеленѣетъ вода и видно, что берегъ уходитъ отвѣсной стѣной,—значитъ, глубина очень значительная. Наледь разливается все шире и шире, а карнизъ становится уже. Вода иногда отрываетъ отъ него куски льда и съ ревомъ уноситъ ихъ съ собою. Наконецъ, карнизъ сталъ такъ узокъ, что едва достаточенъ для проѣзда одной лошади. Кони фыркаютъ, осторожно ступаютъ и проваливаются выше колѣна въ кашицеобразный ледъ. Я не могъ не полюбоваться на беззаботную отвагу Кумуляха. Если бы подломился ледъ,

ему первому пришлось бы принять купанье, а подъ нимъ еще, кромѣ того, конь былъ тяжело нагруженъ. Наконецъ, передняя лошадь остановилась, разставила ноги и, не смотря на понуканія проводника, не шла впередъ.

Якутъ слѣзъ, добрался до берега, срѣзалъ талину и ткнулъ ею въ зеленую, полужидкую поверхность, на которую предстояло ступить коню. Хворостину вырвало изъ рукъ ямщика и скоро она показалась на поверхности наледи. Дальше, значитъ, двигаться было некуда, потому что вода промыла совершенно ледъ. Приходилось возвращаться назадъ. Съ большимъ трудомъ повернулись мы на узкомъ карнизѣ, поплелись обратно, сдѣлали версты три вдоль берега, выбрали мѣсто, гдѣ былъ натекъ на откосъ и, ведя коней въ поводу, по крутому склону выкарабкались на хребетъ. Внизу съ другой стороны, предъ нами была глубокая долина, по дну которой разлилась черная рѣчка Салиняхъ, на половину освободившаяся уже ото льда.

— Заночевать надо, — категорически заявилъ Кумуляхъ. — Дѣйствительно, переходъ до такой степени измучилъ коней, что дальше бы они въ тотъ день не могли бы сдѣлать и версты. Вьюки уложены были на мохъ, а лошадей отпустили пощипать прошлогоднюю желтую траву; по якутскій конь неприхотливъ и даже зимой довольствуется подножнымъ кормомъ, который выбиваетъ изъ подъ снѣга. Мы разложили огромный костеръ тамъ, гдѣ высокій камень защищалъ отъ холоднаго вѣтра, и расположились вокругъ на оленьихъ шкурахъ; но варить, кромѣ кирпичнаго чаю, было нечего. Всѣ наши запасы истощились совершенно. Ѳома и Николай сидѣли мрачнѣе ночи. Молодой казакъ, повидимому, особенно стосковался по сытному обѣду.

Впрочемъ и намъ съ товарищемъ, не смотря на рѣшеніе быть философами, голодъ давалъ себя чувствовать все сильнѣе и сильнѣе. Мы предприняли экскурсію съ цѣлью отыскать утиныя яйца; но она окончилась полною неудачею. Мы рыскали по болоту, прыгали съ кочки на кочку, обрывались безпрерывно въ ржавую холодную воду и возвратились, наконецъ, къ костру вымокшіе по горло и еще болѣе голодные, чѣмъ прежде. А между тѣмъ надъ нашими головами, часто махая крыльями, пролетали поминутно красноногіе жирные турпаны, пронзительно завывали въ тальникахъ гагары да крякали мардушки и шилохвостки, а на лужицахъ, кокетливо помахивая головками, щебетала цѣлая стая плавунчиковъ.

Пробовали мы было заняться рыбной ловлей. Отпустили на кострѣ иглу и загнули ее крючкомъ, надергали волосъ изъ хвостовъ у коней и навязали лесы; но такъ какъ нашивать удочки мы могли лишь кускомъ краснаго товара, то разсчитывать могли лишь на какую-нибудь особенно глупую и особенно жадную рыбину. Увы! на наше горе во всемъ солончакѣ не оказалось такой. Тогда вокругъ костра собрался военный совѣтъ. Что дѣлать? До жителей еще не менѣе двѣнадцати дней ѣзды, между тѣмъ завтра мы, вѣроятно, уже не въ состояніи будемъ двинуться дальше: не будетъ силъ подняться на сѣдло.

— Не утица я, не могу гороху ѣсть, рѣзко замѣтилъ Ѳома,—у меня отъ него брюхо пучитъ, а сытности въ немъ никакой. Дѣйствительно, послѣдніе три дня мы, въ нѣкоторомъ родѣ, напоминали древнихъ отшельниковъ, въ пищѣ, по крайней мѣрѣ. Мы вспомнили, что съ нами было фунтовъ пять гороху и кормились имъ, отваривая его въ водѣ.

— Убить коня надо, — отрѣзалъ категорически и авторитетно старикъ Николай. Всегда коней бьемъ, коли ѣсть нечего.

Намъ жалко было до слезъ нашихъ вѣрныхъ спутниковъ, которые такъ добросовѣстно не жалѣя живота, служили намъ до сихъ поръ. Въ силу этого, мы предложили обождать хоть до завтрашняго дня; но Николай и проводникъ Кумуляхъ совершенно резонно замѣтили, что намъ помощи не было до сихъ поръ, то нѣтъ никакого основанія ждать ее завтра. Единственно на кого можно было разсчитывать, такъ это на купеческіе караваны; но всѣ они обязательно должны были стоять теперь за много сотенъ верстъ, за хребтами, на томъ берегу Индигирки, дожидаясь, пока пройдетъ ледъ. Участь коня была рѣшена. Выбрали наиболѣе сытаго, хотя это было довольно мудрено, такъ какъ отъ всѣхъ коней остались лишь кости да кожа, вслѣдствіе тяжелыхъ переходовъ. Намѣченную жертву крѣпко прикрутили ремнемъ къ сломанному дереву. Ѳома взялъ въ руки огромный топоръ, заложилъ его за спину и сталъ осторожно подходить къ коню. Бѣдное животное! Очевидно, оно предчувствовало, что нѣчто страшное угрожало ему, вздрагивало всѣмъ тѣломъ и косилось на Ѳому. Я закрылъ глаза. Вотъ раздался глухой ударъ, и хрустнуло что то. То Ѳома изо всѣхъ силъ ударилъ обухомъ по лбу... Теперь, черезъ много лѣтъ, когда я вспоминаю эту сцену, у меня пробѣгаетъ дрожь и я рѣшительно не понимаю, какъ мы могли тогда ѣсть этого коня; но тогда... тогда мы были голодны. Конь въ предсмертной судорогѣ сводилъ и разводилъ ноги. Изъ перерѣзанной сонной артеріи со свистомъ вырывалась струя крови. Куруляхъ собиралъ ее заботливо въ *сымиръ*, въ мѣшокъ, сдѣланный изъ тюленьяго пузыря. Ѳома, весь выпачканный кровью, надрѣзалъ шкуру на животѣ и кулаками свѣжевалъ тушу. Скоро она лежала, какъ на скатерти, на окровавленной кожѣ. Проводники, Ѳома и Николай, какъ волки, набросились на дымящееся и вздрагивавшее еще тѣло.

— Ишь, *огонеръ*, (старикъ) пришелъ, какъ на положенное, — замѣтилъ Ѳома,—указывая на Николая, который изчезъ, когда нужно было убивать коня,— а теперь отхватилъ кусокъ фунтовъ въ пять.

— Мяса грудно. Одинъ не съѣшь, — наставительно отвѣтилъ старикъ. Черезъ минуту вокругъ костра на палочкахъ всюду торчали огромные куски мяса. Никто не дожидался, пока оно испечется, а ѣли сырымъ, слегка лишь распареннымъ. Мнѣ припомнились страшныя сцены на плотѣ послѣ караблекрушенія *Медузы*. У Кумуляха и у Ѳомы губы были выпачканы кровью, какъ у вампировъ. У Николая кровь была на усахъ, бородѣ и даже на бровяхъ.

До поздней ночи ѣли всѣ. Прiѣдятъ мясо на рашпирѣ, примутся за печеное на угляхъ, а тамъ подоспѣла требушина, сваренная въ котлѣ. Уже заалѣли на востокѣ верхушки гольцевъ; уже гдѣ то заклекоталъ проснувшійся горный кречетъ; ужъ мягко махая крыльями прилетѣла на ночлегъ фантастически красивая болотная сова,—когда закончилось это пиршество канибаловъ, какъ назвалъ его товарищъ. Казаки завернулись въ заячьи одѣяла и заснули. Вскорѣ, однако, Николай завозился, поднялся и сталъ копошиться около конинной туши.

— Ты чего, огонеръ?—сонно спросилъ Ѳома.

— Спи, спи, парень!—Языка конскаго попробовать хочется. Не знаю, вкусъ какой въ немъ.

— Ишь ты, пузо у тебя, что твои переметы: все упрешь!—протянулъ молодой казакъ, повалился и захрапѣлъ. Глаза у старика обладали, однако, большею вмѣстимостью, чѣмъ его желудокъ. Языкъ онъ сварилъ, но съѣлъ отъ него лишь кусокъ, завернулъ остальное въ тряпку и сунулъ въ свои переметы, которыя служили ему подушкой. Черезъ нѣсколько минутъ заснулъ и Николай. Насъ съ товарищемъ не бралъ сонъ. Мы мирно бесѣдовали у костра. Съ угора, гдѣ мы сидѣли, видна была вся долина, залитая полусвѣтомъ полярной весенней ночи. Внизу щипали прошлогоднюю траву кони, а возлѣ нихъ лежали снятыя высокія сѣдла, *ханка*, т. е. сѣдла, приспособленныя для вьюковъ, да мѣшки, въ которыхъ мы три мѣсяца тому назадъ вывезли изъ Якутска запасы въ дорогу: хлѣбъ и мороженое мясо. Мы съ товарищемъ переглянулись. У обоихъ насъ одновременно мелькнула одна и та же мысль: если въ мѣшкахъ прежде былъ хлѣбъ, значитъ, теперь въ нихъ должны быть крошки». Какъ это мы раньше не вспомнили о такомъ важномъ обстоятельствѣ? Мы забрали котелокъ и отправились подъ гору, къ мѣшкамъ. Какое счастье! Наше предположеніе оказалось совершенно вѣрнымъ. Мы набрали около полукотелка крошекъ. Правда, онѣ были перемѣшаны съ кусочками сырого мяса, съ какими то палочками и другимъ соромъ; но все же это были настоящія крошки, т. е. почти хлѣбъ, котораго мы не видали уже полтора мѣсяца. Мы осторожно понесли котелокъ обратно къ костру, Но, о горе! По дорогѣ пришлось перейти въ бродъ черезъ маленькій ручей. Товарищъ поскользнулся, котелокъ летитъ на землю и все содержаніе его очутилось на пескѣ. У товарища былъ такой растерянный видъ, какъ будто онъ потерялъ ввѣренное ему великое сокровище, которому и цѣны не было. Тщательно собрали мы крошки. Къ мясу, щепочкамъ и сору прибавился еще новый ингредіентъ — песокъ. Мы подбросили вѣтокъ къ костру, вскипятили чайникъ, подозвали Кумуляха, который только что поднялся и гомозился возлѣ вьюковъ, и стали благодушествовать.

Ранніе лучи скользнули по бронзовымъ вершинамъ гольцевъ и заглянули въ долину. Гдѣ то высоко прокричала робко и неувѣренно кукушка. Суровая природа медленно оживала послѣ долгой зимы. Конецъ мая, а между тѣмъ, какъ холодно и неприглядно кругомъ. И мнѣ вспомнилась другая весна, которую я два года тому назадъ встрѣчалъ на югѣ, на берегу моря. Предо мною сразу вырисовались картины. По откосу хребта змѣится дорога; вдоль нея шнуромъ, какъ солдаты въ шеренгѣ, вытянулись деревья. И, кажется, что они гуськомъ взобрались по дорогѣ, чтобы посмотрѣть на море, чтобы полюбоваться то бронзовыми, то зелеными, то синими полосами пробѣгающими по его чешуйчатой отъ вѣтерка поверхности. Деревья взобрались на гребень косогора, затѣмъ спустились до самой воды. И, кажется, что они хотятъ послушать, о чемъ шепчутъ волны, разбѣгающіяся по песку. Кажется, что для этого именно подступили онѣ къ самой водѣ къ тому мѣсту, гдѣ неравной, бѣлой линіей лежитъ пѣна, оставшаяся послѣ того, какъ песокъ жадно всосалъ воду, принесшую пѣну. Вотъ раздался нестройный, пронзительный гамъ, какъ будто затявкали разомъ сотни щенятъ. Надъ моремъ пронеслась стая чаекъ. Онѣ задѣваютъ тѣнистые хребты волнъ ослѣпительно сверкающими на солнцѣ крыльями. Далеко, далеко тамъ, гдѣ на горизонтѣ море вырисовывается темной полосой,—

мелькнуло судно. Мачты его кажутся тонкими, какъ паутина. Какъ тамъ все полно жизнью, такъ здѣсь сравнительно, природа мертва! Мы притихли у костра, стараясь опредѣлить, какая это пичуга жалобно плачетъ, какъ обиженный ребенокъ, высоко, высоко, на самомъ хребтѣ гольца! Вдали цѣпь горъ, сковавшихъ горизонтъ, загорѣлась алымъ пламенемъ. Солнца все еще не было видно; но багровые снопы свѣта показывали, гдѣ именно оно находится за гольцами. Кумуляхъ сидѣлъ на корточкахъ у самаго огнища, обнявъ крѣпко руками колѣни, такъ что подбородокъ ушелъ почти совсѣмъ въ изорванные, вытертые наколѣнники изъ камусовъ лося.

— Посмотрите, вотъ чудо! — сказалъ товарищъ. Тамъ, гдѣ снѣгъ протаялъ и виднѣлся прошлогодній *сардечесъ* (высокая трава), среди пожелтѣвшихъ, колѣнчатыхъ стеблей, — мой товарищъ сорвалъ цвѣтокъ. Не листья, а длинный и мягкій пушокъ покрывалъ его короткій стебель. Лепестки были необыкновенно красивы. Казалось, что смѣющееся, счастливое личико выглядываетъ изъ пушистой мѣховой пухлянки.

Мы съ товарищемъ подъискивали наиболѣе подходящій образъ. Кумуляхъ поднялъ на насъ свои слезящіеся глаза. — Это — санаргабынъ, по нашему, на языкѣ сахаларъ, — сказалъ онъ.

— Санархабынъ? — переспросили мы. — Насъ удивило названіе, означающее — „печаль“.

— О да, — продолжалъ Кумуляхъ. — Санаргабынъ обозначаетъ, что было когда то людямъ великое горе, чуть не пропали даже всѣ.

Мы попросили старика разсказать намъ про странный цвѣтокъ, который очевидно, былъ первымъ провозвѣстникомъ полярной весны.

— Давно, давно это было, — началъ монотонно, на распѣвъ Кумуляхъ, какъ обыкновенно разсказываютъ якуты свои олонхо (былины). Великій духъ Ап-Тоенъ-Тангара только что вылѣпилъ изъ глины орто-дайбы-землю и поселилъ на ней людей. Озлился злой и сильный царь Арсынъ Долай, что живетъ въ „нижнемъ“ свѣтѣ, тамъ гдѣ нѣтъ дня, а вѣчная, темная ночь; гдѣ нѣтъ лѣта а постоянно воетъ юго-западный вѣтеръ, гдѣ свѣтитъ лишь мѣсяцъ на ущербѣ. Наслалъ онъ на землю лютый холодъ. Славному батырю Кюнь-Тоену солнцу холодно стало выходить на небо и спрятался онъ въ своей высокой красивой юртѣ изъ серебряныхъ лиственницъ. Наступила тьма.

Не могли болѣе ковать своихъ серебряныхъ чашъ семь старцевъ, что вы, русскіе, зовете созвѣздіемъ сохатаго (большая медвѣдица), потому морозный морозъ закрылъ звѣзды, горны старцевъ. Даже куропатки не выбѣгали плясать и пляхкать вокругъ тальниковыхъ кустовъ. Какъ стая голодныхъ медвѣдей-шатуновъ, ревѣлъ злой вѣтеръ солонникъ, отъ кого не спрячетъ и не укроетъ никакая пухлянка. И къ вою вѣтра прибавился скоро еще болѣе страшный крикъ. То скакали, высунувъ до земли окровавленные языки, красношерстныя собаки, на которыхъ разъѣзжаетъ по улусамъ старуха и прижигаетъ огнемъ всѣхъ встрѣчныхъ. Люди забились по юртамъ вокругъ чуваловъ. Никто не смѣлъ показаться даже изъ дверей. Скоро стали гаснуть огни. Смерть приходила къ людямъ.

И видитъ Атытъ-Хатынымъ, Соболѣзнующая Создательница, что гибнетъ „кость ея сердца“ — люди, накинула на плечи богатую соболью доху, надвинула

на лобъ высокую рогатую рысью шапку съ краснымъ суконнымъ верхомъ и явилась къ хозяину „верхняго“ мѣста, къ Юрюнгъ-Таену. Онъ возсѣдалъ на сверкающемъ бѣломъ престолѣ не створаживающагося никогда молочнаго озера, по которому ходятъ серебряныя волны. Когда же приходитъ мѣсяцъ заморозковъ, и на озерѣ выплываетъ шуга, то онъ изъ чистаго золота.

И взошла Ансытъ Хатынъ на три каменныя ступени, что ведутъ къ престолу, и сказала:

— О, Юрюнгъ Аи Таенъ, великій хозяинъ. Ты сидишь на пупѣ восьмигранной вселенной, твои быки краше солнца; твои коровы — круглѣе мѣсяца. Въ твоей юртѣ серебряный столъ—гладокъ и блестящъ, подобно первому льду только что ставшаго озера. Столбы, поддерживающіе твою юрту похожи на страстныхъ дѣвушекъ, а шестокъ чувана — на жеребца по девятой травѣ. Погляди же, что дѣлаютъ на среднемъ мѣстѣ твои бѣдныя дѣти сахаларъ (якуты). Заступись за нихъ. Дай имъ тепло. Сдѣлай такъ, чтобы былъ у нихъ всегда говорливый огонь. Пусть онъ въ ихъ юртахъ всегда имѣетъ вдоволь сухостоя.

И каждую весну, когда соберутся люди на праздникъ кумыса, — шаманы тебѣ станутъ дѣлать лучшее возліяніе весыэхъ, чѣмъ кому-либо другому изъ небожителей.

Сердито заворчалъ Юрюнгъ Таенъ и сердито оттолкнулъ отъ себя Ансытъ Хатынъ. Упала Соболѣзнующая мать создательница, распахнулась богатая собачья доха и спустились съ колѣнъ мохнатые волчьи наколѣнники.

— Какое мнѣ дѣло до людей?—сказалъ: Юрюнгъ Таенъ. Пусть они погибаютъ. Пусть вымрутъ до послѣдняго. У нихъ вѣдь свой собственный рокъ. Когда я отпускалъ ихъ на землю, я не сказалъ имъ: „приходите назадъ“! Если люди могутъ плодиться, пусть плодятся. Если они они не могутъ жить,—пусть околѣваютъ. Мнѣ что до нихъ. Ступай. Пошла Ансытъ Хатынъ и заплакала. И падали слезы ея, какъ цвѣтные корольки. Не больно ей, что обидѣли ее, а жалко, что погибнутъ люди. Вдругъ утерла слезы мать создательница и засмѣялась. Засвѣтилось ея лицо, какъ угоръ послѣ дождя, когда пройдетъ по немъ солнце. Увидала она, что собирается выйти на небо Юргюкъ-Удаганъ, дочь солнца, что хочетъ намотать на серебряный колъ свои восьмисаженныя алыя косы, хочетъ расчесать ихъ золотымъ гребнемъ. Вонъ, глядите,—обратился къ намъ Кумуляхъ,—она и теперь вышла чесать косы.

Старикъ указалъ на востокъ, гдѣ изъ-за вершинъ гольцовъ брызнули по небу огромные столбы алаго свѣта.

— Глаза у Юргюкъ-Удаганъ черны, какъ базальтъ, брови ея, какъ два соболя, что лежатъ одинъ возлѣ другого и обнимаются лапами, — продолжалъ Кумуляхъ.

— Не брезгай землей и людьми, красавица Юргюкъ-Удаганъ, — кротко сказала мать создательница. Смотри, люди пропадаютъ. Спаси ихъ. Развѣ будутъ твои косы также сверкать, если на землѣ не останется ни одного саха (якута), кто любовался бы ими? Не потемнѣешь ли ты отъ горя тогда, какъ та „дѣвушка съ талиной“, подруга мѣсяца, тоскующая по землѣ? [1]). И молча под-

[1]) Якуты говорятъ, что пятна на лунѣ это — дѣвушка, которую взялъ мѣсяцъ съ земли.

нялась Юргюкъ-Удаганъ съ восьминогаго мѣднаго стула, мягко улыбнулась и пошла на западъ. А распущенныя алыя косы потянулись сверкающимъ хвостомъ за ней, какъ тѣ страшныя чудныя звѣзды, что появляются иногда на небѣ и сулятъ землѣ или великую радость или великое несчастье. Вотъ спустилась Юргюкъ-Удаганъ на «запутанное небо», гдѣ рождаются облака. Здѣсь у окна юрты часто сидитъ злой духъ и швыряетъ на землю камни. Люди говорятъ тогда, что громъ гремитъ. Съ «запутаннаго неба» Юргюкъ-Удаганъ спустилась ниже. Поджавъ ноги, сидѣлъ здѣсь на огромной бѣлой кобыльей шкурѣ страшный злой духъ Тимиръ-Садалбы. Лицо его въ морщинахъ. Ты видѣлъ, сколько пузырей появляются на лунѣ во время дождя? Еще больше желваковъ на лицѣ злаго духа. Голова у него плѣшива, какъ внутренность нелуженаго мѣднаго котла. Отдѣльные зубы торчатъ изъ широкаго хайла, какъ пни въ вырубленномъ лѣсу. Въ одной рукѣ Тимиръ-Садалбы держалъ четырехугольный бубенъ, обтянутый высушенной кожей пѣгаго жеребца, а въ другой — осмоленную «ворчливую» колотушку. Гулко и рѣзко звучали удары. И подъ ладъ имъ корчились и выли на землѣ женщины, одержимыя той болѣзнью, которую мы, якуты, называемъ мирерикъ [1]).

— Куда идешь, Юргюкъ-Удаганъ?—спросилъ Тимиръ-Садалбы.—Остановись. Далѣе холодно, далѣе мученія.

Но улыбнулась только дѣвушка и пошла дальше. И замерла на время рука Тимиръ-Садалбы, и долго слѣдилъ онъ за свѣтомъ, что остался отъ косъ Юргюкъ-Удаганъ.

Вотъ стала достигать она уже той „незыблемой бездны", о глубинѣ которой еще не разсуждали, ширину которой еще не измѣрили. Тутъ начинается рѣка. Перевозъ черезъ нее держитъ старикъ Бергень. Еще издали послышался страшный свистъ, подобный вою вѣтра въ гольцахъ. Огромныя лиственницы гнулись до земли и щепались на тонкія лучинки. То эрапклъ Бергень.

— Куда идешь ты Юргюкъ-Удаганъ?—спросилъ проснувшійся перевозчикъ.—Или ты хочешь видѣть смерть?

Но дѣвушка только улыбнулась, и послушно вытащилъ Бергень свой карбасъ, сшитый тальниковой вицей. Какъ труденъ былъ переѣздъ въ „нижній міръ"! Два дня сначала плыли по огненной рѣкѣ. Съ воемъ клокотали волны вокругъ. Потомъ прошли волокъ въ полтора кіось (15 верстъ). Здѣсь копошилось столько гадовъ, что ногѣ ступить негдѣ было. А тамъ пошло огромное „море плѣсени" да еще кровавая рѣка. Небо стало сѣро, „какъ рыбья щерба". Всюду на кочкахъ сидѣли огромныя лягушки, величиной съ трехгодовалыхъ бычковъ. Присталъ карбасъ къ берегу. Высадилъ Бергень дѣвушку и поплылъ обратно. Пошла Юргюкъ-Удаганъ все далѣе на западъ. Вотъ мимо съ воемъ пробѣжалъ звѣрь Мякъ-Тугай, съ тремя ногами на пупѣ; тихо и неслышно проплыли *кюлюхъ* (тѣни). Онѣ вели провинившагося дьявола, чтобы запереть его въ желѣзный лабазъ. Всѣ оглядывались на Юргюкъ-Удаганъ и все гадали, какъ и зачѣмъ она могла попасть сюда. Пробовали ей «три тѣни обманщика» заступить дорогу; но дѣвушка только улыбнулась, и пропустили онѣ дочь солнца, и

[1]) Родъ кликушества, которымъ почти поголовно страдаютъ якутки.

долго слѣдили за алыми косами, что сверкали на небѣ, гдѣ никогда не показывается солнце. Вотъ изъ мрака донеслось пѣніе дьявола. Кумуляхъ завылъ хриплымъ, царапающимъ голосомъ, подражая пѣнію.

— Называюсь я—одноногій Судорба-батырь. Нѣтъ никого краше, умнѣе и храбрѣе меня. Вынырнулъ изъ тьмы дьяволъ. Онъ ѣхалъ верхомъ на пестромъ быкѣ. Единственный рогъ у скотины выросъ изъ середины лба. Единственный глазъ быка сверкалъ, какъ вечерняя звѣзда Чалбонъ. И у дьявола былъ лишь одинъ глазъ, такой же мутный и тусклый, какъ грязный кусокъ льда. Зубы походили на долбешки, выкованныя плохимъ кузнецомъ. Волосы взъерошились, какъ тальникъ на берегу рѣки во время водополья. Увидѣлъ дьяволъ дѣвушку, сталъ колотить пьятой своей единственной желѣзной ноги въ бокъ быка и погналъ его изо всѣхъ силъ. Хотѣлъ дьяволъ первымъ донести «господину восьми дьявольскихъ улусовъ», страшному Арсынъ-Долаю, что пришли чужіе.

И страшный Арсынъ-Долай раскрылъ свой широкій ротъ на темени, созвалъ всѣхъ, подвластныхъ ему *ёровъ*, что, вселившись въ тѣло, производятъ ломоты и язвы, слѣпоту и безсиліе. Велѣлъ всѣмъ быть на готовѣ. Онъ думалъ, что идетъ на него Хара-батырь, или «Бѣлый юноша», или другой могучій воинъ, что не одного уже дьявола разсѣкъ на четыре части. И приготовился Арсынъ-Долай, грозный ханъ восьми дьявольскихъ улусовъ и повелитель „нижняго царства“ къ жестокому бою. Такъ косматый улу-таёнъ—медвѣдь, почуявъ, что идетъ на него промышленникъ, выползаетъ изъ пихтача, поднимается на заднія лапы, щелкаетъ зубами и поводитъ налившимися кровью глазами.

Но поднялась тяжелая дверь желѣзной юрты, и раскрылъ Арсынъ-Долай широко свои глаза, что лежатъ у него на вискахъ. Не страшный богатырь стоялъ на порогѣ, а Юргюкъ-Удаганъ; далеко развились ея алыя косы. Стало свѣтло въ желѣзной юртѣ, гдѣ до тѣхъ поръ только и обсуждалось, какъ бы причинить болѣе горя и страданій бѣдной землѣ.

— Абра кини!.. (пощади людей!) только и сказала Юргюкъ-Удаганъ, — жалко ихъ! вѣрь, слабые они! - И улыбнулась дѣвушка.

И смягчилось сердце Арсынъ-Долая. Потухла въ немъ злоба. Удивило его, что приняла на себя красавица муки и пришла просить не за себя, а за другихъ. И помолчалъ ханъ восьми улусовъ, а потомъ сказалъ:

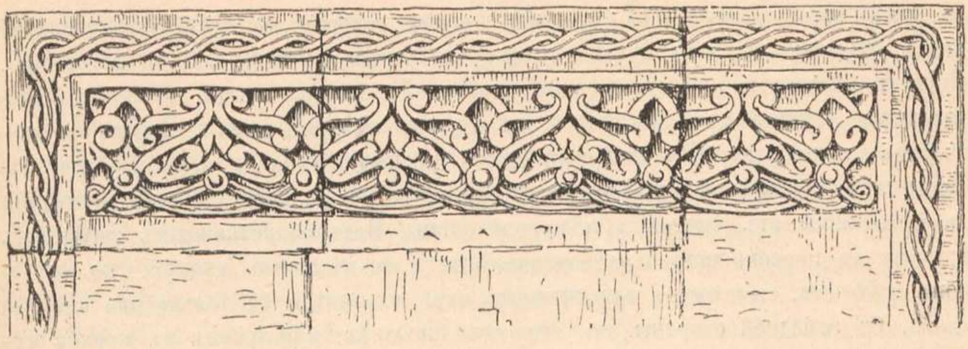
— Слушай, Юргюкъ-Удаганъ, растопилось сердце Арсынъ-Долая! Дамъ я людямъ и землѣ въ году три мѣсяца отдыха. Три луны не выпущу я солонника; три мѣсяца пусть Солнце-Таенъ ходитъ по небу. И первый мѣсяцъ пусть такъ и зовется *синьлань* (т.-е. мѣсяцъ отдыха)*). Я пошлю людямъ цвѣтокъ санаргабынъ. Онъ пусть показываетъ, что смягчила грусть Юргюкь-Удаганъ сердце хана „восьми улусовъ“ и что конецъ зимѣ.

Кончилъ Кумуляхъ. Въ долину хлынули снопы ослѣпительнаго свѣта. Солнце показалось надъ гольцами. Пора было тронуться въ дальнѣйшій путь.

Діонео.

Лондонъ,
27 марта 1897 г.

*) Якутскій новый годъ начинается съ мая, *синелана*, по мѣстному.

Поѣздка въ Пшавію и Хевсуретію*).

I.

21-го Іюля 1895 года въ 12 ч. дня выѣхали мы верхомъ изъ Тіонетъ по дорогѣ въ Пшавію и Хевсуретію въ сопровожденіи пристава Джангіери, мѣстнаго судебнаго слѣдователя Н. А. Волотковича и нѣсколькихъ всадниковъ — Кистиновъ. День былъ свѣтлый и очень жаркій. Первыя пять или шесть верстъ приходилось ѣхать по большой Душетской дорогѣ, проложенной по безлѣсной долинѣ Земо-Тіонетъ. Оставляя влѣво дорогу въ Бодави, заворачиваемъ къ деревнѣ Джиджети, гдѣ подъ великолѣпными орѣховыми деревьями осматриваемъ развалины значительной церкви съ притворомъ и оградой, сложенной изъ хорошо тесанаго камня и расположенной въ тѣни великолѣпнѣйшихъ развѣсистыхъ орѣховыхъ деревъ. Сейчасъ же за деревней начинается *Джиджетскій подъемъ*, красивый и живописный по густой зелени, насъ окружающей, по игрѣ тѣни и свѣта на бѣловатыхъ каменистыхъ отрогахъ, на сѣроватыхъ и мшистыхъ дуплахъ чинаръ. На перевалѣ прелестный видъ на высокія, сверху до низу покрытыя лѣсомъ и задернутыя какимъ-то голубоватымъ флеромъ Мтіулинскія горы Душетскаго уѣзда. Значительный Паливскій спускъ разбиваемъ на двѣ половины для осмотра въ мѣстности Хмала святилища и при немъ пивоварни и древней церкви въ *Харчито*, расположенной поодаль отъ дороги въ лѣсной чащѣ, до которой немыслимо добраться безъ помощи провожатаго изъ мѣстныхъ жителей.

Церковь эта, — по преданію монастырь, занимаетъ среди лѣса вершину холма и окружена развалинами помѣщеній и значительной оградой, которая сохранила

*) Печатаемые здѣсь рисунки сдѣланы съ фотографій, снятыхъ археологическою экспедиціею и любезно сообщенныхъ гр. П. С. Уваровою. *Ред.*

до сихъ поръ съ восточной стороны башню, которая по своей конструкціи не могла служить ни чѣмъ другимъ, какъ для отраженія нападеній на монастырь. Церковь одного типа съ подобными зданіями Тіонетскаго уѣзда, но гораздо значительнѣе остальныхъ и построена изъ хорошо тесанаго камня. Крыша ея двускатная, а полукруглый алтарный выступъ представляется какъ бы приставленнымъ къ зданію и выведенъ не вподлицо съ остальными стѣнами, а отступя на $^3/_4$ аршина отъ южной и сѣверной стѣны. Надъ единственнымъ западнымъ входомъ въ церковь вставлена каменная плита съ надписью куцури, но въ такомъ избитомъ, стертомъ и закопченномъ видѣ, что читаются только два или три слова. Съ западной стороны, но, вѣроятно, позднѣе, пристроенъ къ церкви широкій открытый на западъ притворъ. Надъ нимъ прилѣплена не совсѣмъ правильно кирпичная пролетная колоколенка на каменныхъ столбахъ. Внутри церковь также хорошо обтесана. Покрытіе ея состоитъ изъ трехъ коробовыхъ арокъ; алтарная преграда—каменная, сильно реставрированная, имѣющая царскія и сѣверныя двери. О церкви не сохранилось никакихъ преданій; извѣстно только, что она посвящена св. Георгію. Въ церкви только одно окно на востокъ, то есть въ алтарномъ полукругѣ.

Покончивъ съ осмотромъ церкви, мы возвратились къ спуску, гдѣ у холоднаго ключа, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ селенія Харчито, закусили и отдохнули, послѣ чего сѣвъ, на коней, Паливскимъ спускомъ доѣхали до сел. Тваливи, расположеннаго на берегу Арагвы. Русло этой рѣки широкое и каменистое; рѣка шумитъ и реветъ, разбиваясь на нѣсколько рукавовъ, которые, ежегодно мѣняя свое теченіе, то подмываютъ одинъ берегъ, то срываютъ часть другаго, то представляются въ видѣ широкой, мелкой и довольно тихой рѣки, то въ видѣ бурнаго потока, разбивающагося на мелкіе ручьи, глубокіе и бурные, какъ всѣ горные потоки. Сланцевыя горы, насъ окружающія, поражаютъ своею растительностью, своими могучими орѣховыми кустами, великолѣпными грапами и чинарами. Заворачиваемъ влѣво, вдоль лѣваго берега Пшавской Арагвы, ущелье которой сохраняетъ характеръ вышеописанный. Вправо—широкое ущелье бурной горной широкой рѣчки Шарахеви, врывающейся въ Арагву. Скальные отроги, выбиваясь изъ подъ растительности, спускаются на дорогу, преграждая ее весьма часто, или представляясь въ видѣ каменныхъ ступеней и лѣстницъ, которыя проходимъ однако весьма легко, благодаря бодрости и выносливости нашихъ горныхъ коней. Скалы эти покрыты толстымъ слоемъ чернозема или хумуса, толщину котораго легко изучить при проѣздѣ, такъ какъ придорожныя скалы частью обвалились, а растительный слой, перепутанный корнями деревъ и растеній, нависаетъ надъ нашими головами, питая массу растеній, мховъ и цвѣтущихъ травъ. На насъ струится вода, надъ головами нависли деревья, стволы которыхъ поднимаются до небесъ, а могучіе корни живописно спускаются вдоль спусковъ, какъ-бы пріискивая себѣ пропитаніе, какъ-бы заявляя о своихъ правахъ на существованіе.

Короткій, но сильный подъёмъ и на верхней площадкѣ, гдѣ приходится дать отдохнуть лошадямъ, нѣсколько небольшихъ негноевъ. Послѣ спуска берегомъ Арагвы добираемся до того мѣста, гдѣ р. Магараули врывается въ нее; здѣсь спѣшиваемся, чтобы на первый разъ безопасно перейти чрезъ пшавскій мостъ,

переброшенный через Арагву и установленный съ лѣваго берега на плетеныхъ корзинахъ, а на противоположномъ берегу на природныхъ скальныхъ отрогахъ; поверхъ всего этого нѣсколько бревенъ, поперекъ которыхъ наложены доски, прикрѣпленныя деревянными гвоздями; вблизи рѣки зеленая лужайка, поднимающаяся уступами въ гору; внизу, подъ развѣсистымъ орѣхомъ, среди обширнаго зеленаго двора, низенькая мазанка, прикрытая красною черепицею, съ окнами, закрытыми одпѣми ставнями; мазанка эта служитъ мѣстнымъ сельскимъ правленіемъ, прозывается канцеляріей и должна служить намъ мѣстомъ для ночевки. Немного выше—новая церковь; еще выше миртовая роща и въ ней святилище, построенное въ видѣ крыши, основанной на четырехъ столбахъ съ пролетами; крыша сложена изъ каменныхъ плитъ въ нѣсколько ярусовъ съуживающихся къ вершинѣ. За святилищемъ пастбища, поля, поселки, составляющіе весьма живописное ущелье Гомецари. Мѣстность эта—*Магаро* или *Магароскари*, расположенная на высотѣ 3100 ф.

Переночевавъ въ Магаро, выѣзжаемъ въ Шуапхо въ 9 ч. утра, слѣдуя все время долиной Пшавской Арагвы, весьма живописной и привлекательной по своей зелени и тѣмъ пятнистымъ скаламъ, которыя иногда вырываются изъ-подъ этой зелени. Въ мѣстности, называемой Гарцис-Кари, скалы эти, надвигаясь на Арагву, образуютъ внушительныя ворота, которыя не могутъ не привлечь вниманія путешественника и не остановить его, хотя бы на нѣсколько секундъ, своей красой и удивительнымъ сочетаніемъ тоновъ теплыхъ пятнистыхъ скалъ на зеленомъ фонѣ, окружающихъ ихъ деревьевъ съ той и другой стороны. Подъемъ и спускъ въ этой мѣстности по скалистому обрыву поражаетъ и плѣняетъ насъ своею особенною крутостью. Далѣе путь продолжается то поднимаясь, то снова спускаясь по откосамъ рѣки, которая бурлитъ и шумитъ въ глубинѣ; день жаркій, но насъ окружаетъ прохлада и свѣжесть отъ огромныхъ деревьевъ, нависшихъ надъ нашей тропой. Въ полуверстѣ отъ нашего прямого пути, въ томъ мѣстѣ, гдѣ бурная Капалис-цхали врывается въ Арагву, посѣщаемъ древнее капище *Капало*, состоящее изъ часовеньки-хаты (по мѣстному названію) подъ нависшимъ деревомъ и огромнаго камня жертвенника, установленнаго предъ полукруглою каменною кладкою на зеленой лужайкѣ, спускающейся къ рѣкѣ, въ виду прибрежныхъ скалъ, зеленаго темнаго противоположнаго берега и криницы свѣжей, вкусной воды. Выше, по всѣмъ окружающимъ вершинамъ, замѣтно много хатъ-святилищъ.

Пшавы того мнѣнія, что „Капало“ есть названіе древняго миѳическаго Пшавскаго богатыря, который освободилъ страну отъ драконовъ, раззорявшихъ ее въ древнія времена; поселяне сопровождавшіе насъ въ поѣздкѣ, увѣрены, что камни окружавшіе капище, остались отъ того времени, когда Хевсурскіе великаны дрались съ Пшавскими, метая камни черезъ горы; самый большой камень (называемый мною жертвенникомъ) былъ по преданію унесенъ Хевсурскимъ великаномъ изъ мѣстности, называемой Удзиа-урта, близь Шуапхо (на горахъ между Пшавской Арагвой и р. Акушае-хеви; тамъ сохранилось также святилище подъ названіемъ Капало), но Пшавецъ – охотникъ, Автандилъ, замѣтилъ покражу, вырвалъ дерево, метнулъ имъ въ Хевсурца и убилъ его въ то время, какъ онъ перебирался черезъ Арагву; Хевсурецъ, умирая, обронилъ камень на берегу рѣки; побѣдитель вынесъ его и установилъ у капища.

Продолжая путь, перебираемся черезъ рѣку по трепещущемуся мосту. Въ одномъ мѣстѣ по дорогѣ горный потокъ вырвалъ все на своемъ пути, вывернулъ и унесъ въ пространство камни, деревья и цѣлыя массы земли и глины; горная тропа наша исчезла и мы нѣкоторое время пробираемся сухимъ русломъ рѣки, которое во многихъ мѣстахъ поросло кустарникомъ и мелкими деревьями. Влѣво снѣжныя *Украцхадойскія горы*, ущельями которыхъ можно пройти въ Хевсуретію, въ мѣстность, называемую Танія; горы эти по пятиверстной картѣ обозначаются подъ именами: „Сачили и Салаго". Вправо — Чартальское ущелье съ широкою каменистою рѣчкою Чаргули; изъ этого ущелья родомъ всѣ нынѣшніе поэты Грузіи.

Ѣдемъ; на откосахъ горъ отдѣльные дома селенія Гударахи, его пашни, полянки, покосы; вотъ ущелье Катал-хеви съ высокимъ безлѣснымъ хребтомъ въ видѣ воротъ; дальше снова лѣсистыя горы со множествомъ потоковъ, отдѣльныхъ рѣчекъ или просачивающихся со всѣхъ сторонъ источниковъ. Любуемся отдѣльными скальными вершинами; пробираемся подъ скальными навѣсами по галлереямъ-мосткамъ, выложеннымъ каменными плитками для уширенія пути надъ рѣчнымъ обрывомъ, пролагаемъ себѣ путь по тѣмъ наносамъ — моренамъ, которые выносятся изъ ущелій весенними потоками или снѣжными наносами. Богатство окружающей флоры, благодаря множеству горныхъ потоковъ, просачивающихся и разлагающихъ шиферныя скалы, поразительно: слой чернозема и перегноя травъ и растеній прикрываетъ горные откосы четырехвершковымъ бархатнымъ наслоеніемъ плотно переплетенныхъ кореньевъ, покрытымъ почти сплошь мягкою, сочною травою и самымъ пестрымъ ковромъ цвѣтущей ромашки, маковъ, колокольчиковъ, крапивы, гвоздикъ и пр. Великолѣпные орѣшники, клены, цвѣтущія липы останавливаютъ также на всякомъ шагу наше вниманіе. Подвигаемся очень тихо, ибо не можемъ не любоваться, не останавливаться, не радоваться и теплу, и синему небу и всей той красѣ, которой наградилъ Создатель этотъ роскошный край.

Вотъ мѣстность «Нацвѣто»: со мшистыхъ, цвѣтущихъ, зелёныхъ скалъ сочится вода, ниспадая на проѣзжаго въ видѣ мелкаго дождя, капли котораго играютъ и блестятъ на солнцѣ. Еще разъ перебираемся черезъ мостъ на лѣвый берегъ Арагвы; ущелье съуживается и рѣка мало-по-малу становится уже, шумнѣе и бурливѣе. Влѣво—живописный прорывъ скалъ, а за ними цѣлая декорація скалъ, деревьевъ и надъ всѣмъ этимъ, синее, блестящее, манящее къ себѣ небо — это *Орцали* (двѣ воды) или то мѣсто, гдѣ Хевсурская Арагва вливается въ Пшавскую и откуда мы, по объѣздѣ Пшавіи, начнемъ поѣздку въ Хевсуретію. Ущелье становится все уже и уже; дорога идетъ маленькими овражками и холмами, то пересѣкая потокъ, то перебираясь по ложу рѣки; заворачиваемъ круто на востокъ и, слѣдуя все-таки теченію Пшавской Арагвы, голыми, мягкими холмами, покрытыми бѣдною растительностью, узкою тропою, которая вьется по самому краю этихъ холмовъ, надъ бездною, добираемся до мѣста нашего ночлега, селенія Шуапхо, разбросаннаго по горамъ отдѣльными поселками. Располагаемся снова въ канцеляріи, двухъ-этажномъ зданіи, двери и балконъ котораго обращены на ущелье. Ущелье это кажется намъ, сравнительно съ пройденнымъ путемъ, и голымъ, и безлѣснымъ, но чѣмъ болѣе день клонится

къ вечеру, чѣмъ болѣе ночная тѣнь покрываетъ землю — тѣмъ болѣе находимъ прелести въ окружающей насъ мѣстности, ея горахъ и темныхъ глубокихъ ущельяхъ. Луна выплываетъ изъ за горъ, освѣщая противоположныя вершины, играя въ волнахъ рѣки, которая перерѣзываетъ долину серебристою лентою; за рѣкой зажглись огни отъ костровъ и мало-по-малу все стихло, все замолкло, какъ можетъ стихнуть только въ такомъ далекомъ, глубокомъ, горномъ ущельи.

Селеніе Шуапхо (4200 ф., надъ уровнемъ моря), или, скорѣй, тотъ поселокъ селенія, въ которомъ остановились мы, лѣпится по откосу горъ и состоитъ изъ мазанокъ съ плоскими южными мазанными крышами, большею частью въ два этажа, въ которыхъ размѣщаются жители со всѣмъ своимъ домашнимъ скарбомъ и скотомъ, котораго въ мѣстности значительное количество. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ селенія, влѣво подъ деревьями возведена маленькая новая бѣленькая церковка, которая такимъ образомъ освѣщаетъ мѣсто древняго капища Яхсари, которое, впрочемъ, осталось тутъ же въ видѣ обыкновенной маленькой постройки, называемой «хати». Даже колокольня при церкви ничто иное какъ тѣ игрушечныя звоницы съ крестомъ, которыя видѣли въ Бодави.

Четыре креста изъ святилища перенесены нынѣ въ церковь, но не представляютъ особаго интереса.

Изъ святилища *Цадаурти* выше Шуапхо принесли показать намъ вещи, сохраняемыя при святилищѣ, о которыхъ много говорилось и не разъ писалось людьми, которые ихъ не видали и не имѣли о нихъ настоящаго понятія. Вещи эти состоятъ изъ:

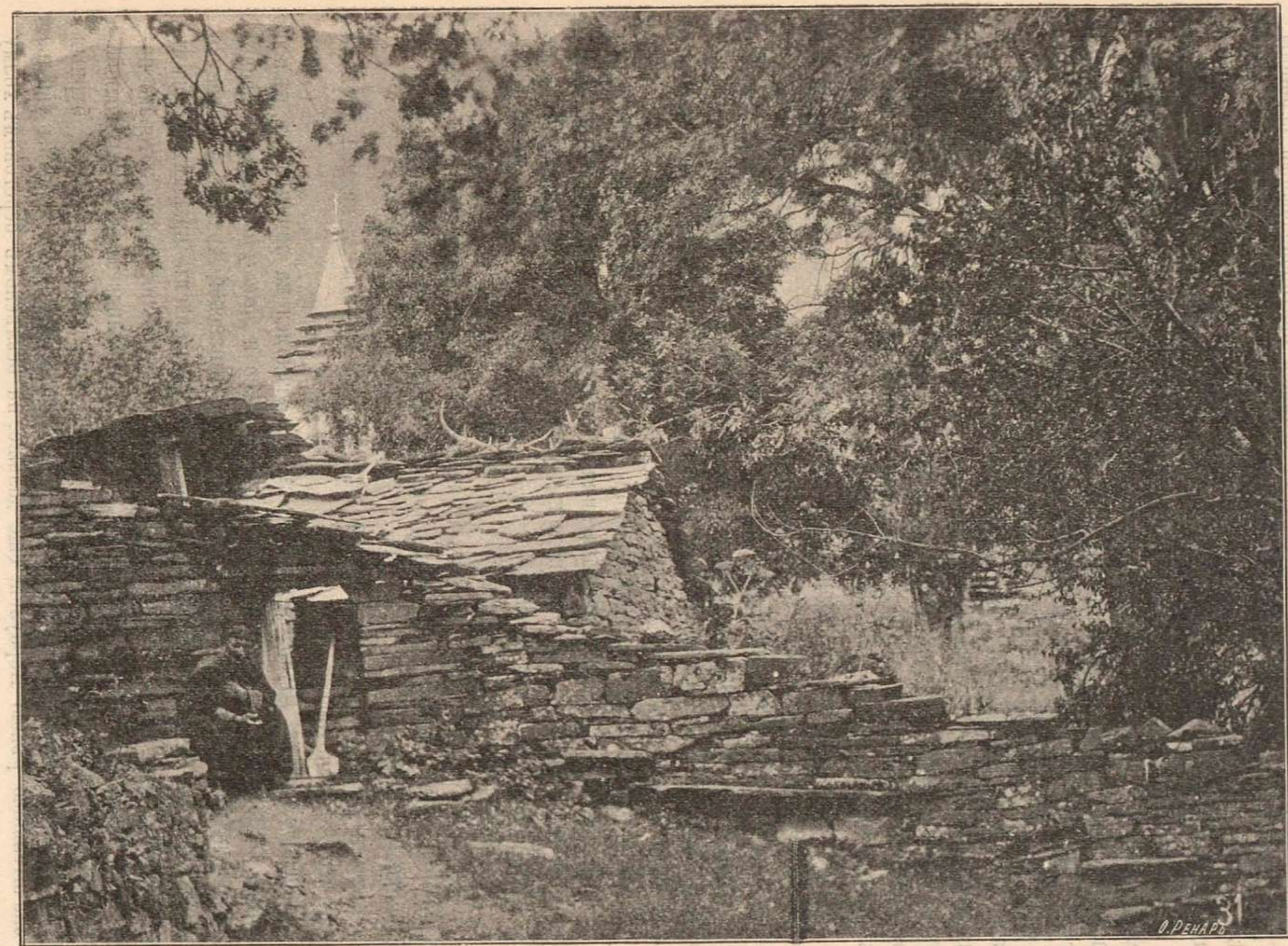
Двухъ серебряныхъ маленькихъ сосудовъ въ видѣ потировъ на ножкахъ (у одного она отломлена) съ гражданскими грузинскими надписями, гласящими о пожертвованіи сосудовъ этихъ на поминъ души сыновей и близкихъ святилищу Арх. Гавріила—Товар—ангелосъ.

Чарочки маленькой на ножкѣ.

Потира одного размѣра и формъ съ вышеописанными но съ 4-мя петельками по сторонамъ; къ двумъ изъ нихъ привѣшаны серебряныя дутыя серьги — бубенчики.

Братины серебряной, вышиной въ $2^3/_4$ вер. съ выбитымъ на ней по всей окружности орнаментомъ.

Переночевавъ въ Шуапхо, утромъ, въ 9 ч., садимся на лошадей съ цѣлью посѣтить главнѣйшія святилища Пшавіи: *Тамар-тепе* и *Лашарис-джвари*, расположенныя среди лѣсистыхъ холмовъ верховьевъ Пшавской Арагвы. Взбираемся на кручу надъ селеніемъ Шуапхо и, огибая холмы, идемъ правымъ берегомъ рѣки. Проходимъ около мѣстнаго кладбища, надземныя постройки котораго напоминаютъ подобныя зданія Осетіи. Тутъ же останавливаемся, чтобы полюбоваться на противуположной сторонѣ глубокимъ ущельемъ Тетро-хеви, бурныя бѣлыя воды котораго врываются въ Арагву. Далѣе, съ нашей стороны ущелье съ значительною рѣкою Нараулой; еще дальше, на безлѣсномъ береговомъ холму подъ тѣнью нѣсколькихъ фруктовыхъ деревъ цѣлая связь маленькихъ святилищъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «*Дамаста*» или св. Георгія Дамастскаго, празднуемаго на Пасхѣ. Надъ этими святилищами, немного въ сторонѣ, также на одномъ изъ безлѣсныхъ холмовъ, въ тѣни деревъ, вѣроятно бывшей священной

Пшавія. Главное святилище края Тамаръ-непе: внѣшній дворъ, ограда, помѣщенія для благольцевъ и колокольня.

рощи, церковь селенія Муко со святилищемъ, изъ котораго снимаемъ крестъ съ надписью.

Напротивъ насъ высокія лѣсистыя горы. Путь же нашъ лежитъ по сланцевымъ довольно голымъ холмамъ, которые, не смотря на свою безлѣсность, могутъ соблазнить всякаго прелестью своей разнообразной флоры: альпійскія мелкія растенія живописно мѣшаются съ цѣлыми букетами красныхъ маковъ, бѣлой ромашки, желтыхъ мальвъ, самыхъ разнородныхъ колокольчиковъ и горошковъ, клевера, aconitum и пр. Дико и поэтично вокругъ насъ. Помимо красоты мѣстности, прелести окружающихъ насъ цвѣтовъ и рѣдкихъ кустовъ и деревъ на всѣхъ насъ неотразимо дѣйствуетъ ароматъ этихъ цвѣтовъ и душистыхъ травъ; не менѣе привлекательна также и проходимая нами дорога съ ея осыпями, потоками, каменными лѣстницами, сильными подъемами и спусками...

Проѣхавши верстъ 15, мы круто поднимаемся на холмъ, расположенный между Арагвой и р. Цацадис-хеви; холмъ очень лѣсистый, заросшій орѣшниками, рододендрами, азаліями, осиной и грабомъ; на полъ-дорогѣ находимъ двѣ каменныя хижины—пивоварни съ двускатною шиферною крышею, покрытою на верхнемъ конькѣ болѣе крупными тяжелыми камнями и разукрашенныхъ рогами оленей съ колокольчиками и иными побрякушками и шарами.

Въ самыхъ помѣщеніяхъ кромѣ котловъ, печи и деревянной посуды находимъ довольно еще свѣжее женское шелковое верхнее платье, опушенное мѣхомъ, которое, по словамъ священника, насъ сопровождающаго, было принесено, по обычаю, въ святилище новоповѣнчанной женщиной. Вершина холма занята и посвящена главнѣйшему святилищу края „Тамаръ-непе или Царицы Тамары“, которое и до сихъ поръ настолько уважается народомъ, что никто не осмѣлится ни скосить траву въ его оградѣ, ни собрать яблокъ съ развѣсистой яблони, находящейся въ оградѣ. Ограда святилища, сложенная изъ камня, охватываетъ всю верхушку холма; передній открытый дворъ, расположенный съ края подъ развѣсистыми деревьями, окруженъ каменною скамьею и предназначается для народа или богомольцевъ — посѣтителей; за оградой этого двора — другой внутренній дворикъ съ двумя крытыми помѣщеніями для богомольцевъ; помѣщенія эти съ двускатными крышами, разукрашенныя рогами оленей, сообщаются съ общимъ дворомъ и вторымъ — особыми дверями; одно изъ помѣщеній въ видѣ навѣса, другое—въ видѣ дома. За ними еще дворъ, въ которомъ нашли два деревянныхъ сѣдалища (треножная скамья треугольникомъ съ задней палкой въ видѣ спинки—ручки), употребляемыя въ краѣ и до сихъ поръ, но съ крестомъ, вѣнчающимъ заднюю ручку. Изъ этого двора одна дверь—влѣво—выводитъ за ограду къ мѣсту закланія жертвенныхъ барановъ, другая въ главный дворъ, гдѣ расположено святилище и колокольни и куда имѣютъ доступъ только хевисберы (служители святилища) и православное духовенство. Святилище представляется въ видѣ маленькой отдѣльной хаты съ передней нишей для приношеній, въ которой теперь находятся двѣ небольшія невзрачныя русскія иконы Божьей Матери. Тутъ же двѣ колокольни—одна маленькая деревянная на столбахъ, другая—новѣйшая каменная; въ обѣихъ новѣйшіе русскіе колокола, къ языкамъ которыхъ привязаны куски жертвованныхъ матерій, за которыя берутся, чтобы звонить во время празднествъ, что производитъ самъ хевисберъ.

За святилищемъ два хлѣбныхъ магазина, построенныхъ въ видѣ жилищъ, съ каменными двускатными крышами и развалины какихъ-то помѣщеній. Въ самомъ святилищѣ, въ жилыхъ помѣщеніяхъ и вообще на холмѣ изъ болѣе древнихъ приношеній ничего не сохранилось: имѣются только рога и новѣйшіе мѣдные колокольчики отъ жертвенныхъ барановъ. Обстоятельство это объясняю тѣмъ, что въ святилищахъ этихъ хозяйничаютъ нынѣ и священники, которые, если судить по видѣннымъ нами экземплярамъ, ничѣмъ не интересуются, ничѣмъ не дорожатъ и далеко не соотвѣтствуютъ своему пастырскому назначенію.

Много древнихъ вещей уничтожено нѣкіимъ приставомъ Зурабомъ Эристовымъ, который, рѣшившись уничтожить святилища, врывался въ нихъ насильно, топталъ иконы, кресты, сосуды, вызывая въ народѣ только раздраженіе и нисколько не уничтожая то странное совмѣщеніе христіанства съ язычествомъ, которое въ Пшавіи, болѣе чѣмъ гдѣ либо на Кавказѣ обращаетъ на себя ваше вниманіе: на вышеупомянутыхъ празднествахъ хевисберы собираютъ народъ, закалаютъ барановъ, молятся по своему обычаю, а допускаемое на эти торжества православное духовенство приноситъ въ святилища кресты изъ церкви, молится Богородицѣ и получаетъ часть заклапнаго мяса.

Посидѣвъ, отдохнувъ и осмотрѣвъ святилище Тамар-непе, мы другой стороной холма, крутымъ берегомъ рѣчки Цацада-цхали спустились пѣшкомъ въ долину.

Огибая возвышенность, обросшую кустарникомъ и дубомъ, мы посѣтили еще второе святилище, посвященное Св. Кирику, память котораго празднуется двѣ недѣли послѣ Пасхи и 10-го ноября. Спустившисъ окончательно, мы завернули на берегъ Арагвы, гдѣ въ тѣни отдохнули, закусили и занялись осмотромъ и описаніемъ крестовъ, принесенныхъ намъ изъ Уканапшавской церкви хевисберомъ святилища Лашарис-джвари. Крестовъ этихъ три:

Деревянный выносной равнобедренный крестъ, принадлежавшій прежде святилищу Лашарис-джвари, обитый серебрянымъ листомъ съ очень плохо выбитыми изображеніями Св. Георгія на конѣ.

Крестъ деревянный выносной на длинномъ древкѣ, обитомъ серебрянымъ чеканнымъ листомъ. Средина креста украшена круглымъ непонятнымъ изображеніемъ, въ которомъ подозрѣваю что-то языческое; на лѣвомъ рукавѣ Богородица; вверху и внизу по два Архангела или Святыхъ въ стоячемъ положеніи съ копьями въ рукахъ; на оборотѣ грузинская надпись; рукава креста украшены частью обломанными привѣсками. Крестъ равнобедренный шестивершковый на серебряномъ яблокѣ. Крестъ этотъ принадлежалъ также святилищу Лашарис-джвари, въ которомъ и былъ изломанъ Зурабомъ Эристовымъ.

Крестъ маленькій литой серебряный позолоченный съ изображеніемъ съ одной стороны Распятія, а съ другой Богородицы съ Младенцемъ; всѣ концы креста на обѣихъ сторонахъ украшены головками не то херувимовъ, не то луны и солнца. Крестъ этотъ, по моему мнѣнію, не древній и съ какимъ то романскимъ характеромъ; оканчивается онъ внизу винтомъ, что доказываетъ, что онъ составлялъ часть какого-нибудь предмета. Священникъ же доказываетъ, что онъ пожертвованъ описанному святилищу самой Царицей Тамарой и въ доказательство того указываетъ на изображеніе Богоматери, смѣшивая, понятіе о Богоматери съ понятіемъ о великой Грузинской Царицѣ.

Напротивъ святилища Тамар-непе, по ту сторону Арагвы, на откосѣ горы, среди священной рощи, расположено святилище *Лашарисъ-джвари*, въ одномъ и томъ же родѣ, какъ и первое но меньшихъ размѣровъ, уважаемое и посѣщаемое даже мусульманами. Святилище это кромѣ неистовствъ Зурба Эристова подвергнулось еще въ 50-хъ годахъ сильному расхищенію; изъ драгоцѣнностей ему принадлежащихъ, кромѣ вышеописанныхъ двухъ крестовъ, называютъ еще драгоцѣнный крестъ, якобы перенесенный нынѣ въ Долашкедскую церковь въ сел. Чаралы, находящемся въ сторону отъ Военно-Грузинской дороги между станціями Анануръ и Пасанауръ.

Поздно вечеромъ вернулись на ночевку въ Шуапхо. Пшавская Арагва, по которой путешествовали до святилища Тамар-Кепе, находитъ свое начало недалеко отъ святилища на ледникахъ горы Барбало, одного изъ величайшихъ пунктовъ этой мѣстности, служащаго исходной точкой какъ для Пшавской Арагвы, такъ и для Іоры и Алазани.

Запоздавъ въ ожиданіи вещей изъ святилищъ, мы покидаемъ на другой день Шуапхо только въ $11\frac{1}{2}$ ч. и доѣзжаемъ до *Орихали* для дальнѣйшаго слѣдованія по Хевсуретіи. Лѣвымъ берегомъ Хевсурской Арагвы входимъ въ ущелье и продолжаемъ путь свой въ Гули то широкимъ, еще довольно зеленымъ и лѣсистымъ ущельемъ, то широкимъ каменистымъ ложемъ рѣки, по крутымъ каменнымъ лѣстницамъ расположеннымъ подъ скалистыми навѣсами, то по скальнымъ навѣсамъ—галлереямъ, которые такъ часто встрѣчаются въ нагорныхъ мѣстностяхъ Кавказа и пролагаются надъ обрывами и обвалами, рѣчками и потоками отъ одной скалы къ другой, подпирая ихъ цѣлыми стволами деревьевъ, на которые настилаются сучья и каменныя плиты. По дорогѣ, въ особенности вначалѣ, мы встрѣчаемъ цѣлыя поля цвѣтущей гречи, изъ которой Хевсуры выпекаютъ хлѣбъ, похожій на лепешки.

Вотъ прелестный каменистый спускъ въ ущелье Мацмахайское. Немного далѣе вправо глубокое лѣсистое ущелье Акушайское. Мы перебираемся черезъ рѣчку Датвисъ и нѣкоторое время ѣдемъ широкою долиной, окруженной влѣво горой Гвелети, а вправо г. Кабуло. Предъ нами, запирая ущелье, г. Аджеха. Характеръ мѣстности напоминаетъ только что пройденное Пшавское ущелье, но горы Пшавіи сохранили болѣе свои лѣса, которые немилосердно уничтожаются Хевсурами, которые, не имѣя пастбищъ, обрубаютъ вѣтки деревъ и кустовъ на кормъ скотины и дѣлаютъ это такъ неразумно, что многіе изъ деревъ высыхаютъ на самомъ корнѣ. Подобное хозяйство во многихъ мѣстахъ—совсѣмъ непростительно, ибо ложе Арагвы усѣяно почти сплошною массою буреломника, вынесеннаго и разметаннаго рѣкой, который могъ бы весьма удобно замѣнить поселянамъ топливо, которое, заготовляется ими изъ свѣжаго лѣса, который валится безъ всякаго разсчета и весьма часто употребляется настолько, насколько это оказывается удобнымъ поселянамъ, оставляя на мѣстѣ лучшія и болѣе цѣнныя его части. Подобное хозяйничество тѣмъ болѣе непонятно, что окружающіе насъ лѣса переданы въ введеніе казеннаго лѣсничества, которое, впрочемъ, не установило никакого за ними надзора или стражи.

Останавливаемся у источника подъ высокой сланцевой скалой послѣ весьма живописнаго подъема и спуска надъ рѣкой; мѣстность эта называется Мацмаос-

Хевсуретія. Хевисберы святилищъ сел. Гузани и прэдметы принадлежащія святилищамъ.

джири; тутъ имѣется хорошій источникъ свѣжей воды и мы воспользуемся имъ, чтобы заварить чай и закусить, а, пока развьючиваютъ лошадей, мы занимаемся фотографіей и снимаемъ окружающіе насъ спуски и откосы.

Въ нѣкоторомъ разстояніи поворотъ съ г. Архота со слѣдами снѣга. Далѣе еще подъемъ и каменная лѣстница со спускомъ надъ бушующей Арагвой. А вотъ могучая высокая скала Адиехис-джаръ вся мшистая, зеленая, со множествомъ пестрѣющихъ цвѣтовъ, съ нависшими кустарниками, съ свѣтовыми пятнами теплаго южнаго солнца, играющаго на кварцевыхъ отложеніяхъ, которыя все болѣе и чаще появляются въ скальныхъ наслоеніяхъ. Вотъ влѣво на высокой горной площадкѣ, выдвинутой г. Аджехой, тремя этажами надъ пашнями расположилось *селеніе Борисахо* съ единственною народною школою на всю Хевсуретію; въ виду селенія, но на противоположномъ берегу Арагвы, дорога наша вьется по холму среди массы камней, свалившихся съ ближняго хребта. Лѣса на горахъ вокругъ Борисахо тоже испорчены; даже священная роща, существовавшая когда-то вокругъ мѣстнаго святилища, на половину вырублена съ тѣхъ поръ, какъ святилище это упразднено. Напротивъ Ликокское ущелье. Ложе Арагвы и вообще ущелье расширяется; скалы покрыты мохомъ, мелкимъ папоротникомъ, цѣлыми букетами цвѣтовъ и разнороднѣйшей зелени; воображаешь себя иногда или въ лучшемъ паркѣ, или въ прелестнѣйшей оранжереѣ. Но вотъ Арагва стала снова уже, а ущелье, становится выше и диче; еще поворотъ, и предъ нами открывается высокій глинистый откосъ. зеленый, обработанный, съ желтѣющими пашнями и значительное селеніе съ деревянными домами, нагроможденными другъ на друга, съ открытыми навѣсами въ верхнихъ этажахъ. Переѣзжаемъ мостъ и вступаемъ на богатѣйшій коверъ зелени и цвѣтовъ, который доводитъ насъ въ нѣсколько подъемовъ до вышеупомянутаго селенія. Это *Гули*, одно изъ значительныхъ селеній Хевсуретіи, расположенное на высотѣ 5.400 ф. Мы останавливаемся въ домѣ мѣстнаго священника, который живетъ въ Гули, въ то время когда церковь его находится въ 10 в. оттуда въ сел. Хахматы. Домъ этотъ расположенъ надъ обрывомъ съ площадкой, фруктовыми деревьями и огородомъ и состоитъ изъ нѣсколькихъ комнатъ съ выходами на балконъ—навѣсъ. Передъ нами величественнѣйшая горная панорама: г. Чауши съ пятью вершинами со множествомъ снѣга, бурная рѣчка того—же имени, сбѣгаетъ съ быстрины, чтобы тутъ же соединиться съ Арагвой (ущельемъ этой рѣки пролегаетъ дорога на станцію Казбекъ); правѣе гора и рѣка Бло или Архоти, черезъ который существуетъ перевалъ на р. Асси; еще правѣе гора и р. Сачаклисъ съ переваломъ въ Архотское ущелье.

Пріѣхали мы довольно рано; на встрѣчу къ намъ высыпали всѣ жители селенья, которые и старъ, и младъ окружили насъ и провели въ разговорахъ остальную часть дня. Здѣсь въ первый разъ удалось намъ подробно ознакомиться съ оригинальнымъ костюмомъ Хевсуровъ, который представляется единственнымъ между остальными горскими народцами Кавказа. Костюмъ этотъ, произведеніе Хевсурскихъ женщинъ, весь изъ шерсти, типиченъ какъ по формамъ, такъ и по своимъ цвѣтамъ, и орнаментировкѣ. Состоитъ онъ изъ темно-красной или синей рубашки, расшитой весьма богато и изящно на груди шерстяной тесьмой, бисеромъ, сургеа moneta, панталонъ темно-синяго цвѣта съ крас-

ной нижней опушкой, верхняго платья или короткаго кафтана изъ той-же шерстяной домашней матеріи, того-же цвѣта, съ разрѣзами на бокахъ и подъ рукавами и цвѣтной опушкой и расшивкой вокругъ всего платья, по разрѣзамъ, вдоль рукавовъ и поперекъ спины. Кафтанъ этотъ открытъ на груди такъ, что самое богатое украшеніе шеи и груди имъ не закрывается; кафтанъ стягивается вокругъ таліи простымъ ремнемъ; газырей на груди нѣтъ, а если и появляются у нѣкоторыхъ Хевсуръ, то только въ видѣ позднѣйшаго дополненія. На поясѣ короткій прямой палашъ—дашна въ ножнахъ обдѣланныхъ мѣдью и съ такою же рукояткою. На головѣ мѣховая шапка, почти плоская, съ суконнымъ верхомъ и бараньей простой мохнатой опушкой разныхъ цвѣтовъ изъ мѣстныхъ бараньихъ шкуръ безъ всякой отдѣлки или (у болѣе молодыхъ и малыхъ) грузинская, черная войлочная круглая безъ бортовъ шапочка, расшитая тѣмъ же бисеромъ. На ногахъ пестрые шерстяные чулки и сапожки—ботинки изъ простой кожи съ переплетенною подошвою, разрѣзомъ и закладнымъ язычкомъ спереди, гдѣ имѣются ремни для обвязки ихъ кругомъ ноги. Извѣстно, что Хевсуры сохранили до сихъ поръ обыкновеніе носить при случаѣ желѣзную кольчугу, плоскій шлемъ (въ видѣ тарелочки) съ желѣзной сѣткой, защищающей лицо и шею, стальные налокотники, маленькій круглый желѣзный щитъ, который носится на кисти руки, желѣзную проволочную перчатку и нѣчто въ родѣ палаша—ятагана черезъ плечо. Кромѣ того Хевсуры употребляютъ желѣзное копье, которое насаживается въ видѣ пики на длинную деревянную рукоять и носится Хевсурами вмѣстѣ со щитомъ даже во время простыхъ переходовъ съ мѣста на мѣсто.

Много разъ говорилось о томъ, что Хевсуры потомки крестоносцевъ и что главный орнаментъ, входящій въ составъ ихъ костюма, есть крестъ.

Мнѣ думается, что подобное предположеніе плодъ досужей фантазіи, примѣняемой, къ несчастію, весьма часто при изученіи кавказскихъ древностей, народовъ и этнографіи края. Что Хевсуры не Грузины и не Грузинскаго происхожденія—мнѣ кажется фактомъ неопровержимымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ видѣть въ нихъ потомковъ крестоносцевъ весьма трудно, ибо ничто не подтверждаетъ этого мнѣнія: ни типъ Хевсуровъ, ни ихъ нравы, ни обычаи; что же касается до употребляемаго ими до сихъ поръ вооруженія и изображеній креста, которые встрѣчаются въ употребляемыхъ ими орнаментахъ, то первое, вѣроятно, заимствовано ими не съ запада, а съ востока, (налокотники всѣ чисто восточнаго происхожденія) а вторые—употребляются ими въ тѣхъ же размѣрахъ и формахъ, какъ и у народовъ Славянскаго происхожденія. Типъ Хевсуръ напоминаетъ скорѣй древняго Запорожца или Сармата съ Траяновой колонны; та-же обувь, тѣ-же панталоны, короткое платье, прямой палашъ, густые волосы стриженные въ кружекъ, тѣ-же усы, короткія бороды, мужественныя физіономіи и чубъ-древнихъ Запорожцевъ.—Снятые нами типы, въ особенности бандуриста въ Гуданѣ, могутъ вполнѣ подтвердить высказанное нами мнѣніе.

Хевсуры, говорятъ, фехтуютъ; но присмотритесь къ этому фехтованію, къ этимъ скорченнымъ, подпрыгивающимъ фигурамъ фехтующихъ и вы, вѣроятно, согласитесь, что фехтованіе это не занесено въ горы наши средневѣковымъ рыцарствомъ, а скорѣе заимствовано у какого нибудь первобытнаго дикаго на-

рода. Писатели, какъ напр., Радде, говорятъ, что Хевсуры дикій, жестокій, непривѣтливый народъ; думаю, что только первый эпитетъ примѣнимъ къ нему вполнѣ; что-же касается до остальныхъ двухъ, то они придуманы путешественниками, не понимающими народа и его языка и судящими слишкомъ строго жителей живушихъ въ ущельяхъ, недоступныхъ ни для кого восемь мѣсяцевъ въ году, отрѣзанныхъ совершенно отъ остальнаго міра въ продолженіи всего этого времени и для цивилизаціи которыхъ до сихъ поръ не принято никакихъ мѣръ. Въ Хевсуретіи, какъ указано выше, всего одна школа въ Борисахо, церквей четыре—(въ Хахматахъ, Шатилѣ, Борисахо и Архатахъ) но со священниками не всегда живущими при церквахъ и получающими дозволеніе зимовать въ Тіонетахъ, т. е. оставлять паству большую часть года безъ всякой духовной помощи и наставленія.

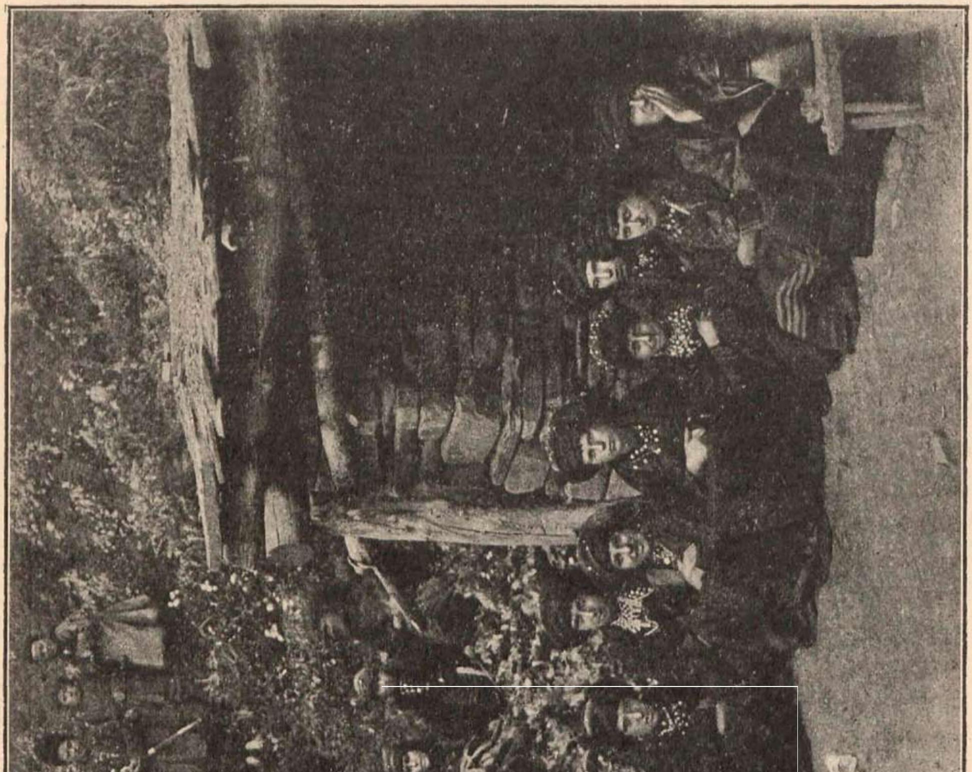
Переночевавъ у священника, мы въ 6 ч. утра покидаемъ Гули, направляясь вверхъ по Хевсурской Арагвѣ до Гудани, гдѣ какъ и въ Хахматахъ, по разсказамъ прежнихъ путешественниковъ, имѣются главнѣйшія святилища Хевсуровъ и хранятся ихъ драгоцѣнности. Садимся на коней, и засѣянными холмами заворачиваемъ къ Арагвѣ и пробираемся до самаго Гудани, ущельемъ этой рѣки, лѣса котораго представляютъ грустную картину полнѣйшаго уничтоженія. Въ Гудани насъ ожидала интересная картина; на горной площадкѣ подъ нависшими старыми ясями, около святилищъ (ихъ здѣсь три) толпятся хевисберы, народъ и латники, которыхъ собралъ старшина, услышавъ отъ меня наканунѣ въ Гули желаніе видѣть сокровища сохраняемыя въ святилищѣ и древнее народное вооруженіе. Старшій Хевисберъ стоитъ съ жезломъ—аваржани, второй держитъ въ рукахъ дроша, а два дастура (служители святилищъ) имѣютъ при себѣ всѣ сосуды святилища.

Аваржани ничто иное, какъ высокій жезлъ съ серебряною рукоятью, напоминающій своей формою древніе церковные жезлы съ рукоятью въ видѣ двухъ зміевъ.

Дроша родъ значка или знамя составленнаго изъ высокаго древка съ серебрянымъ позолоченнымъ яблокомъ на вершинѣ съ водруженнымъ наверху крестомъ; надъ яблокомъ привѣшены на нынѣшнихъ дроша вмѣсто знамени простые бумажные платки. Кресты, сохранившіеся на двухъ дроша въ Гудани очень плохого дѣла и не древни; оба серебряные, позолоченные, украшенные распятіями.

Сосуды, о которыхъ такъ много писалось, не представляютъ однако же, особеннаго интереса; всѣ они серебряные и древнѣйшіе изъ нихъ въ видѣ небольшихъ братинъ, съ двумя простыми гладкими ручками, украшенныхъ по сторонамъ изображеніемъ голубковъ. Всѣ они гладкіе и безъ всякихъ украшеній. О сосудахъ этихъ не сохранилось никакихъ преданій, которыя могли бы указать на ихъ относительную древность; указываютъ только на времена Царицы Тамары, которая якобы любила Хевсуретію, ее часто посѣщала, жила тамъ по временамъ и поселила въ селеніи Бисо, рядомъ съ Шатилемъ, колонію Евреевъ.

Святилище *сел. Гудани* (говорю о нижнемъ; имѣется еще второе верхнее святилище) состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ помѣщеній или молелень-хатъ, каменнаго алтаря сложеннаго подъ деревомъ въ одной чертѣ со святилищемъ, навѣса для посѣтителей, построеннаго спиной къ святилищу и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него еще двухъ крытыхъ помѣщеній съ тѣмъ же назначеніемъ.

Группа Хевсуровъ долины Аргуна.

Площадка, гдѣ возведены хаты, считается мѣстомъ недоступнымъ для простыхъ людей и никто изъ предстоящихъ не согласился переступить при насъ этого мѣста. Никто изъ присутствующихъ не смѣлъ также сѣсть, пока хевисберъ стоялъ съ дроша въ рукахъ.

Одинъ изъ хевисберовъ верхняго святилища, Бабо-Чингараули, извѣстный прорицатель, оказался и бандуристомъ. Коренастый старикъ, съ выразительною физіономіею, съ запорожскимъ чубомъ, въ простомъ сванетскомъ синемъ кафтанѣ, онъ присѣлъ на корточки, взялъ пандуру (по мѣстному), или трехструнную балалайку и запѣлъ сперва унылую пѣснь (на манеръ нашихъ сказителей) о Царѣ Ираклiѣ, созывающемъ хевсуровъ на брань, а потомъ мало-по-малу перешелъ въ плясовую, при чемъ одинъ изъ молодыхъ Хевсуровъ протанцовалъ нѣчто въ родѣ нашаго козачка.

Женщины Хевсурки носятъ платье изъ той же шерстяной матеріи какъ и мущины; состоитъ оно изъ юбки съ оборкой (полосатой) внизу, рубашки богато разукрашенной на груди и короткаго кафтана, въ родѣ мужскаго; на головѣ черный платокъ, охватывающій голову и вздутый по сторонамъ въ родѣ роговъ, подобно малороссійскому очипку для женщинъ и круглая повязка для дѣвушекъ. Женщины Хевсурки также весьма красивы, на видъ здоровы и крѣпки, черноволосы, темно-кожи, съ красивымъ оваломъ лица, крупными чертами, черными, открытыми, съ хорошимъ разрѣзомъ, большими, привѣтливыми глазами. Дѣтей у Хевсуровъ немного, но они на видъ крѣпки и здоровы.

Позволяю себѣ высказать предположеніе, что Хевсуры въ Гули, Гудани и Хахматахъ, то есть жители самой середины Хевсуретіи лучше, крѣпче, красивѣе, достаточнѣе и ближе подходятъ къ типу Запорожцевъ — Скиѳовъ, чѣмъ жители Шатиля, въ которыхъ мы находимъ иной типъ и иной характеръ.

Оставляя влѣво вершины, на которыхъ возвышается башня, якобы возведенная Тамарой и потому названная Тамар-тцихе съ заброшеннымъ святилищемъ мы изъ Гудани нѣкоторое время идемъ глинистыми холмами покрытыми Альпійскою флорою, то подымаясь, то снова опускаясь въ самое ложе рѣки Арагвы, которымъ и добрались до селенія Хахматъ, гдѣ пришлось переждать сильнѣйшій ливень, захватившій насъ въ то время, какъ мы собрались закусить послѣ осмотра церкви и святилища.

Хахматы значительное селеніе съ двумя башнями, расположенное въ долинѣ Хевсурской Арагвы въ очень близкомъ разстояніи отъ Бисо, гдѣ, какъ говорилось выше, сохранилось преданіе о Царицѣ Тамарѣ и переселеніи ею въ эту мѣстность еврейской колоніи. Селеніе состоитъ изъ каменныхъ домовъ съ плоскими крышами, надъ которыми возвышаются открытые навѣсы для всякаго хозяйственнаго скарба и расположено на холмахъ, по обѣимъ берегамъ рѣки. Церковь построена въ низинѣ, подъ защитой скалы, украшенной башней, и по сосѣдству нѣсколькихъ святилищъ—хатъ; вся мѣстность весьма зеленая и уютная. Тутъ же боковое узкое тѣнистое ущелье, въ которомъ пріютились святилища и нѣсколько старыхъ развѣсистыхъ деревъ, придающихъ особую прелесть этому уютному уголку Хевсуретіи.

Сохранилось преданіе, что древняя церковь въ Хахматахъ построена Царицей Тамарой и что надпись, передающая этотъ фактъ, находилась надъ входною дверью

храма. Я старалась найти эту надпись или разузнать о ней болѣе подробно, но всѣ усилія оказались тщетными.

Остатковъ древней церкви или болѣе значительныхъ развалинъ не сохранилось; новая же церковь очень маленькая, построена изъ нетесаннаго камня и не представляетъ никакого интереса. Древнѣйшій предметъ изъ ея утвари выносной серебряный, позолоченный, равнобедренный крестъ, установленный на яблоко изъ такого же металла; на крестѣ Распятіе, по сторонамъ котораго поясныя изображенія Богоматери и Іоанна; надъ Распятіемъ Херувимъ (можетъ быть позднѣйшая придѣлка) и поясныя изображенія, которыя по деталямъ могутъ быть приняты за Господа Вседержителя и Іисуса Христа. Распятіе о четырехъ гвоздяхъ. По оборотной сторонѣ грузинская надпись гражданскимъ шрифтомъ.

Въ особомъ ящикѣ, подъ видомъ хлама мы разыскали разную серебряную посуду: стаканчики, кружки, блюдца и чарочки для теплоты, обломки поясовъ и дробницъ—ничего древняго или чѣмъ либо интереснаго.

Въ Святилищѣ оказалось:

Дроша одной формы и типа съ видѣнными въ Гудани, но съ крестомъ еще менѣе интереснымъ и съ русскимъ колокольчикомъ; серебряные неинтересные сосуды, и серебряная братина, по преданію подаренная святилищу Царицей Тамарой; братина эта вышиной въ $2^1/_2$ вершка, несомнѣнно русскаго дѣла; вокругъ горла у ней обыкновенная надпись славянскими буквами: „братина добраго человѣка, пити на здоровіе". Ниже по корпусу, три дробницы—восточнаго типа между которыми неряшливо награвированная надпись гражданскимъ грузинскимъ шрифтомъ: „жертвуемъ Георгію Хахматскому на помипъ души Царица....." Продолженія надписи нѣтъ, такъ какъ сосудъ былъ сломанъ, и впослѣдствіи неумѣло спаянъ, что повредило конецъ надписи и оконечность орнамента. Къ братинѣ, вѣроятно, впослѣдствіи придѣланы гладкія серебряныя ручки, подобныя тѣмъ какъ имѣются у описанныхъ нами грузинскихъ сосудовъ и съ такими-же серебряными голубками-уточками, какъ и на тѣхъ. Вокругъ шейки братины на серебряной цѣпочкѣ привѣшаны разныя пожертвованія: сер. Хевсурскія серьги, новѣйшія русскія деньги, кресты за покореніе Кавказа, пуговицы и пр.

Переждавъ дождь, мы садимся на коней, чтобы до темноты добраться до селенія Лебайкари, гдѣ должны переночевать. Минуемъ селеніе, его поселки и узкимъ ущельемъ поднимаемся на нѣкоторую вышину; оборачиваемся и долго стоимъ, любуясь открывшеюся передъ нами картиной: туманъ, окутавшій все во время дождя, поддается теплымъ лучамъ солнца, которое, разсѣкая тучи, играетъ въ глубинѣ ущелья, на темномъ фонѣ котораго, красивымъ пятномъ выступаетъ бѣлая церковь селенія Хахматъ; въ глубинѣ цѣлая панорама горъ съ вершинами Чауши, прорѣзающія то тамъ, то сямъ, тяжелыя тучи, его затянувшія.

Продолжаемъ путь зелеными горными пастбищами, направляясь къ Великетильскому перевалу. Вправо оставляемъ великолѣпный водопадъ истоковъ Арагвы, ниспадающей съ горы *Ликкако* или Ликкокас-мта, снѣжныя поляны которой находятся отъ насъ въ очень близкомъ разстояніи. Подъемъ такъ значителенъ, что въ 2-хъ верстахъ отъ Хахматъ мы находимся уже на вышинѣ

4700 ф. Кругомъ насъ высокая сочная трава съ самой разнообразною флорой, могучими акантами, разнороднѣйшими колокольчиками, альпійскими васильками: множество разноцвѣтныхъ репейниковъ, розовая ромашка, нѣсколько сортовъ крапивы, которая, могла бы по красотѣ своей конкурировать съ лучшими гіацинтами. Но вотъ ручей Великетилцхали напоминаетъ намъ, что перевалъ ужъ близокъ; останавливаемся, чтобы предъ послѣднимъ подъемомъ — дать вздохнуть нашимъ лошадямъ; нѣкоторое время пасемъ ихъ на полянѣ, совершенно лиловой отъ цвѣтущихъ жераніумовъ, а сами любуемся великолѣпными шпилями Чауши, совершенно освободившагося отъ дождевыхъ тучъ. На послѣднемъ крутомъ подъемѣ насъ развлекаютъ новый сортъ лиловыхъ колокольчиковъ и еще цвѣтущіе желтоватые рододендроны. На самомъ перевалѣ анероидъ показываетъ 9300 ф. Мы лишены возможности снять видъ на послѣднія горы, ибо туча снова все закрыла, все заволокла.

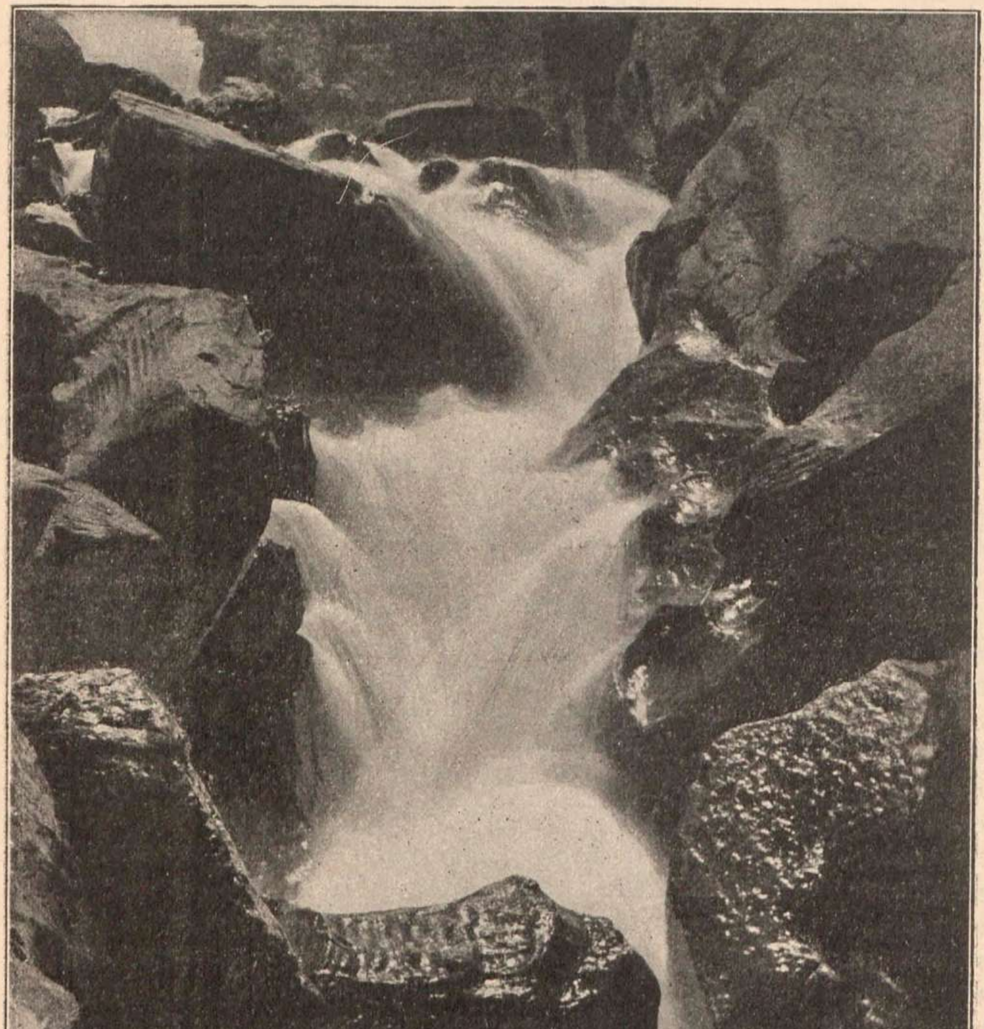
Спускъ на сѣверномъ склонѣ, называемомъ *Цубровано* или пастбища, мы принуждены предпринять пѣшкомъ, такъ какъ онъ слишкомъ крутъ и опасенъ при верховой ѣздѣ.

Здѣсь мы на водораздѣлѣ Хевсурской Арагвы и Аргуна и въ очень маломъ разстояніи отъ Ликкокис-цкали. Съ вершинъ Чакис-мта или Матуро, входящаго въ составъ горъ *Чапчахи*, *Бороло* и *Маріамъ-цминда* ниспадаетъ въ ущельѣ *Аргунъ*, берегомъ котораго мы должны добраться до Шатиля.

Сѣверный склонъ, по которому спускаемся, представляетъ совершенно иную картину, чѣмъ южный, который мы такъ недавно покинули: нѣтъ болѣе ни той высокой, сочной травы, ни того бархатнаго ковра, ни тѣхъ цвѣтовъ; зелень насъ окружающая и низка и суха и часто перерыта рытвинами, глинистою тропой и каменными осыпями. Спускаемся къ селенію *Лебойскари*, которое находится на высотѣ 7300 ф. и состоитъ изъ нѣсколькихъ поселковъ, изъ которыхъ среднее сохранило очень хорошую башню съ чешуйчатымъ верхомъ и верхними кашетами, которая по своимъ формамъ совершенно одинакова съ тѣми, которыя зарисовалъ В. Ѳ. Миллеръ во время своей поѣздки на Баксанъ. Поселокъ, подъ которымъ возвышается святилище и въ которомъ рѣшили остановиться, крупнѣе остальныхъ, и мы располагаемся въ немъ на ночь на крышѣ жилаго помѣщенія подъ открытымъ навѣсомъ, куда приносятъ намъ травы и который мы затягиваемъ вечеромъ бурками, такъ какъ къ ночи чувствительно похолодѣло. Поселяне явились, разумѣется, къ намъ на крышу, и мы провели съ ними остатокъ дня, зарисовывая типы, разсматривая костюмы, расспрашивая и записывая разныя подробности. Ночь наступила лунная, свѣтлая, дивно тихая и ущелье при лунномъ свѣтѣ выиграло еще въ таинственности и глубинѣ.

На другой день поднялись очень рано, провели утро снова съ жителями и въ девятомъ часу тронулись далѣе, внизъ по Аргуну. Ущелье это уже Арагвскаго, но характеръ его почти тотъ-же: горы то покрыты яркой муравой, то скалисты съ массою источниковъ, которые обращаютъ скалы эти въ цвѣтущія, мшистыя полянки, которыя плѣняютъ насъ своей флорой, цѣлыми букетами нависшихъ колокольчиковъ, мелкимъ папоротникомъ и вообще теплыми сочными пятнами на темно-буромъ фонѣ шиферныхъ наслоеній.

Влѣво останавливаемся въ значительномъ ущельѣ *Кистаны-тгаль* нѣкогда

Хевсуретія. Рѣка Аргунъ.

значительно укрѣпленномъ двойнымъ замкомъ, отъ котораго сохранились стѣны и башни на двухъ особыхъ холмахъ; замки эти защищали не только ущелье, въ которомъ расположены, но и сосѣднее, параллельное съ нимъ, и даже самое Аргунское, такъ какъ и здѣсь, черезъ рѣку, мы находимъ на извѣстной высотѣ два дома селенія Чихеты съ значительною башнею, которая, вѣроятно, находилась въ связи съ вышеупомянутымъ замкомъ. По дорогѣ масса ручьевъ, ниспадающихъ на дорогу иногда цѣлыми каскадами. На скалахъ появляются березки и мы замѣчаемъ, что шиповникъ въ этой мѣстности только что начинаетъ расцвѣтать. Ущелье съуживается; Аргунъ, прыгая черезъ камни, реветъ и мечется; дорога заграждена огромнымъ шифернымъ заваломъ; перебираемся черезъ рѣку, заворачиваемъ за скалу и предъ нами прелестная альпійская картина: вправо—еще снѣжная вершина, подъ ней широкое, зеленое, обработанное ущелье, чрезъ которое прорывается потокъ, несущій свои воды въ Аргунъ; на берегу масса цвѣтущаго, нѣжно абрикосоваго цвѣта, шиповника; за рѣкой, хотя и скалы, но частью разработаны и засѣяны полянками, окаймленныя со всѣхъ сторонъ цвѣтущими акантами. Еще далѣе—цѣлая площадка цвѣтущаго шиповника, мелкаго кустарника и высокой цвѣтущей травы, съ пріятнымъ но одуревающимъ запахомъ. Мы очарованы; спѣшиваемся и нѣкоторое время стоимъ и только смотримъ и любуемся. Нѣсколько шаговъ далѣе мы попадаемъ въ узкое скалистое ущелье, гдѣ Аргунъ, не находя себѣ приличнаго прохода, мечется во всѣ стороны, реветъ, бурлитъ, и обрывая сосѣднія скалы, все болѣе и болѣе засыпаетъ свое ложе, заваливаетъ себѣ проходъ. Съ ревомъ и трескомъ вся масса накопившейся воды прорываетъ, наконецъ, преграду и вырывается на свободу. Высота паденія рѣки незначительна, но растянута на значительное пространство; высшая точка паденія начинается при высотѣ 6700 фут.; при концѣ паденія всего 6200 ф. Дорога проложена въ этомъ мѣстѣ зигзагами по шифернымъ осыпямъ, столь заросшими кустарникомъ, цвѣтущимъ шиповникомъ и самыми разнороднѣйшими цвѣтами, что легко забыться и, не смотря на кручу тропы, вообразить себя въ самомъ прелестнѣйшемъ паркѣ. Спускъ этотъ настолько крутъ и скользокъ, что приходится спѣшиться и вести лошадь въ поводу. Спускаемся не спѣша, наслаждаясь небомъ, теплымъ солнцемъ, окружающею насъ роскошною флорою, видомъ скалъ, ревомъ рѣки и блескомъ ея волнъ. Кругомъ насъ кусты дикой малины, смородины, и крыжовника, но ягоды на нихъ еще не поспѣли; собираемъ землянику, которая, видимо, только что начинаетъ спѣлѣть.

Окончательное паденіе рѣки прекращается въ томъ мѣстѣ, гдѣ *рѣка Гуро* впадаетъ въ Аргунъ. Переходимъ Аргунъ по мосту, перегоняемъ своихъ лошадей вплавь черезъ обѣ рѣки, а сами пробираемся въ прелестное зеленое ущелье р. Гуро, чтобы полюбоваться быстрой рѣкой, огромными мшистыми камнями, находящимися въ ложѣ рѣки, цвѣтущими берегами и зелеными, лѣсистыми холмами. Здѣсь на вершинѣ расположено селеніе Гуро съ уважаемымъ святилищемъ, въ которомъ по моему мнѣнію, сохранились древнѣйшіе серебряные сосуды изъ всѣхъ тѣхъ, которые пришлось осмотрѣть во святилищахъ Хевсуретіи. Мѣстный хевисберъ сообщилъ, что сосуды эти были перенесены въ Гуро изъ святилища селенія Хахматъ, выдѣлившее часть своихъ сокровищъ новому

вятилищу. Сосуды эти того-же типа, какъ и всѣ видѣнные, но имѣютъ особо древній видъ.

Изъ ущелья возвращаемся снова на берегъ Аргуна, садимся на лошадей и продолжаемъ дорогу тѣмъ-же ущельемъ, которое становится замѣтно уже и диче, не смотря на то, что масса цвѣтовъ остается та же. Снова показались красные маки, съ которыми разстались съ самаго Шуапхо; березы становятся крупнѣе; кой-гдѣ появляются первыя сосны.....

Подъемъ съ ступенями, пробитыми въ скалѣ вьюками, провозимыми Хевсурами, приводитъ насъ къ тѣснинѣ въ видѣ воротъ, образуемыхъ двумя громадами, когда-то спустившихся съ сосѣднихъ вершинъ, перегородившихъ теченіе рѣки и образующихъ весьма живописный уголокъ на темно-зеленомъ фонѣ ущелья и въ виду ярко освященной поляны, на которую съ вершинъ Георг-цминда, одного изъ отроговъ хребта Кхоматно-мта,—свергается бурный потокъ свѣтлой и прохладной воды, около которой мы останавливаемся чтобы отдохнуть и закусить. Надъ вершинами, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашей стоянки, возвышается башня и святилище.

Небо чисто; солнце сильно припекаетъ; но мы сидимъ у ручья, подъ тѣнью бурки, которую прикрѣпили къ сложеннымъ дровамъ и наслаждаемся окружающей насъ природой.

Чѣмъ ближе къ Шатилю, тѣмъ картины насъ окружающія совершенно мѣняются: ущелье становится угрюмѣе и скалистѣе; въ сланцовыхъ и шиферныхъ наслоеніяхъ все чаще попадаются болѣе твердыя породы; кварцъ появляется въ видѣ огромныхъ глыбъ, въ которыхъ легко различить присутствіе значительныхъ кристалловъ; сосна замѣняетъ всѣ остальныя породы лѣса; рѣка съ шумомъ разбивается объ огромные камни, которые на каждомъ шагу перегораживаютъ ея ложе. Останавливаемся съ восхищеніемъ и удивленіемъ на всякомъ шагу и любуемся, любуемся этой Хевсуретіей, которую рисовали намъ въ такихъ тёмныхъ недоступныхъ краскахъ. Предъ нами, на поворотѣ дороги, бурная рѣка и надъ ней отвѣсно спускающаяся скала перпендикулярными наслоеніями и на вершинѣ ея *Старый Шатиль* въ видѣ нѣсколькихъ полуразвалившихся, тѣсно сплоченныхъ между собой башень, гдѣ, по преданію, жили Шатильцы еще во время Тамары и откуда они сошли въ числѣ семи домовъ, и, соединившись послѣ моровой язвы съ оставшимися Анаторійцами, основали нынѣшній Шатиль, въ которомъ теперь насчитываютъ 41 домъ или приблизительно 80 человѣкъ мужскаго пола и 60 женскаго.

Нынѣшній Шатиль. расположенъ на высотѣ 4950 ф. въ виду стараго гнѣзда, за поворотомъ дороги, на скалѣ, у сліянія рѣки Шатиль съ Аргуномъ. Нынѣшнее мѣстечко обширнѣе, но совершенно того-же типа, какъ его первообразъ, старый Шатиль: тѣже башни, скученныя на скалистомъ холмѣ надъ рѣкой, но такъ какъ ихъ больше, то онѣ лѣпятся одна надъ другой, покрывая холмъ, растягиваясь вдоль гребня отвѣсной скалы, омываемой р. Шатиль и спускаясь мѣстами до самаго Аргуна. Въ скалѣ вырублены каменныя лѣстницы, тѣсные корридоры, проходы, двери въ тѣ темныя помѣщенія, гдѣ живутъ почти безъ свѣта Шатильцы со всѣмъ своимъ скарбомъ и скотомъ, котораго, какъ мы могли замѣтить, у нихъ весьма значительное число. Къ полутемнымъ башнямъ,

кой-гдѣ освѣщеннымъ крошечными окнами, прилѣплены открытые деревянные балконы навѣсы, подстроены верхніе полуоткрытые этажи. На краю селенія, замѣчается болѣе обширное мѣсто, составляющее верхнюю площадку двухъ башень:—это *Саперхо* или общественное собраніе, куда старѣйшины собираются для обсужденія вопросовъ, касающихся селенія; тутъ-же сохраняется камень, на которомъ толкли въ былое время порохъ. Всѣ эти башни, навѣсы, корридоры, лѣстницы, темныя и свѣтлыя помѣщенія лѣпятся другъ на другѣ, и другъ около друга, такъ что кажутся одной единой массой закопченной и заваленной навозомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ представляющіяся вашимъ взорамъ весьма теплымъ, живописнымъ пятномъ на синемъ небосклонѣ, на свѣтлыхъ скалахъ, окружающихъ это пятно. Среди башень и балконовъ Шатиля указываютъ на одно верхнее помѣщеніе, въ которомъ довольно долго скрывался царевичъ Александръ. Влѣво надъ селеніемъ, но почти рядомъ съ нимъ возвышается ничтожная новая церковка съ двускатною крышею. Еще лѣвѣе, на полугорѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ селенія и надъ горой напротивъ селенія, на правомъ берегу рѣки, подъ нависшими деревьями расположены—святилища—въ видѣ одноэтажныхъ жилищъ съ пивоварьнями на первомъ планѣ и съ навѣсами, заваленными рогами козъ, туровъ и оленей.

Въ трехъ верстахъ отъ Шатиля, на отдѣльномъ не большомъ, но высокомъ холмѣ, расположенномъ при сліяніи рѣки Ардотисъ съ Аргуномъ, въ виду тѣснаго Ардотскаго ущелья, въ глубинѣ котораго виднѣется совершенно бѣлый *хребетъ Ацунта*, черезъ который лежитъ путь въ Тушетію, недоступный въ нынѣшнемъ году за позднимъ таяніемъ снѣговъ—возвышаются зданія въ видѣ каменныхъ домовъ, сложенныхъ изъ плитняка на глинѣ съ двухскатными крышами. Это *Анаторисъ*. выдаваемый иными писателями за конюшни царицы Тамары, называемый другими катакомбами и который ничто иное, какъ семейные склепы, встрѣчаемые на всемъ Кавказѣ, и бывшіе, какъ можно судить по древнимъ могильникамъ, съ древнихъ поръ въ употребленіи у всѣхъ народцевъ Кавказа. Склепы Анатори обширнѣе осетинскихъ и имѣютъ совершенно видъ нынѣшнихъ горскихъ саклей, типъ нѣсколько иной, чѣмъ подобные склепы въ горахъ Осетіи. Переднее отверстіе было когда-то замазано шиферной плитой, нынѣ пробитой; внутри видны каменныя полки на которыхъ также размѣщались покойники. Подобныхъ зданій въ Анаторисѣ четыре, три отдѣльно стоящихъ и четвертое имѣющее два отверстія, но состоящія изъ трехъ отдѣленій. На видъ зданія эти, не представляются очень древними но народная молва гласитъ о нихъ весьма разно: иные видятъ въ нихъ постройки временъ Царицы Тамары, другіе-же приписываютъ ихъ нынѣшнему столѣтію, увѣряя, что во время моровой язвы, жители, опасаясь заразы, запирались еще живыми въ эти дома и такимъ образомъ умирали.

Высоко надъ площадкой, занятой описываемыми склепами, возвышается острая вершина *Анаторис-цвери;* влѣво черезъ Аргунъ скалистая тропа черезъ горы въ Кистетію, оттуда въ Сундженскій Отдѣлъ, въ станицу Тарскую и Владикавказъ.

По дорогѣ отъ Шатиля до Анатори, мѣстныя шиферныя скалы, въ особенности по лѣвому берегу Аргуна, представляютъ такую картину разрушенія, что ихъ легче принять за огромный, многобашенный замокъ, чѣмъ за настоящія скалы.

Въ Шатилѣ намъ отвели комнату въ недостроенномъ домѣ священника, напротивъ самаго селенія, на правомъ берегу рѣки, такъ что мы могли даже съ балкона и днемъ и ночью при лунномъ свѣтѣ любоваться этимъ селеніемъ—замкомъ, имѣющимъ огромное сходство съ средневѣковыми маленькими городками Калабріи и остальной Италіи.

27-е число провели въ Шатилѣ, чтобы съ одной стороны отдохнуть и дать вздохнуть нашимъ конямъ, а съ другой, чтобы дать слѣдователю и приставу, насъ сопровождавшихъ, возможность заняться дѣлами, которыя ожидали ихъ въ мѣстности.

Драгоцѣнности мѣстныхъ святилищъ состоятъ изъ:

Высокаго восточнаго узкогорлаго серебрянаго сосуда, справленнаго недавно мѣстными жителями въ Тифлисѣ. Онъ перевитъ обыкновеннымъ серебрянымъ мужскимъ поясомъ, принесеннымъ въ даръ святилищу;

Чаши серебр. съ пробою 1866 г. также увѣшаны разными мелкими вещами въ видѣ крестовъ, медалей, двугривенныхъ, пуговицъ и пр.

Стаканчика съ чернью;

Чашечки серебряной безъ пробы;

Стаканчика о двухъ ручкахъ съ однимъ голубкомъ;

Куле серебр. совершенно гладкой;

Рюмочки серебр. на ножкѣ, украшенной восточнымъ звѣринымъ орнаментомъ;—ничего особенно замѣчательнаго или очень древняго.

Верхнее святилище, рядомъ съ селеніемъ посвящено Пресвятой Богородицѣ— Мхтис-мтобели; второе, черезъ рѣку, Архангелу Гавріилу — Мтавар-ангелози, празднества въ которомъ бываютъ на Пасхѣ, въ день Вознесенія и послѣдовательно всякую 7-ю недѣлю.

Приступая къ обратному пути и собираясь въ одинъ день пройти пространство отъ Шатиля до Гули, мы встаемъ очень рано и спѣшно собираемся. Двигаемся однакожъ по дорогѣ не спѣша, ибо природа слишкомъ хороша, чтобы не радоваться и не наслаждаться ею. Ѣдемъ, смотримъ, любуемся, провѣряя первыя впечатлѣнія и какъ бы прощаясь на всегда съ этимъ дивнымъ, чуднымъ краемъ. Небеса прозрачнаго синяго цвѣта; очертанія горъ мягко обрисовываются на этомъ мягкомъ фонѣ и дивно хорошо, когда на этихъ вершинахъ, сохранившихъ еще снѣгъ, играетъ солнце, придавая еще большую мягкость всей этой картинѣ, всѣмъ этимъ очертаніямъ.

Отдыхали и завтракали мы на открытой горной полянѣ у подошвы горы Садивас-хеви еще частью покрытой лѣсомъ, что придаетъ нѣкоторую свѣжесть и спасаетъ насъ отъ полуденнаго зноя, не смотря на совершенно безлѣсное пространство насъ окружающее. При подъемѣ горы чище и хребетъ Ацунта блещетъ за нами во всемъ своемъ зимнемъ уборѣ. Не можемъ лишить себя удовольствія немного попозднѣе еще разъ остановиться за переваломъ, на цвѣтущемъ пространствѣ около холоднаго ключа и, собирая цвѣты, любоваться небомъ, пространствомъ и парящими надъ нами орлами.

Еще за свѣтло пріѣхали въ Гули, успѣли при заходящемъ солнцѣ еще снять ущелье и еще долго, долго сидѣли на площадкѣ дома священника, любуясь вершинами Чаушм, бурнымъ потокомъ стекающимъ съ его ледниковъ, прелестью

ущелья, спокойствіемъ ночи и чуднымъ луннымъ свѣтомъ. Невольно вкрадывалось въ сердце тяжелое чувство грусти, что вѣроятно никогда болѣе не придется увидать всѣ эти мѣста.

29-го покидаемъ Гули въ 10 ч. утра; пѣшкомъ спускаемся по кручи на которой расположено селеніе и съ удовольствіемъ продолжаемъ путь по дорогѣ уже разъ пройденной. На первомъ крутомъ подъемѣ съ каменной лѣстницей, спѣшиваемся и снимаемъ ущелье. Ѣдемъ и наслаждаемся; ущелье, шумящая Арагва, встрѣчаемые нами проходящіе—все кажется намъ еще лучше, еще привлекательнѣе, еше милѣе на этотъ разъ. Впрочемъ совершенно невольно остановишься при встрѣчѣ загорѣлыхъ Хевсуръ-косцовъ, возвращающихся съ работъ и поджидающихъ вашъ проходъ у поворота кручи, гдѣ трудно разойтись, или смѣло влѣзающихъ на скалу, чтобы уступить коню вашему проходъ по тѣсной тропѣ. Просто и открыто смотритъ на васъ смѣльчакъ съ своей кручи, отвѣчая поклономъ и лучшимъ пожеланіемъ на выраженную вами благодарность. Въ Орцхали шлемъ послѣдній привѣтъ Хевсуретіи и продолжаемъ путь на Магаро по зеленому мягкому ущелью Пшавской Арагвы. 39 градусовъ на солнцѣ; но это не мѣшаетъ намъ бодро подвигаться и радоваться нашему путешествію. Влѣво отъ насъ на зеленомъ холмѣ любуемся совершенно Тирольскимъ видомъ: — селеніе Хоми заняло своими хуторами и посѣвомъ огромное пространство, которое благодаря бѣленькимъ мазанкамъ, плетнямъ и оградамъ весьма пріятно ласкаетъ глазъ путешественника.

Но вотъ влѣво широкое ущелье Чаргали цхали; заворачиваемъ въ него; нѣкоторое время идемъ каменистымъ ложемъ рѣчки, взбираемся потомъ на лѣвый ея берегъ и довольно долго пробираемся полями и лѣсными пространствами, принадлежащими *селенію Чаргали*; проходя, любуемся отдѣльными хозяйствами поселянъ Пшавовъ, ихъ постройками, плетеными навѣсами и оградами, которыхъ до сихъ поръ не встрѣчали въ такомъ порядкѣ; здѣсь имѣется и капуста, и бобы, табакъ, хмѣль, и конопля; много мелкаго и рогатаго скота, много и птицы; воображеніе переноситъ васъ не то въ Тироль, не то въ Швейцарію, не то въ родную Малороссію.

Селеніе, находящееся на высотѣ 4400 ар. расположено по обѣимъ высокимъ берегамъ р. Чаргали; среди группы деревъ, посреди селенія высится новая маленькая бѣленькая церковка и домъ священника, въ которомъ мы остановились немного дальше и ближе къ рѣкѣ; около него разныя хозяйственныя постройки и огородъ. Приняли насъ очень радушно; вечеръ прошелъ снова въ рисованіи и разговорахъ, познакомились съ мѣстнымъ поэтомъ и писателемъ, сыномъ мѣстнаго крестьянина Лукой Разиковымъ, пишущимъ подъ псевдонимомъ Вожа (богатырь) Пшавело (Пшавецъ).

Переночевавъ въ новомъ домѣ священника, мы поднялись очень рано, но выѣхали только въ 9 ч. Спустившись къ рѣкѣ, сѣли на лошадей, выбрались на противоположный берегъ Чаргали и сейчасъ начали взбираться. Подъемъ весьма крутой, длинный и утомительный какъ для лошадей такъ и для самихъ всадниковъ; къ счастію лошади очень крѣпкія и бойко взбираются на кручи; подъемъ разбивается на четыре площадки, на которыхъ даемъ вздохнуть своимъ лошадямъ. До третьей площадки встрѣчаются еще кусты и довольно старыя деревья, но

Хевсуретія. Археологическая экспедиція въ ущельѣ Гули.

подъ конецъ вершины совершенно оголяются и вокругъ насъ одни альпійскіе луга съ пасущимся скотомъ и шалашами жителей, перекочевывающихъ сюда на лѣто. Переходя на четвертую террасу и не теряя еще видъ на Чаргальское ущелье и селеніе, съ видомъ на снѣговыя вершины Казбека, снимаемъ фотографію на прелестную даль, глубокое ущелье, съ нависшимъ деревомъ на первомъ планѣ.

Въ 11 часовъ мы на *Чаргальскомъ перевалѣ* на высотѣ 7500 ф. Останавливаемся, раскладываемъ костеръ, завариваемъ чай и довольно долго отдыхаемъ, наслаждаясь теплымъ, полнымъ аромата воздухомъ и любуясь величественнымъ амфитеатромъ Тушинскихъ горъ въ туманѣ и главнымъ Кавказскимъ хребтомъ съ его вѣчными снѣгами и ледниками, играющими на солнцѣ. Предъ нами на заднемъ планѣ вершины *Архотис-мта* съ 2 главами, между которыми къ югу спускается значительный пятиглавый ледникъ, *Чаухи*; *Казбекъ* во всей своей могучей красотѣ, *Гудамакарскій хребетъ* съ ледниками и снѣжными спусками въ долину; *Осетинскія горы* съ 4 вершинами; ближе—въ видѣ втораго этажа зеленыя горы *Датвискія*, а совершенно влѣво *гора Гомецари*. Вся эта панорама окаймлена по краямъ ближайшими къ нимъ зелеными, какъ бархатъ, вершинами — *хребта Копча* и *Чаргальскими горами*.

Взбираемся еще выше и на высотѣ 8100 ф. любуемся открывшимися предъ нами панорамой *Тушинскихъ* и *Дидойскихъ* горъ.

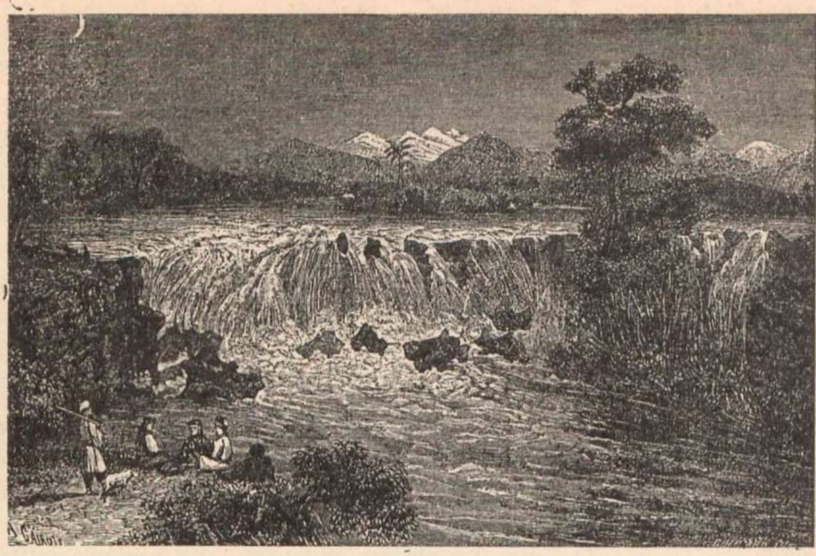
Поѣздивъ по вершинамъ, пошатавшись по пустымъ безлѣснымъ холмамъ и пастбищамъ, мы приступаемъ къ спуску и въ виду долины Іоры спускаемся весьма замѣтно и круто съ одной площадки на другую. Дорога довольно камениста, тропа не очень раздѣлана и лѣсу весьма мало. Каменистымъ спускомъ добираемся до *селенія Сопліони*, расположеннаго отдѣльными домами вдоль берега р. Іоры, и окруженнаго кустами и деревьями. Въ селеніи нѣтъ церкви, но на берегу рѣки, на отдѣльномъ холму, среди деревъ, указываютъ на давно завалившуюся церковь, которая, судя по развалинамъ, была довольно значительною; поселяне утверждаютъ, что она построена Царицей Тамарой, и не рѣдко посѣщаютъ развалины для молитвы, въ особенности-же весною предъ началомъ полевыхъ работъ.

Къ востоку отъ церкви и надъ самой рѣкой отдѣльный, небольшой холмъ занятъ могильникомъ, гдѣ по народному повѣрію погребенъ одинъ изъ миѳическихъ Пшавскихъ героевъ Копало. Производимъ раскопки, вскрываемъ 4 могилы, но кромѣ череповъ ничего не находимъ. Могилы эти—*каменные ящики*, покрытые большими, но неправильными плитами и сложенные изъ такихъ же, но меньшихъ плитъ безъ извести или цемента. Во всѣхъ могилахъ по два или по три трупа, изъ которыхъ одинъ или два лежатъ вытянутыми съ востока на западъ, третій же скорченный въ западномъ углу. Могилы на половину засыпаны землей.

Переночевавъ двѣ ночи въ Сопліони въ недостроенномъ домѣ бывшаго старшины, мы осматриваемъ еще нѣсколько древнихъ могильниковъ вдоль по теченію рѣки, не упускаемъ случая изучить и новѣйшіе могильники и возвращаемся въ Тіонетъ, чтобы, нанявъ новыхъ лошадей и собравъ вещи, выѣхать въ Хевсуретію.

Апрѣль 1897 г.

Графиня Уварова.

Кюдносъ (Киликія).

ИМАТРА.

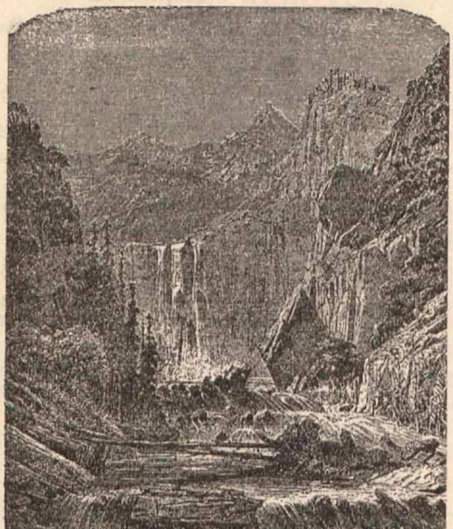
Несется, бушуетъ, реветъ и клокочетъ,
Вздымаетъ сѣдые хребты до небесъ,
То дико заплачетъ, то вдругъ захохочетъ,
Ударивъ волной о гранитный утесъ.
Средь мощныхъ цѣпей береговъ каменистыхъ,
Средь мрачныхъ лѣсовъ полуночной страны,
Въ могучихъ и твердыхъ оковахъ скалистыхъ
Великія силы стихіи даны.
Какъ бѣшеный звѣрь, она рветъ и хватаетъ
Стволы и деревья съ глухихъ береговъ,
Все съ новой добычей впередъ улетаетъ,
Все требуетъ новыхъ и новыхъ даровъ.
Вотъ, вотъ запѣнилась, взвилась, заклубилась
И валомъ могучимъ къ скаламъ поднялась
Но въ брызги со скрежетомъ злобнымъ разбилась.
И яростной пѣною въ глубь понеслась,
Все тихо вокругъ: пріуныла природа,
Закована въ латы полночной страны;
Сроднилась съ неволей-чужда̀ ей свобода,
Печаль и унынье въ удѣлъ ей даны.

Лишь Иматра грозно реветъ и бушуетъ,
Окрестность наполнена гуломъ ея,
То съ дикой скалой, то съ землею воюетъ,
Могущества, власти кипитъ въ ней струя!
Сѣдѣющей массой, весь свѣтъ забывая,
Все хочетъ подняться, богамъ отомстить
За то, что, красоты міровъ создавая,
Ей воли не дали, не дали разлить
Въ просторныя, стройно-широкія воды
Привольныя волны стихіи родной,
Не дали разгулью, величью свободы,
Сковали могучей гранитной скалой.

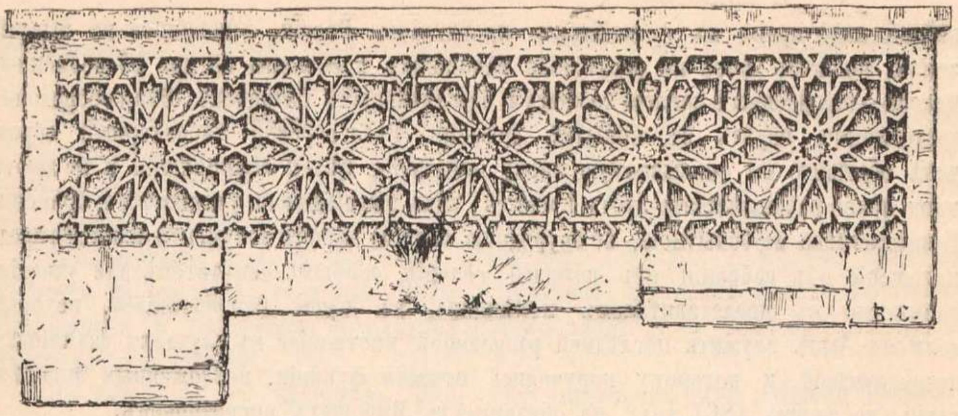
Здѣсь сынъ дикихъ скалъ, въ облакахъ пролетая,
Орелъ, на стихію желая взглянуть,
Воздушныя сферы крыломъ разбивая,
Въ раздумьи глубокомъ задержитъ свой путь.
Иль сумрачный финнъ, весь покорный молчанью,
На берегѣ стоя въ пучину глядитъ
И внемлетъ огромныхъ каскадовъ стенанью
И внемлетъ, какъ Иматра грозно шумитъ.
Тутъ робкій олень, межъ лѣсовъ пробѣгая,
Услыша тотъ шумъ, остановится вдругъ,
И сѣверныхъ птицъ беззаботная стая
Свой летъ прекратитъ, озираясь вокругъ.
Сіяетъ-ли солнце въ лазурныхъ равнинахъ,
Покрыто-ли небо тумана пленой,
Покойтся-ль ночь на гранитныхъ вершинахъ —
Стихія гремитъ разъяренной волной.
Какъ часто въ такихъ же безумныхъ стенаньяхъ,
Неравной борьбой истомясь, человѣкъ
Все борется дальше, не вѣря страданьямъ,
Не вѣря, что онъ обреченъ имъ на вѣкъ.

Блаженъ, кто безропотно крестъ свой несетъ,
Чьи взоры надеждой пылаютъ,
Блаженъ, кто по тернію кротко идетъ,
Молитвы Творцу возсылаетъ;
Кто жаждетъ постигнуть благой идеалъ,
Кто къ правдѣ великой стремится,
Кто вѣру въ себя и людей не терялъ,
Кто хочетъ и можетъ молиться;
Въ комъ жизнь не успѣла всѣ чувства убить,
Чье сердце въ тоскѣ не застыло,
Кто можетъ любить, безгранично любить
Могуществомъ юнаго пыла.

Е. Алибегова

Анаша (Киликія).

Проэктъ положенія о освобожденіи крестьянъ графини Віельгорской.

Выйдя въ 1816-мъ году замужъ и поселившись въ своемъ имѣніи Фатѣевкѣ, названномъ въ честь ея имени Луизинымъ, графиня Луиза Карловна Вьельгорская, на первыхъ же порахъ своего знакомства съ условіями крестьянской жизни, возымѣла желаніе освободить своихъ крѣпостныхъ и отпустить ихъ на волю. Въ желаніи этомъ она несомнѣнно руководствовалась съ одной стороны извѣстною долею сентиментализма, обусловливаемаго ея воспитаніемъ, полученнымъ въ стѣнахъ Смольнаго монастыря, а съ другой масонскими гуманитарными стремленіями ея мужа, графа Михаила Юрьевича Вьельгорскаго. Вотъ, почему проектъ освобожденія ея крестьянъ болѣе затрогиваетъ область политическихъ правъ, чѣмъ экономическую, связанную съ вопросомъ о надѣленіи крестьянъ земельною собственностью. Вопросы послѣдней категоріи еще не волновали тогда лучшихъ представителей русскаго общества, мечтавшихъ объ улучшеніи быта земледѣльческаго сословія и объ уничтоженіи крѣпостнаго права. Даже такіе крайніе либералы, какъ декабристъ Якушкинъ, не считали возможнымъ освобожденіе крестьянъ съ землею*), а современное нашему проэкту прекращеніе

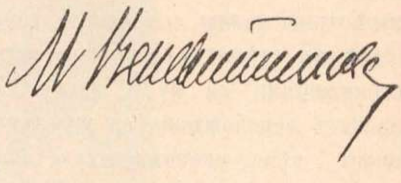
*) Якушкинъ не шелъ дальше надѣленія крестьянъ усадьбами, а у большинства декабристовъ было очень смутное представленіе о надѣленіи крестьянъ землею (см. В. И. Семевскаго. Крестьянскій вопросъ въ Россіи стр. 461, 507).—Отъ маститаго библіографа Е. И. Якушкина, сына названнаго декабриста, мы получили на основаніи имѣющагося въ его Ярославской библіотекѣ рукописнаго матеріала слѣдующую справку: „По проекту Никиты Муравьева значится: § 24. Земли помѣщиковъ остаются за ними. Дома поселянъ съ огородами оныхъ признаются ихъ собственностью со всѣми земледѣльческими орудіями и скотомъ имъ принадлежащимъ.—Противъ этого § Рылѣевъ написалъ: «ежели огородъ, то земля». *Ред.*

крѣпостнаго права въ остзейскихъ провинціяхъ Россіи, основанное на выкупѣ земли, повліяло лишь на раздѣленіе тамошнихъ крестьянъ на два обособленные класса—владѣющихъ землею хозяевъ и безземельныхъ батраковъ. Эти соображенія заставляютъ видѣть въ попыткѣ графини Вьельгорской характерный образчикъ обычнаго въ описываемую эпоху пониманія цѣлей эманципаціи и не даютъ намъ права разсматривать этотъ проэктъ, какъ выдающуюся утопію того времени. Единственною любопытною, не заурядною чертою нашего документа является предположеніе объ избраніи отъ каждаго селенія особыхъ депутатовъ для участія, совмѣстно съ представителемъ помѣщицы, въ *Судѣ Настоятелей*, который долженъ былъ служить послѣдней рѣшающей инстанціей въ случаяхъ взаимныхъ недоразумѣній и которому поручались отчасти функціи, возложенныя впослѣдствіи, по закону 1861 года, на обязанность Мировыхъ посредниковъ.

Составитель проэкта Филиппъ Филипповичъ Векротъ бывшій Правитель Канцеляріи Общества благородныхъ дѣвицъ. Онъ былъ чиновникомъ управленія въ Смольномъ Монастырѣ и занимался дѣлами по опекѣ принцессъ Биронъ, Луизы и ея сестры Екатерины, оставшихся въ раннемъ дѣтствѣ круглыми сиротами. Впослѣдствіи Векротъ, покинувъ казенную службу, долгое время управлялъ имѣніями графини Вьельгорской въ Курской губерніи, переѣхалъ въ Фатѣевку, а послѣ его смерти, почти до самаго освобожденія крестьянъ въ 1861 году, имѣнія эти продолжали быть въ управленіи его сына.

Сколько намъ извѣстно, проэктъ старшаго Векрота никогда не былъ осуществленъ. Но гуманитарныя стремленія владѣльцевъ имѣнія принесли прочные плоды въ созданіи прекрасной больницы для крестьянъ. Устроенная въ Фатѣевкѣ, больница эта прекратила свое существованіе лишь послѣ 1861 года, вслѣдствіе раздѣла имѣнія между наслѣдниками графини Л. К. Вьельгорской.

19 февраля 1897 г.

Проектъ, составленный Ф. Ф. Векротомъ въ 1818 году.

Графиня Луиза Віельгорская, урожденная Принцесса Биронъ, желая упрочить благосостояніе крестьянъ своихъ, испрашиваетъ Высочайшаго утвержденія на предложеніе имъ свободы на нижеслѣдующихъ правилахъ и на приведеніе правилъ сихъ по обоюдномъ на оныя согласіи въ исполненіе посредствомъ подлежащаго Министерства.

Графиня Віельгорская владѣетъ благопріобрѣтеннымъ имѣніемъ Курской губерніи въ Дмитріевскомъ на Свапѣ уѣздѣ, въ числѣ 2615 по 7 ревизіи мужскаго пола душъ, доставшихся ей по завѣщанію умершаго брата ея Принца Петра Бирона и покупкою отъ брата же, Принца Густава Бирона. Сіе имѣніе

заключаетъ въ себѣ до 14,000 десятинъ удобной земли и крестьяне состоятъ частью на барщинѣ, частью на оброкѣ.

Настоящій вѣкъ и готовящееся въ немъ время будущее открываютъ возможность дать крестьянамъ свободу, не предоставляя имъ земли въ собственность, на слѣдующихъ ниже началахъ, раздѣляющихся на двѣ главныя части по состоянію четырехъ селеній на барщинѣ, а шести на оброкѣ.

Села Луизино (доселѣ Фатѣевка), Бѣлитина, Деменина и деревня Алексина состоятъ на барщинѣ; села же Вѣть и Сальное и деревни Ярославка, Лабки Мельничище и Святозерка (послѣдняя общаго владѣнія съ Тайною Совѣтницею Брискорнъ) на оброкѣ.

По уравненіи въ прошломъ 1817 году крестьянъ всей вотчины землями, съ предоставленіемъ на каждаго дѣйствительнаго работника отъ 16 до 50 и 55 лѣтъ, слишкомъ по двѣ десятины въ каждомъ клину съ нарочитыми конопляниками и достаточнымъ числомъ прочихъ угодій, оказались въ разныхъ селеніяхъ излишки распашной земли; на таковые въ оброчныхъ селеніяхъ излишки переселено по той же уравнительной на каждое тягло пропорціи земли въ 1818 году изъ выше означенныхъ нынѣ на барщинѣ состоящихъ селеній нѣсколько семействъ съ великими для нихъ выгодами и съ двухъ лѣтнею отъ всѣхъ платежей и повинностей льготою. Сіе распоряженіе доставило въ тѣхъ на барщину обращенныхъ селеніяхъ до 1600 десятинъ распашкой въ трехъ клинахъ земли для господской обработки, съ сохраненіемъ впрочемъ для оставшихся въ нихъ крестьянъ той же двухъ-десятинной пропорціи земли въ каждомъ клину, съ таковымъ же какъ и въ прочихъ селеніяхъ излишествомъ и съ весьма значительными конопляниками и угодьями. Послѣ же таковаго переселенія осталось въ нихъ, держась седьмой ревизіи, 961 мужскаго пола душа въ числѣ 443 тяголъ. Изъ нихъ до 50 тяголъ, составляющія семейства должностныхъ людей, какъ-то: церковныхъ и сельскихъ старостъ, десятскихъ, лѣсничихъ, приставовъ при господскихъ работахъ и нѣсколькихъ мастеровыхъ, освобождены отъ господской полевой работы и прочихъ общественныхъ къ помѣщицѣ обязанностей, а за симъ остальныя тягла обрабатываютъ на нее менѣе четырехъ съ половиною десятинъ въ трехъ клинахъ, между тѣмъ какъ всюду въ сихъ мѣстахъ въ имѣніяхъ на барщинѣ, крестьяне на помѣщика обрабатываютъ каждое тягло въ клину, по двѣ, а въ трехъ клинахъ по шести десятинъ, а часто и болѣе. Крестьяне же Графини при такомъ распорядкѣ по сложности въ недѣлю выходятъ на барщину во время полевыхъ работъ не болѣе какъ два раза каждое тягло, а въ прочее время, включая и молотьбу, не болѣе какъ одинъ день въ недѣлю на барщинѣ находятся. Селенія, на оброкѣ состоящія и достаточнымъ, какъ выше объяснено, количествомъ земли и угодій пользующіяся, платятъ понынѣ съ тягла по 50 рублей, и въ томъ числѣ подушныя и на прочія повинности деньги, кои за нихъ вносятся въ казну, изъ экономіи Графини. И такъ, хотя по удобности здѣшней почвы земли, не требующей никакого навозомъ удабриванія, крестьяне Графини Віельгорской ни малѣйше не могутъ считать себя обремененными господскою работою, а оброчные оброкомъ; но помѣщица ихъ, желая вящше ознаменовать имъ расположеніе свое къ прочному основанію ихъ благосостоянія, полагаетъ съ Высочайшаго утвержденія предложить имъ слѣдую-

щія условія, по которымъ они, оставаясь на ея землѣ, касательно ихъ достоянія и семейственнаго благополучія могутъ наслаждаться всѣми выгодами законной свободы.

Условія сіи могутъ заключаться въ слѣдующихъ пунктахъ:

Первое. По селеніямъ на *барщинѣ состоящимъ:*

1) Всѣмъ крестьянамъ съ ихъ семействами и потомствомъ даруется свобода и все ими во благѣ пріобрѣтенное и впредь пріобрѣтаемое имѣніе есть ихъ собственность не нарушимая и закономъ защищаемая.

2) Изъ нихъ никого да не отторгнетъ помѣщица отъ семействъ ихъ безъ воли ихъ и да не отвлекутся къ другимъ занятіямъ, крестьянскому быту не свойственнымъ.

Примѣчаніе: разумѣется само по себѣ, что касательно рекрутскихъ и другихъ государственныхъ повинностей всегда подчинены будутъ общимъ государственнымъ узаконеніямъ.

3) Сыновей съ согласія Высшаго правительства могутъ записывать въ другія сословія, какъ-то: въ ремесленники и мѣщане. Дочерей будутъ выдавать въ замужество по собственному произволу въ самомъ имѣніи и внѣ онаго, за кого пожелаютъ. И цѣлыми семействами съ дозволенія Высшаго правительства могутъ избирать иной родъ жизни и переселяться въ другія мѣста на свободныя или же ими самими на общихъ государственныхъ узаконеніяхъ покупаемыя земли.

Но для святаго наблюденія кореннаго закона касательно рекрутской обязанности никакое семейство и никакое въ немъ лицо да не воспользуется даруемымъ ему правомъ переселенія прежде, какъ по выполненіи очереди своей въ поставкѣ рекрута, и начало очереди полагать съ 87 набора включительно (87-й наборъ былъ въ 1818 году), сохраняя впрочемъ въ разсужденіи ближняго или дальняго срока отдачи порядокъ очереди, каковый по 87 наборъ въ семъ имѣніи существовалъ.

А дабы при таковыхъ, крестьянамъ даруемыхъ, правахъ и при святомъ со стороны помѣщицы соблюденіи всѣхъ условій и выгодъ, симъ актомъ постановляемыхъ, не могло произойти и для нея убытка отъ лежанія земли въ пустѣ послѣ выселяющихся, то крестьяне, выполнивъ рекрутскую очередь, да не будутъ въ правѣ переселяться и оставить обязанности свои къ помѣщицѣ прежде, какъ по прошествіи трехъ лѣтъ, считая со дня объявленія ими о таковомъ ихъ намѣреніи, дабы помѣщица между тѣмъ могла принять нужныя мѣры для помѣщенія другихъ свободныхъ же людей изъ остающихся ли или стороннихъ на участки послѣ выбывающихъ, а дабы въ теченіи сихъ трехъ лѣтъ объявившіе намѣреніе свое имѣли должное раченіе въ господскихъ работахъ, то отвѣчаютъ всѣмъ своимъ имуществомъ въ томъ и, буде бы оказали неприлежаніе къ дѣйствительному ущербу помѣщицы, то она въ правѣ нанимать работниковъ на ихъ счетъ.

4) Таковыя объявленія подлежатъ во всѣхъ частяхъ разбирательству суда настоятелей, о которомъ ниже сего въ 26 пунктѣ упомянуто.—И оныя подавать не во всякое время, но однажды въ году *къ 12 декабря.*

5) Но съ другой стороны помѣщица предоставляетъ и себѣ право тѣхъ изъ крестьянъ, которые въ выполненіи своихъ обязанностей къ помѣщицѣ будутъ нерадивы, или которыхъ по худому поведенію, за всѣми отъ Суда Настоятелей зависящими способами не возможно будетъ исправить, когда ихъ семьями рекрутская очередь будетъ выполнена, удалять и противъ ихъ желанія съ своей земли и таковымъ по рѣшеніи ихъ дѣла въ Судѣ Настоятелей объявлять, чтобы въ теченіи одного года избрали себѣ иной родъ жизни или другое мѣсто пребыванія, а по минованіи сего срока будутъ высланы изъ имѣнія посредствомъ земской полиціи. Но и они въ теченіе сего годоваго срока отвѣчаютъ имѣніемъ своимъ, буде бы надобность востребовала нанять работниковъ на ихъ счетъ.

При выходѣ же крестьяне, выполнивъ всѣ свои обязанности къ казнѣ и помѣщицѣ, берутъ съ собою всю свою движимость, а недвижимое имѣніе, на землѣ графини Віельгорской лежащее, по надлежащей оцѣнкѣ поступаетъ въ ея распоряженіе и собственность.

6) Въ пользу крестьянъ остаются всѣ тѣ загоны и прочія угодья, которыя при состояніи сего Акта за ними состоятъ, и помѣщица объявляетъ имъ благороднымъ своимъ словомъ, что оныхъ изъ загоновъ и угодій никогда не уменьшитъ для собственной своей пользы или употребленія, и для того число тяголъ нынѣ существующее на первый случай полагается непремѣннымъ. На убылыя въ каждомъ селеніи тягла могутъ поступать вновь прибавляющіеся изъ тѣхъ же селеній подростки. Если же крестьяне, видя благоденствіе свое упроченнымъ на землѣ графини Віельгорской, не пожелаютъ оставить мѣста родины своей и по обыкновенному ходу природы, особливо при свободномъ ихъ состояніи, новыя поколѣнія подростая не могутъ размѣщаемы быть всѣ на вакантныхъ участкахъ послѣ умирающихъ и выбывающихъ, то, покуда промышленность ихъ не приметъ инаго оборота, да не возбранено будетъ имъ нынѣ состоящее за ними пространство земли и угодій раздѣлить на большее число участковъ и тяголъ, отъ чего хотя участки крестьянскіе противъ теперяшняго и уменьшатся, но работа на участкахъ господскихъ и безъ того безтрудная, не увеличиваясь, раздѣлится на большее число частей и семейства, отправляя повинность сію свободно, будучи въ состояніи нѣсколько таковыхъ частей отправлять однимъ работникомъ, могутъ отдѣлять отъ себя лишнихъ для заработковъ по другимъ промысламъ и тѣмъ самымъ замѣнять съ избыткомъ недостатки, могущіе оказаться въ прокормленіи себя на меньшихъ противъ теперешняго участкахъ до усовершенствованія и въ сихъ плодородныхъ мѣстахъ хлѣбопашества и земледѣлія, сего главнѣйшаго и вѣрнѣйшаго источника богатствъ нашего отечества.

7) Господскія поля, конопляники и покосы никогда да не будутъ увеличены и останутся касательно пространства ихъ въ теперешнемъ ихъ видѣ.

8) Единственная и главнѣйшая на помѣщицу работа свободныхъ хлѣбопашцевъ, на землѣ графини Віельгорской живущихъ и во всякомъ справедливомъ дѣлѣ ея покровительствомъ и защитою пользующихся, есть: *a*) обработка господскихъ полей, по нынѣшнему ихъ пространству и безъ всякаго ихъ впредь увеличенія, уборка съ оныхъ хлѣбовъ, обсушка въ овинахъ и молотьба съ перевозкою въ господскіе амбары и ямы, заведенныя въ каждомъ изъ четырехъ на барщинѣ состоящихъ селеній; *b*) скошеніе и уборка сѣна съ господскихъ покосовъ, гдѣ таковые при состояніи сего акта выдѣлены и которые впредь къ ущербу крестьянъ не увеличатся; *c*) удабриваніе, вспахиваніе и засѣиваніе господскихъ конопляниковъ, сколько ихъ теперь имѣется, снятіе съ нихъ конопли, обмолачиваніе сѣмени конопляннаго, моченіе пеньки, вытаскиваніе и мятье оной въ свое время.

9) Но поелику сверхъ того бываютъ разныя на барщинѣ работы, дача подводъ, поставка продуктовъ и другихъ вещей, каковыя работы и перевозка тѣмъ болѣе многочисленны и разнообразны, чѣмъ менѣе помѣщики входятъ въ положеніе крестьянъ своихъ и чѣмъ болѣе произволъ (Willkühr) въ назначеніи таковыхъ работъ дѣйствуетъ, то учреждается тутъ слѣдующій порядокъ, дабы крестьяне разными сими работами и произвольностью въ нарядахъ не были отвлекаемы отъ главнѣйшаго ихъ занятія и домашняго хозяйства.

10) Въ осенніе мѣсяцы по окончаніи полевыхъ работъ и въ теченіи зимы помѣщица вправѣ требовать два раза въ недѣлю по одному работнику съ лошадью или безъ оной съ каждыхъ десяти тяголъ, на барщинѣ состоящихъ, для домашнихъ въ имѣніи работъ, какъ-то для заготовленія и перевозки дровъ и прочаго. Весною въ случаѣ очистки лѣсовъ и кустарниковъ для лучшаго произращенія деревъ вправѣ требовать по одному работнику ежедневно отъ 20 тяголъ до тѣхъ поръ, пока еще нѣтъ большой въ полѣ работы.

11) Подводъ для перевозки продуктовъ каждое тягло въ зимніе мѣсяцы должно дать по два, но съ тѣмъ, чтобы продукты оные не долѣе отвозить, какъ отъ 70 до 80 верстъ отъ мѣста насыпки.

12) Караулъ крестьянамъ имѣть только около господскихъ хлѣба, гумна и овиновъ. На господскомъ же дворѣ караулу быть на господскомъ иждивеніи, а такъ же для разсылокъ господскихъ приказаній не имѣть на дворѣ отъ крестьянъ подгона, а приказанія развозить и по прочимъ дѣламъ посылать изъ дворовыхъ на господскихъ лошадяхъ.

13) Крестьянки, имѣя также свою часть въ полевыхъ работахъ, какъ-то: во время жатвы, уборки и молотьбы хлѣба разнаго, коноплей и льна, въ продолженіи таковыхъ занятій да не будутъ отвлекаемы къ другимъ работамъ въ пользу помѣщицы. Зимою же обязаны будутъ напрясть по одной талькѣ льняной и по одной же талькѣ посконной пряжи изъ господскаго льну и поскони.

14) Крестьяне платятъ сами отъ себя Государственныя подати и представляютъ рекрутъ въ случаѣ наборовъ къ отдачѣ на своемъ иждивеніи.

15) Если сверхъ обозначенныхъ выше сего работъ и обязанностей крестьянскихъ, надобность востребуетъ умножить число рукъ по работамъ или поставкамъ, то оныя нанимать по вольной цѣнѣ.

Второе по селеніямъ, *на оброкѣ состоящимъ*:

16) Всѣмъ крестьянамъ съ ихъ семействами и потомствомъ даруется свобода и все, ими во благѣ пріобрѣтенное и впредь пріобрѣтаемое имѣніе, есть ихъ собственность ненарушимая и закономъ защищаемая.

17) Сыновей съ согласія высшаго правительства могутъ записывать въ другія состоянія и сословія, какъ-то: въ ремесленники, мѣщане и проч. Дочерей выдаютъ въ замужество по собственному произволу въ самомъ имѣніи и внѣ онаго, за кого пожелаютъ. И цѣлыми семействами съ дозволенія высшаго правительства могутъ избирать иной родъ жизни и переселяться въ другія мѣста на свободныя или ими самими на общихъ государственныхъ узаконеніяхъ покупаемыя земли. Но для святаго наблюденія кореннаго государственнаго закона, касательно рекрутской обязанности, никакое семейство и никакое частное въ немъ лицо да не воспользуется даруемымъ ему правомъ переселенія прежде, какъ по выполненіи очереди своей въ поставкѣ рекрута и начало очереди полагать съ 87 набора включительно, сохраняя впрочемъ, въ разсужденіи ближняго или дальняго срока отдачи, порядокъ очереди, каковый по 87 наборъ въ семъ имѣніи существовалъ.

А дабы при таковыхъ крестьянамъ даруемыхъ правахъ и при святомъ со стороны помѣщицы наблюденіи всѣхъ условій и выгодъ, симъ актомъ постановляемыхъ, не могло произойти и для нея убытка отъ неполученія оброка съ земли остающейся въ пустѣ послѣ выселяющихся, то крестьяне, выполнивъ рекрутскую очередь, да не будутъ вправѣ переселиться и оставить обязанности свои къ помѣщицѣ прежде, какъ по прошествіи трехъ лѣтъ, считая со дня объявленія ими о таковомъ ихъ намѣреніи, дабы помѣщица между тѣмъ могла принять нужныя мѣры къ помѣщенію другихъ свободныхъ же людей на участки послѣ выбывающихъ. А дабы въ теченіи сихъ трехъ лѣтъ оброкъ былъ вносимъ исправно, то все ихъ имущество да будетъ служить залогомъ и да не вывезутъ ничего до прошествія иныхъ трехъ лѣтъ.

18) Таковыя объявленія подлежатъ во всѣхъ частяхъ разбирательству Суда Настоятелей и оныя подавать не во всякое время, а однажды въ году къ 12 декабря.

19) Но съ другой стороны помѣщица предоставляетъ и себѣ право тѣхъ изъ крестьянъ, которые въ выполненіи своихъ обязанностей будутъ нерадивы или которыхъ по худому поведенію, за всѣми отъ Суда Настоятелей зависящими способами, невозможно будетъ исправить, когда ихъ семьями рекрутская очередь будетъ выполнена, удалять и противъ ихъ желанія съ своей земли и таковымъ, по рѣшенію объ нихъ въ Судѣ Настоятелей, объявлять, чтобы въ теченіи одного года избрали себѣ иной родъ жизни или другое мѣсто пребыванія, а по минованіи сего срока будутъ высланы изъ имѣнія посредствомъ земской полиціи. Но и они въ теченіи сего годоваго срока отвѣчаютъ имѣніемъ своимъ въ исправномъ платежѣ оброка.

20) Въ пользу крестьянъ оброчныхъ оставляются всѣ тѣ загоны и прочія угодья, которыя при состояніи сего акта за ними состоятъ, безъ всякаго изъятія. И для того число тяголъ въ оброчныхъ селеніяхъ полагается на первый случай непремѣннымъ. На убылыя тягла могутъ поступать вновь подростающія въ тѣхъ же селеніяхъ поколѣнія. Если же крестьяне, видя благоденствіе свое упроченнымъ на землѣ графини Віельгорской, не пожелаютъ оставить мѣста родины своей и по обыкновенному ходу природы, особливо въ свободномъ ихъ состояніи, новыя поколѣнія подростая не могутъ размѣщаемы быть всѣ на вакантныя тягла, то покуда промышленность ихъ не приметъ инаго хода

да невозбранено будетъ имъ нынѣ состоящія за ними земли и угодья раздѣлить на большее число участковъ, отъ чего, хотя участки сіи будутъ меньшіе, но итогъ оброка въ сложности со всего села будетъ полагаться тотъ же, что и нынѣ. Слѣдовательно, за каждый уменьшенный участокъ будетъ платимо менѣе оброка противъ теперешняго.

21) Если бы паче чаянія изъ оброчныхъ селеній выселилось въ другія мѣста большое число семействъ, такъ что остающіяся найдутъ затрудненіе раздѣлить между собою съ платежемъ оброка за выбывшихъ тѣ участки, кои отъ послѣднихъ останутся, то помѣщица будетъ въ правѣ таковые не занятые участки отдѣлить къ одному мѣсту и поселить на нихъ по усмотрѣнію своему другихъ вольныхъ хлѣбопашцевъ съ полученіемъ отъ нихъ оброка или обращая ихъ на барщину, смотря по тому, какъ она съ таковыми вновь поселяющимися условится.

22) Оброкъ полагается въ годъ по 70 руб. съ тягла, а за взносомъ сего оброка крестьяне остаются свободны отъ всякихъ другихъ къ помѣщицѣ повинностей.

23) Государственныя подати, отдача рекрутъ и прочія государственныя повинности остаются на отчетѣ крестьянъ, на оброкѣ состоящихъ.

24) Находящіяся въ имѣніи водяныя мельницы имѣютъ быть отданы съ торгу въ оброчное содержаніе съ тѣмъ, что содержатели сами отъ себя и своимъ матеріаломъ должны гатить плотины и содержать мельницы въ исправности.

25) Дворовые въ имѣніи люди обоего пола равно получаютъ личную свободу и могутъ оставаться въ услуженіи съ найма.

26) Отъ всѣхъ десяти селеній да будутъ избираемы, каждые три года, заслужившіе уваженіе и вѣру со крестьянъ своихъ настоятели или старшины, отъ каждаго селенія по одному, которые вмѣстѣ съ уполномоченнымъ отъ помѣщицы составятъ Судъ для разбирательства всѣхъ до Суда касаться могущихъ дѣлъ, какъ крестьянъ между собою, такъ и по обязанностямъ взаимнымъ помѣщицы къ вольнымъ на ея землѣ хлѣбопашцамъ, такъ и сихъ послѣднихъ къ помѣщицѣ, и для всѣхъ таковыхъ разбирательствъ и рѣшеній Судъ Настоятелей собирается семь разъ въ году, независимо отъ экстренныхъ дѣлъ, а именно: 1) въ первую среду послѣ Крещенія, а ежели Крещеніе случится въ среду, то въ слѣдующій четвергъ. 2) Въ среду на 6-й недѣлѣ великаго поста. 3) Въ первое воскресенье послѣ перваго мая. 4) Въ первое воскресенье послѣ праздника Св. Апостоловъ Петра и Павла. 5) Въ первое воскресенье послѣ праздника Успенія Пресвятыя Богородицы. 6) Въ первую среду послѣ Покрова Богородицы. 7) Въ 13 день Декабря. Само собою разумѣется, что въ Судѣ Настоятелей долженъ быть заведенъ порядокъ письмоводства, но сей порядокъ долженъ быть самый простой, маловажный и крестьянамъ понятный.

27) Всякое преступленіе противъ законовъ государственныхъ да подлежитъ сужденію и рѣшенію установленныхъ на то судебныхъ мѣстъ.

28) Но по дѣламъ, могущимъ касаться или со стороны помѣщицы или со стороны крестьянъ къ важному нарушенію правъ и обязанностей взаимныхъ и симъ актомъ опредѣляемыхъ, ежели не можно будетъ ихъ рѣшить и согласить въ Судѣ Настоятелей, то да будетъ дозволено по такимъ дѣламъ бить челомъ непосредственно въ столицѣ въ подлежащемъ министерствѣ и отъ онаго получать разрѣшеніе безъ всякаго вліянія и посредства мѣстныхъ судилищъ.

29) Сей актъ къ святому и не нарушимому онаго во всѣхъ частяхъ соблюденію, да утвердится *свыше* и для того отпускаемые на волю хлѣбопашцы да отправятъ отъ себя въ столичный градъ трехъ депутатовъ и, съ содѣйствія желающей ихъ блага помѣщицы, да получатъ съ вѣдома и утвержденія завѣдывающаго сію часть министерства актъ сей крѣпкій и несомнѣнный.

30) Всѣ же, въ немъ установляемыя, условія во всей ихъ силѣ имѣютъ быть сохраняемы, какъ потомствомъ графини Луизы Віельгорской, такъ и будущими поколѣніями живущихъ на ея землѣ вольныхъ хлѣбопашцевъ, а равно и каждымъ владѣльцемъ сего имѣнія, буде иное, т.-е. земля, чрезъ продажу или инымъ образомъ перешло въ другой родъ.

Мармашенъ (Эрив. губ.).

Геніальный Горемыка.

—

«Геніальный горемыка»—такъ прозвала Шевченко въ одномъ письмѣ другъ его княжна В. Н. Репнина; и въ этомъ прозвищѣ нѣтъ ничего преувеличеннаго. Справедливо, что Шевченко обладалъ геніальными поэтическими способностями, которыя заставляли нѣкоторыхъ критиковъ, напримѣръ Аполлона Григорьева, ставить его наряду съ Пушкинымъ и Мицкевичемъ и не менѣе справедливо, что жизнь его, къ тому же оборванная преждевременной кончиной, была въ полномъ смыслѣ слова многострадальной. Тарасъ Григорьевичъ Шевченко родился 25 февраля 1814 г. Кіевской губерніи, Звенигородскаго уѣзда въ деревнѣ Моринцы. У отца его, крѣпостнаго крестьянина помѣщика Энгельгарта, было кромѣ него еще семь человѣкъ дѣтей. Дѣтство поэта было самое печальное. Въ семьѣ царствовала вѣчная нужда и вѣчный подневольный трудъ. Мать Шевченка не вынесла этой жизни и, надломленная непосильной работой и множествомъ дѣтей, умерла на тридцать первомъ году своей жизни, когда Тарасу едва исполнилось девять лѣтъ. Вынужденный по необходимости для присмотра за дѣтьми и хозяйствомъ взять другую жену, отецъ Шевченка женился на вдовѣ, у которой было трое собственныхъ дѣтей. Съ водвореніемъ мачихи начался настоящій семейный адъ: отецъ вѣчно ссорился съ женой, которая вымещала свою злобу на его дѣтяхъ; въ особенности она возненавидѣла Тараса за то, что послѣдній не разъ поколачивалъ ея любимаго сына Степанка. Однажды у квартиранта солдата пропало 45

коп. Мачиха не замедлила заподозрить Тараса въ кражѣ и, пользуясь отсутствіемъ изъ дому мужа, подвергла ребенка съ помощью дяди такой ужасной экзекуціи, что онъ не выдержалъ, принялъ на себя чужую вину и сознался въ мнимой кражѣ; впослѣдствіи оказалось, что кражу совершилъ Степанко. Вскорѣ послѣ этого событія Тарасъ лишился своего единственнаго защитника отца, который умеръ въ 1825 г., простудившись на возвратномъ пути изъ Кіева, куда его зачѣмъ-то посылалъ управляющій.—Замѣчательно, что отецъ угадалъ, что въ сынѣ кроется нѣчто не совсѣмъ обыкновенное; распредѣляя передъ смертью между дѣтьми свое имущество, онъ умышленно обдѣлилъ Тараса, сказавъ домашнимъ: сыну моему Тарасу ничего не нужно изъ моего хозяйства; онъ не будетъ заурядным человѣкомъ; изъ него выйдетъ либо что нибудь очень хорошее, либо большой негодяй». Послѣ смерти отца начинаются странствованія Тараса по чужимъ людямъ: то онъ пасетъ свиней у дяди, то учится грамотѣ у пьянаго дьячка, подвергается чуть не ежедневно побоямъ и сѣченію; то, чувствуя страсть къ живописи, бѣжитъ учиться къ маляру дьячку, который находитъ его неспособнымъ къ этому искусству; тогда онъ въ отчаяніи возвращается въ свое родное село, становится на нѣкоторое время пастухомъ общественнаго стада, работникомъ у мѣстнаго священника, отъ котораго опять хочетъ перейти къ маляру, но это ему не удается, потому что его берутъ во дворъ и опредѣляютъ въ комнатные козачки къ молодому барину. Нельзя сказать, чтобы эта должность была особенно трудная; она состояла въ томъ, чтобъ дремать по цѣлымъ днямъ въ передней въ ожиданіи, пока баринъ позоветъ набить трубку или налить ему изъ тутъ-же стоящаго графина стаканъ воды. Богатое лишеніями и побоями всякаго рода дѣтство поэта оставило навсегда въ его душѣ горькій осадокъ; впрочемъ у него было два воспоминанія, которыя бросали отрадный лучъ свѣта на эту мрачную эпоху его жизни и нашли отголосокъ и въ его поэзіи. Въ эпилогѣ къ *Гайдамакамъ* онъ съ чувствомъ глубокой благодарности вспоминаетъ о своемъ дѣдѣ, столѣтнемъ старикѣ, который не разъ трогалъ его до слезъ своимъ разсказомъ о Коліивщинѣ, о томъ, какъ поляки замучили Титаря и какъ отомстили за него козаки [1]). Другое воспоминаніе относится къ дѣтской любви Тараса. Подобно Данте и Байрону, Шевченко девяти лѣтъ отъ роду полюбилъ дѣвочку однолѣтку по имени Оксану, которая отвѣчала ему взаимностью. Много лѣтъ спустя, вспоминая въ ссылкѣ объ этомъ событіи, Шевченко поэтически описываетъ то восторженное состояніе, въ которое повергъ его первый поцѣлуй любви; ему казалось, что въ его душѣ засіяло солнце, что все принадлежитъ ему и нивы и лѣса и сады [2]). Переселившись въ барскую переднюю, Шевченко перенесъ туда и свою страсть къ живописи и собранныя всякими неправдами лубочныя картинки, съ которыхъ онъ писалъ копіи. За эту издавна

[1]) Спасибі дідусю, що ты заховавъ
Въ голові столітній ту славу козачу—
Я ii онукамъ теперъ розказавъ.

[2]) Неначе сонце засіяло;
Неначе все на світі стало
Мое: ланы, гаі, сады.
И мы, жартуючи, погналы
Чужи ягнята до воды.

тлѣвшую въ немъ искру любви къ искусству ему пришлось дорого поплатиться. «Однажды—такъ разсказываетъ самъ Шевченко—во время пребыванія нашего въ Вильно панъ и пани уѣхали въ дворянское собраніе. Все въ домѣ успокоилось и уснуло. Я зажегъ свѣчку въ уединенной комнатѣ, развернулъ свои картинки и, выбравъ изъ нихъ козака Платова, принялся съ благоговѣніемъ копировать. Время летѣло для меня незамѣтно. Уже я добрался до маленькихъ козачковъ, гарцующихъ около дюжихъ копытъ генеральскаго коня, какъ позади меня отворилась дверь и вошелъ мой помѣщикъ, возвратившійся съ бала. Онъ съ остервененіемъ выдралъ меня за уши и надавалъ пощечинъ, не за мое искусство, нѣтъ! а за то, что я могъ бы сжечь не только домъ, но и городъ. На другой день онъ велѣлъ кучеру Сидоркѣ выпороть меня хорошенько, что и было исполнено съ достодолжнымъ усердіемъ» [1]). Описанный Шевченкомъ возмутительный случай имѣлъ однако хорошія послѣдствія. Усмотрѣвъ въ козачкѣ несомнѣнную страсть къ живописи, баринъ задумалъ сдѣлать его комнатнымъ живописцемъ и для этой цѣли отправилъ его учиться въ Варшаву, куда въ скоромъ времени пріѣхалъ и самъ на зиму. Впрочемъ обученіе Шевченка живописи длилось не долго; по случаю начавшагося польскаго возстанія Энгельгартъ переѣхалъ въ Петербургъ, распорядившись, чтобы дворовыхъ людей его и въ томъ числѣ Шевченко переслали къ нему по этапу.—Въ Петербургѣ Шевченко былъ отданъ въ ученіе на четыре года къ живописныхъ дѣлъ мастеру Ширяеву, у котораго можно было выучиться красить окна, двери, заборы, словомъ всему кромѣ живописи. Отсутствіе руководства возмѣщалось тѣмъ, что Шевченко бѣгалъ въ свѣтлыя петербургскія ночи въ Лѣтній Садъ, гдѣ рисовалъ со статуй. Тамъ онъ свелъ знакомство съ землякомъ художникомъ Сошенкомъ, который обласкалъ его, пригласилъ къ себѣ, а по праздникамъ училъ живописи. Замѣчая въ самоучкѣ выходящій изъ ряду талантъ, Сошенко познакомилъ его съ конференцъ—секретаремъ Академіи Художествъ В. И. Григоровичемъ и украинскимъ писателемъ Е. П. Гребенкой. Послѣдній, человѣкъ очень добрый, принялъ теплое участіе въ Шевченкѣ, снабжалъ его книгами, а иногда и деньгами. По прошествіи нѣкотораго времени Григоровичу и Гребенкѣ, уже успѣвшимъ полюбить Шевченка, удалось познакомить его съ придворнымъ живописцемъ Венеціановымъ, который въ свою очередь представилъ его Жуковскому. Занимаясь по праздникамъ у Сошенка, Шевченко дѣлалъ такіе быстрые успѣхи, что Энгельгартъ, увидѣвъ случайно его работу, сталъ ему заказывать портреты своихъ возлюбленныхъ, за которые иногда награждалъ художника цѣлымъ рублемъ серебра. Въ скоромъ времени Шевченко сталъ получать и посторонніе заказы. Какой-то полковникъ заказалъ ему свой портретъ за пятьдесятъ рублей. Закащикъ жилъ на Пескахъ, а Шевченку пришлось ходить къ нему на сеансы съ Васильевскаго острова. Портретъ очень удался, онъ былъ, что называется, до противности похожъ, но именно это обстоятельство и было причиной того, что полковникъ, считавшій себя гораздо лучше, отказался принять его. Взбѣшенный тѣмъ, что его мѣсячный трудъ пропалъ даромъ, Шевченко, замазалъ эполеты и обернувши шею

[1]) См. Автобіографическое письмо Шевченка, приложенное къ Пражскому изданію его сочиненій. (1876).

портрета салфеткой и намыливъ щеки подарилъ его хозяину той цырюльни, гдѣ полковникъ постоянно брился, съ тѣмъ, чтобы онъ былъ выставленъ на улицу вмѣсто вывѣски. Полковнику ничего не оставалось больше какъ купить свой портретъ и уничтожить, что онъ и сдѣлалъ, но онъ задумалъ отомстить и, узнавши, что Шевченко крѣпостной человѣкъ Энгельгарта, отправился къ помѣщику съ цѣлью купить у него дерзкаго художника. Можно себѣ представить отчаяніе Шевченка. Онъ кинулся ко всѣмъ своимъ друзьямъ и покровителямъ и умолялъ спасти его. Тѣ обратились къ Жуковскому и Брюллову, писавшему въ это время портретъ Жуковскаго. Явилась мысль разыграть этотъ портретъ въ лотерею; посредствомъ лотереи, устроенной гр. Вьелегорскимъ, въ которой принимали участіе даже лица царской фамиліи, было выручено 2500 р. и Жуковскій, предварительно условившись съ Энгельгартомъ, купилъ за эту сумму вольную для Шевченка. Это было 22 апрѣля 1838 г. Въ этотъ день—разсказываетъ Сошенко — когда онъ по обыкновенію сидѣлъ за работой, къ нему неожиданно ворвался Шевченко черезъ окно и, опрокидывая все на пути, бросился къ нему на шею съ крикомъ: свобода! свобода! Когда онъ разсказалъ все толкомъ Сошенку, то художники расплакались какъ дѣти. Освобожденіемъ Шевченка отъ крѣпостной зависимости заканчивается первый періодъ его жизни. Впослѣдствіи, когда онъ свыкся съ свободой, прошедшее казалось ему какимъ-то дикимъ и несвязнымъ сномъ. «Вѣроятно — замѣчаетъ онъ — многіе изъ русскаго народа посмотрятъ когда-то по моему на свое прошедшее». Разсказавъ кратко исторію этого періода въ своемъ извѣстномъ письмѣ къ редактору *Народнаго Чтенія*, Шевченко прибавляетъ, что воспоминаніе о немъ стоило ему дороже чѣмъ онъ думалъ. «Сколько лѣтъ потерянныхъ! Сколько цвѣтовъ увядшихъ! И что я купилъ у судьбы своими усиліями—не погибнуть? Едва-ли не одно страшное уразумѣніе своего прошедшаго!»

Получивъ свободу, Шевченко былъ немедленно принятъ въ Академіи Художествъ и скоро сдѣлался однимъ изъ любимыхъ учениковъ знаменитаго Брюллова. Къ этому же достопамятному году въ жизни Шевченко относятся его первые поэтическіе опыты, которые, по его словамъ, тоже начались въ Лѣтнемъ Саду въ свѣтлыя безлунныя ночи.

«Украинская строгая муза — говоритъ онъ — долго чуждалась моего вкуса, извращеннаго жизнью въ школѣ, въ помѣщичьей передней, на постоялыхъ дворахъ и въ городскихъ квартирахъ, но когда дыханіе свободы возвратило моимъ чувствамъ чистоту первыхъ лѣтъ дѣтства, проведенныхъ подъ убогою батьковской стрѣхой, она, спасибо ей, обняла меня и приласкала на чужой сторонѣ». Какъ бы желая поскорѣе высказать то, что давно таилось въ его наболѣвшей душѣ, Шевченко работаетъ усиленно, пишетъ съ какой-то лихорадочной поспѣшностью. Уже въ 1840 г. выходитъ въ свѣтъ первое изданіе *Кобзаря*, куда вошли такіе высоко-художественныя произведенія, какъ *Наймычка*, *Катерина*, *Тополя и Утоплена*. Онъ самъ сознается, что любовь къ поэзіи, всегда сливавшаяся у него съ любовью къ родинѣ, въ это время отодвинула у него на задній планъ самую живопись. «Передъ дивнымъ произведеніемъ Брюллова—писалъ онъ впослѣдствіи въ своемъ Дневникѣ — я задумывался и лелѣялъ въ сердцѣ своемъ слѣпца—кобзаря и своихъ кровожадныхъ гайдамаковъ. Въ тѣни

его изящно-роскошной мастерской, какъ въ западной дикой степи наднѣпровской, передо мной мелькали тѣни нашихъ бѣдныхъ гетмановъ. Передо мной разстилалась степь, усѣянная курганами, передо мной красовалась моя прекрасная бѣдная Украина во всей непорочной, меланхолической красотѣ своей.—И я задумывался, я не могъ отвести своихъ духовныхъ очей отъ этой родной чарующей прелести. Странное и всемогущее призваніе! Я хорошо зналъ, что живопись моя будущая профессія, мой насущный хлѣбъ, и вмѣсто того, чтобъ изучать ея глубокія таинства и еще подъ руководствомъ такого учителя, какъ безсмертный Брюлловъ, я сочинялъ стихи, за которые мнѣ никто ни гроша не заплатилъ, которые наконецъ лишили меня свободы и которые я все таки кропаю. Право странное и неугомонное призваніе!»—Лишь только первые звуки Кобзаря достигли Малороссіи, какъ молодое интеллигентное поколѣніе, мечтавшее о возрожденіи украинской литературы, встрѣтило ихъ съ восторгомъ; Шевченко сразу сдѣлался его вождемъ, его знаменемъ; даже старые паны, дотолѣ пренебрегавшіе языкомъ своихъ крѣпостныхъ, почувствовали нѣкоторое уваженіе къ инструменту, изъ котораго можно извлекать такіе свѣжіе, нѣжные и поэтическіе звуки. Но главными пропагандистками поэзіи Шевченко были мечтательныя украинскія барышни, тѣ, чьи слёзы Шевченко считалъ для себя высшей наградой [1]).—Не смотря на неблагопріятные отзывы Бѣлинскаго, и русская публика въ особенности московская, стала интересоваться произведеніемъ вновь народившагося поэта.

Щепкинъ, по происхожденію малороссъ, былъ однимъ изъ первыхъ угадавшихъ въ никому неизвѣстномъ кобзарѣ великаго народнаго поэта и сдѣлался на всю жизнь восторженнымъ поклонникомъ его таланта и глашатаемъ его славы; онъ перѣдко читалъ въ тогдашнихъ литературныхъ кружкахъ произведенія Шевченка, переводилъ ихъ и разъяснялъ москвичамъ ихъ красоты. Когда лѣтомъ 1843 г., получивъ званіе художника, Шевченко отправился въ Малороссію, ему уже предшествовала громкая извѣстность; онъ сдѣлался предметомъ общаго вниманія; помѣщики засыпали его приглашеніями. Въ то время среди малороссійскихъ пановъ было не мало людей, которые съумѣли оцѣнить въ Шевченкѣ внутренняго человѣка и принимали бывшаго крѣпостнаго какъ равнаго. Нѣкоторые кромѣ того заказывали ему портреты. Шевченко охотно принималъ и заказы и приглашенія и гостилъ у многихъ изъ нихъ. Но истиннымъ подаркомъ судьбы было для Шевченко знакомство съ высоко-даровитой и оригинальной княжной В. Н. Репниной, дочерью бывшаго украинскаго Генералъ-Губернатора князя Н. Г. Репнина, проживавшей съ отцомъ и матерью въ своемъ помѣстьѣ Яготинѣ.

[1]) Може найдетца дівоче
Серце, кари очи,
Що заплачуть на сі думы—
Я більше не хочу.
Одну слёзу зъ очей карихъ—
И какъ надъ панами!
Думы мои, думы мои.
Лыхо мыні зъ вами!

Шевченко, приглашенный писать портретъ съ кн. Репнина, скоро сдѣлался своимъ въ домѣ князя, но особенно сблизился съ княжной В. Н., которая скоро стала другомъ, сестрой и воплощенной совѣстью поэта. Какое значеніе имѣла эта дружба для Шевченка,—это видно изъ писемъ княжны къ поэту и изъ посвященія ей написанной на русскомъ языкѣ поэмы *Тризна*, гдѣ онъ называетъ княжну своимъ добрымъ ангеломъ:

Для васъ я радостно сложилъ
Свои житейскія оковы,
Священнодѣйствовалъ я снова
И слезы въ звуки перелилъ.
Вашъ добрый ангелъ осѣнилъ
Меня безсмертными крылами
И тихоструйными рѣчами
Мечты о раѣ пробудилъ.

Вліяніе княжны было особенно дорого въ это время, ибо Шевченко имѣлъ неосторожность сойтись на дружескую ногу съ цѣлой компаніей людей веселаго нрава, въ сущности хорошихъ, но безпутныхъ, которые, соединяя любовь къ родной поэзіи съ любовью къ спиртнымъ напиткамъ, систематически спаивали его. Эта веселая компанія, сама себя называвшая обществомъ мочемордія, имѣла свои засѣданія, титулы и ордена. Великій магистръ этого курьезнаго ордена имѣлъ титулъ его высокопьянѣйшества и носилъ высшій знакъ отличія—полуштофъ черезъ плечо. Познакомившись съ этой компаніей, Шевченко пропадалъ по цѣлымъ днямъ и нерѣдко возвращался съ мочемордныхъ оргій въ домъ Репниныхъ на веселѣ, что сильно огорчало княжну. „О не говорите — писала ему однажды по этому поводу княжна — что на васъ нападаютъ люди; здѣсь не завистники, не подлецы—ваши обвинители; я, сестра ваша, вашъ искреннѣйшій другъ—ваша обвинительница. Я не сужу объ васъ по разсказамъ, я не осуждаю васъ, но говорю вамъ какъ брату, что не разъ, что слишкомъ часто я видала васъ такимъ, какимъ не желала бы видѣть никогда. Простите моей искренности, моей докучливости и поймите безкорыстное чувство, которое водитъ моимъ перомъ“.

Пространствовавъ болѣе года по Полтавской и Черниговской губерніямъ, Шевченко посѣтилъ Кіевъ и оттуда проѣхалъ въ свое родное село. Съ этихъ поръ Кіевъ дѣлается его, такъ сказать, главною квартирою, откуда онъ дѣлаетъ экскурсіи по Малороссіи, посѣщаетъ знакомыхъ помѣщиковъ и, интересуясь стариной, осматриваетъ города, церкви, развалины. Въ Кіевѣ Шевченко близко сошелся съ кружкомъ земляковъ съ Костомаровымъ во главѣ, которые съ страстнымъ напряженіемъ слѣдили за ходомъ начавшагося на западѣ славянскаго движенія и мечтали о соединеніи всѣхъ славянъ на федеративныхъ началахъ, подъ главенствомъ Россіи. „Мы не могли — говоритъ Костомаровъ — уяснить себѣ въ подробности образа, въ какомъ должна была явиться наша воображаемая федерація государствъ; создать этотъ образъ мы предоставляли будущей исторіи. Во всѣхъ частяхъ федераціи предполагались одинакіе основные законы и права, свобода торговли и всеобщее уничтоженіе крѣпостнаго права и рабства въ ка-

комъ бы то ни было видѣ“. Послѣдній пунктъ программы былъ для Шевченка самый симпатичный и, хотя Шевченко не принималъ никакого участія въ организаціи кружка и рѣдко посѣщалъ его собранія, но тѣмъ не менѣе идея славянской взаимности сильно увлекла его и внушила ему прекрасное по сю пору неизвѣстное стихотвореніе *Славянамъ*, въ которомъ онъ, изображая желаемое уже сбывшимся, воспѣваетъ русскаго двуглаваго орла, разорвавшаго своими когтями оковавшія славянъ цѣпи и предвѣщаетъ близкій конецъ лукавому панству. Извѣстно, какъ печально кончилось это платоническое увлеченіе идеей славянской взаимности. Члены кружка, принявшаго названіе Кирилло-Меѳодіевскаго общества, были арестованы и превезены въ Петербургъ; въ числѣ ихъ находился и Шевченко. При арестѣ у него было найдено нѣсколько не предназначавшихся для печати стихотвореній, которыя его и погубили. Оправданный по принадлежности къ Кирилло-Меѳодіевскому обществу, онъ былъ обвиненъ въ сочиненіи пасквильнаго стихотворенія на одно высокопоставленное лицо, разжалованъ въ рядовые и отправленъ въ отдѣльный Оренбургскій корпусъ съ запрещеніемъ писать и рисовать. Велико было преступленіе Шевченка, въ которомъ онъ самъ сильно раскаивался, но еще болѣе велико и даже чрезмѣрно было и наказаніе! Изъ культурной,проникнутой высшими духовными интересами среды, онъ былъ переброшенъ въ грубую солдатскую обстановку, гдѣ каждый офицеръ имѣлъ надъ нимъ, такъ сказать, право жизни или смерти, ибо могъ вколотить его въ гробъ. Къ чести русскаго офицерства нужно сказать, что оно за немногими исключеніями умѣло уважать талантъ и несчастіе и относилось къ Шевченку какъ къ товарищу. Ссылка Шевченка продолжалась около десяти лѣтъ. Въ іюнѣ 1847 г. онъ былъ отправленъ на перекладной въ Оренбургъ, а оттуда къ своему батальйону въ Орскую крѣпость, гдѣ пробылъ около года. Изъ Орской крѣпости онъ послалъ свое первое письмо къ кн. Репниной, живо рисующее его тогдашнее душевное состояніе. „Вы непремѣнно разсмѣялись бы—пишетъ Шевченко—если бы увидали теперь меня: вообразите себѣ самаго неуклюжаго гарнизоннаго солдата, растрепаннаго, небритаго, съ чудовищными усами—и это буду я! Смѣшно, а слёзы катятся. Что дѣлать? Такъ угодно Богу; видно я мало терпѣлъ въ этой жизни. Правда, что мои прежнія страданія въ сравненіи съ настоящими были дѣтскія слезы. Горько, невыносимо горько! И при всемъ этомъ горѣ мнѣ строжайше запрещено рисовать и писать, окромѣ писемъ. А здѣсь такъ много новаго; киргизы такъ живописны, оригинальны и наивны, сами просятся подъ карандашъ,—и я одурѣваю, когда смотрю на нихъ. Мѣстоположеніе здѣсь грустное, однообразное: тощія рѣчки Уралъ и Орь, обнаженныя сѣрыя горы и безконечная киргизская степь. Иногда эта степь оживляется бухарскими караванами на верблюдахъ, какъ волны моря зыблющимися вдали и своею жизнью удвоивающими тоску. Я иногда выхожу за крѣпость къ караванъ-сараю или мѣновому двору, гдѣ обыкновенно бухарцы разбиваютъ свои разноцвѣтные шатры. Какой стройный народъ! Какія прекрасныя головы! И какая постоянная важность безъ малѣйшей гордости! Если бы мнѣ можно было бы рисовать, сколько бы я вамъ прислалъ новыхъ и оригинальныхъ рисунковъ, но что дѣлать? Смотрѣть же и не рисовать — это такая мука, которую пойметъ только истинный художникъ“.—Я приведу еще отрывокъ изъ одного письма Шевченка къ кн. Репниной, который можетъ дать

намъ понятіе, какъ жилось поэту въ казарменной обстановкѣ Орской крѣпости. „Вчера я не могъ кончить письма, потому что солдаты-товарищи кончили ученіе; начались разсказы, кого били, кого обѣщались бить; шумъ, крикъ, балалайка, выгнали меня изъ казармъ. Я пошелъ на квартиру къ офицеру (меня, спасибо имъ, всѣ принимаютъ какъ товарища), и только расположился писать письмо.— Вообразите мою муку—хуже казармъ, а эти люди (да проститъ имъ Богъ!) съ большой претензіей на образованіе и знаніе приличій. Боже мой! Неужели и мнѣ суждено быть такимъ? Страшно!“ Въ концѣ письма Шевченко прибавляетъ, что ему весной предстоитъ походъ въ степь на берега Аральскаго моря для возведенія новаго укрѣпленія и что люди бывалые называютъ здѣшнюю жизнь Эдемомъ въ сравненіи съ жизнью походною. „Каково же должно быть тамъ — восклицаетъ онъ, если здѣсь Эдемъ?“ Экспедиція къ Аральскому морю, которой такъ боялся Шевченко, состоялась весной 1849 г. и продолжалась до глубокой осени слѣдующаго года. Не смотря на трудности похода и всякого рода лишенія, изъ которыхъ самымъ существеннымъ было отсутствіе писемъ изъ Россіи, такъ какъ почта приходила два раза въ годъ, Шевченку въ общемъ жилось лучше, чѣмъ въ Орской крѣпости, главнымъ образомъ потому, что по ходатайству начальника экспедиціи Бутакова, начальникъ отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса Обручевъ разрѣшилъ Шевченку снимать виды въ степи и берега Аральскаго моря. Благодаря тому же Бутакову, который былъ для него не начальникомъ, а братомъ и другомъ, Шевченко пользовался значительной свободой, гулялъ по степи, пѣлъ родныя пѣсни и заносилъ въ неразлучную съ нимъ переплетенную въ простую дегтярную кожу книжку вновь сочиненныя стихотворенія. Въ стихотвореніи одного русскаго поэта Шевченко изображается стоящимъ одиноко среди пустыни; глаза его горятъ огнемъ вдохновенія, онъ простираетъ руки къ далекой родинѣ, какъ будто собирается летѣть туда, но часовой не дремлетъ, онъ предполагаетъ, что поднадзорный задумалъ бѣжать и держитъ ружье на готовѣ, «готовый выстрѣлить по первому стиху». По окончаніи экспедиціи по ходатайству Бутакова Шевченко былъ препровожденъ въ Оренбургъ и прикомандированъ къ Бутакову, чтобы заканчивать подъ его руководствомъ работы по описанію Аральскаго моря. На этотъ разъ пребываніе его въ Оренбургѣ продолжалось около полугода. Онъ отдохнулъ душей въ обществѣ своего друга Ѳедора Лазаревскаго и ссыльныхъ поляковъ, которые относились къ нему весьма сердечно. Начальство тоже относилось къ нему болѣе чѣмъ снисходительно: онъ не жилъ въ казармахъ, а въ отдѣльномъ флигелѣ, который былъ предоставленъ въ его распоряженіе его пріятелемъ, адъютантомъ Обручева, Герномъ. Но этому блаженству скоро наступилъ конецъ. Хотя Шевченко продолжалъ рисовать украдкой, но запрещеніе все еще тяготѣло надъ нимъ. Онъ писалъ къ Репниной, писалъ къ Жуковскому, прося ихъ исходатайствовать ему позволеніе рисовать и, не получая отвѣта, самъ рѣшился написать 10 января 1850 г. трогательное письмо къ Дубельту, которое я позволяю себѣ привести цѣликомъ, такъ какъ оно еще не было обнародовано: «Ваше Превосходительство! Походъ въ Киргизскую степь и почти двухлѣтнее плаваніе по Аральскому морю даютъ мнѣ смѣлость вторично безпокоить В. П. моею покорнѣйшею просьбою. Я вполнѣ сознаю мое преступленіе и отъ души раскаиваюсь. Командиръ мой, капитанъ-лейтенантъ Бутаковъ, ежедневный свидѣ-

тель моего поведенія въ продолженіи двухъ лѣтъ, подтвердитъ истину моихъ словъ, ежели угодно будетъ В. П. спросить у него. Я прошу милостиваго ходатайства Вашего передъ Августѣйшимъ монархомъ нашимъ, прошу одной великой милости — позволенія рисовать. Я въ жизнь мою ничего не рисовалъ преступнаго, — свидѣтельствую Всемогущимъ Богомъ. Умоляю васъ! Вы какъ слѣпому откроете глаза и оживите мою убитую душу. Лѣта и мое здоровье, разрушенное скорбутомъ въ Орской крѣпости, не позволяютъ мнѣ надѣяться на военную службу, требующую молодости и здоровья. Прошу васъ, пріимите хотя малѣйшее участіе въ судьбѣ моей и Богъ васъ наградитъ за доброе дѣло". Письмо это осталось безъ отвѣта, а на послѣдовавшее вслѣдъ за нимъ ходатайство главнаго начальника края В. А. Перовскаго былъ полученъ отвѣтъ, что графъ Орловъ находитъ рановременнымъ входить съ всеподданнѣйшимъ докладомъ о помилованіи Шевченка.—Скоро впрочемъ случилось событіе, которое надолго лишило мѣстное начальство всякой возможности ходатайствовать объ облегченіи участи поэта. По доносу одного офицера, имѣвшаго съ Шевченкомъ личные счеты, весною 1850 г. у него былъ произведенъ обыскъ, [1]) было найдено два альбома съ стихами и рисунками—явное доказательство, что онъ вопреки Высочайшему повелѣнію продолжалъ писать стихи и заниматься рисованіемъ. Должно полагать, что дѣло это показалось шефу жандармовъ гр. Орлову дѣломъ государственной важности, ибо онъ лично докладывалъ о немъ Государю Императору, и вскорѣ воспослѣдовала Высочайшая резолюція, въ силу которой рѣшено было рядоваго Шевченка препроводить въ Ново-Петровское укрѣпленіе на берегу Каспійскаго моря подъ строгій надзоръ мѣстнаго ротнаго командира. Пребываніе Шевченка въ Новопетровскомъ укрѣпленіи продожалось цѣлыхъ семь лѣтъ. Первые два года были едва ли не самой мрачной полосой въ жизни поэта. Ротный командиръ оказался строгимъ служакой и убѣжденнымъ фронтовикомъ. Задавшись цѣлью сдѣлать такого же фронтовика и изъ Шевченка, онъ по восьми часовъ въ сутки морилъ его всякими военными экзерциціями, ежеминутно давая ему чувствовать, что онъ не болѣе какъ присланный для исправленія солдатъ. Впрочемъ, встрѣтивъ со стороны Шевченка полнѣйшую безотвѣтность, онъ на третій годъ смягчился, ослабилъ возжи дисциплины и даже сталъ приглашать поэта къ себѣ.

Положеніе Шевченка въ Новопетровскомъ укрѣпленіи сильно измѣнилось къ лучшему, когда комендантомъ укрѣпленія былъ назначенъ майоръ Усковъ, добрѣйшій человѣкъ, который обращался съ нимъ какъ съ товарищемъ, дружески раскрылъ передъ нимъ двери своего дома, а лѣтомъ переводилъ его въ свой садъ и поселялъ въ бесѣдкѣ, гдѣ вдали отъ постороннихъ глазъ онъ могъ свободно заниматься живописью и поэзіей. Ко времени пребыванія Шевченка въ Новопетровскомъ укрѣпленіи относится оживленная переписка его съ Казачковскимъ, Гулакомъ, Лазаревскимъ, а также ссыльными поляками, изъ которыхъ онъ въ особенности сошелся съ Брониславомъ Залѣсскимъ и Сигизмундомъ Сѣраковскимъ. Отбывъ срокъ своей ссылки, они возвратились въ Россію и дали Шевченку слово сдѣлать для него все возможное. «Ѣду—писалъ ему въ 1855 г.

[1]) Обстоятельства этого дѣла подробно изложены въ моей статьѣ *Первые четыре года ссылки Шевченка* (Кіевская Старина 1888. Октябрь).

Сѣраковскій — съ полной надеждой, что судьба твоя будетъ облегчена. Богъ великъ, Государь милостивъ! Батьку! великіе люди переносили и великія страданія; въ пустынѣ жилъ и пѣвецъ Апокалипсиса, въ пустынѣ и ты теперь живешь, нашъ лебедь.» Съ восшествіемъ на престолъ новаго императора у всѣхъ ссыльныхъ явилась надежда, если не на полное прощеніе, то на значительное облегченіе своей участи, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ географическомъ, въ смыслѣ приближенія къ центрамъ; не чуждъ былъ этихъ розовыхъ надеждъ и Шевченко, и потому можно себѣ представить его отчаяніе, когда онъ узналъ, что имя его вычеркнуто самимъ Государемъ изъ высочайшаго манифеста 22-го апрѣля 1855 г. «О, спасите меня, писалъ онъ къ своей новой покровительницѣ гр. Анастасіи Ив. Толстой – еще одинъ годъ и я погибъ.» Къ счастью спасеніе было не за горами. Мужъ гр. Толстой вицепрезидентъ Акад. Худ. гр. Ѳедоръ П. Толстой съумѣлъ заинтересовать судьбою Шевченка тогдашняго президента Акад. Художествъ В. К. Марію Николаевну, по ходатайству которой Шевченко получилъ прощеніе съ правомъ выдти въ отставку и избрать себѣ родъ жизни. Получивъ эту радостную вѣсть отъ Лазаревскаго въ маѣ 1857 г., Шевченко еще остался два мѣсяца въ укрѣпленіи въ ожиданіи оффиціальной бумаги и 2 августа отправился на рыбачьей лодкѣ въ Астрахань.—Радостное чувство свободы до того наполнило все его существо, что онъ совершенно позабылъ, какъ шесть лѣтъ тому назадъ писалъ къ Репниной, что ссылка такъ измѣнила его нравственно, что онъ не узнаетъ самого себя. Теперь онъ заноситъ въ свой Дневникъ замѣчательныя въ психологическомъ отношеніи слова: «все это неисповѣдимое горе прошло, какъ будто не касаясь меня; малѣйшаго слѣда не оставило по себѣ. Ни одна черта въ моемъ внутреннемъ образѣ не измѣнилась; по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется.» Пробывъ около мѣсяца въ Астрахани, Шевченко отправился на пароходѣ въ Нижній, гдѣ его ждала встрѣча съ Щепкинымъ. Узнавши, что Шевченко прибылъ въ Нижній, добрѣйшій М. С. согласился пріѣхать на гастроли, чтобы только повидаться съ нимъ. Встрѣча была самая радостная и умилительная. Великій артистъ и великій поэтъ бросились другъ другу въ объятія и зарыдали. Разсказываютъ, что нижегородскій губернаторъ, декабристъ Муравьевъ, случайно присутствовавшій при этой сценѣ, тоже не могъ удержаться отъ слезъ. «Эхъ, В. П., что вы дѣлаете — сказалъ ему Щепкинъ — Вы мнѣ всѣхъ губернаторовъ испортили. Шевченко пробылъ въ Нижнемъ нѣсколько мѣсяцевъ, пока не получено было разрѣшеніе пріѣхать въ Петербургъ. Въ мартѣ 1858 г. онъ проѣзжалъ Москву, видѣлся съ своимъ старымъ другомъ кн. Репниной, къ которой онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ Щепкинымъ. Я не разъ распрашивалъ княжну объ этомъ свиданіи. Подробности у ней за тридцать лѣтъ ускользнули, но общее впечатлѣніе осталось и впечатлѣніе очень грустное. Въ 1842 г., когда она разсталась съ Шевченкомъ, онъ былъ молодымъ человѣкомъ, сильнымъ, здоровымъ, полнымъ надеждъ на будущее. Теперь передъ ней стоялъ почти старикъ, сѣдой, лысый, съ лицомъ покрытымъ, вслѣдствіе скорбута, красными пятнами, съ усталымъ апатическимъ взглядомъ, разбитый физически и нравственно. Тщетно друзья дѣлали надъ собою усилія, чтобъ попасть въ прежній тонъ; это имъ плохо удавалось: между ними лежала непроходимая черта—десятилѣтняя ссылка поэта. По словамъ кн. Репниной, Шевченко показался ей совсѣмъ потухшимъ. Но онъ по-

тухъ развѣ на половину. Прибывъ въ Петербургъ, Шевченко былъ принятъ какъ родной въ семействѣ гр. Толстаго, который велѣлъ отвести ему мастерскую и квартиру въ самомъ зданіи Академіи. Находившіеся въ Петербургѣ земляки восторженно привѣтствовали поэта; русскіе писатели—Тургеневъ, Полонскій и др. искали случая съ нимъ познакомиться. Аксаковъ приглашалъ его въ сотрудники *Паруса*. Всѣ какъ-бы наперерывъ старались уваженіемъ, лаской и любовью вознаградить поэта за долгіе годы страданія и униженія. По словамъ дочери гр. Толстаго, Г-жи Юнге, жизнь Шевченка въ Петербургѣ потекла хорошо и радостно. Окруженный теплой дружбой и тѣми интеллектуальными наслажденіями, которыхъ онъ такъ долго былъ лишенъ, онъ какъ будто ожилъ и своимъ ласковымъ обращеніемъ оживлялъ всѣхъ окружающихъ.» Въ Петербургѣ—писалъ онъ своему пріятелю, коменданту Новопетровскаго укрѣпленія Ускову,—мнѣ живется хорошо; живу въ Академіи, товарищи-художники меня полюбили, а мои многочисленные земляки просто на рукахъ носятъ. Словомъ, я вполнѣ счастливъ».

Отогрѣвшись въ атмосферѣ любви и сочувствія, Шевченко началъ съ большимъ рвеніемъ занятія живописью. Растративъ въ ссылкѣ свою технику, онъ не дерзалъ приниматься за большую картину, а писалъ этюды сепіей и акварелью и дѣлалъ гравюры съ произведеній Рембрандта. Муза поэзіи тоже стала изрѣдка посѣщать его, ибо къ 1858 г. относится его прекрасное стихотвореніе къ Музѣ, въ которомъ онъ благодаритъ богиню за то, что никогда не покидала его и всячески помогала ему переносить выпавшія на его долю страданія. Повидимому, все сбылось, о чемъ онъ мечталъ въ ссылкѣ, но только повидимому. Петербургская обстановка не могла долго удовлетворять поэта. Душа его томилась тоскою по родинѣ, его тянуло на Украину. Съ первымъ весеннимъ вѣтромъ онъ уѣхалъ въ Кіевскую губернію къ своему родственнику и другу Варѳоломею Шевченку, выбившемуся, подобно ему, съ помощью своего ума и энергіи изъ подъ ярма крѣпостнаго права. Оттуда онъ направился въ родное село, видѣлся съ родными и провелъ нѣсколько дней у своей любимой сестры, Ирины Григорьевны, которая, разсказывала ему, сколько горя вытерпѣла она со времени послѣдняго свиданія съ нимъ; причемъ и разсказчица и слушатель оба заливались слезами. Пребываніе въ зеленомъ уголкѣ Украйны такъ полюбилось Шевченку, что онъ рѣшилъ окончить здѣсь дни свои и умолялъ своего родича высмотрѣть ему небольшой участокъ земли въ живописной мѣстности надъ Днѣпромъ, гдѣ онъ могъ-бы построить себѣ хату.—„Слава мнѣ не помогаетъ—писалъ онъ—и если я не заведу собственнаго очага, то она и въ другой разъ потянетъ меня туда, куда Макаръ гонитъ пасти телятъ. Такъ или иначе, а необходимо гдѣ-нибудь преклонить голову. Въ Петербургѣ не высижу—онъ меня придавитъ.“ Съ планомъ переселенія въ Малороссію стоялъ въ связи и другой планъ Шевченка. Поэту мучительно хотѣлось хоть подъ старость да обзавестись семьей. Непремѣннымъ условіемъ для этого онъ ставилъ, чтобы его будущая жена была не барышня, а дочь народа. Увидавъ у Варѳоломея миловидную наймычку Харитину, онъ вообразилъ, что уже нашелъ свое счастье и, возвратясь въ Петербургъ, не разъ просилъ письменно Варѳоломея быть его сватомъ, переговорить съ родными дѣвушки и съ ней самой и отвѣчать ему поскорѣе—да или нѣтъ. Когда же дѣло съ Харитиной не выгорѣло, и она наотрѣзъ отказала поэту главнымъ образомъ потому,

что онъ панъ и не ровня ей, Шевченко не оставилъ своей мысли о женитьбѣ, облюбовалъ воспитанницу Макаровыхъ, Лукерью, надѣлилъ ее всевозможными совершенствами и влюбился въ свою собственную мечту. Но когда и здѣсь его постигла неудача и разочарованіе, онъ не выдержалъ и сталъ искать утѣшенія въ винѣ. Но время было не такое, чтобы предаваться личному горю, тѣмъ болѣе, что у него было на рукахъ святое дѣло выкупа своихъ родныхъ изъ крѣпостной неволи. Это ему удалось выполнить съ помощью литературнаго фонда, и родные его получили свободу за нѣсколько мѣсяцевъ до 19 февраля. Въ то время, какъ надъ Русью уже загоралась заря освобожденія и всѣ готовились къ живой и дѣятельной работѣ на пользу народа, здоровье Шевченко становилось все хуже и хуже. Въ январѣ 1861 г. было рѣшено докторами, что у него водянка и что дни его сочтены. Судьба, преслѣдовавшая горемыку всю жизнь, жестоко посмѣялась надъ нимъ, пославши ему смерть за нѣсколько дней до обнародованія манифеста 19 февраля, возвѣстившаго всему міру конецъ рабства въ Россіи [1]). Подобно Моисею, онъ умеръ на рубежѣ обѣтованной земли, не насладившись видомъ освобожденнаго народа, не приложивъ рукъ къ работѣ на пользу его образованія. Эта трагическая сторона смерти Шевченко прекрасно освѣщена Некрасовымъ въ его извѣстномъ любителямъ поэзіи, хотя и не вошедшемъ въ полное собраніе сочиненій, стихотвореніи: *На смерть Шевченка.* Описавъ вкратцѣ жизнь Шевченка и всѣ испытанныя имъ въ ссылкѣ страданія, поэтъ заключаетъ слѣдующими стихами:

Кончилось время его несчастливое;
Все, чего съ юности ранней не видывалъ,
Милое сердцу ему улыбалося—
Тутъ ему рокъ позавидовалъ:
Жизнь оборвалася.

[1]) «Бѣдный Шевченко—говоритъ Костомаровъ въ своей Автобіографіи—нѣсколькими днями не дождался великаго торжества всей Руси, о которомъ только могла мечтать его долгострадавшая за народъ муза: менѣе чѣмъ черезъ недѣлю послѣ его погребенія во всѣхъ церквахъ Русской Имперіи прозвучалъ Высочайшій Манифестъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Этотъ манифестъ давно уже былъ готовъ, но опубликованіе его было пріостановлено до поста, чтобы дать народу возможность отпраздновать великое событіе не въ кабакахъ, а въ церквахъ и домашнихъ кружкахъ.“

Свѣтлая страница исторіи.

Справка по поводу 36-й годовщины объявленіи воли.

Дуракъ Иванушка, чему смѣешься? Или пахнуло на тебя свѣжимъ воздухомъ? Иль ты почуялъ, что пришелъ конецъ твоему гореваньицу, тому злому-лютому гореваньицу, что и къ материнскимъ сосцамъ съ тобою припадало, что и въ зыбкѣ тебя укачивало, что и въ пѣсняхъ тебя подтягивало, что и въ царевъ кабакъ съ тобою разгуляться похаживало.

М. Салтыковъ.

Разбита рабства цѣпь. Вставайте мертвецы,
Вставайте, Лазари, изъ гроба вѣковаго,
Гдѣ вы родилися, гдѣ отжили отцы.
Прощенье прошлому! Забвеніе былаго!
Оплотъ коснѣнія и порчи сокрушенъ.
На свѣтъ, на Божій свѣтъ скорѣе выходите!
Граждане новые, привѣтъ вамъ и поклонъ!
Богъ помочь, братья, вамъ, Богъ помочь въ новомъ бытѣ!

Розенгеймъ.

I.

Такъ привѣтствовали люди далеко не тождественнаго образа мыслей, 36 лѣтъ тому назадъ, день 5-го марта—день обнародованія манифеста 19-го февраля объ отмѣнѣ крѣпостнаго права. Въ этотъ великій день состоялось въ церквахъ объявленіе воли, т.-е. возвращеніе русскому народу элементарныхъ правъ человѣческой личности, правъ, безъ коихъ человѣкъ перестаетъ быть человѣкомъ и обращается въ неодушевленный предметъ чужаго обладанія и произвольнаго распоряженія.

Прошло уже слишкомъ 3½ десятилѣтія со дня этого величайшаго событія русской исторіи. Казалось-бы, этотъ достаточно продолжительный промежутокъ времени долженъ былъ внести успокоеніе въ умы и умиротвореніе страстей у бывшихъ душевладѣльцевъ, долженъ былъ уяснить имъ нравственный смыслъ и историческую необходимость сильно запоздавшей отмѣны рабства. Къ сожалѣнію, признаковъ такой исторической зрѣлости не замѣчается. Еще и въ наши дни въ лагерѣ крѣпостниковъ наблюдается такая непримиримая ненависть къ виновникамъ отмѣны крѣпостнаго права, какая была позволительна или понятна въ пылу борьбы за душевладѣніе, либо въ первые годы послѣ мучительнаго, но неизбѣжнаго разрыва „цѣпи великой, хватавшей, по выраженію Некрасова, однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику".

Еще недавно enfant terrible и глашатай явныхъ и тайныхъ крѣпостниковъ, вспоминая со скрежетомъ зубовнымъ 60-е годы и времена освобожденія крестьянъ, приравнивалъ это благодѣтельное преобразованіе къ субверсивной государственной катастрофѣ. «Въ 1861 году,—писалъ этотъ неисправимый крѣпостникъ,—Россія оказалась *опрокинутою вверхъ ногами* (sic) и если уподобить государство огромному желѣзнодорожному поѣзду, который мчится на всѣхъ парахъ къ своей провиденціальной цѣли, то 19-го февраля 1861 г., этотъ колоссальный поѣздъ потерпѣлъ *крушеніе*, локомотивъ низринулся въ пропасть, увлекая за собою *всѣ* вагоны одинъ за другимъ» и т. д.

Если крѣпостники способны къ такой профанаціи великаго акта «19-го февраля», къ такимъ нелѣпымъ извращеніямъ исторической истины въ наши дни, то легко себѣ представить, какъ они относились къ дѣлу освобожденія крестьянъ въ періодъ законодательной подготовки и приложенія на дѣлѣ Положеній 19-го февраля 1861 года. Чѣмъ больше выясняется значеніе силъ и элементовъ, вліявшихъ на исходъ великой соціально-государственной проблемы, грозно стоявшей на очереди въ Россіи 35 лѣтъ тому назадъ, тѣмъ все болѣе и болѣе утверждается истина, что только впервые гласно высказавшееся прогрессивно настроенное общественное мнѣніе, вѣра лучшей части общества и правительства въ русскій народъ и достойное поведеніе самого народа дали высшему правительству силы, средства и умѣнье, чтобы преодолѣть упрямое противодѣйствіе и всевозможныя интриги высшаго дворянства, располагавшаго крупными силами въ высшихъ правительственныхъ и придворныхъ сферахъ, и благополучно разрѣшить проблему, предъ которою отступила даже желѣзная воля Николая I. Въ день годовщины великаго дня нелишне будетъ напомнить объ этихъ противоборствовавшихъ силахъ, такъ или иначе, враждебно или благопріятно вліявшихъ на проведеніе величайшей реформы XIX столѣтія — освобожденія свыше двадцати милліоновъ крестьянъ отъ узъ рабства.

II.

Въ любопытныхъ, крайне непритязательныхъ, но характерныхъ очеркахъ «Великъ Богъ земли русской» извѣстнаго этнографа-народника П. И. Якушкина [1]), въ концѣ 50-хъ годовъ изъ конца въ конецъ исходившаго, въ качествѣ простаго коробейника, всю Европейскую Россію,—мы встрѣчаемъ весьма правдивое описаніе настроенія какъ среди помѣщиковъ, такъ и крестьянъ наканунѣ объявленія воли и вскорѣ послѣ ея объявленія. «Кто живалъ въ деревняхъ далеко отъ столицъ, тотъ помнитъ, — писалъ Якушкинъ, — какою *неожиданностью* для *всѣхъ* былъ знаменитый Высочайшій рескриптъ виленскому военному генералъ-губернатору; всѣ встрепенулись и съ судорожнымъ смиреніемъ ждали съ минуты на минуту: одни—всѣхъ благъ земныхъ, другіе всѣхъ бѣдъ».

Ничто такъ громко не свидѣтельствуетъ о недостаткѣ политическаго развитія у дворянства, какъ та всеобщая растерянность и паническій страхъ, которые охватили его въ виду будто неожиданно представшаго освобожденія крестьянъ, на дѣлѣ почти сто лѣтъ стоявшаго на очереди какъ въ сознаніи народа, такъ и образованнаго общества.

Вслѣдъ за освобожденіемъ при Петрѣ III дворянства отъ обязательной воинской повинности народъ, своимъ инстинктивнымъ чутьемъ исторической правды, понялъ, что должно было послѣдовать вслѣдъ за этимъ раскрѣпощеніе народа, какъ естественное послѣдствіе освобожденія дворянъ отъ службы. Начавшіяся въ разныхъ мѣстахъ движенія среди крестьянъ [2]) свидѣтельствовали о распространенности вѣры въ неизбѣжность скорой отмѣны крѣпостнаго права. Правда, наступившее затѣмъ царствованіе «либеральной крѣпостницы», по выраженію покойнаго Д. А. Ровинскаго, Екатерины II, распространившей крѣпостное право на Малороссію, и Павла I, дарившаго щедро крѣпостныхъ, отдалили наступленіе желаннаго момента освобожденія, но уже съ начала XIX вѣка, благодаря общественному движенію при Александрѣ I, явная несправедливость крѣпостнаго права стала все болѣе и болѣе проникать въ общественное сознаніе. Николай I, несмотря на свою наклонность къ крайнему консерватизму, былъ противникомъ крѣпостнаго права и не разъ говаривалъ: «Я не понимаю, какимъ образомъ человѣкъ сдѣлался *вещью*, и не могу себѣ объяснить этого шага иначе, какъ хитростью, *обманомъ* съ одной стороны и невѣжествомъ съ другой» [3]).

Съ воцареніемъ Александра II и съ окончаніемъ Крымской войны, освѣтившей своимъ кровавымъ заревомъ весь покоившійся на крѣпостномъ правѣ государственный и общественный строй, неизбѣжность отмѣны крѣпостнаго права чувствовалась одними инстинктивно, другими какъ неизбѣжное историческое тре-

[1]) Очерки П. И. Якушкина сначала появились въ *Современникѣ*, а недавно изданы А. С. Суворинымъ въ его «Новой библіотекѣ». Какъ достовѣрное фотографическое воспроизведеніе дѣйствительности, очерки Якушкина имѣютъ для исторіи больше значенія, чѣмъ иные quasi-историческіе мемуары съ тенденціознымъ искаженіемъ событій.

[2]) См. проф. Бѣляева „Крестьяне на Руси“.

[3]) См. письмо Бѣлинскаго въ книгѣ „П. В. Анненковъ и его друзья“, I, стр. 607.

бованіе, несмотря на то, что назначенный, по миновапіи полугодоваго траурнаго срока, новый министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Ланской оффиціально категорически завѣрялъ въ своемъ циркулярѣ о сохраненіи крѣпостнаго права. Да и могло ли въ это время говорить иначе новое правительство, имѣвшее еще на рукахъ ликвидацію тяжкаго наслѣдія въ видѣ войны съ европейскою коалиціею!

Но какъ только былъ заключенъ миръ, первою же мыслью новаго царствованія была забота о выпавшемъ на его долю великомъ освободительномъ подвигѣ. Мысль эта прозвучала глухо, но достаточно понятно для всѣхъ имѣющихъ уши слышать, въ извѣстныхъ словахъ манифеста о заключеніи парижскаго мира. А засимъ, когда этотъ первый лучъ надежды, такъ обрадовавшій прогрессивную часть общества, повергъ въ смущеніе московское дворянство, крѣпостникъ гр. Закревскій просилъ Александра II успокоить дворянъ, въ виду распространяемыхъ «бредней.» Въ знаменитой рѣчи своей къ предводителямъ дворянства въ мартѣ 1856 г. въ Москвѣ Александръ II прямо говорилъ о необходимости отмѣны крѣпостнаго права *сверху* какъ несогласнаго съ духомъ *вѣка* и во избѣжаніе отмѣны его *снизу*, и тѣмъ ясно далъ понять, что въ принципѣ имъ рѣшена отмѣна его. Во время коронаціонныхъ празднествъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Левшинъ имѣлъ порученіе приготовить умы провинціальнаго дворянства къ предстоящему паденію крѣпостной зависимости. Проходитъ послѣ этого еще болѣе года, и наконецъ правительство дѣлаетъ рескриптомъ 20-го ноября 1857 г. первый открытый оффиціальный шагъ къ освобожденію крестьянъ, и этотъ шагъ своею „неожиданностью“ все-таки повергаетъ въ изумленіе и ужасъ обладателей крещеной собственности, какъ нѣчто неслыханное, неожиданное, возмутительное, словно рѣчь шла не объ освобожденіи народа изъ вѣковой неволи, а о продажѣ въ рабство самихъ душевладѣльцевъ!

Рядомъ съ исторической неразвитостью, дѣлавшею для «передоваго» правящаго класса непонятнымъ и ненавистнымъ самое естественное, справедливое начинаніе Александра II, шла бытовая косность дворянства и моральное безразличіе, граничившее съ безчеловѣчностью. Эти люди, родившіеся и выросшіе среди безобразій и ужасовъ крѣпостнаго права, такъ съ ними свыклись и сжились, что не могли даже и представить себѣ, что можно жить безъ рабовъ, при другихъ, болѣе человѣчныхъ условіяхъ. Разсказывая о впечатлѣніи, произведенномъ рескриптомъ 20-го ноября 1857 года, Якушкинъ передаетъ такую сцену, бывшую у одной помѣщицы.

— Да что же это значитъ?—спрашивала эта барыня, когда ей прочитали рескриптъ.

— Уничтожается крѣпостное право,—отвѣчали ей.

— И крѣпостныхъ крестьянъ не будетъ? Крѣпостныхъ совсѣмъ не будетъ?

— Совсѣмъ не будетъ.

— Ну, этого я *не хочу*!—объявила барыня, вскочивъ съ дивана.

Всѣ посмотрѣли на нее съ недоумѣніемъ.

— Рѣшительно не хочу! Поѣду сама къ Государю и скажу: я скоро умру, послѣ меня пусть что хотятъ, то и дѣлаютъ, а пока я жива, я этого не хочу!

— Какъ, у меня отнимать мое?—разсуждалъ другой помѣщикъ. — Вѣдь я *человѣкомъ* владѣю; мнѣ *мой* Ванька приноситъ оброку въ годъ по пятидесяти

цѣлковыхъ. Отнимутъ Ваньку, кто мнѣ за него заплатитъ, да и кто его цѣнить будетъ? [1])

Какъ водится, въ подмогу къ трусливымъ причитаньямъ и своекорыстнымъ соображеніямъ пристегивались и разсужденія объ общемъ благѣ. Съ отмѣною крѣпостнаго права, по предсказаніямъ помѣщиковъ, въ Россіи неминуемо долженъ былъ наступить голодъ, вывозная торговля прекратиться и Россія снизойти до степени второстепенной державы [2]). Нѣкоторые даже шли такъ далеко, что предрекали революціонное движеніе среди крестьянъ.

Словомъ, если взять не отдѣльныя личности и не немногія мѣстныя исключенія (въ родѣ истинно-благороднаго тверскаго дворянства съ его предводителемъ А. М. Унковскимъ во главѣ), то дворянство, какъ сословіе, оказалось рѣшительно враждебнымъ освобожденію крестьянъ. Испытанный другъ дворянства, вышеупомянутый товарищъ министра Левшинъ, не могущій быть заподозрѣннымъ въ чрезмѣрной строгости къ дворянству, такъ резюмируетъ отношеніе дворянства къ крестьянскому дѣлу: «Чистосердечнаго, на убѣжденіи основаннаго вызова освободить крестьянъ не было ни въ одной губерніи, но своими маневрами правительство пріобрѣло возможность [3]) сказать торжественно крестьянамъ помѣщичьимъ, что владѣльцы ихъ *сами* пожелали дать имъ свободу» (*Русскій Архивъ*, 1885, № 11).

Когда крѣпостникъ-олигархъ Н. А. Безообразовъ въ поданной чрезъ своего единомышленника шефа жандармовъ Александру II запискѣ возымѣлъ смѣлость заявить, что дворянство „доказало свою готовность содѣйствовать видамъ Государя“, Государь изобличилъ это явное извращеніе истины знаменательною ироническою отмѣткою; «*хорошо* доказало!»

III.

Сопоставляя вліяніе и относительныя силы борцевъ за и противъ освобожденія крестьянъ, сторонники освобожденія нерѣдко впадали въ уныніе. Большинство членовъ главнаго комитета, большинство министровъ, большинство государственнаго совѣта, вся высшая придворная знать, почти все дворянство и духовенство были *противъ* освобожденія. Было, дѣйствительно, отчего придти въ отчаяніе. Но тутъ, по истинно плодотворной и, можно сказать, геніальной по своей простотѣ и смѣлости мысли Великаго Князя Константина Николаевича, пущена была правительствомъ въ игру совершенно невѣдомая дотолѣ въ Россіи, но могущественная, особенно въ эпоху сильнаго общественнаго подъема, сила— гласность, общественное мнѣніе и главный его органъ печать.

[1]) См. назв. Очерки, 8.

[2]) Матеріалы для исторіи крѣп. права, 7, II.

[3]) Въ виду исконнаго недовѣрія крестьянъ къ помѣщикамъ такая невѣрная оффиціальная версія, по удостовѣренію Якушкина, достигала обратной цѣли, вызывая недовѣріе къ „волѣ“ (назв. Очерки, стр. 16)

Рескриптъ на имя виленскаго генералъ-губернатора, отпечатанный поспѣшно въ одну ночь, былъ разосланъ во всѣ губерніи, а затѣмъ напечатанъ въ газетахъ. Спохватились крѣпостники главнаго комитета, догадались, что съ выходомъ дѣла изъ канцелярскихъ потемокъ на свѣтъ Божій оно ускользаетъ отъ ихъ односторонняго своекорыстнаго давленія и руководства, но было уже поздно! Великая вѣсть о приступѣ къ освобожденію крестьянъ уже разнесена была по всей Россіи... Этимъ важнымъ и рѣшительнымъ шагомъ достигались сразу три цѣли: во первыхъ, своимъ открытымъ заявленіемъ о рѣшимости своей отмѣнить крѣпостное право правительство вносило успокоеніе въ народъ, среди котораго носились темные и противорѣчивые слухи о „волѣ"; во-вторыхъ, и правительство прекращало свои собственныя колебанія и сомнѣнія, а въ-третьихъ, въ борьбѣ съ противниками освобожденія правительство находило опору въ образованной части общества и во всей русской печати. Обѣдъ-митингъ, который происходилъ въ Москвѣ вскорѣ послѣ опубликованія рескрипта 20-го ноября 1857 года и на которомъ участвовали профессора Катковъ, Кавелинъ, Бабстъ, Погодинъ [1]) и нѣкоторые другіе представители науки, печати и вообще интеллигенціи, показалъ, съ какимъ единодушнымъ восторгомъ шло образованное общество навстрѣчу великодушному намѣренію Александра II.

Послѣдующія событія доказали, что въ основѣ такого сочувствія печати лежало не мимолетное увлеченіе и желаніе угодить правительству, а сознательное стремленіе къ выполненію своей высокой нравственной обязанности предъ государствомъ и народомъ. Лучшіе органы печати того времени: *Современникъ* руководимый Чернышевскимъ, и *Русскій Вѣстникъ*, редактируемый Катковымъ, и другіе журналы широко раскрыли свои страницы для всесторонняго освѣщенія крестьянскаго вопроса, побуждая правительство къ болѣе широкой постановкѣ и раціональному рѣшенію его.

Будучи далеки отъ мысли, что долгъ „патріотической" печати въ томъ, чтобы драпироваться въ мантію оффиціозовъ-хвалителей и слѣпо повторять оффиціальныя воззрѣнія, даже такіе умѣренные органы, какъ *Русскій Вѣстникъ*, открыто защищали свой собственный взглядъ на дѣло, хотя бы онъ расходился съ правительственнымъ, и горячо настаивали на правѣ каждаго органа, въ интересахъ полнаго разъясненія дѣла, свободно защищать свои мнѣнія. Привѣтствуя допущенное смягченіе цензуры по крестьянскому вопросу, Катковъ между прочимъ писалъ въ 1858 году такія прекрасныя строки:

«Преобразованіе сельскаго быта отнынѣ должно идти не *темнымъ* канцелярскимъ путемъ, но открыто, гласно, *всенародно*; намѣтивъ самые общіе предѣлы, въ которыхъ должно совершиться преобразованіе, правительство даетъ *обществу участіе* въ дѣлѣ и *свободу* въ его обсужденіи. Въ указанныхъ предѣлахъ есть просторъ для самыхъ разнообразныхъ мнѣній; чѣмъ это разнообразіе *полнѣе*, тѣмъ точнѣе можетъ послѣдовать рѣшеніе вопроса. Намъ кажется, — продолжалъ Катковъ, ставшій впослѣдствіи ярымъ гонителемъ несогласно съ нимъ мыслящей печати, — что для этой цѣли полезно давать свободу даже мнѣніямъ, которыя проистекаютъ изъ *ошибочныхъ* и *одностороннихъ* воззрѣній, ибо пока,

1) Ст. назв. Матеріалы, вып. I.

они не выскажутся, общественное мнѣніе не *будетъ* вполнѣ свободно отъ нихъ. Обыкновенно думаютъ,—продолжалъ талантливый защитникъ свободы печати,— что разнаго рода несостоятельныя мысли, высказанныя гласно, могутъ *испортить* общественное мнѣніе и повредить дѣлу: совершенно *напротивъ*. Общество, призванное къ изученію дѣла, *только тогда* можетъ сосредоточить свое вниманіе на точной сущности его, когда малу-по малу выскажутся, во всей несостоятельности, воззрѣнія *невѣрныя*. Каждая мысль, не высказанная гласно, остается скрытою пружиною общественнаго мнѣнія. Но какъ скоро личная мысль выскажется, она становится простымъ предметомъ сужденія общественнаго мнѣнія; все ошибочное или неточное въ ней малу-по-мало *раскроется* и потомъ сложится въ архивъ“ [1]).

Не легко было русской дѣйствительности приложить на дѣлѣ эти азбучныя истины цивилизованнаго общежитія непосредственно послѣ подавляющаго гнета общественной мысли. На первыхъ же порахъ русской журналисткѣ пришлось имѣть крупное столкновеніе съ правительствомъ, давшимъ ей относительную свободу, а именно—по вопросу о надѣленіи крестьянъ. Къ чести своей журналистка съ достоинствомъ выдержала эту борьбу, пока не склонила на сторону своихъ воззрѣній само правительство.

Какъ извѣстно, по первоначальнымъ планамъ, правительство не имѣло въ виду давать крестьянамъ полеваго надѣла въ собственность, а предоставляло имъ лишь пользованіе помѣщичьею землею. Появившаяся въ *Современникѣ* талантливая статья Кавелина наглядно доказывала и историческую несправедливость и экономическій вредъ лишенія крестьянъ земли. Статья Кавелина вызвала настоящую бурю въ правительственныхъ и придворныхъ сферахъ: Кавелинъ былъ лишенъ должности преподавателя Наслѣдника. Но мысль была поддержана и *Русскимъ Вѣстникомъ*, не смотря на то, что цензура принимала самыя суровыя мѣры противъ журналовъ. Изъ дворянскихъ комитетовъ мысль о необходимости надѣловъ была усвоена Тверскимъ комитетомъ и все болѣе и болѣе встрѣчала сочувствіе въ общественномъ мнѣніи, такъ что, наконецъ, и само правительство сочло нужнымъ внести въ свою программу обязательный надѣлъ землею и, наконецъ, даже въ провинціальныхъ помѣщичьихъ кругахъ стали сознавать неизбѣжность надѣленія крестьянъ землею. Въ вышеупомянутыхъ очеркахъ Якушкинъ, описывая перемѣну помѣщичьихъ взглядовъ, подъ вліяніемъ литературы, передаетъ такіе разговоры:

— Никто не споритъ, что владѣть человѣкомъ, какъ какою-нибудь вещью, безнравственно,—говорили тѣ же самые люди, которые мѣсяцъ тому назадъ защищали свои права на личность.—За людей мы не стоимъ,—крестьянъ должно освободить, но скажите, за что же у меня землю отнимутъ и отдадутъ другому?

— Необходимо крестьянамъ дать землю,—заговорили они потомъ:—это необходимо для *насъ самихъ*; мужику нечего будетъ ѣсть: поневолѣ пойдетъ онъ на большую дорогу, сядетъ подъ мостъ, проѣзду никому не будетъ; дневной разбой пойдетъ» [2]).

[1]) *Русскій Вѣстникъ*, 1858 г., мартъ.

[2]) См. назв. Очерки, 6.

Вспоминая впослѣдствіи услуги, оказанныя государству въ крестьянскомъ дѣлѣ либеральною русскою печатью, Катковъ съ законною гордостью писалъ въ 1859 г.: «Литература оказала несомнѣнныя услуги правительству и обществу по крестьянскому вопросу. Благодаря ея *искреннему и дружному* содѣйствію, свѣтъ быстро и благотворно распространился въ самыхъ отсталыхъ, упорныхъ и неприготовленныхъ умахъ. А между тѣмъ—продолжаетъ Катковъ—съ какими усиліями, съ какими трудностями должна была бороться печать, сколько перенести тревогъ и опасеній для того, чтобы разъяснить мало-по-малу элементы крестьянскаго вопроса».

Что указанная услуга, оказанная литературой, не самообольщеніе литератора, а дѣйствительный фактъ, это видно изъ слѣдующихъ словъ А. И. Левшина, внимательно слѣдившаго за ходомъ крестьянскаго вопроса и далекаго отъ либеральныхъ увлеченій: «Несмотря на запрещеніе,—пишетъ онъ, — журналы постоянно наполнялись статьями по крестьянскому вопросу, и нѣтъ *никакого сомнѣнія*, что въ это время литература оказала *великую* услугу *Россіи* разносторонними воззрѣніями и объясненіями предмета, который не далѣе какъ за годъ передъ тѣмъ составлялъ полную тайну, совершенную terra incognita» [1])

IV.

Но самую солидную поддержку правильному и быстрому разрѣшенію дѣла народной свободы оказалъ самъ народъ своимъ поведеніемъ, исполненнымъ достоинства и самообладанія. Было общеизвѣстно, что крестьяне съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждали въ теченіе трехъ лѣтъ объявленія воли, и это обстоятельство дало сильный толчекъ скорѣйшему рѣшенію вопроса,—но наружнымъ образомъ поведеніе крестьянъ отличалось полною безукоризненностью, къ сильному огорченію крѣпостниковъ.

П. А. Валуевъ (впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ) положительно увѣряетъ, что высокопоставленные крѣпостники, и въ томъ числѣ шефъ жандармовъ кн. В. А. Долгоруковъ и министръ государственныхъ имуществъ М. Н. (впослѣдствіи графъ) Муравьевъ, все время пугали Государя неизбѣжностью народныхъ волненій и революціоннаго движенія [2]). При такомъ настроеніи самомалѣйшее волненіе могло бы имѣть роковыя послѣдствія для стоящаго на очереди великаго государственнаго вопроса. Какія тревожныя минуты переживали искренніе друзья освобожденія всего за нѣсколько дней до объявленія воли, можно видѣть по летучей запискѣ Великой Княгини Елены Павловны къ Н. А. Милютину. «Мои люди передаютъ, — писала Великая Княгиня 18-го февраля 1861 года, — что если ничего не будетъ къ 19-му февраля, чернь явится къ

1) Записки Левшина, стр. 541.

2) См. *Рус Старину* 1891 г. № 9. стр. 147.

Зимнему дворцу съ требованіемъ освобожденія. Нужно бы нѣсколько обратить на это вниманіе: демонстрація была бы *пагубна*» [1]).

Но народъ не обманулъ вѣры въ его здравый смыслъ и не оправдалъ дурныхъ разсчетовъ крѣпостниковъ, съ злорадствомъ впередъ учитывавшихъ послѣдствія народныхъ волненій. Своимъ спокойнымъ и выдержаннымъ поведеніемъ онъ удивилъ даже старыхъ помѣщиковъ, которые прямо сознавались, что не ожидали отъ него такого самообладанія [2]). И въ самомъ дѣлѣ, не только не увеличилось въ ожиданіи воли буйство народа, а напротивъ прекратились даже и тѣ отдѣльные насилія и убійства надъ помѣщиками, которыя ежегодно случались прежде. Можно было подумать, что народъ, по паролю опытнаго руководителя, наложилъ на себя обѣтъ воздержанія, а дѣло объясняется просто тѣмъ, что онъ своимъ здравымъ смысломъ понялъ, какъ опасно и неумѣстно было бы производить безпорядки именно наканунѣ объявленія воли.

Въ очеркахъ Якушкина мы находимъ рядъ сценъ, поясняющихъ эту здравую и простую точку зрѣнія, которая не приходила въ голову старымъ помѣщикамъ, весь вѣкъ прожившимъ въ деревнѣ, но не могшимъ замѣтить, что и у «хамовъ» есть свой природный разумъ и нравственный смыслъ. На одномъ постояломъ дворѣ Якушкинъ записалъ такой разговоръ между хозяиномъ и проѣзжимъ помѣщикомъ.

— Что, хозяинъ, народъ ждетъ, чай, не дождется воли?—спрашиваетъ онъ дворника.

— Какъ, родной, ваше благородіе, не ждать: тогда мужички сподобятся свѣтъ увидать,—отвѣчалъ хозяинъ-дворникъ.

— То-то пойдетъ *потѣха!*—заговорилъ посмѣиваясь, баринъ.

— На что потѣха! Отъ этого спаси Богъ?.. Дай Господи эту благодать съ миромъ и съ любовью принять!

— Надо бы съ любовью, — продолжалъ баринъ,—а безъ потѣхи дѣлу не обойтись.

— Обойдется, Богъ дастъ!

— Нѣтъ, не обойдется!

— Обойдется, спроси кого хочешь,—утверждалъ хозяинъ-дворникъ.

— А давай спросимъ! Какъ ты думаешь,—спросилъ онъ меня,—станутъ тѣшиться?

— Нѣтъ, не станутъ.

— Ты это почемъ знаешь?—спросилъ онъ уже гораздо болѣе строгимъ голосомъ.

— Да я не знаю, почему должна произойти какая-то потѣха и что такое эта «потѣха»?

— Эй, малый!—крикнулъ помѣщикъ мужику, ѣхавшему съ возомъ.

— Малый! ты изъ какихъ? Господскій что-ли, или вольный?

— Былъ господскій, — угрюмо и какъ то неохотно отвѣчалъ проѣзжій мужикъ.

1) См. Leroy-Beaulieu. Un homme d'état russe, 61.

2) См. Еленевъ. Первые шаги освобожденія крестьянъ, 56.

— А теперь?

— Да и теперь пока господскій.

— Какъ «пока» господскій?

— Пока царь волю всѣмъ не пришлетъ, до тѣхъ поръ и мы господскіе...

— Хорошъ у васъ баринъ?

— Хорошъ!.. Господа развѣ бываютъ плохи? Господа всѣ хороши!

— Все бы чай погулять надъ бариномъ? — продолжалъ приставать господинъ.

— Тѣшиться не тѣшиться было прежде, а на *послѣдяхъ* и толковать объ этомъ нечего!

Резюмируетъ свои наблюденія предъ объявленіемъ воли Якушкинъ такъ: Тогда какъ извѣстнаго сорта помѣщики увѣрены были, что произойдетъ нѣчто такое, что извѣстно было подъ таинственнымъ наименованіемъ «потѣхи», весь народъ зналъ, что не изъ-зачего даромъ въ Сибирь идти.

Образцовое поведеніе народа получило достойную оцѣнку въ знаменитой рѣчи Александра II 20-го января 1861 года, въ которой онъ убѣждалъ членовъ государственнаго совѣта, въ большинствѣ отъявленныхъ крѣпостниковъ, оставить своекорыстную точку зрѣнія и помнить, что дальнѣйшее промедленіе будетъ *пагубно* для государства, а достойному поведенію народа въ теченіе четырехъ лѣтъ посвятилъ слѣдующія трогательныя строки: «Я не могу *не удивляться* и *не радоваться* и увѣренъ, что и вы также радуетесь тому *довѣрію* и *спокойствію*, какое выказалъ нашъ добрый народъ въ этомъ дѣлѣ» [1]).

V.

Съ подписаніемъ манифеста 19-го февраля 1861 г. была закончена законодательная работа по крестьянскому дѣлу, а 5-го марта началось приведеніе въ исполненіе великой реформы, при чемъ очень скоро обнаружились какъ редакціонные, такъ и другіе недостатки вводимыхъ въ дѣйствіе законодательныхъ актовъ и особенно манифеста.

Вопреки увѣренію г. Семенова [2]), что филаретовская редакція манифеста, это—*совершенство* и представляетъ образецъ стиля для государственныхъ актовъ, обращаемыхъ къ народу, и по формѣ, и по содержанію, — этотъ важный актъ оставлялъ желать очень многаго. По единогласному отзыву современниковъ, манифестъ, уже благодаря своему многословію и длиннотамъ, производилъ на народъ крайне смутное впечатлѣніе, а затѣмъ и тяжелый языкъ его, успащенный цвѣтами семинарской риторики, и въ литературномъ отношеніи далеко не безупреченъ, а главное—былъ непонятенъ для народа. И. С. Тургеневъ въ письмѣ

1) *Правит. Вѣстникъ* 1893 годъ 18-го апрѣля.

2) См. Семеновъ „Освобожд. крестьянъ", т. III, ч. стр. 3—8.

къ Герцену, не зная имени составителя, о языкѣ манифеста выражался такъ: «Самымъ явнымъ образомъ онъ написанъ былъ по-французски и переведенъ на *неуклюжій* русскій языкъ какимъ-нибудь нѣмцемъ; вотъ фразы въ родѣ «благодѣтельно устроять», «добрыя патріархальныя условія», которыхъ ни одинъ русскій мужикъ не пойметъ».

Практика не замедлила подтвердить опасенія Тургенева. Немало недоумѣній было вызвано среди народа, благодаря именно витіеватому языку манифеста съ его церковно-славянскими оборотами и риторическими фигурами. Изъ многихъ сценъ, записанныхъ Якушкинымъ, приведемъ одну.

Чтеніе манифеста неожиданно привело крестьянъ къ убѣжденію, что къ нимъ переходятъ помѣщичьи сады и пр. Приходятъ за разъясненіемъ къ Якушкину и просятъ прочесть въ книгѣ такое мѣсто, гдѣ сказано, что всѣ сады, всѣ амбары барскіе намъ слѣдуютъ.

— Такого мѣста нѣтъ,—отвѣчаетъ Якушкинъ.

— Такъ нѣтъ такого мѣста во всей этой книгѣ говоришь ты?

— Нѣту!

— Дай же, я тебѣ покажу! И съ этими словами собесѣдникъ поднесъ положеніе, сталъ перевертывать листы и нашелъ послѣднюю страницу манифеста по клейму, приложенному вмѣсто печати (мужики были неграмотны). На, читай эту страницу!

— Я сталъ читать: «...Дабы вниманіе не было отвлечено отъ ихъ необходимыхъ земледѣльческихъ занятій»...

— Читай еще!.. читай еще! Тутъ! Тутъ оно! Читай!—заговорили радостно въ толпѣ. Тутъ оно сказано.

— «Пусть они тщательно воздѣлываютъ землю»...

— Это мѣсто! Это мѣсто! Читай, читай!

— «... и собираютъ *плоды* ея»...

— Ну, что?—спросилъ съ торжествомъ мужикъ.

— А что?

— Да что ты прочиталъ?

— Прочиталъ, чтобы вы хорошенько работали землю и собирали тогда...

— Плоды?

— Ну да: будешь хорошо пахать, посѣешь рожь — рожь и родится; вотъ тебѣ и плоды...

— Нѣтъ, Павелъ Иванычъ! Посѣешь рожь — рожь и родится хорошо, а *плодовъ* все-таки *не будетъ*. Плоды въ садахъ, а сады-то барскіе: а какъ плоды намъ, стало и сады къ намъ отойдутъ!.. Вотъ что!..

— Пустое, братцы болтаете!.. Здѣсь не такъ сказано...

— Читай, читай еще!

— «... Чтобы потомъ изъ хорошо наполненной *житницы* взять сѣмена для посѣва на землѣ...»

— Ну, а это что?

— А это вотъ что: будете хорошо работать, будутъ у васъ житницы полныя, вы и берите сѣмена...

— Ишь куда! Не туда, баринъ, прешь!!.. Какія у насъ житницы?! Амба-

ришки! Куда тутъ житницы! Амбаришки!.. А то полныя житницы! — заговорили въ толпѣ.

Если чтеніе манифеста вызвало недоумѣнія, то объ объемистомъ томѣ Положеній о крестьянахъ и говорить нечего, тѣмъ болѣе, что при разсылкѣ ихъ допущена была невѣроятная небрежность. Во многія деревни было разослано, вмѣсто полныхъ экземпляровъ Положенія, нѣсколько экземпляровъ нѣкоторыхъ листовъ, напримѣръ, въ Орловской губерніи раздавали въ одной деревнѣ тетрадь *не сшитую* изъ 20-ти экземпляровъ Правилъ о людяхъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости въ Бессарабской области; въ другой деревнѣ—дополнительныя правила о приписныхъ къ частнымъ горнымъ заводамъ... И такихъ разрозненныхъ экземпляровъ было множество...

— У насъ что за воля!—говорили въ одномъ мѣстѣ крестьяне... У насъ воля въ 87 листовъ, а вотъ графскимъ привезли... на 193 листахъ [1]).

Какъ только розданы были экземпляры Положеній царскими послами, какъ народъ называлъ свитскихъ генераловъ и флигель-адъютантовъ, развозившихъ книги по деревнямъ, народъ съ жадностью набросился на эти драгоцѣнныя книги о волѣ, ища постигнуть ихъ таинственный смыслъ. При сплошной безграмотности нелегко давалось исполненіе этого завѣтнаго желанія. Цѣна на немногихъ грамотѣевъ сильно поднялась. Имъ платили деньги, покупали міромъ водку, требуя отъ нихъ, чтобъ они читали всю «волю» отъ доски до доски, безъ перерывовъ.

Якушкинъ сообщаетъ такой случай. Мужики наняли садовника читать «волю». Дали ему штофъ водки да цѣлковый денегъ; затѣмъ подбавили еще полштофа. Какъ сталъ тотъ читать съ утра, только на другой день къ вечеру и кончилъ, половина барщины спитъ, другая слушаетъ. Такъ и прочиталъ.

— Что же вы поняли?—спрашивалъ Якушкинъ у крестьянъ.

— А что поняли?! Тебѣ говорятъ, та воля на четыре грани написана (sic).

— Для чего же вы читали ту волю, коли изъ васъ никто и понять не можетъ?

— А такъ, другъ любезный, законъ велитъ! А мы отъ закону *не прочь*.

Въ этомъ искреннемъ и глубокомъ уваженіи къ закону и въ невозможности уяснить себѣ его смыслъ заключался весь драматизмъ положенія крестьянскаго населенія, которое нерѣдко было усмиряемо за желаніе исполнить законъ буквально и по крайнему своему разумѣнію.

О характерѣ этихъ „бунтовъ“ можетъ дать понятіе первый «бунтъ», записанный Якушкинымъ, по случаю «сипацы» (такъ преобразилось въ народномъ говорѣ слово «эмансипація»). Вычитавъ въ Положеніи, что на барина полагается работать три дня, крестьяне (Орловской губ.) приходили къ помѣщикамъ съ требованіемъ работы. А между тѣмъ въ началѣ марта никакихъ полевыхъ работъ не оказывалось.

— Что вамъ, братцы, надо?—спрашиваетъ помѣщикъ.

— Работать, батюшка, работать,—отвѣчали мужики и бабы.

— Теперь работать нечего,—отвѣчалъ имъ баринъ,—работы нѣтъ никакой.

[1]) См. назв. Очерки Якушкина, 16.

— Что хочешь заставь дѣлать, батюшка.

— Не нужно мнѣ нынче вашей работы, ступайте домой.

— *Нельзя* этого сдѣлать; это дѣло не твое, это *казна!* Царь указалъ быть трехдневкѣ, мы на трехдневку и пришли... Сдѣлай милость заставь что-нибудь работать.

Баринъ сжалился и заставилъ чистить дворъ. 200 человѣкъ дружно принялись и въ минуту вычистили дворъ.

Окончивъ работу, крестьяне снова просили работы и помѣщику насилу удалось уговорить ихъ разойтись по дворамъ.

— Не было бы намъ худа, не было бы намъ бѣды отъ этого какой,— говорили мужики.

На этотъ разъ дѣло не дошло до усмиренія силою, но нерѣдко бывали случаи, что прибѣгали къ экзекуціи, какъ только крестьяне дѣлали попытку отстоять право, понимавшееся ими по своему.

Алчные крѣпостники обыкновенно утверждали, что крестьяне все только въ свою пользу и толкуютъ законъ, и заподозрѣвали искренность ихъ заблужденія. Насколько неосновательны были такія подозрѣнія можно видѣть изъ слѣдующихъ двухъ примѣровъ, приводимыхъ Якушкинымъ.

— До царской воли, — говорили крестьяне,—барину мы каждую весну носили яйца, съ каждаго тягла приказано было носить. Вышла царская воля, яйца запрещено намъ, мужикамъ, давать. Только намъ все словно опасно!... Вотъ собрали сходку, положили собрать барину яйца. Забрали, снесли... ничего: Богъ помиловалъ. За тѣ яйца намъ никакого наказанія не было. Проходитъ малое время—выдаютъ намъ деньги за тѣ яйца... Теперь что съ тѣми деньгами дѣлать?

— Да что же, мало, что ли, заплатили за яйца?— спрашивалъ Якушкинъ.

— Да не объ томъ рѣчь... Пропади пропастью совсѣмъ и деньги тѣ... А что съ тѣми деньгами дѣлать? Возьмешь тѣ деньги — бѣда, понесешь тѣ деньги въ барскую контору—опять бѣда [1]).

Вотъ какъ «своекорыстно» толковали крестьяне свои имущественныя права! А объ захватѣ ими «личныхъ» правъ можетъ дать понятіе слѣдующій случай. Мужики прогнали съ коноплянниковъ извозчиковъ, и при этомъ произошла драка. Исправникъ по жалобѣ извозчиковъ пересѣкъ мужиковъ, а старосту посадилъ въ острогъ предварительно избивши его. Крестьяне объяснили такъ эту расправу: Мірской староста *лишенъ* тѣлеснаго наказанія, исправникъ со всѣми нами посправился... А тебя, — говоритъ старостѣ,—наказывать нельзя, ты лишенъ тѣлеснаго наказанія!.. Такъ вотъ тебѣ!.. Ужъ *возилъ* же онъ его! да замѣсто тѣлеснаго наказанія въ острогъ засадилъ.

— Да развѣ это не тѣлесное наказаніе?—спросилъ я послѣ этого объясненія.

— Нѣтъ, не тѣлесное: коли бы его *разложили*, вотъ было бы тѣлесное наказаніе!

Якушкинъ по этому поводу справедливо замѣчаетъ: ежели мужики и не совсѣмъ вѣрно понимали тѣлесное наказаніе, то никакъ не въ свою пользу это тѣлесное наказаніе толковали [2]).

[1]) См. назв. Очерки, 56.

[2]) Тамъ же, 51.

VI.

Не имѣя никакого довѣрія ни къ помѣщикамъ, ни къ духовной и полицейской власти, крестьяне первое время были просто въ безвыходномъ положеніи, не имѣя возможности находить гдѣ-либо разъясненіе своимъ недоумѣніямъ. Но мѣсяца четыре спустя введенъ былъ, наконецъ, благодѣтельный институтъ мировыхъ посредниковъ или, какъ народъ ихъ называлъ, посредственниковъ, и освобожденный отъ рабства народъ сталъ чувствовать, что на него, по выраженію Салтыкова, «пахнуло свѣжимъ воздухомъ, что пришелъ конецъ его горю-гореваньицу».

Съ дѣтства привыкшій къ жестокой и обезличивающей обстановкѣ крѣпостнаго и чиновничьяго произвола, крестьянинъ впервые увидѣлъ, что съ нимъ обращаются какъ съ человѣкомъ, а не вещью, что за нимъ признается не одна только обязанность безпрекословно исполнять всякія требованія помѣщика и полиціи и молча выносить всякія обиды и насилія отъ нихъ, но признаются и закономъ дарованныя права личныя и имущественныя; за эти права заступится и отстоитъ «посредственникъ». Конечно, не вездѣ посредники оказывались на высотѣ ихъ высокаго призванія къ водворенію первыхъ элементовъ права въ среду, издавна привыкшую къ безправію и необузданному произволу, но, къ счастью, большинство добросовѣстно выполнило свои трудныя, но благородныя обязанности. Неизбалованные мягкостью и справедливостью дореформеннаго «начальства», крестьяне сразу поняли, что имѣютъ дѣло въ лицѣ посредника съ новымъ типомъ справедливаго и добраго начальства. Хоть это тоже былъ «баринъ», но не тянулъ во что бы то ни стало сторону помѣщика, а разбиралъ дѣло по закону,— а къ закону крестьянинъ относился всегда съ благоговѣніемъ;—хоть это тоже было начальство, но не считало нужнымъ, для поднятія престижа власти, вмѣсто словъ пускать въ ходъ брань, зуботычины и розги.

Загнанный, запуганный вѣковымъ безправіемъ, беззащитностью и насиліемъ, крестьянинъ впервые вздохнулъ по-человѣчески и сталъ выходить изъ того состоянія вѣчнаго испуга, въ которомъ держало его крѣпостное право и воспитанное въ его духѣ начальство, которое тѣмъ лучше аттестовалось всемогущею помѣщичьею средою, чѣмъ усерднѣе оно проявляло искусство смирять строптивыхъ рабовъ.

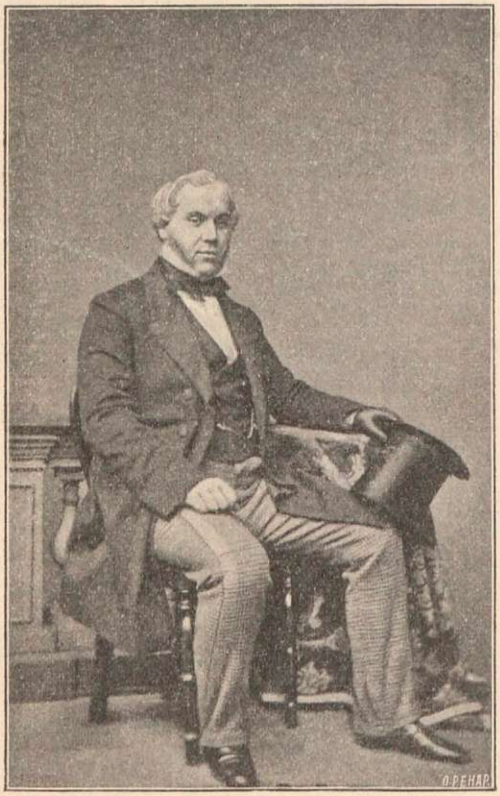
— И что за оказія, такая, братцы, — говорили мужики вскорѣ послѣ объявленія воли,—бывало ѣдетъ становой, всѣ поджилки дрожатъ, а теперь пріѣдетъ— ничего, уѣдетъ—тоже ничего! [1]).

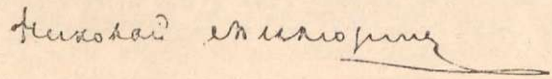
Перемѣна, произведенная на первыхъ же порахъ «волею» въ нравственной физіономіи «вчерашнихъ рабовъ», была такъ благодѣтельна и разительна, что ее съ почтенною гордостью и съ высокимъ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія привѣтствовали оставшіеся не у дѣлъ благородные дѣятели крестьянской реформы.

Скорбя о томъ, что Положенія о крестьянахъ своею неудовлетворительною редакціею, а также отчасти и содержаніемъ (сохраненіе барщины, отрѣзки отъ

[1]) Назв. Очерки Якушкина, 30

существовавшихъ надѣловъ и т. п.), давали поводъ ко многимъ недоразумѣніямъ, еще болѣе скорбя о томъ, что уже въ апрѣлѣ 1861 года наступила реакція и введеніе въ дѣйствіе освободительнаго законоположенія попало въ руки чуждаго ему по духу [1]) новаго министра внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуева. Ю. Ѳ. Самаринъ все-таки радостно отмѣчалъ въ перепискѣ съ знаменитымъ дѣятелемъ крестьянской реформы Н. А. Милютинымъ [2]), уволеннымъ внезапно вмѣстѣ съ С. С. Ланскимъ въ томъ же апрѣлѣ, окружающія утѣшительныя явленія и бодро смотрѣлъ въ будущее.

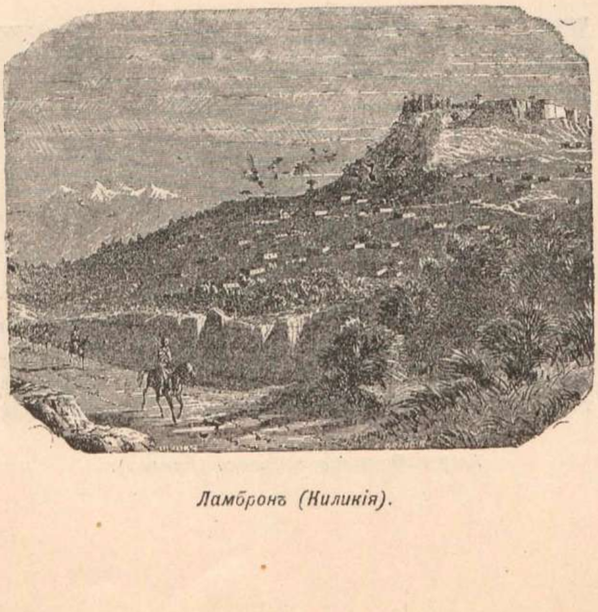
1) О духѣ и направленіи валуевской политики можетъ дать понятіе слѣдующій эпизодъ. Когда на мѣсто знаменитаго калужскаго губернатора Арцимовича, твердаго хранителя законности и правъ крестьянскихъ, былъ назначенъ Валуевымъ Лерхе, послѣдній дѣлалъ мировымъ посредникамъ такое внушеніе: „Всѣ вы, господа растолковываете крестьянамъ ихъ *права*. Къ чему? Это только обостряетъ (sic) отношенія. Если домогательства крестьянъ исполняются, то старайтесь при этомъ внушать имъ, что на то была *добрая воля* помѣщика, его внимательность къ нуждамъ бывшихъ крѣпостныхъ и что они получаютъ его согласіе, какъ *милость*". (См. Воспом. Обнинскаго въ *Русск. Арх.* 1892, № 1). Помѣщикъ противозаконно оттягивалъ землю у крестьянъ, они добивались судомъ своего, а имъ требовалось внушать, что это *милость* помѣщика. Дальше этого фальсификація закона не могла идти!

2) См. назв. соч. Леруа-Болье, 87.

«Я не боюсь послѣдовательной реакціи, — писалъ въ маѣ 1861 года Ю. Ѳ. Самаринъ Н. А. Милютину. Чтобы убѣдиться въ ея невозможности, достаточно бросить бѣглый взглядъ на народъ: онъ,—безъ преувеличенія,—преобразился съ *ногъ до головы*. Новое Положеніе развязало ему языкъ и разорвало окружавшій его заколдованный кругъ. Его языкъ, походка, манеры—все измѣнилось. Сегодня онъ *не рабъ*, вчера лишь освобожденный, онъ выше государственнаго крестьянина, конечно, не въ экономическомъ отношеніи, а какъ *гражданинъ*, сознающій, что у него есть *права*, которыя онъ долженъ и можетъ защищать самъ... Бывшій крѣпостной при столкновеніи съ помѣщикомъ думаетъ про себя; посмотримъ, чья возьметъ, на чью сторону станетъ правительство. Въ этой борьбѣ за право крестьянинъ впервые является какъ субъектъ права, независимый и свободный отъ опеки. Такимъ путемъ должно совершаться его *гражданское воспитаніе*».

Къ сожалѣнію, въ послѣдующія времена это «гражданское воспитаніе» не велось съ достаточною энергіею и послѣдовательностью и оно не было поддержано широкимъ распространеніемъ народнаго образованія, составляющаго краеугольный камень гражданскаго воспитанія.

Но какія бы случайныя и временныя колебанія ни встрѣчались въ законодательствѣ, основной тонъ и безповоротный ходъ будущности русскаго народа и мирнаго преуспѣянія Россіи указанъ въ святой великій день паденія крѣпостнаго права, въ эту «счастливѣйшую, по прекрасному выраженію академика Пекарскаго, въ жизни каждаго честнаго человѣка минуту» — объявленія воли народу и возвращенія ему человѣческихъ правъ.

Ламбронъ (Киликія).

*
* *

Рожденъ вдали отъ береговъ,
Кипитъ и рвется валъ могучій,
И полонъ ярости кипучей —
Онъ ищетъ битвы и враговъ.

*
* *

Увы далекъ гранитъ прибрежный!..
Безплодно силы истощивъ,
Волна смиряетъ свой порывъ
И тонетъ въ пѣнѣ бѣлоснѣжной.

Вл. Гессен.

Александретская пристань (Киликія).

Изъ моихъ воспоминаній.

—

На этотъ разъ мнѣ хочется вспомнить то далекое время, когда первые лучи восходящей культурной зари пронизывали вдоль и поперекъ только что проснувшуюся, освобожденную землю. То была весна нашего реформаціоннаго движенія со всею присущею этому времени года прелестью,—свѣжими, молодыми всходами, живительнымъ воздухомъ, преходящими грозами и сулящими вёдро утрами, съ тою привольною атмосферою, гдѣ легко спорится тяжкая работа пахаря; гдѣ свободно дышетъ всякая надломленная грудь, гдѣ безъ лѣкарствъ и врачей исчезаютъ недуги, уступая одной только «*цѣлительной силѣ природы*. Далеко ушло это время—«медовые мѣсяцы» земства и суда. Вспоминая ихъ теперь, сопоставляя ихъ съ настоящимъ, переживаешь то ощущеніе, которое хорошо знакомо каждому, кому приходилось встрѣтиться съ пожилымъ уже другомъ своей юности послѣ долгой, долгой разлуки: Боже мой, говорите вы себѣ, неужели этотъ преждевременный, молодящійся старецъ въ парикѣ, со вставными зубами и согбеннымъ станомъ—тотъ самый юноша, чей взоръ горѣлъ одушевленіемъ, чьи рѣчи «зажигали сердца»? Неужели тѣ пышныя золотыя кудри обрамляли когда то этотъ изрытый морщинами хмурый лобъ? Неужели изъ этихъ тусклыхъ и остановившихся, холодныхъ очей струились нѣкогда отвага и любовь?.. И вамъ хочется закрыть глаза,—бѣжать, скорѣе бѣжать отъ этого жалкаго старика и забыться въ прошломъ, «когда онъ былъ отрокомъ пылкимъ и нѣжнымъ», когда это нежданное разрушеніе казалось чѣмъ то чудовищнымъ, невозможнымъ.

———

I.

У колыбели новорожденнаго земства.

Первый сельскій избирательскій съѣздъ для выбора земскихъ гласныхъ отъ крестьянъ пришлось мнѣ открыть въ прославленномъ отечественною войною селѣ Тарутинѣ. Путь лежалъ мимо обширнаго поля бывшей битвы, у начала котораго на высокомъ искусственномъ холмѣ возвышалась стройная колонна, а на ней чугунный орелъ, не казенный, съ гербами на груди и коронами на раздвоенной головѣ, а натуральный, какимъ создала его природа, съ могучими крыльями и гордымъ взглядомъ, въ позѣ, исполненной величія и простоты. Онъ какъ бы царилъ надо всѣмъ полемъ и готовился подняться въ небо.

И вотъ,—думалось невольно,—теперь, черезъ полвѣка, рядомъ съ этимъ историческимъ полемъ, опять собирается русская земская рать, но ополчается она не на иноземнаго «супостата», а на своихъ домашнихъ, исконныхъ враговъ—на вѣковую косность, вѣковое рабство передъ чужимъ распорядкомъ ея собственными дѣлами, на лихоимство правящихъ и безмолвіе управляемыхъ; не въ крови и желѣзѣ родится на этотъ разъ побѣда, а въ мирномъ гражданственномъ развитіи дарованнаго странѣ самоуправленія.

Съ этими мыслями встрѣтилъ я собравшійся около волостнаго правленія сходъ выборщиковъ. Подъѣзжая, я слышалъ гулъ голосовъ, видѣлъ оживленную жестикуляцію, но все это сразу оборвалось, какъ только я вышелъ изъ тарантаса. Времени терять было нельзя, надо было успѣть побывать и въ другихъ избирательныхъ пунктахъ участка, а потому я тотчасъ же приступилъ къ объясненію цѣли собранія и тѣхъ правъ, которыя предоставлены крестьянамъ новымъ закономъ—тогда еще тоненькою тетрадкою, теперь едва замѣтною и узнаваемою подъ грудою заваливших ее позднѣйшихъ новеллъ, циркуляровъ, разъясненій и усовершенствованій. Съ глубокимъ вниманіемъ выслушалъ меня сходъ. Это былъ уже не тотъ сходъ, съ которымъ мнѣ приходилось имѣть дѣла по надѣламъ, рекрутскимъ наборамъ и т. п. поводамъ при введеніи положеній 19 февраля 61 года. Нѣтъ, это былъ сходъ, уже дисциплинировавшійся, сдержанный, чутко отзывчивый. Окончивъ свое толкованіе, я предложилъ выборнымъ приступить къ избранію гласныхъ въ земское собраніе и ушелъ въ волостное правленіе. Когда мнѣ подали потомъ списокъ избранныхъ въ гласные отъ крестьянъ я былъ удивленъ, встрѣтивъ во главѣ его свое имя. Я вышелъ къ сходу и опять повторилъ имъ, что въ земскомъ собраніи участвуютъ представители разныхъ сословій—купцы, землевладѣльцы, духовенство, горожане, что могутъ поэтому случаться столкновенія интересовъ, при чемъ каждый лишній голосъ представительной группы можетъ имѣть очень большое для ея интересовъ значеніе.

— «*Знаемъ и понимаемъ*, отвѣчали мнѣ выборщики, *и своего интереса мы не упустимъ, а просимъ васъ, какъ нашего бывшаго посредника, быть нашимъ*

руководителемъ и совѣтникомъ и теперь, въ новомъ еще для насъ и большомъ дѣлѣ; а потомъ, когда мы приглядимся къ нему, да попривыкнемъ, то выберемъ за мѣсто васъ своего человѣка.»

Такому разумному отвѣту нечего, конечно, было возражать, и я принялъ избраніе.

Я привожу этотъ фактъ и подчеркиваю эти слова въ своихъ воспоминаніяхъ, потому что они, вмѣстѣ съ тѣмъ, служатъ отвѣтомъ на обычные упреки, адресуемые нашему крестьянству, въ его затаенномъ недовѣріи къ интеллигентнымъ людямъ, въ его равнодушіи къ мірскому дѣлу, въ его готовности спасовать предъ всякимъ заправилой и поступаться своими законными полномочіями. Свойства эти существуютъ, конечно, въ громадной массѣ нашего крестьянства; но бываютъ моменты, моменты историческіе, когда свойства эти обезвреживаются, такъ сказать, въ атмосферѣ, насыщенной живительными началами. Такимъ моментомъ былъ въ данномъ случаѣ призывъ недавно еще безправаго и безгласнаго народа къ всесословному обсужденію и рѣшенію своихъ „нуждъ и пользъ". Этотъ подъемъ общественнаго духа держался долго въ первые года земства и сталъ падать лишь съ той поры, когда предсѣдатель собранія началъ пользоваться своимъ новымъ полномочіемъ налагать veto на возбуждаемые вопросы и прекращать пренія о предметахъ, по его мнѣнію „не подлежащихъ", или „достаточно выясненныхъ", когда въ земство сталъ исподволь, „аки тать въ нощи", подкрадываться реставрированный бюрократизмъ, и когда разные проходимцы принялись развращать избирателей, чтобы затѣмъ, въ званіи гласнаго отъ крестьянъ, враждовать съ ихъ первѣйшими интересами. Съ той поры, какъ волки, сбѣгающіеся на запахъ падали, проявились въ земствѣ новые люди — ставленники измѣны, водки и грубаго насилія; тотъ типъ сельскаго избирателя, которымъ я любовался на тарутинскомъ сходѣ, почувствовалъ себя въ меньшинствѣ и, не желая толочь воду, удалился съ „совѣта нечестивыхъ".

Съ той поры на безоблачномъ недавно горизонтѣ новорожденнаго земства стали появляться тяжелыя тучи; поднялся откуда то, съ противоположной стороны вѣтеръ; онъ вылъ, „крѣпчалъ" и погналъ назадъ народившіяся вмѣстѣ съ реформами мечты и идеалы, — назадъ, вплоть до голода, холерныхъ бунтовъ и розги! Борьба за идею смѣнилась борьбой за существованіе. Я уже говорилъ въ своемъ мѣстѣ (Р. Архивъ, 92 г. Кн. 1) о быстрой смѣнѣ общественныхъ настроеній въ исторіи развитія крестьянской реформы; то же повторилось съ земской, то же повторяется и съ судебной... Великое, полное свѣтлѣйшихъ надеждъ, начало и скорбный, тусклый конецъ! Что это такое, — эти яркія и мимолетныя звѣзды, возникающія изъ мрака, чтобы сейчасъ же исчезнуть въ немъ? — Послѣднія ли это вспышки отходящей жизни въ умирающемъ организмѣ, или, наоборотъ,—первый радостный крикъ младенца, съ котораго сняли пеленки и вынесли на солнце? Чѣмъ дольше идетъ время, тѣмъ тревожнѣе становится этотъ вопросъ,—вѣдь этотъ трижды на моихъ глазахъ вспыхивавшій и трижды угасавшій разсвѣтъ озаряетъ далекіе, самые ранніе годы моихъ воспоминаній!..

Выборы по всѣмъ избирательнымъ группамъ были закончены, и въ помѣщеніи Дворянской Опеки собралось первое земское собраніе. Здѣсь въ первый

разъ сошлись и сѣли за однимъ столомъ дворяне—землевладѣльцы, священники, крестьяне и горожане. Мои новые товарищи по избранію явились въ праздничныхъ кафтанахъ и съ праздничными физіономіями, стали въ сторонкѣ и сѣли только по приглашенію предсѣдателя. Они казались гостями, дворяне—хозяевами; но выглядѣли эти хозяева очень пасмурно, даже, пожалуй, какъ то враждебно: „непрошеные гости“ представлялись имъ „хуже татарина“. Какъ прошли и чѣмъ ознаменовались первые выборы въ составъ Управы, я не помню, хотя и былъ избранъ секретаремъ собранія. Но когда приступили къ дебатамъ по предметамъ новаго обложенія, то поднялись такія бурныя пренія, что я и до сихъ поръ, при всемъ своемъ желаніи, забыть ихъ не могу. Тутъ же образовалось, сплотилось и очень долго затѣмъ держалось большинство изъ крестьянъ и горожанъ, къ которому примкнули и два дворянскихъ голоса. Всѣ члены оппозиціоннаго меньшинства съ предсѣдателемъ „во главѣ“ давно уже сошли не только съ земскаго, но и съ земного поприща, и по отношенію къ нимъ я могу быть столько же откровеннымъ, сколько и безпристрастнымъ.

Какъ сейчасъ вижу свирѣпую и могучую фигуру полковника, который любилъ говорить, что „въ Россіи нѣтъ закона — иначе, онъ давно былъ бы въ Сибири“, а рядомъ съ нимъ не менѣе представительнаго старца, незадолго передъ тѣмъ отказавшагося подписать уставную грамоту, сказавъ, что „не замараетъ своихъ рукъ такимъ дѣломъ“, а теперь явившагося на собраніе и аккуратно посѣщавшаго всѣ засѣданія. Съ раздутыми ноздрями и шипящимъ голосомъ защищалъ онъ свои „прожекты“, изъ которыхъ два были особенно замѣчательны,—одинъ объ освобожденіи отъ поземельнаго налога владѣльческихъ лѣсовъ, другой—о налогѣ на собакъ. Въ основу перваго полагалось соображеніе о томъ, что крестьяне по Положенію лѣсовъ въ свой надѣлъ не получили, почему вся тяжесть податнаго бремени должна будетъ лечь на дворянскія земли. Аргументація втораго прожекта была еще своеобразнѣе: предлагался налогъ на собакъ, которому не подлежали, однако, охотничьи собаки — борзыя и гончія—въ виду того, что эти псы служили высшимъ потребностямъ—„благородной страсти къ охотѣ“, стоили владѣльцу дорого, а дохода никакого не приносили; иное дѣло—дворняшки: они ничего не стоютъ, а караулятъ крестьянское добро... Подобная же аргументація была пущена въ ходъ при оборонѣ отъ обложенія усадебныхъ помѣщичьихъ строеній непромышленнаго типа. Въ школьномъ дѣлѣ, возбужденномъ *крестьянскими* гласными, дворяне, за исключеніемъ двухъ упомянутыхъ, примкнувшихъ къ нимъ гласныхъ, заявили горячій протестъ: школы де нужны лишь для того, чтобы плодить мошенниковъ; кто хочетъ ихъ разводить, тотъ пусть на нихъ „расходуется“; мы своихъ дѣтей учимъ на свой счетъ и тратиться на воспитаніе крестьянскихъ ребятъ не желаемъ.

И здѣсь, какъ и въ первые годы эмансипаціи, дворянство не могло понять своего положенія: оно проявило поразительное отсутствіе всякаго не только политическаго, но и общежитейскаго такта; вмѣсто того, чтобы сдержанностью и уваженіемъ къ чужимъ законнымъ интересамъ снискать себѣ расположеніе въ средѣ земскаго собранія и тѣмъ дать своимъ голосамъ надлежащій вѣсъ и значеніе, оно пошло на проломъ, видимо ища въ новомъ учрежденіи лишь возможности хотя частицу вернуть изъ того, что было утрачено при освобожденіи крѣ-

постныхъ. Все это продѣлывалось съ такою наивною и беззастѣнчивою прямолинейностью, съ такимъ очевиднымъ безсиліемъ, что, глядя на все это, становилось и жалко и смѣшно. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи меня особенно удивляло то, что крестьянскіе гласные вели себя съ замѣчательнымъ тактомъ— ни холопской развязности, ни рабскаго низкопоклонничества; даже тогда, когда горожане заливались смѣхомъ при чтеніи прожекта о податныхъ льготахъ для „благородныхъ" псовъ, крестьяне хранили глубочайшее молчаніе. Подобными выходками дворяне сразу оттолкнули отъ себя большинство собранія; а съ нимъ можно было легко и даже сердечно сговориться, и только двое изъ гласныхъ отъ дворянства оказались на высотѣ своего призванія, и мнѣ всегда отрадно вспомнить о нихъ.

На послѣдовавшихъ земскихъ собраніяхъ положеніе еще болѣе обострилось; въ самой партіи меньшинства образовался расколъ, члены ея съ шумомъ оставляли засѣданіе, еще не закрытое, и расходились по постоялымъ дворамъ; перестали кланяться другъ другу, а одинъ задорный старичекъ изъ отставныхъ военныхъ разъ вскипятился до того, что не только не принялъ протянутой ему руки предводителя, предсѣдавшаго въ собраніи, но быстро обернулся къ нему спиной и задралъ ногу. Другой, еще болѣе радикальный представитель бѣгалъ по городу, объявляя всѣмъ встрѣчнымъ, что ищетъ меня, чтобы убить; городскіе гласные въ виду этого обстоятельства образовали вокругъ меня нѣчто въ родѣ охранительной эскорты. Воцарился неизобразимый хаосъ; гласные требовали составленія одинъ противъ другого „актовъ"; составленіе протоколовъ засѣданій становилось невозможнымъ и, чтобы положить конецъ этой анархіи, я отказался отъ исполненія обязанностей секретаря и уѣхалъ въ деревню. На другой же день явилась ко мнѣ депутація съ просьбой вернуться, такъ какъ выборъ новаго секретаря за отказомъ однихъ и за малограмотностью другихъ оказался невозможнымъ. Я поставилъ свои условія, состоялся компромиссъ и дѣло пошло тише.

Подобныя сцены совершались на глазахъ у всѣхъ; о какомъ либо руководящемъ значеніи „первенствующаго сословія" не могло быть и рѣчи, и остается лишь удивляться тому самообладанію и достоинству, съ какимъ держали себя крестьянскіе гласные во всѣхъ этихъ перипетіяхъ.

Всѣхъ деталей я, конечно, припомнить теперь не могу; я излагаю лишь общее впечатлѣніе, основныя очертанія картины, до сихъ поръ исполненной для меня самаго отраднаго смысла. Въ ней, изъ далекаго прошлаго вижу я народъ, впервые ставшій гражданиномъ, впервые призванный къ новымъ и важнымъ обязанностямъ общественнаго всесословнаго самоуправленія, народъ ничѣмъ къ тому не подготовленный, враждебно встрѣченный товарищами по призванію, и, при всемъ томъ, народъ, не проявившій ни малѣйшихъ признаковъ общественнаго антагонизма, косности, или отсталости, народъ, мѣтко и благородно голосовавшій за тѣ высшіе интересы, какіе имѣлъ въ виду новый, вводимый въ жизнь законъ. Въ ней я вижу этотъ законъ, краткій, точный и ясный, не загроможденный для исполнителей своихъ массою разъясненій, толкованій и поправокъ, законъ со всѣми задатками будущаго дальнѣйшаго, естественнаго развитія. Въ ней же, наконецъ, въ этой приснопамятной картинѣ, я вижу и окончательное крушеніе крѣпостнаго строя въ лицѣ тѣхъ, которые, благодаря только ему со-

хранили свое «первенствующее» значеніе и съ его паденіемъ явили себя неспособными удержаться на прежней высотѣ, какъ только ея искусственный фундаментъ былъ вырванъ изъ подъ ногъ.

Тема моихъ дальнѣйшихъ воспоминаній въ этой области новоданнаго земскаго самоуправленія еще преждевременна по многимъ причинамъ. Быть можетъ, когда нибудь, я и вернусь къ ней, если «Богъ вѣку продлитъ», на что, впрочемъ, надежда очень плохая,—обстоятельство, заставившеее меня выпустить эту главу далеко не законченною, мимолетною, но ярко и вѣчно мнѣ свѣтящую, какъ и то чувство, которое оставила во мнѣ вспоминаемая въ ней эпоха. Я былъ свидѣтелемъ—очевидцемъ того, во что крѣпко вѣрую до сихъ поръ и что теперь съ такимъ самоубійственнымъ ожесточеніемъ оспаривается: я видѣлъ геній русскаго народа, подобно фениксу способный возрождаться изъ пепла, я видѣлъ его духовную, ничѣмъ и никогда неодолимую мощь, я слышалъ первыя его свободныя слова... Иди дѣло *такъ, какъ оно началось*, намъ пришлось бы, быть можетъ, пережить голодные годы, но, ни холерныхъ бунтовъ, ни ликторовъ, ни отрезвленныхъ юнцовъ, мы не увидали бы никогда.

II.

Наканунѣ новаго суда.

Мое первое судебное воспоминаніе относится къ отдаленной эпохѣ 40-хъ годовъ. Для меня оно было и первымъ впечатлѣніемъ, воспринятомъ въ навсегда минувшихъ дореформенныхъ судебныхъ порядкахъ. Впечатлѣніе было до того сильно, что я хорошо помню всѣ подробности событія, имѣвшаго мѣсто въ нашемъ семействѣ и обрушившагося косвеннымъ, разумѣется, образомъ и на мою дѣтскую голову. Я отчетливо до сихъ поръ помню эти подробности, не смотря на то, что тогда мнѣ было всего 6 лѣтъ.

Жили мы тогда, съ осени и до весны, въ Москвѣ, на Пятницкой противъ ц. Климента, въ собственномъ домѣ, лѣто же и большую часть осени проводили въ деревнѣ. При домѣ былъ флигель, въ которомъ жилъ нашъ дѣдушка. Насъ, дѣтей, часто водили къ нему; дѣдушка былъ очень добрый старичекъ; любилъ насъ, ласкалъ и баловалъ конфектами и подарками; позволялъ возиться, сколько душѣ угодно, даже въ своемъ кабинетѣ; у него къ тому же былъ прелестный водолазъ „Нептунъ“, большой, черный съ шелковистой шерстью песъ, который также доставлялъ намъ не малое удовольствіе. По всему этому мы любили ходить къ дѣдушкѣ и любили его самого, всегда бодраго, веселаго, не смотря на свои тогда уже очень почтенные годы. Вернувшись однажды съ родителями изъ деревни осенью и на другой же день отправившись къ дѣдушкѣ, я былъ пораженъ невиданной дотолѣ обстановкой квартиры: въ передней сидѣлъ городовой (по тогдашнему „хожалый“), а по залѣ, взадъ и впередъ медленно шагалъ долговя-

зый и сумрачный квартальный надзиратель въ высокомъ красномъ воротникѣ, при шпагѣ, съ сѣдыми бакенбардами, идущими согласно установленной формѣ отъ уха къ угламъ рта. Въ слѣдующей комнатѣ сидѣлъ дѣдушка... Но, Боже!, что же случилось съ нимъ?—голова обвязана компрессомъ, на тарелкѣ ледъ, лицо блѣдное, блѣдное, а въ глазахъ слезы... Пытаясь улыбнуться, онъ протянулъ къ намъ руки; руки дрожали... Я припалъ къ нему на плечо и горько зарыдалъ: дѣтское сердце почуяло во всей этой перемѣнѣ чью ту неправду, чье то нехорошее, злое дѣло, жертвою которыхъ почему то сдѣлался мой добрый, хорошій дѣдушка; я мгновенно возненавидѣлъ этого долговязаго квартальнаго и того вонючаго хожалаго, что сидѣлъ въ передней, чуя въ нихъ враговъ-исполнителей этого нехорошаго дѣла. Въ слезахъ и рыданіяхъ увели меня домой, чтобы „не безпокоить дѣдушку, который нездоровъ"... Отъ няни я ничего не могъ добиться въ разъясненіе своихъ догадокъ; матушку дома я засталъ также въ слезахъ и съ обвязанной головой. Отвѣты на мои горячіе запросы получались самаго неопредѣленнаго свойства (въ родѣ „выростешь—узнаешь" и т. п.); я и самъ смутно сознавалъ, что причина бѣды внѣ моего пониманія, но отъ этого сердце ныло еще мучительнѣе, и жалость, безконечная жалость къ бѣдному дѣдушкѣ, давила горло, судорожно глотавшее слезы: „дѣдушка, милый дѣдушка, что съ тобой сдѣлали?"...

Впослѣдствіи я узналъ, что дѣдушка былъ арестованъ по ложному доносу, и лишь недавно, роясь въ своемъ деревенскомъ архивѣ, я розыскалъ всѣ бумаги по этому „нехорошему дѣлу". Такимъ образомъ я могу изложить обстоятельства его по оффиціальнымъ источникамъ, несомнѣннымъ и, тѣмъ не менѣе, въ высшей степени поразительнымъ.

31 августа 1843 г. *въ 5 часовъ утра* дѣдъ мой былъ *разбуженъ* прибывшимъ въ его квартиру частнымъ приставомъ, полицейскимъ офицеромъ и «добросовѣстными свидѣтелями»; лица эти, объявивъ, что «дѣйствуютъ по приказанію высшаго начальства», забрали у него всѣ документы и бумаги, уложили все это въ ящикъ, опечатали и пригласили дѣда идти за ними въ пятницкій «частный домъ». Не сознавая за собой никакой вины, онъ, въ надеждѣ что тамъ разъяснится ошибка, послѣдовалъ за ними. Однако, прибывъ въ часть, *никакого разъясненія онъ не получилъ*; у него отобрали бумажникъ съ деньгами и записками, отвели *въ арестантскую камеру*, *заперли на замокъ и къ дверямъ приставили стражу*, оставивъ его „въ мучительнѣйшей неизвѣстности", внѣ какихъ либо удобствъ, требующихся опрятностью и здоровьемъ; *не позволили ему перевязать издавна носимую фонтанель*, *не давали столоваго прибора*, почему приносимую пищу приходилось ему *разрывать пальцами*. Чтобы облегчить свою душевную муку, дѣдъ просилъ допустить къ нему его духовника, *но и въ этомъ получилъ отказъ*. *На шестыя сутки* по просьбѣ его къ нему прибылъ оберъ-полиціймейстеръ, генералъ-майоръ Цинскій, который, вмѣсто какого либо объясненія, или успокоенія, попрекнулъ дѣда его «знакомствомъ съ подполковникомъ В—нымъ и иностранцемъ Л. К—омъ». На вопросы о томъ, что за преступленіе совершили эти лица и каково въ немъ предполагаемое участіе дѣда, получился отвѣтъ, что это «*пояснится* допросами при формальномъ изслѣдованіи дѣла». Цинскій уѣхалъ; дѣда опять *заперли* съ тою лишь разницею, что оберъ-поли-

цеймейстеръ, «снисходя къ старости, слабости и душевной скорби» арестованнаго разрѣшилъ провѣтривать камеру, наблюдать за здоровьемъ его частному врачу и давать столовый приборъ.

«Упрекъ г. м. Цинскаго въ знакомствѣ съ В—имъ и К—омъ,—упрекъ, пишетъ въ одномъ изъ своихъ прошеній дѣдъ, выраженный въ очень строгой формѣ, навелъ меня на мысль, что эти лица обвиняются въ какомъ либо государственномъ преступленіи, и это успокоило меня, такъ какъ въ виду своихъ вѣрноподданическихъ убѣжденій я былъ увѣренъ въ освобожденіи послѣ перваго же допроса». Наконецъ день допроса насталъ; подъ конвоемъ полицейскаго офицера дѣда отвезли въ домъ оберъ-полицеймейстера и предложили письменные «вопросные пункты». И что же?—Первый вопросъ предлагался «о знакомствѣ и дѣлахъ» дѣда съ упомянутыми В. и К. и еще съ нѣсколькими другими лицами. Во второмъ предъявлялись двѣ росписки прапорщицы Х-вой о принятыхъ ею подъ сохраненіе вещахъ и деньгахъ для опредѣленія подлинности подписи, о которыхъ дѣдъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Отвѣтивъ въ такомъ смыслѣ, дѣдъ былъ снова отправленъ въ часть и заключенъ въ камеру, гдѣ и содержался *болѣе двухъ недѣль* со дня заарестованія, въ теченіи коихъ его нѣсколько разъ возили къ допросу и все по одному и тому же предмету. Дѣдъ понялъ, что лишонъ свободы не по ошибкѣ, а по чьимъ либо проискамъ, или произволу властей; «это до того поколебало состояніе моей души и тѣла, писалъ дѣдъ, что, не въ силахъ будучи переносить пребываніе въ страдной тюрьмѣ, я испросилъ вторичнаго свиданія съ г. оберъ-полицеймейстеромъ и тутъ между прочимъ осмѣлился спросить: кто и въ чемъ принесъ на меня жалобу, и кто и въ чемъ мои обвинители? На что генералъ майоръ Цинскій отвѣчалъ: «*молва и я*!» Однако, когда дѣдъ попросилъ его замѣнить невыносимое для него заточеніе домашнимъ арестомъ, Цинскій на это согласился, и дѣдъ «сдѣлался арестантомъ въ собственной своей квартирѣ подъ присмотромъ полицейскаго офицера и приставленнаго къ дверямъ солдата для преграды ко всякому сообщенію». Такой домашній арестъ продолжался *болѣе трехъ недѣль*, когда слѣдственная коммиссія окончила свои занятія, *установивъ невиновность дѣда до такой ясности*, что тотъ же оберъ-полицеймейстеръ г.-м. Цинскій, вызвавъ его къ себѣ, объявилъ ему, что «по производимому слѣдствію онъ оказался совершенно чистъ, и что это дѣло *рекомендуетъ его болѣе, нежели могъ бы это сдѣлать лучшій его пріятель*!» Арестъ былъ отмѣненъ, но съ дѣда все-таки взяли подписку о невыѣздѣ изъ Москвы.

Пять недѣль одиночной тюрьмы и домашней неволи, нравственной пытки, физическихъ лишеній и позора для человѣка безупречной честности, стараго, больного, семейнаго, пользовавшагося безграничнымъ уваженіемъ всѣхъ знавшихъ его и, не смотря на все это, лишеннаго свободы и заподозрѣннаго безъ малѣйшаго къ тому основанія, не могли, конечно, не возмутить даже и такую кроткую и незлобивую личность, какою былъ мой дѣдъ, и онъ подалъ жалобу въ 1-ый департаментъ надворнаго суда.

Помимо непререкаемыхъ основаній по существу ложнаго доноса, къ жалобѣ имѣлся и столь же вѣскій формальный мотивъ: дѣло о подложныхъ роспискахъ, въ виду участія въ немъ лица военнаго званія (подполковника В—го) поступило

въ «коммиссію военнаго суда, учрежденную по Высоч. повелѣнію при С.-Петербургскомъ ордонансъ-гаузѣ», вслѣдствіе чего дѣдъ мой подалъ Военному Министру прошеніе о возвращеніи ему отобранныхъ у него полиціею при обыскѣ бумагъ и документовъ и объ освобожденіи его отъ обязательства неотлучки изъ г. Москвы. Въ отношеніи своемъ къ московскому генералъ-губернатору Военный Министръ далъ на это прошеніе слѣдующій отвѣтъ: «усматривая изъ донесенія Комиссіи Военнаго Суда, что отст. поручикъ И. А. К-ій (т.-е. мой дѣдъ) *вовсе не прикосновененъ къ сему дѣлу*, я покорнѣйше прошу В. С-ство сдѣлать зависящее отъ Васъ распоряженіе о разрѣшеніи ему безпрепятственнаго выѣзда изъ Москвы и объявленіи ему во 1-хъ, что о выдачѣ ему отобранныхъ бумагъ и документовъ вмѣстѣ съ симъ предписано означенной комиссіи и во 2-хъ, что *съ жалобою своею на несправедливое содержаніе подъ арестомъ онъ можетъ, буде желаетъ, обратиться по принадлежности къ В. С-ству*».

Жалоба, поданная дѣдомъ, чрезвычайно характерна, какъ знаменіе своего времени. Вотъ что между прочимъ пишетъ онъ въ ней:

«Упомянувъ выше, что г. Московскій Оберъ-полицеймейстеръ во время ареста моего объявилъ мнѣ, что обвинителями въ мнимомъ преступленіи моемъ были «молва и онъ», я въ причиненныхъ мнѣ страданіяхъ *не хотѣлъ отыскивать удовлетворенія отъ лица, имѣющаго власть начальническую* и все претерпѣнное предавалъ забвенію; но *потомъ, извѣстясь*, что поводомъ и главною причиною испытанныхъ мною страданій и понесенныхъ потерь было поданное московскому оберъ-полицеймейстеру надворною совѣтницею Е. А. Н-ой (урожденной Х-ой) прошеніе, заключавшее несправедливый на меня доносъ, я обращаюсь нынѣ къ правосудію правительства. Въ этомъ прошеніи г-жа Н-на, въ качествѣ опекунши надъ малолѣтней сестрой своей, дѣвицею Х-вой, доноситъ о злоумышленіи на достояніе послѣдней со стороны нѣсколькихъ лицъ, изъ коихъ главное лицо—К-нъ близко знакомъ съ какимъ-то поручикомъ К-имъ (т.-е. мною,—ей, какъ это будетъ объяснено дальше, очень хорошо извѣстнымъ), безпрестанно у него бываетъ, у К-го же живетъ и лицо, писавшее духовное завѣщаніе Р-аго. Г-жа Н-на проситъ провѣрить правильность этого завѣщанія, назначить безотлагательное изслѣдованіе, произвести строгіе обыски у всѣхъ лицъ, въ дѣлѣ этомъ соединившихся, и прекратить между ними всякое сообщеніе».

Далѣе, въ жалобѣ своей, дѣдъ объясняетъ, какъ явную ложь этого доноса, такъ и мотивъ къ нему. Не только составительница его, но и все ея семейство, давно знали дѣда, такъ какъ мать и братья ея состоятъ ему должными нѣсколько тысячъ. Упомянутый главный виновникъ К-нъ не только у него не бывалъ, но укрывался отъ него, также состоя ему должнымъ столь же значительную сумму. Лица, писавшаго духовное завѣщаніе Р-го, онъ не зналъ и не видывалъ, ни прежде, ни теперь. Г-жа Н-на уже давно стремится пріобрѣсти отъ него, дѣда, за ничтожную сумму заемныя обязательства ея роднаго брата отст. капитана Х-ва на 200,000 р. асс. Предлагала она ему за нихъ сначала 50,000 р., на что онъ не согласился, «не принадлежа къ числу аферистовъ, пріобрѣтающихъ чьи либо заемныя письма и «уступающихъ ихъ не за ту сумму, какая въ нихъ написана», а потомъ, уже послѣ своего доноса, когда дѣдъ находился подъ арестомъ, присылала къ нему неизвѣстное ему лицо, предлагая только 25,000.

Дѣдъ «принялъ это за насмѣшку», «тогда же ему стала ясна та корыстолюбивая цѣль, съ какою имя его было помѣщено въ доносѣ. Указавъ затѣмъ, что съ заявленіемъ о подлогѣ сохранныхъ росписокъ Н-ной согласно 959 ст. XV т. св. зак. надлежало обратиться въ судебное мѣсто, а «не вынуждать лицо, начальственную власть имѣющее, отступить отъ закономъ установленнаго порядка», по коему уголовное преслѣдованіе въ данномъ случаѣ могло бы послѣдовать лишь при доказательствѣ извѣта на гражданскомъ судѣ, дѣдъ просилъ привлечь Н-ну къ указанной 865 ст. XV т. уголовной отвѣтственности за ложный на него доносъ.

Изъ другого прошенія, впослѣдствіи поданнаго дѣдомъ въ Моск. Губернское Правленіе, видно, что послѣднее «предположивъ, что начатое по жалобѣ его слѣдствіе о поступкахъ Н-ной возбуждено, будто бы, неправильно, предписало таковое прекратить». Въ этомъ прошеніи дѣдъ ходатайствовалъ о выдачѣ ему копіи съ опредѣленія губ. правленія для обжалованія его Правительствующему Сенату, но была ли та копія выдана, обжаловалъ ли онъ опредѣленіе Губ. Правленія и чѣмъ рѣшилъ Сенатъ—ничего объ этомъ въ бумагахъ, оставшихся по его смерти, не оказалось. По всей вѣроятности, истощивъ послѣдній запасъ терпѣнія, онъ махнулъ рукой и «предалъ забвенію все претерпѣнное» отъ доноса Н-ной, какъ сдѣлалъ это по отношенію къ дѣйствіямъ административной власти.

Гдѣ же обвинители въ этой варварски-трагической фантасмагоріи, благодаря которой дѣду на старости лѣтъ впервые пришлось переживать мучительнѣйшія минуты, часы, дни, недѣли, мѣсяцы?—«*молва и я*», какъ отвѣтилъ на это генералъ-майоръ Цинскій. Но «молвы», какъ это видно изъ дѣла, не было, да по его обстоятельствамъ и быть не могло. Генералъ-майоръ Цинскій? — но послѣ первыхъ же допросовъ, такъ долго, такъ мучительно ожидавшихся, онъ объявилъ обвиняемому, что дѣло рекомендуетъ его съ наилучшей стороны. Не сама ли Н-на?—но, устраняя даже всю ложь ея доноса и вѣря ей на слово, ея обвиненіе цѣликомъ исчерпывалось знакомствомъ дѣда съ заподозрѣнными ею личностями, т. е. фактомъ, не имѣющимъ и тѣни чего либо преступнаго.

Гдѣ былъ судъ, гдѣ былъ законъ?—Перваго мы не видимъ, а второй дерзко нарушенъ...

Чего же ради полицейская власть, ночью ворвавшись въ квартиру почтеннаго, ни въ чемъ не повиннаго старика, арестуетъ его, забираетъ его деньги и бумаги, тащитъ въ часть и тамъ запираетъ при самой безпощадной обстановкѣ по невѣдомой ему причинѣ, на невѣдомое ему время? Чего ради ударъ, нанесенный дочери, и горькія слезы шестилѣтняго ребенка?..

Ужели, ради того только, чтобы доставить удовольствіе дамѣ, не остановившейся передъ оклеветаніемъ невиннаго для успѣха своихъ корыстолюбивыхъ разсчетовъ? Да! только—и только для этого!...

Страшное время, страшные порядки,—порядки, отъ которыхъ по извѣстному выраженію И. С. Аксакова, близко съ ними знакомаго, «волоса встаютъ дыбомъ и морозъ подираетъ по кожѣ».

Нѣмой ужасъ, внушаемый обывателямъ этими порядками, очень рельефно аргументируется въ только что разсказанномъ «дѣлѣ»: дѣдъ *не рѣшается* по-

дать жалобу на «лицо, начальственную власть имѣющее», не рѣшается, не смотря на всю глубину и очевидность произвола, не смотря на напомненное ему въ объявленномъ чрезъ Управу Благочинія сообщеніи Военнаго Министра, и законное его право обжаловать «несправедливое содержаніе подъ арестомъ», не смотря на «испытанныя страданія», не смотря на свою субъективно-сознаваемую и оффиціально-признанную «совершенную неприкосновенность».

Онъ искалъ возстановленія своей попранной правды лишь въ преслѣдованіи частнаго жалобщика «*вынудившаго* это, начальственную власть имѣющее, лицо отступить отъ закономъ установленнаго порядка» и, по всей вѣроятности, это же лицо оказалось «вынужденнымъ» повліять и на прекращеніе этого преслѣдованія, якобы неправильно возбужденнаго.

Такъ вотъ чего не могъ я понять своимъ умишкомъ, но о чемъ смутно догадывался своимъ дѣтскимъ сердцемъ, когда плакалъ на груди бѣднаго дѣдушки и не вѣрилъ нянѣ, утѣшавшей меня, что у дѣдушки головка бобо, а высокій, шагающій по залѣ господинъ въ красномъ воротникѣ—докторъ, который дѣдушку скоро вылѣчитъ.

Благодаря разсказанному обстоятельству, я уже съ ранняго дѣтства получилъ ужасъ и отвращеніе ко всему, что такъ или иначе относилось къ тогдашнимъ судебнымъ сферамъ. Дальнѣйшія событія сложились какъ разъ такъ, чтобы закрѣпить это настроеніе.

Въ 1852 г. умеръ мой дѣдъ, оставивъ наслѣдство и дѣла въ такомъ запущенномъ состояніи, что, не смотря на размѣры этого наслѣдства, мы долго колебались—принять его, или отказаться: дѣдъ мой былъ человѣкъ въ высшей степени добрый, но столько же непрактичный и довѣрчивый; чуть не всякій, нуждавшійся въ займѣ, могъ получить его безъ процентовъ, безъ обезпеченія, безъ отдачи; знакомые и «друзья» поэтому не переводились. Послѣ смерти дѣда остались домъ въ Москвѣ и дача въ Сокольникахъ, два порядочныхъ имѣнія во Владимірской и Воронежской губерніяхъ и масса долговыхъ документовъ и записей по займамъ, какъ этихъ «друзей» у дѣда, такъ и по займамъ его самаго у другихъ лицъ для покрытія ежегодныхъ дефицитовъ. Весь этотъ хаосъ былъ разобранъ и учтенъ при содѣйствіи адвокатовъ, по заключенію которыхъ была основательная, яко бы, надежда получить съ нѣкоторыхъ должниковъ, расплатиться съ кредиторами и очистить нѣкоторую долю недвижимаго наслѣдства. Рѣшились принять наслѣдство, и съ момента этого роковаго для всей семьи нашей рѣшенія въ теченіи долгихъ лѣтъ мы не знали покоя: безконечная вереница то и дѣло мѣнявшихся повѣренныхъ и ходатаевъ по дѣламъ, какъ съ нашей, такъ и съ противной стороны, потери и разочарованія, суды уѣздные, надворные, совѣстные, россійскіе и заграничные, палаты всякихъ наименованій, опеки всякихъ сословій, управы благочинія, коммиссіи, канцеляріи, магистраты, консисторіи, прокураторіи и т. д. и т. д. Со всѣми этими «мѣстами и лицами» мнѣ, въ качествѣ помощника отцу, то и дѣло приходилось входить въ личныя или пись-

менныя сношенія, «выслушивать рѣшенія», «чинить рукоприкладства», подавать прошенія. («Дабы повелѣно было»...), получать справки и копіи. И, Боже, чего, чего только я не насмотрѣлся!..

Въ каждомъ «присутственномъ мѣстѣ» приходилось оплачивать чуть не всякій шагъ, чуть не всякое слово,—даромъ никто не укажетъ дороги къ «столу», въ которомъ ваше дѣло, не проронитъ слова въ отвѣтъ. Грязь, вонь и «мерзость запустѣнія» кругомъ.

Въ канцеляріи толпятся «просители» и шепчутся съ чиновниками. Изрѣдка сѣдой «вахтеръ» съ медалями во всю грудь важно отворяетъ половинку двери въ «присутственную комнату», куда, сгорбившись и какъ-то робко избочась, прошмыгиваетъ вицмундиръ съ охапкою бумагъ подъ мышкой, а въ отворенную дверь вы видите красное сукно, блестящую золотую раму, такое же зерцало и вокругъ него нѣсколько неподвижно-возсѣдающихъ фигуръ съ плѣшивыми головами, вплоть до ушей ушедшими въ высокіе, хомутовидные золотые же воротники... Внушительно,—но вы тотчасъ же почему то чувствуете, что это — не болѣе, какъ какая то никому не нужная, торжественная и мертвая декорація, а вся сила въ томъ заваленномъ бумагами, залитомъ чернилами и засыпанномъ пескомъ [1]) столикѣ съ прожженнымъ, закапаннымъ саломъ, вылинявшимъ сукномъ, съ оплывшимъ огаркомъ въ ржавомъ подсвѣчникѣ и сквернымъ сургучемъ,—столикѣ, у котораго вы только что совѣщались съ «столоначальникомъ»—тѣмъ, что понесъ подписывать «члену» бумагу по вашему дѣлу; вы чувствуете, что вся сила, вся суть, вся судьба вашего дѣла не тамъ, откуда мелькнули вамъ золотые рамы, орлы и воротники, а въ этомъ «столоначальникѣ» въ засаленномъ вицмундирѣ, съ сизымъ, запачканнымъ табакомъ носомъ, хищными глазками и перомъ за ухомъ, вы чувствуете, что подпись въ этой парадной «присутственной комнатѣ» ничего не прибавитъ и не убавитъ въ томъ, что этотъ вершитель судебъ вашихъ написалъ на своемъ грязномъ столѣ.

Но вотъ, наконецъ, послѣ долгихъ ожиданій, явокъ, «напоминаній» и «благодарностей» дѣло ваше рѣшено: васъ вызываютъ къ выслушанію рѣшенія. Представительный унтеръ распахиваетъ уже обѣ половинки таинственной двери; вы видите тѣхъ же, точно также сидящихъ «членовъ» безъ малѣйшаго признака какой либо жизни, то же красное сукно, то же зерцало; воздухъ немного чище, чѣмъ въ канцеляріи, но тѣмъ не менѣе вы себя чувствуете, какъ бы въ могильномъ склепѣ. «Экзекуторъ» подвелъ васъ къ конторкѣ секретаря, указалъ подлежащее мѣсто, и началось чтеніе... Тщетно вслушиваетесь вы въ монотонную, унылую воркотню чтеца, тщетно напрягаете вы все свое вниманіе, чтобы уловить какую либо мысль, понять что либо послѣ произнесеннаго нѣсколько отчетливѣе словъ «приказали»,—туманъ, туманъ и туманъ! «Кажется, отказали?» спрашиваете вы затѣмъ своего адвоката.—«Нѣтъ, напротивъ, все это прекрасно, отвѣчаетъ онъ, такъ и слѣдовало быть». На повѣрку же оказывается,

[1]) Песокъ насыпался горкой на углу стола или конторки; въ эту горку, называемую „Калифорніей", просители опускали серебряныя монеты, которыя по окончанія присутствія и извлекались оттуда владѣльцемъ этого импровизованнаго рудника.

что это «рѣшеніе»—ничего не рѣшающее, даже не предрѣшающее, это — одна изъ тѣхъ безчисленныхъ инстанціонныхъ стадій — мытарствъ, черезъ которыя должно пройти ваше дѣло прежде, чѣмъ получить тотъ или иной конечный исходъ!..

И во всей этой непроглядной тьмѣ, въ этой душу выматывающей сутолокѣ, вдругъ мелькнетъ, точно яркій, пронизывающій ее лучъ ослѣпительнаго свѣта, только что выслушанная лекція Грановскаго (въ то время я былъ студентомъ), или бурнымъ, ликующимъ потокомъ пронесутся позднимъ вечеромъ молодыя пламенныя рѣчи, полныя отважныхъ мечтаній, зовущія въ невѣдомую, но чудную даль!.. Да, это была хорошая диверсія, надлежащій «revanche», но послѣ нихъ еще гуще, еще плотнѣе стягивался надъ головою окружающій мракъ, еще острѣе чувствовалась жажда этого свѣта.

И онъ пришолъ!

Какъ не благоговѣть передъ памятью незабвеннаго Законодателя, сразу сокрушившаго «черную неправду» былыхъ судовъ и даровавшаго странѣ идеально совершенный Уставъ! Какъ не преклоняться передъ этимъ святымъ подвигомъ всякому, кому, подобно пишущему эти строки, пришлось сначала на себѣ и присныхъ своихъ такъ близко, такъ непосредственно и такъ болѣзненно изввѣдать всю глубину этой «неправды», а потомъ принять столь же близкое и непосредственное, но уже не пассивное, а активное участіе въ судебныхъ дѣлахъ при водвореніи на когда то хорошо знакомыхъ развалинахъ новаго, стройнаго, монументально-прекраснаго судебнаго порядка! До чего жалкими и безобразными должны казаться ему недостойные упреки неблагодарныхъ и слѣпыхъ противниковъ этого порядка, сторонниковъ полицейской расправы, «властной руки» и административнаго усмотрѣнія, дико взывающихъ къ реставраціи ужаснаго прошлаго!

Народъ, тотъ народъ, котораго я узналъ и съ которымъ такъ близко сошелся въ эпохи «новой воли» и земскаго возрожденія, котораго тогда же выучился любить и уважать, этотъ самый народъ, въ качествѣ представителей общественной совѣсти, призывался къ отправленію высокой общественной и государственной функціи—творить правый,—для всѣхъ равный и милостивый судъ. «Сокращенные» мировые посредники, а между ними и я,—тѣ посредники, на которыхъ сыпались проклятія, тѣ строители, которыхъ обвиняли въ ниспровер женіи строя, снова вступали въ ряды «дѣйствующей арміи», кто по избранію, кто по назначенію. Куда дѣвались всѣ эти жалобы и проклятія?—Они исчезли «аки дымъ»: осталось то благословеніе народа, которымъ нѣкогда напутствовалъ онъ нашъ починъ; остались тѣ идеалы, о которыхъ, еще раньше того, вѣщала намъ университетская каѳедра; открывалась работа на пользу этого народа и во имя этихъ идеаловъ!

Воспоминанія о *такомъ* прошломъ, едва теперь виднѣющемся сквозь толщу послѣдующихъ, чуждыхъ ему наслоеній, покажутся мечтаніемъ современному читателю. Вернуть этому *мечтанію* присущія ему нѣкогда плоть и кровь, воскресить *реальные* образы давно минувшаго, чтобы въ глубинѣ снѣжнаго покрова указать жизнеспособные еще ростки брошеннаго въ землю зерна и сдѣлать это пока память не измѣнила—вотъ что составляетъ задачу моихъ бѣглыхъ, торопливыхъ

замѣтокъ. Такая же толща послѣдовательныхъ наслоеній лежитъ между ихъ авторомъ и его юнымъ читателемъ... Намъ трудно, очень трудно понять другъ друга; но это не смущаетъ меня: если у меня нѣтъ ни права, ни таланта напоминать ему *«забытыя слова»*, за то у меня есть факты, *забытые факты*, и долгъ свидѣтеля-очевидца — дать о нихъ показаніе на томъ сложномъ и запутанномъ предварительномъ слѣдствіи, провѣрка котораго вмѣстѣ съ окончательнымъ приговоромъ принадлежитъ суду исторіи, «правому, милостивому и равному для всѣхъ» — и для отцовъ и для дѣтей.

2 января 1897.

П. Обнинскій

Часовня Св. Петра и Павла въ Еклиджѣ (Эрив. губ.).

Въ глуши.

I.

Для укрѣпленія расшатанныхъ городской жизнью нервовъ доктора посовѣтовали мнѣ провести нѣсколько времени въ деревнѣ. И вотъ я здѣсь, въ глуши, далеко отъ городской сутолоки, желѣзныхъ дорогъ, фабрикъ, театровъ, магазиновъ и прочей цивилизаціи. Вмѣсто большого четырехъ-этажнаго дома съ сотеннымъ населеніемъ, моимъ убѣжищемъ служитъ полусгнившая старая баня съ покрытой зеленымъ мхомъ и почернѣвшей отъ древности крышей, подъ которой я обитаю одинъ. Стоитъ баня въ началѣ лѣса, примыкающаго одной стороной къ барской усадьбѣ и тянущагося на нѣсколько десятинъ въ противоположную сторону. На небольшой полянѣ, разстилающейся передъ моимъ новымъ жильемъ, пересѣкаются четыре дороги, по которымъ время отъ времени проходятъ различные обитатели барской усадьбы,—двуногіе, четвероногіе, пернатые,—производящіе своимъ важнымъ видомъ, своей странной близостью и общностью жизни впечатлѣніе внезапно ожившей старой сказки. Пѣтухъ въ сообществѣ бородатаго, лохматаго, неряшливаго козла и хромающей лошади, подобно „бременскимъ музыкантамъ“, молчаливо шествуютъ вглубь лѣса, съ любопытствомъ посматривая на мою баню и какъ бы спрашивая у товарищей совѣта, не избрать ли ее своимъ убѣжищемъ. Въ отдаленіи, какъ призракъ жаръ-птицы, мелькаетъ между деревьями павлинъ; на одной изъ дорогъ показывается и тотчасъ же исчезаетъ вслѣдъ за уходящимъ въ лѣсъ шумнымъ стадомъ баба яга въ видѣ горбатой маленькой старушки съ длинной хворостиной въ рукѣ. Для довершенія сходства со сказкой появляется съ обрывкомъ цѣпи на шеѣ молодой ручной волкъ и, скаля зубы, усаживается на противоположной сторонѣ дороги какъ бы поджидая того героя, которому за съѣденнаго коня онъ долженъ оказать неисчислимыя услуги. Наконецъ, показывается онъ самъ, этотъ сказочный герой, Иванъ-царевичъ или Иванушка-дурачекъ, простоватый парень въ пестрядиной рубахѣ, перевязанной веревочкой, въ бѣлыхъ холщевыхъ штанахъ, босикомъ, съ огромнымъ арапникомъ въ рукѣ. Онъ на нѣсколько времени останавливается на перекрестѣ дорогъ и, почесывая въ затылкѣ, какъ бы недоумѣваетъ передъ

загадочной надписью несуществующаго столба, въ какую сторону направиться. Съ такимъ же недоумѣніемъ онъ бросаетъ взоръ на каждую изъ дорогъ, на деревья, на траву, на баню, на меня, молчаливо спрашивая нашего общаго мнѣнія относительно направленія, въ которомъ слѣдуетъ искать хромую лошадь. Покончивъ съ нерѣшительностію, онъ, конечно, направляется въ сторону, противоположную той дорогѣ, которую выбрала для себя лошадь, и, согласно предназначеніямъ судьбы, остается безъ коня, но находитъ сѣраго волка съ пушистымъ хвостомъ, обрывкомъ цѣпи на шеѣ и бѣлыми оскаленными зубами.

Днемъ, ночью, а въ особенности вечеромъ я наслаждаюсь концертомъ. Щелканье соловья, крикъ кукушки, свистъ и кваканье лягушекъ, блеянье овецъ, хлопанье бича, ревъ ребенка и раздающееся время отъ времени изъ неизвѣстнаго источника восклицаніе: «Куда лѣзешь? О чтобъ тебя!» — все сливается въ одну необычную для моего слуха, «симфонію», уносящую въ тотъ же сказочный міръ говорящихъ животныхъ, добродѣтельныхъ волковъ, царевенъ - лягушекъ, мертвой и живой воды. Мнѣ кажется, что послѣдняя разлита здѣсь повсюду; я вижу ея источники въ ослѣпительно сверкающей на солнцѣ зелени деревьевъ, слышу журчанье ея въ переливахъ соловьиной пѣсни, ощущаю ея прохладу въ тѣни заросшаго лѣса. Подъ ея вліяніемъ укрѣпляются мои расшатанные нервы, улетаютъ недовольства, возвращаются дни далекаго дѣтства, свободнаго отъ неудовлетворенности, раздраженій, безпокойныхъ предчувствій и мрачной тоски.

Я выхожу на опушку лѣса и въ безконечной дали открывающихся вправо отъ меня холмовъ, мѣстами перерѣзанныхъ синеватой зеленью лѣса, вижу отдаленные силуэты пахарей, кажущихся неподвижными на горизонтѣ. Кто они? Въ чемъ ихъ жизнь? Какова ихъ физіономія? Я не знаю, да и зачѣмъ знать? Они представляютъ только фонъ общей картины, необходимое дополненіе окружающаго меня сказочнаго міра, гдѣ поступками руководятъ умъ и сила добродѣтельныхъ животныхъ, гдѣ жизненныя неурядицы сводятся къ случайному столкновенію человѣческихъ интересовъ съ интересами безсмертнаго Кащея или бабыяги, гдѣ находчивость, изобрѣтательность и умѣлость коня-горбунка или сѣраго волка, значатъ больше, чѣмъ хитрыя измышленія человѣческихъ и сверхъ человѣческихъ силъ.

Вечеромъ, сидя на порогѣ бани, я смотрю на косыя тѣни, падающія отъ ближайшихъ деревьевъ, на темнѣющую листву лѣса, на пробивающіяся кое-гдѣ яркія солнечныя пятна и слушаю звучащій вокругъ меня концертъ. Жизнь, доносящаяся съ барской усадьбы, постепенно стихаетъ, въ наступившихъ сумеркахъ лишь изрѣдка раздается крикъ павлина, лай собаки или возгласъ человѣка; но за-то энергичнѣй и шумнѣй становится жизнь въ лѣсу и въ маленькомъ болотцѣ, находящемся не далеко отъ бани. Между обитателями болотца и соловьями, усѣвшимися въ кустахъ и на деревьяхъ, начинается споръ, долгій, шумный, и ожесточенный. Кто изъ спорящихъ отличается добродѣтелью, въ чьемъ сердцѣ воспитывается злоба къ человѣческому роду? Обѣщается ли руководить поступками Ивана — Царевича и направлять его къ счастью одинъ изъ многочисленныхъ соловьевъ скрытыхъ въ кустахъ только-что распустившейся черемухи, или добродѣтельныя свойства таятся подъ скромной внѣшностью оглушительно квакающей лягушки? Я не знаю. Мнѣ извѣстно только-то, что добро-

дѣтель здѣсь всегда одержитъ верхъ надъ зломъ, что къ какимъ бы мытарствамъ ни вели Иванушку-дурачка его собственные промахи, въ концѣ-концовъ искусство заботящихся о немъ животныхъ избавитъ его изъ злоключеній и создастъ его счастье. Я не знаю, что въ крайнемъ случаѣ даже и смерть можетъ быть излѣчена прикосновеніёмъ живой воды, и, совершенно успокоенный, возвращаюсь въ баню.

Здѣсь широко разставленныя половицы, какъ клавиши, прыгаютъ подъ моими ногами, немного пахнетъ сыростью, въ темныхъ углахъ предбанника свѣтятся гнилушки; около выставленнаго окна я съ трудомъ различаю двѣ скамьи съ лежащимъ на нихъ сѣннымъ матрасомъ. Тишина, спокойствіе и миръ нарушаются только несущимися изъ окна послѣдними отголосками кончающагося спора. Въ это то окно врывается опьяняющій запахъ, идущій отъ тѣхъ кустовъ черемухи, въ которыхъ засѣли соловьи. Я закрываю глаза и думаю о счастьѣ мирныхъ обитателей этой мѣстности, самою судьбою поставленныхъ вдали отъ городскихъ непріятностей и связанныхъ съ ними нервныхъ разстройствъ. Постоянно жить здѣсь и чувствовать на себѣ вліяніе этой заботливой природы, этого успокоивающаго пѣнія кажется мнѣ предѣломъ счастья. Мысли путаются; я вижу себя путешествующимъ на сѣромъ волкѣ, бесѣдующимъ съ жаръ-птицей, купающимся въ живой водѣ, сильнымъ, спокойнымъ, помолодѣвшимъ. Горбатый призракъ бабы-яги исчезаетъ въ сосѣднемъ болотѣ, хромая лошадь выражаетъ желаніе быть моей путеводительницей вмѣсто сѣраго волка, избушка на курьихъ ножкахъ, въ которой я лежу, начинаетъ повертываться, а вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе кружится моя голова, и наконецъ наступаетъ полное забытье.

II.

Но кромѣ четвероногихъ, пернатыхъ, квакающихъ, свистящихъ и поющихъ сосѣдей я долженъ видѣть и двуногихъ. Здѣшній этикетъ, кажется, этого требуетъ.

Еще за долго до приближенія къ барскому дому я слышу, какъ къ пѣнію птицъ и крику животныхъ прибавляется что-то, выражающее необычайно интенсивныя чувства.

— Я тебѣ покажу, каналья... Я тебя выучу, мерзавецъ... Ты меня узнаешь, подлецъ...

Низенькая, плотная, почти квадратная фигура хозяина въ тонкой поддевкѣ и виднѣющейся изъ-подъ нея русской рубашкѣ на выпускъ стоитъ на крыльцѣ, грозно потрясая кулаками предъ лицомъ пожилаго мужика съ длинной кудрявой бородой и спутанными волосами. Хозяинъ блѣденъ отъ волненія, сжатыя руки дрожатъ, хриплый голосъ прерывается.

— Почему уходишь? Отвѣчай сейчасъ, почему. Что тебѣ плохо? Недоволенъ пищей? Работы много? А? Ну, отвѣчай, плохо?

— Нѣтъ, что Бога гнѣвать!... Пища она точно маленечко того... А то ничего...

— Что пища, что пища? Что ты говоришь, пища? Съ новымъ азартомъ и почти взвизгивая кричитъ хозяинъ.

— Нѣтъ, ничего... Всѣмъ довольны... Покорнѣйше благодаримъ...

— Доволенъ? Ты доволенъ? Такъ что же тебѣ нужно?

— На счетъ разсчету, значитъ, я пришолъ... Потому какъ нынче къ вечеру желательно мнѣ совсѣмъ отъ васъ отойти.

Хозяинъ, очевидно, не можетъ найти подходящихъ словъ и звуковъ для выраженія своего гнѣва; сдерживая себя, онъ говоритъ неожиданно кроткимъ и почти умильнымъ голосомъ:

— Какъ ты можешь уйти, когда у меня условіе работать до осени? Ну говори: есть условіе?

— Такъ точно, условіе. Какъ же можно безъ условія!

— Такъ что-жъ тебѣ отъ меня нужно?

— Да я на счетъ расчету... Желательно тамъ какія деньженки остались получить и паспортъ... Чтобы къ вечеру, значитъ, отойти, желательно...

— Желательно, желательно... Затвердилъ... А вотъ мнѣ тебя отодрать, каналью, желательно... Пошолъ прочь, пошолъ прочь, пошолъ, пошолъ...

Долго сдерживаемое негодованіе выливается. Хозяинъ топаетъ ногами, наступаетъ съ приподнятыми кулаками на мужика, оттѣсняетъ послѣдняго съ крыльца, нѣкоторое время преслѣдуетъ противника во дворѣ и, наконецъ, удовольствовавшись тѣмъ, что пятящійся задомъ мужикъ натыкается на кадку съ водой,—плюетъ и возвращается на крыльцо.

Но волненіе не успокоивается; онъ едва успѣваетъ пожать мою руку и разсыпается въ ламентаціяхъ: мужикъ лѣнивъ, неблагодаренъ и не исполняетъ обязательствъ; хлѣбъ дешевъ, пеня за несвоевременный взносъ процентовъ въ банкъ громадная, вести хозяйство невозможно. Все это я успѣваю узнать раньше, чѣмъ мы достигаемъ террасы открывающейся въ широкую, старинную липовую аллею. Посреди лѣта терраса вѣроятно густо заросла дикимъ виноградомъ, но въ настоящее раннее время она оплетена сухими вѣтвями, на которыхъ, приглядываясь, можно различить большія зеленыя набухшія почки. У стоящаго съ боку самовара сидитъ пожилая женщина съ маленькимъ, сморщеннымъ въ видѣ кулачка и покрытымъ красными пятнами лицомъ. Глаза опухли, порывистыя движенія свидѣтельствуютъ, что хозяйка чѣмъ-то разстроена. Рядомъ съ ней помѣстилась блѣдная молодая дѣвушка лѣтъ 25-ти, дочь хозяина. Ея зеленоватое лицо кажется еще безцвѣтнѣе отъ окружающей листвы, отъ зеленой аллеи, отъ просвѣчивающаго сквозь садовую чащу ослѣпительно-синяго неба. Она не плачетъ, но въ нахмуренныхъ чертахъ не видно спокойствія, довольства и мирнаго наслажденія жизнью. Противъ нея помѣстился гость, также помѣщикъ, толстый, красный, въ такой-же, какъ и хозяинъ, тонкой синей поддевкѣ, русской рубашкѣ и высокихъ сапогахъ. Повидимому мѣстный этикетъ требуетъ такого костюма, и я начинаю находить неприличными свой пиджакъ и штиблеты.

Мы знакомимся и обмѣниваемся нѣсколькими фразами о прелестяхъ природы, красотѣ утра, вредѣ городской жизни и спокойствіи деревенской. Хозяинъ внезапно отодвигаетъ свой стаканъ и съ оскорбленнымъ видомъ смотритъ на жену.

— Сколько разъ просилъ я васъ, Анна Петровна,—какимъ-то сдержанно негодующимъ шепотомъ говоритъ онъ, обращаясь къ хозяйкѣ,—не наливать мнѣ тепленькаго пойла!

Хозяйка вспыхиваетъ; она ничего не отвѣчаетъ, но замѣчаніе супруга дѣйствуетъ на нее неожиданно сильно. Красныя пятна на лицѣ становятся еще краснѣе, вѣки не подымаются, руки начинаютъ дрожать, и эта дрожь черезъ посредство ложечки и стакановъ въ видѣ звонкой дроби предается нашему слуху. Я начинаю замѣчать, что до сихъ поръ имѣлъ не вполнѣ вѣрное понятіе о деревенскихъ нервахъ.

Непріятный инцидентъ оканчивается; гость приступаетъ къ разсказу о своемъ путешествіи въ городъ.

— Справлялся я раньше, какая цѣна на рожь. Говорятъ—38 коп. Хорошо. Пріѣхалъ въ городъ, показываю образцы, давайте, говорю, 38. Нѣтъ, говорятъ, Шестеркинъ вчера за 34 коп. продалъ лучше вашей рожь. Такъ вѣдь Шестеркинъ глупъ, такъ вѣдь онъ послѣ этого муракъ, такъ вѣдь его повѣсить мало за то, что онъ такую рожь за 34 коп. продалъ. Деньги, говоритъ, очень нужны. Такъ вѣдь мнѣ деньги больше, чѣмъ ему, дураку, нужны. Вѣдь изъ за него я свою рожь за 32 коп. продалъ...

Гость не можетъ продолжать; начало разсказа было ведено въ довольно мирномъ тонѣ, но когда дѣло дошло до оцѣнки умственныхъ способностей Шестеркина, то негодованіе забило въ немъ съ страшной силой и заставило захлебнуться на послѣднемъ словѣ.

— Нѣтъ; чего смотритъ правительство?—вскрикиваетъ онъ, нѣсколько оправившись.— Почему, оно не можетъ приказать, чтобы рожь не продавали дешевле 50 копѣекъ? Почему, спрашиваю я васъ? Вотъ, въ голодный годъ въ городахъ не позволяли продавать хлѣбъ дороже 3-хъ коп. за фунтъ; такъ и теперь, не прикажи продавать дешевле 50 коп. Вѣдь тогда Шестеркинъ-дуракъ не посмѣлъ бы цѣну сбавлять. А хлѣбъ-то насколько бы лучше сталъ. Вотъ, говорятъ, у насъ хуже, чѣмъ за границей. А какъ поставили бы, чтобъ дешевле 50-ти никто ни продавалъ, такъ вѣдь на плохой то хлѣбъ никто бы и не посмотрѣлъ; его бы и не было... А вы говорите: „какъ поправить"! Поправить-то можно, да дѣлаютъ-то не-то, что нужно.

Гость побѣдоносно смотритъ на меня и хотя на самомъ дѣлѣ я ничего не говорилъ, но для сохраненія приличія считаю необходимымъ сдѣлать виноватый видъ и сокрушенно развести руками.

— Нѣтъ, я вамъ скажу,—начинаетъ хозяинъ, — какъ вотъ по-вашему при такихъ условіяхъ вести хозяйство? Былъ у меня одинъ работникъ.,.

Хозяинъ разсказываетъ и волнуется, гость перебиваетъ и волнуется, хозяйка сидитъ за самоваромъ и волнуется; дочь молчаливо смотритъ передъ собой, и въ ея зеленоватомъ лицѣ я также вижу раздраженіе и недовольство. Мнѣ начинаетъ казаться, что здѣсь происходитъ нѣчто въ родѣ игры въ „свои сосѣди", гдѣ постоянно раздается лишь одинъ возгласъ: „всѣми недоволенъ". Работники, мужики, дешевизна хлѣба, „правительство", мѣстное начальство, банкъ, процентъ, пеня—все это матеріалъ для раздраженія, постоянная причина для разстройства нервовъ. Минутное успокоеніе тотчасъ исчезаетъ, какъ только гость вспоминаетъ о цѣнѣ на рожь, а хозяинъ объ уходящемъ работникѣ.

— Вѣдь я на него земскому подамъ; тотъ его за нарушеніе условія посадитъ на мѣсяцъ. Да вѣдь я-то въ рабочую пору могу безъ работника остаться; мнѣ-то вѣдь отъ того не легче... Нѣтъ ты обяжи его, каналью, вернуться ко мнѣ, всю работу отработать, а потомъ и посади его, и пускай посидитъ... Вотъ какъ надо дѣлать. А у васъ что видно? Говорятъ, еще рабочихъ книжекъ не нужно... Въ самую рабочую пору работники будутъ уходить; спрашиваю я васъ, можно при такихъ условіяхъ вести хозяйство?...

Одутловатое лицо хозяина выражаетъ гнѣвъ, глаза сверкаютъ; въ нихъ ясно видно желаніе уничтожить меня въ случаѣ утвердительнаго отвѣта на столь ясно поставленный вопросъ. Я тороплюсь отвѣтить отрицательно и мысленно спрашиваю себя, куда послали бы моихъ собесѣдниковъ доктора для укрѣпленія разстроенныхъ нервовъ?

У двери, ведущей на террасу показывается горничная; она дѣлаетъ хозяйкѣ таинственные знаки, но такъ какъ послѣдняя ихъ не замѣчаетъ, то горничная пробуетъ кашлянуть или скрипнуть дверью. Эти звуки производятъ на хозяйскую дочку потрясающее впечатлѣніе: она внезапно вскрикиваетъ и, если это возможно, дѣлается еще блѣднѣе. Она, впрочемъ, быстро оправляется и съ конфузливой улыбкой объясняетъ намъ причину своего волненія.

— Я ужасно нервная... Въ особенности съ того времени, какъ въ деревнѣ былъ пожаръ, я пугаюсь всякихъ пустяковъ.

— Да, Катя боится всякихъ пустяковъ и кричитъ по каждому поводу,—подтверждаетъ хозяинъ.—У ней особенно разстроились нервы послѣ того, какъ два года тому назадъ зимой бѣшеный волкъ перекусалъ у насъ въ усадьбѣ нѣсколько человѣкъ... А потомъ этотъ пожаръ ночью... разбудили; передъ окномъ горитъ, соломенныя шапки горящія летятъ къ намъ, крикъ, шумъ, плачъ, сутолока... Съ тѣхъ поръ она и пугается всего...

— А то еще какой случай былъ,—говоритъ молчавшая до сихъ поръ и готовящаяся уйти вслѣдъ за горничной хозяйка.—Тоже ночью; гроза была страшная. Недалеко отъ усадьбы вы, должно быть, видѣли бугоръ. Еще тамъ кирпичи валяются. Такъ вотъ на этомъ мѣстѣ стояла сторожка, и давно уже мы собирались ее уничтожить. Лѣтомъ пустили мы туда жить старую скотницу со внукомъ. Молнія ударила и въ какія-нибудь пять минутъ все сгорѣло; и старуха, и мальчикъ... Съ тѣхъ поръ она и грозы боится...

Хозяйка уходитъ. Немного погодя удаляются оба помѣщика толковать о продажѣ лошади. На террасѣ остаемся мы двое. Липовая аллея слабо шуршитъ своими свѣжими маленькими листиками; въ деревьяхъ, стоящихъ направо отъ нея, воркуетъ горлинка, кукуетъ кукушка, лѣниво щелкаетъ соловей. Какая-то маленькая птичка съ розоватой грудью усаживается на кустъ жимолости, стоящій у самой террасы, и, съ любопытствомъ смотря на насъ, начинаетъ что-то разсказывать на своемъ не для всѣхъ понятномъ языкѣ. Мнѣ кажется, что она говоритъ о необходимости успокоенія, о блескѣ неба, о тишинѣ природы, о живительности весенняго воздуха. Подъ вліяніемъ этого пѣнія и шуршанія липовыхъ листьевъ я произношу въ третій разъ наиболѣе подходящую къ случаю и очень лестную для хозяевъ фразу: „Какъ у васъ тихо и хорошо“! Въ первый разъ я сказалъ ее тогда, когда хозяинъ только-что кончилъ распекать работника; затѣмъ

прибѣгнулъ къ ней для того, чтобъ заполнить тягостный промежутокъ между эпизодомъ съ «тепленькимъ пойломъ» и разгромомъ Шестеркина. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ фраза никакого эффекта не имѣла. На этотъ разъ я надѣюсь найти сочувствіе къ моимъ словамъ въ сердцѣ барышни, но въ противность ожиданіямъ и здѣсь нахожу не только равнодушіе, но даже нѣсколько насмѣшливое отношеніе.

— Вамъ кажется?—говоритъ она, съ снисходительной усмѣшкой взглядывая на меня.—Это кажется всѣмъ, кто пріѣзжаетъ сюда ненадолго. А вотъ попробовали бы вы узнать эту тишину...

Разговоръ не клеится. Я прошу позволенія осмотрѣть садъ; молодая дѣвушка любезно соглашается провожать меня. Широкая аллея приводитъ насъ къ пруду, старому, окруженному высокими деревьями, изобилующему островками, полуостровками и бухтами.

— Здѣсь,—говоритъ барышня,— у насъ прежде была лодка. Въ дѣтствѣ я часто каталась, но теперь лодка сгнила, другую не сдѣлали, да и не хочется кататься. Не съ кѣмъ. Никто у насъ не бываетъ. Пріѣзжаютъ сосѣдніе помѣщики, но они съ папой говорятъ о дѣлахъ, вотъ какъ сегодня; пойдутъ осматривать постройки, урожай. Скучно. А зимой мы даже въ садъ не выходимъ. Первую зиму, когда я только что вышла изъ института, расчищали прудъ, пробовала я на konькахъ кататься, а потомъ бросила: все одной да одной—надоѣло... Господи! когда была въ институтѣ, я только и думала, чтобъ поскорѣе кончить. Вотъ шесть лѣтъ, какъ кончила, а что здѣсь увидала? Эти шесть зимъ такъ истерзали меня, такъ истерзали... Семь мѣсяцевъ все бѣло. некуда выйти; пойдешь по дорогѣ, встрѣчаешь подводу, надо сворачивать въ снѣгъ; никого нѣтъ. Услышишь колокольчикъ, бѣжишь къ окну, думаешь: Господи! Пошли какого нибудь настоящаго. Смотришь, вотъ этотъ сегодняшній Трухачевъ или Шестеркинъ; и опять: «почемъ хлѣбъ, дешевѣетъ, продали или не продали»... Такъ надоѣдятъ, такъ надоѣдятъ, что я убѣгу къ себѣ въ комнату, брошусь лицомъ въ подушку и плачу по цѣлымъ днямъ и ночамъ...

На глазахъ барышни навертываются слезы, она отворачивается и неподвижно смотритъ на противоположную сторону пруда. Какъ бы сочувствуя ея горю, склонили къ водѣ свои вѣтви плакучія березы, печально поникли головами ивы и даже позеленѣвшій отъ времени, вѣчно мокрый, „плачетъ старый камень, въ прудъ роняя слезы“.

Мы возвращаемся по прежней аллеѣ. Изъ дома слабо доносится бой часовъ; дѣвица раскрываетъ висящій у нея на цѣпочкѣ медальонъ и, меланхолически смотря на него, шепчетъ какія то слова. Я скромно потупляю глаза, чтобы не нарушить тайны.

— Когда мы кончали институтъ,—поясняетъ барышня,—мы условились съ одной подругой носить портреты другъ друга въ медальонахъ и при каждомъ боѣ часовъ говорить: je t'adore, je t'adore, je t'adore... Только она уже давно вышла замужъ, и мы не переписываемся...

Слезы опять набѣгаютъ на глаза барышни, и очевидно не во власти сѣраго волка, появляющагося у террасы со слѣдами перьевъ на губахъ, ихъ осушить.

Выходя изъ усадьбы, я вижу собравшуюся у одной стороны широкаго двора группу женщинъ. Въ одной изъ нихъ я узнаю хозяйку; она держитъ въ лѣвой рукѣ издохшаго индюшенка, а правой показываетъ на кучку смѣшанныхъ съ кровью перьевъ, летающихъ у ея ногъ.

— Я тебѣ говорила, я тебѣ говорила, — кричитъ она, обращаясь къ старухѣ, нагнувшейся надъ перьями. —Я тебѣ говорила никогда не кормить индюшатъ яйцами, а давать рубленую крапиву, и вотъ уже четвертую ты мнѣ погубила. А этого волка, заѣвшаго мою любимую утку... этого волка... я не знаю...

— Ея голосъ звучитъ злобой, отчаяніемъ и не знающимъ предѣловъ горемъ. Мертвый индюшенокъ безпомощно свѣсилъ голову съ ея рукъ, старая скотница растерянно перебираетъ перепачканныя кровью перья, собравшіяся вокругъ женщины съ сокрушеніемъ качаютъ головами...

III.

Передъ порогомъ бани, на которомъ я вновь сижу, болѣе часа толчется, переступая съ ноги на ногу, старый, престарый дѣдъ. Желтая длинная борода спутанными космами падаетъ на впалую, необычайно худую и костлявую грудь; неопредѣленнаго цвѣта волосы густой шапкой покрываютъ голову, и вытянутое сухое, съ выдающимися бровями, короткимъ носомъ и провалившимся ртомъ, лицо какъ-то исчезаетъ за этой массой растительности. Я готовъ признать въ немъ водяного дѣда, вынырнувшаго на время изъ того болотца, въ которомъ вчера кричали лягушки, для того, чтобы своимъ вмѣшательствомъ положить конецъ распрѣ между добромъ и зломъ. Въ этомъ убѣждаютъ меня грязныя пятна на его пестрядиной рубашкѣ и цвѣтъ рукъ, въ темнобурой окраскѣ которыхъ художникъ напрасно сталъ бы искать тоны тѣла. Однако шамканіе дѣда говоритъ противъ этого предположенія; я почти не понимаю его рѣчи, но вижу, что служить защитой для кого бы то ни было онъ не можетъ.

— Съ того самаго и пошла разстройство, и пошла разстройство. И подай, значитъ, онъ просьбу, чтобъ на вольное поселеніе опредѣлили, въ Сибирь тамъ или на Кавказъ. Всѣ десять семействъ... Потому никакъ не возможно хозяйствовать... А бумаги не вышло... А старшій то сынъ у здѣшняго барина служилъ, и, какъ съ тѣмъ приключилось, ему и надо безпремѣнно отойти, потому какъ нельзя: разоръ. А онъ, значитъ, ничего резону не принимаетъ; у меня, говоритъ, условіе. По условію его и опредѣлили на мѣсяцъ на высидку... А опосля того еще хуже... Такая разстройства, такая разстройства.—А того, значитъ, на цѣпи держимъ, для опаски, потому онъ уже безобразничать сталъ... Подожжетъ или что... Въ больницу возили, не берутъ: старая, говорятъ, въ немъ боль... А жена его,—сноха, значитъ, мнѣ,—съ того самого раза и выкликать пошла... Испортили, значитъ, ее; женщина у насъ тутъ одна есть, этими самыми нехорошими дѣлами занимается, и многихъ ужъ испортила... Выкликаетъ, выкликаетъ, а какъ жнитво придетъ, руки, ноги крючитъ и всю ломаетъ... А

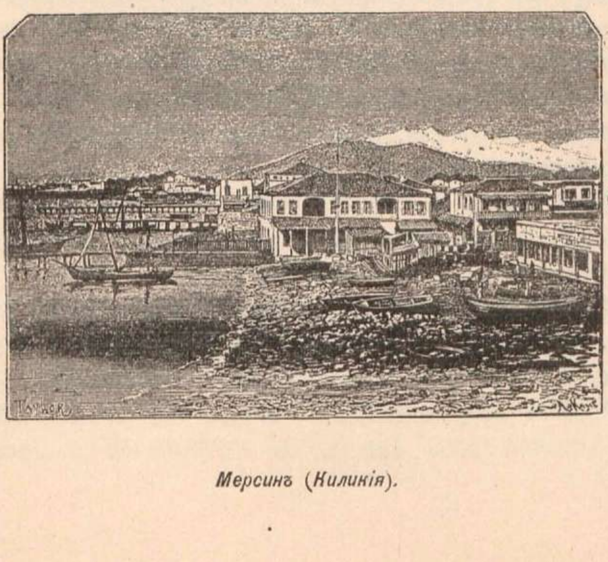
какъ бумаги насчетъ Кавказу не пришло, онъ и вдарься въ городъ... А Семенова—то хозяйка и говоритъ...

Беззвучное шамканье длится и длится не зная конца; слова неторопливо слѣдуютъ другъ за другомъ, доносясь изъ какого-то далекаго, неизсякаемаго источника, которымъ служитъ, можетъ быть, вся долгая жизнь старика. Полное равнодушіе написано на маленькомъ, едва выглядывающемъ изъ подъ густой растительности лицѣ дѣда; сухія руки медленными жестами пробуютъ дополнить смыслъ рѣчи; босыя ноги въ ритмическихъ передвиженіяхъ стараются найти силу къ поддержанію тяжести семи десятковъ лѣтъ. Связи между отдѣльными фразами я не улавливаю, многаго не понимаю, но все-таки слова: „Кавказъ, разоръ, повихнулся разумомъ, порча, выкликаетъ, переселеніе, разстройство“— свидѣтельствуютъ для меня о томъ, что полной гармоніи съ природой и «нервнаго успокоенія» повидимому здѣсь не существуетъ...

Длинныя тѣни по вчерашнему падаютъ отъ деревьевъ на поляну; онѣ идутъ отъ корня березъ, пересѣкаютъ луговину, поднимаются по противоположнымъ дубамъ, выше, выше, оставляютъ на нѣсколько минутъ освѣщенными однѣ верхушки и, наконецъ, покрываютъ все. Въ барской усадьбѣ стихаетъ концертъ скотнаго двора, и на смѣну ему выступаетъ вчерашній споръ между соловьями и лягушками. Только на этотъ разъ къ нему неожиданно присоединяется долгій, жалобный, ноющій вой посаженнаго въ наказаніе на цѣпь и разстроеннаго лишеніемъ свободы волка. Онъ длится такъ же безконечно, какъ длились повѣствованія старика, и, обладая заразными свойствами, въ скоромъ времени привлекаютъ на свою сторону всѣхъ сторожевыхъ, охотничьихъ и другихъ собакъ деревни и барскаго двора...

Въ углу предбанника по-прежнему свѣтятся гнилушки; изъ лѣса доносится запахъ черемухи, а вмѣстѣ съ нимъ врываются въ окно голоса соловьевъ и покрывающій все жалобный вой волка и собакъ. Вытягиваясь на сѣнномъ матрасѣ я интересуюсь вопросомъ, куда должны послать доктора всѣхъ этихъ носителей разстроенныхъ нервовъ.

И. Астаховъ.

Мерсинъ (Киликія).

Передъ неразгаданной тайной.

Равсказъ Рудольфа Штраца.

Усталымъ, разбитымъ вернулся докторъ съ кладбища, гдѣ схоронилъ молодую жену.

Медленно, точно лунатикъ, поднялся онъ по лѣстницѣ богатаго берлинскаго дома, по ступенямъ которой, покрытымъ ковромъ, она спускалась рука объ руку съ нимъ всего четыре дня тому назадъ, весело болтая, напѣвая что-то, подпрыгивая. И вдругъ ея уже нѣтъ!... навсегда исчезло счастье его жизни, исчезло нѣжное, красивое существо, прелестное и прихотливое, какъ дитя, свѣтлое и смѣющееся, точно солнечный лучъ, все озарявшее вокругъ него....

Какъ врачъ, онъ зналъ, что такое смерть... Но вотъ это... эта внезапная, безжалостная разлука... этого онъ не понималъ. Глухое, безконечное изумленіе наполняло его, пока онъ машинально отпиралъ дверь и, минуя въ сѣняхъ заплаканную, одѣтую въ трауръ, горничную, входилъ въ гостиную.

Тамъ все осталось по прежнему. Отпѣваніе происходило въ часовнѣ. Веселые, золотистые лучи солнца сверкали сквозь бѣлоснѣжныя занавѣсы; въ углу, рядомъ съ большой пальмой, которую они съ женою подарили другъ другу къ Рождеству, чирикала канарейка, а на другой сторонѣ кружились, по обыкновенію, въ акваріумѣ золотыя рыбки.

Комната была опрятна и изящна; всюду еще обнаруживалась заботливость бѣдной, бѣленькой дѣтской ручки, унесшей въ могилу вмѣстѣ съ узкимъ обручальнымъ кольцемъ—все, все, чѣмъ онъ дорожилъ.

Вотъ за этимъ письменнымъ столомъ простился онъ съ ней въ понедѣльникъ вечеромъ, чтобъ итти въ докторскій клубъ. Она писала съ серьезной миной какое-то письмо и лишь бѣгло подставила ему лобъ для поцѣлуя, а когда онъ вернулся домой послѣ полуночи, она уже лежала на постели безжизненная, точно, спала....

Исчезла навсегда! А между тѣмъ кажется, будто она только что вышла изъ комнаты; вотъ клубки шерсти и вышиванье, вотъ наполовину разрѣзанный нумеръ моднаго журнала, далѣе на столѣ лежитъ маленькая книжка съ золотымъ обрѣзомъ, въ которую она добросовѣстно заносила свои расходы, словомъ, всѣ милыя женскія бездѣлушки.... А вотъ на стулѣ, куда она бросила ихъ послѣ своего послѣдняго выхода въ понедѣльникъ, ея шляпка, черныя перчатки и портмоне, наполовину прикрытое зонтикомъ....

Это портмоне было его послѣднимъ подаркомъ три недѣли тому назадъ до отъѣзда въ Франкфуртъ. Вмѣстѣ купили они его въ магазинѣ Unter den Linden, и онъ потихоньку положилъ въ него нѣсколько золотыхъ „на счастье“.

Навѣрно немного уцѣлѣло отъ этого у маленькой мотовки! Борясь со слезами, онъ открылъ изящный кожаный мѣшечекъ. Совершенно вѣрно! нѣсколько серебряныхъ монетъ, билетъ на проѣздъ по конкѣ, оторвавшаяся отъ перчатки пуговица... вотъ и все!

А въ маленькомъ потайномъ отдѣленіи для золота? Онъ заглянулъ туда. Ну, понятно, и оно тоже пустое....

Но нѣтъ!... тамъ, скрываясь въ складкахъ кожи, сверкаетъ что-то въ родѣ свѣтло-желтаго картона. Онъ вытащилъ его. Это былъ нумеръ мѣста для проѣзда по желѣзной дорогѣ.

Нумеръ мѣста въ поѣздѣ между Гамбургомъ и Берлиномъ!.... При выходѣ съ платформы эти билеты не отбираются, поэтому онъ и остался незамѣченнымъ въ уголкѣ портмоне.

Это удивило доктора. Какъ попалъ сюда билетъ? Разсѣянно созерцалъ онъ его, съ празднымъ любопытствомъ человѣка, желающаго хоть на мгновенье отвлечь мысли отъ воспоминанія о своемъ несчастьѣ.

На билетѣ былъ штемпель годовщины битвы подъ Седаномъ. А сегодня семнадцатое сентября. Кто же могъ ѣхать въ день седанской битвы изъ Гамбурга въ Берлинъ?

Жена? Что за нелѣпая мысль! Вѣдь это онъ долженъ былъ бы знать!.... Или нѣтъ!... какъ разъ въ первыхъ числахъ сентября онъ отсутствовалъ изъ Берлина; онъ былъ во Франкфуртѣ на Майнѣ на съѣздѣ естествоиспытателей.

Но что же нужно было Маргаритѣ въ Гамбургѣ? У нея нѣтъ тамъ ни родныхъ, ни друзей! Онъ это отлично знаетъ. Да кромѣ того, про такое важное событіе, какъ путешествіе въ Гамбургъ, она тотчасъ же разсказала бы ему. Какъ часто вызывала она на его губахъ нетерпѣливую улыбку своими обстоятельными описаніями какого-нибудь происшествія въ кухнѣ или покупки новой шляпы.

И такъ, сюрпризъ! Но какой именно? Онъ положилъ билетъ на столъ и погрузился въ тупое размышленіе.

Раздался стукъ въ дверь. Вошелъ шуринъ, военный врачъ, и остановился на порогѣ.

— Я хотѣлъ узнать, нерѣшительно началъ онъ, не могу ли я быть еще чѣмъ-нибудь полезнымъ?

Вдовѣцъ молча покачалъ головою.

— Да, рѣзко сказалъ онъ вдругъ и поднялъ голову, я хотѣлъ бы предложить тебѣ вопросъ.... Не скажешь ли ты мнѣ, быть можетъ, почему судьба

такъ адски жестоко, нелѣпо и глупо поступаетъ съ нами?... Жили на свѣтѣ два человѣка.... Маргарита и я... любили другъ друга и были счастливы.... Зачѣмъ нужно было судьбѣ совать сюда свою лапу? Зачѣмъ взяла она именно мою жену, мою молодую красивую жену, когда на улицѣ цѣлыми массами ходятъ калѣки, хромые, старики, больные?...

Шуринъ ничего не отвѣчалъ. Съ минуту онъ боролся съ собою, потомъ рѣшительно подошелъ къ вдовцу.

— Мнѣ тоже хотѣлось бы предложить тебѣ вопросъ, сказалъ онъ серьезно. Ты говоришь, что очень счастливо жилъ съ Маргаритой?

— Слишкомъ счастливо! Ты самъ это видишь!

— И она была постоянно весела и довольна?

— Постоянно... кромѣ послѣднихъ недѣль!... Въ это время она была поразительно разстроена, плакала, почти ничего не ѣла.... а тамъ началась нервная безсонница.

— Противъ которой ты далъ ей снотворное средство?...

— Въ крошечныхъ пріемахъ! Ты самъ докторъ и понимаешь, какъ осторожно надо обращаться съ этимъ... да еще относительно собственной жены! Она отлично знала, что могла принимать всего по десяти капель въ водѣ...

— И тѣмъ не менѣе (голосъ военнаго врача сталъ громче, точно онъ желалъ придать себѣ бодрости, чтобъ продолжать), тѣмъ не менѣе въ понедѣльникъ вечеромъ, пока ты былъ въ докторскомъ клубѣ, она вылила почти весь пузырекъ въ стаканъ воды и выпила его...

Молодой вдовецъ зарыдалъ, закрывъ лицо руками.

— Значитъ, это моя вина, стоналъ онъ, моя вина!... Я долженъ былъ бы запереть ядъ на ключъ! Но кто же могъ предположить такое неблагоразуміе и легкомысліе? Это совершенно не похоже на нее!

— Да, совершенно непохоже! подтвердилъ шуринъ. Она была, напротивъ, очень мнительна на счетъ своего здоровья. Отчего волновалась она въ послѣднее время и страдала безсонницей?...

— Не знаю!

— Не помнишь ли ты того дня, съ котораго это началось?

— Я человѣкъ очень занятой, усталымъ голосомъ отвѣтилъ хозяинъ. Но горничная навѣрно знаетъ.

Онъ позвонилъ. Появилась служанка.

— Когда началось у моей жены безпокойство и недомоганье?

— На другой день послѣ седанской годовщины... передъ самымъ вашимъ возвращеніемъ домой.... Я отлично это помню, потому что барыня отпустила въ день Седана и меня, и кухарку со двора.

— А сама куда она пошла?

— Она проводила всѣ дни съ утра до вечера у своихъ родителей въ Маркграфской улицѣ.

— Хорошо.

Горничная удалилась. Съ минуту мужчины молча глядѣли другъ на друга, потомъ вдовецъ спросилъ хриплымъ голосомъ:

— Зачѣмъ нужно тебѣ это знать?

— Въ послѣднее время я много думалъ объ этомъ, отвѣтилъ гость, и мнѣ казалось все болѣе и болѣе невозможнымъ, чтобъ благоразумный, взрослый человѣкъ, какимъ была моя сестра, могъ такъ непостижимо легкомысленно ошибиться въ пріемѣ яда... Вѣдь она была женою доктора, къ тому же ты ее предостерегалъ!... Я долженъ сознаться... теперь, когда похороны и все прочее кончено, я могу говорить съ тобой откровенно, какъ мужчина съ мужчиной... и такъ, я долженъ сознаться, что мною овладѣло страшное, ужаснѣйшее подозрѣніе, будто по какой-нибудь таинственной причинѣ она сама.... ну, ты меня понимаешь!.... Это не давало мнѣ покоя. Я долженъ былъ спросить тебя, дѣйствительно ли вы вполнѣ счастливо жили вмѣстѣ. Ты отвѣтилъ утвердительно, значитъ, все объяснено и исчерпано, и намъ остается только покориться неотвратимымъ велѣніямъ судьбы. А теперь прощай!

— Прощай, глухо повторилъ вдовецъ, и дрожь пробѣжала по его тѣлу.

Не успѣлъ удалиться посѣтитель, какъ онъ кинулся къ письменному столу и набросалъ на бумагу нѣсколько строкъ.

„Дорогая матушка! Я долженъ нарушить ваше горе вопросомъ. Вопросъ этотъ весьма важный. Мнѣ извѣстно, что вы ведете дневникъ относительно всѣхъ мелкихъ житейскихъ случайностей. Напишите мнѣ на клочкѣ бумаги, въ какіе дни бывала у васъ Маргарита во время моей недавней поѣздки во Франкфуртъ“...

Онъ запечаталъ письмо и отдалъ его горничной.

— Отнесите это сейчасъ къ моей тещѣ и подождите отвѣта.

Раньше четверти часа отвѣта получить нельзя. Въ тупомъ раздумьѣ сидѣлъ докторъ передъ письменнымъ столомъ, и взглядъ его упалъ на маленькую, раскрытую записную книжку покойной жены.

Почти не сознавая, что дѣлаетъ, онъ пробѣжалъ отдѣльныя записи, все бездѣлицы: пара перчатокъ, стаканъ кофе въ кондитерской Мюллера, нѣсколько букетовъ фіалокъ, и при каждомъ изъ нихъ была всякій разъ тщательно помѣчена цѣна. Лишь одинъ расходъ, поразительно крупный, былъ приписанъ внизу страницы, подъ итогомъ, безъ обозначенія предмета: 38 марокъ шестьдесятъ пфенниговъ стояло тамъ, и болѣе ничего.

Пораженный внезапною мыслью, докторъ вскочилъ, бросился въ свой кабинетъ, развернулъ путеводитель и принялся съ лихорадочной поспѣшностью пересматривать рубрику: быстрѣйшія сообщенія съ Берлиномъ.

Вотъ оно: Берлинъ-Гамбургъ. Ѣзда четыре часа. Обратный билетъ I класса черезъ Стендаль-Ульценъ—34 марки 60 пфенниговъ.

Онъ отбросилъ въ сторону книгу. 34 марки 60 съ двумя билетами за мѣсто по 2 марки каждый—38 марокъ 60. Онъ сдѣлалъ сложеніе совершенно машинально и почти не замѣтилъ, что горничная вернулась съ отвѣтомъ.

Когда она вышла, онъ вскрылъ конвертъ и прочелъ безъ особаго удивленія: „Маргарита была у насъ 31 августа, а потомъ вмѣстѣ съ тобою 5 сентября. Въ промежутокъ она не являлась“.

И такъ, это вѣрно! Безъ его вѣдома, жена находилась 2 сентября въ Гамбургѣ.

Не ради сюрприза или подарка для него ѣздила она туда. Объ этомъ она давно проболталась бы родителямъ. Не для того также, чтобъ навѣстить забо-

лѣвшую пріятельницу или ради чего нибудь иного въ этомъ родѣ. Въ такомъ случаѣ она не отпустила бы прислуги, не объяснивъ ей ничего.

И такъ, она употребила всѣ усилія, чтобъ держать путешествіе втайнѣ. Это путешествіе было чѣмъ-то, чему не слѣдовало случиться, чего никто не долженъ былъ знать. Зачѣмъ же и къ кому ѣздила она въ Гамбургъ?

Безконечный ужасъ овладѣлъ несчастнымъ, страхъ передъ Гамбургомъ и всѣмъ, что тамъ находится.

И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ испытывалъ неопредѣленное, мучительное желаніе увидать этотъ большой, равнодушный, шумный городъ, открыть въ пестромъ водоворотѣ его улицъ какой нибудь таинственный слѣдъ, идти по этому слѣду все далѣе и далѣе, отъ блестящаго бассейна Альстера по многолюднымъ путямъ сообщенія и мрачнымъ проходамъ до запутанной сѣти переулковъ квартала св. Павла и безконечнаго лѣса мачтъ гавани...

Онъ и безъ того подумывалъ искать тотчасъ послѣ похоронъ забвенія въ путешествіи. Ѣхать въ Гамбургъ онъ могъ такъ же хорошо, какъ въ любое мѣсто.

Но очутившись тамъ и не зная никого, онъ будетъ безпомощенъ!..

Снова написалъ онъ нѣсколько строкъ, на этотъ разъ живущему у матери въ Маркграфской улицѣ шурину, военному врачу.

„Нѣтъ ли у тебя въ Гамбургѣ надежнаго друга, честнаго человѣка, которому я могъ бы безбоязненно, если не вполнѣ открыть профессіональную тайну, то хоть передать нѣкоторыя необходимыя подробности? Если есть, сообщи мнѣ его имя и отрекомендуй ему меня письмомъ"...

Съ спокойствіемъ, удивлявшимъ его самого, онъ уложилъ сакъ-вояжъ и принялся ждать возвращенія горничной. Шуринъ написалъ всего нѣсколько строкъ:

„Въ Гамбургѣ живетъ съ молодой женою одинъ изъ моихъ прежнихъ товарищей, Альбусъ, въ былыя времена часто бывавшій въ домѣ моей матери. Отыщи его квартиру въ адресъ-календарѣ и скажи ему просто, что ты мой родственникъ; этого будетъ совершенно достаточно".

Докторъ сунулъ записку въ карманъ, вышелъ изъ дому и поѣхалъ на Лертскую станцію.

Ему все казалось сномъ, пока курьерскій поѣздъ мчалъ его по равнинѣ, пока онъ узнавалъ въ гамбургскомъ сигарномъ магазинѣ адресъ Альбуса, потомъ высаживался изъ коляски передъ его домомъ, и наконецъ, вручивъ лакею визитную карточку, ожидалъ въ нарядной гостиной появленія хозяина.

Черезъ нѣсколько мгновеній портьера, отдѣлявшая его отъ сосѣдней комнаты, раздвинулась. Но вошелъ не тотъ, кого онъ ожидалъ. Передъ нимъ стояла молодая женщина, высокая, стройная, одѣтая въ простое темное платье. Лицо было блѣдно и измучено. Странное отсутствіе выраженія замѣчалось на немъ. Почти не глядя на гостя, она пригласила его движеніемъ руки сѣсть и сама молча опустилась на диванъ.

— Чѣмъ могу я вамъ служить? спросила она наконецъ точно безсознательно.

— Мнѣ не хотѣлось бы безпокоить васъ! Я имѣю дѣло до вашего мужа, которому меня рекомендуетъ шуринъ... Мужъ вашъ, по слухамъ, часто бывалъ въ домѣ моей тещи?...

– Да, онъ не разъ говорилъ объ этомъ...

— Это было, вѣроятно, еще до меня. Когда я познакомился полтора года тому назадъ съ моей будущей женою, я уже не встрѣчалъ его болѣе въ домѣ.

— Нѣтъ. Незадолго передъ тѣмъ онъ переселился въ Гамбургъ, и годъ тому назадъ мы обвѣнчались...

— А! Это все объясняетъ! Теперь если позволите, я желалъ бы видѣть вашего мужа...

— Его здѣсь нѣтъ!

— Гдѣ же онъ?

— Не знаю! рѣзко отвѣтила она, пристально глядя въ полъ. Онъ покинулъ Гамбургъ уже нѣсколько времени тому назадъ!

Докторъ сидѣлъ пораженный.

— Это не тайна болѣе, спокойно продолжала она черезъ мгновенье. Я развожусь съ нимъ. Жалоба уже подана въ судъ.

Гость всталъ.

— Я долженъ извиниться передъ вами, сказалъ онъ. Я ничего не зналъ, Мнѣ слѣдовало бы распросить сначала обо всемъ, но въ эти послѣдніе дни...

Голосъ его замеръ, пока онъ, откланявшись, направлялся къ двери.

Молодая женщина замѣтила разстроенное выраженіе его лица и крепъ на рукавѣ.

— Что случилось въ эти послѣдніе дни? порывисто и рѣзко спросила она.

— Жена моя внезапно скончалась...

— Она умерла!..

Это былъ не крикъ испуга. Изумленное ликованіе, торжествующій возгласъ непримиримой вражды коснулись слуха охваченнаго ужасомъ доктора, а когда онъ взглянулъ на молодую женщину, онъ увидалъ, что глаза ея блестѣли, и дикая усмѣшка передергивала судорожно стиснутыя губы.

Черезъ мгновенье лицо опять приняло прежнее безсмысленное, тупое выраженіе.

Молча, въ испугѣ стояли они другъ противъ друга. Ничего не было слышно, кромѣ тиканья стѣнныхъ часовъ.

— Но вѣдь вы не знали моей жены?.. пробормоталъ онъ наконецъ вполголоса.

— Нѣтъ... я ея не знала!..

— А вашъ мужъ?..

Дрожащій голосъ его раздавался теперь громче.

— Вашъ мужъ... повторилъ докторъ, бывалъ... прежде... въ домѣ... моей тещи...

— Да, бывалъ!

— И знавалъ мою жену, когда она еще была въ дѣвушкахъ?

— Знавалъ!

— Близко?..

— Вѣроятно!

Онъ судорожно схватилъ ее за руки.

— Скажите мнѣ, отчего разводитесь вы такъ внезапно съ вашимъ мужемъ?.. Касается это сколько нибудь меня?..

Она высвободила руки и отступила на шагъ.

— Еслибъ это васъ касалось, вы бы это ужъ навѣрно знали, медленно и спокойно произнесла она. Но это васъ не касается, и поэтому я не отвѣчу на вашъ вопросъ. Распространяться далѣе будетъ, вѣроятно, безцѣльно. Прощайте!

Онъ слышалъ легкое шуршанье платья, пока она удалялась изъ комнаты. Самъ не сознавая, что дѣлаетъ, онъ взялъ въ сѣняхъ шляпу и трость и, растерянно улыбаясь, спустился по лѣстницѣ.

Внизу, у воротъ, стоялъ садовникъ. Докторъ поманилъ его къ себѣ и сунулъ ему въ руку талеръ.

— Какъ жаль, что я не засталъ господина Альбуса! сказалъ онъ хриплымъ, равнодушнымъ голосомъ. Такое важное дѣло!.. Когда уѣхалъ онъ?

— Это было (садовникъ задумался), да это было какъ разъ въ день седанской годовщины! Поздно вечеромъ барыня вернулась домой блѣдная, какъ смерть, а хозяинъ и совсѣмъ не вернулся... Говорятъ, будто онъ въ Америкѣ. Мнѣ уже отказали отъ мѣста, потому что господа разводятся. Богъ вѣсть, что между ними было!

Позднею ночью вернулся докторъ въ Берлинъ и пригласилъ къ себѣ шурина, чтобъ разсказать ему про все, случившееся въ Гамбургѣ.

Теперь разсказъ былъ уже оконченъ. Гость сидѣлъ, мрачно покуривая, около лампы, а вдовецъ безпокойно ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Увѣренности!.. зачѣмъ не даетъ она мнѣ увѣренности?.. произнесъ онъ, останавливаясь передъ шуриномъ и судорожно стискивая руки. Зачѣмъ не говоритъ она, какъ могъ случиться этотъ ужасъ, и что именно произошло въ Гамбургѣ 2 сентября?..

— Она молчитъ и вѣчно будетъ молчать по очень простой, чисто-женской причинѣ, отвѣтилъ шуринъ. Хотя она и разводится съ мужемъ, она все еще любитъ его и боится, какъ бы ты его не убилъ, если узнаешь истину!

— Видитъ Богъ, я бы такъ и сдѣлалъ!

— Теперь же, продолжалъ гость, намъ извѣстны лишь четыре, повидимому совершенно безсвязныхъ факта: Альбусъ покинулъ 2 сентября Гамбургъ; онъ разводится съ женой; твоя жена была 2 сентября въ Гамбургѣ; 13 числа она внезапно умерла. Вотъ и все! Ключъ ко всему этому въ рукахъ женщины, которая его не выдастъ. А другая, тоже знавшая обо всемъ, замолкла навсегда!.. Она сама осудила себя... вонъ тамъ... твоимъ снотворнымъ средствомъ.

Нѣкоторое время они молчали.

— Или нѣтъ! сказалъ вдругъ шуринъ, нельзя утверждать даже того, будто

она сама осудила себя! Вѣдь мы ничего не знаемъ, ровно ничего! По прежнему остается возможнымъ, что все было простой случайностью, и что мы приводимъ въ связь два событія, совершившіяся одновременно, въ одномъ и томъ же мѣстѣ, и не имѣющія въ сущности ничего общаго!

Вдовецъ раскрылъ маленькую записную книжку.

— Смотри, сказалъ онъ совершенно спокойно, вотъ здѣсь записано: 38 марокъ 60 пфенниговъ... Это относится къ сентябрю. Въ августѣ я провелъ недѣлю на берегу Балтійскаго моря... вотъ еще 38 марокъ 60 пфенниговъ. Въ маѣ, какъ тебѣ извѣстно, я ѣздилъ на двѣ недѣли въ Петербургъ по дѣламъ наслѣдства... здѣсь записано два раза подъ рядъ 38 марокъ 60... Далѣе я не искалъ! Съ меня и этого довольно! Когда знаешь столько, жить долѣе нельзя!..

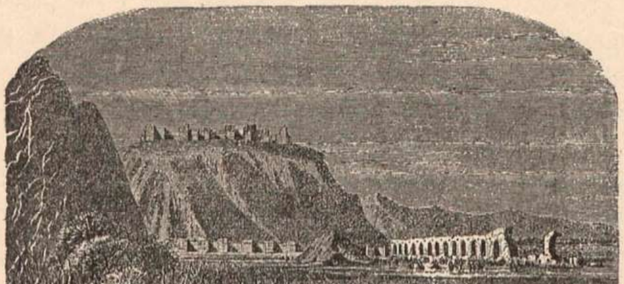
— Нельзя! повторилъ шуринъ, пожалъ ему руку и вышелъ.

Вдовецъ посидѣлъ еще нѣсколько минутъ за столомъ, задумчиво разрывая на кусочки предательскій желѣзнодорожный билетъ, потомъ вынулъ изъ шкапа пузырекъ, опорожнилъ его въ стаканъ и выпилъ...

На слѣдующій день, рано утромъ, горничная подвела военнаго врача къ дивану, на которомъ лежалъ безъ движенія ея баринъ.

— Я такъ и думала!.. рыдала она. Онъ слишкомъ любилъ ее!.. Безъ нея онъ жить не могъ!..

А. Веселовская.

Анарбазанъ (Киликія).

ДРУГУ.

—

Нѣтъ, до конца борись. Борись не уступая
На шагъ одинъ враждующей судьбѣ!
Пускай тамъ возстаетъ вся сила неземная,
Будь стоекъ ты въ отчаянной борьбѣ.
Пусть ложь кругомъ, пускай вокругъ измѣна,
А ты впередъ иди увѣренной стопой;
И будетъ та стезя твоя благословенна.
Чѣмъ на душѣ больнѣй — тѣмъ выше подвигъ твой.

* *
*

Дни пролетятъ. Улягутся невзгоды,
Забудутся давно разбитыя мечты,
И тѣ, въ страданьяхъ прожитые годы,
Какъ лучшія минуты жизни, вспомнишь ты.
И такъ, борись, на шагъ не уступая,
Людскія страсти въ сердцѣ затая,
И только этимъ ты достигнешь рая.
А рай — душа спокойная твоя.

Изъ воспоминаній о Викторѣ Антоновичѣ Арцимовичѣ *).

Школа А. Ѳ. Вырской.

Въ числѣ уѣздныхъ городовъ Калужской губерніи есть Козельскъ. Въ 1833 году діакономъ Благовѣщенской церкви этого города поступилъ молодой воспитанникъ калужской духовной семинаріи Ѳедоръ Васильевичъ Вырскій. Съ перваго же года поступленія своего на мѣсто онъ все свое свободное время, остававшееся отъ исполненія прямыхъ служебныхъ обязанностей, отдавалъ воспитанію дѣтей козельскихъ жителей. Сначала родители приглашали его въ свои дома для занятій съ дѣтьми ихъ, но вскорѣ этихъ приглашеній и уроковъ накопилось такъ много, что у него явилась мысль устроить у себя въ домѣ небольшую школу, которую бы могли посѣщать дѣти всѣхъ сословій и всѣхъ состояній. Лишь только заявилъ онъ козельскимъ жителямъ о своемъ намѣреніи, у него на первыхъ же порахъ явилось 35 человѣкъ учениковъ. Сначала онъ принималъ

*) В.А. Арцимовичъ—одна изъ самыхъ благородныхъ и видныхъ фигуръ эпохи великихъ реформъ. До назначенія въ 1858 г. губернаторомъ въ Калугу, В. А. былъ начальникомъ Тобольской губерніи, гдѣ онъ оставилъ послѣ себя, какъ образцовый администраторъ, необыкновенно добрую память. Горячо сочувствуя освобожденію крестьянъ, онъ принималъ дѣятельное участье въ крестьянской реформѣ и затѣмъ вводилъ въ дѣйствіе Положеніе о крестьянахъ. Настойчивое справедливое отстаиваніе правъ крестьянъ, гарантированныхъ закономъ, вызвало неудовольствіе среди помѣщиковъ Калужской губерніи и рядъ жалобъ и доносовъ съ ихъ стороны. Командированный для ревизіи губерніи, сенаторъ Капгеръ призналъ всѣ дѣйствія Арцимовича безупречными, тѣмъ не менѣе Арцимовичъ былъ отозванъ изъ Калуги и назначенъ сенаторомъ въ одинъ изъ московскихъ департаментовъ Сената. Съ введеніемъ Судебныхъ Уставовъ онъ былъ назначенъ сенаторомъ уголовнаго кассаціоннаго департамента, гдѣ онъ способствовалъ твердому усвоенію основъ судебной реформы. Послѣдніе годы († 1893 г.) В. А. присутствовалъ въ I департаментѣ Сената и былъ извѣстенъ какъ строгій блюститель законности и человѣколюбія. (См. статьи П. Н. Обнинскаго объ Арцимовичѣ въ *Русской Мысли* 1896 г. №№ 4 и 5, главу XIX „Эпохи Великихъ Реформъ“ и книгу А. Ѳ. Кони: „За послѣдніе годы“). *Ред.*

однихъ только мальчиковъ, но впослѣдствіи къ нему начали отдавать и дѣвочекъ.

Дѣти обучались читать писать, закону Божію, считать на счетахъ, а нѣкоторымъ по желанію ихъ родителей, были преподаваемы грамматика и ариѳметика. Дѣти бѣдныхъ и многосемейныхъ родителей обучались безплатно, и только немногіе платили отъ 25 до 30 копѣекъ въ мѣсяцъ. Такъ дешево цѣнилось обученіе грамотѣ и педагогическій трудъ! Въ весенніе и лѣтніе мѣсяцы ученье начиналось съ 8 часовъ утра и продолжалось, съ небольшимъ перерывомъ для отдыха, до 12-ти часовъ дня. Въ это время дѣтей отпускали обѣдать, а ко второму часу они снова собирались въ школу и учились до 5-ти часовъ. Лѣтомъ каникулъ не полагалось, такъ что дѣти учились круглый годъ, за исключеніемъ, конечно, рождественскихъ праздниковъ, масленицы съ первой недѣлей поста, страстной и пасхальныхъ недѣль.

Какъ во время школьныхъ занятій, такъ и во время большой перемѣны дѣти ни на минуту не оставались одни, и всегда были подъ наблюденіемъ или самого наставника, или кого нибудь изъ его дѣтей, когда они подросли. Даже когда ученики уходили домой, они не были оставлены безъ наблюденія. Ѳ. В. Вырскій раздѣлилъ ихъ всѣхъ на десятки и каждый десятокъ поручилъ такъ называемому старшему, выбранному изъ наиболѣе скромныхъ и благонравныхъ дѣтей. Старшіе были обязаны наблюдать, чтобы дѣти порученнаго имъ десятка шли изъ школы домой прилично и скромно. Воспитанный самъ подъ ужасающей своимъ безчеловѣчіемъ ферулой дореформенной бурсы и убѣжденный личнымъ опытомъ въ гибельномъ вліяніи физическихъ наказаній на воспитаніе, Ѳ. В. Вырскій совершенно устранилъ изъ своей школы побои, розги и вообще всякія репрессаліи, на которыя такъ изобрѣтательна и расточительна была школа стараго времени. У него было принято за неизмѣнное правило терпѣливо, толково объяснить задаваемый урокъ и слѣдить, чтобы онъ былъ усвоенъ сознательно. А понудительныя мѣры замѣнены были мягкимъ внушеніемъ дѣтямъ пользы ученія и развитіемъ въ нихъ внутренняго собственнаго побужденія къ занятіямъ. Кромѣ того, Ѳ. В. Вырскій ввелъ въ своей школѣ принципъ товарищеской взаимопомощи. Онъ заключался не въ подсказываньи одного ученика другому въ то время, когда учитель уже спрашиваетъ у него урокъ, а въ объясненіи болѣе способнымъ и сильнымъ въ знаніи воспитанникомъ менѣе даровитому и слабому своему товарищу въ то время, когда онъ еще только готовитъ урокъ.

Вся эта система обученія, эти школьные порядки были совершенною новостью для того домостройнаго времени, и понятно нравились очень родителямъ, и они предпочитали отдавать дѣтей своихъ въ школу Ѳ. В. Вырскаго, нежели въ городскую казенную школу, гдѣ дѣло дѣтскаго обученія велось на совершенно иныхъ, рутинныхъ, началахъ.

Къ 1850-му году подросла старшая дочь Ѳ. В. Вырскаго Александра Ѳедоровна, особа, заслуживающая глубокаго уваженія за свою скромную, безшумную, но широко полезную дѣятельность на поприщѣ мѣстнаго дѣтскаго образованія. Получивъ школьную подготовку подъ руководствомъ достойнаго своего отца, Александра Ѳедоровна съ 1850 года, 15-тилѣтней дѣвицей, приняла на себя обязанности преподавательницы въ его школѣ, и съ этого времени до настоя-

щаго дня неустанно, не покладывая рукъ, ведетъ нелегкое дѣло дѣтскаго обученія. Со времени вступленія ея въ это дѣло начался болѣе широкій пріемъ дѣвочекъ въ ея школу. Дѣвочки обучались тому же, чему и мальчики, и такъ же, какъ и доселѣ къ мальчикамъ, къ нимъ примѣнялись тѣ-же порядки и та же система. Впослѣдствіи Александра Өедоровна ввела обученіе дѣвочекъ шитью, вязанью и другимъ рукодѣльямъ, употребительнымъ въ домашнемъ быту простаго класса. Къ первымъ, почти дѣтскимъ, днямъ вступленія Александры Өедоровны въ дѣло обученія дѣтей грамотѣ относится чрезвычайно симпатичный эпизодъ, характеризующій юную наставницу со стороны преданности своему дѣлу и серьезнаго отношенія къ нему. Считая свой почеркъ не достаточно твердымъ и подходящимъ подъ типъ установленныхъ для школъ прописей, Александра Өедоровна выработала его для себя упорнымъ трудомъ, посвящая для этого дѣла остатки времени отъ школьныхъ занятій съ дѣтьми, и такимъ образомъ достигла вполнѣ нормальнаго, красиваго почерка, который потомъ преподавала и дѣтямъ.

Такъ какъ большинство воспитанниковъ и воспитанницъ обучалось безплатно, а между тѣмъ всѣ они требовали книгъ, прописей, бумаги и вообще школьныхъ и письменныхъ принадлежностей, а нѣкоторые даже одежды и обуви; личныхъ же средствъ Ө. В. Вырскаго, заключавшихся исключительно въ доходахъ получаемыхъ отъ небогатаго прихода и школы, было недостаточно для удовлетворенія потребностей школы, то на первыхъ порахъ, чтобы сколько нибудь пособить ея нуждамъ, Александра Өедоровна просиживала иногда ночи за изготовленіемъ для дѣтей прописей, съ которыхъ они учились писать. Когда потомъ введены были рукодѣлья и работы учениць достигли такого совершенства, что ихъ можно было пускать въ продажу, Александра Өедоровна посылала ихъ продавать и весь барышъ употребляла на школьныя нужды. Впослѣдствіи явились добрые люди, сочувственно смотрѣвшіе на скромное, не бившее въ глаза внѣшнимъ блескомъ, но важное по своей пользѣ дѣло.

Разумныя и гуманныя условія постановки школьнаго дѣла Ө. В. и А. Ө. Вырскихъ сдѣлали то, что къ 1860-му году въ школѣ ихъ было до 90 мальчиковъ и до 100 дѣвочекъ, такъ что помѣщеніе ея не было уже достаточно для такой массы дѣтей, и самъ Ө. В. Вырскій, отдавъ для нихъ въ своемъ домѣ все, что можно было отдать, ютился Богъ знаетъ какъ съ личными своими дѣтьми.

Любили дѣти родную школу свою и ея милыхъ наставниковъ. Добромъ поминали ихъ родители. Тепло и сочувственно относились къ ней посторонніе, даже заѣзжіе люди. Не нравилась она только мѣстному педагогическому надзору, и онъ, въ лицѣ такъ называвшихся прежде штатныхъ смотрителей училищъ, оказывалъ всевозможное противодѣйствіе школѣ Ө. В. и А. Ө. Вырскихъ. Нѣкоторые изъ представителей надзора относились къ ней совершенно индиферентно и какъ бы вовсе игнорировали ея существованіе. Но двое изъ нихъ, и доселѣ памятные Александрѣ Өедоровнѣ, противодѣйствіе свое начали съ того, что отговаривали родителей отдавать своихъ дѣтей въ ея школу, ставя резономъ, что школа ея, какъ частная школа, не имѣетъ права выдавать дѣтямъ свидѣтельства объ окончаніи ими въ ней курса. Но всесословной воинской повинности тогда не существовало еще, школьныя свидѣтельства не имѣли никакого прак-

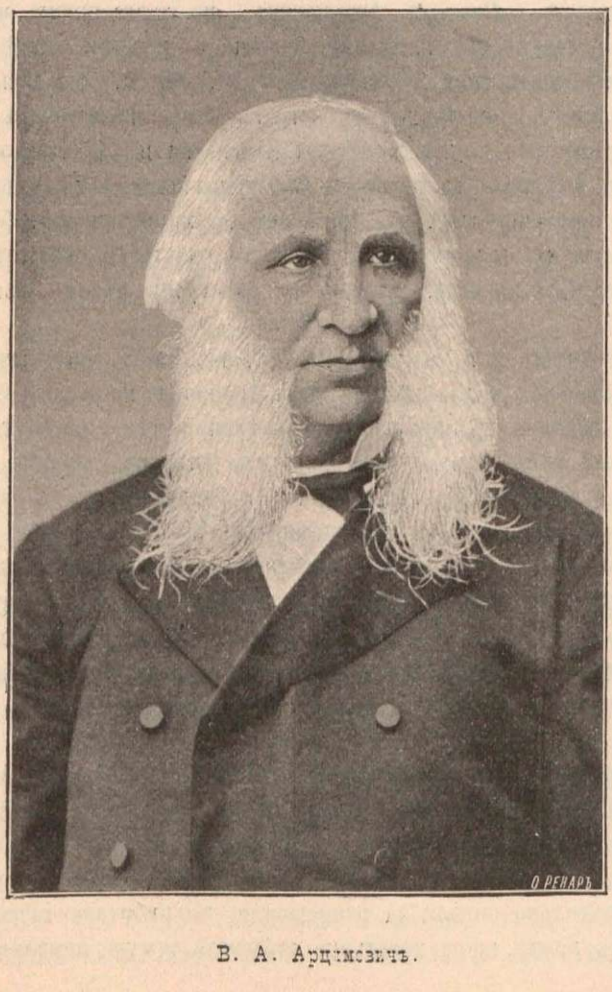
тическаго значенія; родителямъ нужно было лишь, чтобы дѣти ихъ были обучены грамотѣ,—и они продолжали по прежнему наполнять школу Александры Ѳедоровны. Тогда надзоръ пустилъ въ ходъ другой, уже формальный, такъ сказать, подъяческій пріемъ противодѣйствія ей и ея почтенному дѣлу: онъ прямо началъ запрещать Ѳедору Васильевичу принимать дѣтей въ свою школу на томъ основаніи, что самъ онъ, по своимъ служебнымъ обязанностямъ, не всегда можетъ бывать въ ней, а Александра Ѳедоровна не имѣетъ права замѣнять его и заниматься обученіемъ дѣтей, потому что не окончила курса ни въ какомъ казенномъ учебномъ заведеніи и не имѣетъ диплома. Чтобы провѣрять, исполняется ли это запрещеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ подорвать кредитъ къ школѣ и ея наставникамъ, а можетъ быть, даже и по болѣе низменнымъ побужденіямъ.., надзоръ являлся въ школу и въ присутствіи воспитанниковъ и воспитанницъ дѣлалъ Александрѣ Ѳедоровнѣ шумныя, грубыя сцены, когда заставалъ ее въ школѣ въ отсутствіе отца. И это было въ то время, когда наши народныя школы находились еще въ зачаточномъ состояніи, когда распространеніе грамотности въ нашемъ, мало грамотномъ тогда, отечествѣ такъ сильно нуждалось въ поощреніи и поддержкѣ. Можетъ быть, надзоръ былъ и правъ съ своей точки зрѣнія, но... предстать предъ современнымъ обществомъ и передъ потомствомъ въ несимпатичной роли гасильника народнаго образованія могъ рѣшиться только насквозь проѣвшій тогда Россію бюрократическій формализмъ въ соединеніи съ патріотической апатіей.

Чѣмъ же вызвано было такое враждебное отношеніе оффиціальнаго школьнаго надзора къ школѣ Ѳ. В. и А. Ѳ. Вырскихъ? Поводъ былъ дѣствительно достаточно сильный. Нужно сказать, что городская казенная школа находилась хотя на городской площади въ самомъ центрѣ города, а школа Ѳ. В. и А. Ѳ. Вырскихъ помѣщалась почти на окраинѣ города, но казенную школу посѣщало такъ мало дѣтей, что въ трехъ классахъ ея не набиралось и трехъ десятковъ. Отъ этого бывали такіе курьезы, что къ пріѣзду губернаторовъ или вообще какихъ нибудь ревизоровъ казенная школа взаймы брала дѣтей изъ школы Ѳ. В. и А. Ѳ. Вырскихъ, лишь бы заполнить ими свои пустыя скамьи. Равнодушіе же горожанъ къ оффиціальной школѣ своей вызывалось тѣмъ, что личный составъ преподавательскаго персонала ея руководился въ своей дѣятельности нѣсколько своеобразнымъ воззрѣніемъ. Онъ находилъ, что школа сама по себѣ, а онъ тоже самъ по себѣ, и самымъ интереснымъ актомъ своей дѣятельности считалъ актъ полученія жалованья. Поэтому въ обыкновенные дни являться въ школу онъ не спѣшилъ, имѣя въ виду, что ничего своего онъ не забылъ тамъ, по школьному дѣлу не убивался особенно, соображая, что всего дѣла не передѣлаешь во всю свою жизнь и что дѣти все равно перезабудутъ все, лишь только оставятъ школьныя стѣны. Кромѣ того, причиной равнодушія мѣстныхъ жителей къ казенной школѣ своей служили и доходившія до нихъ свѣдѣнія о томъ, что учитель исторіи и географіи, являясь въ классъ на другой день послѣ „просоленнаго“ вчера въ преферансъ у аптекаря бубноваго короля, считалъ нѣкоторымъ удовлетвореніемъ для себя запустить въ дѣтскіе волосы всѣ пять пальцевъ своихъ, а учитель рисованія и чистописанія разгуливалъ своей ладонью по дѣтскимъ щекамъ. Между тѣмъ, у Ѳ. В. и А. Ѳ. Вырскихъ хотя не трактова-

лось ни о вавилонянахъ и ассиріянахъ, ни о Кареагенѣ и Сиракузахъ, но за то и не дѣлалось никакихъ экскурсій въ педагогическія области дѣтскаго тѣла. Понятно, что школа Ѳ. В. и А. Ѳ. Вырскихъ всегда была переполнена, а городская школа едва едва влачила свое казенное существованіе, и существовала благодаря лишь тому, что на ряду съ существованіемъ острога, земскаго суда, пожарной команды, и тому подобныхъ благотворныхъ и благотворительныхъ заведеній полагалось по штату и существованіе городской школы.

Въ такомъ роковомъ положеніи, почти накапунѣ своего закрытія, вслѣдствіе непріязненныхъ отношеній педагогическаго надзора, стояли до 1860 года дѣла школы Ѳ. В. и А. Ѳ. Вырскихъ. Своимъ усердіемъ надзоръ до того ихъ довелъ, что приходилось хоть закрывать школу, оставлять дѣло, которому отдана была вся жизнь, всѣ лучшія привязанности, всѣ физическія и духовныя силы, для котораго Александра Ѳедоровна посвятила всю свою молодость, отбросила всѣ удовольствія и радости личной семейной жизни и вся ушла въ тѣсный, но дорогой и лучшій для нея міръ.

Но Ѳ. В. и А. Ѳ. Вырскихъ и родную ихъ школу спасъ Викторъ Антоно-

В. А. Арцимовичъ.

вичъ Арцимовичъ, бывшій въ Калугѣ тогда губернаторомъ, этотъ добрый геній Калужской губерніи, вызывавшій къ жизни и свѣту все, что просило жизни и свѣта.

Въ концѣ августа и въ началѣ сентября 1860 г. онъ дѣлалъ обычный объѣздъ по губерніи для ревизіи, и передъ утромъ съ 5-го на 6-ое сентября пріѣхалъ въ Козельскъ. Мнѣ, въ качествѣ чиновника при немъ, выпало на долю удовольствіе сопровождать его въ этомъ объѣздѣ. Передъ утромъ мы пріѣхали въ Козельскъ, потому что Викторъ Антоновичъ, этотъ великій, не виданный еще мною ни прежде, ни послѣ подвижникъ, дорожившій каждой минутой, имѣлъ обыкновеніе во время объѣзда губерніи день посвящать ревизіи, а ночь, для сбереженія времени, употреблять на передвиженіе отъ города до города. Это было, конечно, нѣсколько утомительно для него и для сопровождавшаго его чиновника, потому что спать, если это удавалось, приходилось одѣтому, сидя въ каретѣ, но за то не тратилось непроизводительно время. Нужно прибавить, что объѣзды эти длились дней 8-10 и путешествіе совершалось на ямскихъ лошадяхъ, такъ какъ желѣзной дороги тогда не было еще въ Калужской губерніи.

Въ Козельскѣ, утромъ 6 сентября, послѣ обычнаго представленія мѣстныхъ властей на квартирѣ у Виктора Антоновича, по заведенному порядку, отправился онъ въ острогъ. На площадкѣ передъ острогомъ, встрѣтила его толпа человѣкъ въ пятнадцать женъ, отцевъ, матерей, дѣтей, съ воплями, со слезами, съ мольбами за томившихся въ острогѣ болѣе полуторыхъ лѣтъ жертвъ полицейскаго кривосудія по громкому для Козельска и возмутительному дѣлу объ убійствѣ учителя Воронова, въ которомъ замѣшаны были мѣстные богачи Брюзгины.

Твердо установлено было, что Вороновъ не миновалъ рукъ богачей Брюзгиныхъ, что для того, чтобы замести слѣдъ своего участія въ его смерти, они при содѣйствіи продажной полиціи, выставили правосудію цѣлую цѣпь продажныхъ лжесвидѣтелей.

Эти-то лжесвидѣтели и томились въ острогѣ, когда посѣтилъ его Викторъ Антоновичъ. Рыдающая толпа ихъ родныхъ произвела на него такое подавляющее впечатлѣніе, а дѣйствія полиціи до того возмутили его своей продажностью и безсердечіемъ, что когда изъ острога пріѣхалъ онъ въ земскій судъ, то, не смотря на всю свою обычную сдержанность и отличавшую его осторожность въ выборѣ выраженій, онъ однако не выдержалъ и рѣзко сказалъ непремѣнному засѣдателю Новикову, исполнявшему обязанности городничаго въ моментъ обнаруженія смерти Воронова и услужливо радѣвшему Брюзгинымъ ухорониться отъ правосудія: я былъ въ острогѣ и видѣлъ этихъ несчастныхъ. Это вамъ-бы тамъ сидѣть вмѣсто ихъ! прибавилъ онъ, указывая по направленію къ острогу своимъ, столь выразительнымъ и столь памятнымъ для всѣхъ его знавшихъ жестомъ.

Такимъ образомъ день въ Козельскѣ начался для Виктора Антоновича тяжело, мрачно. Не порадовалъ его старинный судъ съ его формализмомъ и канцелярщиной, не порадовали и другія учрежденія, влачившія свое летаргическое, прищемленное обще-господствовавшей тогда системой опеки, существованіе. Видно было вездѣ, что только писали да отписывали, но работали точно на барщинѣ, при крѣпостномъ правѣ, когда крестьяне отбывали чужую, немилую работу на ба-

рина. Не свѣтлѣе стало на душѣ у Виктора Антоновича и въ храмѣ мѣстнаго просвѣщенія. Преподаватели, не смотря на взбитые кверху хохлы свои и гладко бритыя лица, которыми они очевидно желали понравиться Виктору Антоновичу, смотрѣли угрюмо, точно старые, желтые пергаменты на книжной полкѣ. Дѣти, нечосаныя и немытыя, выглядывали тоже всѣ изъ подлобья. Точно всѣ, и дѣти и преподаватели ихъ, говорили въ душѣ по поводу появленія Виктора Антоновича: и чего пришелъ человѣкъ нарушать нашъ сонъ, нашъ покой?—Но разъ онъ явился, учитель исторіи преподнесъ ему, въ видѣ привѣтственнаго букета, разсказъ одного изъ воспитанниковъ о Кирѣ, царѣ персидскомъ, учитель русскаго языка угостилъ басней Крылова: Мартышка и Очки, а батюшка законоучитель разсказомъ о бѣгствѣ евреевъ изъ Египта. Мы съ Викторомъ Антоновичемъ хотя не были въ положеніи бѣгущихъ евреевъ, но этотъ фараонъ, съ своими всадниками и колесницами, преслѣдующій бѣгущихъ евреевъ и самъ погибающій въ морской пучинѣ, преслѣдовалъ насъ на пространствѣ цѣлой губерніи. Куда ни пріѣдемъ, въ какое училище ни появимся,—сейчасъ же изъ мрака отдаленной древности выступаетъ злосчастный фараонъ, преслѣдующій бѣгущихъ евреевъ и самъ погибающій въ морѣ со всѣми конями и колесницами и со всѣми своими всадниками. Точно во всей древней библейской исторіи не было ничего интереснѣе этого эпизода. И все это говорилось и разсказывалось убійственно вяло, апатично, казенно. Такъ и напрашивалось на языкъ бывшее тогда въ ходу выраженіе: вотъ они—мундирные просвѣтители, мундирное просвѣщеніе!—И нужно было видѣть глубоко скорбное и проникнутое тонкой проніей выраженіе лица у Виктора Антоновича по поводу всего, что приходилось видѣть и слышать ему во всѣхъ этихъ тогдашнихъ храмахъ науки, правосудія, охраненія общественнаго благоустройства, здоровья, хозяйства и проч. въ нашей глухой, глубокой провинціи.—«И это—тоже жизнь! А всѣ эти мундирныя вѣшалки—тоже власть!»..

Вообще объѣзды губерніи оставляли на душѣ у Виктора Антоновича болѣзненный, тяжелый осадокъ. Мыслящему, просвѣщенному администратору, какимъ былъ Викторъ Антоновичъ, видѣть непосредственно своими глазами эту широко развернувшуюся картину тьмы безпросвѣтной, погруженія страны въ грубый, ничѣмъ не сдержанный произволъ и въ сплошное безправье,—и не имѣть достаточно силы, достаточно власти сдернуть эту ненавистную, позорную картину и замѣнить ее отрадной и свѣтлой,—положеніе, дѣйствительно трагическое, способное довести до унынія, до болѣзни...

Но картина и настроеніе Виктора Антоновича быстро измѣнились, когда онъ пріѣхалъ въ школу Ѳ. В. и А. Ѳ. Вырскихъ. Его видимо вовсе не ждали тамъ, и о школѣ узналъ онъ случайно. Прежде всего его поразила масса дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ. Ихъ набралось уже до двухъ сотъ человѣкъ, и они жужжали какъ молодыя, рѣзвыя пчелы въ ульѣ. И у всѣхъ были такіе оживленные, веселые глазки и личики. Многія были, видимо, дѣти бѣдныхъ родителей, но всѣ были умыты, причосаны, бѣдно, но опрятно одѣты. Сейчасъ сказывался заботливый женскій присмотръ. Затѣмъ, очень пріятное, свѣтлое впечатлѣніе производили сами Ѳ. В. и А. Ѳ. Вырскіе. Онъ приближался уже къ преклоннымъ лѣтамъ, но смотрѣлъ такъ бодро, оживленно, а главное, очень ужъ добродушно и искренно. Почтенныя лѣта, симпатичное, выразительное лицо съ высокимъ обна-

жоннымъ лбомъ, сановитая, представительная наружность, мягкій, сердечный тонъ въ обращеніи съ дѣтьми производили впечатлѣніе какого-то древняго патріарха этого многочисленнаго, окружавшаго его, семейства. Александра Ѳедоровна тогда была еще молодой дѣвушкой, худенькой, небольшаго роста съ правильнымъ красивымъ лицомъ и замѣчательно симпатичнымъ выраженіемъ глазъ, дѣловымъ, серьезнымъ, постоянно сосредоточеннымъ, по дѣтски милымъ и ласковымъ. Это выраженіе глазъ и совершенная простота костюма, всегда однако приличнаго и опрятнаго, ясно говорили, что человѣкъ весь, всей своей хорошей душой, и любящимъ сердцемъ ушелъ въ свое дѣло, что дѣло это не чужое, скучное, казенное для него дѣло, а дѣло родное, милое, созданное потребностью сердца, что внѣ его нѣтъ для него жизни, нѣтъ радости.

Послѣ этого понятны уже были отношенія къ ней дѣтей, совершенно простыя, семейныя, чуждыя всякой натянутости.

Въ сравненіи съ казенной школой, пріятно удивило Виктора Антоновича отсутствіе запуганности, застѣнчивости въ отвѣтахъ дѣтей и всякой приниженности, этого рабскаго страха въ объясненіяхъ Ѳ. В. и А. Ѳ. Вырскихъ. Дѣти смотрѣли прямо, открыто, отвѣчали просто, охотно, если что знали, а если чего не знали, такъ прямо и говорили, что они этого не знаютъ еще. Видимо, школьная ложь не была имъ знакома. Не смотря на то, что посѣщеніе такой крупной въ губерніи власти, какъ начальникъ губерніи, было неожиданной новостью для Ѳ. В. и А. Ѳ. Вырскихъ, оно однако ихъ не смутило и объясненія свои на распросы Виктора Антоновича они давали съ полнымъ самообладаніемъ и съ достоинствомъ. Спокойствію, съ какимъ они знакомили его съ исторіей своей школы, съ курсомъ преподаваемыхъ въ ней наукъ, съ ея порядками и ея строемъ, способствовали прежде всего конечно отсутствіе оффиціальнаго, начальственнаго тона въ обращеніи Виктора Антоновича съ Ѳ. В. и А. Ѳ. Вырскими и тотъ живой интересъ, съ которымъ онъ распрашивалъ ихъ и выслушивалъ ихъ объясненія. При этомъ, между прочимъ, открылось, что до Виктора Антоновича ни одинъ губернаторъ не заглядывалъ въ ихъ школу, хотя каждый изъ нихъ, объѣзжая губернію для ревизіи, ежегодно бывалъ въ Козельскѣ. Ни одинъ изъ нихъ даже не зналъ о существованіи школы, такъ что Викторъ Антоновичъ былъ первый изъ цѣлаго ряда бывшихъ до него калужскихъ губернаторовъ, открывшій никому изъ нихъ невѣдомую Америку и внесшій свѣтъ и тепло въ этотъ скромный, безшумный пріютъ тихаго, но высоко полезнаго, самоотверженнаго труда.

Школа Ѳ. В. и А. Ѳ. Вырскихъ и сами они до такой степени понравились Виктору Антоновичу, что отъ тяжелаго впечатлѣнія, сдѣланнаго на него сценой въ острогѣ и посѣщеніемъ казенной школы и присутственныхъ мѣстъ, не осталось слѣда. Онъ, какъ дорогой находкѣ, былъ радъ, что встрѣтилъ въ Ѳ. В. и А. Ѳ. Вырскихъ живыхъ, свѣжихъ людей, которые по собственному почину, своими личными силами и съ такой любовью и преданностью дѣлаютъ живое и такой крупной важности полезное дѣло. Все это до того понравилось Виктору Антоновичу и до того сдѣлалось ему родственно, что онъ потомъ нарочно возилъ въ Козельскъ достойную супругу свою Анну Михаиловну, [1]) чтобы доставить ей

[1]) Урожденная А. М. Жемчужникова, сестра извѣстнаго поэта. *Ред.*

наслажденіе видѣть эту интересную школу и почтенныхъ ея представителей, и Анна Михайловна доселѣ, черезъ тридцать слишкомъ лѣтъ, съ удивленіемъ и восторгомъ вспоминаетъ о свѣтлыхъ, отрадныхъ впечатлѣніяхъ школы и ея милыхъ наставниковъ.

Человѣкъ законности и порядка, Викторъ Антоновичъ прежде всего посовѣтовалъ Александрѣ Өедоровнѣ держать экзаменъ, чтобы право свое на завѣдываніе своею же школой твердо поставить на легальную почву и такимъ образомъ отстранить отъ себя поводъ къ противодѣйствію со стороны мѣстнаго педагогическаго надзора.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду того, что помѣщеніе школы было тѣсно для наличной массы дѣтей, и кромѣ того, дальнѣйшее существованіе ея не было обезпечено матеріально, Викторъ Антоновичъ предложилъ уѣздному предводителю дворянства, которымъ былъ тогда А. П. Бибиковъ, составить попечительный совѣтъ собственно для матерьяльной поддержки школы, и вмѣстѣ съ тѣмъ для огражденія ея отъ постороннихъ притѣснителей и притѣсненій.

Когда затѣмъ, окончивъ объѣздъ губерніи, Викторъ Антоновичъ вернулся въ Калугу, онъ видѣлся съ архіереемъ Григоріемъ, познакомилъ его съ фактомъ существованія школы и со всей пользой, какую почти тридцать лѣтъ приноситъ она мѣстному населенію, и подалъ мысль поощрить Ө. В. и А. Ө. Вырскихъ наградой, соотвѣтственной ихъ дѣятельности и усердію. Оказывается, что владыка Григорій и предшественникъ его Николай, сидя по нѣскольку лѣтъ на эпархіи, бывая черезъ два года на третій въ Козельскѣ «по обзору эпархіи» и проживая иногда по нѣскольку дней въ „щедродательной“ Оптиной пустыни, въ трехъ верстахъ отъ Козельска, даже и не подозрѣвали, что въ районѣ ихъ власти есть такіе вонъ изъ ряда выходящіе піонеры въ дѣлѣ народнаго образованія, какъ Ө. В. и А. Ө. Вырскіе.

Познакомивъ владыку съ школой Ө. В. и А. Ө. Вырскихъ и съ ихъ дѣятельностью, Викторъ Антоновичъ познакомилъ съ ними и общество Калужской губерніи посредствомъ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей. На страницахъ ихъ (въ №№ 42 и 48, отъ 21 октября и 26 ноября 1860 г.) обстоятельно и тепло изложены исторія школы, ея строй и порядки.

Здѣсь будетъ кстати на минуту остановиться на Калужскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за время Виктора Антоновича. Кто не знаетъ нашихъ несчастныхъ губернскихъ вѣдомостей? Или, вѣрнѣе, кто знаетъ, кто видитъ ихъ, кромѣ тѣхъ лицъ, которыя спеціально заняты изготовленіемъ этой жалкой пародіи провинціальной прессы? Такими же вѣдомостями, о которыхъ не вѣдалъ и вѣдать никто не хотѣлъ, были онѣ и въ Калугѣ до появленія Виктора Антоновича. Подъ всеоживляющимъ его вліяніемъ онѣ заняли подобающую имъ роль быть живымъ и интереснымъ органомъ мѣстной прессы. Онѣ не знакомили общество съ политической стороной иностранной жизни, не помѣщали на своихъ столбцахъ фельетоновъ для развлеченія публики, но за то вполнѣ отражали движеніе мѣстной жизни своего времени. А она во времена Виктора Антоновича была богата событіями и давала обильный матерьялъ для газеты. Перелистывая ее теперь, чего-чего не найдете вы въ ней. Здѣсь сообщались свѣдѣнія и объ открытіи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ губерніи новыхъ народныхъ школъ грамотности,

о ремесленныхъ заведеніяхъ въ Калугѣ и въ уѣздахъ ея, объ ихъ исторіи и степени производительности, о черепичныхъ крышахъ и о черепичномъ производствѣ въ Козельскѣ, о продажѣ лѣсовъ изъ казенныхъ устроенныхъ дачъ Калужской губерніи, о результатѣ еженедѣльныхъ метеорологическихъ наблюденій, о крайне печальномъ положеніи крѣпостныхъ крестьянъ одного крупнаго калужскаго землевладѣльца, обреченныхъ въ сырыхъ, холодныхъ землянкахъ, при совершенно анти-гигіеническихъ условіяхъ, жить цѣлыми семьями въ Калугѣ осенью и зимой и зарабатывать тяжолый оброкъ своему барину производствомъ лыкъ и мочалъ, и проч. и проч. И все это Викторъ Антоновичъ просматривалъ самъ, потому что самъ интересовался все знать. Въ сотрудникахъ газеты тоже не было недостатка. Мѣстные дѣятели, врачи, учителя, духовныя лица, чиновники, техники, все это, по призыву Виктора Антоновича, спѣшило подѣлиться съ обществомъ путемъ газеты, и конечно безвозмездно, своими мыслями, наблюденіями, такъ что она сдѣлалась органомъ для бодрой умственной работы, закипѣвшей въ Калужской губерніи подъ магической рукой Виктора Антоновича [1]). Къ глубокому сожалѣнію, съ выѣздомъ его изъ Калуги, призванная имъ къ жизни газета, какъ и многое другое, снова погрузилась въ свой первобытный летаргическій сонъ... И конечно, не сама жизнь и не недостатокъ живого матеріала были тому причиной...

Добрые совѣты и указанія Виктора Антоновича относительно школы Ѳ. В. и А. Ѳ. Вырскихъ немедленно же были исполнены. Осенью того же 1860 года Александра Ѳедоровна отправилась въ Калугу держать экзаменъ и выдержала его самымъ успѣшнымъ образомъ. Когда пріѣхала она въ Калугу, Анна Михаиловна, полюбившая ее сердечно, хотѣла было помѣстить ее у себя въ домѣ, но Викторъ Антоновичъ нашелъ это неудобнымъ въ виду возможности нареканія со стороны нѣкоторой публики въ проявленіи прямого покровительства Александрѣ Ѳедоровнѣ высшей губернской власти. Но это не помѣшало Аннѣ Михаиловнѣ и Виктору Антоновичу принимать ее самымъ простымъ, самымъ радушнымъ образомъ.

Чтобы упрочить общественное положеніе Александры Ѳедоровны и нѣкоторымъ образомъ вознаградить ее за полезную дѣятельность ея, Викторъ Антоновичъ имѣлъ мысль перевести ее въ Калугу, создать здѣсь женскую народную школу, назначить Александру Ѳедоровну наставницей ея, и прочно, опредѣленно поставить ея положеніе; но потомъ долженъ былъ оставить эту мысль, такъ какъ находилъ, что, съ перемѣщеніемъ Александры Ѳедоровны въ Калугу, Козельскъ остался бы съ одною только казенной школой.

Въ одно изъ посѣщеній Александры Ѳедоровны, у Виктора Антоновича былъ жиздринскій предводитель дворянства А. Ѳ. Карышевъ. Познакомясь съ нею и съ ея дѣятельностью, онъ просилъ Виктора Антоновича уступить ему Александру Ѳедоровну для Жиздры, для учрежденія тамъ, при ея содѣйствіи, народной школы. Но Викторъ Антоновичъ отвѣтилъ, что онъ имѣлъ было намѣреніе перемѣстить Александру Ѳедоровну для той же цѣли въ Калугу, но не желаетъ «осиротить» Козельскъ, потому что одно только ея училище приноситъ существенную пользу

[1]) „Русскія Вѣдомости, 17 іюня 1891 г., № 164.

дѣтямъ Козельскихъ жителей. Можно вообразить, какъ, дѣйствительно, они осиротѣли бы безъ нея.

Въ тоже время козельскій предводитель дворянства А. И. Бибиковъ, изъ желанія сдѣлать угодное Виктору Антоновичу, и частію, вѣроятно, изъ желанія заявить себя покровителемъ просвѣщенія, въ качествѣ предсѣдателя попечительнаго совѣта, сталъ изыскивать средства.

Дворяне откликнулись на призывъ своего предводителя и прислали ему около тысячи руб. (974 руб. 30 коп.) Часть ихъ была употреблена на пристройку къ дому Ѳ. В. и А. Ѳ. Вырскихъ одной большой комнаты для класснаго помѣщенія дѣвочекъ, часть пошла на покупку учебныхъ пособій и на обувь дѣтямъ бѣдныхъ родителей, а остальныя на всякій случай положены были для храненія въ мѣстную дворянскую опеку. Расширеніе помѣщенія школы дало въ результатѣ то, что въ 1862 г. мальчиковъ въ ней было 110 человѣкъ, а дѣвочекъ 130, всего 240 человѣкъ. Для уѣзднаго городка съ осьми-тысячнымъ населеніемъ это была громадная школа для того времени.

Затѣмъ, и св. синодъ, по высочайше утвержденному опредѣленію своему отъ 21 августа 1861 г., вслѣдствіе ходатайства владыки Григорія, руководившагося въ этомъ случаѣ вліяніемъ Виктора Антоновича, наградилъ Ѳедора Васильевича золотой медалью на александровской лентѣ, съ надписью: за усердіе, и сверхъ того, прислалъ изъ своихъ средствъ 200 руб., а Александрѣ Ѳедоровнѣ прислалъ въ подарокъ 150 руб. Вознагражденіе это за тяжелый трудъ распространенія грамотности, длившійся непрерывно на пространствѣ цѣлыхъ десятковъ лѣтъ, было конечно не особенно щедрое; но Ѳ. В. и А. Ѳ. Вырскіе, нѣтъ сомнѣнія, не имѣли бы совсѣмъ никакого, если бы на дѣятельность ихъ не обратилъ вниманія Викторъ Антоновичъ. О всѣхъ этихъ наградахъ, какъ объ исключительномъ, рѣдкомъ событіи, оповѣщено было въ Московскихъ и губернскихъ Вѣдомостяхъ.

Викторъ Антоновичъ такъ дорожилъ этой школой, такъ высоко ставилъ дѣятельность ея представителей и такъ заботился о дальнѣйшей судьбѣ ихъ и дѣла ихъ, что, оставляя Калужскую губернію, чтобы занять высшій постъ сенатора, просилъ преемника своего Э. В. Лерхе принять участіе въ школѣ и оказать содѣйствіе къ упроченію ея существованія.

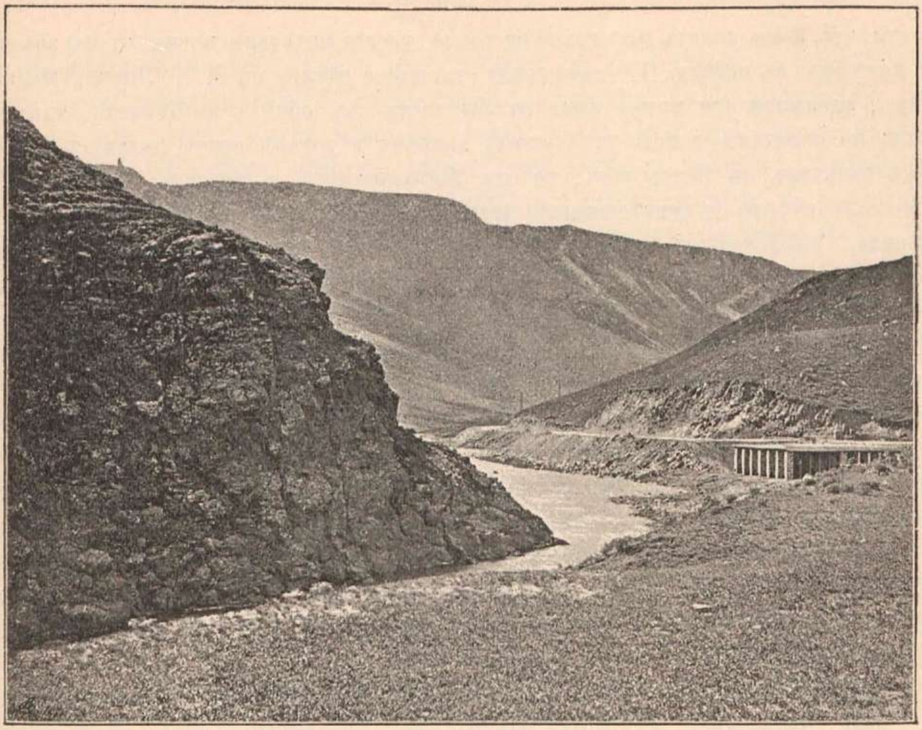
Слѣдуя завѣту Виктора Антоновича, владыка Григорій тоже внимательно относился къ школѣ и къ ея наставникамъ, отличалъ ихъ въ своемъ обращеніи съ ними. Въ 1863 году, когда настоятельныя требованія времени вызвали необходимость учрежденія въ калужской губерніи общаго учебнаго заведенія для дочерей лицъ духовнаго званія, владыка Григорій, бывши въ Козельскѣ, пригласилъ къ себѣ Ѳ. В. и А. Ѳ. Вырскихъ, принялъ ихъ съ несвойственною ему благосклонностью и уговорилъ открыть въ ихъ домѣ училище исключительно только для дѣвицъ духовнаго званія.—Можно представить себѣ, какой же гигантскій трудъ несли Ѳ. В. и А. Ѳ. Вырскіе, имѣя на рукахъ двѣ школы! Но они не изнемогали подъ тяжестью этого труда, вели свое дѣло съ отличавшими ихъ любовью и преданностью, и въ 1866 г. Ѳедоръ Васильевичъ почтенъ былъ благодарственнымъ оффиціальнымъ письмомъ бывшаго тогда оберъ-прокуроромъ при св. синодѣ, графа Д. А. Толстаго.

Къ сожалѣнію, письмо это было послѣднимъ торжествомъ Ѳ. В. и день полученія его былъ однимъ изъ послѣднихъ свѣтлыхъ дней его жизни. Попечительный совѣтъ, учрежденный по доброй инициативѣ Виктора Антоновича, распался съ его выѣздомъ изъ Калуги. Епархіальное женское училище, просуществовавъ 16 лѣтъ и обучивъ массу дѣвицъ, было переведено въ Калугу, какъ городъ наиболѣе центральный для всей епархіи. Ѳедоръ Васильевичъ потерялъ потомъ зрѣніе и долженъ былъ оставить службу при церкви. Перемѣщеніе епархіальнаго училища въ Калугу, невозможность уплатить долгъ за долгъ, купленный для училища по настоянію владыки Григорія, отказъ въ обезпеченіи старости и были причиной потери зрѣнія Ѳедоромъ Васильевичемъ. Но по своей привязанности къ любимому школьному дѣлу, онъ, когда эпархіальное училище опять переименовано было въ приходское, продолжалъ быть полезнымъ ему, оставивъ себѣ лишь преподаваніе дѣтямъ закона Божія. Не обезпечивъ Ѳедора Васильевича, владыка ничѣмъ не обезпечилъ и Александру Ѳедоровну, да еще оставилъ ее съ неоплаченнымъ долгомъ за домъ. А между тѣмъ, и надъ ея головой нависла ужъ старость. Но она не мѣшаетъ ей по прежнему энергично и неустанно трудиться на любимомъ, дорогомъ своемъ поприщѣ, и въ 1887 году, когда открылся усиленный запросъ на церковно-приходскія школы, она откликнулась на этотъ запросъ, открыла у себя такую школу, не смотря на отсутствіе всякаго поощренія съ чьей бы то ни было стороны, и даже на противодѣйствіе, непріятности и огорченія...

Но какъ ни тяжелъ и теменъ бываетъ иногда трудовой жизненный путь человѣка, все же есть у него свѣтлыя звѣзды, къ которымъ обращаетъ онъ скорбные глаза свои и находитъ въ нихъ отраду, успокоеніе и нравственныя силы для дальнѣйшаго своего трудоваго пути. Такой свѣтлой, отрадной звѣздой служили для Ѳедора Васильевича и служатъ для Александры Ѳедоровны воспоминанія о Викторѣ Антоновичѣ. Вотъ что пишетъ она своему знакомому, отъ 14 ноября 1893 г., слѣдовательно черезъ тридцать слишкомъ лѣтъ послѣ выѣзда Виктора Антоновича изъ Калуги: „мы съ батюшкой всегда вспоминали и вспоминаемъ о содѣйствіи и живомъ участіи Виктора Антоновича намъ и нашей школѣ и этими отрадными воспоминаніями о прошедшемъ утѣшаемъ себя въ трудныя минуты жизни».—И благо тому, кто оставилъ по себѣ такія свѣтлыя, ободряющія воспоминанія!

28 февраля 1894 г. Москва.

Н. С.

Карсское ущелье.

Графъ Мих. Тар. Лорисъ-Меликовъ

въ воспоминаніяхъ Н. А. Бѣлоголоваго).*

1878—1888.

I.

Я въ первый разъ познакомился съ гр. Лорисъ-Меликовымъ**) весной 1878 г., будучи приглашенъ къ нему однажды, какъ врачъ.—Былъ у меня въ Петербургѣ старинный паціентъ и большой пріятель генералъ А. П. Богусловскій, начальникъ иррегулярныхъ войскъ, человѣкъ очень достойный, а потому я, не смотря

*) Первоначально воспоминанія Н. А. Бѣлоголоваго появились въ *Русской Старинѣ*.— Здѣсь добавлены нѣкоторые варіанты и подробности изъ дневника Бѣлоголоваго, любезно сообщеннаго въ рукописи вдовою его, С. П. Бѣлоголововою. *Ред.*

**) Лорисъ-Меликовъ, Михаилъ Таріеловичъ, графъ (1826 † 88) изъ армянъ Тифлисской губ. Въ 1843 г. выпущенъ изъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ въ лейбъ-гвард. Гродненскій полкъ. Съ 1843 г. состоялъ при главнокомандующемъ кавказ. корпусомъ кн. Воронцовѣ, участвовалъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ и получилъ золотую

на то, что былъ занятъ практикой по горло, всегда находилъ время, чтобы заѣхать къ нему разъ въ недѣлю. Его связывала старинная дружба съ М. Т. Лорисъ-Меликовымъ, завязавшаяся между ними въ бытность ихъ обоихъ на Кавказѣ, такъ что когда по окончаніи войны увѣнчанный лаврами и дотолѣ почти неизвѣстный Лорисъ пріѣхалъ въ Петербургъ, то отъ Богусловскаго я тотчасъ же объ этомъ услыхалъ вмѣстѣ съ неистощимыми похвалами его уму и образованію, и едва ли прошло 2—3 недѣли послѣ этого пріѣзда, какъ онъ передалъ мнѣ желаніе Лориса посовѣтоваться со мной о своемъ здоровьи. Я въ это время работалъ до изнеможенія и рѣшительно избѣгалъ расширенія своей практики и держался строго системы не брать на руки новыхъ больныхъ, а потому, не смотря на просьбы Богусловскаго и собственное желаніе познакомиться съ Лорисомъ я на отрѣзъ отказался ѣхать къ послѣднему и предложилъ ему въ замѣнъ себя одного изъ своихъ медицинскихъ друзей. Въ слѣдующій визитъ мой къ Богусловскому, послѣдній мнѣ сказалъ: «а знаете что? Лорису рекомендованный вами врачъ не внушаетъ довѣрія и онъ опять пристаетъ ко мнѣ, чтобы вы къ нему заѣхали»? Я опять отвертѣлся и предложилъ ему опять другого врача, постарше и поопытнѣе перваго; но и съ этимъ повторилась таже самая исторія, такъ что мнѣ ничего не оставалось болѣе, какъ поѣхать самому, что я и исполнилъ при первой возможности.

Лорисъ проживалъ тогда на небольшой квартирѣ на Сергіевской улицѣ въ домѣ Васильевой въ 3-мъ этажѣ; онъ встрѣтилъ меня очень дружелюбно и съ разу очаровалъ своею простотою и въ то же время разносторонностью своего разговора. Ему было въ то время 54 года и онъ представлялъ человѣка средняго роста съ типичною физіономіею восточнаго человѣка: черные какъ смоль волосы и усы, черные, чрезвычайно выразительные съ бархатистой мягкостью глаза и непомѣрно длинный носъ; движенія быстры и граціозны, замѣчательно изящная, какъ-бы женская рука. Медицинскій осмотръ мой занялъ большую часть визита, исторія болѣзни была длинная, Лорисъ уже много лѣтъ страдалъ кровохарканіями, много лѣчился отъ нихъ и между прочимъ у Шкода, дружескую близость съ которымъ онъ особенно постарался выставить на видъ; я его изслѣдовалъ и тутъ въ первый разъ пришелъ въ ужасъ оттого, до какой степени онъ баловалъ себя кутаньемъ; подъ мундиромъ

саблю „за храбрость". Послѣ паденія Карса въ 1855 г. былъ назначенъ начальникомъ Карской области; въ 1856 г. произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ начальникомъ южн. Дагестана, а въ 1863 г.—начальникомъ Терской области; въ 1865 г. пожалованъ ген.-адъютантомъ и назначенъ наказн. атаманомъ Терскаго казач. войска. Въ 1875 г. произведенъ въ ген. отъ кавалеріи и въ послѣднюю войну командовалъ дѣйствующимъ корпусомъ; въ концѣ апрѣля 1877 г. взялъ штурмомъ Ардаганъ, за что получилъ Георгія 3 ст. Послѣ неудачной битвы у Зевина долженъ былъ отступить въ ожиданіи подкрѣпленій; по прибытіи ихъ разбилъ Мухтаръ-пашу, за что получилъ Георгія 2 степ. Затѣмъ предпринялъ штурмъ Карса и за взятіе его былъ награжденъ Владиміромъ 1 степ. съ мечами. Въ 1878 г. Л. возведенъ въ графское достоинство; въ 1879 г. съ появленіемъ чумы въ Ветлянкѣ, назнач. астраханскимъ ген.-губернаторомъ; потомъ былъ харьковск. генералъ-губернаторомъ. Въ 1880 г. назначенъ начальникомъ верховной распорядительной коммиссіи съ чрезвычайными полномочіями; въ августѣ того же года назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, при немъ случилось страшное событіе 1 марта 1881 года. 4 мая того же года, по разстроенному здоровью, Л. уволенъ отъ должности министра.

онъ носилъ длинный шелковый и простеганный на ватѣ жилетъ и кромѣ того 2 или 3 толстыхъ фуфайки и, когда я сталъ раздѣвать, чтобы изслѣдовать его грудь, то онъ видимо уступилъ мнѣ въ этомъ очень неохотно, боясь простудиться. Легкія я нашелъ слабыми, затронутыми когда то бывшимъ, но пріостановившимся интерстиціальнымъ процессомъ, въ данную минуту не имѣвшимъ ничего серьознаго, и потому счелъ особенно необходимымъ успокоить графа, замѣтивъ въ немъ сильную наклонность къ преувеличенію своего болѣзненнаго состоянія. Моя аттестація его легкихъ видимо его успокоила. «Ну и прекрасно», сказалъ онъ, «только бы поскорѣе вырваться изъ вашего адскаго Петербурга; тутъ не только климатъ не мой, а и всѣ свычаи и обычаи вашей столичной жизни; я, 25 лѣтъ сподрядъ проживши на Кавказѣ, привыкъ къ здоровой, правильной жизни, рано ложиться, рано вставать, ѣсть простую пищу и пить мое родное Кахетинское, которое не могутъ замѣнить никакія лучшія французскія вина. Здѣсь же я по неволѣ осужденъ таскаться по баламъ, обращать ночь въ день и начинять себя разными трудноваримыми деликатесами. Сплю и вижу, какъ бы меня поскорѣе отпустили домой».—На этомъ мы и разстались,—и я вынесъ изъ этого свиданія самое пріятное впечатлѣніе о Лорисъ-Меликовѣ, какъ о человѣкѣ весьма умномъ, образованномъ и не зараженномъ напускною важностію и неестественною деревянностью, какія я привыкъ встрѣчать въ Петербургскихъ сановникахъ.

II.

Слѣдующая встрѣча наша произошла въ 1884 году при совершенно иной обстановкѣ. За эти 6 лѣтъ для насъ обоихъ много утекло воды; не только въ судьбѣ графа, но и въ моей случилась капитальная перемѣна. Занимаясь не въ мѣру, т. е. не по своимъ силамъ, практикою въ Петербургѣ, я, къ концу 25-ти лѣтія своей медицинской дѣятельности, вдругъ, что называется, надорвался, почувствовалъ ясные признаки мозговаго переутомленія и лѣтомъ 1879 года выѣхалъ за границу съ надеждою, что одного года отдыха отъ утомительной практики вполнѣ будетъ достаточно, чтобы меня освѣжить и снова подвинтить на работу.

Перемѣна, постигшая графа Лориса за эти шесть лѣтъ, была еще несравненно разительнѣе, и, имѣя въ виду, что она болѣе или менѣе всѣмъ извѣстна, излагать ее было бы излишне. Онъ тоже съ 1881 года былъ не у дѣлъ и тоже съ расшатанными силами мыкался по лицу западной Европы, ища возстановленія ихъ. Никакъ нельзя сказать про него, чтобы онъ переносилъ охотно и легко свое выселеніе изъ Россіи и не старался избѣжать его; такъ, зиму 1883—1884 года онъ всю провелъ въ Петербургѣ, но уже въ началѣ ея, а именно въ декабрѣ, схватилъ какую-то лихорадочную инфекціонную болѣзнь, то-ли тифъ, то-ли возвратную горячку, и къ которой, какъ осложненіе, присоединилось подострое воспаленіе верхушки лѣваго легкаго, такъ что съ декабря по 20-ыя числа

апрѣля пролежалъ въ постели и, съ наступленіемъ первыхъ весеннихъ дней, по совѣту проф. Боткина, прямо съ кровати былъ перевезенъ въ вагонъ Варшавской желѣзной дороги и отправленъ въ Висбаденъ съ тѣмъ, чтобы на зиму переѣхать въ Ниццу. [1]) Привожу этотъ фактъ, какъ доказательство, что графъ проживалъ за границей вслѣдствіе своего разстроеннаго здоровья, а никакъ не по доброй волѣ, какъ это утверждали многіе, упрекавшіе его въ абсентеизмѣ, — и почти навѣрное можно сказать, что только благодатный климатъ юга позволилъ ему протянуть свою жизнь на нѣсколько лишнихъ лѣтъ; оставайся онъ въ Петербургѣ,—его раньше не было бы въ живыхъ.

Вотъ послѣ этого-то его выѣзда въ 1884 году изъ Петербурга, я съ женой, въ іюнѣ, тоже попалъ въ Висбаденъ съ тѣмъ, чтобы прожить тамъ лѣто и начало осени до переселенія въ Ментону, мѣсто моей тогдашней зимовки. Просматривая однажды листокъ для пріѣзжихъ я увидѣлъ въ числѣ русскихъ фамилій—фамилію графа Лориса и зашелъ къ нему, чтобы возобновить наше знакомство. Жилъ онъ далеко отъ меня, на противоположномъ концѣ города, занимая небольшую меблированную квартиру, содержимую петербургской нѣмкой Франкъ, и отъ нея же пользовался столомъ; вся обстановка жизни была на холостую ногу; при немъ находился только его русскій лакей, а вся семья проводила лѣто въ Гомбургѣ, въ полутора часахъ ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ Висбадена, и графиня съ дочерьми изрѣдка пріѣзжала навѣстить мужа. Принялъ онъ меня очень привѣтливо, какъ стараго знакомаго, и съ этого же свиданія между нами установились сразу самыя искреннія и дружескія отношенія, чему, вѣроятно, не мало способствовало нѣкоторое сходство въ нашемъ подневольномъ скитаніи вдали отъ родины, хотя я и чувствую очевидное преувеличеніе, приравнивая мою скромную дѣятельность и незамѣтное существованіе къ такому видному кораблю, какимъ былъ гр. Лорисъ. Помню, что онъ меня встрѣтилъ словами: «я слышалъ, что вы очень скучаете, я тоже; давайте, составимъ, какъ говоритъ Шекспиръ, одно горе: вдвоемъ намъ и скучать будетъ веселѣе»; и затѣмъ съ устъ его полилась такая искренняя, скорбная рѣчь о своей безцѣльной, праздной

[1]) Изъ дневника Бѣлоголоваго: „Лорисъ разсказалъ мнѣ, какъ онъ въ 1-й разъ выѣхалъ за границу въ 1867 г. изъ Крыма, куда выѣзжалъ съ Кавказа для представленія Царю, и только что получилъ генералъ-адьютантское званіе. По неопытности онъ поѣхалъ не въ статскомъ платьѣ а въ военномъ, т. е. въ вицъ-мундирѣ, безъ аксельбантовъ, но съ шифромъ А на плечахъ. Пріѣхавши въ первый для него заграничный городъ Краковъ утромъ, онъ остановился въ отелѣ и тотчасъ же спустился въ столовую, чтобы позавтракать, занялъ мѣсто на одномъ концѣ длиннаго стола и заказалъ себѣ котлетку. Кромѣ него—только на противоположномъ концѣ стола—сидѣло человѣкъ 8 офицеровъ, очевидно, мѣстнаго гарнизона, говорившихъ между собой на польскомъ языкѣ, котораго Лорисъ не зналъ. А въ этомъ году, послѣ исторіи покушенія Березовскаго, общественное мнѣніе въ Польшѣ было особенно сильно возбуждено противъ русскихъ. Когда Лорисъ занялъ свое мѣсто, то увидалъ, что офицера обратили на него большое вниманіе, что-то вполголоса поговорили между собою, а затѣмъ повели громкій разговоръ, и изъ непріязненныхъ взглядовъ, бросаемыхъ на него, вызывающаго хохота и замѣтнаго подчеркиванья фразъ Лорисъ понялъ, что разговоръ ведется если не про него, то во всякомъ случаѣ съ намѣреніемъ, чтобы онъ обратилъ на него вниманіе. Лорисъ силился схватить, въ чемъ дѣло и едва едва могъ понять, что они сначала трунили надъ бывшимъ съ ними тутъ же военнымъ врачемъ по поводу того, что онъ куда то отлучился безъ разрѣшенія

жизни въ настоящемъ, такая откровенная исповѣдь своихъ промаховъ и ошибокъ въ прошломъ, что разстояніе, отдѣлявшее насъ, тотчасъ же рушилось, и я увидалъ передъ собой не царедворца, не важную персону, а обыкновеннаго человѣка, безъ всякой драпировки и фразъ, въ его неподдѣльной натурѣ, близко родственной мнѣ по духу, и почувствовалъ къ нему неодолимое влеченіе. Теперь, когда графа уже нѣтъ въ живыхъ, и я не разъ задавалъ себѣ вопросъ, какъ

Графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ.

начальства на нѣсколько дней и грозили, что начальство, узнавши объ этомъ, сошлетъ его въ Сибирь, и вслѣдъ затѣмъ начались громкія остроты на счетъ Сибири, кнута, царя и т. п. — Лорисъ хотя и не понималъ соли этихъ шутокъ, но чувствовалъ, что онѣ направлены въ него и сталъ подумывать, какъ ему выдти съ честью изъ этого неловкаго положенія: встать и уйти тотчасъ же, не дождавшись заказанной котлетки, которую какъ на зло долго не несли, походило бы на бѣгство, притомъ проходить къ выходной двери ему нужно было мимо офицеровъ и тѣ могли его или освистать или сдѣлать ему какую нибудь равносильную пакость, а потому онъ рѣшилъ, какъ покончитъ свою котлетку и расплатится, уходя, обратиться съ

могла завязаться такая дружеская короткость, полная молодаго увлеченія, между двумя пожилыми людьми съ столь противоположными темпераментами, между графомъ съ его южной, живой и экспансивной натурой и мною, сыномъ ледяной Сибири, замкнутымъ и несообщительнымъ, между веселымъ и остроумнымъ аѳиняниномъ и суровымъ аскетическимъ спартанцемъ? я долженъ признать безъ всякаго самоуничиженія, что въ данномъ случаѣ Кавказъ покорилъ Сибирь, а не наоборотъ, и что весь дѣятельный починъ въ установкѣ правды и естественности между нами долженъ быть цѣликомъ отнесенъ къ графу. Не могу знать, чѣмъ онъ дорожилъ во мнѣ; я же въ немъ, помимо разносторонняго и пріятнаго ума, высоко цѣнилъ его человѣчность, его горячую вѣру въ прогрессъ, его простоту и честность въ отношеніяхъ. Не смотря на его типичную армянскую внѣшность, въ внутреннемъ его складѣ не было ничего инородческаго; говорилъ онъ превосходнымъ русскимъ языкомъ съ печатью литературной обработки, хотя нерѣдко уснащивалъ его разными простонародными поговорками, въ родѣ, наприм., «тара бара, крута гора», «мели, Емеля, твоя недѣля», и т. п., за русской литературой онъ слѣдилъ съ большою любовью, до послѣдняго времени удерживалъ въ памяти множество стиховъ Пушкина, Лермонтова, Некрасова и др. и нерѣдко цитировалъ ихъ въ разговорѣ, любилъ также проводить остроумныя изреченія Салтыкова, котораго былъ большимъ поклонникомъ. Хотя онъ и горячо любилъ свою кавказскую родину, но любовь эта была отодвинута на второй планъ въ его сердцѣ, первое же мѣсто въ немъ занимала Россія, какъ цѣлое, и графа смѣло можно было назвать русскимъ патріотомъ въ лучшемъ значеніи слова. Ничѣмъ не отличаясь отъ русскаго образованнаго человѣка, онъ лишенъ былъ одного изъ крупныхъ національныхъ недостатковъ его, а именно, въ немъ не было того мелочнаго самолюбія, которое безпрестанно у насъ приводитъ къ тому, что умные и въ сущности совсѣмъ единомышленные люди легко готовы изъ-за самаго пустого слова или ничтожнаго пререкательства рассориться, сдѣлаться чуть не вѣчными и непримиримыми врагами и пожертвовать, такимъ образомъ, интересами коллективнаго блага—пустой личной обидѣ самому мелкому недоразумѣнію. Графъ же отличался, напротивъ, терпимостью къ чужимъ мнѣніямъ, не былъ мелочно обидчивъ и, не считая себя непогрѣшимымъ, всегда спокойно и внимательно выслушивалъ возраженія; это, вѣроятно, и дало поводъ обвинять его характеръ въ чрезмѣрной гибкости, податливости и даже въ азіатской хитрости, что было, по моему мнѣнію, совершенно несправедливо, ибо, охотно выслушивая всякія мнѣнія, онъ оставался на рѣдкость устойчивъ въ

спокойною рѣчью на французскомъ языкѣ къ этой компаніи и вызвать старѣйшаго среди нея на дуэль. Покуда онъ обдумывалъ свою рѣчь, пришелъ еще какой-то пожилой и, вѣроятно, старшій штабъ офицеръ и занялъ въ кругу присутствующихъ предсѣдательское мѣсто; товарищи тотчасъ же ему, должно быть, сообщили о предметѣ своей бесѣды; но онъ, какъ болѣе опытный человѣкъ, внимательно осмотрѣлъ Лориса и его мундиръ и что то вполголоса и внушительно сказалъ товарищамъ,—и шутки тотчасъ же прекратились. А когда черезъ нѣсколько времени Лорисъ, съѣвши наконецъ свою котлету, направился мимо компаніи къ выходу, готовый дать отпоръ всякому новому оскорбленію, онъ съ удивленіемъ услыхалъ сначала, какъ загремѣли стулья, и съ неменьшимъ удивленіемъ увидалъ, что вся компанія выстроилась и почтительно поклонилась ему при его проходѣ».

своихъ основныхъ убѣжденіяхъ и его нельзя было сбить съ нихъ. Терпимость же къ постороннимъ и часто враждебнымъ ему взглядамъ, напротивъ, служила лучшимъ признакомъ той ширины ума, которая и дѣлала изъ него истиннаго государственнаго человѣка, преслѣдующаго главную намѣченную имъ государственную цѣль, не позволяя отвлекать себя отъ нея никакими второстепенными препятствіями и меньше всего уколами личнаго самолюбія. По политическимъ своимъ убѣжденіямъ—это былъ умѣренный постепеновецъ, который не мечталъ ни о какихъ коренныхъ переворотахъ въ государственномъ строѣ и признавалъ ихъ положительно пагубными въ неподготовленныхъ обществахъ, но, непоколебимо вѣруя въ прогрессъ человѣчества и въ необходимость для Россіи примкнуть къ его благамъ, крѣпко стоялъ на томъ, что правительству необходимо самому поощрять постепенное развитіе общества и руководить имъ въ этомъ направленіи. Поэтому онъ былъ за возможно широкое распространеніе народнаго образованія, за нестѣсняемость науки, за расширеніе и большую самостоятельность самоуправленія и за привлеченіе выборныхъ отъ общества къ обсужденію законодательныхъ вопросовъ въ качествѣ совѣщательныхъ членовъ. Дальше этого его реформативные идеалы не шли и они, съ точки зрѣнія западнаго европейца, едва ли могутъ быть названы иначе, какъ весьма скромными и узкими; у насъ же реакціонная печать нашла ихъ чуть не революціонными и, окрестивъ ихъ названіемъ лже-либеральныхъ, осыпала графа глумленіемъ, стараясь выставить его чуть не врагомъ отечества. Нельзя не добавить, что ко всѣмъ этимъ преслѣдованіямъ и клеветамъ самъ онъ относился очень благодушно и незлобиво и однажды выразился по этому поводу такъ: «далась же имъ эта диктатура сердца! и неужели Катковъ серьезно думаетъ меня уязвить такой лестной кличкой, которой, на самомъ дѣлѣ, я могу лишь гордиться и особенно въ такое жесткое и злобствующее время, какъ наше? да вѣдь я бы почелъ для себя самой величайшей почестью и наградой, если бы на моемъ могильномъ памятникѣ вмѣсто всякихъ эпитафій помѣстили только одну эту кличку».

Черезъ день послѣ моего перваго посѣщенія графъ заѣхалъ ко мнѣ на квартиру, познакомился съ моей женой и высказалъ снова такое искреннее желаніе сойтись покороче, что мы стали видаться довольно часто. Въ это лѣто себя онъ чувствовалъ настолько порядочно, что всякій день выѣзжалъ, и обыкновенно выйдя изъ экипажа, прохаживался нѣкоторое пространство пѣшкомъ. Положеніе его тогда было еще не выяснено и трудно было считать его окончательно сошедшимъ со сцены, а потому знакомствомъ его дорожили, и онъ рѣдко бывалъ дома одинъ; въ Висбаденѣ проживало много русскихъ и большинство изъ нихъ, время отъ времени, навѣщало его, а изъ старыхъ знакомыхъ не мало было такихъ, которые заѣзжали въ Висбаденъ нарочно для свиданья съ нимъ. Лѣчившіеся въ этотъ сезонъ въ Висбаденѣ датскій и греческій короли и пріѣзжавшій къ нимъ въ гости принцъ уэльскій также побывали у него; не разъ встрѣчалъ я въ его кабинетѣ принца нассаускаго Николая и супругу его—графиню Моренбергъ, дочь поэта Пушкина. Я, какъ человѣкъ мало общественный, не съ особенной охотой заходилъ къ графу, зная, что у него неизбѣжно наткнешься на какое нибудь новое знакомство, а потому тѣмъ болѣе бывалъ радъ, когда его ландо подъѣзжало подъ балконъ моей квартиры и онъ вызывалъ

меня, чтобы узнать, дома ли я и можно ли съ часокъ поболтать? — тогда можно было съ нимъ бесѣдовать по душѣ, не стѣсняясь присутствіемъ незнакомыхъ лицъ.

Къ осени мы такъ сдружились, что когда подошло время разставаться и перекочевывать на наши зимнія стоянки, графъ сталъ поговаривать о томъ, что онъ хочетъ измѣнить Ниццѣ и поселиться у насъ въ Ментонѣ и очень огорчился, когда я возсталъ противъ этого плана на томъ основаніи, что онъ въ Ментонѣ навѣрное скоро соскучится. Между образомъ жизни Ниццы и Ментоны разница огромная: первая—большой, оживленный городъ, нѣчто въ родѣ обширнаго между-народнаго каравансарая, вѣчно кишащаго не столько трудными больными, сколько или туристами, или страстными игроками въ рулетку, или, наконецъ, богатыми и праздными людьми, ищущими теплаго солнца и вѣчнаго лѣта въ роскошной рамкѣ живописной природы и при всевозможныхъ удобствахъ и развлеченіяхъ большого города,—тогда какъ Ментона есть скорѣе не что иное, какъ госпиталь, переполненный тяжелыми и почти исключительно чахоточными больными, дни которыхъ болѣе или менѣе сочтены и все вниманіе, какъ ихъ самихъ, такъ и сопровождающихъ ихъ больныхъ, поглощено лѣченіемъ и наблюденіемъ за уходомъ. Покуда воздухъ нагрѣвается горячимъ солнцемъ, всѣ эти изможденные болѣзнью страдальцы, изъ которыхъ $^3/_4$ приговорено къ близкой смерти, бродятъ, какъ дантовскія тѣни, по улицамъ или набережной городка или сидятъ на скамейкахъ общественнаго сада или даже посѣщаютъ другъ друга, но, какъ только солнце начинаетъ приближаться къ закату, они спѣшатъ закупориться въ своихъ квартирахъ и отеляхъ, и зимой Ментона съ 4-хъ часовъ вечера превращается въ совершенно пустынный и мертвый городъ. Мнѣ, при моихъ наклонностяхъ, такая жизнь была совсѣмъ по вкусу, но казалось болѣе чѣмъ сомнительнымъ, чтобы графъ съ его живымъ и общительнымъ нравомъ могъ удовлетвориться такой меланхолической и однообразной обстановкой и не впасть въ хандру. И онъ убѣдился резонностью этихъ доводовъ, и мы разъѣхались по своимъ зимнимъ станціямъ, условившись, что будемъ навѣщать другъ друга, такъ какъ разстояніе между Ниццой и Ментоной составляетъ не много болѣе часа ѣзды по желѣзной дорогѣ.

Я такъ и устроился, что всю зиму разъ или два въ мѣсяцъ забирался въ Ниццу, обыкновенно съ женой, на полдня, успѣвалъ сдѣлать нѣсколько визитовъ, и затѣмъ мы обѣдали у графа и проводили съ нимъ 3—4 часа. Семья его на эту зиму уѣзжала въ Петербургъ, а потому онъ жилъ одинъ въ небольшой, но очень удобной квартирѣ съ неизмѣннымъ своимъ лакеемъ Осипомъ, а завтракъ и обѣдъ ему приносили отъ хорошаго повара со стороны. Хозяинъ онъ былъ весьма радушный и хлѣбосольный и угощалъ насъ на славу; самъ же ѣлъ очень умѣренно и пилъ исключительно свое родное Кахетинское вино, которое выписывалъ съ Кавказа и возилъ съ собою повсюду въ путешествіяхъ. Здоровье его шло довольно сносно, и хотя онъ продолжалъ жаловаться на него и сильно кашлять, однако, старался выѣзжать и пользоваться воздухомъ и только къ намъ въ Ментону такъ-таки и не рискнулъ пріѣхать ни разу, изъ боязни простудиться дорогой въ вагонѣ. Но какъ онъ ни бодрился духомъ и ни старался встрѣчать насъ весело, но ужъ самая радость эта показывала, какъ онъ сильно ску-

чаетъ безъ семьи и безъ всякой дѣятельности. Кто-то довольно остроумно сравнилъ его пребываніе въ Ниццѣ съ положеніемъ Прометея, прикованнаго къ скалѣ и терзаемаго, но не коршунами, а воронами и сороками. Знакомыхъ у него въ Ниццѣ было много, даже черезъ-чуръ много, потому что большинство ихъ принадлежало къ тому разряду пустыхъ и безпринципныхъ русскихъ туристовъ, наводняющихъ Ниццу, для которыхъ весь житейскій интересъ сосредоточивается на переносѣ изъ дома въ домъ разныхъ сплетенъ и новостей изъ хроники монтекарлійской рулетки; графъ очень тяготился посѣтителями этого рода, а между тѣмъ отказать имъ въ пріемѣ у него не хватало мужества. Но въ числѣ его гостей бывали и такіе, приходу которыхъ онъ искренно радовался, ибо изъ бесѣдъ съ ними онъ извлекалъ много для себя новаго и поучительнаго,—и къ такимъ знакомствамъ въ описываемую зиму слѣдуетъ отнести французскаго сенатора Рено, извѣстнаго прусскаго магната графа Генкель фонъ-Доннерсмарка и еще нѣсколькихъ другихъ личностей. Большую же часть дня графъ проводилъ за чтеніемъ; газетъ, какъ русскихъ, такъ и французскихъ, онъ читалъ много и, слѣдя съ увлеченіемъ за текущею политикою, онъ почти не пропускалъ ни одного выдающагося сочиненія по политическимъ и политико-экономическимъ наукамъ, любилъ всегда потолковать по поводу прочитаннаго, потому что, ничего не беря на вѣру, относился ко всякой книгѣ критически, пропуская ея содержимое, такъ сказать, черезъ фильтръ собственнаго всегда дѣятельнаго, всегда работающаго мышленія.

III.

Лѣтомъ 1885 года мы снова съѣхались въ Висбаденѣ вмѣстѣ, но этотъ разъ графъ уже жилъ съ семьей, т. е. съ женой и 3 дочерьми, и два сына его, гвардейскіе офицеры, тоже пріѣзжали для свиданія съ родителями по окончаніи красносельскаго лагеря. Занималъ онъ бельэтажъ прекрасной виллы, расположенной на возвышенности, и съ балкона которой можно-было любоваться превосходнымъ видомъ на лежащій подъ ногами Висбаденъ и его окрестности, но графъ никогда не выходилъ на балконъ и не пользовался съ него ни видомъ, ни воздухомъ, ибо съ этого лѣта началъ все болѣе и болѣе заражаться воздухобоязнью и впадать въ самый не гигіеничный образъ жизни и все изъ страха, какъ-бы не простудиться. Страхъ этотъ принималъ характеръ своего рода маніи: мало того, что, не смотря на знойное лѣто, графъ не рѣшался снять съ себя хоть часть надѣтыхъ на себя фуфаекъ, онъ рѣдко позволялъ открыть окно въ своей спальнѣ, гдѣ и обѣдалъ и проводилъ большую часть дня, сидя или передъ письменнымъ столомъ, или въ креслѣ посреди комнаты; бывало, придешь къ нему, просидишь часъ или полтора и уходишь съ тяжолой головой и какъ ошалѣлый отъ этой тепличной атмосферы, въ которой къ тому же столбомъ стоялъ табачный дымъ, такъ какъ графъ безпрестанно жегъ свои толстыя крученыя папиросы; выѣзды на воздухъ все становились рѣже и рѣже. Напрасны были усилія

доказать несомнѣнную пагубу такого образа жизни, онъ ничего не хотѣлъ слушать, а если иногда и соглашался съ справедливостью такихъ указаній, то не въ силахъ былъ побороть въ себѣ свой безотчетный страхъ. А между тѣмъ это постоянное пребываніе въ искусственно созданной паровой ваннѣ до того избаловало его кожу, что онъ, почти не выходя изъ комнаты, то и дѣло получалъ насморкъ и обостренія кашля, и, наконецъ въ самой срединѣ жаркаго іюля схватилъ острый суставный ревматизмъ, уложившій его дней на десять въ кровать. Замѣчу здѣсь, что во время своихъ заболѣваній онъ прямо не обращался ко мнѣ, а посылалъ за кѣмъ нибудь изъ мѣстныхъ врачей; дѣлалъ это онъ, прежде всего, по своей крайней деликатности, избѣгая меня безпокоить, а частью оттого, что я, какъ врачъ объективной школы, не брался давать совѣтовъ на основаніи однихъ субъективныхъ показаній и жалобъ, а настаивалъ на непремѣнномъ изслѣдованіи органовъ; для графа же такое изслѣдованіе, связанное съ раздѣваніемъ, служило непреоборимымъ пугаломъ,—и изъ-за этого между нами всегда происходили жаркія схватки, кончавшіяся тѣмъ, что каждый сохранялъ свою прежнюю позицію. Лѣчась у другихъ, графъ все-таки не отправлялъ въ аптеку ни одного прописаннаго ему рецепта, не представивъ его прежде на мое одобреніе.

Лѣто, однако же, миновало для него довольно благополучно и не скучно, потому что, кромѣ круга обычныхъ висбаденскихъ знакомыхъ, къ нему часто пріѣзжалъ кто-нибудь погостить. Къ осени мы опять распрощались, съ тою только разницею, что онъ предстоявшую зиму проводилъ съ семьей въ Ниццѣ, я же—во Флоренціи, и сношенія наши поддерживались перепискою до іюня 1886 года, когда мы снова съѣхались въ Висбаденѣ.

IV.

Для графа сезонъ 1886—1887 г. въ Ниццѣ вышелъ далеко неудачнымъ. Въ эту зиму въ февралѣ произошло, какъ извѣстно, на побережьи Средиземнаго моря жестокое землетрясеніе, отъ котораго сильно пострадала и Ницца и въ ней много домовъ было разрушено; послѣ главной катастрофы легкія сотрясенія продолжались долго и поддерживали панику вслѣдствіе ожиданія новыхъ несчастій, а потому всѣ пріѣхавшіе на зимовку иностранцы спѣшили уѣхать поскорѣе подальше, въ болѣе безопасныя мѣста—и городъ быстро опустѣлъ. Графъ за все это время всеобщаго труса и заразительной паники выказалъ замѣчательную неустрашимость: онъ не только не подумалъ покинуть Ниццу, не только не вышелъ изъ своего нѣсколько пострадавшаго отъ землетрясенія дома и не переселился въ палатку на площадь или за городъ, какъ это сдѣлала почти вся иностранная колонія, а остался въ своей спальнѣ, гдѣ какъ разъ треснула стѣна, къ которой была приставлена его кровать, и стѣна эта могла, при новомъ сотрясеніи, повалиться прямо на него. Но все-же онъ не могъ не тревожиться если не за себя, то за свою семью, и то-ли вслѣдствіе этой подавляю

щей тревоги, то-ли по другой какой причинѣ, только чрезъ 3—4 недѣли послѣ землетрясенія у графа открылось небольшое кровохарканье, протянувшееся почти два мѣсяца, не смотря на дѣятельное лѣченіе. Всѣхъ знакомыхъ не мало поражало то, что этотъ мужественный человѣкъ, не испугавшійся землетрясенія и покойно спавшій подъ надтреснутой стѣной, перебывавшій на своемъ вѣку болѣе чѣмъ въ сотнѣ сраженій и кровавыхъ схватокъ, терялся, какъ малый ребенокъ, когда видѣлъ въ своей мокротѣ жилку крови, и падалъ духомъ до совершенной утраты самообладанія. Такая кажущаяся непослѣдовательность человѣческой натуры встрѣчается, однако же, часто и далеко не такъ рѣдки люди, истощенные хроническими болѣзнями, которые не только не боятся смерти, а ждутъ ея съ нетерпѣніемъ и даже иногда посягаютъ на самоубійство, но подобное равнодушіе къ жизни не мѣшаетъ имъ приходить въ отчаяніе отъ всякаго новаго болѣзненнаго припадка и преувеличивать опасное его значеніе; такое противорѣчіе, кажется, можно объяснить себѣ тѣмъ, что эти хроники боятся, какъ бы всякое новое болѣзненное явленіе не повлекло за собой не только новыя страданія, сколько еще большее изнуреніе нравственныхъ силъ въ борьбѣ съ физическимъ недугомъ. И чѣмъ сильнѣе былъ умъ человѣка и энергичнѣе воля, тѣмъ ему труднѣе примириться съ своею зависимостью отъ капризовъ больного тѣла и съ прогрессивнымъ возрастаніемъ своего духовнаго безсилія; Некрасовъ очень близко выразилъ это состояніе своимъ сжатымъ стихомъ: „хорошо умереть, тяжело умирать“. Такъ было и съ графомъ; хотя кровохарканье было незначительно и врачи не предусматривали никакой опасности, онъ впалъ въ состояніе полной прострацiи и смотрѣлъ на себя какъ на умирающаго; онъ вызвалъ немедленно своего старшаго сына изъ Петербурга и сдѣлалъ всѣ предсмертныя распоряженія. Когда же, къ концу апрѣля, кровь въ мокротѣ исчезла, онъ тотчасъ же ободрился и вскорѣ увѣдомилъ меня письмомъ о своемъ намѣреніи провести лѣто въ Веве и просилъ подыскать ему квартиру. Порученіе было не изъ легкихъ, потому что выборъ меблированныхъ виллъ и квартиръ въ нашемъ захолустномъ городкѣ крайне ограниченъ,—и мы съ женой рѣшили удержать для графа нѣсколько комнатъ въ одномъ изъ лучшихъ отелей, предоставляя семейству его, осмотрѣвшись, самому пріискать себѣ помѣщеніе по вкусу.

2-го іюня 1887 г. онъ пріѣхалъ съ семьей; мы встрѣтили ихъ на желѣзнодорожной станціи и водворили въ приготовленномъ помѣщеніи. Графа я нашелъ похудѣвшимъ, но бодрымъ и очень веселымъ; все ему нравилось, и тишина и скромная внѣшность нашего городка, и отдѣльный особнякъ изъ 4-хъ комнатъ, устроенный для него и семьи въ нижнемъ этажѣ отеля, и приготовленная для него большая комната съ большой террасой въ садъ, прилегавшій къ Женевскому озеру, и долженствовавшая служить ему спальней, кабинетомъ и салономъ. Я тотчасъ же ему высказалъ мучившую меня мысль, какъ бы онъ не соскучился въ Веве за цѣлое лѣто, такъ какъ здѣсь нѣтъ иныхъ развлеченій, кромѣ экскурсій, недоступныхъ для него по отдаленности; общества также не имѣется, ибо это далеко не столь посѣщаемое мѣсто, какъ Висбаденъ, который кромѣ осѣдлой русской колоніи, привлекаетъ къ себѣ лѣтомъ много отечественныхъ туристовъ, какъ пунктъ, съ одной стороны, лежащій вблизи главной трак-

товой дороги изъ Россіи къ большинству минеральныхъ водъ, — а съ другой, по удобствамъ жизни, представляющій счастливое сочетаніе городскаго комфорта съ дачными приспособленіями для людей, желающихъ пріятно и покойно отдохнуть лѣто. Веве же — небольшой городокъ въ 7,500 жителей, въ которомъ, кромѣ классически красиваго вида на озеро и обступившихъ его горъ, нѣтъ ничего и даже трудно отыскать тѣнистую прогулку, ибо ближайшія окрестности сплошь воздѣланы подъ виноградники; трудолюбивые туземцы заняты постоянно своимъ дѣломъ; ни русскаго, ни международнаго общества не заводится, и если отели городка лѣтомъ и переполняются туристами всевозможныхъ націй, то этотъ бродячій народъ въ немъ не осаживается, а, проведя день, много два, спѣшитъ далѣе для осмотра другихъ живописныхъ мѣстъ Швейцаріи и смѣняется новыми толпами. На всѣ высказываемыя мною опасенія графъ отвѣчалъ съ рѣшительною увѣренностью: «э! другъ любезный, повѣрьте, никого и ничего мнѣ не нужно; всѣ эти Ниццы и Висбадены съ ихъ обществами надоѣли мнѣ до такой тошноты, что я съ наслажденіемъ мечтаю, какъ отдохну здѣсь отъ нихъ; книгъ у насъ съ вами въ волю, газетъ по-горло, буду читать, а потомъ вы не откажетесь заходить ко мнѣ почаще и станемъ бесѣдовать».

Между нами установилось такъ, что я каждый день приходилъ къ нему около 5 часовъ и оставался почти до 7, и всегда заставалъ его полу-лежащимъ на кушеткѣ съ вытянутыми и прикрытыми пледомъ ногами. Казалось бы, трудно было придумать болѣе убійственную по однообразію обстановку для такой энергичной и дѣятельной натуры, но или графъ успѣлъ примириться съ такимъ однообразіемъ въ предшествовавшія 6 лѣтъ бездѣйствія, или же умѣлъ скрывать хорошо свои истинныя ощущенія, но только онъ не имѣлъ скучающаго вида, всегда былъ веселъ и привѣтливъ и неистощимъ на разговоры о политикѣ и на разсказы о разныхъ событіяхъ, которыми была такъ богата его жизнь. Политическіе разговоры наши передавать не берусь, между прочимъ, и потому именно, что, случаясь изо дня въ день, они касались всѣхъ ежедневныхъ перипетій европейской политической жизни, а такъ какъ мы оба отъ бездѣлья пожирали даже до излишества великое множество газетъ, то тема эта у насъ никогда не оскудѣвала и постоянно разнообразилась.

V.

Для общей характеристики взглядовъ графа Михаила Таріеловича, могу повторить только сказанное уже мною раньше о его политическихъ убѣжденіяхъ относительно благоустроенія Россіи и развѣ прибавить, что и въ обсужденіяхъ западно-европейской политики онъ всегда оставался на точкѣ зрѣнія послѣдовательнаго либерала, строго убѣжденнаго защитника органическаго прогресса, съ одинаковымъ несочувствіемъ относившагося ко всѣмъ явленіямъ, задерживающимъ нормальный ростъ и правильное развитіе народовъ, съ какой бы стороны эти явленія ни обнаруживались, со стороны-ли нетерпѣливыхъ радикальныхъ

теоретиковъ, спѣшившихъ приложить принципы, выработанные работой передовыхъ кабинетныхъ мыслителей, къ государственной жизни, или со стороны представителей реакціи, не пренебрегающихъ никакими мѣрами, чтобы искусственно задержать пробуждающееся самосознаніе народныхъ массъ, вмѣсто того, чтобы открыть ему правильные пути для его послѣдовательнаго развитія. Поэтому онъ одинаково горячо возставалъ и противъ нездороваго преобладанія, пріобрѣтеннаго радикалами на дѣла Франціи, и противъ той политики желѣза и ежевыхъ рукавицъ, какую съ такимъ успѣхомъ примѣнялъ Бисмаркъ въ дѣлахъ той остальной Европы, которая входитъ въ орбиту германскаго вліянія. Но доктринеромъ графа назвать было нельзя; отъ доктринерства его спасали его рѣдкій здравый смыслъ и та обширная и всесторонняя практическая дѣятельность, черезъ которую онъ прошелъ; онъ хорошо понималъ, что жизнь государства такъ сложна и разнообразна, что не можетъ быть уложена въ извѣстныя рамки и подчинена заранѣе составленной программѣ, а потому даже для ошибокъ людей не сочувственныхъ ему взглядовъ склоненъ былъ находить если не оправданіе, то объясненіе въ этихъ неподдающихся кабинетному предусмотрѣнію условіяхъ жизни. Помню, однажды, бесѣдуя по поводу того, какъ французскіе радикалы, начиная съ Гамбетты и кончая Флоке, лишь только достигали сами кормила правленія, неминуемо вынуждены были подмѣнивать свой яркій радикализмъ—убѣжденіями болѣе блѣдныхъ цвѣтовъ и начинали устраивать разныя уступки дѣйствительности, графъ сказалъ: «да, принципы—одно, а власть—другое, и, связавши ихъ вмѣстѣ, далеко не уѣдешь; это все равно, что запречь въ одну упряжку ломовую лошадь съ кровнымъ скакуномъ. У насъ это очень наглядно и остроумно объяснилъ покойный министръ народнаго просвѣщенія К о в а л е в с к і й: когда онъ изъ попечителей Московскаго учебнаго округа былъ назначенъ министромъ, то на одномъ изъ первыхъ докладовъ директоръ департамента представляетъ ему на утвержденіе три ходатайства его-же, Ковалевскаго, по званію попечителя и на всѣ три Ковалевскій—министръ кладетъ резолюцію: о т к а з а т ь; тогда удивленный директоръ рѣшается ему замѣтить,—что вѣдь это его же собственныя ходатайства, и на это Ковалевскій далъ слѣдующій отвѣтъ: «знаю, но я писалъ эти ходатайства, когда не былъ министромъ; когда стоишь внизу, то обыкновенно многаго не видишь, а какъ заберешься на верхушку горы, то горизонтъ дѣлается шире и тутъ только лучше начинаешь отличать соотношеніе предметовъ, лежащихъ у тебя подъ ногами».

Политическихъ споровъ между нами не возникало, такъ какъ мы мало расходились въ основныхъ убѣжденіяхъ, а если иногда и встрѣчались разногласія въ мелочахъ, то графъ, не терпѣвшій мелочныхъ и праздныхъ препирательствъ, обыкновенно первый же старался прекратить ихъ миролюбивымъ образомъ. Кромѣ разсужденій о политикѣ, онъ любилъ также передавать разные эпизоды изъ всего имъ пережитаго, слышаннаго или читаннаго, много сообщалъ о Кавказѣ, не только о современномъ по своимъ личнымъ впечатлѣніямъ, но и изъ прежней его исторіи, почерпнутой имъ изъ источниковъ печатныхъ и не печатныхъ. Разсказчикъ онъ былъ увлекательный, умѣлъ схватить выдающуюся сторону передаваемаго и представить такъ рельефно и обстоятельно, что, слушая его, казалось, читаешь интересно написанную книгу; при его богатой памяти, за-

пасъ этихъ разсказовъ былъ до того неистощимъ, что рѣдкій день я уходилъ отъ него, не выслушавъ чего нибудь новаго, оригинальнаго и крѣпко теперь упрекаю себя, что не записывалъ тотчасъ же всего, оттого многое мною или позабыто, или не можетъ быть возстановлено въ той блестящей, талантливой передачѣ, которая давала этимъ разсказамъ особенный интересъ, обрисовывая лучше всего замѣчательную личность самого разсказчика. Конечно, со временемъ личность графа и вся его дѣятельность будутъ подробно и со всѣхъ сторонъ изучены будущими біографами на основаніи офиціальныхъ документовъ; я же постараюсь сообщить то немногое, что сохранилось у меня въ памяти изъ разсказовъ графа о его дѣтствѣ и ранней молодости, полагая, что и эти скудныя данныя могутъ пригодиться для выясненія образованія его характера, а также отчасти познакомить современниковъ съ его, такъ сказать, до-историческимъ періодомъ жизни.

VI.

Всѣ, попадавшіяся мнѣ на глаза, біографическія замѣтки о графѣ Лорисѣ рожденіе его относятъ къ 1826 году, а въ Conversations Lexicon Брокгауза, гдѣ помѣщена сжатая, но въ общихъ чертахъ вѣрная, біографія его, даже прямо указано, что онъ родился 1-го января 1826 г., а между тѣмъ въ годъ своей смерти графъ считалъ себя близкимъ къ 64 годамъ, такъ что, если только онъ самъ не ошибался, то, значитъ, онъ родился никакъ не въ 1826 г., а въ 1825 или даже 1824 году. Отецъ его, происходя изъ стариннаго рода армянскихъ дворянъ, занимался торговлею и имѣлъ небольшое, но обезпеченное состояніе; сыновей у него было двое,—и, будучи человѣкомъ мало образованнымъ, онъ самъ едва ли бы додумался до мысли дать имъ лучшее образованіе, если бы случай не свелъ его близко съ молодымъ горнымъ офицеромъ Вас. Вас. Клейменовымъ [1]), которому удалось уговорить Лориса отца не жалѣть денегъ и дать мальчикамъ европейское образованіе. Приглашенъ былъ опытный наставникъ, и такъ какъ мальчики обладали прекрасными способностями (меньшій братъ графа кончилъ отлично курсъ юридическихъ наукъ въ училищѣ правовѣденія, очень успѣшно служилъ на Кавказѣ по гражданской части, но умеръ еще въ молодыхъ лѣтахъ), то ученье пошло удачно впередъ и когда Михаилу исполнилось 11—12 лѣтъ, отецъ, сдавъ его на руки двумъ армянскимъ купцамъ, ѣхавшимъ по торговымъ дѣламъ въ Москву, поручилъ помѣстить его въ тамошній Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ. Тяжело было мальчику разставаться съ род-

[1]) Этого, теперь уже умершаго, В. В. Клейменова, о которомъ графъ Лорисъ вспоминалъ всегда съ глубокой благодарностію, какъ о человѣкѣ, преимущественно способствовавшемъ его образованію, я зналъ очень хорошо впослѣдствіи, въ 1860-хъ годахъ, въ Иркутскѣ, гдѣ онъ въ генеральскомъ чинѣ занималъ мѣсто горнаго ревизора и пользовался очень почтенной репутаціей.

Н. Б.

ными и съ роднымъ привольемъ и ѣхать въ такую сѣверную даль и къ чужимъ людямъ; онъ сильно горевалъ, а дорогой его тоска дошла до того, что у него родилась мысль убѣжать съ пути домой; въ подкладку его платья мать передъ отъѣздомъ зашила 20 рублей мелкой новенькой монетой, отчеканенной въ Тифлисѣ, гдѣ въ тѣ времена существовалъ монетный дворъ, и на этотъ-то собственный капиталъ онъ и задумалъ добраться до дому. Планъ свой онъ привелъ въ исполненіе и съ одной изъ станцій Воронежской губерніи убѣжалъ обратно по столбовой дорогѣ, тайкомъ отъ своихъ спутниковъ, но они его нагнали на 6-й верстѣ и снова засадили въ тарантасъ. Въ Москвѣ купцы остановились на Ильинкѣ, на воейковскомъ подворьѣ, какъ разъ на томъ самомъ, куда и я былъ привезенъ, только 9 или 10 годами позднѣе, и тоже 12-ти лѣтнимъ мальчикомъ и тоже посторонними людьми изъ Сибири. Это случайное совпаденіе не мало потѣшало и графа, и меня, ибо выходило, что у обоихъ насъ наши первыя впечатлѣнія въ Москвѣ пріурочены были къ одной и той же обстановкѣ, и мы могли помочь другъ другу оживить свои общія дѣтскія воспоминанія и объ оживленной панорамѣ на Ильинку, виднѣвшейся изъ номерныхъ оконъ и приковывавшей наше жадное любопытство, на магазины противоположныхъ домовъ, съ ихъ яркими вывѣсками готоваго платья и съ зазывающими передъ входами сидѣльцами, и о широкомъ корридорѣ, выходившемъ деревянной, грязной галлереею на узкій дворъ и служившемъ одинаково намъ обоимъ мѣстомъ головоломныхъ эквилибристическихъ упражненій во время отсутствія нашихъ пѣстуновъ, то и дѣло отлучавшихся по дѣламъ, и т. д. Оба мы были въ то время дикарями, привезенными для отдачи въ западную науку изъ двухъ антиподныхъ окраинъ Русской имперіи, и всѣ эти дѣтскія впечатлѣнія, затертыя гдѣ-то глубоко въ памяти, вдругъ стали подниматься на поверхность, воскрешаемыя и подсвѣжаемыя то тѣмъ, то другимъ изъ насъ и своей наивной теплотой согрѣвали насъ двухъ стариковъ, переброшенныхъ судьбой съ далекихъ нашихъ родныхъ мѣстъ на берега Женевскаго озера и уже сдавшихъ себя въ архивъ послѣ жизни, обильной, хотя и далеко не въ равной мѣрѣ, самыми разнообразными впечатлѣніями и превращеніями.

Въ Лазаревскомъ институтѣ Лорисъ учился очень хорошо и долженъ былъ поступить впослѣдствіи въ Московскій университетъ, но, будучи большимъ шалуномъ, до окончанія институтскаго курса попался въ шалости, имѣвшей на всю его будущность рѣшающее значеніе и вынудившей его перемѣнить мирную ученую карьеру на военную. Учитель-технологъ, говоря на урокѣ о различныхъ клеяхъ, познакомилъ учениковъ съ составомъ какого-то особенно имъ рекомендуемаго клея; Лорисъ, приготовивъ по данному рецепту этотъ клей, придумалъ для испытанія его достоинства намазать имъ сидѣнье стула на каѳедрѣ передъ началомъ урока одного изъ нелюбимыхъ учителей; ничего не подозрѣвавшій учитель сѣлъ, а когда хотѣлъ встать, то оказался до того присохшимъ къ мѣсту, что сбѣжавшееся начальство насилу могло его отклеить; пошло дознаніе, и когда добрались до виноватаго, то рѣшено было исключить Лориса изъ института и немедленно же отправить назадъ къ родителямъ на Кавказъ, и, благодаря лишь заступничеству вліятельныхъ армянъ, начальство смилостивилось и, удаливъ мальчика изъ института, позволило ему для продолженія образованія переѣхать въ Петербургъ, гдѣ онъ поступилъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и такимъ непредвидѣннымъ образомъ превратился въ воина.

24

Здѣсь потекла для него та сѣрая и мало говорившая ему жизнь, какою отличалось воспитаніе тогдашнихъ военныхъ школъ, т. е. онъ весь отдался изученію николаевской выправки, верховой ѣздѣ, мало или вовсе не заботясь о расширеніи умственныхъ своихъ познаній и, по мѣрѣ возмужанія, посвящая свои досуги кутежамъ съ товарищами, и за весь этотъ періодъ жизни Лориса трудно было бы привести что нибудь выдающееся, если бы не было его знакомства съ поэтомъ Некрасовымъ. Знакомство это относится къ 1841 или, еще вѣрнѣе, къ 1842 году, т. е. къ тому темному періоду существованія поэта, когда онъ изыскивалъ всякія средства, чтобы не быть затертымъ нищетой и безвѣстностью. Крайне нуждавшійся Некрасовъ пріютился тогда у нѣкоего профессора Беницкаго, имѣвшаго у себя нѣсколько воспитанниковъ для приготовленія въ разныя петербургскія школы; юнкеръ Лорисъ, посѣщая одного изъ этихъ пансіонеровъ, познакомился тутъ-же и съ Некрасовымъ. Какъ разъ около этого времени Лорисъ и его однокашникъ Нарышкинъ задумали нанять себѣ маленькую квартирку въ городѣ, чтобы имѣть собственный пріютъ, такъ какъ ихъ, какъ выпускныхъ юнкеровъ, отпускали не только на праздники, но позволяли отлучаться изъ школы и среди недѣли; Некрасовъ, узнавъ объ этомъ планѣ, тотчасъ же предложилъ, чтобы и его приняли въ компанію, и они втроемъ наняли себѣ квартирку гдѣ-то около Николаевской, въ то время Грязной, въ домѣ Шаумана. Зажиточностью товарищество похвастаться не могло: Лорисъ получалъ отъ родителей 25 рублей ежемѣсячно, Нарышкинъ столько же, а Некрасову, въ описываемое время, отецъ ничего не давалъ и только изрѣдка, въ неправильныхъ промежуткахъ и понемногу, высылала ему мать, да кромѣ того онъ состоялъ корректоромъ въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ» Ѳ. Кони и сдавалъ въ этотъ же журналъ свои плохо оплачиваемые стихи, такъ что весь его доходъ едва ли превышалъ доходы его сожителей. Всѣ трое были очень молоды, любили весело пожить и, получивши свои небольшіе доходы, чрезвычайно быстро спускали ихъ съ рукъ и потомъ, въ ожиданіи слѣдующей получки, впадали въ меланхолію и жили отшельниками. Вотъ въ эти-то тощія недѣли и періодическія безденежья Некрасову приходилось особенно бѣдствовать и терпѣть отъ голоду и холоду, тогда какъ для его товарищей юнкеровъ школа служила спасительною пристанью, въ которой они имѣли все необходимое. Некрасовъ уже и тогда очень любилъ писать стихи, но выше заурядности не поднимался и, по словамъ Лориса, трудно было предположить, чтобы впослѣдствіи могъ выработаться изъ него такой сильный поэтическій талантъ; однако, и тогда онъ отличался большимъ остроуміемъ и наблюдательностью, которую прилагалъ особенное стараніе развивать въ себѣ, заводя для этого знакомство повсюду и съ самыми разнообразными личностями; онъ и Лориса нерѣдко увлекалъ съ собой для компаніи въ гости къ разнымъ мелкимъ чиновникамъ, жившимъ по окраинѣ Петербурга, а однажды, чисто для изученія типа, онъ свелъ дружбу съ полицейскимъ сыщикомъ, приглашалъ его къ себѣ и потомъ съ большимъ остроуміемъ изображалъ Лорису характерныя особенности своего новаго знакомаго. Остался отъ этого сожительства еще одинъ забавный эпизодъ въ памяти Лориса и который онъ передавалъ съ неподражаемымъ юморомъ: разъ, на Рождествѣ, Некрасовъ предложилъ ему отправиться, замаскировавшись обоимъ, на вечеринку къ одной чиновничьей

семьѣ въ Измайловскій полкъ; они вечеромъ зашли въ костюмерную лавочку, выбрали для себя костюмы, Некрасовъ—венеціанскаго дожа, а Лорисъ—испанскаго гранда и, тутъ же переодѣвшись, оставили у костюмера свое платье и условились, что они на слѣдующее утро заѣдутъ за своимъ платьемъ и тогда заплатятъ и за костюмы. Взяли карету и отправились; еще дорогой они провѣрили свои капиталы,—хватитъ-ли ихъ на уплату за экипажъ и костюмы?—и нашли, что хватитъ; но случилось такъ, что съ вечеринки они заѣхали еще куда-то, что-то выпили и, только возвращаясь подъ утро домой, спохватились, что у нихъ не достанетъ денегъ на выкупъ платья. Лорисъ живо вспоминалъ себѣ этотъ трагикомическій день, когда они сначала бѣгали въ маскарадныхъ костюмахъ по своей нетопленной квартирѣ, тщетно стараясь согрѣться въ коротенькихъ тогахъ и въ длинныхъ чулкахъ вмѣсто панталонъ, и недоумѣвая, какъ выйти имъ изъ такого нелѣпаго положенія, и какъ потомъ, чтобы отогрѣть окоченѣвшіе члены, они рѣшили пожертвовать для растопки печи однимъ стуломъ изъ своей убогой меблировки и поддерживали огонь мочалкою, выдернутой изъ дивана, а сами разсѣлись на полу передъ печкой, на коврѣ, привезенномъ Некрасовымъ изъ деревни; скоро заговорилъ въ нихъ голодъ, а ѣсть было рѣшительно нечего и купить было не на что; и только послѣ долгихъ переговоровъ лавочникъ, у котораго были раньше заложены двѣ серебряныя ложки, единственная драгоцѣнность Некрасова и подарокъ его матери, согласился отпустить имъ въ долгъ студень, и дожъ и грандъ благородно подѣлили между собой эту незатѣйливую трапезу. Пріятели разослали въ разные концы записки къ знакомымъ съ просьбою ихъ выручить, но отовсюду получили отказъ, и лишь къ вечеру Нарышкинъ добылъ денегъ и выручилъ ихъ изъ бѣды. Вскорѣ послѣ этого сожительство съ Некрасовымъ прекратилось, не по причинѣ какого-нибудь разлада, а просто по измѣнившимся обстоятельствамъ; Лорисъ вышелъ въ офицеры, и пріятели потеряли другъ друга изъ виду, а когда, примѣрно, года черезъ два, Лорисъ столкнулся съ Некрасовымъ на Невскомъ и послѣдній затащилъ его къ себѣ на квартиру у Аничкова моста, то дѣла поэта видимо уже стали процвѣтать: и самъ онъ ходилъ щеголемъ, и квартира его была меблирована не безъ изящества. Это было ихъ послѣднее свиданье; Лорисъ уѣхалъ вскорѣ на Кавказъ и не возвращался въ Петербургъ до 1878 года, Некрасовъ же умеръ въ 1877 году; только когда Лорисъ состоялъ уже начальникомъ Терской области, онъ получилъ письмо отъ Некрасова, въ которомъ поэтъ, напоминая ихъ прежнія отношенія, просилъ его принять участіе въ литераторѣ Благовѣщенскомъ, отправленномъ по болѣзни, на Кавказъ, на продолжительное житье и безъ всякихъ средствъ къ существованію, и Лорисъ исполнилъ просьбу стараго пріятеля. Я нарочно разсказалъ подробно все, что зналъ о сношеніяхъ Лориса съ Некрасовымъ, потому что, съ одной, стороны фактъ этотъ можетъ послужить для біографовъ того и другого, а съ другой, объяснить отчасти ту любовь къ поэзіи и къ литературѣ, которую питалъ Лорисъ и которая такъ гуманизировала его, не взирая на суровую и боевую его обстановку на Кавказѣ.

Служба Лориса въ мѣстѣ расположенія лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго полка, куда онъ былъ выпущенъ изъ школы, ничѣмъ не отличалась отъ

обычной офицерской службы того времени и продолжалась до 1847 года, когда онъ перечислился на Кавказъ состоять при намѣстникѣ, князѣ Воронцовѣ. Кавказъ свой онъ чрезвычайно любилъ, но именно какъ нераздѣльную часть Россіи, и много разъ я слыхалъ его жалобы на то, что русское общество, вслѣдствіе присущей ему апатіи, не дѣлаетъ рѣшительно ничего, чтобы тѣснѣе привязать эту богатую окраину къ Россіи. Не могу привести его подлинныхъ выраженій, но приблизительно онъ выражалъ свой взглядъ на эти отношенія такимъ образомъ: „Правительство сдѣлало все, что могло, оно силой оружія закрѣпило Кавказъ за имперіею, но чтобы присоединеніе это обратилось въ прочную, неразрывную связь, необходимо культурное вліяніе, нужно, чтобы русскіе люди и капиталы устремились въ этотъ благодатный край и устраивались въ немъ землевладѣльцами, промышленниками, фабрикантами. Сколько разъ твердилъ я объ этомъ московскимъ купцамъ и тузамъ; слушаютъ, соглашаются во всемъ, а сами не двигаются съ своихъ крѣпко насиженныхъ мѣстъ, между тѣмъ иностранцы льнутъ къ непочатымъ богатствамъ Кавказа, какъ мухи къ меду, снуютъ вездѣ, заключаютъ съ жителями какіе-то долгосрочные контракты и понемногу все захватываютъ въ свои руки. До сихъ поръ въ Закавказскихъ губерніяхъ почти нѣтъ русскихъ собственниковъ, владѣющихъ городскими и сельскими имуществами, — и это обстоятельство не разъ вызывало удивленіе даже въ иностранной печати, за то въ этихъ губерніяхъ имѣется множество бековъ и агаларовъ изъ мусульманъ, обладающихъ превосходными землями, которыя они весьма плохо обрабатываютъ и готовы сейчасъ продать за безцѣнокъ; влеченія къ сельскому хозяйству они не имѣютъ, занимаются почти исключительно покровительствомъ ворамъ и разбойникамъ и тѣмъ больше всего мѣшаютъ водворенію порядка и безопасности. На Кавказѣ давно признано, что исламъ не уживается съ современною цивилизаціею, наши юридическія и нравственныя понятія идутъ часто въ разрѣзъ съ магометанскимъ вѣроученіемъ, такъ, напримѣръ, лжесвидѣтельствованіе считается у насъ преступнымъ, по понятіямъ же мусульманина скрыть преступленіе и дать ложное показаніе въ пользу единовѣрца есть дѣло богоугодное. Вотъ почему особенно желательно, чтобы землевладѣльцы христіане постепенною скупкою земель вытѣсняли поскорѣе этихъ крупныхъ собственниковъ бековъ и уравновѣшивали тѣмъ преобладанія христіанскаго элемента надъ магометанскими, именно желательно, чтобы вытѣсненіе совершалось не насильственно и не правительственными мѣрами, а миролюбивымъ образомъ и собственнымъ почином предпріимчивыхъ членовъ русскаго общества. И надо спѣшить съ этимъ, время не терпитъ, и наше положеніе на Кавказѣ остается подверженнымъ разнымъ непредвидѣннымъ случайностямъ».

Повѣствованіе о службѣ графа Лориса на Кавказѣ, его военныхъ походахъ и гражданской дѣятельности съ 1878 года на Волгѣ, въ Харьковѣ и Петербургѣ не входитъ въ планъ моего разсказа; тутъ мнѣ трудно что нибудь прибавить къ напечатаннымъ уже сообщеніямъ А. А. Скальковскаго, Писарева и др., и надо надѣяться, что эти отрывочныя свѣдѣнія дополнятся впослѣдствіи другими близкими очевидцами этой дѣятельности и, еще позднѣе, будутъ сгруппированы и обработаны полнѣе и объективнѣе будущими безстрастными исторіографами съ привлеченіемъ и архивныхъ документовъ. Добавлю только, со словъ самого

графа, что переѣздъ на Кавказъ послужилъ счастливой перемѣной для его самообразованія и для примѣненія его способностей къ практической дѣятельности. Намѣстники—князь Воронцовъ, а послѣ него графъ Муравьевъ-Карсскій—отличили эти способности молодого человѣка и стали давать ему сложныя и трудныя порученія, которыя отвлекли Лориса отъ пустой и свѣтской жизни и пробудили интересъ къ болѣе живымъ и развивающимъ умъ вопросамъ. Кромѣ того у него былъ въ Тифлисѣ двоюродный братъ—докторъ Ю. Ѳ. Ахвердовъ, человѣкъ весьма образованный и серьезный, отъ котораго тоже не ускользнули богатые задатки натуры Лориса, и онъ настойчиво сталъ уговаривать его больше читать, чтобы расширить свой умственный горизонтъ. Докторъ имѣлъ свою отборную библіотеку, и въ числѣ первыхъ книгъ, предложенныхъ имъ для прочтенія, были „Мемуары Альфьери“, и Лорисъ съ признательностію вспоминалъ, какое сильное впечатлѣніе произвели на него эти „Мемуары“, какъ съ тѣхъ поръ онъ пристрастился къ книгамъ и сталъ почерпать изъ нихъ и болѣе осмысленный взглядъ на жизнь, и самое чистое наслажденіе. Съ этимъ вмѣстѣ и служебная карьера Лориса шла быстро впередъ, и война 1854—1855 годовъ застала его уже съ такой прекрасной репутаціей, что по сдачѣ Карса ему поручена была трудная должность коменданта Карсской крѣпости. Передъ началомъ войны онъ былъ помолвленъ съ княжной Ниной Ивановной Аргутинской-Долгорукой [1]) и теперь изъ Карса выпросилъ себѣ 2-хъ недѣльный отпускъ, обвѣнчался и вернулся на свое комендантство съ молодой женой. Бракъ этотъ былъ идеально счастливый; скромная, необыкновенно кроткая графиня сдѣлала для Лориса семейную жизнь такою пристанью, въ которой онъ всегда увѣренъ былъ надти отдыхъ и спокойствіе послѣ своихъ походовъ и разныхъ житейскихъ треволненій,—и для нея теперь, конечно, самое величайшее и невознаградимое горе, что ей суждено было пережить своего мужа послѣ тридцати-трехъ лѣтняго супружескаго счастія. Дѣтей отъ этого брака, какъ упомянулъ выше, осталось пятеро.

VII.

Возвращаюсь къ нашей совмѣстной Вевейской жизни. Трудно было помириться съ ея безлюдьемъ и монотонностью живому уму графа и онъ, кромѣ постояннаго чтенія, старался найти еще себѣ какую-нибудь пищу; такъ вскорѣ по пріѣздѣ въ Веве, надумалъ онъ было устроивать у себя въ Кубанскомъ имѣньи стеклянный заводъ, имѣя въ виду, что это производство составляетъ на Кавказѣ насущную потребность, ибо до сихъ поръ вся стеклянная посуда привозится туда изъ Новороссіи и даже чуть ли не изъ еще болѣе отдаленныхъ губерній; обложилъ себя русскими и французскими руководствами; вступилъ въ

[1]) Кн. М. З. Аргутинскій-Долгорукій, знаменитый кавказскій герой, завоеватель Дагестана, и основатель гор. Темиръ-Хан-Шуры, гдѣ ему и поставленъ памятникъ. (см. Настол. Энциклоп. Словарь).

знакомство съ швейцарскими стеклянными заводчиками и весьма дѣятельно списывался по этому поводу съ управляющимъ его имѣньемъ; нѣсколько недѣль продолжалось его увлеченіе этимъ планомъ, пока, наконецъ, онъ не убѣдился, что заочно нельзя устраивать солидное предпріятіе; къ тому же его собственныя средства были недостаточны для правильной постановки дѣла, а пріискивать компаньоновъ въ Россіи посредствомъ переписки тоже было совсѣмъ неудобно. Потомъ онъ схватился за мысль поднять культуру плодовыхъ деревьевъ въ своемъ имѣніи, разузнавалъ письмами въ Бордо о наиболѣе подходящихъ для Кавказа сортахъ и, помнится, отправилъ черенки къ управляющему; но всѣ эти поиски за дѣломъ приводили его въ концѣ къ грустному сознанію, что всѣ его затѣи— не серьозныя предпріятія, а скорѣе походятъ на праздную забаву, зло подсмѣивался надъ собой и своимъ безсиліемъ быть хоть малымъ полезнымъ своему краю и не безъ горечи восклицалъ: „аль у сокола крылья связаны? аль пути ему всѣ заказаны?".

Такъ прошли іюнь и іюль—самые глухіе мѣсяцы въ томъ отношеніи, что я составлялъ для графа почти единственнаго собесѣдника въ Веве. Кромѣ меня въ эту пору довольно часто его навѣщалъ извѣстный Нубаръ-паша всесильный египетскій эксъ-министръ; онъ только что былъ свергнутъ съ поста, который занималъ очень долго, отправился путешествовать по Европѣ и прожилъ въ Веве 2 или 3 недѣли съ женой, съ своей дочерью, бывшей замужемъ за другимъ египетскимъ министромъ Тиграномъ-пашею, и съ маленькой прелестной внучкой. Нубаръ питалъ большое уваженіе къ графу и охотно посвящалъ его въ тайны египетской государственной жизни и въ тѣ интриги, какія разыгрывались англичанами съ цѣлью забрать страну совсѣмъ въ свои руки. Графъ же цѣнилъ въ Нубарѣ умнаго и интереснаго собесѣдника. Но съ августа же наша резиденція значительно оживилась, стали появляться и знакомые земляки, отбывшіе свои курсы минеральныхъ водъ, и около графа образовался небольшой кружокъ симпатичныхъ ему людей, съ которыми онъ любилъ коротать время.

По мѣрѣ приближенія отъѣзда въ Ниццу его привязанность ко мнѣ дѣлалась крѣпче и нѣжнѣе; онъ безпрестанно возвращался въ разговорѣ къ предстоявшему мнѣ на зиму одиночеству въ Веве и пытался меня уговаривать на переѣздъ или съ нимъ въ Ниццу, или хоть въ другой людный центръ, гдѣ была бы возможность съ кѣмъ нибудь отводить душу.

— „Я то и дѣло думаю о васъ и мучусь за васъ: ну, какъ вы проведете цѣлые 8 мѣсяцевъ совсѣмъ одни въ такой трущобѣ? и мнѣ вы будете сильно недоставать въ Ниццѣ, и весной я снова буду рваться съ нетерпѣніемъ къ вамъ; но около меня все же будетъ нѣсколько человѣкъ, съ которыми такъ или сякъ я буду убивать время, а вы вѣдь въ этомъ одиночномъ заточеніи разучитесь говорить! Право, поѣдемъ съ нами!"

Хотя я самъ съ большою грустью ждалъ разлуки съ графомъ, однако, наотрѣзъ отказывался покинуть Веве и имѣлъ на то солидныя причины, а именно: для меня внѣшнія удобства вевейской жизни (ея дешевизна, возможность жить круглый годъ безъ переѣздовъ, умѣренный климатъ при отсутствіи дѣтскихъ эпидемическихъ болѣзней и т. п.) заставляли цѣнить себя выше, чѣмъ всевозможныя развлеченія большихъ и шумныхъ городовъ; къ тому же я уже успѣлъ

привыкнуть къ окружавшему меня безлюдью и мертвенной тишинѣ и мнѣ не легко было ломать установленный уже строй жизни и снова пуститься на шумъ и сутолоку, давно потерявшіе для меня всякую привлекательность. Графъ соглашался съ моими доводами до того, что самъ начиналъ высказывать мысль— нанять и себѣ большую квартиру въ Веве, устроить ее со всѣми удобствами и зазимовать, но разубѣдить его въ непрактичности такого плана было не трудно такъ какъ между его положеніемъ и моимъ была огромная разница: ему и южный климатъ былъ необходимъ для здоровья, и его матеріальныя средства допускали безъ затрудненія переѣздъ въ Ниццу, и самъ онъ былъ несравненно живѣе и общительнѣе меня, такъ что для него отсутствіе всякаго общества было бы весьма чувствительно, а вѣчный tête-à-tête между нами, людьми, лишенными всякой живой дѣятельности, неизбѣжно, въ концѣ концевъ, надоѣлъ бы ему своимъ однообразіемъ, и, наконецъ, жестоко было бы съ его стороны зарывать съ собой въ такомъ угрюмомъ мѣстѣ, какъ Веве, свою семью, особенно молодыхъ дочерей. На такихъ разсужденіяхъ планъ вевейской зимовки скоро проваливался. Иногда на графа передъ отъѣздомъ находили мрачныя думы о томъ, что онъ постепенно дѣлается хилѣе и слабѣе и что онъ можетъ не пережить зимы; тогда я, замѣтивъ, какъ успокоительно дѣйствуютъ на него мои увѣренія въ противномъ, начиналъ трунить надъ его страхомъ, сводить все на ипохондрію и т. п. Помню, какъ послѣ одного изъ такихъ разговоровъ онъ сказалъ съ шутливымъ отчаяніемъ: «ну, есть ли на свѣтѣ болѣе несчастный человѣкъ, чѣмъ я, и котораго бы болѣе преслѣдовала людская несправедливость? И будучи на верху карьеры и почестей, я ничѣмъ не воспользовался отъ государства, и остался по прежнему съ весьма, какъ вы знаете, ограниченными средствами; русскія же газеты недавно распространили извѣстіе, что я покупаю обширное помѣстье за границей; я имѣю претензію на репутацію хорошаго полководца, потому что одержалъ нѣсколько побѣдъ, велъ цѣлую военную кампанію и взялъ крѣпость Карсъ, которую считали неприступной, а вотъ Османъ-бей [1]) оспариваетъ мои военныя заслуги и увѣряетъ, что Карсъ взялъ вовсе не я, а онъ— Османъ-бей; наконецъ, я жалуюсь, что я боленъ и страдаю, а вы, мой Брутъ, и въ этомъ не хотите мнѣ вѣрить и обзываете меня ипохондрикомъ".

Однако, въ общемъ итогѣ графъ остался очень доволенъ своимъ Вевейскимъ пребываніемъ и въ 20-хъ числахъ сентября 1887 г., въ сравнительно бодромъ видѣ, пустился въ обратный путь въ Ниццу. Зима тамъ вышла не изъ удачныхъ по причинѣ дождей и необычныхъ холодовъ и, хотя онъ провелъ ее

[1]) Османъ-бей очень бойкій турецкій авантюристъ, бывшій маіоръ турецкой службы, бѣжавшій въ Россію и отчасти извѣстный въ русской литературѣ, издалъ въ Италіи небольшую книжку на французскомъ языкѣ съ описаніемъ своихъ похожденій въ Россіи и сношеній съ нашими государственными людьми; это очень поверхностный памфлетъ, наполненный всякою бранью, въ которомъ между прочимъ, достается и гр. Лорису и говорится, что взятіемъ Карса Россія обязана автору этой книги, состоявшему тогда переводчикомъ при штабѣ Кавказской арміи. Графъ вспомнилъ объ этомъ господинѣ потому, что за нѣсколько недѣль до приведенныхъ словъ Османъ-бей пріѣзжалъ въ Веве и добивался, чтобы графъ или принялъ, или далъ ему что нибудь на бѣдность, а когда не успѣлъ ни въ томъ, ни въ другомъ, то прислалъ графу ругательное письмо и скрылся изъ нашихъ мѣстъ.

Н. Б.

сносно, безъ явныхъ обостреній своей болѣзни, но почти не выѣзжалъ, хандрилъ и скучалъ и съ февраля 1888 г. началъ уже радоваться въ письмахъ, что приближается время перекочевки въ Веве, а 1 іюня я встрѣтилъ его на станціи при выходѣ изъ вагона и вмѣстѣ съ нимъ доѣхалъ до отеля, гдѣ онъ жилъ въ предыдущемъ году и гдѣ для него было приготовлено прежнее помѣщеніе. Здѣсь, въ той же самой комнатѣ и при томъ же самомъ освѣщеніи, въ которыхъ я привыкъ его видать ежедневно нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, мнѣ особенно легко было замѣтить во внѣшности графа значительную перемѣну, происшедшую за это короткое время: морщинъ и складокъ на лицѣ и сѣдины въ волосахъ почти не прибавилось, а между тѣмъ все лицо поблѣднѣло и осунулось, а въ его прекрасныхъ и всегда ласково улыбавшихся глазахъ появлялись по временамъ, не смотря на радость нашей встрѣчи, какой-то несвойственный имъ мрачный блескъ и угрюмая сосредсточенность. Я приписалъ перемѣну эту утомленію отъ 24 часовой ѣзды по желѣзной дорогѣ, да и самъ онъ жаловался на крайнюю усталость и попросилъ поскорѣе ему устроить постель, чтобы отдохнуть. Но и на завтра, когда я зашелъ утромъ навѣдаться о немъ, онъ предпочелъ не встать съ кровати, хотя былъ гораздо веселѣе и безъ умолку разсказывалъ о своихъ зимнихъ впечатлѣніяхъ отъ новыхъ знакомствъ съ людьми и съ прочитанными книгами; только на третій день онъ одѣлся и перебрался на свое прежнее облюбованное мѣстечко на кушеткѣ въ углу комнаты, и наши свиданія снова пошли какъ заведенная машина: съ точностью хронометра являлся я къ нему, и оба мы съ равнымъ нетерпѣніемъ ежедневно ждали этихъ часовъ встрѣчъ, ибо разговоръ нашъ никогда не страдалъ недостаткомъ матеріала и намъ служилъ обоимъ чуть не единственнымъ развлеченіемъ въ окружавшей насъ очень однообразной жизни. «Удивляюсь я», говорилъ графъ, «какъ мы съ вами разрѣшаемъ отлично почти не разрѣшаемую задачу: говоримъ, говоримъ каждый день, а все далеко не можемъ вычерпать нашъ разговорный фондъ, и всегда послѣ вашего ухода я вспоминаю, что не успѣлъ и половины затронуть того, о чемъ хотѣлъ было потолковать". Однако, я находилъ, что въ этотъ пріѣздъ онъ охотнѣе отдается воспоминаніямъ о прошломъ и не съ прежнимъ увлеченіемъ занимается текущими событіями, хотя и продолжаетъ читать множество газетъ; онъ и самъ неоднократно высказывалъ, что сталъ гораздо равнодушнѣе ко всему происходящему и объяснялъ это тѣмъ, что настоящія теченія, такъ ярко и опредѣленно вырисовывающіяся въ европейской жизни, этотъ періодъ отступленія вспять ему крайне несимпатичны, и что онъ совсѣмъ разочаровался въ скорой перемѣнѣ къ лучшему, до которой ему, навѣрное, не дожить [1]).

1) Бѣлоголовый пишетъ въ своемъ дневникѣ: Вообще послѣднее лѣто я наблюдалъ замѣтное пониженіе интереса въ Лорисѣ ко всему, что происходитъ въ Россіи и онъ самъ это чувствовалъ. Помню я ему сказалъ разъ: вотъ съ улучшеніемъ курса надо думать, нынѣче выѣдетъ за границу больше профессоровъ, журналистовъ, интеллигентовъ; хорошо бы, если бы кто нибудь попалъ и въ наши края и въ живой рѣчи познакомилъ насъ съ тѣмъ, что у насъ творится за кулисами печатной жизни, какія теченія въ обществ. мнѣніи? На это онъ мнѣ отвѣтилъ: „а я, вѣрьте моему слову, никого, даже и интеллигентовъ нашихъ видѣть не желаю, потому что во мнѣ совсѣмъ пропалъ интересъ къ нашему болоту и въ этомъ между мною и вами большая разница".

Взамѣнъ того, онъ все болѣе углублялся въ наблюденіе за ходомъ одолѣвавшихъ его недуговъ, я чаще заставалъ его въ мрачномъ духѣ, и разные мои способы, чтобы, развлечь его или ободрить медицинскими аргументами, оказывались уже менѣе успѣшными, чѣмъ въ прежнее время. Мысль о близкой смерти все чаще и чаще возвращались въ его рѣчахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе овладѣвали имъ заботы о томъ, чтобы семья его могла прожить безбѣдно послѣ его смерти, и онъ рѣдкій день не былъ этимъ занятъ. Кромѣ семьи, еще сильно озабочивала его участь устроеннаго имъ во Владикавказѣ ремесленнаго училища, носящаго его имя; это тоже было близкое его сердцу дѣтище, обязанное не только ему своимъ происхожденіемъ, но и дальнѣйшимъ процвѣтаніемъ, благодаря постоянной заботливости графа о немъ; его очень радовалъ возраставшій успѣхъ школы, улучшеніе и расширеніе программы преподаванія, но такъ какъ годичный расходъ на училище дошелъ уже до 18.500 р., то у него рождался страхъ, что послѣ его смерти училище не будетъ встрѣчать прежней поддержки и будетъ падать, а потому онъ старался заинтересовать въ ней кой-кого изъ своихъ богатыхъ знакомыхъ, завѣщая имъ заботы о немъ.

Всѣ эти предсмертныя распоряженія и заботы не могли не настраивать его печально; притомъ и лѣто выдалось холодное и сырое, пріѣзжихъ никого не было, и въ довершеніе всего мнѣ встрѣтилась необходимость для здоровья семьи переѣхать изъ Веве въ горы. Чтобы не покидать надолго графа, я рѣшилъ ограничить свое отсутствіе самымъ короткимъ срокомъ, а именно двумя недѣлями, и вмѣстѣ съ тѣмъ перебраться куда нибудь по близости, такъ чтобы это не помѣшало мнѣ навѣщать его по временамъ изъ моей новой резиденціи; наконецъ, горный отель куда я переѣхалъ, былъ соединенъ съ Вевейскимъ отелемъ графа телефономъ, и мы условились переговариваться при помощи его, особенно если встрѣтится что нибудь экстренное. Моя отлучка продолжалась съ 17-го іюля по 1-е августа, и за это время я успѣлъ побывать два раза у графа; онъ скучалъ, сильно хандрилъ и жаловался на общую слабость и безсонницу, а во второе мое посѣщеніе, 28 іюля, на ревматическую боль въ лѣвой рукѣ, которую онъ приписывалъ тому, что въ одинъ изъ жаркихъ дней посидѣлъ на своей терассѣ съ Нубаръ-пашей, заѣхавшимъ проѣздомъ по Швейцаріи снова навѣстить его. Я особеннаго значенія этой жалобѣ не придалъ и уѣхалъ, обѣщая черезъ 3 дня совсѣмъ вернуться, но уже въ самый день моихъ сборовъ къ обратному выѣзду въ Веве меня утромъ вызвали къ телефону отеля, и графиня-дочь сообщила мнѣ, что папа очень боленъ и ждетъ меня съ нетерпѣніемъ. Въ тотъ же вечеръ я перебрался въ Веве и пошелъ тотчасъ же къ графу. Онъ дѣйствительно расхворался не на шутку, и хотя внѣшнее проявленіе болѣзни - такъ называемый опоясывающій лишай (herpes Zoster, Zona), находившійся на лѣвой ладони и перешедшій потомъ на предплечіе и плечо, самъ по себѣ не могъ внушать серьезныхъ опасеній, но въ виду сильнаго истощенія больного и, главное, полной неизвѣстности относительно истиннаго состоянія легкихъ и другихъ внутреннихъ органовъ, а потому при невозможности своевременно предотвратить всякія осложненія, слѣдовало быть очень осторожнымъ въ предсказаніи. Графъ казался очень возбужденнымъ отъ довольно значительной лихорадки, постоянно стоналъ отъ болей и совсѣмъ упалъ духомъ; можно было

уговорить его обнажить всю руку, чтобы прослѣдить на ней размѣщеніе группы лишайныхъ пузырьковъ. Лѣчившій его вевейскій врачъ сдѣлалъ все нужное для облегченія больного, но привелъ его въ отчаяніе, предупредивъ, что болѣзнь можетъ протянуться около 6 недѣль; я постарался его успокоить и на первый разъ успѣлъ въ томъ.

Нѣтъ надобности подробно передавать послѣдовательный ходъ болѣзни; скажу только, что онъ былъ полонъ тревогъ для окружавшихъ и очень мучителенъ для больного по причинѣ сильныхъ пароксизмовъ невралгическихъ болей въ лѣвой рукѣ, безсонныхъ и возбужденныхъ ночей, довольно сильной лихорадки, замѣчавшагося по временамъ упадка сердечной дѣятельности и т. п. Все это приводило графа въ самое тяжелое психическое угнетеніе; иногда онъ терялъ всякое самообладаніе, раздражался ничтожнымъ пустякомъ и при мнѣ не однажды повторялись сцены, послѣ которыхъ я возвращался домой, разбитый печальнымъ зрѣлищемъ этого свѣтлаго ума и мощной воли, изнемогавшихъ на моихъ глазахъ въ борьбѣ съ болѣзнью. Мои тревоги усиливались еще тѣмъ обстоятельствомъ, что никакъ нельзя было признать удовлетворительною всю постановку лѣченія, а между тѣмъ всѣ усилія исправить ее были напрасны. Какъ иностранный врачъ, по законамъ Швейцаріи, я не имѣлъ права лѣчить графа, а потому долженъ былъ для соблюденія формальности передать его одному изъ туземныхъ врачей, на что графъ, отлично понимая необходимость такой передачи, безпрекословно согласился съ условіемъ, чтобы я руководилъ лѣченіемъ и чтобы безъ моего согласія не предпринималась никакая врачебная мѣра. Такъ дѣло и уладилось, но и при этихъ условіяхъ мое руководительство оставалось больше номинальнымъ и очень меня мучило: не смотря на довѣріе графа ко мнѣ, я никакъ не могъ уговорить его хоть разъ дать себя изслѣдовать фундаментально, чтобы опредѣлить истинное состояніе его внутреннихъ органовъ и выяснить, нѣтъ ли причинной связи между этимъ состояніемъ и столь безпокоившей больного сыпью, что мнѣ казалось болѣе чѣмъ вѣроятнымъ. Но отпоръ со стороны графа былъ такъ рѣшителенъ, мои настоянія до того раздражали его, что я, ради нашихъ отношеній, вынужденъ былъ уступить ему и вести лѣченіе съ завязанными глазами: напрасно я ему доказывалъ, до какой степени онъ вредитъ и самому себѣ и насилуетъ меня, ставя въ странное положеніе врача XVIII столѣтія, имѣющаго въ своемъ распоряженіи для заключенія о ходѣ болѣзни—наружный видъ больного, его субъективныя жалобы, пожалуй, изслѣдованіе его пульса, языка и т. п.; даже для измѣренія температуры тѣла графъ ни разу не согласился поставить себѣ термометръ подъ мышку, а опредѣлялъ лихорадочное состояніе, держа шарикъ термометра между большимъ и указательнымъ пальцами здоровой руки. Понятно, что въ такихъ потемкахъ значительно съуживалась самая задача лѣченія и приходилось только заботиться о правильности отправленій, доступныхъ врачебному наблюденію, и, главное, успокоивать моральное психическое возбужденіе больного. Ему не разъ казалось, что ему жить остается всего нѣсколько дней, онъ умолялъ меня не дать ему умереть въ гостинницѣ, а перевезти поскорѣе на частную квартиру и т. п.

Особенно памятенъ мнѣ вечеръ 17 августа 1888 г., когда я, пришедши въ условленный часъ въ отель, встрѣтилъ поджидавшую меня въ корридорѣ графиню

всю въ слезахъ и съ словами: „ему совсѣмъ плохо; ступайте къ нему поскорѣе“; онъ привѣтствовалъ меня необычно-мрачнымъ взглядомъ и слабымъ пожатіемъ руки и сталъ говорить тихимъ, торжественнымъ голосомъ: «ну, прощайте, дорогой мой; я чувствую, что конецъ мой приходитъ и я вижу васъ въ послѣдній разъ; дайте же мнѣ поблагодарить васъ за дружбу и за всѣ заботы обо мнѣ», и далѣе въ этомъ родѣ. Признаюсь, сильно сжалось у меня сердце и отъ этихъ словъ и отъ тона, съ какимъ они произносились, но убѣдившись наскоро, что ихъ ничто не оправдало, я справился съ собою и, засмѣявшись, замѣтилъ въ отвѣтъ, что заявленіе этой предсмертной благодарности онъ смѣло можетъ отложить до болѣе подходящаго времени и сталъ его убѣждать, что все теченіе болѣзни не только не указываетъ на смертельную опасность, а, напротивъ, предвѣщаетъ близкое поправленіе; объясненіе это его успокоило, вскорѣ онъ разговорился, а черезъ четверть часа мы, какъ ничего не бывало, болтали уже о постороннихъ предметахъ. Но приступы такой отчаянной безнадежности въ своемъ поправленіи возвращались чаще и чаще, не смотря на то, что всѣ болѣзненные припадки видимо дѣлались слабѣе; онъ самъ не могъ не замѣчать этого улучшенія и часто просилъ извиненія въ невольныхъ нервныхъ вспышкахъ, съ которыми не можетъ совладѣть, и однажды сказалъ: «есть чье-то извѣстное изреченіе, истину котораго я испытываю теперь на себѣ; потеряешь состояніе — не бѣда, потеряешь здоровье—и то даже не бѣда, а вотъ когда потеряешь самую энергію жить, тогда пиши совсѣмъ пропало». При наблюденіи этихъ вспышекъ и во мнѣ сложилось такое безотрадное убѣжденіе, что хотя графъ и выйдетъ благополучно изъ настоящаго заболѣванія, такъ какъ ему постепенно становилось лучше и онъ могъ уже съ постели переходить на кушетку, но съ такими расшатанными нервами, которыя будутъ отравлять постоянно его дальнѣйшее существованіе. Все это мнѣ такъ больно было видѣть, такъ меня волновало, что я ходилъ дома самъ не свой, не досыпалъ ночей, а между тѣмъ старался являться къ графу всегда въ маскѣ невозмутимаго спокойствія и этимъ спокойствіемъ поднимать его упавшую энергію. Наконецъ, я не выдержалъ этого напряженія и свалился; по счастію, это случилось уже въ концѣ августа, когда состояніе графа настолько поправилось, что онъ могъ обойтись безъ моихъ медицинскихъ совѣтовъ и когда изъ Петербурга пріѣхалъ одинъ изъ друзей графа, а также и его младшій сынъ, такъ что прекращеніе нашихъ ежедневныхъ свиданій не было особенно ощутимо. Пролежалъ я ровно недѣлю и, какъ только всталъ, первый выходъ мой былъ къ графу; нашелъ я его въ относительно лучшемъ видѣ, по прежнему на кушеткѣ и по прежнему обложеннымъ газетами: лишай подсохъ и исчезъ, появился аппетитъ и пищевареніе совершалось болѣе правильно, но этимъ улучшеніе и ограничилось, потому что пароксизмы невралгическихъ болей въ рукѣ продолжались и зачастую лишали его сна, а небольшое повышеніе температуры, получаемое даже при несовершенномъ измѣреніи ея между пальцами, учащеніе перебоевъ въ сердцѣ и появленіе крови въ мокротѣ и т. п. указывали, что нарушеніе легочнаго процесса все еще не вступило въ періодъ хроническаго затишья. Онъ по прежнему не въ силахъ былъ справляться съ наплывомъ тяжелыхъ предчувствій, и даже пріѣздъ кой-кого изъ старыхъ знакомыхъ только отчасти развлекалъ его и онъ замѣтно

легче утомлялся разговорами; правда, иногда, и теперь случалось, что, увлекшись бесѣдой, онъ забывалъ о болѣзни, оживлялся, глаза загорались своимъ мягкимъ блескомъ, остроумная и шутливая рѣчь его радостно электризовала присутствующихъ, ибо напоминала имъ прежняго Лориса, но это продолжалось недолго, и онъ снова впадалъ въ свое сумрачное настроеніе.

Какъ только онъ почувствовалъ, что набрался достаточно силъ для совершенія обратнаго переѣзда на югъ, то началъ торопиться въ путь, боясь, чтобы новое ухудшеніе не задержало въ Веве до холоднаго времени, и 17 сентября уѣхалъ, а на слѣдующій день извѣстилъ меня депешею, что благополучно добрался до своей зимней квартиры. Послѣдовавшія затѣмъ письма отъ него были довольно успокоительны: въ Ниццѣ онъ замѣтно пріободрился, сталъ выѣзжать на прогулки, и даже чаще чѣмъ въ предыдущія зимы, и только жаловался, что лѣвая рука все продолжаетъ его сильно мучить. Послѣднее его письмо ко мнѣ было отъ 11 декабря 1888 года и ничѣмъ не предвѣщало близкой опасности, а потому полученная мною лаконическая депеша отъ $^{12}/_{24}$-го декабря, сообщавшая о его кончинѣ, поразила своею неожиданностью. Изъ дошедшихъ до меня впослѣдствіи подробностей о предсмертной болѣзни графа знаю только, что онъ слегъ въ постель $^{5}/_{17}$-го декабря, по причинѣ усиленія кашля и появленія лихорадочнаго состоянія, очень страдалъ отъ безсонныхъ ночей и силы его быстро падали; встревоженная семья уговорила его призвать на консультацію нѣмецкаго врача, состоявшаго при виртембергскомъ королѣ, зимовавшемъ въ Ниццѣ, но было поздно. Консультація состоялась въ 4 часу дня $^{12}/_{24}$ декабря, за 5 часовъ до смерти, и графъ даже въ эти послѣдніе часы своей жизни остался вѣренъ своей антипатіи къ медицинскимъ осмотрамъ; напрасно докторъ-консультантъ склонялъ его допустить къ изслѣдованію груди, графъ отвѣчалъ: „не сегодня, любезный докторъ, а завтра, если только буду живъ; если же нѣтъ....“ и онъ пожалъ плечами. А въ 8 ч. 40 мин. того-же вечера для него наступилъ вѣчный покой, къ которому онъ перешелъ въ полномъ сознаніи.

Россія лишилась въ лицѣ его одного изъ даровитѣйшихъ, безкорыстнѣйшихъ своихъ сыновъ и можно лишь искренно и не въ оскорбленіе живущимъ пожелать ей побольше такихъ!

Можетъ быть, многіе изъ безстрастныхъ читателей этихъ страницъ найдутъ, что онѣ написаны въ слишкомъ хвалебномъ тонѣ и спросятъ меня: «да неужели же графъ не имѣлъ никакихъ недостатковъ?»—Несомнѣнно имѣлъ, отвѣчу я; на то онъ и былъ человѣкъ съ нервами, плотью и кровью, а потому ничто человѣческое ему не было чуждо, но прошу помнить, что я даю не характеристику графа, а только свои личныя воспоминанія о немъ,—въ моихъ же личныхъ впечатлѣніяхъ его мелкіе недостатки и слабости съ избыткомъ вознаграждались его богатыми достоинствами, и не столько поражалъ въ немъ его обширный, свѣтлый умъ, сколько благожелательное сердце, которое въ этомъ 60-лѣтнемъ старцѣ, не смотря на точившую его медленно болѣзнь и пережитыя превратности, не зачерствѣло и сохранило горячую вѣру въ человѣчество и чисто юношескую чуткость къ появленіямъ всего честнаго и благороднаго въ окружающей жизни. Какимъ онъ остался въ моей памяти, такимъ я и старался передать его здѣсь, насколько съумѣлъ.

Н. А. Бѣлоголовый [1]).

Изъ воспоминаній о Н. А. Бѣлоголовомъ.

Г. А. Джаншіева.

Вотъ человѣкъ, про котораго самые злые и длинные языки не могли-бы сказать ничего дурного. У Николая Андреевича Бѣлоголоваго не было вовсе личныхъ враговъ,—не потому, чтобы онъ, какъ иныя „складныя души», по выраженію Салтыкова, доходилъ, вслѣдствіе безхарактерности и нравственной лѣни, до безразличной елейности въ сношеніяхъ со всѣми. Нѣтъ! Бѣлоголовый, какъ человѣкъ твердыхъ нравственныхъ принциповъ и стойкихъ политическихъ убѣжденій, сильно дорожилъ ими. Изъ-за политическаго разномыслія ему приходилось не разъ расходиться съ людьми близкими и въ молодости, какъ это было съ З-мъ, впослѣдствіи знаменитымъ врачемъ, такъ въ особенности въ послѣдніе годы жизни его, когда политическое линяніе и своекорыстная измѣна убѣжденіямъ сдѣлалась явленіемъ заурядным. Но благодаря своей врожденной мягкости и

[1]) Фотографія снята съ горельефа хранящагося у С. П. Бѣлоголовой.

рѣдкому самообладанію, онъ умѣлъ расходиться съ былыми союзниками съ такою простотою и достоинствомъ, какъ это было напр. съ извѣстнымъ преуспѣвающимъ публицистомъ С., что сами противники, при всей своей досадѣ и гнѣвѣ, вынуждены были отдать справедливость и чистотѣ мотивовъ Н. А., и безупречности его образа дѣйствій...

Знакомствомъ съ Бѣлоголовымъ я обязанъ пріятелю своему, бывшему профессору Московскаго университета М. М. Ковалевскому. Находясь въ 1889 г. на Ривьерѣ, я заболѣлъ инфлуенціею и обратился за помощью къ сосѣду Ковалевскаго въ Болье, къ англійскому врачу, который сразу поразилъ меня своими пріемами лѣченія.—Онъ на отрѣзъ отказался выслушать сердце и легкія, рекомендовалъ плаванье въ морѣ, ѣзду верхомъ и на велосипедѣ и посовѣтовалъ взять изъ аптеки какое-то патентованное средство. Результаты лѣченія оказались самые плачевные. Оно и понятно: мой врачъ оказался ветеринаромъ, медикомъ же была его жена (на двери была такая двусмысленная надпись: M-r et M-me docteur и т. п.)

Лѣчиться отъ неудачнаго лѣченья пришлось у Бѣлоголоваго, жившаго по близости, въ гор. Ментонѣ. Онъ стоялъ въ Hôtel Metropole, оказывая послѣднюю услугу своему великому другу С. П. Боткину.

По правдѣ сказать не безъ внутренней тревоги ѣхалъ я на свиданье къ медицинскому свѣтилу.—Хорошо помня тяжелую, театральную и подчасъ оскорбительную обстановку пріема медицинскихъ знаменитостей chez nous, я ждалъ и тутъ встрѣтиться съ болѣе или менѣе замаскированнымъ допросомъ швейцаромъ „свѣтила" о средствахъ платежа и т. п. Съ первыхъ же минутъ всѣ мои опасенія разсѣялись. Бѣлоголовый жилъ въ скромной гостинницѣ, занимая въ ней съ женою двѣ комнаты.

Первая моя попытка видѣть Бѣлоголоваго оказалась неудачною.

Утомленный уходомъ за Боткинымъ, самъ больной, едва оправившійся отъ воспаленія легкаго, Н. А. не могъ меня принять. Неизмѣнная спутница и вѣрный стражъ Бѣлоголоваго, жена его Софья Петровна, вѣжливо, но твердо заявила, что Н. А. никого, абсолютно никого не можетъ принять.

Въ слѣдующій разъ, въ назначенное время—минута въ минуту—принялъ меня Бѣлоголовый въ своемъ маленькомъ кабинетѣ, служившемъ ему и спальнею и выходящемъ окномъ на сверкающее подъ яркимъ солнцемъ синее море. Высокая, худощавая фигура Н. А. сразу производила впечатлѣніе, но особенно бросался въ глаза красивый широкій, высокій лобъ. Въ общемъ обликъ былъ таковъ, что не пройдешь мимо его, не замѣтивъ. Но первое впечатлѣніе было скорѣе суровое, серьезное, чѣмъ мягкое: Н. А. напоминалъ типъ худощавыхъ энергичныхъ, молчаливыхъ сибиряковъ съ землистымъ цвѣтомъ кожи и крупными, рельефно выведенными чертами лица. Стоило однако украдкой бросить взглядъ на близорукія глаза Бѣлоголоваго, полные безконечной доброты и душевной чистоты, чтобы прошла первая оторопь, навѣянная частью крупною фигурою Н. А., частью ореоломъ медицинской извѣстности его. А когда заговорилъ онъ своимъ мягкимъ, симпатичнымъ голосомъ, прошли послѣдніе остатки замѣшательства. Осмотръ и распросъ продолжался долго, и, несмотря на утомленный видъ Н. А., онъ съ чрезвычайнымъ вниманіемъ вникалъ во всѣ мелочи жизнен-

ной обстановки пациента. Въ концѣ сеанса у меня не осталось уже никакого смущенія, инстинктивно складывалось убѣжденіе, что я имѣю дѣло не только съ первоклассным врачемъ, но и гуманнѣйшимъ человѣкомъ.

Собираясь уходить, я положилъ на столъ гонораръ. Н. А. молча возвратилъ его назадъ. Я былъ крайне сконфуженъ. Оказалось, что съ пишущей братьи, по старымъ традиціямъ, Н. А. ничего не бралъ. Да и съ другихъ Н. А. бралъ то, что они добровольно предлагали. Впослѣдствіи, когда мы ближе познакомились съ нимъ, мнѣ однажды стоило большого труда уговорить его принять хоть скромную сумму въ пользу вдовы Фрея, въ которой онъ принималъ живое участіе.

Послѣ медицинскаго осмотра Н. А. познакомилъ меня съ своею женой.— За русскимъ чаемъ завязалась въ виду лазореваго моря и апельсинныхъ рощъ бесѣда о далекой Россіи, покрытой въ это время снѣгомъ и скованной декабрьскими морозами. Какъ потомъ я убѣдился, Н. А. былъ интересный собесѣдникъ, умѣющій слушать, и превосходный разсказчикъ, живо воспроизводившій черты многочисленныхъ своихъ знакомыхъ изъ русскаго литературнаго, ученаго, политическаго міра. Его крайне занимательные разсказы были всегда живою лѣтописью, рисовавшею жизнь людей и кружковъ, такъ или иначе игравшихъ видную роль въ исторіи русской общественной жизни. Имѣя многочисленныя знакомства и связи и въ прошломъ и въ настоящемъ съ выдающимися людьми различныхъ сферъ, начиная отъ литературныхъ кружковъ и кончая видными государственными дѣятелями, обладая при этомъ завидною памятью и способностью въ простомъ, правдивомъ разсказѣ живо изображать все видѣнное имъ, Н. А. Бѣлоголовый былъ въ высшей степени пріятнымъ и поучительнымъ собесѣдникомъ. Но при этомъ первомъ нашемъ свиданіи онъ довольствовался разспросами, изъ коихъ я могъ убѣдиться, что онъ чрезвычайно внимательно слѣдилъ и по газетамъ, и по частной корреспонденціи за внутренними дѣлами Россіи.

Уходя отъ Н. А. Бѣлоголоваго, я уносилъ испытанное, вѣроятно, и многими другими впечатлѣніе: своимъ простымъ, задушевнымъ обращеніемъ, своимъ отзывчивымъ участіемъ ко всѣмъ прогрессивнымъ стремленіямъ вѣка этотъ типичный шестидесятникъ сразу завоевывалъ симпатію и послѣ первой же встрѣчи казалось, какъ будто вы съ нимъ давно знакомы и встрѣчаетесь послѣ долгой разлуки.

Въ концѣ декабря, послѣ похоронъ Боткина мы видѣлись съ Н. А. нѣсколько разъ. Какъ ни дивны были окружающія насъ красоты природы, какъ ни увлекательны интересы науки и какъ ни разнообразны умственно-нравственные вопросы Европы, за которыми Н. А. всегда внимательно слѣдилъ, разговоръ все-таки въ концѣ-концовъ сворачивалъ на кровные интересы отдаленной родины. Бѣлоголовый, среди роскошной южной природы, тосковалъ о Россіи.

Знакомство наше, завязавшееся въ Ментонѣ, поддерживалось въ теченіе пяти лѣтъ пребыванія Н. А. за границей перепискою, которую онъ былъ мастеръ поддерживать какъ задушевностью тона своихъ писемъ, такъ и аккуратностью. Осень 1890 г. я проводилъ въ Турціи и Греціи, а Н. А. въ это время успѣлъ переѣхать изъ захолустья маленькаго городишка Веве въ сравнительно большой городъ Лозанну, гдѣ обыкновенно живутъ нѣсколько русскихъ семействъ, въ томъ числѣ А. А. Герценъ. Какъ ни далекъ былъ крюкъ изъ Аѳинъ въ Лозанну,

но желаніе видѣть Н. А., къ которому я по письмамъ успѣлъ еще больше привязаться, было такъ сильно, что я рѣшился даже въ суровомъ декабрѣ ввѣриться Адріатическому морю. Въ Лозаннѣ я засталъ чисто русскую зиму съ морозомъ, со снѣгомъ и санями. Н. А. жилъ съ женою и двумя племянниками-сиротами за городомъ на Avenue des Alpes, среди безконечныхъ виноградныхъ садовъ. Н. А. принялъ меня какъ роднаго. Видно было, что отсутствіе общества сильно тяготило этого истинно-общественнаго человѣка. Суррогатомъ общества служили ему русскія газеты (московская, петербургская, сибирская) и журналы, которые онъ прочитывалъ съ чрезвычайною аккуратностью и вниманіемъ отъ доски до доски, кромѣ, впрочемъ, беллетристики. Благодаря этому всякаго пріѣзжаго изъ Россіи онъ поражалъ детальнымъ знакомствомъ съ русскими дѣлами, въ особенности со всѣмъ, что касалось народнаго просвѣщенія, земской медицины и вообще дѣятельности преобразованныхъ учрежденій.

До конца 1892 г. мы не видались съ Н. А., но продолжавшаяся между нами переписка давала возможность обмѣниваться мыслями. Отъ этого времени у меня сохранилась большая пачка писемъ Н. А., могущихъ служить матеріаломъ какъ для характеристики его личности вообще, такъ и тогдашняго его настроенія. Письма большею частью съ оттѣнкомъ грусти, и всѣ отличаются необыкновенною отзывчивостью на текущіе русскіе общественные интересы. О чемъ бы ни заговорилъ Н. А., образъ далекой и пламенно любимой родины неизмѣнно являлся предъ нимъ. Такъ, въ началѣ 1892 г. по поводу открытія лозаннскаго университета въ полномъ составѣ всѣхъ факультетовъ Бѣлоголовый писалъ мнѣ въ письмѣ отъ 25-го мая: «Этотъ разъ хворьба Юзи (малолѣтняго племянника-сироты, взятаго имъ на воспитаніе) пришлась особенно не кстати, совпавши съ Лозанскими праздниками». Университетскіе праздники удались какъ нельзя лучше; однихъ профессоровъ-гостей наѣхало около 200, да студентовъ-гостей болѣе 600; оффиціальности никакой, полиціи еще того меньше, и этотъ наплывъ ничѣмъ не стѣсняемой молодежи, свѣжей и свободной, какъ-то необыкновенно оживилъ и помолодилъ все населеніе города, даже самаго почтеннаго возраста; какое-то молодое, задорное увлеченіе носилось въ воздухѣ,— и при этомъ никакого скандала, ни малѣйшаго нарушенія общественнаго благоприличія за эти 4 дня... Профессора тоже держали себя крайне мило и хотя, именно французскіе, выступали въ своихъ средневѣковыхъ тогахъ, но запросто смѣшивались съ молодежью и со всѣми говорили хорошія рѣчи о хорошихъ вещахъ, и всѣ національности такъ смѣшались между собой, что не было «ни іудея, ни еллина», ни даже нѣмцевъ и французовъ, а были представители всѣхъ національностей, весело пировавшихъ на крестинахъ новаго университета. Да, изъ европейскихъ націй всѣ были тутъ, и только наша родная совершенно отсутствовала, словно она не существуетъ на бѣломъ свѣтѣ».

Когда къ осени 1891 г. стали все грознѣе и грознѣе обрисовываться размѣры надвигающагося народнаго бѣдствія, Н. А. весь ушелъ въ него и въ каждомъ письмѣ онъ возвращался къ нему. «Да, пути Божіи неисповѣдимы,—писалъ онъ 5-го декабря 1891 г. Приходило ли намъ въ голову, когда мы съ вами встрѣчали новый годъ, что Россію ждетъ голодъ, хотя въ сущности такую бѣду всегда болѣе или менѣе можно было предвидѣть и въ предупрежденіяхъ недо-

статка не было. При этомъ нельзя не воздать хвалы *Русс. Вѣд.* за то, что онѣ цѣликомъ отдались выясненію размѣровъ голода и организаціи помощи, а безъ нихъ только читая... «Новостей» пришлось-бы остаться въ совершенномъ невѣдѣніи обо всемъ, что происходитъ въ дѣйствительности... Мы, слѣдя издали, ждемъ теперь съ большою тревогою, какъ у васъ пойдетъ съ января и чѣмъ это кончится? Да, это не война, но во сто разъ похуже ея, уже хотя бы по одному тому, что жертвами будутъ легче всего дѣлаться кто послабѣе, женщины и особенно малолѣтнія дѣти. А что не слышно ли у васъ, чтобы примѣръ гр. Л. Толстого увлекъ за собою кого-нибудь, кто поѣхалъ бы помогать на мѣстахъ голодовки, или не позволяютъ?... А вѣдь на самомъ дѣлѣ это чуть ли не единственный способъ быть истинно-полезнымъ въ настоящую годину». Когда возникла мысль объ изданіи *Русскими Вѣдомостями* сборника въ пользу голодающихъ, Н. А. желалъ обработать для него свою переписку съ М. Е. Салтыковымъ, но не могъ выполнить своего намѣренія, такъ какъ все свое время отдавалъ неотложной срочной работѣ: составленію біографіи Боткина. За всѣми сборниками, выходящими въ пользу голодающихъ, онъ слѣдилъ съ большимъ вниманіемъ, выписывая всѣ безъ исключенія и дѣлясь въ письмахъ впечатлѣніями о прочитанномъ.

Зиму 1892—1893 гг. Н. А. провелъ въ Ниццѣ, въ извѣстномъ «русскомъ пансіонѣ» на окраинѣ города, въ rue Gounod. Въ этомъ пансіонѣ живали Герценъ, Салтыковъ, Елисѣевъ, Семевскій и другіе литераторы. Съ водвореніемъ въ пансіонѣ Н. А. онъ сдѣлался какъ бы центромъ для русскихъ литераторовъ. Н. А. завелъ обѣды по средамъ, на которыхъ постоянными посѣтителями бывали почти всѣ, какъ постоянно жившіе, такъ и пріѣзжавшіе въ Ниццу представители русской интеллигенціи. Пансіонъ славился русскими блюдами, приготовляемыми бывшею крѣпостною, вышедшею замужъ за негра. Само собою разумѣется, что за обѣдомъ завязывалась бесѣда о Россіи и русскихъ дѣлахъ, заканчиваемая за самоваромъ.

Во время голода Н. А. взялъ на себя тяжелую обузу сбора пожертвованій среди зажиточной русской колоніи въ Ниццѣ. Подписка шла очень туго, но все-таки Н. А. удалось собрать порядочную сумму въ пользу голодающихъ, которымъ и изъ своихъ средствъ онъ немало пожертвовалъ. Пожертвованія шли чрезъ мои руки, причемъ Н. А. всегда убѣдительно просилъ не оглашать его имени. Я свято уважалъ его волю, помня единственную размолвку нашу, обязанную своимъ происхожденіемъ крайней скромности Н. А. Дѣло было такъ. Въ Лозаннѣ съ Н. А. случилось несчастіе: возвращаясь черезъ садъ отъ знакомыхъ темною ночью, онъ оступился въ яму, упалъ и сильно расшибся. Болѣзнь его очень безпокоила друзей его, и, когда онъ выздоровѣлъ, я помѣстилъ объ этомъ краткую замѣтку въ *Русск. Вѣд.* Она сильно огорчила Н. А., который мнѣ писалъ по этому поводу: „За какія *провинности* вы меня наказали? Во 1-хъ, самый фактъ въ виду его быстрой и благополучной развязки — такъ ничтоженъ, что не заслуживалъ оглашенія; во-2-хъ, я человѣкъ *дикій* и по своему характеру чувствую себя всегда крайне неловко, когда общественное вниманіе обращено на меня; оно гораздо больше меня стѣсняетъ и конфузитъ, чѣмъ льститъ самолюбію. А въ довершеніе всего кое-кто изъ знакомыхъ, встревожившись га-

зетнымъ извѣстіемъ, обратились ко мнѣ съ запросами, и на эти письма приходится отвѣчать, что при моемъ больномъ пальцѣ составляетъ для меня чувствительное физическое наказаніе, въ нѣкоторомъ родѣ розгу».

Все мое почти шестилѣтнее знакомство съ Н. А. было для меня источникомъ высокаго нравственнаго наслажденія. Идеалистъ, оптимистъ, но безъ слащавой маниловщины, горячій патріотъ, безъ человѣконенавистничества, Н. А. горячо вѣрилъ въ русскій прогрессъ и какъ главный факторъ его—въ просвѣщеніе русскаго народа. Въ минуты сомнѣнья, унынія у этого испытаннаго друга свободы и просвѣщенія всегда находилось искреннее слово ободренія и утѣшенія. Сравнивая современныя условія дѣятельности съ временемъ освободительной эпохи, Н. А. писалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: «Современные дѣятели прессы имѣютъ нѣкоторое преимущество предъ дѣятелями болѣе близкой мнѣ эпохи; нынѣшніе хоть и мелче плаваютъ, но за-то настойчивѣе стремятся и знаютъ ту синицу, которую хотятъ поймать, не мечтая о далекихъ журавляхъ, а въ наше время совсѣмъ забывали мудрое французское изреченіе: qui trop embrasse — etreint mal»... Основной пунктъ profession de foi Н. А. была непоколебимая вѣра въ прогрессъ и въ русскій народъ, и она давала ему твердую точку опоры при современномъ шатаніи мысли. «Тамъ, въ пороховомъ дыму,—писалъ онъ въ 1892 году,—вамъ не такъ замѣтно, какъ мнѣ съ высоты птичьяго полета, что борьба со зломъ не совсѣмъ безрезультатна. Правда и то, что въ болѣе молодые годы естественна и большая страсность и меньшая терпѣливость, чѣмъ въ мои годы, когда увѣренность въ торжествѣ прогресса *не уменьшилась*, а только больше миришься съ мыслью, что торжество это отодвинулось въ такую даль, что лично присутствовать на немъ не придется. Вотъ, напр., завтра (19-го февраля ст. ст.) можно спорить, пожалуй, что экономическое положеніе мужика за эти 30 лѣтъ не улучшилось, но что это далеко ужъ не та «святая скотина» и что сильно шагнулъ къ подобію человѣка—это неоспоримо, а потому» и пр.

Съ осени 1894 г. Н. А. переѣхалъ въ Москву, частью для воспитанія двухъ своихъ племянниковъ-сиротъ, частью побуждаемый тою «тоскою по родинѣ», которая все время мучила за границею этого невольнаго абсентеиста. Опредѣливъ племянниковъ въ Лазаревскій институтъ, Н. А. поселился по сосѣдству на Маросейкѣ, въ домѣ Боткиныхъ. Немилосердный климатъ родины далъ себя скоро знать. Уже въ началѣ 1895 года Н. А. слегъ въ постель и съ тѣхъ поръ онъ болѣе не поправлялся, и даже благопріятное лѣто того года, проведенное Н. А. подъ Москвою, въ имѣніи П. П. Боткина, Поповкѣ, не возвратило ему здоровья.

Пока были еще кое-какія силы, Н. А. продолжалъ свою регулярную жизнь: днемъ чтеніе газетъ, вечеромъ журналовъ, а также продолжалъ свою довольно обширную корреспонденцію. Послѣднее письмо, полученное мною отъ Н. А. изъ Поповки, помѣчено 14-мъ іюля. Въ немъ онъ, между прочимъ, пишетъ: «вообще же это жаркое солнышко послѣднихъ дней сдѣлало то, что если я не обратился въ настоящаго человѣка съ даромъ слова и свободы передвиженія (о, до этого еще очень далеко!), то все же по крайней мѣрѣ меньше мучился своими удушьями и спазмами. Улучшеніе ничтожное, но оно оправдываетъ мою смѣлость — ожидать скораго свиданія. Не откладывайте только пріѣзда, а то опять могутъ задуть аквилоны, нагрянетъ атмосфера сѣвернаго полюса, и я снова обращусь

въ ни на что негодное существо. Племянникъ-врачъ теперь у насъ и хоть до нѣкоторой степени облегчаетъ Сонѣ (женѣ Н. А., Софьѣ Петровнѣ) уходъ за мною, а то она доухаживалась до того, что дня три тому назадъ упала ночью отъ дурноты...» Далѣе говорится объ общихъ знакомыхъ и о новостяхъ литературныхъ.

Такъ и въ другихъ письмахъ: о болѣзни нѣсколько словъ, и все письмо посвящается интересамъ близкихъ и интересамъ ближняго, интересамъ общественнымъ. Ими Н. А. жилъ, можно сказать, до послѣднихъ минутъ своей жизни, послѣднюю радость коей составило извѣстіе о предстоящемъ открытіи женскаго медицинскаго института и нѣкоторое оживленіе интереса къ народному образованію.

Вступивъ на поприще общественной жизни на зарѣ освободительной эпохи, этотъ стойкій гражданинъ, не желавшій ничего болѣе лично для себя, жаждалъ только одного,—чтобъ на закатѣ дней дано было ему видѣть достойныхъ «преемниковъ», продолжающихъ начатое дѣло свободы и просвѣщенія народа. На смертномъ одрѣ своемъ Н. А. не разъ мечталъ объ этомъ:

О, пусть придутъ они, чтобъ намъ хоть мигъ единый
Взглянуть на ихъ борьбу, на ихъ побѣдный слѣдъ,
Чтобъ солнце новое увидѣть предъ кончиной,
Сказать: «оно идетъ» и пѣснью лебединой
Изъ тьмы привѣтствовать пылающій разсвѣтъ.

Аджинъ (Киликія).

Послѣднія письма М. Е. Салтыкова къ Н. А. Бѣлоголовому*).

1.

18 января (1889 г.).

Многоуважаемый Николай Андреевичъ! Богъ знаетъ, сколько ужъ времени ни я не писалъ къ Вамъ, ни отъ Васъ не получалъ извѣстій, такъ что и съ очереди сбился. Я, впрочемъ, потому не писалъ, что въ послѣднее время былъ особенно удрученъ. Объ Васъ же съ удовольствіемъ слышалъ отъ Лихачевыхъ, что Вы, благодареніе Богу, здоровы и дѣлаете уже планы на будущее лѣто.

Боткинъ давно меня не смотрѣлъ. Здѣсь былъ съѣздъ врачей и продолжался десять дней; понятно, что С. П. былъ занятъ по горло. 1-го и 15 января (мнѣ 63 года исполнилось) онъ былъ, впрочемъ, у меня, но съ предвареніемъ, что пріѣзжаетъ не какъ врачъ. Судя же потому, что Екатерина Алексѣевна сообщала женѣ, что я еще 15 лѣтъ проживу, я замѣчаю, что и взглядъ Сергѣя Петровича таковъ, что болѣзнь моя идетъ своимъ чередомъ. Но можно себѣ представить, какъ меня обрадовала мучительная перспектива долгихъ лѣтъ существованія.

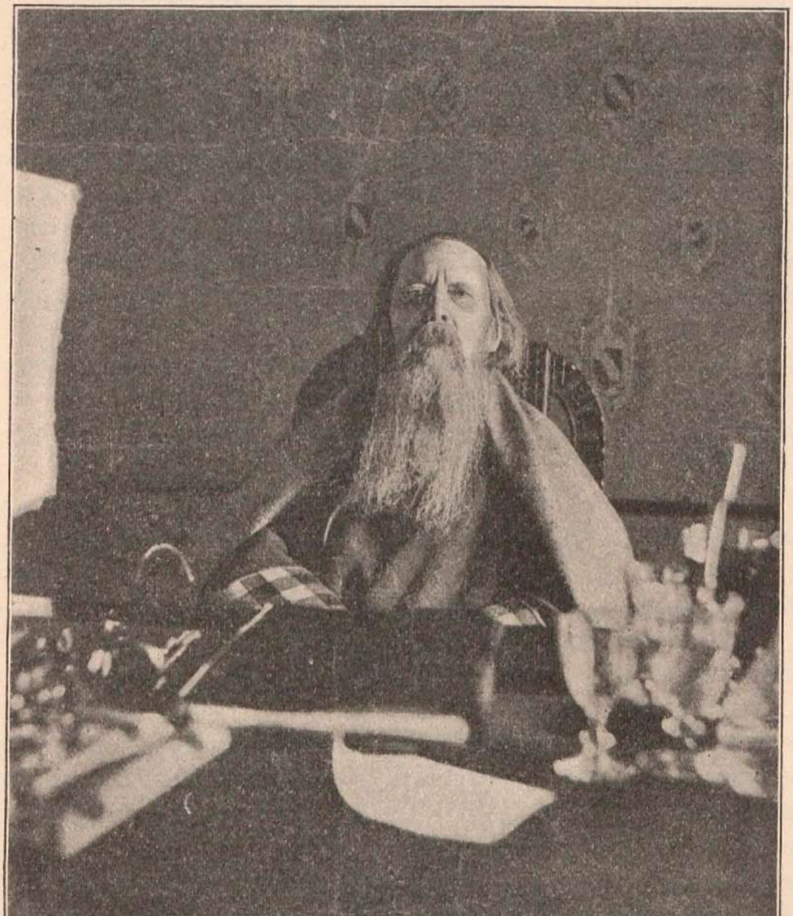
Въ послѣднее время, у меня созрѣлъ планъ. У меня есть сестра, которая замужемъ за французомъ и живетъ въ г. Турѣ. Не переѣхать ли и мнѣ туда? Только она не очень добрая и притомъ спиритка — пожалуй, будетъ меня обращать въ свою вѣру и каждоминутно раздражать. А другое обстоятельство — на два дома жить нельзя будетъ. А переѣзжать придется, вѣроятно, навсегда, потому что Туръ не купель Силоамская и не возстановитъ меня настолько, чтобы

*) Съ Н. А. Бѣлоголовымъ Салтыковъ познакомился въ качествѣ паціента въ 1874 г., но потомъ они близко сошлись и вели оживленную переписку, которую обѣ стороны поддерживали очень охотно и регулярно (см. Воспоминанія Бѣлоголоваго). Послѣ Бѣлоголоваго осталось 117 писемъ, написанныхъ къ нему Салтыковымъ съ 1875—по 1889 г.— Здѣсь печатаются три послѣднія письма Салтыкова, изъ коихъ самое послѣднее писано имъ, за 7 дней до смерти, карандашемъ и уже дрожащею рукою.—Письма любезно доставлены для сборника вдовою Н. А.—С. П. Бѣлоголовою.—Помѣщаемый здѣсь портретъ Салтыкова сдѣланъ съ фотографіи, снятой Л. Ф. Пантелеевымъ въ 1887 г. въ кабинетѣ больнаго М. Е.

Г. Д.

я могъ мечтать о прежней дѣятельности. Если перемѣна климата и поможетъ, то лишь подъ условіемъ, чтобы въ этомъ новомъ климатѣ и жить.

Дня три тому назадъ опасно заболѣлъ Гончаровъ. Прежде сказали бы, что съ нимъ случился параличъ, а теперь говорятъ: закупорка. Все совершенствуется. Я, впрочемъ, вчера посылалъ справиться. Онъ, какъ вамъ извѣстно, совсѣмъ одинокъ, но какія то двѣ дамы ухаживаютъ за нимъ и велѣли сказать, что больному лучше. Во всякомъ случаѣ, 78 лѣтній возрастъ даетъ плохую надежду.

М. Е. Салтыковъ.

Съ Елисѣевымъ творится тоже что то неладное, открылось кровохарканіе. И то года не молодые! Уходятъ старики; въ послѣднее время валомъ валятъ. Но какъ ни велики недуги, угнетающіе Гонч. и Елис., а мнѣ кажется, что недуги эти — ничто передъ моимъ съ точки зрѣнія мучительности. Неужели же я буду настолько несчастливъ, что меня одного смерть пощадитъ.

Я кое какъ покончилъ съ Пош. Стариной, т. е. по просту скомкалъ.

Въ мартовской книжкѣ появится конецъ, за который никто меня не похвалитъ. Но я до такой степени усталъ и измученъ, что надо было во что-бы ни стало отдѣлаться.

Прошу васъ передать мой сердечный привѣтъ добрѣйшей Софіи Петровнѣ. Жена шлетъ вамъ обоимъ поклонъ.

Прощайте. Насилу пишу. Дружески жму вашу руку и остаюсь

Искренно преданный

М. Салтыковъ.

2.

21 февраля (1889 г.).

Многоуважаемый Николай Андреевичъ! Я ужъ и со счета сбился, съ какихъ поръ Вамъ не писалъ. Право, я не виноватъ, до такой степени мнѣ нестерпимо жить и въ то же время такъ совѣстно наполнять письма разными стенаніями. Мученіе, мученіе, мученіе—вотъ и все, и, кромѣ того, почти полная разобщенность съ внѣшнимъ міромъ. Даже Лихачева совсѣмъ не вижу, потому что Вл. Ив. совершенно погруженъ въ избирательную агитацію. А о Боткинѣ и понятія не имѣю, хотя каждый разъ какъ ему напоминаютъ обо мнѣ, онъ велитъ сказать, что на-дняхъ побываетъ. Въ этихъ обольщеніяхъ проходятъ мѣсяцы.

Въ послѣднее время меня сильно допекали предложеніями купить право собственности на мои сочиненія. Давали 60 т. р.—сумма приличная, но съ такими разсрочками платежей, что вмѣсто денегъ на первомъ планѣ стояла хитро задуманная комбинація.

Одинъ изъ пріобрѣтателей даже требовалъ, чтобы я представилъ всѣ сочиненія въ предварительную цензуру и во всякомъ случаѣ гарантировалъ, что полное собраніе пройдетъ благополучно. Переговоры эти до того меня измучили, что я рѣшился разомъ оборвать ихъ. Теперь задумалъ самъ издавать полное собраніе, но такъ какъ наблюденіе за ходомъ этого дѣла было бы для меня уже окончательно невозможно, то М. М. Стасюлевичъ снисходительно принялъ его на себя. Одно пугаетъ: по смѣтѣ изданіе будетъ стоить около 32 т. р. и ежели не пойдетъ, то придется расплачиваться изъ своего кармана. Меня уговорили печатать 10 т. экз. и продавать по 12 руб. Цѣна такъ мала (теперь все собраніе стоитъ до 40 руб.), что можно расчитывать на хорошую продажу, но съ нашей публикой загадывать впередъ трудно.

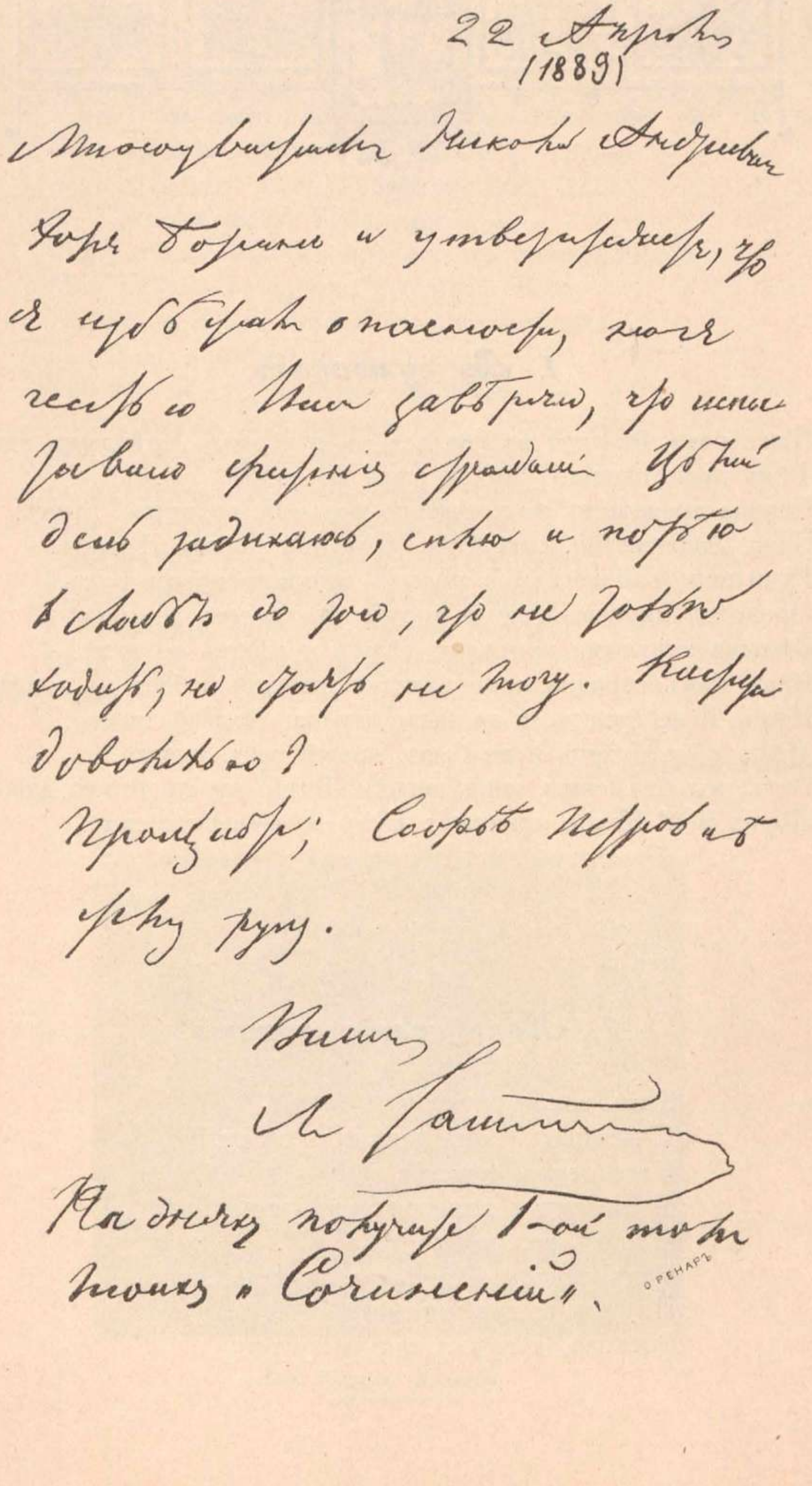
Вы совершенно правы: мнѣ и думать нечего ѣхать за-границу, но не потому, что я тамъ стоскуюсь, а потому что въ моемъ теперешнемъ положеніи едва-ли куда нибудь доѣду. Что касается до тоски по родинѣ, то я полагаю, что недалеко время, когда вообще никакія ощущенія не будутъ для меня доступны, а о дѣятельности я и не помышляю. Вотъ уже почти 6 мѣсяцевъ ничего не пишу, да и не думаю, чтобы творческая сила когда нибудь возстановилась. У меня новость: лицо покрылось багровыми пятнами. Васильевъ смотритъ и говоритъ: скажите на-милость!

Прошу передать мой сердечный привѣтъ добрѣйшей Софіи Петровнѣ. Жена Вамъ кланяется.

Искренно преданный

М. Салтыковъ.

3,

22 Апреля
(1889)

Многоуважаемый Николай Андреевич

Хоть болен и утверждаю, что

я чувствую опасность, хочу

честью Вам заверить, что непо-

давно страшно страдал. Целый

день задыхаюсь, сплю и потом

в слабости до того, что не только

ходить, но стоять не могу. Каково

довольно?

Прощайте; Совет Петрович

жму руку.

Ваш

Н. Лесков

На днях получите 1-ой том

моих «Сочинений».

О. РЕНАРЪ

1. Въ сумеркахъ.

Какъ намъ отрадно задуматься въ сумеркахъ свѣтлыхъ вдвоемъ,
Тѣнь пролетѣвшаго ангела вижу во взорѣ твоемъ!
Сердце трепещетъ восторженно вольною радостью птицъ,
Вижу блаженство, сокрытое бархатной тѣнью рѣсницъ.
Руки невольно касаются милыхъ сочувственныхъ рукъ,
Призраки мирнаго счастія кротко столпились вокругъ.
Бѣлыми свѣтлыми крыльями вѣютъ и рѣютъ во мглѣ.
Какъ намъ отрадно проникнуться правдой небесъ на землѣ!
Нѣтъ, и не будетъ, и не было сердца нѣжнѣй твоего,
Нѣтъ и не будетъ и не было, кромѣ тебя, ничего.
Вотъ, мы блаженны, какъ ангелы! Вотъ, мы съ тобою вдвоемъ!
Другъ мой! Какое признаніе вижу во взорѣ твоемъ!..

2. Какъ волны морскія.

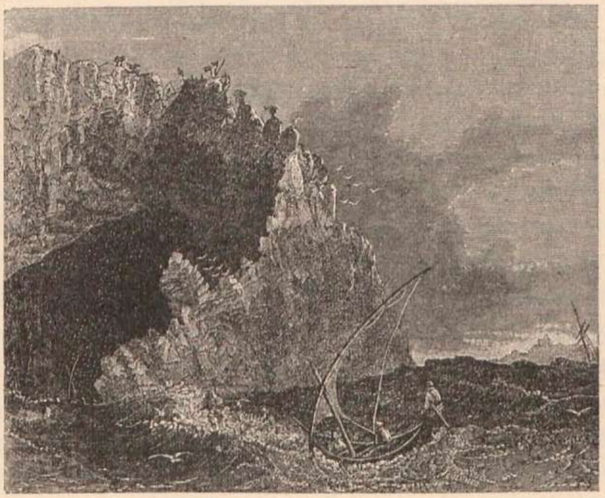
Какъ волны морскія,
Я не знаю покоя и вѣчно спѣшу.
Какъ волны морскія,
Я слезами и холодомъ горькимъ дышу.
И, какъ волны морскія,
Надъ равниной хочу высоко вознестись.
И, какъ волны морскія,
Восходя, я спѣшу опрокинуться.

3. Стонъ.

О, Господи! Молю Тебя!. Приди!
Ужъ тридцать лѣтъ въ пустынѣ я блуждаю.
Ужъ тридцать лѣтъ ношу огонь въ груди.
Ужъ тридцать лѣтъ Тебя я ожидаю.
О, Господи, молю Тебя, приди, —
Къ Твоимъ стопамъ пречистымъ припадаю!
Мнѣ разумъ говоритъ, что нѣтъ Тебя,
Но слѣпо я безумнымъ сердцемъ вѣрю,
И падаю, и мучаюсь, любя.
Ты видишь, я душой не лицемѣрю, —
Хоть разумъ мнѣ кричитъ, что нѣтъ Тебя,
Но, Господи, я кровью сердца вѣрю!
О, смилуйся надъ гибнущимъ рабомъ!
Нѣтъ больше силъ стонать среди пустыни.
Зажгись во мракѣ огненнымъ столбомъ!
Приди! Молю Тебя! Я жду святыни!
О, смилуйся надъ гибнущимъ рабомъ!
Веди меня! Веди среди пустыни!

Парижъ, 1897.

К. Бальмонтъ.

Мысъ Анамуръ (Киликія).

Изъ литературныхъ воспоминаній

(Тургеневъ, Салтыковъ и Гаршинъ).

I.

Съ Тургеневымъ мнѣ пришлось встрѣтиться при нѣсколько исключительныхъ условіяхъ. Это было, кажется, въ началѣ 80 года, когда былъ основанъ «молодой» группой сотрудниковъ «Отеч. Записокъ» небольшой «артельный» журналъ «Русское Богатство». Помнится, молодая редакція рѣшила просить Тургенева, черезъ Г. И. Успенскаго, бывшаго въ то время заграницей и видавшагося съ нимъ, прислать что-нибудь для новаго журнала. Тургеневъ, въ виду извѣстныхъ натянутыхъ отношеній между нимъ и «молодымъ поколѣніемъ», начавшихся еще съ «Отцевъ и Дѣтей» и не разсѣявшихся даже послѣ «Нови», —былъ, говорятъ, особенно тронутъ этой просьбой. Онъ тотчасъ же передалъ въ редакцію, на первый разъ, небольшое стихотвореніе «Игра въ крикетъ въ Виндзорѣ» (въ журналѣ не напечатанное, по цензурнымъ условіямъ, какъ говорили, въ виду дипломатическихъ соображеній). Въ это же время Тургеневъ выразилъ желаніе ближе сойтись и познакомиться съ «молодымъ поколѣніемъ», на первый разъ въ лицѣ редакціи новаго журнала и протянуть другъ другу руки въ знакъ «примиренія». Это «сліяніе» и должно было произойти въ первый же пріѣздъ Тургенева въ Петербургъ. Помню, о предстоящемъ свиданіи шли среди молодыхъ литераторовъ большіе разговоры: «ригористы» рѣшительно протестовали противъ такой «слабости», а тѣмъ болѣе противъ того, чтобы самимъ брать на себя иниціативу этого свиданія. Споры обострились еще болѣе, когда стало извѣстнымъ, что Тургеневъ никакъ не можетъ самъ придти въ редакцію (или къ кому-либо изъ членовъ ея), такъ какъ вслѣдствіе подагры былъ

не въ состоянiи подниматься на верхнiе этажи. Требовалось устроить подобающую обстановку свиданiя. Рѣшено было воспользоваться гостепрiимствомъ одного богатаго золотопромышленника. Для большинства соблазнъ побесѣдовать по душѣ съ «большимъ» писателемъ (а побесѣдовать въ то время было о чемъ) былъ настолько великъ, что оно не устояло и приняло эту комбинацiю.

Въ назначенный часъ я, въ сопровожденiи товарища, двинулся на званый вечеръ въ салонъ г. N. Признаться сказать, до такой степени большинство изъ насъ,—разночинскихъ литераторовъ,—было робко, дико, застѣнчиво, что одно только антре салона привело насъ въ полное смущенiе—а когда мы вошли въ богатое большое зало, убранное тропическими растенiями, когда увидали впереди стоявшее отдѣльно кресло, а вокругъ него цѣлый рядъ стульевъ, уже на половину занятыхъ неизвѣстной намъ публикой, какъ будто ожидавшей выхода на эстраду знаменитаго пѣвца или музыканта, — мы смутились окончательно и сгрудились въ сторонкѣ около входной двери. Очевидно, насъ ожидало впереди вовсе не то, на что мы разсчитывали. Въ публикѣ говорили вполголоса, самъ хозяинъ постоянно подходилъ къ лѣстницѣ и смотрѣлъ внизъ, чтобы не пропустить моментъ прiѣзда гостя. Во всемъ чувствовалось что-то необыкновенно торжественное. Вдругъ зазвенѣли по всѣмъ комнатамъ электрическiе звонки. Хозяинъ сорвался съ мѣста и бросился къ лѣстницѣ, за нимъ поднялась хозяйка. Глаза всѣхъ напряженно обратились къ дверямъ. По лѣстницѣ поднималась величественная сѣдая фигура Тургенева. Джентльменъ съ головы до ногъ, безукоризненно одѣтый, изящный и любезный, съ свободно величавыми жестами, онъ, какъ истинный «король» литературы, широкими, твердыми шагами прошелъ къ приготовленному для него мѣсту. Публика заняла полукругъ стульевъ вокругъ него — и Тургеневъ, какъ воспитанный, общественный человѣкъ, давно привыкшiй ко всевозможнымъ салонамъ, тотчасъ, кажется, понялъ свою роль. Пока публика терялась, не зная съ чего начать разговоръ,—онъ сразу взялъ все дѣло въ свои опытныя руки и началъ свободно, оживленно и остроумно разсказывать о своей заграничной жизни, о встрѣчахъ съ разными особами; затѣмъ мимоходомъ упомянувъ о современныхъ русскихъ дѣлахъ, выразилъ сожалѣнiе объ «обоюдныхъ крайностяхъ» и, наконецъ, какъ-то совершенно неуловимо перешелъ къ характеристикѣ «народа», который, по его мнѣнiю, растетъ не по днямъ, а по часамъ, и мы не замѣтимъ, когда онъ будетъ совсѣмъ большой. Какъ иллюстрацiю этой мысли, онъ безподобно передалъ два эпизода изъ своей деревенской жизни.

Въ первомъ онъ разсказалъ уморительную сцену встрѣчи важной особы.

Публика долго смѣялась, — прежде чѣмъ Тургеневъ, — съ губъ котораго не исчезала все время тонкая ироническая улыбка, перешелъ къ другому разсказу. — А вотъ это уже недавно было. — Заѣхалъ я побывать въ свое старое имѣнiе. Думаю, — посмотрю, какъ-то тамъ, что осталось отъ стараго, — все-же была старая поэзiя, воспоминанiя... Признаться сказать,—холодно почувствовалось, сиротливо, неуютно... Да оно такъ и должно быть!.. такъ и должно быть!.. Велѣлъ это я старостѣ вынести на терассу самоваръ; сѣлъ одинъ, пью чай... Вотъ вижу двигается неторопливо къ дому молодая деревня, все ближе и ближе. Смотрю: пиджаки, сапоги съ наборами, глянцемъ такъ и прыщутъ, на головахъ картузы словно накрахмаленные натянуты, — идутъ, зернышки погрызываютъ,

скорлупки на стороны побрасывают. Подошли, остановились не вдалекѣ отъ меня. Смотрятъ: глаза веселые, бодрые. Приподняли не торопясь надъ головами фуражки, опять не торопясь аккуратно надѣли.

— Ивану Сергѣичу-съ! говорятъ.

— Здравствуйте, господа.

— Разгуляться, значитъ, къ намъ прiѣхали?

— Да.

— Соскучились по родной сторонѣ?..

— Соскучился.

— Поди, не весело теперь здѣсь?

— Вотъ посмотрю.

— Тэ-экъ—съ!..

Я не припомню хорошенько всѣхъ характерныхъ деталей разговора, — да и не въ этомъ собственно дѣло было, а въ томъ непередаваемомъ тонѣ, съ которымъ онъ велся и воспроизвести который могъ только такой неподражаемый разсказчикъ, какъ Тургеневъ. Онъ дѣйствительно былъ неподражаемъ. Я, конечно, и сотой доли не могу теперь передать тѣхъ тонкихъ чертъ, характерныхъ выраженій, неуловимыхъ деталей, съ которыми передавалъ оба разсказа Тургеневъ.

— Стоятъ, зернышки грызутъ, скорлупки на сторону побрасываютъ, повторялъ Тургеневъ.—«Счастливо, говорятъ, оставаться Иванъ Сергѣевичъ!»

— Ну мыслимо ли было что-нибудь подобное двадцать лѣтъ назадъ!

Иванъ Сергѣевичъ иронически добродушно улыбнулся, публика была въ восторгѣ. Присутствовавшіе тутъ нѣкоторые редакторы и издатели тотчасъ же набросились на Тургенева съ просьбами «непремѣнно», «обязательно» воплотить эти «чудныя вещи» въ перлъ созданія—и, конечно, вручить для напечатанія въ ихъ журналахъ.

— И, имѣя такой неистощимый запасъ творчества, вы, Иванъ Сергѣевичъ, такъ скупо насъ дарите своими произведеніями! восклицали они: — это — просто грѣшно!..

— Э, господа,—сказалъ Тургеневъ, — вы насъ, писателей, плохо знаете. Разсказать что-нибудь забавное въ игривомъ тонѣ—это вовсе не такъ трудно,— а воплотить этотъ же разсказъ въ художественномъ произведеніи—это большое дѣло!.. Вотъ я вамъ сейчасъ разсказалъ два эпизода, вамъ понравилось,—а попробуй я ихъ сейчасъ же, придя домой, передать на бумагѣ, — я увѣренъ, что ничего не выйдетъ, даже строчки не напишу!..

Разговоры въ томъ же направленіи продолжались еще нѣсколько времени.

Наконецъ Тургеневъ громко поднялся: очевидно «сеансъ» былъ конченъ. За нимъ шумно поднялась публика, — и только теперь Тургеневъ, повидимому, вспомнилъ, что у него съ кѣмъ-то должно было произойти свиданіе «по-душѣ», однимъ словомъ совсѣмъ не то, что вышло на самомъ дѣлѣ. Онъ сталъ искать кого-то глазами и наконецъ обратился съ какимъ-то вопросомъ, кажется, къ Гаршину или Успенскому, съ которыми былъ знакомъ раньше. Ему указали въ дальній уголъ, гдѣ сидѣло нѣсколько человѣкъ изъ «молодой» литературы. Проходя мимо къ выходу, онъ любезно и благожелательно пожалъ намъ руки, ска-

залъ каждому по нѣскольку лестныхъ словъ, давъ понять, что онъ слыхалъ уже нѣчто «о молодыхъ талантахъ», — и по прежнему торжественно удалился. Мы были рѣшительно огорчены всею этой торжественностію, которой никакъ не могли и предполагать.

Кажется, на другой или на третій день, ко мнѣ приходитъ Г. И. Успенскій.

— Это чортъ знаетъ что вышло! говоритъ онъ:—это совсѣмъ невозможно. Я слышалъ, что Тургеневъ самъ остался недоволенъ, что все такъ случилось. Поѣдемте сейчасъ къ нему, поговоримъ съ нимъ и, кстати, условимся на счетъ новаго, уже настоящаго свиданія, у кого-нибудь изъ насъ. Только поѣдемъ пораньше, чтобы застать его на свободѣ, пока еще никто на него не налетѣлъ изъ поклонниковъ.

Мы поѣхали часовъ около 11. Тургеневъ остановился въ отелѣ на Морской. Онъ занималъ довольно большой и богатый номеръ. Мы застали его за чаемъ, свѣжаго и бодраго, уже изящно, хотя и по-домашнему, одѣтаго въ легкое длинное пальто. Онъ тотчасъ же разговорился съ нами очень весело и оживленно:

— Да, да, говорилъ онъ:—мнѣ это было ужасно непріятно, что тогда собралось такъ много посторонняго народа... Но какъ же бы намъ это устроить по-лучше, по-домашнему?

Успенскій предложилъ собраться у него какъ-нибудь вечеромъ, хотя при этомъ предупредилъ, что находитъ это въ одномъ отношеніи не совсѣмъ удобнымъ: его квартира на 3 этажѣ и для Тургенева будетъ можетъ быть совсѣмъ трудно взобраться туда. Но ничего нельзя было придумать лучше, такъ какъ ни у кого изъ насъ не оказалось квартиры ниже 3 этажа. Тургеневъ предупредительно завѣрилъ, что это для его ногъ — еще вовсе не такъ высоко и при помощи палки онъ легко взберется. Мы уговорились относительно дня и часа нашего новаго свиданія.

— Мы очень рады, сказалъ Успенскій,—что, кажется, никто еще у васъ не былъ и мы застали васъ однихъ.

— Вы думаете? засмѣялся Тургеневъ:—Напрасно. Только что передъ вами у меня была одна барынька, большая моя поклонница, и мы уже успѣли рѣшить съ нею не мало важныхъ литературныхъ вопросовъ, хотя бы, напр., о томъ, какъ теперь надо писать романы. Она сама писательница; мнѣ кажется, у нея есть талантъ... но она затрудняется, видите-ли на счетъ содержанія, и спрашиваетъ меня, что бы я ей посовѣтовалъ изобразить, на какой типъ обратить вниманіе, какая тема была бы интереснѣе... Довольно, знаете, затруднительно отвѣчать на такіе запросы... Но мнѣ пришла въ голову счастливая мысль. Знаете, что бы я посовѣтовалъ, сударыня,—сказалъ я:—вмѣсто того, чтобы намъ, романистамъ, пыжиться и во что бы ни стало выдумывать «изъ себя» современныхъ героевъ,—взять, знаете, просто, самымъ добросовѣстнымъ образомъ біографію (а лучше, если найдется автобіографія) какой-нибудь выдающейся современной личности — и на этой канвѣ уже возводить свое художественное зданіе. Конечно, при условіи, что изъ этого не выйдетъ «личностей!..». Какъ вамъ кажется эта мысль? Я сказалъ ее барынькѣ вмѣсто шутки,—а теперь мнѣ думается, что она можетъ имѣть за себя нѣкоторое серьезное основаніе.

Мы согласились съ нимъ и попросили его развить свою мысль.

— Да вѣдь это, дѣйствительно, вѣрно! Посмотрите сами, — развѣ наше время не представляетъ цѣлый десятокъ въ высшей степени оригинальныхъ и глубокихъ по своимъ психическимъ свойствамъ личностей?.. Да какая же беллетристическая «выдумка» можетъ сравниться съ этой *подлинной* жизненной правдой. Вотъ хотя бы взять недавно умершаго писателя Слѣпцова... Говорятъ, была преоригинальная личность... А другихъ, другихъ сколько, — не чета Слѣпцову!

Тургеневъ воодушевился; повидимому, его самого заинтересовала новая мысль и мы могли ожидать продолженія очень интереснаго разговора, — какъ вдругъ звонокъ!

— Входите! кричитъ И. С.

— Васъ ли мы видимъ, И. С., опять въ нашихъ мѣстахъ! захлебываясь, залпомъ выпаливаетъ запыхавшійся поклонникъ, врываясь въ номеръ.

— Здравствуйте!.. Очень радъ васъ видѣть... Мы, кажется, видѣлись съ вами, случайно въ Парижѣ?..

— Какже, какже!..

Но не успѣлъ еще гость высказать своихъ «пріятныхъ» воспоминаній о встрѣчѣ съ Ив. Серг.,—какъ уже—второй звонокъ.

— Мы-ли васъ видимъ, Ив. Сергѣевичъ!.. кричитъ новый поклонникъ, неистово потрясая руки Тургенева и умиленными глазами впиваясь въ его лицо.

— Садитесь, садитесь!.. Очень радъ, говоритъ Тургеневъ.

— Ну, значитъ, достаточно, шепчетъ мнѣ Успенскій:—На нынѣшній разъ и того довольно—что успѣли переговорить... Теперь ужъ баста—*онъ* въ плѣну! Поѣдемъ.

Мы еще разъ напомнили Тургеневу о нашемъ уговорѣ и распрощались.

Въ назначенный вечеръ насъ собралось у Г. И. Успенскаго человѣкъ болѣе десяти, сгрудившись въ его маленькой зальцѣ, за обыкновеннымъ раздвижнымъ обѣденнымъ столомъ. Къ назначенному часу явился и И. С. Тургеневъ и появленіе это теперь совершилось уже безъ всякой торжественности. Это было пріятно, но увы! и теперь не произошло, кажется, того, чего такъ долго мы всѣ ждали, именно того «по душѣ», о чемъ мы сильно мечтали, т.-е. и мы, «новое поколѣніе», и онъ—маститый ветеранъ славнаго прошлаго. Не могу, конечно, отвѣчать за другихъ, присутствовавшихъ на этомъ вечерѣ, которые, можетъ быть, вынесли другое впечатлѣніе, — но я... я не былъ удовлетворенъ и мнѣ казалось, что не были удовлетворены ни самъ Тургеневъ, ни многіе другіе. Тургеневъ, можетъ быть, наивно думалъ, что мы вдругъ оживимся, заговоримъ, заволнуемся, также вольно, широко, беззавѣтно, какъ бывало это въ кружкахъ Станкевича и Бѣлинскаго, а его старческому сердцу оставалось бы только таять и млѣть и любовно—отечески радоваться на насъ,—а мы столь-же наивно ждали, что вдругъ онъ развернетъ передъ нами свою душу, ту святую святыхъ, въ которой совершается великая тайна творческаго проникновенія, или по крайней мѣрѣ повѣдаетъ намъ свои тайные взгляды на ту новь, которую, какъ намъ думалось, онъ только чуточку еще затронулъ, робко, неувѣренно, даже иногда фальшиво. О, какъ далеко было это время отъ тѣхъ блаженныхъ временъ, когда могли вестись эти беззавѣтные, безконечные разговоры о «матерьяхъ важныхъ», когда

юные пріятели могли писать другъ другу письма въ 10, 20 или болѣе печатныхъ листовъ, когда между ними царила такая же дружба, какъ между платонически-влюбленными институтками! Многіе изъ насъ сидѣли по угламъ, замкнутые, сосредоточенные, изъ которыхъ каждое слово надо было тянуть клещами. И не потому, конечно, чтобы они ужъ такъ „холодны“ были сравнительно съ своими идеалистами-предшественниками и чтобы у нихъ вмѣсто «души» былъ паръ и чтобы они были «жестки и черствы», какъ то думалъ когда-то о Добролюбовѣ самъ Тургеневъ—а потому... Впрочемъ, врядъ-ли бы тогда кто-нибудь изъ нихъ, а тѣмъ болѣе самъ Тургеневъ, — въ то время уже человѣкъ изъ далекаго міра грезъ и художеств. созерцаній, — могли понять и объяснить эти «почему». Но теперь, когда знаешь, какъ многіе изъ присутствовавшихъ тамъ уже были отмѣчены неумолимой страшной судьбой, когда вспомнишь Гаршина, Левитова (хотя его тамъ и не было, — но были подобные ему)... самого... хозяина... все это сдѣлается такъ понятно, такъ естественно. Конечно, разговоры велись и больше всего опять таки велъ ихъ самъ Тургеневъ, очевидно не любившій натянутыхъ положеній,—но не было, насколько мнѣ помнится, ничего захватывающаго, сильнаго, характернаго, хотя, конечно, было не мало интереснаго въ томъ смыслѣ, въ какомъ интересно всякое „слово“ знаменитаго человѣка.

Между прочимъ Тургеневъ все разспрашивалъ о «новыхъ», «оригинальныхъ» людяхъ, о существованіи которыхъ онъ могъ догадываться, но видѣть и знать которыхъ не могъ. Ему, между прочимъ, тутъ-же были указаны нѣкоторые «изъ кавказскихъ колонистовъ», прежняго еще, не „толстовскаго“ типа. По поводу этой тэмы Тургеневъ говорилъ, что онъ самъ недоволенъ «Новью», что это онъ только намѣтилъ нѣкоторыя черты, которыя могъ прослѣдить по своимъ заграничнымъ знакомымъ, — что онъ теперь очень занятъ мыслью глубоко изучить это явленіе и что у него уже теперь имѣется планъ изобразить русскаго «соціалиста», именно «русскаго», который не имѣетъ ничего въ главныхъ, психическихъ основахъ, общаго съ соціалистомъ западно-европейскимъ.

Все это, конечно, было очень интересно; но, къ сожалѣнію, вслѣдствіе головныхъ болей, какими я страдалъ въ то время, я не могъ высидѣть до конца бесѣды. Знаю, впрочемъ, что повидимому, особенно выдающагося ничего не произошло. „Сліяніе“ и «примиреніе» состоялись само собою, насколько могли состояться,—такъ какъ, прежде всего, въ нихъ и надобности не было: съ одной стороны, Тургеневъ вскорѣ же могъ убѣдиться, изъ необыкновенно-шумныхъ овацій, которыми онъ былъ встрѣченъ на первомъ же публичномъ чтеніи, что между самымъ «новѣйшимъ» поколѣніемъ и имъ не существуетъ уже ничего изъ прежнихъ, отошедшихъ въ область преданій, недоразумѣній, — съ другой — времена были настолько другія, что никому уже и въ голову не приходило поднимать старыя дрожжи.

II.

А какія тогда были времена и какія они развивали въ глубоко-чуткихъ натурахъ настроенія,—достаточно припомнить одного изъ «молодыхъ» писателей—Гаршина и то, что съ нимъ произошло чуть-ли не черезъ нѣсколько дней послѣ этого вечера.

Познакомился я съ В. М. Гаршинымъ не задолго до выхода первой книжки нашего оригинальнаго журнала, куда онъ передалъ для напечатанія свою «крохотную» рукопись, состоявшую всего изъ двухъ-трехъ четвертинокъ бумаги, исписанныхъ мелкимъ «бисернымъ» почеркомъ и заключавшихъ въ себѣ его извѣстный разсказъ «Attalea princeps»,—это былъ, кажется, всего только второй его разсказъ послѣ знаменитыхъ четырехъ дней, которые сразу создали ему извѣстность. Эта «Attalea princeps» послужила, между прочимъ, поводомъ для одного очень характернаго инцидента, о которомъ очень стоитъ здѣсь упомянуть.

Въ то время въ «Отеч. Запискахъ» существовало два пріемныхъ дня въ редакціи; одинъ — оффиціально-редакціонный, по понедѣльникамъ, днемъ, когда собиралась вся редакція въ полномъ составѣ, съ М. Е. Салтыковымъ во главѣ; въ этотъ день, главнымъ образомъ и могли видѣться и бесѣдовать съ Салтыковымъ всѣ, имѣвшіе до него дѣло. На своей квартирѣ онъ принималъ сотрудниковъ рѣдко и только въ исключительныхъ случаяхъ, такъ какъ общихъ журфиксовъ у него не было. Для общенія же сотрудниковъ между собою и съ редакторами существовали такіе журфиксы въ квартирѣ Г. З. Елисѣева, въ помѣщеніи редакціи, куда нерѣдко появлялся и самъ Салтыковъ, если ему было съ кѣмъ «повинтить» (разговаривать на этихъ вечерахъ онъ, повидимому, не любилъ). На одномъ-то изъ такихъ вечеровъ я и познакомился съ Гаршинымъ. Извѣстно, какой это былъ мягкій, нѣжный, необыкновенно-деликатный и застѣнчивый человѣкъ, застѣнчивый больше отъ своей необыкновенной нервности. Зашелъ разговоръ о нашемъ новомъ журналѣ; я напомнилъ ему объ обѣщаніи дать что-нибудь для первой книжки.

— Я, конечно, очень, очень радъ былъ бы, если бы могъ,—сказалъ Гаршинъ:—Только... я... видите... пишу мало... Все у меня не выходитъ... Вотъ попробовалъ... новенькую написать...

— Ну вотъ и дайте...

— Да нѣтъ... видите-ли... Ничего не вышло... Говорятъ, плохо... Не приняли... возвратили назадъ... смущенно говорилъ Гаршинъ.

— Кто не принялъ?..

— „Отечеств. Записки“... Салтыковъ... Да это вѣрно!.. Я теперь самъ вижу... Не слѣдовало отдавать...

— Все-же вы дайте намъ.

— Да какже?.. какъ-то неловко...

— Ну однако... дайте намъ прочесть хотя...

— Хорошо... Какъ хотите... Я только еще просмотрю ее... можетъ быть исправлю.

Немного спустя «Attalea» появилась въ 1-й книжкѣ новаго журнала.

Нужно сказать, что къ нашей затѣѣ съ «артельнымъ» журналомъ опытный, старецъ Салтыковъ относился очень скептически и все время, пока шла организація этого дѣла, добродушно ворчалъ на насъ и иногда даже сердито выговаривалъ, что мы этой затѣей только будемъ обезсиливать «Отеч. Записки», сами закабалимся въ новую работу, а толку изъ этого никакого, все одно, не будетъ. Но молодость плохо вѣритъ „брюзжанью“ опытныхъ старцевъ; мы продолжали вести «свою линію» и только старались утѣшать старика, что мы своей затѣей никакого ущерба ему и его дѣлу не принесемъ.—Однако, тѣмъ не менѣе, чѣмъ больше приближался часъ выхода на свѣтъ нашего новорождающагося литературнаго дѣтища,—мы все больше трусили и побаивались—какъ-то приметъ его нашъ старикъ?

Между прочимъ, представлять ему это новорожденное дѣтище жребій палъ на меня.

Какъ ни глубоко я вѣрилъ въ „добродушіе“ нашего суроваго старика, однако меня не покидала мысль, что мнѣ предстоитъ выдержать «крупное» объясненіе.

Скрѣпя сердце, въ одно туманное петербургское утро, поднялся я въ квартиру Салтыкова, съ «дѣтищемъ» подъ мышкой.

— Ну, здравствуйте, здравствуйте... Вижу ужъ, вижу! сердито улыбаясь, встрѣтилъ меня старикъ, кивая головой на протянутую ему мною свѣженькую книжку.

— Вотъ, Михаилъ Евграфовичъ,—просимъ васъ любить и жаловать, проговорилъ я заранѣе приготовленную фразу:—Принесъ на ваше усмотрѣніе...

— Что усмотрѣніе!.. махнулъ онъ безнадежно рукой:—Говорилъ,—не послушали: вольному воля... Хотите руки себѣ еще связать — ваше дѣло... Ну, показывайте, что у васъ тамъ,—проговорилъ онъ, начиная просматривать оглавленіе.

Я не спускалъ глазъ съ него. Вдругъ по его лицу пробѣжала судорога; онъ сердито закряхтѣлъ...

— Гм... Гм... Это вы зачѣмъ же Атталею-то приняли?.. Это... значитъ... я по вашему преступленіе сдѣлалъ, что не помѣстилъ ее? А? Значитъ, молъ, старикъ изъ ума выжилъ, чутье молъ потерялъ... такъ что-ли? вдругъ загремѣлъ онъ, повидимому, дѣйствительно, огорченный.

— Вы напрасно это такъ принимаете къ сердцу, Михаилъ Евграфовичъ,— говорилъ я:—Мы рѣшительно не думаемъ, чтобы эта невинная въ сущности вещица могла вызвать какое-либо между нами и вами недоразумѣніе... Написана она очень талантливо, грѣха въ ней особаго мы не видимъ,—и для маленькаго журнала эта маленькая сказочка кажется вполнѣ умѣстной... Другое дѣло—для „Отеч. Записокъ“...

— Талантлива! Грѣха не видимъ?.. заворчалъ опять старикъ: — А по-моему это... по-моему это—чортъ знаетъ что такое! Талантлива!..

— Мнѣ кажется, М. Е.,—говорю я, что вы напрасно увидали въ ней то, чего оно не заключаетъ въ себѣ, вамъ показалось, быть можетъ, что авторъ что-то проповѣдуетъ...

— Да конечно проповѣдуетъ... Фатализмъ проповѣдуетъ... вотъ что-съ!.. Самый безпощадный фатализмъ... губящій всякую энергію... всякій свѣтлый взглядъ на будущее... Вѣдь съ такимъ фатализмомъ—куда же дальше идти? Ну, говорите...

— Михаилъ Евграфовичъ,—не найдете ли вы, что на этотъ разсказъ можно смотрѣть съ другой стороны, которую, какъ кажется, авторъ именно и имѣлъ въ виду... Въ сущности, чего же иного, какъ не безнадежнаго отчаянія и можно было ожидать отъ хрупкаго, оранжерейнаго существа, неожиданно заглянувшаго въ иной міръ для жизни и борьбы, въ которомъ выростаютъ и воспитываются иныя силы?.. Я увѣренъ, что именно такъ думалъ и чувствовалъ самъ авторъ...

— Ну что-жъ, какъ хотите,—заговорилъ старикъ уже другимъ тономъ:— Хотите такъ смотрѣть – смотрите... Можетъ быть, я и ошибся... Устарѣлъ ужъ... Пора мнѣ и на смѣну изъ редакторовъ...

Долго еще добродушный старикъ говорилъ на эту тэму, долго мнѣ пришлось защищать передъ нимъ новое дѣтище и разсѣивать въ немъ разныя мрачныя мысли и перспективы, которыя возбуждало въ немъ будущее и нашего журнала и насъ самихъ. Много было высказано имъ хорошихъ мыслей по этому поводу,—но я когда-нибудь передамъ ихъ лучше при другомъ случаѣ [1]).

А теперь я вернусь къ Гаршину.

Первое мимолетное знакомство съ нимъ, а потомъ инцидентъ съ его Attalea — вызвало во мнѣ сильное желаніе познакомиться съ нимъ по-ближе и именно побесѣдовать «по душѣ».

Однажды Гаршинъ зашелъ ко мнѣ,—я очень ему обрадовался,—я было заговорилъ съ нимъ радушно, по-просту... но когда пристальнѣе вглядѣлся въ его лицо, — у меня вдругъ перехватило горло: очевидно онъ не слышалъ и не понималъ ни слова изъ того, что я ему говорилъ; глаза его, широко открытые, смотрѣли страннымъ, блуждающимъ взглядомъ, щеки горѣли. Онъ взялъ меня за руку своей холодной и влажной.

— Нѣтъ, не говорите... Все это ужасно, ужасно! проговорилъ онъ.

— Что ужасно? въ изумленіи спросилъ я, — такъ какъ ничего ужаснаго совершенно не было въ томъ, что я ему говорилъ.

— Нѣтъ, не говорите лучше... Я не могу... Надо все это остановить... Принять всѣ мѣры... и онъ боязливо сѣлъ въ уголъ.

Въ это время вошелъ другой знакомый, я занялся съ нимъ и не замѣтилъ, когда исчезъ Гаршинъ изъ комнаты. Черезъ нѣсколько времени входитъ прислуга и передаетъ, что «баринъ» сидитъ на лѣстницѣ и что должно быть ему «плохо». Я бросился туда. Гаршинъ сидѣлъ въ одномъ сюртукѣ на ступенькахъ лѣстницы, не смотря на морозъ. Когда я его окликнулъ, онъ, съ улыбкой провинившагося ребенка, взглянулъ на меня и заплакалъ. Я привелъ его въ комнату.

— Это ничего, ничего... Это такъ... нервы,—говорилъ онъ:—Тамъ у меня въ пальто есть пузырекъ...

[1]) Въ конечномъ результатѣ, между обоими журналами скоро установились самыя благодушныя отношенія, — а разсказъ Гаршина былъ единственнымъ поводомъ къ возникшему недоразумѣнію. Приведенный же эпизодъ навсегда запечатлѣлъ во мнѣ симпатичный образъ сурово-добродушнаго идеальнаго редактора-ригориста.

Я нашелъ ему пузырекъ съ какими-то каплями. Онъ выпилъ и повидимому успокоился.

— Ну, теперь надо идти, сказалъ онъ.

— Куда-же вы? Подождите еще немного...

— Нѣтъ, нѣтъ... надо... Надо непремѣнно къ одному знакомому...

И онъ ушелъ.

На другой день приходитъ одинъ изъ нашихъ общихъ знакомыхъ и взволнованно спрашиваетъ:—Не видали Гаршина?.. Былъ онъ у васъ? Когда?

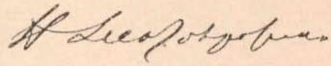
Я сказалъ.

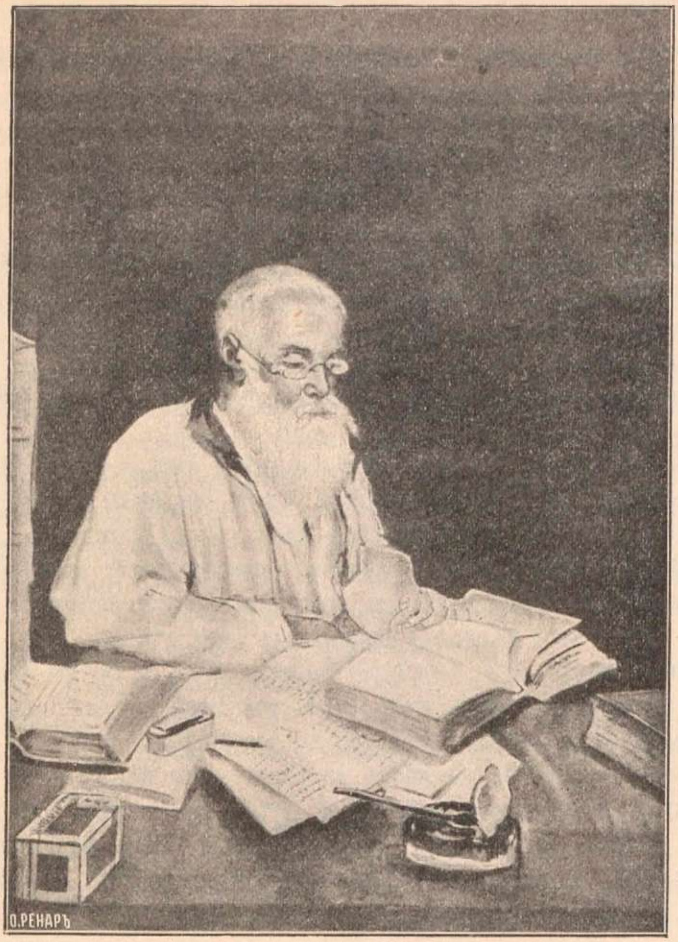
— Вѣдь онъ пропалъ... Его два дня уже не было дома...

Я разсказалъ о его странномъ поведеніи у меня. Товарищъ снова бросился на поиски.

На слѣдующій день Гаршинъ нашелся: гдѣ и какъ,—я уже теперь хорошо не помню; кажется, самъ явился къ себѣ домой. Онъ былъ боленъ и никуда не выходилъ. Только спустя уже порядочное время удалось выяснить, что съ нимъ произошло. Выйдя отъ меня, онъ отправился къ одному своему знакомому, кажется, чиновнику какого то министерства, не засталъ его дома, написалъ ему записку и, оставивъ свое легкое пальто (я припомнилъ, что онъ въ немъ именно приходилъ ко мнѣ), надѣлъ его «важную» богатую шубу и ушелъ. Оказалось, что онъ, нанявъ лихача, въ этой важной шубѣ подкатилъ къ подъѣзду дома графа Лорисъ-Меликова и позвонилъ, несмотря на поздній часъ (кажется было около 9 час. вечера). Изумленный швейцаръ не рѣшилъ его впустить, но видя такую «важную» шубу и притомъ настойчивое требованіе видѣть графа «по очень экстренному дѣлу»,—лакей рѣшилъ доложить. Графъ былъ дома и принялъ Гаршина. Что произошло между ними—никому въ подробностяхъ неизвѣстно.

Послѣ того Гаршинъ болѣлъ очень долго...

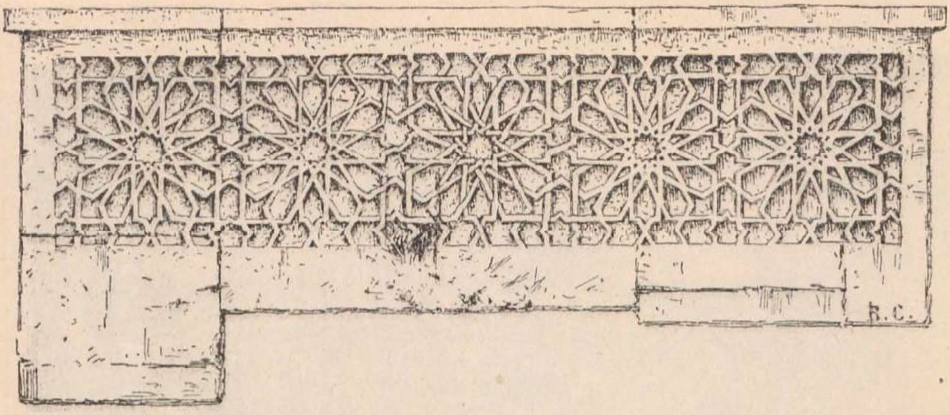

Зарудный за переводомъ Данта.

С. И. Зарудный.

Сергѣй Ивановичъ Зарудный род. въ 1821 г., умеръ въ 1887 г.—Математикъ по образованію и самоучка-юристъ, основательно изучилъ теорію права и русскую судебную, практику, служа въ консультаціи министерства юстиціи.—Съ 1857 г., въ составѣ Государственной канцеляріи, принималъ живое участіе во всѣхъ законодательныхъ работахъ эпохи великихъ реформъ, а въ особенности въ изданіи Судебныхъ Уставовъ, въ составленіи которыхъ онъ игралъ самую выдающуюся роль. Съ 1869 г. онъ остался не у дѣлъ и былъ назначенъ сенаторомъ въ одинъ изъ старыхъ департаментовъ Сената. Послѣдніе годы жизни онъ посвятилъ научнымъ и литературнымъ работамъ, въ томъ числѣ переводу *Ада* Данта (см. полутомъ 23 Энциклопедическаго словаря). Прилагаемый рисунокъ принадлежитъ перу дочери С. И. — Г-жѣ Кавосъ.

* * *

Когда вступаешь въ тѣ года,
Къ которымъ близокъ годъ послѣдній,
И ужъ исчезли безъ слѣда
Всѣ пылкой молодости бредни;

И не даютъ уже отрадъ
Краснорѣчивые обманы, —
А между тѣмъ болятъ, болятъ
Въ еще живучемъ сердцѣ раны;

Когда погасли всѣ лучи
Надеждъ завѣтныхъ и, печаленъ,
Ты бродишь будто бы въ ночи
Межъ дорогихъ тебѣ развалинъ;

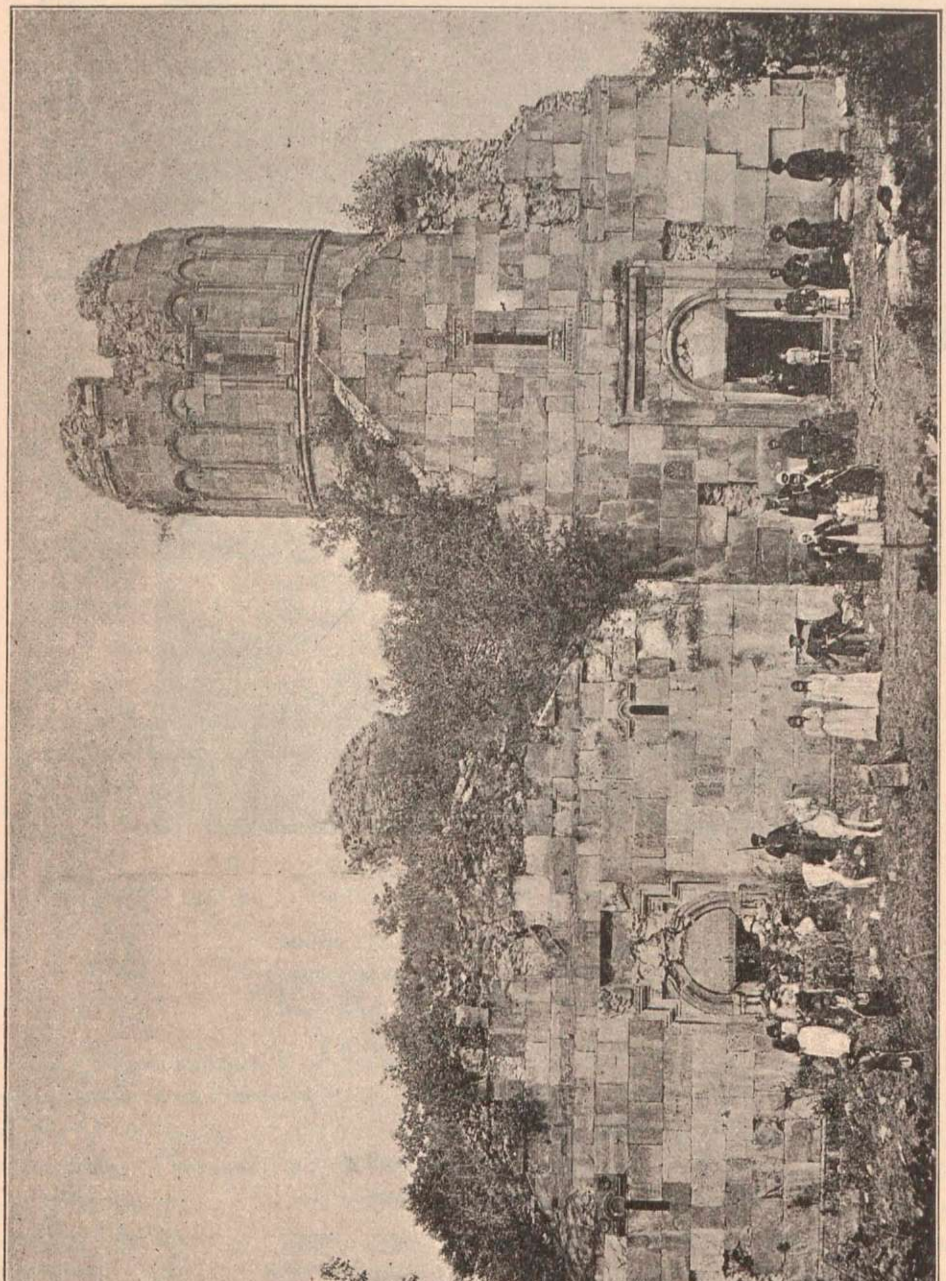
О, какъ стихаетъ гнетъ тоски
Среди измѣнъ, среди крушенья,
При видѣ—match козням вопреки—
Добру упорнаго служенья!

Двадцатилѣтнему труду
Развитья родины и знанья
Я въ сердцѣ горестномъ найду
Привѣтъ и свѣтлыя желанья.

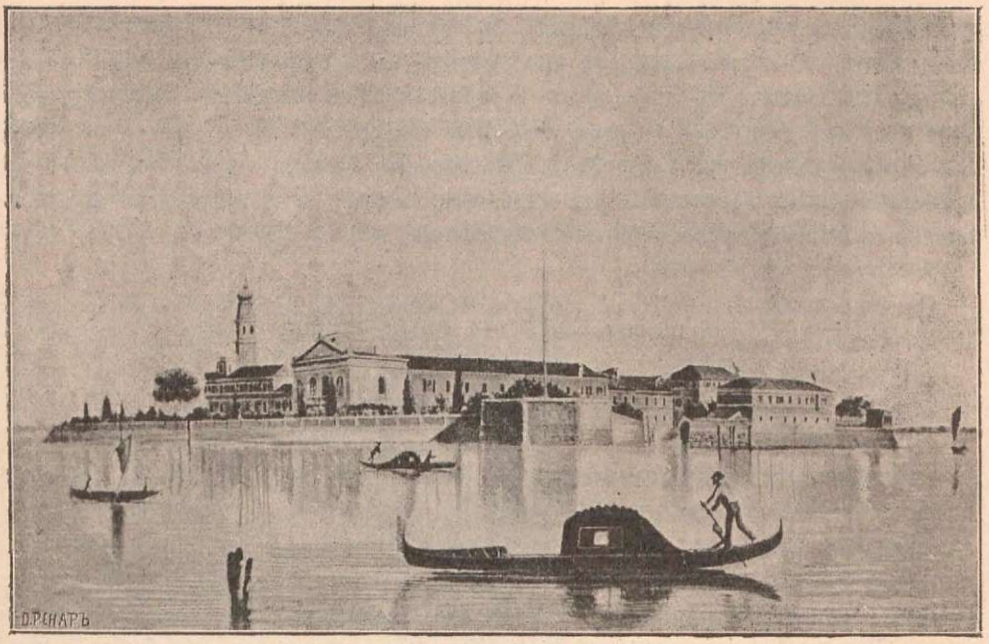
Законность, правосудье, честь
И вольности святое пламя...
Вѣдь кто несетъ такое знамя,
Тотъ обреченъ и крестъ свой несть.

1885 г.

А. М. Жемчужниковъ.

Монастырь св. Макарія основ. въ VI вѣкѣ (Елизаветполь губ.).

Монастырь Мхитаристовъ въ Венеціи (1717 г.).

Двѣ ученыхъ обители.

(Венеціанскіе и Вѣнскіе Мхитаристы).

—

Рѣдкій туристъ, осмотрѣвъ достопримѣчательности Венеціи: San Marco, Palazzo Ducale и пр., покинетъ столицу Адріатики, эту нѣкогда мощную «царицу морей», не посѣтивши маленькаго островка св. Лазаря (San Lazaro), на которомъ (см. рисунокъ) въ первой четверти прошлаго столѣтія, послѣ многихъ невзгодъ и скитаній, нашла пріютъ небольшая армянская колонія. Въ популярности среди туристовъ островка San Lazaro насъ можетъ убѣдить какъ толстая „книга посѣтителей", въ которой мы читаемъ имена лицъ различныхъ національностей, такъ и вереница гондолъ, направляющихся къ этому островку.

Поѣздка на островъ св. Лазаря—одна изъ самыхъ пріятныхъ, какія только можно предпринять изъ Венеціи съ наименьшею затратою времени. Сѣвъ въ гондолу на набережной у Piazetta, мы отчаливаемъ по направленію къ острову San Giorgio и затѣмъ беремъ направленіе на востокъ, къ Лидо. Piazetta съ двумя ея колоннами, купола соборной церкви св. Марка, Campanile, дворецъ Дожей и другія палаццо по набережной Невольниковъ (Riva degli Schiavoni) удаляются отъ насъ... Мимо нашей гондолы проходятъ пароходы и пароходики и

всякій разъ заставляютъ ее приходить въ сильное сотрясеніе на гребняхъ поднятыхъ волнъ.... Но вотъ мы уже приближаемся къ островку San Servolo, пройдя который мы замѣчаемъ San Lazaro съ монастырскою обителью Мхитаристовъ. Еще нѣсколько минутъ и гондола, обогнувъ полукруглый выступъ, огороженный невысокою стѣною, причаливаетъ къ омываемымъ волнами ступенямъ входа въ главное монастырское зданіе. Мы оставляемъ гондолу и вступаемъ во владѣнія армяно-католическихъ монаховъ—Мхитаристовъ.

I.

Основаніе обители Мхитаристовъ въ Венеціи относится къ первой четверти прошлаго столѣтія, когда въ 1717 году декретомъ сената Венеціанской республики островъ св. Лазаря, служившій нѣкогда убѣжищемъ для прокаженныхъ, былъ уступленъ въ вѣчное владѣніе армянскому иноку Мхитару и его ученикамъ, незадолго передъ тѣмъ (весною 1715 г.) прибывшимъ въ Венецію изъ греческаго города Метоны (въ юго западной части Пелопоннеса), гдѣ ихъ пребываніе подвергалось опасности со стороны турецкихъ полчищъ.

Но кто же былъ этотъ сынъ далекой Арменіи — Мхитаръ, явившійся въ лагуны Адріатики, чтобы пріютиться подъ сѣнью крыльевъ льва св. Марка?

Мхитаръ (или, какъ было его имя до посвященія въ санъ діакона, Манукъ) былъ сынъ жителя малоазійскаго города Севастіи (нынѣ Сивасъ)—Петра; онъ родился 7 февраля 1676 года. Уже съ ранняго возраста въ немъ начала развиваться любовь къ ученію, а параллельно развивалась и наклонность къ иноческой жизни. Эта наклонность еще болѣе была развита въ Мхитарѣ его первыми руководителями, коими были двѣ чтимыя во всей Севастіи монахини, память о которыхъ всегда оставалась священною для ихъ признательнаго ученика. Посвященный въ діаконы, Мхитаръ нѣкоторое время оставался въ монастырѣ Сурб-Ншанъ (св. Знаменія), гдѣ занялся чтеніемъ и изученіемъ Священнаго Писанія. Въ это время изъ Эчміадзина прибылъ въ Севастію архіепископъ Михаилъ, слывшій за человѣка, обладающаго большою ученостью. Случай этотъ показался Мхитару очень заманчивымъ и онъ рѣшилъ поступить къ этому Михаилу въ услуженіе, чтобы въ вознагражденіе, за свой трудъ слуги, брать уроки у ученаго архіепископа. Пробывъ нѣкоторое время въ Севастіи, Михаилъ вмѣстѣ съ Мхитаромъ вернулся въ Эчміадзинъ. Но здѣсь Мхитаръ не долго могъ оставаться. Съ одной стороны, тяжелое положеніе слуги, работа подъ палящими лучами солнца въ монастырскихъ садахъ, съ другой—болѣзнь глазъ, которую онъ получилъ, быть можетъ вслѣдствіе нездороваго климата мѣстности—все это заставило юнаго Мхитара оставить Эчміадзинскую обитель. Вмѣстѣ съ однимъ своимъ севастійскимъ другомъ онъ уходитъ въ Севангскій монастырь на озерѣ Гокчѣ (см. рисунокъ); но и здѣсь ему не суждено было остаться на долгое время, такъ какъ жизнь на пустынномъ островѣ (на которомъ сооруженъ монастырь) не удовлетворила его. Перебравшись въ Эривань, Мхитаръ вмѣстѣ съ своимъ другомъ присоединился

къ каравану, отправлявшемуся въ Эрзерумъ, чтобы оттуда возвратиться на родину. По дорогѣ, у Гасанъ—Кала, Мхитаръ прервалъ свой путь, такъ какъ настоятель монастыря во имя Богородицы предложилъ ему взять на себя преподаванiе въ монастырской школѣ. Эту должность Мхитаръ исправлялъ полтора года и за это время, какъ увѣряютъ его бiографы, онъ имѣлъ возможность ближе ознакомиться съ догматами и вѣроученiемъ католической церкви, такъ какъ въ этихъ мѣстностяхъ (особенно въ Эрзерумѣ) шла дѣятельная католическая пропаганда.

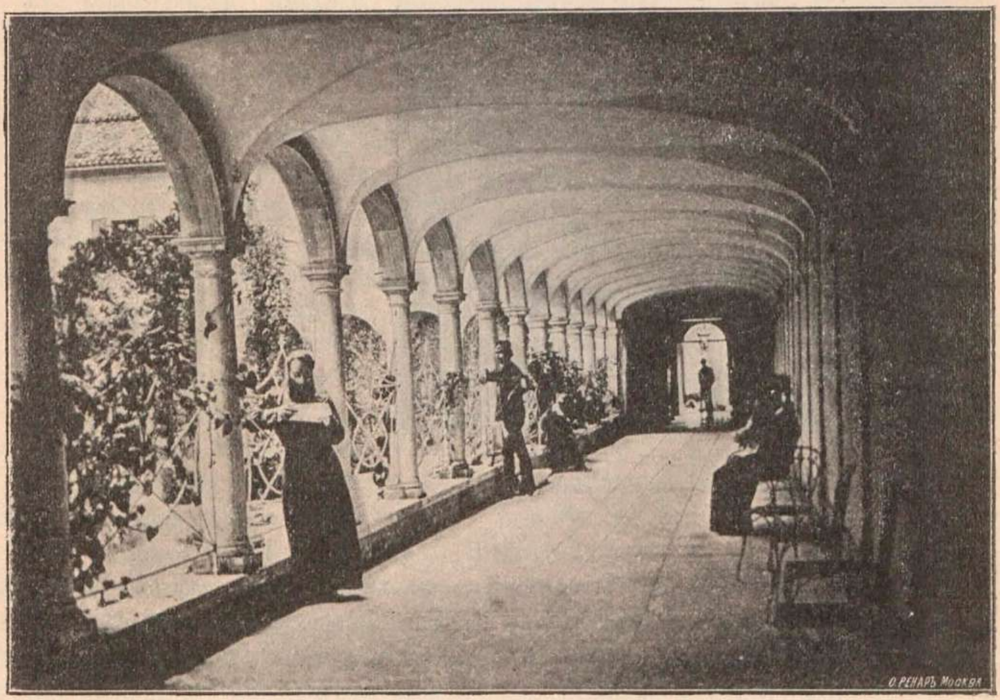
Севачгскiй мон. на о. Гокчѣ.

По прибытiи въ Эрзерумъ, Мхитаръ познакомился съ однимъ лицомъ, побывавшимъ въ Римѣ. Отъ него Мхитаръ узналъ о могуществѣ папы, о блескѣ его двора, о богатствѣ и величiи храмовъ вѣчнаго города и т. д. Эти разсказы, конечно, не могли остаться безъ влiянiя на впечатлительнаго юношу. Возвратившись на родину, въ Севастiю (въ 1693 г.), Мхитаръ снова вступаетъ въ монастырь Сурб-Ншанъ, но болѣзнь глазъ, опять постигшая его, заставила на время покинуть эту обитель.

Спустя нѣкоторое время въ монастырь приходитъ одинъ молодой монахъ, отправлявшiйся въ Iерусалимъ какъ съ цѣлью поклоненiя святымъ мѣстамъ, такъ и съ цѣлью образованiя. Къ этому монаху въ качествѣ спутника присоединился и Мхитаръ Прибывъ въ Алеппо, онъ познакомился съ нѣсколькими iезуитскими монахами и объявилъ имъ о своемъ сильномъ желанiи отправиться въ Римъ для образованiя. Монахи долго отговаривали Мхитара, выставляя ему на видъ всѣ трудности, которыя ожидали его въ Римѣ, его незнанiе латинскаго и итальянскаго языковъ и т. д. Но, будучи не въ состоянiи отговорить пылкаго юношу, стремившагося во что-бы то ни стало къ образованiю, они въ концѣ концовъ снабдили Мхитара рекомендательными письмами къ членамъ пропаганды въ Римѣ, и онъ немедленно собрался въ дальнiй путь. Но не сразу попалъ онъ въ Италiю. По пути на о. Кипръ, Мхитаръ заболѣлъ и, по выздоровленiи, возвратился назадъ, на родину (въ 1695 г.). Монастырь Сурб-Ншанъ снова принимаетъ въ свои стѣны юнаго энтузiаста, и на этотъ разъ Мхитаръ былъ постриженъ въ монахи, имѣя отъ роду двадцать лѣтъ (въ 1696 году).

Въ это время въ умѣ Мхитара, имѣвшаго возможность во время своихъ скитанiй ближе ознакомиться съ духовными нуждами своихъ соотечественниковъ, уже начинаетъ созрѣвать планъ образованiя религiозно-ученаго союза или братства съ цѣлью подготовленiя проповѣдниковъ и учителей для армянскаго народа. Но основанiе такого религiозно-ученаго союза не было по силамъ одному

Мхитару, который къ тому же и самъ не обладалъ достаточнымъ образованіемъ. Онъ, поэтому, отправляется въ Константинополь, гдѣ излагаетъ свой планъ монаху Хачатуру, ученику римской конгрегаціи de propaganda fide, слывшему за человѣка какъ ученаго, такъ и энергичнаго. Но Хачатуръ, подъ разными предлогами, отклонилъ отъ себя проэктъ Мхитара, и послѣдній, ничего не добившись въ Константинополѣ, возвратился назадъ (въ 1698 г.) и нѣкоторое время занимался преподаваніемъ въ одномъ изъ монастырей («Karmir—Vankh») близъ Эрзерума.

Мон. Мхитаристовъ.—Главная галлерея.

Такимъ образомъ прошло еще два года. Въ 1700 г. Мхитаръ съ нѣсколькими учениками снова появился въ Константинополѣ. Въ это время въ столицѣ Турціи армянское духовенство вело ожесточенную борьбу противъ католической пропаганды среди армянскаго населенія. Поэтому не удивительно, что въ этотъ разгаръ борьбы Мхитаръ изданіемъ нѣкоторыхъ сочиненій, переведенныхъ съ латинскаго (въ томъ числѣ „De imitatione Christi“), навлекъ на себя подозрѣніе армянскихъ духовныхъ властей. Дѣло дошло до того, что злополучный переводчикъ долженъ былъ, распустивъ своихъ учениковъ, укрыться въ монастырѣ капуциновъ, находившихся подъ особымъ покровительствомъ французскаго посла. 8-го сентября 1701 года собравшійся совѣтъ, состоявшій изъ Мхитара и его учениковъ рѣшилъ образовать монастырское братство, цѣлью котораго должно было быть изученіе всѣхъ необходимыхъ наукъ и споспѣшествованіе духовнымъ нуждамъ армянскаго народа. Уставомъ для монастырскаго братства былъ выбранъ уставъ св. Антонія, а само братство было поставлено подъ по-

кровительство Богоматери. Что касается до мѣста, гдѣ должно было основаться это ученое братство, то самымъ удобнымъ была признана Морея, находившаяся тогда подъ властью Венеціанской республики. Сюда, въ февралѣ 1703 года, послѣ многихъ испытаній и опасностей, Мхитаръ могъ, наконецъ, перебраться со своими учениками. Правительство Венеціанской республики, владѣвшее въ то время Мореей, согласно просьбѣ Мхитара, уступило ему мѣсто около укрѣпленія Метоны для сооруженія монастырской обители, а также предоставило ему два помѣстья, доходами съ которыхъ должна была существовать братія; пока же, до возведенія монастырскаго зданія, для Мхитара и его учениковъ было предоставлено особое помѣщеніе.

Много пришлось положить труда Мхитару, при учрежденіи братства. Хозяйственныя заботы смѣнялись заботами объ духовно-нравственномъ преуспѣваніи его учениковъ: ему приходилось назначать работу для каждаго члена братства, слѣдить за ея выполненіемъ, опредѣлять часы занятій, молитвы, отдыха и т. д. Но, судьба и здѣсь не переставала преслѣдовать Мхитара: многіе изъ его учениковъ и онъ самъ, какъ непривычные къ мѣстному климату, часто подвергались болѣзнямъ, лѣченіе которыхъ уносило почти весь доходъ съ ихъ помѣстій.

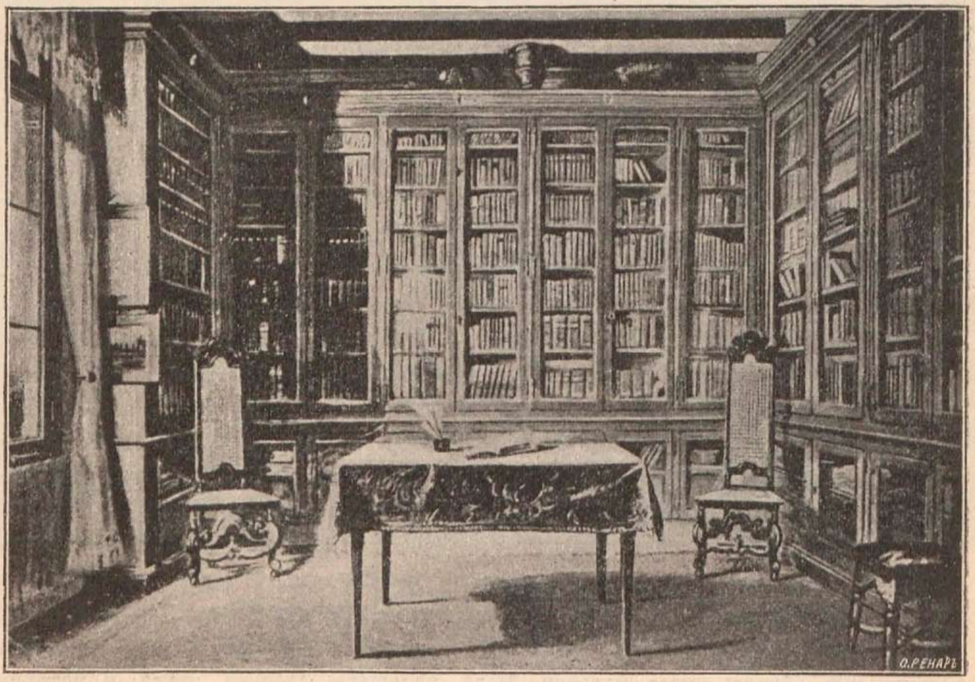
Между тѣмъ до Рима дошелъ слухъ о новомъ орденѣ, основавшемся въ предѣлахъ венеціанскихъ земель, и Мхитару, по необходимости, пришлось представить статутъ братства, позаботиться о полученіи должнаго утвержденія со стороны папы. Долго шли переговоры и только въ 1712 г. папа Климентъ XII утвердилъ новое братство, давъ ему уставъ св. Бенедикта (взамѣнъ устава св. Антонія) и назначивъ Мхитара аббатомъ. Этимъ самымъ совершилось, по мнѣнію біографовъ Мхитара, его невольное присоединеніе къ католической церкви или, лучше сказать, признаніе главенства папы надъ братствомъ или орденомъ [1]).

Но недолго пришлось оставаться Мхитару и его ученикамъ на классической почвѣ Эллады. Не успѣло юное братство придти въ себя послѣ стольких превратностей судьбы, какъ его ожидало новое испытаніе. Война Венеціи съ Турціей заставила Мхитара опасаться за свою участь. Для предупрежденія случайностей всякаго рода не оставалось ничего другого, какъ покинуть Метону и искать новаго убѣжища. Мхитаръ, почти со всѣми учениками, садится на корабль и прибываетъ въ Венецію (въ 1715 г.), покинувъ на произволъ судьбы основанную имъ обитель, надъ которой было положено столько труда и которой теперь предстояло испытать всѣ ужасы турецкаго нашествія. Сенатъ венеціанской республики не отказалъ бѣглецамъ въ своемъ покровительствѣ: взамѣнъ захваченныхъ Турками земель братства въ Мореѣ, было постановлено (въ 1717 г.) предоставить Мхитару въ вѣчную собственность островъ св. Лазаря, находившійся недалеко отъ самой Венеціи, но считавшійся тогда внѣ города. 8 сентября 1717 г., въ день основанія братства, Мхитаръ переселился на островъ

1) Переходъ Мхитара изъ лона національной (армянской) церкви въ католицизмъ, хотя и не можетъ не вызывать недоумѣнія, тѣмъ не менѣе „находитъ естественное свое оправданіе въ положительной необходимости, въ обстоятельствахъ, среди которыхъ суждено было разрѣшиться великой задачѣ Мхитара“ (Проф. С. Назаріанцъ, Обозрѣніе Исторіи Гайканской письменности въ новѣйшія времена, Казань 1846 г., стр. 58),—а этою задачей, какъ мы знаемъ, было духовное возрожденіе его соотечественниковъ.

и приступилъ къ постройкѣ монастырскихъ зданій. Благодаря пособіямъ, съ одной стороны отъ Венеціанскаго правительства, съ другой—частныхъ жертвователей, Мхитаристамъ удалось устроиться на почвѣ Италіи и, на этотъ разъ, уже прочнымъ образомъ.

Слишкомъ 30 лѣтъ провелъ Мхитаръ на о-ѣ св. Лазаря, весь отдавшись заботамъ о его устроеніи. Наблюдая за воздвигаемыми зданіями, онъ, въ тоже время, слѣдилъ и за занятіями своихъ учениковъ, а также находилъ досугъ заниматься литературными трудами. 27-го апрѣля 1749 г., имѣя отъ роду 74 года, Мхитаръ закончилъ свою трудовую, исполненную столькихъ превратностей судьбы, жизнь. Прахъ этого «безсмертнаго въ лѣтописяхъ армянскаго просвѣщенія мужа» (Назаріанцъ, О. с., p. 59) погребенъ въ монастырской церкви острова св. Лазаря.

Мон. Мхитаристовъ.—Кабинетъ Байрона.

Годъ отъ году братство Мхитаристовъ (такъ уже назывались члены братства) все болѣе и болѣе развивалось; вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалось и число его членовъ. Съ разныхъ концовъ Азіи и Европы стали стекаться въ Венецію ученики, чтобы получить образованіе въ монастырской школѣ о—а св. Лазаря, подъ руководствомъ Мхитаристовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ обогащалась и библіотека, которая въ настоящее время, по числу армянскихъ рукописей, считается первою послѣ Эчміадзинской. (См. К. Патканова. Библіографич. очеркъ арм. историч. литературы, С. П. Б. 1880, стр. 22). Была, наконецъ, основана типографія, выпустившая въ свѣтъ столько прекрасныхъ изданій и неустанно работающая и донынѣ.

II.

Ознакомившись съ краткою біографіей основателя братства Мхитаристовъ, съ исторіей учрежденія самого братства, обратимся теперь къ обзору дѣятельности и заслугъ Мхитаристовъ какъ передъ ихъ соотечественниками въ частности, такъ и передъ ученымъ міромъ Европы вообще. При этомъ мы должны предупредить, что будемъ разсматривать братство Мхитаристовъ исключительно какъ академическое учрежденіе [1]).

Армянская литература и языкъ, начиная съ XIV столѣтія, все болѣе и болѣе клонились къ упадку; точно также и образованіе армянскаго народа оставляло желать многаго. Попытки отдѣльныхъ лицъ поднять языкъ, литературу и образованіе на болѣе высокій уровень не приводили къ благотворнымъ результатамъ. Мхитаристы, одной изъ главныхъ задачъ которыхъ было культивированіе армянскаго языка, ревностно принялись за изученіе, обработку и очищеніе классическаго древне-армянскаго языка; съ этою цѣлію они издали цѣлую серію грамматическихъ руководствъ и словарей. Первая полная грамматика древне-армянскаго языка, достойная этого названія, была составлена о. Михаиломъ Чамчьянъ, авторомъ пространной Исторіи Арменіи, въ 1778 году; за нею послѣдовалъ почтенный трудъ о. Гавріила Аветикьянъ (въ 1815 г.). Вѣнцомъ же грамматическихъ работъ конгрегаціи Мхитаристовъ является Пространная Армянская Грамматика («Grammaire des Grammaires») поэта Арсена Багратуни, плодъ его сорокалѣтнихъ занятій, представившая все наличное грамматическое богатство древне-армянской рѣчи (Вен. 1852 г.).

Въ связи съ работами по армянской грамматикѣ должны быть упомянуты также труды по армянской *лексикологіи*.

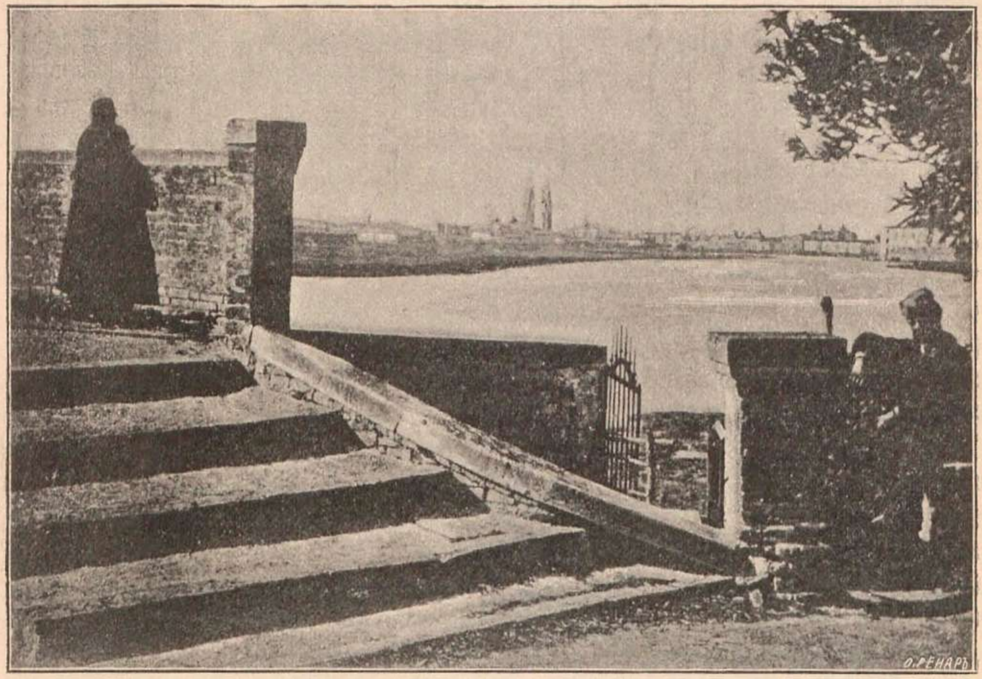
Еще самъ Мхитаръ, въ числѣ своихъ другихъ трудовъ, оставилъ «Словарь Армянскаго языка» (2 тома), который вышелъ въ свѣтъ уже по смерти автора. Для своего времени этотъ трудъ можно назвать исполинскимъ, имѣя въ виду, что онъ явился сразу, безъ всякихъ предшественниковъ [2]). Такъ какъ съ теченіемъ времени, съ открытіемъ новыхъ рукописей, этотъ словарь уже оказывался недостаточнымъ, то было задумано новое изданіе. Въ 1784 г. три члена братства Г. Аветикьянъ, Х. Сурмельянъ и М. Авгерьянъ взялись за составленіе „Новаго Армянскаго Словаря“, который въ ученыхъ сочиненіяхъ извѣстенъ болѣе подъ

[1]) Проф. С. Назаріанцъ („Обозрѣніе Гайканской Письменности въ новѣйшія времена“. Казань, 1846) говоритъ: „Оставляя въ сторонѣ особенно-религіозное направленіе общества Мхитаристовъ, не касаясь до римско-католическихъ интересовъ, возникшихъ въ немъ по чувству данныхъ отношеній къ папѣ, исторія арм. литературы должна разсматривать его какъ ученую Академію, которой сочлены обязаны заниматься воздѣланіемъ наукъ, взаимно сообщая одинъ другому результаты своихъ изслѣдованій“. (pp. 73—74).

— Извѣстно, что Наполеонъ I, разгромившій венеціанскіе монастыри, оставилъ неприкосновеннымъ армянскій монастырь о—а св. Лазаря, имѣя въ виду *академическое направленіе занятій* братства Мхитаристовъ.

[2]) Въ немъ объяснялись армянскія слова на др.-арм. языкѣ. Онъ также заключалъ отдѣлъ армянскаго народнаго языка.

именемъ *Большого* или *Академическаго* (Арм.) Словаря. Задачею этого изданія, потребовавшаго *50 лѣтъ* упорнаго труда, было представить *все наличное богатство др.-арм. языка*, насколько это возможно было въ ихъ время. Проф. К. Паткановъ слѣдующимъ образомъ описываетъ этотъ словарь: «Для точнаго опредѣленія значенія каждаго слова, помимо оригинальныхъ сочиненій армянскихъ авторовъ, было главнымъ образомъ обращено особенное вниманіе на переводы: Библіи, трудовъ св. Отцевъ и нѣкоторыхъ классическихъ сочиненій, сдѣланные еще въ V вѣкѣ. Къ каждому слову для его опредѣленія, составители прилагали соотвѣтствующее ему въ греческихъ оригиналахъ значеніе... Глубокое знаніе языковъ греческаго, латинскаго, персидскаго, частью арабскаго и еврейскаго, дало составителямъ возможность рядомъ съ значеніемъ словъ указать и на заимствованіе многихъ словъ изъ названныхъ языковъ. Труженики не ограничились и

Мон. Мхитаристовъ—Терраса съ видомъ на Венецію.

этимъ. Каждый разъ они ссылаются на авторовъ, у которыхъ данное слово встрѣчается и выписываютъ изъ нихъ цѣлыя цитаты. Не слѣдуетъ забывать, что въ то время почти вся древняя армянская литература заключалась въ рукописяхъ, которыхъ только малая часть была издана...» («Мат. для Арм. Словаря» I, С. П. Б. 1882, pp. 2—3).

Въ области изученія Армянской исторіи дѣятельность Мхитаристовъ замѣчательна собственно тѣмъ, что они первые собрали много относящагося сюда матеріалу. Въ этомъ отношеніи замѣчателенъ трудъ о. Михаила Чамчьянъ, издавшаго (въ 1784—86), на древне-армянскомъ языкѣ, пространную «Исторію Арменіи» съ древнѣйшихъ временъ до 1784 г.—въ трехъ огромныхъ томахъ

in 4. Исторія Арменіи Чамчьяна, конечно, не удовлетворяетъ требованіямъ современной критики, но, тѣмъ не менѣе, какъ цѣнное собраніе, какъ сводъ матеріаловъ она не утрачиваетъ своего значенія отчасти и теперь [1]). Единственный упрекъ, который уже давно сдѣланъ Чамчьяну, какъ автору «Исторіи Арменіи»— это то, что онъ не былъ вполнѣ безпристрастенъ при изложеніи нѣкоторыхъ событій касающихся церковной исторіи Арменіи [2]).

Болѣе плодотворны были труды по изученію Географіи и Древностей Арменіи. Здѣсь мы прежде всего должны назвать такіе капитальные труды о. Луки Инчичьянъ, каковы «Географія древней Арменіи» (2-е переработанное изд. 1822 г. и «Древности Арменіи» (3 тома, Вен. 1835); послѣднее сочиненіе, явившееся безъ предшественниковъ, замѣчательно собственно тѣмъ, что авторъ собралъ воедино всѣ доступныя ему свѣдѣнія по армянскимъ древностямъ [3]).

Въ числѣ историко-географическихъ трудовъ послѣдняго времени особенно замѣчательны работы маститаго ученаго, старца-поэта о. Гевонда Алишанъ, изъ которыхъ назовемъ «*Сисванъ*» (В. 1885 г., 4°, 592 стр.), «*Айраратъ*» (В. 1890 г., 4°, 590 стр.), «*Сисаканъ*» (В. 1893, 4°, 561 стр.), представляющія собою подробное историко-географическое (иллюстрированное) описаніе Киликіи, Айраратской и Сюникской провинцій [4]). Труды о. Алишана свидѣтельствуютъ о многосторонней и обширной эрудиціи автора, явившейся результатомъ его многолѣтнихъ занятій [5]).

Исторія Армянской Литературы получила свое начало также среди Мхитаристовъ. Еще въ 1829 г. Сукіасъ Сомалъ, аббатъ братства, издалъ на итальянскомъ языкѣ Quadro della storia letteraria d' Armenia, и еще раньше, въ 1825 г., Catalogo delle opere classiche dei SS. Padrie di altri scrittori tradotti anticamente in armeno. Это были первые труды, гдѣ излагалась исторія армянской письменности, точнѣе—это были краткія замѣтки о писателяхъ и ихъ трудахъ. Болѣе разработанный трудъ по исторіи арм. литературы представилъ о. Г. Зарбанальянъ, издавшій 2 тома (болѣе 1200 стр.) „Исторіи армянской письменности“ [6]).

Наконецъ, Мхитаристы выказали себя какъ неутомимые *издатели* и *переводчики*.

Какъ издатели они, по истинѣ, сослужили великую службу: ими изданы и продолжаютъ издаваться многочисленные памятники древне-армянской литературы.

[1]) „Чамчьянъ все свое сочиненіе основываетъ главнымъ образомъ на сказаніяхъ своихъ предшественниковъ и весьма часто ихъ же словами излагаетъ разсказъ. Книга его долгое время до изданія текстовъ, служила энциклопедіей исторіи армянской литературы“. К. Паткановъ — Библ. очеркъ арм. истор. литературы. С. П. Б. 1880, стр. 54.

[2]) См. Neumann—Versuch einer Geschichte d. Arm. Literatur. Leipzig 1836, p. 276.,

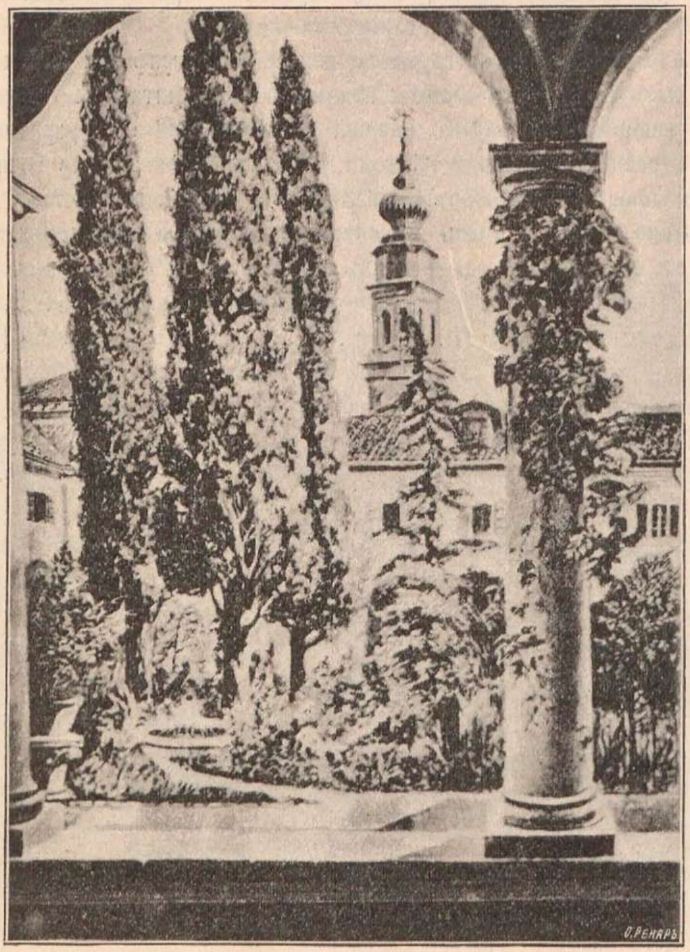
[3]) Первый томъ „Древностей“ заключаетъ историко-географич. описаніе древней Арменіи, 2-й и 3-й заключаютъ свѣдѣнія объ управленіи, войскѣ, обычаяхъ, языкѣ и литературѣ, искусствѣ и религіи.—Трудъ этотъ не потерялъ своего значенія и въ настоящее время, не смотря на нѣкоторыя странныя мысли, встрѣчающіяся кое-гдѣ на его страницахъ.

[4]) Объ этихъ трудахъ о. Алишана докладывалось въ засѣданіяхъ Имп. Моск. Археол. Общ—а, которое и избрало его своимъ членомъ.—Нѣсколько лѣтъ тому назадъ весь армянскій ученый міръ праздновалъ 50-лѣтній юбилей ученой дѣятельности о. Алишана.

[5]) Отрывокъ см. ниже.

[6]) Первый томъ (2 изд. 1886 г.), заключаетъ исторію древней письменности, второй (Вен. 1878 г.)—литературы позднѣйшаго времени.

Изданія эти, тщательно исполненныя въ типографскомъ отношеніи, изящно переплетенныя, составляютъ эпоху въ исторіи армянскаго просвѣщенія и издательскаго дѣла. Изданія эти важны и въ научномъ отношеніи: текстъ ихъ былъ установленъ на основаніи сличенія тѣхъ рукописей, которыми располагали издатели.

Мон. Мхитаристовъ—Садъ и колокольня.

Въ качествѣ переводчиковъ Мхитаристы представили переводы какъ съ древнихъ, такъ и съ новыхъ языковъ. Благодаря имъ, арм. литература обогатилась переводами твореній древнихъ классиковъ: Гомера, Вергилія, Горація, Ѳукидида, Еврипида, Ксенофонта, Саллюстія, Тацита, Цезаря, Цицерона, Плутарха и др.; переводы эти были исполнены на др.-арм. языкѣ съ замѣчательною изящностью и въ тоже время очень близко къ оригиналу; изъ классиковъ новаго времени они переводили: Данте, Мильтона, Расина, Корнеля, Байрона, Лонгфелло и др. [1]).

[1]) Наконецъ, мы должны упомянуть объ издаваемомъ венец. Мхитаристами учено-литературномъ журналѣ Bazmavep (Полигисторъ), который пять лѣтъ тому назадъ праздновалъ 50-лѣтній юбилей своего существованія.

Обращаясь къ заслугамъ Мхитаристовъ передъ европейскою наукою, отмѣтимъ прежде всего, что они много способствовали изученію армянскаго языка въ Европѣ, именно тѣмъ, что изданія ихъ — какъ грамматики и словари, такъ и тексты древнихъ авторовъ — представляли для европейскихъ ученыхъ единственный и самый полный источникъ. Основатель научной армянской грамматики, профессоръ Петерманъ воспользовался для своихъ трудовъ грамматикою Аветикьяна (см. Назарьянцъ, О. с. р. 93 [1]).

Далѣе, работы Мхитаристовъ по исторіи, географіи и древностямъ Арменіи долгое время были чуть-ли не единственными источниками для европейскихъ ученыхъ арменистовъ. Сенъ-Мартенъ, извѣстный французскій оріенталистъ начала нынѣшняго столѣтія (авторъ замѣчательнаго труда Mémoires historiques et géographiques sur l'Arménie, Paris 1818—19, 2 vv.) не мало почерпнулъ изъ пространной исторіи Арменіи о. Чамчьяна. Авторъ Versuch einer Gesch. d. Armenischen Literatur—Карлъ Нейманъ основалъ свой трудъ почти всецѣло на работѣ мхитариста о. С. Сомала—Quadro delle storia letteraria d'Armenia.

Наконецъ, Мхитаристы оказали особенную услугу въ качествѣ издателей текстовъ древнихъ армянскихъ авторовъ, а также тѣхъ сочиненій въ древне-армянскихъ переводахъ, которыхъ (греческіе, сирійскіе) подлинники утрачены или, по крайней мѣрѣ, не розысканы до настоящаго времени. Въ числѣ такихъ изданій достаточно упомянуть знаменитую «Хронику» Евсевія Памфила.

Заслуги Мхитаристовъ стяжали имъ уваженіе и симпатіи не только въ армянскомъ мірѣ. Ихъ, какъ примѣрныхъ тружениковъ науки, уважаетъ, давшая имъ пріютъ, Венеція и за нею вся ученая Европа. [2])

Не одинъ десятокъ ученыхъ находилъ у нихъ заботливое вниманіе и радушное гостепріимство [3]) во время своихъ занятій въ ихъ богатой библіотекѣ; не мало и такихъ, которые находятся съ ними въ постоянной корреспонденціи по тому или другому вопросу изъ области арменовѣдѣнія.

Въ Италіи, особенно въ Венеціи, къ Мхитаристамъ относятся съ особымъ уваженіемъ; padri armeni (такъ ихъ зовутъ) пользуются большою популярностью

[1]) Обѣ свои армянскія грамматики (на лат. яз.) Петерманъ посвятилъ одну о. Сомалу и др., другую памяти основателя братства Мхитаристовъ—Мхитару Севастійскому.

[2]) Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ то, что ни одинъ образованный туристъ не покинетъ Венеціи, не побывавъ у Мхитаристовъ. Въ ихъ книгѣ посѣтителей внесено много именъ изъ ученаго, литературнаго и артистическаго міра Европы и Америки. Въ числѣ ихъ гостей особенно слѣдуетъ упомянуть о Байронѣ, который здѣсь обучался армянскому языку. Комната, въ которой занимался Байронъ, до сихъ поръ называется „кабинетомъ Байрона". (См. рисунокъ).

[3]) Живя въ Европѣ, Мхитаристы, всетаки, остались вѣрны одному изъ священнѣйшихъ началъ армянской и вообще восточной жизни—гостепріимству.

— Другая черта—также чисто-національная—это домовитость и образцовое хозяйство, что легко можетъ замѣтить каждый посѣтитель о—а св. Лазаря. (Помимо небольшого о—а св. Лазаря, Мхитаристы владѣютъ также участкомъ на о—ѣ Лидо и помѣстьемъ, находящемся между Падуей и Венеціей. Имъ-же принадлежатъ церкви и дома какъ въ самой Венеціи, такъ и въ Падуѣ).

у всѣхъ сословій. [1]) Венеціанскія симпатіи лучше всего характеризуются тѣми прочувствованными словами, съ которыми обратился къ Мхитаристамъ синдакъ (меръ города) Венеціи на одномъ актѣ; представитель города сказалъ: какъ мы, Венеціанцы, не можемъ представить себѣ площади св. Марка безъ собора и его колокольни (campanile), такъ не можемъ вообразить Венеціи безъ острова св. Лазаря.—Воспитанники коллегіи Мурадъ-Рафаэля, завѣдываніе которой находится въ рукахъ Мхитаристовъ, находятся на особенно-хорошемъ счету въ Италіи: ихъ охотно принимаютъ Итальянскіе университеты и другія высшія спеціальныя учебныя заведенія. Выдержанность, скромность, любовь къ труду—вотъ отличительныя черты учениковъ, выпускаемыхъ коллегіей Мурадъ-Рафаэля. [2])

III.

Говоря о Мхитаристахъ Венеціи, нельзя не упомянуть и о Мхитаристахъ Вѣны.

Несмотря на то, что все, казалось бы, способствовало мирной жизни на тихомъ, безмятежномъ о—ѣ св. Лазаря, несмотря на мирное направленіе занятій самихъ обитателей этого островка, занятій состоявшихъ въ молитвѣ и ученіи, несмотря на все это духъ несогласія успѣлъ проявиться и здѣсь. Разногласія, въ основѣ которыхъ лежали религіозные вопросы, о которыхъ мы не станемъ распространяться, разрѣшились тѣмъ, что въ 1773 году часть Мхитаристовъ отдѣлилась и, покинувши Венецію, направилась сначала въ Тріестъ, гдѣ основала собственную обитель, найдя покровительство и поддержку со стороны Австрійской Императрицы Маріи Терезіи, а затѣмъ, съ 1811 г., переселилась въ Вѣну. [3]) Здѣсь были основаны ими школа и прекрасная типографія, въ настоящее время одна изъ лучшихъ въ Вѣнѣ. Библіотека вѣнскихъ Мхитаристовъ (въ общемъ менѣе богатая, чѣмъ библіотека Мхитаристовъ венеціанскихъ) заслуживаетъ также вниманія: въ ней, за послѣднее время, тщательно пополняется армянскій отдѣлъ (въ настоящее время выдѣленный въ особую залу), комплектуется

[1]) Итальянская королева Маргарита, пріѣзжая въ столицу Адріатики, постоянно посѣщаетъ монастырь Мхитаристовъ, съ балкона котораго любуется чуднымъ видомъ на Венецію (см. рисунокъ).

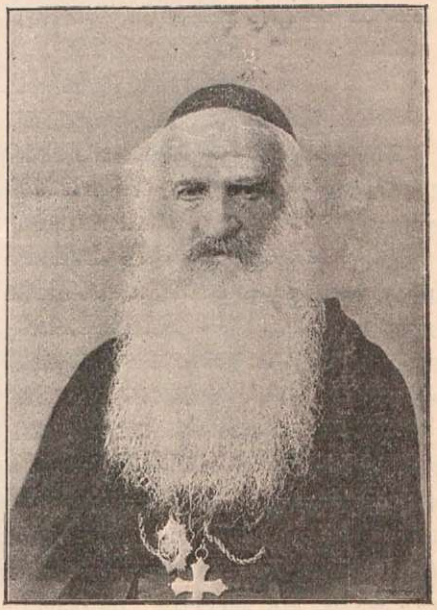
[2]) Коллегія эта помѣщается въ самой Венеціи, въ мѣстности Carmini (по ту сторону Canale Grande), въ бывшемъ palazzo Zenobio; это, кажется, самая роскошная изъ всѣхъ арм. школъ. Содержится она на средства индійскихъ армянъ Мурада и Рафаэлянъ.—Въ школѣ же, находящейся при монастырѣ на о—ѣ св. Лазаря, обучаются лица, приготовляющіяся къ духовному званію.

[3]) Здѣсь въ Мхитаристахъ принялъ большое участіе Императоръ Францъ. Вообще австр. домъ неоднократно проявлялъ знаки своего особаго расположенія къ нимъ. Подробности см. въ Abriss d. Geschichte d. Wiener Mchitharisten—Congregation etc. Wien, 1887.

— Монастырь вѣнскихъ Мхитаристовъ находится въ Bezirg'ѣ Neubau, на Mchitharistengasse и представляетъ собою огромный четырехъ-этажный корпусъ.

собраніе армянскихъ газетъ и журналовъ и т. д. Также особенное вниманіе обращено и на армянскій рукописный отдѣлъ, котораго прекрасное описаніе составленно D-г. Яковомъ Дашьянъ (въ 1895 г.,) и, какъ юбилейный подарокъ, было поднесено аббату архіепископу Арсену Айдыньянъ (см. рисунокъ), за время управленія котораго вѣнское братство Мхитаристовъ сдѣлало значительные шаги впередъ [1]).

Вѣнское братство Мхитаристовъ владѣетъ также небольшимъ музеемъ, въ которомъ обращаетъ на себя вниманіе нумизматическій отдѣлъ; здѣсь имѣется самая полная коллекція армянскихъ монетъ.

Архіеп. Айдыньянъ.

Научная дѣятельность вѣнскихъ Мхитаристовъ сравнительно съ дѣятельностью венеціанскихъ, представляется въ меньшихъ размѣрахъ, отчасти уже потому, что, какъ самостоятельное учрежденіе, вѣнское братство является болѣе молодымъ. Но, этимъ самымъ, конечно, нисколько не умаляется значеніе самой научной дѣятельности. Среди работъ вѣнскихъ Мхитаристовъ слѣдуетъ особенно отмѣтить трудъ аббата Арсена Айдыньянъ «Критическая грамматика ново-армянскаго языка» (Вѣна, 1866; 334+502 стр.). «Въ этомъ трудѣ, говоритъ проф. К. Паткановъ («Изслѣдованіе о діалектахъ армянскаго языка» Спб. 1869), авторъ съ большимъ тщаніемъ собралъ и разобралъ всѣ доступные для него факты народнаго языка, въ разработкѣ ихъ высказалъ наблюдательность и ученые пріемы, не совсѣмъ обыкновенные, и довольно удачно справился съ предложенною имъ самимъ себѣ задачею» (pp. 14—15). Хотя этотъ трудъ, представляющій первый опытъ исторической грамматики ново-армянскаго языка) и не свободенъ отъ извѣстныхъ недостатковъ, тѣмъ не менѣе онъ «составленъ весьма добросовѣстно и можетъ служить долгое время сводомъ весьма разнообразныхъ свѣдѣній для занимающихся армянскимъ языкомъ“ (ib. p. 16). Вообще *научное* занятіе языками особенно выгодно отличаетъ вѣнскихъ Мхитаристовъ отъ венеціанскихъ. Какъ языковѣдъ особенно прославился о. С. Дервишьянъ (авторъ книги — «Индоевропейскій праязыкъ» Константинополь, 1885 г.). Далѣе, мы должны отмѣтить занятія вѣнцевъ нумизматикою Арменіи (трудъ о. Сибильянъ), исторіей (Катырджьянъ и др.) и, наконецъ, за послѣднее время, критикою и изученіемъ текстовъ памятниковъ древне-христіанской литературы въ армянскихъ изводахъ (Гр. Каламкарьянъ, Як. Дашьянъ).

1) Расходы по изданію этого колоссальнаго труда, прекрасно исполненнаго въ типографномъ отношеніи, взяла на себя Вѣнская Импер.—Корол. Академія Наукъ.

Въ заключеніе, мы должны упомянуть объ ученомъ органѣ вѣнскихъ мхитаристовъ Handes Amsorya (=Ежемѣсячное Обозрѣніе), который въ настоящее время (издается съ 1887 г.) можетъ считаться центральнымъ органомъ арменовѣдѣнія: въ немъ, помимо армянскихъ ученыхъ (какъ изъ среды Мхитаристовъ, такъ и со стороны) принимаютъ участіе и европейскіе арменисты, какъ, напримѣръ, А. Каррьеръ (профессоръ семитическаго и армянскаго языковѣдѣнія въ парижской Ecole des langues Orientales vivantes).

Закончивъ обзоръ дѣятельности Мхитаристовъ, какъ вѣнскихъ, такъ и венеціанскихъ, мы попытаемся охарактеризовать ихъ дѣятельность въ общихъ чертахъ.

Имѣя въ виду, что Мхитаристы явились первыми учеными (въ европейскомъ смыслѣ слова) среди Армянъ, что они вынесли на свѣтъ Божій и исторію и географію и древности Арменіи, что они взяли на себя трудъ исправленія и очищенія языка,—мы до извѣстной степени можемъ приравнять ихъ дѣятельность къ трудамъ гуманистовъ эпохи Возрожденія. Ученые гуманисты взялись за возрожденіе цицероновской латыни, за обновленіе латинскаго языка, пришедшаго въ варварское состояніе за мрачное время среднихъ вѣковъ. Мхитаристы то же самое предприняли относительно древне-армянскаго литературнаго языка (такъ наз. Грабара); гуманисты издавали писателей классической древности, мхитаристы тоже дѣлались армянскими классиками; гуманисты составили сводъ всего, что касается государственной, общественной и умственной жизни древнихъ Грековъ и Римлянъ, тоже сдѣлали и Мхитаристы, издавъ труды по исторіи, географіи, древностямъ, исторіи литературы и т. д. древней Арменіи.

Въ заключеніе, не можемъ не обратить вниманія и на слѣдующее обстоятельство. Мхитаристовъ часто обвиняютъ въ томъ, что они мало сдѣлали собственно для просвѣщенія армянскаго народа, для массы, увлекшись изученіемъ всего того, что касается древней Арменіи. Но такое обвиненіе, кажется, въ значительной степени ослабляется уже тѣмъ обстоятельствомъ, что Мхитаристы *физически* оторваны отъ армянскаго народа и, слѣдовательно, эту задачу слѣдовало бы возложить на тѣ учрежденія, которыя ближе стоятъ къ армянскому народу и лучше знаютъ — или, по крайней мѣрѣ, должны знать — его потребности и нужды. [1])

$^{7}/_{19}$ мая 1897 г. Москва.

Левонъ Мсеріанцъ

[1]) Одно время была мысль учредить въ Закавказьи братство на подобіе братства Мхитаристовъ; но, къ сожалѣнію, мысль эта осталась pium desiderium.

О. Леонъ Алишанъ.

Эскизы физической географіи Арменіи [1]).

О. Леона Алишана.

(Переводъ съ армянскаго).

—

Общій видъ страны, о которой я намѣренъ говорить, представляетъ весьма замѣчательныя явленія. Арменію можно назвать страною контрастовъ, имѣющихъ не малое вліяніе на духовное развитіе обитателей этой страны. Благодаря своему географическому положенію, одаренная самымъ

1) Предлагаемый отрывокъ, переведенный изъ соч. „Отечественныя достопамятности", принадлежитъ перу мхитариста о. Леона Алишана, избраннаго въ концѣ прошлаго года почетнымъ членомъ Императорскаго Археологическаго Общества. О. Алишанъ извѣстенъ не только своими учеными трудами, пользующимися общеизвѣстнымъ авторитетомъ среди европейскихъ оріенталистовъ, но также и многими поэтическими произведеніями, которыя такъ много содѣйствовали возрожденію современной армянской литературы. Прим. перев.

умѣреннымъ и пріятнымъ климатомъ, имѣющая много общаго въ этомъ отношеніи съ Италіей, Греціей и Испаніей, Арменія представляетъ въ то-же самое время страну и сильнѣйшаго холода и тропическаго жара, обусловливаемыхъ положеніемъ ея относительно уровня моря. Дѣйствительно, если высочайшія вершины Вогезъ и Юры не достигаютъ высоты густо населенныхъ и прекрасно обработанныхъ равнинъ, на которыхъ находятся серебристые источники Евфрата, Аракса, Куры и Арадзани (Мурадъ-чай); если замѣчательные монъ-сенискій, симплонскій и сенъ-готардскій проходы находятся ниже лазурныхъ водъ Севанга, окруженнаго сотнями густо-населенныхъ деревень, то съ другой стороны нѣкоторыя части нашей страны находятся даже ниже уровня моря, ибо берега Каспійскаго моря, гдѣ кончается равнина Арменіи, находятся на 25 метровъ ниже уровня Чернаго моря и Океана. Отсюда эта безпрерывная смѣна двухъ противоположныхъ временъ года, изъ которыхъ одно, какъ разсказываютъ, растапливаетъ своими отвѣсными лучами свинецъ на куполахъ Діарбекира, между тѣмъ какъ другое втеченіи шести мѣсяцевъ покрываетъ бѣлымъ саваномъ поверхность страны и понижаетъ температуру до 20° Реомюра.

Караваны путниковъ запасаются шубами, чтобы пройти черезъ озера и рѣки, оцѣпенѣвшія подъ слоями льда и снѣга. Счастливы смѣлые путешественники, если могутъ избѣгнуть лавинъ и снѣжныхъ вихрей, которые часто поглощаютъ цѣлые караваны. Послѣдней надеждой на спасенье, по свидѣтельству Страбона, былъ въ этомъ случаѣ длинный шестъ, который продѣвался несчастнымъ, погруженнымъ въ снѣгъ, чрезъ сводъ своей ледяной темницы, какъ маякъ угасающей жизни, молящій о спасеніи. Такимъ именно образомъ былъ спасенъ на груди у кормилицы царь Санатрукъ, остававшійся подъ снѣгомъ впродолженіи трехъ дней; внукъ его Тиранъ былъ несчастнѣе его: онъ погибъ подъ снѣжнымъ заваломъ, на двадцатомъ году царствованія. Высшій надзоръ надъ снѣжными путями считался важнымъ дѣломъ и почетною должностью: отсюда получилъ свое названіе одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ въ Арменіи княжескихъ родовъ *Дзюнаканъ* (снѣговой—отъ дзюнъ—снѣгъ). Для спасенія путешественниковъ, на болѣе опасныхъ и болѣе всего посѣщаемыхъ дорогахъ и проходахъ были устроены гостинницы или караванъсараи: таковъ, между прочимъ, караванъ-сарай Рава между Битлисомъ и Келитомъ. Эта армянская зима, какъ называетъ ее великій Златоустъ, испытавшій ея суровость, часто наводила страхъ на завоевателей; разсказы о ней у историковъ и поэтовъ древности отъ Ксенофонта до византійскихъ хронографовъ носятъ какой-то легендарный характеръ.

Путешественники—естествоиспытатели нашего времени утверждаютъ, что зима въ Эрзерумѣ также сурова, какъ на Большомъ Сенъ-Бернарѣ, не смотря на то, что первый на пять градусовъ южнѣе послѣдняго и что абсолютная высота Эрзерума на 500 метровъ ниже знаменитаго страннопріимнаго монастыря Альпъ; зима въ Агори, находящейся подъ 39° широты, при высотѣ въ 1760 метровъ, совершенно одинакова съ зимою въ полярномъ поясѣ на оконечности Европы. Въ Эривани лѣтомъ наблюдали 30° тепла, а зимою 20° холода, контрастъ, который трудно встрѣтить даже въ полярномъ поясѣ. Контрастъ этотъ еще болѣе бросится намъ въ глаза, если разсмотрѣть угрюмый и однообразный пейзажъ нашей страны въ то время года,—когда за горами, отдѣ-

ляющими ее отъ Понта, свободно цвѣтутъ на воздухѣ апельсины въ Трапезунтѣ, городѣ, который уже посѣтила ласточка, тогда какъ у подошвы другихъ, менѣе возвышенныхъ горъ, въ Мосулѣ, продаютъ ледъ, чтобы умѣрить удушливый жаръ. Между тѣмъ протяженіе Арменіи между столицами Понта и Ассиріи не превышаетъ 6—700 километровъ, такъ что паръ могъ-бы пройти это пространство между восходомъ солнца и его закатомъ и вы имѣли бы весеннее утро, зимній полдень и лѣтній вечеръ. Вѣроятно, вы не воспользуетесь этимъ удовольствіемъ, вы не захотите пережить въ теченіи одного дня три времени года, въ особенности второе.

Варанскія горы (Турец. Арм).

Какой ужасъ, какая ужасная страна! подумаетъ читатель. Человѣку, любящему свое отечество, всѣ времена года одинаково милы: и самая дикая природа имѣетъ какую-то неизъяснимую прелесть для сердца цивилизованнаго человѣка. Я знаю даже европейцевъ, уроженцевъ Парижа и Лондона, купцовъ, консуловъ, живущихъ въ Эрзерумѣ, которые не легко-бы промѣняли его на Европу, не смотря на то, что наканунѣ солнцестоянія въ созвѣздіи рака у нихъ замерзаетъ вода. Они предпочитаютъ четыре—пять очаровательныхъ мѣсяцевъ въ промежуткѣ между двухъ зимъ, цѣлому году жаркаго климата. Необыкновенная упругость и чистота воздуха, свѣжесть его тока, лазурность водъ, сила и блескъ растительности, вкусъ, свойственный произведеніямъ горной страны, сдѣлали Арменію привлекательною резиденціею завоевателей Азіи и странъ владѣтелей, смежныхъ ей со временъ Семирамиды и до нашихъ дней.

Замокъ Ванъ, построенный на уединенной скалѣ, возвышающейся на нѣсколько сотъ футовъ надъ равниной, разстилающейся на высотѣ 5100 футовъ

надъ уровнемъ моря, чудо природы и искусства, былъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ Семирамиды. Замокъ этотъ до сихъ поръ носитъ имя этой гордой царицы,—имя, исчезнувшее въ развалинахъ Вавилона и Экбатаны. Что касается армянскихъ царей, то они были избавлены отъ необходимости искать резиденцій въ сосѣднихъ странахъ.

Громадная равнина, извѣстная подъ именемъ Муганской степи, между Араксомъ и Курою, была всегда зимнимъ убѣжищемъ для животнаго царства страны. Лѣтомъ степь представляетъ выжженную солнцемъ пустыню, кишащую ядовитыми змѣями, отъ которыхъ, по преданію, войска Помпея пострадали болѣе, чѣмъ отъ азіатскихъ полчищъ; осенью Мугань представляетъ роскошное пастбище, на которомъ рѣзвятся многочисленные табуны лошадей. Зимою Муганскую степь, едва подернутую легкимъ снѣгомъ, наполняютъ стаи пернатыхъ, ежегодные перелеты которыхъ одинаково восхищаютъ взоръ земледѣльца и философа.

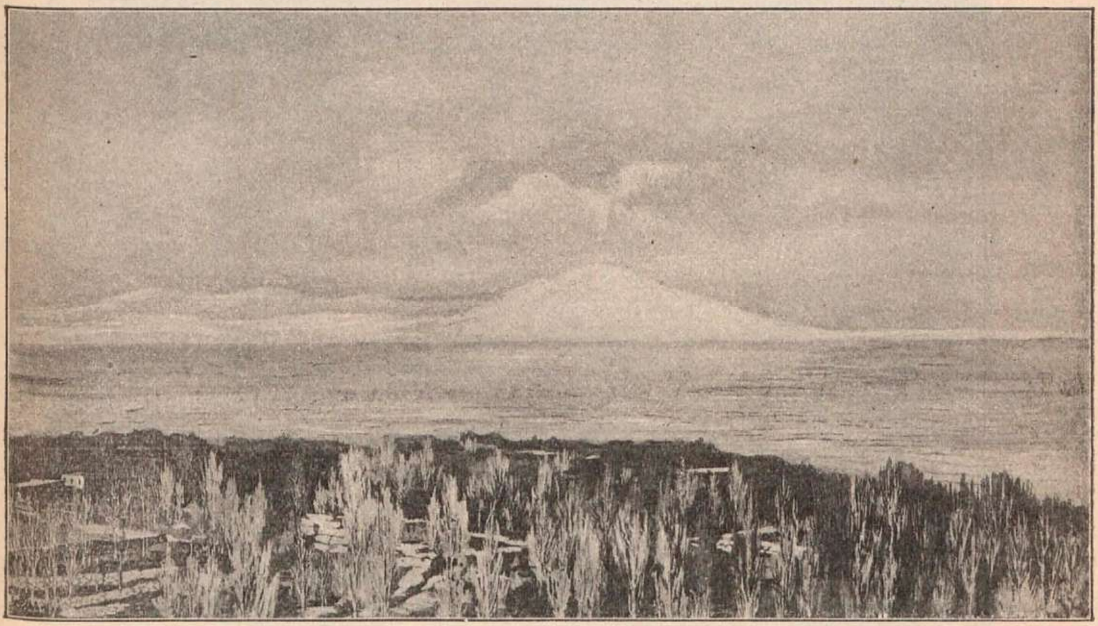
Племя нѣсколько отличное отъ этихъ мирныхъ обитателей, овладѣвъ въ средніе вѣка этими огромными пустынями, покрыло ихъ воинственными ордами, вышедшими изъ степей Джигуна и Яксарта: безчисленная толпа монголовъ подъ предводительствомъ Джурмагуна и Гулагу выѣзжала здѣсь своихъ лошадей и приготовлялась для рѣзни и грабежей, производимыхъ съ началомъ весны во всѣхъ сосѣднихъ странахъ. Кровожадные вожди этихъ монгольскихъ ордъ съ приближеніемъ жары спасались на прохладныя возвышенности Аладага, горы, принадлежащей къ цѣпи Арарата, на которой Адага-ханъ построилъ себѣ пышный замокъ, обширный, какъ городъ, остатки котораго избѣгли изслѣдованія путешественниковъ, точно также, какъ самое положеніе его осталось неизвѣстнымъ для оріенталистовъ, изучившихъ исторію монголовъ.

Цѣпь Арарата и состоящіе съ ней въ связи длинные хребты горъ, раздѣляя всю Арменію на двѣ части, служатъ водораздѣломъ водъ, текущихъ, съ одной стороны, къ морямъ Черному и Каспійскому, съ другой—въ Средиземное море и Персидскій заливъ. Великій естествоиспытатель нашихъ временъ Гумбольдтъ, разсматривалъ эти горныя цѣпи Арменіи, соединенныя съ широтною системою горъ, которыя тянутся чрезъ значительную часть Азіи, отъ отдаленныхъ странъ Индіи и Китая до оконечности Малой Азіи, и входятъ даже въ Восточную Европу, — вмѣстѣ съ предгорьями, какъ центръ тяжести всего древняго міра. Тѣмъ не менѣе цѣпь эта, какъ и всякая другая въ Арменіи, не обрисовывается ясно; она не походитъ ни на громадный валъ Кавказа, ни на сплошные хребты Андовъ, Гималая и Аппениnъ. Она даже не имѣетъ величественнаго вида Тавра въ Малой Азіи. Въ Арменіи встрѣчаемъ мы множество второстепенныхъ вѣтвей Кавказа, Тавра и Арарата. Надъ этой нагорной страной возвышаются изолированные пики, весьма своеобразные по своимъ формамъ, высотѣ и объему. Совершенно вѣрно отецъ сравнительной географіи, Риттеръ назвалъ страну нашу горнымъ островомъ (Berginsel); вы совершенно согласитесь съ этимъ, если разсмотрите страну между Мессопотаміей, Албаніей, Грузіей, между Чернымъ и Каспійскимъ морями, гдѣ плоскогорье возвышается болѣе чѣмъ на 2000 метровъ, а абсолютная высота горныхъ хребтовъ достигаетъ 5000 метровъ. Высшая точка его, Массисъ или Большой Араратъ, превышаетъ болѣе чѣмъ на 500 метровъ Монъ-Бланъ; изолированный съ трехъ сторонъ, онъ возвышается, какъ

исполинъ, на 4000 метровъ надъ равниною Аракса, показывая гордо на разстояніи 50 миль свою сѣдую голову. Бѣлый плащъ, которымъ онъ постоянно покрытъ, представляетъ поразительный контрастъ съ черными скатами, когда они обнажены отъ снѣга.

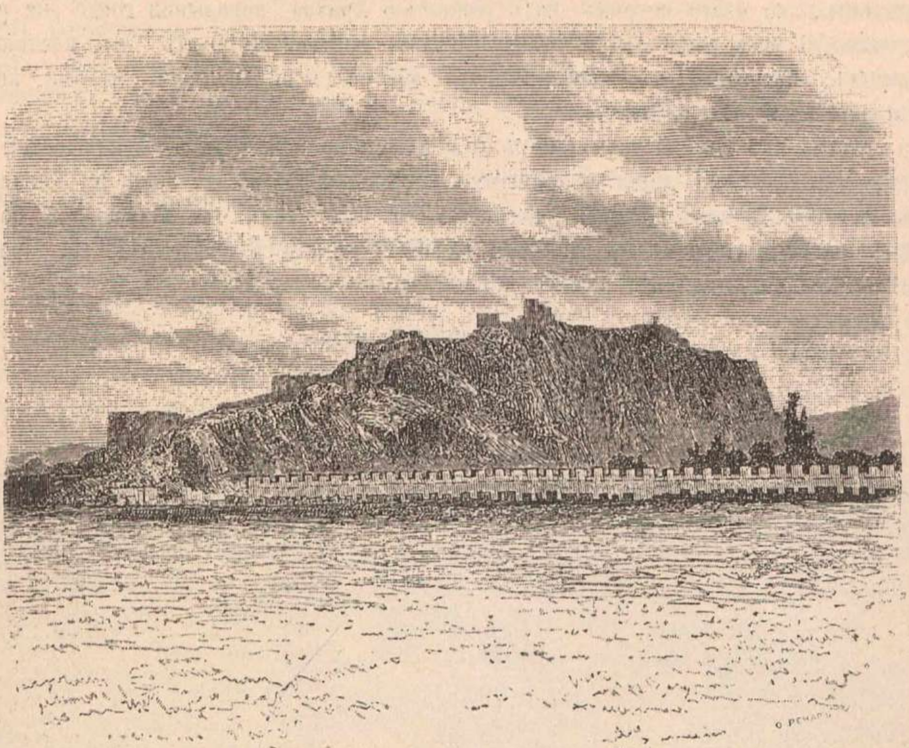
Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ феноменовъ нашей страны заключается въ томъ, что снѣговая линія сохраняется втеченіи цѣлаго года лишь на Масисѣ и нѣкоторыхъ другихъ возвышенностяхъ. Снѣговая линія не понижается болѣе чѣмъ на 4000 метровъ на горахъ и на 3500 на отрогахъ Арменіи. Не даромъ, слѣдовательно, удивлялся римскій поэтъ, что

...Nec Armeniis in oris
Stat glacies iners
Menses per omnes.

Ванское озеро (Турец. Арм.).

Какъ великъ, въ самомъ дѣлѣ, контрастъ общаго вида нашей страны между лѣтнимъ и зимнимъ временемъ: бѣлый саванъ, буквально покрывающій все, замѣняется непосредственно зеленымъ ковромъ! Но какъ исчезаютъ эти громадныя массы снѣга и льду, куда изливаются всѣ эти воды? Онѣ должны были бы наводнить, опустошить всю поверхность страны, если-бы Арменія не представляла собою страны, возвышающейся надъ передней Азіей и не содѣйствовала бы образованію въ послѣдней большихъ рѣкъ, направляя ихъ къ окрестнымъ морямъ. Русла нашихъ рѣкъ весьма глубоки: крутые берега ихъ возвышаются нерѣдко на нѣсколько сотъ футовъ надъ ихъ черноватыми водами, вслѣдствіе чего многія рѣки носятъ названіе *черныхъ*. Но и обиліе водъ вслѣдствіе климатическихъ условій не было бы достаточнымъ для питанія земли, если-бы, благо-

Ванская цитадель (Арм. цит.).

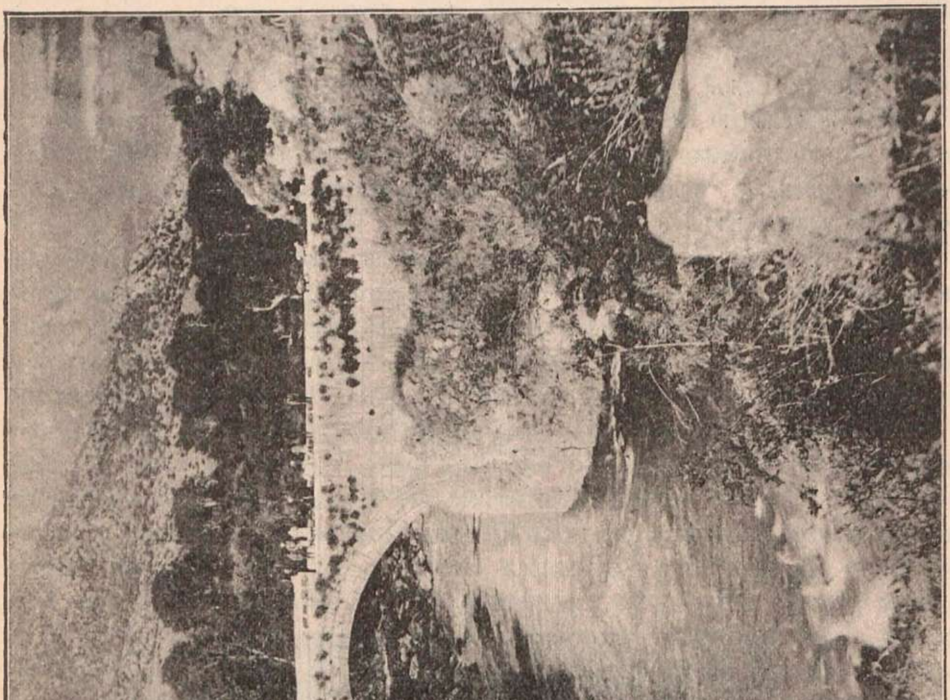
даря необыкновенному трудолюбію земледѣльца, многочисленные каналы не представляли собою подвижной сѣти покрывшей поля и луга. Надо признать, что предки наши сдѣлали большіе успѣхи въ гидравлическомъ искусствѣ. Водой, стоящей въ углубленіяхъ долинъ или пробивающей себѣ дорогу чрезъ утесы лощинъ, пользовались жители не только для поливки земли, но часто ее проводили по извилистымъ дорожкамъ вдоль крутыхъ скалъ и остроконечныхъ холмовъ, собирая ее на вершинахъ въ бассейны, выдолбленные въ утесѣ укрѣпленнаго замка какого-либо тирана или его вассала. Въ другихъ мѣстахъ иными способами и съ иною цѣлью вырывали проходы подъ глубокимъ русломъ рѣкъ: городъ Ани, напр., послѣдняя столица Арменіи, имѣлъ свой туннель 800 годами ранѣе Лондона. При видѣ всѣхъ подобныхъ гидравлическихъ работъ, легко понять, что наши соотечественники могли господствовать и надъ теченіемъ рѣкъ, перекидывая чрезъ нихъ мосты: ихъ было такъ много, что одинъ изъ нашихъ средневѣковыхъ ашуговъ-бардовъ даже поклялся ими. Между тѣмъ. соединеніе береговъ быстрыхъ рѣкъ съ сильнымъ теченіемъ всегда сопряжено съ значительными усиліями, какъ прелестно выражается объ этомъ Вергилій —

Pontem indignatus Araxes.

Напрасны были усилія Александра и Августа сковать эту рѣку. Другой императоръ счелъ себя счастливѣе, когда лишь на мгновеніе успѣлъ пе екинуть мостъ, вдохновившій придворнаго поэта сказать

Patiens Latii jam pontes Araxes.

Но если тщетны были усилія кесарей и рѣка ниспровергала ихъ сооруженія, то простой пастухъ умѣлъ обуздать ее; подъ семью арками заложеннаго имъ моста безропотно несетъ свои волны Араксъ. Пастушій мостъ (Чобанъ-

Мостъ царицы Наны XI в. (Тифл. губ.).

Кёопрусу) вошелъ въ поговорку въ Арменіи и сосѣднихъ странахъ. Не перечисляя другихъ, я упомяну еще объ одномъ въ Дзорапорѣ. Онъ перекинутъ чрезъ глубокій оврагъ (см. рисунокъ) овдовѣвшей въ цвѣтѣ лѣтъ царицей въ память своего несчастнаго супруга Абаса, представляя собою символъ соединенія

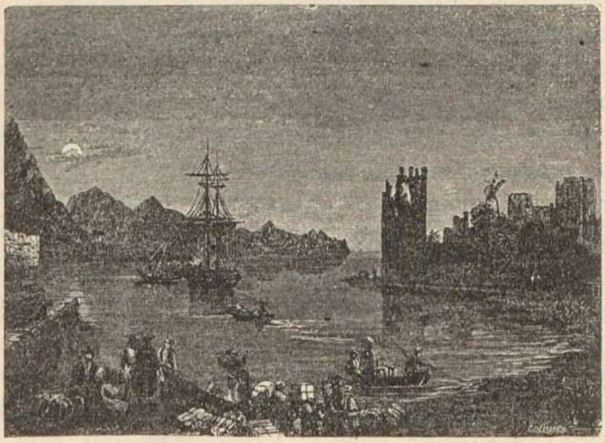
двухъ міровъ. У основанія креста рельефными буквами написала она девизъ любви своей и пламенной вѣры. Проходящій чрезъ этотъ, смѣю сказать, чудесный мостъ, не можетъ не бросить грустнаго взгляда на быстрыя, безпрерывно подымающіяся и опускающіяся волны, на эту надпись и на два сосѣднихъ монастыря, Ахпатскій и Санаинскій, истинные Сенъ-Дени и Сенъ-Поль средневѣковой Арменіи, гдѣ покоится прахъ 40 коронованныхъ особъ вмѣстѣ съ благочестивой царицей Наной, строительницей моста. Къ счастью, время, проявляющее свою разрушительную силу менѣе человѣка, сберегло этотъ драгоцѣнный памятникъ!.. Но что отвлекло меня такъ далеко отъ моего предмета?.. Нѣтъ ничего болѣе возвышеннаго, привлекательнаго и священнаго какъ гармонія природы съ религіей и воспоминанія о славѣ отечества и его горестяхъ.

Изъ гидрографіи Арменіи, вы, безъ сомнѣнія, видите, что вслѣдствіе наклонной поверхности, высоты горъ, изобилія потоковъ, при сравнительно короткомъ теченіи ихъ, Арменія должна быть богата водопадами и каскадами; самыя названія нашихъ рѣкъ—Араксъ, Тигръ, Джорохъ—указываютъ на быстроту ихъ: первый извѣстенъ величественно красивымъ водопадомъ въ своемъ нижнемъ теченіи, составляющемъ южнѣйшую часть обширнаго русскаго государства, громаднѣйшія рѣки котораго не представляютъ болѣе красиваго и въ то-же самое время болѣе ужаснаго зрѣлища. Вспомнимъ, что прежде чѣмъ національная рѣка наша, мчащаяся съ быстротою невзнузданнаго скакуна, могла пробить себѣ дорогу чрезъ эти пропасти и громадныя скалы, страшное землетрясеніе должно было разрушить цѣлую гору, извѣстную подъ именемъ *Большой*. При видѣ упорной борьбы этихъ скалъ съ водоворотомъ Аракса, великій Шахъ-Абасъ обратился къ окружавшимъ его съ слѣдующими словами: вотъ какъ сопротивляются врагу.—Да, государь, отвѣтили ему, когда есть такая сильная подпора, указавъ на утесистыя стѣны, которыя окружали въ этомъ мѣстѣ водопадъ.

Евфратъ, патріархъ библейскихъ рѣкъ, берущій свое начало на высотѣ 9000 футовъ изъ *горы цвѣтовъ* въ Карпнѣ (Эрзерумѣ), имѣетъ не менѣе 300 пороговъ между Великой и Малой Арменіей, на разстояніи какихъ нибудь 12 миль. Восточный притокъ его Арадзани, падаетъ близь знаменитаго монастыря Іоанна Крестителя въ Мушѣ, широкимъ водопадомъ, который по шуму своему названъ *Куркуръ* (клокотунъ). Наконецъ, Джорохъ, при менѣе длинномъ, но болѣе быстромъ теченіи, протекая чрезъ озеро, принимаетъ форму водопада, который, по свидѣтельству одного нѣмецкаго натуралиста, по красотѣ своей уступаетъ только Ніагарскому. Вы захотите, можетъ быть, устроить навигацію по такой рѣкѣ?—Возьмите барку въ Артвинѣ, городѣ пограничномъ съ Лазистаномъ, и вы въ шесть или семь часовъ спуститесь къ устью Джороха, въ Батумѣ; если-же захотите тѣмъ же путемъ возвратиться въ Артвинъ, то вы употребите 6 или 7 дней; вы видите, что русло ея имѣетъ значительный склонъ и рѣка течетъ чрезвычайно быстро. Не слѣдуетъ поэтому разсчитывать на судоходство по рѣкамъ Арменіи, хотя судна извѣстныхъ размѣровъ и ходятъ по Курѣ и Араксу послѣ ихъ соединенія. Тѣмъ не менѣе отецъ греческой исторіи сообщаетъ намъ, что современные ему армяне пытались устроить полуварварскую, но довольно искусную навигацію по Евфрату: они нагружали произведенія своей и сосѣднихъ странъ, въ особенности какое-то пальмовое вино, на круглыя суда, подводная

часть которыхъ была изъ ивъ, а внѣшняя часть покрыта кожей: такія суда могли подымать тяжести до 5000 талантовъ (около 100,000 килограммъ). На судахъ этихъ спускались по теченію рѣкъ и затѣмъ бросали ихъ, достигнувъ Вавилона; обратный путь совершался сушей. Объясненіе этого очень простое: твердая часть судна продавалась, кожи навьючивали на ословъ и возвращались въ портъ, имѣвшій, по всей вѣроятности, мало общаго съ Марселемъ. Я не знаю, что можно подумать объ этомъ способѣ рѣчнаго движенія теперь, но наивный Геродотъ считалъ этотъ способъ навигаціи величайшимъ послѣ Вавилона чудомъ Ассиріи.

Абгаръ Іоаннисіани

Килиндрія (Кил.).

Викраморваши

Драма Калидасы

(съ санскритскаго).

Предлагая въ русскомъ переводѣ завязку знаменитой драмы Калидасы, считаю не лишнимъ, въ виду незначительнаго знакомства русскаго общества съ санскритской литературой, сказать нѣсколько словъ о взглядахъ туземныхъ индійскихъ теоретиковъ на драматическую поэзію, нашедшихъ себѣ яркое выраженіе въ драмахъ поэта Калидасы, относимаго къ VI столѣтію по Р. Х., золотому вѣку классической индійской литературы. Нѣкоторое знакомство съ требованіями индійскихъ теоретиковъ позволитъ читающему драму въ близкомъ переводѣ, сохраняющемъ колоритъ оригинала, дать ей болѣе правильную историко-литературную оцѣнку, потому что даже самая художественная съ индійской точки зрѣнія драма, вродѣ Шакунталы или Викраморваши, не можетъ вполнѣ удовлетворить нашему вкусу, развитому корифеями европейской драматургіи.

Драматическое произведеніе, по индійскому опредѣленію, есть поэма, которую не только слушаютъ, но и смотрятъ. Общимъ названіемъ для всѣхъ сценическихъ произведеній поэтому служитъ имя rûpaka, отъ rûpa—*образъ*, *видъ*, такъ какъ въ нихъ мы видимъ *воплощеніе* характеровъ и чувствъ.

Цѣль представленія — назиданіе посредствомъ увеселенія. Піеса должна вообще вызывать въ зрителѣ отзвукъ тѣмъ чувствамъ, которыя изображаются на сценѣ. Эти ощущенія, получаемыя зрителемъ, означаются названіемъ rasa (собственно вкусъ), а душевныя состоянія изображаемыхъ на сценѣ лицъ терминомъ bhâva. Страстные любители систематизаціи теоретики стараются регистрировать тѣ и другія, и bhâva и rasa. Но психологическія попытки ихъ нейдутъ далѣе подробнаго перечисленія: такъ, bhâva — душевныя состоянія сценическихъ лицъ — подраздѣляются на *длительныя* и *случайныя*. Первыхъ насчитываютъ 8

или 9 видовъ, послѣднихъ до 33, причемъ перечисляются столько же вызывающихъ ихъ причинъ (vibhâva) и столько же внѣшнихъ признаковъ (anubhâva), ихъ сопровождающихъ. Чтобы ограничиться однимъ примѣромъ индійской психологіи отмѣтимъ, что состоянія mada (опьяненія) имѣетъ своимъ vibhâva (причиной) неумѣренное питье крѣпкихъ напитковъ, а своимъ anubhâva (внѣшнимъ проявленіемъ) — неувѣренность въ движеніяхъ, неясность въ произношеніи, безпричинный смѣхъ и т. п. Съ такой же полнотой перечисляются и ощущенія, вызываемыя сценическимъ представленіемъ у зрителя, причемъ и здѣсь высказывается крайнее пристрастіе къ мелкимъ подраздѣленіямъ. Напримѣръ, rasa называемое hâsya т. е. *смѣхъ* обнаруживается въ шести различныхъ видахъ: — признаки 1-го расширеніе глазъ и движеніе рѣсницъ, 2-го улыбка, сопровождаемая обнаруженіемъ зубовъ, 3-го легкое восклицаніе, 4-го хохотъ до слезъ, 5-го слезы текутъ въ изобиліи, 6-го смѣющійся хватается за бока. Неудивительно, что, внося такую систематизацію въ психологическую сторону сценическаго представленія, теоретики старались регламентировать и различные виды піесъ. Если вмѣсто нашихъ немногихъ видовъ драматическихъ произведеній (трагедія, комедія, драма, мелодрама и проч.) мы находимъ у индійскихъ теоретиковъ 38 видовъ, то, конечно, не должны заключать отсюда о дѣйствительномъ богатствѣ разновидностей индійской драматической литературы, а только о крайнемъ увлеченіи теоретиковъ всякими безплодными тонкостями систематизаціи. Такъ, весьма близкія по нашимъ понятіямъ между собою драмы Калидасы, Шакунтала и Викраморваши вносятся, въ индійской системѣ, въ двѣ разныя рубрики. Первая причисляется къ такъ называемому nâtakam, высшему роду *перваго* класса rûpaka, вторая, только потому, что дѣйствіе происходитъ то на землѣ, то на небѣ, называется *trotaka* и вносится въ отдѣлъ т. наз. uparûpaka. Но въ сущности обѣ драмы равно отвѣчаютъ требованіямъ теоретиковъ относительно сюжета и изображенія дѣйствующихъ лицъ. Сюжетъ такого рода драмъ, по ихъ предписаніямъ должепъ быть важенъ и общеизвѣстенъ. Его можно выбрать изъ миѳовъ или историческихъ преданій, или онъ можетъ быть частью измышленіемъ, частью основанъ на преданіяхъ. Піеса должна изображать только высокія, славныя личности: герой долженъ быть или царь, или полубогъ. Преобладающія чувства главныхъ лицъ должны быть *любовь* или *героизмъ*. Фабула должна быть проста, и исторія главныхъ лицъ не должна прерываться эпизодами. Изъ пресловутыхъ трехъ единствъ псевдоклассической драмы индійская соблюдаетъ единство дѣйствія. Относительно длительности изображаемыхъ въ драмѣ событій существуетъ только предписаніе, чтобы длительность событій одного акта ограничивалась однимъ днемъ, но между отдѣльными актами могутъ проходить годы. Требованіе же единства мѣста уже потому не могло придти на мысль индійскимъ драматургамъ, что при отсутствіи декорацій всѣ перемѣны сцены были предоставлены воображенію зрителей. Но не стѣсняя такими внѣшними требованіями творчества поэта, индійская теорія предписывала ему строжайшій этикетъ и не допускала многихъ ситуацій, которыя допустила бы чопорная псевдоклассическая сцена. Не только убійство и смерть естественную нельзя было изображать на сценѣ, но и вообще піеса должна избѣгать всего рѣзкаго, страшнаго, мрачнаго, сильно дѣйствующаго или вульгарнаго: зрители не должны видѣть

сценъ драки, брани, проклятія, униженія личности, народнаго бѣдствія, а также брачной церемоніи, сна, ѣды, поцѣлуевъ и проч. Проявленія чувствъ дѣйствующихъ лицъ должны быть облечены въ красивую, изящную форму: ни горе, ни радость не должны переступать мѣру, предписываемую строгимъ приличіемъ. Зритель индійской драмы постоянно чувствуетъ, что присутствуетъ въ высшемъ обществѣ, въ школѣ изящныхъ манеръ и вкуса.

Понятіе о трагедіи, въ смыслѣ классической, совершенно чуждо Индіи: драмъ съ трагической развязкой индійцы не знали. Въ ихъ піесахъ сцены трагическія и комическія чередуются, какъ въ піесахъ Шекспира.

При слабомъ развитіи индивидуальности, трагическая коллизія личности съ обществомъ не становилась сюжетомъ индійской драмы, а понятіе о любви на востокѣ, многоженство и подчиненное положеніе женщины не могли вносить высокаго трагизма въ отношенія мужчины къ ней. Самый излюбленный сюжетъ индійской драмы любовь, облекаемая въ самыя утонченныя, изящныя формы. Лиризмъ всюду преобладаетъ надъ драматическимъ элементомъ. Герой изливаетъ свою любовную тоску въ стихахъ, щеголяющихъ музыкальностью и разнообразіемъ размѣровъ, обычные же разговоры ведутся прозой. Разговоры преобладаютъ надъ дѣйствіемъ; изъ нихъ мы узнаемъ часто о событіяхъ, совершившихся между актами или за сценой. Но и любовныя сцены, главная струна драмы, едва ли могутъ удовлетворить нашему художественному чувству. Роль индійской женщины слишкомъ пассивна, чтобы въ ея устахъ возможны были рѣчи героинь европейской сцены. Въ любовныхъ ситуаціяхъ она играетъ роль смущеннаго ребенка. Ея чувство выражается или прорывается, какъ бы помимо ея воли, не въ прямомъ обращеніи къ возлюбленному, а во вздохахъ, движеніи глазъ и стыдливомъ шопотѣ на ухо обязательно присутствующей наперсницѣ-подругѣ. Подруга является присяжной посредницей, переводчицей при героинѣ, и герой узнаетъ о раздѣляемомъ чувствѣ не прямо отъ возлюбленной, но либо отъ подруги, либо посредствомъ подслушиванья, пріема, къ которому нерѣдко прибѣгаютъ авторы драмъ. Если случайно, по шаловливому коварству подруги, героиня остается наединѣ съ предметомъ своей любви, то на всѣ его восторженные стихи отвѣчаетъ либо молчаніемъ, либо незначительными фразами, выражающими ея смущеніе. Эта стыдливость въ обнаруживаніи чувства входитъ въ кодексъ индійскихъ правилъ о поведеніи дѣвицъ благороднаго происхожденія. Но и любовныя рѣчи героя, благодаря поэтическимъ пріемамъ индійскихъ драматурговъ, намъ не всегда вразумительны безъ спеціальнаго комментарія. Увлеченный страстью герой ищетъ участія во всей природѣ — фаунѣ и особенно флорѣ: обращеніе къ растеніямъ, сравненія въ области ботаники особенно изобильны въ «цвѣтистомъ» языкѣ восточной любви. Такъ, одинъ изъ слѣдующихъ актовъ драмы Викраморваши весь состоитъ изъ скорбныхъ стиховъ царя Пуруравaса, который, въ отчаяніи отъ изчезновенія своей возлюбленной, ищетъ ее въ лѣсу и обращается съ жалобами къ птицамъ и растеніямъ. Въ оригиналѣ стихи чрезвычайно гармоничны и изящны по метрическому складу, но для уясненія образности сравненій нуждаются, для европейскаго читателя, въ постоянныхъ комментаріяхъ.

Что касается внѣшняго построенія индійской драмы, то она всегда открывается прологомъ, въ которомъ зрителя знакомятъ съ названіемъ піесы, именемъ

ея автора, нѣкоторыми дѣйствующими лицами и съ такими событіями, какія зрителю необходимо знать, чтобъ понимать піесу. Въ прологѣ является такъ наз. сутрадхара (sûtradhâra) режиссеръ и директоръ театра, а съ нимъ главный актеръ или актриса.

Прологу предшествуетъ молитва къ божеству, имѣющая цѣлью испросить его благоволеніе публикѣ. По окончаніи молитвы изъ-за занавѣса, протянутаго въ глубинѣ сцены, выходитъ *сутрадхара*, который, по требованію индійскихъ авторитетовъ, долженъ быть человѣкомъ даровитымъ, хорошо знакомымъ со свѣтской литературой, знающимъ разные индійскіе діалекты, обычаи и нравы разныхъ слоевъ общества и народа, свѣдущимъ въ театральномъ дѣлѣ и опытнымъ въ искусствахъ. Его роль въ «Прологѣ» состоитъ въ томъ, что онъ иногда прочитываетъ панегирикъ піесѣ и ея автору, проситъ благосклоннаго вниманія публики и торопитъ актеровъ, чтобы они не злоупотребляли терпѣніемъ «благороднаго собранія». Иногда онъ разговариваетъ съ главнымъ актеромъ или актрисой, и этотъ разговоръ имѣетъ цѣлью дать публикѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о сюжетѣ піесы. Заключеніе Пролога приготовляетъ публику къ немедленному выходу какого нибудь изъ дѣйствующихъ лицъ. Первый актъ, соотвѣтствующій экспозиціи или протасису классическаго театра, имѣетъ повѣствовательный характеръ и даетъ ключъ къ уразумѣнію дальнѣйшаго развитія піесы. Акты, число которыхъ колеблется между 4-мя и 10-ю, обозначаются входомъ и выходомъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. Акты связываются *междудѣйствіемъ*, небольшой сценкой, содержащей обыкновенно разговоръ второстепенныхъ лицъ, наперсниковъ героя и героини, знакомящій публику съ событіями, происшедшими между актами.

Содержаніе драмы «Викраморваши» вкратцѣ слѣдующее: Прекрасная нимфа (апсарасъ) Урваши была похищена демонами (асурами или данавами), постоянно враждующими съ *дэвами* (богами). Царь Пуруравасъ, случайно узнавъ объ этомъ, отбиваетъ нимфу у демоновъ и немедленно влюбляется въ нее. Нимфа отвѣчаетъ ему любовью, но тотчасъ должна покинуть его, призванная на небо Индрой. Наперсникъ царя Видушака разболталъ служанкѣ царицы, жены Пурураваса, тайну своего царственнаго друга, и оскорбленная царица ревнуетъ супруга. Между тѣмъ Урваши, участвуя на небѣ въ драматическомъ спектаклѣ, исполняемомъ предъ богомъ Индрой, допустила обмолвку въ своей роли, отвѣтивъ на вопросъ, кого она любитъ, именемъ «*Пурураваса*», вмѣсто имени «*Пурушоттамы*» (т. е. Вишну), какъ ей слѣдовало отвѣтить согласно съ ролью. За эту оплошность она должна покинуть небо, но ей дозволено соединиться съ Пуруравасомъ и жить съ нимъ до тѣхъ поръ, пока у нихъ не будетъ дѣтей. Царица-жена соглашается наконецъ, чтобы царь вступилъ въ бракъ съ другою. Но счастье любящихъ скоро постигаетъ неожиданный ударъ: въ припадкѣ ревности, вызванной тѣмъ, что Пуруравасъ посмотрѣлъ на одну дѣвушку, Урваши убѣгаетъ отъ него въ священную рощу, запретную для женщинъ. За это она превращена въ ліану, и царь напрасно въ отчаяніи ищетъ ее среди деревьевъ. Онъ можетъ соединиться съ нею вновь только, если найдетъ волшебный «камень соединенія», но никто въ природѣ не можетъ указать, гдѣ слѣдуетъ искать его. Однако судьба сжалилась надъ Пуруравасомъ. Случайно чудесный камень попадаетъ ему въ руки, и ліана, которая представилась разстроенному воображенію царя по стройности

похожей на Урваши, въ его объятіяхъ превращается въ его небесную жену. Изъ начала послѣдняго 5-го акта зритель узнаетъ, что нѣсколько лѣтъ любящіе супруги пользовались ничѣмъ не нарушавшимся счастьемъ. Но вдругъ раздаются крики. Оказывается, что красный «камень соединенія» унесенъ коршуномъ, принявшимъ его за кусокъ мяса. Но вскорѣ получается извѣстіе, что одинъ мальчикъ, воспитываемый пустынниками, убилъ коршуна и спасъ чудесный камень. Мальчикъ оказывается сыномъ Урваши отъ Пурураваса, сокрытымъ матерью въ пустынножительствѣ отъ взоровъ мужа, такъ какъ, согласно слову Индры, сожительство, нимфы съ человѣкомъ должно прекратиться, какъ только онъ увидитъ сына, рожденнаго ею отъ него. Такимъ образомъ Урваши должна покинуть мужа, и радость свиданія съ сыномъ готова у него перейти въ скорбь по женѣ, но въ это время является, спустившись съ неба, посланникъ бога Индры Нарада и объявляетъ, что, нуждаясь въ помощи Пурураваса въ войнѣ съ демонами, Индра соглашается на то, чтобъ Урваши навсегда осталась на землѣ женою царя. Такимъ образомъ драма кончается счастливо.

Замѣтимъ въ заключеніе, что миѳъ о союзѣ Пурураваса съ нимфой Урваши извѣстенъ уже въ ведахъ и легендахъ брахманъ, но съ другимъ исходомъ: Урваши покидаетъ на вѣки своего земного мужа. Такую развязку, согласно съ требованіями драматической теоріи, Калидаса долженъ былъ измѣнить.

Викраморваши [1])

ПРОЛОГЪ.

Да даруетъ вамъ блаженство
Вѣчный духъ, что по Ведантамъ [2])
Міроздание проникаетъ [3]).
Одному ему названье
«Самодержца» подобаетъ.
Чрезъ задержку выдыханья,
Покаянье, созерцанье
Съ нимъ легко соединенье
Тѣмъ, кто ждетъ «освобожденья!» [4])

1) Названіе состоитъ изъ словъ: Vikrama — „доблесть, сила“ и Urvaçî — собст. имя нимфы. Сложное слово значитъ: „Урваши добытая доблестью“.

2) Трактаты философскаго и мистическаго содержанія, основанные на толкованіи Ведъ.

3) Т.-е. богъ Шива.

4) Здѣсь разумѣется конечное освобожденіе души отъ цикла перерожденій и возсоединеніе ея съ міровымъ духомъ. „Освобожденіе ускоряется аскетическими тѣлесными и духовными упражненіями, вродѣ задержанія дыханія, самососредоточенія и проч.

Входитъ распорядитель [1]).

Распорядитель. Довольно медлить! *(Смотритъ въ глубь сцены)* Мариша! [2]) Это собраніе видѣло уже піесы прежнихъ поэтовъ; потому я желаю представить предъ нимъ новую драму «Викраморваши», произведеніе Калидасы. Скажи актерамъ, чтобъ они внимательно исполняли свои роли.

Входитъ актеръ.

Актеръ. Будетъ исполнено.

Распорядитель. Итакъ, преклоняя голову передъ почтеннымъ и просвѣщеннымъ собраніемъ, я прошу:

«Изъ любезности къ актерамъ, изъ почтенья къ содержанью
И къ поэту эту драму не оставьте безъ вниманья!»

За занавѣсомъ слышатся крики:

Господа! Помогите, помогите!...

Распорядитель. Чу! Что значитъ этотъ внезапный призывъ на помощь воздушныхъ существъ? *(Подумавъ)* Ахъ, знаю:

Нимфа Урваши, созданье Нараяны [3]), возвращаясь
Съ посѣщенія Куверы [4]), духа горъ, среди дороги,
Вдругъ похищена врагами небожителей, и скорбный
Крикъ о помощи подруги бѣдной нимфы поднимаютъ.

Уходитъ.

Конецъ пролога.

1) Названіе распорядителя представленій sûtradhâra происходитъ отъ слова sûtra—нить снурокъ и dhâra — держащій. Слово это обозначаетъ плотника, строителя и распорядителя спектакля.

2) Этимъ именемъ называютъ главнаго актера.

3) Отшельникъ прославленный подвижничествомъ. По легендѣ, его великое благочестіе, давшее ему необычайное могущество надъ природой, встревожило боговъ, которые поэтому прибѣгли къ обычному своему пріему, послали прекрасныхъ нимфъ, чтобы соблазнить аскета. Но Нараяна не поддался соблазну и посрамилъ боговъ. Онъ сорвалъ цвѣтокъ, положилъ его себѣ на бедро и цвѣтокъ превратился въ нимфу, затмившую красотою всѣхъ посланныхъ Индрою для его соблазна. Созданная Нараяной нимфа получила имя Урваши, какъ происшедшая отъ бедра (санскр. ûru — бедро). Этимологія имени искусственна.

4) Кувера-духъ богатствъ, живущій въ своей столицѣ Алака на вершинѣ горы Кайласы.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Часть Гималайскаго хребта. По воздуху летитъ толпа нимфъ.

Нимфы. Помогите, помогите! Если есть кто нибудь изъ друзей безсмертныхъ или изъ воздушныхъ существъ.

Является Пururавасъ на воздушной колесницѣ управляемой возницей.

Царь. Прекратите крики! Скажите мнѣ, Пурураваcу, возвращающемуся отъ служенія солнцу, отъ кого я могу васъ защитить?

Рамбха. Отъ насилія асуровъ.

Царь. Какое насиліе причинили вамъ асуры?

Рамбха. Выслушай, великій государь! Наша милая подруга Урваши, нѣжное орудіе Индры, когда онъ опасается суроваго подвижничества аскетовъ, наша Урваши, посрамляющая Гаурію[1]) гордую своею красотой, высшая красота неба, была предательски унесена демономъ, вмѣстѣ съ подругой Читралекхой, на возвратномъ пути изъ дворца Куверы.

Царь. Въ какую сторону скрылся злодѣй?

Нимфы. На сѣверо-востокъ.

Царь. Не тревожьтесь. Я сдѣлаю все, чтобъ возвратить вамъ подругъ.

Нимфы. *(радостно)* Это достойно потомка луны[2]).

Царь. Гдѣ же вы будете ожидать меня?

Нимфы. Вотъ тамъ, на вершинѣ Хемакуты[3]).

Царь. Возница! Направь быстро коней на сѣверо-востокъ.

Возница. Будетъ исполнено, Государь! *(направляетъ коней какъ приказано).*

Царь. Хорошо, хорошо! Съ такой быстротой я догналъ бы и Гаруду[4]).

«Вихремъ мчится колесница,
Разсѣкая облака,
Съ быстротой мелькаютъ спицы
Передъ взоромъ сѣдока.
У коней могучихъ, буйныхъ
Ихъ *чамары*[5]) вверхъ торчатъ,

[1]) Гаури жена бога Шивы.

[2]) Пururавасъ считается, по индійскимъ генеалогическимъ легендамъ, вторымъ царемъ лунной династіи.

[3]) Хемакута одна изъ вершинъ въ сѣверной части хребта.

[4]) Гаруда миѳическая священная птица, на которой носится богъ Вишну, сидя на ней.

[5]) Чамары (câmara) пучки изъ пушистыхъ хвостовъ быка (Bos grunniens), укрѣпленные какъ украшеніе сбруи, у коней между ушами.

И знамена не дрожатъ
Подъ напоромъ вѣтровъ бурныхъ!»[1])

(Царь и возница оставляютъ сцену).

Сахаджанья. Милая, царь уѣхалъ, пойдемъ къ назначенному мѣсту.
Менака. Пойдемъ милая. *(Онѣ поднимаются на вершину Хемакуты).*
Рамбха. Извлечетъ ли намъ царь занозу изъ сердца?
Менака. Не сомнѣвайся въ этомъ.
Рамбха. Однако Данавовъ трудно осилить.
Менака. Самъ Индра, когда ему угрожаетъ война съ ними, призываетъ великаго царя изъ земного міра и поручаетъ ему свое войско для побѣды надъ врагами.
Рамбха. Да будетъ онъ всегда побѣдоносенъ!
Менака. *(помолчавъ)* Ободритесь, милыя, ободритесь! Вотъ появляется опять царская колесница, подарокъ луны, съ развѣвающимся знаменемъ. Я увѣрена, что онъ не возвратится, не совершивъ дѣла успѣшно. *(Сдѣлавъ счастливое предзнаменованіе, онѣ останавливаются, поджидая царя. Является царь съ возницей и Урваши. Ея глаза закрыты отъ страха, и она опирается на руку Читралекхи).*
Читралекха. Милая, успокойся, приди въ себя!
Царь. Успокойся, успокойся, красавица.

Теперь исчезъ ужъ страхъ передъ врагами
Боговъ, о робкая! Величье Индры
Перуноноснаго хранитъ три міра.
Открой же очи ты, какъ открываетъ
Цвѣтки свои въ исходѣ ночи лотосъ.

Читралекха. Увы! только дыханье ея подаетъ признакъ жизни. Она все еще не приходитъ въ чувство.
Царь. Смотри, какъ безпокоятся подруги,
Какъ сильно бьется сердце, какъ дрожитъ
Гирлянда изъ цвѣтовъ *мандары*[2])
На полной дѣвственной груди.
Читралекха. *(плачетъ).* Милая Урваши! Очнись, ты не похожа на нимфу.
Царь. Нѣтъ, все еще трепещетъ сердце,
Подобно нѣжному цвѣтку, и на груди
Колышется платокъ...

(Урваши приходитъ въ себя).

Царь. *(радостно).* Радуйся, Читралекха, твоя дорогая подруга вернулась къ сознанію:

[1]) Знамена водруженныя, какъ царскій штандартъ, на колесницѣ.
[2]) Mandâra — Erythrina indica, дерево съ роскошными цвѣтами; считается однимъ изъ пяти небесныхъ деревьевъ.

Какъ ночь освобождается отъ мрака,
Когда взошла луна, какъ сквозь столбы
Густого дыма проникаетъ пламя
Ночныхъ огней, такъ снова получила
Сознанье дѣва нѣжная: такъ Ганга [1]),
На время помутнѣвши отъ обваловъ,
Струится скоро съ прежней чистотой.

Читралекха. Успокойся, дорогая Урваши! Проклятые Данавы, враги боговъ, разбиты царемъ, покровителемъ угнетенныхъ.

Урваши. (*открывая глаза*). Развѣ великій Индра видѣлъ нападеніе на меня и спасъ меня?

Читралекха. Нѣтъ, не Индра, а равный Индрѣ царь Пуруравасъ, котораго могущество равно могуществу Индры.

Урваши. (*посмотрѣвъ на царя*, *всторону*). Счастливое событіе для меня эта борьба Данавовъ съ Индрой!

Царь. (*взглянувъ на Урваши, всторону*). Я понимаю теперь, почему всѣ нимфы, когда старались соблазнить мудреца Нараяну, устыдились, увидя ее. Но нѣтъ, — она не можетъ быть создана этимъ подвижникомъ:

Ея творцемъ былъ лучезарный мѣсяцъ
Иль Кама [2]), дышащій любовью, иль весна,
Обильная цвѣтами. Какъ же могъ
Подвижникъ, чуждый радостямъ мірскимъ,
Отъ изученья веды посѣдѣлый,
Такое дивное созданье сотворить?

Урваши. Милая Читралекха, гдѣ же подруги?

Читралекха. Это знаетъ великій царь, нашъ защитникъ.

Царь. (*къ Урваши*). Твои подруги сильно безпокоятся о тебѣ:

Чей взоръ случайно на тебя падетъ,
Тотъ долженъ безъ тебя съ тоски погибнуть.
Какое жъ горе причинила ты
Своимъ подругамъ, связаннымъ съ тобою
Цѣпями нѣжными любви и дружбы?

Урваши. (*всторону*). Твои слова амброзія [3]), но вѣдь изъ луны она исходитъ. Чему же мнѣ удивляться? (*Громко*). Потому то я всѣмъ сердцемъ стремлюсь ихъ увидѣть.

Царь. (*показывая рукою*)

Взгляни, тамъ на вершинѣ Хемакуты
Стоятъ твои подруги. Взоры ихъ

[1]) Ганга (Gangâ) извѣстная священная рѣка Индіи, называемая нами не совсѣмъ правильно Гангомъ, въ муж. родѣ.

[2]) Кама — богъ любви.

[3]) Напитокъ безсмертія (amṛtam), подкрѣпляющій силы боговъ въ борьбѣ съ демонами. По индійскимъ легендамъ, онъ хранится на лунѣ. Въ словахъ Урваши намекъ на лунное происхожденіе царя.

Устремлены на верхъ, онѣ взираютъ
На ликъ прекрасный твой, какъ на луну,
Когда отъ тьмы она освободилась.

(*Урваши смотритъ съ тоскою*).

Читралекха. Куда глядишь ты, милая?
Урваши. Кто раздѣляетъ мое горе, того пьютъ мои взоры.
Читралекха. (*улыбаясь*). Кто же это?
Урваши. Тотъ, кого я люблю.
Рамбха. (*увидѣвъ Урваши, радостно*). Милая, вонъ возвращается царь съ дорогою Урваши и Читралекхой, подобно мѣсяцу, сопровождаемому двойной звѣздой.
Менака. (*взглянувъ на нихъ*). Дорогая, намъ двойная радость, Урваши вернулась, и великій царь, кажется, возвращается невредимымъ.
Сахаджанья. (*Рамбхѣ*). А все же ты была права, когда сказала, что Дана̀вовъ трудно одолѣть.
Царь. Возница! Направь насъ на ту вершину. (*Колесница несется. Урваши робко опирается на царя*).
Царь. (*всторону*). Какъ пріятно спускаться по неровной дорогѣ:

Когда меня касается она,
При каждомъ сотрясеньи колесницы,
Какой то сладкій трепетъ пробѣгаетъ
По членамъ всѣмъ моимъ, какъ будто Кама
Меня стрѣлою жгучей поразилъ.

Урваши. (*со смущеніемъ Читралекхѣ*). Милая, подвинься же немного.
Читралекха. Не могу.
Рамбха. Пойдемте же, подруги, на встрѣчу любезному царю.
Нимфы. Пойдемъ, пойдемъ. (*Онѣ приближаются*).
Царь. Возница, стой!

Пусть чуднобровая съ толпой подругъ,
По ней тоскующихъ, соединится...
Такъ красота весны, соединяясь
Съ вѣтвями, ихъ цвѣтами облекаетъ.

Нимфы. Счастье великому царю въ побѣдахъ!
Царь. А вамъ въ соединеніи съ подругой.

(*Урваши сходитъ съ колесницы, опираясь на руку Читралекхи*).

Урваши. Дорогія, обнимите меня. Я не могла надѣяться снова васъ увидѣть.

(*Подруги обнимаются*).

Менака. (*дѣлая жестъ благословенія*). Да охраняетъ великій царь сто *кальпъ*[1]) землю!

Возница. Государь, сюда быстро несется колесница:

Смотри, вонъ кто-то въ золотыхъ запястьяхъ,
Сошелъ съ небесъ на горную вершину,
Какъ молніей блистающая туча.

Нимфы. Ахъ! Это Читраратха![2])

(*Читраратха подходитъ*).

Читраратха. (*царю*). Привѣтъ твоей блистательной доблести, которая одна можетъ оказать помощь Индрѣ!

Царь. Ахъ! Царь Гандхарвовъ! (*Сходитъ съ колесницы*). Привѣтъ тебѣ, дорогой другъ! (*Пожимаютъ другъ другу руки*).

Читраратха. Другъ, едва только Индра узналъ отъ Нарады[3]), что Урваши похищена демонами, онъ тотчасъ отправилъ дружины гандхарвовъ ее выручить. Но, узнавъ о твоемъ славномъ подвигѣ, отъ одного изъ воздушныхъ духовъ, я поспѣшилъ сюда явиться. Теперь ты долженъ вмѣстѣ съ нею отправиться къ Индрѣ. Ты оказалъ ему великую услугу.

Когда то Индрѣ подарилъ ее
Отшельникъ Нараяна. Нынѣ снова
Ему ты подарилъ ее, исторгнувъ
Изъ рукъ Данавовъ...

Царь. Нѣтъ, — не такъ, мой другъ!
Вѣдь Индры же могущество даруетъ
Его друзьямъ побѣду надъ врагами.
Такъ, раздаваясь изъ пещеръ скалистыхъ,
Одно рыканье льва слоновъ сражаетъ.

Читраратха. Такъ, такъ: скромность украшеніе доблести.

Царь. Другъ, теперь у меня нѣтъ времени посѣтить Индру. Отвези ты самъ ее къ повелителю.

Читраратха. Я къ твоимъ услугамъ. Пойдемте нимфы.

(*Всѣ встаютъ*).

Урваши. (*тихо Читралекхѣ*). Милая Читралекха! Я не въ силахъ проститься съ любезнымъ царемъ. Говори за меня.

1) *Кальпа* (kalpa) названіе громаднаго міроваго періода въ индійской миѳологіи, половина сутокъ Брахмы, состоящая изъ тысячи великихъ или божественныхъ вѣковъ.

2) *Читраратха* царь Гандхарвовъ т. е. геніевъ музыки и пѣнія, небесныхъ пѣвцовъ и музыкантовъ, увеселяющихъ боговъ. Они составляютъ свиту Индры и участвуютъ въ его борьбѣ съ демонами.

3) Нарада (Nârada) одинъ изъ семи великихъ мудрецовъ (рши) и праотцевъ человѣчества, свободно переходящій съ земли на небо боговъ, гдѣ является иногда вождемъ хора гандхарвовъ, какъ изобрѣтатель индійской лютни.

Читралекха. (*подходя къ царю*). Великій государь! Урваши поручаетъ сказать тебѣ: «воспоминаніе о твоемъ славномъ подвигѣ я унесу съ собой, какъ друга, въ міръ боговъ».

Царь. Пусть только она скорѣе возвратится.

(*Нимфы и гандхарвы поднимаются на воздухъ*).

Урваши. (*дѣлая видъ, какъ будто чтото ей препятствуетъ подняться*). Ахъ! моя *вайджаянтика*[1]) зацѣпилась за вѣтвь ліаны. (*Оборачивается и смотритъ на царя*). Милая Читралекха, освободи меня.

Читралекха. (*улыбаясь*). Ахъ! Какъ крѣпко она зацѣпилась. Просто нельзя отцѣпить.

Урваши. Оставь шутки и освободи меня.

Читралекха. Хорошо. Хоть и трудно, а все же я отцѣплю.

Урваши. (*съ улыбкой*). Помни же эти твои слова.

Царь. (*всторону*)

Какую мнѣ услугу оказала
Ты, милая ліана, задержавъ
Ея шаги хоть на одно мгновенье.
Еще разъ удалось увидѣть мнѣ
Прелестный взоръ ея при разставаньи.

(*Читралекха отцѣпляетъ уборъ Урваши отъ ліаны*).

Возница. Великій государь!

Стрѣла твоя могучая какъ вихрь,
Въ пучину водъ соленыхъ ввергнувъ Дайтьевъ[2]),
Враговъ властителя боговъ, вернулась
Теперь въ колчанъ, какъ мощный змѣй въ пещеру.

Царь. Подвези колесницу, — я взойду.

(*Возница подъѣзжаетъ. Царь всходитъ на колесницу*).

Урваши. (*смотритъ съ тоскою на царя*). Увижу ли я опять милаго царя?

(*Уносится съ подругами и гандхарвами*).

Царь. (*провожая ее глазами*). Увы! Мои желанія стремятся къ недостижимому:

Небесная дѣва къ отцу возлетаетъ
И бѣдное сердце мое похищаетъ:
Такъ красный фламинго, сломавши вершину
Нимфеи, уноситъ ея сердцевину.

Всѣ уходятъ.

Конецъ I-го дѣйствія.

Всев. Миллер.

1) Родъ снурка или гирлянды изъ жемчуга.

2) Дайтьи другое имя Асуровъ и Данавовъ.

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

Стоятъ недвижно звѣзды
Ужъ много тысячъ лѣтъ
И шлютъ, смотря съ любовью,
Другъ другу свой привѣтъ.

—

Онѣ ведутъ бесѣду, —
И чуденъ ихъ языкъ;
Но ни одинъ филологъ
Ихъ рѣчи не постигъ.

—

Но я языкъ тотъ понялъ
И изучилъ вполнѣ;
Былъ образъ моей милой
Грамматикою мнѣ.

С. Головачевскій

Армянская красавица.

Надгробный крестъ-камень изъ мон. Мхитара-Гоша XII в. (Шушин. у.).

Мармашенъ, усыпальница рода Пахлавуни. (XI в.).

Генералъ Иванъ Давыдовичъ Лазаревъ[1].

—

Въ ряду кавказскихъ дѣятелей еще недавняго прошлаго времени, имя Ивана Давыдовича Лазарева принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ именъ, на которыхъ будущія поколѣнія остановятся съ невольнымъ удивленіемъ и глубокимъ сочувствіемъ. Это былъ рѣдкій самородокъ, блестящій, крупный талантъ, который повсюду, гдѣ бы онъ ни былъ, оставлялъ послѣ себя славную

1) Иванъ Давыдовичъ Лазаревъ, родился въ 1820 г. Въ молодости Лазаревъ былъ портнымъ въ Шушѣ; въ 1839 г. онъ поступилъ на службу и за военныя отличія былъ награжденъ въ 1842 г. офицерскимъ чиномъ. Лазаревъ принималъ участіе во многихъ Кавказскихъ экспедиціяхъ, а въ 1850 г. назначенъ управляющимъ Мехтулинскимъ ханствомъ; въ 1859 г. онъ командовалъ войсками въ Дагестанѣ и управлялъ Даргинскимъ округомъ; въ 1866 г. произведенный въ генералъ-маіоры, снова участвовалъ во многихъ экспедиціяхъ противъ горцевъ; въ 1866 г. назначенъ начальникомъ 21 пѣхотной дивизіи. Въ 1877 г. съ открытіемъ русско-турецкой войны Лазаревъ былъ назначенъ начальникомъ занятыхъ областей, а впослѣдствіи принималъ дѣятельное участіе въ войнѣ; въ 1878 г. назначенъ командиромъ 2-го кавказскаго корпуса а въ 1879 г. командиромъ отряда отправлявшагося въ туркменскую степь; въ приготовленіи къ этому походу Лазаревъ умеръ (1879 г.).

память. Вступая на военное поприще 20-ти лѣтнимъ юношей, Лазаревъ не имѣлъ за собою ни знатнаго имени, ни богатства, ни связей, и между тѣмъ быстро достигъ высокихъ ступеней почета и славы. Его необыкновенный умъ и колоссальныя способности, передъ которыми невольно преклонялись—вотъ единственные двигатели его по пути блестящей служебной карьеры. Люди подобнаго типа—рѣдкость; и даже въ старой кавказской арміи, дававшей такой широкій просторъ развитію личности, ихъ было не много. Для будущей исторіи нашего края жизнь Ивана Давыдовича Лазарева представляетъ богатый и всесторонній матеріалъ, потому что онъ занималъ одинаково высокое мѣсто, какъ среди побѣдоносныхъ русскихъ вождей, такъ и среди умныхъ и дѣятельныхъ администраторовъ края, популярность которыхъ широко распространялась и въ войскахъ и въ народахъ Кавказа. Для послѣднихъ слово его было закономъ. Въ этомъ умѣньи нравственно вліять на самыя разнообразныя человѣческія натуры и примѣняться ко всѣмъ условіямъ жизни и быта различныхъ народностей и заключалась вся его сила и его значеніе.

Изъ бѣдной семьи карабагскихъ армянъ, проживавшей въ Шушѣ, Лазаревъ поступилъ на службу рядовымъ въ знаменитый Ширванскій пѣхотный полкъ, который Ермоловъ называлъ десятымъ римскимъ легіономъ; тамъ онъ получилъ солдатскій георгіевскій крестъ, потомъ (въ 1842 г.,) произведенъ былъ въ офицеры и командовалъ 5-ю мушкетерскою ротой. Никакой особенной будущности повидимому ему не предстояло: онъ былъ добрый любимый товарищъ, хорошій боевой офицеръ,—и только. Никто не подозрѣвалъ въ немъ задатковъ настоящихъ военныхъ талантовъ, никто не предвидѣлъ того блестящаго мѣста, которое онъ займетъ въ исторіи Кавказа и соединитъ свое имя съ именами Гуниба и Карса. Нуженъ былъ случай, чтобы выдвинуть его изъ общей колеи, по которой шли его товарищи,—и случай явился.

Это было въ 1848 году во время возмущенія Самурскаго округа. Ахты, съ своимъ трехъ-ротнымъ гарнизономъ, обложенные десятитысячнымъ скопищемъ самого Шамиля, уже бились въ предсмертной агоніи, когда на выручку къ нимъ явился князь М. З. Аргутинскій (см. стр. 373, прим.) съ войсками Дагестанскаго отряда, но путь къ Ахтамъ былъ прегражденъ громадными завалами, вѣнчавшими собою крутыя Мискинджинскія высоты. Ихъ нужно было взять штурмомъ,—и князь Аргутинскій приказалъ тремъ батальонамъ Ширванцевъ идти на приступъ. Двѣнадцать тысячъ горцевъ, предводимыхъ лучшими наибами Шамиля, приготовились встрѣтить эту горсть, которая шла или спасти товарищей, погибавшихъ въ Ахтахъ, или погибнуть самой буквально исполняя евангельскій завѣтъ—положить душу свою за други своя. Подъ страшнымъ ружейнымъ огнемъ непріятеля медленно подвигались впередъ батальоны полка, взбираясь на крутую возвышенность. 1-ый батальонъ шелъ въ центрѣ. Онъ уклонился однако нѣсколько отъ своего направленія принялъ слишкомъ вправо, и попалъ подъ страшный перекрестный огонь флангового укрѣпленія. Тогда онъ принялъ еще правѣе, и неожиданно столкнулся съ 3-мъ батальономъ, прижавъ его къ самому обрыву, висѣвшему надъ бурнымъ Самуромъ. Произошло минутное замѣшательство. Чтобы поправить дѣло, Лазаревъ схватилъ 7-ю роту и первый бросился съ нею къ заваламъ. Онъ упалъ израненый у самаго подножія ихъ,—но путь уже былъ указанъ, и ширванцы, оправившись, быстро овладѣли завалами. Ахты были спасены.

Когда Аргутинскій поднялся на горы вмѣстѣ съ своею свитой, онъ увидѣлъ Лазарева, сидѣвшаго на завалѣ и облитаго кровью; мужественная и колоссальная фигура его, казалось, изнемогла подъ бременемъ страданій, и его поддерживали двое ширванцевъ. Онъ былъ безъ сознанія, и только машинально снималъ и надѣвалъ свою огромную папаху. Аргутинскій впервые обратилъ тогда вниманіе на этого храбраго офицера, и поручилъ его особой заботливости медиковъ, которые констатировали три тяжелыя раны въ голову, въ шею и въ плечо. Лазаревъ лѣчился въ Ахтинскомъ укрѣпленіи, и благодаря своей богатырской натурѣ, скоро сталъ поправляться. Между тѣмъ князь Аргутинскій, не разъ посѣщавшій его во время болѣзни, скоро замѣтилъ его недюжинныя спо-

И. Д. Лазаревъ.

собности и рѣшилъ употребить ихъ съ большею пользой для края, чѣмъ въ узкой и тѣсной сферѣ, которую представляла дѣятельность строеваго офицера. Онъ приблизилъ его къ себѣ и сталъ давать ему различныя порученія. Лазаревъ исполнялъ ихъ съ такою талантливостью, съ такимъ знаніемъ страны, жизни, обычаевъ и даже домашняго быта горцевъ, что скоро пріобрѣлъ себѣ полное довѣріе князя Аргутинскаго, и черезъ два года послѣ Мискинджинскаго штурма является уже на крупномъ и отвѣтственномъ посту правителя Мехтулинскаго ханства. Съ этихъ поръ и начинается та громадная популярность его среди даге-

станскихъ горцевъ, которая служила спутникомъ всей его жизни, и вмѣстѣ съ нимъ сошла въ преждевременную его могилу.

Назначеніе правителемъ Мехтулы потребовало отъ Лазарева не однихъ административныхъ, но и военныхъ способностей, такъ какъ боевая и гражданская жизнь страны не имѣла между собой никакихъ разграниченій. И Лазаревъ, соединявшій съ геркулесовскою внѣшностью, необычайную храбрость, спокойствіе въ опасностяхъ и находчивость въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, оказался именно такимъ человѣкомъ какого требовали тогдашнія обстоятельства края. Суровый, иногда до жестокости, но честный и справедливый ко всѣмъ безъ различія сословіямъ, онъ быстро водворилъ порядокъ, спокойствіе и безопасность не только внутри волновавшагося тогда мехтулинскаго ханства, но оградилъ извнѣ границы его и отъ нападенія хищническихъ партій. При своей проницательности и глубокомъ пониманіи характера горцевъ, онъ зналъ все, что затѣвается нашими сосѣдями, и часто, не имѣя у себя регулярныхъ войскъ, съ одною милиціей громилъ аварскія и кайсубулинскія шайки, которыя пытались вторгаться въ наши предѣлы. Скоро имя его сдѣлалось грозою и пугаломъ въ сосѣднихъ немирныхъ аулахъ.

На ряду съ его боевою извѣстностью, съ каждымъ днемъ все шире и шире росла и его популярность, какъ правителя края, державшаго твердою рукой вѣсы правосудія, и не склонявшаго ихъ ни въ ту, ни въ другую сторону. Чтобы еще больше облегчить свои сношенія съ туземнымъ населеніемъ и обходиться безъ переводчиковъ, которыхъ онъ ненавидѣлъ, Лазаревъ въ короткое время въ совершенствѣ изучилъ татарскій языкъ, общій всѣмъ народамъ Кавказа, и съ этого времени его можно было видѣть всегда окруженнаго толпою горцевъ, приходившихъ къ нему для бесѣдъ или совѣщаній. У него не было пріемныхъ часовъ; его двери стояли открытыми настежъ, и каждый смѣло входилъ къ нему съ своими нуждами или жалобами. Онъ былъ въ высокой степени доступенъ, но умѣлъ сохранять гордый начальническій тонъ, не допускавшій фамиліарности и шутокъ, которыя въ глазахъ азіятцевъ уничтожаютъ достоинства начальника. Молва о немъ дошла, наконецъ, до самого Шамиля, и та крупная роль, которую пришлось играть Ивану Давыдовичу при сдачѣ послѣдняго имама на неприступномъ утесѣ Гуниба—одна уже показываетъ достаточно, какимъ громаднымъ значеніемъ пользовался онъ среди непокорныхъ горцевъ.

Гунибъ!... Сколько съ этимъ словомъ соединяется воспоминаній для старыхъ кавказцевъ!... Гунибъ —это конецъ мюридизма, финалъ кровавой драмы, тридцать семь лѣтъ наполнявшей трущобы Дагестана непрерывнымъ громомъ войны и звукомъ оружія. Здѣсь, на Гунибѣ, сказано было послѣднее слово кавказскихъ имамовъ,—слово, стряхнувшее наконецъ съ народовъ тяжелую цѣпь мюридизма. Гунибъ—это могила газавата, также какъ бѣдная кюринская деревня Ярагъ была его родиной, а Гимры—его колыбелью.

Тѣснимый со всѣхъ сторонъ нашими войсками, Шамиль вынужденъ былъ, наконецъ, искать послѣдняго убѣжища на небольшомъ пространствѣ земли, еще принадлежавшей непокорному намъ андаляльскому обществу. Здѣсь съ четырьмя стами мюридовъ, до конца оставшимися вѣрными своему имаму, онъ занялъ неприступный Гунибъ, отдѣльную громадную скалу, поднимающуюся болѣе чѣмъ на семь съ половиною тысячъ футъ надъ уровнемъ океана.

10 августа 1859 года русскія войска обложили Гунибъ. Попытка начать переговоры съ Шамилемъ не привела ни къ-чему. „Да совершится воля Аллаха— отвѣчалъ онъ на всѣ предложенія:—Гунибъ—гора высокая. Я стою на горѣ; надо мною еще выше—Богъ; русскіе внизу—пускай штурмуютъ!»

Тогда рѣшено было приступить къ осадѣ; но войска, разъ двинутыя въ бой, не останавливаясь, пошли уже дальше, и въ ночь съ 24-го на 25-е августа Гунибъ былъ взятъ штурмомъ. Шамиль, съ послѣднею оставшеюся сотней мюридовъ, укрылся въ аулѣ, вокругъ котораго тѣсною стѣною стали 14 батальоновъ. Невозможность сопротивленія была очевидна, и скоро надъ одной изъ саклей поднялся бѣлый флагъ. Шамиль прислалъ спросить, здѣсь-ли полковникъ Лазаревъ, и если здѣсь, то пусть пріѣдетъ въ аулъ для переговоровъ. Онъ желалъ отъ него услышать совѣтъ, и только на его слово хотѣлъ положиться. Зная какимъ уваженіемъ имя Ивана Давыдовича пользуется въ горахъ, князь Барятинскій предложилъ ему ѣхать съ тѣмъ, чтобы уговорить Шамиля выйдти и предаться вполнѣ великодушію русскаго государя. Порученіе было не легкое и не лишенное опасности; но полковникъ Лазаревъ принялъ его не колеблясь и отправился въ путь одинъ, безъ всякаго конвоя. На небольшой площадкѣ аула онъ встрѣтилъ толпу великолѣпно вооруженныхъ мюридовъ. Посреди этой толпы, рѣзко отъ нея отдѣляясь, стоялъ возлѣ сѣрой, осѣдланной лошади человѣкъ, довольно высокаго роста, съ задумчивымъ и угрюмымъ лицомъ. По величественной позѣ и почтенію окружающихъ не трудно было угадать въ немъ Шамиля. Лазаревъ привѣтствовалъ мюридовъ обычнымъ восточнымъ поклономъ, и не показывая вида, что узналъ грознаго повелителя Дагестана въ лицо, просилъ указать ему Шамиля. Когда это было исполнено, онъ почтительно подошелъ къ имаму и послѣ короткаго, но довольно тяжелаго молчанія сказалъ:

„Шамиль! Всему міру извѣстно о твоихъ подвигахъ, и слава ихъ не померкнетъ въ горахъ, пока стоятъ самыя горы. Покорись же самъ судьбѣ и предайся великодушію русскаго императора: ты этимъ спасешь остальныхъ, оставшихся тебѣ вѣрными въ самомъ несчастіи. Покажи, что ты великъ, какъ въ счастіи такъ и въ несчастьи, и что можешь безропотно и съ твердостью перенести предопредѣленіе Всевышняго.“

Шамиль однако колебался, требовалъ разныхъ условій, и, между прочимъ, чтобы Лазаревъ остался заложникомъ при его семействѣ. Когда Иванъ Давыдовичъ рѣзко отвергъ всѣ эти условія, мюриды заволновались, и даже схватились было за оружіе. Однако Лазаревъ не потерялся въ эту критическую минуту, и такъ энергично крикнулъ на мюридовъ, что они притихли. Тогда онъ обратился къ Шамилю, истощилъ весь запасъ своего краснорѣчія и, наконецъ, сказалъ: „Полно Шамиль: вѣдь ты не женщина!“

Наступило глубокое и тягостное молчаніе.

Если бы на Гунибѣ Шамиль былъ одинъ съ своими мюридами, онъ, можетъ быть, и рѣшился бы пасть съ оружіемъ въ рукахъ; но тутъ являлись на сцену семейства, обрекаемыя на смерть въ случаѣ его упорства. Было надъ чѣмъ призадуматься старому Шамилю. Онъ, очевидно, колебался между убѣжденіями всей жизни, которыя заставляли его биться противъ невѣрныхъ до послѣдняго вздоха, и привязанностью къ семейству, которое находилось съ нимъ на Гунибѣ. По-

слѣднее чувство одержало верхъ. „Я предаюсь твоему честному слову“, сказалъ онъ Лазареву, сѣлъ на коня, и тѣсно окруженный сорока мюридами, державшими ружья на готовѣ, выѣхалъ изъ аула. Лазаревъ ѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ и удерживалъ его въ минуты колебанія,—а такія минуты были!

И такъ, грозный повелитель горъ, имамъ Чечни и Дагестана, герой 43-го года, Ичкеринскаго лѣса и Дарго, послѣ геройской тридцатилѣтней обороны, шелъ, чтобы закончить кровавую борьбу и сложить оружіе къ ногамъ своего побѣдителя. Понятно, какія чувства наполняли душу кавказскаго солдата при видѣ этого зрѣлища! Едва показался Шамиль, узнанный тотчасъ по его высокой бѣлой чалмѣ, покрытой кисеею, какъ торжественное, неумолкаемое *Ура!* огласило воздухъ и громовымъ раскатомъ понеслось отъ батальона къ батальону. Этотъ невольный порывъ едва не испортилъ дѣла, потому что смущенный имамъ быстро повернулъ свою лошадь назадъ, и только находчивость Лазарева, сказавшаго, что этимъ крикомъ войска отдаютъ ему заслуженную дань уваженія, успокоила Шамиля, и онъ рѣшился продолжать свой путь.

Такъ поѣздъ приблизился къ небольшой березовой рощѣ, въ которой ожидалъ его князь Барятинскій. Теперь вся трудность заключалась въ томъ, чтобы подвести Шамиля къ главнокомандующему одного, заблаговременно разлучивъ его съ мюридами, которые все еще свирѣпо глядѣли на русскихъ, и держа винтовки на готовѣ, казалось, каждую секунду готовы были начать кровавую рѣзню.

Лазаревъ принялся увѣщевать Шамиля оставить мюридовъ въ отдаленіи, говоря, что съ такимъ множествомъ тѣлохранителей неприлично явиться къ главнокомандующему, безоружному и почти неимѣющему при себѣ конвоя. Шамиль задумался, но послѣ долгихъ совѣщаній, наконецъ, согласился. Было ровно три часа пополудни, когда имамъ, сойдя съ коня, и сопровождаемый полковникомъ Лазаревымъ, предсталъ передъ главнокомандующимъ. Минута была поистинѣ торжественная.

— Шамиль!—сказалъ ему князь Барятинскій:—Ты не принялъ условій, которыя я тебѣ предлагалъ, и не захотѣлъ пріѣхать ко мнѣ въ лагерь. Теперь я пріѣхалъ за тобою. Ты самъ захотѣлъ предоставить войнѣ рѣшить дѣло,—и она рѣшила его въ нашу пользу. Теперь объ условіяхъ не можетъ быть рѣчи. Ты долженъ ѣхать въ Петербургъ, и тамъ ожидать рѣшенія своей участи отъ милосердія Государя Императора. За одно ручаюсь тебѣ—это за личную безопасность твою и твоего семейства.

Когда Лазаревъ передалъ эти слова Шамилю, онъ отвѣчалъ:

Сардарь! я не внялъ твоимъ совѣтамъ—прости и не осуждай меня. Я простой уздень, тридцать лѣтъ дравшійся за религію; но теперь народы мои мнѣ измѣнили, да и самъ я утомился борьбою. Я старъ: мнѣ 63 года. Поздравляю васъ съ владычествомъ надъ Дагестаномъ и отъ души желаю Государю успѣха въ управленіи горцами для ихъ собственнаго блага.

Такъ окончилось это памятное свиданіе, закончившее собою вѣковую войну на Восточномъ Кавказѣ.

Иванъ Давыдовичъ Лазаревъ произведенъ былъ въ генералъ-маіоры и назначенъ начальникомъ средняго Дагестана, а вмѣстѣ съ тѣмъ и управляющимъ Даргинскимъ округомъ.

Уѣзжая съ Кавказа, Шамиль еще разъ свидѣлся съ Лазаревымъ и поручилъ его покровительству всѣхъ своихъ наиболѣе приближенныхъ мюридовъ, оставшихся вѣрными ему и тогда, когда звѣзда его уже закатилась. Лазаревъ сформировалъ изъ этихъ мюридовъ нѣчто въ родѣ почетнаго конвоя, и держалъ ихъ возлѣ себя, достигая разомъ двухъ политическихъ цѣлей. Во первыхъ, онъ привязалъ къ себѣ людей, которые по своему характеру и прошлой жизни могли бы сдѣлаться опасными людьми для спокойствія страны; а во вторыхъ, онъ черезъ нихъ вліялъ на народъ, который, видя русскаго начальника, окруженнаго самыми близкими и вѣрными слугами Шамиля, людьми болѣе другихъ отважными, религіозными и строгими въ жизни,—и самъ мало по малу начиналъ искать сближенія съ чуждой ему доселѣ властью «невѣрныхъ». Конечно были еще вспышки, какъ напр. въ Ункратлѣ или Андалялѣ, но это были уже послѣдніе отголоски грозы, послѣднія тучи пронесшейся бури...

Управляя среднимъ Дагестаномъ, Лазаревъ жилъ на Гунибѣ въ томъ самомъ орлиномъ гнѣздѣ, которое служило послѣднимъ убѣжищемъ послѣдняго имама газавата. Одинъ путешественникъ, посѣтившій его черезъ годъ послѣ отъѣзда Шамиля, разсказываетъ, что Лазаревъ и все его управленіе жили въ простыхъ войлочныхъ кибиткахъ и даже въ палаткахъ, ютившихся по юго-восточному склону горы, на небольшой площадкѣ, среди каменныхъ массъ, изобиловавшихъ фалангами и скорпіонами. Эта кочевка, или лагерь, имѣла совершенно особый и при томъ совершенно оригинальный характеръ, придавая управленію днаго Дагестана видъ не русскаго, а скорѣе какого нибудь туземнаго мѣстнаго учрежденія; русскихъ солдатъ здѣсь почти не было видно, а кругомъ палатокъ сидѣли, лежали или двигались группы суровыхъ горцевъ, съ ногъ до головы обвѣшанныхъ оружіемъ. Лазаревъ не побоялся довѣрить себя этимъ, еще не вполнѣ перебродившимъ, дикимъ и буйнымъ народамъ Дагестана. Но въ этомъ-то довѣріи и лежали основы его могучей силы и вліянія.

Черезъ семь лѣтъ Лазаревъ произведенъ былъ въ генералъ-лейтенанты и назначенъ начальникомъ 21-й пѣхотной дивизіи, расположенной все въ томъ-же Дагестанѣ, гдѣ онъ началъ свою службу, а еще черезъ одиннадцать лѣтъ мы встрѣчаемъ его уже въ войскахъ дѣйствующаго корпуса на кавказско-турецкой границѣ. Сперва онъ появился тамъ въ скромной роли начальника тыла, но впослѣдствіи, когда военное счастье перешло на сторону турокъ, и непріятельская армія заняла передъ нами грозную Аладжинскую позицію, угрожая вторженіемъ уже въ наши собственные предѣлы, Лазаревъ былъ вызванъ на театръ войны и ему порученъ важный байрахтарскій отрядъ; этотъ отрядъ составлялъ, какъ бы авангардъ главныхъ силъ, и подъ его прикрытіемъ находилась единственная колесная переправа черезъ Арпачай у Кегача.

Заслуги Лазарева въ минувшую войну слишкомъ извѣстны, чтобы объ нихъ нужно было распространяться. Довольно сказать, что въ генеральномъ бою на Аладжинскихъ высотахъ онъ командовалъ сильною обходною колонной, съ которою быстро и смѣло проникъ въ тылъ непріятеля и, овладѣвъ съ боя Орлокскими высотами, отрѣзалъ большей части непріятельскихъ войскъ отступленіе къ Карсу. Послѣдствіемъ этого и было то, что цѣлый турецкій корпусъ, запертый на Чифтъ-Тепеси, въ числѣ 25 батальоновъ пѣхоты при 25 орудіяхъ положилъ оружіе.

Орденъ св. Георгія 3-й степени былъ наградою Лазарева за кровавыя битвы 2-го и 3-го октября 1877 г. у Орлака и Визинъ-Кёва.

Еще болѣе крупная роль выпала на долю его въ памятную ночь съ 5-го на 6-е ноября, когда ему поручены были всѣ штурмовыя колонны, двинутыя на передовыя укрѣпленія Карса: Хафизъ, Канлы, Чимъ, Таюмосъ и Арабъ-табіи. Передъ штурмомъ Лазаревъ объѣхалъ войска и напутствовалъ ихъ короткою, но полною глубокаго чувства рѣчью. «Теперь, съ Богомъ!» сказалъ онъ въ заключеніе, и, снявъ фуражку, благоговѣйно осѣнилъ войска крестнымъ знаменіемъ.

Точно шелестъ листьевъ, говоритъ одинъ очевидецъ, пролетѣлъ по рядамъ глухой шопотъ людей, какъ бы выражавшихъ одобреніе и благодарность этихъ сѣрыхъ шинелей, идущихъ на смерть, за ласковое слово, обращенное къ нимъ передъ труднымъ дѣломъ.

Описывать кроваваго штурма не будемъ. Довольно сказать, что на разсвѣтѣ 6-го ноября надъ карсской цитаделью развился русскій флагъ, и Лазаревъ ввелъ штурмовыя колонны въ побѣжденную крѣпость съ тѣмъ, чтобы уже никогда больше не покидать ее. Это былъ четвертый и послѣдній штурмъ Карса.

За этотъ славный и выдающійся изъ ряда военный подвигъ Лазареву пожалована была высшая боевая награда—орденъ св. Георгія 2-го класса большаго креста, а въ 1878 году, присутствуя на Георгіевскомъ праздникѣ въ Петербургѣ, онъ былъ назначенъ Генералъ-Адъютантомъ, а вслѣдъ за тѣмъ командиромъ 2-го Кавказскаго корпуса.

Такимъ образомъ, на 36 году своей службы, бѣдный армянскій офицеръ, безъ связей и протекцій, одними личными заслугами проложилъ себѣ дорогу къ почестямъ, и сталъ на высшихъ ступеняхъ военной іерархіи. Но здѣсь ему готовился новый, еще болѣе важный, и еще болѣе трудный подвигъ.

На востокъ отъ Каспійскаго моря, начиная съ Чикишлярскаго берега тянется великая туркменская пустыня, часто невѣрно называемая степью. Не орошаемая рѣками, лишенная всякой растительности, эта пустыня безжизненна, и только на рѣдкихъ оазисахъ ея живутъ разбойничьи племена туркменъ, страшныхъ своимъ сосѣдямъ дерзкими набѣгами и грабежами. Двѣ экспедиціи, предпринятыя противъ нихъ полковникомъ Маркозовымъ и генераломъ Ламакинымъ, окончились для насъ полнѣйшею неудачею. Теперь, весною 1879 года составлялась третья экспедиція, и начальство надъ нею поручено было генералъ-адъютанту Лазареву. Этотъ выборъ былъ сдѣланъ какъ нельзя болѣе удачно и ручался вполнѣ за успѣхъ экспедиціи, потому что громкая извѣстность генерала, его внушительная наружность гиганта, такъ обаятельно дѣйствующая на азіатцевъ, наконецъ его мужественная и рѣшительная рѣчь, обращенная къ туркменамъ тотчасъ по прибытіи его въ Чикишляръ — все это произвело такое впечатлѣніе на буйныхъ и дикихъ кочевниковъ, что они сразу прозвали его «Батвырь-сардаръ», т. е. богатырь-главнокомандующій. Въ Чикишлярѣ Лазаревъ съ необычайною энергіею принялся за приготовленія къ походу, но судьба не судила ему докончить такъ блистательно начатаго дѣла; этотъ мужественный, желѣзный колоссъ внезапно пораженъ былъ тяжкой скоротечной болѣзнью, которая и прекратила его славные дни 14 августа, на 59-мъ году его жизни.

Печальный слухъ быстро достигъ Тифлиса и вызвалъ общую нелицемѣрную скорбь и въ войскѣ и въ народѣ, умѣвшихъ цѣнить одного изъ достойнѣйшихъ и даровитѣйшихъ уроженцевъ закавказскаго края. Тѣло Лазарева привезено было въ Тифлисъ вечеромъ 25 августа 1879 г. и предварительно поставлено было въ Кукахъ, въ армянской церкви во имя Пресвятой Богородицы, чтобы дать возможность всѣмъ многочисленнымъ поклонникамъ покойнаго проститься съ его славнымъ прахомъ. Отсюда 27 августа въ 10 часовъ утра похоронная процессія двинулась къ Ванкскому собору. Массивный гробъ, вѣсившій болѣе 60 пудовъ, везли на богатой, особо приготовленной для того траурной колесницѣ. Впереди шли амкары съ своими знаменами, потомъ многочисленное армянское духовенство, имѣя во главѣ преосвященнаго епископа Григорія; за гробомъ шли представители военнаго и гражданскаго вѣдомства, войска и тысячныя толпы народа, покрывавшаго собою всѣ улицы и крыши домовъ. Всѣ магазины по пути слѣдованія печальнаго кортежа и въ цѣломъ городѣ были закрыты. По вступленіи процессіи въ ограду Ванкскаго собора, гробъ сняли съ колесницы и поставили на краю широкой, приготовленной для него могилы. Здѣсь, въ присутствіи князя Димитрія Ивановича Святополкъ-Мирскаго, князя Григорія Димитріевича Орбеліани, экзарха Грузіи, главнаго священника арміи и другихъ высокопоставленныхъ лицъ, армянское духовенство отслужило торжественную панихиду, по окончаніи которой преосвященный Григорій сказалъ горячую, живую рѣчь, произведшую на всѣхъ глубокое впечатлѣніе, объ утратѣ достославнаго бойца за царя и отечество». Затѣмъ гробъ опустили въ могилу: грянулъ надъ ней троекратный залпъ, глухо прокатились по Курѣ раскаты пушечныхъ выстрѣловъ— и все земное окончилось. Теперь надъ этою могилой, дорогой для каждаго воина, стоитъ массивный саркофагъ изъ сѣраго гранита, окруженный такою же массивною чугунною рѣшоткою. На гранитѣ лаконическая надпись: «Генералъ-адъютантъ Иванъ Давыдовичъ Лазаревъ. 1820—1879 г.»

Гранитъ простоитъ вѣка; но еще крѣпче гранита было бы живое слово, которое передало бы потомкамъ въ живыхъ и яркихъ краскахъ образъ этого славнаго полководца, гражданина и администратора. Подобные люди достойны имѣть свою біографію, и нельзя не пожалѣть, что до сихъ поръ объ этомъ никто не подумалъ.

В. Потто.

А. А. Тергукасовъ.

Генералъ Арзасъ Артемьевичъ Тергукасовъ[1]).

I.

Въ нашей военной исторіи не мало славныхъ именъ, оставившихъ послѣ себя безсмертную память. На долю военныхъ дѣятелей вообще выпадаетъ много лавровъ, ихъ подвиги эффектнѣе, ярче, сильнѣе дѣйствуютъ на воображеніе и чувство, ихъ имена тѣсно связаны съ крупными внѣшними событіями. Естественно, что въ этомъ блестящемъ калейдоскопѣ личностей на переднемъ планѣ стоятъ фигуры наиболѣе эффектныя, окруженныя ореоломъ военной славы, имена ихъ звучатъ вмѣстѣ съ шумомъ блестящихъ побѣдъ, кровопро-

1) Арзасъ Артемьевичъ Тергукасовъ, сынъ армянскаго протоіерея, родился въ 1819 г. воспитывался въ корпусѣ инженеровъ путей сообщенія, откуда въ 1836 г. выпущенъ поручикомъ. Прослуживъ 11 лѣтъ въ этомъ вѣдомствѣ вышелъ въ отставку, но въ 1852 г. снова поступилъ на службу въ Апшеронскій пѣхотный полкъ и участвовалъ во

литныхъ сраженій, геройскихъ и удачныхъ подвиговъ, быстро разнесенныхъ по всему свѣту газетами Увлеченные этимъ блескомъ вы только потомъ начинаете различать и рядъ другихъ фигуръ въ этой картинѣ; онѣ менѣе блестящи и болѣе скромны: но присмотритесь внимательнѣе и передъ вами станутъ отчетливо вырисовываться лица, полныя глубокаго интереса; въ чертахъ этихъ скромныхъ подвижниковъ вы откроете много рѣдкихъ достоинствъ.

Къ числу такихъ менѣе замѣтныхъ, но крупныхъ героевъ можно отнести и Арзаса Артемьевича Тергукасова.

Выпущенный въ 1836 г. изъ корпуса инженеровъ путей сообщенія, Арзасъ Артемьевичъ служитъ 11 лѣтъ въ этомъ вѣдомствѣ, выходитъ на короткое время въ отставку и въ 1852 г. опять начинаетъ уже строевую службу въ кавказскихъ войскахъ. Здѣсь среди бранныхъ тревогъ Тергукасовъ развилъ въ себѣ тѣ блестящія военныя качества, которыя выдвинули его изъ среды другихъ закаленныхъ и опытныхъ кавказскихъ полководцевъ. Въ безконечной кавказской войнѣ Тергукасовъ съ успѣхомъ участвовалъ во многихъ экспедиціяхъ и особенно отличился, будучи уже въ чинѣ полковника, при извѣстномъ взятіи Гуниба.

Въ 1865 г. мы уже застаемъ его въ чинѣ генералъ-маіора помощникомъ начальника 19-й пѣхотной дивизіи, а съ 1868 г. ему поручено управленіе Средней Терской областью. Къ сожалѣнію мы не располагаемъ матеріаломъ, который бы далъ намъ возможность остановиться на всемъ этомъ періодѣ дѣятельности Арзаса Артемьевича. Несомнѣнно только, что его дѣятельность создала ему уже почетное имя, и когда началась послѣдняя Русско-Турецкая война на азіатскомъ театрѣ, къ участію въ ней былъ призванъ Тергукасовъ, какъ «надежная и блестящая личность», по выраженію главнаго штаба. Къ этому собственно періоду и относятся тѣ данныя, какими мы располагаемъ относительно личности Арзаса Артемьевича, и потому на немъ мы и остановимся.

Въ Русско-Турецкую войну 1877—78 гг. для борьбы на азіатскомъ театрѣ было организовано два самостоятельныхъ отряда; изъ нихъ, главное дѣйствіе принадлежало корпусу Лорисъ-Меликова, раздѣленному на три части: 1) главныя силы у Александрополя, 2) Ахалцыхскій отрядъ и 3) Эриванскій отрядъ, начальство надъ которымъ было поручено Тергукасову. [1]) Въ то время какъ дѣйствія первыхъ двухъ отрядовъ были направлены главнымъ образомъ на Карсъ, на долю Эриванскаго отряда выпала наиболѣе трудная и отвѣтственная задача. Задача эта сводилась къ удержанію въ спокойствіи мусульманскаго населенія

многихъ экспедиціяхъ въ Дагестанѣ и Чечнѣ; въ 1859 т. назначенъ командиромъ этого полка съ чиномъ полковника и участвовалъ съ нимъ во взятіи Гуниба. Въ августѣ 1865 г. Тергукасовъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ помощникомъ начальника 19-й пѣхотной дивизіи; въ 1868 г. ему поручено управленіе среднимъ отдѣломъ Терской области, а въ 1869 г. онъ командовалъ 38-й пѣхотной дивизіей. Въ 1876 г. Тергукасовъ назначается начальникомъ Эриванскаго отряда; послѣ этого принимаетъ неоднократно участіе въ компаніи 1877—78 гг. Въ 1878 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ Кавказской гренадерской дивизіи; въ 1870 г. ему ввѣрены войска Закаспійскаго края; но отъ этого назначенія Тергукасовъ по болѣзни отказался и получилъ другое—командира 2-го кавказскаго корпуса. Въ этомъ званіи онъ и умеръ въ 1881 г.

[1]) **Обзору дѣятельности отряда посвящена длинная серія обстоятельныхъ статей г. Колюбакина, начатая въ 1890 г. и продолжающаяся донынѣ въ „Военномъ Сборникѣ“.**

Эриванской губ., прикрытію нашихъ предѣловъ отъ вторженія курдскихъ шаекъ и къ обезпеченію лѣваго фланга дѣйствующаго корпуса, отстоящаго на большомъ разстояніи. Такъ какъ подобная задача на основаніи опыта требовала въ то же время наступательныхъ дѣйствій, то этотъ образъ дѣйствій былъ намѣченъ и Эриванскому отряду. Задача въ высшей степени сложная и трудная, особенно въ виду малочисленности отряда (около 7000 человѣкъ), плохаго состоянія продовольственной части, на которое постоянно жаловался Тергукасовъ и которое такъ тяжело отзывалось при дѣйствіяхъ на непріятельской территоріи. Предусматривая всю сложность своей задачи, Тергукасовъ неоднократно, но безуспѣшно проситъ усиленія отряда и съ замѣчательной проницательностью предусматриваетъ ходъ военныхъ дѣйствій.

Въ апрѣлѣ 1877 г. отрядъ переходитъ границу, совершаетъ труднѣйшій переходъ черезъ хребетъ Агридагъ, почти безъ боя занимаетъ Баязетъ и оставивши въ немъ небольшой гарнизонъ, направляется къ западу, чтобы, согласно распоряженію Лорисъ-Меликова, привлечь на себя вниманіе Мухтара-Паши. Съ замѣчательной предусмотрительностью Тергукасовъ въ то же время обезпечиваетъ тылъ своего отряда, устанавливая связь съ границей и обезпечивая за собой пункты пройденнаго пути на случай отступленія. Этотъ блестящій съ военной точки зрѣнія пріемъ въ то же время уменьшалъ и безъ того малочисленный Эриванскій отрядъ; но, послушный долгу, генералъ смѣло углубляется въ непріятельскую сторону, имѣя въ виду соединеніе съ главнымъ отрядомъ. 29 апрѣля онъ занимаетъ Сурпъ-Оганесъ, въ концѣ мая Алашкертъ, въ іюнѣ у Драмъ-дага разбиваетъ турецкій отрядъ и находится уже болѣе чѣмъ въ 200 в. отъ покинутой границы. Между тѣмъ Мухтаръ-паша собираетъ свои главныя силы съ цѣлью уничтожить Эриванскій отрядъ, и вотъ у Сенъ-Даяръ происходитъ кровопролитный бой, въ которомъ турки численностью болѣе чѣмъ вдвое превосходили русскій отрядъ. Послѣ 10 часоваго боя русскіе не только удержали свою позицію, но нанесли пораженіе правому флангу турецкихъ войскъ. Занявъ прочную позицію у Драмъ-дага, въ виду устрашеннаго, хотя и многочисленнаго непріятеля, отрядъ тщетно ждетъ обѣщанной выручки со стороны главныхъ силъ. Положеніе становилось затруднительнымъ. Но главныя трудности были впереди. Неудачи нашихъ главныхъ силъ подъ Зевиномъ измѣнили планы главной квартиры и вотъ, при такомъ затруднительномъ положеніи, вмѣсто ожидаемой поддержки, Тергукасовъ получилъ приказаніе отступить и извѣстіе, что главный отрядъ отступаетъ отъ намѣченнаго пункта.

Такимъ образомъ рушилась надежда на помощь. Чувство тяжкой горечи невольно вырвалось у Арзаса Артемьевича, всегда сдержаннаго и спокойнаго. „Много читалъ я военныхъ исторій“, сказалъ онъ, «но нигдѣ не встрѣчалъ, чтобы для спасенія отступали, для спасенія обыкновенно наступаютъ.» Положеніе становилось дѣйствительно критическимъ, почти безвыходнымъ. Впереди сильный непріятель, готовый раздавить отрядъ, кругомъ враждебное мусульманское населеніе, назади тяжелый путь по хребтамъ и ущельямъ, путь слабо защищенный, въ тылу многочисленный турецкій отрядъ Фаинъ-паши, осаждающій Баязетъ и угрожающій преградить отступленіе, недостатокъ припасовъ и патроновъ, большой транспортъ раненыхъ и, наконецъ, огромное количество (около 3000)

переселенцевъ-армянъ, которые, спасаясь отъ турецкихъ звѣрствъ съ семьями и имуществомъ, присоединились къ отряду, рѣшившись отправиться съ нимъ въ русскія владѣнія. И вотъ начинается рѣдкое въ военной исторіи отступленіе. «Только сила нравственнаго впечатлѣнія, говоритъ одинъ изъ военныхъ историковъ, послѣ предшествовавшихъ боевъ и энергія Тергукасова позволили въ такихъ условіяхъ произвести отступленіе на протяженіи 180 в. въ 10 дней.»

Непріятель слѣдовалъ по пятамъ, временами готовый окружить весь отрядъ, движеніе котораго страшно затрудняли раненые и особенно переселенцы: солдаты изнемогали въ постоянномъ напряженіи во время тяжелыхъ переходовъ и отраженія непріятеля, отрядъ оставался почти безъ патроновъ и только умъ и нравственный закалъ невозмутимаго вождя спасли его отъ гибели.

Тергукасовъ благополучно довелъ его вмѣстѣ съ ранеными и переселенцами до границы. Здѣсь только сутки отдохнули измученные бойцы и вслѣдъ затѣмъ Арзасъ Артемьевичъ, сердце котораго давно болѣло мыслью объ осажденномъ Баязетѣ, бросился къ нему на выручку и освободилъ изнемогавшій въ неравной борьбѣ гарнизонъ,

Это знаменитое отступленіе было признано образцовымъ не только русскими, но и нѣкоторыми иностранными военными историками. [1]) Сами турки и бывшіе въ ихъ числѣ англійскіе офицеры выразили удивленіе предъ этимъ геройскимъ классическимъ отступленіемъ, совершеннымъ съ замѣчательнымъ мужествомъ и въ образцовомъ порядкѣ. Честь этого подвига всецѣло принадлежитъ Тергукасову, спасшему 6-ти тысячный отрядъ и три тысячи беззащитныхъ переселенцевъ.

II.

Не будемъ входить въ подробную оцѣнку военныхъ операцій Тергукасова. Эта оцѣнка сдѣлана уже военной исторіей, признавшей за нимъ крупный военный талантъ. Это видно, впрочемъ, и изъ сдѣланнаго нами бѣглаго обзора дѣйствій Эриванскаго отряда. Мы коснемся только нѣкоторыхъ подробностей, характеризующихъ генерала Тергукасова, какъ военачальника и какъ человѣка.

Знакомясь съ исторіей этого похода, читатель, даже совершенно незнакомый съ условіями военныхъ дѣйствій, убѣждается въ блестящихъ военныхъ способностяхъ Тергукасова. Эти военныя качества обнаружились, какъ мы сказали, особенно ярко въ наиболѣе трудной операціи Эриванскаго отряда, въ его отступленіи. Отступленіе началось послѣ жестокаго боя у Даяра, мужественно выдержаннаго русскимъ отрядомъ. Не получая ни извѣстій, ни подкрѣпленія со стороны главнаго корпуса, начальникъ отряда рѣшаетъ отступить на небольшое разстояніе съ тѣмъ, чтобы занять укрѣпленную позицію у Драмъ-дага. „По словамъ очевидцевъ», читаемъ мы, [2]) «отступленіе было совершено въ образцовомъ и

[1]) „The Armenian campaign a diary of the campaign of 1877 in Armenia and Coordistan by Charles Williams. 1877.

[2]) Воен. Сборн. 1891 г. № 12. н. ст. Колюбакина.

грозномъ порядкѣ. Полная тишина и спокойствіе, самообладаніе начальниковъ и войскъ, своевременность каждой мѣры и отличное примѣненіе къ мѣстности составляли характеристическія особенности этой деликатной операціи перемѣны мѣста лагеря и позиціи въ виду, почти подъ выстрѣлами, вдвое превосходнаго противника... Трудная операція была блестяще исполнена и Эриванскій отрядъ былъ выведенъ своимъ мудрымъ вождемъ и его достойными помощниками изъ критическаго положенія, въ которомъ находился болѣе сутокъ.»

Остановимся для примѣра на послѣднемъ днѣ отступленія.

Двигаясь безостановочно по пути къ русской границѣ, Эриванскій отрядъ попадаетъ въ Даракскую котловину, представлявшую собой возвышенную площадь, окаймленную со всѣхъ сторонъ высотами—гребнями; впереди — высокій Даракскій перевалъ, черезъ который нужно было пробраться по неразработанной колесной дорогѣ. Въ этой-то котловинѣ притиснутый къ переднимъ скаламъ по необходимости долженъ былъ расположиться отрядъ. Между тѣмъ турецкія войска, значительно увеличившись, слѣдовали по пятамъ и получили возможность занять высоты на флангахъ русскаго отряда. Весь вечеръ и ночь 21 іюня отрядъ оставался въ этой котловинѣ. Не успѣли войска расположиться бивакомъ, какъ турки уже стали насѣдать сзади. Тогда генералъ Тергукасовъ занимаетъ частью войскъ оставшіяся позади горныя высоты, сосредоточивая въ центръ пѣхоту и артиллерію и прикрываясь съ фланговъ казаками. Остальное войско, несмотря на усталость, отдыхало въ полной аммуниціи, готовое къ бою. Наступила ночь. На окрестныхъ высотахъ обширнымъ кольцомъ вокругъ котловины засвѣтились бивачные огни непріятеля. Очевидно, турки намѣревались окружить и запереть отрядъ въ Даркской котловинѣ. Опасность положенія чувствовали всѣ, чувствовалъ ее и начальникъ отряда, но наружно попрежнему оставался спокойнымъ, распорядившись только на случай своей смерти о передачѣ начальства надъ отрядомъ. Всю ночь производились рекогносцировки, выяснившія расположеніе непріятеля. Рѣшено было еще ночью занять небольшой частью высоты къ западу отъ перевала, чтобы такимъ образомъ воспрепятствовать непріятелю охватить отрядъ съ этой стороны. Эриванскому отряду нужно было выйдти изъ своего невыгоднаго положенія, а для этого прежде всего, пользуясь темнотой ночи, поднять свой хвостъ (обозъ, раненыхъ и таборъ переселенцевъ) и спустить его въ Мысунскую долину, въ то же время обезпечивая себя съ фланговъ и удерживая наступленіе непріятеля. Въ виду этой задачи по распоряженію Тергукасова отрядъ дѣйствовалъ одновременно какъ бы тремя группами; первая группа отряда, опередивъ обозъ и переселенцевъ, очищаетъ и обезпечиваетъ путь, разработываетъ дорогу и одновременно слѣдитъ за безопасностью фланговъ. Вторая группа, центральная, обороняетъ перевалъ, прикрываетъ транспортъ и занявъ перевалъ обезпечиваетъ отступленіе аріергарда, составлявшаго третью группу.

Ночью съ 21 на 22 іюня на русскомъ бивакѣ кипѣла работа. Согласно плану Тергукасова, двинулся на перевалъ транспортъ раненыхъ, обозъ и остальной таборъ переселенцевъ по трудной дорогѣ, которую дружно разработывали двинутыя впередъ роты. Еще ночью передовая часть войска успѣла занять находящіяся впереди фланговыя высоты. Когда начало разсвѣтать, вся тяже-

лая часть отряда была уже поднята на перевалъ, а оставшійся въ котловинѣ аріергардъ стоялъ въ боевомъ порядкѣ, искусно расположенный Тергукасовымъ. Съ началомъ дня турки открыли огонь и одновременно пытались охватить насъ съ фланговъ. Но попытки окружить были во время отбиты, а аріергардъ, выпуская почти послѣдніе снаряды, удерживалъ натискъ непріятеля. Лишь только послѣднія повозки артиллерійскаго лагеря поднялись на перевалъ, началось отступленіе аріергарда въ полномъ боевомъ порядкѣ, спокойно, подъ прикрытіемъ артиллеріи. Къ 10 часамъ утра послѣднія части аріергарда спокойно начали отходить къ перевалу, прикрываясь огнемъ уже расположеннаго на перевалѣ отряда стрѣлковъ и батареи. Такимъ образомъ занята была вторая болѣе сильная позиція на перевалѣ. Опасность все еще была велика, потому что противникъ сильно началъ тѣснить насъ съ фланговъ. Но къ 12 часамъ транспортъ уже спустился въ Мысунскую долину и былъ почти въ безопасности, а отрядъ менѣе стѣсненный теперь въ своемъ движеніи, храбро отражалъ наступавшаго съ разныхъ сторонъ противника, и разстрѣливая послѣдніе патроны, спустился къ 3 часамъ въ Мысунскую долину, освободившись отъ преслѣдованія турокъ. Здѣсь уже отрядъ почувствовалъ себя почти въ полной безопасности. Вотъ въ какихъ положеніяхъ приходилось быть отряду!

Такъ же образцово и мужественно велъ себя отрядъ Тергукасова впродолженіе всего труднаго обратнаго пути, замѣчательнаго девятидневнаго отступательнаго марша-маневра (отъ Даяра до Игдыря). Весь поглощенный мыслью о судьбѣ ввѣреннаго ему отряда, Тергукасовъ всегда на сторожѣ, всегда держитъ въ своихъ рукахъ нити дѣйствія, всякая опасность лишь усиливаетъ его бдительность и дѣятельность. И намъ часто въ описаніи этого похода приходилось прочитывать мѣста вродѣ слѣдующаго: «Самъ генералъ Тергукасовъ, всегда бодрствующій въ трудныя минуты боевой и походной жизни своего отряда и раздѣлявшій съ войсками всѣ опасности и лишенія, со всѣмъ своимъ штабомъ провелъ эту ночь, какъ и весь предшествовавшій день на центральной батареѣ; онъ сидѣлъ здѣсь, завернувшись въ бурку, на лафетѣ орудія, и отсюда же, въ теченіе всей ночи, помощью постоянной посылки состоявшихъ при немъ и при штабѣ офицеровъ генеральнаго штаба и ординарцевъ, слѣдилъ и управлялъ порядкомъ отправленія и движенія обоза и за расположеніемъ и службой войскъ на позиціи“ [1]). Такимъ внимательнымъ руководителемъ онъ оставался всегда, въ самые опасные моменты, какъ напримѣръ, при отступленіи у с. Каракилисъ: здѣсь, по словамъ участника, „турецкія гранаты въ изобиліи рвались вокругъ того мѣста, гдѣ, лично руководя всѣмъ ходомъ отступленія, стоялъ генералъ Тергукасовъ, и всѣ мы стоявшіе здѣсь съ нимъ ежеминутно были забрызгиваемы грязью, далеко разбрасываемой снарядами, падавшими въ болотистую почву вокругъ.“ [2])

Неустрашимый въ бою, генералъ Тергукасовъ въ то же время отличался чисто спартанской невзыскательностью и выносливостью кавказскаго воина, дѣлившаго съ подчиненными всѣ тяжести похода. „Выдержавши съ честью новыя ис-

[1]) Воен. Сборн. 1894 г. № 1. Тамъ-же.

[2]) Дневникъ капитана Генер. Штаба А. Д. Б.

пытанія," читаемъ мы въ описаніи похода, «выпавшія отряду 19 іюня подъ Каракилисой, измученныя и полуголодныя войска расположились на землѣ для короткаго отдыха, забывъ о пищѣ или довольствуясь, «чѣмъ Богъ послалъ», не чувствуя ни неудобства расположенія на голой землѣ, ни сырости болотнаго воздуха. Генералъ Тергукасовъ, котораго войска привыкли видѣть въ бою всегда въ мѣстахъ наибольшей опасности, а на отдыхѣ тутъ же съ ними и въ тѣхъ-же условіяхъ, несмотря на свое положеніе, несъ одновременно съ войсками всѣ тяжести и лишенія и, не зная покоя и отдыха, подавалъ тѣмъ примѣръ безропотнаго перенесенія выпадавшихъ невзгодъ. Такъ было и теперь на новой позиціи; ночью, когда все поуспокоилось, Арзасъ Артемьевичъ по обыкновенію расположился на голой землѣ въ одномъ легкомъ пальто и, замѣтивъ невдалекѣ огонекъ и узнавъ, что это офицеры стрѣлковаго батальона разогрѣваютъ себѣ чай, послалъ ординарца попросить себѣ стаканъ чая. По передачѣ этой просьбы стрѣлкамъ, они засуетились полные самаго искренняго желанія угодить дорогому начальнику, но все, что у нихъ нашлось, составляло всего пять кусочковъ сахара, которые и были посланы съ чаемъ Арзасу Артемьевичу. Онъ же въ свою очередь этотъ скудный запасъ раздѣлилъ со своимъ адьютантомъ" [1]).

Въ этомъ эпизодѣ въ частности, какъ и вообще въ спартанскомъ бытѣ и образѣ жизни генерала Тергукасова въ теченіе кампаніи, какъ въ бою, такъ и на отдыхѣ, въ чарующемъ добродушіи замѣчательно образованнаго и бывалаго стараго кавказца нужно искать ключъ къ его столь значительному вліянію на войско и къ тому искреннему, душевному и сердечному влеченію къ нему чуткихъ войскъ, о которыхъ свидѣтельствуется всѣми, служившими подъ его начальствомъ, и чѣмъ преисполнены, какъ личныя воспоминанія участниковъ-очевидцевъ, такъ и войсковые полуофиціальные источники [2])». Въ суровой походной обстановкѣ прекрасно обрисовывается личность Тергукасова, невольно приковывающая къ себѣ вниманіе при ближайшемъ знакомствѣ. Въ личности этого человѣка, конечно, въ силу условій его дѣятельности прежде всего выступаютъ черты мужественнаго воина. Именно, мужество въ строгомъ смыслѣ этого слова, мужество разумное, спокойное, и скромное является основной чертой этого воина. Это мужество сообщало ему необыкновенное спокойствіе, увѣренность, твердость, способность никогда не теряться и разумно оріентироваться въ самыхъ опасныхъ положеніяхъ. Такое мужество лишено эффектнаго освѣщенія яркихъ красокъ, но оно является единственнымъ залогомъ успѣха. Это мужественное самообладаніе никогда не покидало Тергукасова, и оно же дѣйствовало въ высшей степени успокоительно на солдатъ. Въ самые критическіе моменты генералъ ни разу не выказалъ наружно ни волненія, ни безпокойства, наоборотъ, онъ казался даже равнодушнымъ. Когда передъ Даяромъ внезапно открыли многочисленнаго непріятеля, окружавшіе офицеры были взволнованы, сознавая всю трудность положенія. «Генералъ Тергукасовъ встрѣтилъ извѣстіе съ полнѣйшимъ спокойствіемъ, ничѣмъ не выдавая ни тревогъ, ни опасеній, и въ отвѣтъ раздалось столь обычное для начальника Эриванскаго отряда и произне-

[1]) Цезарскій. Исторія 3-го кавказскаго стрѣлк. батальона. Любимскій. Отъ горъ Кавказа до фортовъ Эрзерума.

[2]) Воен. Сборн. 1895 г. № 1.

сенное съ обычной ему свойственною, спокойною твердостью: «хорошо, очень хорошо!» «Полное спокойствіе», читаемъ мы въ описаніи этого сраженія, «замѣчательное самообладаніе и хладнокровіе генерала Тергукасова, встрѣтившаго эти извѣстія, какъ будто имъ предвидѣнныя и для него весьма радостныя, сообщились и начальникамъ и всѣмъ окружающимъ, обезпечивъ ту спокойную увѣренность, ту толковую разсудительность и тотъ порядокъ, которыя въ подобныхъ обстоятельствахъ заключаютъ въ себѣ половину успѣха [1]).

Одинъ изъ эпизодовъ отступленія еще ярче обрисовываетъ эту черту въ Тергукасовѣ. Отступающій отрядъ, утомленный и лишенный боевыхъ запасовъ, находился, какъ мы уже видѣли, въ отчаянномъ положеніи при переходѣ черезъ Даракскую котловину. «Въ отрядѣ всѣ знали и чувствовали, что турки обходятъ и охватываютъ отрядъ со всѣхъ сторонъ и что положеніе дѣлъ весьма серьезно. Эту серьезность положенія больше всѣхъ сознавалъ самъ доблестный начальникъ отряда, съ трудомъ и тяжестью на сердцѣ согласившійся оставить въ сторонѣ осажденный Баязетъ, а теперь вынужденный вызвать новыя усилія своего измученнаго отряда для преодолѣнія послѣдняго препятствія къ достиженію границъ Эриванской губерніи. Несмотря на все переживаемое и на всю тяжесть отвѣтственности за событія, которыя онъ несъ на себѣ одинъ, Тергукасовъ весь день 21-го и въ памятную ночь на 22-ое іюня былъ, какъ всегда, спокоенъ и, твердо вѣруя въ испытанныя войска ввѣреннаго ему отряда, не выказывалъ передъ ними ни малѣйшей тревоги, оставаясь тѣмъ же благодушнымъ и спокойнымъ начальникомъ, какимъ его видѣли обыкновенно. «На спокойномъ, какъ бы вылитомъ изъ бронзы лицѣ его», свидѣтельствуютъ участники, «нельзя было прочесть ни тѣни тревоги или опасности». Только отъ ближайшихъ помощниковъ и отъ интимнаго кружка глубоко ему преданныхъ лицъ его штаба не ускользнула большая, чѣмъ когда либо его озабоченность» [2]). Спокойно сообщилъ онъ своему штабу объ угрожающей опасности, такъ-же спокойно и дѣятельно сталъ готовиться къ борьбѣ. «Одобренные нравственно, но сильно утомленные физически, свидѣтельствуетъ участникъ-очевидецъ, мы стали понемногу засыпать около потухающаго костра. Одинъ генералъ Тергукасовъ всю ночь не сомкнулъ глазъ, задумчиво, какъ часовой, ходя взадъ и впередъ около своего храпящаго штаба и прилегъ только передъ самымъ разсвѣтомъ, когда одна за другой начали гаснуть звѣзды на чуть просвѣтлѣвшемъ небѣ» [3]).

Въ извѣстномъ уже сраженіи у Даяра выслушавъ опасеніе одного изъ полковниковъ, что турки—въ громадныхъ массахъ обходятъ нашъ правый флангъ, генералъ весело и добродушно возразилъ: «Ну, ужъ будто и въ громадныхъ, — откуда ему взять громадныя массы»! Немногіе знали, что стоило ему это наружное спокойствіе, знали тѣ, кто видѣлъ, какъ среди спящаго лагеря проводилъ безсонныя ночи, сидя на лафетѣ и обдумывая положеніе дѣлъ.

Прошедшій школу Кавказской боевой жизни Арзасъ Артемьевичъ привыкъ дѣлить съ солдатами всѣ труды, неудобства и опасности, что такъ роднило его

[1]) Воен. Сборн. 1890 г. № 8. Тамъ-же.

[2]) Воен. Сборн. 1895 г. № 11.

[3]) Дневн. офицера отряда А. Д. Б.

съ подчиненными. Дѣлая оцѣнку упомянутому сраженію у Даяра, авторъ изслѣдованія о походѣ Эриванскаго отряда видитъ причину успѣха *прежде всего* «въ личности начальника отряда, представлявшаго рѣдкій примѣръ сочетанія высокаго образованія, крупнаго военнаго таланта съ необыкновенной скромностью, простотой, доступностью, высокой степени человѣчностью и образцовой честностью. Пройдя школу Кавказской войны, онъ навсегда остался близокъ войскамъ, былъ чрезвычайно чутокъ до малѣйшихъ ихъ нуждъ и хлопотливо заботливъ до всего, касавшагося ихъ внутренняго и внѣшняго благополучія. А. А. Тергукасовъ не внушалъ страха подчиненнымъ, не подавлялъ своей недюжинной личностью, а напротивъ, возвышалъ и ободрялъ, находя для подчиненнаго, особенно для солдата, всегда простое, ласковое и ободряющее слово, въ которомъ никогда не слышалось фальшивой ноты. [1])

Въ бою его видѣли въ мѣстахъ наибольшей опасности, въ походѣ онъ дѣлилъ съ солдатами всѣ лишенія и невзгоды и часто спалъ на голой землѣ, завернувшись въ бурку. Когда во время знаменитаго отступленія отрядъ становился въ особенно опасное положеніе, Тергукасовъ самъ оставался въ тылу его, оставляя иногда стоянку *послѣднимъ*. И къ солдатамъ возвращалась бодрость и спокойствіе; они знали, что за ихъ спиной есть еще генералъ, въ котораго они глубоко вѣрили. Вотъ случай, рисующій поведеніе Тергукасова въ опасные моменты похода. «Къ тремъ часамъ дня, медленно, шагъ за шагомъ, отступая, отстрѣливаясь и взаимно поддерживая другъ друга, войска начали оставлять с. Каракилисы. Пропустивъ мимо себя всѣ послѣднія отступавшія части, генералъ Тергукасовъ тронулся со своимъ штабомъ, буквально послѣднимъ, двигаясь одно время даже впереди цѣпи, провожаемый учащеннымъ огнемъ всей турецкой артиллеріи. Это присутствіе начальника отряда въ хвостѣ всего отступленія имѣло, по словамъ участниковъ, огромное нравственное воздѣйствіе на войска.» [2]) Это умѣнье внушить увѣренность и бодрость солдатамъ, поселить въ себѣ безграничное довѣріе было громадной нравственной силой, являющейся важнѣйшей чертой всякаго истиннаго полководца. Благодаря этой нравственной силѣ вождя, Эриванскій отрядъ могъ совершить свой блестящій подвигъ. И солдаты дѣйствительно могли себя чувствовать бодро съ такимъ вождемъ; они привыкли видѣть въ немъ человѣка, который выказывалъ постоянно неусыпную заботливость о нихъ.

Когда отрядъ выступилъ въ описанный походъ, продовольственная часть находилась въ самомъ жалкомъ положеніи. Нужна была масса энергіи, находчивости и заботливости со стороны Тергукасова, чтобы удовлетворительно кормить и одѣвать солдатъ. Въ минуты опасности каждый зналъ, что его выручатъ, не оставятъ безъ помощи. Однажды, во время отступленія ночью, отрядъ снялся съ позиціи со всевозможными предосторожностями, чтобы не дать себя замѣтить непріятелю. Уже отойдя верстъ 6—7 замѣтили, что недостаетъ полу-роты, которая на покинутой стоянкѣ занимала одну изъ предохранительныхъ позицій, и о которой забыли. Всякое замедленіе отряда грозило опасностью, тѣмъ не менѣе

[1]) Воен. Сборн. 1890 г. № 8. Тамъ-же.

[2]) Воен. Сборн. 1895 г. № 1.

Тергукасовъ не колебался ни минуты, остановилъ весь отрядъ и бросился на выручку отбивавшейся отъ непріятеля злополучной полу-ротѣ. Оставленный имъ въ Баязетѣ гарнизонъ геройски боролся съ многочисленнымъ непріятелемъ, твердо надѣясь на своего избавителя, и не ошибся.

Если эти черты дѣлали его доблестнымъ вождемъ, внушали къ нему уваженіе, и глубокое довѣріе, то другая черта Тергукасова—отзывчивое, любящее сердце—роднило его съ солдатами, вызывало любовь къ нему. Въ этомъ человѣкѣ, выросшемъ и проводившемъ жизнь среди борьбы и опасностей, подъ громъ орудій и стоновъ, удивительно сохранилась та душевная мягкость и чуткость, которая высказывалась и въ его обычномъ добродушіи и простотѣ и въ его отношеніяхъ къ несчастнымъ и угнетеннымъ. Послѣ удачнаго боя у Драмъ-дага генералъ благодарилъ войска. Подойдя къ особенно отличившимся Ставропольцамъ, онъ снялъ фуражку и низко имъ поклонился, прибавивъ: «другой благодарности у меня нѣтъ, Ставропольцы!» [1]) Къ раненымъ Тергукасовъ относился всегда съ самымъ теплымъ участіемъ и заботливостью. Послѣ сраженія у Даяра, передъ отступленіемъ, тяжесть котораго Тергукасовъ предчувствовалъ, онъ обходилъ раненыхъ, обнималъ и цѣловалъ ихъ. «Это не люди», говорилъ онъ, «это герои, святые!» [2])

Во время геройскаго отступленія, наибольшая заботливость его была направлена на раненыхъ; онъ не двигался до тѣхъ поръ, пока всѣ раненые не были и уложены и отправлены съ обозомъ впередъ, и всѣхъ раненыхъ доставилъ на родину. Во время одного изъ опасныхъ моментовъ отступленія (у Зейдекяна) раненые пришли въ сильное безпокойство, опасаясь попасть въ руки турокъ. «Чтобы успокоить раненыхъ, чуткій и впечатлительный всегда и во всемъ, что касалось солдата во всѣхъ его положеніяхъ, генералъ Тергукасовъ послалъ къ нимъ своего начальника штаба полковника Филиппова съ обѣщаніемъ, что войска до ночи будутъ стоять и охранять отступающій обозъ и госпиталь, и что отрядъ не двинется до тѣхъ поръ, пока не уложатъ послѣдняго раненаго въ повозку.» [3])

Эта гуманность, это благородное сердце выражалось у него не въ однихъ только отношеніяхъ къ солдатамъ. Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ Арзасъ Артемьевичъ являлся носителемъ широкой гуманности. На непріятельской территоріи, съ ея полудикимъ населеніемъ, онъ слѣдитъ за сохраненіемъ законности и порядка, онъ строго запрещаетъ своимъ солдатамъ брать что-нибудь даромъ у населенія, съ которымъ старается сохранить спокойныя, мирныя отношенія.

Но лучшимъ примѣромъ, характеризующимъ высокія нравственныя черты въ этомъ человѣкѣ, служитъ отношеніе его къ переселенцамъ. Какъ извѣстно, по мѣрѣ передвиженія отряда по турецкой территоріи, подъ защиту его стекалась масса армянскихъ семействъ, спасавшихся отъ турецкихъ звѣрствъ; эти люди связали свою судьбу съ судьбой отряда, рѣшившись лучше претерпѣть

1) Воен. Сборн. 1889 г. № 1.

2) М. Цезарскій. Исторія Кавказ. Стрѣлковаго батальона.

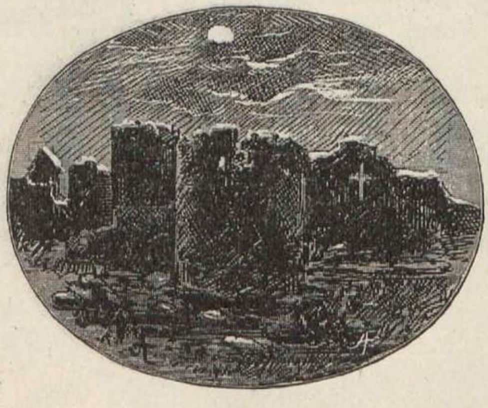
3) Любимскій. „Рус. Вѣстн." 1879 г. № 12.

всѣ лишенія и опасности похода и переселиться въ предѣлы Россіи, чѣмъ оставаться на произволъ озлобленнымъ туркамъ. Къ началу отступленія этихъ переселенцевъ набралось около 3000, (тогда какъ весь отрядъ состоялъ лишь изъ 6000 человѣкъ) и эта масса состояла на половину изъ стариковъ, женщинъ и дѣтей; переселенцы шли со всѣмъ своимъ имуществомъ, арбами и т. п. Легко себѣ представить, какое громадное затрудненіе представлялъ этотъ таборъ для Эриванскаго отряда при его отступленіи, особенно имѣя въ виду трудно проходимыя горныя дороги, по которымъ приходилось идти. Онъ постоянно замедлялъ движеніе отряда, мѣшалъ въ его расположеніи и такимъ образомъ прямо подвергалъ опасности. Бросивъ его, отрядъ развязывалъ себѣ руки, двигался бы правильнѣе и скорѣе, въ случаѣ крайней опасности пробивая себѣ путь штыками. Нужно было имѣть глубокое чувство любви къ ближнему, чтобы съ такимъ самоотверженіемъ и мужествомъ спасая себя, спасать и другихъ. Нужно было обладать тѣми высокими нравственными качествами, какими обладалъ Тергукасовъ, чтобы такъ терпѣливо и благодушно относиться къ этой новой задачѣ, въ то время какъ изнемогавшій отрядъ едва могъ отстаивать себя. Но у этого человѣка достало твердости довершить свой великодушный подвигъ, и всѣ переселенцы были доставлены на русскую границу.

Какой, повидимому, скромный и какой высокій и поучительный примѣръ представляетъ собою этотъ поступокъ воина-христіанина, воина охраняющаго; спасающаго. Спасти самоотверженно нѣсколько тысячъ беззащитныхъ,—да не выше-ли стоитъ этотъ подвигъ, чѣмъ кровавыя побѣды, одѣвающія такимъ блестящимъ ореоломъ своихъ героевъ?! Исторія, къ сожалѣнію, проходитъ большею частью мимо такихъ фактовъ, останавливаясь чаще на тѣхъ военныхъ подвигахъ, которые оставляютъ за собой груды костей, но чуткое человѣческое сердце скорѣе отзовется на этотъ подвигъ мира и любви, хотя и неукрашенный военными лаврами. Тергукасовъ справедливо заслужилъ славу доблестнаго полководца, но еще большая честь и слава ему, какъ воину—человѣку, хранившему въ груди своей любящее сердце.

Москва, май 1897 г.

К—евскій.

Стѣны Ани.

Ученики школы Айвазянъ и крестьяне с. Сарушенъ (Шушин. у.).

Б. М. Шелковниковъ.

Генералъ Бебутъ Мартиросовичъ Шелковниковъ [1]).

I.

«Ужасный врагъ нашей Кавказской арміи, врагъ, сказавшійся гораздо страшнѣе и гибельнѣе, чѣмъ турецкая армія—арзерумскій тифъ унесъ въ могилу въ числѣ тысячи жертвъ, въ самомъ разцвѣтѣ силъ храбраго генерала Шелковникова, въ тотъ періодъ его жизни и карьеры, когда эта даровитая личность, свѣтлая и благородная, послѣ кампаніи выступила впередъ своими способностями и своими качествами». Этими словами начинается печальный некрологъ, возвѣстившій Тифлису неожиданную смерть одного изъ лучшихъ представителей туземнаго населенія.

[1]) Шелковниковъ, Б. М., родомъ изъ нухинскихъ армянъ, родился въ 1837 г., кончилъ курсъ въ Николаевской академіи генеральнаго штаба; въ 1867 г. назначенъ начальникомъ Закатальскаго округа; въ 1877 г. былъ начальникомъ Черноморскаго округа; участвовалъ въ войнѣ 1877—78 г.; затѣмъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Эрзерумской области, гдѣ и умеръ въ 1878 г.

Бебутъ Мартиросовичъ Шелковниковъ (русскіе звали его Борисомъ Мартыновичемъ) былъ армянинъ, уроженецъ города Нухи, нѣкогда столицы Шекинскаго ханства. Отецъ его, тамошній бекъ или меликъ, отправилъ сына въ Москву, гдѣ онъ поступилъ въ кадетскій корпусъ и вышелъ оттуда въ 1855 году въ резервную батарею 21 артиллерійской бригады. Служба въ этой батареѣ, расположенной далеко отъ театра военныхъ дѣйствій, не представляла ничего занимательнаго, и молодой Шелковниковъ выхлопоталъ себѣ переводъ въ 4-ю батарею 20-й артиллерійской бригады, находившуюся тогда въ Чечнѣ. Съ этою батареею онъ принялъ участіе въ осадѣ и взятіи аула Ведено и затѣмъ окончилъ Кавказскую войну андейскимъ походомъ. Какъ ни скромна была роль молодаго человѣка, командовавшаго въ бояхъ артиллерійскимъ взводомъ, однако и за этотъ короткій періодъ времени, онъ обратилъ на себя вниманіе и былъ отличенъ двумя орденами св. Станислава и св. Анны съ мечами и бантомъ.

По окончаніи войны на Кавказѣ, Шелковниковъ поступилъ въ Военную Академію Генеральнаго Штаба. Здѣсь онъ окончилъ курсъ, но не держалъ выпускнаго экзамена, а потому, 15 іюля 1863 года, назначенъ былъ на должность старшаго адъютанта штаба 7-й пѣхотной дивизіи, съ состояніемъ по артиллеріи. Съ этого времени начинается служебная карьера Шелковникова.

Штабъ 7-й пѣхотной дивизіи расположенъ былъ въ Радомѣ, въ самомъ центрѣ военныхъ дѣйствій, и Шелковникову пришлось играть видную роль въ событіяхъ польской кампаніи, такъ какъ начальникъ дивизіи генералъ-лейтенантъ Ушаковъ былъ въ то же время и командующимъ войсками въ Радомскомъ военномъ отдѣлѣ.

Положеніе дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ, не смотря на истребленіе шаекъ, не предвѣщало близкаго окончанія вооруженнаго возстанія. Можно было предвидѣть, что къ осени инсургенты соберутся снова, и что при извѣстномъ настроеніи европейскаго общества разрывъ съ западными державами сдѣлается почти неизбѣжнымъ.

Дѣйствительно, постоянныя неудачи инсургентовъ въ Радомской губерніи, не остававшіяся, конечно, безъ вліянія на умы окрестныхъ жителей, встревожили народный жондъ, который въ видахъ поправленія дѣлъ рѣшилъ подкрѣпить сандомірскія банды изъ Люблина, гдѣ жиржинская катастрофа [1]) была еще у всѣхъ въ свѣжей памяти. Съ этою цѣлью нѣсколько инсургентскихъ вождей стянули свои силы въ казимѣржскіе лѣса и задержавъ идущіе по Вислѣ плоты, 4-го августа переправились въ Радомскую губернію. Черезъ два дня польскій отрядъ въ 2500 человѣкъ, прекрасно вооруженный, съ правильно организованнымъ обозомъ и отличною конницею, появился въ окрестностяхъ Радома. Евреи сообщили, что партіею предводительствовалъ Цвѣкъ, тотъ самый, который одержалъ жиржинскую побѣду, и что со стороны инсургентовъ надо ожидать рѣшительныхъ дѣйствій. Въ Радомѣ, дѣйствительно, опасались нападенія на городъ, и русскія семейства спѣшили укрыться въ бараки, подъ защиту пушекъ. Чтобы выяснить положеніе дѣлъ, генералъ Ушаковъ приказалъ маіору Протопопову съ тремя ротами Могилевскаго полка, эскадрономъ Екатеринославскихъ драгунъ и

1) Въ дѣлѣ подъ Жиржиномъ русскій отрядъ былъ разбитъ и потерялъ два орудія.

двумя орудіями выступить для открытія непріятеля. Съ этимъ отрядомъ для исполненія обязанностей офицера генеральнаго штаба назначенъ былъ и поручикъ Шелковниковъ.

На разсвѣтѣ 10 августа маіоръ Протопоповъ прибылъ въ д. Кавали и здѣсь узналъ, что инсургенты наканунѣ имѣли стычку съ какимъ-то русскимъ отрядомъ и отступили на юго-западъ. Деревня уже догорала и была покинута жителями. Въ недальнемъ отъ нея разстояніи, возлѣ корчмы, замѣтили свѣжій курганъ съ положенными наверху каменьями. Вызванный корчмарь пояснилъ, что инсургенты вчера похоронили здѣсь своихъ убитыхъ. По свѣжимъ слѣдамъ отступившей банды отрядъ двинулся къ Новому-Мясту. День былъ чрезвычайно жаркій; дурныя и частію песчаныя дороги утомляли солдатъ, а между тѣмъ банда, забирая изъ окрестныхъ деревень подводы, уходила все далѣе и далѣе. Наконецъ, уже подъ вечеръ собраны были свѣдѣнія, что инсургенты, численностью болѣе трехъ тысячъ, остановились въ д. Вирѣ, куда отъ окрестныхъ помѣщиковъ и повезли продовольствіе. Драгуны съ Шелковниковымъ тотчасъ пошли на рысяхъ; но инсургенты, предупрежденные во время, снялись съ бивуака и безъ ужина отступили въ лѣса къ деревнѣ Разуховой.

Былъ уже десятый часъ вечера, когда подтянувшаяся пѣхота заняла д. Виръ и расположилась въ ней для ночлега. Войскамъ приказано было готовить горячую пищу съ такимъ расчетомъ, чтобы за часъ до разсвѣта быть въ совершенной готовности къ выступленію. Шелковниковъ осмотрѣлъ мѣстность, самъ развелъ аванпосты и назначилъ сборные пункты на случай тревоги. Усталость нашего отряда, сдѣлавшаго въ этотъ день болѣе 50 верстъ по глубокимъ пескамъ, внушила инсургентамъ мысль произвести на него ночное нападеніе. Плѣнные разсказывали потомъ, что нѣкоторые довудцы требовали, чтобы нападеніе было произведено немедленно; но Цвѣкъ доказывалъ, что нападеніе въ такую темную ночь, съ войсками, не пріученными къ маневрированію, непремѣнно поведетъ къ безпорядкамъ, и съ своей стороны предлагалъ произвесть нападеніе на самомъ разсвѣтѣ, когда бдительность часовыхъ ослабѣетъ, и усталый отрядъ можетъ быть застигнутъ въ совершенномъ расплохѣ. Это мнѣніе одержало верхъ. Въ самую полночь поляки вышли изъ Разуховой назадъ, къ Виру, и въ ожиданіи разсвѣта остановились въ опушкѣ лѣса, облегавшаго Виръ широкимъ полукругомъ.

Въ русскомъ отрядѣ ничего не знали о замыслахъ инсургентовъ. Какъ было приказано, солдаты поднялись еще до свѣту и чуть забрезжилась зорька безъ шума выступили къ д. Разуховой. Въ то же самое время тронулись изъ опушки лѣса и инсургенты, направляясь на Виръ. Такимъ образомъ обѣ стороны встрѣтились совершенно неожиданно.

Шелковниковъ первый замѣтилъ непріятеля. Находясь впереди съ казаками, онъ увидѣлъ сквозь предразсвѣтную мглу какія-то темныя массы, двигавшіяся по лѣсу. Весь отрядъ остановился. Маіоръ Протопоповъ самъ выѣхалъ съ драгунами въ ту сторону и, очутившись лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, спѣшилъ эскадронъ. Дымъ начавшейся перестрѣлки, мѣшаясь съ утреннимъ туманомъ, скрывалъ движеніе инсургентовъ, которые, оставивъ передъ фронтомъ часть своихъ силъ, съ остальными двинулись въ обходъ и заняли въ тылу у

насъ деревню Виръ. И вотъ, въ то время, когда драгуны удерживали наступленіе съ фронта, масса коссіонеровъ, предшествуемая густою линіею стрѣлковъ, вдругъ выдвинулась изъ Вира и, звеня и бряцая косами, двинулась въ аттаку съ тыла. Минута наступила критическая; отрядъ былъ окруженъ и стоялъ подъ перекрестнымъ огнемъ. Два орудія сосредоточили огонь на опушкѣ лѣса. Грохотъ пушечныхъ выстрѣловъ, повторяемый безчисленными перекатами лѣснаго эха, свистъ картечи, гулъ и трескъ разбитыхъ деревьевъ производили на инсургентовъ сильное впечатлѣніе. Воспользовавшись этимъ, Шелковниковъ схватилъ 7-ю роту Могилевскаго полка и, кинувшись въ штыки, оттѣснилъ непріятеля въ самую глубь лѣса. Обезопасивъ себя на нѣкоторое время съ этой стороны, и приказавъ Могилевцамъ ни шагу не уступать изъ занятой позиціи, Шелковниковъ повернулъ назадъ 5-ю могилевскую роту и съ барабаннымъ боемъ повелъ ее къ хлѣбнымъ скирдамъ, занятымъ уже коссіонерами. Орудія, быстро перемѣнивъ позицію, послали двѣ-три гранаты, которыя, лопнувъ въ рядахъ инсургентовъ, заставили ихъ перебѣжать въ господскую усадьбу. Шелковниковъ двинулся на приступъ. Осыпаемый артиллерійскими снарядами, непріятель не выдержалъ и, покинувъ Виръ, безпорядочными толпами сталъ отступать къ лѣсу. Только одна колонна, осѣненная революціоннымъ знаменемъ, выйдя за деревню, остановилась, какъ бы желая прикрыть общее отступленіе. При этой колоннѣ находилось небольшое орудіе. Замѣтивъ это, Шелковниковъ тотчасъ повелъ впередъ полуэскадронъ Екатеринославскихъ драгунъ. Инсургенты приготовились хладнокровно отразить кавалерійскую атаку; каре ихъ окуталось клубами бѣлаго дыма, затрещалъ по фронту батальный огонь, грохнула пушка— но драгуны продолжали надвигаться крупною рысью, и вдругъ, какъ пошатнувшаяся стѣна, ринулись впередъ и скрылись въ облакѣ дыма и пыли... Атака была исполнена превосходно. Поручики Шелковниковъ и Шмидтъ, скакавшіе впереди, первыми врубились въ ряды непріятеля. Въ рукопашной схваткѣ Шелковниковъ получилъ тяжелую рану штыкомъ въ грудь, прапорщикъ Небольсинъ раненъ пистолетною пулей и подъ нимъ, также какъ и подъ Шелковниковымъ, заколоты лошади. Убыль офицеровъ, ружейный огонь, отчаянное сопротивленіе штыками и прикладами — ничто не остановило драгунъ: въ нѣсколько минутъ смятое каре было изрублено; знамя и орудіе взяты.

Послѣ уничтоженія знаменитаго «Чворабка» (каре) битва хотя и продолжалась еще нѣсколько времени, но непріятель уже повсюду бѣжалъ съ поля сраженія. Несправедливо было бы упрекать инсургентовъ въ недостаткѣ личнаго мужества и самоотверженія. Сдѣлать болѣе того, что сдѣлали они въ день Вирскаго сраженія, можно было только при иныхъ распоряженіяхъ. Пятно пораженія должно лежать на совѣсти ихъ предводителей, бывшихъ единственною причиной тѣхъ страшныхъ потерь, которыя понесли повстанцы [1]).

[1]) Въ одномъ изрубленномъ каре было насчитано болѣе 70 труповъ; кромѣ того въ д. Виръ и по всей опушкѣ лѣса были разбросаны тѣла побитыхъ повстанцевъ. Помѣщичьи дома, находившіеся въ окрестности были переполнены ранеными. Число ихъ было такъ велико, что по недостатку мѣстныхъ врачей, народовый жондъ вынужденъ былъ командировать сюда изъ Варшавы двухъ операторовъ. На самомъ мѣстѣ сраженія собрано было намъ 238 штуцеровъ, а въ плѣнъ взято 30 человѣкъ, не считая крестьянъ, которые наканунѣ были завербованы въ банду и не имѣли еще оружія.

«Въ сраженіи противъ польскихъ мятежниковъ 11 августа при д. Виръ — писалъ въ своемъ донесеніи начальникъ отряда маіоръ Протопоповъ:—поручикъ Шелковниковъ былъ моимъ главнымъ помощникомъ. Въ головѣ 7-й роты онъ атаковалъ колонну инсургентовъ и разсѣялъ ее; окончивъ это, онъ успѣлъ разбить колонну коссіонеровъ, показавшуюся съ другой стороны. Въ кавалерійской-же атакѣ со 2-мъ полуэскадрономъ, онъ изъ первыхъ влетѣлъ въ каре, и своимъ мужествомъ служилъ прекраснымъ примѣромъ для нижнихъ чиновъ; въ этой атакѣ онъ былъ тяжело раненъ штыкомъ, и штыкомъ же ранена подъ нимъ лошадь».

За это «особое отличіе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ», поручикъ Шелковниковъ произведенъ былъ въ штабсъ-капитаны; но его ожидали и другія награды.

«Съ величайшимъ прискорбіемъ узнали мы въ академіи о Вашей ранѣ, полученной въ дѣлѣ при Вирѣ, — писалъ къ нему начальникъ академіи генералъ Леонтьевъ — но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ мы радовались успѣху, одержанному при Вашемъ содѣйствіи надъ партіей инсургентовъ. Блестящее участіе Ваше въ столкновеніи подъ Виромъ видно изъ реляціи объ этомъ дѣлѣ, помѣщенномъ въ Инвалидѣ; теперь же, прочитавъ Ваше письмо къ капитану Гаврилову, я еще болѣе радуюсь за Васъ, тѣмъ болѣе, что надежда на Ваше выздоровленіе несомнѣнна. Генералъ-квартирмейстеръ сообщилъ мнѣ о своемъ намѣреніи перевести Васъ тотчасъ въ генеральный штабъ. Поздравляю Васъ; не держа выпускнаго экзамена въ академіи, Вамъ удалось выказать въ настоящемъ дѣлѣ ваши знанія и распорядительность и тѣмъ достойно заслужить переводъ въ генеральный штабъ. Желаю Вамъ скораго и полнаго выздоровленія».

Въ то же время военный министръ извѣстилъ Великаго князя главнокомандующаго, что Государь Императоръ по докладѣ ему о подвигѣ поручика Шелковникова приказалъ собрать о немъ болѣе подробныя свѣдѣнія и передать все дѣло на рѣшеніе кавалерской думы св. Георгія съ тѣмъ, что если дума не удостоитъ его награжденія этимъ орденомъ, то государь жалуетъ ему отъ себя орденъ св. Владиміра 4 степени съ мечами и бантомъ.

Дума собрана была въ Варшавѣ подъ предсѣдательствомъ стараго кавказскаго ветерана генералъ-лейтенанта князя Давида Осиповича Бебутова и единогласно—признала подвигъ поручика Шелковникова достойнымъ награжденія орденомъ св. Георгія 4 степени.

Такимъ образомъ Бебутъ Мартиросовичъ за дѣло подъ Виромъ получилъ слѣдующій чинъ, переводъ въ генеральный штабъ и Георгіевскій крестъ въ петлицу.

Шелковниковъ въ это время лѣчился за границей; рана его оказалась тяжелою; легкое пробито было штыкомъ насквозь, и только продолжительное лѣченіе у извѣстныхъ врачей предотвратило угрожавшую ему чахотку. Оправившись отъ раны, Шелковниковъ назначенъ былъ на Кавказъ, и въ 1864 году занялъ должность въ управленіи генералъ-квартирмейстера Кавказской арміи, а потомъ перешелъ на службу по народному управленію. Здѣсь онъ былъ произведенъ въ капитаны, получилъ орденъ св. Станислава 2-й степени, и что важнѣе всего, къ своей боевой извѣстности, пріобрѣтенной въ Царствѣ Польскомъ, прибавилъ

извѣстность въ высшей степени талантливаго и даровитаго человѣка. Послѣднее обратило на него особое вниманіе высшей администраціи края, и капитанъ Шелковниковъ 3-го марта 1867 года назначенъ былъ начальникомъ Закатальскаго Округа.

II.

Тогда не прошло еще и двухъ лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ Закаталы были усмирены оружіемъ. Въ эти два года усердно сглаживались наружные слѣды минувшаго возстанія, водворялось внѣшнее спокойствіе въ округѣ; но далѣе этого работа администраціи не шла. Для всѣхъ было ясно, что народъ держался въ повиновеніи только страхомъ новыхъ погромовъ; но ни довѣрія къ начальствующимъ лицамъ, ни вѣры въ благія пожеланія самого правительства—ничего этого не было; полнѣйшая отчужденность всецѣло продолжала разъединять народъ отъ администраціи. При такихъ-то обстоятельствахъ въ мартѣ 1867 года Шелковниковъ былъ поставленъ во главѣ управленія Округомъ. Слѣдовать программѣ предшествовавшаго періода, т.-е. ограничиться поддержаніемъ внѣшняго порядка, не вникая во внутреннюю жизнь народа, не касаясь тѣхъ корней, которые лежали глубоко въ сердцѣ лезгинъ, было невозможно. Это значило бы не сдѣлать ровно ничего въ смыслѣ прочной связи народа съ правительствомъ, и подготовить въ будущемъ безконечный рядъ тревогъ, недоразумѣній и новыхъ, быть можетъ, еще болѣе кровавыхъ возстаній. Шелковниковъ понялъ, что довѣріе и сочувствіе полудикаго народа пріобрѣтаются не потворствомъ дурнымъ его инстинктамъ, не расточеніемъ передъ нимъ несбыточныхъ обѣщаній, послѣдствіями которыхъ бываетъ всегда кратковременная ложная популярность—и за тѣмъ горькое разочарованіе. Не этимъ путемъ, значитъ, могла быть разрѣшена поставленная передъ нимъ задача. Надлежало положить въ основу каждаго шага безусловную *справедливость* въ отношеніи всѣхъ, не различая сословій и того положенія, которое извѣстныя лица занимали въ народѣ; необходимо было кромѣ выполненія офиціальныхъ обязанностей, исполнить долгъ честнаго человѣка, проникнутыя *теплымъ участіемъ* къ мельчайшимъ обыденнымъ интересамъ народа, сдѣлаться, если такъ можно выразиться, его пѣстуномъ. Въ этомъ отношеніи выборъ Шелковникова былъ какъ нельзя болѣе удаченъ. Рѣдкому изъ народныхъ правителей удавалось пріобрѣсть такое уваженіе и любовь, какою пользовался онъ въ средѣ притязательнаго, щепетильнаго и суроваго населенія Закатальскаго округа. Но чѣмъ больше росла его популярность среди простаго народа, тѣмъ съ большею завистью и недоброжелательствомъ смотрѣли на него тѣ одиночныя лица, которые видѣли *въ прочномъ сліяніи народа* съ русскимъ правительствомъ — источникъ своего неминуемаго паденія. И вотъ, между Шелковниковымъ и этими сильными вліятельными лицами начинается глухая борьба, которая упорно и неустанно ведется въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. «И если я—говоритъ самъ Шелковниковъ — не изнемогъ въ концѣ этого перваго, тревожнаго періода своей

дѣятельности, а вышелъ изъ него съ торжествомъ, то исключительно обязанъ этимъ поддержкѣ и полному довѣрію ко мнѣ высшаго моего начальства».

Глухая борьба разразилась, наконецъ, замѣтнымъ волненіемъ въ цѣломъ народѣ. Въ Закатальскомъ округѣ жили тогда двѣ замѣчательныя личности—Даніель-бекъ, бывшій султанъ Елисуйскій и полковникъ Гаджи-Аза-Бекъ Шихлярскій, оба осыпанные безпримѣрными милостями русскаго правительства, и оба находившіеся въ числѣ недовольныхъ. Они-то тайными происками черезъ свою многочисленную и знатную родню взволновали все населеніе округа. Кризисъ разрѣшился подачею прошенія о переселеніи въ Турцію цѣлыми обществами. Шелковниковъ, обстоятельно разслѣдовавъ дѣло, настоялъ на томъ, чтобы переселеніе не было разрѣшаемо, а напротивъ самъ назначилъ къ переселенію сто семействъ изъ числа тѣхъ, которыя болѣе другихъ замѣчены были въ подстрекательствѣ. Покончивъ съ этимъ вопросомъ, Шелковниковъ выѣхалъ на минеральныя воды вмѣстѣ съ своимъ семействомъ.

Между тѣмъ, лѣтомъ, въ то время, когда Шелковниковъ лѣчился въ Пятигорскѣ, въ округѣ почти уже организовалось открытое возстаніе. Ближайшее начальство, напуганное событіями 63 года, потребовало исправленія крѣпостныхъ верковъ, экстренныя работы по вооруженію батарей и немедленной присылки войскъ въ Закаталы. Вызванный изъ Пятигорска телеграммою, Шелковниковъ по прибытіи въ Тифлисъ просилъ пріостановить всякія дѣйствія, пока онъ лично не убѣдится въ положеніи дѣлъ, въ округѣ. Въ Тифлисѣ ему совѣтовали выѣхать въ Закаталы вмѣстѣ съ войсками; онъ отвергнулъ эти совѣты, сознавая какія громадныя затраты потребовались бы неминуемо въ случаѣ экстреннаго движенія войскъ,—сѣлъ въ почтовую телѣжку и поскакалъ одинъ.

Онъ выѣхалъ изъ Тифлиса въ три часа утра и въ восемь часовъ вечера былъ уже въ Закаталахъ. Здѣсь онъ узналъ, что народъ постановилъ рѣшеніе не допускать одиночныхъ переселеній, а требовать, чтобы изъ края удалены были или всѣ, или никто. Очевидно, что въ народѣ было убѣжденіе, что русскія власти только грозятъ, и что вслѣдствіе настойчиваго требованія уступятъ, какъ это бывало не разъ. Ясно стало Шелковникову также и то, что въ дѣйствительности масса съ ужасомъ ожидала рѣшенія правительства, опасаясь, какъ бы и въ самомъ дѣлѣ не послѣдовало согласіе на переселеніе ихъ въ Турцію. Какъ только Шелковниковъ окончательно пришелъ къ такому заключенію, онъ уже не сомнѣвался въ успѣхѣ своей миссіи, - но ему нужно было еще разъединить интересы массы отъ интересовъ лицъ, назначенныхъ къ переселенію.

Шелковниковъ былъ по натурѣ человѣкъ рѣшительный и храбрый; однакоже онъ не безъ внутренняго волненія рѣшился приступить къ открытому разрыву съ народомъ, опасаясь не за собственную жизнь, а за возможность потерпѣть неудачу, при чемъ, конечно, всѣ обвинили бы его въ самонадѣянности и самохвальствѣ управиться безъ помощи войска.

Ночь проведена была въ сильной ажитаціи. «Но зато — говоритъ Шелковниковъ—наступившій день былъ однимъ изъ лучшихъ дней моей жизни, ибо я восторжествовалъ вполнѣ».

Въ десять часовъ утра во дворѣ управленія поставлены были въ рядъ 30 джарцевъ и 35 человѣкъ тальскаго общества, которые, вмѣстѣ съ своими семьями,

назначены были къ переселенію въ Турцію. Шелковниковъ вышелъ одинъ и безъ оружія. Спокойнымъ, но строгимъ и внушительнымъ тономъ объявилъ онъ имъ рѣшеніе намѣстника.

«Хотя Его Императорскому Высочеству — сказалъ онъ:—извѣстно положительное нежеланіе ваше выселиться, но онъ хочетъ наказать васъ этимъ, какъ главныхъ виновниковъ тревожнаго состоянія народа. Вы исключительно сами себѣ обязаны постигшимъ васъ несчастіемъ. Мнѣ приказано дать вамъ двѣ недѣли срока, въ продолженіи которыхъ вы должны приготовиться, и затѣмъ отъ сего числа на четырнадцатый день выступить. Я не имѣю права входить съ вами ни въ какія объясненія, не имѣю права принимать ни отъ васъ, ни отъ вашихъ родственниковъ никакихъ прошеній, потому что рѣшеніе вашей участи неизмѣнно. Приказываю вамъ отправиться въ свои дома немедленно и приготовиться къ переселенію. Удержите вашихъ родственниковъ отъ ходатайствъ за васъ, а тѣмъ болѣе отъ всякаго мало-мальски незаконнаго дѣйствія. Не сдѣлавъ ни малѣйшей пользы вамъ, они погубятъ только себя. Горе тому, кто осмѣлится необдуманнымъ словомъ а тѣмъ болѣе дѣйствіемъ нарушить точное и быстрое исполненіе моихъ приказаній. Такого преступника постигнетъ неумолимая казнь, ибо приказанія, передаваемыя мною, истекаютъ отъ главнокомандующаго, а приказанія главнокомандующаго для васъ законъ.

«Два съ половиною года я, какъ мулла, проповѣдывалъ вамъ ваши обязанности, указывалъ пути, могущіе упрочить ваше счастіе и благоденствіе. Два съ половиною года я просилъ и увѣщевалъ васъ удержаться отъ беззаконныхъ дѣйствій. Вы не вѣрили мнѣ. Теперь ни просьбъ, ни увѣщаній отъ меня не услышите. Я скажу вамъ только законъ, который караетъ всякаго, кто осмѣлится посягнуть на него».

Внушительный тонъ не допускалъ возраженій—и возраженій дѣйствительно не было. Всѣ поняли, что устами Шелковникова говоритъ Великій Князь, и разошлись съ поникнутыми головами.

Изъ Закаталъ Шелковниковъ поспѣшилъ въ тотъ же день въ Большія Талы, гдѣ находилось въ сборѣ цѣлое общество. Онъ съ умысломъ не взялъ съ собою ни казаковъ, ни чапаровъ; при немъ были только наибъ, диванъ-беги, да два его помощника--всѣ безъ оружія. Даже оба помощника взяты были имъ только для того, чтобы потомъ, въ его отсутствіи, они могли бы дѣйствовать во всемъ согласно того направленія, которое онъ собирался развить теперь въ виду цѣлаго народа. Подъѣхавъ къ многочисленному джемату съ возможною торжественностью, которая такъ благодѣтельно дѣйствуетъ на азіатскую натуру, онъ сухо поздоровался съ народомъ.

Когда водворилась полнѣйшая тишина, Шелковниковъ строгимъ взглядомъ окинулъ всѣхъ присутствующихъ и началъ говорить тихо, не возвышая голоса:

«Я посланъ къ вамъ, Тальцы, Сардаремъ для объявленія воли его и приведенія ея въ точное исполненіе. Теперь ни для кого не тайна, что никто изъ васъ, подавая прошеніе о переселеніи, не думалъ оставлять своей родины. Напротивъ, вы съ ужасомъ ожидали, что вотъ-вотъ выйдетъ просимое вами разрѣшеніе. Успокойтесь! Не смотря на все неприличіе вашего поступка, Великому Князю не угодно было подвергнуть васъ разоренію и позорной нищетѣ, не

угодно было согласиться на то, что неминуемо погубило-бы васъ, вашихъ дѣтей и ваши семьи. Онъ простилъ васъ, виноватыхъ болѣе въ глупой довѣрчивости своей къ людямъ безпокойнымъ, губящимъ ваше благосостояніе. Этихъ-же послѣднихъ сардарю угодно казнить строго. Онъ приказалъ исполнить ихъ желаніе и выселить въ Турцію. Вы хорошо знаете, какова участь турецкихъ переселенцевъ: я не считаю нужнымъ рисовать передъ вами положеніе ихъ тамъ. Я объявилъ тридцати-пяти семействамъ изъ вашей среды приказаніе въ двухъ-недѣльный срокъ выселиться. Мольбы со слезами на глазахъ, съ которыми многіе изъ нихъ обратились ко мнѣ, прося помилованія, лучше всего доказываютъ, какъ далеки были отъ желанія переселиться даже тѣ, кто подстрекалъ васъ на такое пагубное дѣло. Я надѣюсь, что разсудокъ, въ которомъ Богъ не отказывалъ вамъ, уже возвратился къ вамъ, что чувство раскаянія занимаетъ теперь ваши мысли, и я увѣренъ, что въ средѣ вашей найдется достаточно благомыслящихъ людей для того, чтобы образумить безумныхъ, если бы еще нашлись таковые. Помните, что мнѣ строго запрещено принимать отъ васъ какія бы то ни было ходатайства въ пользу лицъ, назначенныхъ къ переселенію, строго запрещено какое бы то ни было заступничество за нихъ, — и если бы это случилось, то не только сами виновные, но ихъ родственники тотчасъ-же назначены будутъ къ переселенію. Поняли вы меня Тальцы»?

Тальцы отвѣчали почтительно, что поняли.

Вотъ что телеграфировалъ Шелковниковъ генералу Старосельскому 14 іюня: «Важнѣйшая часть дѣла исполнена съ большою торжественностію; порядокъ строгій и образцовый во всемъ; ручаюсь за него и далѣе. Переселенцы выступятъ черезъ двѣ недѣли. Надобности въ войскахъ не имѣю. Прибытіе мое было необходимо, ибо настроеніе было не хорошо».

Черезъ двѣ недѣли, день въ день въ назначенный срокъ, сто семействъ, назначенныхъ къ переселенію двигались уже въ Турцію.

За быстрыя, энергическія и благоразумныя распоряженія Шелковниковъ произведенъ былъ въ подполковники, а въ слѣдующемъ, 1870 году, въ полковники.

Не прошло и году, какъ несчастные переселенцы одинъ по одному стали возвращаться на родину. Шелковниковъ счелъ долгомъ ходатайствовать за нихъ передъ Великимъ Княземъ, ожидая отъ этого самыхъ лучшихъ послѣдствій. И онъ не ошибся: переселенцы своими разсказами о бѣдствіяхъ, перенесенныхъ въ Турціи, скорѣе и лучше всего излѣчили населеніе округа отъ несбыточныхъ надеждъ, и явились въ дальнѣйшемъ самыми усердными проводниками взглядовъ и намѣреній правительства.

Такъ одержана была громадная нравственная побѣда надъ 60-ти тысячнымъ населеніемъ гордыхъ, неукротимыхъ и полудикихъ лезгинъ. Съ этихъ поръ ихъ политическая подготовка достигла того предѣла, за которымъ ни ненависть, ни упорство, ни противодѣйствіе со стороны народа представителямъ правительственной власти уже не имѣютъ мѣста. Съ этого времени народъ слѣдовалъ совѣтамъ и указаніямъ своей администраціи не только безропотно, но съ сочувствіемъ и даже съ нѣкоторымъ увлеченіемъ. До какой степени лезгины подпали подъ вліяніе Шелковникова можно судить по слѣдующимъ даннымъ:

Извѣстно, какъ горцы дорожатъ и высоко цѣнятъ право свое относительно ношенія оружія, и какъ лихорадочно чутко относятся они къ малѣйшимъ мѣропріятіямъ въ этомъ родѣ. А между тѣмъ ничто не поддерживаетъ въ нихъ такъ сильно духъ нетерпимости, буйства и своеволія, какъ арсеналъ оружія, которымъ обвѣшанъ постоянно каждый лезгинъ. Масса преступленій, совершаемыхъ ими, получаетъ также отсюда свое происхожденіе. Задавшись разъ мыслію возвысить нравственный уровень лезгинъ и направить ихъ къ честному труду, Шелковниковъ счелъ необходимымъ прежде всего устранить главнѣйшій къ этому тормазъ, т. е. заставить ихъ отказаться отъ ношенія всякаго оружія. Не останавливаясь здѣсь на путяхъ, которыми онъ шелъ въ данномъ случаѣ, довольно сказать, что къ осени 1871 года все населеніе округа, и прежде другихъ гордые джарцы *перестали носить оружіе и даже кинжалы*. И достигъ онъ этого не приказаніями, на которыя не былъ уполномоченъ, а путемъ убѣжденій и увѣщаній, что было хорошо извѣстно цѣлому народу.

Сдѣлавъ столь рѣшительный опытъ относительно силы нравственнаго вліянія своего на умы лезгинъ, онъ безъ всякаго уже опасенія приступилъ къ осуществленію дальнѣйшихъ своихъ предположеній.

Здѣсь необходимо оговорить, что даровитый и способный Шелковниковъ прежде всего самъ принялся за изученіе *татарскаго языка*, чтобы знать нужды народа безъ участія переводчиковъ, и въ короткое время достигъ такихъ результатовъ, что сталъ говорить съ народомъ лучше многихъ природныхъ татаръ. Съ этихъ поръ вся административная дѣятельность Шелковникова выражается, можно сказать, только въ одной слѣдующей задачѣ:

Чтобы закрѣпить то благодѣтельное направленіе, которое приняли воззрѣнія лезгинъ, онъ направилъ всѣ свои силы къ развитію въ народѣ матеріальнаго достатка. Ничто такъ не прикрѣпляетъ къ мѣсту полудикій народъ, какъ обезпеченное положеніе, и ничто не вызываетъ въ немъ болѣе сильныхъ чувствъ признательности, какъ забота объ удовлетвореніи матеріальной стороны его потребностей. Съ этою цѣлью Шелковниковъ усиленно занялся рѣшеніемъ безчисленнаго множества и старыхъ и новыхъ поземельныхъ споровъ, поддерживавшихъ неурядицу. Цѣль эта была вполнѣ достигнута, и къ началу 1874 года можно было сказать, что въ округѣ между отдѣльными лицами и фамиліями поземельныхъ споровъ не существуетъ.

Быстрое и правильное рѣшеніе тяжбъ, тянувшихся вѣками, со времени шахъ-Аббаса, поразило самихъ лезгинъ, и дало имъ высокое понятіе о нравственныхъ качествахъ нашихъ судей. И вотъ, въ то время, когда въ сосѣднихъ уѣздахъ мировые суды были завалены дѣлами, въ то время, когда тюрьмы въ смежныхъ провинціяхъ не вмѣщали въ себѣ сотенъ арестантовъ, томящихся въ заключеніи цѣлые годы, въ Закатальскомъ судѣ никогда не бывало на производствѣ болѣе ста дѣлъ, а число всѣхъ арестантовъ не достигало и 20 человѣкъ. Насколько народъ доволенъ былъ оказываемымъ ему правосудіемъ, видно изъ того, что за семь лѣтъ начальствованія Шелковникова, изъ числа болѣе десяти-тысячъ рѣшеній, только девять поступили по апеляціямъ на пересмотръ главнаго народнаго суда.

Обезпечивъ за каждымъ поземельную собственность, нужно было подвинуть

народную промышленность, а за ней и торговлю. Закатальскій округъ это одинъ обширный садъ, созданный самою природою. Здѣсь соединились всѣ условія для успѣшнаго и вполнѣ выгоднаго развитія садоводства въ громадныхъ размѣрахъ. Въ виду такого положенія края, Шелковниковъ постарался направить жителей къ болѣе правильному хозяйству и къ развитію тѣхъ отраслей его, которыя представляютъ болѣе выгодъ. Онъ отмѣчалъ лучшихъ хозяевъ, поощрялъ наиболѣе трудящихся и предпріимчивыхъ, ходатайствуя о пожалованіи однимъ медалей, другихъ награждая деньгами или иными отличіями, и добился въ концѣ концовъ, что поземельная собственность пріобрѣла въ округѣ болѣе высокую цѣнность, такъ какъ сильно подвинулось разведеніе новыхъ плантацій, а запашки хлѣба за послѣдніе годы почти удвоились. Но за что жители особенно благодарили Шелковникова—такъ это за выписку легкихъ и удобныхъ плуговъ, взамѣнъ ихъ тяжелыхъ и неуклюжихъ, унаслѣдованныхъ еще отъ отцовъ и дѣдовъ. И тамъ, гдѣ прежде для поднятія цѣлины требовалось 16 или 18 паръ быковъ, теперь употреблялось въ дѣло три и много-много четыре пары. Но такъ какъ выписка плуговъ обходилась все-таки дорого, то за работу принялись мѣстные мастера, и Шелковниковъ назначилъ премію за лучшіе плуги до 20 р. с. Для улучшенія садоводства устроена была практическая центральная ферма, а въ подспорье къ ней разведены при каждомъ изъ трехъ наибскихъ управленій еще особые садики, снабжавшіе жителей прививками. Въ округѣ появились роскошные сорта винограда, яблокъ, грушъ, персиковъ, и даже огородныхъ овощей, съ которыми мѣстное населеніе до сихъ поръ было почти незнакомо.

Но никакія заботы администраціи не привели бы къ улучшенію быта населенія, если бы округъ продолжалъ оставаться при своихъ первобытныхъ сообщеніяхъ или, вѣрнѣе сказать, при полномъ бездорожьѣ, которое препятствовало населенію сбывать свои произведенія даже на ближайшихъ рынкахъ. Вынужденные уступать все за безцѣнокъ на мѣстѣ, жители дѣлались жертвою только кулаковъ и спекуляторовъ. Шелковниковъ обратилъ вниманіе на это вопіющее зло и искрестилъ страну прекрасными, шоссированными, съ прочными каменными мостами, дорогами, которыя съ обѣихъ сторонъ были обсажены орѣховыми и тутовыми деревьями. Кромѣ красоты, дороги пріобрѣли черезъ это еще громадное экономическое значеніе, такъ какъ каждое орѣховое дерево давало обществу отъ 4-хъ до 10 рублей ежегоднаго дохода. И все это сдѣлано было на счетъ самихъ жителей, народными руками, безъ всякаго пособія со стороны казны.

Началось собственно съ Джаръ, черезъ которыя пролегала въ Закаталы дорога тяжелая, каменистая, огражденная съ обѣихъ сторонъ широкой и высокой каменною стѣною. Это была та самая дорога, на которой погибли тысячи русскихъ жизней, гдѣ былъ убитъ Гуляковъ, гдѣ пострадали эриванцы. Въ прежніе годы ни одинъ изъ начальниковъ никогда не осмѣливался употребить гордое Джарское племя на какія бы то ни было работы. Шелковниковъ собралъ джематъ, объяснилъ ему значеніе и необходимость для нихъ же самихъ предположенной дороги, и предложилъ джемату приступить къ дѣлу на другой же день. Первая попытка окончилась успѣшно; Шелковниковъ пошелъ дальше, – и когда населеніе само почувствовало всѣ преимущества разработанныхъ дорогъ,—дальнѣйшее развитіе этого дѣла не представляло уже никакихъ затрудненій. Народъ

самъ съ восторгомъ глядѣлъ на свои сооруженія и справедливо гордился ими передъ сосѣдями.

Въ ряду мѣропріятій, направленныхъ къ развитію края въ мирномъ отношеніи, Шелковникову пришлось обратить вниманіе и на самые Закаталы, представлявшіе собою видъ крайне неприглядный и служившіе источникомъ всевозможныхъ заразительныхъ болѣзней. Послѣ окончательнаго погрома Восточнаго Кавказа и упраздненія въ Закаталахъ штабовъ и войсковыхъ управленій, городъ опустился сильно. Временныя турлучныя зданія его стали приходить въ разрушеніе; торговля, поддерживавшаяся только войсками, упала разомъ, а иныхъ болѣе серьезныхъ торговыхъ оборотовъ въ городѣ не было, такъ какъ тревожное положеніе, въ которомъ долго находился край, и малая его производительность не представляли къ тому необходимыхъ удобствъ и условій. Правда, съ пріѣздомъ Шелковникова торговля оживилась, и обороты на шерсти, орѣхахъ и шолкѣ стали расширяться, но самая физіономія города почти не измѣнилась. Такимъ образомъ съ одной стороны сѣрые дома, грязныя улицы, и недостатокъ хорошей воды продолжали разрушать здоровье горожанъ, съ другой — неимѣніе въ городѣ иного постояннаго населенія, кромѣ отставныхъ и женатыхъ солдатъ, а также отсутствіе денежныхъ средствъ и постоянный дефицитъ въ городскомъ бюджетѣ не давали мѣста даже самымъ скромнымъ помысламъ относительно приведенія города въ болѣе удовлетворительное состояніе. Надъ самыми даже вопіюще-необходимыми расходами приходилось призадумываться.

Расчитывать на содѣйствіе государственнаго казначейства не только было невозможно, но даже не основательно, а между тѣмъ, такъ или иначе слѣдовало сдѣлать «для города хоть что нибудь». И вотъ совершеніе этого-то чего-нибудь Шелковниковъ и ставитъ личною своею задачею.

Естественно, что прежде всего пришлось обратить вниманіе на финансовую сторону дѣла. Весь городской капиталъ состоялъ тогда изъ 4900 рублей, помѣщенныхъ въ Закавказскомъ Приказѣ изъ полутора годовыхъ процентовъ. Шелковниковъ тотчасъ потребовалъ капиталъ обратно и пустилъ его въ обращеніе изъ 8%. Къ этой значительной субсидіи ему удалось увеличить городской доходъ почти на двѣ съ половиною тысячи рублей,—и вотъ на эти-то средства городъ мало-по-малу украсился каменными зданіями, обзавелся пожарнымъ инструментомъ, фонтанами, водопроводами и, наконецъ, прекраснымъ бассейномъ, помѣстившимся на центральной площади, какъ для украшенія города, такъ и на случай пожаровъ.

Для сельскихъ обществъ сдѣлано было имъ еще болѣе. И сельскія банки, имъ учрежденные, и сельскія школы, содержимыя на счетъ самихъ обществъ, навсегда останутся лучшими памятниками того, что сдѣлано было Шелковниковымъ для экономическаго и умственнаго развитія народа. Шелковниковъ оказался иниціаторомъ — въ полномъ смыслѣ этого слова. Но онъ понималъ, какъ часто самыя лучшія начинанія тормозятся канцелярскою рутиной, и дѣйствовалъ своеобразно. Онъ прежде склонялъ самихъ жителей на то или другое предпріятіе, потомъ исполнялъ задуманное и затѣмъ доносилъ о немъ, какъ о совершившемся фактѣ. Такимъ образомъ Тифлису приходилось только утверждать уже сдѣланное, да удивляться быстрому росту и развитію края.

Заботясь о мирномъ развитіи страны, Шелковниковъ не упускалъ изъ виду и вопросовъ чисто-военныхъ, предвидя, что рано или поздно, при нашемъ столкновеніи съ Турціей они должны занять преобладающее мѣсто. Поэтому, когда по волѣ Великаго Князя возникъ вопросъ о политической благонадежности мѣстнаго населенія и сборѣ милиціи на случай войны съ Турками, Шелковниковъ отвѣчалъ съ полною увѣренностью, что Закатальскій округъ можетъ выставить двѣ отборныя сотни, которыя ни въ чемъ не отстанутъ отъ нашихъ казаковъ, а если потребуется только одна сотня, то ее можно будетъ сформировать изъ такихъ отборныхъ и отважныхъ лихачей-джигитовъ, которые далеко оставятъ за собою казачьи части какъ въ бою, такъ и при походныхъ и боевыхъ передвиженіяхъ. Онъ даже намѣчаетъ для нее командировъ способныхъ оправдать древнюю славу лезгинъ, какъ воиновъ. Таковы, по его словамъ, были въ краѣ: полковникъ Измаиловъ, старый служака, лѣтъ десять прокомандовавшій сотнею въ Варшавѣ, въ конно-мусульманскомъ полку, джарецъ родомъ, человѣкъ знающій вполнѣ требованія службы; за нимъ слѣдуетъ штабсъ-капитанъ Шабанъ-Ага Кадыровъ, человѣкъ отважный, представительный, кровный лезгинъ, вполнѣ преданный правительству и свободно говорящій по-русски; далѣе — капитанъ Ахмедъ-Бекъ-Мирзабековъ и, наконецъ, прапорщикъ Георгій Галаджевъ, извѣстный своею храбростью, имѣющій нѣсколько георгіевскихъ крестовъ, добытыхъ имъ въ бояхъ съ дагестанскими лезгинами. Единственно, что составляло бы слабую сторону Закатальской милиціи — это вооруженіе. Кинжалы и шашки превосходны; но кремневые винтовки и пистолеты при современномъ огнестрѣльномъ оружіи не могутъ имѣть никакого серьезнаго значенія. Объ этомъ приходилось пожалѣть тѣмъ болѣе, что туземцы округа вообще хорошіе стрѣлки, а потому Закатальская милиція при своей подвижности могла бы оказать арміи громадную услугу, если бы была вооружена скорострѣльными кавалерійскими ружьями. Шелковниковъ ручался, что милиціонеры охотно пріобрѣли бы ихъ на свой счетъ, если бы только цѣнность ихъ не превышала 20 р. за штуку.

«Что же касается до политической благонадежности этой милиціи — писалъ онъ къ начальнику главнаго штаба генералу Павлову, — то я отнюдь не раздѣляю опасенія многихъ, будто мусульмане-суниты не будутъ дѣйствовать въ войнѣ съ турками достаточно энергично. Краснорѣчивымъ подтвержденіемъ сказанному можетъ служить та безпощадность, которою отличала себя милиція изъ горцевъ въ дѣйствіяхъ противъ своихъ же горцевъ, но сражавшихся подъ знаменами Шамиля и его сподвижниковъ. Если Дагестанскій конно-мусульманскій полкъ, Джаро-бѣлоконская постоянная милиція и другіе беззавѣтно истребляли своихъ не только единовѣрцевъ, но и единоплеменниковъ, то странно предположить, чтобы тѣ же горцы, при лучшихъ для насъ въ настоящее время политическихъ условіяхъ, обнаружили болѣе симпатіи и мягкосердія въ отношеніи турокъ, о которыхъ они только слышали, но съ которыми никакими ближайшими интересами не связаны. Позволю себѣ утверждать, что подъ руководствомъ опытнаго и отважнаго начальника туземная милиція вообще и Джарская въ особенности будутъ дѣйствовать противъ турокъ съ полнымъ увлеченіемъ, не вспомнивъ даже о томъ, что они суниты». Такъ говоритъ Шелковниковъ, съумѣвшій примирить лезгинъ съ идеею русскаго владычества, — и Закатальскій округъ былъ един-

ственный округъ во всемъ Закавказьѣ, который воздержался отъ мятежа и даже броженія въ эпоху нашихъ неудачъ на поляхъ Азіатской Турціи.

Итакъ, къ началу 1876 года общее спокойствіе въ округѣ не оставляло желать ничего лучшаго; цѣлые мѣсяцы проходили безъ всякихъ почти происшествій, безъ нарушенія общественнаго спокойствія. Общее вниманіе всѣхъ направлено было къ честному труду, къ увеличенію своего благосостоянія законными путями, къ улучшеніямъ и нововведеніямъ въ хозяйствѣ, торговлѣ и промыслахъ. Населеніе округа смотрѣло съ полною вѣрою на свое будущее и на всѣ мѣропріятія правительства, и если оно чего желало, такъ это только сохраненія въ округѣ и впредь существующей системы управленія.

Какъ далеко распространилась молва о справедливости и безкорыстіи Шелковникова можно заключить изъ того, что татарскія общества Елизаветпольской губерніи, служившія ареною вѣчныхъ разбоевъ, сами обратились къ начальству съ просьбою или дать имъ губернаторомъ Бориса Шелковникова, или дозволить имъ переселиться въ Турцію.

Такая плодотворная дѣятельность Шелковникова доставила ему въ періодъ времени съ 1870 по 1876 годъ два ордена: Владиміра 4 степени и Анну на шею.

Трогательны были проводы, устроенные суровыми лезгинами, когда весною 1876 года Шелковниковъ неожиданно получилъ другое назначеніе. Вѣсть объ этомъ быстро разнеслась по горамъ, и народъ тысячами началъ стекаться въ Закаталы, чтобы проститься съ «Бебутъ-бекомъ». Шелковниковъ представилъ имъ своего преемника. Видите ли, сказалъ онъ, примѣняясь къ народнымъ понятіямъ, какого молодца прислалъ для васъ Великій Князь — намѣстникъ. Слушайтесь и любите его!

— Молодецъ то онъ молодецъ — отвѣчали лезгины — но пусть у него душа и сердце будутъ такіе же, какъ у тебя. Намъ больше ничего не нужно.

Прощаясь, почти всѣ плакали; старики-лезгины, говорили ему: «Не хорошо, Бебутъ - бекъ, что насъ покидаешь. Развѣ ты слышалъ, когда нибудь, чтобы отецъ покидалъ своихъ дѣтей»? Другіе говорили: «Да будетъ надъ тобою Аллахъ; не оставь онъ тебя и твою семью». Сотни всадниковъ провожали отъѣзжающаго начальника до самаго Тифлиса.

III.

Новая дѣятельность, къ которой былъ призванъ Шелковниковъ заключалась въ оживленіи колонизаціи и упроченіи за нами въ политическомъ смыслѣ всего побережья Чернаго моря. До покоренія Западнаго Кавказа численность населенія этого берега доходила до 400 тысячъ душъ. Населеніе это занималось хлѣбопашествомъ и садоводствомъ въ обширныхъ размѣрахъ; слѣды безконечныхъ горскихъ нивъ, какъ на равнинахъ, такъ и на склонахъ горъ, сохранились до нашего времени, а сады и теперь служатъ главнѣйшимъ источникомъ существованія

всего населенія, такъ называемаго Вельяминовскаго попечительства. Всѣ сообщенія между собою горцы производили по вьючнымъ тропамъ, которыя и вдоль и поперекъ изрѣзывали край, а по самому берегу моря, въ такъ называемой прибрежной полосѣ, существовали даже колесныя дороги.

Съ покореніемъ Кавказа въ 1864 году, начинается сплошное выселеніе горцевъ въ Турцію, и въ скоромъ времени богатѣйшая страна эта представляла изъ себя безконечную пустыню въ полномъ смыслѣ этого слова. Тогда же возникаетъ и разрабатывается обширный планъ колонизаціи края, исключительно только однимъ христіанскимъ элементомъ.

Первые колонисты прибыли въ край въ томъ же 1864 году, преимущественно изъ казачьихъ станицъ Кубанской области, и при томъ большею частію при помощи принудительныхъ мѣръ. Ихъ расположили въ прибрежной полосѣ, на пространствѣ между Новороссійскомъ и Туапсе и тогда же образовали изъ нихъ такъ называемый Шапсугскій береговой батальонъ. Но на этомъ дѣло колонизаціи и покончилось. Потому ли, что принудительныя мѣры менѣе всего способствовали успѣшному ея росту или потому, что дѣло попало въ неопытныя, неумѣлыя руки, но только въ теченіе двухъ лѣтъ не сдѣлано было ничего въ смыслѣ развитія и упорядоченія мѣстныхъ богатствъ страны, кормившей четырехъ-сотъ тысячное населеніе. Край имѣлъ все ту же физіономію, что и при прежнихъ своихъ хозяевахъ — горцахъ: дороги еще были испорчены; поля и луга хотя и заросли уже сорными травами, но были еще совершенно чисты отъ кустарныхъ и древесныхъ зарослей, а сады остались въ томъ же положеніи, въ какомъ были оставлены. И тѣмъ не менѣе новое населеніе, состоявшее исключительно изъ станицъ Шапсугскаго береговаго батальона, въ два года едва успѣло устроить себѣ кое-какія помѣщенія и въ богатѣйшей странѣ продолжало существовать только казеннымъ провіантомъ.

Чтобы подвинуть дѣло колонизаціи, рѣшили учредить Черноморскій округъ, районъ котораго занялъ всю мѣстность отъ Анапы до границъ Сухумскаго отдѣла съ одной стороны, и отъ главнаго хребта до морскаго берега — съ другой. Дѣйствительно, въ край стали прибывать новые поселенцы-колонисты, которымъ были предоставлены широкія льготы; но когда черезъ десять лѣтъ, въ 1876 году подвели итоги, то результаты вышли такіе, что всю операцію колонизаціи края можно было считать вполнѣ неудавшеюся.

Такимъ образомъ виды русскаго правительства на упроченіе за нами восточнаго берега Чернаго моря не оправдались. Но Великій Князь - намѣстникъ не желалъ однако отказаться отъ этой идеи, сознавая, что дѣло требуетъ только мастера и лично назначилъ въ Новороссійскъ полковника Шелковникова, который 29 іюля и былъ утвержденъ начальникомъ Черноморскаго округа. Широкая и плодотворная дѣятельность, болѣе широкая даже, чѣмъ въ Закаталахъ, лежала передъ Шелковниковымъ тамъ, гдѣ нужно было исправлять начатое, возстановлять разрушенное, созидать и класть начало тому, что еще было подъ спудомъ. Обстоятельства однако же сложились вовсе не такъ, какъ думалъ Великій Князь и мечталъ самъ Шелковниковъ, пріѣхавшій въ новый край наканунѣ объявленія турецкой войны. Теперь вопросъ шелъ не о развитіи колонизаціи, а о спасеніи того, что уже было, изъ-подъ ударовъ турокъ, которые, имѣя броненосный

флотъ, свободно ходили по Черному морю. Турецкія суда, время отъ времени, дѣйствительно показывались въ виду черноморскаго побережья, дѣлая промѣры и угрожая высадкой безъ объявленія войны, какъ это было въ 1853 году, когда одинъ изъ русскихъ гарнизоновъ, весь, до послѣдняго человѣка, погибъ подъ развалинами форта св. Николая. Та же участь угрожала теперь и любому изъ нашихъ прибрежныхъ пунктовъ, огражденныхъ только желѣзною грудью русскаго солдата. Но и этихъ солдатъ было крайне недостаточно. Въ самомъ Новороссійскѣ, въ центрѣ управленія округомъ, находилось только двѣ сотни пластуновъ, да 90 человѣкъ мѣстной команды, а въ Туапсѣ, въ Сочахъ, у Адлера и, наконецъ, на кордонахъ по берегу моря войскъ было еще меньше. Шелковниковъ просилъ прислать къ нему хотя одну конную сотню, чтобы содержать разъѣзды отъ Новороссійска до Анапы, но и въ этой сотнѣ ему было отказано. Мало того, ему мягко и осторожно дали почувствовать, что требованія его вызываются немного преувеличенными, или по крайней мѣрѣ преждевременными, опасеніями за безопасность края, весьма, впрочемъ, естественными со стороны начальника, на которомъ лежитъ такая серьезная отвѣтственность». — «Не ради страха» — отвѣчалъ на это Шелковниковъ начальнику главнаго штаба кавказской арміи—«высказываю я свои опасенія. Мы всѣ погибнемъ здѣсь, если это будетъ нужно, но свято сохранимъ воинскую честь свою. Боюсь, однако, что отъ этого дѣло не много выиграетъ». Наконецъ, война была объявлена, и, турки, тотчасъ занявшіе Абхазію, утвердились въ Сухумѣ. Черноморскій округъ былъ подчиненъ общимъ распоряженіямъ начальника Кубанской области, и Шелковникову оставалось только быть исполнителемъ чужихъ приказаній. Къ этому то времени относится слѣдующая телеграмма его къ начальнику главнаго штаба:

«Все побережье, подготовленное мною вполнѣ къ оборонѣ, находится въ полной безопасности. Новороссійскъ основательно ограждается минами. Мнѣ нечего дѣлать. Умоляю вызвать въ дѣйствующую армію, хотя на короткое время. Если буду лишній для дѣйствій, то хотя для изученія на мѣстѣ большихъ военныхъ операцій.»

Шелковниковъ рвался на театръ большой войны, полагая, что ему, какъ офицеру генеральнаго штаба, не приходится сидѣть, сложа руки, въ Новороссійскѣ. Но въ Новороссійскѣ то, со всѣхъ сторонъ окруженномъ врагами, Шелковниковъ и былъ именно нуженъ.

Теперь всѣмъ извѣстно, что онъ спасъ черноморскій округъ отъ участи Сухумскаго отдѣла, блистательно отразивъ въ Сочи сильный турецкій дессантъ, поддержанный броненоснымъ флотомъ; но не всѣмъ извѣстно, что именно Шелковниковъ былъ главною причиною освобожденія Абхазіи и самаго Сухума.

Задача эта была возложена собственно на особый ингурскій отрядъ, находившійся подъ начальствомъ генерала Алхазова уже въ движеніи къ Сухуму. Но офиціальныя данныя свидѣтельствовали также, что отряду этому приходилось преодолѣвать неимовѣрныя трудности въ борьбѣ съ природой и вмѣстѣ съ тѣмъ упорное сопротивленіе непріятеля—и турокъ, и огромныхъ скопищъ Абхазцевъ. Такимъ образомъ являлась необходимость въ принятіи такихъ мѣръ, которыя разъединили бы силы нашихъ враговъ и облегчили бы ингурскому отряду достиженіе, поставленной передъ нимъ задачи.

По мнѣнію Шелковникова, мѣры эти могли заключаться только въ одновременномъ движеніи на Сухумъ, кромѣ Алхазова, еще двухъ отрядовъ; одного со стороны Кубани черезъ Марухскій перевалъ, а другаго—со стороны Черноморскаго округа береговою дорогою на рѣчку Бзыбь, за которой начиналась самая населенная и воинственная часть Абхазіи. Одно появленіе нашего отряда въ этой мѣстности должно было отвлечь немедленно не только отъ Сухума, но даже отъ линій Кодора, весь абхазскій контингентъ, который, покинувъ турецкія войска, конечно обратился бы на защиту своей собственной родины. Въ этомъ смыслѣ Шелковниковъ и писалъ къ начальнику Кубанской области, стараясь разъяснить, что при движеніи изъ Черноморскаго Округа хотя оборонительныя средства линіи отъ Туапсе до Сочи значительно ослабнутъ, но что это не повлечетъ за собою ни малѣйшей опасности. «Отъ бомбардировки — писалъ онъ: никакой гарнизонъ не убережетъ нашихъ береговыхъ укрѣпленій, а о десантѣ послѣ движенія отряда въ Абхазію не можетъ быть и рѣчи.»

Соображенія Шелковникова были одобрены, и 28 іюля, въ Сочи, подъ его начальствомъ, уже сосредоточилось семь ротъ пѣхоты, четыре сотни пластуновъ, Екатеринодарскій конный полкъ Кубанскаго казачьяго войска и дивизіонъ горной артиллеріи,—всего около 2500 человѣкъ пѣхоты и конницы. Отрядъ былъ небольшой, а между тѣмъ задача, лежавшая передъ нимъ была и велика, и отвѣтственна. Требовалось, чтобы отрядъ во что бы то ни стало прорвался въ Абхазію черезъ Гагринскій проходъ, защищенный турецкимъ броненосцемъ, а надо знать, что этотъ проходъ представлялъ собою узкую козью тропу, по которой едва могли пройти рядомъ пять человѣкъ. Тропа шла по склону горы и ограничивалась съ одной стороны берегомъ моря, а съ другой—крутыми высокими скалами. Податься было нельзя ни вправо, ни влѣво, и оставалось только одно—идти на прямикъ, подъ огнемъ броненосца, и день и ночь, сторожившаго эту тропинку. Самые Гагры были заняты турецкимъ гарнизономъ. Ихъ надо было взять, и затѣмъ уже, соединившись съ отрядомъ генерала Бабича, наступавшимъ со стороны Марухскаго перевала, идти на Сухумъ. Требовалось дѣйствовать настолько отважно, чтобы привлечь на себя, какъ можно болѣе турокъ, а съ другой стороны соблюдать такую осторожность, чтобы малѣйшей неудачей не придать духа нашимъ противникамъ.

31 іюля отрядъ выступилъ по дорогѣ на Адлеръ. Высланные къ Баграмъ разъѣзды дали знать, что проходъ сторожитъ броненосецъ, а Гагринское укрѣпленіе занято значительными силами абхазцевъ. 4-го августа Шелковниковъ самъ произвелъ рекогносцировку, чтобы попытаться обойти Гагринскій проходъ,—но другого пути не было. Тогда онъ велѣлъ готовиться къ ночному походу, расчитывая въ темнотѣ проскользнуть мимо броненосца, и дѣйствительно выступилъ вечеромъ. Погода стояла ужасная, шелъ проливной дождь, началась гроза и сдѣлалось такъ темно, что на разстояніи шага ничего не было видно. Съ одной стороны отряду это было на руку, такъ какъ броненосецъ не могъ теперь слѣдить за его движеніемъ, но съ другой—дождь до того испортилъ дороги, что всю кавалерію, орудія и вьюки пришлось отправить назадъ, на мѣсто бывшаго лагеря. Шелковниковъ пошелъ впередъ только съ одною пѣхотою,—но и та скоро остановилась, такъ какъ въ дремучемъ лѣсу не было возможности сдѣлать ни

шагу. Волею неволею пришлось ожидать разсвѣта, чтобы выбраться изъ этой страшной трущобы. Измученные солдаты всю ночь простояли, облокотясь на ружья; ни лечь, ни сѣсть, ни свернуть съ тропинки было нельзя: кругомъ бушевали горные ручьи, ворочавшіе цѣлыя скалы, а по сторонамъ зіяли бездонныя пропасти. Наконецъ стало свѣтать, яснѣе обрисовалась тропа, тянувшаяся въ гору, и отрядъ скоро взобрался на высоту, откуда открывалась вся гагринская бухта и торчавшій въ ней броненосецъ. Поднявшееся надъ горами, солнце эфектно освѣтило эту чудную картину; но отряду было не до красотъ природы—всѣ поглощены были мыслію, какъ-то удастся пройти мимо страшнаго, сторожившаго ихъ чудовища. Рѣшили, однако же, дождаться ночи и отрядъ, измученный труднымъ походомъ, заснулъ глубокимъ сномъ въ ожиданіи, когда прибудутъ вьюки и кавалерія, за которыми давно уже посланы были нарочные. Наступила наконецъ ночь, и Шелковниковъ, все таки не дождавшись кавалеріи, составилъ слѣдующій планъ нападенія на Гагры: онъ приказалъ всему пластунскому батальону, какъ можно тише спуститься горною тропой и, обойдя укрѣпленіе съ одной стороны, отрѣзать непріятелю отступленіе; въ то же время пѣхота, выдвинувшись изъ ущелья и не обращая уже вниманія на огонь броненосца, должна была кинуться съ фронта.

Въ полночь войска двинулись по указаннымъ направленіямъ. Было страшно темно, но броненосецъ, какъ бы догадываясь, что движеніе уже началось, изрѣдка сталъ посылать свои бомбы. Двѣ роты не слышно подползли къ укрѣпленію и вдругъ съ крикомъ «Ура!» вскочили на валъ. Гагры были взяты съ налету. Къ сожалѣнію, пластуны не успѣли занять назначенный имъ пунктъ—иначе потери абхазцевъ были бы громадны. Теперь двѣ роты находились уже въ полной безопасности; но за то другія двѣ, при которыхъ находился Шелковниковъ, еще не успѣли дойти до укрѣпленія, какъ броненосецъ началъ громить ихъ безостановочно изъ своихъ чудовищныхъ орудій. Роты прилегли на землю, и въ продолженіи 20 минутъ сплошною тучею проносились надъ ними картечь и осколки гранатъ. Прикрываясь темнотою, роты лежали молча и неподвижно. Броненосецъ пріостановилъ огонь и сталъ прислушиваться. Тишина обманула его; онъ повернулъ назадъ къ ущелью, гдѣ въ это время столпились подошедшіе вьюки, конница и артиллерія. Одна конная сотня прорвалась мимо броненосца; но остальныя еще стояли на мѣстѣ. Между тѣмъ начинало свѣтать, и Шелковниковъ послалъ офицера съ приказаніемъ, чтобы кавалерія спряталась и ожидала бы слѣдующей ночи. Но приказаніе это опоздало, отрядъ уже вышелъ изъ ущелья и страшный броненосецъ повернулся къ нему бортомъ. Еще минута—и залпъ могъ бы снести половину отряда,—какъ вдругъ случилось нѣчто совершенно неожиданное. Броненосецъ круто повернулъ назадъ и на всѣхъ парахъ понесся по направленію къ Сочи. Вся колонна, воспользовавшись этимъ мгновеніемъ, не справляясь уже о причинѣ такого счастливаго оборота дѣлъ, бросилась впередъ и соединилась съ Шелковниковымъ.

Впослѣдствіи оказалось, что колонну спасъ пароходъ «Константинъ», который, выйдя изъ Севастополя крейсировать вдоль кавказскихъ береговъ, явился противъ Гагръ въ тотъ самый моментъ, когда жизнь нѣсколькихъ сотъ человѣкъ висѣла на волоскѣ. Броненосецъ, увидѣлъ въ захватѣ парохода драгоцѣнный призъ и, покинувъ на время отрядъ, пустился за нимъ въ догонку. Константинъ

то убѣгалъ отъ него на всѣхъ парахъ, то останавливался и манилъ тяжелаго своего врага все дальше и дальше отъ отряда. Наконецъ, оба парохода скрылись изъ виду, и когда броненосецъ вернулся изъ своей неудачной погони, Шелковниковъ уже былъ далеко.

Вотъ что телеграфировалъ онъ 8 августа своей семьѣ, оставленной имъ въ Новороссійскѣ..

«Извѣщаю о полной и серьезной побѣдѣ. Гагринскій проходъ прошелъ въ теченіе двухъ ночей. Невозможно передать всего испытаннаго отрядомъ. Абхазцы и турецкіе черкесы понесли страшныя потери. Отбито много магазинныхъ ружей и до трехъ тысячъ скота. Всѣ цѣлы по особенной милости Провидѣнія; потери наши невѣроятно ничтожны, ибо броненосецъ осыпалъ насъ въ двухъ-стахъ шагахъ адскимъ огнемъ митральезъ и бомбами. Три дня питаемся всѣ сухарями.»

За Гаграми положеніе нашего отряда дѣйствительно сдѣлалось тяжелымъ, такъ какъ у него не было ни водки, ни хлѣба, и весьма мало патроновъ. Къ счастію, паника, наведенная Гагринскою побѣдою, была такъ велика, что турки и Абхазцы нигдѣ не смѣли защищаться упорно. 8-го августа отрядъ перешелъ черезъ Бзыбь, и 11-го явился подъ Гудаутами, гдѣ стоялъ турецкій укрѣпленный лагерь, а на рейдѣ находились три броненосца. Но не смотря на страшный огонь морской артиллеріи съ одной стороны, и залповъ Пибоди съ другой, непріятельская позиція взята была штурмомъ, и наши войска потеряли только 20 человѣкъ убитыми и ранеными. Отсюда Шелковниковъ пошелъ на Сухумъ, и 20-го числа городъ взятъ былъ приступомъ.

Вотъ что телеграфировалъ онъ объ этомъ начальнику штаба кавказской арміи:

«Сочинскій отрядъ закончилъ блистательно свою дѣятельность. Сегодня онъ одинъ атаковалъ Сухумъ и занялъ его подъ огнемъ восьми броненосцевъ. Спустя часъ подоспѣли войска Марухскаго отряда. У меня раненъ одинъ пластунъ. Городъ сожженъ до тла, сады срублены, маякъ разрушенъ. Картина ужасная».

Роскошнѣйшая въ мірѣ страна дѣйствительно обратилась въ пустыню. Черезъ нѣсколько дней Шелковниковъ получилъ слѣдующую телеграмму отъ Великаго Князя главнокомандующаго: «Государь-Императоръ за вашу прекрасную боевую службу изволилъ пожаловать Вамъ чинъ генералъ-маіора. Искренно радуюсь, поздравляю и благодарю. Полное спасибо вашему молодецкому отряду».

Такъ окончился знаменитый Сухумскій походъ. И по обычаю кавказцевъ, солдаты сложили о немъ слѣдующую пѣсню:

По приказу изъ Тифлиса
Съ Сочи двинулись мы въ путь,
Чтобъ нашей Фазли, Эдриса
Изъ Сухума всѣхъ турнуть.
Турокъ драться по сухому
Ужъ не хочетъ къ намъ идтить,
Чуду-юду, вишь, морскому
Приказалъ насъ перебить.
Эхъ ты турокъ, другъ дурашный,
Тутъ твоя, братъ, не возьметъ:
Броненосецъ намъ не страшенъ—
Насъ Шелковниковъ ведетъ.

Трудность обратнаго похода заключалась главнымъ образомъ въ большомъ числѣ раненыхъ и больныхъ, которые до крайности стѣсняли малочисленный отрядъ, такъ какъ, за неимѣніемъ вьюковъ, ихъ приходилось нести на носилкахъ. Нужно было во что бы то ни стало перевезти раненыхъ моремъ. Въ Гагры съ этою цѣлью вытребованы были два парохода, и въ томъ числѣ знаменитая «Веста», подъ начальствомъ извѣстнаго цѣлой Россіи Баранова.

Въ Гаграхъ—разсказываетъ Барановъ—я получилъ записку отъ Шелковникова, который писалъ: «Спасибо за все. Заберите изъ Гагръ людей моихъ, приголубьте ребятъ, они устали: отвезите ихъ—здоровыхъ въ Туапсе, а раненыхъ и больныхъ въ Новороссійскъ. Самъ я боленъ—старая рана и лихорадка; мнѣ тяжело ѣхать верхомъ, а въ Новороссійскъ надо. Если найдете возможнымъ, зайдите въ Сандрипшъ; я пріѣду туда сегодня къ десяти часамъ вечера, и для сигнала зажгу на горѣ два костра. Если вамъ не удобно зайти, то обо мнѣ забудьте: берегите и доставьте только людей. До Сандрипша отъ Гагръ 10 миль,—разстояніе, слѣдовательно не малое, а между тѣмъ едва пароходы забрали раненыхъ, какъ на горахъ показался столбъ чернаго дыма; въ тоже время на морѣ, въ начинавшейся темнотѣ, ясно показался свѣтъ зажженнаго фальшфейра; едва онъ погасъ, загорѣлся другой. Дѣло становилось яснымъ: горцы съ берега переговаривались условными сигналами съ турецкими судами, идущими съ моря. При такихъ обстоятельствахъ нужно было какъ можно скорѣе уходить, но тѣмъ не менѣе Барановъ все таки зашелъ въ Сандрипшъ и забралъ оттуда генерала вмѣстѣ съ его небольшою свитой. Тихо поздоровавшись съ командой, Шелковниковъ прошелъ прямо въ капитанскую каюту. «Здѣсь при свѣтѣ горѣвшей лампы—говоритъ Барановъ,—я въ первый разъ могъ разсмотрѣть генерала. Онъ былъ не высокъ, весьма худощавъ, имѣлъ чрезвычайно болѣзненный и усталый видъ, но съ необыкновенно симпатичнымъ и привлекательнымъ лицомъ, казавшимся чрезвычайно красивымъ изъ-за необыкновенно умныхъ, искрящихся глазъ. Складъ лба и очертанія губъ выражали твердый характеръ и волю.»

Въ Новороссійскъ пришли благополучно. Все населеніе радостно встрѣтило своего искренно любимаго начальника, возвращавшагося побѣдителемъ послѣ трудной, но славной экспедиціи къ Сухуму: цвѣты и вѣнки засыпали генерала и его почтенныхъ боевыхъ сподвижниковъ.

Съ очищеніемъ Абхазіи отъ турокъ, Сухумскій отдѣлъ былъ подчиненъ Шелковникову, и ему предстояла новая высокая и умиротворяющая дѣятельность, долженствовавшая залѣчить тяжкія раны, нанесенныя этой благодатной странѣ и турками и самими абхазцами но, къ сожалѣнію, этому не суждено было осуществиться. Въ то время, когда онъ уже собирался объѣхать Абхазію, пришла телеграмма, вызывавшая его въ дѣйствующій корпусъ. Тамъ ожидали его новые побѣдные лавры, новая лучезарная слава, но тамъ же ждала его и страшная смерть, такъ преждевременно пресѣкшая дни этого умнаго, благороднаго и честнаго человѣка.

IV.

Шелковниковъ прибылъ въ дѣйствующій корпусъ въ половинѣ сентября, въ то время, когда подготовлялся рѣшительный ударъ турецкой арміи, болѣе мѣсяца стоявшей передъ нами на грозной Аладжинской позиціи. Атаку рѣшено было повесть одновременно съ фронта и съ тыла, и исполненіе этого-то послѣдняго, труднаго и сложнаго движенія Великій Князь главнокомандующій лично возложилъ на генерала Шелковникова; Шелковниковъ просилъ, чтобы ему дали пѣхотную дивизію и ручался головой за успѣхъ предпріятія; но ему предложили только пять батальоновъ и четыре горныя орудія, обѣщая впослѣдствіи прислать къ нему еще два батальона и пять сотенъ казаковъ. Шелковниковъ согласился и на это.

18-го сентября отрядъ его сосредоточился на Канбинскомъ посту; но прежде чѣмъ предпринять обходное движеніе, ему предстояло взять еще Кизилъ-Гульскіе укрѣпленія, сторожившія тылъ Аладжи, и штурмъ ихъ назначенъ былъ наканунѣ общаго сраженія, т. е. 19-го сентября.

Наступила ночь, а двухъ батальоновъ, которыхъ ожидалъ Шелковниковъ, все еще не было. Тогда генералъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы они догоняли отрядъ, а самъ повелъ остальныя войска къ укрѣпленію. Скоро завязалось жаркое дѣло. Уже траншея за траншеею переходили въ наши руки, какъ вдругъ прискакалъ нарочный отъ корпуснаго командира (Лорисъ-Меликова) съ извѣстіемъ, что обѣщанные два батальона и пять сотенъ казаковъ присланы не будутъ, и чтобы Шелковниковъ ограничился поэтому только однимъ движеніемъ къ Аладжѣ, избравъ для этого болѣе близкій и менѣе опасный путь, чѣмъ предполагалось прежде. Какъ ни неожиданно было такое приказаніе, однако же и оно не смутило храбраго Шелковникова. Онъ быстро оріентировался въ этомъ новомъ для него положеніи, и тотчасъ же рѣшился на то, на что рѣшились бы только немногіе: онъ отказался отъ первоначальнаго своего направленія, и задумалъ пробраться ночью въ тылъ непріятелю по другой дорогѣ, а Кизилъ-Гульскія укрѣпленія оставить у себя въ тылу.

Ординарцы поскакали къ войскамъ съ приказаніями начать отступленіе.

И вотъ, когда побѣда казалась столь близкою, отрядъ въ строгомъ порядкѣ, отстрѣливаясь, медленно сталъ отходить назадъ, тѣснимый со всѣхъ сторонъ ободрившимися турками. На берегу Арпачая, прежде чѣмъ переправиться къ своему канбинскому лагерю, Шелковниковъ обратился къ войскамъ съ слѣдующею рѣчью:

«Гг. офицеры! ребята! Знаю, что многіе изъ васъ мысленно станутъ упрекать меня за наше отступленіе въ то время, когда стоило употребить самое незначительное усиліе, и непріятельская позиція была бы въ нашихъ рукахъ. Но это сдѣлано мною вслѣдствіе того, что эти высоты не входятъ уже болѣе въ планъ нашихъ дѣйствій. Завтра предстоитъ болѣе сложное и болѣе трудное дѣло. Каждый человѣкъ мнѣ дорогъ для завтрашняго дня, а штурмъ стоилъ бы намъ по крайней мѣрѣ сотни человѣческихъ жизней. Спасибо за сегодняшній день.

А теперь идите домой и ложитесь спать, чтобы вечеромъ свѣжими и бодрыми, двинуться въ путь. Я увѣренъ, что завтра вы прибавите геройскую страницу въ исторіи тѣхъ полковъ, къ которымъ имѣете честь принадлежать».

Рѣчь эта воодушевила войска, и они возвратились къ Канбинскому посту съ пѣснями, музыкой, и съ полнымъ сознаніемъ исполненнаго долга.

Наступилъ вечеръ 19-го числа. Отрядъ, совершенно готовый къ движенію, началъ строиться передъ своими палатками. Войска были очень утомлены. Какіе нибудь четыре часа прошли съ того времени, какъ они вернулись изъ боя, въ которомъ люди были надъ ружьемъ съ часу ночи до пяти часовъ пополудни; большинство не успѣло даже заснуть, а между тѣмъ путь предстоялъ дальный и трудный. Намъ нужно было обойти непріятеля, подняться на горы и, такъ сказать, повиснуть надъ головами турокъ въ тотъ моментъ, когда главныя силы атакуютъ ихъ съ фронта.

Когда войска построились, Шелковниковъ обратился къ нимъ съ слѣдующею рѣчью:

«Ребята! можетъ быть завтрашнимъ днемъ закончится наша борьба съ непріятелемъ, мы должны зайти ему въ тылъ. Насъ мало, но мы своими качествами замѣнимъ количество. Съ разсвѣтомъ намъ надо быть на горѣ Нахарчи; до нея далеко; но мы должны быть тамъ рано, — и будемъ во что бы то ни стало. Я знаю, что вы устали,—но вы побѣдите усталость: отъ васъ зависитъ успѣхъ завтрашняго сраженія».

Перейдя Арпачай, отрядъ двинулся безъ дороги, по размытому весеннимъ разливомъ прибрежью. Съ первой же версты начали попадаться отсталые. Шелковниковъ подъѣзжалъ къ нимъ, ласково уговаривалъ «постараться», и его доброе слово оказывало магическое вліяніе. Но по мѣрѣ того, какъ отрядъ шелъ впередъ, число отсталыхъ прибывало, а между тѣмъ самая тяжелая часть пути— Аладжинскія кручи, находились еще впереди. Раздумье брало—дойдутъ-ли утомленныя войска, а если и дойдутъ, то въ состояніи ли будутъ выдержать кровопролитный бой? Но Шелковниковъ зналъ русскаго солдата, и вѣрилъ въ него безусловно.

Въ 8 часовъ утра 20 сентября отрядъ Шелковникова по узкому, извилистому ущелью взобрался на гору Нахарчи, и вдругъ повисъ надъ головою испуганнаго непріятеля, не давая ему опомниться; войска быстро стали спускаться внизъ и выбивать турокъ изъ ихъ ложементовъ. Атака съ тыла поведена была превосходно. А тамъ, вдали, на равнинѣ, уже начиналась канонада, и скоро загремѣли сотни орудій. То шла атака на Авліяръ и Ягны.

Шелковниковъ, съ своимъ конвоемъ стоялъ на высокомъ холмѣ, осыпаемый пулями. „Все идетъ какъ нельзя лучше — говорилъ онъ маіору Ржевусскому, присматриваясь къ пушечному дыму: — Кажется большія Ягны въ нашихъ рукахъ; теперь пойдутъ въ Авліяръ—и тогда полное пораженіе турокъ!» Лицо его сіяло удовольствіемъ. Онъ уже предвкушалъ торжество побѣды—но вдругъ все измѣнилось разомъ. Громъ орудійныхъ выстрѣловъ сталъ затихать и отодвигаться въ сторону. Ясно было, что главная атака не удалась, и что теперь отрядъ Шелковникова будетъ предоставленъ только собственнымъ силамъ. Оказалось, дѣйствительно, что главный корпусъ вовсе не воспользовался выгоднымъ

положеніемъ нашей обходной колонны, потратившей задаромъ столько энергіи, настойчивости и мужества. Ничтожное развитіе наступательныхъ дѣйствій со стороны Авліяра дало возможность туркамъ удержаться на своихъ позиціяхъ, и теперь почти всѣ силы ихъ обратились на слабый отрядъ Шелковникова. Онъ былъ окруженъ почти всею турецкою арміею. Ему приходилось прокладывать дорогу штыками — и онъ бился отчаянно, пока не втянулся, наконецъ, въ глубокое и узкое ущелье, гдѣ не было возможности сохранить порядка.

— «Майоръ — обратился тогда Шелковниковъ къ Ржевусскому — ведите въ цѣпь своихъ казаковъ, благо у васъ есть патроны. Братцы казаки! пойдите, смѣните пѣхоту, задержите турокъ хоть настолько, чтобы намъ выбраться изъ ущелья»... Но спѣшенные казаки естественно не могли остановить напора турецкихъ батальоновъ. Узкое ущелье биткомъ набилось войсками; всѣ части перемѣшались между собою, а турки между тѣмъ надвигались и наконецъ на нашихъ плечахъ ворвались въ то же ущелье. Положеніе отряда казалось безвыходнымъ; но въ эту минуту штабсъ-капитанъ князь Бектабековъ выдвинулъ впередъ четыре горныя орудія и засыпалъ турокъ картечью. Непріятель отшатнулся назадъ. Геройская борьба Бектабекова съ нѣсколькими турецкими батареями, дала намъ возможность на минуту пріостановиться, устроить наши части и тогда уже продолжать отступленіе въ полномъ порядкѣ [1]). Какъ только вышли изъ ущелья, Шелковниковъ быстро свернулъ на другую дорогу и эта предусмотрительность спасла его отъ неминуемой гибели, такъ какъ турки, обойдя отрядъ, сторожили его на старой дорогѣ. Отступленіе 20-го сентября должно занять одну изъ видныхъ страницъ въ кампаніи 1877 года, ибо Шелковниковъ съумѣлъ не только выйти изъ приготовленной ему западни, но спасъ всѣ орудія и не оставилъ въ рукахъ непріятеля ни одного трофея.

Прошли уже сутки, какъ солдаты находились въ безпрерывномъ движеніи, не имѣя даже возможности съѣсть черствый сухарь, или освѣжить запекшіяся уста глоткомъ холодной воды. Ночь застала ихъ на дорогѣ. Отрядъ остановился на берегу Арпачая, и только уже утромъ добрался до своего Канбинскаго лагеря. Здѣсь ожидала его депеша главнокомандующаго. «Появленіе героевъ Канбинскаго отряда на вершинѣ горы Нахарчай—телеграфировалъ Великій князь,—произвело всеобщій восторгъ на Караялѣ. Спасибо героямъ! Жалую по десяти крестовъ на роту, сотню и горную батарею». Дѣло было, дѣйствительно, славное. Шелковниковъ исполнилъ свою задачу блистательно, и если подвигъ его пропалъ безрезультатно — то это была уже не его вина. Во всякомъ случаѣ день 20-го сентября убѣдилъ въ возможности обходнаго движенія аладжинской позиціи и послужилъ прологомъ къ блестящей побѣдѣ 3-го октября.

Вечеромъ 27-го сентября изъ состава главнаго корпуса выдѣлены были 17 батальоновъ пѣхоты, Нижегородскій драгунскій полкъ, нѣсколько сотенъ казаковъ и 54 орудія, которые, подъ начальствомъ генерала Лазарева и отправились уже по знакомой дорогѣ опять въ тылъ непріятельской позиціи. Черезъ нѣсколько дней главнокомандующій потребовалъ къ себѣ Шелковникова и прика-

[1]) Князь Бектабековъ, тоже армянинъ по происхожденію, награжденъ за этотъ подвигъ орденомъ Георгія 4 степени.

залъ ему отправиться къ генералу Лазареву съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ смерти или раны послѣдняго принять начальство надъ его войсками. Шелковниковъ выѣхалъ изъ главнаго лагеря въ 6 часовъ утра, а въ 10-ть пришла телеграмма изъ Дигара отъ Лазарева, что Шелковниковъ прибылъ. До Дигара было болѣе 60-ти верстъ. Какимъ образомъ Шелковниковъ могъ проскакать такое разстояніе, менѣе нежели въ четыре часа — это извѣстно ему одному. По всей вѣроятности, онъ проскакалъ напрямикъ, прямо черезъ непріятельскія пикеты, но и въ такомъ случаѣ ему приходилось сдѣлать 40 верстъ слишкомъ.

Мы не будемъ описывать подробности Авліарскаго боя, еще слишкомъ свѣжаго въ памяти всѣхъ его современниковъ. Мы только скажемъ, что наканунѣ, 2-го октября, Шелковниковъ, командуя авангардомъ Лазарева, овладѣлъ Орлокскими высотами, лежавшими въ тылу непріятеля и, такимъ образомъ, сталъ на самомъ сообщеніи его съ Эрзерумомъ. Какъ только извѣстіе объ этомъ получено было въ главной квартирѣ, Великій Князь немедленно сдѣлалъ распоряженіе, чтобы на слѣдующій день атаковать турокъ всѣми нашими силами.

Наступилъ разсвѣтъ 3-го октября и засталъ наши войска уже въ полной готовности къ битвѣ.

Въ девять часовъ утра 64 орудія изъ отряда генерала Геймана, развернувшись передъ Авліаромъ въ одну огромную батарею, стали засыпать гору массой разрывныхъ снарядовъ. Подъ грохотъ этой канонады колонны двинулись на штурмъ, и турки, сбитые съ Авліарскихъ высотъ, бросились искать спасенія у Визинкева, гдѣ на горахъ сосредоточены были всѣ ихъ резервы, прикрывавшіе дорогу къ Карсу. Но въ ту минуту, какъ Гейманъ быстро шелъ по слѣдамъ отступавшаго непріятеля, Визинкевскія горы послѣдній опорный пунктъ турецкой арміи - внезапно были атакованы съ тылу и взяты генераломъ Шелковниковымъ. Турецкая армія была разрѣзана на двое: часть ея бѣжала по дорогѣ къ Карсу, преслѣдуемая и истребляемая русскою конницею, а другая, отрѣзанная отъ крѣпости, осталась на Аладжѣ и вынуждена была положить оружіе. Непосредственнымъ результатомъ этого славнаго боя и было движеніе русскихъ войскъ къ Арзеруму.

Двухнедѣльное пребываніе Шелковникова въ дѣйствующемъ корпусѣ выказало въ полномъ свѣтѣ его военныя дарованія, и день 3-го октября доставилъ ему высокую военную награду — орденъ св. Георгія 3-й степени. Георгіевскимъ крестомъ началъ и Георгіевскимъ крестомъ закончилъ Шелковниковъ свое боевое поприще.

V.

Послѣ Авліарской битвы, Шелковниковъ уже готовился къ отъѣзду обратно въ Сухумскій отдѣлъ, куда призывали его неотложныя надобности. Тамъ помощь его, дѣйствительно, была необходима, но она еще необходимѣе была на главномъ театрѣ войны, гдѣ для него и готовилось новое, еще болѣе трудное, но болѣе важное назначеніе.

Надо сказать, что атака арзерумскихъ укрѣпленій, предпринятая Гейманомъ, не увѣнчалась успѣхомъ, и наши войска вынуждены были приступить къ блокированію города въ самое трудное и суровое время года. Чтобы облегчить положеніе солдатъ, переброшенныхъ за Саганлугъ и нуждавшихся рѣшительно во всемъ, и въ пищѣ, и въ одеждѣ и въ обуви,—прежде всего нужно было устроить занятый нами край и дать ему прочную администрацію. Великій Князь и поручилъ это дѣло Шелковникову, назначивъ его военнымъ губернаторомъ Арзерумской области. 5-го ноября Шелковниковъ прибылъ въ Гассанъ - Кала и тотчасъ вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей. Онъ долженъ былъ успокоить жителей, снабдить войска продовольствіемъ, устроить коммуникаціонные пути, почты, телеграфы, госпитальную часть. Все это сопряжено было съ громадными хлопотами, потому что ничего рѣшительно не было, а то, что было, находилось въ самомъ печальномъ видѣ. «Можно ужаснуться — писалъ самъ Шелковниковъ: — отъ того, въ какомъ положеніи находятся здѣсь наши больные»... Все это вызвало съ его стороны кипучую, энергическую дѣятельность,— но это-то крайнее напряженіе силъ—и разрѣшилось, какъ полагають, его преждевременною смертью.

Тяжелая блокада Арзерума гибельно отражалась на русскихъ войскахъ, бодро, съ желѣзнымъ терпѣніемъ переносившихъ лишенія, но не могшихъ побѣдить свою человѣческую натуру. Губительный тифъ тысячами укладывалъ въ могилу солдатъ, офицеровъ и генераловъ. Въ борьбѣ съ этимъ бичомъ являлось единственнымъ средствомъ хорошее продовольствіе, а его-то и не было. Арзерумская равнина была опустошена въ конецъ, и турки вывезли съ собою рѣшительно все, не оставивъ ни одного зерна, которое могло бы пойти въ пищу солдатъ. О подвозкѣ изъ Александрополя нечего было и думать. Тогда Шелковниковъ рѣшился самъ объѣхать край, чтобы осмотрѣть въ немъ самыя отдаленныя села. Поѣздка эта продолжалась ровно недѣлю — но результаты ея превзошли всѣ ожиданія. Шелковниковъ успѣлъ собрать болѣе ста тысячъ пудовъ продовольственныхъ припасовъ, и разомъ обезпечилъ отрядъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Вся операція, совершенная Шелковниковымъ, дала экономію казнѣ болѣе милліона, но самому ему стоила жизни.

20-го января, возвратившись изъ своей поѣздки, Шелковниковъ почувствовалъ легкое нездоровье,—повидимому, не внушавшее никакихъ серьезныхъ опасеній, потому что дѣятельность его не прекращалась ни на одну минуту. Къ прежнимъ заботамъ прибавилось теперь еще участіе въ переговорахъ о сдачѣ Арзерума, отнимавшее у него послѣднія минуты отдыха. Переговоры шли успѣшно, но ему не суждено было дожить до радостной минуты паденія столицы Анатоліи. 25-го января онъ отправилъ послѣднее письмо свое къ семейству, находившемуся въ Тифлисѣ,—письмо, полное еще свѣтлыхъ надеждъ и упованій на будущее. Но дни его были уже сочтены, и смерть стояла у его изголовья. Незначительная въ началѣ простуда перешла въ тифъ, и черезъ двѣ недѣли Шелковникова не стало. Онъ скончался 10-го февраля, а 11-го русскія войска торжественно вступили въ столицу Анатоліи.

Въ Тифлисѣ, на берегу Куры, какъ бы глядясь въ мутныя, быстро несущіяся волны ея, стоитъ древній армянскій монастырь Ванкъ. Внутри высокой каменной ограды его виднѣется чугунная рѣшотка, а за ней — на гранитномъ пьедесталѣ большой камень чернаго гранита, наверху котораго высѣченъ крестъ; съ боку короткая надпись на русскомъ и армянскомъ языкахъ: «Генералъ-маіоръ Бебутъ Мартиросовичъ Шелковниковъ. Нуха—1837 г. Гассанъ-Кала—1878 г.».

В. Потто.

Киликскій армянинъ.

Я. К. Алхазовъ.

Генералъ Як. Кайх. Алхазовъ.

Алхазовъ Яковъ Кайхосровичъ, генералъ-отъ-инфантеріи род. въ 1826 г. въ бѣдномъ армянскомъ селеніи въ Тифлисской губ. Горійскомъ уѣздѣ; воспитывался въ 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, по окончаніи котораго былъ зачисленъ въ Л.—гв. Финляндскій полкъ, гдѣ и прослужилъ 20 лѣтъ. Въ 1863 г. Алхазовъ былъ въ составѣ войскъ, командированныхъ для усмиренія польскаго мятежа; въ 1865 г. назначенъ командиромъ Копорскаго полка, а черезъ 9 лѣтъ—бригаднымъ командиромъ 19-ой дивизіи, расположенной на Кавказѣ. Въ русско-турецкую войну 1877—78 г. Алхазовъ былъ назначенъ сначала начальникомъ Кутаисскаго отряда, а затѣмъ соединенныхъ Кутаисскаго, Сухумскаго, Ингурскаго и Гурійскаго отрядовъ, причемъ участвовалъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ. Въ 1878 г. назначенъ командующимъ 41 пѣхотной дивизіей; въ 1883 г.—Кавказскою гренадерскою дивизіей, въ 1885 г. — командиромъ 3-го армейскаго корпуса, а въ 1894 г. — членомъ Военнаго Совѣта. Умеръ въ 1896 г.

ЭНТУЗІАЗМЪ.

Изъ «Orientales» Виктора Гюго.

За Грецію, друзья! на помощь къ ней! впередъ!
Довольно пролилъ крови мученикъ-народъ:
Кровь палачей пускай польется!
Туда! скорѣй туда! отмстить! освободить!...
Гдѣ каска? гдѣ мой мечъ? намъ надобно спѣшить.
Сѣдлать коня!.. Какъ сердце бьется!..

* * *

Когда походъ? Сегодня. Завтра — долгій срокъ.
Оружія! коней! въ Тулонъ — и на Востокъ!
Корабль сюда!.. нѣтъ: лучше крылья!
Пусть нашихъ войскъ хоть клочья въ Грецію придутъ —
И тигры-турки вспять, какъ серны, побѣгутъ,
Въ сознаньи полнаго безсилья!

* * *

Веди насъ ты, Фавье, герой, будь намъ вождемъ!
Прими опасный постъ, ты смѣлъ, тебя мы ждемъ.
Владыкамъ—Греціи свобода
Недорога: они вмѣшаться не спѣшатъ;
Такъ силой въ руки ты возьми, простой солдатъ,
Судьбу злосчастнаго народа!

* * *

Эй, гдѣ вы тамъ? отъ сна очнитесь поскорѣй,
Французскіе мушкеты! гряньте-ка живѣй,
Мортиры, вы — оркестръ сраженій!
Эй, кони! пусть раздастся звонкій топотъ вашъ!
Пусть оросится кровью вражескій палашъ!
Пусть въ пуляхъ дышетъ смерти геній!

Хочу я видѣть бой и въ первомъ быть ряду;
Смотрѣть, какъ нашъ отрядъ въ воинственномъ чаду,
Самъ безпокойно ищетъ боя,
А конница враговъ, нахлынувъ, какъ потокъ,
Насъ топчетъ; какъ снимаетъ головы клинокъ
Дамасской стали... — Полно! что я!

Куда меня увлекъ воинственный порывъ?
Вѣдь я — простой поэтъ... въ моихъ устахъ призывъ
Къ войнѣ звучитъ необычайно.
Кто я? Мечтатель, тѣнь, листокъ съ родныхъ березъ
Оторванный; меня въ туманномъ морѣ грезъ
Волна къ волнѣ несетъ случайно.

Все будитъ мысль мою: цвѣтущія поля,
Лѣса, долины, горы. Листья шевеля,
Промчится-ль вѣтеръ съ легкимъ шумомъ,
Ужъ я на цѣлый день имъ занятъ. А когда
Сгустятся сумерки, на берегу пруда
Я отдаюсь любимымъ думамъ.

Съ небесъ въ зеркальный прудъ глядятся облака;
И медленно луна — какъ золото, ярка —
Изъ-за горы вдали всплываетъ, —
И счастливъ я, витая въ сферѣ мирныхъ грезъ,
И любо мнѣ, когда скрипитъ ночной обозъ
И песъ на фермѣ громко лаетъ.

Тифлисъ,
январь 1897 г.

Иванъ-да-Марья.

Изъ записной книжки художника.

I.

Еще разъ скажу: *реализмъ* картины составляетъ не то, что въ ней реально изображено, а то, что просто, ясно и понятно вводитъ насъ въ извѣстный моментъ, извѣстное событіе, извѣстную мѣстность. Есть не мало художественныхъ произведеній, исполненіе которыхъ реалистично, но самыя эти произведенія, въ цѣломъ, не могутъ быть причислены къ школѣ реализма.

Для поясненія сказаннаго, возьму нѣсколько примѣровъ и прежде всего извѣстную картину Брюллова «Послѣдній день Помпеи», безспорно имѣющую много достоинствъ. Какъ объяснить то, что изображеніе ужаснаго момента мало ужасаетъ зрителя?—Очень просто: художникъ одинаково заботился и о томъ, чтобы дать правдивое изображеніе страшной ночи, и о группировкѣ дѣйствующихъ лицъ, красотѣ линій—въ этомъ достоинство картины для поклонниковъ старой «исторической живописи» и недостатокъ для послѣдователей реалистическаго направленія. Группы и линіи сообщаютъ картинѣ извѣстную размѣренность, холодность—въ натурѣ жители города стадно бѣжали, спасались, не заботясь о томъ, составляютъ они красивыя группы и линіи или нѣтъ.

Затѣмъ, рисунокъ прекрасный, живопись превосходная; но какъ же первый оставилъ ясными, даже рѣзкими, всѣ контуры, не смотря на то, что сцена происходитъ на воздухѣ, ночью, а вторая почти не приняла во вниманіе яркихъ отсвѣтовъ Везувія—раскаленная лава огнедышащей горы видимо тянущаяся далеко впередъ по правой сторонѣ картины, должна была бы дать чрезвычайно сильную красную окраску всѣмъ фигурамъ, а не затронуть ихъ только слегка; иными словами: вся толпа должна была бы быть залита краснымъ свѣтомъ, съ небольшими лишь рефлексами отъ луны, освѣщеніе которой ничтожно, сравнительно съ свѣтомъ отъ громаднаго, до неба поднимающагося, столба краснаго пламени!

Съ этой стороны картина, представляющая изверженіе огнедышащей горы, мариниста Аайвазовскаго, не смотря на примитивность техники, сильнѣе передаетъ впечатлѣніе безотраднаго ужаса событія.

Въ общемъ, повторяю, въ знаменитой картинѣ Брюллова очень много таланта, академическаго знанія и умѣнья, много реальности въ исполненіи, но мало «реализма».

Возьмемъ извѣстную картину другого не менѣе знаменитаго художника Иванова — «Явленіе Христа народу». Изученіе мѣстности и типовъ добросовѣстное, насколько возможно изучать издали—вѣрно передать Палестину по этюдамъ, дѣланнымъ въ Италіи, довольно трудно. Одежды всѣ новы, и надѣты рутинно, по академическому шаблону, особенно на Іоаннѣ Крестителѣ; Крестъ въ рукахъ послѣдняго совсѣмъ не логиченъ—откуда, зачѣмъ онъ? Рисунокъ превосходенъ, но сухъ, контуры обведены точно проволокой, что не понятно на открытомъ воздухѣ. Живопись не такъ блестяща какъ у Брюллова, хотя тоже академически очень умѣла и старательна, но исполненная въ четырехъ стѣнахъ, невѣрна мѣсту, знойной пустынѣ—въ картинѣ нѣтъ воздуха, жары, также важныхъ для общаго впечатлѣнія, какъ и небо и растительность, если не болѣе.

Въ общемъ опять очень много знанія, много наивной своеобразной прелести въ исполненіи, но «реализма» нѣтъ.

Мнѣ скажутъ, что Ивановъ не могъ совершить путешествія въ Палестину, по неимѣнію средствъ—отвѣчу: долженъ былъ! Онъ могъ получить даровой, или очень удешевленный проѣздъ туда и обратно, а на расходы въ св. землѣ хватило бы того, чѣмъ довольствуется большинство паломниковъ, т. е. того, что стоило путешествіе по Италіи.

За то въ Палестинѣ художникъ сразу напалъ бы на типы аскетовъ въ родѣ Крестителя и учениковъ его, странствующихъ купцовъ и др. лицъ, изображеніе которыхъ стоило—судя по этюдамъ—большихъ розысковъ, громадныхъ трудовъ и все таки не дало удовлетворительныхъ результатовъ. Бѣлоручки, ученики Крестителя, съ Иваномъ, будущимъ богословомъ, во главѣ, расчесавшимъ и чуть не напомадившимъ свои волосы—конечно, не имѣютъ ничего общаго съ типами анахоретовъ, до сихъ поръ ютящихся въ пескахъ и пещерахъ Іорданскаго берега.

Извѣстно, что Іоаннъ Креститель не стригъ и не чесалъ своихъ волосъ—можетъ быть въ продолженіи 20—30 лѣтъ—значитъ они были сбиты у него въ длинныя, до пояса, пряди, родъ колтуна, который и теперь можно видѣть у факировъ, дающихъ обѣтъ не трогать своихъ волосъ. Откуда же парикъ чудесныхъ съ маслянистымъ отблескомъ, безспорно умѣло подстриженныхъ волосъ, на головѣ проповѣдника? Откуда, какъ уже замѣчено, новенькій, чистенькій, правильными, академическими складками лежащій плащъ?

Ни пятна, ни дырочки или какой иной зазоринки на этомъ плащѣ, служившемъ, конечно, постелью и покрываломъ по ночамъ, также какъ защитою отъ солнца и непогоды днемъ.

Исполнено реально, а «реализма» нѣтъ.

Скажутъ еще: Вы слишкомъ требовательны; не всѣ имѣютъ возможность путешествовать, не всѣ имѣютъ средства и здоровье для этого, не всѣ, наконецъ, согласятся перемѣщаться.—Тѣмъ хуже для нихъ!

Вотъ крупный русскій художникъ задумавшій писать большую картину изъ жизни Христа, понимавшій необходимость съѣздить для этого въ Палестину, собиравшійся туда, прособиравшійся, непопавшій и надѣлавшій изъ-за этого промаховъ, въ своемъ добросовѣстнѣйшемъ трудѣ.

Вотъ очень талантливый французскій художникъ, получившій отъ англичанъ заказъ написать нѣсколько картинъ изъ войны съ Ашантіями, не рѣшившійся перемѣститься на время, для ознакомленія съ природою и людьми изъ Парижа въ Африку и тоже надѣлавшій ошибокъ, потому что типы, пейзажъ и самыя концепціи картинъ—сраженій въ Африкѣ—отзываются шаблономъ, реляціею, французскимъ военнымъ шикомъ.

Вотъ прекрасный нѣмецкій художникъ, изображая на огромномъ полотнѣ сцену прорыва при Седанѣ французской кавалеріи, черезъ ряды Германской пѣхоты, представляетъ группу прусскихъ солдатъ смѣющихся во всю глотку надъ непріятельскими кирасирами!—Онъ вѣдь не былъ никогда въ разгарѣ боя, сказалъ мнѣ одинъ нашъ общій знакомый, когда я замѣтилъ ему эту несообразность, утрировку—тѣмъ хуже, если онъ не былъ!

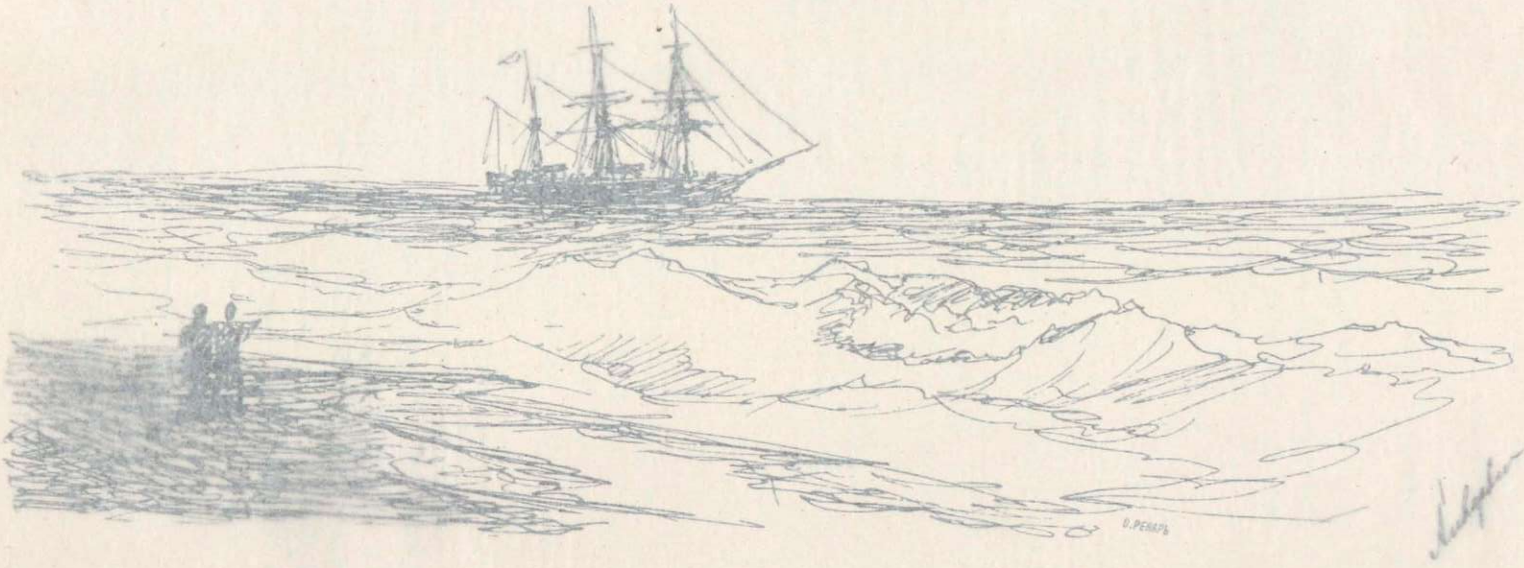
Еще примѣръ: бывалый зритель найдетъ, что пейзажъ снѣговыхъ горъ не вѣрно передаетъ горную природу: воздухъ де на этихъ высотахъ иной, онъ рѣзче, тѣни сильнѣе и т. д., а ему отвѣтятъ: «да, это правда, но художникъ страдаетъ одышкою, онъ только разъ поднялся на высоту и, не смотря на все желаніе, не могъ провѣрить свое первое впечатлѣніе.»—Зрителю, публикѣ, критикѣ нѣтъ дѣла до этихъ резоновъ—въ искусствѣ болѣе чѣмъ въ чемъ другомъ трудности исполненія не принимаются въ разсчетъ и цѣнится лишь результатъ; чтобы было—а какъ, какимъ образомъ это достигнуто, до этого нѣтъ дѣла.

Я лично полагаю, что для всѣхъ дѣятелей на поприщѣ наукъ, искусствъ и литературы, для ученыхъ, художниковъ, литераторовъ и даже музыкантовъ, путешествія составляютъ хорошую школу, просто необходимость: въ нашъ вѣкъ развитія пароходства и желѣзныхъ дорогъ, не пользоваться средствами передвиженія, не учиться на живой лѣтописи исторіи міра—значитъ вырывать самыя интересныя страницы изъ книги своего бытія...

II.

Еще яснѣе, чѣмъ на приведенныхъ примѣрахъ, можетъ быть прослѣженъ недостатокъ реализма, при значительной долѣ реальности въ исполненіи, на одномъ новомъ полотнѣ, тоже очень большихъ размѣровъ: «Покореніе Сибири Ермакомъ».—Писалъ очень талантливый реалистъ, но произведеніе въ общемъ представляетъ какую-то апоѳеозу браваго атамана и его товарищей. Авторъ потра-

Свѣжая погода

Свѣжая погода — ориг. рис. И. К. Айвазовскаго.

Исполнено реально, а «реализма» нѣтъ.

Скажутъ еще: Вы слишкомъ требовательны; не всѣ имѣютъ возможность путешествовать, не всѣ имѣютъ средства и здоровье для этого, не всѣ, наконецъ, согласятся перемѣщаться.—Тѣмъ хуже для нихъ!

Вотъ крупный русскій художникъ задумавшій писать большую картину изъ жизни Христа, понимавшій необходимость съѣздить для этого въ Палестину, собиравшійся туда, пересобравшійся, непопавшій и надѣлавшій изъ-за этого промаховъ, въ своемъ добросовѣстнѣйшемъ трудѣ.

Вотъ очень талантливый французскій художникъ, получившій отъ англичанъ заказъ написать нѣсколько картинъ изъ войны съ Ашантіями, не рѣшившійся перемѣститься на время, для ознакомленія съ природою и людьми изъ Парижа въ Африку и тоже надѣлавшій ошибокъ, потому что типы, пейзажъ и самыя концепціи картинъ—сраженій въ Африкѣ—отзываются шаблономъ, реляціею, французскимъ военнымъ шикомъ.

Вотъ прекрасный нѣмецкій художникъ, изображая на огромномъ полотнѣ сцену прорыва при Седанѣ французской кавалеріи, черезъ ряды Германской пѣхоты, представляетъ группу прусскихъ солдатъ смѣющихся во всю глотку надъ непріятельскими кирасирами!—Онъ вѣдь не былъ никогда въ разгарѣ боя, сказалъ мнѣ одинъ нашъ общій знакомый, когда я замѣтилъ ему эту несообразность, утрировку—тѣмъ хуже, если онъ не былъ!

Еще примѣръ: бывалый зритель найдетъ, что пейзажъ снѣговыхъ горъ не вѣрно передаетъ горную природу: воздухъ де на этихъ высотахъ иной, онъ рѣзче, тѣни сильнѣе и т. д., а ему отвѣтятъ: «да, это правда, но художникъ страдаетъ одышкою, онъ только разъ поднялся на высоту и, не смотря на все желаніе, не могъ провѣрить свое первое впечатлѣніе.»—Зрителю, публикѣ, критикѣ нѣтъ дѣла до этихъ резоновъ—въ искусствѣ болѣе чѣмъ въ чемъ другомъ трудности исполненія не принимаются въ разсчетъ и цѣнится лишь результатъ; чтобы было—а какъ, какимъ образомъ это достигнуто, до этого нѣтъ дѣла.

Я лично полагаю, что для всѣхъ дѣятелей на поприщѣ наукъ, искусствъ и литературы, для ученыхъ, художниковъ, литераторовъ и даже музыкантовъ, путешествія составляютъ хорошую школу, просто необходимость: въ нашъ вѣкъ развитія пароходства и желѣзныхъ дорогъ, не пользоваться средствами передвиженія, не учиться на живой лѣтописи исторіи міра—значитъ вырывать самыя интересныя страницы изъ книги своего бытія...

II.

Еще яснѣе, чѣмъ на приведенныхъ примѣрахъ, можетъ быть прослѣженъ недостатокъ реализма, при значительной долѣ реальности въ исполненіи, на одномъ новомъ полотнѣ, тоже очень большихъ размѣровъ: «Покореніе Сибири Ермакомъ».—Писалъ очень талантливый реалистъ, но произведеніе въ общемъ представляетъ какую-то апоѳеозу браваго атамана и его товарищей. Авторъ потра-

Свѣжая погода — ориг. рис. И. К. Айвазовскаго.

тилъ много труда на частности, но упустилъ изъ вида главное: фактъ сравнительной легкости, съ которою огромная область была завоевана, *благодаря превосходству вооруженія.* Что казакамъ нужны были храбрость, неустрашимость, смѣтливость—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, но что Ермакъ въ Сибири, какъ Кортесъ въ Америкѣ, своими баснословными успѣхами обязанъ въ большой мѣрѣ пушкамъ и ружьямъ, которыхъ у туземцевъ не было и которыя наводили на нихъ настоящій ужасъ—это тоже безспорно.

Оба завоевателя *издали* разгоняли многотысячныя толпы противниковъ, невыносившихъ не только дѣйствія пуль и ядеръ, но и грома выстрѣловъ, такъ что въ плотную имъ не приходилось встрѣчаться;—въ тотъ часъ, что Ермаку пришлось бы столкнуться съ несмѣтными полчищами Кучума такъ близко, какъ представлено на картинѣ, онъ пропалъ-бы!

Затѣмъ непонятно, почему отличные стрѣлки, какими всегда считались сибиряки, цѣля изъ страшныхъ въ ихъ рукахъ луковъ въ группу Ермака съ товарищами чуть не въ упоръ, не могутъ попасть въ глазъ, ухо, шею и т. п.?

Почему опытные въ боевомъ дѣлѣ и вороватые казаки неразумно подставляютъ себя подъ выстрѣлы, стоятъ, да еще въ кучкѣ, а не лежатъ на днѣ своихъ лодокъ?

Почему казаки одѣты въ формы XVIII столѣтія? Почему въ XVI вѣкѣ, они стрѣляютъ ружьями XVIII, кремневыми, а не фитильными—что на два столѣтія упреждаютъ изобрѣтеніе кремневыхъ курковъ.

Почему, наконецъ, въ картинѣ столько битюма, что она совсѣмъ рыжая—воздухъ на Иртышѣ и на другихъ сибирскихъ рѣкахъ столь же прозраченъ какъ вездѣ и въ немъ нѣтъ битюмныхъ тоновъ!

* *
*

Говорятъ, реализмъ сплошь и рядомъ влечетъ за собой безсиліе техники, слабость исполненія въ рисункѣ и краскахъ—это говорятъ псевдоклассики и можно только отвѣтить на это: очень жаль! потому что художественная техника—это грамматика, безъ знанія которой никакія стремленія въ искусствѣ не серьезны и походятъ на замыслы младенца.....

Теперь уже настало время, когда слово «реалистъ» перестало быть браннымъ въ искусствѣ, когда реализмъ, ставши крѣпко на ноги, завоевавши право гражданства, пересталъ быть пугаломъ консервативныхъ кумушекъ. Роль страшилища «колебателя уставовъ» переходитъ къ импрессіонистамъ, символистамъ, декадентамъ—по правдѣ сказать, довольно невиннымъ колебателямъ—покамѣстъ идущимъ ощупью, но вскорѣ вѣроятно имѣющимъ выработать изъ всѣхъ своихъ попытокъ и пробъ—систему. Проявленія жизни такъ разнообразны, и выраженія этихъ проявленій такъ обязательно измѣнчивы, что сомнѣваться въ этомъ нельзя.

Пожелаемъ нарождающейся школѣ столько же терпѣнія и настойчивости въ трудѣ, сколько проявили реалисты во всѣхъ своихъ манифестаціяхъ въ наукѣ, литературѣ и искусствѣ, прежде чѣмъ добились своего теперешняго положенія.

Пока въ работахъ юныхъ школъ не достаетъ связи, усидчивости, но это только пока, и можно надѣяться, что дружными усиліями молодыхъ талантовъ

новаго направленія выработаются взгляды и понятія, которые составятъ серьезный вкладъ въ сокровищницу человѣческаго духа.

Девятнадцатый вѣкъ прошелъ въ борьбѣ различныхъ проявленій этого духа, отъ умиравшаго классицизма, черезъ романтизмъ, до реализма включительно и торжествомъ этого послѣдняго онъ заканчивается. Но новыя вѣянія уже дающія себя знать—вѣянія пока не ясныя, слабыя, малопонятныя—и весьма вѣроятно, что къ серединѣ XX столѣтія насъ зачислятъ въ разрядъ старыхъ колпаковъ, идеалистовъ, а декадентскія потуги конца нынѣшняго вѣка выработаются въ связное стройное цѣлое—только какое?

Какъ далеко и въ какомъ направленіи новая школа пойдетъ? Какую боевую кличку она приметъ?....

Говорятъ, что слѣпой сказалъ: увидимъ! этимъ слѣпымъ будемъ мы—навѣрное не увидимъ!

В. Верещагинъ

Зейтунецъ на покосѣ.

И. К. Айвазовскій.

Не многимъ изъ художниковъ удалось пройти столь долгій и славный жизненный путь, какъ маститому художнику Ивану Константиновичу Айвазовскому. 17-го іюля текущаго 1897 года ему исполнится 80 лѣтъ отъ роду, а въ 1895 г. онъ праздновалъ 60-ти лѣтіе своей художественной дѣятельности, ознаменовавъ его выставкою многочисленныхъ произведеній своей вѣчно-юной, неутомимой, не признающей бремени лѣтъ, кисти. — Съ 1847 г. И. К. признанъ профессоромъ Академіи художествъ, въ 1885 г., по случаю 50-ти-лѣтняго юбилея онъ получилъ Владиміра 2 ст., а въ 1895 г. чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

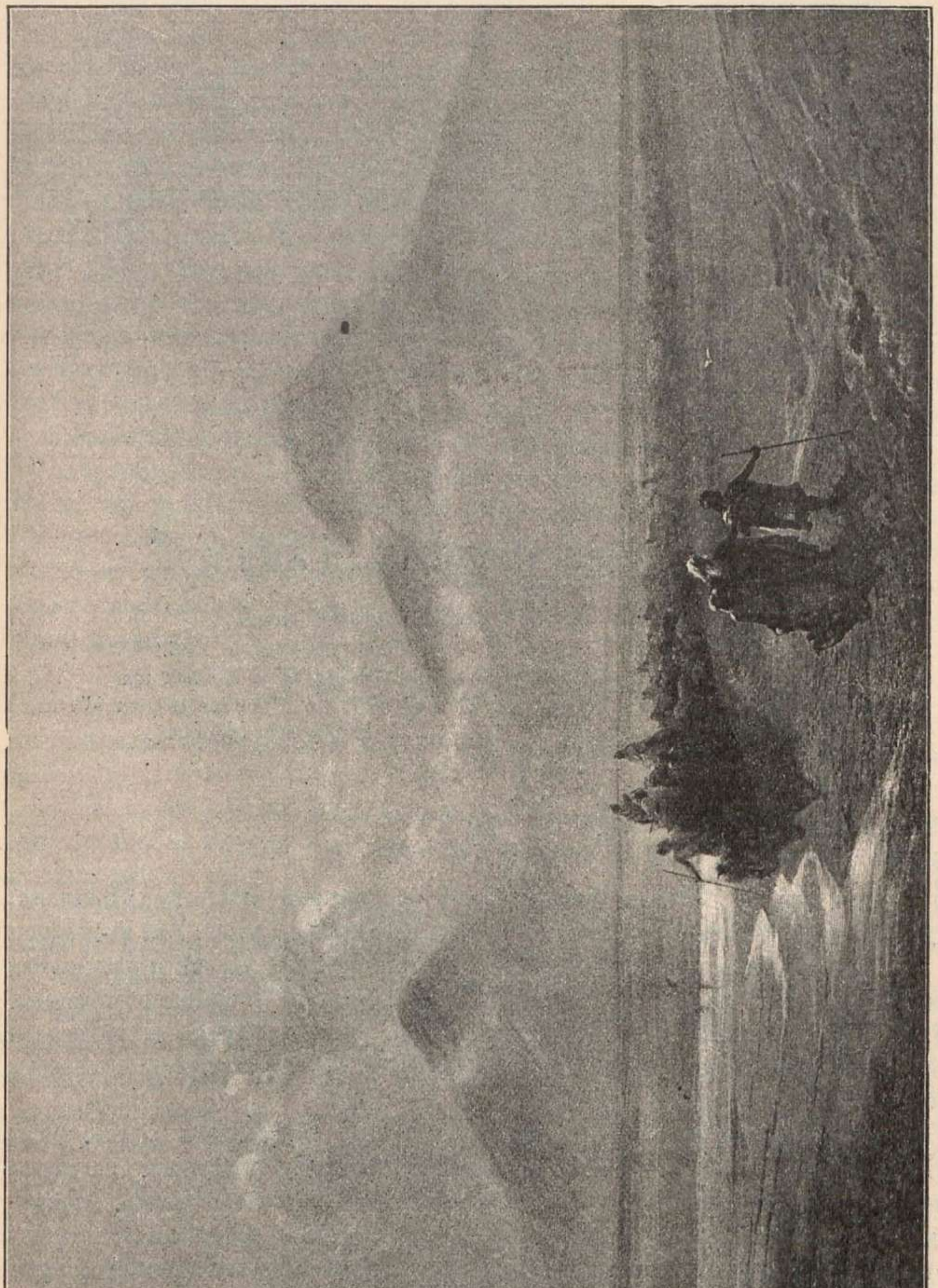
По происхожденію И. К. крымскій армянинъ. Польское же окончаніе фамиліи объясняется тѣмъ, что родъ его принадлежалъ къ галиційскимъ армянамъ, пере-

селившимся въ Европу послѣ разрушенія столицы Багратидовъ Ани. Родился И. К. въ гор. Θеодосіи и уже съ самыхъ юныхъ лѣтъ поражалъ всѣхъ необыкновенными способностями къ живописи. Благодаря участью Θеодосійскаго городскаго головы Казначеева [1]), юный живописецъ получилъ возможность зарабатывать средства для своей нуждающейся семьи, а затѣмъ довершить свое художественное воспитаніе въ Академіи художествъ, гдѣ онъ былъ принятъ стипендіатомъ Николая I.

Начавшееся съ начала 30-хъ годовъ художественное творчество великаго мариниста безпрерывно продолжается доселѣ. Счетъ его произведеніямъ давно потерянъ. Безконечная, вѣчно-юная, вѣчно-подвижная стихія, дивная красота коей внушила эллинамъ, экспертамъ въ дѣлѣ красоты, сдѣлать ее колыбелью богини любви и красоты, — нашла въ неутомимомъ художникѣ своего талантливаго, вдохновеннаго истолкователя, почти не разлучнаго съ своей любимицею. Начиная отъ всемірнаго потопа и перехода евреевъ черезъ Чермное море и кончая открытіемъ Америки, осадою Севастополя и событіями послѣдней турецкой войны, Айвазовскій исчерпалъ, можно сказать, всѣ сюжеты, гдѣ море и вода играетъ выдающуюся роль.—Извѣстность Айвазовскаго всемірная. Не говоря ужъ о многочисленныхъ иностранныхъ орденахъ, И. К. удостоился рѣдкой и столь цѣнимой художниками чести написать собственный портретъ для извѣстной международной коллекціи портретовъ лучшихъ художниковъ, находящейся во Флоренціи въ галлереѣ Уфичи и открывающейся собственноручнымъ портретомъ Рафаэля.

Для настоящаго сборника И. К. Айвазовскій прислалъ изъ Ниццы 4 рисунка: «Турки нагружаютъ армянъ на пароходъ», «Турки выгружаютъ армянъ въ Мраморное море», «Сошествіе Ноя съ Арарата» и «Корабль на морѣ».

[1]) Признательный И. К. Айвазовскій построенный имъ на свой счетъ Θеодосійскій городской водопроводъ назвалъ именемъ своего благодѣтеля.

Айвазовскій.— Ной послѣ потопа.

Фантазія на трагедію „Гамлетъ".

...Ernst und stumm
In seinen Thoren jede Nacht
Geht die begrab'ne Freiheit um
Und winkt den Männern auf der Wacht.
Freiligrath. „Hamlet".

I.

Среди суровой сѣверной природы Даніи раскинулось мѣстечко Эльзиноръ. Осенняя ночь застаетъ зрителя у стѣнъ королевскаго замка. Уже за-полночь. Луны не видно, она скрыта облаками. Въ бѣлесоватомъ сумракѣ вырѣзываются очертанія башенъ стариннаго рыцарскаго замка. Вокругъ—таинственная тишина. Лишь изрѣдка завываетъ въ бойницахъ вѣтеръ, шумятъ старыя ели, донесется тоскливый звонъ башеннаго колокола да слышится неугомонный ропотъ морскихъ волнъ...

Жутко стражѣ, оберегающей входы и выходы королевскаго замка. Вотъ уже которую ночь старый замокъ посѣщается страннымъ видѣніемъ. Безмолвно мелькаетъ оно по дворцовымъ переходамъ—блѣдное, грустное,—видимо, страдающее, точь въ точь какъ призраки старинныхъ преданій, предвѣщающіе годину бѣдствій. Невольно спрашиваешь себя: о чемъ страждетъ безпокойный призракъ? Для чего покидаетъ онъ свою нетлѣнную оболочку, чтобы, воплотившись на краткій срокъ, исчезнуть при первой попыткѣ уловить его? Найдетъ-ли успокоеніе этотъ неземной грустно-блуждающій Духъ человѣческій въ земной обстановкѣ—въ странѣ потерь и скорби? Его ли мѣсто здѣсь?...

Такіе-же, повидимому, вопросы задаютъ себѣ трое людей, проводящихъ ночь у воротъ эльзинорскаго замка: ученый педантъ—многоумный Гораціо—и двое страж-

никовъ—Бернардо и Марцелло, болѣе отважныхъ и простодушныхъ, чѣмъ ученыхъ, приведшихъ сюда Горацiо объяснить имъ необъяснимое.

Но Гамлетъ, ставши во-очiю лицомъ къ лицу съ тѣнью, называетъ ее именемъ «своего отца, властителя, героя, полубога»,—заклинаетъ говорить, не дать «погибнуть въ незнанiи». Таково обращенiе пылкой души къ Духу, первоисточнику ея существованiя. Для Гамлета мало искать призракъ, ловить его неясныя очертанiя—«въ сiянiи луны», этого недостаточнаго, слабаго свѣта мысли, скупо свѣтящаго «слѣпцамъ отъ природы". Онъ хочетъ глубокаго проникновенiя въ тайну Духа. Невѣдомая даль, куда зоветъ Духъ своего возлюбленнаго сына, заставляетъ на мгновенiе колебаться, но это только—«слова, слова, слова»... Чужая жизнь, какъ, напримѣръ, впослѣдствiи жизнь Короля, еще составляетъ для него предметъ вопроса,—когда же дѣло идетъ о его собственной жизни, то она для Гамлета—«ничтожнѣе булавки». И онъ идетъ за призракомъ получить отвѣтъ на вѣковѣчный вопросъ:—что дѣлать?—what should we do?

Эта сцена передаетъ въ лицахъ исторiю юношескаго разочарованiя, а также исторiю Духа (Ghost), обнаруживающаго любимому сыну тайну своей гибели и такимъ образомъ вводящаго его въ настоящую общечеловѣческую жизнь посредствомъ объясненiя истиннаго смысла людскихъ отношенiй. Идеалистъ ошеломленъ откровенiемъ. Недаромъ Гамлетъ, слѣдуя за призракомъ (spirit), вдругъ останавливается:

Куда ведешь ты? Стой. Я дальше не иду.

Онъ какъ бы предчувствуетъ утрату прежняго спокойствiя и надвигающуюся борьбу.

И Духъ не медлитъ призвать человѣка на служенiе себѣ:—Mark me.—Онъ какъ бы хочетъ сказать: сосредоточь все вниманiе на мнѣ, забудь обо всемъ, предайся мнѣ...

— I will,—отвѣчаетъ Гамлетъ, и этому союзу, заключенному въ два слова, внимаетъ лишь пустынный берегъ моря, небо да скалы.

Призракъ изчезаетъ съ первымъ «вѣянiемъ утренняго вѣтерка». Гамлетъ въ безсилiи порывается за нимъ, волоча по землѣ опущенный мечъ, еще недавно готовый подняться за все благое въ мiрѣ. Еще не-задолго до того имѣвшiй право глядѣть на божiй мiръ болѣе спокойными глазами, теперь нравственно перерожденный Гамлетъ все «сотретъ съ страницъ воспоминанья». Первое же общенiе съ Духомъ повлекло за собою потерю вѣры въ то, что было когда-то свято юношѣ: дѣтскiя грезы, добродѣтель матери,—

Всѣ изреченья книгъ, всѣ впечатлѣнья,

Минувшаго слѣды, плоды разсудка

И наблюденья юности...

все, что осталось по ту сторону просвѣтленiя Духомъ. Прежде, когда Гамлетъ оплакивалъ смерть отца, печалился о легкомыслiи матери, видна была личная, чисто-семейная печаль юноши, впервые принимающаго удары судьбы, неизбѣжные по большей части для каждаго вступающаго въ жизнь: такая скорбь еще не выходитъ за предѣлы свойственныхъ всѣмъ испытанiй и печалей... Но вотъ,

если оказывается, что отецъ его—„герой, полубогъ»—не умеръ естественною смертью, а умерщвленъ насильно, и что убійца, родной братъ покойнаго, вмѣсто того, чтобы нести кару за убійство, склоняетъ еще на грѣхъ кровосмѣшенія вдову своей жертвы,—то это уже не разочарованіе въ прочности людского счастія,—это еще поправимая утрата,—а разочарованіе въ самомъ человѣкѣ, самое глубокое и гибельное, скорбь общественная, общечеловѣческая.

Такимъ образомъ въ завязкѣ трагедіи набросана картина развитія человѣческаго духа, уже съ первыхъ шаговъ самостоятельнаго мышленія пораженнаго несоотвѣтствіемъ идеала съ жизнью. Позорная дѣйствительность встала передъ просвѣтленнымъ взоромъ Гамлета, и онъ немедленно жаждетъ внести въ нее свѣтлыя начала.

— «О, проклятая ненависть (къ злодѣйству) за то, что я вынужденъ обосновать ее справедливостью (по неувѣренности въ злодѣйствѣ)“!—такова буквальная передача словъ, вложенныхъ Шекспиромъ въ уста героя, вооружающагося на борьбу съ людскимъ зломъ. Обосновать ненависть справедливостью—таковъ лозунгъ, съ которымъ Гамлетъ ринется въ эту борьбу.

II.

Взглядъ на Гамлета, какъ на героя только занимательнаго представленія, наиболѣе соотвѣтствовалъ безхитростному времени Шекспира, развѣ за небольшими исключеніями. Современемъ возникъ вопросъ, нельзя ли извлечь нравственный смыслъ изъ художественной фабулы трагедіи, и вотъ заговорили о внутренней сторонѣ творчества Шекспира. Началась вѣчно-юная исторія пріуроченія Шекспира къ обстоятельствамъ вѣка и среды современныхъ тому комментатору, который брался толковать поэта. Всякій человѣкъ какого бы то ни было темперамента и общественнаго положенія найдетъ въ твореніяхъ генія именно то, что хочетъ, въ чемъ нуждается, все равно какъ въ Библіи, по выраженію Рюмелина. Противники такихъ пріемовъ находили, что нельзя переводить языкъ XVI в. по словарю XIX в., т. е. иными словами, что значеніе и сила выраженія словъ теряются съ теченіемъ времени. Хотя подобныя мнѣнія съ одной стороны исключаютъ, повидимому, всякую возможность толкованія Шекспира, за то съ другой—какъ бы признаютъ самый широкій произволъ въ пониманіи языка XVI в. по мѣркѣ вѣка XIX-го. Выборъ ясенъ: или вовсе отказаться отъ стремленія понять Шекспира, или понять его условно, навязывая ему культуру вашей современности, то, что, по словамъ Гете,—называется духомъ времени и что, въ сущности, ничто иное, какъ личное ваше мнѣніе, въ которомъ духъ вѣка отраженъ. Но не такъ то легко отказаться отъ своей личности. Да и нужно ли это?

Современная философія въ лицѣ Дюринга, Спенсера, Гюйо и друг. перестаетъ интересоваться исключительно метафизической стороной дѣла, стараясь уловить утилитарный смыслъ отвлеченнаго мышленія. Наше общество болѣе,

чѣмъ всякое другое, ждетъ борца противъ себя же, спасителя отъ себя же самого, отъ своихъ слабостей и пороковъ; и у поэта оно ищетъ путей къ новому,— въ сущности, никогда не умирающему старому идеалу нравственности и красоты. Стоящіе на перепутьѣ между свѣтомъ и тьмой колеблются, какъ въ сказкѣ: пойти ли направо въ поиски за героемъ, избавляющимъ отъ гнетущаго состоянія потери идеаловъ и найти тамъ, быть можетъ, гибель, или обратиться влѣво на призывъ темной ночи, еще глубже погрузиться въ чувственныхъ ощущеніяхъ и безконечно спать разнѣживающимъ животнымъ сномъ.

Въ такомъ настроеніи читатель берется за комментаріи къ трагедіи «Гамлетъ»,—и вдругъ узнаетъ, что герой ея—ничто иное, какъ слабодушный мечтатель, почти неврастеникъ, растрачивающій жаръ своего сердца и дѣятельности на громкія фразы во вредъ его же собственному дѣлу. Но такой взглядъ вредилъ бы всего болѣе самому читателю, гипнотизируя его проповѣдью безволія и разврата реторики. И вотъ если прислушаться къ тѣмъ, кто смотритъ на Гамлета обращая болѣе вниманія на альтруистическую сторону его характера, а не съ метафизической точки зрѣнія, то можно найти въ немъ и любвеобильное самоотверженіе аскета, и геройскій подвигъ рыцаря.

Не произошла ли та неясность и двойственность, которая бросается въ глаза каждому, сколько-нибудь внимательному, читателю «Гамлета», изъ-за несоотвѣтствія грубой оболочки возвышенному содержанію, скрытому въ трагедіи? Не сдѣлалъ ли Шекспиръ уступки вкусу современниковъ съ цѣлью провести типъ идеалиста, самъ по себѣ мало понятный толпѣ — «сброду клерковъ, лордовъ, мясниковъ» и т. д.? Осуществляя въ «Гамлетѣ» свою личную мечту, поэтъ, конечно, могъ желать сдѣлать ее въ то же время доступной пониманію массы. Желаніе его сбылось въ большей мѣрѣ, чѣмъ даже онъ ожидалъ. Толпа и до сихъ поръ очаровывается «Гамлетомъ», а множество толкователей употребляютъ всѣ усилія осмыслить это очарованіе толпы. Мечта поэта должна была обладать исключительнымъ интересомъ и могуществомъ, чтобы производить такое впечатлѣніе на разстояніи почти трехъ столѣтій. Невольно возникаетъ сомнѣніе, безусловно ли безгрѣшенъ общераспространенный взглядъ такъ прочно, повидимому, установившійся на сущность любимой трагедіи Шекспира?

Если бы «Гамлетъ» представлялъ только анализъ слабой воли, подобно анализу ревности, какъ въ «Отелло», или честолюбія въ «Макбетѣ», мы могли бы удивляться выказанному поэтомъ мастерству или приходить въ ужасъ отъ правдиваго изображенія разнузданной страсти, но никогда мы не ощутили бы того томящаго, почти мистическаго чувства, какое охватываетъ зрителя по мѣрѣ развитія драмы Датскаго Принца.

Среди насъ большинство достаточно закалено для того, чтобы въ борьбѣ съ самимъ собою добиваться какихъ-либо результатовъ, хотя бы въ видѣ куска трудового хлѣба. Въ этомъ смыслѣ намъ можетъ быть даже чуждымъ этотъ гордый, праздный принцъ. Слѣдовательно, и картина страданій человѣка, отягощеннаго бездѣятельностью, еще не такъ близка нашему сердцу. Наоборотъ, что бы тамъ ни говорили, мало сочувствія возбудилъ бы къ себѣ нищій духомъ, на чьи слабыя плечи прихотью судьбы возложенъ богатырскій подвигъ: эта ничѣмъ не прикрытая язва слабодушія насъ попросту отталкиваетъ. Что до того,

что Гамлетъ, по выраженію Гете, — «высоко-нравственное существо, которому не достаетъ только силы духа для совершенія своего дѣла», — вѣдь, такой недостатокъ есть именно случайность, а случайное не подлежитъ вѣдѣнію искусства, какъ все ненормальное, больное, не подчиняющееся здравымъ законамъ жизни.

Слѣдуетъ уяснить точнѣе, въ чемъ заключается недоговоренность трагедіи. Вообразимъ молодого человѣка съ благороднымъ и пылкимъ сердцемъ, только что окончившаго образованіе, немного меланхолика, какъ всѣ даровитые юноши. При самомъ вступленіи въ жизнь ему приходится столкнуться съ самыми ужасными и низменными ея сторонами. Мало этого: нравственный долгъ обязываетъ его въ связи съ этимъ отмстить за смерть отца. Мало и этого: жена покойнаго и его братъ, — стало-быть мать и вотчимъ, тѣсно связаны, какъ оказывается, съ дѣломъ убійства и кровосмѣшенія. Кто не содрогнется при мысли о такомъ сцѣпленіи обстоятельствъ въ связи съ той ролью, какую приходится съиграть самому въ этомъ омутѣ порока? Было бы странно думать, что мщеніе совершится немедленно. Препятствіями до нѣкоторой степени служатъ чистота и молодость мстителя, его неопытность въ житейскомъ обиходѣ, необычность положенія, родственныя чувства, — можетъ-быть, неумѣнье владѣть оружіемъ или отвращеніе къ убійству, если мы поймемъ мщеніе въ средне-вѣковомъ духѣ. Однако, затрудненія, подобныя перечисленнымъ, не имѣютъ значенія для Гамлета, по крайней мѣрѣ на нихъ, какъ на основу трагическаго столкновенія, нѣтъ прямыхъ указаній у Шекспира: наоборотъ, Гамлетъ вполнѣ готовъ къ мщенію, мечемъ владѣетъ, какъ искусный воинъ и, — какъ дѣтище своего времени, не гнушается убійствомъ, уничтожая Полонія, Розенкранца, и т. д. Допустимъ даже, что мщеніе за отца такое священное дѣло, передъ которымъ блѣднѣютъ всѣ препятствія, — тѣмъ не менѣе это мщеніе все-таки совершается не сразу, а послѣ неоднократныхъ колебаній, обусловленныхъ какими-то особыми причинами.

Въ трагедіи, вообще, не дано разгадки поведенія Гамлета; однако, можно утверждать, что причины эти не во внѣшнихъ затрудненіяхъ. Это чувствуется само собою, помимо всякихъ доказательствъ. У Гамлета есть болѣе глубокія основанія, кореняціяся внѣ его темперамента. А если это такъ, то вопросъ о слабой волѣ или о несоотвѣтствіи силы духа съ громадностью предстоящаго дѣла устраняется самъ собою, потому что тогда пришлось бы говорить о трусости Гамлета, объ отсутствіи у него понятія долга и даже о бѣдности его умственныхъ и душевныхъ качествъ. Что же останавливаетъ его въ немедленномъ совершеніи мести, когда, по его словамъ, въ немъ для дѣла—

И сила есть, и средства, и желанье,—

когда онъ стоитъ головою выше своей среды?

Въ основу «Гамлета» положены самыя широкія задачи реальной жизни, разрѣшеніемъ которыхъ зритель всегда заинтересованъ несравненно болѣе, чѣмъ изображеніемъ, даже геніальнымъ, какой-либо отдѣльной, хотя бы самой возвышенной страсти. Анализъ нерѣшительности соединенъ въ «Гамлетѣ» съ чѣмъ-то такимъ нравственно прекраснымъ, что представляетъ эту слабую волю законною и сильною. И если сказать, что въ «Гамлетѣ» заключенъ цѣлый міръ,

то это будетъ, конечно, общее мѣсто, и въ то же время весьма неопредѣленное «опредѣленіе». Тѣмъ не менѣе именно оно болѣе всего отвѣчаетъ нашей задачѣ, потому что въ Гамлетѣ и его окружающихъ дѣйствительно заключенъ цѣлый міръ своеобразныхъ отношеній и характеровъ, даже типовъ. И если позволительно каждому глядѣть на божій міръ собственными глазами, то мы зададимся вопросомъ, что прежде всего бросается въ глаза, если повнимательнѣе разсмотрѣть «Гамлета», исключая, конечно, внутреннія красоты или внѣшніе недостатки трагедіи?

Это не стремленіе героя къ мести, а тотъ горячій протестъ противъ среды, противъ окружающихъ, противъ самого себя, наконецъ, — дѣтища этой среды, — который выливается въ отповѣдяхъ и монологахъ Гамлета. А онъ можетъ быть способенъ на это — «высоко-нравственное существо, истинный принцъ, способный править государствомъ такъ, чтобы не было препятствій доброму гражданину оставаться добрымъ» — (Гете) и — еще добавимъ отъ себя — такъ, чтобы препятствовать злому дѣлать зло. Вотъ почему трагедія не привлекаетъ насъ съ точки зрѣнія борьбы Гамлета только съ собою, внѣ его боевого отношенія къ окружающему обществу. Гамлетъ понимаетъ смыслъ своего призванія только въ связи съ той обстановкой, среди которой ему приходится жить и дѣйствовать. Онъ прежде всего человѣкъ—все равно, рѣшительный или нерѣшительный, — а человѣку, какъ члену общества, всегда предстоитъ борьба болѣе или менѣе рѣшительная. Борьба же съ самимъ собою только подготовляетъ его къ борьбѣ со свойственною ему средою, вѣрнѣе—зломъ этой среды. Поэтому анализъ Гамлета можетъ интересовать только какъ средство къ анализу окружающей героя среды—и это тѣмъ болѣе, что настроеніе творчества Шекспира проникнуто дѣятельнымъ началомъ, здравымъ понятіемъ жизни, элементомъ борьбы, а не безсилія и хилости. По Аристотелю, «трагедія невозможна безъ дѣйствія, а безъ характеровъ она еще возможна». Но Гамлетъ удовлетворяетъ и тому, и другому условію Аристотеля. Если борьба героя съ самимъ собою и съ окружающими составляетъ внѣшнее дѣйствіе трагедіи, то смыслъ этой борьбы объясняется исключительно свойствами характера Гамлета. А такъ какъ Гамлетъ въ борьбѣ руководится всецѣло указаніями совѣсти и только одной совѣсти,—то это ставитъ его на исключительную высоту, какъ идеально-добросовѣстнаго дѣятеля, какъ типъ, почти идеалъ истинно-человѣческаго борца за истину и справедливость.

III.

... Итакъ, шпаги сверкаютъ. Литавры вторятъ пушкамъ,—

Король за здравіе Гамлета пьетъ
И въ кубокъ перлъ бросаетъ многоцѣнный.

Можно подумать, что при такой праздничной обстановкѣ совершается дѣло величайшей красоты, величайшаго милосердія... Да, вѣдь, оно такъ на самомъ

дѣлѣ и есть, стоитъ только вспомнить смерть Гамлета. Уже получившій смертельную рану, подавленный послѣднимъ неожиданнымъ открытіемъ, онъ еще находитъ въ себѣ достаточно нравственной силы, чтобы въ трогательныхъ выраженіяхъ простить предательство Лаэрта... Съ какою радостью хватается король за остатокъ угасающей жизни:

— «Друзья, спасите! Я лишь только раненъ», — умоляетъ онъ, вызывая смятеніе въ толпѣ придворной челяди. Нѣкоторые бросаются къ нему на помощь, другіе—обезоруживаютъ Гамлета; женщины сбиваются въ кучу, многія изъ нихъ въ страхѣ убѣгаютъ.

Такъ ли принимаетъ свой жребій Гамлетъ? Онъ преклоняется передъ смертью, какъ истинный философъ, желая видѣть во всемъ нѣчто законченное:

Горацію, я умираю,
Могучій ядъ ужъ побѣдилъ мой духъ...

Даже передъ смертью слышится что то вродѣ отголоска чуткой совѣсти Гамлета, все же страдающаго отъ самосуда надъ Розенкранцемъ и Гильденстерномъ:

Вѣстей изъ Англіи я не услышу.

Гамлетъ какъ бы проситъ прощенія у тѣней казненныхъ по его винѣ Розенкранца и Гильденстерна, косвенно указывая, что онъ самъ искупаетъ свою вину смертью. — «Ты имъ разскажешь все», — намекаетъ онъ и на народъ, которому слѣдуетъ объяснить истинную причину убійства Клавдія. Гамлетъ не тѣшится самообманомъ и только старается какъ бы плодотворнѣе была даже его кончина. Умирая онъ заботится о передачѣ престола достойному преемнику, но, передавая вѣнецъ Фортинбрасу, уроженцу суровой Норвегіи, онъ этимъ самымъ утверждаетъ смертный приговоръ надъ самобытностью разрушающейся Даніи.

... Здравствуй, племя младое, незнакомое!

Болѣе мужественное новое поколѣніе смѣняетъ поколѣніе умирающее; болѣе живучая культура смѣняетъ культуру, истощившую непосредственность силъ рефлексіею. Представители этихъ противоположныхъ эпохъ — Фортинбрасъ и Гамлетъ. Идеалисты, подобные Гамлету, служатъ духовными звеньями между двумя эпохами. Принадлежа всецѣло наступающей эпохѣ, они тѣмъ не менѣе гибнутъ искупительными жертвами эпохи прошедшей, создавшей и воспитавшей ихъ. Иначе, какой смыслъ въ смерти Гамлета? Онъ только что совершилъ дѣло давно ожидаемаго возмездія; онъ порѣшилъ съ своими сомнѣніями, возстановивъ свой идеалъ добра и чести. Тутъ ему только бы и жить,—

Онъ все величіе царя явилъ бы,
Когда бъ остался живъ.

Гамлетъ самъ говоритъ:

О, еслибъ время я имѣлъ,
Я разсказалъ бы вамъ...

Но все значеніе такого борца въ томъ именно и заключается, чтобы пасть въ борьбѣ. Этотъ законъ жизненнаго прогресса съ неумолимой логикой примѣняется

особенно къ смѣльчакамъ, пытающимся противостать цѣлому обществу. Авторы разрушенныхъ системъ, общественныхъ отношеній и обязанностей первые наносятъ удары разрушителю. Если можно примѣнить слова Гончарова о Чацкомъ къ Гамлету, то онъ — «сломленъ количествомъ старой силы, нанеся ей въ свою очередь смертельный ударъ качествомъ силы свѣжей. Онъ—вѣчный обличитель лжи, спрятавшейся въ пословицу: одинъ въ полѣ не воинъ. Нѣтъ, воинъ, — и притомъ побѣдитель, но передовой воинъ, застрѣльщикъ и всегда жертва». За то толпа, видя дикую расправу, отвертывается отъ палачей и бросается на свѣтъ занимающейся зари, воспѣтой погибшимъ пророкомъ — все равно, какъ на войнѣ солдаты съ двойнымъ рвеніемъ устремляются на непріятеля, видя гибель передового отряда. «Гамлетъ—человѣкъ праздничный, рѣшительно непригодный для нашей будничной жизни, какъ и она непригодна для него» (Берне). Но въ чемъ же тогда нравственный законъ? Въ томъ ли, что гибнетъ невинная Корделія, Дездемона, Офелія, наконецъ, Гамлетъ? Намъ мало удовлетворенія въ томъ, что ихъ палачи будутъ наказаны «здѣсь» или «тамъ». Можетъ быть отыщутъ такъ называемую трагическую вину ни въ чемъ неповинныхъ жертвъ? Но даже и не важно, виновенъ ли Гамлетъ: не всегда вина губитъ виноватаго. Наоборотъ, допустимъ полную невинность Гамлета,—пусть въ насъ укрѣпится сознаніе, что эти признанные виновники лишь невинныя жертвы общечеловѣческаго прогресса, однако запомнимъ также, что «мысль о погибшей, но не униженной добродѣтели — болѣе очищаетъ нашу душу», чѣмъ, такъ называемая «примирительная развязка» (Н. И. Стороженко). Само по себѣ такое паденіе стоитъ иной побѣды. Философъ видитъ смыслъ въ исканіи истины, а не въ обладаніи ею. Тамъ, гдѣ сталкиваются двѣ правды, становятся на сторону той, которая опирается на внутренній законъ, а не на силу внѣшняго. Поэтому намъ и дорогъ Гамлетъ, какъ хранитель справедливости, а не король— представитель права. Аристотель говоритъ объ эстетическомъ и безболѣзненномъ наслажденіи трагической піесой, несмотря на всѣ ея ужасы. Трагедія «Гамлетъ» только потому и оставляетъ умиротворяющее впечатлѣніе, что мщеніе Гамлета обусловлено идеей справедливости, проведенной героемъ послѣдовательно до самой минуты своей смерти.

Даже такихъ филистеровъ, какъ Гораціо, трогаетъ участь Гамлета. Гораціо воодушевляется до того, что самъ жаждетъ сострадать ему... Онъ хочетъ отпить отъ отравленнаго сомнѣніями кубка Гамлета, — изъ «кубка пѣнящагося отвѣдать вѣчно-жизненной браги, свой скудный сосудъ согрѣть на мгновеніе творческою силою, все созидающей собою изъ себя». Но Гамлетъ не признаетъ за нимъ права на это. Кто, какъ ни этотъ кабинетный труженикъ, повѣдаетъ міру о дѣлахъ Гамлета? Роль Гораціо, какъ друга Гамлета, ясно опредѣлена. Онъ служитъ регуляторомъ уму Гамлета, какъ Лаэртъ — показателемъ его добросовѣстности. Гамлетъ прибѣгаетъ къ другу всякій разъ, лишь только нужна повѣрка мысли по фактическому матеріалу, разложенному по отдѣленіямъ мозга Гораціо. Въ одномъ только Принцъ не совѣтуется съ Гораціо, — это въ убійствѣ короля, совершенномъ по внутреннему убѣжденію совѣсти. Не хладнокровнаго нападенія изъ-за угла на молящагося и кающагося грѣшника ждала его совѣсть. Какое страшное и вмѣстѣ прекрасное зрѣлище представляетъ мститель, когда тутъ же,

покончивъ счеты съ противникомъ и даже съ собственною жизнью, онъ бросается на короля, еще возбужденный поединкомъ, съ горящими глазами и прерывистымъ дыханіемъ!.. Мечъ слишкомъ благородное оружіе для злодѣя, притомъ же мечъ и сломленъ въ поединкѣ, — Гамлетъ выхватываетъ кинжалъ и поражаетъ злодѣя прямо въ сердце. Теперь особенно ясно, почему Гамлетъ не убилъ короля на представленіи. Тамъ надо было только показать толпѣ изнанку королевской добродѣтели. Это было нравственнымъ торжествомъ Гамлета, удовлетвореніемъ его совѣсти. Послѣ этого онъ ждалъ такого же публичнаго злодѣйства, чтобы къ нравственному присоединить юридическій поводъ къ наказанію. При такомъ стеченіи обстоятельствъ Гамлетъ и совершаетъ его надъ преступникомъ, застигнутымъ не келейно, какъ это могло быть въ опочивальнѣ за молитвой, а передъ лицомъ всего общества, въ оргіи новыхъ преступленій, и не довольствуется удовлетвореніемъ только личной страсти, но служитъ дѣлу общей справедливости. Дорогою цѣною оплачивается это короткое торжество. Входящій Фортинбрасъ застаетъ только тѣло Гамлета. распростертое у ногъ королевы.

Гамлетъ не изъ числа людей, забывающихъ свои сыновнія обязанности изъ увлеченія чувствомъ общественнаго долга. Наоборотъ, послѣднее обусловлено у него горячею любовью къ отцу и скорбью о матери. Гамлетъ падаетъ въ борьбѣ, но его паденіе есть вмѣстѣ съ тѣмъ торжество не только его великодушнаго сердца, но и торжество сыновней любви къ родителямъ.

Все миновало: слава, любовь, философія, — осталось одно только чувство къ матери, давшей когда то ему жизнь и теперь косвеннымъ образомъ отнимающей ее. Давно-ли Гамлетъ, предчувствуя недоброе, порывался уѣхать въ Виттенбергъ и остался только по просьбѣ матери! Гамлетъ все забылъ и простилъ ей. Она все-таки ему мать, и въ душѣ еще живы незлобиво-младенческія чувства. Дѣтскія грезы всплыли наружу изъ-за суровыхъ дѣяній погибшаго бойца; лампада затеплилась въ душѣ умирающаго—и на мгновеніе озарила идеальный образъ матери—такой, какимъ онъ долженъ жить въ сердцѣ каждаго по дѣтскимъ воспоминаніямъ. Смертельно-раненый принцъ съ трудомъ подползаетъ къ тѣлу матери и, взглянувъ на нее въ послѣдній разъ, падаетъ мертвымъ у ея ногъ.

.... Спи мирно
Подъ свѣтлыхъ ангеловъ небесный хоръ!
Громъ барабановъ ближе...

Наступила весна. Появились ранніе цвѣты Даніи, зазеленѣли долины, а жизнь полная расцвѣтшихъ силъ уже окончилась. Идеальные завѣты принца сходятъ со сцены подъ «свѣтлыхъ ангеловъ небесный хоръ», а новыя идеи овладѣваютъ полемъ жизненной битвы подъ звуки барабанной трескотни.

Подачею голоса въ пользу приближающагося Фортинбраса Гамлетъ какъ бы бросаетъ въ глаза обществу укоръ въ томъ, что оно не стоитъ такого руководителя, какъ Гамлетъ. По судьбѣ своей боецъ, онъ и умираетъ, какъ боецъ, въ свой смертный часъ подставляя обществу зеркало, которое не разъ подносилъ ему при жизни: страною будетъ править Фортинбрасъ—дѣятель въ мѣру разсуждающій, въ мѣру дѣйствующій; его подданными будутъ аккуратные Гораціо, безвредные философы-обыватели, которымъ безопасно и пріятно жить на бѣломъ свѣтѣ. Будущее Шекспиръ отдаетъ имъ.

Завиднѣе, чѣмъ когда-либо, увѣнчалъ Фортинбрасъ свои завоевательныя стремленія. Ему достается то, что по всѣмъ правамъ должно было принадлежать Гамлету. И какъ подумаешь, что эта добыча стоила жизни такому человѣку, какъ Гамлетъ, то невольно хочется, чтобы ужъ лучше погибла цѣлая армія, чѣмъ одинъ такой человѣкъ. И это болѣе всего потому, что армія — понятіе безличное, а Гамлетъ въ высшей степени оригинальная индивидуальность, champion дѣла всей своей жизни — то, что называется полный человѣкъ.

Какой свѣтильникъ разума угасъ!
Какое сердце биться перестало!

Въ этихъ строкахъ, сопоставляющихъ «разумъ» и «сердце»,—вся краткая и вмѣстѣ съ тѣмъ полная характеристика Гамлета. И если въ передѣлкѣ Дюма и Мерисъ «Гамлетъ» заканчивается появленіемъ Духа-отца въ ту именно минуту, когда Гамлетъ закалываетъ короля, то можетъ быть въ самомъ дѣлѣ это—наицѣльнѣйшее заключеніе трагедіи,—этой исторіи смятеннаго Духа человѣческаго, представителемъ котораго на землѣ неоднократно будетъ его дѣтище Гамлетъ.

С. Малаховъ

Адалія (Киликія).

Трагикъ Адамьянъ.

Петросъ Адамьянъ (+3 іюня 1890 г.) родился въ гор. Требизондѣ въ бѣдной армянской семьѣ. Будучи одаренъ выдающимися природными способностями, онъ быстро усвоилъ, кромѣ родного армянскаго, турецкій, французскій, англійскій, италіанскій, греческій языки и отчасти русскій. Игралъ онъ на армянскомъ языкѣ и иногда на французскомъ. Первые дебюты Адамьяна были въ Константинополѣ, затѣмъ онъ объѣхалъ армянскія сцены на Кавказѣ. Гастроли его въ Петербургѣ и въ Москвѣ въ началѣ 80—хъ годовъ обратили въ свое время вниманіе печати и знатоковъ и любителей драматическаго искусства.

Адамьянъ выступалъ въ тѣхъ же роляхъ, что и Росси и Сальвини. Отелло въ воплощеніи Адамьяна могъ смѣло поспорить съ игрою Сальвини. Въ Гамлетѣ же онъ создавалъ такой изящный и симпатичный образъ героя-мученика нравственнаго долга, который все время держалъ въ напряженномъ состояніи вниманіе потрясенной публики.—По отзыву знатоковъ и нашихъ артистовъ [1]) Адамьянъ вводилъ не одинъ новый штрихъ въ этотъ безконечный собирательный типъ всемірнаго репертуара вѣчно юнаго датскаго принца.

Въ брошюрѣ г. Габріэльяна приводится такой отзывъ Адамьяна объ этой неисчерпаемой роли: «меня поражаетъ громадное обиліе, печатное обиліе критической литературы о Гамлетѣ, а между тѣмъ весь *психологическій вопросъ* сосредоточенъ только на опредѣленіи общаго значенія—*о волѣ* и *безволіи?!*

По мнѣнію моему, *воля невмѣняема*, какъ блескъ ночной, звѣзды, какъ лучъ румянаго разсвѣта. Воля не есть отвлеченное начало. Воля есть—*я*!

Молодой принцъ Гамлетъ неизмѣнно представляетъ полное совмѣщеніе этихъ сплетающихся и расплетающихся человѣческихъ *я*, имя которымъ *легіонъ*.

[1]) Въ сборникѣ „*Призывъ*“ напечатана довольно подробная біографія Адамьяна.

Гамлетъ:—онъ „человѣкъ“ и онъ «идеалъ» и онъ *несовмѣстимость воли!*

Гамлетъ—говорятъ—есть непроницаемая *двойственность и загадка?*

А вѣдь „двойственности“ въ этомъ мірѣ совершенно нѣтъ—горячился Адамьянъ:

А нѣтъ потому, что духовное расчлененіе человѣка *на плоть* и на *гармо-*

П. Адамьянъ въ роли Гамлета.

ническую связь этой плоти съ одухотворяющимъ ее элементомъ, есть одно и тоже, что *человѣкъ и тѣнь его*!

При этомъ Адамьянъ декламировалъ: «*Я Царь, я рабъ, я червь, я Богъ*!»

Адамьянъ имѣлъ также талантъ къ живописи и особенно удавались его цвѣты и женскія головки и въ частности типъ Офеліи.

По отзыву армянскихъ критиковъ Адамьянъ создалъ новую школу въ армянской лирической поэзіи. Приводимъ изъ названной брошюры одно стихотвореніе Адамьяна, озаглавленное „*Къ моимъ пѣснямъ*“:

Улыбки, слезы, вдохновенье,
На жизненномъ моемъ пути,
Восторги, чувства, пѣснопѣнье—
Я васъ хранилъ въ моей груди.....

*
* *

Я создалъ,—я,— для васъ темницу—
Лишилъ васъ солнечныхъ лучей;—
У рощъ похитилъ я пѣвицу,
Луну и звѣзды—у ночей....

*
* *

Теперь я васъ освобождаю,
Открывши вамъ у сердца дверь,
И съ вами мысленно взлетаю;—
Летите..... „вольные“—теперь.....

*
* *

Идите, дѣтки вы поэта,—
Его причудливой мечты,—
Идите вы на лоно свѣта,
На лоно „вѣчной красоты“....

*
* *

Идите къ небу и блаженству....
Въ тотъ міръ невѣдомый... иной...
Цѣлуйте руку совершенству:
Тому, кто создалъ міръ земной.....

*
* *

Направьтесь къ людямъ.... съ силой свѣта,—
Плѣняйте нѣжностью сердца,—
Что наполняла грудь поэта:
Отъ колыбели...... до конца!

Араратъ.

Древняя страна Урарту (Араратъ) и слѣды ассиро-вавилонской культуры на Кавказѣ.

Одною изъ важныхъ задачъ исторической географіи является точное опредѣленіе центровъ древнѣйшихъ культуръ человѣчества и предѣловъ ихъ распространенности въ разныя стороны среди различныхъ народовъ и мѣстностей міра. Самыми древнѣйшими культурами человѣчества, генетически связанными съ культурнымъ развитіемъ Востока и Запада въ историческій періодъ, нужно считать египетскую и ассиро-вавилонскую. Были ли эти двѣ культуры по своему происхожденію независимы одна отъ другой или, что всего вѣроятнѣе, обѣ произошли изъ одного общаго источника—это такой вопросъ, на который еще нельзя дать точнаго отвѣта при нынѣшнемъ положеніи знанія. Въ своемъ развитіи эти культуры совершенно различны и подлежатъ каждая особому изслѣдованію. Очагомъ ассиро-вавилонской культуры являются древне-месопотамскія царства, основанныя въ эпоху за 5 или болѣе тысячъ лѣтъ до Р. Х. въ южныхъ предѣлахъ Месопотаміи, около Персидскаго залива. За 2 тысячи лѣтъ до Р. Х. возникаетъ на Евфратѣ вавилонское царство со своимъ всемірно-историческимъ центромъ—Вавилономъ; затѣмъ еще сѣвернѣе, на Тигрѣ, выступаетъ одноплеменная съ Вавилономъ Ассирія, сперва въ качествѣ провинціи Вавилона, а затѣмъ въ качествѣ соперника и наконецъ — міровой монархіи, покорившей себѣ и Вавилонъ,

и всѣ окрестныя страны. Вавилонское и ассирійское царства были несомнѣнно семитскія; о древнѣйшихъ месопотамскихъ царствахъ нельзя сказать этого же съ рѣшительностью; вѣрнѣе всего они были не семитскія. Вавилонскій языкъ, называемый въ наукѣ ассирійскимъ,—чисто семитскій, весьма близкій къ еврейскому; на немъ говорили всѣ народы средней и южной Месопотаміи. Литература и ученость были распространены и имѣли особые центры, въ которыхъ, какъ нынѣ въ большихъ библіотекахъ, собраны были колоссальныя массы литературнаго творчества разныхъ эпохъ и разнообразнаго содержанія.

Но ассиро-вавилонская культура не заключалась только въ предѣлахъ Месопотаміи среди народовъ ассиро-вавилонскаго племени. Всѣ народы Передней Азіи, въ то или другое время, въ той или другой степени, воспринимали блага вавилонской цивилизаціи. Въ позднѣйшую эпоху этому содѣйствовали ассирійскіе походы и завоеванія, но въ настоящее время достовѣрно извѣстно, что за 15 вѣковъ до Р. Х., т. е. еще до выступленія Ассиріи, какъ міровой державы, вавилонская культура была въ большомъ распространеніи среди народовъ Сиріи, Палестины и сѣверной Месопотаміи. Языкъ вавилонскій съ своими клинообразными письменами былъ уже тѣмъ аппаратомъ, посредствомъ котораго происходилъ обмѣнъ сношеній между отдѣльными независимыми народами, напр. Египтомъ и Вавилономъ, равно какъ дипломатическимъ языкомъ въ иностранныхъ государствахъ, напр. въ Египтѣ, гдѣ фараоны сносились съ своими провинціями въ Сиріи и Палестинѣ на вавилонскомъ языкѣ. Языкъ ассиро-вавилонскій былъ понятенъ всюду и при изученіи его народомъ, не принадлежавшимъ къ вавилонскому племени, трудная система клинообразнаго шрифта, очевидно, не составляла существенныхъ препятствій. Однимъ словомъ, онъ былъ тѣмъ, чѣмъ теперь языкъ французскій, и если одинъ изъ современныхъ мыслителей, именно Эрнестъ Ренанъ, назвалъ французскій языкъ универсальнымъ и вѣчнымъ языкомъ цивилизаціи, то за 15 вѣковъ до Р. Х. вавилонскіе ученые могли съ еще большимъ правомъ сказать то же самое о своемъ языкѣ. Современная культура не можетъ быть названа французскою, между тѣмъ какъ культура передняго Востока въ ту отдаленную эпоху была сплошь ассиро-вавилонскою, и вавилонскій языкъ былъ вполнѣ приспособленнымъ органомъ распространенія этой культуры. Огромныя литературныя сокровища вавилонскаго происхожденія переписывались на глиняныхъ дощечкахъ и распространялись по свѣту, и нужно предположить, что въ самыхъ отдаленныхъ отъ Востока мѣстностяхъ, у иноплеменныхъ народовъ созидались школы, семинаріи, въ которыхъ учили чрезвычайно трудной ассирійской грамотѣ, по безконечнымъ таблицамъ знаковъ, силлабаріямъ и тому подобнымъ пособіямъ, образцы которыхъ въ неисчерпаемомъ множествѣ имѣются въ настоящее время въ Британскомъ музеѣ. Вполнѣ очевиднымъ доказательствомъ этого можетъ служить найденный въ концѣ 80-хъ годовъ въ Египтѣ дипломатическій архивъ, состоящій изъ переписки фараоновъ съ властителями Азіи и донесеній его намѣстниковъ изъ Сиріи и Палестины. Вся эта переписка, относящаяся къ 14 вѣку до Р. Х., велась на вавилонскомъ языкѣ. Академіи, библіотеки, служившія разсадниками этой учености, несомнѣнно еще лежатъ гдѣ-нибудь засыпанными землей не только въ предѣлахъ Ассиріи и Вавилона, но и въ Сиріи, Палестинѣ, Малой Азіи, на верховьяхъ Евфрата и даже, быть можетъ, въ нашей Эриванской губерніи и Карсской области.

Вмѣстѣ съ вавилонскимъ языкомъ распространялись и вавилонское искусство, предметы бытовой жизни и, что всего важнѣе, формы того юридическаго быта, которыя созданы были въ древне-месопотамскомъ мірѣ. Вавилонская культура выработала понятіе о правахъ гражданина настолько точное и законченное, что по громадному числу юридическихъ документовъ древней Вавилоніи и Ассиріи скоро удастся возстановить науку вавилонскаго права, въ которомъ уже признанъ нѣкоторыми выдающимися юристами Германіи и Франціи первообразъ римскаго права. На международныхъ, торговыхъ и другихъ сношеніяхъ въ древнемъ мірѣ лежитъ печать той универсальной мысли, того высоко-гуманнаго направленія, какими отмѣчены всѣ произведенія чисто-вавилонской культуры. Только въ позднюю эпоху Ассирія съ своими завоевательными стремленіями и военными репрессаліями внесла элементъ нѣкотораго варварства въ международныя отношенія и допускала чрезмѣрное злоупотребленіе правомъ сильнаго. Но въ эпоху древнѣйшую, за 15 столѣтій до Р. Х., мы видимъ трогательное братство народовъ, живой обмѣнъ благами цивилизаціи и высокое матеріальное благосостояніе народовъ передняго Востока.

Въ этотъ періодъ развитія человѣчества, когда міръ былъ по преимуществу вавилонскимъ, насъ интересуютъ не однѣ только крупныя историческія величины, какъ Ассирія, Вавилонъ, Египетъ, но и тѣ меньшія историческія народности, которыя принадлежали въ то время къ семьѣ культурныхъ народовъ и были разсадниками вавилонской культуры на болѣе или менѣе отдаленныхъ отъ центра краяхъ. Особенный интересъ представляютъ въ настоящее время народности Сиріи и Палестины, памятники которыхъ въ обиліи начинаютъ появляться на свѣтъ Божій. Среди народовъ этой мѣстности жилъ и великій—не по своему политическому значенію, но по своей религіозной миссіи — народъ еврейскій, изъ нѣдръ котораго вышла универсальная религія христіанства, и которому также обязана своимъ появленіемъ чисто-оріентальная религія многомилліоннаго современнаго Востока—мусульманская. Но мы уже имѣемъ возможность поднять завѣсу неизвѣстнаго въ ту отдаленную эпоху Палестины, когда еще тамъ не было еврейскаго народа. Еще задолго до того времени, когда Моисей привелъ избранный народъ Божій къ предѣламъ земли обѣтованной, Палестина имѣла свою исторію, и мы уже имѣемъ памятники этой исторіи на вавилонскомъ языкѣ, который былъ въ то время господствующимъ въ тѣхъ мѣстностяхъ.

Но спеціально русскую науку должны въ особенности занимать тѣ народности, которыя въ эпоху ассиро-вавилонскую заселяли мѣстность Кавказа и оставили тамъ памятники своей жизни. Несмотря на то, что изслѣдованіе Закавказья въ этомъ отношеніи началось еще очень недавно, мы имѣемъ уже, по найденнымъ и изслѣдованнымъ памятникамъ, вполнѣ точный географическій и историческій матеріалъ, который даетъ намъ возможность судить о прошломъ этихъ мѣстностей за 8 вѣковъ до Р. Х. и нарисовать географическую карту Закавказья въ разбираемый нами періодъ *).

*) Подробное и документальное изложеніе всѣхъ данныхъ по этому вопросу читатели могутъ найти въ моемъ трудѣ: *Клинообразныя надписи Закавказья*. Матеріалы по Археологіи Кавказа, собранные Экспедиціями Императ. Московскаго Археологическаго Общества, Вып. V. 1896. Въ настоящее время армянскій переводъ этого сочиненія печатается въ органѣ венеціанскихъ мхитаристовъ *Bazmavep*.

На сѣверѣ Месопотаміи, на верховьяхъ Тигра и Евфрата и около озеръ Вана, Урміи и Гокчайскаго жило многочисленное племя, не имѣющее никакого родства съ семитскими племенами Сиріи и Месопотаміи. Въ ассирійскихъ памятникахъ X и IX вѣка до Р. Х. оно называлось собирательнымъ именемъ странъ Наири. Во второй половинѣ IX в. эти племена собираются въ одно государство, которое въ ассирійскихъ памятникахъ называется страною *Урарту*, въ еврейскихъ библейскихъ книгахъ *Араратомъ* (имена эти тождественны). Центръ этого царства первоначально былъ на сѣверѣ въ горной странѣ, если не около самого Большаго Арарата, въ предѣлахъ Эриванской низменности, то во всякомъ случаѣ сѣвернѣе Ванскаго озера. Ассирійскій царь Салманассаръ, чтобы достигнуть средоточія этого царства, долженъ былъ подняться на горы, лежавшія на сѣверѣ Вана, и уже послѣ совершенныхъ побѣдъ спустился внизъ къ Ванскому озеру. Въ виду того, что Эриванская низменность между горами Араратомъ и Алагёзомъ по сіе время называется Айраратскою областью, весьма вѣроятно, что въ этой низменности, въ предѣлахъ, ограниченныхъ вышеназванными горами, находилось первоначально царство Урарту. Но въ послѣдствіи, въ первой половинѣ VIII в., центръ этого царства, всего вѣроятнѣе по стратегическимъ соображеніямъ, переносится на югъ, къ восточнымъ берегамъ Ванскаго озера, гдѣ находится нынѣшній городъ Ванъ. Огромная неприступная ванская скала съ окружающими ее хребтами служила передовымъ оплотомъ для новаго царства въ его войнахъ съ ассирійцами. Здѣсь въ продолженіи болѣе ста лѣтъ царствуетъ династія изъ 6 царей, преемственно отъ отца къ сыну передававшихъ свою власть; въ лицѣ этой династіи выступаетъ на всемірно-историческое поприще одинъ изъ самыхъ сильныхъ противниковъ, какихъ имѣла великая ассирійская монархія. Почти ежегодно ассирійскіе завоеватели предпринимаютъ походы въ эту горную мѣстность на энергическое племя урартійцевъ или араратцевъ, которое не только даетъ сильный отпоръ ассирійцамъ, но даже, на сколько можно судить по оставшимся памятникамъ, переходитъ въ наступленіе, съ явнымъ намѣреніемъ оспаривать ту роль міровой державы, какую присвоила себѣ Ассирія. Передъ эпохою Тиглатъ-Пилесера III, т. е. въ первой половинѣ VIII в., перевѣсъ явно былъ на сторонѣ Урарту, весь сѣверъ и частію западъ ассирійской монархіи перешелъ въ руки Урарту. Вѣсы колебались и могло случиться, что вмѣсто семитскаго племени племя урартское будетъ обладать міромъ и направлять ходъ всемірной исторіи. Но перемѣна правленія и неожиданный подъемъ силъ спасъ Ассирію. Страна Урарту была побѣждена, но при слѣдующемъ царѣ Саргонѣ урартскій царь Руса или Урса, какъ называютъ его ассирійскія надписи, поднялъ весь сѣверъ и западъ противъ Ассиріи, произошло ужасное единоборство племенъ урартскаго и семитскаго, окончившееся пораженіемъ перваго.

Памятниками этого періода остались многочисленныя надписи, которыхъ открыто по настоящее время около ста; ключъ къ нимъ найденъ, но языкъ надписей не удалось еще отожествить ни съ одною изъ извѣстныхъ намъ лингвистическихъ группъ. Поэтому этнографически точно опредѣлить это племя пока нельзя; отсюда и разнообразныя наименованія его — алародійскимъ, урартскимъ, ванскимъ, халдейскимъ; всѣ эти названія пока условныя. Очень можетъ быть, что среди многочисленныхъ кавказскихъ горцевъ найдутся гдѣ-нибудь потомки

этого нѣкогда великаго народа. На своемъ національномъ языкѣ страна эта называлась не Урарту, какъ въ ассирійскихъ надписяхъ, а Біайна, имя, которое можно считать тожественнымъ съ нынѣшнимъ названіемъ города Вана. Большая часть надписей находится въ самой цитадели Вана и въ окрестностяхъ Вана, равно какъ на сѣверныхъ берегахъ Ванскаго озера. Но попадаются надписи и въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ Вана, именно около Урміи къ востоку и около Эрзерума къ сѣверозападу. Наконецъ 25 надписей найдены въ предѣлахъ нашего государства, въ Эриванской губерніи и Карсской области. Эти 25 надписей, помимо своего историческаго и лингвистическаго значенія, представляютъ и не малый географическій интересъ. Многія изъ надписей находятся на скалахъ и повѣствуютъ о завоеваніи странъ, о строеніи городовъ, дворцовъ, проведеніи каналовъ и т. п. Мѣстоположеніе надписей даетъ намъ часто прямое указаніе на положеніе странъ, городовъ и каналовъ, упоминаемыхъ въ надписяхъ. Безъ всякаго сомнѣнія, большинство географическихъ именъ ничего не имѣютъ общаго съ нынѣшнимъ названіемъ мѣстностей, но по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ уже по сіе время могутъ быть отождествлены съ современными названіями, а впослѣдствіи удастся, быть можетъ, и остальныя названія пріурочить къ нынѣшнимъ мѣстностямъ.

Судя по этимъ надписямъ, народности Закавказья, или точнѣе говоря, нынѣшней Эриванской и части Елизаветпольской губ. и Карсской области, принадлежа къ одному племени, не представляли изъ себя одного плотнаго политическаго цѣлаго. Здѣсь, напротивъ, мы видимъ множество раздробленныхъ, независимыхъ одно отъ другаго государствъ, управляемыхъ особыми царями. На языкѣ надписей каждое изъ нихъ называется страною, подобно напр. Ассиріи и Біайнѣ, а правители ихъ также *царями*, но въ дѣйствительности они были чѣмъ то вродѣ нѣмецкихъ графствъ, и названіе *царь* нужно понимать въ смыслѣ нѣмецкаго König въ средневѣковую эпоху. Такихъ странъ въ предѣлахъ вышеуказанныхъ губерній можно насчитывать нѣсколько десятковъ. Политически ихъ объединяла только власть ванскаго царя, къ которому они находились въ вассальныхъ отношеніяхъ. Но для ванскихъ царей было очевидно нелегко поставить ихъ и держать въ этихъ отношеніяхъ зависимости. Подобно тому какъ ассирійскимъ царямъ приходилось постоянно совершать походы, чтобы держать въ повиновеніи многочисленные народы одинаковаго съ ними семитскаго происхожденія въ Месопотаміи, Сиріи и Палестинѣ, такъ точно и ванскимъ царямъ нужно было постоянно дѣлать походы въ эту сѣверную провинцію, которая, по всей вѣроятности, была ихъ первоначальной родиной и состояла изъ народностей одинаковаго съ ними племени, строить въ предѣлахъ ея укрѣпленные города и учреждать нѣчто въ родѣ намѣстничествъ или вице-королевствъ.

Но и вообще слѣдуетъ сказать объ этомъ урартскомъ царствѣ, что его культура вполнѣ должна была носить отпечатокъ ассиро-вавилонской. Объ этомъ съ очевидностью свидѣтельствуетъ уже одно то, что текстъ надписей урартскихъ царей изображенъ ассирійскими клинообразными знаками. Мало того, двѣ надписи древнѣйшаго изъ царей Вана, Сардури I, написаны на ассирійскомъ языкѣ. Чрезвычайно трудная система клинообразныхъ знаковъ была упрощена: изъ множества знаковъ выбраны были только нѣкоторые, простѣйшіе, и приспособлены къ

звукамъ урартскаго языка. Стиль надписей представляетъ также подражанiе надписямъ ассирiйскихъ царей, что въ значительной степени помогло ихъ дешифрированiю. Но несмотря на эту очевидную зависимость въ культурномъ отношенiи отъ ассиро-вавилонянъ, народъ урартскiй представляетъ весьма ясныя черты оригинальности и самобытности, напр. въ одеждѣ, вооруженiи, въ архитектурныхъ постройкахъ. Религiя ихъ, подобно языку, была почти совершенно особою, несмотря на нѣкоторыя совпаденiя идеограммъ божествъ съ ассиро-вавилонскими.

Ванскiе завоеватели проникли въ низменность Арарата всего вѣроятнѣе прямымъ путемъ чрезъ ущелье Бендемагу и по близости Большаго Арарата, съ запада отъ него, переваливши хребетъ Агры-дагъ чрезъ Чингильскiй перевалъ. Здѣсь они спускались въ роскошную Эриванскую низменность, въ то время, вѣроятно, густо населенную и обильно орошаемую водами Аракса, который протекаетъ по этой равнинѣ. Первый царь, о походахъ котораго въ Эриванскую низменность мы знаемъ, былъ Менуа, жившiй въ самомъ началѣ VIII в. до Р. Х. По выходѣ изъ ущелья онъ двинулся по направленiю къ Большому Арарату, гдѣ верстахъ въ 25 отъ перевала находился весьма значительный центръ мѣстнаго владычества, именно городъ *Лухiунини*, бывшiй столицей царства или графства *Эридуахи*. Городъ находился неподалеку отъ нынѣшней армянской деревни Ташбурунъ, вѣроятно, въ самой долинѣ, но и сосѣднiе съ нею склоны Большаго Арарата, круто поднимающiеся изъ равнины, представляли, вѣроятно, въ то время рядъ крѣпостей, обладанiе которыми доставляло ключъ къ господству надъ всею Эриванскою низменностью. Изъ найденныхъ въ этой мѣстности 3-хъ надписей, изъ коихъ одна въ 24 строки выгравирована на огромномъ камнѣ поблизости отъ Арарата, въ долинѣ, видно, что завоеванiе этого города стоило большихъ усилiй ванскому царю и результаты его были для него чрезвычайно важны. Завоевавъ городъ, ванскiй царь занялся постройками и говоритъ о возстановленiи дворцовъ и храмовъ. Это обстоятельство даетъ поводъ думать, что ванскiе цари не въ первый разъ въ его лицѣ проникли въ эту область, что эти пришедшiя въ развалины и возстановленныя ими постройки принадлежали тому перiоду, когда царство Урарту имѣло своимъ центромъ Эриванскую низменность, гдѣ оно, быть можетъ, и имѣло столкновенiе съ ассирiйцами. Переселившись на югъ, въ Ванъ, они не переставали смотрѣть на сѣверную страну, какъ на свою собственную, но разстоянiе и борьба съ могущественной Ассирiею отвлекали ихъ отъ ихъ первоначальной родины и дали возможность мѣстнымъ царямъ сдѣлаться независимыми. Прежнiя ихъ столицы принадлежали мѣстнымъ правителямъ, которые не имѣли возможности поддерживать огромныя сооруженiя, оставленныя имъ, такъ какъ это подъ силу было только могущественнымъ монархамъ. Къ этимъ сооруженiямъ принадлежали и каналы и вообще тѣ постройки, посредствомъ которыхъ регулировалось теченiе рѣки Аракса и распредѣлялось получаемое изъ него орошенiе. Возстановленныя имъ зданiя дворцовъ и храмовъ Менуа назвалъ собственнымъ именемъ, равно какъ самый городъ „мѣстопребыванiемъ Менуа“—(Menuachinili). Безъ всякаго сомнѣнiя, ванскiй царь не жилъ и не могъ жить въ этомъ городѣ и въ этихъ дворцахъ, имѣя свою дѣйствительную резиденцiю въ Ванѣ (Туспа) и занятый своими походами, но столь заботливое сооруженiе дворцовъ и храмовъ въ этой далекой отъ его столицы мѣстности

свидѣтельствовало о томъ, что въ глазахъ ванскаго царя этотъ городъ имѣлъ значеніе столицы, резиденціи, подобно Вану (Туспа), и нужно думать, что и въ дѣйствительности городъ Лухіунини въ его царствованіе представлялъ важнѣйшій политическій и культурный центръ во всей Эриванской низменности и былъ постоянною резиденціей его намѣстника или вице-короля.

Надписи Менуа найдены только около Ташбуруна на мѣстѣ его столицы Лухіунини, и есть основаніе думать, что онъ въ своихъ завоеваніяхъ не проникалъ далѣе въ долину Аракса и даже не переходилъ эту рѣку. Послѣднюю задачу покоренія всей долины Аракса пришлось разрѣшить его знаменитому сыну Аргишти I. Это—былъ одинъ изъ великихъ монарховъ Востока, завоевавшій у Ассиріи весь ея сѣверъ и частію западъ и давшій своему племени временное преобладаніе надъ семитскимъ. Имъ оставлено и болѣе всего надписей, большею частью въ самомъ Ванѣ, причемъ одна надпись вырѣзана на фасѣ Ванской скалы и заключаетъ въ себѣ около 500 строкъ. Подобно надписямъ ассирійскихъ царей она содержитъ анналы его царствованія въ хронологическомъ порядкѣ и можетъ быть поставлена на одномъ уровнѣ съ Бегистунскою надписью Дарія, такъ какъ служитъ памятникомъ преобладанія въ передней Азіи Урартской расы. Этотъ Аргишти, завоевавшій весь югъ до самаго сердца Ассиріи и проникшій въ страну Хатти (Хеттея) въ сѣверной Сиріи, имѣлъ время развить свою завоевательную дѣятельность и на сѣверѣ. Онъ перешелъ Араксъ и здѣсь на другомъ его берегу, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь возвышается холмъ, признаваемый армянами за мѣстоположеніе своей древней столицы Армавира, основалъ другую столицу, которая была для него тѣмъ же, чѣмъ для его отца Лухіунини, нынѣшній Ташбурунъ. Этотъ небольшой продолговатый холмъ занимаетъ выдающееся положеніе въ долинѣ, и мѣсто было весьма удачно выбрано. Физическія условія мѣстности заслуживаютъ особеннаго вниманія. Эриванская низменность представляетъ изъ себя котловину между Алагёзомъ, возвышающимся на 13 т. ф. на сѣверѣ, и Араратомъ на 17 т. ф. на югѣ: съ востока и запада она заперта тоже горами меньшей высоты, съ одной стороны—Гокчи, съ другой горами высокой Арменіи. Съ сѣвера на югъ ея протяженіе около 100 верстъ, съ востока на западъ нѣсколько болѣе. Ея возвышеніе надъ уровнемъ моря около 3 тысячъ футовъ. Климатическія условія рѣзко отличаются отъ окружающей мѣстности. Въ лѣтніе мѣсяцы стоитъ непрерывный зной, жары—тропическія, не прерываемыя ни облаками, ни дождями; атмосферныхъ осадковъ получается самое ничтожное количество, такъ что вся долина должна была бы представлять изъ себя совершенно голую пустыню, выжженную солнцемъ и неспособную поддерживать какое либо живое существо. Однако же рука человѣка въ состояніи превратить эту долину въ одну изъ богатѣйшихъ житницъ на Востокѣ, благодаря орошенію, получаемому отъ водъ рѣки Аракса и изъ горныхъ рѣчекъ, вливающихся въ долину изъ окрестныхъ горъ. При хорошемъ орошеніи земля въ состояніи производить все, что угодно, всякаго рода злаки и плоды. На нижнихъ склонахъ Алагёза и во всей низменности можетъ процвѣтать винодѣліе, которое въ нынѣшнее время, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, между прочимъ и въ самомъ городѣ Эривани, достигаетъ весьма широкаго развитія. Но столѣтія варварства, предшествовавшія русскому обладанію этимъ краемъ, наложили свою печать запущенности и упад-

ка, отъ котораго этотъ край еще не скоро освободится. Въ древнѣйшія времена культура страны была несравненно выше нынѣшней, орошеніе обильнѣе и организованнѣе, растительность пышнѣе, населеніе многочисленнѣе и богаче.

Чтобы господствовать надъ этой долиной и надъ окружающими ее горами, царь Аргишти въ Армавирѣ нашелъ для себя мѣсто болѣе выгодное, чѣмъ Лухіунини—Ташбурунъ. Армавирскій холмъ занимаетъ почти центральное мѣсто въ низменности, и, несмотря на его ничтожную высоту, онъ открываетъ видъ на всю долину и господствуетъ надъ нею. Если въ нынѣшнее время зритель, находясь на холмѣ, чувствуетъ себя въ центрѣ обширнаго сада съ пышною растительностью, окаймленнаго снѣжными вершинами Арарата и Алагёза, то въ разсматриваемую нами эпоху видъ съ холма былъ еще привлекательнѣе. Араксъ, который течетъ теперь въ 4-хъ верстахъ отъ Армавира къ югу, въ то время протекалъ у самаго подножія холма, такъ что теперь еще можно видѣть его сухое русло. Небольшой холмъ былъ вполнѣ достаточенъ для того, чтобы на немъ помѣстилась цитадель и башня, а внизу у подножія холма могъ раскинуться городъ. Что дѣйствительно это было такъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ 10 найденныхъ на холмѣ и въ его ближайшихъ окрестностяхъ клинообразныхъ надписей. Правда, въ этой мѣстности не осталось ни одной надписи, высѣченной на скалѣ; всѣ эти камни архитектурнаго происхожденія, составляли части построекъ, но то обстоятельство, что они одинаковаго матеріала и одинаковой отдѣлки съ другими камнями построекъ на холмѣ, всѣ найдены въ одномъ мѣстѣ, всѣ говорятъ только о постройкахъ, ясно доказываетъ, что они не были принесены изъ другаго мѣста, а происходятъ изъ построекъ на холмѣ.

Армавирскія надписи принадлежатъ тремъ царямъ: Аргишти I, его сыну Сардури II, а одна, — впервые обнаруженная и прочитанная мною, Русѣ II, жившему около 100 лѣтъ спустя во 2-й половинѣ VII в. до Р. X. Изъ этихъ надписей видно, что дѣйствительнымъ строителемъ этого укрѣпленія былъ Аргишти. Но и здѣсь повторяется тотъ же замѣчательный фактъ, что и въ Ташбурунѣ, т. е. что Аргишти говоритъ о возстановленіи разрушенныхъ храмовъ и дворцовъ. Это опять показываетъ, что Армавирскій холмъ еще въ до-ванскую эпоху былъ царскою резиденціей, но былъ совершенно покинутъ, такъ какъ въ надписяхъ ничего не говорится о завоеваніи этого мѣста, какъ въ надписи Ташбурунской. Возобновивъ городъ и его зданія, Аргишти, подобно своему отцу, назвалъ его своимъ именемъ *Аргиштихинили* т. е. мѣстопребываніемъ Аргишти. Очень можетъ быть, что есть связь этого названія съ названіемъ Армавиръ, миѳической столицы Арменіи, основанной, по Моисею Хоренскому, за 2 тыс. лѣтъ до Р. X. Этотъ Армавиръ подъ именемъ *Armauria* былъ дѣйствительнымъ городомъ во времена Птоломея, въ Армянскій періодъ исторіи этой страны.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что *Аргиштихинили*—Армавиръ былъ для Аргишти операціоннымъ базисомъ для его дальнѣйшихъ завоеваній по всѣмъ направленіямъ, какъ въ долинѣ, такъ и въ горахъ, и средоточіемъ его господства надъ страною. Тоже самое значеніе онъ имѣлъ для его сына Сардури II, который тоже занимался возстановленіемъ дворцовъ и храмовъ, проведеніемъ каналовъ въ Армавирѣ. Изъ надписи Русы, изданной мною впервые въ «Археол. Извѣстіяхъ и Замѣткахъ», видно, что эту роль Армавиръ игралъ болѣе столѣ-

тія, такъ какъ здѣсь мы видимъ резиденцію этого царя, современника ассирійскаго царя Ассурбанипала. Подобно Аргишти и Сардури, онъ отстроивалъ себѣ дворецъ въ Армавирѣ. Этою сравнительно продолжительною ролью важнаго стратегическаго и культурнаго пункта объясняется, вѣроятно, то обстоятельство, что въ этой мѣстности, несмотря на усиленное хищеніе строительнаго матеріала армавирскихъ построекъ въ теченіи вѣковъ, нашлось столь большое число надписей.

Изъ Армавира ванскіе цари Аргишти и его преемники имѣли легкій доступъ по всѣмъ направленіямъ къ горнымъ странамъ Малаго Кавказа. Ихъ стремленіе явно направлялось на сѣверъ, и они испробовали и частію овладѣли тѣми естественными и традиціонными путями, которые вели чрезъ Малый Кавказъ на Большой Кавказъ. Первый и ближайшій путь направлялся изъ Эриванской низменности къ сѣверовостоку. Это тотъ путь, по которому въ настоящее время происходитъ движеніе изъ Эривани въ Тифлисъ.

Къ сѣверу отъ Эривани параллельно теченію рѣки Зангу начинается весьма отлогій и удобный подъемъ, который незамѣтно возвышается на разстояніи почти 70 верстъ по направленію къ сѣверо-западному берегу Гокчайскаго или Севангскаго озера, лежащаго на 7 т. ф. выше уровня моря. На сѣверѣ озера начинается Семеновскій перевалъ чрезъ хребетъ и затѣмъ спускъ въ Делижанское ущелье и въ долину рѣки Акстафы, ведущей въ свою очередь въ долину рѣки Куры. Это безъ всякаго сомнѣнія былъ одинъ изъ тѣхъ проходовъ къ Большому Кавказу, посредствомъ которыхъ происходили великія переселенія народовъ. Что ванскіе цари не только двигались, но и укрѣплялись на этомъ пути, мы имѣемъ самыя неопровержимыя доказательства,—ихъ надписи, оставленныя на скалахъ этихъ мѣстностей. Содержаніе этихъ надписей и характеръ мѣстностей, гдѣ онѣ найдены, даютъ намъ возможность составить себѣ нѣкоторое понятіе объ условіяхъ образованія и объ объемѣ тѣхъ царствъ или графствъ, на которыя дробилась въ то время разсматриваемая нами страна.

Изъ Армавира въ Эривань путь по равнинѣ совершенно безпрепятственный. Нужно думать, что городъ этотъ или одноименная съ нимъ страна существовала въ ванскій періодъ Закавказья. Эривань лежитъ въ самомъ подножіи хребта, запирающаго съ сѣверо-востока Эриванскую низменность, на горной рѣчкѣ Зангу, которая вытекаетъ изъ Гокчи на сѣверозападъ и течетъ по горной мѣстности, направляясь чрезъ Эривань къ Араксу. Рѣчка эта сама по себѣ должна бы служить тоже естественнымъ путемъ на сѣверъ, еслибы рядомъ съ нею по самымъ склонамъ горъ не было пути болѣе удобнаго, чѣмъ ущелье Зангу. Но долина Зангу должна была имѣть важное значеніе, какъ одинъ изъ источниковъ орошенія полей и производительности почвы. Нужно думать, что система рѣки Зангу была средоточіемъ маленькаго государства, которое называлось по имени нынѣшней Эривани. Въ одной изъ надписей, о которой я еще буду говорить, упоминается страна *Eriaini* —созвучіе съ Эриванью такъ поразительно, что трудно не признать тожества этихъ названій, тѣмъ болѣе, что этимологія имени Эривань не поддается объясненію ни на одномъ изъ мѣстныхъ языковъ. Самая долина Аракса, по крайней мѣрѣ въ южной части Эриванской низменности, прилегающей къ Большому Арарату, называлась, какъ мы видѣли, *Эридуахи*—именемъ

созвучнымъ съ Эріани. Впрочемъ, надобно думать, что крѣпость *Эриванъ* (*Erīaini*) въ урартскую эпоху находилась не на мѣстѣ нынѣшней Эривани, а на разстояніи версты отъ нея, на сѣверо-востокъ около селенія Чалмакчи. Здѣсь на одномъ холмѣ, имѣющемъ названіе по армянски «Аринъ-бертъ», по татарски «Ганли—тапа», найдена клинообразная надпись, говорящая о сооруженіи крѣпости царемъ Аргишти. Остатки крѣпости, по изслѣдованію А. А. Ивановскаго, имѣютъ всѣ признаки урартскаго происхожденія. Очень можетъ быть, что страна Эріаини захватывала и часть самой низменности по крайней мѣрѣ настолько, насколько достигала ирригаціонная система Зангу. Вообще слѣдуетъ сказать, что система ирригаціи, такъ сильно отражающаяся на экономическихъ и соціальныхъ условіяхъ этой мѣстности, въ древнее время должна была имѣть значеніе безконечно большее; она приводила къ созданію соціальныхъ и политическихъ комбинацій первой важности. Всѣ жители, пользующіеся водою для орошенія своихъ полей изъ одного и того же источника, должны были силою вещей составлять изъ себя одно общество, одно цѣлое. Такъ какъ вода рѣкъ должна была расходоваться до послѣдней капли, то регулированіе этого орошенія было вопросомъ самой первостепенной важности и одно уже оно должно было создать и солидарность интересовъ, и представляющую и защищающую ихъ администрацію. Физическая же обособленность, вслѣдствіе трудности сообщенія по горнымъ перевамъ и ущельямъ, создавала обособленность политическую этихъ маленькихъ группъ, образовавшихъ изъ себя независимыя царства или графства.

Одно изъ такихъ царствъ, образовавшихся очевидно благодаря описанному процессу, находилось на сѣверѣ Эривани по дорогѣ къ Гокчѣ и Семеновскому перевалу. Въ 15 верстахъ отъ Эривани, около 1-й станціи шоссейной дороги, въ одномъ небольшомъ ущельи, близъ деревни Эйляръ, виднѣется на скалахъ ущелья огромной величины камень, который нельзя было перетащить изъ другаго мѣста, съ клинообразною надписью изъ 11 строкъ. Надпись прекрасно сохранилась, и въ ней царь Аргишти I повѣствуетъ о своемъ завоеваніи страны Улуани и города Дарани. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что страну Улуани и городъ Дарани надобно искать въ той мѣстности, гдѣ находится этотъ замѣчательный монументъ. Какъ страна, такъ и городъ, имѣли, какъ видно, немаловажное политическое значеніе, если великій Аргишти нашелъ нужнымъ увѣковѣчить ихъ завоеваніе надписью, которая невредимо сохранилась до сего времени. Разсмотрѣніе условій мѣстности даетъ ключъ къ объясненію этого. Въ 2-хъ верстахъ отъ Эйляра находится селеніе Башкяндъ, гдѣ получаютъ начало такъ-называемые 40 источниковъ (Крхъ-булахъ); масса воды, доставляемая этими источниками, распредѣляется на протяженіи 20 верстъ отъ Эйляра до самой Эривани по низменности, имѣющей въ ширину также нѣсколько верстъ. Благодаря этому орошенію, вся эта долина представляетъ цвѣтущій садъ и удивительно какъ напоминаетъ долину Аракса съ ея пышною растительностію и обильнымъ орошеніемъ. Между тѣмъ какъ окрестныя поля и горы малоплодоносны и мало воздѣланы, долина Крхбулаха, какъ оазисъ, цвѣтетъ массою зелени и изобилуетъ садами и виноградниками. Нѣсколько десятковъ селеній почти непрерывно одно за другимъ расположены въ долинѣ и живутъ одною общею жизнію. Отсюда понятно, что и въ древности здѣсь легко могъ образоваться сравнительно важный политическій и

культурный центръ, подобно тому какъ мы видимъ это и въ другихъ мѣстахъ. Эйляръ есть ближайшее и первое селеніе, гдѣ получается это орошеніе; оно занимаетъ притомъ болѣе возвышенное положеніе и болѣе защищенное, благодаря весьма пересѣкающейся мѣстности. Эта маленькая по пространству страна называлась *Улуани*, и главный ея городъ Дарани. На противоположной сторонѣ ущелья, гдѣ находится надпись, и рядомъ съ селеніемъ возвышается холмъ, похожій на Армавирскій, Ташбурунскій и на другіе холмы, отмѣченные клинообразными надписями. На вершинѣ его—слѣды древнихъ построекъ. Весьма вѣроятно, что именно здѣсь было положеніе города Дарани, и быть можетъ въ нынѣшнемъ названіи селенія Эйляръ, этимологія котораго не поддается объясненію, сохранилось древнее названіе страны Улуани.

Покоривъ эту страну и соорудивъ памятникъ своей побѣды, Аргишти отправился далѣе къ сѣверозападу по той-же дорогѣ, которая теперь служитъ единственнымъ трактомъ изъ Эривани въ Тифлисъ. Не болѣе одного дня ему нужно было, чтобы добраться до Гокчи, съ той его стороны, гдѣ получаетъ начало рѣка Зангу и гдѣ находится Севангскій островъ съ замѣчательнымъ въ настоящее время монастыремъ того же имени. Памятникомъ его пребыванія здѣсь и завоеваній осталась также клинообразная надпись, высѣченная имъ на одной скалѣ на самомъ берегу озера, близъ армянскаго селенія Ордаклю. Изъ этой надписи въ 9 строкъ мы узнаемъ, что покоренная имъ въ этой мѣстности страна называлась Кіехуни и что здѣсь также былъ городъ Иштикуни. Но здѣсь на высотѣ почти 7 т. ф. мы встрѣчаемся совсѣмъ съ другими физическими условіями, чѣмъ въ Эриванской низменности. Климатъ довольно суровый, бываютъ дожди и поля не орошаются. Приблизительно опредѣлить характеръ и предѣлы страны Кіехуни довольно трудно, но несомнѣнно, что мѣстность, занимаемая въ нынѣшнее время селеніями Еленовкою и Ордаклю, входила въ предѣлы этой страны. Очень можетъ быть, что весь сѣверозападный берегъ Гокчи, удобный для обитанія, составлялъ въ политическомъ отношеніи одно цѣлое съ этимъ названіемъ. Замѣчательно, что въ армянскій періодъ исторіи Закавказья страна на сѣверѣ Гокчи называлась Кегахуни,—названіе, которое совершенно покрывается древнимъ Кіехуни. Неподалеку отъ селенія Ордаклю, въ полуверстѣ отъ надписи, находится также холмъ, образующій берегъ озера, весьма похожій на холмъ въ Эйлярѣ, съ остатками древнихъ построекъ. Быть можетъ, здѣсь находился городъ Иштикуни.

Съ береговъ Гокчи Аргишти стоило только одного дневнаго перехода, чтобъ пройти Семеновскій перевалъ и спуститься въ Делижанское ущелье, откуда открывался свободный доступъ къ Большому Кавказу въ долину рѣки Куры; но на этомъ пути не найдено ни одной клинообразной надписи и ни одного памятника тогдашней эпохи, а потому мы и не знаемъ, пытался ли Аргишти овладѣть этою дорогой и расширить свои завоеванія въ этомъ направленіи. Но что этотъ путь для него былъ открытъ и онъ имѣлъ его въ виду при своихъ движеніяхъ на сѣверъ, въ этомъ едвали можно сомнѣваться. Точно также мы не знаемъ, продолжалъ ли онъ свои завоеванія вдоль Гокчи. Поэтому мы возвратимся опять съ береговъ Гокчи къ покинутому нами Армавиру, чтобы попытаться найти въ другомъ направленіи тѣ тракты и тѣ мѣстности, которые отмѣчены походами знаменитаго ванскаго завоевателя.

Другой путь на сѣверъ лежалъ изъ Армавира по долинѣ рѣки Арпачая вдоль по западному склону Алагёза въ низменность нынѣшняго Александрополя, откуда открывается дорога съ одной стороны въ горы высокой Арменіи, нынѣ Карской области, съ другой по долинѣ Арпачая можно было также проникнуть чрезъ Малый Кавказъ въ долину рѣки Куры, чрезъ нынѣшніе Ахалкалаки и Ахалцихъ. Это путь гораздо болѣе затруднительный, чѣмъ долина Акстафы, но онъ тоже естественный путь къ сѣверному Кавказу. Кромѣ долины Арпачая можно было достигнуть александропольской низменности чрезъ широкое Абаранское ущелье, образуемое восточными склонами Алагёза и горою Гарни-Ярыхъ. Этотъ путь кружнѣе, такъ какъ нужно обогнуть Алагёзъ на сѣверѣ, но онъ, насколько могу судить, гораздо удобнѣе, мѣстность равниннѣе и проходимѣе, чѣмъ западные склоны Алагёза. Какимъ изъ этихъ двухъ путей шелъ ванскій завоеватель, теперь сказать трудно, такъ какъ ни на восточныхъ, ни на западныхъ склонахъ Алагёза, а еще менѣе въ ущельяхъ, перерѣзывающихъ Алагёзъ, которыя я изслѣдовалъ лично, подобно Абаранскому ущелью, не удалось найти ни одной надписи и ни одного памятника походовъ царя Аргишти. Но, повидимому, въ политическомъ отношеніи александропольскія ворота на сѣверъ его болѣе интересовали, чѣмъ перевалъ на сѣверѣ Гокчи. Слѣды его пребыванія и завоеваній мы находимъ не только около самаго Александрополя, но и на сѣверозападномъ склонѣ Алагёза, въ который онъ могъ проникнуть двумя или тремя вышеуказанными путями.

У самаго подножія югозападнаго пика Алагёза начинаются два самыхъ большихъ ущелья Алагеза, пройденныя мною во время экспедиціи: одно, Ампертское направляется къ юговостоку по теченію рѣки Ампертъ, впадающей въ Касахъ при подошвѣ Алагёза, другое идетъ въ противоположномъ направленіи къ сѣверозападу; по нему течетъ горная рѣчка Карангу, направляющаяся по склонамъ Алагёза и впадающая затѣмъ въ рѣку Арпачай. Недалеко отъ того мѣста, гдѣ совсѣмъ кончается ущелье, при селеніи Гулиджанъ, на стѣнѣ ущелья и на самомъ берегу рѣки имѣется надпись Аргишти въ 7 строкъ, весьма хорошо сохранившаяся. Она говоритъ о завоеваніи Аргишти страны Куліаини и города Дурубани. Это маленькое государство Куліаини должно было находиться въ этой мѣстности и очень вѣроятно въ нынѣшнемъ названіи селенія Гулиджанъ скрывается старинное имя страны Куліаини, городъ же Дурубани надобно отыскивать, если не на мѣстѣ Гулиджана, то по близости отъ него. Не трудно также составить себѣ понятіе о характерѣ и объемѣ этой маленькой страны Куліаини. Условія образованія ея могли быть тѣ же, которыя мы видѣли въ Эйлярѣ. Рѣчка Карангу играетъ здѣсь такую же роль, какъ Крх-булахъ въ Эйлярѣ; по берегамъ ея непрерывнымъ рядомъ тянутся селенія, живущія водами рѣки; въ настоящее время ихъ насчитывается до 20 на разстояніи какихъ-нибудь 15 верстъ. Въ древности, при болѣе возвышенной культурѣ и болѣе густомъ населеніи, жизнь была полнѣе и могло процвѣтать маленькое государство; для всего края оно было настолько важно, что завоеваніе его царь Аргишти счелъ нужнымъ увѣковѣчить надписью, такъ заботливо высѣченною на мягкомъ камнѣ и защищенною отъ всевозможныхъ вліяній, что она могла сохраниться въ цѣлости до сего времени.

Отъ Гулиджана всего только 18 верстъ до Александрополя; по очень удобному спуску можно было проникнуть въ низменность къ этому важному стратегическому пункту. Неподалеку отъ нынѣшняго александропольскаго полигона, въ какихъ либо 8 верстахъ къ сѣверу, въ самомъ ущельѣ Арпачая раскинулось большое селеніе Ганлиджа; надъ нимъ высится холмъ съ остатками старинныхъ построекъ, очень удобный для крѣпости, а рядомъ съ нимъ на одной базальтовой стѣнѣ высѣчена прекрасная 5-ти строчная клинообразная надпись Аргишти. Она такъ отлично сохранилась, что какъ будто-бы она написана была вчерашній день. Въ ней Аргишти говоритъ о покореніи страны Эріахи и города Ирданіуни. Страна Эріахи находилась вѣроятно въ низменности, а городъ Ирданіуни на мѣстѣ нынѣшней Ганлиджи. Прекрасный памятникъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ отмѣчаетъ для насъ по крайней мѣрѣ самый сѣверный предѣлъ, до котораго простирались завоеванія Аргишти. Пунктъ этотъ былъ въ то время такъже важенъ, какъ Александрополь въ послѣднее время. Отъ него открывался путь по всѣмъ направленіямъ внутрь страны; къ востоку можно было проникнуть въ Делижанское ущелье, на сѣверъ открывались ворота въ долину рѣки Куры и къ Большому Кавказу. Овладѣвъ этимъ важнымъ стратегическимъ пунктомъ, Аргишти, можно сказать, имѣлъ въ своихъ рукахъ всѣ проходы чрезъ Малый Кавказъ: онъ могъ дефилировать и чрезъ долину Акстафы и чрезъ долину Арпачая, но воспользовался ли онъ этими воротами, которыя были, очевидно, въ его рукахъ, чтобы пронести свое оружіе и свою культуру далѣе на сѣверъ къ высотамъ Большаго Кавказа, на этотъ вопросъ мы не можемъ дать рѣшительнаго отвѣта. Но сказать съ рѣшительностію, что онъ не дѣлалъ этихъ попытокъ, тоже нельзя, такъ какъ нельзя ручаться, что дальнѣйшія изслѣдованія не дадутъ намъ новыхъ показаній въ совершенно неожиданномъ свѣтѣ. Положеніе Александрополя, равно какъ и Ганлиджи важно еще тѣмъ, что открываетъ путь въ совершенно другомъ направленіи. Здѣсь лежитъ дорога въ высокую Арменію, нынѣ Карсскую областѣ. Это тотъ самый путь, по которому шли наши войска въ прошлую русско-турецкую войну, вторгнувшись изъ Александрополя въ предѣлы Турціи, т. е. чрезъ Карсъ, Сарыкамышъ на Эрзерумъ. Этотъ путь былъ очень древнимъ, и царь Аргишти безъ всякаго сомнѣнія проходилъ этимъ путемъ. О стратегическомъ значеніи этого пути въ урартскую эпоху свидѣтельствуютъ открытыя въ 1894 г. А. А. Ивановскимъ остатки древнихъ укрѣпленій въ долинѣ Карсъ-Чая. Принадлежитъ ли сооруженіе этихъ крѣпостей самому Аргишти или его преемникамъ, мы не знаемъ. но принадлежность ихъ ко урартской эпохѣ едвали можетъ подлежать сомнѣнію: очень можетъ быть даже, что его движеніе въ Эриванскую низменность было обратное тому, какое мною указано, т. е. онъ не чрезъ Чингильскій перевалъ достигалъ Армавира и Александрополя (Ганлиджи), а напротивъ чрезъ Эрзерумъ—Карсъ—Александрополь достигалъ Эриванской низменности и оттуда чрезъ Чингильскій перевалъ возвращался обратно. Что всѣ эти пути ему были доступны, объ этомъ свидѣтельствуетъ, кромѣ вышеупомянутыхъ надписей, надпись найденная въ Сарыкамышѣ и находящаяся въ настоящее время въ Тифлисскомъ музеѣ. Надпись эта найдена на самой нынѣшней русско-турецкой границѣ на пути изъ Карса въ Эрзерумъ. Дорога же изъ Вана въ Эрзерумъ еще была открыта дѣдомъ Аргишти, царемъ Ишпуини, оставившимъ

свою надпись недалеко отъ Эрзерума. Саракамышская надпись интересна тѣмъ, что говоритъ о завоеваніи Аргишти страны Этіуни. Это названіе въ другихъ надписяхъ Аргишти служитъ общимъ терминомъ для обозначенія всей сѣверной провинціи, отвѣчающей нынѣшнему Закавказью. Это отчасти подтверждается и разсмотрѣнною уже нами Эйлярскою надписью, въ которой страна Улуани является частью большаго цѣлаго, именно страны Этіуни. Такимъ образомъ, по закавказскимъ надписямъ страна Этіуни простиралась отъ Сарыкамыша до Эривани или Эйляра. Кромѣ того, въ той же надписи есть интересное названіе города Ахуріани, завоеваннаго Аргишти; имя это тождественно съ армянскимъ названіемъ Арпачая *Ахурьянъ*. Къ сожалѣнію, Карсская область остается до сего времени еще малоизслѣдованною, но есть основаніе думать, что въ ея предѣлахъ могутъ найтись новые памятники урартскаго періода и клинообразныя надписи ванскихъ царей.

Я потому останавливался такъ долго на походахъ Аргишти, что эти походы, обозначенные его надписями, даютъ болѣе связное понятіе о мѣстностяхъ и путяхъ, которыми онъ шелъ. Но намъ остается сказать еще о восточной сторонѣ разсматриваемой нами области, гдѣ не осталось памятниковъ отъ этого царя. На востокѣ эриванской низменности лежитъ Гокча, позади которой продолжаетъ тянуться хребетъ Малаго Кавказа, по направленію къ долинѣ Аракса.

Мы видимъ, что Аргишти достигалъ почти до самыхъ сѣверныхъ береговъ Гокчайскаго или Севангскаго озера. Но пытался ли онъ завладѣть другими берегами этого озера, мы не знаемъ, между тѣмъ намъ вполнѣ извѣстно, что его преемники утвердили на немъ свое господство. Нужно замѣтить, что берега этого озера до послѣдняго времени были мало изслѣдованы въ географическомъ, этнографическомъ и археологическомъ отношеніи. Только благодаря экскурсіи, совершенной лѣтомъ 1893-го года по порученію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества А. А. Ивановскимъ, мы теперь имѣемъ болѣе близкое понятіе о берегахъ этого озера и находящихся на нихъ памятникахъ. Большое озеро это имѣетъ въ длину съ сѣверо-запада на юго-востокъ до 70 верстъ, въ ширину въ нѣкоторыхъ мѣстахъ достигаетъ 35 и болѣе верстъ. Оно расположено въ центрѣ большаго поднятія почвы, на высотѣ около 7 т. ф. и представляетъ потухшій и наполненный водою огромный кратеръ вулкана. Берега его высокіе, скалистые и не вездѣ удобные для поселенія. Это особенно слѣдуетъ сказать о восточныхъ берегахъ озера, столь возвышенныхъ, что они достигаютъ почти снѣговой линіи, до 9 т. ф. На этихъ берегахъ почти нѣтъ въ настоящее время поселеній и трудно думать, чтобы когда либо въ прежнее время они могли быть. Берега же западные и южные болѣе доступны и удобны для человѣческихъ поселеній. Самое озеро могло привлекать къ себѣ обитателей своимъ вполнѣ здоровымъ, правда, нѣсколько суровымъ климатомъ, богатствомъ рыбы въ его водѣ, удобствомъ воднаго сообщенія на огромное пространство и даже, быть можетъ, своими дикими красотами, вѣчно голубыми красивыми волнами, манящими вдаль и внушающими предпріимчивость и отвагу. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что возвышенное положеніе озера, вполнѣ доступнаго только съ нѣкоторыхъ сторонъ, доставляло обитателямъ безопасность отъ непріятельскихъ и варварскихъ нападеній и способствовало образованію важныхъ укрѣпленныхъ пунктовъ для обороны страны.

На юго-восточномъ углу озера, неподалеку отъ берега, на одной скалѣ около селенія *Захалу* находится клинообразная надпись, прекрасный эстампажъ съ которой былъ снятъ А. А. Ивановскимъ. Она принадлежитъ сыну и преемнику Аргишти Сардури II и говоритъ о завоеваніи имъ страны Аркукини. Эта страна, безъ всякаго сомнѣнія находившаяся на южномъ берегу Гокчи, въ свою очередь составляла часть другой страны, называющейся въ надписи *Уртахини*. Названіе это интересно для насъ потому, что въ немъ возможно находить урартскую форму названія самой страны Урарту, до сего времени не встрѣчавшуюся въ урартскихъ надписяхъ. Объ объемѣ и положеніи этой страны, конечно, трудно судить.

Надпись Захалу отмѣчаетъ намъ крайній восточный предѣлъ, гдѣ мы пока можемъ находить слѣды ванскихъ завоеваній въ Закавказьѣ. Но не въ очень далекомъ разстояніи отъ нея, на томъ же южномъ берегу Гокчайскаго озера, близъ селенія Келаны-Кирланы находится памятникъ огромной важности изъ разсматриваемой нами эпохи. Здѣсь на высокомъ скалистомъ берегу, надъ самыми волнами озера высѣчена довольно значительная по объему клинообразная надпись, которая уже съ давняго времени интересовала русскихъ и иностранныхъ археологовъ. Но попытки достигнуть до нея и снять ее были неудачны по ея недоступности ни съ сухаго пути, ни со стороны озера. Заграничные ученые, особенно Оксфордскій проф. *Сэйсъ*, неоднократно въ своихъ трудахъ обращались къ русскому правительству съ заявленіями о необходимости снаряженія экспедиціи для снятія этой надписи, имѣющей по предположеніямъ большое историческое значеніе. Во время нашей совмѣстной экспедиціи на Кавказъ отъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества лѣтомъ 1893 года, моему почтенному другу А. А. Ивановскому удалось блистательно разрѣшить эту трудную задачу и подарить наукѣ эстампажъ съ этой надписи, который представляетъ вполнѣ точное и ясное воспроизведеніе того, что находится на самой надписи. Надпись эта уже мною издана и сдѣлалась общимъ достояніемъ науки. Значеніе ея уже оцѣнено западными учеными. Она доставляетъ намъ новыя и совершенно неожиданныя историческія и географическія данныя первой важности. Надпись принадлежитъ тому ванскому царю, отъ котораго до сего времени не было найдено надписей и о которомъ мы знали только изъ ассирійскихъ источниковъ, это именно тому Урсѣ, который велъ отчаянную борьбу съ Саргономъ, царемъ ассирійскимъ, возбудивъ противъ него всѣ народы сѣвера. Побѣда осталась за ассирійцами, но борьба была упорна и продолжительна, и ея герой Урса занимаетъ почетное мѣсто въ анналахъ Саргона въ качествѣ его противника. Изъ настоящей надписи, единственной пока принадлежащей этому царю, мы узнаемъ, что онъ былъ сыномъ Сардури II, и такимъ образомъ ванская династія изъ 5 царей, преемственно отъ отца къ сыну царствовавшихъ въ Ванѣ, дополняется еще однимъ членомъ. Его національное имя *Руса*, по числу I, въ отличіе отъ II-го, о которомъ я говорилъ и который жилъ 100 лѣтъ спустя. Но содержаніе надписи, кромѣ принадлежности этому царю, имѣетъ весьма важное значеніе и въ другихъ отношеніяхъ и особенно въ географическомъ. Въ надписи говорится о покореніи Русой I 23 странъ и о построеніи дворца въ этой мѣстности. Послѣднее обстоятельство весьма интересно. Кромѣ Ташбуруна и Армавира мы

встрѣчаемъ здѣсь 3-й центръ ванскаго господства въ этой мѣстности, новую резиденцію урартскихъ монарховъ. Какъ называлась эта резиденція, мы не знаемъ, но вѣроятно только потому, что нижняя часть надписи, повѣствующая о постройкахъ, сильно разрушена, благодаря тому, что она находилась въ древнее время, когда вода въ озерѣ была выше нынѣшняго уровня, подъ прибоемъ волнъ. Но по соотвѣтствію съ двумя разсмотрѣнными нами центрами, носившими имена ихъ основателей или реставраторовъ, мѣсто это носило имя Русы и называлось вѣроятно *Rusachinili*, въ соотвѣтствіи *Menuachinili* (Ташбурунъ) и *Argistichinili* (Армавиръ). Здѣсь между прочимъ Руса построилъ храмъ обще урартскому божеству Теишба, богу водной стихіи, который, быть можетъ, былъ спеціальнымъ покровителемъ обширной Гокчи и имѣлъ, по тогдашнимъ вѣрованіямъ, въ ея водахъ свое любимое мѣстопребываніе.

Не менѣе важное значеніе имѣетъ перечисленіе 23 странъ, покоренныхъ Русой въ этой мѣстности. Названія эти слѣдующія: Адахуни, Уелида, Кумерухи, Аркукини, Убимени, Шаматуани, Теріушаини, Ришуаини, Зуаини, Акуани, Аманини, Иркимаини, Елаини, Еріельтуаини, Андаманіуни, Гуріаини, Альзирани, Пируаини, Мелаини, Ушедуини, Атазаини, Еріаини, Азамеруиини Какое богатство географическихъ названій для тогдашней эпохи! Такъ какъ ни одна изъ этихъ странъ не упоминается въ надписяхъ урартскихъ царей, найденныхъ внѣ Закавказья, то естественно думать, что всѣ эти страны находились въ нынѣшнихъ предѣлахъ Русской Арменіи. Но гдѣ мы должны искать положеніе столь многочисленныхъ и независимыхъ одна отъ другой странъ? Изъ одного ихъ множества мы должны заключить, что власть ванскаго царя простиралась на востокъ гораздо дальше, чѣмъ мѣстности Келаны-Кирланы и Захалу, въ которыхъ найдены надписи. Очень можетъ быть, что походы Русы и другихъ царей шли далѣе Гокчи на юго-востокъ по долинѣ Аракса по направленію къ Нахичевани. Все это мѣстности, не трудно доступныя, входившія въ составъ важнѣйшей армянской провинціи Сюникъ, и если-бы намъ удалось большинство приведенныхъ мною названій отожествить съ позднѣйшими географическими названіями армянскаго періода исторіи Закавказья, то наша карта Закавказья въ эту отдаленную эпоху отличалась бы не только точностію, но и подробностію. Будемъ надѣяться, что это намъ удастся, такъ какъ изслѣдованія въ этомъ направленіи, къ величайшему удовольствію нашему, все болѣе и болѣе дѣлаются предметомъ интереса среди мѣстныхъ закавказскихъ ученыхъ.

Въ результатѣ оказывается, что ванскіе цари владѣли двумя единственно доступными путями изъ нынѣшней Турціи [на Кавказъ, это—чрезъ Чингильскій перевалъ и чрезъ Эрзерумъ-Александрополь; имѣли въ Закавказьѣ 3 главныхъ центра своего господства, два—въ долинѣ Аракса и одинъ на Гокчѣ; владѣли также обоими главнѣйшими проходами чрезъ Малый Кавказъ на сѣверъ, хотя мы не знаемъ, были ли они по ту сторону Малаго Кавказа; оставили намъ нѣсколько десятковъ географическихъ названій странъ и городовъ, изъ которыхъ нѣкоторыя уже теперь могутъ быть вполнѣ точно пріурочены къ извѣстнымъ мѣстностямъ.

Таковы данныя касательно географіи Закавказья въ ассирійскій періодъ исторіи, собранныя мною частію изслѣдованіемъ клинообразныхъ надписей, частію

благодаря моему личному знакомству съ краемъ, полученному во время экспедиціи по порученію Имп. Моск. Археол. Общества. Правда, эти данныя пока отрывочны, но онѣ освѣщаютъ намъ тотъ край въ такую отдаленную эпоху, связь которой съ нынѣшнею совершенно порвана. Край этотъ стоялъ въ неразрывной связи съ обширнымъ Востокомъ, бывшимъ въ то время театромъ всемірной исторіи. То, что происходило здѣсь, на берегахъ Аракса и Гокчи, то живо отдавалось на берегахъ Ванскаго озера, Тигра, Евфрата, въ Дамаскѣ, въ Іерусалимѣ, и даже на берегахъ Нила. Эти изслѣдованія заставляютъ насъ выдти изъ узкаго круга чисто кавказской археологіи и исторіи и разсматривать пріобрѣтенныя вновь данныя съ точки зрѣнія обще-культурнаго развитія въ тогдашнюю эпоху на Востокѣ. Интересъ къ тому Востоку, гдѣ родина нашей культуры, есть интересъ общечеловѣческій, но для насъ онъ является и интересомъ національнымъ, неотразимымъ долгомъ, который возложенъ на нашу науку тою географическою, культурною и государственною связью, которая насъ соединяетъ съ этимъ Востокомъ. Поэтому нельзя не пожелать, чтобы интересъ къ этому Востоку пробудился и въ нашемъ русскомъ обществѣ, чтобы, подобно нѣмцамъ, французамъ, англичанамъ и американцамъ, и мы находили возможность посылать свои отряды для научныхъ завоеваній въ эти завѣтныя страны и обогащали свои музеи драгоцѣнными коллекціями изъ древнѣйшихъ эпохъ и доставляли наукѣ и обществу одинъ изъ самыхъ интересныхъ матеріаловъ для изслѣдованія и обогащенія нашихъ познаній.

М. Никольскій.

О. Гокча и Севангскій мон.

НАШЕ ВРЕМЯ.

Изъ Анастасія Грюна.

На столѣ зеленомъ свѣчи предъ распятіемъ горятъ;
За столомъ—одѣты въ черномъ—судьи строгіе сидятъ.
Осуждаютъ наше время: отчего—де такъ оно
Безпривѣтно, нечестиво и смятеньями полно?

Но у времени сѣдого нѣту времени и нѣтъ:
Постоять оно не можетъ, чтобы судьямъ дать отвѣтъ.
Сколько ждутъ они, настолько же впереди оно бѣжитъ;
Но пришелъ его защитникъ — такъ онъ судьямъ говоритъ:

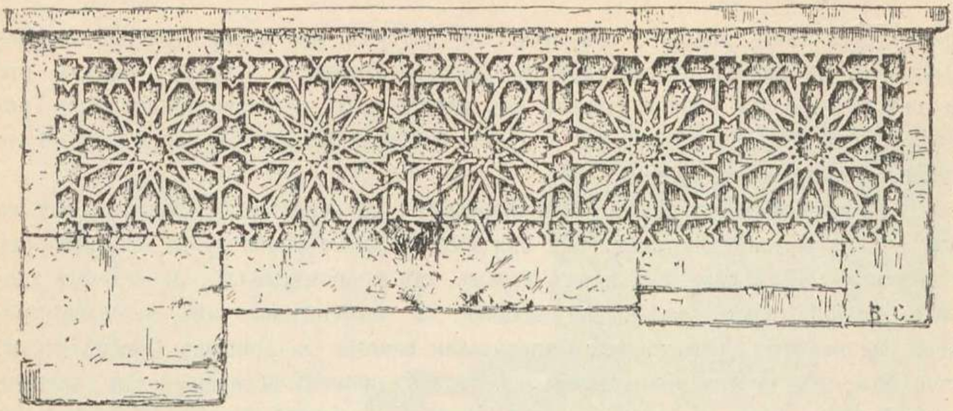
«Время чисто; не съ презрѣньемъ говорить бы Вамъ о немъ!
Я его сравнилъ бы съ бѣлымъ, не исписаннымъ листомъ!
Листъ безъ пятенъ; вы же надпись! Кто жъ бумагу обвинитъ
Оттого, что эта надпись только глупость говоритъ?

Время то же, что прозрачный ковшъ стеклянный! Чья жъ вина,
Если вы помои льете вмѣсто сладкаго вина?
Время то же, что жилище: хорошо, уютно въ немъ.
Это вы, его наполнивъ — превратили въ желтый домъ!

Время то же; только вами лишь волчецъ посѣянъ былъ!
Что жъ дивиться, если взоръ вашъ розъ на немъ не находилъ?
Могъ на немъ безсмертный Цезарь рядъ безсмертныхъ битвъ давать,
И на немъ, широкомъ, можетъ трусъ далеко убѣжать.
Время арфа: неискусной проведи по ней рукой
И въ сосѣдствѣ псы и кошки вмигъ подымутъ визгъ и вой.

Но пусть въ руки вдохновенный, какъ Орфей ее возьметъ,
Лѣсъ заслушается, море, мертвый камень оживетъ.

Г. Кансонъ.

Армянскіе патріархи.

(Изъ *Правительственнаго Вѣстника* 11-го іюня 1895 г. № 125).

Армянская церковь — одна изъ древнѣйшихъ христіанскихъ церквей. Отецъ армянской исторіи, Моисей Хоренскій, заимствовавшій у Евсевія Кессарійскаго исторію принятія христіанства армянами, повѣствуетъ слѣдующее:

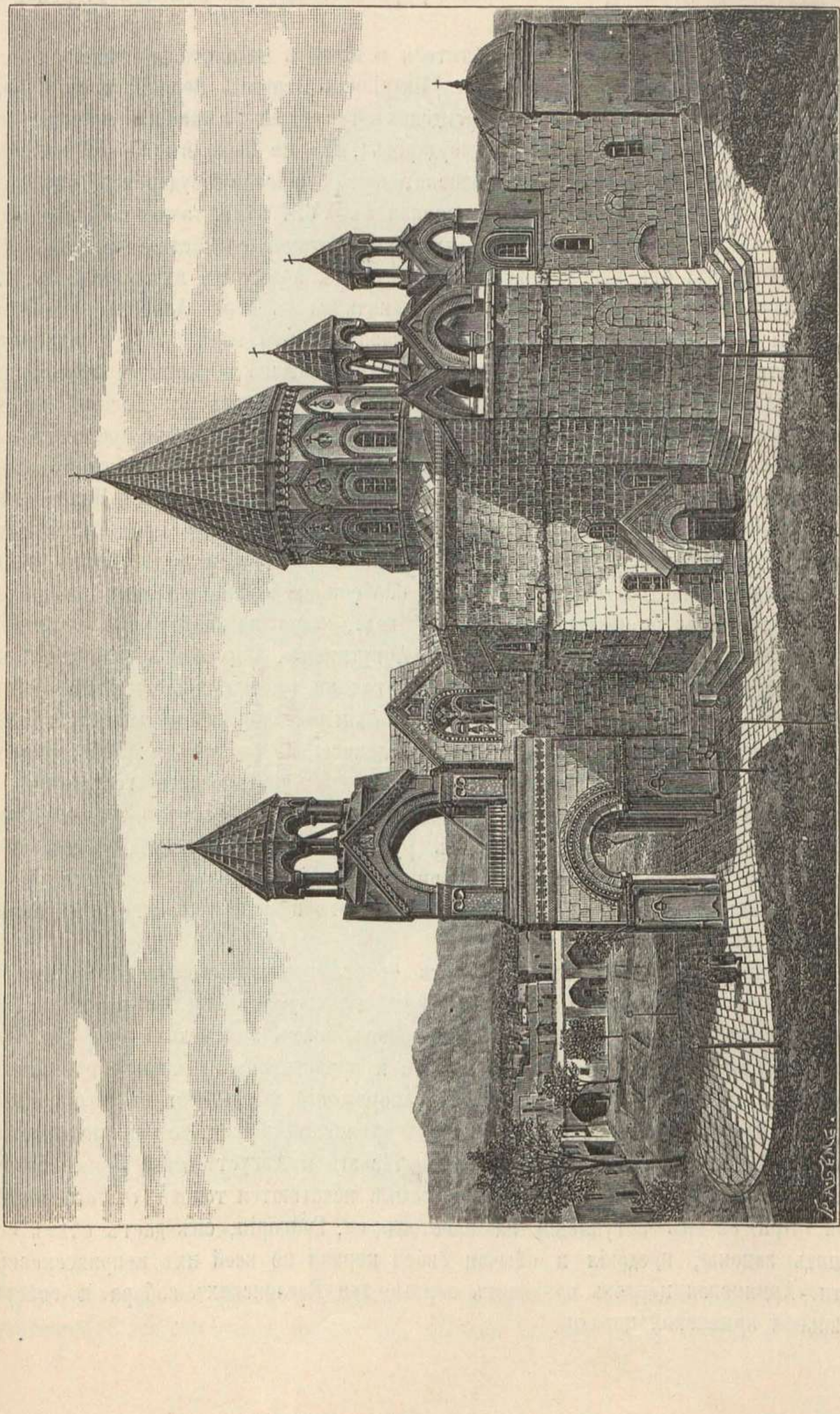
Когда Іисусъ Христосъ проповѣдывалъ въ Іудеѣ, въ Эдессѣ (Арменіи) царствовалъ Абгаръ. Послѣдній, будучи пораженъ тяжкою болѣзнью, обратился за помощью къ Іисусу. Послѣ вознесенія Спасителя апостолъ Ѳаддей, по Его повелѣнію, посѣтилъ Абгара и излѣчилъ его отъ недуга. Абгаръ и его народъ приняли тогда христіанство. Св. Ѳаддей, утвердивъ такимъ образомъ въ Эдессѣ первую христіанскую церковь въ Арменіи и оставивъ тамъ нерукотворенный образъ Спасителя, отправился, съ разрѣшенія Абгара, проповѣдывать христіанство въ другихъ частяхъ Арменіи. Преемники царя Абгара воздвигли жестокія гоненія противъ христіанъ въ Арменіи. Эти преслѣдованія продолжались до 301 года, когда св. Григорій, прозванный Просвѣтителемъ Арменіи и самъ происходившій изъ царскаго рода Арсакидовъ, крестилъ послѣдняго языческаго царя Тиридата и его народъ; съ тѣхъ поръ христіанская вѣра стала народной вѣрой армянъ. Для избранія верховнаго пастыря армянской церкви, Тиридатъ созвалъ народное собраніе, на которомъ былъ избранъ св. Григорій, посвященный передъ тѣмъ въ Кесаріи епископомъ. Съ тѣхъ поръ св. Григорій сталъ проповѣдывать христіанство въ Арменіи, основывая церкви и церковныя общины. При содѣйствіи Тиридата, св. Григорій построилъ въ 302 году Эчміадзинскій монастырь, (см. рисунокъ) въ которомъ основалъ свой архипастырскій престолъ. Патріархи эчміадзинскаго престола признаютъ свои права преемственными.

Первосвятители армянской церкви обыкновенно назывались католикосами. Любовь и признательность армянъ къ своему Просвѣтителю была до такой степени велика, что въ первыя времена христіанства католикосы выбирались исключительно изъ рода св. Григорія, что облекло ихъ ореоломъ святости, и когда

прекратился этотъ родъ, то всѣ несчастія, которыя постигали Арменію, приписывали этому именно обстоятельству. Месропъ говоритъ: «Аршакъ видѣлъ, что не находится болѣе первосвятителя изъ святаго рода великаго архипастыря Григорія и полководца изъ храбраго и преданнаго рода Мамиконіанъ и что это было причиною разоренія Арменіи».

Католикосы избирались всѣмъ народомъ, но неизвѣстно, существовали ли для этого какія-либо постановленія; они посвящались первоначально кессарійскимъ епископомъ. Такъ какъ изъ всѣхъ странъ, гдѣ проповѣдывалъ слово Божіе апостолъ Ѳаддей, только въ Кесаріи, начиная съ посвященнаго имъ епископа Ѳеофила, непрерывно существовала епископская каѳедра до Григорія Просвѣтителя, то и онъ, считая Арменію удѣломъ св. Ѳаддея, принялъ посвященіе отъ епископа кесарійскаго. Такъ продолжалось до Нерсеса I Великаго (конецъ IV вѣка). Въ это время епископы константинопольскіе и іерусалимскіе начали именоваться патріархами; въ виду этого, царь Аршакъ и нахарары (феодалы) возвели Нерсеса въ патріаршій санъ. Съ этихъ поръ патріархи принимали посвященіе не отъ кесарійскаго епископа, но отъ собора своихъ епископовъ.

Отношеніе власти католикоса къ царской опредѣлились при самомъ введеніи христіанства въ Арменіи. Тиридатъ совершенно подчинился вліянію св. Григорія Просвѣтителя. Католикосы были строгими блюстителями дѣлъ царскихъ и миротворцами между царемъ и нахарарами, порицали царей за ихъ неправыя дѣла, сносились съ византійскими императорами, арабскими халифами и персидскими царями, которые смотрѣли на нихъ какъ на истинныхъ выразителей чувствъ и желаній армянскаго народа. Во время междуцарствія всѣ оффиціальныя бумаги писались отъ имени католикоса, епископовъ и нахараровъ, и хотя въ такомъ случаѣ имѣлся всегда марзпанъ (правитель страны), но власть и управленіе фактически заключались въ рукахъ католикоса. Персидскій полководецъ Деншапухъ говорилъ, что патріархъ Іосифъ «былъ настоящимъ владѣтелемъ всѣхъ христіанъ и повѣреннымъ во всѣхъ дѣлахъ царскихъ». Не всѣ католикосы оставили одинаковую память въ исторіи армянской церкви, но всѣ служили выразителями внутренней духовной жизни своего народа. Выходя изъ нѣдръ его и охраняя его интересы, католикосы, естественно пріобрѣтали въ странѣ все большее вліяніе. Между тѣмъ какъ свѣтская власть посреди безпрестанныхъ политическихъ бурь падала, переходя изъ рукъ арсакидовъ къ сассанидамъ, отъ сассанидовъ къ византійцамъ, а нахарары отступничествомъ или насиліемъ старались ее вырвать другъ у друга, — церковное управленіе казалось основаннымъ на незыблемомъ началѣ. Дворъ католикоса сталъ отличаться пышностью. По свидѣтельству историка Матѳея, «двѣнадцать епископовъ и четыре вардапета (ученые монахи), 60 іереевъ изъ иноковъ и 500 міряпъ» были всегда въ домѣ патріарха. Престолъ патріаршій былъ не біднѣе царскаго. Страна покрылась монастырями, готовыми исполнять повелѣнія католикосовъ; каждый изъ этихъ монастырей, привлекая толпы богомольцевъ, сдѣлался средоточіемъ цѣлаго округа. Свѣтская власть должна была селиться бокъ-о-бокъ съ духовною, и, при шаткости первой, рѣзко выставлялась наружу незыблемость послѣдней. Такимъ образомъ, Арменія, безсильная противъ бурь политическихъ, создала себѣ крѣпкій оплотъ противъ религіозныхъ притязаній Рима. Католикосъ являлся и является независимымъ

Мон. Эчміадзинъ, основ. въ 302 г.

главою особой церкви,— по возвышенности своего сана онъ равенъ вселенскимъ патріархамъ и римскому папѣ; эта самостоятельность составляетъ духовную связь, понынѣ дѣлающую изъ армянъ, разсѣянныхъ по разнымъ сторонамъ, одинъ народъ.

Со времени св. Григорія Просвѣтителя и понынѣ католикосы являются выразителями чувствъ армянскаго народа. Патріархи Нерсесъ Великій и св. Саакъ имѣли при дворахъ греческихъ и персидскихъ государей рѣшающее значеніе по вопросамъ, касавшимся армянскаго государства. То же было въ V—IX вв. при дворахъ персидскихъ и арабскихъ завоевателей. Россійское государство, оцѣнивъ значеніе патріарховъ среди армянъ, начиная съ XVIII вѣка, также поддерживало ихъ въ этой дѣятельности, оказывая имъ всевозможное содѣйствіе въ дѣлѣ защиты ихъ народа отъ преслѣдованій магометанъ и пользуясь ихъ вліяніемъ для своихъ торговыхъ и политическихъ цѣлей (начиная съ царя Алексѣя Михайловича и въ особенности Петра Великаго). Указомъ 30-го іюня 1768 г. императрица Екатерина II распространила власть Эчміадзинскаго монастыря, находившагося тогда въ предѣлахъ Персіи, на армянъ, проживавшихъ въ Россіи, и послала патріарху Симеону дорогіе подарки, а послѣ завоеванія Крыма предоставила, по ходатайству архіепископа князя Іосифа Аргутинскаго, 100.000 десятинъ земли на берегахъ р. Дона армянскимъ переселенцамъ, основавшимъ городъ Нахичевань и рядъ деревень. Имѣя въ виду важное политическое значеніе армянскихъ патріарховъ для христіанскаго населенія Кавказа, Закавказья и всей Малой Азіи, русское правительство всегда обращало особенное вниманіе на свои отношенія къ Эчміадзинскому монастырю; съ 1801 года, когда на патріаршій престолъ былъ избранъ архіепископъ князь Іосифъ Аргутинскій, Россія получила преобладающее вліяніе на выборы патріарха, несмотря на то, что монастырь находился до 1828 года въ предѣлахъ Персіи. Это объясняется тѣмъ исключительнымъ положеніемъ, которое искони занимали католикосы среди армянъ: они продолжали быть заступниками своего народа передъ христіанскими государями и принимали дѣятельное участіе въ нашихъ войнахъ съ персами и турками, выступая иногда на конѣ съ крестомъ въ рукахъ во главѣ нашихъ войскъ. Въ такомъ видѣ выступили въ 1827 г., при завоеваніи Эривани, патріархъ Нерсесъ V и въ 1829—30 гг., при завоеваніи Карса и Эрзерума, епископы Карапетъ и Степаносъ.

Патріархъ-католикосъ эчміадзинскаго престола признанъ главой армянской церкви. Онъ одинъ имѣетъ право освящать муро, употребляемое при таинствѣ муропомазанія, и одинъ посвящаетъ епископовъ всѣхъ армянскихъ епархій. Онъ имѣетъ попеченіе о дѣлахъ церкви, религіи и нравственности, посылаетъ уполномоченныхъ въ епархіи, для исполненія распоряженій и рѣшенія въ возникшихъ спорахъ. При всѣхъ церковныхъ службахъ армянской церкви его имя упоминается непосредственно послѣ Императора Всероссійскаго и Августѣйшаго Дома. Книги религіознаго содержанія на армянскомъ языкѣ печатаются только съ его дозволенія. При своемъ вступленіи на престолъ св. Григорія, онъ даетъ обѣтъ сохранять законы, преданія и обычаи своей церкви во всей ихъ неприкосновенности. Армянская церковь признаетъ первые три Вселенскихъ собора и соборы отдѣльной армянской церкви.

Патріархъ получаетъ званіе свое только законнымъ выборомъ. Въ прежнія времена, когда Арменія имѣла еще своихъ царей, послѣдніе для выбора новаго

Каволикосъ Геворкъ V, основ. Эчміадзинской Дух. Академіи.

патріарха созывали людей духовныхъ и свѣтскихъ. Впослѣдствіи, вслѣдствіе угнетеннаго политическаго положенія, бывали случаи, когда участіе свѣтскихъ

ослабѣвало, выборъ представлялся духовнымъ, часто однимъ только монахамъ, однако свѣтскіе никогда не исключались, и въ послѣдующія времена они стали принимать болѣе рѣшительное участіе. Иначе стало, когда Арменія подчинилась магометанскимъ завоевателямъ, для которыхъ право утвержденія выборовъ стало служить поводомъ, къ поборамъ и налогамъ. Такъ продолжалось до половины XVIII столѣтія, но мало-по-малу, при выборѣ патріарха, усилилось и русское вліяніе ко благу армянской церкви.

Патріархъ Симеонъ, при выборѣ своемъ, первый искалъ утвержденія Россіи и получилъ его 30-го іюня 1765 г. Преемникъ его, католикосъ Гукасъ, утвержденъ 26-го февраля 1798 года. Послѣ него вліяніе Россіи такъ усилилось, что жившій въ С.-Петербургѣ армянскій епископъ князь Іосифъ Аргутинскій-Долгорукій былъ избранъ въ патріархи и утвержденъ императоромъ Павломъ 30-го октября 1800 г. Послѣ Россіи слѣдовало признаніе выборовъ Персіею и Турціею. Патріархи Даніилъ и Ефремъ избраны подъ исключительнымъ вліяніемъ Россіи. Затѣмъ слѣдовали Іоганесъ VIII (Корбійскій), Нерсесъ V (Аштаракскій), Матеосъ I, Геворкъ IV, Макаръ I (умеръ въ 1891 г.).

По существующимъ россійскимъ законамъ, основаннымъ на канонахъ армянской церкви, патріархъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ передать власти, правъ, и имуществъ присвоенныхъ его сану, ни эчміадзинскому армяно-грегоріанскому синоду, ни какому-либо иному мѣсту или лицу. При вакантности престола верховнаго патріарха-католикоса всѣхъ армянъ, эчміадзинскій синодъ посылаетъ извѣстительныя грамоты о томъ во всѣ армяно-григоріанскія епархіи, находящіяся какъ въ Россіи, такъ и внѣ ея предѣловъ, и назначаетъ годичный срокъ для избранія новаго патріарха. Каждая епархія назначаетъ для избранія патріарха двухъ депутатовъ: духовнаго и свѣтскаго депутатовъ, въ выборѣ патріарха участвуютъ всѣ члены синода и семь старшихъ, пребывающихъ въ Эчміадзинѣ, епископовъ, причемъ, въ случаѣ недостатка послѣднихъ, число это пополняется старшими эчміадзинскими архимандритами. Избраніе производится въ эчміадзинскомъ соборѣ св. Григорія Просвѣтителя; по отобраніи голосовъ всѣхъ присутствующихъ и разсмотрѣніи письменныхъ отзывовъ, доставленныхъ въ синодъ, имѣющими право на выборъ въ кандидаты признаются четыре старшіе по большинству поданныхъ въ ихъ пользу голосовъ; въ случаѣ равенства голосовъ жребій рѣшаетъ, кто должны считаться старшими; изъ нихъ производится всѣми присутствующими выборъ двухъ кандидатовъ на мѣсто верховнаго патріарха. Эти кандидаты представляются на благоусмотрѣніе Его Императорскаго Величества. Указъ объ управленіи дѣлами армянской церкви въ Россіи вышелъ 11-го марта 1836 г. и впервые былъ введенъ въ дѣйствіе при избраніи въ католикосы Нерсеса V (въ 1843 г.).

Сообразно съ древними обычаями, патріарха, выходящаго изъ дворца и ограды Эчміадзинскаго монастыря, сопровождаютъ почетная стража (шатиры), составленная изъ армянъ, принадлежащихъ Эчміадзинскому монастырю, а также нѣсколько членовъ духовенства и два духовныхъ сановника, изъ которыхъ одинъ несетъ патріаршій посохъ, а другой — хоругвь. Католикосъ имѣетъ постоянное пребываніе въ Эчміадзинскомъ монастырѣ; когда онъ считаетъ нужнымъ отлучиться изъ монастыря болѣе нежели на 4 мѣсяца, то испрашиваетъ на это Высочайшее соизволеніе.

Со временъ св. Григорія Просвѣтителя патріаршій престолъ оставался въ Эчміадзинѣ, несмотря на то, что патріархи, вынуждаемые разными неблагопріятными политическими обстоятельствами, оставляли временно этотъ монастырь и переселялись въ другія мѣста. Такъ, въ 451 году, послѣ извѣстной вартанской религіозной войны съ персидскимъ царемъ Аскертомъ II, когда городъ Двинъ сдѣлался столицею персидскихъ, а затѣмъ арабскихъ завоевателей, патріаршій престолъ былъ на время переведенъ въ Двинъ. Въ IX и X вв., въ царствованіе Багратидовъ, престолъ былъ переведенъ въ Ширакъ. Въ XI в. греки, желая ослабить власть и вліяніе армянскихъ патріарховъ, дѣлали невозможнымъ пребываніе послѣднихъ въ предѣлахъ Арменіи, вслѣдствіе чего въ 1065 г. впервые армянскій патріаршій престолъ былъ переведенъ за предѣлы Великой Арменіи, а именно въ гор. Сисъ, въ Киликіи. Въ 1441 г. состоялся въ Вагаршапатѣ соборъ, на которомъ было постановлено возвратить патріаршій престолъ въ Эчміадзинъ.

Представителемъ и намѣстникомъ верховнаго патріарха-католикоса въ Палестинѣ и Египтѣ является іерусалимскій армянскій патріархъ. Время учрежденія армянскаго патріархата въ Іерусалимѣ съ точностью не выяснено; извѣстно только, что еще въ 637 г. эмиръ Хаддаба, завоевавъ Іерусалимъ, подчинилъ мѣстному армянскому патріархату ассирійскую и коптскую церкви. Намѣстникомъ верховнаго патріарха-католикоса въ Турціи является константинопольскій армянскій патріархъ, которому подвѣдомы дѣла турецкихъ армянъ. Этотъ патріархатъ основанъ въ 1453 году. Армянскіе патріархи въ Іерусалимѣ и Константинополѣ могутъ быть низведены католикосомъ или даже народомъ, но самъ католикосъ несмѣняемъ, какъ помазанный мvромъ.

Нынѣ эчміадзинскимъ верховнымъ патріархомъ-католикосомъ всѣхъ армянъ состоитъ Мкртичъ I; на народномъ собраніи 1892 г. въ Эчміадзинѣ онъ былъ избранъ на этотъ высокій постъ единогласно армянами Россіи, Турціи, Персіи и Великобританіи (Индіи). Нынѣшній католикосъ пользуется глубокими симпатіями армянъ, которые называютъ его не иначе, какъ «айрикъ» (отецъ родной). Отличительною чертой нынѣшняго католикоса является его безпредѣльная любовь къ своему народу, терпимость, готовность помогать всякому, безъ различія вѣроисповѣданія, кто обращается къ нему за помощью. Дворъ его не отличается пышностью: католикосъ живетъ въ весьма скромной обстановкѣ.

«Рабъ Христа и милостію и волею Его католикосъ армянскій» — такъ титуловались католикосы армянскіе; впослѣдствіи этотъ титулъ былъ нѣсколько распространенъ. Въ числѣ титуловъ своихъ, признанныхъ закономъ, патріархъ именуется помазанникомъ Божіимъ и Вехапаръ. Подпись патріарха дѣлается обыкновенно красными чернилами. Къ патріаршей грамотѣ прикладывается печать, на которой въ срединѣ изображенъ Агнецъ, а вокругъ имя католикоса. Полный титулъ католикоса въ такъ называемыхъ кондакахъ (посланіяхъ): «Мкртичъ, рабъ Іисуса Христа и, по неисповѣдимой волѣ Бога, глава епископовъ и католикосъ всѣхъ армянъ, верховный патріархъ всенароднаго первочтимаго престола араратскаго апостольской Матери-Церкви святаго каѳедральнаго Эчміадзина».

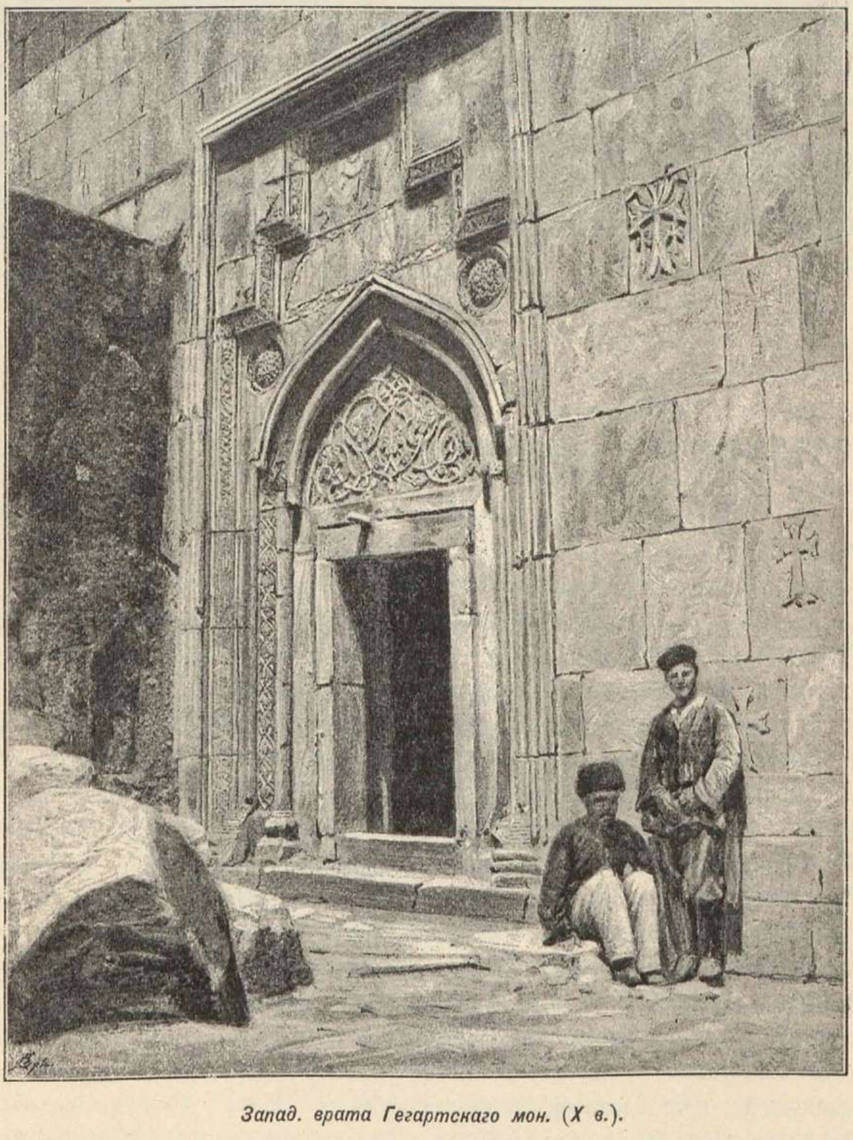
Величавыми преданіями окружены армянскія святыя мѣста. Эчміадзинъ, резиденція католикосовъ, въ которой встарину считалось обязательнымъ для каждаго армянина побывать хотя одинъ разъ въ жизни, славенъ своею древностью. На томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ нѣкогда царственный Вагаршапатъ, существуетъ теперь Эчміадзинъ, а вблизи его другіе три монастыря: Гаяне, Рипсиме и Шогокатъ, на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ возникли столбы въ видѣніи св. Григорія. Эчміадзинскій соборъ, построенный крестообразно, въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ сохранилъ общій характеръ и размѣры, данные видѣніемъ. Все здѣсь говоритъ о тѣхъ временахъ, когда въ странѣ появился впервые свѣтъ истинной вѣры. Въ Эчміадзинѣ хранятся величайшія святыни армянской церкви: десница св. Григорія, голова блаженной Рипсимы и руки: апостола Ѳаддея, сына св. Григорія, Аристакеса, и родственника его св. Іакова. По древнему армянскому обычаю, священные предметы эти вложены въ особыя серебряныя изваянія, чтобы благословлять ими народъ, какъ бы руками самихъ святителей. Тамъ же хранится и кусочекъ дерева отъ Ноева ковчега, добытый, по мѣстнымъ преданіямъ, св. Іаковомъ. Богатый серебряный кіотъ, съ вычеканенными на немъ иконами, хранитъ священное для каждаго христіанина копье, которымъ былъ прободенъ на крестѣ Спаситель. Прежде по свидѣтельству старыхъ людей, вмѣстѣ съ копьемъ хранился въ Эчміадзинѣ и одинъ изъ гвоздей, которымъ былъ пригвожденъ Спаситель ко кресту. Теперь его уже нѣтъ.

Основатель династіи Арсакидовъ, Вагаршакъ, одинъ изъ величайшихъ царей Арменіи, возвелъ городъ Вагаршападъ на степень столицы. Царь Вагаршакъ окружилъ его во II столѣтіи новыми стѣнами и назвалъ Норкагакомъ (новый городъ). Одинъ изъ Сассанидовъ, Шапухъ II, разрушилъ его въ 354 г.; въ то время, по увѣренію Фауста, Византійца, въ немъ находилось 19.000 домовъ. Городъ не былъ возобновленъ, но деревня и понынѣ называется Вагаршападъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ было видѣніе, Тиридатъ Великій и св. Григорій построили первую христіанскую церковь и назвали ее Эчміадзинъ, т.-е. «Сошелъ Единородный». Съ 529 до 618 года церковь находилась въ развалинахъ. Патріархъ Комитасъ снова отстроилъ ее, имъ же сооруженъ и каменный куполъ. Во всѣ послѣдующія времена дѣлались къ храму пристройки. Церковь сильно была разорена Шахъ-Аббасомъ; въ 1629 году она совершенно отстроена въ такомъ видѣ, въ какомъ находится и теперь.

Въ древнія времена библіотека монастыря была чрезвычайно богата, но, при частыхъ опустошеніяхъ монастыря по случаю упадка въ немъ учености, большая часть погибла, и теперь находится въ ней до 3.000 рукописей историческаго и богословскаго содержанія. Кромѣ того, имѣются многія любопытныя сочиненія о церковныхъ преданіяхъ. Когда въ 1809 г. персіяне разграбили монастырь, то увезли всѣ книги, которыя были получше переплетены.

Арменія—страна развалинъ. Но и въ этихъ развалинахъ вѣетъ все тотъ же духъ религіозныхъ преданій. Одно изъ нихъ, относящееся къ св. Іакову, прибавляетъ лишнюю мистическую черту къ исторіи вѣчно таинственнаго Арарата. Св. Іаковъ, родственникъ св. Григорія, принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ подвижникамъ Арменіи, и нетлѣнная рука его хранится въ Эчміадзинѣ. Мѣстная легенда передаетъ, что св. Іаковъ, проводившій подвижническую жизнь въ ущель-

яхъ Арарата, былъ мучимъ желаніемъ увидѣть Ноевъ ковчегъ. Нѣсколько разъ пытался онъ подняться на вершину Арарата, но каждый разъ, какъ исполненіе завѣтной мечты казалось уже близко, сонъ овладѣвалъ имъ, и невѣдомая сила, сносила его обратно къ подножію горы. Іаковъ не хотѣлъ, однако же, оставить своего намѣренія. И вотъ, однажды, въ сонномъ видѣніи, явился ему ангелъ и запретилъ всходить на гору, а въ вознагражденіе трудовъ вручилъ ему кусокъ дерева отъ Ноева ковчега. Іаковъ принесъ его въ даръ Эчміадзину, а на мѣстѣ видѣнія построенъ былъ, впослѣдствіи, монастырь во имя св. Іакова.

Запад. врата Гегартскаго мон. (X в.).

Мушъ (Киликія).

Патріархъ-каѳоликосъ Мкртичъ I (Айрикъ).

Верховный патріархъ-каѳоликосъ всѣхъ армянъ архіепископъ Мкртичъ Хриміанъ, вступившій въ 1893 г. на патріаршій престолъ подъ именемъ Мкртича I (№ 136 по патріаршему списку, начинающемуся именемъ апостола Ѳаддея) принадлежитъ къ числу знаменитѣйшихъ іерарховъ армянской церкви. Поэтъ, публицистъ, педагогъ, выдающійся духовный витія и самоотверженный народно-общественный дѣятель, онъ пользуется необычайною популярностью среди армянъ, безъ различія общественнаго положенія. Взамѣнъ пышныхъ титуловъ, подобающихъ его сану, народъ далъ архіепископу Хриміану трогательное прозвище «отецъ родной» (айрикъ). И онъ дѣйствительно былъ въ полномъ смыслѣ слова «роднымъ отцомъ» для своей паствы, какъ бы воскрешая въ своемъ лицѣ тѣ времена, когда пастыри клали душу за паству свою. Живя въ обстановкѣ почти анахорета, о. Хриміанъ дѣлился всѣмъ, что только имѣлъ, съ нуждающимися, для которыхъ всегда была открыта дверь его скромной кельи. Когда же не хватало его личныхъ средствъ, всегда крайне скудныхъ, онъ не уставалъ предстательствовать за бѣдныхъ предъ богатыми и сильными міра сего, навлекая на себя часто упреки въ «излишней» настойчивости.

Въ особенности въ годину народныхъ бѣдствій, какъ это было во время голода 1878 г., посѣтившаго Турецкую Арменію послѣ послѣдней русско-турец-

кой войны, о. Хриміанъ весь отдался на служеніе своему народу, забывая и свой высокій санъ, и свои годы. Со всѣхъ концовъ Европы и Азіи, гдѣ только живутъ армяне, стекались къ о. Хриміану, въ то время занимавшему епископскую каѳедру въ Ванѣ, приношенія въ пользу голодающихъ, Не довольствуясь сравнительно легкою задачей сбора денегъ, престарѣлый іерархъ отправился на мѣсто бѣдствія, въ глубь Арменіи, и, подвергаясь всѣмъ случайностямъ весьма суровой на армянскомъ плоскогорьѣ зимы, старался если не всегда устранить, по недостатку средствъ, ужасы голода, то облегчить его добрымъ словомъ, ласкою и религіознымъ утѣшеніемъ, на которое особенно отзывчиво отличающееся глубокою религіозностью армянское крестьянство. Немудрено, что, не будучи избалованы частымъ проявленіемъ такого истинно-архипастырскаго самоотверженія и любви, армянскіе крестьяне благоговѣютъ предъ «своимъ» (о. Хриміанъ самъ происходилъ изъ крестьянъ) *айрикомъ*.

Въ 1890 г. въ Константинополѣ, передъ самою ссылкою архіепископа Хриміана въ Іерусалимъ, можно было видѣть такую трогательную сцену народной манифестаціи. Въ разношерстной, густой толпѣ идетъ по Галатѣ о. Хриміанъ съ маленькою бархатною шапочкой малиноваго цвѣта на головѣ, которую носитъ армянское духовенство въ Турціи. Величавая, богатырская фигура статнаго прелата бросается въ глаза даже въ этой пестрой толпѣ Константинополя, изобилующей богатырями Азіи и Африки. Какъ только атлеты «хамалы» (крестьяне-крючники—выходцы изъ Турецкой Арменіи), стоящіе у большаго моста черезъ Золотой Рогъ, замѣтятъ фигуру обожаемаго «айрика», со всѣхъ ногъ бросаются къ нему, не смотря на грозные окрики полиціи, и благоговѣйно, со слезами на глазахъ, цѣлуютъ его руку. Престарѣлый іерархъ пробуетъ ускорить шагъ, но напрасно. Толпа двигается за нимъ, причемъ не успѣвшіе приложиться къ рукѣ дотрогиваются съ умиленіемъ до края его потертой черной рясы. Наконецъ, во избѣжаніе уличнаго безпорядка, о Хриміанъ, сославшись на свою усталость, проситъ отпустить его. Въ одно мгновеніе разступается толпа и онъ идетъ своею дорогой. Люди, хорошо знающіе настроеніе турецкихъ армянъ, увѣряли, что простой народъ, по одному слову о. Хриміана, пойдетъ за него въ огонь и воду.

По происхожденію, какъ замѣчено, о. Хриміанъ принадлежитъ къ крестьянской семьѣ. Онъ родился въ 1820 году въ глухой деревушкѣ Турецкой Арменіи, близъ озера Вана. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ армянскомъ Лимскомъ монастырѣ, а затѣмъ въ Константинополѣ. По окончаніи ученія Хриміанъ посвятилъ себя педагогіи, занимаясь преподаваніемъ въ глухихъ армянскихъ провинціальныхъ школахъ. Обладая живымъ, подвижнымъ темпераментомъ, онъ много путешествовалъ въ молодости по Арменіи и Св. Землѣ. Свои путевыя впечатлѣнія и размышленія онъ передалъ въ двухъ поэмахъ: «Привѣтъ Арменіи и «Привѣтъ Обѣтованной земли», обнаруживающихъ въ авторѣ недюжинный поэтическій даръ. Съ 1850 г. Хриміанъ безпрерывно обогащалъ армянскую литературу богословскими, историческими и правоучительными сочиненіями. Одно время онъ издавалъ журналы: *Византійскій Орелъ*, а затѣмъ *Васпураканскій Орелъ*. Въ 1854 году Хриміанъ принялъ постриженіе и въ 1868 году получилъ епископскій санъ. Въ 1869 г. онъ былъ избранъ армянскимъ константинопольскимъ патріархомъ. Незадолго передъ этимъ турецкимъ

армянамъ дарована была такъ называемая конституція, т. е. самоуправленіе по мѣстнымъ дѣламъ, и такимъ образомъ о. Хриміану пришлось стоять во главѣ константинопольской армянской общины въ трудное время примѣненія новыхъ порядковъ самоуправленія. Всегда прямому, справедливому и преданному интересамъ народа, іерарху пришлось столкнуться съ партійными интересами сильныхъ міра сего, и въ 1873 г. онъ покинулъ постъ патріарха, унося глубокое уваженіе даже своихъ политическихъ противниковъ. Съ тѣхъ поръ о. Хриміанъ управлялъ епархіями, занималъ разныя церковныя должности и былъ безсмѣннымъ членомъ константинопольскаго армянскаго національнаго собранія. Въ 1878 г. онъ въ составѣ армянской делегаціи объѣзжалъ европейскіе дворы, ходатайствуя объ обезпеченіи быта своихъ многострадальныхъ соотчичей. Какъ извѣстно, миссія имѣла успѣхъ, и Берлинскій конгрессъ подтвердилъ и развилъ, выговоренное С.-Стефанскимъ мирнымъ договоромъ, обязательство Порты произвести реформы въ армянскихъ провинціяхъ, до сихъ поръ (1897 г.) однако неосуществленное.

Съ этихъ именно поръ Порта особенно недовѣрчиво стала смотрѣть на о. Хриміана и въ 1890 г. водворила его въ Іерусалимѣ, гдѣ онъ и находился до *единогласнаго* избранія его въ маѣ 1892 г. въ Эчміадзинѣ депутатами всѣхъ епархій Россіи, Турціи и Персіи первымъ кандидатомъ на постъ верховнаго патріарха каѳоликоса всего гайканскаго народа, какъ гласитъ его оффиціальный титулъ (ст. 927 т. XI ч. 2 Свода Законовъ). Въ теченіе цѣлаго года Порта всякими способами стремилась помѣшать утвержденію о. Хриміана въ санѣ каѳоликоса, но, наконецъ, вынуждена была уступить и только выговорила формальное обязательство, чтобы о. Хриміанъ не заѣзжалъ въ Константинополь и изъ Іерусалима отправился прямо въ Тріестъ. На встрѣчу новому каѳоликосу была выслана изъ Эчміадзина въ Іерусалимъ делегація въ составѣ двухъ епископовъ и двухъ архимандритовъ.

Утвержденіе Александромъ III о. Хриміана, изгнанника Порты, каѳоликосомъ всѣхъ армянъ было встрѣчено со стороны армянъ съ большою радостію и глубокою признательностью.

Несмотря на свой преклонный возрастъ, тѣмъ не менѣе каѳоликосъ находится въ полномъ обладаніи умственными силами. Еще въ 1893 году онъ выпустилъ въ мѣстѣ своего заточенія, въ Іерусалимѣ, новое изданіе своей юношеской поэмы «Привѣтъ Обѣтованной земли» съ новыми строфами и варіантами.

Наружность у каѳоликоса очень внушительная и привлекательная: громадный ростъ, атлетическое сложеніе въ соединеніи съ очень умнымъ и добрымъ лицомъ. Біографы его разсказываютъ такой характерный случай. Въ 50-хъ годахъ былъ подосланъ врагами о. Хриміана убійца-курдъ. Встрѣтивъ его беззаботно идущимъ въ глухой мѣстности, курдъ такъ былъ пораженъ обезоруживающею симпатичною наружностью красавца-монаха, что дрогнула рука убійцы и онъ, бросившись ему въ ноги, повинился въ своемъ зломъ умыслѣ и просилъ прощенія.

Въ началѣ 1895 г. Мкртичъ I предпринялъ продолжительную поѣздку по Россіи для посѣщенія своей паствы. Посѣтивъ Кубанскую область и Ставропольскую губернію, онъ довольно долго оставался въ Нахичевани-на-Дону. Въѣздъ каѳоликоса въ города совершался по древнему церемоніалу армянской церкви: впереди везли патріаршій посохъ изъ черного дерева съ золотымъ набалдашникомъ и бриліантовымъ крестомъ. Затѣмъ слѣдовали патріаршій жезлъ и пат-

ріаршее знамя. Жезлъ, изображаетъ серебряный разцвѣтшій Аароновъ жезлъ, покрытый бархатною пеленою малиноваго цвѣта съ изображеніемъ двуглаваго орла, держащаго въ рукахъ крестъ и евангеліе. Патріаршее знамя— красная шелковая хоругвь и на ней вышитъ патріаршій гербъ: св. копье, нерукотворенный образъ, фасадъ первопрестольнаго Эчміадзинскаго собора, Араратъ съ Ноевымъ ковчегомъ и агнецъ Божій съ побѣднымъ знаменемъ. — Во время

Каѳоликосъ Мкртичъ I (1893 г.)

пребыванія въ Нахичевани Хриміанъ произнесъ нѣсколько замѣчательныхъ рѣчей. Здѣсь же онъ собиралъ пожертвованія въ пользу армянъ, бѣжавшихъ послѣ Сасунской рѣзни. Въ задушевной, дышащей чисто библейской простотой рѣчи маститый святитель, между, прочимъ, сказалъ: „меня вы именуете каѳоликосомъ, святителемъ, но наше исконное наименованіе: пастырь,—да, пастырь! Наступаетъ время, когда овцы обрастаютъ шерстью, и вотъ пастырь беретъ

ножницы и начинаетъ стричь ихъ (но не до мяса, сохрани Боже!). Я тоже пастухъ и долженъ постричь васъ ради другихъ моихъ овецъ, лишенныхъ шерсти.— Знаете ли вы, что обитель св. Эчміадзина переполнилась отъ переселенцевъ? Кто голоденъ, кто нагъ, кто безпріютенъ—всѣ требуютъ помощи. Слава Богу, армянскій народъ понимаетъ ихъ положеніе и не отказываетъ мнѣ въ средствахъ. Если не будетъ помощи отъ народа, что я буду дѣлать?—Я этого не въ состояніи вынести, сердце мое надрывается, душа изнываетъ... Вамъ не рѣдко приходится слышать, что у Айрика есть недоброжелатели, есть враги, — не смущайтесь этимъ! Я долготерпѣливъ, я на враговъ не обращаю вниманія, и вы не безпокойтесь. Одного только страшится Айрикъ, а именно: когда голодный проситъ у Айрика хлѣба и онъ не можетъ его насытить. Вотъ это меня обезсиливаетъ, подавляетъ и уничтожаетъ.

«Но не одни переселенцы озабочиваютъ меня, 80.000 переселенцевъ въ Константинополѣ. Г. Айвазовскій, маститый художникъ, ты видѣлъ этихъ хамаловъ (носильщиковъ), этихъ гигантовъ-хамаловъ, поднимающихъ огромныя тяжести... Есть переселенцы и въ другихъ мѣстахъ. Эти люди покинули свои родныя мѣста. Почему? Багревандъ — плодороднѣйшая часть Арменіи. Почему же армяне должны покидать свою землю, свои сады, поля?—потому, что они, бѣдняги, не въ силахъ болѣе вынести гоненій, напоминающихъ времена христіанскихъ мучениковъ и времена персидскаго царя Язкерта.

«Кровь сасунцевъ,—да, я увѣренъ въ этомъ,—неминуемо проложитъ путь къ милосердію Божію, и этотъ вопросъ найдетъ какое-нибудь рѣшеніе. Вѣрно, что будетъ дано имъ какое-либо облегченіе, такое положеніе не можетъ продолжаться. Уже идетъ рѣчь о необходимыхъ реформахъ. Господь долженъ помочь нашему бѣдному народу».

Эту застольную рѣчь закончилъ патріархъ слѣдующими словами: «Еще одна драгоцѣнная здравица. Человѣкъ обыкновенно видитъ вершину и рѣдко замѣчаетъ то, что находится тамъ внизу, въ долинѣ. И тамъ также люди живутъ. Они день и ночь работаютъ въ потѣ лица подъ лучами солнца, подъ дождемъ, и спятъ, положивъ голову на камень. Этотъ хлѣбъ, что мы ѣли, хлѣбопашецъ выработалъ. О, сколько онъ потрудился, чтобы добыть этотъ хлѣбъ, этотъ сыръ, вино, которое мы пили и которое насъ развеселило. Все это плоды трудовъ сельскихъ рабочихъ. Итакъ, да будутъ благословенны всѣ рабочіе-земледѣльцы, которые насъ кормятъ».

Принимая еврейскую депутацію, патріархъ отнесся къ ней съ такою же любовью, какъ и къ другимъ. Вообще, широкая вѣротерпимость и проповѣдь всеобщей любви составляетъ одну изъ выдающихся чертъ его. Во время вышеуказаннаго голода въ Арменіи, о. Хриміанъ оказывалъ пособіе всѣмъ, безъ различія вѣроисповѣданія. Когда однажды явился къ нему иновѣрецъ за пособіемъ и въ благодарность предлагалъ перейти въ армянскую церковь, Хриміанъ вѣжливо, но твердо отклонилъ это предложеніе, замѣтивъ:

— Теперь возьми, что нужно, а о перемѣнѣ вѣры потолкуемъ послѣ голода [1]).

Принимая тамъ же редакцію *Приазовскаго края*, Хриміанъ высказалъ свой

1) См. „Церковный Вѣстникъ“ 1895, № 23.

взглядъ на печать. «Встарину, сказалъ онъ, жили апостолы и пророки, учившіе людей добру и вѣщимъ словомъ предрекавшіе объ ожидающихъ народъ бѣдствіяхъ. Теперь нѣтъ ни апостоловъ, ни пророковъ, и ихъ задачу выполняютъ дѣятели газетъ и журналовъ. Печать, которая всегда была силою, сдѣлалась могущественною съ тѣхъ поръ, какъ, благодаря успѣхамъ положительныхъ наукъ, стали облегчаться сношенія между народами. Благодаря телефону, желѣзнымъ дорогамъ и другимъ изобрѣтеніямъ человѣческаго генія, газетное извѣстіе въ одинъ и тотъ же день дѣлается достояніемъ всего цивилизованнаго міра. При такихъ условіяхъ разумно направленное, проникнутое духомъ истиннаго христіанства печатное слово имѣетъ полную возможность приносить огромную пользу людямъ, просвѣщать общественное самосознаніе, распространять идеи прогресса, вносить свѣтъ науки и знанія во всѣ сферы жизни, внѣдрять сѣмена добра, мира и братской любви въ человѣческихъ сердцахъ. Въ этомъ смыслѣ пресса, безъ сомнѣнія, сила зиждительная, благотворная, и священны обязанности тѣхъ лицъ, которыя въ ней подвизаются. Но за то, наоборотъ, сила эта пріобрѣтаетъ разрушительныя свойства, какъ скоро начинаетъ уклоняться отъ своего прямаго пути, и знамя, ей приличествующее и коренящееся въ существѣ ея высокой миссіи, замѣняется недостойнымъ служеніемъ чуждымъ ей кумирамъ»...

Въ Петербургѣ Мкртичъ I былъ удостоенъ весьма милостиваго пріема со стороны Государя Императора и Государыни Императрицы. Здѣсь онъ произнесъ нѣсколько проповѣдей, изъ коихъ въ газетахъ были приведены двѣ. Въ одной изъ нихъ, между прочимъ, сказалъ:

«Какъ ни слабъ я отъ усталости, однако, пастырскій долгъ мой меня обязываетъ съ вами вновь побесѣдовать. Третьяго дня, когда я вошелъ въ этотъ храмъ, я привѣтствовалъ васъ; сегодня же я васъ спрошу, какъ нѣкогда Спаситель нашъ спрашивалъ своихъ учениковъ: здравы ли вы? Дѣйствительно, если подъ здравіемъ будемъ понимать здоровье тѣла, т.-е. что человѣкъ живъ, ѣстъ, пьетъ, дѣйствуетъ, то вотъ я васъ всѣхъ вижу сегодня здѣсь въ церкви стоящими; я говорю, а вы слушаете; но смыслъ моего вопроса иной: не о тѣлѣ вашемъ я спрашиваю, а о томъ, здравы ли вы и въ вѣрѣ вашей, здравы ли вы въ исполненіи христіанскихъ обязанностей своихъ, здравы ли вы въ любви къ Богу и къ ближнему, ибо «вѣра безъ дѣлъ мертва есть»,—говоритъ апостолъ. Если вѣрующій, носящій имя христіанина, не будетъ совершать дѣлъ, приличныхъ христіанину, и будетъ лишь по имени называться христіаниномъ, будетъ посѣщать церковь, читать псалмы и не будетъ стараться ихъ постичь, будетъ слушать св. Евангеліе и не будетъ исполнять заповѣдей Божіихъ, то это не значитъ быть настоящимъ христіаниномъ. Такимъ былъ нѣкогда и Израиль, на который Господь Богъ жаловался устами пророка: «Этотъ народъ приближается ко Мнѣ устами своими и языкомъ своимъ чтитъ Меня, сердце же его далеко отъ Меня». Одна голая вѣра, знаете, на что похожа? Она похожа на дерево, сгнившее внутри, но снаружи имѣющее только кору и зеленыя вѣтви—по внѣшнему лишь виду оно здорово. Вы должны знать, что только въ дѣлѣ вѣра остается жива, и мы по дѣламъ должны судить о вѣрѣ человѣка и о томъ, насколько онъ—искренній христіанинъ. Вѣра для вѣрующаго продолжается только до могилы, а память о добрыхъ дѣлахъ его и послѣ смерти его остается на свѣтѣ. Это такъ.

«Обратимся теперь ко второму вопросу. Я спросилъ о вашемъ здравіи и, по мѣрѣ возможности, вамъ объяснилъ, какъ должно быть здравымъ и настоящимъ христіаниномъ. Когда Израилевъ народъ былъ уведенъ въ Вавилонъ, у прибывавшихъ изъ Іерусалима онъ спрашивалъ о здоровьѣ и цѣлости Іерусалима. Вы—тоже переселившіеся на берега рѣки Невы, братья, знаю, и вы тотъ же вопросъ зададите мнѣ: «Айрикъ, ты откуда прибылъ, скажи намъ, здрава ли наша родина мать—Арменія, живы ли ея дѣти?» Я знаю, и между вами есть люди со слабой вѣрой, которые потеряли надежду, которые въ отчаяніи говорятъ: Арменія погибла или полупогибла. Но я оповѣщаю васъ: Арменія еще жива и останется жива. Если Арменія многое потеряла, все-таки подъ охраной Божьей вотъ 4.000 лѣтъ живутъ ея дѣти. Вы хорошо знаете, что Арменія нынѣ раздѣлена между двумя сосѣдними государствами. Вы счастливы, вамъ выпалъ удѣлъ подъ мощной охраной Всемилостивѣйшаго Императора великой Россіи свободно исповѣдывать свою христіанскую вѣру и, при условіи честнаго труда, пользоваться всѣми благами земной жизни; но братья наши въ другой части Арменіи, подпавшей подъ власть турокъ, нынѣ стонутъ отъ всевозможныхъ лишеній и страданій. Отчаяваться, однако, не надо. Ничто на свѣтѣ не вѣчно. Наступилъ, повидимому, часъ, когда суждено прекратиться и мученіямъ многострадальнаго гайканскаго народа. Будемъ вѣрить, что Провидѣніе Божіе, сочтя достаточными страданія вѣрующаго народа, десницей своей тронуло сердца христіанскихъ державъ, и онѣ теперь, соединившись въ христіанской любви своей къ древнѣйшему христіанскому народу, — будемъ надѣяться и твердо вѣрить, — положатъ конецъ нынѣшнему ужасному положенію нашихъ братьевъ въ Турецкой Арменіи, даровавъ имъ добропорядочное административное устройство. Будемъ вѣрить, что и самъ султанъ, сознавъ необходимость такой реформы, вполнѣ соотвѣтствующей и интересамъ его государства, охотно согласится утвердить предположенныя реформы.

«Но мы, армяне Россіи и Турціи, издавна привыкли лелѣять въ сердцѣ нашемъ горячую вѣру въ покровительство и мощную защиту Самодержавнаго Царя великой Россіи, къ которому искони обращены были взоры многострадальныхъ христіанъ Востока. Вопль ихъ всегда бывалъ услышанъ великодушными Царями, и церковь христіанская спасалась отъ оскверненія супостатомъ. Будемъ же и мы твердо вѣрить, что достойный потомокъ великихъ Царей, нашъ Всемилосерднѣйшій Государь Императоръ Николай II, положитъ предѣлъ страданіямъ нашей церкви и нашихъ братьевъ въ Турецкой Арменіи и тѣмъ увѣнчаетъ славную память Своихъ предковъ. И, какъ училъ насъ Спаситель молиться, скажемъ: да будетъ воля Твоя, яко на небесѣхъ, тако на землѣ. Аминь!»

Въ прощальной рѣчи патріархъ говорилъ:

«Возлюбленныя чада! Вы знаете, что на мнѣ, какъ на каѳоликосѣ всѣхъ армянъ, лежитъ много и очень много обязанностей. Тяжкое горе для каѳоликоса, если онъ сознаетъ, что не въ состояніи исполнить всѣхъ возложенныхъ на него Богомъ обязанностей. Иногда самъ про себя я думаю: Господи, на меня, стараго человѣка, Ты возложилъ столь тяжелое бремя; помоги мнѣ хоть въ исполненіи моихъ обязанностей, чтобы я могъ умереть сколько-нибудь спокойно, въ сознаніи, что передъ Тобой и Твоимъ народомъ я исполнилъ свой долгъ! Пока я былъ въ

Депутаты армянскихъ эпархій Россіи, Турціи и пр., избравшіе Мкртича I.

Эчміадзинѣ, со всѣхъ концовъ свѣта летѣли ко мнѣ телеграммы и письма: «Айрикъ, не сиди, трогайся, печалуйся предъ Самодержавнымъ Царемъ Россіи, проси Его положить предѣлъ страданіямъ твоего народа,—Онъ человѣколюбивъ, Онъ христолюбивъ!» Исполненіе этихъ требованій было великимъ долгомъ для меня, какъ каѳоликоса всѣхъ армянъ. И дѣствительно, избіеніе младенцевъ въ Виѳлеемѣ, плачъ и вопль Рахили ничто въ сравненіи съ избіеніемъ христіанъ въ Арменіи: въ Виѳлеемѣ избивали только младенцевъ, но отцы и матери остались живы, но въ Арменіи никого не щадятъ: ни отцовъ, ни матерей, ни старцевъ, ни младенцевъ, даже въ чревѣ матери находящихся. Послѣднее избіеніе въ Сасунѣ—это не первое: вотъ уже болѣе десяти лѣтъ турки систематически уничтожаютъ армянъ. Я не могъ равнодушно смотрѣть на избіеніе своего народа и не исполнить долга, возложеннаго Богомъ на каѳоликоса. Я исполнилъ желаніе моего народа и теперь не только надѣюсь, но и вѣрю, что милость Божія не оставитъ христіанъ Арменіи, что насталъ, наконецъ, часъ, когда будетъ положенъ конецъ страданіямъ ихъ, и молитва моя о томъ, чтобы Царь обратилъ благосклонное вниманіе Свое на участь турецкихъ армянъ, услышана, наконецъ, Господомъ Богомъ. Это была мечта вашего каѳоликоса и это должно быть мечтой вашей. Это такъ» [1]).

Послѣ Петербурга Мкртичъ I посѣтилъ Москву, Крымъ, гдѣ въ Ѳеодосіи гостилъ у маститаго художника, армянина И. К. Айвазовскаго. Затѣмъ онъ вернулся чрезъ Поти на Кавказъ. Потійскій городской голова г. Лехницкій поднесъ букетъ цвѣтовъ и привѣтствовалъ патріарха отъ имени всѣхъ жителей города прочувствованной рѣчью, на которую онъ отвѣчалъ слѣдующими словами: «Всѣ христіане—братья. Какъ поднесенный вами букетъ состоитъ изъ разныхъ цвѣтовъ, изъ коихъ каждый благоухаетъ по-своему, такъ и все христіанство, хотя и дѣлится на отдѣльныя исповѣданія, все же слѣдуетъ заповѣдямъ Христа».

[1]). Газ. „Ардзаганкъ“ сообщила краткое слово каѳоликоса всѣхъ армянъ Мкртича I, произнесенное его святѣйшествомъ 14-го января, 1897 г. въ день своего ангела, на состоявшемся въ этотъ день въ столовой эчміадзинскаго монастыря обѣдѣ. Вотъ что сказалъ его святѣйшество:

„Преосвященный Сукіасъ въ своей рѣчи сказалъ, будто я уже исполнилъ свой долгъ и мнѣ теперь остается только умереть. Это невѣрно. Правда, меня часто гоняли то въ Ванъ, то въ Мушъ, то въ Константинополь, Киликію и даже въ Европу, но какую пользу принесло все это? Очень незначительную. Я много трудился, но большая часть моей жизни прошла безполезно. А почему моя дѣятельность принесла мало пользы—это требуетъ объясненія.

„Теперь меня судьба привела въ Эчміадзинъ. Въ г. Ванѣ есть особая дѣтская игра въ мячъ: въ то время, когда одинъ изъ играющихъ старается мячъ забросить въ яму, другіе препятствуютъ ему. Но я выйду и изъ этого испытанія. Однако на мнѣ лежитъ еще много обязанностей; не слѣдуетъ отчаяваться; надо вѣрить, что Богъ когда-нибудь утѣшитъ насъ. Я никого не виню на свѣтѣ, что турки либо европейцы избили моихъ дѣтей. Евангеліе этого не позволяетъ, все это отрицаетъ, а я ученикъ его. Пророкъ Іеремія лишь вопіетъ о несчастіи своего народа, о разрушеніи Іерусалима и т. д., но онъ не негодуетъ на Навуходоносора, а говоритъ: „Господь, дѣлай что хочешь“. И я ученикъ Евангелія и говорю: „Богу угодно было такой судъ совершить“. Но существуетъ и Божья милость. Истреблены народы, но Богъ создаетъ ихъ вновь. И сколько разъ армяне были перебиты, но Богъ вновь ихъ возсоздалъ. Будемъ опять вѣрить, и молиться“...

Предъ возвращеніемъ въ Эчміадзинъ патріархъ посѣтилъ Ахалцыхъ, Александрополь, Ахалкалакъ [1]) и друг. города, населенные армянами.

Вездѣ Мкртича I, благодаря его задушевной простотѣ и доступности, встрѣчало народное ликованіе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приводили къ нему больныхъ, въ надеждѣ получить исцѣленіе.

Немногіе изъ патріарховъ пользовались такою широкою и всеобщею популярностью, какъ Мкртичъ I. Помимо другихъ знаковъ преданности и уваженія, маститый іерархъ удостоился безпримѣрной дани признательности отъ своего народа. Еще при жизни своей онъ попалъ въ народный эпосъ: армянскіе слѣпцы-ашуги отъ береговъ Ванскаго озера до Кавказа уже нынѣ воспѣваютъ, подъ меланхолическій аккомпаниментъ архаическихъ гуслей, добрыя дѣла и беззавѣтную преданность народу своего любимаго «айрика».

Мысли каѳоликоса Мкртича I, извлеченныя изъ его сочиненій [2]).

Признакомъ настоящаго благородства служитъ величіе души, а не земля и золото обладателей ихъ. Тотъ истинно благороденъ, кто блещетъ лишь славою любви къ народу.

—

Человѣкъ есть лишь наименьшее подобіе своего благодѣтельнаго прототипа Создателя; предъ его совершенною и недосягаемою мудростью онъ несвѣдущій ребенокъ; отблескъ, брошенный вѣчнымъ безсмертіемъ, содѣланный изъ земли смертный. И какое можетъ быть сравненіе между каплей воды и океаномъ, между искрой и всеобъемлющимъ свѣтомъ солнца!

—

[1]). Въ Ахалкалакѣ каѳоликосъ останавливался на ночлегъ въ домѣ мѣстной старожилки, 84-лѣтней старухи по прозванію Хаджи-Маръ, главы громадной нераздѣльной семьи. Она состоитъ изъ 4 сыновей, 4 дочерей и 54 внуковъ и правнуковъ, всего 63 души подъ одною кровлею. Есть между ними купцы, учительницы и учителя, врачъ, юристъ, математикъ, нѣсколько студентовъ. Между патріархомъ и родоначальницею этой библейской семьи, еще очень бодрою старухою, завязалась слѣдующая бесѣда чисто эпическаго пошиба:

— У тебя столько сыновей, внуковъ, скажи по правдѣ, не ссорятся ли они между собой?

— Айрикъ, припадаю къ стопамъ твоимъ!.. Развѣ я имъ позволю ссориться? Всѣмъ внушаю объ ихъ обязанности повиновенія старшимъ, нерадивыхъ же и безпорядочныхъ наказываю.

— Такъ ты и наказывать умѣешь, храбрая бабушка?—улыбаясь спрашиваетъ патріархъ.

— А то какъ же? Развѣ безъ наказанія устоитъ государство? мой домъ вѣдь то же маленькое государство.

— А кто же его государь?—спросилъ Айрикъ.

— Прахъ вашихъ ногъ—Хаджи-Маръ.

— О, да будутъ благословенны старухи, такъ крѣпко охраняющія семейныя узы у армянъ.

Затѣмъ каѳоликосъ благословилъ родоначальницу и всѣхъ многочисленныхъ членовъ этой патріархальной семьи. (См. Ардзаганкъ. 1895 № 83).

[2]) **Приводимъ въ переводѣ А. А. Іоаннисеани.**

Человѣкъ родится для выполненія великаго долга, и пока онъ живъ, долженъ быть дѣятельнымъ, такъ какъ смерть и могила принесутъ ночь, во время которой человѣкъ уже не работникъ.

—

Господь, поставивъ державный тронъ свой на небѣ, управляетъ всей вселенной посредствомъ естественныхъ и вѣчныхъ законовъ. Законы его незыблемы и неизмѣнны, никто не можетъ ихъ измѣнить или нарушить, на подобіе измѣнчивыхъ законовъ міра, которые перстъ одного пишетъ и перстъ другого уничтожаетъ.

—

Несомнѣнно человѣкъ связанъ съ этимъ міромъ и матеріальною жизнью, но его великое призваніе требуетъ, чтобы онъ связалъ съ нею и нравственную и это лишь одно возвышаетъ честь и достоинство человѣка, иначе онъ опускается до уровня животнаго.

—

Внутренняя неурядица болѣе предаетъ родину, чѣмъ пришлый врагъ.

—

Ужели можно насытиться хлѣбомъ, отнятымъ у ближняго? Нѣтъ, хлѣбъ, добытый грабежомъ и насиліемъ, скоро истощается. Честенъ и неистощимъ лишь хлѣбъ, праведно заработанный въ потѣ лица. Кто въ этомъ мірѣ ѣстъ хлѣбъ безъ соблюденія этого условія, тотъ нарушаетъ постановленіе Божье.

—

Власть для народа и народъ для власти всегда взаимно необходимы; отсутствіе одного или другого прекращаетъ или извращаетъ соціальную жизнь.

—

Океанъ иногда своими страшными волнами вздымается, какъ гора и, опускаясь, вновь превращается въ покойную поверхность и это въ силу естественнаго закона, такъ какъ всесильный властелинъ морей обвелъ ихъ стѣной изъ мелкаго песку и поставилъ предѣлы бушующимъ волнамъ, чтобы онѣ не преступили ихъ и не затопили землю. О, еслибы Всемогущій Богъ поставилъ подобный же предѣлъ человѣку и въ границахъ его замкнулъ духъ завоеванія, чтобы морями крови не затоплялся бѣдный народъ.

—

Волны потока западной цивилизаціи очень смѣшаны и мутны; зло и добро, свѣтъ и тьма, безвѣріе и наука, текутъ въ немъ параллельно.

—

Въ соціальномъ строѣ движущая впередъ сила, ведущая по пути прогресса людей всякаго класса и положенія, есть ничто иное, какъ неравенство положенія и жизни людей.

—

Когда Богъ создалъ перваго человѣка, то въ сердцѣ и душѣ его запечатлѣлъ лишь слѣдующій законъ совѣсти: „Все, что ты хочешь, чтобы люди дѣлали тебѣ, тоже дѣлай и имъ“. Этого высшаго и совершеннаго закона было бы для человѣка достаточно, если бы онъ свято соблюдалъ его и не нарушалъ.

—

Домъ и семья это — міръ и предѣлъ маленькаго царства, на патріархальномъ тронѣ котораго сидятъ родители, отецъ, какъ царь и мать, какъ царица и управляютъ подвластной семьей. Въ этомъ семейномъ царствѣ нѣтъ ни полицейскаго, ни меча, ни деспотизма, ни палки, и вмѣсто всего отеческая любовь и материнская нѣжность; воспитателемъ и учителемъ служитъ живой примѣръ родителей.

—

При совершеніи райскаго союза семьи, вѣнценалагающимъ пастыремъ былъ — Господь, церковью служилъ — рай, крестомъ и евангеліемъ — древо жизни, псалмопѣвцемъ — соловей, свидѣтелями — все живущее, распорядителемъ свадебнаго пиршества — сонмъ ангеловъ, безсмертнымъ, оживляющимъ виномъ — четыре рѣки рая, непорочнымъ ложемъ — тѣнистая роща.

—

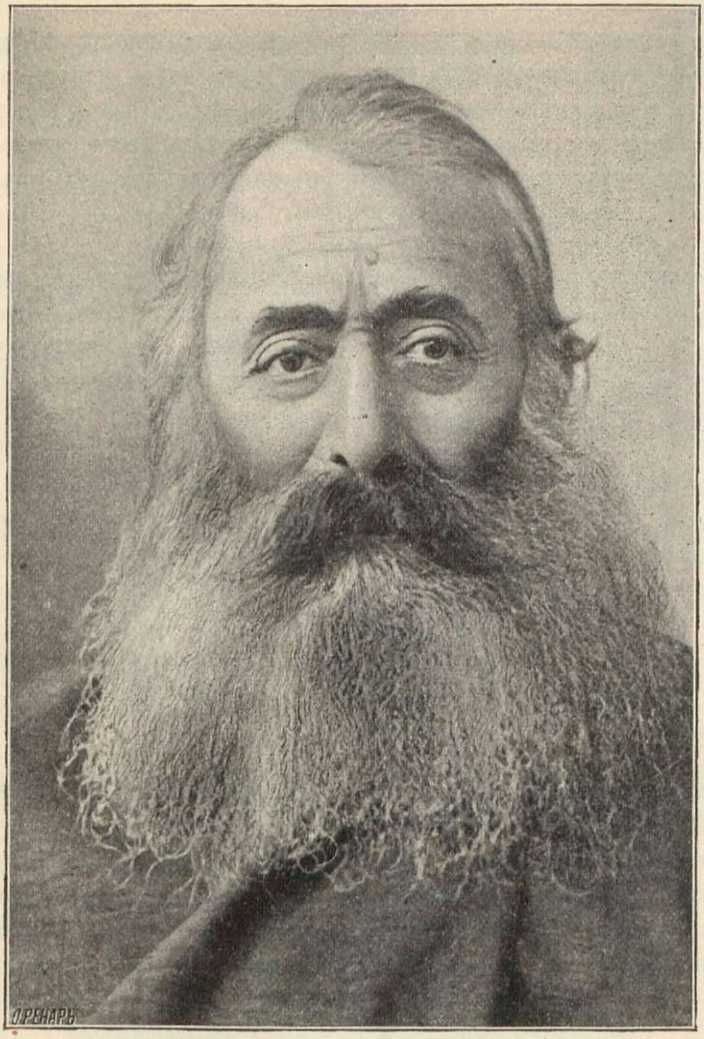
Если народъ идетъ впередъ, то первый шагъ къ совершенствованію дѣлается подъ сѣнью семьи; если онъ просвѣщается, то свѣтъ просвѣщенія исходитъ отъ свѣта домашняго очага; если объединяется, то душой и связью объединенія — семья; если становится мощнымъ, то сила и длань его — семья; обогащается, то сокровищницей и хранителемъ богатства — семья. Если народъ хочетъ послѣ земной жизни унаслѣдовать и небо, сохранивъ отечественную вѣру, религію и церковь, то притворомъ для храненія въ цѣлости и чистотѣ сихъ священныхъ залоговъ является семья.

—

Народы до такой степени привыкли переносить бѣдствія отъ рукъ людей, что если бы повели ихъ, подобно овцамъ, на бойню, они, не почувствовавъ ничего, сказали бы, что такова судьба, таковъ рокъ ихъ. И это вѣрно въ особенности по отношенію къ восточнымъ народамъ; внутренняя причина этого явленія заключается ни въ чемъ иномъ, какъ въ порабощенномъ, приниженномъ, подавленномъ духѣ людей, окутанныхъ безсвѣтной тьмой невѣжества.

Въѣздъ Мкртича I въ Эчміадзинъ.

Мкртичъ I Айрикъ (1889 г.)

АЙРИКЪ

(пѣсня ашуга[1])

СЪ АРМЯНСКАГО.

Айрикъ, Айрикъ! тотъ край, гдѣ ты возросъ,
Васпураканъ[2]) родной, тебѣ доставилъ
Колючки злыя вмѣсто нѣжныхъ розъ,
И къ каждой скорби новыхъ тьму прибавилъ.

1) Ашугъ—слѣпой армянскій рапсодъ. О значеніи рапсодовъ для армянскаго народнаго эпоса см. ниже статью г. Берберіана.

2) Васпураканъ—мѣстность около Ванскаго озера.

* *
*

Вотъ Май приходитъ съ пѣсней соловья,
Чтобы изъ почекъ вызвать къ жизни розы,
Но, вдругъ шиповъ нагія острія
На мѣстѣ розъ увидѣвъ, пролилъ слезы.

* *
*

Айрикъ сказалъ: „Мнѣ родины моей
Шипы милѣе розъ чужаго края,
И вновь пойду межъ колкихъ я вѣтвей
Искать, гдѣ скрылась роза молодая.

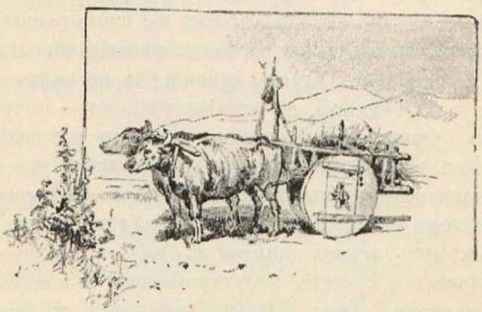
* *
*

Изъ этихъ терній, острыхъ какъ игла,
Вѣнецъ плетите мнѣ безъ опасенья:
Красой онъ будетъ моего чела;
Оно съ восторгомъ приметъ уязвленья".

* *
*

Айрикъ, Айрикъ, сроднился ужъ давно
Съ твоимъ челомъ священнымъ потъ кровавый.
Когда-жъ безвреднымъ розамъ суждено
Во всемъ цвѣту вѣнчать тебя со славой?

Ѳ. Корш

Древне-Армянская Литература.

Эскизъ Аршака Чобаніана[1]).

I.

То, что осталось отъ древней литературы Армянъ, не въ состояніи служить отраженіемъ духовной жизни этого народа. Это — литература церковная. Она не обладаетъ, ни разнообразіемъ и совершенствомъ греческой литературы, ни чрезмѣрнымъ и чувственнымъ великолѣпіемъ нѣкоторыхъ восточныхъ литературъ. Она сурова и однообразна.

Эта скудость, эта однообразность объясняются многими причинами. Прежде всего эта литература лишена своей наиболѣе оригинальной части: древняя, язы-

[1]) См. его публичную лекцію: L'Arménie. Son Histoire, sa Littérature, son rôle en Orient. Paris 1897, pp. 22—61.

Лекція была прочитана г. Чобаніаномъ 9-го марта 1897 г. въ Парижѣ, въ засѣданіи Географическаго Общества. — Предсѣдатель академикъ Анатоль-Франсъ по окончаніи лекціи, поблагодаривъ лектора, сказалъ:

„Мы должны признать, что этотъ народъ, умный и храбрый, стремящійся къ усвоенію высшихъ идей цивилизованнаго запада, столько же своимъ геніемъ, сколько и своими безпримѣрными несчастьями, стяжалъ право на сочувствіе народовъ, давшихъ начало идеямъ справедливости и свободы... Кровь мучениковъ не напрасно вопила. Сила на ихъ сторонѣ, сила, хотя и разсѣянная, но могущественная — сочувствіе благородныхъ сердецъ и возвышенныхъ умовъ. Скажемъ одно: день, въ который Франція черезчуръ строго наказанная за свои ошибки, перестала пользоваться кредитомъ въ совѣтахъ Европы, былъ печаленъ для интересовъ справедливости и гуманности“.

Въ началѣ лекціи авторъ указываетъ, что смуты, царствовавшія въ Арменіи, издавна побуждали талантливыхъ армянъ, искать счастья на сторонѣ, въ Европѣ, гдѣ они подвизались съ успѣхомъ на поприщѣ искусствъ, государственной и военной службы и не разъ занимали византійскій престолъ. При Юліанѣ Отступникѣ въ Римѣ славился ораторъ армянинъ Проэрезія, которому вѣчный городъ воздвигъ памятникъ съ столь лестною надписью: Regina rerum Roma regi eloquentiae (стр. 19). — Изъ армянъ на византійскомъ престолѣ было болѣе десяти императоровъ, въ томъ числѣ знаменитый Іоаннъ Цимисхій (см. Энциклопедическій Словарь Арсеньева), изъ полководцевъ наиболѣе извѣстенъ Нарзесъ, современникъ Велизарія, экзархъ Италійскій (см. тамъ же):

ческая и эпическая поэзія почти совершенно пропала. Господство христіанства подавило въ душѣ народа тѣ поэтическія творенія, въ которыхъ армянскіе барды воспѣвали древнія, миѳологическія и героическія преданія. Св. Григорій Просвѣтитель, благодаря которому христіанство восторжествовало въ Арменіи, разрушилъ не только языческіе храмы, но также уничтожилъ и тѣ поэтическія произведенія. въ которыхъ прославлялись боги и герои языческой Арменіи. Армянскіе историки передаютъ, что народъ, несмотря на окончательное принятіе христіанства, все еще любилъ—до самого конца XII вѣка распѣвать эти древнія эпическія произведенія. Но, этотъ самый фактъ они приводили единственно съ цѣлью порицанія народа; они даже не считали достойнымъ сохранить въ своихъ сочиненіяхъ, хотя бы ради куріоза, эти драгоцѣнные остатки древне-армянской мысли. Однако, какъ ни малочисленны эти переданные у историковъ отрывки, они всетаки достаточны, чтобы вѣрить въ существованіе въ языческой Арменіи полной жизни, свѣтлой и гордой поэзіи. Это, конечно, не ученая поэзія съ философскими тенденціями, разнообразная въ своихъ формахъ; это—народныя поэтическія творенія, сложенныя рапсодами, которыя распѣвались на царскихъ пиршествахъ, во время большихъ погребальныхъ церемоній, во время вѣнчальныхъ обрядовъ и въ дни религіозныхъ празднествъ. Это—мужественная поэзія съ могучими образами. Въ одномъ изъ этихъ наиболѣе важныхъ отрывковъ мы находимъ образчикъ миѳической поэзіи; въ немъ воспѣвается чудесное рожденіе царя-бога Вахагна (Vahagn), въ которомъ олицетворялось мужество и который представлялъ собою солнце:

«Въ мукахъ рожденья находилось небо и земля;
«Въ мукахъ рожденья лежало и пурпуровое море;
«Море разрѣшилось красненькимъ тростникомъ;
«Изъ горлышка тростника выходилъ дымъ;
«Изъ горлышка тростника выходило пламя;
«Изъ пламени выбѣгалъ юноша,
«У него были огонь-волосы,
«Борода была изъ пламени
«А очи словно два солнышка» [1]).

Другой отрывокъ, полный наивной и дикой прелести, рисуетъ передъ нами эпизодъ, галантнаго характера, изъ жизни царя Арташеса II, похитившаго дочь царя Алановъ:

«Мужественный царь Арташесъ сѣлъ на красиваго воронаго коня;
«И вынулъ арканъ изъ красной кожи съ золотымъ кольцомъ,
«И пролетѣлъ быстрокрылымъ орломъ черезъ рѣку;
«И бросилъ арканъ изъ красной кожи съ золотымъ кольцомъ,
«И обхватилъ станъ царственной дѣвы Алановъ,
«И причинилъ сильную боль стану нѣжной царственной дѣвы,
«Быстро увлекая ее въ свой лагерь» [2]).

[1]) См. Моисея Хоренскаго Исторія Арменіи, кн. I гл. XXXI. Стихи эти приводимъ въ переводѣ проф. Н. О. Эмина, переводчика Хоренскаго. (*Прим. переводчика*).

[2]) М. Хор. Кн. II, гл. I. (*Прим. переводчика*).

Третій отрывокъ звучитъ меланхолично и болѣе человѣчно: добрый царь Арташесъ, подъ конецъ своей жизни, съ грустью вспоминаетъ о лучезарномъ утрѣ новаго года, который древніе Армяне праздновали въ началѣ весны:

«Кто бы далъ мнѣ (видѣть) дымъ (подымающійся) изъ трубъ,
«И утро Навасарда!
«Видѣть бѣгъ оленей
«И скаканье ланей!
«Мы трубили въ трубы и били въ барабанъ,
«Какъ то подобаетъ (собс. законно) царямъ [1]).

Подобныя поэтическія произведенія должны были быть многочисленны. Армянинъ по своему темпераменту склоненъ къ лиризму. Онъ всегда глубоко любилъ поэзію, которая составляла существенный элементъ его общественной и частной жизни.

Народъ постоянно имѣлъ своихъ пѣвцовъ и плакальщицъ; при царскомъ дворѣ поэты пользовались любовью и почетомъ. Царямъ доставляло удовольствіе, чтобы ихъ имя находило безсмертіе въ стихахъ пѣвцовъ. Находились даже царскіе сыновья, которые со всею страстью и не безъ таланта культивировали поэзію; сынъ Тиграна Великаго — Артавраздъ I, который былъ взятъ въ плѣнъ Антоніемъ и приведенъ въ Римъ, написалъ по гречески нѣсколько трагедій, которыя ставили на сценѣ съ большимъ успѣхомъ до временъ Плутарха, который намъ и сообщаетъ о нихъ; также Вруйръ, сынъ царя Арташеса II, оставилъ въ исторіи имя мецената и превосходнаго поэта. Даже между царями христіанской Арменіи являлись покровители изящной словесности, какъ напримѣръ, Врамшапухъ, и такіе принцы—любители поэзіи, какъ Саакъ Багратуни, Ваханъ Аматуни и Григоръ (Григорій) Магистросъ, человѣкъ огромной эрудиціи; послѣдній, кромѣ того, былъ переводчикомъ и нѣкоторыхъ твореній философа Платона. Языческія поэмы, помимо многочисленности, должны были быть и разнообразны по своему содержанію. Они рисовали обычаи народа, воспѣвали его любовь, печаль и славные подвиги; въ драматическихъ сценахъ, въ хороводныхъ пѣсняхъ, въ религіозныхъ гимнахъ, въ торжественныхъ поэмахъ или въ причитаніяхъ прославлялась жизнь царей и героевъ, и разсказывалась чудесная исторія, сотканная изъ національныхъ преданій.

Если христіанскіе исторіографы Арменіи приводятъ слишкомъ мало стиховъ изъ этихъ древнихъ былинъ, то у нихъ все же находимъ нѣкоторыя изъ легендъ и преданій, которыя послужили темами для самихъ поэтическихъ твореній. Но, они ихъ передаютъ въ сокращеніи и, при томъ, крайне небрежно и нерѣдко въ искаженномъ видѣ. Однако, и подобная милость оказывается языческой поэзіи только въ томъ случаѣ, если они разсчитываютъ извлечь изъ нея какой-нибудь матеріалъ для очерка древне-армянской жизни. Даже Моисей Хоренскій, который наиболѣе, чѣмъ кто-либо, собралъ отрывки этихъ поэмъ и легенды, и тотъ приводитъ ихъ въ безпорядкѣ, безъ комментарія. И это, по истинѣ, печально, ибо

[1]) Изъ 44-го письма Григорія Магистроса по рукописи проф. Эмина. (См. его переводъ Исторіи М. Хоренскаго стр. 300). Переводъ сдѣланъ нами съ подлинника; во фран. переводѣ г. Чобаніана недостаетъ послѣдняго стиха. (*Прим. переводчика*).

при томъ поэтическомъ вдохновеніи, которымъ обладалъ Моисей Хоренскій, онъ могъ—и это было желаніемъ князя Багратуни, который поручилъ ему написать исторію древнихъ героевъ Арменіи — составить нѣчто въ родѣ армянской *Шах-Наме* изъ народныхъ преданій, легендъ, съ отрывками изъ поэмъ и изъ свѣдѣній, почерпнутыхъ у иностранныхъ историковъ.

Потеря этой древне-армянской поэзіи тѣмъ болѣе достойна сожалѣнія, что она должна была представить любопытную смѣсь азіатскаго духа съ западнымъ геніемъ. Арменія, находясь между Азіей и Европой, будучи подчинена владычеству всѣхъ великихъ древнихъ расъ Азіи и вліянію различныхъ цивилизацій, и въ то же время, уже съ древнихъ поръ, находясь въ соприкосновеніи съ эллинскимъ духомъ, усвоила себѣ многія изъ миѳологическихъ и эстетическихъ ученій. Всѣ эти расы, всѣ эти цивилизаціи, всѣ эти столь разнообразные міры оставили свой слѣдъ на плодотворной почвѣ Арменіи. Отсюда произошло странное и оригинальное смѣшеніе. При помощи обломковъ древнихъ легендъ и свѣдѣній, оставшихся отъ этой сложной миѳологіи, мы можемъ въ настоящее время возстановить, до извѣстной степени. этотъ космополитическій храмъ армянскихъ миѳовъ. Въ этомъ храмѣ фигурировали всѣ боги. Въ немъ находимъ таинственные и колоссальные божества: ассирійскія, халдейскія, фригійскія и персидскія, съ настоящимъ профилемъ боговъ Греціи и Рима; эти божества расположены вокругъ умилительныхъ статуй настоящихъ армянскихъ божествъ. Бокъ о бокъ съ Аммономъ мы видимъ Аполлона, по сосѣдству съ Аѳиною Палладою — Тарату, наряду съ Беломъ—Гефеста, Гераклъ и Зевсъ братаются съ Баршамомъ и Набодомъ. Среди этого собранія божествъ всѣхъ расъ выдѣляются нѣкоторые *армянскіе* боги, которые хотя и образованы изъ элементовъ, идущихъ изъ чужихъ странъ, однако всѣ носятъ своеобразный отпечатокъ армянскаго духа. Это—боги чуждые суроваго варварства, безъ непомѣрнаго и мрачнаго величія боговъ Азіи, безъ чувственной и блестящей красоты боговъ Греціи; это—боги-работники, скромные и добрые: Арамаздъ, отецъ боговъ, «мудрый», «мужественный»; Анахита, богиня-мать, «мать золота», богиня труда и скромности, раздательница богатствъ, божество, пользовавшееся наибольшимъ почетомъ и любовью среди Армянъ; Астхикъ, богиня красоты и ея возлюбленный — герой Вахагнъ, богъ мощи, котораго произвели небо и земля, который поразилъ драконовъ и который, унося солому, похищенную въ небесномъ чертогѣ бога Баршама, разсыпалъ нѣкоторую часть ея по небу, вслѣдствіе чего и образовался, по народному преданію, млечный путь; Михръ, сынъ Арамазда, богъ огня, свѣта, богъ, надѣлявшій добрыми, честными, сердечными чувствами; Нанэ, богиня материнства, семьи, чудное и доблестное божество, являвшееся символомъ армянской женщины; Аманоръ, богъ новаго года, а также и гостепріимства; наконецъ, Сандараметъ, супруга Арамазда, богиня нѣдръ земли. Затѣмъ слѣдуютъ полубоги и легендарные герои: Гайкъ, родоначальникъ Армянъ, убійца тирана Бела; Арамъ, побѣдитель жестокаго царя Нюкара, взявшій его въ плѣнъ и собственноручно пригвоздившій къ вершинѣ Армавирской башни; Ара, предпочевшій лишиться престола и жизни, чѣмъ сдѣлаться супругомъ порочной Семирамиды; Тигранъ I-й, лишившій жизни тирана Аждахака; Арташесъ I-й, дивный завоеватель, подчинившій себѣ цѣлый міръ, котораго воины были столь многочисленны, что отъ брошенныхъ ими въ

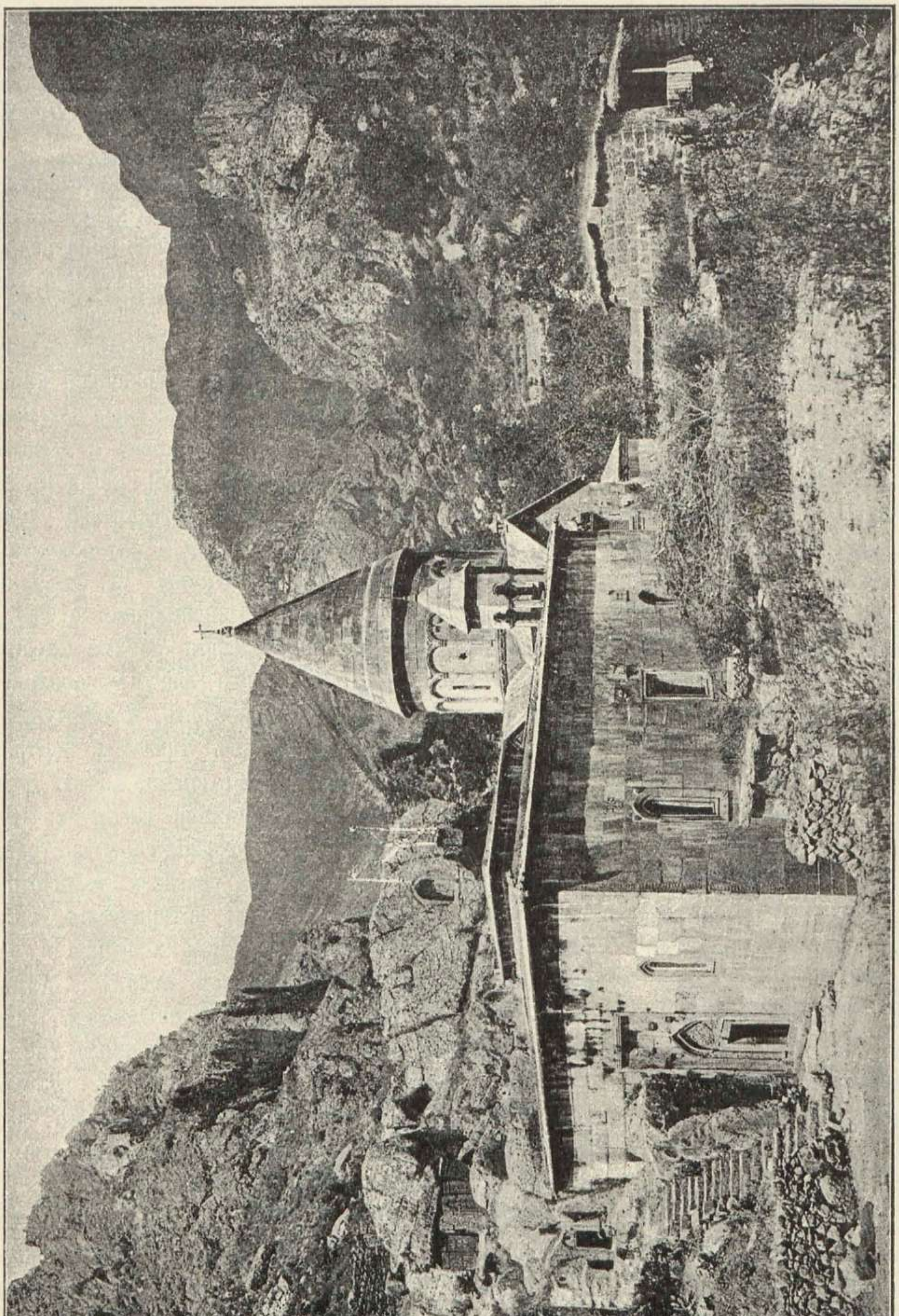
равнину камней образовывалась цѣлая гора и отъ пущенныхъ стрѣлъ затемнялся солнечный свѣтъ; Артаваздъ, вспыльчивый царевичъ, одержимый демонами, который, будучи проклятъ своимъ отцомъ, упалъ въ пропасть, разъѣзжая на конѣ по горѣ Масису (Арарату), и который остается на днѣ бездны прикованнымъ къ скаламъ, въ ожиданіи дня, когда онъ выйдетъ, чтобы разрушить міръ; наконецъ, исполинъ Торкъ, «мужъ съ крупными чертами лица, высокій, неуклюжій, курносый со впалыми глазами, дикимъ взглядомъ... котораго, по страшному его безобразію назвали Ангехіа, (т.-е. Безобразный), исполинъ ростомъ и силою [1])»; этотъ Торкъ ломалъ скалы при помощи однихъ только рукъ и чертилъ на камнѣ изображенія орловъ своими ногтями. Однажды, этотъ восточный Полифемъ потопилъ въ Понтѣ множество кораблей, вызвавъ въ немъ волненіе брошенными огромными скалами съ высокаго холма.

Это странное смѣшеніе столь разнообразныхъ мыслей и формъ, конечно, дало жизнь богатой и разнообразной поэзіи, въ которой чрезмѣрное и необузданное воображеніе востока должно было быть смягчено гармоничнымъ духомъ Арійцевъ Запада. Отрывки этихъ поэмъ, написанные въ сжатой формѣ, изложенные благороднымъ языкомъ, безъ напыщенности, и въ высшей степени образные по своему содержанію — могутъ служить уже доказательствомъ этому. Болѣе важное свидѣтельство этого обширнаго единенія двухъ направленій находится въ остаткахъ армянской архитектуры. Время, христіанство и нашествія варваровъ почти совершенно уничтожили древнюю архитектуру языческой Арменіи, столь богатую великолѣпными дворцами и храмами, по сообщенію историковъ, и представлявшую, должно быть, смѣсь стилей эллинскаго съ ассирійскимъ и персидскимъ. Но то же явленіе мы встрѣчаемъ въ знаменитыхъ развалинахъ архитектуры христіанской Арменіи. Церкви города Ани, многіе монастыри и церкви Арменіи и нѣкоторыя древнія церкви Польши, построенныя по планамъ армянскихъ архитекторовъ, обнаруживаютъ особый стиль, представляющій смѣсь архитектуры Аравитянъ съ архитектурою византійской. Живымъ доказательствомъ этой гипотезы можетъ служить нарѣчіе самого народа, древне-армянскій языкъ, богатый, сложный, пышный, способный выражать тончайшіе оттѣнки синтаксиса, въ тоже время по своей мягкости приближающійся къ прозрачной прелести греческаго и достигающій ясности французской рѣчи.

II.

Но вотъ водворяется христіанство и разрушаетъ этотъ древній и чудный музей. Оно преобразуетъ геній народа, оно вкладываетъ въ него новую душу. Духовенство становится во главѣ народа, направляетъ его, властвуетъ надъ нимъ, заключаетъ его душу и разумъ въ новыя рамки. Такъ какъ водвореніе христіанской церкви въ Арменіи сопровождалось мощнымъ и рѣшитель-

[1]) См. Ист. Арм. М. Хор. II, гл. 8. (*Прим. переводчика*).

Гегартскій монастырь съ двумя церквами, высѣченными въ скалѣ, близъ Арарата, (X вѣка).

нымъ движеніемъ цивилизаціи, то для церкви тѣмъ легче возможно было совершить эту метаморфозу. Народъ армянскій до этого времени жилъ болѣе инстинктивною жизнью; онъ сражался, онъ мечталъ, онъ пѣлъ, не имѣя какого-либо опредѣленнаго образца, среди полной свободы. Церковь ввела культуру, усовершенствовала армянскій алфавитъ и положила начало письменной литературы.

Это случилось въ IV столѣтіи. Христіанская церковь торжествовала повсюду и ея литература царила во всемъ мірѣ. Первые армянскіе апостолы христіанства, которые въ тоже самое время были первыми иниціаторами новой цивилизаціи, получили свое образованіе въ Византіи, Римѣ, Аѳинахъ или Александріи; они были вскормлены на библейской и патристической литературахъ; они перевели на армянскій языкъ Священное Писаніе и творенія св. Отцовъ, а самостоятельныя произведенія, вышедшія изъ подъ ихъ пера носили тотъ же церковный характеръ. Святой Григорій Просвѣтитель оставилъ *проповѣди и духовныя размышленія*; Езникъ написалъ *Опроверженіе языческихъ ученій Грековъ и Персовъ*; Давидъ Непобѣдимый изучалъ литературу и философію языческой Греціи съ тою цѣлью, чтобы показать ихъ тщетность передъ свѣтомъ Евангельскаго ученія; Агаѳангелъ описалъ *жизнь Просвѣтителя Арменіи и перваго царя-христіанина Арменіи—Тиридата*. Корюнъ начерталъ *жизнь св. Саака и св. Месропа*, двухъ знаменитыхъ отцовъ армянской церкви и армянской письменности. Фаустъ Византійскій изложилъ исторію борьбы Арменіи съ персидскими царями Сасанидской династіи и нарисовалъ величественную христіанскую фигуру каѳоликоса Нерсеса Великаго, основателя школъ, монастырей и пріютовъ, великодушнаго патріота поэта и оратора, на ряду съ которой представилъ также и портретъ Аршака II, страннаго царя, язычника и, въ значительной степени, азіата. Другіе авторы сложили церковныя пѣснопѣнія, молитвы и составили житія святыхъ. Даже тѣ, которые имѣли намѣреніе только разсказать политическія событія страны, не могли удержаться, чтобы не присоединить къ своему разсказу религіозныя разсужденія. Подъ перомъ этихъ церковныхъ писателей историческія событія разсматривались съ точки зрѣнія христіанской церкви; холодная и безпристрастная критика отсутствовала. Все связывалось съ Богомъ.... Армянскій народъ смотрѣлъ на церковь какъ *на душу своего отечества*, какъ *на живое олицетвореніе своей индивидуальности*. Его духъ принялъ меланхолическое направленіе среди этого мистическаго мрака, потерявъ въ немъ интеллектуальную независимость. Но, съ другой стороны, этотъ же духъ народа пріобрѣлъ иную мощную силу, болѣзненную силу, почерпнутую въ вѣрѣ, силу исповѣдника, мученика. И когда династія Аршакидовъ пала и Арменія потеряла политическую независимость, народъ ухватился за церковь. Онъ принялъ на себя политическое иго Персіи, но когда Язгертъ, царь Сасанидской династіи, хотѣлъ принудить его принять религію Зороастра, онъ поднялъ знамя возстанія. Это была достойная удивленія эпопея, тянувшаяся въ жизни народа цѣлую четверть вѣка. Разоренная, порабощенная, владѣя незначительными силами, Арменія имѣла, однако, мужество, чтобы отчаяннымъ образомъ сопротивляться грозному могуществу персидскихъ войскъ. Варданъ Мамиконьянъ и его 1036 соратниковъ выступили на защиту національной церкви противъ Персовъ; они

пали, подавленные численностью своихъ враговъ; но, пролитая ими кровь спасла церковь. Примѣръ первыхъ мучениковъ распространился въ цѣломъ народѣ; послѣдовала глухая, упорная борьба. Персія, утомленная воздвигнутыми ею же преслѣдованіями, рѣшила дозволить Армянамъ почитать своего Бога. Это была нравственная побѣда, одержанная слабымъ надъ сильнымъ; Армяне это поняли и стали разсматривать подвигъ Вардана и его сподвижниковъ какъ наилучшую страницу своей исторіи. Священный бой, въ которомъ палъ Варданъ, сталъ великимъ національнымъ преданіемъ. Историкъ Егише, современникъ и свидѣтель этихъ событій, составилъ описаніе этой борьбы, которое обезсмертило личность св. героя-мученика.

Съ тѣхъ поръ церковь, народъ и литература сомкнулись еще болѣе. Народъ нашелъ въ церкви утѣшеніе своимъ печалямъ, поддержку и убѣжище, гдѣ его личность могла найти прикрытіе и охрану.

Литература, которая подготовила это единеніе церкви съ народомъ, сдѣлалась съ тѣхъ поръ пламеннымъ и энергичнымъ выраженіемъ этого единенія. Она всегда оставалась въ рукахъ людей церкви и складывалась безпрерывно изъ мистическихъ поэмъ, богословскихъ размышленій и хроникъ съ религіозною тенденціей.

Но не одно подавляющее вліяніе церкви тормазило интеллектуальное развитіе народа; этому способствовала также и другая болѣе могучая причина, а именно постоянное терзаніе народа тѣми народами-побѣдителями, которые послѣдовательно разоряли Арменію. Она представляла собою открытую дорогу для всѣхъ нашествій; она вынесла самыя ужасныя мученія, она испытала самыя тяжкія ига. Испытанія были суровы и судьба народа каждый разъ висѣла на волоскѣ. Литература уже представляла собою сплошное псалмопѣніе. Единственное нововведеніе заключалось въ томъ, что историческая литература вмѣсто того, чтобы сообщать о знаменитыхъ событіяхъ и воспѣвать храбрыхъ царей прежняго времени, все болѣе и болѣе становилась продолжительнымъ плачемъ о бѣдствіяхъ терзаемой матери-родины, рисовала трагическія картины убійствъ и грабежей или прославляла память героевъ, пролившихъ кровь въ защиту національной церкви. Вслѣдствіе гнета политическихъ заботъ и недостатка средствъ и времени для обученія и продолжительныхъ занятій, писатели утратили чистоту языка, благородство стиля—качества, характеризовавшія писателей V вѣка. Послѣ второго разцвѣта литературы въ X ст., въ эпоху династіи Багратидовъ, и третьяго «возрожденія» во время Рубенидовъ, языкъ пришелъ въ окончательный упадокъ, литература приняла характеръ безформенной напыщенности, а такъ какъ политическая жизнь съ паденіемъ армянскаго царства въ XIV в. совершенно прекратилась, то стала умирать и интеллектуальная жизнь; этотъ процессъ продолжался до пробужденія, совершившагося въ настоящемъ столѣтіи.

Разсматриваемая въ цѣломъ, эта христіанская литература Арменіи, несмотря на свое однообразіе, несмотря на то, что ей часто недостаетъ художественности—представляетъ, всетаки, нѣкоторую мрачную и оригинальную прелесть. Она отличается большимъ и прочнымъ единствомъ духа; она покоится на мощномъ сознаніи и служитъ выраженіемъ горести народа, которому пришлось вынести, быть можетъ, болѣе, чѣмъ какому-либо другому; съ этой точки зрѣнія она становится величественною въ своей печали и окровавленныхъ лохмотьяхъ.

Литература христіанской Арменіи проста, чиста, серьезна. Она лишена всякихъ свѣтскихъ украшеній, всякихъ соблазновъ вымысла, всякаго искусственнаго кокетства. Она является совершенно обнаженною въ своей вышитой золотомъ церковной мантіи, обагренной кровью. Ея отличительный признакъ: единство формы съ единствомъ духа.

Въ ней отсутствуютъ романъ, эпопея, драма. Армянская литература — это сплошной гимнъ. Ея эпопея — это исторія священной борьбы, житія святыхъ и отцовъ церкви, разсказы о великомученикахъ; ея романъ — это библія, а мѣсто драмы заняли величественные церковные обряды. Европейскіе путешественники, которые имѣли случай присутствовать при этихъ церковныхъ обрядахъ были поражены ихъ величественнымъ характеромъ и ихъ трагическимъ величіемъ. Аббатъ Villefroy, одинъ изъ первыхъ европейскихъ писателей, которые занялись изученіемъ христіанской Арменіи, писалъ въ началѣ прошлаго столѣтія: „Нѣтъ ничего болѣе краснорѣчиваго и болѣе трогательнаго, чѣмъ молитвы и болѣе величественнаго, чѣмъ обряды армянской церкви“. Армяне, не имѣвшіе никогда оригинальнаго театра, обнаруживаютъ глубокое драматическое чувство въ религіозныхъ обрядахъ, которые напоминаютъ театръ древней Греціи. Литургія — это цѣлая трагедія. Священнодѣйствующій съ непокрытою головою, босыми ногами, протянутыми руками, покрытый блистающей мантіей, стоитъ передъ освѣщеннымъ алтаремъ, украшеннымъ золотомъ и цвѣтами, и представляетъ, въ глазахъ колѣнопреклоненной толпы молящихся, стремленіе страждущаго человѣчества къ источнику справедливости и красоты [1]). Драма измѣняется сообразно съ днями. Въ Великій Четвергъ вся церковь покрывается бѣлымъ, а въ Великую Пятницу она облачается въ трауръ: огромная черная занавѣсь закрываетъ алтарь. Въ ночь Великаго Четверга церковь гаситъ всѣ свѣчи, чтобы среди мрака пѣть печальные гимны. Въ Вербное Воскресенье вечеромъ церковь символично изображаетъ страшный судъ: епископъ, преклонивъ колѣна, молится у затянутой завѣсы о дозволеніи быть допущеннымъ въ Рай.—И только иногда пережитки древняго язычества переплетаютъ простоту этой христіанской драмы. Въ день Преображенія, во время великой процессіи, разбрасываютъ народу розы и выпускаютъ голубей, согласно съ древнимъ обычаемъ праздника Анахиты, а наканунѣ праздника Введенія во храмъ зажигаютъ костеръ во дворѣ церкви, въ память огней Михра (Митра).

Далѣе, при всей своей ограниченности, эта церковная литература иногда возвышалась до степени наивысшихъ вдохновеній. Христіанству удалось лишить мысль народа ея языческаго направленія, но оно не могло вырвать у него его лирическую и склонную къ восхищенію душу. Произошло только измѣненіе темы. Древній пѣвецъ продолжалъ жить въ поэтѣ, слагавшемъ церковныя пѣснопѣнія. Не только кое-что осталось отъ энтузіазма языческаго поэта, но также и отъ свѣтло-радостнаго настроенія, отъ лучезарной ясности миѳическихъ поэмъ. Блескъ пламеннаго лиризма освѣщаетъ мистическій мракъ этой христіанской поэзіи.

1) Лица, имѣвшія возможность видѣть разныя литургіи въ Римѣ, въ церкви с. Андрея Della Valle, единодушно признаютъ, говоритъ академикъ Лероа-Болье, что армянская литургія, какъ древнѣйшая, самая торжественная. (См. его conférence 9 іюня 1896 г.— Les Arméniens et la question Arménienne, стр. 11).

Слова: *солнце*, *свѣтъ*, *лучъ* — всѣ эти мотивы древней «солярной» поэзіи часто отражаются въ этой религіозной поэзіи, служа къ возвеличенію христіанскаго Бога. Одинъ изъ этихъ церковныхъ поэтовъ въ восторженной строфѣ, строфѣ, носящей почти языческій характеръ, несмотря на свои богословскія цѣли, — взываетъ слѣдующимъ образомъ: «Свѣтъ, творецъ свѣта, первый свѣтъ, обитающій въ неприступномъ свѣтѣ—Отецъ небесный, восхваляемый сонмомъ изъ свѣта созданныхъ духовъ: при восходѣ утренняго свѣта осіяй души наши мысленнымъ твоимъ свѣтомъ [1]).

А вотъ канонъ на праздникъ Преображенія, канонъ, поднимающійся яркимъ пламенемъ подобно ведійскому гимну: «Сынъ единородный, лучъ отъ славы Отца! Ты, который невмѣстимый свѣтъ (божества) вмѣстилъ въ твоемъ тѣлѣ, нынѣ на Ѳаворѣ просіялъ славою... Огонь божественный! Ты, неприступный для огненныхъ (духовъ); Ты, свѣтъ небесный, нисшедшій къ намъ, бреннымъ — нынѣ на Ѳаворѣ просіялъ славою» [2]). И эти блистающіе образы, эти слова радости и свѣта, находятся въ странномъ, противорѣчіи съ мрачнымъ цѣлымъ этой литургіи, въ которой господствуетъ плачъ и въ которой значительное мѣсто занимаютъ гимны въ честь мучениковъ, молитвы за узниковъ, моленія за спасеніе души вмѣстѣ съ miserere и похоронными гимнами.

III.

На общемъ фонѣ этой литературы выдѣляются нѣсколько личностей, которыя обращаютъ на себя особое вниманіе въ силу ихъ лирической мощи и оригинальности ихъ темперамента. Это—писатели, которые силою блеска своего генія, обнаружили скрытую мощь своего народа.

Первое имя, которое должно быть названо, это — имя *Моисея Хоренскаго*. Плохой историкъ, писатель съ неровнымъ стилемъ, онъ, тѣмъ не менѣе, является настоящимъ поэтомъ. Онъ сталъ нѣкоторымъ образомъ Гомеромъ для армянскаго народа. Хотя и очень неполно, но все-таки онъ одинъ повѣствовалъ о древнихъ герояхъ, за что народъ далъ ему прозваніе «Отца поэтовъ». Его стихъ мѣстами тяжелъ, разсказъ часто недостаточно обработанъ; но этотъ писатель получилъ образованіе въ Греціи, онъ читалъ Иліаду; онъ любитъ героевъ и почитаетъ доблесть; вотъ почему, несмотря на христіанскій фанатизмъ, который былъ не чуждъ и ему, онъ съ пламеннымъ энтутіазмомъ прославлялъ древнихъ царей, которымъ какъ бы извиняетъ ихъ язычество, принимая во вниманіе ихъ храбрость и доблесть. Онъ превознесъ похвалами доблесть, онъ воспѣлъ подвиги силы и въ тѣхъ главахъ, гдѣ онъ говоритъ о герояхъ или о большой битвѣ,

1) Изъ „шаракана“, т.-е. богослужебнаго канона, воспѣваемаго въ часъ восхода солнца. Приводится въ переводѣ проф. Н. Эмина. См. его „Шараканы“ М. 1879 г., р. 358.

2) Изъ канона на второй день Преображенія. Переводъ Эмина; см. „Шараканы“, р. 271.

(*Прим. переводчика*).

въ немъ обнаруживается поэтъ: онъ расходится, онъ воодушевляется. Рисуя образъ царя Тиграна I, Моисей Хоренскій говоритъ: „И какой человѣкъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, любящій мужество и мудрость, не возрадуется при мысли объ немъ и не пожелаетъ идти по слѣдамъ его? Ставъ главою мужей и показавъ мужество, онъ тѣмъ возвысилъ нашъ народъ и насъ, находившихся подъ игомъ другихъ, содѣлалъ налагающими ярмо на многихъ и заставляющими платить себѣ дань; умножилъ и золото и серебро, и драгоцѣнныя каменья, и разноцвѣтные, разнотканные наряды для мужчинъ и женщинъ. Въ этихъ нарядахъ безобразные являлись дивными, а прекрасные, по понятіямъ того времени, полубогами. Пѣхота очутилась на коняхъ, пращники всѣ безъ изъятія явились искусными стрѣлками, сѣкироносцы вооружены мечемъ и копьемъ; безоружные покрылись щитомъ и панцыремъ. Достаточно было одного вида этого воинства, собраннаго вмѣстѣ, закованнаго въ блещущія и сіяющія латы, чтобы обратить непріятеля въ бѣгство. Миротворецъ и архитектонъ, Тигранъ млекомъ и елеемъ питалъ всѣ возрасты (т.-е. людей всѣхъ возрастовъ). Много еще подобнаго совершилъ для нашей страны Тигранъ Ервандіанъ, Тигранъ бѣлокурый, съ завитыми волосами, красивоокій, румяный, статный, широкоплечій, быстроногій, красивоногій, умѣренный въ пищѣ и питьѣ, воздержный на пиршествахъ. О немъ древніе пѣвцы наши при звукахъ бамбирна[1]) воспѣвали, «что онъ владѣлъ своими страстями, былъ краснорѣчивъ и велемудръ во всемъ полезномъ для человѣчества»“[2]).

Страницы, на которыхъ Моисей Хоренскій воспѣваетъ возстаніе Гайка эпонима Армянъ, противъ тирана Бела, представляютъ настоящія эпопеи, равно какъ и тѣ, которыя описываютъ титаническое сраженіе, въ которомъ Гайкъ «этотъ рослый, стройный, быстроокій, съ густыми кудрями, мощными руками, славившійся между исполинами храбростью (мужъ)»... «устремившись впередъ, приближается къ царю (Белу) и, крѣпко натянувъ широко-объемный свой лукъ, угодилъ трехкрылою стрѣлою въ грудную доску Бела: желѣзо пробилось насквозь между плечами и упало на землю. Такимъ образомъ гордый Титанидъ, пораженный, грохнувшись о земь, испускаетъ духъ. Полчище же, видя такой ужасный подвигъ мужества, обратилось въ бѣгство»[3]). А вотъ страница, описывающая участіе царя Тиридата въ большой битвѣ съ Аланами: «царь Тиридатъ, со всей Арменіею спустившись на равнину Гаргараци, встрѣчаетъ сѣверные народы войною. Когда оба войска столкнулись, царь разсѣкъ непріятельскіе полки, совершая исполинскіе подвиги. Не могу описать быстроту его руки, отъ которой падали многіе, валяясь по землѣ: они прыгали по лицу земли, какъ рыбы, высыпанныя изъ невода искуснаго рыбака. Царь Басиловъ, при видѣ этого, приближается къ государю, и, вынувъ изъ подъ конской сбруи арканъ, обвитый ремнемъ, обтянутый кожею, и мощною рукою бросивъ съ тылу, ловко попадаетъ въ лѣвое плечо и въ правую подмышку царя, который въ это время поднялъ было руку, чтобы нанести кому-то ударъ мечомъ. И была на Тиридатѣ броня, на которой и малѣйшаго слѣда не оставляли стрѣлы. И такъ какъ царь Басиловъ не могъ рукою

1) Струнный армянскій національный инструментъ. (*Прим. переводчика*).

2) М. Хор., Исторія Арменіи, кн. I, гл. 24. (Русскій пер. Эмина). (*Прим. переводчика*).

3) Моисей Хоренскій, кн. I, глава X и XI, переводъ Эмина. (*Прим. переводчика*).

даже сдвинуть исполина, то направилъ свои удары въ грудь его коня. Тиридатъ и не подумалъ тронуть своего коня бичемъ: быстро схватилъ лѣвою рукою арканъ, рванулъ его на себѣ съ необычайной силою, ловко угодилъ обоюдоострымъ мечемъ и разсѣкъ врага пополамъ и съ тѣмъ вмѣстѣ снесъ голову коню его» [1]).

Эта любовь къ доблести усиливается у Моисея Хоренскаго трогательною нѣжностью къ своей странѣ, которую онъ любитъ и почитаетъ: «Сѣтую о тебѣ, земля армянская — пишетъ онъ въ началѣ своего знаменитаго обращенія къ Арменіи — сѣтую о тебѣ, страна благороднѣйшая изъ всѣхъ странъ сѣвера» [2]). Его стиль еще болѣе становится яркимъ, когда онъ воспѣваетъ богатство Арменіи, разнообразіе и красоту ея мѣстоположеній, величавость ея горъ, свѣжесть долинъ. Страница, на которой онъ воспѣваетъ феерическую мѣстность Вана, который царица Семирамида избрала своей лѣтней резиденціей, — открывается описаніемъ дивнаго изобилія цвѣтущей равнины, залитой лучами восточнаго солнца: „Послѣ этихъ удачныхъ происшествій (т.-е. послѣ окончанія войны въ Арменіи) Шамирамь [3]), отдохнувъ нѣсколько времени на полѣ, названномъ по имени Ары Айраратомъ, отправляется въ южную страну горы, съ желаніемъ прогуливаться по цвѣтистымъ долинамъ и полянамъ: тогда была весенняя пора. И увидѣвъ красоту страны, чистоту воздуха, рожденіе прозрачнѣйшихъ источниковъ, журчаніе величественныхъ рѣкъ, сказала: «Слѣдуетъ намъ построить городъ и дворецъ въ этой странѣ, гдѣ такой благорастворенный воздухъ и такія чистыя воды, дабы провести четвертую часть года, т.-е. лѣтнее время, въ Арменіи — въ полномъ удовольствіи“ [4]).

Наконецъ, этотъ писатель, съ душою барда, нисколько не боялся бичевать, на одной замѣчательной страницѣ своего труда, низость, пороки и недостатки своихъ современниковъ. Онъ указалъ на послѣдовавшее послѣ былого величія и былой доблести — паденіе и испорченность своего времени, которыя и послужили причиною паденія династіи Аршакидовъ въ Арменіи. Такимъ образомъ, въ ряду древнихъ армянскихъ писателей личность Моисея Хоренскаго является въ двойномъ свѣтѣ: съ одной стороны, онъ восторженный энтузіастъ, когда описываетъ доблесть былыхъ временъ, съ другой — онъ горько жалуется на паденіе своей эпохи. И вотъ почему его книга, несмотря на ея ошибки, недостатки и пробѣлы, всетаки является самою полною, наиболѣе трезвою и наиболѣе утѣшительною среди литературныхъ памятниковъ древней Арменіи.

Два другія имени, достойныя быть отмѣченными среди этихъ писателей, это — имена *Лазаря Парпскаго и Егише* (Елисея). Эти оба историка отличаются отъ Моисея Хоренскаго тѣмъ, что они христіане по преимуществу. Оба они воспѣли религіозныя войны Армянъ противъ Персіи, стремившейся водворить въ Арменіи ученіе Зороастра. Ихъ обѣ книги представляютъ двѣ страницы христіанской эпопеи. Лазарь Парпскій — писатель съ правильнымъ слогомъ, изящный, спокойный, выдержанно-благородный. Наскоро и кратко онъ набросалъ силуэтъ

1) Моисей Хоренскій, кн. II, гл. 85. (*Прим. переводчика*).

2) Исторія Арменіи, кн. III, гл. 68 (*Прим. переводчика*).

3) Такъ звучитъ по армянски имя царицы Семирамиды. (*Прим. переводчика*).

4) Исторія Арменіи, кн. I, гл. 16 (*Прим. переводчика*).

героя Вардана Мамиконьянъ, этого отважнаго, доблестнаго и искуснаго человѣка, который впродолженіи 20 лѣтъ съ небольшими силами боролся съ огромнымъ ассимилирующимъ давленіемъ Персіи. Егише, который былъ болѣе поэтомъ, чѣмъ историкомъ, написалъ самую вдохновенную книгу въ армянской христіанской литературѣ. [Онъ] повѣствовалъ о героическомъ сопротивленіи Арменіи зо-

Св. Варданъ Мамиконьянъ.

роастрической Персіи и превозносилъ похвалами личность Вардана Мамиконьянъ. Книга Егише раздѣлена на пять отдѣловъ, разсказъ излагается подробно и въ порядкѣ и отличается ясностью и прелестью. Это — настоящая поэма; быть можетъ, это наиболѣе полная, наиболѣе искренняя, наиболѣе чистая изъ христіанскихъ поэмъ: она проста, свободна отъ излишнихъ языческихъ прикрасъ, чужда вся-

каго самодовольства плѣнительныхъ картинъ и забавныхъ эпизодовъ, какъ въ романѣ Тасса. Но она переступаетъ предѣлы христіанскаго духа и рисуетъ душу народа, который былъ облеченъ этимъ духомъ, какъ бы воинскими доспѣхами. Стихъ Егише — ясный, граціозный, богатый, съ отпечаткомъ благородства, нѣсколько неловкаго, но чистаго,—пріобрѣтаетъ прочность стали на тѣхъ страницахъ, гдѣ онъ разсказываетъ о наивысшемъ напряженіи силъ, о великихъ подвигахъ самоотверженія. Егише былъ пѣвцомъ доблести иного характера, а именно той, которая состояла въ готовности принять вѣнецъ мученичества и пожертвовать жизнью изъ за Христова имени. Онъ мастерски нарисовалъ психологическую картину Арменіи, углублявшейся въ мистическую жизнь подъ языческимъ давленіемъ Персіи. «Съ тѣхъ поръ—говоритъ онъ на одной изъ лучшихъ страницъ своего сочиненія—нельзя было различить ни слугъ отъ господъ ихъ, ни именитаго князя, взросшаго въ наслажденіяхъ, отъ привыкшаго къ грубой и тяжкой работѣ земледѣльца. Мужчины, старцы, дѣти, всѣ соединились во Іисусѣ Христѣ, всѣ вооружились однимъ оружіемъ, облеклись въ одну броню вѣры и опоясались единымъ поясомъ истины. Не считали болѣе ни во что, ни золото, ни серебро. Никто не копилъ ихъ для избѣжанія впослѣдствіи нуждъ. Богатыя одежды — знакъ отличія и почести — были въ презрѣніи. Всякая собственность считалась менѣе, нежели ничто. Они считали себя не иначе какъ трупами и каждый готовилъ себѣ могилу,—жизнь казалась имъ смертью, а смерть жизнью истинною. Со всѣхъ сторонъ раздавались восклицанія набожныя и воинственныя: «Умремте храбрыми! Станемте думать только о стяжаніи славнаго имени и спасеніи души своей. Да пребудетъ съ нами и въ насъ всегда и постоянно Іисусъ Христосъ, которому легко вызвать снова изъ праха насъ и тѣхъ, которые умерли въ вѣка прошедшіе, — Іисусъ, который воздастъ каждому по заслугамъ его». Такъ утѣшалъ каждый самъ себя и другихъ» [1]).

Послѣ этого величественнаго изложенія, въ которомъ вырисовывается восторженный духъ народа, нетерпѣливо приготовляющій себя къ принятію мученическаго вѣнца, поэтъ переходитъ къ подробному изложенію самой священной битвы. И мы, на ряду съ трогательными и величественными эпизодами, знакомимся съ главнѣйшими типами этой мистической эпопеи, типами, обрисованными степенно, благоговѣйно и благородно. Вокругъ Вардана—этого энтузіаста, суровая голова котораго, покрытая огромнымъ шлемомъ (см. рис.) съ длиннымъ конскимъ хвостомъ, господствуетъ надъ разсказомъ, — группируются различные армянскіе крестоносцы, всѣ владѣтельные князья Арменіи, выступившіе на встрѣчу смерти ради защиты національной церкви. Между ними выдается достойный удивленія воинъ-священникъ Гевондъ, съ копьемъ въ одной и крестомъ въ другой рукѣ, увѣщевающій своихъ сотоварищей идти на встрѣчу смерти, благословляющій тѣла павшихъ во Христѣ и, наконецъ, принимающій съ мужественною безропотностью вѣнецъ мученика отъ рукъ персидскихъ палачей... Одинъ изъ портретовъ, наиболѣе рельефно обрисованный въ этой книгѣ и составляющій контрастъ съ портретомъ Вардана, это — мрачный портретъ предателя Васака, который отрекшись отъ своей вѣры, перешелъ въ ряды персидской арміи и сражался противъ своихъ же

[1]) Егише, гл. 3; переводъ П. Шаншіева. Тифлисъ, 1853 г. (*Прим. переводчика*).

соотечественниковъ. Егише его изобразилъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, и можно указать мало такихъ сильныхъ страницъ, какъ эти, на которыхъ христіанскій повѣствователь описываетъ страшную смерть предателя, впавшаго въ немилость и брошеннаго въ темницу самими же господами, рабомъ которыхъ онъ сдѣлался: «Отступникъ Васакъ (заключенный въ темницу) съ завистью глядѣлъ на нихъ (т.-е. другихъ узниковъ), — съ какою великою радостью выносили они мученія: ясны, радостны были ихъ взоры, какъ будто они были все еще при (царскомъ) дворѣ; глядѣлъ на нихъ и глубоко вздыхалъ онъ. Ему хотѣлось быть съ ними; но онъ былъ отдѣленъ отъ святыхъ мучениковъ и скованъ желѣзомъ. Каждый день тюремщики влачили его какъ трупъ изъ угла и тащили на площадь, гдѣ выставляли его на показъ всему народу и караванамъ, которые глядѣли на него и бросали на него позоръ и стыдъ. Они обобрали его и онъ сталъ такимъ презрѣннымъ нищимъ, что принужденъ былъ питаться подаяніемъ собираемымъ его слугами. Всѣ владѣнія его были конфискованы; семейство его было обременено такими тяжкими налогами, что всѣ драгоцѣнныя вещи, украшенія женъ, каменья отцовъ и предковъ были распроданы... Пораженный и униженный со всѣхъ сторонъ, онъ впалъ въ тюрьмѣ въ ужасную болѣзнь: тѣло его горѣло, въ груди и во всей внутренности терпѣлъ онъ боли страшныя и все тѣло стало гнить. Милліоны червей выходили у него изъ глазъ и носу, онъ потерялъ слухъ и губы покрылись скважинами. Мышцы рукъ утратили всю силу, пятки вывернулись наизворотъ; одинъ только языкъ оставался невредимымъ, но признаніе раскаянія не переходило за уста его... Онъ умеръ наконецъ отъ удушья и низринутъ былъ въ адъ съ ужасными муками» [1]).

Но, наиболѣе трогательное мѣсто во всей книгѣ Егише—это отрывокъ о армянскихъ женщинахъ. Армянка всегда отличалась преданностью, замѣчательнымъ духомъ самопожертвованія и отваги. Впродолженіе всей армянской исторіи не разъ можно видѣть доказательства ея высокой доблести. Во время осады Ани, въ XII столѣтіи, одинъ изъ современныхъ лѣтописцевъ передаетъ, что онъ видѣлъ, какъ одна армянка, поднявшись на укрѣпленія, ободряла сражавшихся, бросала въ непріятелей камнями и пускала обратно въ нихъ попавшія въ нее стрѣлы, которыя она вырывала изъ своего тѣла.

Когда въ XIV ст. Тамерланъ опустошалъ Арменію огнемъ и мечемъ, какая-то армянка, по имени Каринэ, предпочла броситься въ пропасть, чѣмъ сдѣлаться плѣнницей тирана. Даже во время послѣднихъ избіеній, армянская женщина явила себя достойною своихъ героическихъ сестеръ стараго времени: въ Сасунѣ Шакэ со своими пятидесятью подругами бросилась въ скалистую бездну; въ Палу тридцать армянокъ, преслѣдуемыя турками, бросились въ Евфратъ, распѣвая духовныя пѣсни; наконецъ, въ Константинополѣ, во время манифестаціи прошлаго года, молодыя дѣвушки убивали изъ оконъ своихъ домовъ толпившихся на улицѣ убійцъ. Въ историкѣ Егише армянка нашла наиболѣе совершеннаго художника, изобразившаго ее трогательнымъ образомъ на одной замѣчательной страницѣ, гдѣ она является со всѣми присущими ей чертами, съ нѣжною любовью къ домашнему очагу, съ безграничною привязанностью къ національной религіи и отечественной

[1]) Изъ конца 7-й главы. Переводъ Шаншіева, pp. 231—233. (*Прим. переводчика*).

землѣ, съ готовностью жертвовать собою, съ чувствомъ братства и равенства во время общаго бѣдствія. Егише воспѣваетъ эпическую печаль женъ Арменіи, мужья которыхъ пали въ священной битвѣ, или которыхъ непріятель отвелъ въ темницы, чтобы тамъ покончить съ ними: «Нѣжныя жены армянской страны взлелѣянныя съ дѣтства въ нѣгѣ и роскоши, воспитанныя на софахъ и мягкихъ подушкахъ, ходили теперь изъ сырыхъ жилищъ своихъ босымъ въ церковь Божью или молельню — испрашивать у Бога пламенными молитвами благодатную силу выносить терпѣливо тяжкое горе жизни. Тѣ, которыя съ юныхъ лѣтъ привыкли къ изысканной пищѣ, съ радостью утоляли свой голодъ травами и овощами, вовсе не вспоминая о прежнихъ вкусныхъ блюдахъ. Увялъ цвѣтъ лица ихъ и загрубѣла кожа, цѣлый день подвергались онѣ загару на солнцѣ, а ночью склоняли головы на грязное сѣно, брошенное на землю. Уста ихъ произносили только стихи псалмовъ и единственнымъ утѣшеніемъ ихъ было чтеніе пророковъ. Онѣ сходилось часто между собою, чтобы вѣрно нести свое иго, идти по одному пути въ рай и достать, не сбиваясь съ пути, обители мира и покоя... Ледъ многихъ зимъ растаялъ; весна нѣсколько разъ уже возвращала ласточекъ: все радовало сердце человѣка; но жены плѣнныхъ христіанъ тщетно ждали радостнаго возврата возлюбленныхъ своихъ супруговъ. Видъ цвѣтовъ весеннихъ напоминалъ имъ ангельскую нѣжность святой любви возлюбленныхъ и взоры ихъ жаждали отдохнуть на прекрасныхъ ихъ образахъ. Охотничьи гончія собаки благородныхъ вельможъ погибли одна за другою въ отсутствіи своихъ господъ, и перестали ржать борзые кони ихъ. Бѣдныя жены христіанскія не имѣли другихъ воспоминаній о супругахъ своихъ кромѣ ихъ портретовъ. Торжественныя собранія, дни великихъ праздниковъ проходили и не приносили имъ свиданія съ милыми и возврата ихъ изъ земли отдаленной. Бѣдныя проливали слезы, проходя опустѣлыя залы, и звали ихъ по именамъ: въ этихъ залахъ поставлены были статуи въ память ихъ, и на каждой было вырѣзано имя отсутствующаго» [1]).

Въ XII столѣтіи, во время краткаго промежутка, когда армянскій народъ могъ наслаждаться въ Киликіи непродолжительнымъ періодомъ мира и благоденствія, въ монастырской тиши поднимаются двѣ чистыхъ, смиренныхъ души и начинаютъ пѣть божественную пѣснь, полную усладительной пріятности. Это были епископъ Нерсесъ Ламбронскій и католикосъ Нерсесъ Шноргали (Благодатный). Первый изъ нихъ, человѣкъ съ благороднымъ духомъ, съ утонченнымъ литературнымъ и богословскимъ образованіемъ, знатокъ латинскаго языка и римской литературы, написалъ религіозныя размышленія, проникнутыя спокойнымъ мистицизмомъ, и проповѣди, отражающія въ себѣ обширную эрудицію и отличающіяся плавной формою, струящейся подобно завиткамъ ѳиміама. Другой, Нерсесъ, по прозванію *Благодатный* [2]), былъ однимъ изъ наиболѣе великихъ поэтовъ армянской церкви. Этотъ человѣкъ, даровитый, обладавшій гармоніей духа и тихо прожившій жизнью святого, оставилъ рѣчи, комментаріи, Евангеліе, изложенное стихами, поэму на взятіе Едессы; въ особенности же ему удались гимны,

[1]) См. одиннадцатую главу Исторіи Егише („Воспоминаніе о женахъ плѣнныхъ воиновъ Христовыхъ, погибшихъ въ великомъ сраженіи"); переводъ Шаншіева, стр. 337 слѣд.

(*Прим. переводчика*).

[2]) См. краткій біогр. очеркъ въ вып. 40 Энциклопедич. Словаря Брокгауза.

одни изъ лучшихъ, какими только обладаетъ армянская церковь. Это тихая, почти безплотная поэзія, освященная чистымъ духовнымъ свѣтомъ, протекающая подобно обильному водами, прозрачному лѣсному ручью. Разсказываютъ, что нѣкоторыя изъ этихъ поэмъ онъ написалъ во время безсонныхъ ночей, вызванныхъ его экзальтированнымъ состояніемъ, когда послѣ долгаго уединеннаго размышленія, онъ импровизировалъ, задыхаясь отъ мистическаго волненія, создавая одновременно мелодію и слова. Другія его поэтическія творенія написаны въ свѣтлыя радостныя утра и представляютъ лучезарные полеты мистической нѣжности и любви...

Приводимъ какъ образчикъ въ переводѣ нѣсколько строфъ изъ одного его гимна:

Зарница свѣта, солнце правды, возсіяй ты на меня!
Возстань, Господи, и возбуди разслабленнаго во снѣ!
Подай мнѣ силы приравняться къ небожителямъ твоимъ!
Даруй мнѣ смертному жизнь нову, помраченному дай свѣтъ, о разрѣшитель скорбей!
Взываю я гласомъ и руки воздѣваю къ небесамъ, подай же даръ добра!
Воды дай очамъ, теплая слеза да смоетъ мой грѣхъ!
Любовью, Іисусе, своею безпредѣльною размягчи мнѣ сердце окаменѣлое!
Росинку твоей крови влей мнѣ въ душу, Господи, да возрадуюсь!

Но, какъ поэтъ, возвысившійся надъ всѣми, котораго голосъ, чудный по своей глубинѣ и почти дикой силѣ, господствовалъ надъ этою меланхолическою гармоніей, — является инокъ *Григорій Нарекскій*. Этотъ писатель вышелъ изъ обычнаго строя національной литературы. Среди писателей настолько же патріотичныхъ, насколько и религіозныхъ, которые, вознося славословіе Богу, всегда занимались событіями своей страны,—только онъ является исключительно поэтомъ-монахомъ. Уйдя въ свой Нарекскій монастырь, онъ предался религіозному созерцанію, молитвѣ и творенію своихъ поэмъ и размышленій. Этотъ человѣкъ, обладавшій богатымъ, чисто-восточнымъ воображеніемъ и чувствительностью, доведенною до болѣзненности вслѣдствіе продолжительнаго психическаго мученія болѣзненнаго мистицизма, — переложилъ въ риѳмованную прозу, отличающуюся въ высшей степени утонченнымъ и сложнымъ стилемъ, боязнь, раскаяніе, галлюцинаціи, плачъ и экстазы аскетической жизни. „Прими, — восклицаетъ онъ въ своей знаменитой *молитвѣ противъ ужасовъ ночи*—прими съ кротостью, всемогущій Господь, молитву скорбящей души; приблизься съ любовью ко мнѣ сосредоточившемуся; разсѣй, Ты, который примиряешь все, мою постыдную печаль; сними съ меня, о Милосердый, эту невыносимую тяжесть; удали отъ меня, о всемогущій, это смертное искушеніе; разрушь, о Вѣчно-Побѣдоносный, побужденія обманщика; разсѣй, Ты, который обитаешь вверху, туманъ лютаго»...

Григорій Нарекскій создалъ цѣлый рядъ выраженій, чтобы выразить величіе Божье, кротость св. Дѣвы, страхъ передъ грѣхомъ и ужасъ вѣчнаго наказанія.

Григорій Нарекскій много содѣйствовалъ обработкѣ и обогащенію армянскаго языка. Онъ сдѣлалъ его въ высшей степени гибкимъ. Въ своемъ стилѣ, прекрасно обработанномъ, онъ соединилъ, какъ нельзя лучше, блескъ и пестроту восточныхъ литературъ съ внутреннимъ художествомъ запада. Онъ явился наиболѣе великимъ проявителемъ армянскаго лиризма.

Остальныя творенія, образующія совокупность древне-армянской литературы, представляютъ собою лишь *историческія хроники*. Вслѣдствіе этого, этотъ отдѣлъ армянской литературы является наиболѣе богатымъ среди литературъ всего Востока. Армянинъ, очень практичный отъ природы, любилъ сохранять память о событіяхъ, даже незначительныхъ, происшедшихъ въ родной землѣ. Эта огромная историческая библіотека весьма цѣнна, такъ какъ изъ нея почерпаются свѣдѣнія не только объ Армянахъ, но и относительно всѣхъ тѣхъ восточныхъ народовъ, которые прошли черезъ Арменію, относительно Византіи и Крестовыхъ походовъ.

Большинство этихъ хроникъ посвящены разсказу о тѣхъ притѣсненіяхъ, которымъ подверглись Армяне во время нашествій языческихъ и мусульманскихъ народовъ. Среди этихъ хроникъ особенно выдается, по трагическому величію своего тона, хроника *Аристакеса Ластивердскаго* (Ластивердци)—XI столѣтія—, который описалъ со всѣми ужасными подробностями нашествія въ Арменію Туркменъ, Татаръ и Персовъ. Онъ оставилъ описаніе избіеній, ни въ чемъ не отличающихся отъ тѣхъ, которыя произошли года два тому назадъ, пожаровъ, грабительствъ, насилій надъ женщинами и дѣтьми. Онъ изобразилъ нищету страны, въ эту эпоху, въ образѣ Арменіи „совершенно нагой, лежащей на краю дороги, попираемой всѣми народами, изгнанной изъ своего дома, рабыни и плѣнницы всѣхъ народовъ“. Но, въ этихъ хроникахъ также находимъ разсказъ и о тѣхъ усиліяхъ, которыя долженъ былъ выказать армянскій народъ, чтобы сохранить себя среди постигшихъ его бѣдствій. И если гимны, духовныя размышленія и гомиліи показываютъ намъ лирическую мощь армянскаго духа, то эти историческія хроники, не смотря на ихъ недостатки съ эстетической точки зрѣнія, представляютъ интересъ историческаго и моральнаго характера. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми шедёврами исторической литературы первыхъ вѣковъ, они даютъ намъ характеристику народа въ трагическомъ повѣствованіи о безпрерывной борьбѣ.

Л. М.

О. Гокча и Севангскій мон. (X в.)

Шараканъ въ переводѣ Н. О. Эмина [1]).

Книга, полный переводъ которой на европейскій языкъ является впервые, принадлежитъ къ числу богослужебныхъ книгъ армянской церкви. Это духовная сокровищница, въ которую лучшіе представители послѣдней, съ V до VIII вѣка, не переставали дѣлать вклады. Положили ей начало святые Месропъ и Моисей Хоренскій, завершили ееВарданъ Великій и Іоаннъ Ерзенкайскій.

По прошествіи семидесяти девяти лѣтъ послѣ изданія «Исповѣданія армянскія церкви» [2]), предлагается русскому ученому міру другая богослужебная книга помянутой церкви, считающая за собой длинный рядъ вѣковъ. Думаемъ, что она прольетъ нѣкоторый правильный свѣтъ на главнѣйшіе изъ ея догматовъ. Какъ

[1]) Нижеслѣдующія строки заимствованы изъ Предисловія къ русскому переводу Шаракана, мастерски исполненному извѣстнымъ арменистомъ Н. О. Эминымъ, въ 1879 г. Маститый ученый, какъ извѣстно, задался цѣлью представить вниманію образованнаго русскаго общества, въ числѣ цѣлаго ряда капитальныхъ работъ по исторіи Арменіи, и возможно точный переводъ наиболѣе цѣннаго и вмѣстѣ съ тѣмъ труднаго по языку памятника духовной армянской поэзіи.—*Ниже*, вслѣдъ за необходимыми свѣдѣніями о Шараканѣ, приводимъ нѣкоторыя изъ такихъ духовныхъ пѣсенъ, въ видѣ образчика.

X.

[2]) Вышло въ С.-Петербургѣ въ 1799 г. подъ заглавіемъ: „Исповѣданіе христіанскія вѣры армянскія церкви, переведенное съ армянскаго на россійскій языкъ и изданное тщаніемъ преосвященнаго Іосифа, архіепископа всего армянскаго народа обитающаго въ Россіи, и кавалера Князя Аргутинскаго-Долгорукаго". Оно заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, 1) „Таинство крещенія армянскія церкви и 2) Чинъ священныя и божественныя литургіи армянскія церкви. Посвящено Императору Павлу Петровичу.

богослужебная книга, принятая всѣми, безъ изъятія, послѣдователями армянской церкви, она заслуживаетъ полнаго къ себѣ довѣрія. Она нигдѣ и никогда не испытала участи вѣроизложеній вообще и Вѣроизложенія каѳоликоса Нерсеса Благодатнаго (1166 - 1173) и его преемника Григорія IV (1173—1193) въ особенности [1]), которое внѣ предѣловъ киликійскаго армянскаго царства не встрѣтило сочувствія.

Вѣроизложеніе патріарховъ Нерсеса Благодатнаго и Григорія IV, одно изъ многихъ вѣроизложеній, сохранившихся въ армянскихъ лѣтописяхъ. Всѣ они, не исключая и редактированнаго этими каѳоликосами, никогда не имѣли обязательнаго значенія для послѣдователей армянской церкви; всѣ они, безъ изъятія, вызваны были политическими обстоятельствами и имѣютъ скорѣе историческое, нежели догматическое значеніе. Образчики ихъ русскій читатель найдетъ, между прочимъ, a) въ моемъ переводѣ Всеобщей Исторіи Степаноса Таронскаго—XI в.—стр. 143—175; b) въ французскомъ переводѣ академика Броссе Исторіи Kiracos de Gantzac—XIII в. стр. 195—205; c); въ французскомъ переводѣ Chronique de Matthieu d'Edesse Эдуарда Дюлоріе, стр. 135—150; d) въ Исторіи Католицизма въ Арменіи армяно-католическаго архіепископа Александра Балджеана (по армянски), гдѣ на стр. 273—305 помѣщены нѣсколько вѣроизложеній, написанныхъ по поводу сношеній съ Западною церковью.—Говоря вообще, одни изъ этихъ вѣроизложеній подлаживаются подъ ученіе византійской, другія римской церкви. И въ томъ и въ другомъ случаѣ побудительная причина очевидна: нужна была помощь противъ натиска сильнаго внѣшняго врага. Тоже самое видимъ въ первой половинѣ XV столѣтія на флорентійскомъ соборѣ: Греки, нуждающіеся въ поддержкѣ папъ и западныхъ государей противъ турецкаго нашествія, идутъ на всевозможныя требованія латинянъ и принимаютъ даже ученіе послѣднихъ о Святомъ Духѣ. Поэтому ошибаются тѣ изъ нашихъ ученыхъ, которые на вѣроизложеніяхъ, возникшихъ при вышеуказанныхъ обстоятельствахъ, основываютъ свои выводы о православіи или еретичности какой бы то ни было церкви, не исключая и армянской.

Книга эта, относительно своего содержанія, не сопровождается объяснительной, такъ сказать, запиской: она сама будетъ говорить за себя. Русскій читатель смѣло можетъ изъ нея черпать нѣкоторыя данныя о ученіи армянской церкви: его выводы будутъ тогда основаны на твердой, а не на шаткой почвѣ какого-нибудь вѣроизложенія. Тогда и сынъ этой церкви не скажетъ, какъ онъ до сихъ поръ совершенно основательно замѣчалъ относительно заключеній, сдѣланныхъ нѣкоторыми русскими учеными изъ вѣроизложенія [2]), что это послѣднее содер-

[1]) „Историческіе памятники вѣроученія армянской церкви, относящіеся къ XII вѣку. Перев. съ армянскаго А. Худабашева С. П. Б. 1847 г.

[2]) См. „Сношенія армянской церкви съ восточною православною о соединеніи въ XII вѣкѣ въ Твореніяхъ св. Отцевъ въ русскомъ переводѣ, годъ V, книга I, Москва, 1847. *Прибавленія* стр. 88—154.

См. „Изложенія вѣры церкви армянскія, начертанное Нерсесомъ, каѳоликосомъ армянскимъ, по требованію боголюбиваго государя Грековъ Мануила.—Историко-догматическое изслѣдованіе въ связи съ вопросомъ о возсоединеніи армянской церкви съ православною, И. Троицкаго". Спб. 1875.

житъ въ себѣ не ученіе его церкви, но личный на него взглядъ такого-то духовнаго лица, или собора, признаннаго только извѣстной фракціей его народа, и то временно.—Вслѣдствіе сего мы и предоставляемъ книгѣ знакомить русскаго читателя съ ученіемъ церкви, котораго она служитъ выраженіемъ...

Но то, за что мы беремся теперь, а именно знакомить русскую церковь съ армянскою, должно было быть предпринято послѣдователями первой, а не нами: тогда оно скорѣе достигло бы цѣли, т. е. читатели изъ русскихъ съ полнымъ довѣріемъ стали бы относиться къ ихъ труду, не предполагая ни предвзятой мысли въ переводчикѣ, ни поползновенія стушевывать какія бы ни было догматическія шероховатости, буде онѣ существуютъ, въ переводимомъ памятникѣ. Но такъ какъ этого въ настоящее время нѣтъ и не предвидится въ близкомъ будущемъ, то да будетъ намъ позволено въ ожиданіи лучшихъ дѣятелей изъ русскихъ, взять на себя ихъ обязанность, прося въ то же время вѣрить добросовѣстности исполненія принятаго нами на себя дѣла.

Богослужебные каноны и пѣсни заключаютъ въ себѣ, между прочимъ, ученіе армянской церкви о двухъ естествахъ въ Іисусѣ Христѣ. Ученіе это выражено въ нихъ не вскользь, не подъ покровомъ діалектическихъ хитросплетеній и не съ лукавымъ мудрствованіемъ, но отчетливо, ясно и съ полнымъ сознаніемъ. Передъ лицемъ всего свѣта армянская церковь поетъ эти гимны вотъ уже пятнадцать вѣковъ. Пѣла она ихъ, когда еще пользовалась политической самостоятельностью въ предѣлахъ древней Арменіи; пѣла она ихъ, когда половина этой страны признавала надъ собою первенство Византіи; пѣла она ихъ и тогда, когда была въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ латинскимъ западомъ со времени крестовыхъ походовъ; поетъ она ихъ и теперь послѣ многовѣковой утраты политической своей независимости, и, не смотря на это, христіанскіе народы—за весьма малыми исключеніями и то въ послѣднее двадцатилѣтіе—съ которыми она была въ постоянныхъ сношеніяхъ, до сихъ поръ не дали себѣ труда вопрошать отцевъ ея и у нихъ учиться—какимъ догматамъ слѣдуютъ они во главѣ духовной своей паствы. Явленіе печальное, рѣдко встрѣчающееся въ исторіи!...

Каноны и Пѣсни, заключающіеся въ Шараканѣ, написаны на древне-армянскомъ языкѣ: одни прозой, другіе—мѣрной прозой, третіи—бѣлыми стихами и наконецъ четвертые—стихами же, но риѳмованными. Они поются въ армянской церкви въ назначенные дни, часы и праздники, и поются по принятымъ *осьми гласамъ*, которые обозначаются слѣдующими словами стиховъ, заимствованныхъ изъ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ, а именно *Поемъ; Отцевъ*; *Величитъ*; *Помилуй*; *Господа на небесахъ*; *Отроки*; *Объдни*; *Возвожу*.

Первая пѣснь называется *Поемъ* потому, что она начинается Пѣснью Моисея: «Поемъ Господеви, славно бо прославися»—*(Исх*, 15*)*; поется въ первый часъ ночи и т. п.

Шараканъ еще въ XII вѣкѣ былъ извѣстенъ представителямъ византійской греческой церкви. Это видно изъ Посланія императора Мануила I Комнина, адресованнаго, во время сношеній Грековъ и Армянъ объ единеніи церквей—на имя каѳоликоса Григорія IV. Въ немъ императоръ, между прочимъ, писалъ: „увѣдомляю тебя, что соблазнъ, существовавшій въ нашемъ сердцѣ, мы исцѣлили посредствомъ богослужебныхъ вашихъ пѣсенъ, (обращенныхъ) къ Богу; ибо, по-

знакомившись съ ними, мы явственно усмотрѣли изъ нихъ, что въ нихъ, во многихъ мѣстахъ, вы единаго Христа двумя естествами славите. И надлежитъ, чтобы эта правильность (ученія), которая остается какъ бы сокрытою, была выставлена и извѣщена всѣмъ" [1]).—Это разумное желаніе византійскаго императора осуществляется только теперь, по прошествіи слишкомъ семи вѣковъ.

Не одни Греки останавливали свое вниманіе на Шараканѣ. Въ нынѣшнемъ столѣтіи неоднократно къ нему обращались западные арменисты. Помимо нерѣдкихъ объ немъ отзывовъ въ ученыхъ трактатахъ объ армянской письменности, нѣкоторые изъ этихъ ученыхъ перевели изъ него или отдѣльные каноны, или цѣлые отдѣлы, какъ напр. французскій миссіонеръ Eugène Boré [2]), профессоръ Лувэнскаго университета Félix Nève [3]), италіанецъ Luigi Carrer [4]) и другіе. Изъ Армянъ въ истекшемъ 1877 году, ученые венеціанскіе мхитаристы въ день празднованія 50-лѣтняго юбилея Пія IX поднесли главѣ католической церкви, какъ даръ, его достойный, Каноны и пѣсни, посвященные Святой Богородицѣ, въ латинскомъ переводѣ изъ той же книги [5]). На русскій языкъ переведены: архіепископомъ Іосифомъ Аргутинскимъ 2 пѣсни, вошедшія въ составъ литургіи въ XIII вѣкѣ и 14 каноновъ [6])...

I.

Канонъ на Благовѣщеніе Богородицы [7]).

Неизреченная Тайна, сокрытая для народовъ и вѣковъ, нынѣ открылась черезъ сошествіе архангела къ святой Дѣвѣ Маріи, которую имѣемъ предстательницей нашей передъ Господомъ.

[1]) См. Исторію Арменіи о. Михаила Чамчеана, Ч. III, стр. 116. Венеція. 1786, (по-армянски).

[2]) Онъ перевелъ Канонъ святому Григорію Просвѣтителю и помѣстилъ въ своемъ „L'Arménie" p. 117—126, Paris. 1840.

[3]) Онъ перевелъ всѣ Каноны Усопшимъ и Святому Духу; см. его Les Hymnes funèbres de l'Eglise arménienne traduites sur le texte arménien du Charagan: Revue catholique, t. x. août—décembre 1855; его же De l'invocation du Saint-Esprit, dans Liturgie arménienne. Hymnes traduites et commentées pour servir à l'Histoire du dogme en Orient. Тамъ же, v. 11 de la VII Série—année 1862.

[4]) Онъ перевелъ стихами Канонъ Святой Рипсиме; см. его Inno alle Ripsimiane, Венеція. Годъ не показанъ.

[5]) Laudes et Hymni ad SS Mariae Virginis honorem ex armenorum Breviario excerpta Mechitaristicae Congregationes opera latinitatae donata. Venetiis in Sancti Lazari insula, anno MDCCCLVII. Переводъ изданъ съ текстомъ.

[6]) См. „Собраніе древнихъ Литургій восточныхъ и западныхъ въ переводѣ на русскій языкъ".—Выпускъ второй, СПБ. 1874.—Литургія святаго Григорія Просвѣтителя Арменіи, стр. 168. „Пѣснь на облаченіе въ священныя одежды", и „Пѣснь на кажденіе при святомъ жертвоприношеніи; стр. 180".

[7]) См. русск. переводъ Шаракана, стр. 8.

Внѣвременное безплотное Рожденіе изъ Отчихъ нѣдръ нынѣ черезъ благовѣстіе Гавріила облекается плотью отъ святой Дѣвы, которую имѣемъ предстательницей нашей передъ Господомъ.

Невмѣстимый во всей вселенной, вмѣщающій въ себѣ все сущее, нынѣ движимый человѣколюбіемъ, заключается въ чревѣ Дѣвы, которую имѣемъ предстательницей нашей передъ Господомъ.

Образъ невидимой славы Отца, не измѣняясь нисходитъ до образа раба въ утробѣ Дѣвы, освѣщенной Духомъ: Ее имѣемъ предстательницей нашей передъ Господомъ.

Безпредѣльный въ своей сущности, осуществляющій все ограниченное, нынѣ выше человѣческаго разумѣнія ограничивается во чревѣ святой Дѣвы, которую имѣемъ предстательницей нашей предъ Господомъ.

Радость скорбнаго нашего естества—радующаяся Дѣва Марія, которая съ благословеніемъ приняла и носила въ себѣ Подателя закона привѣтствія—будь всегда передъ Нимъ нашей предстательницей.

II.

Одинъ изъ гимновъ, воспѣваемыхъ во дни Великаго поста [1]).

Я расточилъ нетлѣнное духовное сокровище въ тлѣнномъ семъ мірѣ: взываю къ Тебѣ одному, Спаситель благой, пощади меня—согрѣшившаго раба.

Ограду души моей я разорилъ, и сталъ я лозой, лишенной вѣтвей: взываю къ Тебѣ одному, Спаситель благой, пощади меня согрѣшившаго раба.

Стою я какъ пальма съ оборванными вѣтвями, какъ маслина, лишенная плодовъ: взываю къ Тебѣ одному, Спаситель благой, пощади меня—согрѣшившаго раба.

III.

Изъ Канона святому Григорію Просвѣтителю [2]).

Въ сей день радостно ликуетъ церковь—древо насажденное Богомъ и покрытое цвѣтами, отъ котораго дана намъ безсмертная отрасль—владыка Григорій, плодами своими наполнившій всю землю.

Вѣтвь, обремененная гроздьями истинной виноградной лозы, насажденной десницею Бога Отца! отъ тебя нацѣдилась скорбному нашему народу чаша, приносящая радость: ею упоенные, мы возрадовались духовною радостью.

[1]) Тамъ же, стр. 101.

[2]) Тамъ же, стр. 116 и 119.

Весеннее дуновеніе южнаго вѣтра, согрѣтаго огнемъ божественнаго Духа, отъ котораго (огня) растаялъ ледъ идолослуженія народовъ, обитающихъ на сѣверѣ, разцвѣтшихъ богопознаніемъ.

Владыка Григорій?! ты—новый усладительный рай, насажденный въ странѣ армянской, стоившій пота и трудовъ многихъ; ты, орошенный потокомъ словъ истины, далъ отъ себя дивно-прекрасные отростки, покрытые множествомъ цвѣтовъ.

Ты показался на землѣ небеснымъ свѣтомъ, получившимъ свой блескъ отъ Солнца жизни; ты разсѣялъ густой мракъ съ армянскаго народа, и онъ увидѣлъ свѣтъ благодати Святаго Духа.

Сонмы огненныхъ безтѣлесныхъ воинствъ сорадуясь ликуютъ съ бреннымъ нашимъ естествомъ, давшимъ Господу Богу владыку Григорія, черезъ котораго отроки православной вѣры посвящаются въ небесную славу...

Добрый правитель дома Божія, удостоившійся благодати владыка Григорій! ты—сокрушитель жертвенниковъ языческихъ, разрушитель капищъ силою креста, первосвященникъ избранный Богомъ, свыше получившій отъ Учителя призывъ на апостольскій престолъ...

IV.

Канонъ святымъ дѣвамъ, спутницамъ святой Рипсимe [1]).

Души, посвятившія себя любви Христовой, небесныя подвижницы и мудрыя дѣвы! Мать Сіонъ, хвалясь вами, высоко празднуетъ вашу память вмѣстѣ съ своими дочерями.

Голоса съ небесъ наполнили землю; ибо вы, какъ запахъ благоуханія, распространились передъ Христомъ; вы принесли себя, какъ жертву искупленія, во всесожженіе, о вы безпорочныя агницы, посвященныя Богу.

Тѣлесная блестящая ваша красота обезумила царя и изумленныхъ язычниковъ, бодрые же духи, при видѣ дивной, богоданной красоты дѣвы, ликовали съ людьми...

Обезсилѣли могучіе стрѣлометатели, а слабыя жены явились во всеоружіи. Царь, гордящійся силою и славою, побѣжденный юной дѣвой, былъ покрытъ стыдомъ...

Всѣ язычники съ ликованіемъ шли на обладаніе одной дорогой жемчужины: Западъ устремился на Востокъ, чтобы повсюду возвѣстить о дивной красотѣ.

Цари, услышавъ это, исполнились радости; всѣ они стали искать скрытое сокровище, которое они на словахъ обѣщали подарить одинъ другому, на дѣлѣ же—тайно похитить другъ у друга.

Тогда открылась тайна духовнаго зачатія, и началась родильная скорбь спасенія міра; ибо небесная воля, умилостивившись ниспослала свыше царя спасенія...

[1]) Тамъ же, стр. 258—259.

V.

Канонъ всѣмъ мученикамъ [1]).

Истинные мученики и свидѣтели Христовы, перенесшіе мученія и смерть ради Христа! васъ имѣемъ ходатаями передъ Христомъ за души наши.

Ибо черезъ пролитіе крови вашей украсились святыя церкви; вы разсѣяли густой мракъ идолослуженія: васъ имѣемъ ходатаями передъ Христомъ за души наши.

Небесныя Силы снизошли въ честь смертной жертвы вашей, принося вамъ отъ Отца свѣта нетлѣнные вѣнки.

Съ надеждою на Твое святое имя, они вступили въ бой и побѣдили врага: мольбами ихъ пощади насъ, Боже отцевъ нашихъ...

Они испили съ тобою смертную чашу и кровавымъ крещеніемъ крестились съ Тобою, мольбами ихъ помилуй!

Взявъ свой крестъ, они послѣдовали за Тобою и неразрывною любовію были къ Тебѣ пригвождены: мольбами ихъ помилуй!

Они дѣйствительно погасили павшаго Луцифера и сами, ставъ ангелами, заступили его мѣсто: мольбами ихъ помилуй...

VI.

Изъ Канона по усопшимъ [2]).

Боже безначальный, Начало творчества! Ты изъ земли создалъ перваго человѣка, поселилъ его въ саду эдемскомъ, чтобы воздѣлывать его и хранить въ неизрѣченной жизни; но когда онъ преступилъ заповѣдь твою, Господи, Ты произнесъ надъ нимъ смертный приговоръ: прахъ ты, и въ прахъ возвратишься. И нынѣ молимъ Тебя, Создателя всего, прими и упокой отшедшія души въ свѣтозарной свѣтовой скиніи, гдѣ сонмы святыхъ праведниковъ смиренной душой въ мирѣ наслаждаются небесными благами.

Я, бывшій нѣкогда золотомъ, сталъ безполезною вещью; изящное зданіе моего тѣла разрушилось; я, нѣкогда мудрый, нынѣ обезумѣлъ отъ волнъ грѣховъ, въ которыя погрузился. И нынѣ молимъ Тебя, Создателя всего, прими и упокой отшедшія души въ лучезарную свѣтовую скинію, гдѣ сонми святыхъ праведниковъ смиренной душой въ мирѣ наслаждаются небесными благами.

Зовущій отъ вышняго Призывающаго пришелъ: страшенъ Призывающій, ужасенъ зовущій; судія не лицепріятенъ, судъ праведенъ—ангелы безъ жалости

[1]) Тамъ же, стр. 380, 381.

[2]) Тамъ же, стр. 407—408.

судятъ грѣшныхъ. И нынѣ молимъ Тебя, Создателя всего, прими и упокой отшедшія души въ лучезарную скинью, гдѣ сонмы святыхъ праведниковъ смиренной душой въ мирѣ наслаждаются небесными благами...

Великъ и страшенъ день суда; трепетъ наводитъ судилище, когда раздается трубный звукъ, когда слышно горѣніе ужаснаго огня.

Земля колеблется; дрожатъ твари; раздается звукъ трубы Гавріиловой по вселенной, души облекаются въ нетлѣнную плоть

Съ востока является Крестъ въ блескѣ седмикратно превосходящемъ сіяніе солнца; праведные сіяютъ, и грѣшники навсегда лишаются чистѣйшаго свѣта; и лучи святаго Креста, предшествуя Тебѣ, очищаютъ Тебѣ мѣсто возсѣданія въ воздушномъ пространствѣ: въ тотъ страшный день помилуй души нашихъ усопшихъ.

Пѣвчіе Нахичеванскаго собора св. Григорія.

Нѣсколько словъ о значеніи армянскихъ историковъ для изученія Сассанидской Персіи.

Сассанидско-персидская (такъ называемая пехлевійская) литература дала намъ весьма мало историческихъ сочиненій. Проникнутое строго-зороастрійскимъ, религіознымъ духомъ умственное теченіе этого времени отодвигало на задній планъ другія явленія литературной жизни. Кромѣ того, значительная часть историческихъ памятниковъ Сассанидскаго періода исчезла во время смутъ, наступившихъ послѣ завоеванія Персіи Арабами и распространенія въ Иранѣ Ислама, и до насъ дошли лишь тѣ немногочисленные отрывки, которые либо были сохранены въ оригиналахъ, либо были переведены или передѣланы авторами арабскаго періода. Но и въ дошедшихъ до насъ пехлевійскихъ памятникахъ историческаго характера легендарный элементъ на столько преобладаетъ надъ историческимъ,—какъ это замѣчается, напримѣръ, въ Карнамакѣ, повѣствующемъ намъ объ Ардеширѣ Бабеганѣ, основателѣ Сассанидской династіи,—что такіе памятники заслуживаютъ скорѣе названія романовъ, нежели историческихъ памятниковъ.

Но, къ счастію для науки, этотъ пробѣлъ въ персидской литературѣ пополняется писателями другихъ, сосѣднихъ съ персидскимъ государствомъ, народовъ, именно: греческими, сирійскими, китайскими и—last not least—историческими авторами Арменіи, находившейся уже со временъ мидійскаго царства въ тѣсной связи съ Ираномъ. По достовѣрности, разнообразію и обилію свѣдѣній, приведенныхъ армянскими писателями о Персіи, послѣдніе ни въ чемъ не уступаютъ историкамъ вышеупомянутыхъ народовъ. Напротивъ, Армяне, поддерживающіе самыя близкія сношенія съ Персіей, во многихъ отношеніяхъ оказываются даже лучше освѣдомленными писателей другихъ народностей.

Начнемъ сперва съ *религіи*. Тутъ несомнѣнно первое мѣсто занимаетъ *Езникъ*, писатель пятаго вѣка нашей эры, оставившій во второй книгѣ своего труда

«Объ опроверженіи ересей» весьма цѣнныя свѣдѣнія о религіи Персовъ при Сассанидахъ. Главная заслуга Езника для дѣла изученія персидской религіи заключается въ значительномъ расширеніи нашихъ свѣдѣній о персидской религіи той эпохи. Вѣдь изъ его указаній, подтвержденныхъ и другимъ армянскимъ писателемъ, Егише, явствуетъ, что государственная религія Персіи въ пятомъ вѣкѣ въ значительной степени отличалась отъ той формы зороастризма, которая изложена въ священныхъ книгахъ Парсовъ и главнымъ образомъ въ Зендавестѣ. Изъ Езника мы узнаемъ, что религія Сассанидовъ въ пятомъ вѣкѣ или была тождественна, или-же, по крайней мѣрѣ, стояла весьма близко къ той формѣ Зороастризма, которая извѣстна намъ подъ именемъ секты Зерванитовъ. Это ученіе Зерванитовъ изложено арабскимъ писателемъ *Шахристани*, умершимъ въ срединѣ двѣнадцатаго вѣка нашего лѣтосчисленія [1]).

Но этимъ еще не исчерпывается значеніе указаній Езника для персидской религіи. Приводя подъ формой полемики съ поклонниками Зороастра рядъ цѣнныхъ извѣстій объ иранской религіи, Езникъ касается и многихъ другихъ особенностей послѣдней, какъ, напримѣръ, парсійской ѳеогоніи, вѣры въ небесныя свѣтила, брака между ближайшими родственниками, дуализма, личности Зороастра, называемаго имъ «Зрадаштъ» и т. д. Словомъ, духъ иранской религіи пятаго вѣка выступаетъ съ чрезвычайною рельефностью передъ читателемъ этого сжатаго отрывка.

Рядомъ съ Езникомъ, по обилію и достовѣрности сообщеній о Зороастрійской религіи, заслуживаетъ нашего вниманія *Елисей* (*Егише*) въ своемъ историческомъ трудѣ о Варданѣ и войнѣ противъ Персовъ. Егише снабжаетъ насъ любопытными свѣдѣніями о внутреннемъ устройствѣ персидскаго жреческаго сословія, о вліяніи духовенства на политику сассанидскаго государства, о догматахъ Зороастрійскаго ученія, объ обрядахъ этой религіи и о фанатизмѣ персидскаго духовенства, старавшагося всѣми силами искоренить въ Арменіи ученіе Христа и обратить въ Зороастризмъ христіанскихъ Армянъ, Сирійцевъ, и кавказскія племена, которыя, подобно Грузинамъ, и Агванцамъ, восприняли христіанскую вѣру. Въ знаменитомъ воззваніи персидскаго полководца и государственнаго дѣятеля Михръ-Нэрсэ къ Армянамъ Егише даетъ намъ хотя краткій, но весьма удачный очеркъ персидскихъ вѣрованій, вполнѣ согласующійся съ сообщеніями Езника и въ томъ-же самомъ отрывкѣ приводитъ рядъ возраженій, весьма характерныхъ для господствующихъ въ правящихъ сферахъ Персіи взглядовъ по отношенію къ христіанству. Вѣдь персидское государство Сассандовъ, находящееся со времени своего возникновенія въ тѣсной связи съ Зороастровымъ ученіемъ, считало христіанство, подобно языческому Риму, своимъ заклятымъ врагомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не слѣдуетъ упустить изъ вниманія, что христіанство между персидской знатью насчитывало не мало тайныхъ и явныхъ приверженцевъ, въ числѣ которыхъ находились лица, стоящія весьма близко къ персидскому двору, какъ, напримѣръ, Ширинъ, любимая жена Хосрова Парвеза, и царевичъ Аношазадъ, одинъ

[1]) Ср нѣмецкій переводъ *Haarbruecker'a*, т. I, стр. 277 сл. Космоганическія ученія этой секты приводитъ и *Spiegel* въ своемъ трудѣ: Die traditionelle Litteratur der Parsen, стр. 161 сл.

изъ сыновей Хосрова Аношревана [1]). Егише (въ седьмой главѣ) повѣствуетъ даже о переходѣ въ христіанство главы маговъ, такъ называемаго Могпетанъ-Могпета.

Замѣтимъ кстати, что это полемика Персовъ противъ христіанства, приведенная въ трудѣ Егише, не лишена интереса и значенія вообще для исторіи христіанской церкви.

Изъ болѣе позднихъ писателей *Себеосъ*, жившій въ седьмомъ вѣкѣ, и *Ѳома Арцруни*, авторъ девятаго вѣка, касаются также предметовъ персидской религіи. Себеосъ говоритъ въ особенности о священныхъ мѣстахъ и пиреяхъ Персовъ, а Ѳома Арцруни сообщаетъ намъ довольно обильный матеріалъ о личности Зороастра, о персидскихъ религіозныхъ сектахъ и объ иранскомъ божествѣ Спандараметѣ. Оставляя въ сторонѣ другихъ писателей, какъ *Агаѳангела*, *Фавста Византійскаго и Лазаря Парпскаго*, сообщившихъ намъ также кое-что о персидской религіи, мы обратимся теперь къ значенію армянскихъ историковъ для изученія персидскихъ *эпическихъ преданій*.

Во главѣ всѣхъ писателей древней Арменіи стоитъ въ этомъ отношеніи *Моисей Хоренскій*. Сколько-ни подозрительна достовѣрность этого историка по вопросамъ армянской исторіи [2]), но все таки не подлежитъ сомнѣнію, что Моисей въ дѣлѣ изученія персидскихъ сказаній—судя по тѣмъ отрывкамъ изъ персидскаго эпоса, которыхъ онъ коснулся—является первоклассным источникомъ. Его повѣствованія о герояхъ персидскаго эпоса, Рустемѣ, Феридунѣ, Аждахакѣ и даже объ основателѣ сассанидской династіи, Ардеширѣ Бабеганѣ, отличаются архаичностью и вполнѣ подтверждаются Арабами и поэмой великаго эпика, Фирдауси. Изъ Моисея мы узнаемъ, что содержаніе персидскаго эпоса, весьма популярнаго и въ наши дни среди народовъ Кавказа, удостоивалось еще во время Моисея Хоренскаго—т. е. въ восьмомъ вѣкѣ нашей эры—сочувственнаго вниманія со стороны армянской знати.

Слѣды персидскаго эпоса замѣтны также у *Фавста Византійскаго*. Мы здѣсь имѣемъ главнымъ образомъ въ виду разсказъ Фавста [3]) объ армянскомъ царѣ Папѣ, посвященномъ будто дэвамъ или злымъ духамъ иранской миѳологіи. Мы тутъ, по нашему мнѣнію, имѣемъ передъ собой примѣненіе персидскаго миѳа объ Аждахакѣ (Дохxакѣ въ Шахнамэ) къ историческому лицу, возникшее, вѣроятно, подъ вліяніемъ враждебныхъ царю Папу христіанскихъ круговъ. Разсказъ Фавста, будто изъ плечъ царя Папа выросли змѣевидныя чудовища, находитъ себѣ прямую параллель въ повѣствованіи Фирдауси объ Аждахакѣ. Впрочемъ, на сходство стиля Фавста Византійскаго со слогомъ пехлевійскихъ эпическихъ книгъ указали уже ученые, и многія изъ его сравненій, поговорокъ и выраженій кажутся намъ, весьма похожими на иранскіе обороты. Съ

1) Персы-христіане принадлежали къ сирійско-несторіанской сектѣ. Такъ какъ Несторіане питали сильную вражду къ западному христіанству, персидское правительство относилось къ нимъ съ бо́льшей снисходительностью. Поводомъ къ преслѣдованію христіанъ со стороны Персовъ послужили затаенныя симпатіи ихъ къ Византійской Имперіи.

2) Ср. трудъ Г. *Халатьянца*: Армянскій эпосъ въ Исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго. Москва 1896.

3) *Фавстъ* кн. IV, гл. 59, стр. 151 въ изданіи Патканова.

персидскими эпическими сказаніями былъ, повидимому, знакомъ и Себеосъ. Онъ упоминаетъ о Спандіатѣ (Исфендіярѣ въ Шахнамэ) и съ особеннымъ интересомъ останавливается на личности знаменитаго персидскаго полководца Бехрама Чобина, ставшаго уже вскорѣ послѣ своей смерти излюбленнымъ лицомъ персидской легенды. Любопытные отрывки изъ иранскаго эпоса мы находимъ въ посланіяхъ *Григорія Магистроса*, а также въ армянской хроникѣ *Джеваншира*, посвященной исторіи Грузіи. Всѣ эти писатели, до извѣстной степени расширяя наши познанія въ дѣлѣ изученія персидскаго эпоса, свидѣтельствуютъ о широкомъ распространеніи иранскихъ сказаній въ Передней Азіи.

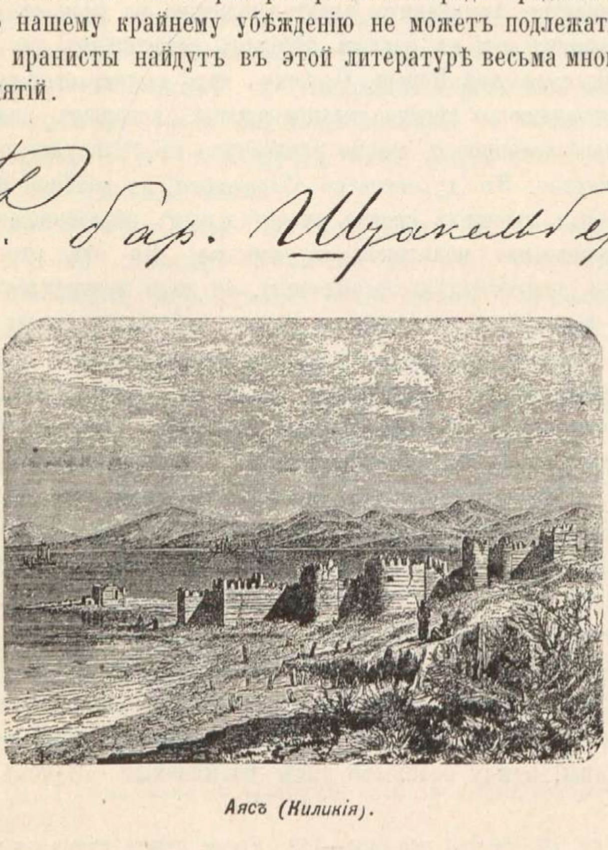
Само собою понятно, что при тѣсныхъ сношеніяхъ, установившихся издавна между древней Арменіей и Персіей, извѣстія, дошедшія до насъ о внутреннемъ устройствѣ и нравахъ Сассанидской Персіи черезъ посредство армянскихъ историковъ, должны быть особенно цѣнны. И это на самомъ дѣлѣ такъ. Разсказы всѣхъ почти армянскихъ историческихъ авторовъ, а главнымъ образомъ *Фавста Византійскаго*, *Егише*, *Лазаря Парпскаго*, *Себеоса и Моисея Каганкатуаци* очень часто касаются персидскаго двора, персидскихъ порядковъ во время міра и войны. Передъ читателемъ выступаетъ церемоніалъ придворной жизни, образъ жизни царей и сановниковъ во время пировъ, на охотѣ, интриги вельможъ, вооруженіе войска и частыя войны то съ Византіей, то съ восточными, варварскими сосѣдями Персіи то, наконецъ, постоянныя междоусобія среди членовъ Сассанидской династіи. Армянскихъ писателей можно на ряду съ сирійцами, арабами и Шахнамэ причислить къ самымъ цѣннымъ источникамъ для изученія внутренней жизни Сассанидской Персіи. Особенно ярко выдвигается на первый планъ армянскими писателями то весьма сильное вліяніе, которымъ пользовалось при Сассанидахъ многочисленное и весьма ревностное въ дѣлѣ распространенія Зороастризма духовенство. Это духовенство обладавшее, по крайней мѣрѣ для своего времени, въ своихъ высшихъ слояхъ значительнымъ образованіемъ, во многихъ отношеніяхъ руководило политикой государства. Но отъ этого духовенства, имѣвшаго строго іерархическую организацію, не мало приходилось страдать Армянамъ послѣ принятія христіанства. Находя себѣ опору среди извѣстной части армянской аристократіи, дорожащей иранскими преданіями своихъ родовъ и армянской старины вообще, персидскіе жрецы всячески старались расшатать новое зданіе христіанской религіи и культуры. Не довольствуясь умственной пропагандой, персидское духовенство прибѣгало и къ принудительнымъ мѣрамъ для достиженія своихъ цѣлей, призывая къ себѣ на помощь свѣтскую власть. Во многихъ мѣстахъ Арменіи были основаны пиреи (атрушаны), народъ обращали въ Зороастризмъ либо обѣщаніями, либо угрозами, либо насиліемъ. Разъединяя семейства и внося раздоръ во всѣ классы народа, ревнители магизма разрушали церкви и монастыри, подвергая всякаго рода преслѣдованіямъ служителей христіанской церкви [1]). А кары и пытки, которымъ подвергались при Сассанидахъ государственные преступники, были, по сообщеніямъ армянскихъ историковъ, весьма жестоки. Ослѣпленіе, содраніе кожи, отрѣзываніе ушей и заключеніе въ страшныя темницы, между которыми такъ называемый «Замокъ Забвенія» въ

1) *Фавстъ*, кн. IV, гл. 59, стр. 151—152. *Егише*, книга вторая и passim.

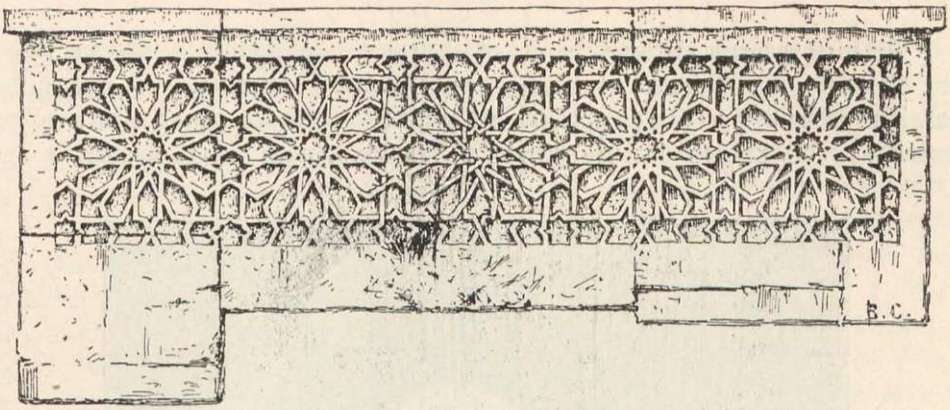
Хузистанѣ занималъ первое мѣсто, являются весьма нерѣдкими наказаніями Словомъ, изъ армянскихъ писателей мы выносимъ то впечатлѣніе, что Сассанидская Персія, не смотря на разнообразіе культурныхъ вліяній на нее со стороны Византіи и Сиріи, Индіи и Китая, является по существу своему государствомъ варварскимъ. Но вышесказаннымъ еще не исчерпывается значеніе армянскихъ писателей для изученія древняго Ирана. Въ Армянской Географіи — сочиненіи, по мнѣнію покойнаго проф. Патканова, седьмаго вѣка,—приписываемой Моисею Хоренскому, мы имѣемъ цѣнный матеріалъ для *географіи* Персіи въ шестомъ и седьмомъ вѣкѣ, пополняющій свѣдѣнія болѣе позднихъ арабскихъ географическихъ авторовъ и снабжающій насъ также любопытными свѣдѣніями о природѣ Ирана и прилегающихъ къ ней странъ. Для персидской *астрономіи*, *астрологіи и математики* не лишенъ значенія и трудъ армянскаго математика седьмаго вѣка, *Ананіи Ширакаци*, сообщающаго намъ свѣдѣнія о системѣ мѣръ, вѣсовъ, монетъ и о небесныхъ свѣтилахъ въ средней Персіи (т. е. сассанидской). Въ особенности названія небесныхъ свѣтилъ у Персовъ, приведенныя Ананіей, представляютъ значительный интересъ въ виду того, что они отчасти расходятся съ указаніями Бундехеша, священной книги Зороастрійской религіи.

Желая дать въ нашемъ краткомъ очеркѣ читателю хотя бы приблизительное понятіе о значеніи древне-армянской литературы для изученія Ирана, мы вмѣстѣ съ тѣмъ позволимъ себѣ выразить желаніе, чтобъ знакомство съ авторами древней Арменіи все болѣе и болѣе распространилось среди представителей европейской науки. По нашему крайнему убѣжденію не можетъ подлежать сомнѣнію, что въ особенности иранисты найдутъ въ этой литературѣ весьма много любопытнаго для своихъ занятій.

Ф. бар. Штакельбергъ.

Аясъ (Киликія).

Два армениста.

I.

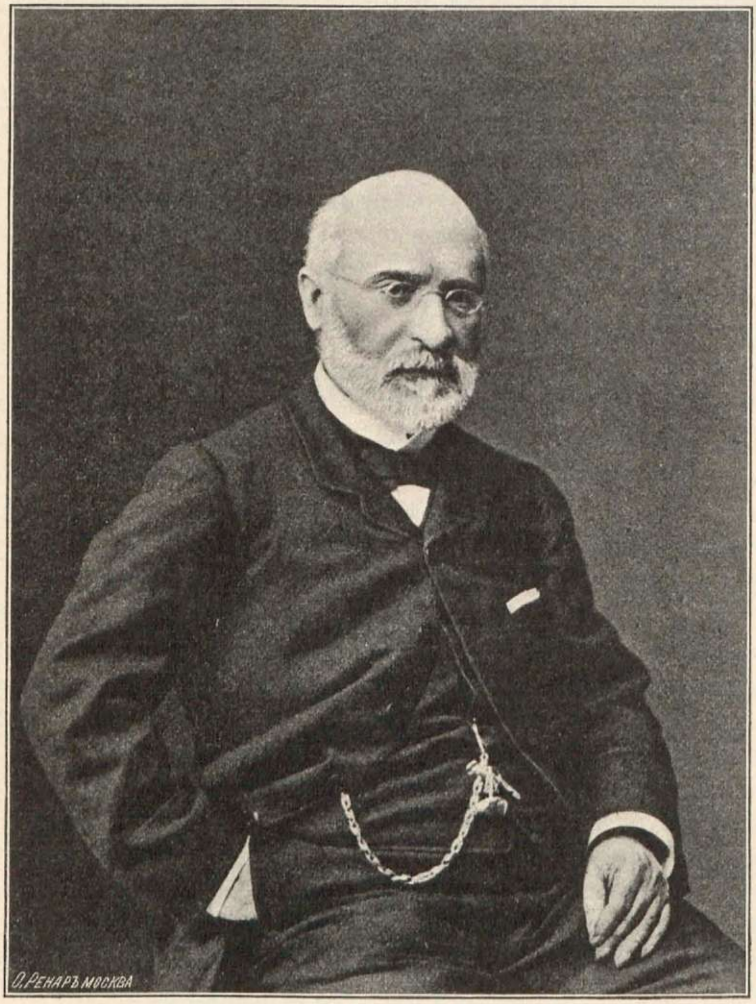
Профес. Н. О. Эминъ.

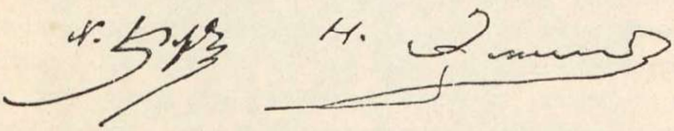
Н. О. Эминъ родился въ 1815 г., ноября 25-го дня, въ Нов. Джульфѣ, предмѣстьѣ Испагани, въ Персіи. Первоначальное образованіе получилъ онъ у мѣстнаго приходскаго священника, а девяти лѣтъ былъ отправленъ въ Калькутту къ своей бабушкѣ по матери, женѣ извѣстнаго индійскаго патріота и капиталиста Эмина, поучиться тамъ въ «Армянской человѣколюбивой школѣ».

Окончивъ съ успѣхомъ курсъ ученія въ этомъ заведеніи, гдѣ между прочимъ онъ основательно ознакомился съ англійскимъ языкомъ, молодой Эминъ, который еще раньше того много наслышался о Московскомъ Лазаревскомъ Институтѣ, захотѣлъ во что бы то ни стало перебраться въ древнюю русскую столицу, съ цѣлію продолжать свое ученіе въ упомянутомъ Институтѣ, въ особенности же пріобрѣсти познанія по русскому языку.

Желаніе пылкаго юноши казалось нѣкоторое время несбыточной мечтой. Бабушка и слышать не хотѣла о разставаніи съ любимымъ внукомъ, а въ особенности о продолжительномъ морскомъ путешествіи, сопряженномъ съ большими опасностями. Пароходовъ тогда не было еще, и нужно было странствовать не менѣе полугода, по морямъ на купеческихъ корабляхъ, прежде чѣмъ достигнуть сѣверной столицы Россіи. Послѣ долгихъ усилій убѣдили, наконецъ, бабушку отпустить молодаго Эмина. Весной 1829 г. Эминъ сѣлъ на шведскій бригъ, отправлявшійся въ Стокгольмъ, и, объѣхавъ, со многими приключеніями, Азію, Африку и Европу, черезъ Швецію и Финляндію, прибылъ наконецъ въ Петербургъ и затѣмъ въ Москву, употребивъ на плаваніе болѣе 7-ми мѣсяцевъ. Въ томъ же году, осенью, Эминъ поступилъ въ Лазаревскій Иститутъ.

Здѣсь-то вполнѣ высказались его счастливыя способности и неутомимая энергія. Пріѣхавъ въ Москву со знаніемъ нѣсколькихъ языковъ, онъ однако не зналъ ни слова по-русски и употребилъ всѣ усилія къ усвоенію языка новаго своего отечества. Онъ дѣлалъ большіе успѣхи въ наукахъ, а на досугѣ занимался ли-

тературой и переводами. Лазаревскій Институтъ состоялъ въ то время, какъ и всѣ казенныя гимназіи, изъ 4-хъ классовъ, не считая приготовительнаго.

По окончаніи здѣсь курса, въ 1834 г., Эминъ поступилъ на философскій факультетъ Московскаго Университета, гдѣ его товарищами, между прочими, были Ю. Самаринъ, Кавелинъ, Катковъ, Ѳ. И. Буслаевъ и другіе. Въ 1838 г. онъ

только что кончилъ курсъ въ Университетѣ и въ томъ же году назначенъ преподавателемъ армянскаго языка и литературы въ Лазаревскомъ Институтѣ. Тутъ онъ заявилъ себя вскорѣ установленіемъ болѣе раціональнаго отношенія къ преподаванію живымъ словомъ, также какъ и изданіемъ необходимыхъ по сему предмету руководствъ, и до сихъ поръ не потерявшихъ своего значенія.

Эминъ долгое время былъ также инспекторомъ въ Лазаревскомъ Институтѣ (съ 1840—1860 г.), причемъ возложены были на него обязанности непосредственно завѣдывать всею восточною частію ученія въ Институтѣ. Съ 1850 г. онъ былъ опредѣленъ профессоромъ армянской словесности въ высшихъ Лицейскихъ классахъ того же заведенія. Должность эту онъ занималъ почти 30 лѣтъ, т. е. до 1882 г., съ небольшимъ перерывомъ отъ 1866 по 1870 г., въ теченіе котораго онъ былъ назначенъ директоромъ училищъ Владимірской губерніи. Изъ Владиміра онъ былъ переведенъ въ Москву директоромъ 5-й гимназіи, при немъ впервые открытой, одновременно съ этимъ онъ состоялъ ординарнымъ профессоромъ въ Лицейскихъ классахъ Лаз. Института по каѳедрѣ армянской словесности. Въ 1876 г. Эминъ отказался отъ должности директора гимназіи, а черезъ шесть лѣтъ онъ оставилъ и каѳедру армянской словесности, чтобы вполнѣ свободно предаться научнымъ занятіямъ. И дѣйствительно, въ это время онъ довольно много писалъ и печаталъ: къ этому же времени относится его дѣятельное участіе въ трудахъ Московскаго Археологическаго общества. Но уже вскорѣ даютъ себя чувствовать болѣзнь, а затѣмъ и старость, отнимая у него возможность къ серьезнымъ научнымъ занятіямъ. 13-го декабря 1890 г. Эминъ скончался.

*
* *

Многочисленные и разнообразные труды Эмина, число которыхъ болѣе 35-ти, сводятся къ изученію армянской миѳологіи, археологіи, исторіи и исторіи литературы, разработкѣ которыхъ онъ оказалъ весьма важныя услуги.

Но, для болѣе безпристрастной оцѣнки ученой дѣятельности Эмина, важно имѣть въ виду не только прямыя свѣдѣнія объ его ученыхъ трудахъ, но и о томъ, въ какомъ отношеніи стоятъ эти труды къ однородной дѣятельности его ближайшихъ предшественниковъ. Поэтому нужно хоть вскользь посмотрѣть, что было сдѣлано до него по изученію упомянутыхъ отраслей арменовѣдѣнія у русскихъ армянъ.

Въ Россіи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, гдѣ армяне, послѣ многовѣковыхъ гоненій и рабства у невѣрныхъ, нашли убѣжище и покой—первыми проводниками просвѣщенія въ армянскую среду черезъ распространеніе печатныхъ армянскихъ книгъ и изученіе роднаго языка и литературы въ школахъ,—были лица духовнаго званія. Во главѣ ихъ стоитъ одинъ изъ знаменитыхъ іерарховъ армянской церкви, архіепископъ Іосифъ кн. Аргутинскій-Долгорукій, проживавшій въ Петербургѣ въ концѣ прошлаго столѣтія. Интересуясь древне-армянской литературой, особенно же литературой духовной, и желая распространять ее въ народѣ, онъ завелъ типографіи въ Петербургѣ, Н. Нахичевани и Астрахани, въ которыхъ издалъ рядъ богослужебныхъ книгъ, важнѣйшіе труды Нарсеса Благодатнаго, нѣко-

торыя историческія сочиненія, также русскій переводъ Чина священной литургіи армянской церкви и другія мелкія произведенія.

За кн. Аргутинскимъ, уже въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, является нѣсколько лицъ въ Петербургѣ, Москвѣ и Астрахани, и всѣ они тоже духовнаго званія: Іосифъ Іоаннесовъ, Артемій Аламдаровъ, еп. Михаилъ Саллантьянъ, Гавріилъ Патканьянъ (отецъ извѣстнаго поэта Р. Патканьяна) и др. Первый извѣстенъ, какъ переводчикъ Исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго на русскій яз. (Спб. 1809 г.); впрочемъ, онъ переложилъ болѣе съ латинскаго перевода бр. Вистоновъ, чѣмъ съ оригинала. Аламдарову принадлежитъ первый опытъ составленія Краткаго русско-армянскаго словаря. Саллантьянъ былъ преподавателемъ Закона Божія и армянскаго языка въ Лазаревскомъ Институтѣ, въ бытность Эмина въ Институтѣ, и извѣстенъ нѣсколькими учебниками по преподаваемымъ имъ предметамъ. Патканьянъ издалъ въ Астрахани еще въ 1825 г. армянскій переводъ Александра Македонскаго, по Діодору; онъ же былъ впослѣдствіи однимъ изъ піонеровъ армянской журналистики. — Къ этому слѣдуетъ прибавить и издававшееся при Лазаревскомъ Институтѣ подъ редакціей Сергѣя Глинки (брата знаменитаго композитора) трехтомное «Собраніе актовъ, относящихся къ обозрѣнію исторіи армянскаго народа» (М. 1833 — 1838), и его же Краткую исторію Арменіи.

Вотъ въ сущности почти все, что было сдѣлано въ Россіи до Эмина по части изученія армянскаго языка, исторіи и литературы. Это были все работы любителей или схоластиковъ. Труды ихъ, какъ оригинальные, такъ и переводные, не отличаются особенными достоинствами; русскимъ языкомъ они владѣютъ не твердо. Кромѣ того, замѣчается у нихъ полное отсутствіе научныхъ пріемовъ въ составленіи грамматикъ, словарей и въ особенности въ изложеніи исторіи Арменіи. Впрочемъ, это было время, когда не только у русскихъ Армянъ, но и на Западѣ арменисты имѣли превратное понятіе объ армянскомъ языкѣ. Таковы, напр., извѣстный армянскій историкъ и грамматикъ прошлаго вѣка, Чамчіанъ, археологъ Инджиджіанъ и др. О научной систематизаціи языка нечего и говорить. Не бо́льшей научностью отличались ихъ взгляды на армянскую исторію, казавшуюся имъ чуть ли не божественнымъ откровеніемъ: усомниться въ ея достовѣрности, какъ бы она ни представлялась въ извѣстныя эпохи легендарной, равносильно было кощунству.

У такихъ учителей обучался и Эминъ въ бытность свою въ Лазаревскомъ Институтѣ, за время отъ 1829 — 1834 гг. — Но въ одномъ отношеніи надо имъ отдать справедливость: самый языкъ древне-армянскій, по крайней мѣрѣ практически, они преподавали съ большимъ успѣхомъ. У нихъ по навыку усвоилъ себѣ Эминъ пріемы и слогъ Золотаго вѣка армянской литературы и настолько свободно писалъ на немъ, что, будучи еще ученикомъ, переводилъ въ стихахъ русскихъ и иностранныхъ поэтовъ. Изъ этихъ раннихъ трудовъ Эмина, о которыхъ тогдашніе наставники его отзывались въ печати съ большой похвалой [1]), къ сожалѣнію, почти ничего не сохранилось, за исключеніемъ нѣкоторыхъ стихотвореній Гёте и Державина.

1) См. Собраніе актовъ относящ. къ обозр. Исторіи арм. народа, т. III, стр. 220.

Для полноты свѣдѣній о научныхъ трудахъ предшественниковъ Эмина, нужно упомянуть еще о трехъ чуть ли не единственно выдающихся сочиненіяхъ з. европейскихъ арменистовъ того времени: *S. Martin'a*—Mémoires Historiques et Géographiques sur l'Arménie, Paris, 1819 г., на русскій яз. переведенные въ извлеченіи Худабашевымъ въ концѣ 50-хъ годовъ, аббата Венец. мхит. *Sukias'a Somal'a* — Quadro della Storia litteraria di Armenia, Венеція 1829 г., русскій переводъ котораго—собств. съ нѣмецкой его обработки проф. Неймана—было сдѣлано покойнымъ проф. Назарянцемъ въ Казани, въ 40-хъ годахъ, и *Инджиджіана*— Топографія древней Арменіи (Венеція, 1822) и Армянская Археологія (Венеція, 1835).

Но общее научное направленіе Эминъ получилъ въ Московскомъ университетѣ, гдѣ онъ пробылъ съ 1834 по 1838 годъ. Какъ извѣстно, это была пора обновленія этого университета. Кромѣ молодыхъ талантливыхъ профессоровъ Шевырева, Погодина, Надеждина и нѣкоторыхъ другихъ, читавшихъ лекціи на философскомъ факультетѣ, вернулась къ этому времени изъ-за границы цѣлая фаланга отправленныхъ туда для подготовленія новыхъ профессоровъ по всѣмъ спеціальностямъ. Они имѣли благотворное вліяніе на университетскую молодежь и вообще на русскую науку — введеніемъ новыхъ научныхъ методовъ, основательнымъ знакомствомъ съ преподаваемыми ими науками и живымъ, интереснымъ изложеніемъ своего предмета. *Шевыревъ*, напр., какъ это видно изъ воспоминаній Ѳ. И. Буслаева [1]), товарища Эмина по курсу, производилъ глубокое впечатлѣніе на своихъ слушателей не только изъ среды студентовъ, но и въ избранной Московской публикѣ, переполнявшей его аудиторію. Сверхъ весьма интересныхъ лекцій по русскому языку, онъ обновилъ каѳедру по теоріи словесности исторіей иностранной литературы и до сихъ поръ еще, спустя полвѣка, непотерявшей своего значенія. Шевыревъ же первый сталъ читать исторію русской литературы, самъ постепенно разрабатывая источники русской старины и народности по рукописямъ, старопечатнымъ книгамъ, народнымъ пѣснямъ, преданіямъ и пр.

Университетскіе курсы глубоко запечатлѣлись въ памяти Эмина; они дали ему солидное основаніе и благотворно отразились на дальнѣйшемъ направленіи его научной дѣятельности.

Но Эминъ взялъ на себя другую и, притомъ, болѣе трудную задачу. По окончаніи курса въ университетѣ (въ 1838 г.), онъ не сдѣлался спеціалистомъ ни по одному изъ преподаваемыхъ въ немъ предметовъ, что̀, при его желаніи и способностяхъ, было бы для него не трудно. Его занимала, какъ видно, другая мысль: все, что онъ слушалъ въ университетѣ—по исторіи ли литературы, по русской народной литературѣ, по исторіи и древностямъ русскимъ, славянскимъ, греческимъ либо римскимъ,—Эминъ задумалъ переработать для армянской исторіи литературы и древностей; научный методъ, съ которымъ онъ ознакомился въ университетѣ въ приложеніи къ этимъ отраслямъ знанія, нужно было примѣнить, насколько это было возможно, къ неразработаннымъ матеріаламъ родной письменности. У него, повидимому, еще съ университетской скамьи зрѣла мысль: избавиться разъ навсегда отъ схоластики, господствовавшей тогда въ школѣ и литературѣ армянской и, заложить прочное основаніе арменологіи на здравыхъ началахъ науки.

[1]) „Вѣстникъ Европы“, 1890, Ноябрь—Декабрь.

Первый печатный трудъ Эмина, свидѣтельствующій о его серьезныхъ задачахъ и хорошей подготовкѣ, это — переводъ на русскій языкъ знаменитой въ свое время «Исторіи литературы среднихъ вѣковъ» Вильмена, въ трехъ томахъ. Переводъ этотъ, навѣянный, быть можетъ, лекціями Шевырева, былъ предпринятъ Эминымъ въ сотрудничествѣ съ его товарищемъ, Кротковымъ, въ 1836 г., когда они были еще на II курсѣ философскаго факультета. Трудъ молодыхъ студентовъ не прошелъ незамѣченный въ тогдашней русской журналистикѣ. Вотъ между прочимъ, какъ отзывался объ немъ извѣстный въ то время публицистъ и профессоръ Надеждинъ въ своемъ журналѣ «Телескопъ», пріостановленномъ, кажется, на этомъ самомъ номерѣ, по поводу извѣстныхъ «Философскихъ писемъ» Чаадаева. (См. *Телескопъ* за 1836 г. кн. 14 отд. библіографіи, стр. 48—50).

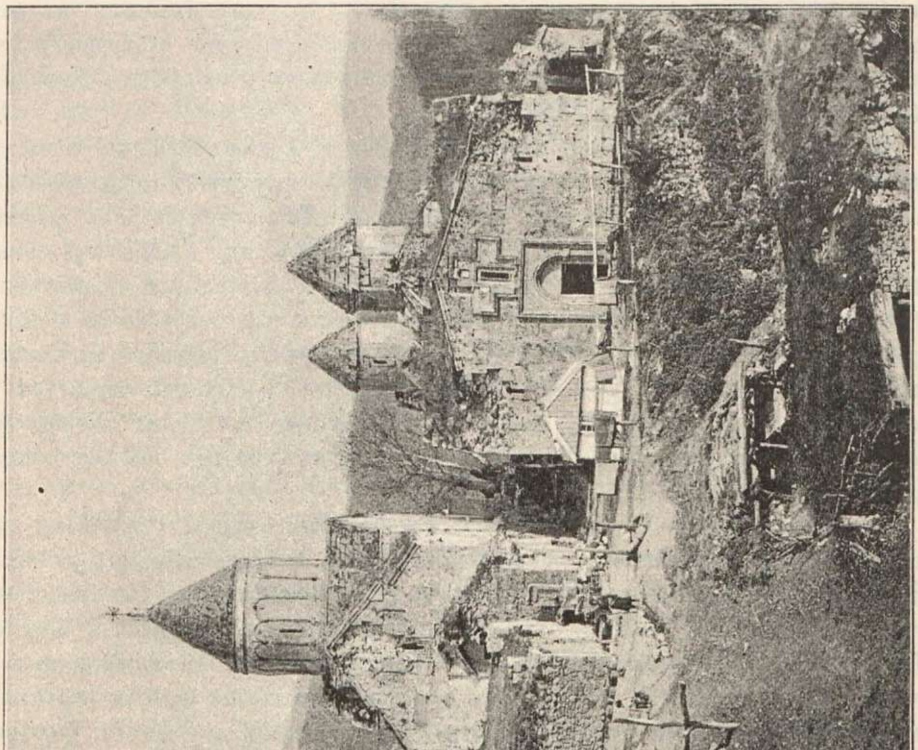
«Нѣтъ нужды распространяться о такомъ извѣстномъ произведеніи такого извѣстнаго писателя (Вильмена). Переводъ его всякій просвѣщенный читатель отнесетъ къ тѣмъ немногимъ, истинно полезнымъ трудамъ, въ которыхъ столько нуждается наша литература. Но вотъ что особенно считаемъ долгомъ довести до свѣдѣнія публики. Книга эта переведена двумя молодыми студентами Московскаго университета. Одинъ изъ нихъ, г. Эминъ, происхожденіемъ армянинъ, родился въ Испагани, получилъ первое образованіе въ Калькуттѣ и 16-и лѣтъ пріѣхалъ къ намъ въ Россію, черезъ Стокгольмъ (корабль везшій его былъ Шведскій). Итакъ, этотъ молодой человѣкъ объѣхалъ кругомъ все наше полушаріе, отъ береговъ Ганга до береговъ Невы,—видѣлъ мысъ Доброй-Надежды и островъ св. Елены, раскаленныя степи Месопотаміи и сѣдые туманы Британіи. Онъ говоритъ по-армянски, по-персидски, по-англійски, знаетъ языки индійскій, французскій, нѣмецкій. Замѣчательнѣе всего, что единственной цѣлью путешествія его въ Россію въ такихъ молодыхъ лѣтахъ, было желаніе научиться русскому языку, котораго онъ совсѣмъ не зналъ и которымъ теперь, послѣ шестилѣтняго пребыванія въ Москвѣ, говоритъ совершенно свободно. Предлагаемый переводъ есть доказательство, что г. Эминъ идетъ далѣе: онъ хочетъ сдѣлаться русскимъ писателемъ. Мы не можемъ скрыть нашего удовольствія при мысли, что современемъ, когда переводчикъ Вильмена вернется къ своимъ роднымъ въ Калькутту, мы будемъ имѣть въ лицѣ его представителя нашей полярной литературы подъ знойнымъ тропическимъ небомъ Индостана, что языкъ нашъ будетъ имѣть такой вѣрный отголосокъ на противоположномъ краю нашей Гемисферы, почти у антиподовъ»..

Надеждинъ вѣрно угадалъ: Эминъ, дѣйствительно, сталъ русскимъ писателемъ и ученымъ, но не «подъ знойнымъ тропическимъ небомъ Индостана», напротивъ того,—на холодномъ сѣверѣ, въ Москвѣ, съ которой и связана вся его съ лишнимъ 50-ти лѣтняя ученая и педагогическая дѣятельность.

*
* *

Переходя теперь къ краткому обзору трудовъ Эмина, остановимся прежде всего на работахъ его по исторіи Арменіи. Въ этой области слѣдуетъ отмѣтить его *переводы*, *изданія* историческихъ памятниковъ и *критическія* изслѣдованія.

При выборѣ какого-нибудь армянскаго автора для перевода, Эминъ руководствовался не однимъ только интересомъ къ исторіи Арменіи; онъ всегда зада-

Агарцинскій монастырь XIII в. (Шушин. у.).

вался широкой задачей, имѣя въ виду при этомъ исторію Востока вообще. Въ такихъ трудахъ онъ старался отмѣчать въ обстоятельныхъ и цѣнныхъ комментаріяхъ сохранившіяся у армянскихъ историковъ любопытныя данныя касательно, напр., Персіи въ парѳянскій и сассанидскій періоды, Сиріи, Кавказской Албаніи, Грузіи, арабовъ, сельджукидовъ, монголовъ и др., приходившихъ въ разное время въ столкновеніе съ армянами. Въ этомъ отношеніи особенно важно для науки значеніе армянскихъ историковъ, пополняющихъ многіе пробѣлы хронографовъ византійскихъ и арабскихъ.

Одинъ изъ раннихъ переводовъ Эмина—*Моисей Хоренскій*. Какъ отецъ армянской Исторіи, послѣдній, конечно, болѣе другихъ армянскихъ писателей интересовалъ его. Въ немъ онъ искалъ древнѣйшія преданія о вѣрованіяхъ армянъ, о народномъ эпосѣ, которыя впослѣдствіи обработалъ въ отдѣльныхъ монографіяхъ. Рядомъ съ этимъ онъ оттѣнялъ въ этомъ замѣчательномъ произведеніи весьма любопытныя, ни у кого до него не встрѣчающіяся подробности о нѣкоторыхъ древне-персидскихъ сказаніяхъ, хронологическихъ данныхъ касательно персидскихъ Аршакидовъ, Грузіи и Албаніи, данныхъ по исторіи культуры и мног. друг. За этотъ трудъ, поднесенный покойному Государю Императору Александру II, Эминъ былъ Высочайше награжденъ цѣннымъ брилліантовымъ перстнемъ.

Не менѣе интереса для исторической науки представляютъ и другіе его переводы: *Фавста Византійскаго* (*писателя*—IV в.), исполненнаго имъ по предложенію французскаго армениста В. Ланглуа для его Collection des Historiens Arméniens anciens et modernes, Paris, 1867 г. Т. I. Далѣе, переводы *Асохика* и *Вардана Великаго*, историковъ XI и XII вѣковъ, которые, сверхъ важнаго значенія для багратидскаго и киликійскаго періодовъ армянской исторіи, представляютъ цѣнные факты по исторіи Византіи, арабовъ и монголовъ въ Передней Азіи. Заслуга Эмина касательно послѣднихъ трехъ историковъ особенно важна въ виду того, что они впервые были переведены на европейскіе языки и тѣмъ стали достояніемъ науки.—Покойный академикъ Броссе въ свое время посвятилъ весьма обстоятельный разборъ переводу Вардана Великаго подъ заглавіемъ «Analyse critique de l'Histoire de Vardan», отзываясь съ большой похвалой, какъ о точности перевода, объ удачномъ возстановленіи многихъ испорченныхъ мѣстъ оригинала, о коньектурахъ, такъ и о замѣчательной эрудиціи, выказанной ученымъ переводчикомъ въ обширныхъ комментаріяхъ [1]).

Всѣ эти переводы исполнены Эминымъ мастерски. Сверхъ точности и вѣрности съ оригиналами, переводчикъ проникаетъ въ сокровенныя мысли армянскихъ историковъ и художественно возсоздаетъ восточнаго писателя на русскомъ или французскомъ языкѣ, преодолѣвая часто неимовѣрныя трудности слога, языка и изложенія ихъ.

Кромѣ переводовъ, немаловажны труды Эмина по изданію цѣлаго ряда *текстовъ армянскихъ историковъ*, имѣющихъ значеніе для науки освѣщеніемъ темныхъ страницъ изъ исторіи другихъ народовъ Передней Азіи. Большая часть изъ тек-

[1]) Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de S. Pétersb. T. V. № 9. Стр. 1—50. 1862 года».

стовъ, добытая изъ дальнихъ архивовъ и тщательно провѣренная здравой критикой, появилась въ свѣтъ въ *первый* разъ. Такова, напр., Исторія кавказскихъ албанцевъ Моисея Каханкатаци, X в. Это было счастливымъ открытіемъ, благодаря которому забытая дотолѣ цѣлая народность со всѣми преданіями своими и стариной какъ бы воскресла изъ подъ многовѣковыхъ развалинъ...

Извѣстно, что исторія всякаго народа начинается миѳами и легендами. Такова же была, вѣроятно, и судьба армянской исторіи, несмотря на увѣренія отца этой исторіи, Моисея Хоренскаго, будто она, содержа событія болѣе двухъ тысячъ лѣтъ до нашей эры, была составлена на основаніи достовѣрныхъ документовъ и находилась въ Ниневійскомъ архивѣ; отсюда, по приказанію одного изъ Аршакидскихъ царей, была она будто принесена нѣкимъ сирійцемъ Маръ-Абасомъ въ Арменію, во II в. до Р. Х.—Такія несообразности, конечно, давно бросались въ глаза. Въ самомъ дѣлѣ, какъ могли сохраниться событія армянской исторіи за двѣ слишкомъ тысячи лѣтъ до Р. Х.? Во-2-хъ, кому изъ ассирійскихъ царей нужно было составлять подробную и столь восторженно написанную исторію армянскихъ царей и завоевателей, и бережно хранить ее въ Ниневійскомъ архивѣ, исторію, испещренную притомъ далеко нелестными отзывами о предкахъ тѣхъ же ассиро-вавилонскихъ царей? Въ-3-хъ, какимъ образомъ во II в. до Р. Х. городъ Ниневія представляется населеннымъ жителями и доступнымъ для архивныхъ работъ, когда даже память о немъ гораздо раньше была забыта?

Вопросъ о достовѣрности исторіи *Маръ-Абаса* трактовался довольно часто въ иностранной, русской и армянской литературѣ. Результаты этихъ критическихъ изслѣдованій сводятся къ слѣдующему: Исторія Маръ-Абаса есть апокрифъ, составленный какимъ-то сирійцемъ не за два вѣка до нашей эры, какъ передаетъ М. Хоренскій, но въ христіанскую и притомъ въ значительно позднюю эпоху. Авторъ ея, вѣроятно, пользовался извѣстіями объ армянахъ, сохранившимися у греческихъ и сирійскихъ писателей.—Эминъ также заинтересовался этимъ вопросомъ, но онъ иначе посмотрѣлъ на дѣло и далъ ему иное объясненіе [1]). Не отвергая легендарнаго характера древнѣйшаго періода армянской исторіи и апокрифическаго происхожденія труда, приписываемаго Маръ-Абасу, онъ доказывалъ однако, что при всемъ томъ эта исторія не вымыселъ и не фантазія сирійца. Основа ея — несомнѣнно народныя преданія: народный эпосъ, народныя пѣсни и сказанія, такъ рельефно выступающія въ изложеніи М. Хоренскаго, часто даже противъ его воли. Составленіе этой исторіи онъ приписывалъ М. Хоренскому и отвергалъ существованіе когда бы то ни было Маръ-Абаса и его пресловутой Халдейской книги.

Объ историческомъ и литературномъ значеніи древне-армянскихъ народныхъ пѣсенъ или *Эпоса* Эминъ написалъ на древне-армянскомъ языкѣ интересное изслѣдованіе еще въ началѣ 50-хъ годовъ, дополненное имъ въ русской переработкѣ въ 1881 г. Оно стало краеугольнымъ камнемъ, на основаніи котораго появилось потомъ немало переводовъ и популяризацій на французскомъ, русскомъ и армянскомъ языкахъ.

[1]) См. его Моисей Хоренскій и древній эпосъ армянскій, М. 1881 года. (Глава I, о Маръ-Абасѣ).

Изъ критическихъ монографій Эмина по исторіи нужно отмѣтить также небольшое, но остроумно написанное изслѣдованіе о спискѣ князей и царей древнѣйшей армянской династіи *Хайкидовъ*. Въ немъ, на основаніи нѣкоторыхъ намековъ и мимоходомъ брошенныхъ словъ армянскихъ историковъ, авторъ старается доказать, что династическій списокъ Хайкидовъ у М. Хоренскаго, открывающійся родоначальникомъ армянъ, Хайкомъ, современникомъ Бэла-Нимврода, и заключающійся царемъ Вахé, жившимъ при Александрѣ Македонскомъ,—состоитъ не изъ *гомогенныхъ* лицъ, происходящихъ отъ Хайка безъ перерыва, но изъ лицъ разныхъ происхожденій и даже національностей и заключаетъ въ себѣ не *одну*, какъ это было принято до сихъ поръ, но нѣсколько династій.

Эминъ коснулся также вопроса объ *армянской миѳологіи*, до него почти не затронутой. Въ этихъ трудахъ впервые былъ сгруппированъ изъ произведеній армянской исторической литературы относящійся сюда матеріалъ, подвергнутъ анализу и научно освѣщенъ. Эминъ показалъ, что, хотя на вѣрованія языческихъ армянъ и повліяли семитическая религія и парсизмъ, тѣмъ не менѣе были у нихъ нѣкоторыя божества, ставшія національными вслѣдствіе особеннаго почитанія, которымъ они, несмотря на иноземное свое происхожденіе, пользовались въ Арменіи, быть можетъ даже съ видоизмѣненіемъ ихъ исконнаго, первоначальнаго культа. Таковы, Вахагнъ Вишапакахъ или Змѣеборецъ, соотвѣтствующій лишь по имени авестійскому Веретрагнѣ, но культъ его даже не былъ извѣстенъ въ Персіи; а между тѣмъ онъ считается однимъ изъ популярнѣйшихъ армянскихъ божествъ, по роли и назначенію своему приближающійся скорѣе къ Индрѣ Вритрахану или Змѣеборцу Риг-Веды, съ которымъ и сравнивалъ его Эминъ въ изслѣдованіи своемъ о *Вахагнѣ Вишапакахѣ*. Далѣе, богиня Anahita, заимствованная армянами у персовъ, нигдѣ, по свидѣтельству Страбона, Плинія и другихъ, не пользовалась такимъ почитаніемъ, какъ въ Арменіи, гдѣ у нея были богатѣйшіе храмы, множество жрецовъ и жрицъ и статуи изъ цѣльнаго золота. — Рядомъ съ авестійскими и семитическими божествами сохранились въ Арменіи, какъ указывалъ Эминъ, слѣды сабеизма и поклоненія священнымъ деревьямъ, по его мнѣнію, какъ остатки древнѣйшихъ вѣрованій народа.

Довольно значительны работы Эмина по различнымъ вопросамъ касательно *археологіи* Арменіи за время, когда онъ принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ Московскаго Археологическаго Общества и особенно въ занятіяхъ Тифлисскаго съѣзда, въ которомъ онъ былъ однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ покойнаго графа Алексѣя Сергѣевича Уварова. Изъ множества рефератовъ и сообщеній, прочитанныхъ имъ въ разное время на засѣданіяхъ Общества, слѣдуетъ упомянуть слѣдующія: 1) «О памятникахъ древности Русской Арменіи и походахъ Руссовъ на столицу Албаніи Партавъ, около IX в. по Р. X., на основаніи свидѣтельства армянскаго историка Моисея Каханкатаци. 2) О столицѣ древняго армянскаго царства, Армавиръ. По этимъ указаніямъ графъ Уваровъ производилъ изысканія о мѣстѣ Армавира и дѣлалъ раскопки, съ цѣлью найти какія-нибудь остатки отъ древней столицы. 3) Легенда о Семирамидѣ по армянскимъ источникамъ и особенности этой легенды въ сравненіи съ разсказомъ Геродота и другихъ. Рефератъ этотъ былъ прочитанъ на Тифлисскомъ Съѣздѣ. 4) Объ еврейскихъ переселенцахъ въ древней Арменіи. 5) О мидійцахъ въ древней Арменіи

и новомъ толкованіи, данномъ Ж. Оппертомъ слову Астіагъ.—Въ послѣднемъ, на основаніи народнаго армянскаго эпоса и другихъ данныхъ, Эминъ старался доказать вѣроятность армянскаго сказанія, приписывающаго побѣду надъ мидійскимъ царемъ Астіагомъ или Аждахагомъ не Киру Персидскому, но армянскому царю Тиграну, въ союзѣ съ Киромъ,—сказанія, имѣющаго, по его мнѣнію, не менѣе право на существованіе рядомъ съ *пятью* другими версіями той же легенды, встрѣчающимися у Геродота и Ктесія и другъ другу совершенно противорѣчащими. Наконецъ, 6) по предложенію подготовительнаго комитета V археолог. Съѣзда Эминымъ былъ составленъ обширный Сборникъ армянскихъ надписей въ Карсѣ и столицѣ армянскихъ Багратидовъ, Ани — за IX—XII вѣка. Надписи эти, представляющія большія трудности по языку, были удачно разобраны и переведены имъ на русскій языкъ и вмѣстѣ съ оригиналомъ изданы Московскимъ Археологическимъ Обществомъ, въ 1881 г., передъ самымъ Тифлисскимъ Съѣздомъ. Онѣ весьма важны въ отношеніи историческомъ, а также филологическомъ, заключая въ себѣ массу діалектическихъ словъ и выраженій той эпохи, которыхъ весьма мало сохранилось у современныхъ историковъ.

Сверхъ рефератовъ, читанныхъ въ Археологическомъ Обществѣ, Эминъ немало поработалъ вообще *по духовной армянской литературѣ*. Изъ его работъ въ этой области слѣдуетъ прежде всего указать на армянскіе *апокрифы*.

Какъ извѣстно интересующимся отреченной литературой, въ древне-армянской письменности, сверхъ оригинальныхъ, сохранилось не мало и переводныхъ, сдѣланныхъ съ греческаго и сирскаго отцами армянской церкви, начиная съ V вѣка. Большая часть этихъ апокрифовъ касается событій ветхозавѣтныхъ и евангельскихъ и жизни апостоловъ или ихъ учениковъ, изъ коихъ нѣкоторые, по преданію, бывали въ Месопотаміи и Арменіи для проповѣди слова Божія и тамъ приняли мученическій вѣнецъ. Нѣкоторые изъ этихъ апокрифовъ, за утратой оригиналовъ, уцѣлѣли лишь въ армянскомъ переводѣ. Вотъ почему армянскіе апокрифы получаютъ особенный интересъ для науки. Эминъ первый изъ армянскихъ ученыхъ обратилъ вниманіе на эту область и въ короткое время обогатилъ церковно-историческую литературу переводомъ цѣлаго ряда такихъ памятниковъ, встрѣченныхъ весьма сочувственно со стороны ученыхъ спеціалистовъ. Таковы, напр., Апокрифическія сказанія объ успеніи евангелиста Іоанна Богослова, о свв. апостолахъ Арменіи — Ѳаддеѣ и Варѳоломеѣ, о Преставленіи Богородицы и ея образѣ написанномъ евангелистомъ Іоанномъ, армянскій апокрифъ объ изображеніи лика Іисуса Христа и друг. Сюда же нужно отнести переводъ любопытнаго сказанія о русскихъ князьяхъ-мученикахъ, Борисѣ и Глѣбѣ, попавшаго въ армянскія Минеи подъ именемъ свв. Давида и Романа, вѣроятно, въ XI или XII вѣкѣ, черезъ посредство проживавшихъ въ то время въ Кіевѣ армянъ, какъ думаетъ Эминъ. Наконецъ нужно отмѣтить еще одну интересную его статью по церковнымъ древностямъ: «Въ защиту непризнаваемой Эрнестомъ Ренаномъ подлинности новооткрытой апологіи Аристида христіанскаго апологета и аѳинскаго философа».

Вѣнцомъ же работъ Эмина въ области духовной литературы служитъ впервые появившійся на русскомъ и вообще на европейскомъ языкѣ образцовый

переводъ «Шаракана» или богослужебныхъ каноновъ и пѣсенъ армянской восточной церкви, по высокому поэтическому содержанію своему имѣющихъ мало себѣ подобнаго въ духовно-поэтической литературѣ. (См. выше).

*
* *

Резюмируя сказанное о научныхъ заслугахъ Эмина, замѣчу, что дѣятельность этого ученаго была съ глубокой любовью и рѣдкой энергіей сосредоточена въ продолженіи полвѣка на изученіе старины армянской, на разъясненіи исторіи и древностей Арменіи, не безъ связи вообще съ исторіей Передней Азіи. Онъ окинулъ пытливымъ окомъ прошлыя судьбы этого народа, коснулся цѣлаго ряда важнѣйшихъ вопросовъ въ области религіи, поэзіи, культуры, до него очень поверхностно, чтобы не сказать совершенно не затронутыхъ, онъ ввелъ научный интересъ къ предмету, многое разъяснилъ, о многомъ сдѣлалъ остроумныя догадки, важность многихъ предугадалъ, во всемъ проявилъ безпристрастіе глубокаго ученаго, стоя выше предразсудковъ и руководствуясь принципомъ: «Amicus Plato, sed magis amica veritas». Благодаря всему этому, Эминъ явился главой новой школы русскихъ арменистовъ, положивъ прочное основаніе арменологіи въ Россіи.

И заслуги эти были по достоинству оцѣнены представителями науки и пріобрѣли Эмину почетную извѣстность, какъ въ Россіи, такъ и заграницей. Это особенно выразилось нѣсколько лѣтъ тому назадъ, а именно въ 1886 г., когда по почину Лазаревскаго Института, при участіи многихъ членовъ Московскаго армянскаго общества и многихъ ученыхъ обществъ и учрежденій, въ присутствіи г. Министра Народнаго Просвѣщенія, скромно праздновался 50-ти-лѣтній юбилей его ученой и педагогической дѣятельности. Императорскій Московскій университетъ и Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, во вниманіе къ его заслугамъ, избрали его въ *почетные* члены. Поздравительные адресы, письма и телеграммы отъ ученыхъ обществъ, многочисленныхъ учениковъ и почитателей трудовъ Эмина неслись къ нему съ Востока и съ Запада: съ Кавказа и Крыма, изъ Персіи и Турціи, изъ многихъ городовъ Россіи и западной Европы — Венеціи, Вѣны, Парижа, Страсбурга, Марбурга, Лувена и другихъ.

Но не одними учеными трудами снискалъ себѣ Эминъ всеобщее уваженіе среди армянъ и русскихъ. Онъ пріобрѣлъ его также высокими нравственными качествами: честностью убѣжденій, независимостью и трезвостью взглядовъ и сужденій, строгимъ отношеніемъ къ своимъ обязанностямъ и скромностью въ оцѣнкѣ своихъ заслугъ.

Эминъ, кромѣ того былъ уважаемъ за ту живую симпатію, съ которой относился къ русской наукѣ и просвѣщенію. Съ той же преданностью дѣлу и энергіей, съ какой онъ занималъ каѳедру армянской словесности въ Лазаревскомъ Институтѣ, служилъ онъ и русскому просвѣщенію, какъ директоръ и преподаватель гимназій во Владимірѣ и Москвѣ. Честь, долгъ, правда—были не пустыя слова для покойнаго. Онъ доказалъ это на дѣлѣ: ему въ жизни, дѣйствительно, приходилось приносить въ жертву всѣ матеріальные разсчеты. И въ этомъ случаѣ онъ поступалъ по совѣсти, не испытывая никакихъ колебаній. Укажемъ въ заключеніе, что Эминъ по духовному своему завѣщанію оставилъ неприкосновенный капиталъ въ размѣрѣ 10 тысячъ рублей, какъ фондъ своего имени, на про-

центы съ котораго должны печататься исключительно научные труды по исторіи, литературѣ, археологіи и этнографіи Арменіи на армянскомъ и русскомъ языкахъ. Завѣдываніе этимъ фондомъ, равно какъ и изданіями означеннаго содержанія, предоставлено завѣщателемъ Лазаревскому Институту Восточныхъ языковъ. Согласно оставленному имъ проэкту Положенія, предполагается, сверхъ научныхъ изданій, отпускать время отъ времени средства и на этнографическія и археологическія экскурсіи въ Русской, Турецкой и Персидской Арменіи. Проэктъ уже удостоился Высочайшаго утвержденія и Эминовскій фондъ открылъ свои дѣйствія, издавъ прежде всего сочиненія самого учредителя.

II.

Проф. К. П. Паткановъ.

К. П. Паткановъ родился въ 1833 г. въ г. Ставрополѣ. Отецъ его былъ священникомъ. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Лазаревскомъ Институтѣ, гдѣ между прочими восточными языками онъ изучалъ и армянскій подъ руководствомъ извѣстнаго ученаго и педагога Н. О. Эмина. По окончаніи курса въ Институтѣ (1850 г), онъ уѣхалъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми молодыми людьми изъ армянъ въ Дерптъ для поступленія въ университетъ, съ цѣлью изучить богословіе и приготовиться къ духовному званію; но, не чувствуя призванія, а также за недостаткомъ средствъ, онъ принужденъ былъ, послѣ нѣкотораго времени, вернуться сначала въ Петербургъ, а потомъ въ родной свой Ставрополь, гдѣ поступилъ въ спеціальный классъ мѣстной гимназіи, чтобы получить право на поступленіе въ русскій университетъ. Отправленный потомъ (1853 г.) начальствомъ Кавказскаго учебнаго Округа въ С. Петербургскій Педагогическій институтъ, онъ, по окончаніи тамъ курса (1857 г.) въ отдѣленіи историческихъ наукъ, вернулся на Кавказъ, гдѣ былъ назначенъ учителемъ русской словесности въ Тифлисскомъ дѣвичьемъ институтѣ. Но вскорѣ, освобожденный отъ обязательной службы на Кавказѣ, онъ уѣхалъ снова въ Петербургъ, по семейнымъ обстоятельствамъ, гдѣ досугъ свой посвящалъ изученію всеобщей исторіи и лингвистикѣ (1859 г). Къ этому времени освободилась каѳедра армянскаго языка при Восточномъ факультетѣ С. Петербургскаго университета, за выходомъ въ отставку адъюнкта Бероева. Паткановъ возъимѣлъ мысль занять вакантную каѳедру, почему сталъ усиленно заниматься армянскимъ языкомъ и исторіей Арменіи, и уже напечаталъ небольшой трудъ—Catalogue de la littérature arménienne depuis le commencement du IV siècle jusque vers le milieu XVII, — появившійся въ бюллетеняхъ Академіи наукъ за 1860 г. Черезъ годъ онъ былъ назначенъ адъюнктомъ армянскаго языка на Восточномъ факультетѣ. Въ первые же два года послѣ своего назначенія, Паткановъ исполнилъ, по порученію Академіи наукъ, нѣсколько переводовъ важнѣйшихъ армянскихъ историческихъ сочиненій, которыя

печатались въ первый разъ. Вскорѣ онъ написалъ и защитилъ свою магистерскую диссертацію—«Опытъ исторія династіи Сассанидовъ по армянскимъ источникамъ», (С. П. Б. 1863) и спустя годъ—докторскую: «Изслѣдованіе о составѣ армянскаго языка», послѣ чего былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ. Съ этихъ поръ Паткановъ является неутомимымъ работникомъ: почти каждый годъ онъ печатаетъ какое-нибудь изслѣдованіе, переводъ или текстъ по языку армянскому, исторіи, литературѣ и географіи Арменіи, длинный рядъ которыхъ прекратился лишь года за полтора до его смерти, за тяжкой болѣзнію, преждевременно сведшей его въ могилу. Онъ скончался 2-го апрѣля 1889 г.

Разсматривая ближе списокъ трудовъ Патканова, мы видимъ, что, несмотря на разнообразіе ихъ, они сводятся къ двумъ главнымъ отраслямъ—*языку армянскому и исторіи Арменіи* и вообще Востока.

Извѣстно, что еще въ 1837 г., т. е. спустя годъ по выходѣ въ свѣтъ Сравнительной грамматики Боппа, сдѣлавшей эпоху въ лингвистикѣ, берлинскій проф. Петерманъ доказывалъ въ своей «Grammatica linguae Armeniacae» принадлежность армянскаго языка къ великой семьѣ индоевропейскихъ языковъ. Затѣмъ въ вышедшихъ за этой грамматикой трудахъ Виндишмана [1]), Гоше [2]), Лагарда [3]), Фр. Мюллера [4]) болѣе подробно разрабатывался вопросъ о мѣстѣ, занимаемомъ армянскимъ въ кругу другихъ индоевропейскихъ языковъ: именно, упомянутые ученые доказывали, что армянскій языкъ относится къ группѣ *Эранской*. Около того-же времени, т. е. въ началѣ 60-хъ годовъ, Паткановъ пишетъ свою первую работу по древне-армянскому языку—„Изслѣдованіе о составѣ армянскаго языка, С. П. Б. 1864; онъ собралъ въ немъ все, что было написано до него учеными лингвистами по этому предмету, обработавъ и освѣтивъ вопросъ новыми данными. Въ концѣ 70-хъ годовъ онъ написалъ другое изслѣдованіе — о «Мѣстѣ, занимаемомъ армянскимъ въ кругу индоевропейскихъ», Тифлисъ, 1879,— появившееся въ Извѣстіяхъ Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Въ немъ онъ представилъ сводъ мнѣній тогдашнихъ арменистовъ — Лагарда [5]), Фр. Мюллера [6]) и Huebschmann'a [7]) и, сдѣлавъ научную оцѣнку каждому изъ нихъ, свелъ результаты ихъ изысканій къ слѣдующей формулѣ: „Армянскій языкъ, занимая среднее мѣсто между группами иранской и славолитовской, есть представитель самостоятельной, исчезнувшей (м. б., малоазійской) группы индоевропейскихъ языковъ".—Собственно Патканову въ этомъ трудѣ

1) Die Grundlage des Armenischen im arischen Sprachstamme (Abhandlungen d. I cl. d k. Ak. d. Wiss. IV Band. Abth. II).

2) De Ariana linguae gentisque Armeniacae indole prolegomena, Berolini, 1847.

3) Vergleichung der Armenischen Consonanten mit denen des Sanscrit, ZDMG, 1850, §§ 347—369; Zur Urgeschichte der Armenier, Berlin, 1854.

4) Sprachwissenschaftliche Abhandlungen zur Armenischen Grammatik, 1860; Beiträge zur Lautlehre der Armenischen Sprache, I—III, 1861—1863.

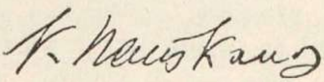
5) Armenishe Studien, Göttingen, 1877.

6) Ueber die Stellung des Armenischen im Kreise der Indogermanischen Sprachen, Wien, 1877.

7) Ueber die Stellung des Armenischen im Kreise der Indogermanischen Sprachen, Leipzig.

принадлежитъ попытка къ объясненію нѣкоторыхъ словъ, неподдававшихся дотолѣ удовлетворительному толкованію; сверхъ того, онъ первый указалъ на нѣкоторыя необходимыя условія, обыкновенно упускаемыя лингвистами при сравнительномъ изученіи древне-армянскаго языка, а именно—необходимость выдѣлить заимствованныя слова (Lehnwoerter) въ армянскомъ языкѣ, а затѣмъ не менѣе настоятельная потребность близкаго знакомства съ армянскими нарѣчіями, безъ которыхъ многія явленія въ составѣ и строѣ древне-литературнаго языка остаются необъяснимыми.

Вообще болѣе самостоятельнымъ былъ Патканов въ изслѣдованіяхъ своихъ объ *армянскихъ діалектахъ*, составляющихъ выдающуюся черту въ его научной дѣятельности. Послѣ извѣстнаго труда Ю. Ахвердова о Тифлисскомъ нарѣчіи (1852), Паткановъ, можно сказать, раскрылъ малоизвѣстную область, непочатый уголъ въ армянской филологіи, именно—недоступныя западнымъ арменистамъ областныя нарѣчія, изученіе которыхъ было столь важно, какъ для древне-армянскаго языка, такъ и вообще для лингвистическихъ сравненій съ другими родственными языками. Сверхъ одной статьи въ «Monatsberichte der Berliner Academie»

за 1865 г. объ одномъ изъ діалектовъ, самомъ трудномъ и считающемся загадочнымъ—о «діалектѣ Акулисскомъ», онъ, спустя четыре года, издалъ на русскомъ языкѣ, въ видѣ опыта, образцы всѣхъ извѣстныхъ тогда армянскихъ діалектовъ съ текстами и необходимыми грамматическими поясненіями—«Изслѣдованіе о діалектахъ армянскаго языка, филологическій опытъ», С. П. Б. 1869, и вскорѣ за тѣмъ два отдѣльныхъ выпуска, посвященныхъ каждый особому нарѣчію: выпускъ I, Нахичеванскій говоръ, выпускъ II, Мушское нарѣчіе. Оба выпуска были снабжены богатымъ матеріаломъ текстовъ и необходимыми глоссаріями и появились въ 1875 г.

Правда, предположенный Паткановымъ планъ изданія не былъ выполненъ окончательно, но и тѣмъ, что было издано, онъ много способствовалъ разработкѣ армянскихъ діалектовъ, вызвавъ себѣ не мало талантливыхъ послѣдователей. Таковы: С. Саргсянцъ [1]), А. Томсонъ [2]), I. Ганушъ [3]) и друг.

Къ работамъ Патканова по діалектологіи нужно отнести его интересный этюдъ—«О нарѣчіяхъ закавказскихъ Цыганъ Боша и Карачи» (С. П. Б. 1887),—съ пространнымъ введеніемъ вообще о цыганскихъ нарѣчіяхъ, новыми матеріалами и литературою о цыганахъ.

Въ послѣдніе годы Паткановъ работалъ надъ изданіемъ «Матеріаловъ для объяснительнаго словаря армянскаго языка», выпускъ I 1882 г., вып. II 1884. И такъ какъ въ такомъ трудѣ большую важность имѣетъ вопросъ, какія слова чисто армянскія, какія - заимствованныя, то онъ, въ исправленіе и дополненіе къ капитальному труду Лагарда - «Armenische Studien» (1877), принимается за объясненіе послѣднихъ, почему немало словъ, считавшихся до того времени армянскими, въ его изслѣдованіи оказались заимствованными главнымъ образомъ изъ пехлеви. Такимъ образомъ было объяснено до 80-и словъ и почти всѣ вполнѣ удачно. Два небольшіе выпуска «Матеріаловъ для армянскаго словаря», которые успѣлъ издать Паткановъ, представляютъ большой интересъ для спеціалистовъ. Ср., напр., встрѣчающіяся у армянскихъ писателей слова, относящіяся „къ званіямъ, должностямъ и титуламъ въ Персіи при Сассанидахъ“ (вып. II, стр. 13—41), „о Хронологіи Моисея Хоренскаго“ (тамъ же, стр. 49—64) и друг.

Болѣе обширны труды Патканова по *Исторіи*. Всѣ разнообразныя его историческія изданія, переводы и изслѣдованія имѣютъ въ виду одну цѣль: утилизировать массу историческаго матеріала, сообщаемаго армянскими писателями, начиная съ V по XVII и XVIII вв. нашей эры, о народахъ, съ которыми армяне приходили въ столкновеніе, какъ то—съ персами, грузинами, Византіей, арабами, монголами и друг. Какъ изслѣдователь, интересующійся прошлыми судьбами народовъ Передней Азіи, Паткановъ выбираетъ изъ армянскихъ историческихъ произведеній тѣ именно, которыя чѣмъ нибудь служатъ къ поясненію темныхъ страницъ или пополненію пробѣловъ въ исторіи упомянутыхъ народовъ. Съ этой

[1]) „Акулисское нарѣчіе“, ч. I Изслѣдованіе, ч. II Матеріалы, Москва, 1883.

[2]) „Ахалцыхскій говоръ“, 1887 „Историч. грамматика соврем. армянск. языка города Тифлиса“, 1890,—оба изслѣдованія напечатаны въ С.П.Б.

[3]) „Sur la langue des Arméniens Polonais, Cracovie, 1886, (по польски), „Beiträge zur Armenischen Dialectologie‘, WZKM, за 1887, Band. I, 1888, II, 1889, III.

цѣлью онъ еще въ 1861 году принимается за «Опытъ Исторіи династіи Сассанидовъ по армянскимъ источникамъ», слѣдуя извѣстному труду Рихтера—Historisch-Kritischer Versuch ueber Arsaciden und Sassaniden Dynastie nach den Berichten Perser, Griechen und Römer bearbeitet (Leipzig, 1804). Въ предисловіи своемъ къ «Опыту», Паткановъ, не отрицая важности греческихъ и арабскихъ писателей по исторіи Сассанидовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ находитъ, что въ нихъ есть немало пробѣла, хронологическихъ неточностей и т. п., которыя можно исправить на основаніи армянскихъ источниковъ.

Далѣе, изучая судьбу Арменіи въ эпоху монгольскихъ погромовъ, Паткановъ задается цѣлью собрать все, что встрѣчается у армянскихъ историковъ о пребываніи монголовъ въ Арменіи, Персіи и на Кавказѣ, и въ дополненіе къ труду французскаго армениста, академика Дюлорье, выпустившаго въ 1858 г. сборникъ «Les Mongols d'après les Historiens Arméniens», начинаетъ издавать рядъ выпусковъ «Исторіи Монголовъ по армянскимъ источникамъ»; въ нее вошли: Исторія инока Магакіи (XIII в.)—1871 г., извлеченія изъ Вардана, Стефана Орбеліана, Смбата (XIII в).—1873 г. и изъ Киракоса (тоже XIII в). —1874 г. Прекрасные переводы армянскихъ текстовъ снабжены дѣльными введеніями и цѣнными примѣчаніями.—Весь этотъ сводъ, состоя изъ трехъ книжекъ, заключаетъ въ себѣ однако драгоцѣнный матеріалъ для исторіи народа, совершившаго нѣкогда крупный переворотъ во всей Азіи и части Европы и оставившій глубокіе слѣды въ жизни народовъ. «Исторія Монголовъ, замѣчаетъ Паткановъ въ введеніи къ послѣдней книгѣ (стр. VI—VII), поучительна для насъ во многихъ отношеніяхъ, о которыхъ мы не станемъ распространяться. На одно мы желали бы обратить вниманіе спеціалистовъ: на военное искусство у монголовъ. Сохранивъ въ общихъ чертахъ образъ веденія войны кочевыми народами Средней Азіи, Чингизъ ввелъ въ него, на основаніи личныхъ опытовъ и наблюденій, такія усовершенствованія, которыя единственно дали ему и его преемникамъ возможность одолѣть не только всѣ кочующія племена, но и болѣе цивилизованные народы того времени. Умѣнье вести войну на счетъ непріятелей стояло у нихъ на первомъ планѣ, а въ дисциплинѣ и въ извѣстныхъ пріемахъ, называемыхъ военной хитростью, монголы превзошли всѣ народы до и послѣ нихъ. Изъ сближенія ихъ кочеваго военнаго быта съ военнымъ искусствомъ Пруссаковъ, признаваемымъ въ настоящее время совершеннѣйшимъ, получаются весьма интересные результаты поразительнаго ихъ во многомъ между собою сходства, причемъ поклоннику грубой силы невольно придется преклониться передъ геніемъ варвара XIII вѣка».

Кромѣ указанныхъ трудовъ, Паткановъ издалъ рядъ важнѣйшихъ армянскихъ писателей—тексты и русскіе переводы, содержащіе весьма любопытныя данныя по исторіи Византіи, Кавказскихъ Албанцевъ, арабовъ и друг., съ которыми армяне находились въ такихъ же, какъ съ персами или даже въ еще болѣе тѣсныхъ сношеніяхъ. Таковы: *Себеосъ* (VII в).,—«Исторія Императора Иракла», заключающая въ себѣ цѣнныя данныя о войнахъ Византіи съ Персіей и участіи въ нихъ армянъ, о послѣднихъ Сассанидахъ и появленіи арабовъ; переводъ ея, первый на русскій и вообще на европейскій языкъ, былъ сдѣланъ Паткановымъ еще въ 1862 г., а изданіе армянскаго текста съ лучшей рукописи—имъ же, въ

1879 г. Далѣе были переведены имъ: «Исторія Албанцевъ» *Моисея Каханкатваци* (X в.), въ 1861 г., въ первый разъ, и «Исторія Халифовъ» *Гевонда* (VIII в.), въ 1862 г. Еще значительнѣе число изданныхъ имъ армянскихъ текстовъ [1]: изъ нихъ нѣкоторые вышли въ свѣтъ какъ editiones principes.

Капитальнымъ историческимъ трудомъ Патканова были «Ванскія надписи и значеніе ихъ для исторіи Передней Азіи (С. П. Б., 1881), печатавшіяся отдѣльными статьями въ Журн. Мин. Народн. Просвѣщенія за время отъ 1874—1881 г. Сознавая важность этихъ надписей для исторіи Передней Азіи, надписей, которыя, несмотря на многія попытки извѣстныхъ ученыхъ, оставались мало выясненными, Паткановъ возъимѣлъ мысль познакомить русскую ученую публику съ тѣмъ, что сдѣлано было до того по этому вопросу на Западѣ. Онъ подробно говоритъ о клинописи, о ванскихъ надписяхъ и исторіи ихъ дешифровки и затѣмъ, подвергнувъ обстоятельной критикѣ древнѣйшій періодъ армянской исторіи Моисея Хоренскаго, сравниваетъ эти данныя съ новѣйшими открытіями въ области археологіи и лингвистики. Открытія эти, явившіяся въ данномъ случаѣ въ каменныхъ документахъ Ниневіи, Вана, Бегистана и произведшихъ переворотъ во всей древней исторіи Передней Азіи, не могли, по вѣрному замѣчанію Патканова, остаться безъ вліянія и на исторію Арменіи. Но чтобы дать новымъ даннымъ принадлежащее имъ мѣсто, слѣдовало автору предварительно разсмотрѣть, имѣютъ ли они прямую связь съ тѣмъ, что разсказывалось помимо ихъ. «До сихъ поръ, говоритъ Паткановъ (стр. 69), Исторія Арменіи ассирійской эпохи представлялась намъ въ совершенно иномъ видѣ, чѣмъ она въ дѣйствительности была. Арменія, казалось, жила особнякомъ, своей патріархальной жизнію, не принимая участія въ событіяхъ, волновавшихъ Азію отъ X—VI вѣка до Р. X. Между тѣмъ новые памятники, число которыхъ увеличивается съ каждымъ днемъ, открываютъ передъ нами забытыя страницы исторіи Востока и вносятъ жизнь и движеніе въ эпохи, казавшіяся намъ мертвыми и неподвижными. Все, что мы могли прочитать въ клинописныхъ памятникахъ Ассиріи, Персіи и Арменіи относительно исторіи этой послѣдней страны, такъ мало ладитъ съ тѣмъ, что мы привыкли считать за ея исторію, что мы принуждены глубже взглянуть въ нее и факты, сообщаемые ею, подвергнуть исторической критикѣ».—Выдающееся мѣсто этой критики несомнѣнно составляетъ весьма дѣльный и обстоятельный разборъ одного изъ важнѣйшихъ источниковъ М. Хоренскаго по древнѣйшей исторіи Арменіи, *Маръ-Абаса*. Послѣдній изъ достовѣрнаго, по увѣренію Хоренскаго, придворнаго историка при первомъ армянскомъ Аршакидѣ, Вахаршакѣ, II вѣка до нашей эры, отодвинутъ, въ изслѣдованіи Патканова, къ III—IV в. по Р. X., а приписывавшаяся ему подлинная исторія Арменіи, якобы извлеченная изъ Ниневійскаго архива и переведенная на греческій языкъ, по приказанію Александра Македонскаго—сведена на степень сборника *армянскихъ и сирійскихъ*

[1] Приводимъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ: Мхитара *Айриванкскаго* (XIII в.) Хронографія, 1867, Инока Магакіи (XIII в.)—Исторія Монголовъ, 1870, *Ананіи Ширакскаго* (VII в.)—О небесныхъ тѣлахъ, о мѣрахъ и вѣсахъ и др. 1877, *Мхитара Анійскаго* (XII в.), вмѣстѣ съ Себеосомъ, 1879, *Фавста Византійскаго* (IV в.)—Исторія Арменіи, 1883; Фрагменты по армянской исторіи 1884, *Ѳомы Арцруни* (X в.)—Исторія Арменіи, 1887.

преданій, связанныхъ въ одно цѣлое по образцу ассирійской Исторіи Ктезія. («Ванск. Надписи», 33—70).

Подъ общимъ заглавіемъ «Ванскихъ надписей и значенія ихъ для исторіи Передней Азіи» Паткановъ, сверхъ вышеуказаннаго, напечаталъ въ томъ-же Журналѣ Мин. Нар. Просв. за 1884 г. весьма интересную статью «О древней Грузинской хроникѣ, время появленія которой онъ старается опредѣлить между XI и XIII вв., приписывая составленіе ея армянину или человѣку, получившему образованіе въ армянской школѣ.

Нельзя не упомянуть здѣсь того обстоятельства, что Паткановъ, одновременно съ составленіемъ статей «о Ванскихъ надписяхъ», самъ изучалъ клинопись, собиралъ надписи этой системы; онъ завелъ сношеніе съ извѣстнымъ англійскимъ кунеологомъ, Сейсомъ, доставлялъ ему ново открываемыя надписи, а Сейсъ, какъ извѣстно, первый сталъ болѣе или менѣе разбирать Ванскія надписи, воспользовавшись остроумными догадками покойнаго французскаго ученаго Гюйара. О первыхъ успѣхахъ дешифровки этой клинописи, также какъ и о надписяхъ этой системы, найденныхъ въ предѣлахъ Россіи, Паткановъ помѣстилъ любопытную статью въ Ж. М. Н. Пр. за 1883 г.

Для полноты обзора историческихъ сочиненій Патканова, нужно кромѣ того упомянуть о слѣдующихъ: «Библіографическій очеркъ армянской исторической литературы» (С. П. Б. 1879), составленный въ дополненіе къ первой его научной работѣ — «Catalogue de la littérature etc», съ приведеніемъ всѣхъ историческихъ трудовъ съ IV в. по XIX в., съ возможно полнымъ указаніемъ литературы каждаго произведенія;—небольшая, но весьма остроумная статья «О Хронологіи Хоренскаго» (въ приложеніи къ Матер. для Арм. яз., вып. II, 1884); наконецъ, интересное изслѣдованіе по исторіи Ассиріи—«О мнимомъ походѣ Таклатъ Палассара къ берегамъ Инда» (С. П. Б. 1879). Въ послѣднемъ Паткановъ, вопреки мнѣнію, установившемуся трудами извѣстныхъ европейскихъ кунеологовъ и историковъ, въ особенности же Фр. Ленормана, пытается доказать, что никакого похода къ берегамъ Инда не было предпринято упомянутымъ ассирійскимъ воителемъ и что весь походъ его ограничивался Мидіей, не переходя за ея предѣлы. Эту ошибку Паткановъ приписываетъ Ленорману, который «гипотезу свою построилъ лишь на сходствѣ названій странъ, причемъ прибѣгалъ къ такимъ натяжкамъ и искусственнымъ построеніямъ, которыя не выдерживаютъ малѣйшей хладнокровной провѣрки». Предположенія Патканова, спустя нѣсколько лѣтъ, подтвердилъ и берлинскій ученый Шрадеръ.

Занятія по исторіи Арменіи привели Патканова къ изученію имѣющей столь тѣсную съ ней связь—географіи, именно—онъ занялся переводомъ и объясненіемъ извѣстнаго географическаго трактата, приписываемаго Хоренскому, и издалъ его вмѣстѣ съ армянскимъ текстомъ въ 1877 году подъ заглавіемъ: «Армянская Географія VII в., приписывавшаяся М. Хоренскому». Помимо важности для географіи Арменіи, трактатъ этотъ интересенъ и для географіи Передней Азіи вообще. Я полагаю, замѣчаетъ, между прочимъ, Паткановъ, что для изученія исторіи Передней Азіи предстоитъ настоятельная необходимость пересмотрѣть старые сборники и сдѣлать изъ армянскихъ авторовъ новыя извлеченія географическихъ данныхъ. Одни греческія и мусульманскія свѣдѣнія далеко не удовлетворяютъ тѣмъ

требованіямъ, которыя представляются изслѣдователю исторіи Передней Азіи при разработкѣ отдѣльныхъ событій, требующихъ болѣе точныхъ и опредѣленныхъ свѣдѣній» (стр. 42)—Еще задолго до Патканова этотъ географическій трактатъ былъ переведенъ на латинскій [1]) и французскій языки. Французскій переводчикъ, С. Мартенъ [2]), впервые заподозрившій принадлежность этой Географіи Хоренскому, отнесъ ее къ X вѣку; Паткановъ же, пользуясь лучшими позднѣйшими изданіями армянскаго ея текста, послѣ остроумныхъ догадокъ и соображеній, пріурочилъ географическій трактатъ къ VII вѣку и даже указалъ лицо, которое, по его мнѣнію, могло быть его составителемъ; таковымъ былъ—извѣстный математикъ и астрономъ VII вѣка, Ананія Ширакаци.

Вотъ перечень важнѣйшихъ трудовъ Патканова по *языку исторіи и географіи*, къ которымъ нужно прибавить еще одну работу по *исторіи армянской литературы*, помѣщенную въ IV выпускѣ «Всеобщей Литературы Корша», но, къ сожалѣнію, доведенную лишь до VI вѣка. Число написанныхъ и изданныхъ имъ произведеній доходитъ до 40. Несмотря на это, трудно отмѣтить хоть одну работу, въ которой авторъ явился бы не стоящимъ на высотѣ изучаемаго имъ предмета. Всякій научный вопросъ изслѣдовался имъ возможно детально, возможно глубоко. Нужно ли ему написать, напр., этнографическое изслѣдованіе о «Драгоцѣнныхъ камняхъ по понятіямъ Армянъ» (С. П. Б. 1873),—онъ предварительно изучаетъ чуть ли не полный курсъ минералогіи. И дѣйствительно, прочитывая это сочиненіе, вы имѣете дѣло со спеціалистомъ по минералогіи. Представляется ли ему писать о нарѣчіяхъ закавказскихъ Цыганъ, онъ пересматриваетъ всю литературу предмета и во введеніи его вы имѣете прекрасно изложенный обзоръ всего того, что написано вообще о языкѣ Цыганъ, не только у насъ, но и на Западѣ. Занявшись вопросомъ о «Ванскихъ надписяхъ», Паткановъ не довольствуется пересмотромъ всей литературы о надписяхъ; онъ самъ изучаетъ клинопись, дешифровку, чтобы компетентнѣе говорить о предметѣ. Также точно и въ другихъ своихъ изслѣдованіяхъ.

Нѣкоторые ставили Патканову въ упрекъ, что онъ разбрасывается, что не замѣтно у него строго намѣченной программы, почему онъ, будто, переходитъ постоянно отъ одного вопроса къ другому, не разрабатывая подробно ни одинъ изъ нихъ. Быть можетъ, замѣчанія эти до нѣкоторой степени и справедливы; но нужно при этомъ принять во вниманіе мало благопріятныя условія, въ которыя поставленъ у насъ спеціалистъ по армянскому языку, въ данномъ случаѣ Паткановъ при факультетѣ Восточныхъ языковъ С. Петербургскаго университета. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій онъ даже жалуется на равнодушіе русской читающей публики ко всему, что касается языка, исторіи и литературы армянъ. И въ самомъ дѣлѣ, между тѣмъ какъ въ з. Европѣ, у французовъ, англичанъ, нѣмцевъ, итальянцевъ и у друг., есть свои спеціалисты по разнымъ отраслямъ арменологіи, у насъ, въ Россіи, никто изъ природныхъ русскихъ не занимался

[1]) См. у *бр Вистоновъ* въ приложеніи къ переводу Исторіи Арменіи М. Хоренскаго, Лондонъ, 1736 г.

[2]) Mémoires historiques et géographiques sur l'Arménie, T. II, стр. 301—405. Paris, 1819.

армянскимъ языкомъ. «Довольно естественно, замѣчаетъ Паткановъ, если такъ называемая большая публика мало обращаетъ вниманія на спеціальныя изслѣдованія въ области литературы, не имѣвшей всемірно-историческаго значенія; но въ каждомъ государствѣ существуетъ извѣстный кругъ публики съ болѣе обширнымъ образованіемъ, для котораго изученіе языка, исторіи, литературы мало-извѣстныхъ народовъ имѣетъ своего рода занимательность. Къ сожалѣнію, этотъ кругъ у насъ не особенно обширенъ. Даже люди науки и спеціалисты, отъ которыхъ, по роду ихъ занятій, можно бы было ожидать большей любознательности, относятся съ такимъ безучастіемъ къ этимъ изслѣдованіямъ, что много силы воли, много любви къ труду требуется отъ русскагоармениста, чтобы не охладѣть къ предмету своихъ занятій...» [1])

Разнообразіе трудовъ Патканова объясняется сверхъ того его натурой, отзывчивой на все, что прямо или косвенно касается арменологіи.

Въ заключеніе краткаго обзора научной дѣятельности К. П. Патканова, нужно упомянуть еще, что, какъ оріенталистъ, покойный былъ извѣстенъ также и за предѣлами Россіи. Нѣкоторые изъ его трудовъ были переведены на французскій и нѣмецкій языки [2]); самъ онъ помѣстилъ нѣсколько статей въ иностранныхъ спеціальныхъ изданіяхъ («Monatsberichte der Berliner Akademie» «Muséon» и др). и состоялъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ. Наконецъ, онъ присутствовалъ на нѣкольκихъ съѣздахъ оріенталистовъ на Западѣ, въ качествѣ депутата отъ С.-Петербургскаго университета. К. П. Паткановъ умеръ на 56-омъ году жизни, именно въ такомъ возрастѣ, когда, обогащенный познаніями и опытомъ предшествующей плодотворной дѣятельности, еще бодрый и крѣпкій, — онъ могъ быть особенно полезенъ для науки. Въ лицѣ Патканова наука потеряла не только ученаго, занимавшаго почетное мѣсто среди арменистовъ, но и весьма даровитаго оріенталиста.

Г. Х.

1) Библіографич. очеркъ арм. историч. литер., С. П. Б. 1880, стр. 15—16.

2) Таковы, напр., французскіе переводы „Опыты Исторіи династіи Сассанидовъ по армянскимъ источникамъ“ и „Изслѣдованіе о составѣ армянскаго языка“, сдѣланные *Е. Прюдом‘омъ* и помѣщенные въ „Journal Asiatique“ за 1866 и 1870 гг.; нѣмецкій переводъ статьи „О мѣстѣ занимаемомъ арм. языкомъ“—въ „Russische Revue“, за 1880 г., 7 Heft.

Парѳенонъ.

У ПАРѲЕНОНА.

Когда гармоніи живое воплощенье
Въ восторгѣ созерцать я прихожу нѣмомъ,
Давно замолкшихъ струнъ біенье
Съ отрадой чувствую вновь въ сердцѣ я своемъ.
То не земной любви знакомый, сладкій трепетъ,
Не славы призраки! не жажда громкихъ битвъ—
Умиленной души то смутный робкій лепетъ,
То звукъ „забытыхъ словъ", мотивъ былыхъ молитвъ.

—

Погрязшихъ въ злобѣ и крови,
Ты просвѣти, о дочь Зевеса!
Духъ правды въ людяхъ обнови,
И да спадетъ съ ихъ глазъ завѣса!

—

Молю, Паллада, освѣти
Народамъ путь къ нетлѣнной славѣ,
Вражду и брани прекрати
Да будетъ сила только въ правѣ!

—

Тамъ, гдѣ виталъ твой духъ свободный,
Гдѣ Курдъ свирѣпствуетъ и жжетъ
Народа-мученика всходы,
Трудъ земледѣльца да цвѣтетъ!..

—

Придетъ, придетъ, я вѣрю, время:
Народы мирною толпой,
Забывъ вражды старинной бремя,
Предстанутъ предъ твоей красой.

—

Тогда твой дивный домъ, Аѳина,
Почуетъ радость возрожденья,
Для Турка, Грека, Нѣмца, Финна
Раскрывъ объятья единенья.

—

Но какъ далекъ сей часъ желанный!
Когда осмотришься кругомъ —
Культъ силы, интересъ карманный
Связали все въ узлѣ тугомъ.

—

А все жъ растетъ и крѣпнетъ вѣра,
Предъ симъ кивотомъ красоты, —
Что солидарность не химера,
Свобода, братство—не мечты.

Г. А. Мировъ.

Аѳины,
декабря 1894 г.

Зейтунецъ на покосѣ.

Леонъ Буржуа о солидарности.

Въ тревожное время, нами переживаемое, когда выростаютъ международныя затрудненія, когда систематически избиваются христіане въ Турецкой имперіи, многимъ кажется странною защита гуманности и проповѣдь солидарности. А между тѣмъ въ такую-то эпоху особенно важно поддерживать бодрую вѣру въ конечное торжество справедливости и умѣрять этою вѣрою законное ожесточеніе противъ угнетателей. Я считаю поэтому умѣстнымъ указать на небольшую книжку знаменитаго государственнаго человѣка, бывшаго недавно французскимъ министромъ-президентомъ.

Только съ середины нынѣшняго вѣка, замѣчаетъ Леонъ Буржуа, слово *солидарность* вводится въ политическій словарь. Прудонъ и Бастія указали на явленія солидарности въ жизни общества. Въ *Словарѣ* Литре, въ 1877 году, нѣтъ еще достаточнаго опредѣленія солидарности.

Партіи обыкновенно отстаютъ отъ идей. Нужно довольно продолжительное время, чтобы политическая идея превратилась въ практическую формулу, съ которой выступаетъ партія. Въ настоящее время, говоритъ Буржуа, замѣчается стремленіе установить соглашеніе не между людьми, а между идеями, идетъ дѣло покуда не о договорѣ, а о синтезѣ. Между людьми есть необходимаа связь, солидарность и изученіе причинъ, условій и предѣловъ этой солидарности только и можетъ установить права и обязанности членовъ общежитія. Такимъ образомъ общественные вопросы разрѣшаются научною методою и нравственною мыслью.

Въ мірѣ идетъ борьба интересовъ. Государство не можетъ безучастно глядѣть, какъ гибнутъ слабые. Оно, какъ носитель общественной справедливости, должно вмѣшиваться, чтобы возстанавливать равновѣсіе. Человѣческій разумъ, раскрывающій законы дѣйствія историческихъ силъ, — психическихъ и экономическихъ, — ведетъ къ нравственному управленію этими силами. Добро можетъ быть осуществлено только истиною, но истина для Буржуа имѣетъ цѣну лишь постольку, поскольку она осуществляетъ добро. Задача заключается въ реализаціи добра, — т.-е. удовлетворенія нравственнаго чувства, — въ условіяхъ истины, т.-е. при одобреніи разума.

Естественныя науки даютъ намъ не одну борьбу за существованіе, но и солидарность органовъ и организмовъ. Безъ этой солидарности не могло бы явиться живое существо, въ которомъ все есть въ одно и то же время и цѣль, и средство. Человѣка связываетъ съ другими людьми, одинъ народъ съ другимъ, и физическая, и духовная солидарность. Жизни каждаго изъ насъ можетъ угрожать чума въ Индіи; геніальное произведеніе отразилось на духовномъ строѣ всѣхъ образованныхъ народовъ. Это отнюдь не поражаетъ индивидуальности. Наоборотъ, необходимо совмѣстное участіе индивидуумовъ въ общемъ дѣйствіи. Законъ раздѣленія физіологической работы есть координація индивидуальныхъ усилій, благодаря которой выигрываютъ и части, и цѣлое. Ассоціація творитъ, — замѣчаетъ Изуле (въ *Cité moderne*), и общественная эволюція должна вести къ такому строю, когда каждый индивидуумъ будетъ имѣть свободу достигнуть высшей степени развитія и отдавать свою энергію на служеніе общему дѣлу. Цивилизація должна достигнуть такого состоянія, когда будутъ вполнѣ примирены мнимыя противоположности: развитіе индивидуальной жизни и развитіе жизни общественной (Фулье, *Science Sociale*).

Но какимъ образомъ на научной теоріи естественной солидарности установить практическое ученіе нравственной и общественной солидарности, обосновать точныя правила для правъ и обязанностей каждаго въ солидарномъ дѣйствованіи всѣхъ? Какъ опредѣлить, по естественнымъ границамъ существующей между людьми солидарности, нравственныя границы солидарности по праву, на что индивидуумъ долженъ согласиться и что отъ него по справедливости можетъ быть потребовано.

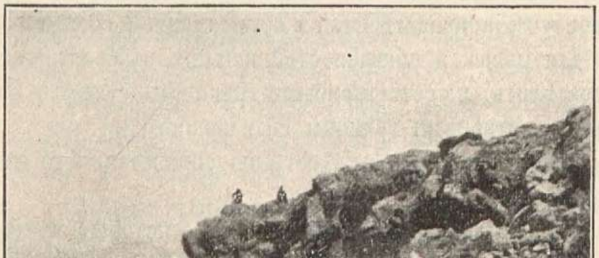
Фулье говоритъ, что нравственные законы, которые представляются индивидууму, суть общія условія существованія общества. Буржуа кажется это утвержденіе нѣсколько преувеличеннымъ, но и онъ говоритъ, что нравственныхъ законовъ нельзя искать *внѣ* общихъ условій жизни въ обществѣ. По выраженію Секретана, нравственное добро состоитъ въ томъ, чтобы чувствовать и мыслить себя членомъ въ человѣчествѣ; зло состоитъ въ желаніи изолироваться, отдѣлить себя отъ цѣлаго. Съ паденіемъ апріорнаго человѣка падаетъ и апріорное государство: оно — созданіе людей и поэтому не можетъ имѣть надъ ними верховенства. Законодательство должно практически осуществлять справедливое распредѣленіе въ обществѣ выгодъ и тягостей. Свобода физическаго, умственнаго и нравственнаго развитія каждаго человѣка является основнымъ условіемъ общежитія. Вмѣстѣ съ тѣмъ каждый человѣкъ, получивъ отъ общества выгоды естественно долженъ имѣть по отношенію къ нему и соотвѣтствующія обязанности.

Но какъ опредѣлить ихъ? Буржуа признаетъ практическую трудность разрѣшенія вопроса, но трудность эта не колеблетъ самаго закона. Разнообразныя неравенства между людьми имѣютъ второстепенное значеніе по сравненію, съ тѣмъ, что у нихъ общаго, равнаго. Способомъ установленія между людьми въ государствѣ справедливыхъ отношеній все болѣе и болѣе становится договоръ. Личная свобода каждаго находитъ свои границы въ личной свободѣ другихъ.

Нельзя, конечно, сказать, чтобы этими разсужденіями Буржуа устранялъ практическія затрудненія для осуществленія справедливости или даже указывалъ

вполнѣ ясный путь для ихъ устраненія. Въ политическую программу его кабинета входило требованіе подоходнаго налога, но этого далеко недостаточно для осуществленія разумной солидарности. За то нельзя и не привѣтствовать со стороны государственнаго человѣка признанія какъ руководящаго значенія науки, такъ и направляющей роли нравственной идеи. Выдвигать на первый планъ въ человѣчествѣ солидарность является также дѣломъ въ высокой степени важнымъ и симпатичнымъ. Теперь не подлежитъ уже сомнѣнію, что жестокости или несправедливости, оказанныя въ Малой Азіи или въ Африкѣ, такъ или иначе отразятся повсюду, что для всѣхъ народовъ не проходитъ безслѣдно гдѣ-либо поруганное человѣческое достоинство, какъ не безслѣдно проходитъ и каждое торжество справедливости и просвѣщенной мысли.

В. Гольцевъ.

О. Гонча.

«Патріотизмъ» и патріотизмъ.

Когда «Энциклопедическій Словарь» изд. Брокгауза и Ефрона, кончающій уже букву Н, дойдетъ до буквы П, то онъ можетъ оказать, если это ему удастся, весьма полезную литературно общественную услугу. Въ статьѣ подъ заглавіемъ «Патріотизмъ» онъ можетъ, придерживаясь, какъ подобаетъ большому энциклопедическому изданію, только ясныхъ, точныхъ и объективныхъ опредѣленій пояснить и установить, что должно подразумѣвать и что подразумѣвается подъ словомъ «патріотизмъ?»

Понятіе о патріотизмѣ принадлежитъ у насъ къ числу сбивчивыхъ и смутныхъ. Быть можетъ, главная бѣда его въ томъ, что оно считается у насъ всѣмъ слишкомъ извѣстнымъ. Если бы оно было менѣе извѣстнымъ, то было бы, вѣроятно, болѣе идейнымъ и твердымъ. Нашъ ходовой патріотизмъ напоминаетъ собою «американскую церковь». Въ Соединенныхъ Штатахъ 846 сектъ и каждая изъ нихъ провозглашаетъ себя главною и единственною представительницею «американской церкви». У насъ есть патріоты всевозможныхъ оттѣнковъ: старыхъ толковъ и новыхъ формацій, внутренніе и внѣшніе, шумные и тихіе, съ колоколами и знаменами, и безъ колоколовъ и знаменъ, во вкусѣ Островскаго и въ духѣ Сергѣя Шарапова, славянскіе, франко-русскіе, абиссинскіе, анти-еврейскіе, противу-кавказскіе; въ послѣднее время зародились и объявились даже русско-китайскіе патріоты. Воюющій съ Лодзью изъ за ситцевъ и бумазей московскій купецъ, выгнанный за взяточничество со службы на окраинѣ чиновникъ, торгующій «страшными словами» газетчикъ, кривляющійся у суфлерской будки «чтецъ, разсказчикъ и куплетистъ», засидѣвшійся въ капитанскомъ чинѣ захолустный ротный командиръ, страдающій печенью и геморроемъ педагогъ изъ духовнаго званія, «съ предвареніемъ» причисленный къ губернскому правленію, гдѣ нибудь въ Польшѣ или на Кавказѣ, начальникъ уѣзда, бѣглая, покинутая остывшимъ къ ней «персюкомъ», жена, юркій ярославскій подрядчикъ, поспѣшающій къ вызовамъ, аукціонамъ, и къ торгамъ отъ хладныхъ финскихъ скалъ до пламенной Колхиды — все это «патріоты», бьющіе кулаками себя въ грудь и всегда готовые бить ими по шеѣ другихъ. Оріентируйтесь среди этихъ

полувзглядовъ, полустрастей, затемненныхъ и обостренныхъ какими то стихійно-ненавистными инстинктами, формулируйте ихъ какъ опредѣленное міровоззрѣніе, какъ извѣстную догму для внутренней государственной политики, какъ планъ и программу руководящихъ и устроительныхъ дѣйствій.

Иностранцы въ этомъ отношеніи счастливѣе насъ. Имъ не нужно прибѣгать къ истолковательному содѣйствію словарей, чтобы имѣть ясное и раздѣльное представленіе о патріотизмѣ. Это понятіе у нихъ давно сложилось, принявъ значеніе и вѣсъ для всѣхъ очевидной и всѣми одинаково признаваемой аксіомы. И у нихъ патріотизмъ облекается въ различныя формы, преслѣдуетъ различныя цѣли и вдохновляется различными внушеніями. Но онъ стоитъ тамъ на высотѣ могучаго и цѣльнаго государственнаго ученія, вполнѣ усвоеннаго общественными идеями и настроеніями.

Мы видимъ и знаемъ, что такое англійскій патріотизмъ. Это наступательное и поступательное дѣйствіе прогресса и культуры подъ британскимъ флагомъ и во имя британскаго владычества. Англійскій патріотизмъ, прокладывая дороги для англійской гегемоніи, расчищаетъ дѣвственные лѣса, строитъ желѣзныя дороги, основываетъ движущіеся города и торговыя факторіи, заводитъ школы, больницы, банки, почты, телеграфы, видоизмѣняетъ и совершенствуетъ земледѣльческую эксплоатацію почвы, даетъ неистощимые капиталы для добыванія естественныхъ богатствъ, для развитія и усовершенствованія всѣхъ видовъ промышленности, для развитія и укрѣпленія торговыхъ сношеній метрополіи со всѣми ей подчиненными материками, странами и народами.

Онъ налаживаетъ и водворяетъ свою, въ такомъ именно смыслѣ понимаемую, патріотическую миссію, прямолинейно, деспотически, съ напоромъ, не желающимъ признавать и не признающимъ никакого сопротивленія, съ желѣзною энергіею и стойкостью, но онъ знаетъ, что именно ему нужно: ему нужны политическое усиленіе и процвѣтаніе своего отечества посредствомъ возможно широкаго по всему міру раскинутаго, цивилизующаго воздѣйствія британской культуры. Англійскій патріотизмъ—это созидательная работа міровыхъ купцовъ, всюду ведущихъ позади себя не только войска и пушки, но за ними и вмѣстѣ съ ними цѣлые отряды полезныхъ, отважныхъ и предпріимчивыхъ піонеровъ — инженеровъ, техниковъ, администраторовъ, учителей, судей, врачей и капиталистовъ.

Мы видимъ и знаемъ далѣе, что такое пангерманскій патріотизмъ. У него есть своя самобытная физіономія и онъ существенно отличается отъ предъидущаго. Въ немъ преобладаютъ начала военно-государственной силы и политическаго единства. Онъ проникнутъ идеями милитаризма и преимущественно выражается въ милитаризмѣ. Онъ стоитъ на стражѣ нѣмцевъ и Германіи. Онъ сомнѣвается въ незыблемости международнаго мира, боится за неприкосновенность своей территоріи, заботится о томъ, чтобы Германія чувствовала себя какъ бы наканунѣ завтрашней кампаніи, не щадитъ для своего военнаго могущества никакихъ средствъ, затратъ и жертвъ, нерѣдко подчиняетъ себѣ самые экономическіе интересы страны и народа и усиленно поддерживаетъ во всѣхъ областяхъ нѣмецкаго духа и нѣмецкой общественности—въ наукѣ, литературѣ, въ журналистикѣ, парламентаризмѣ, въ школѣ и даже въ церкви — блестящую и систематическую

пропаганду государственной силы, какъ единственной надежной охраны независимости, свободы и будущности германскаго народа и германской культуры. Это—патріотизмъ односторонній, суровый и раззорительный, тревожный и опасный, патріотизмъ вызововъ и угрозъ, патріотизмъ Бисмарка и солдатчины, патріотизмъ налоговъ, и государственныхъ долговъ, но онъ имѣетъ свою причину бытія, свою исторію и свое оправданіе.

Мы видимъ и знаемъ дальше, что такое патріотизмъ австрійскій. Тутъ передъ нами цѣлая государственная система сложныхъ и перемѣнныхъ компромиссовъ. Она преимущественно направлена на установленіе внутренняго согласія и равновѣсія между многоразличными, самостоятельно развивающимися отдѣльными частями, входящими въ составъ габсбургской монархіи. Она сводится къ политикѣ децентрализаціи, связанной на верху, въ центрѣ, узами общихъ интересовъ всей имперіи. Австрійскій патріотизмъ представляетъ полное національное развитіе всѣмъ австрійскимъ областямъ, даетъ самый широкій просторъ ихъ мѣстной культурѣ и жизни, поселяетъ въ нихъ иллюзію почти совершенной политической самостоятельности и независимости и этимъ заставляетъ всѣ австрійскіе народы, не взирая на ихъ нескончаемыя распри и междуусобія, искренне дорожить собирательною силою и коллективнымъ единствомъ государственнаго цѣлаго. Это патріотизмъ нѣсколько безличный, подчиненный многимъ случайностямъ и колебаніямъ, требующій отъ государственныхъ людей, руководящихъ ими, огромнаго политическаго опыта, предусмотрительности, ловкости, находчивости, патріотизма, выражающейся формулою «всѣ за каждаго и каждый за всѣхъ», патріотизмъ, кажущійся извнѣ какъ бы празднымъ искусствомъ связывать постоянно рвущееся, мирить непримиримое и укрѣплять центростремительную силу дѣйствіемъ центробѣжной, но онъ живучъ и у него есть будущее, потому что въ основѣ его заложены такія великія и для всѣхъ австрійскихъ народовъ одинаково дорогія, сплачивающія начала, какъ свобода, равноправіе и полноправіе.

Какимъ же могъ бы быть и долженъ быть нашъ русскій государственный и общественный патріотизмъ въ сферѣ своего внутренняго примѣненія? Ему нѣтъ ни малѣйшей надобности входить въ какую либо родню съ типомъ германскаго патріотизма. Наше отечество, по самой природѣ своей, слишкомъ великая и грозная сила, чтобы нужно было еще искусственно развивать ее. Ему ничто не угрожаетъ и никто угрожать не посмѣетъ. Мы должны стоять на высотѣ всѣхъ требованій самообороны и онѣ не могутъ заполнять и заклепывать творческую работу русскаго патріотизма. Нѣтъ у насъ подходящей почвы и для патріотизма въ томъ его смыслѣ, какъ онъ понимается и дѣйствуетъ по сю и по ту сторону рѣки Лейты. Въ Россіи первенствуетъ и властвуетъ единый, органически слитный и въ племенномъ, и въ вѣроисповѣдномъ, и въ историческомъ смыслѣ русскій народъ, и ему нѣтъ нужды считаться съ воздѣйствіемъ на него нѣсколькихъ иноплеменныхъ культуръ, созрѣвшихъ на западной границѣ русскаго государства и достигшихъ довольно высокаго уровня и процвѣтанія.

Эти культуры могутъ мечтать только о покровительствѣ имъ со стороны русскаго патріотизма, о дружескомъ и участливомъ отношеніи его къ нимъ. Но затѣмъ есть у нашего патріотизма самое обширное и благодарное поле, почти

не тронутая новь, которая ждетъ съ его стороны почина, помощи, устроительнаго и цивилизующаго вмѣшательства. Тутъ на нашемъ патріотизмѣ лежитъ миссія, во многомъ очень сходная съ задачами и дѣятельностью британскаго государственнаго патріотизма. Она должна имѣть дѣло съ десяткомъ мѣстностей, племенъ и народовъ, еще не пріобщенныхъ къ европеизму и цивилизаціи или связанныхъ съ ними лишь поверхностно слабыми, задаточными узами. Тутъ для нашего патріотизма есть и настоящее, съ разныхъ сторонъ ждущее нашей примѣрной показательной, устроительной работы и прекрасное будущее, способное принести намъ самые утѣшительные плоды и результаты. Внушенія и задачи нашего патріотизма должны заключаться не въ томъ, чтобы принижать и преслѣдовать маленькія и слабыя иноплеменныя культуры, чтобы дразнить ихъ нападками и подозрѣніями, чтобы возбуждать къ нимъ въ русскомъ обществѣ и народѣ чувства высокомѣрія, нетерпимости, издѣвательства, чтобы безнаказанно давать просторъ злоупотребленіямъ правомъ сильнаго, а въ томъ, чтобы живя самимъ, давать жить и другимъ, чтобы распространять наше ассимилирующее воздѣйствіе широкими путями, благородными средствами, чтобы вносить и вводить во внутренній складъ этихъ малыхъ и слабыхъ культуръ цѣли и элементы права, законности, благоустройства, спокойствія и довольствія, просвѣщенія, толеранціи и постепенно наростающаго и раскрывающагося матеріальнаго благосостоянія.

Man muss leben und leben lassen!

Буква.

Г. Сигма о націонализмѣ [1].

I.

Мыслить общими понятіями, говорить общими фразами гораздо проще, чѣмъ мыслить конкретными образами и собственнымъ опытомъ создавать понятія.

Возьму понятіе: „мы, русскіе, нашъ русскій народъ". Установлены ли характерные признаки этого понятія, провѣрена ли основательность тѣхъ эпитетовъ, которые мы считаемъ характерными для этихъ понятій и которые сдѣлались ихъ постоянными эпитетами? Мы говоримъ: „нашъ добрый народъ, православный, многострадальный, сметливый, честный, могучій, или же грубый, дикій, пьяный". Въ деревнѣ говорятъ иногда: „народъ у насъ воръ, народъ у насъ слабый, пропойный". Подумали ли мы, что такое русскій народъ и какія у него дѣйствительныя качества, а какія выдуманы поставщиками ходячихъ понятій?

Недавно, какихъ-нибудь десять лѣтъ тому назадъ была пущена въ обращеніе новая формула: „Россія для русскихъ". Формулу эту сначала выражали робко, потомъ все громче и громче, называя ее пробужденіемъ русскаго самосознанія. Дѣйствительно, для кого же и быть Россіи, какъ не для русскихъ? Это понятно само собой. Но въ этой формулѣ, заимствованной у американца Монрое, какъ бы случайно отпалъ конецъ: „для русскихъ гражданъ, для русскихъ подданныхъ". Понятіе „американецъ" не племенное, а *государственное*. Если многіе ирландцы, нѣмцы, шведы, славяне, итальянцы обращаются во второмъ поколѣніи въ янки, то это не отъ того, что янки употребляютъ къ этому какія-нибудь усилія, а потому, что янки культурнѣе, образованнѣе, энергичнѣе ирландца, итальянца или славянина. Кто виноватъ, что языкъ русскихъ галичанъ, живущихъ въ

[1]) Г. Сигма (С. Н. Сыромятниковъ) намѣревался самъ обработать для настоящаго сборника свои статьи о націонализмѣ, появлявшіяся въ петербургскихъ газетахъ. Отъѣздъ на дальній Востокъ помѣшалъ ему исполнить свое намѣреніе, и мы приводимъ въ извлеченіи статьи его, печатавшіяся въ *Новомъ Времени*. *Ред.*

Пенсильваніи, объамериканивается? Зачѣмъ они взяли у американцевъ „байсикэль, шторъ, бѣзнесъ, майнеръ, стрейкъ», когда они могли бы взять изъ единокровнаго русскаго языка, гораздо болѣе культурнаго, чѣмъ ихъ языкъ, равнозначущія слова: „самокатъ, складъ, заработокъ, рудокопъ, стачка". Ясно, что янки не требовали этого, а звѣздный флагъ защищаетъ одинаково американскаго подданнаго, все равно, русскій онъ, ирландецъ или потомокъ первыхъ англійскихъ насельниковъ.

Но можетъ быть дѣйствительно въ вышеприведенной формулѣ „Россія для русскихъ" подъ словомъ „русскій" надо понимать великоруса, ярославца, москвича, тверяка, и заботиться главнымъ образомъ о процвѣтаніи и экономическомъ развитіи великороссовъ, которые создали Россію. Я ничего бы не имѣлъ противъ, если бы было обращено особое вниманіе на экономическій подъемъ „акающихъ" великоруссовъ за ихъ заслуги передъ Россіей. Если поддерживать искусственно русское дворянство очень пестраго племенного состава, то отчего не поддержать самый народный цементъ земли русской, который объединяетъ, склеиваетъ и проникаетъ собою разноплеменныя части имперіи, но вѣдь объ этомъ никто не говоритъ. У насъ, по счастью, нѣтъ племенныхъ патриціевъ, наше патриціанство —служилое, ничего общаго не имѣющее съ національнымъ принципомъ. Формула „Россія для русскихъ" не требуетъ чего-нибудь положительнаго, она покамѣстъ ограничивается отрицательными, запретительными вожделѣніями.

Отъ эпохи славянофильскаго романтизма у насъ осталась другая формула, созданная Тютчевымъ и разработанная Достоевскимъ: „удрученный ношей крестной, всю тебя, земля родная, въ рабскомъ видѣ, Царь небесный исходилъ благословляя". Она соотвѣтствуетъ постоянному эпитету „православный", прилагаемому къ русскому народу. Но благословилъ ли бы Царь небесный раскольничье село или нѣмецкую колонію? Разумѣется, да, хотя эти села и не православныя. Онъ благословилъ бы и еврея Гильфердинга и нѣмца Оскара (Ореста) Миллера, которые положили свою душу за своихъ русскихъ друзей.

Эти соображенія вызываютъ необходимость подвергнуть обслѣдованію само понятіе „русскій". Что значитъ это слово? Имѣетъ ли оно племенное, религіозное, государственное или географическое значеніе? Если русскій — понятіе этнографическое, то чисто русскихъ очень немного, большинство великороссовъ окажутся финно-татарами. Если русскій—равнозначуще слову православный, то что дѣлать съ раскольниками и сектантами. Будетъ ли и для нихъ Россія или не будетъ? Раскольники Витебской и Ковенской губерній оказали значительную помощь русскому дѣлу во время польскаго возстанія. Русскіе скопцы оказали большія услуги русскимъ войскамъ въ Румыніи, они даже охраняли государя Александра II отъ международныхъ террористовъ, которые собирались сдѣлать покушеніе кажется около Плоешть. Кавказскіе духоборы обезпечили успѣхъ дѣйствій нашихъ войскъ въ Азіатской Турціи, подвозя военные припасы, служа проводниками, доставляя разныя свѣдѣнія. Значитъ — русскій и православный не одно и тоже. Можно быть не православнымъ и быть русскимъ по праву, по чести и по совѣсти. Всѣ эти соображенія приводятъ къ тому, что слово „русскій" выражаетъ понятіе государственное, которымъ обозначается господствующее населеніе имперіи, употребляющее одинъ государственный языкъ, управляемое одними законами.

Въ понятіе государства, кромѣ понятій территоріи и народа, входитъ еще одно понятіе, по моему, имѣющее преимущественное значеніе, — это понятіе общей исторіи. Какъ бы мы ни развивали наше мышленіе и наше воображеніе, главное значеніе въ человѣкѣ имѣетъ его характеръ, т.-е. сумма личнаго опыта. Характеръ есть исторія человѣка, написанная на страницахъ его души. Видѣнное, слышанное, передуманное, перечувствованное — все отражается на человѣкѣ и образуетъ его характеръ. Все пережитое, передуманное, перечувствованное народомъ составляетъ его исторію. Для составленія государства мало имѣть кусокъ земли и толпу народа, хотя бы говорящаго на одномъ языкѣ и исповѣдующаго одно вѣроученіе, — надо имѣть еще и общую исторію, общія радости, общія печали, сознаніе своей зависимости другъ отъ друга, своего общенароднаго блага.

Наши великіе государственные люди — Петръ I и Екатерина II, понявъ умомъ, а скорѣе чувствомъ потребности нашего государства, начертали рамки его распространенію. Линія отъ Мурмана до Варшавы, отъ Варшавы до Царяграда, отъ Царяграда до Восточнаго океана проведена не фантазеромъ политической географіи, а самими потребностями русской равнины и ея равниннаго подвижного населенія. Многія землицы отысканы, заняты, подведены подъ одну высокую руку и отселѣ начинается ихъ русская исторія. Они наши окраины, а не мы ихъ окраины. Вотъ тотъ основной принципъ, который выработала наша общая исторія. Кто бы они ни были, — поляки, сарты, камчадалы,— они привязаны къ Москвѣ и должны къ ней тянуть своею государственною жизнію, потому что такъ сложилась ихъ исторія. Но въ мѣрѣ сцѣпленія этихъ разнородныхъ племенъ съ Великороссіей, въ количествѣ усилій, расходуемыхъ на это сцѣпленіе, кроется наше государственное здоровье.

Исходя изъ этихъ элементарныхъ соображеній, мы можемъ вывести характерныя черты понятія „русскій“. Это человѣкъ, задавшійся цѣлью насадить культуру въ восточной половинѣ Европы, культуру, которая соотвѣтствуетъ климату, солнцу, характеру жителей. Онъ вѣритъ въ лучшее будущее своей страны, вѣритъ, что она будетъ со временемъ населена ангелами, что и на нее сойдетъ благоволеніе. Этой цѣли — созданія равнинной культуры — онъ можетъ достигнуть, впитавъ въ себя лучшіе элементы культуры своихъ сосѣдей и своихъ инородныхъ согражданъ. Для его великаго дѣла будетъ служить и полякъ, и финляндецъ, и грузинъ, и бурятъ. Руководствуясь такими задачами, онъ не будетъ относиться къ покореннымъ имъ народамъ такъ, какъ относится англичанинъ, который считаетъ не англо-сакса неспособнымъ къ воспріятію его культуры, потому что его культура пригодна только для сильныхъ и мудрыхъ, потому что между нимъ и индусомъ такая же разница, какъ между чистокровной лошадью и крестьянской клячей. Между нами и татарами нѣтъ той разницы и многіе татары водили къ побѣдамъ русскія войска. У насъ въ Сибири бурятъ издаетъ на русскомъ языкѣ газету. Должны ли мы отказать буряту въ сочувствіи къ его работѣ только потому, что онъ не русскій. Не разумнѣе ли брать отъ всѣхъ входящихъ въ составъ Имперіи инородцевъ то, что у нихъ есть хорошаго. Правда, что для этого ихъ сначала надо *узнать*, а узнавать мы не любимъ, предпочитая поклониться собственному уму и самобытнымъ добродѣтелямъ, но вѣдь я говорю о здоровомъ, энергичномъ русскомъ, а совсѣмъ не объ экземпля-

рахъ недоразвитія или вырожденія. Далѣе этотъ русскій долженъ облегчать задачу своего правительства. Существуетъ мнѣніе и оно раздѣляется очень многими, что всему помѣхой служатъ чиновники. Чиновники испортили земство, уничтожили мировыхъ судей, придумали земскихъ начальниковъ и т. д., и т. д. Я не защитникъ принципа бюрократіи и съ большей охотой сидѣлъ бы въ англійскомъ board'ѣ, чѣмъ въ русскомъ приказѣ, но нахожу, что мы сами во многомъ испортили свое положеніе, начавъ въ реформированныхъ учрежденіяхъ производить дореформенныя дѣйствія или сразу дѣлать оппозицію, дѣтскую, обусловленную часто личными отношеніями. Бюрократію усилило затѣмъ помѣстное дворянство, бѣжавъ изъ помѣстій. А, главное, бюрократія взяла работой. Между петербургскими чиновниками есть такіе работники, о которыхъ не имѣетъ понятія провинція, работающая съ прохладцей, а то и совсѣмъ ничего не дѣлающая.

Составъ нашихъ чиновниковъ черезъ какихъ-нибудь двадцать лѣтъ измѣнится до неузнаваемости, и тогда, навѣрное, пропадетъ ихъ идеофобія. Идеи, какъ газы, опасны только тогда, когда ихъ сжимаютъ, а не тогда, когда онѣ расходятся. И потомъ, ихъ можно только задержать, но не уничтожить.

Отсутствіе государственныхъ идей у нашего общества и дѣлаетъ его воспріимчивымъ къ ходячимъ формуламъ, какъ бы онѣ ни были лживы и нелѣпы. Формулы эти черпаются изъ старыхъ книжекъ, а всего болѣе изъ старыхъ газетныхъ листовъ, исписанныхъ доморощенными политиками и философами. Невольно припоминаешь, слушая политическую мудрость нашихъ гостиныхъ, переписку Курбскаго съ Грознымъ. «Почто, царю, — спрашиваетъ Курбскій, — сильныхъ во Израили побилъ еси, и воеводъ отъ Бога данныхъ ти, различнымъ смертямъ предалъ еси... и на доброхотныхъ твоихъ и душу за тя полагающихъ неслыханныя мученія и гоненія и смерти умыслилъ еси, измѣнами и чародѣйствы и иными неподобными оболгающи православныхъ и тщася со усердіемъ свѣтъ во тьму прелагати и сладкое горько прозывати?» «Аще праведенъ еси и благочестивъ, почто не изволилъ еси отъ меня, строптиваго владыки, страдать и вѣнецъ жизни наслѣдити?», отвѣчалъ Іоаннъ. Отвѣтъ до такой степени неожиданный, что Курбскій назвалъ его «воистину яко бы неистовыхъ бабъ басни».

Басни неистовыхъ бабъ царствуютъ до нынѣ въ нашемъ обществѣ. Одинъ публицистъ пишетъ такія наставленія земскимъ начальникамъ, будто они ѣдутъ управлять непріятельской страной, еще не вполнѣ завоеванной. И всячески толкая на насиліе надъ сельскими жителями, въ то же время справедливо ратуетъ противъ насилія въ религіозныхъ вопросахъ. Другой публицистъ проповѣдуетъ непротивленіе злу и лѣченіе зла добромъ, но не является на судъ, чтобы облегчить наказаніе своему врагу, репутацію котораго онъ почти совсѣмъ уничтожилъ. Третій проповѣдуетъ восточное уничтоженіе личности и въ то же время требуетъ, чтобы эта личность развивалась безъ опеки и была уважаема. Весь этотъ невыбродившійся сумбуръ понятій происходитъ именно отъ того, что никто не даетъ себѣ труда безпристрастно и свободно, не оправдывая виновнаго и не обвиняя невиннаго, разобраться въ простыхъ ходячихъ понятіяхъ, составить критическій словарь обиходныхъ понятій и формулъ.

Въ вашей газетѣ, — пишетъ мой корреспондентъ, — на-дняхъ былъ прекрасный фельетонъ: «Завоеваніе міра», въ которомъ съ большимъ знаніемъ дѣла

раскрываются своекорыстныя начала англійской политики. Помню, я читалъ объ этомъ въ одной французской книжкѣ, кажется, «la Conquête de l'Univers». Но посмотрите, съ какимъ презрѣніемъ говоритъ авторъ о самозванныхъ дипломатахъ-англичанахъ, которые на свой страхъ захватываютъ земли, помогаютъ своему правительству, узнаютъ секреты иностранныхъ державъ. Простой рабочій Раупе сдѣлался англійскимъ резидентомъ у афганскаго эмира; инспекторъ китайскихъ таможенъ Хартъ, «невидимый изъ-за своихъ таможенъ, пронзительно свиститъ на весь міръ и разноситъ этимъ ложную тревогу и недовѣріе къ Россіи», англійскій докторъ Ирвингъ, можетъ быть, «сообщалъ англійскому правительству о всѣхъ faits et gestes Ли-Хунгъ-Чанга въ Россіи». Автору всѣ эти факты кажутся ужасными, а онъ долженъ бы былъ видѣть въ этихъ Пейнахъ, Хартахъ и Эрвингахъ только современныя англійскія копіи прежнихъ русскихъ народныхъ дѣятелей — Строгановыхъ, Ермака, Пояркова, Хабарова, Степанова, Толбузина и сотни другихъ, которые опережали правительство въ завоеваніяхъ и захватахъ.

Позвольте, скажутъ мнѣ, вы защищаете политику государственнаго эгоизма, захватовъ, войнъ. Да, защищаю, потому что у меня одна мѣрка и для англичанъ, и для русскихъ. Государства, какъ и личности, борятся за существованіе. Каждый великій народъ устраивалъ себѣ колоніи. Не одна Англія, но и Греція, и Римъ, и Карѳагенъ, и Египетъ. Чѣмъ же виновата Англія, что она энергичнѣе и умнѣе Россіи и Франціи и что у ней есть самодѣятельность, которой совсѣмъ нѣтъ у французовъ и которую многіе стараются уничтожить у русскихъ. Вопросъ идетъ о будущемъ раздѣлѣ Азіи. Я сомнѣваюсь, чтобы Россія встрѣтилась тамъ съ Франціей, но не сегодня-завтра она встрѣтится съ Англіей. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго и ужаснаго. Мы будемъ дѣйствовать штыками, силой, храбростью и симпатіями къ намъ туземцевъ, противъ насъ будутъ дѣйствовать хитростью, деньгами и наемными войсками, индійскими, афганскими и, можетъ быть, китайскими. Интересы размежуются, конечно, не съ точки зрѣнія непротивленія злу, а съ точки зрѣнія осуществленія своего права, хотя бы это было право сильнаго. Quia nominor leo, quia nominor Ruthenus, вотъ и все. Мнѣ скажутъ далѣе, что право сильнаго — это не право, а безправіе, и что я подстрекаю насильниковъ, что война — это безнравственность, потому что жизнь есть высшее благо и мы не смѣемъ отнимать ее у своего ближняго, что люди— братья. И все это вѣрно, вполнѣ вѣрно, но только съ одной точки зрѣнія. Мнѣ некогда разбирать подробно ходячее понятіе о жизни.

II.

Я радъ, что мое письмо къ вамъ вызвало обмѣнъ мыслей въ обществѣ и даже возраженіе въ вашей газетѣ. Возраженіе относилось, впрочемъ, къ одной небольшой части моего письма, въ которой я обсуждалъ формулу: „Россія для русскихъ“. Строгій авторъ возраженія оканчиваетъ свою большую статью сло-

вами: «акаетъ» или «окаетъ» великороссъ, не это важно, а важно то, что онъ является тѣмъ государственнымъ и культурнымъ цементомъ, который образуетъ великое цѣлое—единую Россію, и ему подобаетъ не пренебреженіе, а честь и право первенства на этой имъ созданной Россіи». Вы помните, я говорилъ, что формула «Россія для русскихъ» не требуетъ чего-нибудь положительнаго, что она покамѣстъ ограничивается отрицательными, запретительными вожделѣніями. Теперь я вижу, что ея сторонники требуютъ чести и права первенства для великоросса на этой имъ созданной Россіи. Они требуютъ далѣе, чтобы главныя усилія государства были обращены къ поднятію культуры русскаго племени, къ умноженію средствъ его просвѣщенія, его духовнаго развитія и роста.

Я знаю, что вы и я съ удовольствіемъ подпишемся подъ этими требованіями. Мы оба великороссы и не прочь отъ чести и права первенства. Но еще больше мы любимъ просвѣщеніе, ибо въ немъ одномъ залогъ развитія русской государственной и общественной личности. И мы хотѣли бы расти духовно и нравственно, ибо никогда не поздно совершенствоваться.

Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, кому первенствовать подъ нашимъ двухглавымъ орломъ, кому ассимилировать, кому укрѣплять и объединять пространства отъ Варшавы до Владивостока, отъ Архангельска до Бухары. Это вопросъ поконченный для нашего поколѣнія, оттого я и не трогалъ антинаціональной политики, которую мы вели въ прошломъ и началѣ нынѣшняго вѣка. У меня не хватало мѣста, чтобы говорить о мертвомъ, такъ много хотѣлось сказать о живомъ.

Итакъ, чтобы разъ навсегда покончить съ возраженіями, я долженъ оговориться передъ вами и вашими читателями, что я самъ великороссъ, что у меня нѣтъ иновѣрныхъ и инородныхъ предковъ и родственниковъ, что я люблю свою родину и служу ей не за страхъ, а за совѣсть по мѣрѣ силъ. Что я не „акаю» и не „окаю“, а говорю хорошимъ литературнымъ языкомъ и не желаю «отъѣхать» въ чужія земли, а равно и не требую конституціи. Я привыкъ только подвергать оцѣнкѣ и себя и окружающихъ по методѣ Сократа и по мѣрѣ возможности договариваться до правды. Ибо всякая правда проста, и нѣтъ той правды, которой нельзя было добиться путемъ совѣстливаго и тщательнаго розысканія.

Я хорошо помню то время, когда въ Москвѣ объявлена была война противъ Турціи за освобожденіе «славянскихъ братьевъ нашихъ», какъ тогда говорили. Не однѣ газеты, а все общество было настроено радостно и полно предчувствія чего-то великаго. Тогда говорили о нашихъ историческихъ задачахъ, о славянствѣ, о водруженіи креста на Св. Софіи и о многомъ великомъ и обаятельномъ, какъ свѣтлыя грезы. Намъ говорятъ, что изъ этихъ грезъ ничего не вышло или вышли Стамбуловъ и Ferdinand le Noceur, но развѣ изъ грезъ что-нибудь выходитъ? Грезы нужны не затѣмъ, чтобы изъ нихъ что-нибудь выходило, а для того, чтобы подлость не захватывала человѣка, чтобы онъ не разучился смотрѣть на небо. Я не знаю, какъ другіе, а я былъ воспитанъ въ тѣхъ началахъ, что моя родина—страна благородная, милосердная, освободительница и носительница высшихъ идеаловъ. Такою я и привыкъ любить ее.

Я воспитывался въ вѣрѣ, что насъ никто обидѣть не можетъ, потому что насъ по языку 65 проц. всего населенія огромной имперіи и 70 проц. по рели-

гіи. Затѣмъ, я любилъ читать русскую исторію, изъ которой видно, что мы дѣйствительно сильный народъ, разъ мы создали этакую махину и вынесли на своихъ плечахъ такую тяжелую исторію. Вотъ почему всѣ страхи за отпаденіе Польши, Сибири, Финляндіи, Кавказа мнѣ казались и кажутся порожденіемъ напуганнаго воображенія. Исторія есть наука, политика—искусство, искусство, которое учитъ, какъ достичь максимума благополучія для государства, какъ таковаго, при минимумѣ затратъ и усилій. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что со временемъ, черезъ нѣсколько столѣтій, на нашемъ языкѣ будетъ говорить все населеніе русской равнины, а не 65 его процентовъ, какъ теперь. Но это будетъ сдѣлано не запрещеніемъ, напр., полякамъ говорить по-польски, что, какъ извѣстно, вызываетъ противоположные результаты, а постояннымъ появленіемъ новыхъ Тургеневыхъ, Толстыхъ, Менделѣевыхъ, Чебышевыхъ изъ среды великороссовъ и все увеличивающимися и увеличивающимися торговыми связями и сношеніями, которые всего больше вліяютъ на распространеніе языка.

Лѣтъ шесть тому назадъ былъ изданъ законъ, чтобы въ Финляндіи мѣста гражданскаго вѣдомства замѣщались чиновниками, знающими русскій языкъ, при чемъ предлагалось при принятіи на службу отдавать преимущество уроженцамъ имперіи, имѣющимъ дипломы высшихъ учебныхъ заведеній. Я былъ тогда въ Гельсингфорсѣ и бесѣдовалъ съ начальникомъ канцеляріи генералъ-губернатора, полковникомъ нашего генеральнаго штаба, по поводу финляндской службы. Я немножко говорю по-шведски, много занимался въ свое время шведской исторіей и хотѣлъ продолжать эти занятія въ библіотекѣ Гельсингфорскаго университета. Все это дѣлало для меня интересной службу въ Финляндіи. Начальникъ канцеляріи долго со мною бесѣдовалъ на хорошемъ русскомъ языкѣ по поводу исполнимости новаго закона. «Что я вамъ могу предложить,—сказалъ онъ мнѣ?—Сто марокъ въ мѣсяцъ! На это вы не пойдете, а финляндецъ знающій по-русски—пойдетъ. У насъ маленькій масштабъ, у васъ—большой. Всякій способный человѣкъ въ имперіи заработаетъ въ десять разъ больше, чѣмъ у насъ въ княжествѣ». Дѣйствительно, гдѣ взять дешевыхъ и въ то же время способныхъ русскихъ людей для Финляндіи, когда ихъ и въ имперіи не хватаетъ? Поэтому пришлось прибѣгнуть къ другой мѣрѣ, къ постепенному введенію русскаго языка въ школы княжества, и мѣра эта прививается и приноситъ плоды. Финляндцамъ выгодно учиться по русски; несмотря на свеноманскія бредни и финоманскія грезы, потому что они торгуютъ съ имперіей и отъ торговли этой получаютъ не малые барыши. А потомъ въ княжествѣ появилось много образованныхъ людей, а въ имперіи завелись Толстой, Достоевскій, Тургеневъ, эти истинные обрусители не только нашихъ инородцевъ, но и всѣхъ иностранцевъ.

Съ 1881 по 1888 годъ мнѣ приходилось проводить почти каждое лѣто въ Либавѣ. Я зналъ ее нѣмецкимъ городкомъ и видѣлъ ее почти совершенно русскимъ, лояльнымъ городомъ. Это было еще до введенія русскаго суда. Трансформація Либавы совершилась подъ воздѣйствіемъ могущественныхъ обрусителей—желѣзной дороги изъ Роменъ, постройки сначала комерческаго, потомъ военнаго порта и наплыва русскихъ семей въ купальный сезонъ. Либавцы разбогатѣли отъ русской торговли и русскаго пришлаго населенія, а потому и обрусѣли. Окончательное обрусеніе произвелъ тогдашній губернаторъ. Одинъ нѣ-

мецъ разсказывалъ мнѣ, какъ это случилось. Я передаю эту исторію не какъ фактъ, а какъ народный разсказъ, а народные разсказы о событіяхъ для моей цѣли интереснѣе и важнѣе, чѣмъ точное воспроизведеніе событія. «Губернаторъ намъ написалъ,—разсказывалъ нѣмецъ,—что Кайзеръ хочетъ построить у насъ русскій судъ и проситъ дать ему земли. Мы обсудили и отвѣчали, что у насъ есть свой судъ, которымъ мы довольны, есть судъ въ Гробинѣ и въ Митавѣ, и что намъ не надо русскаго суда. Тогда губернаторъ настаивалъ и мы искали нужнаго мѣста для русскаго суда и нашли небольшое мѣсто. Губернатору не понравилось, онъ пріѣхалъ, позвалъ Шнейдерса, который всегда заграницей игралъ въ карты съ графомъ Лорисъ-Меликовымъ,—это такой важный, богатый человѣкъ,—позвалъ другихъ и говоритъ: „Кайзеръ хочетъ устроить русскій судъ въ Либавѣ. Если вы не дадите хорошей земли, мы возьмемъ ее и безъ вашего согласія. Но лучше, если вы предложите хорошій кусокъ земли. Кайзеръ подумаетъ, что вы сами догадались, и будетъ васъ благодарить. И васъ, Herr Schneiders, и васъ Herr Schmidt, и васъ, Herr Puchert“. Мы подумали и сказали: „Сдѣлаемъ удовольствіе нашему Кайзеру. Онъ посылаетъ такого любезнаго господина камергера, который такъ хорошо говоритъ; не будемъ и мы грубые люди. И вотъ мы отдали хорошую землю для суда и назначили денегъ. Кайзеръ былъ очень доволенъ и благодарилъ насъ“.

Конечно, можно бы было добиться того же результата, разогнавъ магистратъ, припугнувъ представителей города, заявивъ, что они обязаны и пр., но нужно ли все это для поддержанія величія русскаго имени? По моему, губернаторъ въ разсказѣ нѣмца поступилъ именно такъ, какъ долженъ былъ поступить представитель Государя, власть котораго безпредѣльна.

Теперь, когда русскій судъ вошелъ въ нравы, когда населеніе убѣдилось въ его преимуществахъ передъ прежнимъ келейнымъ и домашнимъ, который миловалъ нѣмца и наказывалъ латыша, оправдывалъ богатаго и обвинялъ бѣднаго, который былъ, однимъ словомъ, судомъ политическимъ, теперь при устройствѣ каждаго новаго суда, не придется прибѣгать къ такой невинной хитрости, а тогда населеніе вправѣ было сомнѣваться, что изъ всего этого выйдетъ.

Въ Западномъ краѣ оправданіемъ грозной политики было возстаніе, которое, не могутъ еще забыть. Я живалъ въ Западномъ краѣ, но не видалъ бунтовщиковъ. Я видѣлъ тревожные взгляды побитой собаки, которая лижетъ ногу хозяина и злобно ворчитъ за глазами. На всѣхъ окраинахъ одинъ и тотъ же плачъ: «*нѣтъ людей*». Но ихъ мало и въ центрѣ.

Быстрое обрусеніе требуетъ такого напряженія умственныхъ силъ, какое поневолѣ отзывается на благосостояніи великороссовъ. Если вы двинете всѣхъ лучшихъ людей на окраины, что же у васъ останется въ центрѣ? Чѣмъ виновата Москва и Тула, что онѣ не на окраинахъ? А съ плохими не культурными силами поспѣшное обрусеніе представляется мнѣ мѣрой обоюдоострой. Появятся и... усердные паче разума, работу которыхъ потомъ придется уничтожать съ большими потерями энергіи и денегъ, чѣмъ сколько стоила ихъ работа.

Я не знаю, интересовалъ ли кого-нибудь вопросъ о составѣ господствующаго и правящаго класса въ Россіи. Вопросъ этотъ очень интересный и слѣдовало бы приложить нѣкоторое усиліе для его выясненія.

Мы, великороссы, составляемъ 65 проц. всего населенія, слѣдовательно, по крайней мѣрѣ 65 проц. должно бы быть русскихъ чиновниковъ и офицеровъ. Если вы возьмете «Адресъ-Календарь“, издаваемый департаментомъ герольдіи, и просмотрите списокъ фамилій, вы на букву А найдете 69 проц. русскихъ, а на букву Э только 9 проц. Въ общемъ русскихъ именъ, вѣроятно, не болѣе 45 проц. Разумѣется, имя ничего не доказываетъ статистически, но оно доказываетъ весьма многое исторически. Изъ исчисленія этихъ именъ вы увидите, что современную Россію выработали *далеко не одни русскіе*, но и нѣмцы, и поляки, и кавказцы, что они сослужили намъ службу и еще сослужатъ многія службы. А съ другой стороны, что коренному населенію надо предоставить гораздо болѣе свободы учиться, чѣмъ сколько ея было предоставлено до сего времени.

Я слышалъ, что теперь присоединяется къ дворянству Россійской имперіи чуть ли не 5,000 семей мингрельцевъ. Ранѣе того, въ первой половинѣ этого вѣка въ его составъ было включено польское казачество—шляхта, которая передъ русскимъ закономъ стала на одну доску съ Понятовскими, Потоцкими, Радзивилами, Четвертинскими и другими магнатами, которые въ свое время драли арапниками черезъ своихъ псарей предковъ безчисленнаго западнаго дворянства. Въ одномъ уѣздѣ Могилевской губерніи, который я знаю, изъ всѣхъ польскихъ помѣщиковъ нѣтъ ни одного, который бы принадлежалъ къ старому польскому дворянству. Всѣ они—внуки экономовъ, управляющихъ, которые облагорожены москалями. Можетъ быть, современемъ то же будетъ и съ киргизскими султанами, и съ калмыцкими нойонами, и зайсангами, и бухарскими беками. Мы не имѣемъ, разумѣется, права бороться противъ такого массоваго измѣненія племенного состава россійскаго господствующаго класса, но какъ координировать съ этими явленіями запрещеніе великорусскимъ кухаркинымъ дѣтямъ учиться въ гимназіяхъ и иногда попадать въ русскіе чиновники? И затѣмъ, какъ согласовать такія мѣропріятія съ необходимостью руссификаціи и съ пониженіемъ процента Дворянскаго банка. Можно будетъ, отъ скуки, продѣлать ту же операцію съ именами неисправныхъ должниковъ Дворянскаго банка, какую я пробовалъ дѣлать съ именами адресъ-календаря департамента герольдіи, вѣроятно и тутъ получатся интересныя данныя.

Но, позвольте, скажутъ мнѣ, вѣдь не одни же великороссы участвуютъ въ созданіи имперскихъ доходовъ, а потому будетъ ли справедливымъ всѣ блага изливать на однихъ великороссовъ? Я предвидѣлъ этотъ вопросъ и изъ него выведу другой вопросъ: если такъ, то правда ли, что мы создали благосостояніе финляндцевъ, поляковъ, армянъ и т. д. на одни великороссійскія, а не на имперскія средства?

Въ астраханской губерніи русскихъ половина населенія, а она даетъ 3 милліона въ годъ. Бессарабія даетъ 7 милліоновъ, при незначительномъ великорусскомъ населеніи. Виленская губернія, при 25 процентахъ русскаго населенія, даетъ 4 милліона; Витебская, при 5 проц., даетъ 5 милліоновъ; губерніи Привислянскаго края, при 5 проц. русскаго населенія, даютъ 52 милліона налоговъ.

Я привелъ эти данныя, конечно, не для того, чтобы укорять своихъ родичей великороссовъ, а для того, чтобы показать, до какой степени сложенъ вопросъ о національностяхъ и какъ осторожно слѣдуетъ къ нему прикасаться.

Не знаю, убѣдительно ли все то, что я вамъ пишу. Всѣ эти соображенія могли бы послужить матеріаломъ для испытанія удѣльнаго вѣса понятія обрусенія. Но я не буду дѣлать этого испытанія. Пусть его сдѣлаютъ сами благосклонные читатели.

Все, что я сказалъ выше, вытекаетъ изъ одного общаго понятія,—понятія о русскомъ, какъ о культурномъ человѣкѣ, увѣренномъ въ своихъ силахъ и спокойно идущемъ по разъ намѣченному пути. Повѣрьте, остальное придастся,— и богатство, и обрусеніе, и уваженіе сосѣдей, и національная политика.

Основа всего—христіанское просвѣщеніе, уваженіе человѣческой личности, *единство мѣры*, какъ для себя, такъ и для другихъ. Я ни толстовецъ, ни западникъ, ни славянофилъ, я просто вольный русскій человѣкъ, но я никому не позволяю наступать мнѣ на ногу и умышленно не наступаю другимъ. Я люблю единство въ разнообразіи, гармонію человѣческихъ мыслей и поступковъ. Я не боюсь чужого ума, потому что у меня есть свой. И, наконецъ, я очень люблю свою страну и свой народъ и вѣрю въ его великую будущность. Поэтому я не нервничаю и не высчитываю чужихъ винъ. У всѣхъ есть свои историческіе грѣхи и свои историческія доблести. Но жить не задыхаясь можно только тогда, когда стараешься понимать каждаго человѣка и когда чувствуешь, что цѣль развитія человѣческихъ обществъ есть братство свободныхъ народовъ, а не подчиненіе всѣхъ одному избранному, кто бы ни былъ этотъ избранный, еврей, англичанинъ или русскій.

Адалія (Киликія).

Армяне въ Россіи.

Посмертная статья Г. К. Кананова.

I.

Сношенія армянъ съ Россіею начались гораздо ранѣе утвержденія русскаго вліянія и господства надъ кавказскими землями. Со второй половины 17-го столѣтія являются уже они въ роли коммерческихъ посредниковъ между Московскимъ государствомъ и могущественною въ то время Персіею. Закавказье было еще недосягаемою для насъ страною, Грузія изнывала подъ пятою персидскихъ шаховъ, безплодно моля царя Алексѣя Михайловича о помощи, но предпріимчивые армянскіе торговцы устанавливали уже желанныя для русскаго правительства торговыя связи между обоими государствами. «Въ 1660 г. пріѣхалъ въ Москву купчина Армянинъ Захаръ Сарадовъ и привезъ царю въ подарокъ богатый престолъ, украшенный алмазами, яхонтами, жемчугомъ, восточною бирюзою и турецкою финифтью [1])».

Особенно интереснымъ оказался иноземный гость для посольскаго Приказа; здѣсь закидывали его разспросами, «можно ли ему въ своей землѣ промыслить каменья дорогаго, узорочныхъ товаровъ, птицъ индѣйскихъ и мастеровыхъ людей, золотописцевъ, золотаго и серебрянаго дѣлъ мастеровъ и алмазниковъ рѣзцовъ?» На все это Армянинъ отвѣчалъ: «отецъ его и онъ готовы все промыслить для великаго государя, потому что приказчики ихъ ѣздятъ во всѣ государства. Они съ отцомъ великому *христіанскому* государю во всемъ работать и служить ради, а *не для своей прибыли*».

Основная черта армянскаго воззрѣнія на Россію ярко обозначалась уже въ эти первые моменты знакомства съ нею: «шахъ насъ жалуетъ», откровенно

[1]) Исторія Россіи Соловьева т. XII, стр. 273.

сознается армянскій купчина, «торгуемъ мы безпошлинно; только шахъ вѣры бусурманской, а мы христіанской вѣры, и для того великому государю служить и работать ради [1])».

Начинающіяся съ этого времени попытки армянъ завязать торговыя сношенія Россіи съ Востокомъ вполнѣ отвѣчаютъ цѣлямъ правительства и интересамъ государства. Достойно вниманія, что армянскія предложенія принимаются охотнѣе, чѣмъ ходатайства англичанъ и другихъ западныхъ народовъ, искавшихъ еще при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ свободной торговли по Волгѣ съ Персіею.

Московскому правительству улыбалась мысль притянуть въ Россію богатые персидскіе продукты, создать черезъ нее транзитное движеніе въ Западную Европу и парализовать общеніе Персіи съ западными государствами черезъ турецкія владѣнія. Въ этихъ видахъ состоялся въ 1667 г. при Ордынъ-Нащокинѣ договоръ съ Армянскою Компаніею, во главѣ которой стоятъ Армяне Григорій Лусиковъ и Степанъ Мойсеевъ Ромодамскій. Изложенные въ челобитной Лусикова доводы удостоились полнаго одобренія царскихъ совѣтниковъ.

Въ какой мѣрѣ признавалось это начинаніе желательнымъ и важнымъ въ государственномъ интересѣ, можно заключить изъ того, что черезъ тѣхъ же самыхъ предпринимателей послано отъ Московскаго правительства дружественное сообщеніе шаху Аббасу съ пожеланіемъ, чтобы тѣ «сосѣдственные пріѣзды и торги во вѣки нескончаемо годъ отъ году множились, и никогда-бъ никакія помѣшки и умаленія и обиды никому ни въ чемъ не было [2])».

Событія времени не благопріятствовали однако мирнымъ начинаніямъ. Водное и сухопутное сообщеніе было почти недоступно для правильнаго торговаго движенія; кораблестроеніе находилось въ зачаткѣ; на устьяхъ Волги и по Хвалынскому морю безнаказанно распоряжались разбойничьи шайки, а ко всему этому не стало и шаха Аббаса. Съ неимовѣрнымъ трудомъ кое какъ сколоченные корабли сдѣлались добычею разбойничьяго атамана Разина. Путь въ Москву для армянскихъ торговцевъ оказался закрытымъ; картина хаотическаго состоянія въ эту эпоху кавказскихъ земель лучше всего рисуется отзывами русской власти: «во всѣхъ городахъ шаховой области отъ начальныхъ хановъ чинится купецкимъ людямъ великая обида и тѣснота и неволя».

Такимъ образомъ первый починъ долженъ былъ кончиться полною неудачею; но онъ не обезкуражилъ армянъ.

Не дальше какъ черезъ шесть лѣтъ въ 1673 г. тотъ же Лусиковъ снова появляется въ Москвѣ. Онъ завязываетъ долгую бесѣду съ Артамономъ Сергѣевичемъ Морозовымъ, энергически ведетъ съ нимъ переговоры. Въ новомъ договорѣ дѣлаются измѣненія и дополненія по поводу «козацкаго воровства», интересы отважныхъ предпринимателей принимаются въ уваженіе и устанавливаются способы къ огражденію ихъ безопасности [3]).

Плодотворное для страны торговое посредничество армянъ съ этого времени твердо устанавливается и, не прерываясь, развивается сильнѣе съ каждымъ царствованіемъ. Тѣ же самыя неблагопріятныя обстоятельства продолжаютъ тормо-

[1]) Исторія Россіи Соловьева т. XII, стр. 273.

[2]) См. Полное Собраніе Законовъ изданія 1830 г. т. I, за 1667 г. мая 31.

[3]) Полное Собраніе Законовъ изд. 1830 г. за 1673-й годъ, февр. 7.

зить это торговое движеніе и навлекаютъ даже на смѣлыхъ піонеровъ нѣкоторый упрекъ, что они доставляютъ въ Россію не весь добываемый въ персидскихъ земляхъ шелкъ. Но дѣло въ томъ, что опасности и непреодолимыя затрудненія указаннаго пути невольно влекутъ ихъ отъ времени до времени на протоременную дорогу. Тѣмъ не менѣе услуги, ими оказываемыя, ясно сознаются и оцѣниваются правительствомъ. Разительнѣе всего вытекаетъ этотъ фактъ изъ боярскихъ сужденій при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ.

Эпоха правленія царевны Софьи выдвинула на главный планъ международные вопросы иного характера. Персія и торговыя связи съ нею отошли въ сторону. Политическій интересъ сдѣлался преобладающимъ. Взоры самой Правительницы и ея главнаго совѣтника—«Оберегателя» кн. Василія Васильевича Голицына—прикованы къ событіямъ другой великой мусульманской державы, Турціи. Она являлась иногда грозою для христіанской Европы не только сама по себѣ, но и по тѣмъ политическимъ комбинаціямъ, какія возникли на континентѣ. Король-Солнце, властвовавшій подъ окрѣпшею и увѣнчанною славою Франціею былъ двигателемъ европейскихъ событій: въ его рукахъ находились нити всей международной политики. Расшатанной Габсбургской Имперіи приходилось тревожно озираться на два фронта. Съ одной стороны ей предстояло обезопасить себя отъ неугомонныхъ замысловъ честолюбиваго короля, съ другой—воздвигать преграды мусульманскому напору.

Это былъ, намъ кажется, тотъ печальный моментъ европейской исторіи, когда началъ спутываться и закрѣпляться узелъ будущаго роковаго восточнаго вопроса. Съ этихъ поръ мусульманская держава стала втягиваться въ тайны европейской политики, съ этихъ поръ она уразумилась, что, сверхъ оружія, можетъ опирать свой успѣхъ и торжество на ухищреніяхъ дипломатіи, столь важной въ понятіяхъ христіанскихъ государствъ.

Наступилъ вѣкъ Петровскій, вѣкъ кипучей дѣятельности геніальнаго царя. Орлинымъ взглядомъ окинулъ онъ окрестныя моря, переводя взоры отъ Бѣлаго на Каспій, отъ Чернаго на Балтику. Нося въ душѣ завѣтную мысль о морѣ, ведущемъ на Западъ, куда стремились всѣ его помыслы, но гдѣ надо было помѣряться силами съ могучимъ противникомъ, онъ усматривалъ на югѣ скорѣйшее достиженіе своихъ стремленій, скорѣйшій выходъ къ морю. Оба южныя моря были для него одинаково привлекательны.

Къ утвержденію на Каспійскомъ морѣ дѣлали усилія его предшественники; здѣсь создалась уже нѣкоторая традиція; здѣсь борьба казалась не такъ трудною. Но Черное море манило своимъ широкимъ горизонтомъ; на это наводилъ царя лучшій его совѣтчикъ Лефортъ; сюда призывали и единоплеменники, тѣснимые одновременно и турецкимъ гнетомъ, и католическими захватами. Мысль о борьбѣ противъ враговъ креста была у великаго царя не послѣднею, не смотря на всю необъятность и необычайность его предначертаній къ обновленію своего государства, къ подъему его внутреннихъ силъ, ко внесенію туда началъ цивилизаціи и умственнаго прогресса.

Предпринимая свою знаменитую европейскую поѣздку къ источникамъ свѣта и знанія, царь объявлялъ во всеуслышаніе, что кромѣ культурныхъ цѣлей его влечетъ «ослабленіе враговъ креста Господня, Салтана Турскаго, Хана Крым-

скаго и всѣхъ бусурманскихъ ордъ [1]). Ему хотѣлось установить личныя отношенія дружбы и союза съ иноземными государями.

Но фортуна во образѣ дипломатіи бодрствовала надъ «бусурманской» Страною и явилась на ея спасеніе. Нѣкоторымъ государствамъ казалось въ это время выгоднымъ сломить мощь христіаннѣйшаго Государя, нежели Султана. Готовился странный европейскій бой. Англіи и Голландіи было не до того, чтобы внимать доводамъ русскаго царя. Имъ нужно, на оборотъ, оттянуть и Австрію отъ побѣдоносной войны съ Турціею, а Россію толкать къ единоборству съ нею. Планъ общаго союза противъ Оттоманской Имперіи распадается. Карловичскій договоръ 1698 года приноситъ ей полное спасеніе. Но уже тогда, по поводу сепаратныхъ переговоровъ Россіи съ Портою, прозорливый царскій посланникъ мѣтко рисуетъ пріемы турецкой дипломатіи: «Поступаютъ турки», доноситъ Украинцевъ, «въ договорахъ весьма лукаво, съ великимъ вымысломъ и продолженіемъ».

Какъ ни поглощенъ царь своею отважною борьбою противъ сильнаго сѣвернаго сосѣда, борьбою на жизнь и смерть, но плодотворнымъ внутреннимъ дѣламъ онъ находитъ нужнымъ удѣлять довольно времени. Царскій манифестъ 1702 года знаменуетъ важный моментъ въ исторіи внутренней жизни русскаго государства. Царь объявляетъ въ немъ всенародно, что онъ проникнутъ попеченьемъ «о всеобщемъ благѣ, о лучшемъ и благополучнѣйшемъ состояніи своей страны и народа», а для преуспѣянія ихъ необходимы: добрый порядокъ и дисциплина, распространеніе торговли и всякихъ познаній, умноженіе свѣдущихъ людей и полезныхъ художниковъ, привлеченіе тѣхъ иноземцевъ, которые могутъ способствовать такому улучшенію. Мудрость царя усматривать пользу въ томъ, чтобы открыть иностранцамъ доступъ въ государство и доставить имъ безопасность, даровать имъ свободное отправленіе вѣры, учредить для нихъ свой судъ по Римскому гражданскому праву и другимъ народнымъ обычаямъ.

Но вотъ именно при этомъ заботливомъ хозяинѣ обширной страны, при этомъ грозномъ гонителѣ неправды, при этомъ неустанномъ царственномъ работникѣ и прозорливомъ цѣнителѣ полезныхъ людей совершается наибольшее сближеніе Армянъ съ Россіею. 2-го марта 1711 года воспослѣдовалъ Сенатскій указъ, въ которомъ предписывалось: «Армянъ какъ возможно приласкать и облегчить въ чемъ пристойно, дабы тѣмъ подать охоту для большаго ихъ пріѣзда [2]). «По другому Сенатскому указу отъ 2 мая того же года за Армянскою Торговою Компаніею утверждены всѣ привиллегіи, дарованныя имъ до Петра.

Свѣтлая мысль царя витаетъ главнымъ образомъ въ сферѣ вопросовъ о благоустроеніи государства, о благоденствіи народа, о водвореніи живительныхъ началъ культуры и цивилизаціи. Въ этомъ именно и заключается величіе Петра, въ этомъ плодотворность его обширныхъ дѣяній!

Въ своихъ международныхъ отношеніяхъ къ обѣимъ мусульманскимъ державамъ, къ Персіи и Турціи, онъ проявляетъ ту же вѣрность взгляда, которая остается отличительнымъ свойствомъ великаго государя. И тутъ ему нужны не

[1]) Исторія Россіи Соловьева т. XIV, 223.

[2]) Полное Собраніе Законовъ, изд. 1830 г. т. IV, 662.

территоріальныя завоеванія: его интересуетъ обезпеченіе торговыхъ выгодъ, прочное утвержденіе на моряхъ, торжество мирныхъ побѣдъ. Столь же сочувственна ему мысль *огражденія христіанскаго населенія* въ персидскихъ и турецкихъ земляхъ, выдѣленіе христіанскаго элемента въ особыя группы, независимыя отъ фанатическихъ притѣснителей.

Характерною является съ этой точки зрѣнія дипломатическая миссія перваго русскаго посла при султанскомъ дворѣ, высокодаровитаго Петра Андреевича Толстаго. Его можно отнести къ плеядѣ птенцовъ Петровыхъ, хотя встрѣчаемся съ нимъ и раньше. Самъ Петръ съ обычною мѣткостью и откровенностью высказалъ ему однажды въ глаза: «Эхъ голова, голова! не быть бы тебѣ на плечахъ, если-бъ не была такъ умна!» Отправляясь на трудный и опасный постъ посла при дворѣ Султана Мустафы II, онъ снабженъ подробными инструкціями. Между ними видное мѣсто занимаетъ: «особенно навѣдаться о торговлѣ Персидкой». Съ его появленіемъ въ Константинополѣ христіане пріобрѣтаютъ мощную опору и зоркаго ходатая. Мусульманское правительство встревожено. «Турки начинаютъ имѣть великую осторожность», доноситъ царю Толстой.

У царственнаго хозяина русской земли, послѣ счастливаго исхода трудныхъ войнъ и послѣ того какъ онъ сталъ твердою стопою на финскомъ берегу, роились въ головѣ другія мысли, болѣе плодотворныя чѣмъ кровопролитныя, болѣе возвышенныя, чѣмъ захваты оружіемъ. Онъ помышляетъ открыть для западной и восточной торговли свои обширныя владѣнія, пробить для нихъ новые пути, соединить Каспійское море съ Балтійскимъ, Астрахань съ своимъ «парадизомъ». Этотъ «парадизъ» долженъ отнынѣ сдѣлаться центромъ торговыхъ сношеній съ Западомъ. Сюда направляетъ царь и Бѣломорскую торговлю, не смотря на всѣ противодѣйствія голландцевъ, уже освоившихся съ Архангельскомъ и устроившихся тамъ. Архангельскій экспортъ долженъ быть ограниченъ только отпускомъ пеньки. Заграничная торговля съ Франціею и далекою Испаніею сдѣлалась предметомъ заботливости царя.

Но пламенѣя сердцемъ о сближеніи съ Западомъ, онъ не меньше дорожитъ Востокомъ и дружественными связями съ его странами и народами, завязываетъ сношенія съ Китаемъ, вступая въ непосредственныя сношенія съ богдыханомъ Кганъ-хи, стремится пробить торговые пути въ средне-азіатскія земли, въ Персію, въ Кавказскія страны, къ Индостану.

Въ это же самое время въ 1719 году Коммерцъ-Коллегія обнародовала именной Царскій Указъ относительно торговли персидскими продуктами черезъ Армянскую Компанію.

Дорожа пріѣздомъ армянскихъ торговцевъ въ Россію, признавая всю пользу, приносимую странѣ этими мирными и дѣятельными распространителями торговли и труда, Петръ предоставляетъ имъ права пріѣзда, переселенія и торговли наравнѣ со всѣми тѣми иноземцами [1]), къ которымъ онъ благоволилъ.

Кавказскія земли находились въ это время, какъ замѣчено выше, въ безвыходно хаотическомъ состояніи. Номинальная ихъ зависимость отъ шаха фактически почти не существовала и вполнѣ господствовалъ во всѣхъ частяхъ произволъ мѣстныхъ деспотическихъ хановъ. Нѣкоторыя же мѣстности тяготѣли

1) Полное Собраніе Законовъ. Изданіе 1830 г. т. V, 714.

больше къ Турціи, нежели къ Персіи. Сильнымъ очагомъ мусульманскаго фанатизма являлась Кубанская орда. Сюда стекались нерѣдко лихіе калмыцкіе наѣздники изъ своихъ привольныхъ становищъ по степнымъ пространствамъ Волги, Яика, и Дона; здѣсь находили свой разбойничій притонъ бѣглые казаки; отсюда поддерживалась тѣсная связь магометанъ Кубанскихъ съ Крымскими. Разобраться однако въ этой officina gentium было чрезвычайно трудно. Кабарда тянула, повидимому, къ Россіи, среди Кумыковъ господствовало вліяніе турокъ, южныя области находились въ безотвѣтномъ рабствѣ у подвластныхъ шаху хановъ, Грузія была безсильна и беззащитна.

Задушевное стремленіе Петра создать на прибрежьи Каспія прочные пункты торговли долго не находило осуществленія. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока неудалось Императору свалить съ плечъ тяжелую борьбу на Западѣ. Тогда взоры его устремились на югъ, и онъ умѣлъ найти для этой арены новаго талантливаго исполнителя своихъ предначертаній. Таковымъ оказался Артемій Петровичъ Волынскій, отправленный въ 1715 г. посломъ къ шаху Гуссейну, а черезъ четыре года назначенный на важный въ то время постъ Астраханскаго губернатора. Представляетъ особенно большой, для нашей задачи, интересъ инструкція Волынскому при отправленіи его въ Персію, собственноручно исправленная Петромъ. Предписывалось ему отправиться моремъ, а вернуться сухимъ путемъ и близко ознакомиться какъ съ самою Персіею, такъ съ ея владѣніями на Кавказѣ. Указывалось «провѣдать всѣ пристани, города и прочія поселенія, и какія гдѣ въ море Каспійское рѣки большія впадаютъ, и до которыхъ мѣстъ по онымъ рѣкамъ мочно ѣхать отъ моря и нѣтъ ли какой рѣки изъ Индіи, которая бы впала въ сіе море. Особливо провѣдать Гилянь, склонять Шаха, чтобы повелѣно было Армянамъ весь свой торгъ шелкомъ сырцомъ обратить проѣздомъ въ Россійское государство болѣе удобнымъ воднымъ путемъ до самаго Петербурга, вмѣсто того, чтобы возить въ турецкія земли на верблюдахъ. Развѣдывать объ Армянскомъ народѣ, много ли его и въ которыхъ мѣстахъ живетъ, и есть ли изъ нихъ какіе знатные люди изъ шляхетства или изъ купцовъ и каковы они къ сторонѣ царскаго величества, обходиться съ ними ласково и склонять къ пріязни».

Миссія, возложенная на Волынскаго, выполнена имъ съ большимъ искусствомъ.

«Мнѣ мнится, что здѣшніе народы привлечь политикою къ сторонѣ Вашей невозможно, ежели въ рукахъ оружія не будетъ». Таково мнѣніе Волынскаго.

Предостереженіе его скоро оправдалось. Случился неожиданный погромъ, погубившій въ самомъ зародышѣ мирное начинаніе Россіи въ Закавказьѣ. Успѣшно развившійся торговый пунктъ Шемаха въ августѣ 1722 г. подвергся горькой участи. Свирѣпые лезгины и Казыкумыки разорили ее, причинивъ огромный уронъ русскимъ купцамъ. Это событіе подкрѣпило доводы Волынскаго, и затронуло самую чувствительную струну великаго устроителя страны.

Обстоятельства времени слагались также въ пользу рѣшительныхъ дѣйствій. Великая Сѣверная война была окончена. Внутреннее разстройство Персіи достигло крайнихъ предѣловъ. Безсиліе шаха Гуссейна ободрило афганцевъ. Повелитель ихъ Махмудъ съ большою военною силою подступилъ къ Испагани и успѣлъ наконецъ овладѣть столицею, когда Джульфинскіе армяне примкнули къ нему. Но

еще опаснѣе былъ другой, болѣе грозный, противникъ. Алчная до захватовъ Турція видѣла удобный моментъ завладѣть персидскими областями, а также утвердиться на Кавказѣ. Особенно опаснымъ являлось для Россіи возможное утвержденіе турокъ на Каспійскомъ морѣ. Эта мысль сильно озабочиваетъ Петра и онъ пишетъ русскому консулу въ Персіи Аврамову: „турки не оставятъ всею Персіею завладѣть, что намъ противно и не желаемъ не только имъ, но себѣ оною владѣть“. Вся совокупность этихъ событій и соображеній приводитъ къ тому, что персидскій походъ рѣшенъ.

Во главѣ труднаго предпріятія становится самъ неутомимый Императоръ. Всѣ мельчайшія подробности движенія предусмотрѣны, обдуманы. Лѣтомъ 1722 года Петръ выступаетъ изъ Астрахани на судахъ, отправивъ конное войско сухимъ путемъ по берегу и благополучно достигаетъ Аграхонскаго залива. Обаяніе имени и личности царя обезпечиваетъ успѣхъ дѣла на первыхъ же шагахъ. Правители Тарковскій и Аксайскій спѣшатъ изъявленіемъ покорности. Дерзнувшіе противиться подавлены оружіемъ. Царь вступаетъ въ Дербентъ и посылаетъ отсюда въ Сенатъ сообщеніе о пройденномъ пути и перенесенныхъ трудностяхъ. Отзывъ Сената, что царь находится «на стези Александра Великаго», мало поджигаетъ славолюбіе царя-работника. Не славы и не завоеваній онъ ищетъ; онъ дальновиднѣе своихъ министровъ и царедворцевъ; его манятъ только цѣли мирнаго преуспѣянія; увлекаетъ только то, что клонится ко благу государственнаго устройства и его народа. Двигаться дальше Дербента не входило въ его планы и онъ рѣшаетъ вернуться назадъ, удовольствовавшись закладкою города св. Креста между рѣками Агрохонью и Сулакомъ, который долженъ сдѣлаться торговою стоянкою. Онъ поручаетъ, правда, незначительные отряды въ распоряженіи двухъ военачальниковъ для дальнѣйшей развѣдки каспійскихъ береговъ, но это слѣдуетъ считать не столько военнымъ предупрежденіемъ, сколько вооруженною экспедиціею для изученія края. Данныя имъ инструкціи уясняютъ мысль Петра; ему желательно «провѣдать о Гиляни, Мазандеронѣ, Астрабадѣ, провѣдать про сахаръ и другіе продукты этихъ странъ».

Но бѣдствія, разразившіяся надъ Персіею, все усиливаются и угрожаютъ конечною погибелью могуществу Шахин-Шаховъ. Престолъ находится въ рукахъ неопытнаго Тохмасна. Афганцы продолжаютъ безнаказанно распоряжаться страною. Султанъ турецкій предъявляетъ права наслѣдства на персидскую монархію. Тавризъ становится добычею хищныхъ курдовъ, а жалкій преемникъ повелителей Ирана Тохмаснъ безпомощно озирается кругомъ, ища спасенія. Среди этихъ потрясеній двумъ русскимъ отрядамъ легко утвердиться—одному въ Баку, другому—въ Рештѣ. Но безначаліе въ персидскомъ государствѣ такъ велико, что не съ кѣмъ вести переговоровъ. Поэтому они сосредоточиваются въ Петербургѣ въ рукахъ персидскаго посла Измаилъ-бека.

Въ эту-то эпоху персидскихъ замѣшательствъ особенно рельефно обрисовывается взглядъ Петра на армянскую народность. Изъ приведенныхъ выше свидѣтельствъ можно уже видѣть, что съ первыхъ же лѣтъ своей царственной дѣятельности онъ съ особенною благосклонностью смотритъ на армянъ и даетъ предпочтительное передъ другими восточными выходцами мѣсто въ своей странѣ. Со свойственною ему вѣрностью взгляда онъ видѣлъ, что армяне на югѣ его

имперіи могутъ явиться лучшими проводниками мирной политики, лучшими насадителями гражданственности, торговли и плодотворнаго труда. Этимъ путемъ, при содѣйствіи трудолюбиваго христіанскаго населенія, вѣрнѣе и тверже водворятся тамъ и русское вліяніе и русское господство. Связь армянской народности съ могучею христіанскою державою становится съ этого времени очень тѣсною. Представители армянъ еще ранѣе этого успѣли заинтересовать своимъ положеніемъ западную Европу и въ особенности Императора священной Римской Имперіи. Одинъ изъ такихъ представителей, знатнаго происхожденія, послѣ долголѣтняго пребыванія при дворахъ западныхъ государей, появляется въ самомъ началѣ вѣка и въ Россію, чтобы подвинуть царя на избавленіе армянъ отъ Персидской зависимости. Это былъ Исраиль Орія, въ сопровожденіи нѣсколькихъ своихъ единомышленниковъ. Заручившись согласіемъ Римскаго Императора и курфюрста Баварскаго, онъ искалъ теперь помощи русскаго царя. Представившись предварительно министру Головину, онъ изложилъ ему планъ дѣйствія для низложенія мусульманскаго владычества. «Въ армянской странѣ, говорилъ онъ, 17 провинцій, съ которыхъ соберется 16.000 войска, да грузинскаго войска соберется съ 30.000 человѣкъ. Турецкіе армяне тоже придутъ на помощь, а шахъ Персидскій не можетъ собрать болѣе 38.000. Теперь самое удобное время воевать Персію» [1]). Орія обращается за тѣмъ съ письмомъ къ самому царю и упоминаетъ въ немъ о *пророчествѣ*, что „въ послѣднія времена невѣрные разсвирѣпѣютъ и будутъ принуждать христіанъ къ принятію своего пресквернаго закона; тогда придетъ изъ августѣйшаго Московскаго дома тотъ великій государь, который избавитъ армянъ отъ руки невѣрныхъ".

Къ предложенію армянскаго представителя великій царь отнесся съ полнымъ сочувствіемъ; но тогда шведская война поглощала все его вниманіе и царь высказался принципіально, что по окончаніи войны будетъ имъ *непремѣнно* предпринято освобожденіе армянъ [2]). Сношенія Оріи съ русскимъ правительствомъ не прерываются; по совѣту царя онъ отправляется тѣмъ временемъ хлопотать у государей Западной Европы. Отъ цесаря и курфюрста Баварскаго онъ получаетъ уже не только согласіе, но и поощрительныя граматы къ армянскимъ старшинамъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ снова въ Россіи. Царь жалуетъ его чиномъ полковника русской службы, командируетъ въ Персію для подготовительныхъ цѣлей. Миссія Оріи увѣнчалась, повидимому полнымъ успѣхомъ, планъ дѣйствія не далекъ отъ своего осуществленія, вліяніемъ его армянскій патріархъ и другія почетныя лица собираются уже въ Москву, но неожиданно постигшая въ Астрахани, на пути изъ Персіи, смерть главнаго руководителя дѣла пріостановила освободительное движеніе армянъ.

Но оно не замерло. Характеръ народнаго движенія однако видоизмѣнился и получилъ другой колоритъ. Во главѣ дѣла появились лица духовнаго званія. Главнымъ дѣятелемъ выступаетъ архимандритъ Минасъ Вартапетъ. Онъ продолжаетъ хлопотать о покровительствѣ Россіи и указываетъ на необходимость возвести на берегу Каспійскаго моря на томъ мѣстѣ, гдѣ была пристань Низовада,

[1]) Исторія Россіи Соловьева т. XVIII, 54.

[2]) Ibidem.

большой монастырь, могущій по своему устройству получить значеніе крѣпости. Одновременно онъ проситъ разрѣшенія соорудить армянскую церковь въ Петербургѣ, дабы прикрыть политическую цѣль предпріятія религіозными интересами.

По приказанію царя Шафировъ даетъ Волынскому въ 1716 г. новую инструкцію: „такъ какъ поручено Вартапету отправиться въ Персію для отысканія пожитковъ умершаго Оріи, то оказывайте ему нужную помощь, не возбуждая подозрѣній". Вартапетъ обращается къ проживавшему въ монастырѣ Канзасарѣ патріарху Исайѣ, который посвященъ въ тайны этихъ переговоровъ, горячо содѣйствуетъ освободительной идеѣ и возводитъ Вартапета въ санъ архіепископа. Патріаршее посланіе къ царю, доставленное черезъ новаго архіепископа, заключаетъ въ себѣ извѣщеніе, что онъ съ своими вѣрными людьми немедленно приступитъ къ дѣйствію, какъ скоро будетъ предварительно увѣдомленъ о началѣ движенія.

Въ концѣ 1722 года Тифлисскій епископъ извѣщаетъ русскій дворъ, что 100.000-ное армянское войско готово примкнуть къ русскимъ войскамъ при ихъ движеніи на Шемаху. Патріархъ Нерсесъ обращается съ граматою непосредственно къ императору, прося его о помощи и заступничествѣ.

Помѣхою къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ со стороны Петра, при всемъ его сочувствіи армянскому движенію, является новая угрожающая политика Оттоманской Порты. Она явственно стремится къ захвату какъ персидскихъ земель, такъ и Кавказа. Необходимо энергическое противодѣйствіе турецкимъ замысламъ. Удерживаясь отъ военныхъ дѣйствій, Петръ проявляетъ полную заботу о поддержаніи армянъ, объ охраненіи ихъ судьбы и о привлеченіи ихъ въ предѣлы государства, а въ особенности объ умноженіи ихъ числа въ новопріобрѣтенныхъ мѣстностяхъ, по Каспійскому прибрежью. Въ 1723 г., мая 14, Петръ издаетъ слѣдующее повелѣніе: „призвать въ Сенатъ изъ армянской компаніи лучшихъ двухъ или трехъ человѣкъ и объявить имъ, чтобы они къ *размноженію коммерціи съ россійскими* купцами имѣли стараніе [1]).

Одновременно, вслѣдствіе мольбы патріарха Нерсеса о помощи, царь посылаетъ черезъ армянина Ивана Карапета милостивую царскую грамату „Честному народу армянскому, обрѣтающемуся въ Персіи", объявляя, что онъ освободитъ ихъ отъ ига невѣрныхъ, какъ скоро совершится утвержденіе Россіи по прибрежнымъ мѣстностямъ Каспійскаго моря". Если же гнетъ невыносимъ, участливо высказываетъ царь, то пусть важнѣйшія лица изъ армянъ переселятся въ города, занятые русскими войсками, а народъ терпѣливо ждетъ въ своихъ жилищахъ, пока русское войско приготовится къ его освобожденію".

Центромъ, вокругъ котораго группировались всѣ элементы освободительнаго движенія армянъ, былъ патріархъ Исаія въ Канзасарѣ. Здѣсь оберегало его около 12,000 армянскаго войска. Грамата русскаго царя пробудила среди армянъ всеобщій восторгъ. Но неопредѣленность положенія дѣлъ и усилившаяся опасность со стороны мусульманъ побуждаютъ армянъ снова обратиться къ императору съ прямымъ заявленіемъ, что не хотятъ болѣе оставаться подъ игомъ бусурманскимъ, несмотря на то, что и Турки и Персы заманиваютъ ихъ къ себѣ. Въ какой

1) Полное Собраніе Законовъ, Т. VII, стр. 64.

мѣрѣ самъ великій императоръ сочувствовалъ водворенію армянъ въ прикаспійскія области, лучше всего свидѣтельствуетъ грамата“ Патріарху и юсъ-башамъ и всему армянскому народу отъ 10 ноября того же 1724 года [1]).

„Объявляемъ черезъ сію Нашу милостивую грамату, что Мы, черезъ отправленныхъ отъ васъ попа Антонія и Кевча-Челяби, всепокорнѣйшее доношеніе получили, и отъ оныхъ пространнѣйше устно донесено о желаніи вашемъ, дабы Мы васъ съ фамиліями вашими въ высокую Нашу Императорскую протекцію приняли и для жилища и свободнаго вашего впредь пребыванія въ новополученныхъ нашихъ персидскихъ провинціяхъ, по Каспійскому морю лежащихъ, удобныя мѣста отвесть повелѣли, гдѣ бы вы спокойно пребывать и христіанскую свою вѣру безъ препятія по закону своему отправлять могли. И понеже Мы, *честный армянскій народъ, ради христіанства, въ особливой Нашей Милости содерживвая*: того ради, Мы на сіе ваше прошеніе Всемилостивѣйше соизволяемъ, и потребные указы отъ себя послали къ управителямъ Нашимъ тѣхъ новополученныхъ провинцій, дабы они васъ, какъ въ Гилянѣ, Мизандронѣ, такъ и въ Баку и въ другія удобныя мѣста, когда кто изъ васъ туда прибудетъ, не токмо приняли, но для жительства и поселенія удобныя мѣста отвели, и *впрочемъ во всякой милости и охраненіи содержали* и чтобы вы о семъ Нашемъ Всемилостивѣйшемъ соизволеніи, толь наипаче весьма обнадежены и увѣрены быть могли: того ради Мы не токмо сію Нашу Императорскую грамату къ вамъ отправили, но и посланныхъ вашихъ вышеупомянутыхъ къ вамъ народъ отпустили, которые *о Нашей къ вамъ имѣющей милости вящше изустно васъ обнадежить указъ имѣютъ*, которымъ вы въ томъ полную вѣру да имѣете, и пребываемъ къ вамъ Нашею Императорскою милостію благосклонны“.

Но человѣколюбіе великаго монарха къ угнетеннымъ армянамъ, его ясное сознаніе, что этотъ надежный народный элементъ будетъ пригоднѣе всѣхъ другихъ иноплеменниковъ на южной окраинѣ государства, выступаютъ еще ярче въ промеморіи, относящейся къ этой граматѣ [2]).

Важнѣйшія пункты промеморіи гласятъ слѣдующее: 1) „Понеже Его Величество имѣетъ трактатъ съ Портою Оттоманскою, помочь послать армянамъ и тамо ихъ защищать невозможно: того ради Его Императорское Величество требуетъ, что они Армяне по своему объявленію оставя тѣ провинціи, въ коихъ нынѣ живутъ, собравшись съ фамиліями своими во многомъ и маломъ людствѣ, какъ лучше могутъ, и имъ то учинить способнѣе будетъ, пошли въ Гилянь, Мизандронъ, Баку, Дербентъ и къ другимъ, подъ владѣніемъ Его Императорскаго Величества по Каспійскому морю лежащимъ мѣстамъ для своего поселенія; 2) Его Императорское Величество повелитъ имъ въ Гилянѣ, Мазандронѣ и во всѣхъ другихъ по Каспійское морю провинціяхъ, въ городахъ и селахъ потребныя, удобныя и довольныя мѣста отвесть, гдѣ они поселятся и спокойное свое пребываніе впредь имѣть могутъ. 3) И когда они туда пребудутъ, то не токмо будутъ содержаны въ Его Императорскаго Величества милости, и Его Величество *ихъ всегда отъ всѣхъ оборонять и защищать будетъ*, и они въ тѣхъ мѣстахъ промыслы свои имѣть, и *въ краткомъ времени въ такое состояніе придти могутъ, что они оставленныя тѣ провинціи забудутъ*, и внѣ опасности, отъ всякаго бусурманскаго нападенія, по закону своему пребываніе свое имѣть будутъ.—И обо всемъ томъ потребные указы съ ними къ Управителямъ Его Императорскаго Величества при семъ отправлены. 4) Объявить имъ, какъ они присланные къ Его Императорскому Величеству Самому допущены были и что *Его Величество Самъ изустно о своей высокой милости ихъ обнадежить изволилъ* [3]).

Изъ нея выясняется, что Петръ былъ уже связанъ трактатомъ съ Портою и не могъ отправить въ Арменію войско для защиты населенія на мѣстахъ его

1) Полное Собраніе Законовъ, Т. VII, 157.

2) См. тамъ же.

3) Промеморія армянамъ попу Антонію, Кевчѣ Челябею и попу Петру. См. Ibidem.

жительства. Этотъ трактатъ былъ послѣдствіемъ тѣхъ политическихъ замѣшательствъ, которыя возникли по поводу персидскихъ дѣлъ. Поводомъ же къ замѣшательствамъ служили условія договора съ Персіею, принятыя Измаилъ Бекомъ, въ Петербургѣ 12 сентября 1723 года, но оставшіяся безъ ратификаціи и далѣе отвергнутыя Персидскимъ Правительствомъ.

Договоръ вызывалъ сильное неудовольствіе Порты, такъ какъ она признавала себя естественною наслѣдницею Персіи, пришедшей, повидимому, на край погибели. Но еще важнѣе было то, что пробудились уже подозрѣнія западныхъ державъ къ восточной политикѣ царя и усматривались въ ней честолюбивые и завоевательные замыслы. Враждебная французская дипломатія нашла себѣ теперь союзницу въ Англіи. Обоюдными усиліями стремились обѣ державы внушить визирю опасенія отъ чрезмѣрнаго расширенія русскихъ предѣловъ. И хотя Петръ спѣшилъ уже примѣнить къ уступленнымъ по договору землямъ извѣстную политическую теорію: beati possidentes, занимая ихъ своими войсками и укрѣплялъ ихъ за собою водвореніемъ туда переселяющихся армянъ, но вопросъ обострился и грозилъ новымъ разрывомъ съ Турціею. Завязываются оживленные дипломатическіе переговоры въ самомъ Константинополѣ черезъ русскаго резидента Неплюева. Порта уже поставила вопросъ о раздѣлѣ Персіи, стремилась въ особенности къ захвату Грузіи и Кавказскихъ береговъ Чернаго моря. Въ преданности къ себѣ лезгинъ и кавказскихъ горцевъ она уже была вполнѣ увѣрена: въ знакъ подданства султану они, какъ сообщаетъ Неплюевъ, уже чеканили монету съ именемъ Ахмета и молились за него въ мечетяхъ каждую пятницу [1]). Турція не сомнѣвалась также, что не представитъ большаго труда вытѣснить русскія войска изъ Дагестана. Ведя съ Неплюевымъ переговоры, Порта въ то же время толкала Махмуда Мирвеиза Афганскаго продолжать свои захваты персидскихъземель съ условіемъ его подчиненія верховной власти султана. Становилось ясно, что переговоры не приведутъ къ мирному исходу. Петръ видѣлъ горькую необходимость готовиться къ новой тяжелой войнѣ; намѣченъ былъ уже и новый командующій Украинскою арміею, князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ. Отказаться отъ Каспійскаго моря значило для Петра разрушить собственными руками половину совершеннаго уже дѣла. Каспійское море въ предначертаніяхъ великаго благоустроителя русской земли, было уже естественнымъ добавленіемъ къ Балтійскому морю. Великій внутренній водный путь долженъ былъ какъ крѣпкій жизненный нервъ связать оба далекіе конца государственнаго организма. Разрывъ съ Турціею казался неотвратимымъ.

Въ эту-то критическую минуту неожиданно явился посредникъ въ лицѣ французскаго представителя Дебонока. Поставленная имъ программа была проста и удобоисполнима. Она отвѣчала, къ тому же, главнѣйшей цѣли Петра, но за то затрудняла и почти разрушала великодушное стремленіе къ освобожденію армянъ отъ магометанскаго ига. Французскій посолъ Дебонокъ ставилъ Неплюеву условіемъ примиренія готовящихся къ бою державъ дилемму: «либо не вступаться въ персидскія земли, чтобы сохранить миръ съ Турціею, либо разорвать съ Турціею, продолжая дальнѣйшіе планы въ Персіи». Дилемма, уничто-

1) Исторія Соловьева, Т. XVIII, 59.

жая такимъ образомъ всѣ надежды армянъ, оставляла Россіи возможность утверждаться на Каспійскомъ прибрежьи.

По обычаямъ турецкой дипломатіи переговоры тянулись безконечно.

Порта давала уже предвкушать Европѣ ту непроходимую дебрь дипломатической изворотливости, которую она умѣла впослѣдствіи развить до столь изумительнаго искусства и которая, спасая ее не разъ въ критическіе моменты, доставила ей торжество и среди разыгрывающихся въ настоящее время событій.

Предъявляя преувеличенныя притязанія чуть не на всю Персію и на весь Кавказъ, Порта долго отказывалась опредѣленно формулировать свои требованія. Когда же, наконецъ, французскій посредникъ поставилъ вопросъ ребромъ и потребовалъ въ точности опредѣлить свои условія, то и тутъ визирь, расчитывая на его благорасположеніе къ себѣ, заговорилъ языкомъ восточнаго гадальщика, съ обычною турецкою аргументаціею. «Положимъ», сталъ повѣствовать хитроумный визирь, «что у шаха Гуссейна было три сына: одинъ, турецкій государь, другой — русскій царь, а третій, меньшой, Тохмасбъ; по смерти Гуссейна каждому изъ нихъ слѣдуетъ имѣть свою часть. Россійскій Государь взялъ уже себѣ долю; теперь слѣдуетъ Портѣ получить свою, и пусть французскій посолъ, какъ посредникъ, выдѣлитъ каждому надлежащую часть, чтобы никому обидно не было. Французскій посредникъ нашелся, впрочемъ, какъ отвѣтить на хитросплетеніе турецкаго дипломата: «очень благодаренъ за такую честь», сказалъ Дебонокъ, «только по моему раздѣлу наибольшая часть слѣдуетъ младшему, и я буду держать его сторону, какъ самаго слабаго» [1]).

Переговоры тянулись, договорныя статьи мѣнялись и исправлялись много разъ, въ концѣ концовъ 12 іюня 1724 года состоялся трактатъ. Шемаха переходитъ въ руки турецкаго вассала. Пространство, идущее отсюда къ морю, распадается на три части, при чемъ прибрежная поступаетъ во владѣніе Россіи, а примыкающая къ Шемахѣ отходитъ къ Портѣ. При сліяніи Аракса съ Курою устанавливаются пограничные пункты русско-персидскіе. Всѣ занятыя турецкими войсками персидскія земли остаются за Турціею, и русскій Императоръ даже обязывается, въ случаѣ надобности, поддержать Порту оружіемъ. Очевидно, французскій медіаторъ, выполнилъ свою роль честнаго маклера съ такимъ же искусствомъ, какъ это совершилось въ другомъ случаѣ, другимъ европейскимъ дипломатомъ, на нашихъ глазахъ. Вѣсы дипломатическаго правосудія перетягивались на сторону болѣе дружественной магометанской державы. Но и завѣтная мысль Преобразователя возрожденной имперіи осуществилась: Россія твердою стопою стала на пребрежьи Каспія и пришла въ непосредственное соприкосновеніе съ обѣими мусульманскими державами.

Но надежда армянскаго народа на освобожденіе отъ магометанскаго ига, при помощи русскаго царя, исчезла. Петръ однако до конца своихъ дней не ослабѣваетъ въ стремленіи облегчить участь порабощенной народности. Онъ открываетъ ей всѣ способы къ переселенію въ предѣлы своего государства. Отправляя бригадира Александра Румянцева чрезвычайнымъ посланникомъ въ Константинополь для ратифакаціи заключеннаго трактата, онъ диктуетъ ему въ своемъ ре-

[1]) Ibidem, 71.

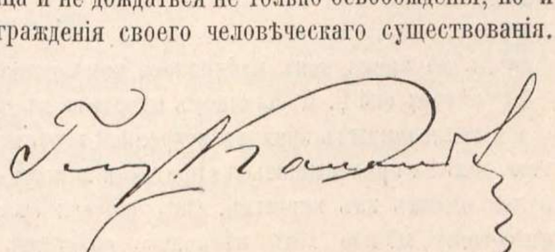
скриптѣ такой образъ дѣйствія относительно армянъ: «пріѣхали къ намъ Армянскіе депутаты съ просьбою защитить отъ непріятелей; ежели мы этого сдѣлать не въ состояніи, то позволить имъ перейти въ наши новопріобрѣтенныя отъ Персіи провинціи. Мы имъ объявили, что помочь имъ войскомъ не можемъ вслѣдствіе заключеннаго съ Портою договора, а поселиться въ прикаспійскихъ нашихъ провинціяхъ позволили и нашу обнадеживательную грамоту послали. Если турки станутъ вамъ объ этомъ говорить, то отвѣчайте, что *Намъ, ради христіанства Армянамъ, какъ христіанамъ, отказать въ томъ нельзя*».

Эти знаменательныя слова писались въ то время, когда дни страждущаго отъ сверхчеловѣческихъ трудовъ Императора были уже сочтены. Армяне не переставали обращать взоры и мольбы къ человѣколюбивому монарху. Послѣднее такое обращеніе отъ лица двухъ патріарховъ: Исаіи и Нерсеса относится къ октябрю 1724 года и дышетъ уже полнымъ отчаяніемъ: «находимся въ полной безнадежности», писали они, «какъ будто мы Вашимъ Величествомъ забыты, потому что три или четыре уже года живемъ въ полной распущенности какъ овцы безъ пастыря. До сихъ поръ, имѣя непріятелей съ четырехъ сторонъ, по возможности оборонялись; но теперь пришло множество турецкаго войска и много персидскихъ городовъ побрано; просимъ съ великими слезами помочь намъ какъ можно скорѣе, иначе турки въ три мѣсяца все возьмутъ и христіанъ погубятъ [1]). Но этотъ отчаянный вопль угнетеннаго христіанскаго народа не могъ дойти до слуха великаго Государя: его уже не было въ живыхъ.

«Намъ ради христіанства нельзя Армянамъ, какъ христіанамъ, отказать въ помощи», были, какъ мы видимъ, почти предсмертными словами Петра. Армяне, какъ и всѣ восточные христіане, могли оплакивать смерть геніальнаго монарха не менѣе искренно, чѣмъ его ближайшіе, высоко чтившіе его сотрудники.

Христіане остались въ прежнемъ порабощеніи у невѣрныхъ. Но великодушная и свѣтлая мысль Петра является какъ бы священнымъ завѣтомъ для потомства, сдѣлавшись въ то же время однимъ изъ лучшихъ памятниковъ его славы. Медленно, но неуклонно шла Россія къ выполненію великой освободительной задачи на христіанскомъ Востокѣ.

Замѣчательно однако, что именно та народность, къ которой были обращены эти слова Великаго Преобразователя Россіи, осталась послѣднею въ средѣ освобожденныхъ отъ тяжелаго ига народовъ. Ей пришлось нести бремя порабощенія до настоящихъ дней, выстрадать до конца и не дождаться не только освобожденія, но и облегченія своей участи и даже ограженія своего человѣческаго существованія.

1) Изъ дѣлъ Армянскихъ. см. Исторія Россіи Соловьева, т. XVIII, 58.

Г. И. Канановъ († 4 Іюня 1897 г.)

Памяти Георгія Ильича Кананова.

I.

Въ то время какъ набиралась помѣщенная выше статья «Армяне въ Россіи», авторъ его Г. И. Канановъ отходилъ въ вѣчность.—Къ печальному хору многочисленныхъ знаковъ искренней горести, вызванныхъ этою тяжелою утратою, должна присоединиться «Братская помощь», на зовъ которой покойный откликнулся однимъ изъ первыхъ. Онъ отнесся съ горячимъ сочувствіемъ къ изданію, имѣющему цѣлью хоть нѣсколько облегчить послѣдствія ужасающихъ бѣдствій, постигшихъ турецкихъ армянъ, хоть нѣсколько смягчить тяжкую долю оставленныхъ ими сиротъ.— Г. И. съ живымъ и неостывающимъ интересомъ слѣдилъ за составленіемъ и печатаніемъ сборника, радуясь дружному сочувствію, проявленному нашими писателями. Ученикъ Грановскаго, гуманный педагогъ, связавшій

свое имя съ знаменитымъ учрежденiемъ славнаго рода Лазаревыхъ, гдѣ все говоритъ на каждомъ шагу о любви къ ближнему, о призрѣнiи сиротъ-единовѣрцевъ, Г. И. не могъ не радоваться этому изданiю; оно шло на встрѣчу тѣмъ горестнымъ думамъ, коими опечаленъ былъ закатъ его жизни. Могъ ли оставаться равнодушнымъ Г. И., просвѣщенный историкъ, хорошо знавшiй исторiю вѣковыхъ традицiонныхъ связей Россiи съ Армянами Персiи и Турцiи и служившiй въ учрежденiи, вызванномъ къ жизни этими именно традицiями и стремленiемъ служить благородной миссiи Россiи на Востокѣ.

Возникнувъ вскорѣ послѣ Отечественной войны 1812 г., по окончанiи которой дана была первая милостивая Высочайшая грамота отъ 15 сентября 1813 г. на имя армянскаго народа (въ Грузiи) съ изъявленiемъ ему Монаршей признательности за вѣрность [1]). Лазаревскiй Институтъ ставилъ себѣ задачею способствовать духовному развитiю армянъ и готовить вѣрныхъ пiонеровъ для выполненiя миссiи Россiи на Востокѣ. Сами получивъ и матерiальныя средства, и духовное просвѣщенiе въ Россiи, Лазаревы не могли придумать лучшаго способа отблагодарить прiютившее ихъ новое отечество, какъ открыть доступъ къ просвѣщенiю своимъ обездоленнымъ единовѣрцамъ, страдавшимъ подъ гнетомъ мусульманъ, на пользу Россiи.

О такомъ происхожденiи и призванiи Лазаревскаго Института свидѣтельствуетъ прочувствованный стихъ профессора Мерзлякова, вырѣзанный на памятникѣ фамилiи Лазаревыхъ въ саду Института и какъ бы служащiй девизомъ для его питомцевъ. Вотъ эти строки:

Отъ древня племени Арменiи рожденный
Россiей-матерью благой усыновленный,
Гайканы! Вашихъ онъ сиротъ не позабылъ.
Разсадникъ сей души признательной творенье:
Даруя чадамъ здѣсь покой и просвѣщенье,
Отчизнѣ *той и сей* онъ долгъ свой заплатилъ.

Лазаревскiй Институтъ служитъ, такимъ образомъ, живымъ и нагляднымъ памятникомъ тѣхъ вѣковыхъ узъ благоволенiя, которыя Россiя неизмѣнно поддерживала со времени Петра В. и Екатерины II съ армянами, видя въ нихъ лучшихъ, испытанныхъ своихъ союзниковъ на Востокѣ и стремясь къ ихъ духовному развитiю.

Весь преданный своимъ служебнымъ педагогическимъ обязанностямъ, однако Канановъ-историкъ, глубоко изучавшiй исторiю сношенiй Армянъ съ Россiею, искони видѣвшихъ въ ней свой якорь спасенiя, хотѣлъ при свѣтѣ исторiи, показать, какъ глубоко заблужденiе не по разуму усердствующихъ «руководителей» общественнаго мнѣнiя, представляющихъ per fas et nefas враждебными Россiи искони лояльныхъ и преданныхъ Россiи армянъ.

За этой работою, которой Канановъ отдавалъ свои послѣднiя слабѣющiя силы и которою онъ по девизу Лазаревыхъ стремился

Отчизнѣ той и сей долгъ свой заплатить

застигла его неумолимая смерть...

[1]) „Усердiе всего армянскаго народа въ Грузiи и всѣхъ сословiй, оный составляющихъ, за слуги ихъ и подвиги налагаютъ на насъ прiятную обязанность засвидѣтельствовать предъ цѣлымъ свѣтомъ справедливую нашу имъ признательность и благоволенiе. Да сохранится сiе свидѣтельство во славу и честь ихъ и въ память потомковъ“. (Положенiе Армянъ въ Турцiи, 2 изд., 390).

Всѣ московскія газеты посвятили Г. И. Кананову весьма сочувственные некрологи.—Приводимъ некрологъ, напечатанный въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*:

«Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ понесъ тяжелую утрату въ лицѣ своего директора тайнаго совѣтника Георгія Ильича Кананова скончавшагося 4-го іюня.

Это былъ одинъ изъ самыхъ опытныхъ и авторитетныхъ педагоговъ московскаго учебнаго округа, отдавшій большую и лучшую часть своей жизни дорогому учрежденію, съ которымъ его связывали не простыя, формальныя узы казенной службы, а горячая преданность основной миссіи его: служить разсадникомъ русскаго просвѣщенія для бѣдныхъ кавказцевъ и готовить культурныхъ дѣятелей для службы на Востокѣ и окраинахъ Россіи. Покойный Канановъ родился въ 1834 г. и происходилъ изъ кизлярскихъ армянъ. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ ставропольской гимназіи. Даровитый мальчикъ былъ замѣченъ директоромъ гимназіи, извѣстнымъ педагогомъ и другомъ Грановскаго Я. М. Невѣровымъ, по совѣту котораго онъ поступилъ въ 1854 г. на историко-филологическій факультетъ московскаго университета. Канановъ имѣлъ счастье слышать лекціи Грановскаго и, какъ всѣ его слушатели, до конца жизни сохранилъ въ сердцѣ память о немъ. Окончивъ блистательно въ 1858 г. курсъ въ университетѣ по историческому отдѣленію факультета, Канановъ былъ оставленъ при московскомъ университетѣ по каѳедрѣ исторіи. Подготовляясь къ магистерскому экзамену, онъ сталъ заниматься преподаваніемъ исторіи. Основательное знаніе предмета, даръ слова, отчетливая дикція и умѣнье обращаться съ учениками сразу выдвинули талантливаго педагога, и онъ быстро получилъ массу уроковъ, въ томъ числѣ въ лучшихъ тогдашнихъ учебныхъ заведеніяхъ Москвы — мужскомъ Циммермана и женскомъ — г-жи Брокъ. Когда въ 1861 г., съ уходомъ извѣстнаго ученаго арминиста Н. О. Эмина, (см. выше) открылось мѣсто инспектора въ Лазаревскомъ институтѣ, то кандидатура Кананова, вмѣстѣ съ педагогическою подготовкою соединявшаго и знаніе армянскаго языка, сама собою была выдвинута. Тогдашній директоръ института Я. М. Невѣровъ тѣмъ охотнѣе принялъ эту кандидатуру, что зналъ Кананова еще въ ставропольской гимназіи. 8-го марта 1861 года 25-ти-лѣтній педагогъ вступилъ въ Лазаревскій институтъ въ качествѣ и. д. инспектора съ тѣмъ, чтобы не покидать болѣе этого учебнаго заведенія. 20 лѣтъ спустя Г. И. былъ назначенъ директоромъ института и въ дѣятельномъ выполненіи обязанностей своего званія застигла его смерть.

Въ теченіе 36-ти лѣтъ службы Кананова въ институтѣ, гдѣ на ряду съ педагогическою дѣятельностью онъ долженъ былъ развивать и обширную хозяйственную, благодаря имѣющемуся при институтѣ большому интернату, онъ отдалъ ему всѣ свои способности и время, и ради него ему пришлось отказаться отъ ученой карьеры. При немъ и при дѣятельномъ его участіи произошли въ институтѣ тѣ реформы, которыя сообщили ему нынѣшній его строй. До начала 60-хъ годовъ институтъ имѣлъ тотъ двойственный характеръ, который данъ былъ ему учредителями. Служа съ одной стороны разсадникомъ для приготовленія армянскаго юношества къ высшему образованію, а съ другой и школою восточнаго языкознанія, институтъ, не безъ ущерба для педагогическихъ цѣлей, съ первыхъ же классовъ, требовалъ изученіе восточныхъ языковъ. По иниціативѣ ди-

ректора, И. К. Бабста первые семь классовъ были преобразованы по образцу классическихъ гимназій, а изученіе восточныхъ языковъ сначала было отнесено на высшіе два класса, а потомъ предположено было и вовсе закрыть и тѣмъ уничтожить первое и послѣднее спеціальное учебное заведеніе восточныхъ языковъ. При энергическомъ участіи Г. И. Кананова удалось предупредить эту ошибку и устранить закрытіе учрежденія, имѣвшаго за собою свыше полувѣковую почтенную дѣятельность. Новый уставъ, данный Лазаревскому институту, при содѣйствіи графа Д. А. Толстаго и И. Д, (нынѣ графа) Делянова утвердилъ навсегда тѣ основныя начала, которыя положены были учредителями: институтъ сохранилъ свое наименованіе и составъ; а рядомъ съ гимназическими классами образованы были спеціальные восточные курсы съ правами высшихъ учебныхъ заведеній, армянскій языкъ и законъ Божій признаны обязательными для армянъ, и постановлено, что либо директоръ, либо инспекторъ долженъ быть армяниномъ.

Въ такомъ обновленномъ видѣ Лазаревскій институтъ въ теченіе двадцатипяти лѣтъ находился подъ управленіемъ Кананова, развиваясь и количественно, и качественно. Послѣдніе годы Г. И. особенно былъ занятъ расширеніемъ зданій института и подъ своимъ непосредственнымъ наблюденіемъ выстроилъ обширный флигель, давшій возможность совершенно отдѣлить дѣтей младшаго возраста отъ старшаго и увеличить рекреаціонныя залы. Любя свое педагогическое призваніе, онъ до послѣднихъ дней своихъ бодро несъ свои обязанности... Памятуя слова своего незабвеннаго наставника: «гуманность прежде всего» и видя въ нихъ ключъ къ раціональной педагогикѣ, Г. И. остался вѣренъ этому доброму завѣту прежней нашей педагогики. Зато и любили дѣти своего директора, чуя своимъ дѣтскимъ инстинктомъ, какъ близко принимаются имъ къ сердцу ихъ нужды и жизненные интересы. Не одна искренняя слеза прольется бывшими и нынѣшними питомцами Лазаревскаго института при вѣсти о кончинѣ этого добраго начальника, всю свою жизнь прожившаго заботами о ввѣренныхъ ему дѣтяхъ далекаго Закавказья, большею частію лишенныхъ радостей семейнаго очага, а потому особенно чувствительныхъ ко всякимъ проявленіямъ теплаго, родственнаго участія.

Весь поглощенный педагогическими и административными обязанностями по управленію однимъ изъ самыхъ большихъ учебныхъ заведеній Москвы, Канановъ писалъ мало, хотя обладалъ первоклассннымъ литературнымъ талантомъ. Большинство напечатанныхъ имъ произведеній относится къ Лазаревскому институту и къ турецкимъ армянамъ. Судьбою ихъ онъ заинтересовался еще во время возстанія зейтунцевъ въ 1865 г., описанію коего онъ посвятилъ рядъ статей въ *Современной Лѣтописи*. Безпримѣрное бѣдствіе, разразившееся въ послѣдніе годы надъ злополучными турецкими армянами, и враждебныя отношенія къ нимъ нѣкоторыхъ органовъ нашей печати, навели его на мысль освѣтить армянскій вопросъ подробнымъ историческимъ обозрѣніемъ отношеній Россіи къ армянамъ со временъ Алексѣя Михайловича и Петра Великаго. Преждевременная смерть лишила его возможности окончить эту работу, начало которой онъ доставилъ имѣющему выйти въ свѣтъ сборнику «Братская помощь пострадавшимъ армянамъ» (см. выше). Слѣдуетъ упомянуть также о живомъ участіи Г. И. въ дѣлахъ общества для вспомоществованія учащимся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, коего предсѣдателемъ онъ состоялъ съ 1883 г.“

На гробъ почившаго Г. И. Кананова возложены вѣнки: отъ сослуживцевъ, отъ преданныхъ и благодарныхъ учениковъ, студентовъ университета, отъ студентовъ-армянъ, отъ признательныхъ воспитанниковъ института съ надписью незабвенному директору, отъ благодарныхъ родителей—персидскихъ армянъ съ надписью «незабвенному отцу-наставнику», нѣсколько вѣнковъ отъ частныхъ лицъ и много безъ надписи.

По окончаніи заупокойной литургіи свящ. *А. Я. Поповъ*, сказалъ слово, посвященное памяти покойнаго. Затѣмъ были произнесены рѣчи, посвященныя покойному, профессоромъ института по каѳедрѣ армянской словесности *Г. А. Халатьянцемъ* и преподавателемъ армянскаго языка *К. Б. Кусиковымъ*.

Передъ открытою могилою произнесено было нѣсколько прочувствованныхъ рѣчей. Учитель русской словесности *Н. И. Виноградовъ* сказалъ:

«Не заслуги, не старшинство среди товарищей по службѣ въ Лазаревскомъ институтѣ позволяютъ мнѣ явиться съ моимъ словомъ предъ гробомъ почившаго. Время отдыха разсѣяло большинство изъ насъ, а внезапность и быстрота этой смерти не дали времени вновь собраться. Но я глубоко убѣжденъ, что сильно посѣтуютъ на насъ отсутствующіе, если мы, немногіе, не выскажемъ здѣсь, какъ мы цѣнили покойнаго, уважали, любили. Я не сомнѣваюсь въ этомъ особенно теперь, когда такъ живъ въ моей памяти тотъ скромный, но сердечный обѣдъ, которымъ, по желанію нашей институтской семьи, отмѣчено было тридцатипятилѣтіе службы Георгія Ильича. Много разъ во многихъ искреннихъ рѣчахъ были тогда засвидѣтельствованы ему и выражены тѣ чувства, о которыхъ я сказалъ. И самъ покойный просто и задушевно бесѣдовалъ тогда съ нами. Словно томимый мрачными предчувствіями, онъ боялся заглянуть въ будущее: ему казалось, что весь его жизненный путь уже пройденъ, уже позади, и онъ дѣлился съ нами воспоминаніями. Онъ разсказалъ намъ тогда о томъ, какъ поступилъ онъ въ институтъ, и какъ опредѣлилась такимъ образомъ вся его жизнь. Не случайность, не поиски необходимаго заработка привлекли его сюда. Нѣтъ, его поразила своимъ величіемъ мысль, легшая въ основу института, громадное пожертвованіе частнаго лица съ тѣмъ, чтобы въ самомъ сердцѣ Россіи основать источникъ просвѣщенія, гдѣ бы воспитывались его далекіе соплеменники, и откуда бы выходили подготовленные дѣятели для дальнихъ окраинъ нашего общаго отечества. Его поразило это, и онъ рѣшилъ какъ бы повторить это пожертвованіе, свои силы, самаго себя отдавъ на содѣйствіе выполненію этой задачи.

«Прежде своего поступленія на службу онъ сознательно полюбилъ институтъ и не измѣнилъ этой любви до послѣдняго дня своей жизни. Мнѣ кажется, что именно эта безкорыстная любовь давала ему такой громадный авторитетъ среди насъ. Ее находили мы въ основѣ каждой его мѣры, каждой его рѣчи, почти каждаго его поступка, и она, думается мнѣ, была характерной чертой его, какъ директора. Мнѣ нѣтъ нужды говорить о томъ, какъ проявлялась она въ неустанныхъ заботахъ о благосостояніи института. Зданія его, почившимъ перестроенныя, расширенныя и улучшенныя у всѣхъ передъ глазами. Они краснорѣчивѣе словъ. Я позволю себѣ здѣсь передать смыслъ его словъ, которыя, быть-можетъ, многимъ неизвѣстны, но которыя такъ часто слышали отъ него мы, его сослуживцы и подчиненные. Рѣдкое засѣданіе педагогическаго совѣта

проходило безъ того, чтобы онъ не напомнилъ намъ о совершенно исключительной роли института въ жизни своихъ питомцевъ. Если всякое учебное заведеніе съ пансіономъ должно отчасти замѣнять семью воспитанникамъ, то тѣмъ болѣе институтъ, питомцы котораго тысячами верстъ отдѣлены отъ своихъ родителей, часто отъ всѣхъ родныхъ. Ихъ отцы прислали ихъ сюда съ далекаго юга или востока съ полной вѣрой въ институтъ, съ твердой надеждой, что дѣти ихъ выйдутъ отсюда воспитанными, хорошими людьми. И эти простыя слова произносились съ такой искренной любовью, что всякій разъ производили свѣжее, животворящее впечатлѣніе. И надо было видѣть, какъ страдалъ (я не подберу другого слова) покойный, когда полное отсутствіе способностей или неисправимо-дурной характеръ преграждали кому нибудь изъ стипендіатовъ путь къ дальнѣйшему образованію, какъ безпокоила его участь этого мальчика, какъ тревожила мысль, какъ бы не поколебалась тамъ, на далекихъ окраинахъ, вѣра въ институтъ, какъ бы не показался несостоятельнымъ институтъ. И эта любовь къ институту и сознательное служеніе ему не пошатнулись въ почившемъ и въ послѣдніе годы его жизни: эти годы, можетъ быть, особенно поучительны. Ни для кого уже не былъ тайной злой недугъ, подтачивавшій этотъ богато одаренный отъ природы организмъ. Георгій Ильичъ худѣлъ, цвѣтъ лица его все больше возбуждалъ опасенія въ окружающихъ, а онъ и не думалъ объ отдыхѣ. Напротивъ, добровольнымъ напряженіемъ сознательной энергіи онъ словно хотѣлъ восполнить производительность силъ, постепенно слабѣющихъ. Онъ особенно рано приходилъ въ институтъ, по долгу оставался тамъ, особенно живо интересовался всѣмъ, особенно заботливо занимался дѣлами. Десяти дней не прошло еще съ тѣхъ поръ, какъ явился онъ на экзаменъ раньше экзаменатора и экзаменующихся, все время внимательно слушалъ отвѣты воспитанниковъ, самъ предлагалъ вопросы и потомъ долго, съ обычнымъ вниманіемъ и снисходительностью, оцѣнивалъ ихъ познанія. Вотъ за эти-то уроки безкорыстнаго, самоотверженнаго служенія высокому дѣлу просвѣщенія и должны поблагодарить мы тебя, досточтимый начальникъ и добрый, неустанный соработникъ. Да живетъ долго и долго память о тебѣ въ стѣнахъ столь любимаго тобой института, и да упокоитъ Господь твою душу".

Затѣмъ говорили рѣчи учитель исторіи *А. А. Кизеветтеръ*, охарактеризовавшій самоотверженное служеніе его институту и отеческое отношеніе къ питомцамъ его, и преподаватель латинскаго языка *С. А. Радецкій*, который высказалъ слѣдующее:

«Тяжело бываетъ разставаться навѣки съ близкимъ, дорогимъ человѣкомъ, тяжело опускать въ могилу дорогой прахъ. Въ такія трудныя минуты человѣкъ невольно ищетъ утѣшенья, и оно является ему въ видѣ дорогихъ воспоминаній объ утраченномъ человѣкѣ. Чѣмъ тяжелѣе, чѣмъ незамѣнимѣе потеря, тѣмъ настойчивѣе, тѣмъ сильнѣе бываютъ эти воспоминанія. Велика утрата, понесенная Лазаревскимъ институтомъ, но и для него, собравшагося отдать послѣдній земной долгъ дорогому усопшему начальнику, лучшимъ утѣшеніемъ являются тѣ свѣтлыя воспоминанія, которыя оставилъ намъ по себѣ покойный Георгій Ильичъ. Звеномъ этихъ воспоминаній для его сотрудниковъ является Лазаревскій Институтъ, въ который покойный вложилъ всѣ свои силы, которому отдалъ, можно сказать,

всю свою жизнь, какъ родному любимому дѣтищу. Такимъ оно и было для него въ дѣйствительности. Для него не жалѣлъ онъ ни своихъ силъ, ни здоровья, ставя всегда на первомъ планѣ лишь интересы дорогого института.

Припомнимъ, какъ два года тому назадъ, послѣ только что закончившагося академическаго года, утомленный годовыми занятіями и продолжительными экзаменами, Георгій Ильичъ, не взирая на увѣщанія близкихъ ему лицъ, съ особеннымъ жаромъ и рвеніемъ принялся за исполненіе своей давнишней мечты—расширенія и перестройки институтскихъ зданій. Каждое утро спѣшилъ онъ изъ Кунцова на работы оставаясь на стройкѣ и въ канцеляріи нерѣдко до самаго поздняго вечера. Онъ все торопился, какъ будто боялся за свои силы, боялся за то, что ему не удастся увидѣть окончанія начатаго дѣла. И дѣйствительно, надломленное уже здоровье его не выдержало такой напряженной дѣятельности и къ концу лѣта, когда все уже завершалось, онъ долженъ былъ по настоянію врачей уѣхать лѣчиться за-границу. По осенью, лишь только онъ снова показался въ Институтѣ, онъ опять принялся съ той же энергіей за дѣла своего любимаго дѣтища.

Передъ нами, преподавателями гимназическихъ классовъ, еще такъ живы тѣ добрыя, скажу безъ преувеличенія, тѣ рѣдкостныя отношенія, какія установились между нимъ, какъ директоромъ, и преподавательской корпораціей. Полное довѣріе и уваженіе къ дѣятельности преподавателей, постоянная готовность выслушать мнѣніе каждаго, умѣнье примирить противоположныя воззрѣнія и съ особо присущимъ ему тактомъ погасить начинающійся разладъ, — вотъ черты, которыми можно охарактеризовать отношенія къ намъ покойнаго. Каждый изъ насъ работалъ спокойно и бодро, зная, что ему довѣряютъ, что трудъ его цѣнятъ, что ему всегда готовы прійти на помощь. Отъ такихъ отношеній только выигрывало дѣло, выигрывали и дѣти, которыхъ такъ горячо любилъ Г. И.

Если тяжела эта утрата для насъ, то еще тяжеле она является для юныхъ питомцевъ Лазаревскаго Института, для которыхъ покойный, можно сказать, былъ вторымъ отцемъ. Кто изъ насъ не знаетъ, съ какой непринужденностью шли къ нему дѣти со своими нуждами, со своимъ горемъ, увѣренные, что всегда найдутъ у него совѣтъ и поддержку. Онъ зналъ не только каждаго, но и его семью, ту обстановку, ту среду, изъ которой вышелъ мальчикъ. Нерѣдко различныя недоумѣнія разрѣшались нѣсколькими словами покойнаго, дававшаго то или другое разъясненіе, касавшееся жизни воспитанника или его семьи. Такая близость къ ученикамъ института объясняется необыкновенной любовью, которую питалъ покойный къ этимъ нерѣдко поистинѣ несчастнымъ дѣтямъ, оторваннымъ отъ своей родной семьи и заброшеннымъ на далекую чужбину.

Онъ понималъ ихъ, онъ жалѣлъ и скорбѣлъ о нихъ, стараясь по возможности замѣнить имъ то, что они потеряли. Въ этой любви къ своимъ единокровнымъ братьямъ, въ этомъ желаніи служить неизмѣнно ихъ просвѣщенію и заключается разгадка той кипучей и неутомимой дѣятельности, которую проявлялъ покойный почти до послѣднихъ дней своей жизни. Здѣсь онъ почерпалъ силы для борьбы съ недугомъ, который все болѣе и болѣе подтачивалъ его. Здоровье его было уже совсѣмъ расшатано, уже не хватало силъ, а онъ все не могъ разстаться съ Институтомъ, пока наконецъ не палъ на нашей трудовой

нивѣ. Но не станемъ предаваться безысходной грусти; воспоминанія о свѣтломъ образѣ покойнаго пусть сколько-нибудь помогутъ намъ легче разстаться съ нимъ въ этой жизни.

Почивай же, нашъ добрый другъ и начальникъ, спокойнымъ и безмятежнымъ сномъ и знай, что память о тебѣ не умретъ: она будетъ жить до тѣхъ поръ, пока живетъ твое любимое дѣтище и Лазаревскій институтъ.

Вѣчная тебѣ память!»

Заслуженный проф. Московскаго университета и Лазаревскаго Института *В. И. Герье*, товарищъ Кананова по университету, простился съ нимъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Надъ этой свѣжей могилой близкаго мнѣ человѣка, съ которымъ приходится такъ неожиданно прощаться, предо мною воскресаетъ цѣльный образъ его жизни, какъ онъ мнѣ представлялся на протяженіи долголѣтней нашей дружбы. То, что придаетъ этому образу единство и цѣльность, что ярко выступаетъ во всѣ поры жизни почившаго—это его любящее сердце, живой постоянный источникъ взаимной симпатіи.

Потребность и способность привязываться и вызывать къ себѣ расположеніе другихъ обнаружились уже въ дѣтствѣ почившаго. Онъ любилъ своихъ учителей и былъ ими любимъ въ особенности извѣстнымъ Невѣровымъ, другомъ Грановскаго, директоромъ ставропольской гимназіи, который по долгой старой привычкѣ называлъ почившаго Егорушкой, когда тотъ уже давно былъ инспекторомъ Лазаревскаго института. Тѣ же свойства выразились въ университетѣ въ его потребности имѣть среди товарищей друзей — и у него ихъ было много. У кого нѣтъ друзей въ молодости? Но у него они оставались! И причиною этого то, что онъ относился къ нимъ всегда по-юношески, полный довѣрія, никогда не влагая въ это отношеніе ни малѣйшихъ разсчетовъ самолюбія.

Затѣмъ наступила пора сильнаго, серьезнаго чувства, которое охватило всю его жизнь. Это чувство крѣпло и росло съ препятствіями и затрудненіями. Оно не исчезло, когда всякая надежда исчезла, и оно восторжествовало надъ судьбою, усладивъ тихимъ семейнымъ счастьемъ послѣдніе годы почившаго. Этимъ же своимъ любящимъ сердцемъ онъ привязался къ Институту, съ которымъ жизнь его неразрывно соединила на 36 лѣтъ. Ему посвятилъ онъ всѣ свои силы, оставивъ въ сторонѣ обширные планы начатыхъ ученыхъ работъ. Онъ горячо принялъ къ сердцу опасность, которая грозила институту утратить свой первоначальный характеръ и сойти на степень простаго учебнаго заведенія; онъ не щадилъ усилій, чтобъ предотвратить эту опасность, и главнымъ образомъ ему обязанъ институтъ, если онъ теперь выигралъ въ прочности и высотѣ назначенія. Учрежденія растутъ и дряхлѣютъ подобно людямъ; если же они процвѣтаютъ, крѣпнутъ и переживаютъ людей, то только тогда, когда люди влагаютъ въ нихъ свою живую душу.

Почившій любилъ институтъ не только какъ поприще своей постоянной и исключительной дѣятельности; онъ видѣлъ въ немъ залогъ духовной жизни и культурнаго развитія той народности, которой онъ принадлежалъ по происхожденію. Ея судьбѣ были посвящены его послѣднія думы. Онъ истощалъ свои надорванныя силы для того, чтобъ по возможности содѣйствовать разъясненію не-

доразумѣній, такъ глубоко огорчавшихъ его. Все прошлое лѣто, вмѣсто того чтобы отдыхать, онъ трудился надъ этой попыткой. Равнодушіе и неуспѣхъ его не расхолаживали. Всю зиму онъ продолжалъ надъ этимъ работать и еще такъ недавно, съ мѣсяцъ тому назадъ, онъ пріѣзжалъ ко мнѣ поздно вечеромъ, послѣ утомительнаго экзаменаціоннаго дня, и читалъ мнѣ съ юношескимъ одушевленіемъ послѣднія страницы своего труда. Его земляки могутъ имъ гордиться и должны дорожить его памятью, но и для насъ всѣхъ это назидательно. То, что теорія раздѣляетъ, что отвлеченный умъ разбиваетъ и противополагаетъ, любящее сердце человѣка примиряетъ въ себѣ и объясняетъ. И потому тебѣ, дорогой другъ, отъ всѣхъ насъ за твою любовь наше общее, дружное спасибо — и наша любовь съ тобою».

На другой послѣ похоронъ бывшій Лазаревецъ С. А. Миловъ напечаталъ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* слѣдующее письмо, коимъ положилъ начало подпискѣ объ учрежденіи стипендій имени Кананова:

«Не стало Георгія Ильича Кананова, этого гуманнаго, просвѣщеннаго педагога, направлявшаго и воодушевлявшаго въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ жизнь одного изъ лучшихъ нашихъ учебныхъ заведеній. Надгробныя рѣчи, посвященныя памяти почившаго, дали ясное свидѣтельство той утраты, которую понесъ Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ въ лицѣ Г. И., посвятившаго ему всю свою жизнь. Тяжелое горе осиротѣлой семьи лазаревцевъ найдетъ полный горячаго сочувствія откликъ въ сердцахъ бывшихъ его питомцевъ. Извѣстіе о преждевременной кончинѣ Георгія Ильича больно отзовется въ сердцѣ каждаго изъ нихъ; въ воспоминаніи всплыветъ симпатичный образъ наставника, всегда тепло и любовно относившагося къ своимъ воспитанникамъ, раздѣлявшаго съ ними и горе, и радость. При воспоминаніи тѣхъ услугъ, которыя самоотверженно оказалъ родному просвѣщенію Георгій Ильичъ, невольно рождается желаніе почтить достойнымъ образомъ память почившаго учрежденіемъ стипендіи его имени при Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ.—Какъ бывшій воспитанникъ института, позволяю себѣ посильнымъ вкладомъ положить начало дѣлу, которое навѣки свяжетъ имя почившаго Георгія Ильича съ дорогимъ его сердцу учебнымъ заведеніемъ, прилагаю 25 руб.»

Наброски изъ исторіи армянъ.

Весьма своеобразно сложились судьбы армянскаго народа, для котораго исторія почти всегда была мачихою.

Отмѣчу, прежде всего, одну своеобразную черту. Развѣ не любопытное явленіе представляетъ собою эта горсть христіанъ арійской расы, сотни лѣтъ окруженная моремъ полудикаго туранскаго населенія, не съумѣвшаго его, однако поглотить даже въ періодъ самаго яркаго разсвѣта мусульманскаго фанатизма? Но чего и стоила этому передовому авангарду христіанско-европейской культуры, предоставленному себѣ самому и забытому всѣми до послѣдняго времени, забота о самосохраненіи, пока христіанскій міръ вспомнилъ о своемъ передовомъ аванпостѣ на Востокѣ! Печальная, но назидательная страница изъ исторіи культуры! Будущій историкъ, по справедливому замѣчанію одного компетентнаго писателя, не откажетъ «въ нравственномъ величіи народу, который умѣлъ выйти изъ многовѣковой и трудной борьбы, хотя и безъ громкихъ побѣдъ, но съ полнымъ торжествомъ» [1]).

Свыше шестисотъ лѣтъ, съ самаго основанія турецкаго владычества въ Малой Азіи, многострадальный армянскій народъ, этотъ пасынокъ исторіи, этотъ по-истинѣ народъ-сирота находился подъ владычествомъ турокъ, перенося избіенія, насилія и гоненія съ покорностью тупаго отчаянія, которую нерѣдко ставятъ ему въ упрекъ народы, избалованные исторіей. Орошая потомъ землю, гдѣ почіетъ прахъ его безчисленныхъ предковъ, тяжело вздыхая надъ своимъ допотоп-

1) См. рѣчь Г. И. Кананова въ день 50-тилѣтія Лазаревскаго института, стр. 73 сборника: „Семидесятилѣтіе Лазаревскаго института". М., 1891 г. Въ этой рѣчи обстоятельно изложены, въ связи съ исторіей учрежденія Лазаревскаго института, важнѣйшіе моменты исторіи водворенія армянъ въ Россіи (стр. 71—90). Это знаменитое учебное заведеніе, которому армянское просвѣщеніе такъ много обязано, преслѣдовало три основныя цѣли: быть національнымъ свѣтильникомъ образованія для армянъ, разсадникомъ восточнаго языкознанія и школой общеобразовательною. Упразднить ту или другую цѣль значило бы, какъ справедливо замѣчаетъ г. Канановъ, преступить волю жертвователей (тамъ же стр. 3).

нымъ плугомъ, первообразъ коего можно видѣть на фрескахъ египетскихъ храмовъ, армяне молили турокъ только объ одномъ, чтобы паши и дикари хищники не трогали ихъ женъ и дѣтей, ихъ скудныхъ крохъ, добытыхъ тяжкимъ трудомъ земледѣльца. И этой-то малости, этой сущей бездѣлицы, безъ которой жизнь земледѣльца превращается въ одну безпросвѣтную истому и жалкое прозябаніе, не могли добиться турецкіе армяне въ теченіе шести вѣковъ отъ «отеческаго» турецкаго правленія.

Угнетенные армяне терпѣли молча и переносили бѣдствія съ истинно христіанскимъ смиреніемъ, изливая въ тихой молитвѣ удручающее ихъ горе и повторяя тѣ мрачно-потрясающіе вопли протеста, коими такъ богаты духовныя элегіи древняго армянскаго лирика Григорія Нарекскаго:

Гласъ стенаній, муки сердца,
Вопль души и воздыханія —
Лишь къ Тебѣ я возсылаю,
О! Всевидящій Создатель!...

Претерпѣли армяне вѣкъ, другой, третій, терпѣли съ такимъ смиреніемъ безысходнаго отчаянія, что и покорители, и болѣе счастливо поставленные иностранцы вправѣ были съ жестокою, но понятною брезгливостью обзывать армянскую райю «рабскою націей безъ совѣсти и самосознанія». И кто знаетъ, быть-можетъ, армянскій народъ и впрямь погрязъ бы въ омутѣ полнаго нравственнаго одичанія, еслибы не благовѣстъ христіанской религіи, долетавшій до него съ церковнаго амвона на родномъ языкѣ и будившій въ немъ сознаніе его человѣческаго достоинства и вѣру въ міровую справедливость, среди окружающаго мрака и господства торжествующей дикой силы. Нужна была невѣроятная выдержка и рѣдкая культурная упругость, чтобы сохранить свою вѣру, языкъ и духовную цѣлость отъ наплыва воинствующаго мусульманства, въ особенности, когда, съ паденіемъ Константинополя, христіанскій Востокъ лишился своей старой точки опоры, а новая, въ лицѣ Россіи, еще мелькала лишь въ туманѣ. Но все же надежда на Россію одна поддерживала въ христіанахъ Востока едва тлѣющую искру упованія на лучшее будущее.

Уже съ начала XVII столѣтія туманъ на сѣверѣ сталъ разсѣиваться и стала обозначаться будущая культурная роль Россіи на Востокѣ, причемъ и для разбросанныхъ среди персидскихъ и турецкихъ мусульманъ армянъ стала мелькать надежда на облегченіе своей горькой доли и на возможность найти защиту у христіанской державы.

Торговыя сношенія армянъ съ Россіею начались еще при Алексѣѣ Михайловичѣ и даже Өеодорѣ Іоанновичѣ (объ армянахъ упоминаетъ составленное въ 1648 году «Соборное Уложеніе»). Но собственно политическія сношенія Россіи съ армянами начинаются въ XVIII ст. Отвоевавъ у мусульманскаго міра Каспійское прибрежье, Петръ Великій спѣшитъ заселить его христіанскимъ элементомъ—армянами-колонистами—и воспользоваться ими какъ надежною точкой *опоры* въ борьбѣ съ мусульманствомъ (см. выше). Грамотами своими онъ неоднократно изъявлялъ удовольствіе армянамъ и обѣщалъ «честному армянскому народу милость и протекцію», видя въ армянахъ весьма важный факторъ для насажденія гражданственности во вновь пріобрѣтенныхъ и намѣченныхъ къ пріобрѣтенію

мусульманскихъ областяхъ [1]). Онъ вступилъ даже въ сношеніе съ армянскими нотаблями для подготовки возстанія въ Персіи между армянами, но смерть помѣшала Петру Великому [2]) осуществить его планы относительно Востока.

Особенное значеніе для порабощенной „райи" вообще и для судебъ турецкихъ армянъ имѣли побѣдоносныя войны Екатерины Второй, нанесшей Турціи такой матеріальный и нравственный уронъ, отъ котораго такъ и не могла она оправиться впослѣдствіи. Кучукъ-Кайнарджійскій трактатъ 1774 г., поставившій христіанъ Востока подъ покровительство Россіи, впервые перенесъ надежду армянъ на лучшее будущее изъ области заоблачныхъ мечтаній въ сферу если не конкретныхъ, то возможныхъ для достиженія въ будущемъ благъ.

Бѣда, которой предвидится конецъ хоть въ далекомъ будущемъ, все же легче той, которой не видно исхода. Слава о побѣдахъ христіанской царицы надъ турками въ связи съ вѣстями о заботахъ ея объ устройствѣ будущности армянъ должны были внушить турецкимъ армянамъ надежду на прекращеніе, со временемъ, ихъ бѣдственнаго положенія. Если вѣсти о планѣ князя Потемкина и гр. Зубова объ основаніи армяно-грузинскаго царства [3]) подъ протекторатомъ Россіи едва ли дошли до слуха обитателей Великой Арменіи, то извѣстіе о постройкѣ на Днѣстрѣ гор. Григоріополя исключительно для эмигрировавшихъ турецкихъ армянъ не могло не произвести сильнаго впечатлѣнія на ихъ умы. На это именно и разсчитывала дальновидная императрица, справедливо предугадывая, что «находящіеся за границею армяне, видя благоденствіе переселенцевъ, къ нимъ присоединятся». И дѣйствительно, турецкіе армяне, убѣдившись, что въ Россіи свято охраняется ихъ народная святыня—*религія и языкъ*, къ концу царствованія Екатерины массами переселились въ Крымъ, «превращая пустыни въ грады», какъ гласитъ одинъ изъ барельефовъ знаменитой московской Екатерининской залы [4]).

Вся послѣдующая исторія показываетъ, что переселившіеся армяне *не обманули* надеждъ русскаго правительства, ожидавшаго отъ нихъ развитія, торговли, промышленности и вообще поднятія экономическаго уровня южнаго края. Во всѣ послѣдующія царствованія правительство продолжаетъ привлекать армянъ въ Россію и оказываетъ имъ всякіе знаки благоволенія и милостей.

1) См. указы Петра Великаго на имя армянскаго патріарха Исаіи и на имя дербентскаго коменданта Кропотова въ „Собр. актовъ для обозрѣнія исторіи Арменіи". М. 1883 г. т. I стр. 166. „Вамъ ради христіанства,—писалъ Петръ Великій армянамъ,—какъ христіанами нельзя отказывать въ покровительствѣ" (см. „ИсторіюРоссіи" Соловьева, т. XVIII, стр. 74).

2) См. „Исторію Петра Великаго" Брикнера, Спб. 1882 г., II, стр. 564—566.

3) Этотъ планъ казался настолько близкимъ къ осуществленію, что былъ сочиненъ гербъ армянскаго царства, составленъ церемоніалъ коронованія армянскаго царя въ Эчміадзинѣ и проектъ трехъ орденовъ: Ноева ковчега на радужной лентѣ, Нерукотвореннаго образа и Григорія Просвѣтителя. См. „Исторію Арменіи" В. А. Абазы. Спб., 1888 г., стр. 100.

4) Въ высочайшемъ рескриптѣ на имя генерала Каховскаго отъ 23 февраля 1797 г. Екатерина II предписывала построить Григоріополь „сообразно роду жизни и учрежденіямъ трудолюбиваго армянскаго народа". См. Собр. актовъ", т. I, стр. 45. Въ гербѣ, составленномъ гр. Зубовымъ для города Григоріополя, изображены: корона—знакъ царскаго достоинства, одноглавый орелъ—въ честь императора Артаксеркса, Нерукотворенный образъ, агнецъ, львы,—знакъ подвиговъ армянскаго царя Рупинака (sic Рупиньяна?), Ноевъ ковчегъ (См. „Собраніе актовъ", относящихся до Арменіи, т. I. стр. 195).

Павелъ I, во вниманіе «къ отличному трудолюбію, тщательному домостроительству, благонравію и примѣрному поведенію» переселившихся въ Россію турецкихъ армянъ и въ видахъ привлеченія новыхъ переселенцевъ, жалуетъ имъ, грамотою отъ 28 октября 1799 г., новыя милости и преимущества.

По окончаніи войны 1812 г. Александръ I грамотою на имя всего армянскаго народа, данною въ Теплицѣ отъ 16 сентября 1813 г., явилъ армянамъ новый знакъ милости за доказанную ими преданность. Они (армяне въ Грузіи),— гласитъ грамота,—отличались мирнымъ постоянствомъ и преданностью, когда легкомысліе и неблагонамѣренность старались всуе поколебать водворенное нами въ Грузіи спокойствіе, и посреди смутныхъ обстоятельствъ пребыли *тверды и непоколебимы* въ своемъ усердіи къ намъ и престолу нашему, жертвуя имуществомъ своимъ и всѣми средствами и самою жизнью на пользу службы нашей и для блага общаго. Таковое усердіе всего армянскаго народа въ Грузіи и всѣхъ сословій, оный составляющихъ, заслуги ихъ и подвиги налагаютъ на насъ пріятную обязанность засвидѣтельствовать предъ цѣлымъ свѣтомъ справедливую нашу имъ признательность и благоволеніе. Да сохранится сіе свидѣтельство во славу и честь ихъ и въ память потомковъ» [1]).

Съ особенною силой сказалась привязанность армянъ къ Россіи во время войны ея съ Персіей въ 1826 г. Помимо заслугъ генерала Мадатова, одержавшаго важную побѣду на Шамхорскомъ полѣ, и народныя массы оказали содѣйствіе, съ полнымъ самоотверженіемъ отдавшись Россіи. Русскій историкъ Сергѣй Глинка, описывая событія этой войны, успѣхи ея приписываетъ столько же русскому оружію, сколько и *неимовѣрной преданности армянъ*, оказавшихъ важныя услуги Россіи подъ предводительствомъ своего архипастыря Нерсеса. «Для нихъ возсіяла надежда,—говоритъ Глинка,—что имя Арменіи и вѣковая ея слава оживутъ на лицѣ земли, и они *себя* и *все свое* (курсивъ подлинника) обрекли къ содѣйствію русскаго оружія». При взятіи Эривани главныя батареи, дѣйствовавшія противъ неприступной крѣпости, были, по словамъ того же историка, «въ сердцахъ армянъ». Когда русскія войска вступили въ глубь персидской Арменіи, то «армяне,—пишетъ Глинка,—на крыльяхъ усердія и любви летѣли къ полкамъ русскимъ и оказывали всевозможныя услуги не по разсчетамъ какихъ-нибудь предположеній, но по влеченію того душевнаго порыва, которое выше всѣхъ разсчетовъ человѣка [2]).

По окончаніи персидской войны императоръ Николай I въ рескриптѣ отъ 2 февраля 1827 г., на имя архіепископа Нерсеса, выразилъ свое благоволеніе армянскому народу, торжественно засвидѣтельствовавъ «явленныя имъ на опытѣ *усердіе и нелицемѣрную преданность.* Въ сихъ обстоятельствахъ,- говорится далѣе въ рескриптѣ, армянскій народъ доказалъ, что онъ умѣетъ цѣнить благотворныя о немъ старанія правительства и что видитъ ясно превосходство настоящаго жребія своего предъ участью столь многихъ единовѣрцевъ, *по инымъ странамъ разсѣянныхъ.* Поручаемъ вамъ изъявить всѣмъ армянамъ совершенное благоволеніе наше и увѣрить нашимъ императорскимъ словомъ въ продолженіи

[1]) См. назв. „Собраніе актовъ“, т. I, стр. 293.

[2]) Сергѣй Глинка: „Описаніе переселенія армянъ“. М., 1831 г., стр. 18, 21, 36.

къ нимъ особенныхъ нашихъ милостей. Доколѣ пребудетъ непоколебима вѣрность народа вашего, обрѣтшаго надежное убѣжище подъ сѣнію россійскаго престола, мы вмѣнимъ себѣ въ обязанность неусыпно пещись о его счастьи и успокоеніи» [1]).

Вслѣдъ за заключеніемъ Туркманчайскаго мира персидскіе армяне массами (около 40.000 душъ) стали выселяться въ Россію, несмотря на всевозможныя льготы, обѣщанныя персидскимъ правительствомъ [2]), и громадность потерь, съ коими сопряжена была такая массовая эмиграція. Армяне покидали дома, сады, превосходно обработанныя поля безъ всякаго вознагражденія, такъ какъ, по наущенію персидскаго правительства, никто не хотѣлъ покупать имущества эмигрантовъ.

Переселенцы просили русское правительство дать хоть $^1/_3$ стоимости имѣній, но и въ этомъ было имъ отказано. Тогда они покинули Персію, заявивъ, что «безусловно жертвуютъ свое имущество русскому царю; *онъ не забудетъ нашихъ потомковъ*». Персидское правительство пугало армянъ крѣпостнымъ правомъ и рекрутчиной, но армяне отвѣчали: «лучше будемъ ѣсть сѣно въ христіанской землѣ, нежели хлѣбъ въ Персіи» [3]).

Благоволеніе, высказанное Россіей армянамъ въ персидскую войну, дало плоды вскорѣ, въ 1828 г., въ войну, начатую противъ Турціи. Среди турецкихъ армянъ началось радостное волненіе, какъ только Россія объявила войну. Порта переселила армянъ съ пограничныхъ мѣстностей въ отдаленныя области [4]), но этимъ трудно было преградить путь для выраженія симпатій Россіи. По мѣрѣ того, какъ русскія войска подвигались впередъ, армяне все рѣшительнѣе выказывали имъ словомъ и дѣломъ свое сочувствіе и содѣйствіе. Изъ армянъ было образовано *ополченіе*, на которое съ особенною яростью нападали въ сраженіяхъ турецкіе солдаты [5]). Но армяне продолжали неуклонно выказывать Россіи самую горячую преданность, и въ лицѣ ихъ, какъ выразился главнокомандующій гр. Паскевичъ, русскія войска нашли „*храбрыхъ союзниковъ и соучастниковъ ревностныхъ*". Изъ оффиціальнаго донесенія его видно, что въ Баязетѣ 2.000 армянъ сражались въ рядахъ русскихъ войскъ; въ Карсѣ 800 чел. конныхъ охраняли русскую границу и, наконецъ, когда войска дошли до Эрзерума, все армянское населеніе встрѣтило русскихъ радостными ликованіями [6]).

По заключеніи адріанопольскаго мира армяне турецкіе массами стали выселяться въ Россію (около 90.000 душъ). Порта встревожилась сильно, предвидя вредъ, сопряженный съ уходомъ массы трудолюбиваго земледѣльческаго и ремесленнаго населенія. Изъ Константинополя былъ командированъ въ Эрзерумъ ар-

1) Назв. „Собраніе актовъ", т. I, стр. 238.

2) Персія, предвидя громадность вреда отъ выселенія армянъ, обѣщала имъ свободу отъ повинностей на 10 лѣтъ. По справкѣ, приведенной у Глинки, уронъ, причиненный Персіи выселеніемъ армянъ, исчисляется въ 32 милл. руб.

3) См. т. VIII назв. Актовъ Кавк. Археогр. ком. Отношеніе гр. Чернышева къ Паскевичу, № 2254, стр. 831.

4) См. назв. соч. Глинки, стр. 100—113.

5) См. т. VII „Актовъ, собранныхъ кавказскою археографическою коммиссіей". Всеподданнѣйшій рапортъ гр. Паскевича, № 753.

6) См. тамъ же, № 757.

мянскій епископъ Варѳоломей съ порученіемъ уговорить армянъ отъ переселенія, но тѣ ему отвѣчали: «Еслибы самъ Христосъ сошелъ съ неба, чтобы уговорить насъ остаться въ Турціи, и Его бы не послушали» [1]. Послѣдствія ясно показали, какъ основательны были тревоги Порты. Когда армяне покинули Эрзерумъ, то турки очутились просто въ безвыходномъ положеніи: некому было въ городѣ исправить испортившійся водопроводъ и заниматься самыми простыми ремеслами [2].

Между тѣмъ, выселившіеся въ Россію армяне, уравненные въ правахъ съ другими подданными и пользуясь полною свободой вѣроисповѣданія и языка, продолжали *вѣрою и правдою* служить давшей имъ успокоеніе державѣ. По предложенію военнаго министра Чернышева [3], армянамъ, въ виду доказанной ими храбрости и усердія къ Россіи, была поручена охрана новой границы съ Турціей (1829 г.). Все послѣдующее время, въ теченіе почти полувѣковой борьбы Россіи съ разноплеменнымъ мусульманскимъ населеніемъ Кавказскаго перешейка, справедливо называемаго vagina gentium, армяне сослужили службу Россіи, не только выставивъ первоклассныхъ генераловъ, какъ напримѣръ, князя М. З. Аргутинскаго-Долгорукаго, покорителя Дагестана (гдѣ ему и воздвигнутъ памятникъ), и много талантливыхъ офицеровъ, но въ массахъ народныхъ [4], служившихъ проводниками и *оплотомъ русской гражданственности* [5].

Предпослѣдняя война Россіи съ Турціей исполнила турецкихъ армянъ самыхъ радужныхъ надеждъ. Армяне съ самаго начала выказали, попрежнему, преданность и содѣйствіе Россіи, за что и подверглись репрессаліямъ со стороны турокъ [6]. Во главѣ дѣйствующаго отряда стоялъ армянинъ кн. В. О. Бебутовъ, одерживавшій легендарныя побѣды, удивительныя даже для прославленныхъ своею храбростью кавказскихъ войскъ (при Башъ-Кадыкларѣ съ 10 тыс. кн. Бебутовъ разбилъ тридцати-тысячное турецкое войско) [7]. Но конецъ борьбы не оправдалъ надеждъ армянъ. Справедливое управленіе начальника Карсскаго пашалыка армянина (впослѣдствіи графа) М. Т. Лорисъ-Меликова [8]) вызвало среди турецкихъ

[1]) См. тамъ же всеподданн. рапортъ гр. Паскевича отъ 10 октября 1829 г. стр. 830.

[2]) См. тамъ же, рапортъ эрзерумскаго губернатора ген. Панкратова отъ 10 іюня 1830 г., № 118.

[3]) См. тамъ же, оффиціальное донесеніе коменданта Эрзерума, стр. 842.

[4]) „О культурной роли армянъ на Кавказѣ“ см. отзывы Гамба, Керъ-Потера, барона Гастгаузена и Палласа у г. Кананова, стр. 84—85.

[5]) При неоднократныхъ волненіяхъ, возникавшихъ среди кавказскихъ мусульманъ, армяне составляли *самый надежный* оплотъ для правительства. См. т. VI назв. „Актовъ о волненіи въ Карабахѣ“, а также „Описаніе турецкой войны“ 1854 г., Лукьяновича. Спб. 1877 г., 4 ч., стр. 133.

[6]) „Русскіе въ Азіатской Турціи въ 54—55 г.“, ген.-маіора Лихутина. Спб., 1862 г., стр. 191, 268 и 272.

[7]) См. „Восточную войну 1853—1856 гг. “ Богдановича, т. I стр. 240.

[8]) Разумное управленіе краемъ снискало Лорисъ-Меликову расположеніе со стороны мусульманъ, которые поднесли ему передъ отъѣздомъ адресъ (онъ напечатанъ въ т. XI „Актовъ кавк. археогр. коммиссіи“). Къ концу управленія его оказался остатокъ въ 35.000 р. Турецкое правительство дало Лорису орденъ Меджидіе. См. назв. соч. Богдановича, т. IV, стр. 315.

армянъ усиленное стремленіе къ переселенію въ Россію, которое, однако, не было ею принято сочувственно [1]).

Съ юридической точки зрѣнія крымская война внесла въ положеніе турецкихъ армянъ существенное измѣненіе. Европа, ревнуя къ политической роли, созданной для Россіи среди восточныхъ христіанъ, начиная съ Кучукъ-кайнарджійскаго трактата 1774 г., пожелала стать на ея мѣсто. Парижскій трактатъ 1856 г., задавшись безплодною задачей гальванизировать умиравшій отъ нравственнаго худосочія государственный организмъ Турецкой имперіи, принялъ ее въ европейскій концертъ, а ея христіанъ подъ многообѣщающее, но въ сущности фиктивное, совокупное покровительство Европы.

Значеніе послѣдней войны Россіи съ Турціей, въ которой выдающуюся роль играли армяне-генералы: М. Т. Лорисъ-Меликовъ, А. А. Тергукасовъ. И. Д. Лазаревъ и Н. А. Шелковниковъ и др., (см. выше) было громадно для турецкихъ армянъ. Съ первыхъ же шаговъ своихъ на турецкой территоріи русскія войска были встрѣчены дарами со стороны армянъ-пастуховъ, Уже на второй день похода армянское духовенство служило молебенъ съ многолѣтіемъ Царю-Освободителю, выступившему на защиту угнетенныхъ христіанъ. Дружественное настроеніе окружающаго армянскаго населенія было такъ велико, что войска думали, что они у себя дома, а не въ непріятельской землѣ [2]). Пріобрѣтеніе провіанта и фуража дѣлалось на бумажныя деньги, а не на золото, благодаря довѣрію населенія, чего не могли добиться въ Болгаріи. Послѣ взятія Ардагана въ приказѣ по войскамъ говорилось про армянъ, что „они достойны своихъ отцовъ, не разъ клавшихъ кости на защиту братьевъ-христіанъ". Посильное сочувствіе и содѣйствіе армянъ русскимъ войскамъ продолжалось до самаго конца войны [3]), за что со стороны турокъ постигали ихъ жесточайшія репрессаліи (особенно въ Баязетѣ) [4]). Результаты войны для турецкихъ армянъ были значительны: часть ихъ перешла въ Россію, а относительно другой части, оставшейся за Турціей, впервые *по иниціативѣ Россіи*, было выговорено для армянъ право на *спеціальныя* реформы, ограждающія ихъ личную и имущественную безопасность, и тѣмъ положено начало армянскому вопросу *въ области международнаго права*. По ст. 16 Санъ-стефанскаго договора 19 февраля 1878 г., Турція обязалась предъ Россіею: произвести, *безъ дальнѣйшаго отлагательства*, улучшенія и реформы, вызываемыя мѣстными потребностями областей, населенныхъ армянами, и обезпечить ихъ безопасность отъ курдовъ и черкесовъ. Этому благому намѣренію Россіи, за которое доселѣ турецкіе армяне благословляютъ имя Царя-Освободителя, не суждено было, однако, осуществиться, хотя справедливость и цѣлесообразность почина Россіи была такъ очевидна, что къ нему долженъ былъ присоединиться и

1) По инструкціи, данной ген.-лейт. Хрулевымъ Лорисъ-Меликову, переселеніе армянъ должно было быть только допускаемо, но не поощряемо. См. т. XI „Акт. кавк. арх. коммиссіи", № 301.

2) См. „Войну въ Турецкой Арменіи 1877—1878 гг." ген. С. О. Кишмишева, Спб., 1884 г. стр. 12.

3) См. н. с. С. О. Кишмишева, стр. 14, 484, 447.

1889 г , №№ 3 и 4, стр. 298.

4) См. въ статьѣ Жакмена мѣсто изъ синей книги. „Journal de droit international".

берлинскій конгрессъ, несмотря на все его нерасположеніе къ санъ-стефанскому договору: § 61 берлинскаго трактата цѣликомъ повторилъ § 16, присовокупивъ отъ себя, по предложенію не кого другого, какъ лорда Салисбюри новое обязательство Порты, а именно обязанность «періодически сообщатъ о принятыхъ для вышеуказанной цѣли, мѣропріятіяхъ державамъ, которыя будутъ *наблюдать* за ихъ примѣненіемъ» (§ 62).

Независимо отъ этого, была заключена англо-турецкая конвенція 4 іюня 1878 г., коею Англія пріобрѣла протекторатъ надъ Малою Азіей, причемъ и предъ нею Турція въ *третій* разъ обязалась ввести реформы, необходимыя для безопасности армянъ. И за всѣмъ тѣмъ, несмотря на этотъ избытокъ покровителей,—а можетъ быть и благодаря этому избытку,—по русской пословицѣ: у семи нянекъ дитя безъ глаза,—армяне до сихъ поръ, т.-е. въ теченіе болѣе чѣмъ 18 лѣтъ, напрасно *требуютъ* отъ турокъ реформъ, которыя Порта обязалась ввести, безъ дальнѣйшаго отлагательства, еще въ 1878 году.

Такимъ образомъ, историческій ходъ событій привелъ турецкихъ армянъ къ ясному и неискоренимому сознанію, что ихъ вѣковымъ страданіямъ подходитъ, почти уже подошелъ, конецъ, что долготерпѣніе ихъ начинаетъ приносить плоды и европейскія націи вняли, наконецъ, голосу народа, составляющаго самую крайнюю восточную фракцію европейской цивилизаціи. Турецкіе армяне думали, что для спокойнаго и мирнаго существованія, для сохраненія основъ своего національнаго быта, религіи и языка имъ нѣтъ надобности покидать печальную, но дорогую родину, къ которой коренные армяне питаютъ трогательную до наивности и горячую до фанатизма неизгладимую привязанность [1]), что здѣсь именно у родныхъ нивъ и близъ дорогихъ могилъ, чтимыхъ коренными армянами, какъ святыня, долженъ создаться, по волѣ Европы, порядокъ вещей, обезпечивающій ихъ личную и имущественную безопасность, безъ которой немыслимо благосостояніе.

Но доселѣ надежда эта не выходитъ за область pium desiderium!...

Гревъ.

1) См. консульскія донесенія, удостовѣряющія, что земледѣльцы-армяне, вынужденные идти, благодаря неразвитости мѣстной экономической жизни, въ отхожіе промыслы, послѣ десятковъ лѣтъ, проведенныхъ на чужбинѣ, радостно возвращаются въ свои убогія землянки.

Положеніе армянъ въ грузинскомъ царствѣ.

Древняя грузинская лѣтопись «Картвлисъ-Цховреба», подвергшаяся въ началѣ XVIII в. переработкѣ подъ редакціей ученаго царя-законодателя Вахтанга VI, открывается легендарнымъ сказаніемъ о происхожденіи грузинъ и армянъ отъ двухъ родныхъ братьевъ, Аоса и Картлоса, сыновей Торгома, одного изъ позднихъ потомковъ Іафета. Эта новая вставка, въ древнюю грузинскую хронику, первые абрисы которой относятся къ VII вѣку, внесена въ подражаніе Моисею Хоренскому, авторитетъ котораго новыми изслѣдованіями еще не настолько поколебленъ, чтобы считать его знаменитую «исторію Арменіи» лишь искусственной поздней компиляціей изъ разныхъ, иногда подозрительныхъ, туземныхъ и иностранныхъ источниковъ. Въ настоящее время, подъ вліяніемъ христіанскихъ воззрѣній,—усвоенное отцомъ армянской исторіи и редакторомъ грузинской лѣтописи, ложноизвѣстной Вахтанговой, представленіе объ единствѣ происхожденія грузинъ и армянъ отъ общаго предка, восходящаго къ библейскому патріарху, отвергнуто лингвистикой и антропологіей,—нынѣ наиболѣе надежными основами для разрѣшенія темнаго вопроса объ отдаленномъ племенномъ родствѣ различныхъ народовъ. Армяне, какъ свидѣтельствуетъ сравнительное языкознаніе, принадлежатъ къ индо-европейской группѣ племенъ, а грузинъ, не имѣющихъ родства ни съ однимъ изъ установленныхъ семействъ (арійскаго, семитическаго и туранскаго) языковъ, наука выдѣлила въ самостоятельную группу—въ группу иверійскую. Антропометрическія изслѣдованія также удостовѣряютъ, судя по росту и черепу, что армяне и грузины восходятъ къ двумъ различнымъ типамъ Бѣлой или кавказской расы.

Однако легенда о родственныхъ узахъ связывающихъ армянъ и грузинъ, возникшая въ концѣ XVII в., представляется знаменательной и имѣетъ свое историческое объясненіе. Легенда эта, исходя изъ современныхъ взаимныхъ отношеній грузинъ и армянъ, закрѣпила ту фактическую близость и освятила ту традиціонную общность интересовъ, которая удостовѣрена совмѣстною жизнью этихъ двухъ древнихъ народовъ Востока въ предѣлахъ закавказскаго края, на пространствѣ болѣе 1000 лѣтъ. Вѣдь легенда создается не во имя будущихъ идеаловъ, а въ цѣляхъ оправданія вѣками установившейся формы общественнаго строя съ его сложнымъ механизмомъ быта, обычаевъ и народнаго міровоззрѣнія. Пройденный Грузіей историческій путь и далъ благодарную пищу и толчекъ для

зарожденія вышеприведенной легенды. Политическія и религіозныя сношенія грузинъ съ Арменіей въ эпоху ея самостоятельнаго существованія, переселеніе армянъ въ Грузію, начавшееся съ V в. и непрерывно усиливавшееся до нашего времени, неумолкаемыя столкновенія съ Персіей и Турціей, грозныя житейскія бури при окристаллизовавшемся національномъ самосознаніи, впрягли въ одно неизбѣжное историческое ярмо два чуждыхъ по происхожденію народа, связанныхъ пережитыми воспоминаніями и одинаково истерзанныхъ судьбою. Ничто такъ не связываетъ людей какъ общее несчастіе, нерѣдко являющееся единственнымъ цементомъ для прочности того фундамента, на которомъ возводится новое зданіе противъ грядущихъ невзгодъ. А исторія Грузіи и Арменіи одинаково раскрываетъ рядъ кровавыхъ страницъ о страданіяхъ народа, выжженыхъ поляхъ, попраныхъ святыняхъ.

Первое упоминаніе объ армянахъ въ лѣтописи грузинъ связано съ принятіемъ христіанства ими изъ общаго византійскаго источника. Отдѣленіе армянъ послѣдовало на Халкедонскомъ соборѣ 451 года. Но это отпаденіе юной паствы отъ греческой церкви не сопровождалось особеннымъ обостреніемъ взаимныхъ отношеній между Грузіей и Арменіей, а въ одной провинціи грузинскаго царства, именно въ Сомхетіи, безпрепятственно водворилось григоріанское вѣроисповѣданіе. Правда, тщетны были попытки къ соединенію церквей армянской и грузинской при грузинскихъ царяхъ Багратѣ IV (958—994) и Давидѣ Возобновителѣ (1089—1125) и царицѣ Тамарѣ, при которой посредникомъ явился Мхитаръ Гошъ, авторъ Свода Законовъ церковныхъ и гражданскихъ по Юстиніану, но прежнія дружественныя связи не прерывались. При Давидѣ Возобновителѣ армяне стали подъ исключительное покровительство грузинскаго правительства. Этотъ царь, воспользовавшись крестовыми походами въ М. Азіи, освободилъ Грузію отъ владычества турокъ сельджуковъ, взялъ Ани-столицу Арменіи и, въ интересахъ экономическаго подъема разоренной страны, переселилъ армянъ во вновь построенные для нихъ или заброшенные города грузинскаго царства. Лѣтописецъ грузинскій и сами армянскіе историки (напр. Матвѣй Эдесскій) свидѣтельствуютъ, что царь Давидъ относился съ любовью и такою вѣротерпимостью къ армянамъ, что самъ посѣщалъ ихъ церкви и получалъ благословеніе отъ армянскихъ пастырей.

Не только религіозная свобода армянъ не подвергалась какимъ либо ограниченіямъ, но имъ предоставлены были въ полномъ объемѣ политическія и гражданскія права. Правительство шло навстрѣчу нуждамъ армянскаго населенія, селившагося въ деревняхъ съ грузинами, а въ городахъ пользовавшагося извѣстною автономіей, исключительными преимуществами предъ прочими иностранцами. Такъ, въ судебной юрисдикціи они подлежали карамъ и взысканіямъ на основаніи армянскихъ законовъ Мхитара Гоша XII в., переведенныхъ на грузинскій языкъ и вошедшихъ впослѣдствіи въ «Уложеніе царя Вахтанга VI». Отвѣтственныя административныя и военныя обязанности возлагались на армянъ наравнѣ съ грузинами, доказавшихъ свои способности въ соотвѣтствующей цѣлямъ сферѣ дѣятельности. Такъ въ Сомхетіи «меликами» — правителями или намѣстниками назначались исключительно представители изъ армянскихъ фамилій. При царицѣ Тамарѣ армянинъ Захарій Мхарджели является близкимъ къ трону совѣтникомъ и довѣреннымъ военачальникомъ въ безпрерывныхъ, но побѣдоносныхъ войнахъ въ М. Азіи и Персіи, веденныхъ незабвенной въ памяти народовъ, боговдохновенной царицей. По рѣшительному голосу Абуласана, одного изъ тифлисскихъ армянъ, именитаго купца и бывшаго въ разныхъ краяхъ по торговымъ предпріятіямъ, совѣтъ

вельможъ опредѣлилъ просить юную царицу Тамару, вступившую на престолъ дѣвой, по смерти отца своего Георгія III, принять предложеніе русскаго князя, бывшаго въ то время у Кипчакскаго (половецкаго) хана, по мнѣнію Карамзина, Юрія, сына Андрея Боголюбскаго. Бракъ, [1]) дѣйствительно, былъ заключенъ, но вскорѣ послѣдовали недоразумѣнія, и непродолжительное пребываніе русскаго князя въ Грузіи завершилось его изгнаніемъ въ Грецію.

Нѣтъ нужды перечислять примѣры участія армянъ во внутреннихъ дѣлахъ правленія грузинскимъ царствомъ. Вспомнимъ только, что новый порядокъ престолонаслѣдія, объявленный въ концѣ XVIII в. предпослѣднимъ царемъ Ираклiемъ II, былъ составленъ армяниномъ Осепомъ Коргановымъ. Въ силу этого указа престолъ долженъ былъ переходить не отъ отца къ сыну, а къ старшему члену въ родѣ, т. е. сначала братьямъ царя, а потомъ ихъ дѣтямъ по нисходящей линіи. Горькіе плоды реформы порядка престолонаслѣдія не замедлили внести смуту въ царскую семью чрезъ 4 года по его обнародованіи, т. е. 1801 г. въ день смерти Георгія XII. Но самый фактъ составленія указа Коргановымъ свидѣтельствуетъ о вліяніи армянъ въ дворцовой жизни и ея переворотахъ. Усиленіе и ослабленіе участія армянъ въ ходѣ государственныхъ дѣлъ, конечно, легко прослѣдить въ исторіи Грузіи, какъ неизбѣжные періодическіе приливы и отливы безпокойнаго взволнованнаго моря. Правда, Георгій XII относился къ нимъ съ недовѣріемъ, но его отецъ, Ираклій II цѣнилъ ихъ и, укрывшись въ Анапурахъ послѣ разоренія Тифлиса Ага-Магометъ-Ханомъ, шахомъ персидскимъ, былъ сопутствуемъ единственнымъ слугою, вѣрнымъ армяниномъ, самоотверженно раздѣлявшимъ съ Круанисскимъ героемъ грозу-разсвирѣпѣвшихъ персіянъ.

Временное значеніе, пріобрѣтаемое армянами въ Грузинскомъ царствѣ, нерѣдко закрѣплялось за ними въ видѣ наслѣдственно передаваемыхъ должностей или возведеніемъ ихъ въ дворянскія и княжескія достоинства. Такъ, въ фамиліи князей Тумановыхъ члены ея по наслѣдству облекались званіемъ государственнаго секретаря. Родъ князей Бебутовыхъ выдвигалъ одного изъ своихъ сочленовъ, къ которому переходила должность тифлисскаго мелика, т. е. главы городскихъ купцовъ и ремесленниковъ [2]). Въ знакъ особаго довѣрія, армяне призывались къ отправленію воинской повинности, къ охраненію трона и государства. Когда царь Ираклій II замѣнилъ *нокари* милицію, учрежденную отцемъ его, Теймуразомъ II, ополченіемъ *мориге*, то въ составъ послѣдняго одинаково вошли и грузины, и армяне, и татары. Въ мориге входили поселяне-хлѣбопашцы, скотоводы, садоводы, отправляли службы одинъ мѣсяцъ въ году въ назначенномъ отъ царя пунктѣ.

Значеніе армянъ въ грузинскомъ царствѣ не исчерпывается тѣми услугами на военномъ и административномъ поприщѣ, которыя мы несли лишь отчасти, наряду съ господствующимъ слоемъ населенія. У армянъ была спеціальная сфера дѣятельности, они составляли въ Грузіи tiers-état, третье сословіе, къ которому принадлежали *лишь единицы* изъ грузинъ. Все армянское населеніе въ Грузіи раздѣляется нынѣ на 2 группы: *сельское и городское*. Сельское населеніе занимается тѣмъ же, чѣмъ грузинскіе крестьяне: земледѣліемъ и винодѣліемъ, а го-

1) Царевичъ Давидъ, въ своей исторіи Грузіи (Тифлисъ, 1893 года, 29) очевидно находился въ заблужденіи наз. мужемъ Тамары россійск. князя Андрея).

2) Въ концѣ XVIII в. былъ извѣстенъ въ Тифлисѣ меликъ — мамасахлисъ Дарчіа Бебутковъ.

родское населеніе Тифлисской губ. является торгово промышленнымъ классомъ, роль котораго въ западной Грузіи (Кутаис. губ.) вмѣстѣ съ имеретинами и гурійцами отправляютъ огрузинѣвшіе евреи. Высшее сословіе грузинскаго народа было поглощено обязанностями военными и служебными въ различныхъ вѣдомствахъ государственной машины, а низшее сословіе, въ короткій досугъ отъ бряцанія мечемъ, переходило съ поля брани къ пашнѣ и къ обработкѣ садовъ. А между тѣмъ возроставшія нужды государства, неудовлетворявшіяся натуральнымъ хозяйствомъ, вызывали къ жизни свободный отъ прочихъ обязанностей классъ людей, могущихъ стать посредникомъ между производителями и потребителями, заняться разработкой естественныхъ богатствъ страны и располагающихъ денежнымъ капиталомъ для ссуды самимъ царямъ на государственныя и общественныя потребности. Такимъ нужнымъ Грузіи торгово-промышленнымъ классомъ явились армяне, организовавшіеся въ амкарства или союзы, совершенно аналогичные съ средневѣковыми цехами. Цехи находились въ вѣдѣніи городскаго «устабаши»— старшины и «мелика» [1]), который принималъ участіе въ судебныхъ процессахъ, касающихся купцовъ и ремесленниковъ. Своей энергіей, неусыпнымъ стремленіемъ къ намѣченнымъ цѣлямъ, при отсутствіи конкурренціи со стороны грузинъ, армяне сумѣли достигнуть высокаго благосостоянія въ городахъ: Тифлисѣ, Гори, Сигнахѣ, Телавѣ, Ахалцихѣ, къ которымъ, какъ къ торговымъ центрамъ, тяготѣетъ вся экономическая жизнь отдѣльныхъ провинцій. Уже въ періодъ самостоятельнаго существованія грузинскаго царства были извѣстны капиталисты изъ армянъ: Мдиванъ Манучаръ при Ираклiи II, Ванели Геуркъ, Артемъ Богдановъ при Георгіи XII, которые выдавали ссуды членамъ царской фамиліи [2]) и именитымъ аристократамъ подъ залогъ городской или сельской земельной собственности, или давались имъ въ обезпеченіе поступленія государственныхъ податей: какъ, царь Ираклій занялъ у господина Акопа 300 р., которые заемщикъ обязывается уплатить изъ штрафныхъ денегъ, имѣющихъ поступить въ казну. Богатство армянъ при оскудѣніи средствъ у грузинъ, стало настолько заманчивымъ еще въ XVIII в., что сами царевичи выступали и женихами дѣвушекъ изъ армянскихъ семействъ.

Если на закатѣ дней Грузіи армяне сосредоточили въ своихъ рукахъ ея экономическую жизнь, то на зарѣ ея исторіи они входили, какъ связующее звено въ ту культурную цѣпь, которая охватывала Кавказъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ: изъ Персіи и Византіи. Въ эпоху язычества зароастризмъ и культъ огня съ равной силой водворился въ Грузіи и Арменіи а со времени распространенія въ нихъ ученія Евангелія, эти двѣ небольшія полосы Закавказья и М. Азіи продолжаютъ мерцать, при всѣхъ превратностяхъ судьбы, единственными христіанскими свѣточами въ мусульманскомъ океанѣ, заливавшемъ ихъ изъ Ирана и Турціи. Вѣра въ Спасителя послужила той благодатной почвой, на которой пришлый элементъ, армяне, могли сблизиться съ туземнымъ грузинскимъ населеніемъ. Пере-

1) Нѣкоторые изъ этихъ „меликовъ“ назначались съ болѣе широкими полномочіями и получали званіе „меликъ-мамасахлиса“, т. е. градоначальника. Въ 1799 г. при царѣ Теимуразѣ былъ опредѣленъ тифлисскимъ меликъ-мамасахлисомъ нѣкто Аветикъ (См. груз. крест. грамот. изд. Д. Пурцеладзе, стр. 29; гр. Двор. акты изд. имъ же стр. 18).

2) Подъ 1799 г. читается слѣдующее письмо: Я, царевичъ Георгій, занялъ у тебя Мелика Шакре 200 р.; когда кочевники возвратятся изъ своихъ кочевьевъ, тогда мы уплатимъ имъ сполна. Просимъ, чтобы объ этомъ никто не узналъ. —

листывая страницы лѣтописи Грузіи мы удостовѣряемъ, что грузинскіе цари никогда *не дѣлали различія* между грузинами и армянами, предоставляя послѣднимъ полную свободу совѣсти и во всемъ объемѣ политическія и гражданскія права.

Въ Грузіи всѣ христіанскія вѣроисповѣданія, безъ различія оттѣнковъ, пользовались ничѣмъ неограниченною терпимостью и любопытно, что грузинскій народъ, самъ будучи искони православнымъ, противопоставляетъ себя лишь мусульманамъ, а не отдѣльнымъ фракціямъ, исповѣдующимъ св. Евангеліе. Вмѣстѣ съ армяно-григоріанскимъ вѣроисповѣданіемъ съ XVI в. стало безпрепятственно распространяться въ предѣлахъ Грузіи католичество, глава котораго папа, Пій VI, благодарилъ царя Георгія XII за покровительство, оказанное послѣднимъ миссіонерамъ перваго. Принадлежность къ двумъ церквамъ не мѣшала армянамъ и грузинамъ заключать смѣшанные браки, являться воспріемниками и вступать въ различныя родственныя связи. Почитаются общія святыни; усвоиваются армянами грузинскій языкъ и обычаи. Оглядываясь назадъ, такимъ образомъ, мы не можемъ указать яркихъ примѣровъ вражды или отсутствія солидарности между армянами и грузинами [1]). Констатированіе этого факта для многихъ будетъ совершенною неожиданностью, но пусть они не забываютъ, что: dies diem docet.

[1]) Старый армянскій публицистъ г. Симоніанцъ, припоминая гуманное время 60-хъ годовъ, когда кавказская пресса, безъ различія національностей, преслѣдовала общія культурныя задачи, съ грустью отмѣчаетъ то недовѣріе и вражду, которую сѣютъ въ послѣднее время между грузинами и армянами, связанными смежнымъ сожительствомъ въ теченіе многихъ вѣковъ.—Коснувшись въ частности вопроса о преобладаніи армянъ въ городахъ, авторъ указываетъ, что многовѣковое явленіе было обусловлено особенностями стараго грузинскаго строя. У грузинъ, пишетъ онъ, никогда не было такъ называемаго *третьяго сословія*; они состояли изъ дворянъ землевладѣльцевъ и крѣпостныхъ. Третье сословіе (купцы и ремесленники) состояло изъ армянъ не только въ Тифлисѣ, но и въ другихъ городахъ Грузіи. Тифлисскіе мокалаки (горожане) играли такую важную роль, что не охотно выдавали дочерей своихъ за дворянъ. Съ измѣненіемъ историческихъ обстоятельствъ, замѣчаетъ г. Симоніанцъ, должны измѣниться и отношенія между армянами и грузинами, но не по внушенію зависти и ненависти, а въ духѣ взаимнаго благоволенія и помощи. —

Только при незнакомствѣ съ исторіею можно утверждать, что въ послѣднее время число армянъ увеличилось въ Тифлисѣ и его губерніи. Напротивъ % армянъ въ Тифлисѣ теперь гораздо слабѣе, чѣмъ было до присоединенія Грузіи къ Россіи. „Почти невѣроятно, но вмѣстѣ съ тѣмъ достовѣрно, пишетъ Владыкинъ, что въ 1803 г. въ Тифлисѣ считалось до 2700 домовъ;—*только 18 домовъ* принадлежало грузинамъ, остальные же принадлежали армянамъ; такимъ образомъ столица составляла тогда *вполнѣ собственность армянскую*“ (Путеводитель по Кавказу М. Владыкина стр.—330).—По переписи, произведенной духовенствомъ въ 1821 г. въ городахъ оказалось дымовъ:

	Грузинскихъ и русскихъ.	Армянскихъ.
Тифлисъ	417	2951
Гори	121	331
Анануръ	24	123
Телавъ	74	236
Сигнахъ	12	377

(См. Армянскіе каѳоликосы Ерицiана стр. 139).

Лучшая кавказская газета, одна изъ наиболѣе умѣло редактируемыхъ провинціальныхъ газетъ, *Новое Обозрѣніе*,—не устаетъ ратовать за согласіе между этими народностями, спокон вѣку жившими добрыми сосѣдями.

Ред.

Армяне на Кавказѣ

Статистическіе наброски.

Стать настоящимъ русскимъ, стать вполнѣ русскимъ, можетъ быть, и значитъ только стать братомъ всѣхъ людей, *всечеловѣкомъ*, если хотите.
Достоевскій.

L'unité nationale n'a pas de signe plus éclatant que l'unité de la législation universellement acceptée ou imposée, et peut être n'est ce pas assez de voir là un simple signe, car il s'agit de la chose elle-même, de ce qui en constitue la substance et le fond.

I.

Земледѣліе.

Въ русской печати почти одновременно стали появляться и извѣстія объ избіеніяхъ армянъ въ Малой Азіи и необычно рѣзкія нападки на этотъ народъ. Чѣмъ достовѣрнѣе становились свѣдѣнія о неслыханныхъ истязаніяхъ, отъ которыхъ гибли тысячами и старики, и священники, и женщины, и дѣти, тѣмъ нападки нѣкоторыхъ органовъ прессы на какія то присущія армянамъ нетерпимыя особенности становились ѣдче. Отмѣчая это въ высшей степени любопытное явленіе, мы не беремся объяснить его,—скажемъ только, что въ прежнее время такого разлада между основными историческими воззрѣніями русскаго народа на необходимость, неизбѣжность заступничества за придавленное и измученное христіанское населеніе Востока и грубымъ издѣвательствомъ надъ избіенными и изнасилованными, въ печати, не было. Нынѣ оффиціально признана достовѣрность новыхъ мукъ, понесенныхъ этимъ многострадальнымъ народомъ въ прошломъ (1896) году, и Государю Императору благоугодно было призвать русское общество на помощь тѣмъ нѣсколькимъ тысячамъ армянъ, которые, бросивъ свои жилища и оберегая

свою вѣру, честь и жизнь, искали убѣжища въ сопредѣльной Россіи; въ настоящее время эти измученные христіане нуждаются въ хлѣбѣ, одеждѣ и жилищахъ.

Только вотъ, скажутъ можетъ быть, все сказанное вами справедливо и помочь слѣдуетъ, въ Россіи найдется, конечно, средство одѣть и накормить нѣсколько тысячъ человѣкъ, но вѣдь доказано, что армяне на Кавказѣ занимаются исключительно торговлею въ городахъ, скопили въ рукахъ своихъ громадные капиталы, закабалили все населеніе, не исключая и властей, воспитываютъ дѣтей своихъ за границей въ ненависти къ Россіи и только мечтаютъ о созданіи отдѣльнаго автономнаго армянскаго княжества, что это вѣрно, то доказательствомъ тому служитъ во первыхъ — отсутствіе какихъ бы ни было возраженій въ русской печати, а во вторыхъ почти тѣ же положенія повторяются французской печатью. Напр. въ Revue de Paris, въ номерѣ отъ 1 и 15 января нынѣшняго года помѣщена статья г. Victor Bérard'a «la Politique du sultan», въ которой буквально сказано слѣдующее: „Depuis 1870 surtout, les Arméniens avaient beaucoup prospére au sud du Caucase. Débordant de leur pays, ils avaient peu à peu occupé la Géorgie, et les grandes villes étaient en majorité arméniennes: Tiflis, Alexandropol etc. La terre était passée dans leurs mains. Le commerce local et le transit entre l'Europe et la Perse les avaient enrichis. et leurs maisons avaient des comptoirs en France, en Angleterre, en Amérique, dans le monde entier. Mais leurs sentiments à l'égard des Russes n'avaient pas changé. Au contraire, à mesure qu'un plus grand nombre de leurs fils s'en venaient aux universités d'Allemagne et de France, l'idée nationale arménienne gagnait des adeptes plus nombreux et plus convaincus“ и т. д. А слѣдовательно, не пригрѣть бы намъ за пазухой змѣю. Такъ-ли это?

Авторы статей какъ въ русской такъ и во французской прессѣ въ доказательство справедливости своихъ утвержденій не приводятъ никакихъ данныхъ.

Возраженій по существу мы точно также не встрѣчали въ печати.

Такимъ образомъ единственный способъ поколебать образовавшееся предубѣжденіе—это обращеніе къ безспорнымъ фактамъ и цифрамъ, такъ мы и поступили въ статьяхъ помѣщенныхъ въ „Русской Мысли“ за сентябрь и октябрь 1896 года. Не желая быть обвиненными въ голословности, мы вынуждены были привести въ этихъ статьяхъ не только итоги по всѣмъ частнымъ вопросамъ, на которые—необходимо было отвѣтить, но тѣ слагаемыя изъ которыхъ эти итоги получались. Въ настоящей статьѣ мы ограничимся выводами, отсылая желающихъ подробнѣе ознакомиться съ вопросомъ къ названнымъ статьямъ.

Всѣхъ армянъ на Кавказѣ 985,460 человѣкъ; изъ нихъ проживаютъ въ городахъ 219,591. Армянское населеніе сосредоточено въ трехъ губерніяхъ: Эриванской, Елизаветпольской и Тифлисской, а въ этихъ губерніяхъ въ пяти смежныхъ уѣздахъ: Александропольскомъ, Новобаязетскомъ, Эчміадзинскомъ, Шушинскомъ и Ахалкалакскомъ. Вся эта мѣстность представляетъ собою гористую страну, гдѣ искони жили армяне или таковые поселены русскимъ правительствомъ послѣ войны съ Турціей.

Въ этой мѣстности проживаетъ 845,667 человѣкъ армянъ, иначе говоря 69,6% всего армянскаго населенія Кавказа.

Громадное большинство этого населенія, 97,3%, принадлежитъ къ крестьянскому сословію и проживаетъ не въ городахъ, а въ селеніяхъ, гдѣ они, армяне, и занимаются земледѣліемъ, причемъ или исключительно, или главнымъ образомъ воздѣлываютъ кормовые хлѣба,—садоводство-же (виноградники и фруктовые сады), хлопководство и шелководство являются лишь подсобными къ основному сельско-хозяйственному промыслу—хлѣбопашеству. Такъ — въ уѣздахъ Александропольскомъ, Ново-баязетскомъ и Эчміадзинскомъ Эриванской губерніи собирается всѣхъ хлѣбовъ до 936 тысячъ пудовъ; — со всей же губерніи, съ *семи* уѣздовъ, 1,850,000 пудовъ, т.-е. въ названныхъ трехъ уѣздахъ собирается болѣе половины общаго сбора хлѣбовъ по губерніи. Въ Шушинскомъ уѣздѣ Елизаветпольской губерніи собирается хлѣбовъ около 460 тысячъ пудовъ; во всей же губерніи, въ 8 уѣздахъ, два милліона семьсотъ тысячъ пудовъ, такимъ образомъ въ Шушинскомъ уѣздѣ сборъ хлѣбовъ достигаетъ $1/_{5}$ общаго количества по губерніи; по пространству этотъ уѣздъ въ сравненіи съ другими занимаетъ четвертое мѣсто.

Въ Ахалкалакскомъ уѣздѣ Тифлисской губерніи сборъ хлѣбовъ равенъ 284,557 пудовъ, по губерніи, въ которой 9 уѣздовъ,—1,650.000 пудовъ, т. е. уѣздъ доставляя болѣе одной пятой всего сбора, по пространству Ахалкалакскій уѣздъ седьмой изъ девяти.

Земля, въ изслѣдуемой мѣстности, обрабатывается *тщательнѣе*, чѣмъ гдѣ бы то ни было на Кавказѣ, но населеніе не выходитъ изъ колеи первобытнаго способа обработки, который нельзя не признать весьма несовершеннымъ; это зависитъ отъ недостатка средствъ образованія и отъ примитивности земледѣльческихъ орудій, которыя неуклюжи, тяжеловѣсны и требуютъ много лишней силы и времени.

Въ большинствѣ случаевъ, по недостатку матерьяльныхъ средствъ, крестьяне не имѣютъ возможности вспахать свои поля плугомъ, и пашутъ гутомъ (сохой), а такая обработка—при твердости распахиваемаго грунта далеко не удовлетворительна. Для обработки мѣстнымъ плугомъ, требующимъ отъ четырехъ до десяти паръ быковъ, крестьяне соединяются въ артели и общими силами пашутъ поочередно поля участниковъ. Такое соединеніе людей, орудій и скота называется «ало» или «аваджъ». Ало длится отъ двадцати одного дня до тридцати трехъ и всѣхъ ало въ году бываетъ до трехъ.

Система полеводства не вездѣ одинакова, даже на небольшихъ пространствахъ: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ двухпольная, въ другихъ трехпольная, иногда многопольная, что обусловливается топографическимъ положеніемъ разсматриваемой мѣстности, качествомъ почвы и, главнымъ образомъ, количествомъ воды для орошенія. Одни и тѣ же участки обрабатываются пять, шесть лѣтъ подрядъ до истощенія почвы.

Населеніе, при лѣтнемъ бездождіи, не можетъ и съ помощью искусственнаго орошенія, хотя бы нѣсколько ослабить пагубное вліяніе засухи; такъ что засуха является неотвратимымъ бѣдствіемъ въ особенности и потому еще, что другихъ доходныхъ источниковъ, какъ хлопководство, виноградарство и табаководство, выручающихъ въ этихъ случаяхъ жителей низменныхъ мѣстъ, здѣсь почти нѣтъ, точно также весьма слабо развиты отхожіе промыслы.

Уборка хлѣбовъ съ полей производится серпомъ и косой. Молотятъ съ помощью молотильной доски.

Армяне-землепашцы близъ Алагеза (Эриванской губерніи).

Доска эта съ передняго конца загнута кверху, а нижняя ея сторона вся усажена острымм кусками кремня. Къ переднему—загнутому концу припрягаютъ воловъ или буйволовъ, которые и везутъ доску, на которой сидятъ женщины и дѣти, по хлѣбу, разложенному на току, причемъ острые камни выбиваютъ зерно изъ хлѣба. При этой молотьбѣ солома измельчается и получается въ видѣ такъ называемаго самана.

Хлѣбъ вѣютъ лопатой и рѣшетомъ. Сохраняютъ хлѣбъ въ ямахъ пирамидальныхъ и конусообразныхъ съ широкимъ основаніемъ и узкимъ верхнимъ отверстіемъ.

Въ большинствѣ случаевъ крестьяне вынуждены продавать свой хлѣбъ скупщикамъ, которые ихъ сильно эксплоатируютъ, благодаря отсутствію дешеваго кредита. Нужда въ деньгахъ для уплаты податей и удовлетворенія прочихъ необходимыхъ потребностей заставляетъ крестьянъ кредитоваться у кулаковъ на самыхъ тяжкихъ условіяхъ,—уплаты долга зерномъ отъ ожидаемаго урожая, причемъ кромѣ того что зерно идетъ по цѣнѣ гораздо ниже рыночной, крестьянъ еще и обвѣшиваютъ и обмѣриваютъ.

Въ какой зависимости находится урожай отъ орошенія въ гористыхъ мѣстностяхъ, къ которымъ принадлежатъ почти во всемъ объемѣ разсматриваемые уѣзды, видно изъ слѣдующихъ выписокъ всеподданнѣйшаго отчета по Эриванской губерніи за 1894 годъ. «Въ гористой мѣстности губерніи были и въ этомъ году неурожай, зерна получилось мало, а солома во многихъ пунктахъ оказалась на столько малорослой, что крестьяне вынуждены были не косить *хлѣбъ*, *а рвать руками*. Особенно же пострадали весь Новобаязетскій, Абаранскій участокъ, Эчміадзинскій и часть Александропольскаго уѣзда. Къ сожалѣнію, это сильно ослабило экономическое благосостояніе жителей этихъ мѣстностей, уже расшатанное неурожаями 1893 и отчасти 1892 года».

Какъ объясненіе этой удивительной стойкости армянскихъ крестьянъ въ борьбѣ съ неурожаями приводимъ слѣдующее примѣчаніе редакторовъ свода статистическихъ данныхъ по Елизаветпольской губерніи. «Наибольшій дымъ (дворъ) оказывается у армянъ. Армяне, по возможности, избѣгаютъ семейныхъ раздѣловъ, почему нерѣдко встрѣчаются дымы въ 15, 20 и даже 30 душъ, тогда какъ между остальными народами сильно развито стремленіе къ обособленію, почему при женитьбѣ создается непремѣнно собственное хозяйство».

Понятенъ теперь, смѣемъ думать, эпитетъ „трудолюбивый“, который обычно прилагается къ армянскимъ крестьянамъ, какъ оно значится и въ отчетахъ г. Карсскаго губернатора.

II.

Вся торговля находится въ рукахъ армянъ.

Посмотримъ, на сколько эти увѣренія соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Остановимся прежде всего на внѣшней торговлѣ, которая обращаетъ на себя особое вниманіе, благодаря развившемуся въ послѣдніе годы вывозу. Главные торговые пути Кавказа—моря Черное и Каспійское, сухопутныя же границы—

сѣверныя съ Россіей южныя съ Турціей и Персіей не имѣютъ большого торговаго значенія.

Подводя общіе итоги по привозу и вывозу товаровъ, мы получимъ слѣдующія цифры: ввозится 34 милліона пудовъ,—вывозится 253 милліона. Вывозъ превышаетъ ввозъ почти въ восемь разъ.

Изъ предметовъ вывоза главное мѣсто принадлежитъ *нефти* и ея продуктамъ, которыхъ вывезено 231 милліонъ пудовъ за границу и въ Россію. Всего изъ Баку вывезено нефти 248 милліоновъ пудовъ. Такимъ образомъ вывозъ нефти равенъ 85% всего вывоза.

Изъ предметовъ ввоза болѣе половины 34 милліоновъ пудовъ составляютъ предметы необходимые для нефтяной промышленности: лѣсной матерьялъ въ доскахъ и брусьяхъ, жесть, олово, сѣра, селитра, ѣдкій натръ, кали и машины.

Въ чьихъ же рукахъ находится эта торговля и связанная съ экспортомъ продуктовъ—промышленность? $95{,}_5$% общаго экспорта находятся въ рукахъ девяти фирмъ: Ротшильда (Каспійско-черноморское общество), братьевъ Нобель, Манташева, Рихнера, Шабаева, Бакинскаго Стандарта (Франц. комп), Цовьянова, Дененса и Ангелидеса (Сидеридеса). Изъ числа этихъ девяти фирмъ, только двѣ—Манташевъ и Цовьяновъ—армянскія. Манташевъ экспортируетъ $7{,}_2$%, а Цовьяновъ $3{,}_2$%.

$3{,}_9$% всего вывоза находятся также въ рукахъ девяти фирмъ: Русско-кавказскаго нефтяного Общества, Гроте, Быховскаго, Русскаго общества пароходства и торговли, Хачатурянца, Бульфруа, Шахбазова, Жолквера и Фельдмана. Каждая изъ этихъ фирмъ экспортируетъ въ размѣрѣ отъ 0,81% до 0,09%. Въ числѣ ихъ одна армянская—Хачатурянца. Транспортированіемъ нефтяныхъ продуктовъ за границу занимаются преимущественно иностранцы. Для удовлетворенія потребностей юга Россіи нефть направляется въ Одессу, Николаевъ и Севастополь наливомъ на пароходахъ Русскаго общества пароходства и торговли.

Общее количество добытого въ 1894 году нефти 337,051,834 пуда, стоимость ея на мѣстѣ около сорока милліоновъ рублей.

Керосинозаводчики образуютъ особый союзъ; въ этотъ союзъ вошли лица обладающія 97% общей производительности заводовъ Бакинскаго района. Въ числѣ главныхъ основаній этого союза значится и слѣдующее: «торговля керосиномъ производится за общій счетъ всего союза тремя торговыми агентами: братьями Нобель, Каспійско-Черноморскимъ Обществомъ (Ротшильдъ) и Бакинскимъ Стандартомъ (Франц. ком.)».

У всѣхъ главныхъ экспортеровъ въ Баку и Батумѣ свои мастерскія. Особенно значительны мастерскія Ротшильда и братьевъ Нобель, гдѣ работаютъ до тысячи человѣкъ. Суточная производительность всѣхъ этихъ заводовъ доходитъ до 100,000 жестян. и 50,000 ящиковъ.

Послѣ нефти главнѣйшими предметами вывоза являются *марганецъ и кукуруза*.

Марганца было вывезено въ 1894 году семь съ половиной милліоновъ пудовъ руды—на сумму свыше трехъ милліоновъ рублей, а кукурузы около шести

милліоновъ пудовъ на 3,452,000 руб. Главнѣйшими дѣятелями по добычѣ и вывозу марганцевой руды являются слѣдующія фирмы:

Гольбауеръ (заводъ Крупа), баронъ Мерценфельдъ, Саленьки, Лимбергеръ, Болети, Шаберъ и Гроте, Шотензакъ, Эвринъ, Гроте, Больдета, Понасье, Рихнера и мѣстные помѣщики имеретины гг. Н. В. Гогоберидзе, Г. З. Чубинадзе, Кекобадзе, Мосешвили и кн. Багратіонъ Мухранскій.

Кукуруза и производится и вывозится изъ Кутаисской губерніи имеретинами.

Въ дальнѣйшемъ обзорѣ промышленности, какъ добывающей такъ и обрабатывающей,—мы будемъ останавливаться лишь на тѣхъ предпріятіяхъ, которыя имѣютъ торговое значеніе.

Въ 1893 году добыто *ископаемыхъ*, какъ оно видно изъ свѣдѣній о количествѣ производительности горныхъ заводовъ, рудниковъ, копей, соляныхъ и иныхъ промысловъ, помѣщенныхъ въ отчетѣ Кавказскаго горнаго управленія, мѣди—600 тысячъ пудовъ, нефти около г. Грознаго три милліона пудовъ, каменнаго угля два съ половиною милліона, сребро-свинцовой руды—двѣ съ половиною тысячи, сѣры сто шестьдесятъ шесть тысячъ пудовъ. Соляные и рыбные промыслы дали казнѣ дохода около шести сотъ тысячъ рублей.

Среди владѣльцевъ горныхъ заводовъ, рудниковъ и копей—нѣтъ армянъ, попадаются чаще иностранныя фирмы и нѣсколько русскихъ. Такъ: мѣдоплавильные заводы принадлежатъ братьямъ Сименсъ, Рихнеру, и Салери, французской компаніи заводовъ Ахталы; сребросвинцовыя руды Рихтеру и Салери, Пассеку, Титову и Покровскому Журавко; залежи сѣры французской компаніи Лесканъ, Перду и К°; мѣсторожденія цинка эксплоатируются Рихнеромъ, кобальтъ—братьями Сименсъ, цементъ выдѣлывается нѣмецкой компаніей, образованной докторомъ Ливеномъ, нефть около г. Грознаго эксплоатируется Московскимъ Товариществомъ (гг. М. С. Нагаткинъ, Р. А. Исаевъ и А. В. Бари ; каменноугольныя копи находятся въ рукахъ анонимной компаніи, образовавшейся изъ кредиторовъ Новосельскаго и Шабурова.

Только среди арендаторовъ соляныхъ промысловъ и рыбныхъ ловлей мы встрѣчаемъ армянскія фамиліи Джанполадовыхъ и Питоева.

Изъ предпріятій, подлежащихъ акцизу, имѣютъ торговое значеніе: виноградно-фруктовое винокуренное, водочное производство, пивовареніе и табачное производство,

Винокуреніе производится исключительно изъ виноградныхъ выжимокъ и туты, хлѣбовинокуренные заводы всѣ закрылись.

Подъ виноградниками на Кавказѣ, по даннымъ филоксернаго комитета, 83,200 десятинъ, съ которыхъ получается вина около девяти милліоновъ ведеръ. Десятина даетъ двѣсти шестьсотъ пудовъ винограда, изъ этого числа $^3/_5$ составляютъ вино, а $^2/_5$ выжимки и гуща употребляется для выкуриванія спирта.

Всего выкурено спирта 19 милліоновъ градусовъ, поступило акцизнаго сбора 1,834,853 рубля. Садовладѣльческихъ заводовъ 1,251, промышленныхъ

36, изъ нихъ тридцать принадлежатъ армянамъ. На промышленныхъ заводахъ выкурена одна шестая всего количества спирта. Около 14 милліоновъ градусовъ спирта привозится изъ Россіи. Всѣхъ водочныхъ заводовъ на Кавказѣ 11, на нихъ очищается около двадцати восьми милліоновъ градусовъ спирта. Два водочныхъ завода принадлежатъ армянамъ Менгвинову и Таирову; на этихъ заводахъ очищается три милліона градусовъ, т. е. менѣе одной девятой всего количества потребляемаго въ краѣ.

Всѣхъ *пивоваренныхъ* заводовъ восемнадцать, уплочено ими акциза 63,095 рублей. Среди владѣльцевъ заводовъ нѣтъ армянъ.

Всѣхъ *табачныхъ* фабрикъ 19. Всего изготовлено ими табаку 42,335 пудовъ. Изъ общаго числа этихъ фабрикъ три, Базарджіанца, Сафарова и Энфаджіанца, принадлежатъ армянамъ. Всѣ три выбираютъ бандеролей на 274,417 рублей.

Изъ производствъ не подлежащихъ акцизу торговое значеніе имѣютъ: шелковое, шерстяное, чугунно-литейное, механическое, кожевенное и лѣсопильное дѣло.

Всѣхъ паровыхъ *шелкомоталенъ* и шелкокрутиленъ 5,3, на нихъ свыше двухъ тысячъ рабочихъ, двѣ тысячи станковъ и 5,841 веретено; выдѣлываютъ шелку 2,941 пудъ. Только на двухъ фабрикахъ количество рабочихъ доходитъ до ста, на всѣхъ остальныхъ отъ 10 до 85 человѣкъ. Ручныхъ непаровыхъ шелкомоталенъ и шелкокрутиленъ свыше пяти сотъ съ тремя тысячами рабочихъ. Изъ числа паровыхъ—тридцать три принадлежатъ армянамъ. Шелкоткацкихъ паровыхъ фабрикъ на Кавказѣ нѣтъ, мелкія русскія фабрички разбросаны повсюду.

Въ среднемъ вывозится въ годъ коконовъ и шелковыхъ издѣлій на милліонъ шесть сотъ пять тысячъ рублей.

Шерстяные промыслы обоихъ типовъ,—уваливанія шерсти и тканья пряжи, весьма распространены по всему Кавказу, но не въ видѣ фабричнаго, а кустарнаго производства; фабрикъ же, и то только уваливанія шерсти,—одна, армянина Адельханова, въ Тифлисѣ. Исполняетъ она по преимуществу казенные заказы.

Лучшіе *ковры* изготовляются въ Шушинскомъ уѣздѣ, лучшія сукна въ Дагестанѣ и Осетіи.

Заводы *чугунно-литейные* сосредоточены въ Тифлисѣ, Баку и Батумѣ, почти всѣ принадлежатъ иностранцамъ; такъ въ Тифлисѣ—заводы Рукса и Ренквиста, въ Баку—Ленца, Бекстона, въ Батумѣ Альтфьтера, Фрейшица и Маклорена и мастерскія Закавказской желѣзной дороги въ Тифлисѣ.

Кожевенныхъ заводовъ двѣсти съ количествомъ рабочихъ превышающимъ тысячу. Годовой оборотъ всѣхъ этихъ заводовъ 1,143,000 рублей.

Изъ нихъ самый большой армянина Адельханова, въ Тифлисѣ, годовой оборотъ около восьми сотъ тысячъ, количество рабочихъ болѣе трехсотъ. Заводъ этотъ исполняетъ казенные заказы.

Всѣхъ паровыхъ *лѣсопильныхъ* заводовъ 38, большинство этихъ заводовъ въ Кутаисской губерніи и состояніе ихъ весьма плачевно. Среди владѣльцевъ нѣтъ армянъ Спичечныхъ фабрикъ одна—г. Карла.

Останавливаться далѣе на какой-бы то ни было отрасли промышленности излишне, такъ какъ ни одно изъ нихъ не имѣетъ сколько-нибудь серьезнаго торговаго значенія.

Наприм. — хлопчатобумажныхъ фабрикъ всего одна, въ Тифлисѣ, Читахова, незначительная по производству, выдѣлываетъ исключительно бязь.

Объясняется это отчасти и тѣмъ, что весь получаемый на Кавказѣ хлопокъ скупается на мѣстахъ московскими и лодзинскими фабрикантами.

Изъ всѣхъ этихъ цифръ и фактовъ можно сдѣлать такіе выводы: фабричная и заводская промышленность края (за исключеніемъ нефтянаго дѣла) развита весьма слабо, несмотря на обиліе и разнообразіе сырыхъ продуктовъ ископаемыхъ; по всѣмъ почти отраслямъ промышленность не стала еще фабричною, а носитъ характеръ кустарной, сосредоточиваясь на предметахъ домашняго обихода.

Если разложить производительность всѣхъ фабрикъ и заводовъ Кавказа на жителей, то получимъ на каждаго около семи рублей, тогда какъ въ Московскомъ районѣ приходится на каждаго 38 рублей, т.-е. въ $5^1/_2$ разъ болѣе.

Вотъ почему мы позволяемъ себѣ утверждать, что ни внѣшняя торговля Кавказа, ни промышленность фабричная и заводская — не находятся въ рукахъ армянъ, при чемъ ни въ одной изъ отраслей производства армяне не занимаютъ господствующаго положенія.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію мѣстной внутренней торговли края.

По дѣйствующей патентной системѣ промысловъ предпріятія раздѣляются на три группы: крупныя (1 гильдія), среднія (2 гильдія) и мелкія (мелочной, развозный и разносный торгъ).

Всѣхъ лицъ выбравшихъ свидѣтельства первой и второй гильдіи 13,386 (198 + 12,188), свидѣтельства на мелочной торгъ 33 тысячи.

Изъ выше приведенныхъ свѣдѣній о торгово-промышленныхъ заведеніяхъ и вывозной торговлѣ на Кавказѣ читатели могли убѣдиться наглядно, что вся почти крупная торговля сосредоточена въ губерніяхъ Кутаисской, Бакинской и Тифлисской и находится главнымъ образомъ въ рукахъ *иностранцевъ*; если изъ общаго количества исключить количество свидѣтельствъ, выбранныхъ въ этихъ губерніяхъ, то на долю всѣхъ остальныхъ городовъ и мѣстечекъ края останется лишь нѣсколько тысячъ свидѣтельствъ второй гильдіи и около десяти тысячъ свидѣтельствъ на мелочной торгъ.

Предположимъ, что въ числѣ этихъ лицъ 75% армянъ, получимъ, что всѣхъ армянъ занимающихся торговлей менѣе 15 тысячъ, но если бы даже и это число было вѣрно, то по отношенію къ общему числу армянъ, проживающихъ въ городахъ, это составитъ только 6%.

И, дѣйствительно, какъ то и значится въ учебникѣ географіи Кавказа г. Кондратенко, изданномъ въ 1895 году, «въ самомъ Тифлисѣ развита не столько заводская и фабричная промышленность, сколько ремесленная.

Выводъ этотъ подтверждается и данными оффиціальной статистики о раздѣленіи городскихъ жителей на сословія.

Такъ:

	Мѣщанъ.	Купцовъ.	Крестьянъ.
Въ Тифлисѣ.	55,59%	0,63%	24,03%
» Ахалкалакахъ . . .	85,36	2,56	4,55
» Новобаязетѣ. . . .	0,12	98,02	—
» Шушѣ.	85,89	4,11	—
		Купцовъ нѣмец. иностр. поддан.	
» Баку	81,95	2,44	10,13
» Александрополѣ . .	85,04	7,03	6,05
» Батумѣ	70,78	2,53	—

Выводъ одинъ: вся мѣстная торговля края носитъ характеръ рознично-мелочнаго торга, городовъ весьма мало и города эти малолюдны. Всѣхъ городовъ 48, уѣздовъ, округовъ и отдѣловъ 75. Въ Тифлисѣ 146 тысячъ, въ Баку 86, затѣмъ 4 города съ населенiемъ выше 30 тысячъ, 15 съ населенiемъ выше 15 тысячъ, а въ остальныхъ и того менѣе, причемъ въ нѣкоторыхъ городахъ количество населенiя еле превышаетъ тысячу человѣкъ.

III.

Капиталы.

Такъ какъ армянскiе капиталисты могутъ скоплять въ своихъ рукахъ деньги и не помѣщая ихъ въ торговыя предпрiятiя, а отдавая въ банки или въ качествѣ учредителей и акцiонеровъ или же въ качествѣ вкладчиковъ, то намъ придется разсмотрѣть дѣятельность и личный составъ кредитныхъ учрежденiй на Кавказѣ.

Учрежденiй краткосрочнаго кредита двадцать семь: восемь отдѣленiй государственнаго банка, девять отдѣленiй коммерческихъ банковъ, шесть обществъ взаимнаго кредита и пять городскихъ общественныхъ банковъ.

Результаты главныхъ операцiй этихъ учрежденiй, какъ то видно изъ отчетовъ, помѣщенныхъ въ «Вѣстникѣ финансовъ» за 1895 годъ, выразились въ 1894 году въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Учетъ векселей и ссуды.	Вклады
	Въ тысячахъ.	
Городскiе банки	1,859	1,714
Общество взаимн. кредита. . .	6,981	3,243
Акцiон. ком. банки	8,923	7,838
Отд. Госуд. банка.	8,296	10,795
	26,060	23,592

Прибыль, полученная этими кредитными учрежденіями, распредѣлялась такъ:

	Въ тысячахъ.
Городск. общ. банки	$63,_3$
Общества взаимнаго кредита .	$447,_8$
Тифлисск. акц. комм. банкъ .	$249,_3$
Отдѣленія Госуд. банка. . . .	$514,_8$
	$1,275,_7$.

Такимъ образомъ на капиталъ въ 27 милліоновъ (прибавляемъ къ вкладамъ основные капиталы банковъ), при активныхъ операціяхъ достигающихъ до 26 милліоновъ, получено прибыли 1,275,700 рублей. Прибыль эта была распредѣлена между учредителями и акціонерами, которые получили до 23% на 100. (Волжско-Камскій банкъ). По вкладамъ выплачивалось отъ 1% по текущимъ счетамъ до 5% по вкладамъ на два года.

Вся вкладная операція, если исключить вклады правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, достигаетъ до 20 милліоновъ. Около четырехъ пятыхъ этой суммы составляютъ вклады на текущій счетъ и вклады безсрочные, иначе говоря, вклады эти представляютъ или расходные капиталы существующихъ уже предпріятій или же капиталы временно, на короткій срокъ, свободные. Вклады срочные, составляющіе въ суммѣ около пяти милліоновъ, распредѣляются по всѣмъ двадцати семи банкамъ, причемъ большая часть помѣщена въ отдѣленія Государственнаго банка и въ городскіе общественные банки. Если мы допустимъ, что всѣ эти вклады принадлежатъ армянамъ, то и тогда по количеству этихъ вкладовъ, суммы, принадлежащія отдѣльнымъ лицамъ, будутъ невелики; развѣ бы допустить еще и то, что немногія лица, желая скрыть величину своихъ капиталовъ, разбили ихъ на части и по частямъ внесли ихъ въ разные банки; но такъ какъ всѣ эти предположенія ни на чемъ не основаны, то слѣдуетъ согласиться, что вклады эти принадлежатъ многимъ лицамъ различныхъ національностей и что капиталисты, если таковые проживаютъ на Кавказѣ, находятъ своимъ деньгамъ болѣе прибыльное помѣщеніе, чѣмъ вклады въ банки.

Посмотримъ, нѣтъ ли кавказскихъ капиталистовъ среди учредителей и акціонеровъ коммерческихъ банковъ. Изъ трехъ, дѣйствующихъ въ краѣ, коммерческихъ банковъ, Тифлисскій, по составу правленія и служащихъ, можетъ быть названъ армянскимъ. Складочный капиталъ банка одинъ милліонъ; прибыль $16,_7$% на 100 рублей. На общее годовое собраніе явилось 86 человѣкъ. Такъ какъ по уставу акціонерныхъ банковъ разрѣшается одному лицу сосредоточивать въ своихъ рукахъ до одной десятой всѣхъ акцій, то въ дальнѣйшемъ изложеніи мы предположимъ, что на общія собранія являлись представители всего складочнаго капитала. При этомъ предположеніи мы можемъ только увеличить доли явившихся. Раздѣливъ складочный капиталъ Тифлисскаго банка на количество явившихся акціонеровъ, мы получимъ на долю каждаго 11,623 рубля.

Въ Азовско-Донскомъ банкѣ складочный капиталъ четыре милліона 134 тысячи; прибыль 20% на 100 рублей. На общее собраніе явилось 18 акціонеровъ. На долю каждаго приходится, слѣдовательно, 229,666 рублей. Ни среди членовъ правленія, ни среди служащихъ нѣтъ армянъ.

Въ Волжско-Камскомъ банкѣ складочный капиталъ 10 милліоновъ; прибыль $23,_6$% на 100 рублей. На общее собраніе явилось 48 лицъ. На долю каждаго приходится 208,333 рубля. Ни въ правленіи, ни среди служащихъ нѣтъ армянъ.

Смѣемъ думать, что акціонеровъ Тифлисскаго коммерческаго банка нельзя безъ натяжки назвать капиталистами.

На основаніи приведенныхъ цыфръ и отчетовъ, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ: дѣятельность банковъ краткосрочнаго кредита на Кавказѣ развита слабо; общій годовой оборотъ всѣхъ этихъ учрежденій не превышаетъ одной четверти общаго торгово-промышленнаго оборота края; главныя кредитныя сдѣлки сосредоточиваются въ Баку, Тифлисѣ и Батумѣ.

По размѣрамъ своихъ оборотовъ первенствующее мѣсто занимаетъ Государственный банкъ, за нимъ послѣдовательно идутъ коммерческіе банки, общества взаимнаго кредита и городскіе общественные банки.

Банковъ долгосрочнаго кредита на Кавказѣ семь: Государственные: дворянскій и крестьянскій; дворянскіе: Тифлисскій и Михайловскій; два акціонерныхъ: Харьковскій и Донской и Тифлисское городское кредитное общество.

Всего заложено въ этихъ банкахъ 2,390 сельскихъ имѣній на сумму свыше 17 милліоновъ и 3,611 городскихъ имуществъ на сумму 30 милліоновъ рублей.

По суммамъ выданнымъ подъ залогъ банки идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ.

	Въ тысячахъ:
Дворянскіе банки	18,300
Акціон. зем. банки	12,799
Городск. кредит. общест	10,133
Госуд. двор. банкъ съ особ. от.	4,231
Крестьянск. банк.	210
	45,672.

Къ этому итогу слѣдуетъ добавить суммы, выданныя за имущества заложенныя въ городскихъ общественныхъ банкахъ и въ бывшемъ Закавказскомъ приказѣ общественнаго призрѣнія, тогда итогъ будетъ равенъ 47 милліонамъ рублей.

Всей частновладѣльческой земли числится на Кавказѣ четыре милліона 700 тысячъ десятинъ, т.-е. заложена четвертая часть всей этой земли.

Изъ отдѣльныхъ губерній наиболѣе задолжены Ставропольская и Тифлисская, гдѣ отношеніе между задолженной землей и свободной доходитъ до 49%. Изъ уѣздовъ наиболѣе обремененный земельными долгами Новобаязетскій Эриванской губерніи, до 59% всей частновладѣльческой земли.

Совсѣмъ не имѣютъ заложенныхъ земель только два уѣзда: Шаруро-Даралагезскій Эриванской губерніи и Шушинскій Елизаветпольской губерніи.

Изъ городовъ выдѣляются по задолженности: Тифлисъ—15,566,985 руб. и болѣе одного милліона Баку, Кутаисъ, Екатеринодаръ и Владикавказъ.

Заемщики выплачиваютъ земельнымъ банкамъ отъ 6 рублей 25 копѣекъ на 100 рублей до 12 въ годъ, а потому едва ли среди этихъ лицъ слѣдуетъ искать капиталистовъ, вѣрнѣе будетъ искать таковыхъ среди акціонеровъ.

На Кавказѣ дѣйствуютъ только два земельныхъ банка — Харьковскій и Донской. Они выдавали дивиденту на акцію—Донской 42 руб. 50 коп., Харьковскій 28 рублей. Въ этихъ банкахъ ни въ составѣ правленій, ни среди служащихъ армянъ нѣтъ.

Въ Тифлисскомъ городскомъ кредитномъ обществѣ, дѣйствительно, весь составъ правленія армяне; но это общество взаимнаго кредита, а потому можно сказать лишь, что будучи учрежденіемъ основаннымъ на взаимности, безъ складочнаго капитала, оно не вынуждено платить дивидендовъ, а потому оно преслѣдуетъ не спекулятивныя цѣли, а исключительно удовлетвореніе нуждъ своихъ сочленовъ.

Вотъ почему мы находимъ возможнымъ придти къ слѣдующимъ выводамъ:

Первенствующее мѣсто среди учрежденій долгосрочнаго кредита на Кавказѣ занимаютъ дворянскіе банки, банки эти въ рукахъ *грузинскаго и имеретинскаго* дворянства; за ними слѣдуютъ земельные акціонерные банки, они въ рукахъ *русскихъ* капиталистовъ; затѣмъ идетъ городское кредитное общество взаимнаго кредита; послѣднее мѣсто среди земельныхъ банковъ занимаютъ банки государственные: дворянскій и крестьянскій.

И по изслѣдованіи дѣятельности земельныхъ банковъ намъ не удалось найти армянскихъ капиталистовъ.

Тѣ же выводы о слабомъ развитіи промышленности края и незначительности кредитныхъ сдѣлокъ подтверждаются и спеціальнымъ изслѣдованіемъ особенной канцеляріи по кредитной части о распредѣленіи фондовъ въ Россіи. Рѣчь идетъ только о государственныхъ и правительствомъ гарантированныхъ, кредитныхъ и % бумагахъ.

Всѣхъ денегъ на Кавказѣ (включая Закавказье)—332,683 рубля золотомъ и 23 милліона 435 тысячъ кредитными, тогда какъ, напримѣръ въ Московской губерніи $22\frac{1}{3}$ милліона золотомъ и 392 милліона кредитными бумагами.

Въ спискѣ двадцати пяти губерній, въ которыхъ наличность денегъ превышаетъ десять милліоновъ, мы находимъ изъ Кавказскихъ губерній и областей одну только Тифлисскую губернію—и то на двадцать третьемъ мѣстѣ.

Наконецъ, расходы по губерніямъ и областямъ Кавказа, какъ то значится въ „Русскомъ календарѣ г. Суворина, стр. 200“, превышаютъ доходы на 10 милліоновъ.

IV.

Дѣйствительно ли армяне обучаютъ дѣтей своихъ заграницей, тщательно избѣгая учебныя заведенія?

Изъ отчета г. попечителя Кавказскаго учебнаго округа, за 1893 годъ, видно, что въ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ округа армянъ—1,099 человѣкъ или 24,1% общаго количества учащихся; въ городскихъ училищахъ 2,046 или 26%. По количеству учащихся въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ армяне занимаютъ второе мѣсто среди другихъ народностей края.

Въ учительскомъ институтѣ и учительскихъ семинаріяхъ армянъ 42 человѣка—13%.

Въ народныхъ училищахъ армянъ 4,974 человѣкъ, что составляетъ 7,8%; въ мореходныхъ классахъ 13,5%; въ морскихъ училищахъ 4,5%.

Въ частныхъ училищахъ армянъ 1,343 человѣкъ или 32,7%.

Въ женскихъ гимназіяхъ армянокъ 974 чел. или 18,5%; въ Маріинскихъ училищахъ 195 дѣвицъ, т.-е. 53,7%.

Въ учебныхъ заведеніяхъ различныхъ министерствъ и вѣдомствъ армянъ 242 мальч. и 116 дѣвицъ.

Кромѣ всѣхъ этихъ учебныхъ заведеній у армянъ для обученія своихъ единовѣрцевъ существуютъ еще слѣдующія: одна академія и три семинаріи, въ которыхъ обучаются 1,526 человѣкъ и армяно-грегоріанскія церковныя школы, въ которыхъ учатся 10,785 мальчиковъ и 5,281 дѣвочка, всего 16,066 человѣкъ.

Изъ всѣхъ этихъ цыфръ возможно сдѣлать слѣдующіе выводы: въ краѣ нѣтъ открытаго учебнаго заведенія, въ какомъ бы министерствѣ или вѣдомствѣ таковое ни находилось, въ которомъ бы не было учащихся армянъ.

Всѣхъ учащихся армянъ на Кавказѣ 19,907 мальч. и 8,214 дѣвочекъ, всего 28,121, что составитъ по отношенію къ общей численности армянъ на Кавказѣ (985 тысячъ)—3,8%. Общій процентъ учащихся въ Европейской Россіи по отношенію къ населенію 2,6%. (Народ. 85,395,209; учащихся 2,268,363 чел.).

Выше мы привели статистическія данныя, удостовѣряющія, что среди армянъ лицъ принадлежащихъ къ крестьянскому сословію болѣе 95%; слѣдовательно, всякій достаточный армянинъ обучаетъ своихъ дѣтей и обучаетъ въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ края.

У насъ нѣтъ цыфръ объ обучающихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, но судя по количеству кончающихъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ число это значительно.

Позволимъ себѣ указать и на то, что среди другихъ народностей, населяющихъ Кавказъ, армяне выдѣляются *особымъ стремленіемъ къ изученію* русскаго языка, какъ о томъ свидѣтельствуютъ таблицы свода статистическихъ данныхъ по Закавказью.

Въ заключеніе, вмѣсто выводовъ, приведемъ слова г. Эриванскаго губернатора, помѣщенныя въ отчетѣ по губерніи за 1894 годъ.

«Не всѣ части населенія относятся къ дѣлу образованія одинаково сочувственно. Въ этомъ отношеніи пальма первенства, не говоря о городскихъ жителяхъ, должна быть отдана армянскимъ сельскимъ обществамъ, которыя, при первой возможности, охотно открываютъ школы».

Такъ какъ въ нѣкоторыхъ органахъ печати встрѣчались настойчивыя утвержденія, что административныя должности на Кавказѣ главнымъ образомъ заняты армянами, то мы на основаніи точныхъ оффиціальныхъ цыфръ, приведенныхъ въ № 11 «Русскихъ Вѣдомостей этого года, (см. ниже) считаемъ нужнымъ указать, что во всей Закавказской администраціи изъ 289 служащихъ, армянъ 31 человѣкъ да и то занимающихъ преимущественно третьестепенныя мѣста; среди судебнаго персонала на 101 лицо — трое армянъ, что составитъ 3%; среди лицъ служащихъ въ отдѣленіяхъ государственнаго банка изъ 99 человѣкъ служащихъ 6 армянъ, изъ нихъ 6 помощниковъ бухгалтера.

Смѣемъ думать, что и это утвержденіе не было основано на намѣренномъ заблужденіи.

Въ заключеніе повторяя вкратцѣ тѣ выводы, къ которымъ мы по изслѣдованіи всѣхъ оффиціальныхъ данныхъ, пришли: армяне преимущественно передъ другими народами Кавказа могутъ претендовать на названіе *крестьянскаго земледѣльческаго народа*, такъ какъ крестьянъ среди нихъ свыше 95% и главное занятіе ихъ хлѣбопашество; изъ проживающихъ въ городахъ свыше 90% занимаются *ремеслами* и такъ называемымъ *чернымъ трудомъ*, около десяти-двѣнадцати тысячъ занимаются мелочною торговлей и только немногіе, число которыхъ можетъ быть выражено сотнями, занимаются такъ называемой крупною торговлею, фабричной и заводской промышленностью. Нѣтъ однако никакой отрасли торговли, включая сюда и банковую дѣятельность, которую армяне захватили бы въ свои руки; число крупныхъ капиталистовъ среди армянъ на Кавказѣ ограничено нѣсколькими лицами. Въ стремленіи своемъ къ образованію армяне занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди всѣхъ остальныхъ народностей края.

Вслѣдствіе историческихъ условій армяне легко уживаются со всѣми другими народностями, (такъ въ обслѣдованныхъ нами губерніяхъ и уѣздахъ нѣтъ почти селенія, въ которомъ бы вмѣстѣ съ ними не жили грузины, татары и проч.).

По вопросу о смѣшанныхъ бракахъ, хотя у насъ нѣтъ цыфровыхъ данныхъ, но путемъ опроса лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ народностямъ и разнымъ классамъ общества, намъ удалось установить, что смѣшанные браки между армянами и православными (русскими и грузинами) — явленіе обычное въ Тифлисѣ и Тифлисской губерніи.

Вотъ намъ почему кажется, что, и нынѣ обратившіеся къ постоянной защитницѣ своей — Россіи, армяне-изгнанники могутъ разсчитывать заняться своимъ обычнымъ промысломъ-земледѣліемъ, въ тѣхъ же мѣстахъ, которыя были отведены ихъ единовѣрцамъ, по повелѣнію блаженныя памяти Императора Николая I послѣ Турецкой войны 1829 года. Вотъ почему мы безбоязненно можемъ сказать этимъ трудолюбивымъ мученикамъ „добро пожаловать!". Пустующей земли въ Закавказьѣ довольно: такъ въ Эриванской губерніи, по свѣдѣніямъ архиво-особаго межеваго присутствія, числится принадлежащихъ казенному вѣдомству 587,149 десятинъ.

27 января 1897 г.
г. Москва.

Нѣсколько замѣтокъ по поводу нападокъ на армянъ.

I.

Армяне въ кавказской администраціи.

По поводу назначенія новаго главноначальствующаго на Кавказѣ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* появилась статья, въ которой отмѣчалось усиленіе разбойничества на Кавказѣ и ставится это печальное явленіе въ зависимость отъ того, что административныя должности занимаются «*главнымъ образомъ* армянами» (№ 354 за 1896 г.). Еще раньше та же газета ставила въ вину высшей кавказской администраціи «*переполненіе* государственной службы армянами въ то время, когда сепаратистская армянская агитація принимаетъ явно террористическій характеръ» (№ 325). Оставляя въ сторонѣ вопросъ о сепаратизмѣ, составляющемъ обычный аккомпаниментъ статей этой газеты, посмотримъ, насколько согласуется съ истиною настойчивое утвержденіе ея, что административныя мѣста на Кавказѣ заняты «главнымъ образомъ» армянами.

На самомъ дѣлѣ оказывается, что армяне не только не переполняютъ государственнаго управленія на Кавказѣ, но занимаютъ послѣднее мѣсто въ немъ: не только русскіе и грузины, но даже и татары имѣютъ большій процентъ въ административно-полицейскихъ учрежденіяхъ, на обязанности коихъ лежитъ преслѣдованіе и искорененіе разбойничества. Достаточно обратиться къ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, помѣщеннымъ въ «Кавказскомъ календарѣ» 1896 г., чтобы убѣдиться, сколько правды въ извѣтахъ, приписывающихъ умноженіе разбойничества «заполненію государственной службы армянами». Беремъ свѣдѣнія по губерніямъ.

1) *Тифлисская губ.* Губернаторъ — грузинъ, вице-губернаторъ — русскій. Изъ уѣздныхъ начальниковъ 5 грузинъ, 3 русскихъ, *1 армянинъ*; изъ помощниковъ — 4 *армянина*, 2 русскихъ, 2 грузина, 2 нѣмца, 1 полякъ. Изъ поли-

цейскихъ приставовъ—18 грузинъ, 5 русскихъ, 3 *армянина*. Начальники земской стражи—7 грузинъ [1]). Итого изъ 55 лицъ—русскихъ 11, грузинъ 33, *армянъ* 8, т. е. армяне составляютъ около 14%.

2) *Кутаисская губ.* Губернаторъ — русскій, вице-губернаторъ — нѣмецъ. Изъ окружныхъ и уѣздныхъ начальниковъ—8 грузинъ, 5 русскихъ, 1 *армянинъ*; изъ помощниковъ — 6 грузинъ, 1 русскій. Изъ участковыхъ начальниковъ и приставовъ — 30 грузинъ, 4 русскихъ, 2 *армянина*, 1 татаринъ; начальники милиціи — 3 грузина, *1 армянинъ*. Итого изъ 64 лицъ—11 русскихъ, 47 грузинъ, а *армянъ* 4, т. е. армяне составляютъ $6,_{25}$% [2]).

3) *Бакинская губернія.* Губернаторъ—нѣмецъ, вице-губернаторъ—русскій. Изъ уѣздныхъ начальниковъ—5 русскихъ; изъ помощниковъ—5 русскихъ, 1 грузинъ, изъ приставовъ—10 русскихъ, 3 грузина, 4 татарина, 1 *армянинъ*; изъ начальниковъ земской стражи — 6 татаръ, 1 русскій [3]). Итого изъ 38 лицъ—русскихъ 22, татаръ 10, грузинъ 4, *армянъ* 1, т. е. *армяне* составляютъ 2%.

4) *Елисаветпольская губернія.* Губернаторъ—грузинъ, вице-губернаторъ — русскій. Изъ уѣздныхъ начальниковъ—4 грузина, 2 русскихъ, 2 татарина; помощниковъ — 2 русскихъ, 2 грузина, 2 татарина, 1 *армянинъ*; приставовъ—14 татаръ, 7 русскихъ, 4 *армянина*; начальники земской стражи — 6 татаръ, 4 грузина [4]). Итого изъ 52-хъ лицъ—24 татарина, 12 русскихъ, 11 грузинъ, 5 *армянъ*, т. е. менѣе 10%.

5) *Эриванская губ.* (большинство населенія армяне). Губернаторъ—русскій, вице-губернаторъ—грузинъ. Изъ уѣздныхъ начальниковъ 6 русскихъ, 1 грузинъ; изъ помощниковъ—4 русскихъ, 1 грузинъ, 2 *армянина*; изъ участковыхъ приставовъ—10 русскихъ, *8 армянъ*, 3 татарина, 1 грузинъ, 1 нѣмецъ [5]). Итого изъ 39 лицъ—русскихъ 21, *армянъ* 10, т. е. армяне составляютъ менѣе 23%.

6) *Дагестанская область.* Начальникъ—1 русскій; помощники—1 русскій, 1 *армянинъ*. Изъ начальниковъ округовъ 4 русскихъ, 3 грузина, 1 *армянинъ*; изъ помощниковъ—8 русскихъ, 1 грузинъ [6]). Итого изъ 20 лицъ—14 русскихъ, 4 грузина, 2 *армянина*, т. е. армяне составляютъ 10%.

7) *Карсская область.* Начальникъ—русскій, помощникъ—нѣмецъ. Начальники округовъ всѣ 4 русскіе, изъ помощниковъ 2 русскихъ, 2 татарина, изъ начальниковъ участковъ—4 татарина, 3 грузинъ, 3 русскихъ, 1 *армянинъ*. Итого изъ 21 лица — 10 русскихъ, 6 татаръ, 3 грузина, 1 *армянинъ*, т. е. армяне составляютъ 5%.

Изъ приведенныхъ точныхъ оффиціальныхъ данныхъ явствуетъ, что во всемъ Закавказьѣ въ высшей губернской администраціи между 7 начальниками губерній (5 русскихъ, 2 грузинъ) нѣтъ *ни одного армянина*, изъ 8 вице-губернаторовъ и помощниковъ начальниковъ (6 русскихъ, 1 грузинъ) только *одинъ* армянинъ. Затѣмъ въ высшей уѣздной администраціи изъ 51 уѣзднаго начальника—*армянъ* 2,

1) „Кавказскій календарь“ 1896 г., стр. 97 и слѣд.

2) Тамъ же, стр. 122 и слѣд.

3) Тамъ же, стр. 137.

4) Тамъ же, стр. 145.

5) Тамъ же, стр. 159.

6) Тамъ же, стр. 165.

т. е. 4%; изъ 46 помощниковъ — *армянъ* 8, т. е. 13%. Въ низшей администраціи и земской стражѣ изъ 178 приставовъ грузинъ 75, татаръ 44, армянъ 19, т. е. составляютъ 10%, уступая такимъ образомъ въ числѣ не только грузинамъ, но и татарамъ. Въ окончательномъ выводѣ получается, что maximum армянъ въ администраціи — въ Эриванской губерніи, гдѣ большинство населенія армяне, не превышая впрочемъ 25%, тогда какъ въ Елисаветпольской губерніи процентъ служащихъ въ администраціи татаръ около 50%, не говоря уже о томъ, что низшіе чины земской стражи (чапары) почти сплошь татары. По *всей же* закавказской администраціи, при 289 лицахъ, армянъ 31 человѣкъ, т. е. $10,_7$ *процентовъ*, и они, какъ указано, занимаютъ большей частью второстепенныя и третьестепенныя должности.

Если обратиться къ судебному вѣдомству, то получится еще меньшій процентъ служащихъ изъ армянъ. Во всей тифлисской судебной палатѣ нѣтъ *ни одного* члена изъ армянъ, въ персоналѣ 5 закавказскихъ окружныхъ судовъ имѣются изъ армянъ *трое*, что составитъ на весь судебный персоналъ (101 лицо) 3%.

Вотъ, стало быть, къ чему сводится «заполненіе армянами государственной службы»: на 390 лицъ приходится *тридцать четыре человѣка*.

Присутствіе этихъ 34 должностныхъ лицъ изъ армянъ въ кавказскихъ правительственныхъ учрежденіяхъ обусловливаетъ, по увѣренію *Московскихъ Вѣдомостей*, развитіе разбойничества на Кавказѣ!

Этотъ убѣдительный примѣръ наглядно доказываетъ, къ какимъ безсмысленнымъ выводамъ приводитъ увлеченіе междуплеменной травлею и разрѣшеніе обычныхъ вопросовъ внутренней жизни на почвѣ племенныхъ предразсудковъ и пресловутаго «сепаратизма». Если въ важномъ вопросѣ о причинахъ усиленія кавказскаго разбойничества этнографическій составъ мѣстной администраціи играетъ какую-нибудь роль, то самое скромное уваженіе къ истинѣ обязываетъ признать, что *армяне тутъ не причемъ*, такъ какъ они не только не «заполняютъ государственной службы», но занимаютъ въ ней очень незначительное мѣсто. Не только русскіе и грузины, но даже и татары занимаютъ вдвое больше мѣстъ въ государственной службѣ, соприкасающейся съ дѣлами о разбойничествѣ, нежели армяне, а потому совершенно несправедливо возлагать на армянъ отвѣтственность за недостатки кавказской администраціи вообще и въ частности за усиленіе разбойничества.

Г. Д.

II.

Въ чемъ кроется истинная причина разбоевъ въ Закавказьѣ?

Причину увеличенія разбоя въ Закавказьѣ, въ частности въ Елисаветпольской губерніи, г. Верещагинъ въ своемъ письмѣ, помѣщенномъ въ «Новостяхъ», видитъ въ процвѣтаніи взяточничества, являющагося, по смыслу его словъ, слѣдствіемъ того, что тамъ мѣста уѣздныхъ начальниковъ занимаютъ представители одной «туземной національности—умной, богатой, талантливой, но без-

застѣнчивой и неразборчивой на средства». Въ подтвержденіе своего вывода г. Верещагинъ приводитъ легендарный разсказъ о томъ, какъ молокане и духоборы выѣзжали не иначе, какъ партіями и хорошо вооруженными и, тѣмъ не менѣе, отъѣзжавшихъ, даже и недалеко отъ дома, провожали, какъ идущихъ на смерть. По его словамъ, это было до тѣхъ поръ, пока не пріѣхалъ «новый» т. е. новый уѣздный начальникъ (подразумѣвается—русской національности): какъ только узнали, что онъ «не беретъ», всѣ сразу убавили прыти. Рецептъ г. Верещагина для излѣченія такой общественной язвы, какъ искорененіе разбоя на Кавказѣ весьма простъ и удобоисполнимъ: стоитъ только замѣнить Петросова, пожалуй и Петрашвили, Петровымъ, тотчасъ взяточничество перейдетъ въ область преданій, наступятъ миръ и тишина.

Между тѣмъ, нельзя не выяснить въ интересахъ справедливости, насколько ложны взгляды г. Верещагина и насколько несправедливъ, чтобы не сказать больше, его приговоръ о національности, которая ничего общаго съ разбоемъ на Кавказѣ не имѣетъ и которая, по справедливости, можетъ гордиться тѣмъ, что она даетъ *наименьшій* процентъ уголовныхъ преступниковъ среди всѣхъ народностей Кавказа.

Наибольшій разбой замѣчается во всѣхъ уѣздахъ Бакинской губер., въ Джебраильскомъ, Зангезурскомъ и Шушинскомъ уѣздахъ Елисаветпольской г. и въ Нахичеванскомъ и Сурмалинскомъ (уѣздахъ) Эриванской губер. Уѣзды эти пограничные или находятся близъ границъ съ Персіей и Турціей. Въ нихъ преобладаетъ татарское населеніе, которое единственно, такъ сказать, питаетъ весь контингентъ кавказскихъ разбойниковъ. Въ уѣздахъ непограничныхъ и съ сплошнымъ христіанскимъ населеніемъ вы съ разбоемъ и не встрѣчаетесь; поэтому слѣдуетъ отличать уѣзды съ христіанскимъ населеніемъ и уѣзды съ населеніемъ магометанскимъ; разбойничество свило себѣ гнѣздо лишь въ послѣднихъ. Такое явленіе объясняется, во 1-хъ, географическимъ положеніемъ этихъ уѣздовъ, т. е. сосѣдствомъ странъ некультурныхъ—Персіи и Турціи, гдѣ разбойничество почти не преслѣдуется и гдѣ наши разбойники, спасаясь отъ преслѣдованій, могутъ легко найти радушное гостепріимство, и обратно,—откуда не рѣдко чужеземцы являются къ намъ въ качествѣ непрошенныхъ гостей, и во 2-хъ, міросозерцаніемъ самаго населенія (христіанское населеніе видитъ въ разбоѣ преступленіе, въ разбойникѣ—гадкаго, отверженнаго человѣка, а магометанское-же, обратно, въ разбоѣ видитъ удаль, геройство, молодечество: такъ, у нѣкоторыхъ курдскихъ племенъ ни одна дѣвушка не выйдетъ замужъ за парня, не убѣдившись предварительно, что женихомъ совершенъ какой-либо подвигъ въ видѣ разбойничьяго дѣянія). Слава разныхъ Керимовъ и Наби является заманчивой перспективой не для одныхъ десятковъ и сотенъ молодыхъ татаръ, жаждущихъ стать народными героями среди своихъ соплеменниковъ и тѣмъ влюбить въ себя какую-нибудь красавицу-дѣвицу.

Въ этомъ-то именно и заключается корень зла; противъ него должно быть направлено излѣченіе, безъ чего никакая висѣлица, никакой страхъ, никакой «неберущій» не помогутъ дѣлу. Будетъ-ли истреблена одна шайка, будетъ-ли истреблена другая, все равно—будутъ выростать новыя, какъ у гидры выростали головы. Между тѣмъ наши публицисты упускаютъ изъ вида эту самую

важную сторону вопроса и рѣшеніе послѣдняго ставятъ въ зависимость исключительно отъ дѣятельности какихъ-то «берущихъ» или «неберущихъ» администраторовъ.

На Кавказѣ дѣятельность уѣздныхъ начальниковъ въ борьбѣ съ разбоемъ поставлена въ большую, если не сказать исключительную, зависимость отъ содѣйствія того-же самаго народа, который видитъ въ разбойникѣ героя-молодца.

Въ распоряженіи уѣздныхъ начальниковъ нѣтъ особой для борьбы съ разбоемъ команды; они преслѣдуютъ разбойниковъ при помощи всадниковъ-чапаровъ, имѣющихъ, главнымъ образомъ, назначеніе сопровождать почту и начальствующихъ лицъ и набираемыхъ изъ мѣстныхъ жителей по вольному найму. Чапары получаютъ въ мѣсяцъ отъ 10 до 18 руб., но обязаны имѣть и содержать на свой счетъ лошадь. При такомъ маломъ окладѣ въ чапары идетъ всякій сбродъ и насколько они благонадежны видно изъ того, что нерѣдко разбойники—бывшіе чапары. Чаще же всего чапары по дѣламъ службы бываютъ въ разъѣздахъ, и преслѣдованіе разбойниковъ по требованію полиціи совершается самими жителями. Но какой же мирный обыватель пойдетъ добровольно умирать невѣдомо за что, изъ-за другихъ? Да и можно-ли требовать отъ простого крестьянина, чтобы онъ приносилъ себя и свою семью въ жертву на алтарь общественныхъ интересовъ? Содѣйствіе жителей—пассивное, кажущееся, нулевое, а иногда прямотаки неискреннее.

Правда, иногда въ особыхъ важныхъ случаяхъ въ распоряженіе уѣздныхъ начальниковъ назначаютъ небольшія команды казаковъ, но, во 1-хъ, гражданскіе чиновники не понимаютъ ни воинскаго духа, ни дисциплины, а слѣдовательно храбрый казакъ въ ихъ распоряженіи совсѣмъ не то, что въ рукахъ офицера, и во 2-хъ, изъ опасенія громадной отвѣтственности за убійство казака уѣздные начальники ихъ услугами почти никогда не. пользуются, обыкновенно всю свою надежду возлагая на чапаровъ и мѣстныхъ жителей. Разбойники же смѣлы, дерзки, увѣрены въ своихъ силахъ и въ слабости противника; нерѣдко они превосходятъ численностью преслѣдователей и преслѣдуютъ самихъ преслѣдователей, прекрасно знаютъ дороги, умѣютъ примѣняться къ мѣстности, прекрасно вооружены, нѣкоторые носятъ на плечѣ по 2 ружья и каждый имѣетъ при себѣ 300—400 патроновъ, а главное, убѣждены, что, какъ герои, они вездѣ среди магометанскаго населенія найдутъ пріютъ и убѣжище отъ преслѣдователей. Отсюда понятно, что при такомъ взглядѣ магометанскаго элемента на ремесло разбойника и при тѣхъ ничтожныхъ средствахъ, которыми располагаютъ уѣздные начальники въ борьбѣ съ разбойниками все равно, будетъ-ли уѣзднымъ начальникомъ какой-нибудь Петровъ, Петросовъ или Петрашвили, результатъ получается общій и никакой «новый—не берущій» не поможетъ дѣлу.

Какъ уже сказано, разбойничеству на Кавказѣ содѣйствуютъ:

1) Близость персидскихъ и турецкихъ границъ, куда нерѣдко скрываются разбойники отъ преслѣдованій нашихъ властей, и обратно—нерѣдко оттуда совершаютъ набѣги на наши предѣлы. Значитъ, полное искорененіе разбоя возможно лишь при содѣйствіи властей названныхъ странъ и при искорененіи разбойничества въ нихъ самихъ.

2) Топографическія условія мѣстности—лѣса, горы, лощины и т. п., даю-

щія возможность разбойникамъ упорно отстаивать свою позицію и въ случаѣ нужды быстро скрываться отъ глазъ преслѣдователей.

3) Недостаточность средствъ, имѣющихся въ распоряженіи уѣздныхъ начальниковъ, при борьбѣ съ разбойниками, и вообще неправильная организація этого дѣла и, наконецъ,

4) Самое главное, имѣющее первостепенную важность, это—взглядъ магометанскаго населенія на ремесло разбойника и его сочувственное отношеніе къ подвигамъ разбойниковъ. Отсюда радушный пріемъ, оказываемый имъ всегда разбойникамъ и особый видъ преступленія, извѣстнаго въ нашихъ уголовныхъ законахъ подъ терминомъ «пристанодержательства».—Одна физическая борьба никогда не искоренитъ разбойничества на Кавказѣ, ибо она не въ силахъ сломить вѣковое невѣжество народа—то міросозерцаніе, которымъ руководствовались отцы, дѣды, прадѣды. Тутъ надо призвать на помощь не полицейскихъ, а людей вооруженныхъ знаніемъ, людей съ умомъ и чувствомъ.

Что дѣлаетъ нынѣ наша мусульманская интеллигенція? Не пора-ли ей освободить народъ изъ-подъ опеки невѣжественныхъ муллъ и призвать его къ свѣту, къ жизни?

Что же касается вопроса о національности администраторовъ и ихъ національнаго вліянія на ходъ дѣлъ, то пусть объ этомъ говорятъ самые факты: для этого достаточно привести списокъ уѣздамъ и фамиліямъ ихъ начальниковъ.

Бакинская губернія.

уѣзды:

1) Бакинскій—Лебедевъ.
2) Геогчайскій—Черкасовъ.
3) Джеватскій—кн. Джорджадзе (грузинъ).
4) Кубинскій—Голубаевъ.
5) Шемахинскій—ф.-Фохтъ.
6) Ленкоранскій—Богдановичъ.

Эриванская губернія.

уѣзды:

1) Эриванскій—Силичъ.
2) Александропольскій—Стопчанскій.
3) Нахичеванскій—Славочинскій.
4) Новобаязетскій—Черкезовъ (грузинъ).
5) Сурмалинскій—Богуславскій.
6) Шаруро-Даралагезскій—Вандерло.
7) Эчміадзинскій—Пахотинскій.

Елисаветпольская губернія.

уѣзды:

1) Елисаветпольскій—Канчели (грузинъ).
2) Арешскій—Золотницкій.
3) Джебраильскій—кн. Андрониковъ (грузинъ).
4) Джваншірскій—Рафибековъ (мусульманинъ).

5) Зангезурскій—Салимъ-бекъ-Рустамбековъ (мусульманинъ).
6) Казахскій - Барановскій.
7) Нухинскій—Асанидзе (грузинъ).
8) Шушинскій—кн. Абхази (грузинъ).
9) Закатальскій округъ—Языковъ.

Такимъ образомъ, видно, что *въ этихъ губерніяхъ нѣтъ ни одного уѣзднаго начальника армянскаго происхожденія*; *въ остальныхъ же двухъ* губерніяхъ: Тифлисской и Кутаисской съ 16 уѣздами и въ Карсской области съ 4 округами армянъ *только двое*—карсскій окружной и сигнахскій уѣздный начальники. Такимъ образомъ, оказывается, что въ разбойничьихъ уѣздахъ нѣтъ ни одного уѣзднаго начальника армянскаго происхожденія и во всемъ Закавказьѣ *изъ* 41 уѣздныхъ начальниковъ армянъ только *двое*. Теперь спрашивается, дѣйствительно-ли умиротвореніе Закавказья находится въ рукахъ «трусоватыхъ армянъ», дѣйствительно ли разбойничество тамъ удерживается вслѣдствіе того, что уѣздные начальники изъ представителей одной національности «беззастѣнчивы и неразборчивы на средства», или это клевета? Пусть на вопросъ отвѣтитъ общественная совѣсть!

Кавказецъ.

III.

Черноморскіе армяне.

Когда мы пріѣхали на Кавказъ, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, побережье Чернаго моря между Туапсе и Адлеромъ было почти пустынно. Въ расположенныхъ тутъ большихъ имѣніяхъ не велось почти никакого хозяйства и только въ нѣкоторыхъ изъ нихъ земля сдавалась въ аренду черкесамъ. Однако большая часть черкесовъ скоро ушла въ Турцію, и земля оставалась пустою. Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, въ тотъ самый годъ, когда наша семья перебралась на купленный нами хуторъ, начались переселенія армянъ на черноморское побережье. Они пріѣзжали изъ Малой Азіи, брали земли въ аренду и селились небольшими поселками. Въ нашемъ сосѣдствѣ есть нѣсколько такихъ поселковъ. Намъ часто приходится имѣть дѣло съ армянами, мы часто видимъ ихъ, знаемъ ихъ жизнь. Теперь, когда въ печати такъ много говорятъ объ армянахъ, мнѣ хочется разсказать все, что я знаю о нашихъ мирныхъ сосѣдяхъ.

Когда армяне переселялись въ наши мѣста, то они пришли по большей части безъ средствъ къ жизни. Мы часто встрѣчали на берегу толпы полуодѣтыхъ, босоногихъ переселенцевъ-армянъ. Въ большинствѣ случаевъ арендныя условія были слѣдующія: каждая семья получала по 20 десятинъ земли, заросшей колючкой и лѣсомъ, и обязывалась платить въ первые 9 лѣтъ по 20 р. въ годъ. Теперь они платятъ уже по 30 р. Большинству армянъ не на что было купить воловъ для обработки земли, и если имъ не удавалось пріобрѣсти ихъ

въ долгъ, то они обработывали землю тяпками. Насколько этотъ трудъ тяжелъ, можетъ судить только тотъ, кто знакомъ съ нашей плотной глинистой почвой. Необходимую пищу, состоявшую изъ кукурузной муки, большинство переселенцевъ получило на первый годъ взаймы отъ мѣстнаго главнаго торговца-армянина. Я сама видѣла толстую книгу—записи армянскихъ долговъ. Торговецъ ссудилъ имъ мукой и деньгами на сумму около 10 тыс. руб.

Теперь, по прошествіи 12-ти лѣтъ, большая часть армянъ совсѣмъ уплатила свой долгъ, а остальные сильно уменьшили его. Арендныя обязательства также исполняются ими довольно исправно. Едва ли найдется теперь хоть одна семья, у которой не было бы пары воловъ, одной, двухъ и болѣе коровъ, а у многихъ есть и лошадь. Все это добыто исключительно земледѣльческимъ трудомъ. Армяне сѣютъ кукурузу, пшеницу, а гдѣ можно, садятъ табакъ. Землю они обрабатываютъ очень старательно и интересуются всѣмъ, что можетъ улучшить хозяйство. Такъ какъ пастбищъ мало, то нѣкоторые стали даже сѣять траву, по примѣру сосѣднихъ землевладѣльцевъ.

Въ пищѣ армяне очень умѣренны: они ѣдятъ почти исключительно хлѣбъ и лепешки изъ кукурузной муки, снятое молоко и сырые или сушеные фрукты, которые они усердно собираютъ въ лѣсахъ и приготовляютъ изъ нихъ отвары. Они сѣютъ довольно много конопли и ткутъ себѣ одежду изъ пеньки. Впрочемъ, верхняя одежда по большей части покупная и отличается яркостью красокъ: преобладаютъ красные и синіе цвѣта. Армянскія постройки нельзя назвать удовлетворительными. Самый обыкновенный типъ ихъ слѣдующій. Въ землю врываютъ высокіе столбы; аршина на два отъ поверхности земли на столбы накладываютъ балки и строятъ нѣчто въ родѣ сруба съ большимъ балкономъ или навѣсомъ съ передней стороны. Крышу кроютъ толстой короткой щепой, которую колютъ сами пользуясь толстыми каштанами и дубами. На крышу кладутъ камни, чтобы ее не снесло вѣтромъ. Окна въ домахъ очень маленькія, часто безъ стеколъ, просто задвигаются на ночь и въ непогоду дощечкой. По серединѣ сруба на мѣстѣ, выложенномъ сверху полуплоскими камнями, обмазанными глиной, разводится костеръ. Дымъ отъ него уходитъ въ отверстіе, сдѣланное въ крышѣ. Надъ костромъ виситъ котелъ, въ которомъ варятъ пищу. Въ каждомъ поселкѣ есть общественныя печи, гдѣ армянки пекутъ свои чуреки. Теперь многіе строятъ печи и у себя въ домахъ. Такъ какъ наши деревья не растутъ такими прямыми стволами, какъ сосны и ели, то въ срубѣ остаются очень большія щели. На зиму ихъ замазываютъ смѣсью глины съ навозомъ. Пространство подъ избой всегда загорожено досками или бревнами и служитъ хлѣвомъ. Тутъ стоятъ быки, коровы и лошади. Общая изба часто перегораживается на два или на три помѣщенія. Жилье, какъ видите, не важное, но надо принять въ соображеніе нашъ мягкій климатъ. Вся семья проводитъ большую часть года въ полѣ и въ лѣсу, а въ дождливые дни всѣ собираются со своими работами на широкомъ балконѣ. Только ночь да случайно завернувшій холодъ и ненастье загоняютъ ихъ въ домъ.

Всякій разъ, когда я вижу армянъ, у нихъ ли въ деревнѣ, въ полѣ ли за работой, или у насъ, когда они приносятъ на продажу муку, яйца, куръ, меня поражаетъ ихъ неистощимая болтливость и веселость. Чтобы нести что-нибудь

на продажу, они выбираютъ. большею частью дождливые дни, неудобные для работы. Вотъ придутъ въ непогоду два, три армянина, переваливъ черезъ довольно высокій, крутой хребетъ; они принесли на спинѣ пуда по полтора муки и измокли подъ дождемъ. Сваливъ свою ношу, они усаживаются обогрѣться у плиты, и моментально начинается у нихъ самая оживленная болтовня между собой. А вѣдь они изъ одного поселка, часто изъ одного дома. Могли бы, кажется, наговориться. Но нѣтъ, у нихъ всегда есть неисчерпаемый матеріалъ для бесѣды, для шутокъ и смѣха. Тѣ изъ нихъ, которые умѣютъ говорить по-русски, такъ же охотно говорятъ съ нами. Они разспрашиваютъ обо всемъ. Въ послѣднее время они особенно интересуются событіями въ Турціи, разспрашиваютъ о томъ, что пишутъ въ газетахъ, заступится ли за нихъ Россія и иностранныя державы, и сами разсказываютъ о томъ, что узнаютъ изъ своихъ газетъ. Каждый поселокъ выписываетъ какую-нибудь дешевую армянскую газету.

Кстати объ образованности нашихъ сосѣдей. Какъ ни бѣдны были армяне при своемъ переселеніи въ наши мѣста, но съ первыхъ же лѣтъ они выстроили себѣ и церкви, и школы. Ихъ церкви, правда, очень и очень просты, прямо бѣдны: это та же изба, только побольше и съ большимъ деревяннымъ крестомъ на крышѣ. Внутри есть распятіе и необходимые священные сосуды и книги. Каждое воскресенье и каждый праздникъ всѣ окрестные армяне и армянки собираются въ церковь. Священникъ имѣетъ право накладывать денежный штрафъ на нерадивыхъ къ общественному богослуженію, да и сосѣди неодобрительно относятся къ ихъ лѣни. Послѣ богослуженія собравшіеся армяне обыкновенно тутъ же обсуждаютъ свои общія дѣла. Въ первый день Пасхи, послѣ обѣдни, всѣ тутъ же въ церкви разговляются вмѣстѣ принесенными для освященія хлѣбами и яйцами.

Если поселки близко отстоятъ одинъ отъ другаго, то у нихъ общая школа; болѣе отдаленные содержатъ отдѣльныя небольшія школы. Между взрослыми армянами далеко не всѣ грамотны, но молодежь вся читаетъ и пишетъ по-армянски, а дѣти всѣ учатся, впрочемъ, только мальчики. Дѣвочки не посѣщаютъ школъ и не знаютъ грамоты: видимое вліяніе турецкаго сосѣдства. Учитель въ школѣ всегда армянинъ же; онъ часто родомъ изъ того же поселка, но учился въ Тифлисѣ или Эривани. Въ школахъ учатъ читать и писать по-армянски, считать, немного географіи и исторіи. Священникъ учитъ въ школѣ Закону Божію. Въ нѣкоторыхъ школахъ учатъ также читать и писать по-русски, и армяне *очень желаютъ*, чтобы ихъ дѣти учились русскому языку.

Родители обращаются съ дѣтьми очень ласково, рѣдко принуждаютъ ихъ и очень заботятся, чтобы мальчики могли правильно посѣщать школу. Они никогда не отрываютъ ихъ отъ школьныхъ занятій для исполненія домашнихъ работъ. Арменята очень бойки, веселы, шаловливы и самостоятельны. Несмотря на сравнительно скудную пищу, у большинства очень здоровый, цвѣтущій видъ.

Свои праздники и особенно свадьбы армяне проводятъ очень шумно и весело: бьютъ барабаны, въ бубны, стрѣляютъ изъ пистолетовъ и ружей, поютъ и много пляшутъ. Угощеньемъ служитъ мясо и пшеничные блины. Вина и водки пьютъ очень мало, такъ что пьянство не въ обычаѣ. Повидимому, отношенія армянъ между собой очень порядочныя. Ссоры не часты и обыкновенно улаживаются между собой или при помощи судьи, котораго выбираютъ сами армяне

изъ своихъ односельчанъ. Много дѣлается у нихъ сообща. На охоту они отправляются цѣлой компаніей, человѣкъ въ 8—10. Убитый звѣрь дѣлится на равныя части по числу охотниковъ. Иногда случается, что убившій звѣря получаетъ только шкуру или голову.

Во время трудныхъ лѣтнихъ работъ армяне одного поселка часто соединяются вмѣстѣ. Такъ напримѣръ при тяпкованіи кукурузы вся деревня работаетъ сообща; тяпкуютъ сначала у одного, потомъ переходятъ къ другому, третьему и такъ дальше, смотря по тому, чья кукуруза раньше подросла. При продажѣ значительныхъ количествъ чего нибудь, напримѣръ, кукурузы или табаку они сообща устанавливаютъ цѣны на товаръ. Одинъ или нѣсколько поселковъ выбираютъ наиболѣе опытнаго и умнаго человѣка, который и заводитъ сношенія съ покупателемъ. Главныя работы, какъ пахота, посѣвъ, тяпкованіе, жатва начинаются обыкновенно всѣми одновременно. Онѣ руководствуются при этомъ очень часто положеніемъ луны, которой придаютъ вообще большое значеніе для земледѣлія.

Находясь въ близкомъ сосѣдствѣ съ армянами, мы часто имѣемъ сношенія съ ними и при всѣхъ денежныхъ дѣлахъ довольствуемся простыми записками для памяти, не имѣющими никакой законной силы. Плутовство у нихъ не очень въ ходу, и имъ почти всегда можно вѣрить на слово.

По своему характеру армяне, видимо, принадлежатъ къ мирнымъ, не воинственнымъ племенамъ. Страхъ, въ которомъ они постоянно жили, сдѣлалъ ихъ робкими, даже трусливыми. Въ прошломъ году въ нашихъ мѣстахъ разбойничала небольшая шайка имеретинъ; они особенно грабили армянъ, которые, несмотря на свою многочисленность, почти не давали имъ отпора. Недавно былъ такой случай, рѣзко характеризующій ихъ робость: 5 человѣкъ армянъ возвращались съ охоты и несли убитаго ими кабана. Навстрѣчу имъ попался человѣкъ съ ружьемъ. Не имѣя на это никакого права, онъ началъ кричать на нихъ, какъ они смѣютъ охотиться безъ позволенія, потребовалъ у нихъ ружье и кабана. Армяне были такъ ошеломлены, что отдали ему требуемое и вернулись домой ни съ чѣмъ.

М. Б.

Желѣзный вѣкъ.

(Отрывокъ изъ 5-й пѣсни поэмы „Космосъ“).

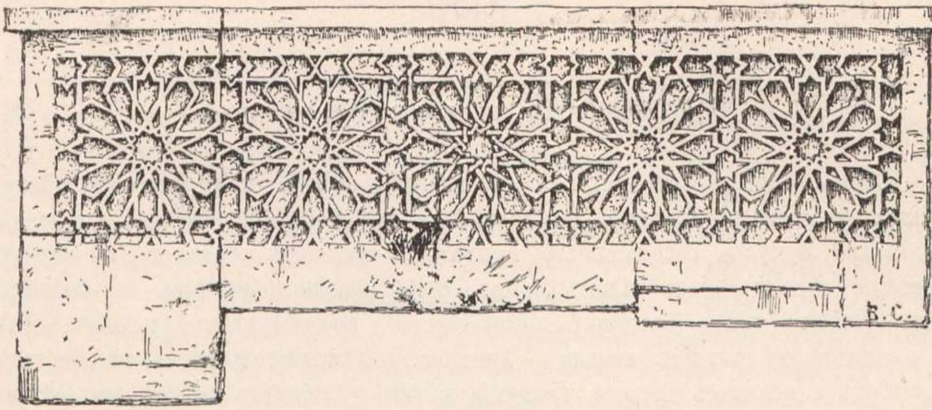
Съ тѣхъ поръ, какъ въ первый разъ, за жертву передъ Богомъ,
Кровь брата пролилъ братъ, немало лѣтъ прошло.
Столѣтія текли, мѣнялась жизнь во многомъ,
Но это первое свершившееся зло
Легло въ основу золъ, какъ первый камень въ зданьѣ,
Который глубоко строитель положилъ,
Чтобъ высилось оно на крѣпкомъ основаньѣ
И выдержать могло напоръ враждебныхъ силъ.
И зданье вознеслось. Немало въ немъ простора.
Внутри и день, и ночь, кипитъ упорный трудъ:
Во имя торжества насилья и позора
Подъ свистъ паровиковъ работники снуютъ...
Вотъ доменная печь съ желѣзною рудою!
Расплавленная сталь наполнила лотки
И медленно течетъ пылающей струею...
Смотрите: вотъ куютъ и пушки, и штыки!..
Ученый инженеръ, толково и умѣло
Орудье вывѣривъ, какъ требуетъ разсчетъ,
Уставитъ мастерски потомъ его на дѣло
И скромно къ сторонѣ довольный отойдетъ.
Взгляните на него! Печати отверженья
Вамъ не найти на немъ: топоръ и молотокъ
На шапкѣ у него, — девизъ его значенья
Средь арміи труда, ремесленный значекъ.

Да! За семь тысячъ лѣтъ жизнь въ мірѣ измѣнилась,
И Каина печать все дѣлалась блѣднѣй;
Отъ времени она давно уже сносилась,
А пушечная сталь — все крѣпче и грознѣй.
Съ насмѣшками прогнавъ стрѣлу и лукъ со сцены,
Въ музеи положивъ кольчугу, шлемъ и мечъ
И выставивъ жерло за крѣпостныя стѣны,
Она кидаетъ съ нихъ гранаты и картечь...
. .
Дни варварства прошли. Невѣжества завѣсу
Почти что разорвалъ желѣзный гордый вѣкъ.
Но для чего? Зачѣмъ къ дальнѣйшему прогрессу
По грудамъ мертвыхъ тѣлъ стремится человѣкъ?...

П. Кошевичъ.

Зейтунецъ

О нѣкоторыхъ любимѣйшихъ мотивахъ армянскихъ сказокъ [1]).

Проф. Г. А. Халатіанца.

Народная литература армянъ мало изслѣдована. Между тѣмъ какъ историческая ихъ литература пользуется, и вполнѣ заслуженно, вниманіемъ спеціалистовъ З. Европы, а появляющійся ежегодно рядъ переводовъ и монографій на всѣхъ почти европейскихъ языкахъ болѣе и болѣе утверждаетъ за ней научное значеніе, — литература народная остается почти въ совершенной неизвѣстности. Богатая прекрасными сказками, пѣснями и всякаго рода эпическими преданіями и космогоническими сказаніями, она представляетъ обширное поле для любопытныхъ изслѣдованій, будетъ ли то въ области исторіи литературы, этнографіи или филологіи. Интересъ изученія народной армянской литературы еще болѣе увеличивается въ научномъ отношеніи при сравненіи нѣкоторыхъ ея отдѣловъ съ однородными же отдѣлами у другихъ народовъ. Я говорю о *сказкахъ*. И дѣйствительно, близкое знакомство съ армянскими сказками показываетъ такое поразительное сходство съ подобными же преданіями, напр., у славянъ, нѣмцевъ,— сходство въ подробностяхъ, деталяхъ, мелочахъ, что невольно задаешься вопросомъ: какъ это у народовъ, между собою столь разъединенныхъ, могутъ существовать подобныя сходныя черты? На берегахъ Ванскаго озера можно услышать тѣже сказки съ тѣми же подробностями, что и у береговъ Волги и Дуная! При этомъ любопытно замѣтить, что нѣкоторыя изъ армянскихъ сказокъ, какъ и многія изъ восточныхъ, по содержанію и нѣкоторымъ подробностямъ являются иногда, повидимому, болѣе древними, какъ бы древней редакціей одной и той же сказки, встрѣчаемой у многихъ западно-европейскихъ народовъ...

[1]) Настоящая статья заимствована въ извлеченіи изъ изслѣдованія проф. Г. А. Халатьянца „Общій очеркъ народныхъ армянскихъ сказокъ“, помѣщеннаго въ I выпускѣ „Сборника матеріаловъ по Этнографіи, издав. при Дашковскомъ этнографическомъ музеѣ“. *Ред.*

О чудовищныхъ змѣяхъ и вишапахъ.

Остановимся на сказаніяхъ о чудовищныхъ змѣяхъ или драконахъ. Древнѣйшее персидское сказаніе передаетъ, будто, послѣ неудачнаго нападенія на царство Ормузда, совершеннаго Ариманомъ во главѣ всѣхъ своихъ дэвовъ, послѣдній долженъ былъ бѣжать и, въ видѣ дракона, бросился съ неба на землю. Отсюда можно заключить, что драконъ представлялся народомъ, какъ бы олицетвореніемъ злаго начала — Аримана. И дѣйствительно, въ миѳическихъ преданіяхъ и сказкахъ драконъ является злымъ существомъ и жестокимъ истребителемъ человѣческаго рода. Поклоненіе этому чудовищу было особеннымъ культомъ, распространеннымъ въ древней Мидіи и въ сосѣднихъ съ ней странахъ. По словамъ армянскаго историка Моисея Хоренскаго, въ одной изъ восточныхъ областей Арменіи еще въ IV вѣкѣ по Р. Х. поклонялись двумъ «почернѣвшимъ вишапамъ» (драконамъ), которымъ приносились въ жертву цѣломудренныя дѣвы [1]). — Замѣчательно, что это представленіе о драконѣ или вишапѣ сохранилось въ армянскихъ сказкахъ до нашихъ дней. По армянскимъ сказкамъ, вишапы вообще злы и кровожадны; они очень падки на человѣческое мясо и потому постоянно стерегутъ у источниковъ приходящихъ за водою красивыхъ дѣвушекъ. Цѣлый рядъ сказокъ подробно описываетъ, какъ эти вишапы сидятъ у источника, какъ они позволяютъ брать воду только по предоставленіи имъ цѣломудренной дѣвушки, какъ, откуда ни возьмись, является сказочный герой, убиваетъ вишапа своимъ *мечемъ-молніей* и спасаетъ народъ отъ страшнаго чудовища.

Такъ, въ одной сказкѣ оставленный своими братьями младшій царевичъ, очутившись въ подземномъ царствѣ или «царствѣ мрака», узналъ, что жители его ужасно страдаютъ отъ безводицы. Оказалось, что у нихъ одинъ только источникъ, и имъ овладѣлъ страшный драконъ; каждый божій день везутъ ему на съѣденіе по цѣломудренной дѣвѣ, и тогда уже онъ позволяетъ брать воду. Какъ только онъ съѣлъ свою жертву, опять закроетъ источникъ. Въ этотъ день, оказалось, была очередь за царской дочерью; и въ самомъ дѣлѣ, царевичъ услышалъ шумъ и вскорѣ замѣтилъ, какъ повели красавицу-царевну къ дракону. Царевичъ не вытерпѣлъ: взялъ, опоясалъ себя мечемъ-молніей, пошелъ къ источнику и сказалъ царевнѣ: «позволь, красавица, положить мнѣ голову къ тебѣ на колѣни и заснуть; ты не бойся дракона: когда онъ придетъ, разбуди меня, — я избавлю тебя отъ него!» И заснулъ. А драконъ съ раскрытой пастью, вертя хвостомъ и шипя, спѣшитъ къ дѣвицѣ. Отъ страха у ней отнялся языкъ, и она заплакала: горячія слезы скатились на щеку царевича. Тотъ проснулся, соскочилъ съ своего мѣста, видитъ — драконъ ужъ успѣлъ проглотить царевну до колѣнъ. Онъ обнажилъ „мечъ-молнію" и далъ дракону совсѣмъ проглотить дѣвицу вмѣстѣ съ волшебнымъ мечомъ; драконъ-то былъ разсѣченъ на двѣ половины и издохъ, а царевна вышла изъ его чрева, какъ ни въ чемъ не бывала. (Срав. сказку о Еруспанѣ, по списку Ундольскаго, также борьбу Рустема съ *дракономъ. Mohl, Livre des rois*, I, pp. 404 — 430).

[1]) См. у *Н. О. Эмина* — Очеркъ религіи и вѣрованій языческихъ армянъ, Москва, 1864.

Слѣдуетъ замѣтить, что романическія преданія въ славянскихъ и романскихъ сказкахъ о змѣяхъ, находящихся въ интимныхъ сношеніяхъ съ царицами или царевнами и преслѣдуемыхъ сыномъ или братомъ послѣднихъ, — не чужды и армянскимъ сказкамъ. Русскіе знаютъ сказку «Объ Иванѣ-Богатырѣ, крестьянскомъ сынѣ», въ которой сестра (или мать) богатыря влюбляется въ Змѣя-Горынича и помощью своего возлюбленнаго старается погубить брата[1]). Послѣдній исполняетъ всѣ прихоти мнимо-больной сестры своей—надоить молока отъ волчицы, медвѣдицы и львицы и т. п. и, убѣдившись наконецъ въ злыхъ замыслахъ ея, убиваетъ змѣя, а сестру осуждаетъ на тяжкое покаяніе. — Сказка эта извѣстна и другимъ славянамъ — словакамъ, хорутанамъ; ее знаютъ и валахи, коихъ редакціи приведены у Аѳанасьева[2]). Любопытно, что армянская сказка «Мать-измѣнница» сходна съ валашской «*Флоріану*» до мельчайшихъ подробностей, между тѣмъ какъ съ другими редакціями той же сказки она нѣсколько расходится. Правда, напечатанный списокъ армянской сказки умалчиваетъ о рожденіи богатыря (Флоріану) изъ волшебныхъ *цвѣтовъ;* но въ ней подробно передается вся вторая часть. Впрочемъ, у меня записанъ варіантъ сказки «Мать-измѣнница», въ которой герой рождается отъ краснаго *бисера*, проглоченнаго дѣвицей, отъ чего она и забеременѣла.

Молодой охотникъ съ матерью своей поселился въ замкѣ, который принадлежалъ змѣямъ (по другой редакціи — *дэвамъ*). Онъ затѣялъ съ ними борьбу, побѣдилъ ихъ и очистилъ замокъ отъ ихъ скверны. Но одинъ изъ нихъ, хотя и тяжело раненый, успѣлъ какъ-то скрыться. Мать охотника нашла этого змѣя, подольстилась къ нему и, какъ сама была искусной знахаркой, стала тайкомъ отъ сына лѣчить его. Вылѣчивши совсѣмъ змѣя, она связалась съ нимъ. Но, чтобы не было помѣхи ихъ взаимной любви, она выдумывала вмѣстѣ съ змѣемъ разныя средства, какъ погубить сына. Слѣдуя обычному эпическому пріему, мать притворяется больной и посылаетъ сына достать ей цѣлебнаго лѣкарства. Въ первый разъ богатырь приноситъ матери *арбузъ безсмертія* (у валаховъ — буйвола, мозгъ котораго она признала необходимымъ для своего выздоровленія). Въ другой разъ онъ убиваетъ *львицу* (у валаховъ — медвѣдицу), молоко которой должно было служить для той же цѣли. Въ третій разъ мать посылаетъ сына за *водой безсмертія* (*живая вода* русскихъ сказокъ). Онъ доставилъ и это. Истощивъ всѣ средства, мать, наконецъ, сама вѣроломнымъ образомъ изрубила сына на мелкіе куски и уложила ихъ въ мѣшокъ. Къ счастію, пара львенковъ, привезенныхъ охотникомъ еще когда онъ ѣздилъ добывать львинаго молока, взяли и понесли мѣшокъ къ доброй старушкѣ, у которой неразъ они со своимъ хозяиномъ останавливались на ночлегъ. Старушка, оказалось, всякій разъ подмѣнивала цѣлебныя лѣкарства (арбузъ, молоко отъ львицы, живую воду), добытыя богатыремъ для матери,—простыми; «и вотъ, взяла высыпала она изъ мѣшка изрубленное тѣло, приложила косточку къ косточкѣ, изрѣзанный ломтикъ къ ломтику, голову къ плечамъ — и все готово. Послѣ этого взяла львиное молоко и облила эту кучу,—все срослось. Наконецъ, она поднесла къ его носу *арбузъ без-*

1) *Аѳанасьева*, вып. VI, № 52, в. Также ср. вып. V №№ 27 и 28 и вып. VI №№ 51, 53.
2) *Аѳан.* вып. VIII, стр. 380—389.

смертія,—молодецъ чихнулъ, а какъ окатила его *водой безсмертія*,—онъ сталъ на ноги совсѣмъ живой и здоровый, словно вновь родившійся».

У армянъ существуетъ много интересныхъ сказаній о *вишапѣ*. Вотъ что, напримѣръ, разсказываютъ о томъ, какъ долго онъ можетъ жить. Когда проживетъ это чудовище тысячу лѣтъ, оно чрезмѣрно ростетъ и становится необъятно великимъ; и, чтобы не проглотило оно всей вселенной, ангелы небесные спускаются на землю, связываютъ его тяжелыми цѣпями и тащатъ вверхъ до тѣхъ поръ, пока оно не испечется и не превратится въ пепелъ отъ солнечнаго жара. Къ этому присоединяютъ, что въ это самое время слышатся ужасный шумъ и трескъ и что вишапъ такъ сильно корчится, что отпадаетъ у него хвостъ и т. д.

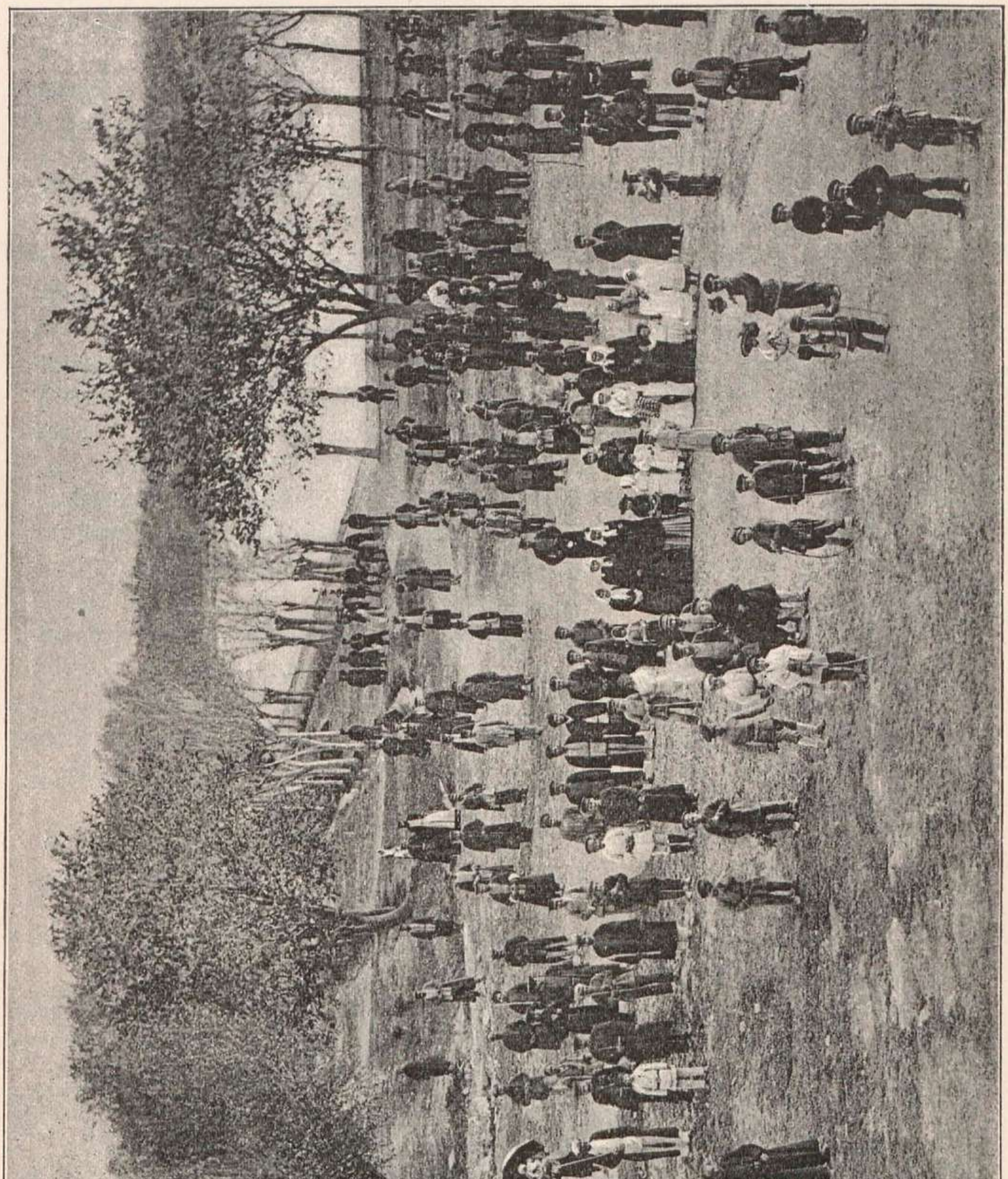
О дэвахъ.

Вслѣдъ за драконами слѣдуетъ упомянуть дэвовъ—одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ мотивовъ армянскихъ сказокъ. Можно сказать, что нѣтъ сказки миѳологическаго содержанія, въ которой не играли бы они какой-нибудь роли.

Извѣстно изъ миѳологіи восточныхъ народовъ, что дэвъ (санскр. *дэва*, авест. даэва, перс. *дивъ*, арм. *дэвъ*) былъ существо невидимое—духъ, который у древнихъ индусовъ является добрымъ, а въ ученіи Зороастра—злымъ. На религіозныя вѣрованія армянъ несомнѣнно имѣло вліяніе ученіе Зороастра, вслѣдствіе этого, вѣроятно, дэвъ еще въ древнѣйшихъ армянскихъ преданіяхъ представляется злымъ духомъ, борющимся противъ всего добраго. Но въ послѣдующія эпохи это представленіе о злыхъ духахъ-дэвахъ замѣтно измѣнилось, что явствуетъ изъ цѣлой серіи народныхъ сказокъ. Это—не духъ безтѣлесный, безсмертный, а полу-демонъ и получеловѣкъ, т.-е. нечистый духъ въ образѣ гиганта, исполина, нерѣдко снабженнаго нѣсколькими головами. Онъ подлежитъ смерти; даже человѣкъ можетъ его убить, обмануть, устрашить. Онъ живетъ въ подземномъ царствѣ или царствѣ мрака, иногда въ пещерахъ высокихъ горъ и въ чащахъ дремучихъ лѣсовъ. Онъ постоянно является обладателемъ неисчерпаемыхъ богатствъ—золота, серебра, самоцвѣтныхъ камней, похитителемъ прекрасныхъ дочерей царскихъ. Въ его садахъ, у источника *живой воды*, ростутъ *моложавыя яблоки и арбузы*. Въ его волшебныхъ замкахъ обитаютъ *чудныя золотыя птицы* и *огненные кони* и *буйволы*, въ мигъ облетающіе всю вселенную.—И все это представляется захваченнымъ, унесеннымъ у царей и богатырей, которые въ свою очередь проводятъ много лѣтъ надъ истребленіемъ злыхъ дэвовъ и возвращеніемъ своего добра.

Почти такое же представленіе о *дэвѣ* даютъ и мингрельскія и грузинскія сказки (дэвъ—груз. *дэви* или *мдэви*, мингр. *дэми*), въ которыхъ вообще много сходныхъ чертъ и мотивовъ съ армянскими сказками. (*Мингрельск. Этюды А. Цагарели*, вып. I, сказка II и друг.). Встрѣча съ *дивами* и борьба съ ними составляетъ излюбленный мотивъ также въ персидскомъ эпосѣ; самымъ страшнымъ между ними былъ *бѣлый* дивъ, который былъ убитъ персидскимъ богатыремъ Рустемомъ[1]).

[1]) *Mohl*, I, p. 402 и слѣд.

Народное гулянье Эчміадзинскаго пруда.

Любопытно замѣтить, что, похитивъ какую-нибудь царевну, дэвъ постоянно остается ея вѣрнымъ слугою. Онъ весь вѣкъ старается угодить красавицѣ, которая попеременно задаетъ ему самыя замысловатыя задачи, какъ то — достать ей серебряную мышь и серебряную кошку, золотаго пѣтуха и золотую лисицу и т. п., и чтобы всѣ они были живые, постоянно бѣгали другъ за другомъ и никогда бы не перегоняли другъ друга. Такими порученіями занимаетъ царевна дэва до тѣхъ поръ, пока какой-нибудь богатырь или вѣдьма какая не погубятъ его и не освободятъ красавицу.

Въ одной сказкѣ младшій царевичъ, гнавшійся за похитителемъ «яблока безсмертія» (моложавыя или молодильныя яблоки русскихъ сказокъ), пришелъ по его слѣдамъ къ глубокой ямѣ. Онъ спустился внизъ и пошелъ искать его тамъ. Вдругъ царевичъ замѣтилъ какую-то дверь, отворилъ и видитъ — лежитъ чудовищный дэвъ, положилъ голову на колѣни чудной ненаглядной дѣвицы и спитъ. Дѣвица вышиваетъ что-то, а передъ ней на золотой доскѣ играетъ золотая кошка съ золотой мышкой. Красавица замѣтила царевича и говоритъ: «ты, земнородный, какъ пробрался сюда, куда ни змѣй ползучій, ни птица пернатая не могли проникнуть?» — Отвѣчаетъ царевичъ: «моя любовь къ тебѣ привела меня сюда».— Дѣвица говоритъ: «берегись, молодецъ, уходи отсюда, не то проснется дэвъ и въ порошокъ изотретъ тебя».

— Царевичъ и говоритъ: «Ну, буди его, пусть его проснется, я пришелъ вызвать его на бой!

— Дѣвица говоритъ: «Онъ спать залегъ на 40 дней; только 7 дней, какъ сомкнулъ очи, остается еще 33 дня, пока онъ встанетъ. Коли ты не хочешь ждать, возьми вонъ ту желѣзную полосу изъ подъ плуга, раскали до бѣла и бросай дэву на ноги,—тогда онъ проснется».

Царевичъ взялъ раскалилъ желѣзную полосу и бросилъ дэву на ноги: дэвъ зашевелилъ ногами, проснулся и третъ себѣ глаза, бормоча сквозь зубы: «фу, какъ блохи кусаютъ»!

— Дѣвица и говоритъ: «Какія тамъ блохи нелегкія! Посмотри, какой богатырь пришелъ сюда бороться съ тобою“.

Дэвъ взглянулъ на царевича и говоритъ: «Вотъ хорошо! Мы изъ него шишлыкъ сдѣлаемъ [1]).

«Ну, посмотримъ, говоритъ царевичъ, кому изъ насъ быть шишлыкомъ!

Взялъ всякій свой лукъ и стрѣлу и бой начался.

Дэвъ говоритъ царевичу: «Впередъ ты пускай стрѣлу!»

Царевичъ говоритъ: «нѣтъ, ты впередъ!»

Дэвъ пустилъ стрѣлу, царевичъ нагнулся и она пролетѣла черезъ.

Пустилъ стрѣлу царевичъ и попалъ дэву въ грудь: стрѣла прошла на сквозь и врѣзалась въ землю: зашатался дэвъ, упалъ за мертво на земь и кричитъ: «пусти царевичъ еще стрѣлу!»

— Нѣтъ, отвѣчаетъ онъ, я съ одного раза кончаю!

Такимъ же образомъ онъ убилъ двухъ другихъ дэвовъ, избавилъ томив-

[1]) Такая же иронія по отношенію къ герою сказки и въ тѣхъ же выраженіяхъ встрѣчается въ мингрельской сказкѣ. *Мингр. Эт.* I, стр. 14.

шихся у нихъ въ неволѣ ненаглядныхъ красавицъ, забралъ все богатство и казну этихъ чудовищъ и вывелъ все въ страну вѣчнаго свѣта.

Въ русскихъ сказкахъ такого дэва часто замѣняетъ *Кощей*, не встрѣчающійся однако въ сказкахъ армянскихъ въ такой типичной формѣ. Съ *Кощеемъ* можно было бы сближать *Очо-кочи* (букв. козелъ-человѣкъ, въ смыслѣ—лѣсной человѣкъ, лѣшій) мингрельцевъ, *Лагсирдъ*—осетинъ и *Идэръ-Тарбо*—монголовъ [1]).— Однако, сохранивъ древнѣйшее представленіе о дэвѣ, армянскія сказки не чужды и *великановъ* славянскихъ и нѣмецкихъ сказаній. Одной изъ характерныхъ сказокъ, встрѣчаемой у нѣмцевъ, у романскихъ народовъ и почти у всѣхъ славянъ, есть сказка «о Летучемъ кораблѣ» (иначе называемая «о семи Симеонахъ»), весьма сходная съ армянской сказкой о *Сновидцѣ* [2]). Въ армянской редакціи, какъ и во всѣхъ другихъ, являются тѣже великаны—*Объѣдало*, который разомъ ѣстъ хлѣбъ съ 7 мельничныхъ жернововъ и все кричитъ: мало, давай еще! *Опивало*, который втянетъ въ себя цѣлое озеро, и все кричитъ: охъ, батюшки, умру я отъ жажды!.. *Скороходъ*, который одной ногой шагнетъ въ Хизанъ (село около Ванскаго озера), другой—въ Стамбулъ; великанъ, взвалившій на себя *весь міръ* и разгуливающій свободно; *Чуткій*, подслушивающій все, что ни говорятъ люди на свѣтѣ, и вся вереница чудовищныхъ гигантовъ, являющихся на помощь сказочному герою въ его опасныхъ предпріятіяхъ. Въ числѣ великановъ, армянскія сказки выводятъ и своего *Орфея*. Послѣдній такъ очаровательно игралъ на своей свирѣли, что люди и звѣри, лѣса и горы—всѣ пускались въ пляску. Самъ царь, отказывавшій великану выдать за него замужъ свою дочь,— но измученный такой бѣшеной пляской, принужденъ исполнить его желаніе, чтобы только избавиться отъ него...

О чудномъ-золотомъ соловьѣ.

Однимъ изъ любимѣйшихъ мотивовъ армянскихъ сказокъ считается «чудный золотой-соловей», соотвѣтствующій жаръ-птицѣ русскихъ сказокъ. Съ нимъ связано множество любопытныхъ эпизодовъ, вносящихъ въ сказку разнообразіе и живѣйшій интересъ. Для сличенія, приведу нѣсколько мотивовъ изъ одной армянской сказки.

Жилъ былъ царь. Ему подъ старость захотѣлось имѣть во что бы то ни стало *чуднаго-золотого соловья*.

Срядились всѣ три царевича въ путь и поѣхали за чудной птицей. Вотъ они пріѣхали къ распутью трехъ дорогъ. Явился къ нимъ старый странникъ и спрашиваетъ: куда это вы, царевичи, держите путь? — Да вотъ ѣдемъ добывать «чуднаго золотаго соловья», а не знаемъ, какъ намъ ѣхать? Ежели идти вправо, сказалъ странникъ, вернуться назадъ можно; ежели по средней идти

[1]) *Мингр. Эт.* I, стр. 46. *Осетинск. Этюды* В. Миллера, I, стр. 151. *Шидди-Куръ* русск. перев., сказка III.

[2]) *Аѳанасьевъ*, вып. V № 23, VI № 27, VII № 3, VIII, 9 и много другихъ. Объ этой сказкѣ у другихъ народовъ подробно сказано у *Аѳан.* вып. VIII, стр. 484—503.

дорогѣ, наврядъ ли можно вернуться; а ужъ кому влѣво идти, тому совсѣмъ нѣтъ возврата: тотъ тамъ и погибнетъ. — Старшій царевичъ поѣхалъ вправо, второй — по средней дорогѣ, а младшій взялъ влѣво. Странникъ сжалился надъ младшимъ царевичемъ, который шелъ на вѣрную смерть, и научилъ, куда идти и какъ достать чудную птицу.

„Поѣдешь, сказалъ онъ, и недалеко отъ замка обладательницы чуднаго соловья увидишь ручей: волшебница навела порчу на этотъ ручей и сама не пьетъ изъ него; а ты выпей и скажи: «Ахъ, какая сладость, словно *вода безсмертія!*» Перейдешь ручей и увидишь цвѣтникъ, заросшій, по заговору той же волшебницы, терновниками и плевелами; а ты нарви, понюхай и скажи: «ахъ, какое благоуханіе, точно небесный цвѣтокъ!» Пройдя цвѣтникъ, увидишь—привязанъ по одной сторонѣ дороги волкъ, по другой—барашекъ: передъ первымъ лежитъ сѣно, передъ вторымъ — мясо; а ты возьми переложи мясо къ волку, сѣно къ барашку. Пройдя впередъ, ты увидишь, наконецъ, большія ворота: одна половина отворена, другая — затворена; ты отвори затворенную половину и затвори — отворенную. Все это нужно сдѣлать и расположить къ себѣ заколдованные ручей, цвѣтникъ, ворота, голодныхъ волка и барашка, чтобы они, при возвращеніи твоемъ уже съ чудной птицей, не причинили тебѣ никакого вреда“.

Исполнивъ все сказанное странникомъ, царевичъ добрался, наконецъ, до покоевъ обладательницы птицы. Въ то время волшебница крѣпко спала, а соловей висѣлъ въ клѣткѣ у ея изголовья и разливался чудными голосами. Онъ взялъ клѣтку, поцѣловалъ дѣвицу въ уста и поѣхалъ назадъ. На обратномъ пути онъ нашелъ своихъ братьевъ, которые, завидуя удачѣ младшаго брата, отняли у него чудную птицу, самого бросили въ глубокую яму, (въ одномъ варіантѣ—выколовъ предварительно ему глаза) и повезли добычу свою къ царю. Но, къ ихъ удивленію, соловей какъ будто потерялъ блескъ своихъ перьевъ и совсѣмъ пересталъ пѣть, — что очень огорчало царя. — Между тѣмъ, слѣдомъ за похитителемъ соловья летитъ волшебница. Она прибыла въ царство, куда была доставлена золотая птица, побѣдила высланное противъ нея царское войско, заполонила самого царя и стала требовать выдачи похитителя. Выдававшіе себя за похитителей двое старшихъ царевичей, не съумѣвши доказать свое пребываніе въ замкѣ волшебницы, крѣпко наказаны. Тогда является какимъ-то чудомъ спасшійся младшій царевичъ. Волшебница признаетъ въ немъ настоящаго похитителя, прощаетъ ему смѣлую его выходку и выходитъ за него замужъ. Развеселился и соловей: перышки на немъ снова заблистали ярко, ярко, какъ солнце; и запѣлъ онъ такъ сладко, такъ пріятно, что, кажется, ни ѣсть, ни пить, а все сидѣть да любоваться.

Я намѣренно привожу эти подробности, чтобы можно было сличить ихъ съ прекрасными описаніями русскихъ сказокъ о «жаръ-птицѣ» или съ нѣмецкой сказкой «о золотой птицѣ», для доставленія которыхъ герою приходится преодолѣвать точно такія же препятствія и пройти черезъ такую же обстановку, какую мы видимъ въ армянской сказкѣ. Какъ въ русской и нѣмецкой редакціяхъ, и въ армянской царевичъ, въ числѣ многихъ опасностей, попадаетъ къ вѣдьмѣ, которая, почуявъ присутствіе человѣка, приговариваетъ: «фу, тутъ пахнетъ чело-

вѣчьимъ мясомъ!» — типичное выраженіе, встрѣчаемое у русскихъ съ нѣкоторымъ измѣненіемъ («здѣсь пахнетъ русскимъ духомъ!») и буквально повторяемое въ преданіяхъ нѣмецкихъ и романскихъ [1]). Въ тѣхъ и другихъ человѣкъ обыкновенно перехитритъ или одурачитъ вѣдьму, которая во что бы то ни стало хотѣла отвѣдать человѣчьяго мяса. — Если ужъ въ такихъ подробностяхъ сходятся армянскія сказки съ русскими и нѣмецкими, то тѣмъ менѣе надо удивляться, если мы находимъ одни и тѣ же преданія, какъ у армянъ, такъ и у другихъ индоевропейскихъ народовъ о предметахъ, составляющихъ важнѣйшую принадлежность эпическаго сказанія, каковы: волшебный мечъ или «мечъ-молнія» (у русскихъ—мечъ-кладенецъ), «шапка-невидимка», чудодѣйственный коверъ, вѣщій конь, у котораго нужно выдернуть съ хвоста волосокъ и самого отпустить на волю, въ случаѣ же нужды, стоитъ только припалить волосъ на огнѣ, и конь явится въ мгновеніе ока.

О живой водѣ и моложавыхъ яблокахъ.

Нельзя хоть вкратцѣ не упомянуть о «живой водѣ» и «молодильныхъ яблокахъ и арбузахъ»,—этихъ любимѣйшихъ мотивахъ эпическихъ преданій у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ, варьируемыхъ весьма разнообразно.

Садъ съ моложавыми яблоками и ключемъ живой воды, по свидѣтельству армянскихъ преданій, охраняется дэвами и драконами, съ которыми сказочному герою приходится вести ожесточенную борьбу. Подробности о подвигахъ героя, о томъ, какъ ему помогаютъ вѣщій конь, или левъ, или орелъ, какъ, послѣ многихъ приключеній, удается ему убить чудовище и добыть живую воду и моложавыя яблоки, — въ сущности тѣ же, что и въ славянскихъ и нѣмецкихъ сказкахъ. *О живой водѣ* ср. также въ персидскомъ эпосѣ (*Mohl*, II, pp. 66—117) и въ кавказскихъ сказаніяхъ о Ростомѣ — версіи Сванетская («Иверія», за 1887 г. № 214) и Пшавская («Иверія» за 1889 г., № 82). Для образчика приведу нѣсколько мотивовъ изъ армянскихъ сказокъ.

Выше было упомянуто о сказкѣ *Мать-измѣнница*, которая, находясь въ преступной связи со змѣемъ (или дэвомъ) и желая избавиться отъ сына, чтобы помѣхи не было ихъ любви, — посылаетъ его въ дальніе края съ труднѣйшими порученіями, въ надеждѣ, что тотъ тамъ и погибнетъ. Между прочимъ, онъ долженъ былъ добыть ей *яблоки безсмертія*. Наученный доброй волшебницей, принимавшей въ немъ участіе, богатырь сѣлъ на коня и поѣхалъ. Долго ли, коротко ли ѣхалъ онъ, наконецъ видитъ издали замокъ, который словно жаръ горитъ. Наконецъ, богатырь вступилъ въ прекрасный садъ и сталъ искать между безчисленными яблонями одну, на которую, по словамъ волшебницы, взбирается обыкновенно семиглавый драконъ, охраняющій растущія на этомъ деревѣ *яблоки безсмертія*. Молодецъ, нашедъ завѣтное дерево, однимъ ударомъ снесъ всѣ 7 головъ заснувшему на немъ дракону. «Бей, молодецъ, еще разъ!»

1) См. также у *Буслаева*, Русск. Нар. Поэзія, стр. 32.

завопило чудовище. — Нѣтъ, сказалъ богатырь, моя рука съ одного разу кончаетъ!» Нарвалъ яблоки и повезъ матери.

Еще съ бо́льшими опасностями сопряжено добываніе *воды безсмертія*, ибо отправляющійся за ней какъ разъ у самаго источника засыпаетъ 7 дней и 7 ночей; а въ это время выползаютъ змѣи, скорпіоны и всякіе гады и пожираютъ его. Богатырь спасся только благодаря взятымъ съ собою двумъ могущественнымъ львамъ, зачерпнулъ *живой воды* и благополучно вернулся домой.

Въ другой сказкѣ царевичъ, доставшій, послѣ долгихъ испытаній, цѣлющія воду и яблоки, возбудилъ, по обыкновенію, сильную зависть въ двухъ старшихъ братьяхъ, которые отняли у него эти драгоцѣнныя вещи, а самого бросили въ глубокую яму. Тотъ изъ ямы нашелъ выходъ и очутился въ подземномъ царствѣ или царствѣ мрака. Идетъ бѣдный царевичъ день, другой. Наконецъ останавливается у большого города. Утомившись съ дороги, онъ стучится въ лачужку къ старушкѣ и проситъ переночевать. На утро онъ спрашиваетъ: что это, матушка, такъ темно? Знать, не видать мнѣ болѣе свѣта божьяго! Отвѣчаетъ ему старушка: есть у насъ тутъ птица одна — большая, большая. Она каждый годъ выводитъ птенцовъ, но рѣдко они проживутъ недѣлю. Недалеко отъ птичьяго гнѣзда, въ темной пещерѣ, живетъ страшный змѣй; онъ-то и пожираетъ ихъ всѣхъ. Мать же птенцовъ почти не отходитъ отъ гнѣзда и, паря въ воздухѣ, закрываетъ своими широкими крыльями солнечный свѣтъ. Такъ вотъ отчего у насъ такой мракъ!—Царевичъ взялъ свой мечъ-молнію и пошелъ къ пещерѣ змѣя. Едва онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ увидѣлъ чудовищнаго змѣя, ползущаго по дереву къ большому гнѣзду. Послышались оттуда жалобные голоса пташекъ (мать ихъ, оказалось, была въ отлучкѣ). Царевичъ обнажилъ свой мечъ и разрубилъ змѣя на мелкіе куски. — Въ это самое время прилетѣла къ дереву птица — мать тѣхъ пташекъ и, думая, что царевичъ и есть похититель ея птенцовъ, накинулась на него, чтобы растерзать его своими страшными когтями. Но, по волѣ Бога, заговорили сами пташки и указали матери на богатыря, какъ на своего избавителя. Птица обратилась къ царевичу: великую ты мнѣ оказалъ услугу; проси у меня, чего хочешь! — Тотъ и говоритъ: вынеси меня на бѣлый свѣтъ!—Трудную же ты задалъ мнѣ задачу. Да чтожъ дѣлать, надо тебѣ помочь; только достань мнѣ на дорогу 40 бурдюковъ вина и семь разъ 40 курдюковъ бараньихъ и подавай мнѣ ихъ, когда я буду оборачиваться къ тебѣ. Помощью волшебной *скатерти*, данной царевичу старушкой, было добыто все нужное и богатырь полетѣлъ на птицѣ. Ужъ онъ всѣ курдюки скормилъ и всѣ бурдюки спихалъ, а птица летитъ — оборачивается. — Что дѣлать, думаетъ царевичъ? Надо дать ей мяса: взялъ, вырѣзалъ изъ своихъ ногъ икры и подалъ птицѣ. Та узнала, что то было человѣчье мясо и спрятала себѣ подъ языкъ. Наконецъ, долетѣли куда было нужно. Царевичъ слѣзъ, а ходить прямо не можетъ: идетъ и все прихрамываетъ. Тогда достала птица изъ подъ языка икры царевича и, приложивши къ его ногамъ, слизнула ихъ, и тотчасъ икры приросли.

О такой громадной птицѣ, затемняющей своими крыльями дневной свѣтъ, съ такими же эпическими подробностями, знаютъ и русскія сказки. Иногда самая птица носитъ въ нихъ особенное названіе. Такъ, въ одномъ изъ варіантовъ

сказки о «Кощеѣ Безсмертномъ», напечатанномъ у Аѳанасьева, она названа *Моголь-птица*. Ср. также чудовищную птицу *Симургъ* въ Шах-намэ, живущую на вершинѣ скалы и взмахомъ крыльевъ затемняющую свѣтъ солнца. (*Mohl*, IV, p. 410).

Объ оборотняхъ.

Остановимся нѣсколько подробнѣе на преданіяхъ объ оборотняхъ.

Вѣрованію въ оборотничество въ эпоху язычества, какъ извѣстно, придавалось большое значеніе. Колдунья наводитъ порчу на всѣ источники, и стоитъ только напиться изъ нихъ, какъ тотчасъ же превратишься въ то или другое животное. — Извѣстная у русскихъ сказка *Царевичъ - Козленочекъ*, въ которой братъ, напившись изъ проклятаго вѣдьмой родника, оборачивается въ козленочка, сходна съ армянской *Братецъ-Баранчикъ* до мельчайшихъ подробностей. Двойникъ этой сказки существуетъ и у нѣмцевъ подъ названіемъ «Brüderchen und Schwesterchen». Эпическое преданіе, послужившее темой всѣхъ этихъ сказокъ, повторяется во многихъ разнообразныхъ варіяціяхъ.

Есть и другого рода оборотни, происходящіе отъ набрасыванія на себя волшебной шкуры того или другаго животнаго. Любопытна армянская сказка о *прекрасной дѣвицѣ-газели*. Въ образѣ газели, рыскала она по лѣсамъ, по доламъ и завлекала заблудившихся охотниковъ въ свой волшебный замокъ. Тутъ, незамѣтно для другихъ, она оборачивалась дѣвою, приглашала ихъ къ себѣ въ замокъ, поила ихъ, кормила и затѣмъ предлагала имъ помѣриться силами (по другимъ варіантамъ—играть въ шахматы). Кто будетъ побѣжденъ, тому сидѣть въ глубокой ямѣ. Но дѣвица-газель была не столько сильна, сколько хитра, и разными уловками и соблазнами удавалось ей побѣждать своихъ противниковъ и бросать ихъ въ яму, — мотивъ, напоминающій «Ирину-мягкую перину» русскихъ сказокъ, тоже обманомъ увлекавшую царевичей къ себѣ въ гости и запиравшую ихъ въ погребъ, или кавказскія сказанія о царицѣ Тамарѣ, заманивавшей молодыхъ витязей въ свой замокъ и затѣмъ ночью сбрасывавшей ихъ трупы въ Терекъ [1]). Такимъ образомъ дѣвица-газель обманула многихъ и въ томъ числѣ двухъ царевичей, которые сидѣли у нея въ ямѣ. Но младшій царевичъ былъ, какъ и во всѣхъ сказкахъ, счастливѣе своихъ братьевъ: онъ не поддался соблазнамъ коварной дѣвы, силою отнялъ у нея шкуру газели, въ которую она одѣвалась, сжегъ шкуру и спасъ братьевъ своихъ отъ неминуемой гибели. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ избавилъ дѣвицу навсегда отъ колдовства, превращавшаго ее въ животное.

Нѣчто подобное передается и въ персидскомъ эпосѣ, а именно—о встрѣчѣ героевъ Рустема и Исфендіара съ колдуньей, превращавшейся въ обворожительную красавицу и старавшейся соблазнять ихъ [2]).

[1]) *Вс. Миллеръ*, Экскурсы въ область русск. народн. Эпоса, Москва. 1892 г., стр. 109.
[2]) *Mohl*, I, pp. 412—414, IV, pp. 405—407.

Однимъ изъ любимѣйшихъ мотивовъ въ сказкахъ объ оборотняхъ считается у армянъ тотъ, по которому царевичъ-женихъ, заклятый враждебными силами, представляется днемъ въ образѣ животнаго (чаще змѣя), а по ночамъ принимаетъ настоящій свой видъ. При этомъ, о такомъ превращеніи невѣста его не должна говорить никому. Но, слѣдуя эпическому пріему, она какъ то проговорилась, послѣдствіемъ чего является то, что она утрачиваетъ своего милаго и не прежде находитъ его, какъ истоптавъ пару желѣзныхъ башмаковъ и изломавъ чугунный посохъ. Но этимъ еще не кончаются ея испытанія. Женихъ находится въ союзѣ съ волшебницей; невѣста покупаетъ у послѣдней право пробыть три ночи съ ея мужемъ, заснувшимъ непробуднымъ сномъ, и лишь въ послѣднюю ночь удается ей вызвать его изъ чародѣйственнаго сна и бѣжать съ нимъ. Согласно опять таки эпическому пріему, волшебница пускается въ погоню за бѣглецами, но чудодѣйственные — гребень, камешекъ и зеркальце, превращавшіеся то въ дремучій лѣсъ, то въ крутыя горы, то въ широкое море-океанъ, даютъ возможность послѣднимъ избѣгнуть ея мести.

Приведенный мотивъ оборотничества не чуждъ и германскимъ и славянскимъ сказкамъ. Русскіе знаютъ сказку о *Фенистѣ ясномъ-соколѣ* [1]) весьма сходную съ армянской сказкой о *Молодцѣ-куропаткѣ*. Въ послѣдней, какъ и въ русской редакціи, возлюбленный дѣвицы молодецъ, превращаясь въ птицу, прилеталъ черезъ окно къ дѣвицѣ и тутъ, снова обратившись въ юношу, просиживалъ у нея всю ночь въ пріятной бесѣдѣ. Сестрицы дѣвушки, завидуя ея счастію, тайкомъ натыкали на ея окнѣ острые ножи и бритвы. Ночью прилетаетъ *молодецъ-куропатка* и сколько ни бился, никакъ не можетъ попасть въ комнату къ дѣвицѣ: только обрѣзалъ себѣ крылушки. Разгнѣванный за это и считая свою милую виновницей всей бѣды, онъ обрекаетъ ее на покаяніе. Но, какъ и въ русской сказкѣ, ей удается перенести наказаніе безропотно и соединиться со своимъ милымъ на вѣки. У нѣмцевъ существуетъ сказка о *свиной кожушкѣ*, въ которой царевичъ оборачивается свиньей. Другія подробности почти тѣже, что въ армянской и русской редакціяхъ.—Есть у русскихъ и другая сказка—о *царевнѣ лягушкѣ*, въ которой Василиса Премудрая, обреченная извѣстное число лѣтъ ходить въ образѣ лягушки, становится женою Ивана-царевича. Царевичъ не дождался срока и, улучивъ минуту, спалилъ лягушечью кожу на огнѣ. Запечалилась Василиса Премудрая, узнавъ объ этомъ и, обернувшись бѣлой лебедью, улетѣла въ окно. Иванъ-царевичъ идетъ за ней и послѣ долгихъ странствованій и приключеній, находитъ ее и возвращается въ свое царство.—У меня записанъ варіантъ вышеприведенной армянской сказки, весьма близкой съ „Царевной-Лягушкой". Царевичъ женился на заколдованной красавицѣ, которая была превращена въ *кошку*, и, не выждавъ срока, когда колдовство должно было окончательно потерять силу надъ его женой, сожигаетъ кошачью шкуру на огнѣ. Плакала, горевала красавица о такомъ неосторожномъ поступкѣ любимаго мужа и, превратившись въ голубицу, улетѣла въ дальные края. Царевичъ, какъ и въ русской сказкѣ, идетъ за ней и помощью доброй волшебницы, снабдившей его „ковромъ самолетомъ" и другими чудодѣйственными предметами, находитъ свою жену.

[1]) *Авап.* вып. VII, № 1, вып. VIII № 1.

Таковъ миѳологическій характеръ преданій объ оборотняхъ.—Но со временемъ и въ оборотничествѣ сказалось то сильное вліяніе христіанскихъ идей, которыя наложили печать своего духа на всѣ другія формы эпическихъ сказаній. Тутъ, какъ и во всѣхъ другихъ явленіяхъ языческой миѳологіи, христіанство ищетъ другихъ объясненій, основанныхъ главнымъ образомъ на началахъ нравственности. — Нелишнимъ считаю привести слѣдующее небезъинтересное преданіе объ оборотняхъ, на которое особенно повліялъ вышесказанный взглядъ.

Недалеко отъ города Вана, у деревни Лезкъ, находится источникъ, имѣющій видъ очага и называемый жителями «священный очагъ». (На востокѣ устройство очаговъ нѣсколько иное, чѣмъ въ Европѣ: устраивается глиняный цилиндръ и зарывается въ землю). Сюда ходятъ на поклоненіе безъ различія вѣроисповѣданія—армяне, турки, езиды, курды. Въ источникѣ находится только одна рыба, и кому она покажется, тому быть счастливымъ. Преданіе разсказываетъ, что рыба эта была прежде женщиной, въ доказательство чего указываютъ на серебряное кольцо, продѣтое у ней черезъ носъ,—обычай и понынѣ существующій въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ общинахъ. Была, говорятъ, она попадьей и обладала неописанной красотой. Однажды, когда, сидя у очага, пекла она хлѣбъ, вошелъ къ ней нищій и сталъ просить хлѣба. Она тотчасъ исполнила его просьбу. Затѣмъ нищій сталъ попеременно просить кушаньевъ, вина,—и опять получилъ все. Но тутъ онъ, обвороженный ея красотою, попросилъ позволенія поцѣловать ее. Попадья сначала не соглашалась, но, подумавъ, что нѣтъ въ этомъ ничего грѣшнаго и нищему нельзя вообще отказывать въ подаяніи,—только было поцѣловалась, какъ вдругъ входитъ ея мужъ. Отъ страха и стыда она падаетъ въ горящій очагъ, а за ней и расвирѣпѣвшій отъ ревности самъ попъ. Но, по волѣ Бога, попъ совсѣмъ сгорѣлъ, а попадья превратилась въ рыбу; горящій же очагъ сталъ источникомъ ключевой воды, въ которой и пріютилась рыба.

Легенда эта, не смотря на христіанскую ея обстановку, относится къ числу древнѣйшихъ миѳологическихъ преданій, распространенныхъ во всей передней Азіи. Прототипомъ ея, сохранившимъ вполнѣ миѳическій характеръ, нужно считать сирійскую редакцію—миѳъ о *Деркето*, переданную греч. истор. Діодоромъ со словъ Ктезія. Послѣднее сказаніе представляетъ интересъ еще и тѣмъ, что даетъ нѣкоторыя подробности о судьбѣ знаменитой Семирамиды, послужившей предметомъ многочисленныхъ миѳовъ на Востокѣ. Покойный оріенталистъ *Франсуа Ленорманъ* въ началѣ 70-хъ годовъ собралъ и издалъ эти миѳы въ блестящемъ изложеніи [1]). У него я и заимствую преданіе о Деркето. — Діодоръ передаетъ, что въ Сиріи находится городъ, по имени Аскалонъ, около котораго находится небольшое озеро, изобилующее рыбами. Въ сторонѣ отъ озера возвышается храмъ знаменитой богини; сами сирійцы называютъ ее Деркето и представляютъ въ видѣ женщины, у которой нижняя половина туловища оканчивается рыбою. Разсказываютъ, что Афродита, возбужденная противъ названной богини, внушила ей насильственную любовь къ одному изъ жрецовъ своего храма. Отъ этой связи Деркето сдѣлалась матерью одной дѣвочки—знаменитой впослѣдствіи Семирамиды.

[1]) La légende de Sémiramis, premier mémoire de Mythologie comparative, Paris, 1872, p. 25—26.

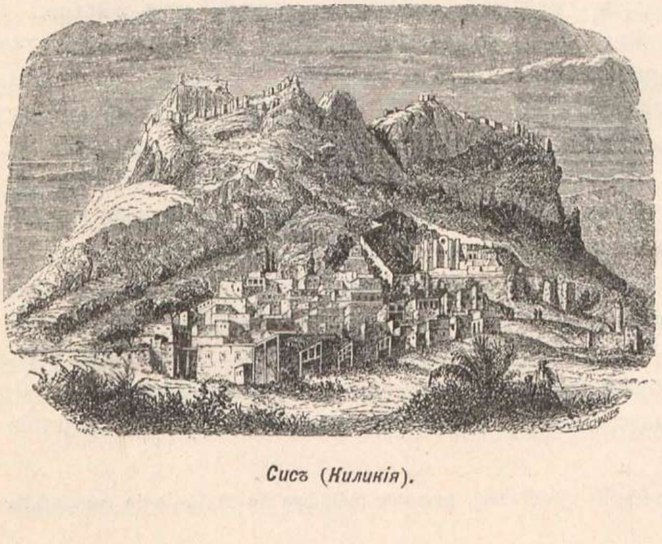
Но вскорѣ, сгорая отъ стыда за свое увлеченіе, Деркето погубила своего возлюбленнаго, а дочь удалила въ пустыню и помѣстила среди скалъ, гдѣ ее вскормили голуби; сама же она, терзаемая горемъ, бросилась въ озеро, гдѣ превратилась въ рыбу.

Сходство сирійскаго миѳа съ армянской легендой очевидно. Тутъ — священный очагъ, къ которому народъ ходитъ на поклоненіе, тамъ—храмъ на берегу озера, изобилующаго рыбами. Тутъ—попъ, тамъ—жрецъ; участь ихъ одинакова: и тотъ и другой погибаютъ изъ за невинно погибшей или несправедливо оскорбленной женщины. Какъ въ армянскомъ, такъ и въ сирійскомъ преданіяхъ, женщины эти превращаются въ рыбу...

Приведемъ въ заключеніе тѣ эпическія выраженія, которыми начинаются и кончаются армянскія сказки. — Армянскія сказки начинаются такъ: «жилъ, былъ», или «нѣкогда былъ»... или «много лѣтъ назадъ жилъ»... или «жилъ, не жилъ, былъ, не былъ»..., или, наконецъ, «жилъ да жилъ, жилъ да жилъ царь съ царицей, мужъ съ женой»... Заключеніе сказокъ бываетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «съ неба (или отъ Бога) упало три *яблока*: одно—сказителю, другое тому, который заставилъ сказывать, третье—слушателю»; или просто— «съ неба упало три яблока»,—выраженія, напоминающія заключительные стихи мингрельскихъ сказокъ:

„*Три яблока*, *три* граната
„Богъ да пошлетъ вамъ,
„Созрѣвшіе, благодаря вашему уходу“! (*Мингр*. *Эт*. I, стр. 7 и 9)

Заканчивая разсказъ о богатырѣ, достигшемъ цѣли своей, говорятъ: „онъ достигъ того, чего желалъ, дай Богъ и намъ исполненія нашихъ желаній»!

Сисъ (*Киликія*).

АХТАМАРЪ.

Народная легенда.

(Съ армянскаго).

Каждой ночью къ водамъ Вана [1])
Кто-то съ берега идетъ
И безъ лодки средь тумана
Смѣло къ острову плыветъ;
Онъ могучими плечами
Разсѣкаетъ лоно водъ,
Привлекаемый лучами,
Что маякъ далекій шлетъ.
Вкругъ потокъ, шипя, крутится,
За пловцомъ бѣжитъ во слѣдъ,
Но безстрашный не боится
Ни опасностей, ни бѣдъ.
Что ему угрозы ночи,
Пѣна, волны, вѣтеръ, мракъ?
Точно любящія очи,
Передъ нимъ горитъ маякъ.
Каждой ночью искры свѣта
Манятъ лаской тайныхъ чаръ;
Каждой ночью, тьмой одѣта,
Ждетъ его къ себѣ Тамаръ [2])
И могучими плечами
Бороздитъ онъ лоно водъ,
Привлекаемый лучами,
Что маякъ далекій шлетъ.
Онъ плыветъ на встрѣчу счастью,
Смѣло борется съ волной,
А Тамаръ, объята страстью,
Ждетъ его во тьмѣ ночной.
Не напрасны ожиданья...
Ближе, ближе... вотъ и онъ!
Мигъ блаженства! Мигъ свиданья,
Сладкихъ таинствъ райскій сонъ!

1) Т.-е. Ванскаго озера. Посреди этого озера находится островъ «Ахтамаръ» съ монастыремъ того же имени.

2) «Тамаръ» — армянская форма женскаго имени Тамара.

Тихо. Только волны плещутъ,
Только полны чистыхъ чаръ,
Звѣзды ропщутъ и трепещутъ
За безстыдную Тамаръ.
И опять къ пучинамъ Вана
Кто-то съ берега идетъ
И безъ лодки средь тумана
Вдаль отъ острова плыветъ.
И со страхомъ остается
Надъ водой Тамаръ одна,
Смотритъ, слушаетъ, какъ бьется
Разъяренная волна.
Завтра—снова ожиданья,
Такъ же искрится маякъ,
Тотъ же чудный мигъ свиданья,
Тѣ же ласки, тотъ же мракъ.
Но развѣдалъ врагъ жестокій
Тайну любящихъ сердецъ:
Былъ погашенъ свѣтъ далекій,
Тьмой застигнутъ былъ пловецъ.
Растоптали, люди злые
Ярко блещущій костеръ,
Небеса молчатъ ночныя.
Тщетно свѣта ищетъ взоръ.
Не заискрится, какъ прежде,
Маяка привѣтъ родной, —
И въ обманчивой надеждѣ
Бьется, бьется онъ съ волной.
Вѣтеръ шепчетъ непонятно,
Надъ водой клубится паръ,
И вздыхаетъ еле внятно
Слабый возгласъ: «Ахъ, Тамаръ!»
Звуки плача, звуки смѣха...
Волны ластятся къ скалѣ,
И, какъ гаснущее эхо,
«Ахъ, Тамаръ!» звучитъ во мглѣ.
На разсвѣтѣ встали волны
И примчали блѣдный трупъ,
И застылъ упрекъ безмолвный
«Ахъ, Тамаръ!» средь мертвыхъ губъ.
Съ той поры минули годы.
Островъ полонъ прежнихъ чаръ,
Мрачно смотритъ онъ на воды
И зовется «Ахтамаръ».

К. Бальмонтъ.

Замѣтки о новой армянской литературѣ.

I.

Параллельно съ распаденіемъ армянскихъ владѣній, шло и паденіе армянской словесности (см. выше статью Чобаніана) а особенно поэтическаго творчества. Послѣ XII вѣка въ литературѣ все меньше и меньше удѣляется мѣста поэзіи, пока, наконецъ, съ основаніемъ Венеціанскаго монастыря мхитаристовъ въ XVIII вѣкѣ (см. выше) она не возродилась на ложно-классическихъ основахъ. Трудами венеціанскихъ монаховъ были переведены произведенія классической и ложноклассической литературъ; ими же даны были первые образцы армянскаго псевдоклассицизма. Между венеціанскими поэтами особенно прославился Арсенъ Багратуни, написавшій громадную эпопею, въ подражаніе Иліадѣ и Одиссеѣ, — подъ заглавіемъ «Гайкъ», прославляющую родоначальника армянской націи и созданную съ цѣлью пополнить пробѣлъ въ армянской литературѣ; и Гевондъ Алишанъ, (портретъ см. выше) авторъ многочисленныхъ стихотвореній, изъ которыхъ «Соловей Аварайра» пользуется заслуженнымъ успѣхомъ. Но и этотъ стихотворецъ, въ свое время оказавшій сильное вліяніе патріотическими произведеніями на такихъ поэтовъ, какъ Бешикташлянъ, Дурьянъ, Патканьянъ—не могъ противостать общему теченію: почти всѣ его стихотворенія написаны на грапарѣ (старый книжный языкъ), а въ тѣхъ изъ нихъ, гдѣ онъ выходитъ изъ подъ вліянія армянскаго ложно-классицизма, онъ дѣлается романтикомъ съ мистическимъ оттѣнкомъ; вотъ почему его стихотворенія, нѣкогда весьма популярныя и часто очень изящныя, въ настоящее время уже почти забыты. О недолговѣчности этого ложнаго направленія въ армянской поэзіи впервые заговорилъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ Микаэлъ Налбандьянъ въ журналѣ «Сѣверное Сіяніе» по поводу перевода стихотвореній Ламартина [1]), сдѣланнаго Хореномъ Нарбеемъ-Галфаяномъ. Пророчество Налбандьяна о близ-

[1]) Архіеп. Хоренъ-Нарбей, поэтъ, ораторъ, былъ 2-мъ делегатомъ отъ турецкихъ армянъ на Берлин. конгр.

кой смерти стихотвореній на грапарѣ, служившемъ оболочкой древней и ложно-классической литературы, оправдалось: теперь стихотворенія на грапарѣ вовсе не пишутся, а если и пишутся, то не читаются.

Но есть у армянъ другой родъ поэзіи, чисто народной; можно съ увѣренностью утверждать, что эта поэзія никогда не прекращалась въ Арменіи (въ сборникѣ армянскихъ народныхъ пѣсенъ, изданномъ Алишаномъ, мы находимъ напр. пѣсню, относящуюся къ концу XIII вѣка, пѣсню изъ эпохи нашествія татаръ; есть тамъ и пѣсня начала XVII вѣка) и до сихъ поръ имѣетъ своихъ представителей—«ашуговъ [1])».

Пѣсни ашуговъ являются переходной ступенью отъ старой армянской поэзіи (языческихъ пѣсенъ «випасановъ», средне-вѣковой и ложно-классической поэзіи) къ современной, представителями которой являются поэты: о. Алишанъ, Р. Патканьянъ, С. Шах-Азисъ, М. Бешикташлянъ, П. Дурьянъ и др. И по формѣ, и по содержанію современная армянская поэзія находится въ связи съ пѣснями ашуговъ и представляетъ какъ бы высшую ступень ихъ развитія.

Ашуги нерѣдко отличаются замѣчательнымъ вдохновеніемъ: они сами слагаютъ свои пѣсни и потомъ исполняютъ ихъ передъ народомъ, сопровождая пѣніе игрою на какомъ нибудь струнномъ азіатскомъ инструментѣ (обыкновенно на «кяманчѣ», напоминающей скрипку). Пѣсни эти быстро расходятся по странѣ, перенимаются другими ашугами и, если нравятся народу, переживаютъ цѣлыя десятилѣтія. Далеко гремитъ слава талантливаго ашуга, и нерѣдко родители передаютъ дѣтямъ его имя, или вѣрнѣе, его артистическій псевдонимъ, такъ какъ армянскій пѣвецъ обыкновенно придумываетъ себѣ новое, вымышленное имя, когда въ первый разъ выходитъ пѣть публично. Ашугъ — желанный гость повсюду; безъ него не обойдется ни свадьба [2]), ни народный праздникъ; но не смѣшить только или веселить гостей приходитъ ашугъ,—нѣтъ, какъ бандуристъ въ Малороссіи, онъ поетъ и о добромъ старомъ времени, и о грядущихъ лучшихъ дняхъ; поетъ онъ о соловьѣ, влюбленномъ въ розу и о дѣвушкѣ, тоскующей вдали отъ своего милаго; объ удали лихого молодца, о дружбѣ, счастьѣ... И о чемъ только не поетъ вдохновенный ашугъ! Значеніе ашуговъ въ народѣ поддерживается также тѣмъ, что нерѣдко среди нихъ встрѣчаются слѣпые, а всѣ народы всегда чувствовали уваженіе къ слѣпымъ пѣвцамъ, которые, не будучи

[1]) Такъ называются армянскіе народные пѣвцы. Ихъ можно раздѣлить на двѣ категоріи: восточныхъ и западныхъ. Къ послѣднимъ принадлежатъ народные пѣвцы Турецкой Арменіи. Здѣсь уже съ XII в. слагались и пѣлись пѣсни на народномъ языкѣ. Особенно богатъ народными пѣснями и пѣвцами XV-й вѣкъ (выдающіеся пѣвцы: Нахашъ и Тлгуранци). Въ XVIII в. были извѣстны двое эрзерумскихъ пѣвцовъ: Татуръ—пѣвецъ вина и Давидъ—пѣвецъ цвѣтовъ. На востокѣ же, т. е. въ Русской и Персидской Арменіи, народная поэзія процвѣтала главнымъ образомъ въ XVIII в. и началѣ XIX в. Здѣсь прославились своими многочисленными и разнообразными пѣснями: Сайатъ-Нова, Азбаръ-Адамъ, Нирани, Ширинъ, Сайатъ, Дживани, Мискинъ-Бурджи, Туриндж, Гурджи-Навэ, Кичигъ-Нова и др. Между ашугами мы встрѣчаемъ не мало духовныхъ лицъ и даже патріарховъ. Образецъ поэзіи ашуговъ см. выше *Айрикъ* въ переводѣ Ѳ. Е. Корша.

[2]) Въ первой половинѣ настоящаго вѣка въ Эривани жилъ ашугъ Азбаръ-Адамъ. Онъ слагалъ пѣсни на армянскомъ, персидскомъ и татарскомъ языкахъ. Народъ такъ любилъ его, что, говорятъ, ни одна свадьба не обходилась безъ его присутствія. И къ его чести нужно замѣтить, что онъ одинаково принималъ приглашенія, какъ бѣдныхъ, такъ и богатыхъ.

въ состоянiи созерцать все окружающее, глубже вдумываются въ жизненные вопросы, создаютъ себѣ особенный внутреннiй мiръ и нерѣдко являются въ глазахъ толпы глубокомысленными мудрецами и учителями жизни.

Съ теченiемъ времени характеръ народнаго творчества сталъ мѣняться, и рядомъ съ прежней обличительно-дидактической и вообще болѣе серьезной поэзiей

Архiеп. Хоренъ-Нарбей.

(хотя и въ ней, напр. въ древнихъ Гохтанскихъ пѣсняхъ, встрѣчались жизнерадостные мотивы) появилось новое, болѣе мирное и безобидное направленiе, стремившееся исключительно воспѣвать жизнь и ея утѣхи, счастье, любовь, прекрасные глаза, роскошные пиры, искристое вино и т. д. Но это, конечно, путь очень ненадежный, и, не имѣя настоящаго таланта, легко сбиться на банальныя

фразы и шаблонные пріемы, выбирая единственнымъ сюжетомъ своихъ пѣсенъ восхваленіе какой-нибудь красавицы или изображеніе обильнаго и веселаго пиршества. Многіе изъ новѣйшихъ ашуговъ, дѣйствительно, попавъ на этотъ путь, лишили свои произведенія оригинальности и искренности, такъ какъ все, о чемъ пѣли они, казалось толпѣ уже раньше слышаннымъ, знакомымъ. И такія произведенія никогда не жили долго въ народѣ, скоро забывались или замѣнялись другими.

Но и въ наше время, а въ особенности въ прошломъ столѣтіи, наряду съ этимъ пониженіемъ уровня народнаго творчества, можно отмѣтить въ исторіи народной поэзіи не мало именъ, поддерживавшихъ прежнюю славу армянскихъ ашуговъ; съ одной стороны, подчасъ слышались пѣсни въ стилѣ древнихъ языческихъ рапсодовъ; съ другой стороны, являлись талантливые представители новаго направленія, оставившіе послѣ себя дѣйствительно искренніе и необыкновенно изящные образцы мечтательныхъ и эротическихъ стихотвореній, писанныхъ, такъ сказать, въ духѣ азіатскаго сентиментализма и романтизма; были, наконецъ, ашуги, соединявшіе оба вида поэзіи.

Замѣтимъ кстати, что у ашуговъ существуетъ обычай, который оказалъ важную услугу изслѣдователямъ и собирателямъ армянской народной поэзіи,—а число ихъ пока еще, къ сожалѣнію, очень ограничено, при собираніи отдѣльныхъ поэтическихъ произведеній; обычай этотъ состоитъ въ томъ, что всѣ свои произведенія или только лучшія изъ нихъ, ашуги записываютъ обыкновенно въ такъ называемые «давтары»,—что-то въ родѣ записныхъ книжекъ, находящихся повсюду съ ними. Благодаря этимъ давтарамъ, многія пѣсни, которыя. разумѣется, могли бы безслѣдно исчезнуть въ толпѣ, сохранились въ своемъ первобытномъ видѣ для потомства; только напѣвъ ихъ, по большей части, остается для насъ неизвѣстнымъ. Просматривая эти давтары, куда разные ашуги заносили свои поэтическія произведенія, мы можемъ найти въ нихъ немало истинныхъ жемчужинъ восточной поэзіи, а имена ашуговъ, которыя мы узнаемъ при этомъ случаѣ (обыкновенно, по заведенному обычаю, пѣсня заканчивается указаніемъ на личность автора), смѣло могутъ быть поставлены рядомъ съ именами многихъ извѣстныхъ поэтовъ Персіи и вообще Востока. И до сихъ поръ почти каждая армянская провинція гордится именами нѣсколькихъ знаменитыхъ ашуговъ, которыхъ самъ народъ отличаетъ отъ многочисленной толпы заурядныхъ и безцвѣтныхъ пѣвцовъ.

Но между знаменитыми ашугами есть одинъ, пѣсни котораго выдѣляются и разнообразіемъ мотивовъ, и истинно поэтическими красотами въ восточномъ стилѣ. Это—ашугъ Сайатъ-Нова, имя котораго въ былое время было окружено ореоломъ неподражаемаго пѣвца и непобѣдимаго импровизатора [1]). Пѣсни его и въ настоящее время не сходятъ съ устъ народа и ашуговъ, а благодаря тому, что были напечатаны, онѣ сдѣлались доступными и читающей публикѣ. Подобно многимъ ашугамъ и Сайатъ-Нова вышелъ изъ ремесленниковъ (онъ былъ плотникомъ; Азбаръ-Адамъ, напр., сапожникомъ; Нирани или Шахри былъ золотыхъ

[1]) Онъ жилъ и умеръ въ XVIII в., въ Грузіи; его настоящее имя—Арутюнъ.—Поэтической дѣятельности Сайатъ-Нова посвящена небольшая, но содержательная статья Артура Лейста.

дѣлъ мастеромъ). Рѣшивъ сдѣлаться ашугомъ, онъ сначала долгое время упражнялся въ импровизаціи, пѣніи и игрѣ на кяманчѣ. Затѣмъ онъ покидаетъ свой домашній очагъ и идетъ ко двору грузинскаго царя Ираклія, покровителя искусства и страстнаго любителя народныхъ пѣсенъ. Здѣсь Саіатъ-Нова скоро выдвинулся, благодаря своей наружности, чарующему голосу и разнообразнымъ сюжетамъ и мотивамъ своихъ импровизацій и пѣсенъ.

Любовь въ пѣсняхъ Саіатъ-Нова занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. «Если я не увижу тебя цѣлую недѣлю, — обращается онъ въ одномъ мѣстѣ къ своей возлюбленной, — я разорву струны моей кяманчи». — Любовь кажется ему главной цѣлью существованія; безъ любви жизнь безцвѣтна, и ради нея онъ готовъ на всѣ лишенія. «Я готовъ отдать свою жизнь за твою нѣжную руку, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — и спать на твердыхъ камняхъ, но только у твоей двери».

При всемъ этомъ онъ, однако, отнюдь не признаетъ себя рабомъ любимой дѣвушки; нѣтъ, онъ и свою любовь цѣнитъ очень высоко: «милая дѣвушка, поетъ онъ, знай, что моя любовь можетъ дать тебѣ вѣчное блаженство». Весьма оригинально также одно мѣсто его стихотворенія, гдѣ онъ выражаетъ желаніе умереть въ одно время съ плѣнившей его красавицей: «если ты захочешь перейти въ царство смерти, я готовъ умереть съ тобою; а послѣ насъ пускай хоть весь міръ разрушается, и всѣ люди умираютъ съ голода и гибнутъ».

Рядомъ съ этимъ направленіемъ въ пѣсняхъ Саіатъ-Нова обнаруживается иногда и серьезное міросозерцаніе, которое становилось все искреннѣе и понятнѣе по мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ преклоннымъ лѣтамъ. Въ эпоху бурной жизни и непрерывныхъ возбужденій онъ въ одномъ произведеніи задумывается надъ постоянными контрастами, которые представляютъ намъ жизнь: свадьба и рядомъ погребеніе; веселые разговоры и покаянные псалмы; пѣсни о любви и наслажденіи и смиренные мотивы. Все это чередуется въ жизни. Какой же путь надо избрать человѣку. Нужно ли ему наслаждаться или вѣчно каяться въ грѣхахъ? И Саіатъ-Нова приходитъ къ тому заключенію, что не нужно ни угождать чрезмѣрно тѣлу, ни заботиться объ одной только душѣ, — нужно избрать золотую середину «одинаково заботясь, какъ о тѣлесной, такъ и о духовной своей природѣ».

Съ теченіемъ времени роль учителя жизни, руководителя народныхъ вкусовъ и интересовъ стала казаться ему столь же заманчивою, какъ роль трубадура и любимца придворныхъ красавицъ, Онъ самъ называетъ себя въ одномъ стихотвореніи „учителемъ народа“, „столяромъ, стругающимъ шероховатое дерево, чтобы выпрямить и очистить его». Онъ обращается къ народу съ нравственными совѣтами и наставленіями: «Хотя бы ты достигъ такой мудрости, что зналъ бы число звѣздъ на небѣ, твои старанія и труды всѣ будутъ тщетны, если они направлены къ дурнымъ цѣлямъ», говоритъ онъ въ одномъ изъ послѣднихъ стихотвореній.

Постепенно пессимистическое направленіе взяло въ немъ верхъ – онъ сталъ думать о суетѣ всего мірского и послѣ блестящей и неспокойной жизни удалился отъ міра. Онъ поступилъ монахомъ въ Армянскій Ахпатскій монастырь и провелъ тамъ цѣлыхъ 20 лѣтъ, повидимому забывъ обо всемъ, что дѣлалось на

свѣтѣ. Но вотъ однажды въ тихой обители пронесся слухъ, что въ Тифлисѣ появился новый пѣвецъ, который плѣняетъ всѣхъ своимъ талантомъ. Зависть и самолюбіе вспыхнули въ душѣ стараго ашуга; мысль, что онъ, когда то любимецъ народа, прекрасныхъ женщинъ и царя Праклія, замѣненъ теперь новымъ пѣвцомъ, привела его въ сильное волненіе. И, взявъ свою старую кяманчу, онъ, не говоря никому ни слова, отправился въ Тифлисъ и вызвалъ соперника на поэтическое состязаніе; опять стоялъ онъ, теперь уже старый и искушенный жизнью, въ тѣхъ палатахъ, гдѣ нѣкогда одержалъ свои первыя побѣды. Его годы не помѣшали ему и онъ снова одержалъ побѣду, послѣднюю въ своей жизни, надъ новымъ пѣвцомъ.

Затѣмъ онъ вернулся въ монастырь, гдѣ рѣшилъ мирно окончить свои дни. Но ему не суждено было быть погребеннымъ въ стѣнахъ Ахпатской обители: въ 1795 г. произошло страшное вторженіе персидскихъ полчищъ, подъ начальствомъ свирѣпаго Ага-Магометъ-Хана, въ Грузію. Саятъ-Нова поспѣшилъ въ Тифлисъ, чтобы позаботиться объ участи своей семьи, но во время одной изъ схватокъ на тифлисскихъ улицахъ онъ былъ убитъ персидскими солдатами и кончилъ жизнь въ борьбѣ, среди всеобщаго разрушенія и гибели.

Хотя въ настоящеее время ашуги и встрѣчаются рѣже, но они пользуются такимъ же почетомъ и уваженіемъ, какъ и ихъ предшественники. Типичнымъ представителемъ современныхъ ашуговъ по справедливости считается наиболѣе популярный и даровитый изъ нихъ — Дживани [1]). Ужъ болѣе тридцати лѣтъ, какъ онъ съ громаднымъ успѣхомъ подвизается на этомъ поприщѣ, и его пѣсни, проникнутыя истиннымъ поэтическимъ вдохновеніемъ, распѣваются не по одному только Закавказью, но и вездѣ, гдѣ еще сохранилась у армянъ любовь къ роднымъ пѣснямъ. И не только простой народъ, но и интеллигентный классъ распѣваетъ его пѣсни и увлекается ими, видя въ нихъ искреннее выраженіе народныхъ чувствъ и думъ. Пѣсни Дживани появляются даже въ учебникахъ и періодическихъ изданіяхъ, а нѣкоторыя изъ его пѣсенъ, былинъ и сказокъ по нѣскольку разъ появлялись въ печати отдѣльными изданіями. Характеръ его пѣсенъ, какъ и большей части современныхъ намъ ашуговъ, нѣсколько иной, чѣмъ у ихъ предшественниковъ: теперь значительное мѣсто удѣляется политическимъ событіямъ, общественнымъ интересамъ, національному вопросу и даже злобѣ дня. Дарованіе турецкимъ армянамъ конституціи въ 60-хъ годахъ, патріотическая дѣятельность Айрика, Нерсеса Варжапетьяна и другихъ дѣятелей, Русско-Турецкая война и героическіе подвиги доблестныхъ генераловъ-армянъ; важнѣйшія событія въ общественной и политической жизни, даже совершившіяся и совершающіяся на нашихъ глазахъ избіенія армянъ въ Турціи и переселеніе ихъ въ чужіе края—все это нашло откликъ въ чуткихъ сердцахъ ашуговъ [2]), и въ простыхъ, задушевныхъ пѣсняхъ ихъ сдѣлалось достояніемъ всего армянскаго народа.

[1]) Онъ родился въ 1846 г. Въ 1865 г. посвятилъ себя дѣятельности ашуга. Не въ примѣръ другимъ ашугамъ онъ въ своихъ пѣсняхъ строго придерживался родного, армянскаго языка. Живя постоянно въ Александрополѣ, онъ разъѣзжаетъ и поетъ по всему Закавказью.

[2]) См. выше стр. 552.

Кромѣ того ашуги нерѣдко перекладываютъ на музыку и поютъ не однѣ только свои пѣсни, но и стихотворенія армянскихъ поэтовъ—Патканьяна, Шахъ-Азиза и др. Еще недавно, какъ нельзя болѣе ясно, обнаружилась эта связь между безыскусственной и искусственной поэзіей: въ апрѣлѣ 1892 г., когда въ Москвѣ торжественно праздновался юбилей поэта Шахъ-Азиза, среди множества привѣтствій была, между прочимъ, получена слѣдующая телеграмма изъ Александрополя: «Воспѣвая на нашихъ лирахъ чудныя пѣсни Шахъ-Азиза, благословляемъ его и его вдохновенную лиру. Слѣпые ашуги: Амбарцумъ, Антонъ, Гарекинъ, Еруандъ и ашуги: Бикечьянцъ и Мушегъ».

II.

Въ началѣ 90-хъ годовъ армянская литература сразу обогатилась нѣсколькими отдѣльными изданіями стихотвореній. Такъ, въ короткій промежутокъ времени появились отдѣльными изданіями стихотворенія А. Цатурьяна, Леренца, О. Туманянца, Д. Балугьяна, Сринга, Моджоряна, Терланяна и другихъ лицъ. Не всѣмъ имъ, конечно, уготовлено мѣсто на Парнасѣ. Но, между этими начинающими печататься молодыми поэтами нѣкоторые, дѣйствительно, обладаютъ самобытнымъ и незауряднымъ поэтическимъ даромъ.

Эти то молодые поэты вмѣстѣ съ появившимся раньше ихъ О. Ованнесяномъ и положили, собственно, основаніе новѣйшей армянской поэзіи[1]).

Изъ представителей новѣйшей армянской поэзіи на сей разъ остановимся на Ов. Туманянцѣ. О. Туманянцъ представляетъ оригинальное явленіе между армянскими поэтами. Тогда какъ въ произведеніяхъ послѣднихъ субъективная лирика занимаетъ преобладающее мѣсто, его поэзія носитъ описательно-повѣствовательный, эпическій характеръ. Даже въ чисто-лирическихъ его стихотвореніяхъ высказывается наклонность къ описанію и повѣствованію. Чувству любви, этому излюбленному мотиву лириковъ, у Туманянца удѣлено очень мало мѣста; сюжеты субъективнаго характера не очень занимаютъ автора; не вдохновляютъ его и общественные вопросы. Только изрѣдка какое-нибудь элегическое настроеніе охватитъ все его существованіе, и онъ въ нѣсколькихъ строкахъ выплачетъ свое горе, но и то какъ-то вяло и не тепло: имъ всегда не достаетъ той оригинальности и задушевности, безъ которыхъ лирическія стихотворенія остаются безцвѣтными.

Зато природѣ и ея красотамъ Туманянцъ удѣляетъ очень много мѣста. Онъ истинный сынъ природы: онъ любитъ ее, понимаетъ ее, восхищается ею, воспѣваетъ ее, въ ней находитъ онъ утѣшеніе въ своихъ горестяхъ и съ нею онъ дѣлится своею радостью. Сколько красотъ, сколько чудныхъ, чарующихъ взоръ подробностей находитъ въ ней! И какъ онъ просто описываетъ и восхищается! Вотъ онъ съ тоской подходитъ къ горнымъ вершинамъ, покрытымъ туманомъ,

1) Представителями новой арм. поэзіи должны считаться Алишанъ, Бешикташлянъ, Дурьянъ, Патканянъ, Налбандянъ и Шахъ-Азизъ.

и имъ хочетъ повѣдать о своей грусти и слезахъ. Этимъ стихотвореніемъ, озаглавленнымъ «Введеніе», онъ начинаетъ одинъ изъ своихъ сборниковъ стихотвореній. Онъ можетъ считаться его profession de foi. То ему хочется слиться съ природой, то быть молніей и постичь тайну природы. Звѣзды напоминаютъ ему давно минувшее, лѣтній вечеръ наполняетъ его душу тишиной и нѣгой; сравненія, воспоминанія, вкусы—все у него связано съ природой. Поэтъ съ нею сжился и потому ему въ ней все мило, все его привлекаетъ, и онъ не прочь опоэтизировать малѣйшія явленія и картины ея. Особенно ему удаются описанія красотъ горной природы, то причудливо-фантастической, то грозной и внушительной, въ обоихъ случаяхъ производящей неотразимое впечатлѣніе на наше воображеніе. Это и понятно, когда авторъ является уроженцемъ такой мѣстности, какъ Лори, издавна славящейся своими живописными горами и чуднымъ ландшафтомъ.

Подобно всѣмъ пѣвцамъ, выросшимъ на лонѣ природы, подобно Кольцову, Бернсу и другимъ народнымъ поэтамъ, Туманянцъ любитъ олицетворять природу. Возьмемъ, напримѣръ, отрывокъ изъ поэмы «Утро въ Таронѣ». Онъ такъ описываетъ горы: «Стоятъ горы-громады и, какъ бы во снѣ, съ тихою молитвой обращаются вверхъ, къ небу». Въ другомъ мѣстѣ описывается весна въ Таронѣ: «Пришла весна, распростерла крылья надъ полями и угнала на вершины горъ холодную зиму Арменіи». Иногда эти горы, ущелья, долины говорятъ, двигаются, преслѣдуютъ... Въ такомъ духѣ написана, напр., вся поэма «Лорійскій Сако».

Нужно отдать ему справедливость: онъ всегда умѣетъ разнообразить свои описанія, умѣетъ находить все новыя и новыя красоты въ явленіяхъ природы, хотя бы ему приходилось описывать ихъ не разъ. Онъ, по преимуществу — художникъ-колористъ.

Чтобы дать хоть малѣйшее понятіе о стихотвореніяхъ О. Туманянца, я позволю себѣ привести здѣсь стихотвореніе «Концертъ» въ переводѣ молодого русскаго поэта К. Бальмонта, сдѣланномъ имъ для предполагавшагося второго тома сборника «Армянскіе беллетристы [1])»:

Съ горныхъ высей стремится ручей,
Ниспадая, о камни онъ бьется,
И журчитъ, и ворчитъ, и смѣется,
И звенитъ подъ сіяньемъ лучей.

—

Сочетанію радостныхъ звуковъ
Лѣсъ кругомъ слабый отзвукъ даетъ;
Такъ старикъ еле внятно поетъ,
Слыша звонкое пѣніе внуковъ.

—

Но безмолвствуетъ вѣчный утесъ:
Наклонившись громадой угрюмой,
Онъ охваченъ загадочной думой,
Онъ исполненъ невѣдомыхъ грезъ...

—

[1]) Первый томъ „Армянскихъ беллетристовъ“ вышелъ въ 1893 г. подъ редакціей Юрія Веселовскаго и автора этой статьи.

Очень хороши у Туманянца также и стихотворенія въ народномъ духѣ, напримѣръ «Пѣсня плуга», по своему умиротворяющему и задушевному тону болѣе похожая на молитву пахаря. Сохраненныя здѣсь народныя слова и выраженія придаютъ цѣлому особый колоритъ, необходимый для такихъ пѣсенъ. Но поэтъ иногда злоупотребляетъ этими провинціализмами, почему нѣкоторыя строфы поэмы трудно понимаемы. Вообще нужно замѣтить, что форма, внѣшность произведеній Туманянца оставляютъ желать лучшаго: его богатому языку недостаетъ силы и изящества; при разнообразіи размѣровъ стиховъ, они страдаютъ невыдержанностью и бѣдностью риѳмовки. Однако было бы ошибочно искать центръ тяжести поэзіи Туманянца въ его мелкихъ стихотвореніяхъ: эпосъ — вотъ его настоящее призваніе. Всѣ его мелкія описательныя вещицы, намъ кажется, не что иное, какъ этюды и наброски художника для его большихъ картинъ, поэмъ и балладъ. И нужно притомъ замѣтить, что вѣдь собственно это первые шаги искусственной эпической поэзіи въ армянской литературѣ. Если не считать поэта Алишана, поэмы котораго при всѣхъ своихъ достоинствахъ въ настоящее время уже не удовлетворяютъ нашимъ вкусамъ и понятіямъ, армянская литература очень бѣдна поэмами и балладами; дидактическая поэма «Скорбь Леона», соч. С. Шахъ-Азиза, кое что у Р. Патканяна, двѣ-три поэмы новѣйшихъ поэтовъ,— вотъ почти все, что есть эпическаго въ новой армянской литературѣ.

У Туманянца цѣлая дюжина большихъ и малыхъ поэмъ и балладъ и преимущественно изъ народной жизни и повѣрій. Не всѣ онѣ удались автору: много въ нихъ дѣтски-наивнаго, необработаннаго и недоговореннаго. «Мученикъ», напримѣръ, совсѣмъ не удался благодаря своей туманности; сюжетъ большой поэмы «Анушъ» не обработанъ какъ слѣдуетъ, почему страдаетъ неясностью типовъ и не оставляетъ должнаго впечатлѣнія; къ тому же поэмы эти очень растянуты. Красиво обработанный сюжетъ «Отверженнаго закона» поражаетъ наивностью. Однако и въ этихъ неудавшихся автору произведеніяхъ есть немало хорошаго. Нѣкоторыя же поэмы и баллады настолько удались автору, что нельзя не признать за нимъ истиннаго эпическаго дарованія. Не говоря о поэтическихъ описаніяхъ природы, какъ много бытового элемента мы находимъ въ его поэмахъ! То онъ знакомитъ насъ съ деревенскими играми, то со свадьбой, то съ похоронами («Анушъ»).

Въ «Мехри» и «Алекъ» затронуты старыя, но вѣчно новыя темы о звѣрствахъ курдовъ и объ участи армянъ. Мехри—это героиня поэмы того же имени. Содержанія мы не станемъ передавать и замѣтимъ только, что, несмотря на нѣкоторую идеализацію, типъ страдающей въ разлукѣ по любимомъ мужѣ смѣлой, вспыльчивой армянки, мстящей Осману за убитаго мужа, вышелъ у автора живымъ и правдивымъ. Какъ хорошо, напр., передана тоска бѣдной женщины, не знающей, что случилось съ ея мужемъ, ушедшимъ на заработокъ или, напр., внутренній голосъ мести, проснувшейся въ ней!..

Отличительныя черты всѣхъ женщинъ, выведенныхъ въ поэмѣ Туманянца — эта сильная ни передъ чѣмъ не останавливающаяся любовь ихъ (Анушъ, Мехри, Тамара), и потому, можетъ быть, его поэмы такъ подкупаютъ читателя. Хотя наивенъ, но очень оригиналенъ и удачно выполненъ сюжетъ поэмы «Отверженный законъ», гдѣ выставлены два типичныхъ монаха и замолвлено слово за из-

гнанный изъ стѣнъ монастыря высшій божескій законъ—любовь. Молодой, мечтательный монахъ, увидавъ въ стѣнахъ монастыря между паломниками прекрасную дѣвушку, влюбляется въ нее. Демонъ любви не даетъ ему покоя; онъ его преслѣдуетъ и днемъ и ночью; юноша мечтаетъ о ней, видитъ ее во снѣ; покой его смущенъ, онъ не въ состояніи преодолѣть свои чувства. Онъ рѣшилъ покинуть монастырь, но раньше желаетъ объясниться со старикомъ-настоятелемъ. Разговоръ стараго монаха, «не имѣющаго на лицѣ ни одной живой черты», очень характеренъ и переданъ красиво. Старикъ долго-долго не понимаетъ, на что ропщетъ монахъ, но когда тотъ прямо говоритъ, что «самъ Богъ велѣлъ любить, и я жажду женской любви», старикъ теряетъ свой безстрастный тонъ и испуганно кричитъ: «Молчи, долой съ глазъ моихъ, дерзкій!»... «Съ протяжнымъ скрипомъ отворились ворота: кто-то изъ монастыря направилъ свой путь къ деревнѣ. Свѣтало»...—такъ заканчиваетъ поэтъ свой печальный, задушевный разсказъ.

Въ чисто народномъ духѣ написаны игривыя и остроумныя преданія «Собака и кошка» и «Солнце и луна»; въ которыхъ высказались и знаніе народнаго быта, и умѣнье при передачѣ народныхъ повѣрій сохранить всю ихъ безыскусственную прелесть. Поэтическая народная легенда объ Ахтамарѣ, объ этомъ древне-армянскомъ замкѣ-монастырѣ, переданная въ красивой и эффектной балладѣ, принадлежитъ къ его лучшимъ произведеніямъ. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ содержаніе этой баллады. На ванскомъ озерѣ есть островъ Ахтамаръ. Каждый вечеръ съ берега къ острову плыветъ неустрашимый пловецъ на свиданіе со своею возлюбленной Тамарой. Свѣтъ на островѣ служитъ для пловца спасательнымъ маякомъ. Но вотъ однажды злые люди погасили этотъ маякъ; пловецъ бьется и борется съ волнами и съ возгласомъ: «ахъ, Тамара!» дѣлается наконецъ, жертвою волнъ. «Ахъ, Тамара», отзывается и эхо, «Ахъ Тамара» застыло и на его губахъ.

Съ той поры минули годы.
Островъ полонъ прежнихъ чаръ,
Мрачно смотритъ онъ на воды
И зовется „Ахтамаръ [1])“.

Резюмируя все вышесказанное, мы приходимъ къ слѣд. выводамъ. Лирическая сторона таланта у Туманянца очень мало развита; наоборотъ, какъ поэтъ съ эпическимъ складомъ таланта, онъ представляетъ почти единственное явленіе въ армянской литературѣ. Въ его произведеніяхъ очень много удачно нарисованныхъ картинъ природы и бытовыхъ подробностей; сюжеты разнообразны и интересны. Но вообще большинство произведеній Туманянца *недодѣлано*, какъ въ отношеніи содержанія, такъ и формы.

Если ему удастся со временемъ устранить этотъ свой недостатокъ—результатъ поспѣшности и отсутствія систематическаго образованія,—тогда Туманянцъ своими поэмами по праву можетъ занять видное мѣсто въ ряду армянскихъ поэтовъ.

Минасъ Берберьянъ.

[1]) Переводъ Бальмонтомъ см. выше.

ИЗЪ АЛЕКСАНДРА ЦАТУРІАНА.

(съ армянскаго).

I.

Не я пою!

Не я пою... Въ моихъ печальныхъ пѣснопѣньяхъ
Страдалецъ, злой судьбой безжалостно гонимъ,
Тоскуетъ предъ людьми, — и о своихъ мученьяхъ,
О ранахъ сердца онъ разсказываетъ имъ.
Не я пою... Стиховъ страдальческіе звуки —
Мой братъ тоскующій, измученный поетъ;
Въ нихъ вздохи слышатся многовѣковой муки, —
То о судьбѣ своей рыдаетъ мой народъ!
Не я пою... Въ стихахъ — печаль и горе міра;
Скорбятъ невинныя, святыя жертвы зла...
Приноситъ жалобы страдальческая лира
Правдивымъ небесамъ на темныя дѣла!...

II.

* *
*

Ребенка видѣлъ я, какъ съ радостной улыбкой
Онъ къ розѣ подбѣжалъ,
Но укололся онъ шипомъ на вѣткѣ гибкой
И горько зарыдалъ.

—

Такъ я красавица въ порывѣ страсти нѣжной
Любви твоей искалъ,
Но встрѣченъ былъ тобой съ холодностью небрежной
И горько зарыдалъ...

Л. Уманецъ.

Къ характеристикѣ новой армянской литературы.

I.

Проходятъ годы, цѣлыя десятилѣтія, а нѣкоторые старые предразсудки противъ той или другой націи продолжаютъ жить въ извѣстной части нашей публики и прессы... Всѣмъ знакомы, напр., тѣ шаблонныя сужденія объ армянахъ, которыя повторяются иными съ стереотипною точностью, всякій разъ, какъ въ обществѣ, за неимѣніемъ другой, болѣе занимательной темы, разговоръ переходитъ на армянскій народъ. Армянъ, какъ націю, обвиняютъ въ торгашескихъ и плутовскихъ инстинктахъ, въ поклоненіи золотому тельцу и вѣчной страсти къ наживѣ, хотя бы и незаконной, въ умственной ограниченности и неспособности воспринимать истинную культуру. Говорящій не упускаетъ обыкновенно случая вспомнить кстати отдѣльные примѣры алчности или нечестности, которые ему пришлось видѣть въ армянской средѣ, или о которыхъ онъ только слышалъ отъ кого-нибудь,—и, опираясь на эти примѣры, съ тѣмъ большею увѣренностью повторяетъ давно обветшавшіе аргументы противъ цѣлой націи... Человѣкъ съ подобными взглядами къ каждому армянину подходитъ уже съ извѣстнымъ предубѣжденіемъ, мысленно включая и его въ общій отрицательный приговоръ обо всемъ народѣ, считая его зараженнымъ всѣми „національными" недостатками и солидарнымъ съ тѣми армянами, которые своими поступками создаютъ столь нелестную репутацію своему племени. Такъ-ли это на самомъ дѣлѣ? неужели всякій армянинъ находитъ все прекраснымъ въ родной жизни, одобряя даже плутовство, некультурность, шовинизмъ изъ странно понятой солидарности со своей націей? Или, можетъ быть, среди армянскаго народа, какъ и среди всякаго другого, встрѣчаются люди хорошіе и дурные, умные и бездарные, безкорыстные труженики и грубые матеріалисты? Стоитъ поближе ознакомиться съ этимъ вопросомъ и отнестись къ нему безпристрастно, чтобы убѣдиться, что вся правда — на сторонѣ второго предположенія. Темныя явленія армянской жизни всегда воз-

мущали сколько-нибудь интеллигентныхъ армянъ; литература, служащая обыкновенно отраженіемъ взглядовъ лучшей, наиболѣе развитой части націи, всегда бичевала или подвергала осмѣянію всѣ проявленія нечестныхъ, эгоистическихъ и корыстныхъ инстинктовъ въ армянскомъ обществѣ [1]).

Чтобы не быть голословными, бросимъ бѣглый взглядъ на творчество главныхъ армянскихъ писателей. Что-же мы увидимъ? Даровитый поэтъ - лирикъ Рафаэль Патканьянъ, [2]) авторъ «Слезъ Аракса», «Смерти Вардана Мамиконьяна» и множества другихъ стихотвореній, не разъ обличаетъ армянъ — богачей, разжившихся неправедными путями, холодныхъ, черствыхъ эгоистовъ, равнодушныхъ къ общественнымъ интересамъ, пронырливыхъ дѣльцовъ, для которыхъ нѣтъ ничего святаго въ мірѣ. Такъ, въ стихотвореніи «Прекрасный человѣкъ» поэтъ съ глубокой ироніей характеризуетъ армянина, преслѣдующаго только свои интересы, не дѣлающаго никому зла, но не желающаго и приносить кому-нибудь пользу. Здѣсь мы читаемъ, напр., такія строки:

Занятъ дѣломъ своимъ неустанно,
Отдалиться отъ насъ ты сумѣлъ,
И, блюдя интересы кармана,
Ты далекъ отъ общественныхъ дѣлъ.
Ты привычекъ и жизни спокойной
Ни за что не измѣнишь. И что-жъ?
Человѣкъ ты, безспорно, достойный,—
Но скажи, для чего ты живешь?...
Ты богатства добился, и даже,
Говорятъ, потерялъ деньгамъ счетъ,
И твой домъ, рысаки, экипажи
Восхищаютъ прохожій народъ.
Но догадки ни въ комъ неприличной
О богатствѣ твоемъ не найдешь!..
Человѣкъ ты, безспорно, отличный,—
Но скажи, для чего ты живешь?...
На страданья другихъ безучастно
Ты взираешь, о нихъ не скорбя,
И, нуждой угнетаемъ, несчастный
Умолять сталъ-бы тщетно тебя.
Вопли бѣдныхъ къ тебѣ—трудъ напрасный:
Ты жалѣешь для нищаго грошъ!...
Человѣкъ ты, безспорно, прекрасный,—
Но скажи, для чего ты живешь?!...

(*Перев. А. Шитова*).

Въ другомъ, еще болѣе мѣткомъ стихотвореніи «Желаніе армянъ», Патканьянъ ведетъ рѣчь отъ имени человѣка, проникнутаго платоническимъ сочувствіемъ

[1]) Этотъ мотивъ издавна встрѣчается въ армянской литературѣ, и еще историкъ V вѣка Моисей Хоренскій, оплакивая пороки армянъ, заканчиваетъ свою исторію плачемъ, который начинается словами: „плачу о тебѣ, страна армянская, плачу, о тебѣ, лучшая изъ странъ сѣверныхъ“ и пр. *Ред.*

[2]) Раф. Патканіанъ писалъ подъ псевдонимомъ Гамаръ-Кэтиба. Род. 30 окт. 1830 † 22 авг. 1893 г. Въ стихотвореніи „Мое завѣщаніе“ онъ писалъ: „Въ жизни я позналъ лишь одно тщеславіе— пожелалъ лежать въ св. Эчміадзинѣ—дорогой народъ, ради самого Бога—не откажи исполнить это единственное мое пожеланіе“.— *Ред.*

всякому доброму начинанію, признающаго пользу науки, просвѣщенія, поднятія матеріальнаго уровня народа, но дрожащаго надъ каждой копѣйкой, разъ ее приходится употребить не на свои личныя нужды. Вотъ образчикъ разсужденій этого типичнаго субъекта:

О, какъ-бы я хотѣлъ, чтобъ стали всѣ армяне
Наукамъ, грамотѣ учить дѣтей своихъ!
Учеными тогда всѣ были-бы граждане...
Но только... отъ листовъ избавьте подписныхъ!...
О, какъ—бы я хотѣлъ, чтобъ юноши учились,
Шли въ академію, въ предѣлы дальныхъ странъ,
Чтобы армянки всѣ въ Швейцарію стремились,—
Въ покоѣ только бы остался мой карманъ!
Чтобъ завелись у насъ и университеты,
Имѣла-бъ много школъ родимая земля,
И библіотеки, читальни и газеты,—
Лишь мнѣ-бы не пришлось затратить ни рубля!...

(*Переводъ Л. Уманца*).

Прозаическіе разсказы Патканьяна также полны обличеній, которыя онъ считалъ *необходимыми* для того, чтобы общество развивалось и совершенствовалось. Въ одномъ изъ этихъ разсказовъ простой кожевникъ отзывается объ этомъ слѣдующимъ образомъ въ бесѣдѣ съ авторомъ: «Ты, какъ мнѣ довелось узнать, большой охотникъ до старыхъ происшествій, любишь слушать разсказы объ нихъ, и на бумагу заносить... Что-жъ, это не дурно! Коли наша исторія хороша, пусть сыновья берутъ съ насъ примѣръ; коли дурна, —пусть они остерегаются нашихъ промаховъ. Жаль, что наша публика боится выставлять на показъ свои недостатки: какова была-бы участь больного, еслибъ онъ скрывалъ свои язвы и раны на тѣлѣ, или какія-нибудь внутренніе недуги»?

Другой извѣстный поэтъ, Смбатъ Шахъ-Азизъ, въ поэмѣ «Скорбь Леона», написанной подъ вліяніемъ „Чайльдъ Гарольда", сильными штрихами обрисовываетъ положеніе армянскаго общества въ 60-хъ годахъ, господства схоластики въ школахъ, низкій уровень образованія духовныхъ лицъ, развитіе національнаго самомнѣнія, тяжелую участь и уродливое воспитаніе женщинъ, къ которымъ поэтъ обращается съ грустными словами:

Пышно вы разцвѣли... Но въ армянскій народъ
Не вдохнете вы счастья и жизни!

Свое призваніе, какъ обличителя общественныхъ пороковъ, Шахъ Азизъ прекрасно выразилъ въ стихотвореніи «Моя участь»:

Обличить желая зло, пишу я
Про дѣла порочныя людей.
О любзи, всю лживость ихъ бичуя,
Говорю имъ въ пѣснѣ я своей...
Предо мной тернистая дорога,
Цѣлый адъ поднялся на меня...
Злыхъ враговъ кругомъ я вижу много,
А друзей не встрѣтилъ въ жизни я!
Но впередъ я смѣло выступаю,
Я страдать за истину готовъ!
И открыто я благословляю
Въ пѣснѣ Бога—и своихъ враговъ!

(*Переводъ—нашъ*).

«Зданіе обветшало,—нужно его обновить», читаемъ мы въ одной изъ пѣсенъ «Скорби Леона». Эти слова весьма характерны для всей литературной дѣятельности Шахъ—Азиза.

Лучшій армянскій романистъ, Раффи, авторъ «Искръ», «Хента», «Джалалэддина» и друг. произведеній, не щадитъ порою красокъ, чтобы съ безпощадною суровостью изобразить приниженность, индифферентизмъ, преобладаніе матеріальныхъ интересовъ надъ умственными, оторванность школы и науки отъ окружающей дѣйствительности, господство устарѣлыхъ понятій и предразсудковъ и прочіе недуги родной жизни. Вотъ нѣсколько мыслей, выхваченныхъ наудачу изъ разнообразныхъ сочиненій Раффи: «Теперь армянинъ сдѣлался предметомъ насмѣшекъ, позора и упрековъ. Желающіе кого-либо оскорбить, желающіе кому—либо показать, что онъ-низкое и презрѣнное существо, говорятъ: *ты армянинъ*! Чѣмъ мы заслужили такой упрекъ? Конечно, своими недостатками! Вы—недостойные и презрѣнные потомки нашихъ предковъ, тѣхъ предковъ, къ которымъ питалъ глубокое уваженіе и благоговѣніе каждый иностранецъ». «Наши капиталисты, начиная съ перваго „амира" и кончая послѣднимъ «дядей Петросомъ» въ деревнѣ,—хищники; они живутъ кровью и потомъ народа». „Подобныхъ людей уважаетъ народъ, ихъ чтутъ, какъ добродѣтельныхъ гражданъ, они въ почетѣ у всѣхъ въ городѣ... Между тѣмъ, они грабятъ, они пускаютъ по міру бѣдня-

Рафаэль Патканьянъ.

ковъ, каждая копѣйка ихъ богатствъ облита кровью и потомъ несчастныхъ,—и все это скрыто, всего этого не видать, потому что всѣ свои продѣлки они очень ловко прикрываютъ ложною религіозностью... Они даютъ лживыя клятвы, они измѣняютъ честному слову, клевещутъ, они бранятся, проклинаютъ людей, обманываютъ,—и тѣми-же устами трогательно молятся Богу; и все это безъ капли угрызенія совѣсти. И почему все это возможно? потому что и то, и другое сдѣлалось для нихъ привычкой. Они не понимаютъ, какое противорѣчіе между тѣмъ, чему учатъ ихъ умильныя молитвы, и что они дѣлаютъ». «Въ армянскихъ семьяхъ дѣвушка не имѣетъ ни собственной воли, ни собственнаго чувства; вся она, все ея существо принадлежитъ родителямъ». „Никакое новое ученіе не можетъ совершенно уничтожить, вырвать изъ сердца народа то, что имѣетъ за собою глубокое прошлое. Языческіе обряды, церемоніи, служеніе богамъ, вѣками укоренились въ душѣ армянина, слились съ его существомъ; христіанство не могло сразу очистить армянскую землю отъ старыхъ суевѣрій". „Не вамъ, о старыя книги и школа, посвящаю я свой кубокъ, не вамъ, не умѣвшимъ дать намъ ничего для жизни и дѣйствительности. Вы наполнили наши головы фантастическими мечтаніями, а съ требованіями дѣйствительной жизни не ознакомили насъ. Да будутъ благословенны тѣ писатели, которые вдохнутъ въ насъ новый духъ"!.. Такихъ примѣровъ изъ сочиненій Раффи можно было-бы привести нѣсколько десятковъ.

Прекрасный знатокъ сельскаго быта и нравовъ армянскаго крестьянства, П. Прошьянцъ, въ своихъ романахъ („Изъ-за хлѣба", «Сосъ и Вартитеръ», „Тля" и др). обрисовываетъ отрицательныя явленія, развившіяся на почвѣ армянской деревни, обличаетъ кулаковъ и кабатчиковъ, указываетъ на корыстолюбіе и плутоватость волостныхъ старшинъ и заправилъ сельской общины, выводитъ къ свѣту темныя махинаціи хитрыхъ дѣльцовъ, обманывающихъ простодушную и невѣжественную массу. Въ романѣ «Изъ-за хлѣба» мы находимъ мастерски написанный типъ кабатчика Сако, человѣка съ запятнаннымъ прошлымъ и отталкивающимъ настоящимъ, который является тѣмъ не менѣе могущественною силою въ большомъ селѣ Аштаракъ. «Въ молодости онъ былъ настоящимъ негодяемъ», говоритъ авторъ, вертѣлся въ разныхъ кабакахъ и среди маркитантовъ въ казармахъ. Ни одинъ хозяинъ кабака не соглашался его держать у себя долѣе двухъ мѣсяцевъ, такъ какъ онъ обкрадывалъ не только посѣтителей, но и самого хозяина! «Но вотъ онъ основываетъ въ Аштаракѣ свой собственный кабакъ и искусно запутываетъ всѣхъ въ свои сѣти». Сако высасываетъ нашу кровь», говорятъ про него. «Это могущественный человѣкъ. Всѣ отъ него зависятъ, всѣхъ держитъ онъ въ своихъ рукахъ». Сако плутуетъ, подкупаетъ правосудіе, дѣлается сообщникомъ разныхъ преступленій, укрываетъ краденое, раззоряетъ самыхъ почтенныхъ крестьянъ. Въ концѣ романа, спасаясь отъ преслѣдованій, онъ бѣжитъ въ Персію, переходитъ въ магометанство, дѣлается даже муллою, и начинаетъ угнетать персіянъ такъ же, какъ прежде жителей армянской деревни. Плутни и хищенія старостъ и вліятельныхъ членовъ сельской общины находятъ себѣ въ томъ же романѣ заслуженную критику въ безхитростныхъ рѣчахъ одного крестьянина на сельскомъ сходѣ, созванномъ для утвержденія денежнаго отчета за истекшій годъ. Несправедливые поборы заставляютъ

его воскликнуть: «Бѣдный народъ! Все это выжмутъ изъ твоего кармана и преспокойно сожрутъ!... Побойтесь же Бога, люди!.. Не о себѣ я хлопочу, а о бѣднякахъ, которыхъ вы безсовѣстнѣйшимъ образомъ притѣсняете! Если вамъ не нравятся мои слова, я охотно откажусь отъ всякаго участія въ общественныхъ дѣлахъ. Тогда вы можете, сколько вамъ будетъ угодно, ловить рыбу въ мутной водѣ!... Вѣдь подати не составляютъ и четверти того, что вы тутъ насчитали; онѣ не велики, но вы такъ здорово наживаетесь, что даже человѣкъ въ родѣ меня съ трудомъ можетъ уплатить то, что вы требуете!“

Константинопольскій сатирикъ Акопъ Пароньянъ въ живой остроумной формѣ дѣлаетъ смотръ разнообразнымъ слоямъ армянскаго общества, особенно той части его, которая живетъ въ турецкой столицѣ,—въ такихъ своихъ произведеніяхъ, какъ «Многоуважаемые попрошайки» или «Народные герои», у него выступаютъ педанты, бездарные поэты, карьеристы-чиновники, представители отсталаго и алчнаго до денегъ купечества, самозванные патріоты. Придерживаясь обыкновенно добродушно-юмористическаго тона, Пароньянъ иногда переходитъ, однако, къ рѣзкому и безпощадному обличенію. Вотъ, напр., въ какой горячей, страстной формѣ нападаетъ онъ на бездарныхъ писателей и неумѣлыхъ критиковъ. «Никогда еще я не видалъ у насъ критика, который бы схватилъ бездарнаго писаку за горло, сдавилъ и уничтожилъ его ненужное прозябаніе!! Нѣтъ, они не душатъ его! Лишь издали, слабо колютъ они его вопіюще-безсмысленныя творенія, а удачныя мѣста возводятъ въ перлъ созданія, и, о наивность, святая наивность! пребываютъ въ томъ убѣжденіи, что они возвеличили сочиненіе, и придали ему силу и блескъ... Нѣтъ, господа критики, нѣтъ! вы не имѣете права этого дѣлать. Задушите, растопчите, убейте бездарность, и знайте, что только тогда вы поможете дѣлу!!.»

II.

Обратимся-ли мы къ драматической литературѣ, въ комедіяхъ главнаго армянскаго драматурга, Габр. Сундукьянца, «Пепо», «Еще одна жертва», «Разоренная семья» и др.,—мы найдемъ неприкрашенную картину жизни извѣстныхъ слоевъ тифлисскаго армянскаго общества; страсть къ наживѣ и эксплуатаціи своихъ ближнихъ, отсутствіе нравственныхъ принциповъ, внѣшнее, поверхностное подражаніе Европѣ, враждебное отношеніе къ попыткамъ молодыхъ людей развиться и расширить свой умственный кругозоръ, сословные предразсудки,—все это оцѣнено авторомъ комедій по заслугамъ. „Человѣкомъ ты хотѣлъ сдѣлаться, Пепо?“ говоритъ герой лучшей камедіи Сундукьянца, съ горькою ироніею обращаясь къ самому себѣ; «такъ пошелъ-бы грабить людей, воровалъ бы, обиралъ бы такихъ же бѣдняковъ, какъ ты самъ, всюду заставилъ-бы людей проливать слезы, а изъ этихъ слезъ сдѣлалъ-бы деньги, и на эти деньги выстроилъ-бы себѣ золотыя палаты!... Съ важностью расхаживалъ-бы ты въ своихъ палатахъ, завелъ бы рысаковъ, карету, коляску, тысячу такихъ слугъ, какъ ты самъ, имѣлъ-бы подъ

рукою... Вотъ тогда бы сказали: ты человѣкъ, Пепо, и все у тебя есть, что нужно человѣку! —Въ другомъ случаѣ онъ восклицаетъ, возмущенный поступками одного нечестнаго и безжалостнаго купца: «Вотъ они какіе всѣ: пока никто не знаетъ, они отказываются отъ своего слова, грабятъ; а когда начинаютъ бояться, что дѣло огласится, вотъ такъ они изворачиваются, вотъ этакъ,—чтобы только не потерять свое имя у людей... Сколько погибаетъ по милости его такихъ, какъ мы, матушка, плачутъ по его винѣ, какъ ты сестра, страдаютъ, какъ я страдаю... И никто не долженъ посмѣть сказать, что для этого человѣка, которому всѣ кланяются, котораго всѣ величаютъ, всѣ уважаютъ, нѣтъ ничего святаго на свѣтѣ!»

Въ пьесѣ „Разоренная семья" честный и прямодушный купецъ Осепъ бросаетъ въ лицо своему кредитору-мучителю слѣдующія громовыя обвиненія: „Съ тебя не довольно быть лгуномъ, ты хочешь быть еще воромъ и разбойникомъ? Такъ, значитъ, вѣрно то, что про тебя говорятъ люди, вѣрно, что ты всѣхъ обокралъ и тѣмъ составилъ себѣ состояніе, что ты разорилъ 25 семействъ, что у каждаго изъ нихъ ты потушилъ его свѣтильникъ и зажегъ такимъ образомъ свой собственный? Да, я вижу теперь, все, что разсказываютъ про тебя, правда! Теперь я начинаю думать, что эти стулья, этотъ диванъ, это зеркало, твоя одежда, твоя палка,—словомъ каждый предметъ, который ты называешь своимъ, представляетъ собою одного изъ ограбленныхъ тобою людей. Возьми же и мои кости въ придачу! Пусть переполнится мѣра! Ты сдѣлалъ свою совѣсть каменною, ты не хочешь ничего слушать, но я тебѣ говорю, придетъ день, когда совѣсть твоя проснется, и каждый предметъ, который здѣсь лежитъ или стоитъ, будетъ припоминать тебѣ твои позорныя дѣла. Тогда пойди и оправдайся, если можешь, передъ твоимъ Творцомъ. Стыдъ тому, кто тебя продолжаетъ считать человѣкомъ!" Тотъ-же Осепъ, самъ не получившій образованія, прекрасно видитъ, однако, какъ уродливо, съ претензіями на европейскій лоскъ воспитываются кругомъ него армянскія дѣвушки. «Всему научилась она на половину», говоритъ онъ о своей собственной дочери,—и музыкѣ, и языкамъ. Что она умѣетъ дѣлать? Можетъ-ли она что-нибудь сшить или скроить себѣ платье?.... Да она не умѣетъ даже порядочно говорить по армянски; а вѣдь это ея родной языкъ. Можетъ-ли она хоть страницу написать безъ ошибокъ? Можетъ-ли она бѣгло произнести хоть десять французскихъ словъ подъ рядъ? Да въ чемъ она вообще знаетъ толкъ? Право, жаль человѣка, который на ней женится; развѣ она будетъ въ состояніи дѣлить съ нимъ невзгоды жизни? Завтра она будетъ матерью, и ей придется воспитывать дѣтей... Вотъ будетъ отличное воспитаніе!»

Цѣлый рядъ примѣровъ такого-же трезваго и здраваго отношенія къ общественнымъ недугамъ можно найти и у само-новѣйшихъ армянскихъ беллетристовъ, второй половины 80—хъ и начала 90—хъ годовъ,—напр. у Ширванзаде, Лео, Мурацана, Папазьяна и др.; такъ, у перваго изъ нихъ встрѣчаются, напр., картины жизни глухаго провинціальнаго города, гдѣ старые предразсудки и суевѣрія, грубые, чисто азіатскіе нравы, проявленія самодурства, семейнаго деспотизма и жестокости составляютъ самые обыкновенные факты,—или, наоборотъ, изображеніе армянскихъ литературныхъ и педагогическихъ круговъ, съ ихъ отрицательными явленіями. У Ширванзадэ мы находимъ мѣстами и общую оцѣнку

армянской жизни, подчасъ весьма суровую. Вотъ какъ излагаетъ онъ, напр., товарищескую бесѣду молодыхъ людей, проникнутыхъ уже новыми, истинно-просвѣщенными взглядами и затрогивающихъ разнообразные вопросы, связанные съ окружающею дѣйствительностью: «Товарищи сообщали другъ другу свои свѣжія впечатлѣнія, говорили о невѣжествѣ, предразсудкахъ, кулачествѣ и другихъ некрасивыхъ явленіяхъ въ жизни окружающаго общества. Все на ихъ взглядъ было пошло, ординарно... Нѣтъ общественной жизни; каждый думаетъ только о матеріальныхъ выгодахъ. Народъ тонетъ въ невѣжествѣ. Старое поколѣніе деспотично, а новое слабо, загнано, забито. Торговый классъ безобразенъ въ своемъ самодурствѣ и корыстолюбіи. Молодежь въ нравственномъ отношеніи никуда не годна,—ею игнорируются всѣ высшіе вопросы... нѣтъ заботы объ идеалахъ... школы готовятъ только дьячковъ... Все нуждается въ коренномъ переустройствѣ».

Въ армянской прессѣ и публицистикѣ въ разное время также раздавались благородные голоса обличителей; первые-же у русскихъ армянъ публицисты, въ европейскомъ смыслѣ этого слова, проф. С. Назарьянцъ и М. Налбандьянъ, въ своемъ журналѣ «Сѣверное Сіяніе», издававшемся въ Москвѣ (1858—64 г.), выступили съ рѣзкою, безпощадною критикою современной имъ армянской жизни. Наконецъ, съ церковной каѳедры недостойные представители націи, хотя-бы это были важные ага и ефенди, подверглись пламенному обличенію въ краснорѣчивыхъ проповѣдяхъ неустрашимаго Хримьяна-Айрика, (см. выше) такъ могущественно и неотразимо дѣйствующихъ всегда на слушателей.

Какой-же выводъ должны мы сдѣлать изъ сгруппированныхъ нами только что данныхъ? ужъ не тотъ-ли, что огульныя обвиненія армянъ справедливы, такъ какъ подтверждаются показаніями самихъ армянскихъ писателей? Едва-ли Не слѣдуетъ, прежде всего, упускать изъ виду, что литераторы, всего рѣзче обличавшіе пороки своихъ единоплеменниковъ, по большей части, являются, вмѣстѣ съ тѣмъ, *самыми извѣстными*, любимыми и популярными у армянской читающей публики; значитъ, существуютъ слои, въ которыхъ ихъ идеи встрѣчаютъ сочувствіе, значитъ если есть люди, совершающіе недостойные поступки, то всегда есть и другіе, которые негодуютъ и возмущаются при видѣ подобныхъ поступковъ. Этого мало: знаменательно то, что почти всѣ эти писатели, не закрывая глазъ на все, что есть дурнаго въ армянской жизни, находятъ въ ней и симпатичныя явленія, и положительные образы. Такъ С. Шахъ-Азизъ въ лицѣ героя своей поэмы, Леона, выводитъ типъ благороднаго, развитаго юноши съ гуманными и просвѣщенными взглядами, «сердце котораго готово разорваться, только-бы больному брату доставить спасеніе», то-же мы видимъ и въ романахъ Раффи. Прошьянцъ, характеризуя кулаковъ и міроѣдовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ всегда относится съ симпатіей къ армянскому крестьянину, отмѣчаетъ его хорошіе задатки, трудолюбіе, неиспорченность; въ томъ-же романѣ «Изъ-за хлѣба», гдѣ выведенъ негодяй кабатчикъ Сако, однимъ изъ героевъ является почтенный домовитый, зажиточный, безукоризненно честный старикъ-поселянинъ Хечанъ, котораго можно назвать типичнымъ представителемъ лучшей, сохранившей даже нѣкоторыя чисто патріархальныя добродѣтели части армянскаго крестьянства; Патканьянъ, такъ часто и рѣзко обличавшій свое племя, тѣмъ не менѣе всецѣло посвятилъ ему свой талантъ, трудился всю жизнь на его пользу, сознавалъ его хорошія стороны,

принималъ къ сердцу и излагалъ въ своихъ произведеніяхъ его нужды и желанія; Сундукьянцъ въ комедіи, «Пепо», дѣлаетъ своимъ героемъ прямодушнаго и честнаго труженика-рыбака, въ пьесѣ «Еще одна жертва» явно сочувствуетъ героинѣ, *жертвѣ* старыхъ предразсудковъ и меркантильныхъ вкусовъ, въ «Разоренной семьѣ» показываетъ своеобразный положительный типъ даже среди стараго купечества, почти не затронутаго культурою—въ лицѣ Осепа; Ширванзадэ обрисовываетъ психологію армянскаго интеллигента 80—90-хъ годовъ, съ твердыми убѣжденіями, выдержкою и неподкупною честностью (романъ «Арсенъ Димаксьянъ)», характеризуетъ и новый типъ армянки, съ культурными вкусами и сознательнымъ отношеніемъ къ дѣйствительности, создавшійся за послѣднее время.

Изъ всего, сказаннаго нами, можно, думается, извлечь только новые аргументы для старой истины, которую, однако, все еще приходится въ наши дни доказывать и разъяснять,—что всѣ общіе, огульные приговоры относительно извѣстнаго народа никогда не будутъ справедливы. *Народовъ сплошь порочныхъ или безнравственныхъ не существуетъ*,—какъ не можетъ быть и народовъ сплошь добрыхъ или великодушныхъ. Каждая нація заключаетъ въ себѣ самыхъ разнообразныхъ членовъ, изъ которыхъ одни одарены очень симпатичными свойствами, другіе порою самыми отталкивающими, одни будутъ всегда дѣлать честь своей странѣ, другіе—только позорить свою національность. Судить о народѣ исключительно по первому или второму разряду лицъ—одинаково несправедливо. Развѣ у насъ самихъ нѣтъ и не было никогда хищеній и растратъ, господства кулаковъ и кабатчиковъ по деревнямъ, примѣровъ нечестнаго обогащенія, проявленій грубаго эгоизма и равнодушія къ общественнымъ интересамъ? Но вѣдь мы были-бы очень возмущены, еслибы кто-нибудь на основаніи подобныхъ фактовъ, обозвалъ весь русскій народъ нечестнымъ, лживымъ, безсердечнымъ! То-же самое справедливо и по отношенію къ армянамъ; странно было-бы, конечно, утверждать, что въ армянской жизни нѣтъ отрицательныхъ, печальныхъ явленій, вызванныхъ разными историческими условіями; но пусть-же при оцѣнкѣ цѣлаго народа принимаются въ соображеніе и данныя противоположнаго характера! Только тогда можно будетъ произнести справедливый и безпристрастный приговоръ. А лучшимъ подспорьемъ для того, чтобы мы русскіе, могли узнать *подлинныхъ* армянъ, является ихъ симпатичная литература, произведенія которой все чаще переводятся теперь на европейскіе языки. Она представляетъ вѣрную, реальную картину той жизни, которая ее создала, не скрывая дурного, отмѣчаетъ и хорошее,—полная желанія принести пользу обществу, содѣйствуя его нравственному и культурному совершенствованію.

Юрій Веселовскій.

Полоса земли.

Очеркъ Раффи.

(Переводъ съ армянскаго)[1]).

На обширной равнинѣ, съ разбросанными на ней селеніями, среди зелени густого лѣса гордо возвышался старинный зàмокъ. Его зубчатыя стѣны, минареты и высокія башни ясно говорили о воинственномъ характерѣ его владѣтеля. Замокъ утопалъ въ садахъ яркой зелени тропическихъ растеній, среди которыхъ били многочисленные мраморные фонтаны. Тѣнистыя аллеи въ разныхъ направленіяхъ пересѣкали эти сады. Комнаты зàмка, разукрашенныя разноцвѣтными стеклами, были убраны со всей роскошью и пестротою, присущей персидскому вкусу.

Зàмокъ этотъ принадлежалъ Риза беку. Армянки сосѣдняго села каждое утро толпою приходили въ зàмокъ очищать сады отъ сорныхъ травъ. Молодой владѣтель зàмка часто выходилъ къ нимъ и весело съ ними разговаривалъ. Въ одно прекрасное утро, когда женщины уже были заняты своей работой, Риза-бекъ вышелъ въ садъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Сдѣлавъ нѣсколько круговъ по саду, онъ очутился въ аллеѣ, въ которой одна работала молодая красавица-армянка.

— Ты чья жена? ласково спросилъ ее бекъ.

— Я жена вашего раба, Мартироса, отвѣтила она, покраснѣвъ.

— Зачѣмъ же ты такъ плохо одѣта?

— У меня нѣтъ лучшей одежды, господинъ.

— Вотъ тебѣ деньги, купи себѣ новое платье, сказалъ бекъ, предлагая ей нѣсколько золотыхъ монетъ.

Сона — такъ звали женщину — смутилась.

— Бери же золото, повторилъ бекъ.

На что мнѣ новое платье, повелитель мой, когда я весь день тружусь? отказываясь отъ денегъ, отвѣчала Сона.

1) Заимствуемъ изъ *Новаго Обозрѣнія* въ переводѣ г. Мнацаканова. *Ред.*

— Я прикажу, чтобъ освободили тебя отъ труда и дамъ тебѣ средства къ жизни.

— Но я должна помогать своему мужу...

— Я освобожу тебя и отъ него!

Женщина ничего не отвѣтила.

— Что же ты не берешь денегъ?

— Не могу...

— Почему?

— Такъ, не могу...

Армянка у фонтана.

*
* *

Сона и мужъ ея Мартиросъ были бѣдные крестьяне. Все ихъ богатство состояло изъ двухъ козъ, молокомъ которыхъ они питались, изъ прялки и заступа. Каждый день, рано по утру, Мартиросъ бралъ заступъ на плечи и шелъ на торговую площадь села. Тамъ онъ съ поникшей головой стоялъ до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь изъ сельчанъ за ничтожную плату не нанималъ его на цѣлый день.

Оба они, мужъ и жена, были довольны и этою горькою долею, потому что въ своей маленькой хижинѣ могли наслаждаться тихими радостями семейной жизни; но злая судьба вздумала посмѣяться надъ ними. Однажды Риза-бекъ, который послѣ смерти своего отца наслѣдовалъ его владѣнія, потребовалъ къ себѣ Мартироса. Бѣдный крестьянинъ, еле дыша отъ страха, явился къ беку, но увидѣвъ, что бекъ находится въ веселомъ расположеніи духа, вздохнулъ свободнѣе и поклонился ему до земли.

— Чѣмъ ты занимаешься? — спросилъ его бекъ.

— Чѣмъ можетъ заниматься бѣднякъ, прахъ ногъ твоихъ, ага? Живу дневнымъ трудомъ, — отвѣчалъ крестьянинъ, снова низко кланяясь.

— Мартиросъ, ты человѣкъ трудолюбивый и здоровый, поэтому, мнѣ кажется, что ты можешь имѣть даже собственную соху и полосу земли и заниматься ея обработкой.

Мартиросъ, не переставая кланяться, отвѣчалъ:

— Ага, я очень бѣденъ для того, чтобъ...

— Ахъ ты чудакъ! — гордо прервалъ его бекъ, — кто же изъ моихъ армянъ богатъ? Развѣ не я имъ даю участки, сѣмена для посѣвовъ и земледѣльческія орудія? Вотъ они этимъ и живутъ.

— Вы всегда милостивы къ своимъ рабамъ, ага!

— Я вотъ призвалъ тебя сюда для того, чтобъ и тебѣ оказать милость. Я знаю, что ты человѣкъ очень трудолюбивый, поэтому не хочу, чтобы ты жилъ въ нищетѣ. Иди къ старостѣ: я приказалъ ему отпустить тебѣ все необходимое.

— Дай Богъ тебѣ здоровья, ага! — съ благодарностью сказалъ крестьянинъ и удалился!

Было начало весны. Въ полѣ уже раздавалась веселая пѣсня Мартироса: онъ вспахивалъ свою полосу земли. Нѣсколько недѣль спустя, посѣвъ показался, зазеленѣлъ и выросталъ, но вмѣстѣ съ нимъ выростали и увеличивались проценты по векселю, данному Мартиросомъ хану. Прошло лѣто, настала осень. Мартиросъ собралъ жатву со своей полосы, смолотилъ и пшеницу собралъ на гумнѣ. Онъ съ самодовольнымъ видомъ смотрѣлъ на собранный хлѣбъ, не подозрѣвая, что онъ вовсе не принадлежалъ ему. Пришелъ управляющій хана, опредѣлилъ количество пшеницы, потомъ одну часть взялъ за пользованіе землею, другую — вмѣсто налоговъ, третью — за сѣмена, четвертую — какъ долговые проценты. На гумнѣ осталась только солома и такое ничтожное количество пшеницы, что ея не хватило бы даже и на зиму бѣдному крестьянину.

Съ разбитымъ сердцемъ несчастный Мартиросъ пришелъ домой.

— Отчего ты такъ печаленъ? — спросила жена.

— Такъ, ничего... — отвѣтилъ Мартиросъ.

— Говори, что случилось? Ужъ не боленъ ли ты?

— Эхъ! Цѣлый годъ безъ устали трудился, изъ кожи лѣзъ и все-таки остался ни съ чѣмъ...

— И онъ разсказалъ женѣ, какъ его ограбили.

— Но зато, по крайней мѣрѣ освободился отъ долга?—спросила его жена.

— Какъ же!... Долгъ остался тотъ же, что и былъ,—отвѣтилъ Мартиросъ со вздохомъ.

— Что же ты теперь намѣренъ дѣлать?

— Посмотримъ еще; можетъ быть, на слѣдующій годъ Богъ поможетъ и я сумѣю заработать и уплатить долгъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ...

За селомъ, прижавъ маленькаго ребенка къ груди, стояла красавица Сона. Она со слезами провожала своего мужа на чужбину...

— Пойду, Сона, изъ края въ край, буду выбиваться изо всѣхъ силъ, но заработаю деньги и освобожу тебя и моего сына отъ хана, — сказалъ несчастный крестьянинъ, поцѣловалъ мальчика и отправился въ чужіе края.

*
* *

Была глухая ночь.

Одиноко сидѣла опечаленная Сона въ своей хижинѣ, съ нетерпѣніемъ ожидая брата своего, Лазаря, который каждую ночь приходилъ ночевать къ сестрѣ, чтобъ она не оставалась одна.

— Ахъ, что съ нимъ? онъ такъ не опаздывалъ никогда...

А въ это же время нѣсколько человѣкъ, какъ черныя тѣни, тихо подобрались къ убогой хижинѣ Соны.

— Джапаръ, — сказалъ одинъ изъ нихъ едва слышнымъ голосомъ; — ты знаешь по-армянски; подойди къ двери, постучись и назовись Лазаремъ, котораго мы нѣсколько минутъ тому назадъ сбросили въ оврагъ.

Джапаръ направился къ двери.

— А вы, Аббасъ и Насиръ, — сказалъ тотъ же голосъ, — караульте дверь. Если кто-нибудь придетъ, то уложите на мѣстѣ.

Сона услышала стукъ въ дверь. По всему ея тѣлу пробѣжала холодная дрожь.

— Кто тамъ? — спросила она.

— Отвори, — послышался голосъ мнимаго Лазаря.

— Сона отворила дверь, и ею овладѣлъ ужасъ, когда она увидѣла передъ собою мужчину, съ ногъ до головы закутаннаго въ черный плащъ. Онъ сбросилъ съ себя плащъ и Сона тотчасъ узнала молодого Риза-бека.

— Я надѣюсь, ты будешь такъ добра, что какъ слѣдуетъ примешь своего ночного гостя? — сказалъ бекъ, остановившись передъ Соной.

Сона отъ страха дрожала всѣмъ тѣломъ, однако собралась съ силами и спросила:

— Какое вы имѣете дѣло въ такое позднее время къ одинокой, несчастной женщинѣ?

Риза бекъ подошелъ къ ней ближе.

— Сона, меня привела сюда любовь! сказалъ онъ.

— Любовь? повторила Сона съ насмѣшкою, — любовь привела тебя въ хижину женщины, которая тебя ненавидитъ!?

— Меня... ты... ненавидишь?! Но за что же, за что?

— За то, что ты обманулъ моего мужа: ты заставилъ его сдѣлать неоплатный долгъ, ты заставилъ его бросить свою семью въ нищетѣ и уйти на чужбину...

— Все это я сдѣлалъ изъ любви къ тебѣ... Я нарочно старался удалить его отъ тебя...

— Удалить того, котораго я никогда не позабуду?!

Риза-бекъ, не говоря болѣе ни слова, подошелъ и обнялъ свою беззащитную жертву. Глубоко оскорбленная женщина съ изумительной быстротою выхватила изъ ноженъ его же собственный кинжалъ и вонзила ему въ грудь. Онъ упалъ на землю, обливаясь кровью. А Сона, схвативъ изъ колыбели своего ребенка, выбѣжала черезъ другую дверь хижины и съ быстротой серны скрылась въ ночной темнотѣ.

Сона бѣжала по направленію къ сосѣднему селу черезъ узкое ущелье. Ребенокъ, котораго она крѣпко прижимала къ груди, жалобно плакалъ... Вскорѣ Сона увидѣла на склонѣ горы огоньки и направилась къ нимъ.

— Наконецъ-то дошла, — проговорила она, немного ободрившись.

Она подошла къ двери одной избы и постучала.

Старикъ съ лампочкой въ рукѣ открылъ ей дверь.

Увидѣвъ нежданную гостью, онъ растерялся.

— Это ты, Сона? спросилъ онъ.

— Я, отвѣтила она, входя въ избу.

Старикъ этотъ былъ ея отецъ. Въ семьѣ поднялся переполохъ: всѣ окружили Сону, желая поскорѣе узнать причину ея внезапнаго прихода.

— Кровь! воскликнулъ старикъ, весь поблѣднѣвъ.

— Я убила Риза-бека... едва могла проговорить Сона.

Въ эту минуту вошли въ избу слуги убитаго и перевязали всѣхъ.

ИЗЪ ГАЯ-АРМЕНА

Мое царство.

(съ армянскаго).

Пусть Юлій Цезарь въ жаждѣ къ славѣ
Стремится покорить весь міръ,
Я жъ объ одномъ лишь жажду правѣ:
Владѣть тобой, о, мой кумиръ!

—

Но сердцемъ нѣжнымъ твоимъ
Одинъ я долженъ обладать,
Быть первымъ въ немъ, быть и послѣднимъ,
Царемъ царить и рабство испытать.

А. Ветовъ.

Эрзерумская армянка.

Въ борьбѣ съ діаволомъ.

Эскизъ изъ дорожнаго альбома.

I.

Это было два года назадъ въ Гельсингфорсѣ.

Мы, двое русскихъ путешественниковъ, проходили по аллеямъ Хегхолме, красиваго островка, представляющаго по праздникамъ мѣсто развлеченія и отдыха рабочаго населенія финляндской столицы. Дѣло было какъ-разъ въ воскресенье, и на островѣ, по холмамъ, на травѣ, на каменистомъ берегу, въ который ласково плескались волны залива,—всюду мелькали фигуры горожанъ. Кое-гдѣ курился дымокъ,—это рабочая семья готовитъ ужинъ; кое-гдѣ отъ дерева къ дереву протянулся гамакъ,—это ребенокъ мелкаго торговца тихо спитъ, качаясь въ воздухѣ; кое-гдѣ слышны смѣхъ и игры,—это бюргерская молодежь, неугомонившаяся за день, веселится подъ благосклонными взглядами старшихъ. А къ морю склонялось уже солнце, и за проливомъ острые и прямые силуэты городскихъ зданій какъ-то грузно и рѣзко погружались въ лиловый сумракъ. Все дышало здѣсь миромъ и тихой, солидной отрадой протестантскаго воскресенья...

Когда, въ глубинѣ Хегхольме, мы проходили темнѣющей аллеей, изъ группы женщинъ, пріютившейся въ сторонѣ, въ тѣнистомъ углу, отдѣлилась вдругъ молодая дѣвушка и пошла прямо на насъ. На ней было темное платье и широкополая шляпа страннаго и некрасиваго покроя. Поверхъ широкихъ полей виднѣлась лента, на которой мы едва могли разглядѣть какую-то надпись. Концы ленты были подвязаны подъ подбородкомъ, и изъ этой неизящной рамки, съ улыбкой какой-то спокойной застѣнчивости, глядѣло на насъ миловидное молодое лицо. Внезапная атака насъ нѣсколько озадачила, тѣмъ болѣе что остальныя женщины пытливо слѣдили и за нею и за нами.

Дѣвушка рѣшительно прегородила намъ дорогу и протянула листокъ, нѣчто въ родѣ газеты, на которой мы разглядѣли какіе-то рисунки.

— Tio ore... — сказала она ласково.

Мы поняли, что нужно отдать мелкую монету, и разстались, обмѣнявшись дружелюбными улыбками. Дѣвушка присоединилась къ подругамъ, и у нихъ опять пошла прерванная нами бесѣда, послышался даже легкій смѣхъ, можетъ быть надъ нашей неловкостью и невольнымъ смущеніемъ. А у насъ въ рукахъ остался листокъ на шведскомъ языкѣ, съ которымъ мы не знали что дѣлать.

На листкѣ стояло заглавіе крупными буквами:

„Krigs ropet“.

На первой страницѣ была изображена группа изъ нѣсколькихъ мужчинъ въ военной формѣ и молодыхъ дѣвушекъ, одѣтыхъ какъ наша незнакомка. Въ двухъ мѣстахъ въ текстѣ этой странной газеты виднѣлся діаволъ довольно мизернаго вида, а на послѣдней страницѣ — аллегорическая каррикатура...

Только послѣ внимательнаго обозрѣнія всего этого, на одной изъ болѣе свѣтлыхъ полянокъ,—мы сообразили, съ кѣмъ имѣли дѣло. Еще недавно въ газетахъ промелькнуло извѣстіе, что въ Финляндіи появились отряды изъ арміи спасенія знаменитаго генерала Буса и, пользуясь терпимостью финляндскихъ законовъ, объявили непримиримую войну діаволу на почвѣ великаго княжества. Такимъ образомъ нападеніе на насъ миловиднаго солдата арміи, въ этой пустынной аллеѣ, имѣло очевидною цѣлью за „tio ore“ подать намъ мостикъ спасенія среди соблазновъ этого міра... Мы посмѣялись и пошли дальше; намъ казалось, что на Хегхолме, среди этого мирнаго, мѣщански тихаго и почти пуританскаго праздника діаволу и безъ того слишкомъ мало простора...

Когда солнце сѣло, въ городѣ замелькали огни, Хегхолме опустѣлъ и затихъ. Маленькій пароходикъ, съ низкими бортами, бойко разрѣзавшій волны залива, доставилъ и насъ въ городъ, въ которомъ тамъ и сямъ виднѣлись мирно возвращавшіяся съ острововъ семьи рабочаго люда, мѣщанъ и великихъ торговцевъ. Казалось, воскресенье уходитъ изъ финляндской столицы немного усталое, приличное и скучноватое. Однако, когда, спустя около часу, мы опять вышли изъ сумрачнаго отеля Кэмпъ на ближайшій бульваръ, то сразу попали въ самый развалъ вечерней бульварной сутолоки... Это было уже нѣчто совсѣмъ непохожее на недавнія сцены мирнаго отдыха на Хегхолме. Высоко въ небѣ стояла ясная луна, лучи которой смѣшивались съ лучами электрическихъ фонарей и газовыхъ рожковъ бульвара. И въ этомъ свѣтѣ, смѣшанномъ и странномъ, двигалась бѣснующаяся и грѣшная толпа. Тутъ были горничныя, кухарки, женщины и дѣвушки съ смѣлыми взглядами и беззастѣнчивыми манерами. Среди шляпокъ самаго разнообразнаго фасона мелькали студенческія шапочки на бекрень, котелки и фуражки приказчиковъ и рабочихъ, — и все это пестрѣло, мчалось изъ конца въ конецъ широкаго бульвара, какъ будто торопясь заполнить шумомъ, смѣхомъ и беззастѣнчивыми выходками нарочно для этого отведенные часы уходящаго вечера. И на все это суровая, красивая и важная — глядѣла статуя, знаменитаго финскаго поэта Рунеберга, обреченнаго, какъ и нашъ Пушкинъ на Тверскомъ бульварѣ, глядѣть съ своего пьедестала на мутный потокъ людскаго грѣха и ночнаго разгула.

И опять по сторонамъ этого пестраго, шумливаго потока я увидѣлъ некрасивыя шляпки и скромныя фигуры женщинъ въ темныхъ платьяхъ. Какъ-то

осторожно, нѣсколько робко, держась въ боковыхъ аллейкахъ, онѣ вступали отъ времени до времени въ сутолоку бульвара, протягивая кому-нибудь свои листочки. Мнѣ невольно вспомнилась при этомъ картина нашего волжскаго ледохода: серединой рѣки валитъ, шумя, сталкиваясь, расшибаясь—масса льда, а въ это время съ берега то и дѣло врѣзываются въ ея края утлыя лодочки мартышекъ. И глядишь, удачно лавируя среди опасныхъ льдинъ, — лодочка возвращается къ берегу съ добычей: доска, старая корзина, деревянный ящикъ, ведро или обломокъ разбитой лодки, спасенные изъ разрушительнаго потока... Я сталъ смотрѣть, много ли добычи отнимутъ у бульварнаго потока мои скромныя незнакомки.

Очевидно, здѣсь дѣло было труднѣе: мимо уродливыхъ шляпокъ пестрая толпа валила со смѣхомъ, остротами, вольною шуткою. И только опять я, тронутый робкимъ призывомъ: «tio ore», — взялъ экземпляръ спасительнаго листочка, за что изъ-подъ шляпки на меня взглянули благодарные глаза и мелькнула благосклонная улыбка. На листкѣ были тѣ же господа въ военной формѣ, тотъ же мизерный бѣсенокъ и та же каррикатура...

Я сохранилъ его на память. Заглавіе „Krigs ropet“ значитъ „Боевой кличъ“. Съ этимъ кличемъ на всѣхъ языкахъ тѣхъ странъ, гдѣ армія генерала Буса водрузила свое знамя,—она обращается къ діаволу, вызывая его на бой и стараясь взять въ плѣнъ какъ можно больше его преданныхъ слугъ. Къ сожалѣнію нужно признаться, что отъ этой «прессы спасенія» вѣетъ изрядною пошлостью, о которой вы можете составить нѣкоторое понятіе развѣ по нашимъ уличнымъ листкамъ послѣднихъ годовъ, въ которыхъ о чудесахъ Іоанна Кронштадтскаго повѣствуютъ репортеры, до того времени изощрявшіе свои перья на описаніи скандаловъ въ «Аркадіяхъ» и «Ливадіяхъ». Или, если бы вы представили себѣ еще, что наше *Развлеченіе* пожелало бы приклеивать мораль съ религіознымъ оттѣнкомъ ко всѣмъ сценамъ изъ купеческаго быта, или давало бы религіозные тексты къ картинкамъ своихъ каррикатуристовъ. Можетъ быть эти сравненія придется смягчить еще на одну степень, но во всякомъ случаѣ они даютъ нѣкоторое понятіе о литературномъ тонѣ этой мелкой прессы уличнаго «спасенія». Армейскіе отрядные литераторы, по назначенію генерала Буса, бывшаго методистскаго проповѣдника, — пускаютъ въ діавола періодически извѣстное количество стрѣлъ, облеченныхъ въ литературную форму. А такъ какъ діаволъ атакуется въ его собственныхъ владѣніяхъ, то армейскій писатель беретъ у улицы языкъ, ея литературные пріемы.... Столько-то строкъ религіознаго одушевленія къ слѣдующему нумеру! Столько-то строкъ проповѣди, гимновъ, сарказмовъ по адресу врага, т.-е. діавола... А такъ какъ каждый крупный отрядъ имѣетъ свою писательскую команду, а таланты, — увы! — не раздаются по назначенію генераловъ, то легко представить себѣ, что религіозное одушевленіе выражается за рѣдкими исключеніями очень плохими стихами, сарказмъ отмѣченъ плоскостью уличной прессы, и на всей прессѣ спасенія лежитъ отпечатокъ, оскорбляющій сколько-нибудь развитое чувство... Между тѣмъ, діаволу, при всѣхъ его недостаткахъ, нельзя, кажется, отказать въ нѣкоторой талантливости натуры, критическомъ чутьѣ и остроуміи. А если такъ, — думалъ я, сидя на скамьѣ у памятника Рунеберга, — то пожалуй эти листочки доставляютъ насмѣшливому врагу не мало веселыхъ

минутъ... И мнѣ казалось, что въ самомъ шумѣ разноголосой и грѣшной толпы, заглушающей робкія приглашенія служительницъ арміи, я слышу искренній хохотъ, и въ раздражающемъ свѣтѣ луны и электричества мелькаетъ умная мефистофелевская улыбка...

Между тѣмъ, пока я предавался этимъ размышленіямъ — физіономія бульвара еще разъ измѣнилась. Какъ-то внезапно и неожиданно быстро толпа схлынула, смолкъ рѣзкій смѣхъ, исчезли ряды женщинъ и мужчинъ, которые, взявшись за руки, съ хохотомъ сталкивались недавно на бульварѣ... Финны—народъ аккуратный даже и въ безпорядочномъ, повидимому, разгулѣ... Кромѣ того, и нынѣшній діаволъ, повидимому, склоненъ соблюдать сроки, опредѣленные городовымъ магистратомъ, и поэтому, когда я очнулся отъ размышленій и взглянулъ вдоль бульвара, онъ былъ уже почти пустъ. Кое-гдѣ только мелькала приличная фигура запоздалаго пѣшехода, около ресторана расплачивались послѣдніе посѣтители, и только памятникъ Рунеберга кидалъ отъ себя черную большую тѣнь, да противъ него двигалась въ перспективѣ бульвара значительная фигура городскаго стражника, который пришелъ убѣдиться, что діаволъ не осмѣливается нарушить распоряженіе городскихъ властей.

II.

Вскорѣ послѣ этого я былъ уже въ Лондонѣ. Было опять воскресенье, и англійскую столицу точно вымело. На улицахъ удивительная тишина; лавки, магазины, конторы стоятъ запертые съ утра. Заперты кабачки, трактиры, рестораны, и мы, незнакомые еще съ пуританскими нравами лондонскаго воскресенья, долго бродили голодные по праздничнымъ улицамъ, пока, на наше счастіе, въ какомъ-то узенькомъ переулкѣ старый еврей изъ Галиціи не открылъ своей съѣстной лавочки и не выставилъ изъ дверей своей головы въ бѣломъ колпакѣ. Мы ринулись къ нему, за нами еще два или три проголодавшихся прохожихъ, а черезъ полчаса всѣ мы опять вышли, еврей заперъ дверь — и опять на насъ глядѣла строгая, замкнутая, пуритански-праздничная улица. Въ серединѣ дня даже омнибусы и вагоны ходили тише и рѣже, какъ-будто отдыхая послѣ работы вчерашняго вечера и нынѣшняго утра, когда весь Лондонъ стремился въ свои предмѣстья, въ веселые коттэджи, окруженные зеленью садовъ...

Мы послѣдовали за другими и, вернувшись обратно подъ вечеръ, пошли съ вокзала пѣшкомъ по широкой прямой Oxfordstreet, дѣлясь впечатлѣніями дня. Вечеръ спускался ясный, свѣжій, истинно праздничный и торжествующій. Услужливый ли вѣтеръ подхватилъ и унесъ эту мутную пелену дыма и испареній, всегда висящихъ надъ Лондономъ, или она сама разрѣдилась въ воскресный день, когда даже фабричнымъ трубамъ дается отдыхъ,— какъ бы то ни было, только вечерній воздухъ былъ прозраченъ, половина неба чистая, а на другой отчетливо рисовалось большое облако, у краевъ котораго тихо плыла ущербленная луна, точно лодка, пробирающаяся вдоль темнаго берега. Городъ начиналъ просыпаться;

изъ церкви выходили кучки отмолившагося народа, изъ глубины улицъ несся все возраставшій рокотъ экипажей, омнибусовъ, фіакровъ... Казалось, городъ глубоко вздыхаетъ послѣ отдыха, и съ этимъ вздохомъ втягиваетъ въ себя обратно эти милліоны человѣческихъ микробовъ, слетающихся къ нему отовсюду на борьбу, на заботу, на грѣхъ, на злобу, довлѣющую новому дню... Будни суетливо и шумно торопились на смѣну тихо отходящему празднику. Но между ними лежалъ еще цѣлый вечеръ, тотъ послѣпраздничный вечеръ, когда воскресенье какъ бы умываетъ руки, а трудовой день еще не вступаетъ въ свои права,—вечеръ развлеченій, соблазновъ и грѣха.

Въ одномъ мѣстѣ, на углу Oxfordstreet и какого-то маленькаго переулка, мы увидѣли небольшую кучку людей, какъ бы ставшихъ крошечнымъ отрядомъ навстрѣчу этому все возрастающему наступленію будней. Надъ ихъ головами, точно знамя, возвышался матовый фонарь, на стеклѣ котораго я прочиталъ, черными буквами, грозный вопросъ:

Гдѣ

хотите вы нынѣ потерять

вашу вѣчность?

Фонарь этотъ держалъ въ рукахъ невысокій, коренастый парень въ очкахъ. Пока мы подходили, онъ повернулъ его, и на другомъ стеклѣ выступило другое воззваніе:

Остановитесь!

Только еще сегодня

день спасенія вашего!

Слово *Salvation* (спасеніе) сразу напомнило мнѣ мою встрѣчу въ Гельсингфорсѣ, и я, крайне заинтересованный, направился на этотъ маякъ, выкинутый надъ бурнымъ теченіемъ человѣческаго моря. Оказалось дѣйствительно, что это небольшой отрядецъ сальваціонистскихъ партизановъ, остановившись на бойкой улицѣ, поднялъ свое боевое знамя, чтобы немного подраться съ devil'емъ (дьяволомъ) на исходѣ воскреснаго дня и, можетъ быть, отнять у него нѣсколько жертвъ, безпечно устремляющихся къ „потерѣ своей вѣчности". Мы безъ труда протолкались въ передній рядъ и очутились прямо противъ молодаго знаменосца въ очкахъ, поворачивавшаго свой фонарь съ такимъ разсчетомъ, чтобы каждая изъ четырехъ надписей могла произвести на насъ свое спасительное дѣйствіе. Рядомъ съ нимъ въ серединѣ небольшого свободнаго четыреугольника жестикулировалъ и волновался проповѣдникъ, очень часто и съ разнообразной интонаціей (переходившей отъ глубочайшаго презрѣнія къ самой страстной ненависти) упоминавшій имя devil'я.

III.

Devil, devil!... Вотъ, думалось, гдѣ увижу я настоящую борьбу съ этимъ господиномъ,—въ Лондонѣ главной штабъ-квартирѣ знаменитаго генерала Буса, организатора «арміи спасенія» (Salvation army)... Есть въ общественной жизни

явленія, самая пошлость которыхъ идетъ имъ въ пользу, обезпечивая въ извѣстной мѣрѣ широкое распространеніе. Спасеніе — и казарменное устройство, религіозное одушевленіе — награждаемое производствомъ въ военные чины, духовная проповѣдь—и военныя нашивки, „день спасенія“ — и маршировка повзводно навстрѣчу его зарѣ, бубны, литавры, пискливые рожки, назойливо-крикливая реклама—привлеченные на служеніе душевному перерожденію заблудшихъ. Трудно придумать болѣе пошлыя сопоставленія, а между тѣмъ организація спасенія ген. Буса прогремѣла по всему міру, отголоски сраженій, даваемыхъ арміей діаволу, пронеслись изъ конца въ конецъ старой Европы и перебросились за океанъ; въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ отчеты генерала Буса рисовали картину такого быстраго роста его авторитарной организаціи, чуждой и даже враждебной всему англійскому строю, что, пожалуй, могло показаться, будто старый конституціонализмъ подмывается въ корнѣ этимъ необыкновеннымъ движеніемъ, наростающимъ снизу. Оставляя въ сторонѣ парламентскіе акты, парламентскіе нравы и пріемы, Вильямъ Бусъ, бывшій портной, «самовольно именующій себя непринадлежащимъ ему званіемъ», сформировалъ взводы, роты, баталіоны, полки и двинулъ ихъ на діавола, на завоеваніе спасенія внѣ установившихся общественныхъ формъ. И одно время могло, пожалуй, показаться, что діаволъ принялъ вызовъ и вступаетъ въ реальную борьбу. Всюду, гдѣ раздавалась визгливая музыка «спасенныхъ»,—въ толпѣ просыпалась вражда и раздраженіе на солдатъ и офицеровъ, вооруженныхъ только раздирательной музыкой и молитвенникомъ, на беззащитныхъ женщинъ и дѣвушекъ сыпались камни, организовалась настоящая армія діавола, взявшая своей эмблемой скелетъ (Skeleton army), а для противодѣйствія ей и въ помощь полиціи—молодые люди разныхъ положеній въ обществѣ организовали рыцарскій спортъ особаго рода, состоявшій въ защитѣ (боксомъ) сальваціонистскихъ женщинъ отъ грубой толпы... Уже одинъ уличный безпорядокъ, вызываемый всѣми этими столкновеніями, подалъ бы въ другомъ мѣстѣ десятки поводовъ для воспрещенія этой странной формы человѣческаго спасенія. Были, конечно, стремленія и въ этомъ родѣ и въ Англіи, но старая англосаксонская традиція осталась непоколебимой. Англичане расчленили вопросъ и поставили его въ такой формѣ: генералъ Бусъ, какъ всякій англичанинъ, имѣетъ право держаться своихъ взглядовъ на спасеніе и открыто ихъ проповѣдывать, хотя бы и подъ звуки плохой музыки. Далѣе: безпорядокъ истекаетъ изъ того, Skeletonarmy ему въ этомъ препятствуетъ: полиція обязана защищать сальваціонистовъ. Если дѣло Буса есть дѣло Божіе, напрасно было бы бороться съ нимъ посредствомъ парламентскихъ актовъ, если же «генералъ», какъ мы убѣждены, во многомъ сильно ошибается, — не станемъ окружать его ошибокъ ореоломъ «гонимой вѣры».

И вотъ проходятъ годы... Генералъ Бусъ даетъ сраженіе діаволу, генералъ Бусъ выигрываетъ у діавола битвы. „5-я рота такого-то полка занимаетъ позицію въ такомъ-то городѣ“,—печатаетъ ген. Бусъ въ своемъ „Боевомъ кличѣ“ („War cry“). „5-я рота послѣ отчаяннаго боя отбила у діавола городокъ N. Столько-то плѣнныхъ“... Все идетъ хорошо, о битвахъ сальваціонистовъ пишутъ уже во Франціи, Германіи, Швейцаріи, о нихъ слышно въ Америкѣ, Австраліи... Ими полны газеты, извѣстные романисты изслѣдуютъ новое явленіе (Додэ —„Еван-

гелистка“, Рони „Nell Horn“ и др.), плѣнные берутся не только у діавола... Ихъ, — какъ несчастную героиню Додэ, — армія отнимаетъ перѣдко у скромной семьи, у общества, обращая въ фанатическихъ „солдатъ спасенія“... Однако, пока волна катится все далѣе, въ центрѣ замѣчается новое явленіе. На окраинахъ шумъ и побѣды, — въ центрѣ странное спокойствіе. Первый, повидимому, теряетъ энергію devil. Постепенно интересъ къ битвамъ слабѣетъ, знамя скелета не привлекаетъ діавольскихъ бойцовъ, проповѣди проходятъ спокойнѣе и скучнѣе, позиціи занимаются почти безъ боя. Рядомъ съ этимъ возникаетъ новый вопросъ: что дѣлать съ плѣнными? Они взяты у діавола, діаволъ изгнанъ изъ ихъ душъ... Это хорошо. Но что же далѣе? Комплектовать ими армію, — это можно было прежде. Теперь армія и безъ того слишкомъ велика, особенно въ виду ослабленія борьбы... Оставлять ихъ въ прежней обстановкѣ? Но тогда діаволъ овладѣваетъ ими вторично... И вотъ, пока волна докатывается до Финляндіи, гдѣ мы видѣли ея тихіе, скромные всплески, — генералъ Бусъ въ Англіи сворачиваетъ на новую дорогу... Онъ пишетъ книги, изслѣдуетъ трущобы, изучаетъ наростаніе пролетаріата и берется за *созданіе учрежденій*.

IV.

Теперь вернемся опять на Oxford-Street.

Ораторъ кончилъ. Всѣ джентльмены и дамы, стоявшіе четыреугольникомъ вокругъ знамени, раскрыли свои книги и запѣли псаломъ. Въ это время кто-то изъ моихъ сосѣдей любезно подалъ мнѣ свой молитвенникъ и указалъ страницу. Я взялъ, чтобы не оскорбить любезнаго джентльмена, но это исключительное вниманіе привело меня въ нѣкоторое замѣшательство. Во-первыхъ, я былъ совершенно неспособенъ воспользоваться этой любезностью, а во-вторыхъ...

Во-вторыхъ, оглянувшись кругомъ, я увидѣлъ, что тѣ, кого я считалъ публикой, начинающей толпиться около знамени спасенія, — вовсе не публика, а все солдаты того же отряда, хотя и не въ формѣ. Такимъ образомъ, самъ того не зная, я протолкался въ первый рядъ военнаго отряда и самъ себя отдалъ въ плѣнъ... Что же касается до настоящей публики, то она, какъ ни въ чемъ не бывало, валила мимо, не давая себѣ труда даже остановиться и торопливо исчезая въ жерлѣ оживавшаго города, гдѣ, безъ сомнѣнія, среди электрическаго свѣта и все возроставшаго рокотанія улицъ devil уже раскинулъ на нее свои сѣти... Кромѣ солдатъ отряда и насъ двухъ иностранцевъ, здѣсь были еще только два какихъ-то загадочныхъ молодыхъ человѣка, при видѣ которыхъ явилось невольное желаніе ощупать свои карманы. Однако, если это были дѣйствительно pick pocket'ы, то и они глядѣли съ видомъ какого-то скучающаго пренебреженія, какъ люди слишкомъ уважающіе свою профессію, чтобы оставаться долѣе въ такомъ ничтожномъ собраніи.

Между тѣмъ по окончаніи псалма на середину выходитъ новый ораторъ, снимаетъ съ головы безукоризненный цилиндръ, заботливо передаетъ его одной

изъ дѣвицъ и, очень комично раскачиваясь на своихъ тоненькимъ ножкахъ (причемъ кургузый пиджачокъ придаетъ ему совершенный видъ трясогузки), начинаетъ въ свою очередь всячески уязвлять devil'я. Между прочимъ, онъ убѣждаетъ меня и моего спутника, чтобы мы отреклись отъ діавола именно сегодня, въ воскресенье, 30-го іюля, потому что завтра, въ понедѣльникъ, уже можетъ быть будетъ поздно. При этомъ онъ сообщилъ, для нашего назиданія, что лично онъ глубоко вѣритъ въ существованіе діавола. „Я вѣрю въ него такъ, какъ въ волка или медвѣдя".

Недалеко отъ меня стоялъ еще одинъ вояка, джентльменъ съ длиннымъ востренькимъ носомъ, небольшой, съ изряднымъ круглымъ брюшкомъ и бѣгающими глазами. Мнѣ онъ показался, признаться, изряднымъ плутомъ, чѣмъ-то въ родѣ мельниковскаго Бориса („Въ лѣсахъ") въ переводѣ на англійскій, — и пожалуй тайнымъ союзникомъ devil'я. Мнѣ очень хотѣлось послушать, что онъ съ своей стороны скажетъ devil'ю въ укоръ; но когда ораторъ, вѣрящій въ діавола какъ въ волка или медвѣдя, кончилъ,—его мѣсто занялъ другой, высокій, худощавый, мрачный и повидимому очень желчный господинъ. Этотъ ораторъ бѣгалъ по тѣсному пространству, точно въ клѣткѣ, кидался впередъ, опять отступалъ и чуть не сшибъ бѣдняго парня въ очкахъ, державшаго фонарь. Всѣ его пріемы напоминали фехтовальщика и самое содержаніе рѣчи имѣло характеръ военно-тактическій. Онъ увѣрялъ, что никогда не отступитъ передъ натискомъ врага человѣческаго рода и никогда не ударитъ отбой. При этомъ онъ привелъ военно-историческую иллюстрацію. Нѣкогда Наполеонъ, „кровавый завоеватель міра", взялъ въ плѣнъ англійскаго барабанщика и, плѣнному, велѣлъ ударить отбой, чтобы обмануть ложнымъ сигналомъ атаковавшій англійскій отрядъ. „Но это былъ англійскій барабанщикъ. О, да, это былъ храбрый, достойный англійскій барабанщикъ, и онъ отвѣтилъ. „Нѣтъ, тиранъ, ты можешь убить меня, но я не ударю отбой". И онъ отскочилъ отъ тирана (скачекъ, чуть не опрокинувшій парня съ фонаремъ) и ударилъ вмѣсто отбоя сигналъ наступленія... Мы поступаемъ,—прибавилъ ораторъ,—какъ этотъ барабанщикъ: мы не ударимъ отбоя,— пусть это дѣлаютъ другіе, можетъ быть даже болѣе сильные... Мы же все будемъ трубить наступленіе, призывая на путь побѣды и спасенія"...

Знаменосецъ поправилъ очки на носу и услужливо повернулъ къ намъ фонарь послѣдней стороной, на которой адресъ спасенія былъ написанъ очень четко:

Уэльбекъ-стритъ, № 76.

въ $8^1/_2$ часовъ вечера

Приходите!

Несмотря на смѣшной тонъ, на жесты фехтовальщика, на его прыжки и пріемы, было что-то трогательное въ этой рѣчи плѣннаго барабанщика спасенія... Ужъ не намекаетъ ли онъ на генерала Буса?—думалось мнѣ. И вѣдь, пожалуй, онъ правъ. Да, генералъ Бусъ повернулъ фронтъ, да, генералъ Бусъ отступилъ, да, генералъ Бусъ ударилъ отбой... Есть два способа борьбы со зломъ, два пріема, между которыми располагаются всѣ человѣческія попытки этого рода. Станемъ сами лучше, и все станетъ лучше на землѣ,—это въ сущности и есть

смыслъ „борьбы съ діаволомъ". Не трогайте человѣческихъ учрежденій, оставьте дѣла міра сего идти своимъ чередомъ, но побѣждайте діавола въ человѣческомъ сердцѣ, — какъ говорятъ одни, — и генералъ Бусъ пронесъ эту формулу изъ конца въ конецъ Европы, олицетворивъ все зло міра въ devil'ѣ, котораго надо изгонять изъ души человѣческой.., „Оставьте діавола въ покоѣ, — говорятъ другіе, — работайте надъ учрежденіями, на общую пользу — и вы увидите, что зло станетъ исчезать, какъ плѣсень въ хорошо перестроенной квартирѣ"... Стоитъ только ступить на этотъ путь — и вы уже во власти дѣлъ сего міра. И генералъ Бусъ вступилъ. Генералъ Бусъ занялся изслѣдованіемъ пролетаріата, генералъ Бусъ устраиваетъ колоніи, генералъ Бусъ организуетъ трудъ въ Новомъ Свѣтѣ. Худо ли, хорошо ли, — но генералъ Бусъ принялся за соціальное врачеваніе, призналъ силу учрежденій. А чистая борьба съ діаволомъ на почвѣ человѣческаго сердца, а отнятіе у devil'я его плѣнныхъ, а вопросы личнаго спасенія „именно сегодня", а боевой кличъ, а сигналы атаки... Все это еще есть, но все это уже смолкаетъ. Генералъ Бусъ перенесъ центръ тяжести своего дѣла въ колоніи Новаго Свѣта, и скоро уже борьба съ діаволомъ останется на долю однихъ партизановъ, выкидывающихъ свой фонарикъ, точно маякъ, который уже заливается равнодушными волнами идущей своимъ чередомъ жизни...

V.

Улица гремитъ все сильнѣе, толпа валитъ гуще, идутъ, звеня и гремя, вагонъ за вагономъ, съ верхушки проѣзжающаго „бэса" публика смотритъ, благодушно усмѣхаясь, на поющихъ свой послѣдній гимнъ сальваціонистовъ. Гимнъ конченъ, знаменосецъ задуваетъ въ фонарѣ стеариновую свѣчку, отрядъ оставляетъ мѣсто битвы, направляясь къ Уэльбекъ-стриту, два или три человѣка подходятъ къ намъ и одинъ предлагаетъ мнѣ растроганнымъ голосомъ вопросъ:

— Спасены ли вы, братъ мой...

— J don't speak english (я не говорю по-англійски), — произношу я, и чувствую, что насмѣшливый дьяволенокъ зашевелился въ моемъ сердцѣ при видѣ горестнаго изумленія джентльмена, считавшаго меня уже однимъ изъ отбитыхъ у дьявола плѣнниковъ...

— Но... быть можетъ вы спасены, сэръ? — обращается онъ къ моему товарищу, стоящему сзади...

— Не знаю, — отвѣчаетъ тотъ, — но — надѣюсь...

Въ глазахъ оратора мелькаетъ огонекъ. Боюсь, что отчасти и въ его сердцѣ зашевелился бѣсенокъ — ораторскаго самолюбія.

— Сегодня вечеромъ, сэръ? — спрашиваетъ онъ.

Столь категорическій вопросъ ставитъ моего спутника въ нѣкоторое затрудненіе.

— Не могу сказать точно. А впрочемъ, сэръ, я другой религіи...

— О, это не дѣлаетъ разницы. Христосъ одинъ...

Очевидно борьба отрядомъ переходитъ въ единоборство и чтобы избѣгнуть плѣна (вечеръ на Уэльбекъ-стритѣ, № 76, не представлялъ для насъ ничего привлекательнаго), мы сами переходимъ въ наступленіе и предлагаемъ, въ свою очередь, вопросы. Разочарованный воинъ отвѣчаетъ на нихъ обыкновеннымъ дѣловымъ тономъ. Да, они принадлежатъ къ арміи спасенія, потому что стараются по мѣрѣ силъ, бороться со врагомъ Спасителя, но не считаютъ себя подъ начальствомъ генерала Буса, а составляютъ самостоятельный партизанскій отрядъ. Ихъ главная квартира — Gospel Service, Welbeck Street, at № 76...

Разговоръ опять принимаетъ опасное направленіе, и потому мы прощаемся и обращаемся въ бѣгство... Остатки отряда грустно удаляются въ переулокъ безъ добычи, а мы спѣшимъ за толпой туда, гдѣ уже стоитъ зарево огня и полнымъ голосомъ грохочетъ окончательно проснувшееся чудовище столичной жизни...

VI.

Вечеръ совсѣмъ спустился, туча расширилась, луна выглядываетъ изъ-за нея золотистымъ краешкомъ, гдѣ-то совсѣмъ уже низко надъ моремъ городскихъ крышъ. Лазурь еще не исчезла, но Лондонъ уже начинаетъ мутить ее своимъ дымнымъ дыханіемъ, такъ какъ на фабрикахъ готовятъ пары... У Чарингъ-Кросса, на Трафальгаръ-Скверѣ, на Пикадилли множество дѣвицъ съ „безпокойною лаской во взглядѣ“ проходятъ мимо насъ, заговаривая на различныхъ діалектахъ... Въ раскрытыя двери кабачковъ входятъ и выходятъ толпы народа...

И мнѣ опять, какъ въ Гельсингфорсѣ, чудится, что гдѣ-то тамъ, въ вышинѣ, подлецъ-devil держится за бока и хохочетъ надъ бѣдною горстью своихъ побѣдителей, вѣрящихъ въ него, „какъ въ волка или медвѣдя“...

— А мнѣ кажется, что онъ скорѣе плачетъ, вмѣстѣ съ ними, — замѣтилъ въ тотъ же вечеръ одинъ изъ лондонскихъ знакомыхъ, съ которымъ я подѣлился впечатлѣніями этого дня. Подумайте только: въ честь devil'я даются сраженія, съ нимъ спорятъ, воюютъ, противъ него и за него организуютъ цѣлыя арміи... А съ тѣхъ поръ, какъ даже генералъ Бусъ повернулъ фронтъ, — бѣднаго devil'я пожалуй и совсѣмъ забудутъ. Вообще же въ этой борьбѣ храбраго генерала съ devil'емъ главная побѣда не досталась ни тому, ни другому. Ее взяла себѣ, какъ это часто бываетъ, третья держава, не участвовавшая вовсе въ войнѣ.

— А именно?

— А именно: общество, которое, благодаря своей терпимости, пріобрѣло въ лицѣ арміи генерала Буса очень широкую и полезную филантропическую организацію...

VII.

Этотъ отзывъ вспомнился мнѣ еще черезъ нѣсколько недѣль, когда, проѣзжая по воздушной желѣзной дорогѣ въ Нью-Іоркѣ, я увидѣлъ на одномъ изъ домовъ слѣдующую вывѣску:

„9-й Нью-Іоркскій корпусъ

Цитадель

Арміи Спасенія“.

Форма осталась та же, но молодые сыновья генерала, дѣйствующіе въ Америкѣ, влили уже въ старые мѣхи новое вино... Центръ тяжести новой дѣятельности арміи — въ колоніяхъ, гдѣ недавніе жители лондонскихъ трущобъ организуются въ новыя трудовыя общества на почвѣ Новаго Свѣта...

Еще одно подтвержденіе старой истины: плевелы отдѣляются при жатвѣ, а то, что есть добраго среди самыхъ заблужденій, приноситъ плоды на почвѣ терпимости и свободы...

Вл. Короленко.

Севангскій островъ на о. Гокчѣ.

Книга и народъ.

Изъ деревенскихъ размышленій.

Есть люди, которые отъ души убѣждены, что крестьянину нужны щи да каша, а грамота безполезна. Слава Богу, время начинаетъ обнаруживать ту великую истину, что безъ ума не будетъ и щей съ кашей, а умъ родитъ грамота...

Бѣлинскій.

I.

До сихъ поръ остается нерѣшеннымъ вопросъ, какъ писать для народа. «Вотъ странный вопросъ, говорятъ иные, какъ писать для народа? да пишите для него такъ, какъ пишете для себя, для равныхъ себѣ читателей; не считайте народа ребенкомъ, не примѣняйте къ нему особой, упрощенной формы рѣчи, не бойтесь нисколько такъ называемаго книжнаго языка».

Легко сказать: «не бойтесь книжной рѣчи». А между тѣмъ, послѣдствія отъ привычки къ чтенію книгъ, уснащенныхъ трудно понимаемыми выраженіями, очень часто бываютъ весьма печальны. Нерѣдко отъ продолжительнаго чтенія книгъ, не вразумительныхъ для простолюдина по своей формѣ изложенія, онъ пріобрѣтаетъ очень дурную и опасную привычку, — читать безъ толку, не вдумываясь въ смыслъ читаемаго, — словомъ, читать только для процесса чтенія. Такой читатель изъ своего чтенія выноситъ только самые нежелательные результаты,—а именно, особое пристрастіе къ иностраннымъ словамъ, къ высокопарному и вычурному, туманному и непонятному для него слогу. Эта страстишка деревенскихъ щеголей была подмѣчена многими нашими писателями. Невольно припоминается парень, о которомъ говорится въ послѣднемъ романѣ Тургенева «Новь». Этотъ парень принадлежалъ къ горячимъ любителямъ словъ, которыя «почуднѣе», т.-е. которыхъ онъ не понималъ. Онъ просто замучилъ героя ро-

мана, Нежданова. О чемъ бы ни шла рѣчь, этотъ краснобай всюду совалъ облюбованное имъ словечко; все у него: «прызводство». Что ему ни говори, а онъ: «такое,—значитъ,—прызводство». И ужъ толку отъ него не ждите. Ту-же страсть простыхъ людей къ непонятной книжной рѣчи отмѣчалъ неразъ и другой нашъ великій художникъ гр. Л. Н. Толстой. Покойный И. А. Гончаровъ часто наблюдалъ, какъ простые люди зачитываются до слезъ назидательныхъ книгъ, безъ всякаго пониманія того, что въ нихъ написано. «Помню,—говоритъ онъ,—какъ матросы на кораблѣ слушали такую книгу, не шевелясь по цѣлымъ часамъ, глядя въ ротъ чтецу, лишь бы онъ читалъ звонко и съ чувствомъ».

Чтобы бороться съ такимъ отношеніемъ къ чтенію, необходимо, думается мнѣ, снабжать сельскія библіотеки такими книгами, языкъ которыхъ не поражалъ бы читателей своею странностью и непонятностью, такими книгами, интересное содержаніе которыхъ привлекло бы къ себѣ читателей и въ которыхъ все было бы по возможности ясно, просто и въ то же время пробуждало бы мысль и способствовало духовному развитію темнаго человѣка. Кто только мало-мальски знакомъ съ литературой, издаваемой для народа, тотъ знаетъ, какъ она мало еще удовлетворяетъ этому своему назначенію. Тотъ отдѣлъ ея, который особенно могъ бы быть полезенъ для народа, именно, такъ называемыя серьезныя книги,—писаны почти всѣ людьми, которые, очевидно, совсѣмъ не знаютъ ни степени развитія, ни степени образованія своихъ читателей. Эти авторы игнорируютъ слова Руссо, которыя вполнѣ примѣнимы къ авторамъ научно-популярныхъ сочиненій для народа: «долгъ каждаго педагога, по словамъ творца «Эмиля», заключается не въ томъ, чтобы обучать ребенка наукамъ, но въ томъ, чтобы развить въ немъ *любовь* къ нимъ и дать ему *методъ* для ученія, когда эта любовь хорошо разовьется». Стоитъ вамъ просмотрѣть, напр., историческія книжки для народа, и вы увидите, что почти всѣ онѣ представляютъ собою краткое, сжатое и главное, сухое повѣствованіе о какомъ-нибудь обширномъ періодѣ исторіи. Отъ всего этого изложенія такъ и вѣетъ казеннымъ, школьнымъ духомъ учебниковъ вродѣ Иловайскаго. Не ждите здѣсь ни жизни, ни движенія, ни яркихъ красокъ и картинъ, безъ которыхъ немыслимо удовлетворительное писаніе для начинающихъ читателей.

Если мало удовлетворительны книги историческаго содержанія, то уже совсѣмъ плохими оказываются составленныя для народа географическія сочиненія. Авторы ихъ игнорируютъ, что въ наше время географія еще не изучается въ народныхъ школахъ; что въ рѣдкомъ училищѣ вы встрѣтите географическую карту, а ужъ о глобусѣ, теллуріи и тому подобныхъ пособіяхъ нечего и говорить: это такая роскошь, которая встрѣчается только въ исключительныхъ случаяхъ. Такимъ образомъ, если авторъ историческихъ сочиненій долженъ достоинствами своего изложенія замѣнить живую, устную рѣчь учителя, то отъ популяризатора географіи слѣдуетъ требовать еще бо́льшаго: онъ долженъ своей книгой сумѣть замѣнить и устную, пояснительную бесѣду учителя, и глобусы, и карты, и прочія пособія. Онъ долженъ сильно дѣйствовать на воображеніе читателя, для чего требуется уже въ извѣстной степени художественное дарованіе. Еще тридцать лѣтъ тому назадъ извѣстный педагогъ В. Водовозовъ, высказывалъ относительно этого предмета весьма вѣрное сужденіе: «и дѣти, и простые люди,—

сказалъ онъ, — любятъ описанія различныхъ странъ, иноземныхъ нравовъ и обычаевъ, но тутъ необходимо одно условіе: въ описаніи должна быть драма, живое столкновеніе обстоятельствъ, жизнь, выступающая въ дѣйствіи. Въ этомъ отношеніи они совершенно правы: въ лучшихъ путевыхъ запискахъ предметы являются не другъ подлѣ друга, какъ на выставкѣ, а въ томъ самомъ движеніи, какое встрѣчаемъ мы повсюду въ природѣ». Эта любовь простыхъ людей къ чтенію про чужія страны, про чужую имъ жизнь, нравы и обычаи, довольно вѣрно объясняются такимъ писателемъ, когда-то волею обстоятельствъ жившимъ вмѣстѣ съ простыми людьми подъ одною кровлей, какъ покойный Достоевскій.

По справедливому замѣчанію Достоевскаго, такія книги показываютъ народу, что есть возможность и иной жизни, чѣмъ та суровая, однообразная и тягостная дѣйствительность, въ которой живетъ многомилліонная масса

Что касается до книгъ по естествознанію, то авторы ихъ мало стараются сообщить читателямъ здравыя понятія о природѣ, любовь къ наблюденіямъ и стремленіе къ борьбѣ съ предразсудками,—той самой борьбѣ, которая извела бы изъ темницы невѣжества умы народа, которая поборола бы ту желѣзную «власть тьмы», что держитъ наши многомилліонныя массы въ сѣтяхъ грубыхъ суевѣрій, дикихъ понятій и неумѣнія приложить руки къ улучшенію своего быта, поправленію своихъ бѣдъ и къ защитѣ своихъ интересовъ.

II

Жители города не могутъ себѣ представить, какую массу словъ изъ употребляющихся въ нашихъ книгахъ народъ не знаетъ совсѣмъ и даже не можетъ понять на основаніи контекста и общаго содержанія книги. Мнѣ, напримѣръ, пришлось разъ бесѣдовать съ учениками старшей группы одной сельской школы. Попалось выраженіе „овальное лицо“, и никто его не зналъ. Любопытно, что когда приходится крестьянскихъ юношей спрашивать о значеніи какого-нибудь слова, то они очень часто пускаются для открытія его смысла въ самыя замысловатыя, а подчасъ и остроумныя догадки. Наприм., относительно этого слова «овальный». Такъ какъ оно встрѣчалось въ разсказѣ о мальчикѣ, плохо и грязно одѣтомъ, то нѣкоторые рѣшили, что овальное лицо значитъ запачканное. Слово „великодушный“ понятно для каждаго мальчика, вращающагося въ культурной средѣ. Но крестьяне не всегда его понимаютъ, какъ слѣдуетъ, особенно дѣти. Когда оно попалось при чтеніи хрестоматіи Паульсона, то ученики встрѣтили его, какъ совсѣмъ незнакомое для нихъ выраженіе: одинъ мальчикъ сказалъ, что великодушный значитъ „высокій ростомъ“ (очевидно, его спутало прилагательное великій, входящее въ составъ этого слова).

Джонъ Стюартъ-Милль говоритъ: „Невозможно придумать ни одного предложенія, выраженнаго названіями *отвлеченными*, котораго нельзя бы было обратить въ совершенно равнозначущее предложеніе съ названіями *конкретными*[1]).

[1]) „Система логики“, пер. подъ ред. Лаврова, т. I, стр. 127 и 128.

Это золотое правило игнорируется народными писателями, и книги ихъ переполняются отвлеченными словами. И вотъ читаетъ ученикъ старшей группы заглавіе разсказа въ учебникѣ Аѳинскаго: „*Слѣдствіе* грѣхопаденія“. И заучиваетъ его машинально, такъ что если его спросить: какое было „слѣдствіе“ грѣхопаденія?—онъ не отвѣтитъ. Но если спросить проще: „какъ наказаны были Адамъ и Ева за свой грѣхъ?“—онъ пойметъ и отвѣтитъ разумно, – стало быть, понятіе у него есть о томъ, что всякое дѣйствіе имѣетъ свою причину и свое слѣдствіе, но онъ просто незнакомъ съ отвлеченными *словами*, выражающими подобныя явленія. Мнѣ пришлось разъ спросить одного уже довольно взрослаго парня, изъ давно окончившихъ курсъ въ сельской школѣ: „слыхалъ ли ты слово дѣятельность“. Онъ, къ удивленію моему, отвѣтилъ: „это, должно быть, значитъ много дѣтей“. Очевидно, упомянутый юноша никогда не слыхалъ этого отвлеченнаго слова и принялся было догадываться по способу корнепроизводства. Въ книгѣ „Что читать народу“ [1]) сообщается, что подростки 13—15 лѣтъ, уже окончившіе курсъ въ сельской школѣ, не поняли, какъ ни билась имъ растолковать учительница, выраженія „сильная воля“. „Они рѣшительно не могли взять въ толкъ, что это—свойство души, и твердо стояли на томъ, что *воля значитъ свобода*“. Такъ же бился и съ такимъ же успѣхомъ и гр. Левъ Толстой надъ объясненіемъ своимъ яснополянскимъ ученикамъ слова „орудіе“.

Для устраненія излишней отвлеченности языка, писатели для народа должны по возможности избѣгать того, что называется въ логикѣ опредѣленіемъ, т.-е. указанія рода, къ которому принадлежитъ данное явленіе, и затѣмъ отличительныхъ аттрибутовъ этого послѣдняго. Это потому, что такая рѣчь слишкомъ часто носитъ абстрактный характеръ. Такъ, напр., если въ историческомъ разсказѣ встрѣтится слово „идолъ“, то не надо ему давать казенное опредѣленіе „идолъ есть такое изображеніе“ и т. д., (а что такое изображеніе? — спроситъ иной деревенскій читатель). А лучше дайте простую, но ясную картину.

Важнымъ препятствіемъ къ правильному пониманію рѣчи служитъ и характеръ ея построенія. Такъ, рѣчь, обильная придаточными предложеніями, и вообще рѣчь періодическая, положительно несвойственна духу русскаго языка. Не надо забывать, что мы ее заимствовали изъ церковно-славянскаго, а этотъ послѣдній перенялъ изъ греческихъ сочиненій. А между тѣмъ, наша литература очень страдаетъ этимъ недостаткомъ,—именно, излишнимъ нагроможденіемъ періодовъ,— что̀ и дѣлаетъ ее мало доступной для народа.

На это жалуется и извѣстный дѣятель народной школы, С. А. Рачинскій, который справедливо всю нашу литературу, начиная съ Гоголевскаго періода и до сего дня, противопоставляетъ Пушкинской прозѣ, которая отличалась несравненно большею простотою построенія рѣчи.

Мнѣ могутъ возразить: „Что же, если авторы будутъ избѣгать иностранныхъ словъ, отвлеченныхъ выраженій, сложныхъ предложеній и т. п., то народъ никогда не будетъ въ состояніи читать нашу лучшую литературу, нашихъ образованныхъ писателей, и вы обречете его на чтеніе искусственно составляемыхъ для него произведеній, представляющихъ собой поддѣлку подъ его складъ

1) Т. I, отд. V, стр. 13.

рѣчи и пониманіе? Но тогда вѣдь мы должны будемъ отказаться отъ поднятія народа на высшую ступень развитія и образованія, а, напротивъ, сами станемъ спускаться до него, до его узкаго міросозерцанія, до его скудныхъ понятій и примитивнаго языка". Я самъ сознаю, что мы должны пріучить простолюдина къ нашему складу рѣчи и понятій, что мы должны развивать въ немъ и способность къ отвлеченному мышленію, и литературный вкусъ. И для этой цѣли я считаю весьма полезнымъ дѣломъ дешевыя изданія нашихъ лучшихъ писателей-беллетристовъ. Они-то и могутъ постепенно вводить простого читателя въ обладаніе литературной книжной рѣчью. Тутъ нечего особенно стѣсняться попадающимися нерѣдко неизвѣстными народу отдѣльными словами и отдѣльными фразами: въ художественной рѣчи можно иное слово понять совершенно по догадкѣ, на основаніи дальнѣйшихъ мѣстъ сочиненія; иное можно даже и совсѣмъ не понять,—и то будетъ не бѣда,—лишь бы понято было общее содержаніе, развитіе мысли, планъ сочиненія, отдѣльныя картины жизни и т. п. Не то въ научной литературѣ. Тутъ часто бываетъ, что если мы не поймемъ одного положенія, то не поймемъ ничего, потому что все остальное вытекаетъ изъ главнаго тезиса и находится съ нимъ въ непосредственной связи. Вотъ къ такой-то литературѣ я и считаю необходимымъ строго примѣнять высказанныя выше требованія простоты и понятности каждаго предложенія.

Всякое дѣло мастера боится, всякая работа требуетъ особой способности. Писатель для народа долженъ быть человѣкомъ, призваннымъ къ своей профессіи, одареннымъ особенной способностью примѣняться къ степени развитія и пониманія своихъ читателей, любящимъ и понимающимъ ихъ, усвоившимъ себѣ ихъ духовныя потребности, чувствующимъ ихъ бѣды и страданія — и сознающимъ въ своей работѣ главный смыслъ своего существованія.

Когда появится такой писатель? Судя по той оживленной энергіи, съ которою многіе изъ образованныхъ людей — писатели, издатели, земскіе дѣятели, помѣщики и т. п.—принялись въ послѣднее время за содѣйствіе распространенію въ народѣ грамотности, можно, кажется, надѣяться, что недалекъ отъ насъ день появленія такой литературы, которая наиболѣе отвѣчала бы умственнымъ и нравственнымъ потребностямъ деревенской Россіи и ея многомилліонному населенію, которое до сихъ поръ блуждаетъ въ духовной слѣпотѣ

Какъ въ подземной тюрьмѣ безъ свѣчи.

В. Ермиловъ

Чувствительный и холодный.

Алексѣя Н. Веселовскаго.

Въ началѣ нашего вѣка, когда еще живы были Филалетъ съ Мелодоромъ, когда въ гостиныхъ и въ стихахъ царила Аглая и Хлоя, а надъ романтическимъ прудомъ у Симонова монастыря носилась печальная тѣнь Бѣдной Лизы, въ храмъ россійской словесности вступили, довольно неожиданно, два новыхъ лица, Эрастъ и Леонидъ, одинъ съ вѣчно восторженнымъ взоромъ, другой съ печатью невозмутимости на челѣ, — «Чувствительный и Холодный». Литературная психологія была тогда совсѣмъ скудна, моральныя параллели и характеристики, привившіяся къ намъ не то отъ Лабрюйэра, не то отъ Вольтера или наконецъ отъ Стерна, очень цѣнились, и Карамзинская попытка разобраться въ контрастѣ, старомъ какъ міръ, и только прикрытомъ русскими нарядами начала «девятаго-на-десять вѣка», заняла весьма почетное мѣсто и долго потомъ украшала собой сборники образцовыхъ произведеній.

Не все въ ней теперь обветшало и запылилось. Когда случай вложитъ вамъ въ руки томикъ Карамзинскихъ сочиненій, гдѣ схоронены два друга, многое въ разсказѣ объ ихъ судьбѣ покажется, конечно, отжившимъ, блестки слога, когда-то нравившіяся, отпадутъ, какъ перержавѣвшая фольга, — но порою послышатся такіе искренніе тоны, печальное раздумье станетъ такъ близко и понятно, что вмѣстѣ съ сочувствіемъ дѣдовскому протесту противъ торжества равнодушія, безсердечности, холодности поднимается сознаніе солидарности поколѣній, сдающихъ одно другому завѣты гуманности и прогресса.

«Равнодушные люди бываютъ во всемъ благоразумнѣе, живутъ смирнѣе на свѣтѣ, менѣе дѣлаютъ бѣдъ и рѣже разстроиваютъ гармонію общества; но одни чувствительные приносятъ великія жертвы добродѣтели, удивляютъ свѣтъ великими дѣлами, для которыхъ, по словамъ Монтаня, нуженъ всегда небольшой примѣсъ безразсудности, «un peu de folie», — не кажутся ли эти строки написанными вчера, а не девяносто четыре года тому назадъ? И вся характеристика Леонида, который, «казалось, родился благоразумнымъ», который всегда «очень доволенъ собой и не желаетъ перемѣниться», который смѣется надъ всѣми увлеченіями,

идеализмомъ и свободомысліемъ друга, считаетъ свободу «зломъ, не дающимъ людямъ жить спокойно», проповѣдуетъ необходимость угождать ближнимъ, если «дѣлаетъ добро, то только для своей безопасности», — и, въ противоположность рано перегорѣвшему неудачнику Эрасту, доживаетъ до глубокой старости, богатства, знатности, всеобщаго уваженія и «умираетъ такъ, какъ засыпалъ каждый вечеръ»,— эта характеристика полна мѣткихъ и правдивыхъ чертъ. Чувствуется, что въ томъ, кто писалъ эти строки, еще не умеръ пылавшій любовью къ человѣчеству мечтатель въ молодые годы — свидѣтель великаго умственнаго движенія, и не народился ему на смѣну практическій мудрецъ и проповѣдникъ примиренія.

Надъ параллелью, очевидно, очень продуманною, быть можетъ, въ значительной степени пережитою, красуются два термина, на первый взглядъ довольно старомодныхъ. Впрочемъ, нѣтъ, одинъ изъ нихъ нельзя не взять подъ защиту. Въ эпитетѣ *холодный*, какъ ни близокъ онъ по смыслу съ «хладнокровнымъ», есть какая-то особая изобразительная сила. Въ самомъ дѣлѣ, — вѣдь не только въ жилахъ у такого человѣка струится студеная кровь, но и весь онъ застылъ, отъ него вѣетъ холодомъ, и все, чего ни коснется онъ, испытываетъ на себѣ вліяніе этого безучастнаго, жестокаго душевнаго мороза.

Зато къ «чувствительному» необходимы комментаріи. Приторная, то слезливая, то зря ликующая сентиментальность, успащенная восклицаніями и вздохами, наводнившая литературу начала столѣтія «чувствительными путешествіями» по деревенской (и *крѣпостнической*) Россіи того времени, вспоминается при этомъ словѣ прежде всего, — и, конечно, въ контрастѣ трезваго спокойствія, осмысленнаго практическою моралью, и той нѣжной дряблости, которая въ томныхъ мечтахъ «на пучекъ зори роняетъ слезки три», — чего добраго, перевѣситъ первое, — по крайней мѣрѣ своею законченностью и опредѣленностью. Но вѣдь здѣсь съ первыхъ же словъ ставится иная противоположность, чѣмъ избытокъ чувства и недостатокъ его, чѣмъ

...волна и камень,
Стихи и проза, ледъ и пламень.

Эрастъ не только надѣленъ нѣжнымъ сердцемъ, культомъ женщинъ, «милыхъ обманщицъ», «огненными страстями, курьерами жизни, съ которыми недолго ѣхать до кладбища», идеальнымъ взглядомъ на дружбу, — его влекутъ къ себѣ въ прошломъ великія и славныя дѣянія вождей человѣчества, онъ «восхищается бурными временами греческой и римской свободы», «обожаетъ» Катона, а въ современной жизни стоитъ за самопожертвованіе «въ общихъ бѣдствіяхъ», за независимость, честность и высоко поднятый нравственный долгъ; каждая несправедливость потрясаетъ и возмущаетъ его; онъ спѣшитъ вмѣшаться, не боясь попасть въ Донъ-Кихоты.

Эти свойства заставляютъ насъ несравненно шире раздвинуть понятіе о «чувствительности», перенесятъ его на почву общественную. Это—чувствительность Радищева, слитая изъ гуманности и рыцарскаго благородства, приведшая человѣка, неспособнаго безучастно проходить мимо русскихъ золъ, къ радикальному плану крестьянскаго освобожденія и обширной программѣ насущныхъ реформъ. Наше время нашло бы иныя выраженія, чтобы обозначить такой душевный

складъ; оно выставило бы впередъ отзывчивость, человѣчность, прямодушіе, альтруизмъ, — но въ словахъ ли тутъ дѣло!.. Какъ только сговоришься о томъ, кого именно скрываютъ за собой оба назидательно-аллегорическія дѣйствующія лица старой характеристики, замыселъ ея обрисовывается сразу и ярче, и содержательнѣе прежняго, а связь съ позднѣйшей жизнью становится ясной. Вѣдь сущность контраста не только удержалась до нашихъ дней, но развилась, обострилась,—и сильно подержаная уже рамка карамзинской параллели давно стала тѣсна для тѣхъ, кто, направляясь по слѣдамъ Эраста и Леонида и размѣщаясь внушительными группами одесную и ошую, бралъ на себя въ разныя времена продолженіе ихъ дѣла, для «чувствительныхъ и холодныхъ» потомковъ, вплоть до конца вѣка.

Эрастъ, покинутый женой, несчастный въ другихъ сердечныхъ увлеченіяхъ, умеръ бездѣтнымъ; Леонидъ, дважды женатый, философски относившійся къ смѣнѣ подругъ жизни и не допустившій совсѣмъ связать себя семейной цѣпью, лишился дѣтей, — но у обоихъ карамзинскихъ героевъ съ годами расплодилось обширное потомство, — ихъ дѣти, внуки, если не по родству, такъ по духу, но съ чертами какого-то особаго семейнаго сходства. Съ каждымъ поколѣніемъ получается новый оттискъ съ стараго оригинала, съ неизмѣнными общими очертаніями, но все отчетливѣе, — словно судьба надѣлила старинную карамзинскую двойчатку чѣмъ то въ родѣ безсмертія, и ни одно поколѣніе не можетъ обойтись безъ своихъ Эрастовъ и Леонидовъ...

Когда написаны были «два характера», ce siècle avait trois ans. Еще не кончился тогда медовый мѣсяцъ россійскаго благополучія, водворившагося съ воцареніемъ Александра и оставившаго послѣ себя долгій отблескъ. Одинъ изъ сочувственныхъ и совсѣмъ еще молодыхъ читателей карамзинской параллели пылкимъ взоромъ своимъ необыкновенно напоминалъ Эраста. Онъ вѣрилъ, что счастье сошло на землю, что одна за другою падутъ опоры стараго строя; благо роднаго, темнаго и рабствующаго народа сливалось для него съ благомъ всего человѣчества. Годы шли, и настала пора ему дѣйствовать. Едва началось наполеоновское нашествіе, онъ бросился одинъ изъ первыхъ въ ряды защитниковъ отечества. Освободивъ его, полетѣлъ освобождать другіе народы, гордился своею ролью избавителя отъ тиранніи, грезилъ о братствѣ народовъ, о всеобщей солидарности просвѣщенія и гуманной культуры.

Завѣсу грубо отдернули, дѣйствительность обнажилась, но и подъемъ темныхъ силъ не смутилъ его, не разбилъ его иллюзій. Среди реакціи онъ смѣло выставляетъ свои прежніе идеалы, старается сгруппировать единомышленниковъ, съ горячностью Чацкаго громитъ паденіе общества, съ Рылѣевымъ славитъ дѣдовское мужество и геройскій духъ; онъ готовъ всего себя отдать для счастья страны; пусть говорятъ, что въ его дѣйствіяхъ есть «примѣсь безумія», — но вѣдь еще Карамзинъ взялъ его подъ защиту, напомнивъ, что безъ такого придатка не бываетъ великихъ дѣлъ.

Это время Леонидъ прожилъ въ постоянномъ недовольствѣ; онъ непріязненно косился на благодушныя нововведенія Александра, морщился, видя излишній подъемъ народнаго духа при оборонѣ отъ французовъ, сбирался для общей пользы раздавить гнѣздо вольномыслія, побѣжденную Францію, ожилъ, когда началось водво-

реніе добраго порядка, сблизился съ Магницкимъ и Фотіемъ, строго порицалъ безуміе Эраста и, сдѣлавшись однимъ изъ его судей, покаралъ его, несмотря на прежнюю дружбу, строгимъ приговоромъ. Будущее принадлежало, казалось, уравновѣшеннымъ и безстрастнымъ принципамъ Леонида,—но придетъ ли когда-нибудь конецъ праздным мечтаніямъ и необузданной, отзывчивой чувствительности его неисправимаго товарища?

Они опять ожили среди новой молодежи, входившей въ жизнь лѣтъ десять спустя подъ знаменемъ философіи, идеалистической поэзіи, гуманности. Восторженное лицо Эраста снова мелькнуло въ ея рядахъ; его видѣли всюду, гдѣ дружно и горячо заявлялись идеи, призванныя переродить и улучшить міръ; затаивъ дыханіе, онъ съ умиленіемъ слушалъ, забившись въ кучкѣ товарищей, наполнившей казенный студенческій нумеръ, какъ студентъ Бѣлинскій громилъ въ своей юношеской драмѣ крѣпостничество и крѣпостниковъ. Не только не стыдится онъ своей «чувствительности», но считаетъ ее высшимъ своимъ благомъ; пусть проявится она сначала въ шиллероманіи и экстазахъ передъ игрой Мочалова,—она вызоветъ въ немъ симпатіи къ народу, протестъ противъ беззаконій, мечты о широкомъ разливѣ просвѣщенія по отсталой и безграмотной родинѣ, сочувствіе всѣмъ, кто гдѣ-либо рвется на волю, не спрашивающее объ ихъ національности, вѣрѣ, государствѣ. Какъ его отца, современника Байрона и Ріэго, каждая вѣсть объ успѣхахъ «праваго дѣла» наполняетъ и его восторгомъ; главные двигатели и вожди другихъ народовъ—его любимые герои. Только этимъ путемъ онъ можетъ достигнуть того, чтобы статъ «человѣкомъ», какъ выражался бывало его отецъ, и на дѣлѣ осуществлять ту стародавнюю сентенцію, которая требовала, чтобы ничто человѣческое не было ему чуждо.

Правда, немногаго еще можетъ онъ достигнуть. Всѣ дороги въ живой дѣятельности перекопаны и завалены хламомъ, но онъ сбережетъ въ себѣ святое достояніе своего «чувства» до лучшихъ дней, — и среди безправія и грубости каждый его поступокъ является проблескомъ нравственной порядочности... А Леонидъ, глядя на его безсильныя стремленія и посмѣиваясь надъ его восторженностію и непомѣрнымъ философствованіемъ, прикупалъ себѣ тѣмъ временемъ крестьянъ, шелъ въ гору въ канцелярскомъ мірѣ, вмѣсто Шиллера или новѣйшихъ мудрецовъ услаждалъ себя чтеніемъ *Сѣверной Пчелы*, считалъ доморощенную дѣйствительность наилучшею изъ всѣхъ, хвастливо грозилъ изъ своего кабинета всему свѣту и, если только могъ, энергически зажималъ ротъ тѣмъ, кто былъ другихъ съ нимъ мнѣній.

«Лучшіе дни» настали наконецъ, — хоть для третьяго поколѣнія семьи Эраста, — и все, что сложилось изъ восторговъ и мечтаній, изъ гнѣва, стыда и слезъ, изъ столкновеній съ жизнью и сборовъ на помощь ей, за нѣсколько генерацій, вырвалось на свободу и стало духовнымъ содержаніемъ эпохи.

Раздолье для Эрастовой чувствительности! На дворѣ чудная весна; вешнія воды своимъ потокомъ скоро снесутъ всѣ слѣды неправды. Уже нѣтъ болѣе рабства!.. Онъ рвется къ дѣлу, не жалѣетъ себя. Онъ и обличаетъ, и ликуетъ, и борется, и строитъ вновь, и просвѣщаетъ. Передъ его разгорѣвшимся взоромъ открывается будущее, полное безостановочнаго, немолчнаго движенія. Ужъ если «въ наше время, когда и т. д.» столько сдѣлано великаго, благороднаго,

что же ждетъ насъ впереди! Свою горячность внесъ онъ во все, чего ни коснулся, — въ рѣшеніе общественныхъ и нравственныхъ задачъ, въ женскій вопросъ, въ научную пропаганду; онъ искренно братался съ деревенскимъ людомъ, и въ свѣтлое, просторное общественное зданіе будущаго, тотчасъ же ославленное кличкой «воздушнаго замка», звалъ вступить всѣхъ, всѣхъ безъ изъятія.

Но и его сочувствія заходили далеко за предѣлы родины и неслись навстрѣчу такимъ же стремленіямъ у другихъ народовъ. Дѣдъ его увлекался Франклиномъ и Вашингтономъ, отецъ — Байрономъ въ Италіи и Греціи, дѣятелями іюльскихъ дней и сорокъ восьмаго года,—ему пришлось быть свидѣтелемъ возрожденія Италіи, очевидцемъ гарибальдійскаго эпоса, и изъ своего русскаго далека онъ слалъ горячіе привѣты и пожеланія народному вождю, самоотверженному и простодушному герою. А Леонидъ?.. Сначала суетня Эраста съ друзьями казалась ему безвреднымъ Бедламомъ, потомъ онъ сталъ хмуриться, потомъ, когда слишкомъ многое сдвинулось съ мѣста, и какъ-будто близилось торжество опасной чувствительности, — безстрастный по природѣ, онъ совсѣмъ обледенѣлъ; холодность перешла въ суровость, неумолимую, не знающую пощады. Эрастъ и не представлялъ себѣ, что „злой чеченъ“ въ образѣ его бывшаго товарища «ползетъ на берегъ» и обдумываетъ вѣрнѣйшій способъ положить „всему этому„ конецъ.

Придумавъ, онъ принялся за дѣло, и успѣхъ снова увѣнчалъ его труды. Онъ пустилъ въ ходъ и фактическій перевѣсъ силъ, и какую-то особую философію холода. Едва дохнулъ онъ своимъ леденящимъ дыханіемъ, и одна за другой «чувствительныя» затѣи стали вянуть и гибнуть. Но онъ постарался также просвѣтить недальновидныхъ людей относительно истиннаго пути и раскрыть суть жизни. И самъ онъ, и отецъ его, и предокъ мастерски ссылались бывало на неприложимость мечтаній къ трезвой дѣйствительности, на желѣзный законъ судьбы, на вѣковую мудрость, — онъ превзошелъ ихъ своими доводами. У бисмаркизма перенялъ онъ теорію силы, одолѣвающей право, указаніе на высшіе, раскрываемые исторіею, законы политической необходимости, передъ которою все должно нѣмѣть и отступать: начиная съ повседневныхъ житейскихъ примѣровъ и кончая крупными народными вопросами, онъ наглядно показывалъ превосходство въ соціальномъ быту дѣловитой и строго послѣдовательной прозы надъ расплывчивой, не понимающей жизни, совсѣмъ размягченной чувствомъ поэзіи. Когда же и литература, свободная отъ его вліянія, тоже попрекнула Эраста недостаткомъ устойчивости и практическаго такта и выставила въ противовѣсъ ему типъ энергическаго труженика, съ сильной волей и несокрушимой выдержкой,—побѣда стала еще легче.

Леонидъ соединилъ свою философію съ дѣломъ, и отъ его долго готовившагося натиска зашаталось и затрещало многое. Родоначальникъ его, карамзинскій герой, не сразу узналъ бы свои черты въ предпріимчивомъ внукѣ. Ему и во снѣ не грезилось то, что стало вполнѣ по плечу потомку. Между дѣдами все же была какая ни на есть дружба; на вредъ Эрасту не поднялась бы рука его «холоднаго» товарища, —когда Эрастъ спасъ его отъ вѣрной смерти, на глазахъ спасеннаго все же показались слезы, растрогавшія нѣжную душу мечтателя.

Разладъ «отцовъ» уже сильно обострился, «дѣти» довершили его. Леонидово потомство не допуститъ ни поблажекъ, ни компромиссовъ; гуманность, состраданіе, справедливость и тому подобныя «жалкія слова» не остановятъ его, когда онъ намѣтилъ себѣ цѣль. Свой, чужой, иновѣрецъ, инородецъ,—всѣ приводятся имъ логически правильно къ одному знаменателю, и надъ безконечнымъ множествомъ житейскихъ противорѣчій, неровностей, страданій, желаній и сѣтованій неумолимо возвышается его «холодная» мораль. Что же касается международныхъ сентиментальностей и игры въ идеализмъ, когда дѣло идетъ о „не-нашихъ", Леонидъ можетъ отвѣтить только глумленіемъ.

И его слушаютъ, и ему вѣрятъ, и уровень душевный въ массѣ все замѣтнѣе и замѣтнѣе стынетъ. Главнѣйшій успѣхъ Леонида не въ томъ, что лично онъ можетъ достигнуть „степеней извѣстныхъ", но въ томъ, что съ нимъ становится все солидарнѣе та среда, которая ничего не раздаетъ и не сулитъ, но въ которой еще жили отголоски „чувствительности", — среда простыхъ, обыкновенныхъ людей. Она покидаетъ преданія „правды и добра" (какъ говорилось въ старину) для морали, проникнутой насквозь холодомъ, и повторяетъ на всевозможные лады разсужденія Леонида. Помните, какъ издѣвался онъ недавно надъ бѣдствіями турецкихъ армянъ и замолчалъ только тогда, когда десятки тысячъ несчастныхъ прибѣжали искать на русской землѣ избавленія отъ мнимаго благополучія турецкихъ порядковъ, – или какъ вчера еще презрительно отзывался онъ о возстаніи критянъ, быть можетъ, несвоевременномъ, неудобномъ, безнадежномъ, но все же одномъ изъ тѣхъ народныхъ движеній изъ-подъ ига на волю, которыя нѣкогда вызывали въ русской средѣ неизмѣнное участіе и симпатіи,— и какъ его рѣчамъ вторили, уже охваченные его холодомъ, политики-обыватели. Стоитъ сравнить, какъ отнесся бы къ подобнымъ фактамъ современникъ карамзинскаго Эраста, свидѣтель американскаго освобожденія, или самый скромный изъ сторонниковъ идеализма тридцатыхъ – сороковыхъ годовъ, очевидецъ тогдашнихъ народныхъ тревогъ въ Европѣ, или смѣнившій его энтузіастъ гарибальдійскихъ походовъ, — съ тѣмъ, какъ думаетъ и говоритъ ихъ новѣйшее потомство, — и на этомъ частномъ примѣрѣ станетъ очевиднымъ большой житейскій успѣхъ Леонида и постепенное пониженіе роли Эраста. А этотъ примѣръ еще взятъ изъ области международной, гдѣ такъ много стороннихъ зрителей, чьимъ мнѣніемъ можно въ извѣстной степени дорожить, — какой же просторъ и какая непринужденность тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о домашнихъ дѣлахъ, и гдѣ мы совсѣмъ между своими!..

Все еще, какъ въ старые годы, стоятъ лицомъ къ лицу неизмѣнные противники, чувствительный и холодный, но соотношеніе между ними перемѣнилось, и долгое дѣйствіе холода успѣло уже атрофировать много чистыхъ и благородныхъ влеченій. Еще нѣсколько шаговъ впередъ въ этомъ же направленіи, и морозъ вытравитъ ихъ навсегда...

ОТДѢЛЪ II

Опять востокъ дымится свѣжей кровью,
Опять рѣзня: повсюду вой и плачъ!
И снова правъ пирующій палачъ!
А жертвы преданы злословью.

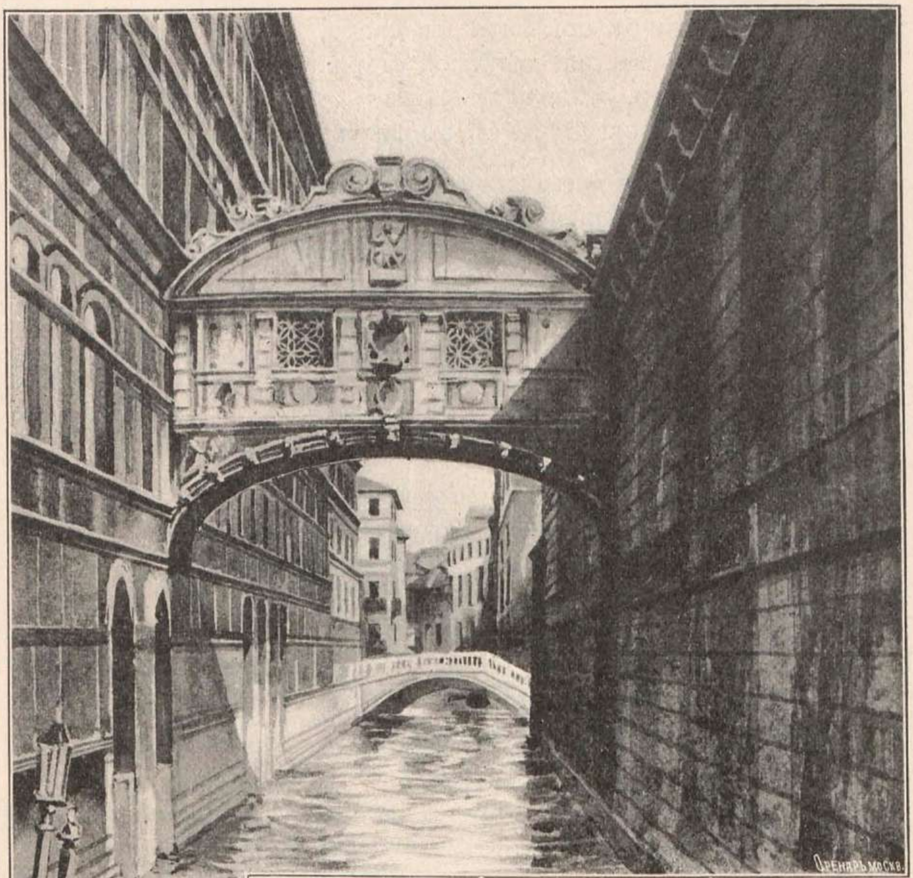
Тютчевъ.

Исторія не знаетъ, скажу болѣе само солнце, — солнце, которое, по выраженію Виргилія, никто не посмѣетъ обвинять въ лживости,—едва-ли когда видѣло на нашей печальной, окрававленной столь многочисленными злодѣяніями планетѣ, столь ужасающее зрѣлище, какое наблюдалось въ теченіе недѣль и мѣсяцевъ (1895—1896 гг.) на Армянскомъ плоскогорьѣ.

Лероа Болье.

Прежде чѣмъ вводить въ Турціи реформы, тамъ нужно все переформировать.

Франц. посолъ Камбонъ.

МОСТЪ ВЗДОХОВЪ.

Подъ мостомъ вздоховъ проплывала
Гондола позднею порой,
И въ блѣдномъ сумракѣ канала
Раздумье овладѣло мной.

Зачѣмъ таинственною сѣнью
Нависъ такъ мрачно этотъ сводъ?
Зачѣмъ такой зловѣщей тѣнью
Подъ этимъ мостомъ обдаетъ?

Какъ много вздоховъ и стенаній,
Должно быть въ прежніе года
Слыхали стѣны этихъ зданій
И эта мутная вода!

Могли-бъ повѣдать эти своды,
Какъ въ дни глубокой старины,
Бывало, оглашались воды
Паденьемъ тѣла съ вышины;

И волнъ, и времени теченье
Спѣшило тѣло унести:—
То были жертвы отомщенья
Совѣта Трехъ и Десяти . . .

Но не болтливы стѣнъ каменья,
Не разговорчива вода,
И лишь въ одномъ воображеньѣ
Встаютъ минувшие года.

Безмолвна мраморная арка,
Безмолвенъ сумрачный каналъ. . .
Крылатый левъ Святаго Марка
Сномъ вѣковѣчнымъ задремалъ.

Штутгартъ.
4 iюня 1882 г.

К. Р.

О реформахъ въ Турціи.

—

События двухъ послѣднихъ лѣтъ (съ избіенія армянъ въ Сассунѣ въ августѣ 1894 г.) снова выдвинули на первый планъ восточный вопросъ. Болѣе чѣмъ когда либо опять проявилась полная несостоятельность Оттоманской имперіи. По всѣмъ швамъ давая трещину, она, очевидно, обречена на неминуемое и скорое распаденіе, но державы, введшія ее въ составъ европейскаго концерта, все не могутъ согласиться между собою на счетъ ея замѣщенія и только хлопочутъ о продленіи ея дней на пагубу всѣмъ. Для этого онѣ рѣшились принудить ее и, въ случаѣ нужды даже силою, вступить, наконецъ, на путь реформъ. Сперва онѣ представили планъ для улучшенія положенія армянскихъ вилайетовъ, а когда онъ не получилъ одобренія султана и безпорядки въ его владѣніяхъ снова усилились, онѣ поручили своимъ представителямъ въ Константинополѣ выработать общій проектъ для преобразованія внутренняго управленія во всей Турціи.

Это дѣло было уже кончено; оставалось сообшить названный проектъ султану и такъ или иначе навязать ему его,—какъ вспыхнуло возстаніе въ Критѣ и все снова поставлено было подъ вопросомъ....

Независимо отъ принципа и объема предполагавшейся административной реформы въ Турціи, естественно возникаетъ вопросъ: мыслима ли тамъ такая или какая либо иная реформа вообще? Не будутъ ли всѣ преобразованія, рекомендуемыя Портѣ ея друзьями, писаны на водѣ, по той простой причинѣ, что для проведенія ихъ въ жизнь отсутствуютъ всякія реальныя основанія? Объ этомъ свидѣтельствуютъ единогласно всѣ, имѣвшіе возможность ближе присмотрѣться къ турецкимъ порядкамъ и только дипломаты, упорно отводящіе глаза отъ явленій дѣйствительности, въ угоду рутинѣ и излюбленнымъ предразсудкамъ способны еще въ томъ сомнѣваться.

Однако, чтобы не быть голословными, бросимъ взглядъ на современное положеніе Турціи въ политическомъ, финансовомъ и военномъ отношеніяхъ.

a) Въ *политической* ея жизни надо различать въ ней три главныхъ фактора: султана, дворецъ и министерство. 1. *Султанъ* является орудіемъ приближенныхъ къ нему лицъ, направляющихъ имъ посредствомъ чувства страха, который они тщательно ему внушаютъ ко всему, что для нихъ враждебно. Недавно появившаяся статья Берара [1]) заключаетъ въ себѣ хорошую критику всего внутренняго строя Оттоманской имперіи и изображаетъ главу правовѣрныхъ какъ человѣка хотя добраго, набожнаго, но очень упрямаго, недалекаго по умственному развитію, подозрительнаго и до крайности боязливаго, озабоченнаго исключительно лишь охраною собственной особы. Во внѣшней политикѣ онъ постоянно колеблется между вліяніемъ Россіи и Англіи; въ дѣлахъ внутренняго управленія ему приходится вѣчно бороться съ двумя теченіями, съ приверженцами старой и молодой Турціи. Постоянный страхъ побудилъ султана лишить Высокую Порту всякаго значенія; съ 1880 г. онъ потребовалъ восхожденія всѣхъ дѣлъ до него, но, очевидно, съ такою задачею ему было не по силамъ справиться и вотъ при этомъ возникъ цѣлый рядъ чиновниковъ, безотвѣтственныхъ, но всесильныхъ и самого низкаго разряда. Это и есть 2. *Дворецъ*, Ильдизъ—Кіоскъ, во главѣ котораго стоитъ первый секретарь дворца, alter ego султана, скрѣпляющій всѣ его повелѣнія. Эти лица, приближенныя къ Абдулъ-Гамиду, являются настоящими владыками, хотя они по большей части люди безъ всякой морали и образованія, авантюристы, продажные интриганы и доносчики. Они слѣдятъ за всѣмъ и всѣми въ Турціи, докладываютъ и доносятъ обо всемъ прямо султану и даютъ предписанія прямо изъ Ильдизъ-Кіоска, помимо подлежащихъ министровъ, всѣмъ должностнымъ лицамъ въ Турціи. Эта система управленія причиняетъ новые огромные расходы, крайне затягиваетъ каждое дѣло и своею продажностью порождаетъ сильное недовольство среди всего населенія, т. е. какъ мусульманъ, такъ и христіанъ безразлично, недовольство, которое проникаетъ даже въ армію, на которой держится вся система турецкаго управленія [2]). 3. Блистательная Порта, или министерство, безъ всякаго реальнаго значенія и силы. Султанъ хочетъ, какъ мы сказали, всѣмъ управлять и распоряжаться самъ; по теоріи онъ абсолютный государь, но какъ бы ни были добры его намѣренія, управленіе такою монархіею, какова его, превосходитъ естественныя силы человѣка и, по необходимости, онъ долженъ въ дѣйствительности предоставлять свою власть въ руки другихъ и этими другими являются его любимцы, которые, составляя дворецъ, распоряжаются всѣмъ безконтрольно за спиною своего безотвѣтственнаго владыки.

Одно развѣ, что тутъ могло бы помочь—это установленіе крѣпкаго, способнаго министерства, независимаго отъ дворца.

b) *Финансы* Турціи находятся въ невообразимомъ безпорядкѣ. Дефициты ростутъ въ усиливающейся степени. Дѣлаемые займы едва могутъ на время удовлетворить самымъ насущнымъ потребностямъ. Уже съ давнихъ поръ оттоманскіе чиновники получаютъ свое жалованье со всякими сокращеніями и задерж-

[1]) *Berard*. La politique du sultan (Revue de Paris 1 et 15 janv. 1897). Вышло недавно и особой книгой.

[2]) Ср. Русскій Вѣстникъ, 1897, февраль въ ст. „Библіографія“, отдѣлъ „Восточный вопросъ“.

ками. Недовольство и распущенность проникаетъ во всѣ слои чиновничьяго міра и даже войско. Шакиръ паша, бывъ главнымъ комиссаромъ въ Арменіи, потребовалъ отставки, потому что не получалъ содержанія. Губернаторъ Крита отказался отъ должности, чтобъ избѣгнуть докучливыхъ просьбъ своихъ чиновниковъ, которые получали лишь двадцатую долю слѣдуемаго имъ за прошлое жалованья. Даже посольства Порты при иностранныхъ дворахъ, доселѣ аккуратно содержимыя, подверглись такой же участи съ другими вѣдомствами. Займы заключаются для отпразднованія обычныхъ религіозныхъ праздниковъ. Служащіе, всячески урѣзываемые въ своемъ содержаніи, должны тратиться на подарки и приношенія сильнымъ при дворѣ особамъ. Коммиссія, учрежденная для организаціи турецкихъ финансовъ представляетъ не болѣе какъ ширмы для отвода глазъ населенію, уже потерявшему всякое терпѣніе. Даже не щадятъ пенсіонныхъ кассъ для удовлетворенія минутныхъ потребностей. Подобная система, очевидно, не можетъ долго продолжаться. Заемъ, предоставленный Турціи державами и ими гарантированный, приведетъ къ установленію надъ нею, какъ надъ расточителемъ и промотавшимся, опеки, но врядъ ли эта опека спасетъ ее отъ конечной гибели и въ экономической сферѣ.

с) Полная несостоятельность Блистательной Порты, которую мы видимъ въ политической и экономической сферѣ, проявляется съ такою же силою и въ отношеніи *военномъ*. Турецкую армію опредѣляютъ съ 250—370 тыс. человѣкъ, [1]) но она по истинѣ въ самомъ плачевномъ состояніи: безъ дисциплины, безъ способныхъ начальниковъ и даже плохо содержанная. Солдаты, не получая достаточной пищи и жалованья, по необходимости превращаются въ разбойниковъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя ихъ посылаютъ «усмирять». О дисциплинѣ при такихъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи. Регулярныя войска должны были ретироваться предъ курдами, входившими въ составъ нерегулярной кавалеріи гамидіе, образованной изъ всякаго сброда Шакиръ пашой и много содѣйствовавшей увеличенію кровопролитія и безпорядковъ при подавленіи послѣднихъ мятежей. [2]) Препятствіями далѣе (и неопреодолимыми) ко всякого рода реформамъ въ Турціи являются: фанатизмъ и невѣжество мусульманъ. Къ этому надо прибавить неудовлетворительность личнаго состава служащихъ въ Турціи и ихъ продажность на всѣхъ ступеняхъ служебной іерархіи. Вотъ что дѣлаетъ невозможными внутренній міръ и сліяніе въ ней расъ. Мегметъ Али удалось поднять Египетъ, благодаря рѣдкой личной энергіи, однородности населенія, привыкшаго къ многолѣтнему рабству. Онъ нигдѣ не допускалъ злоупотребленій, кромѣ тѣхъ, которыя дозволялъ себѣ самому въ интересахъ укрѣпленія своей власти. Лордъ Стратфордъ Редклифъ, извѣстный дипломатъ, превосходно знавшій Турцію, игравшій въ ней такую первенствующую роль, выразился однажды на банкетѣ, предложенномъ ему его соотечественниками, такъ:

„Въ теченіе всей моей миссіи въ Константинополѣ я всегда стремился къ поддержанію англійской торговли и къ содѣйствію турецкому правительству въ

1) Chronique des faits internationaux въ *Rev. génér. du Dr. Intern. publ.* за 96 г. № 3, p. 387—88.—

2) По другимъ свѣдѣніямъ турецкая армія располагаетъ въ мирное время свыше 700,000 солдатами, вполнѣ и хорошо обученными.—

трудномъ предпринятомъ имъ дѣлѣ реформъ. Одно время я надѣялся на успѣхъ; теперь я вынужденъ сознаться, что вопреки благимъ намѣреніямъ султана, несмотря на талантъ нѣкоторыхъ его помощниковъ, преданныхъ своему отечеству, успѣхъ невозможенъ. Масса населенія глубоко развращена, повсюду растраты, воровство, продажность, общее разслабленіе; на мой взглядъ зло это отнынѣ непоправимо".

Такъ говорилъ англійскій посолъ въ 1852 г., когда Турціею управлялъ государь кроткій и умѣренный, окруженный министрами, которые смѣло взялись за дѣло ея возрожденія путемъ устраненія укоренившихся злоупотребленій и примиренія ея враждующихъ между собою племенъ.

„Этотъ строгій приговоръ", спрашиваетъ гр. Бенедетти, также дипломатъ, хорошо знакомый съ дѣлами Востока, „менѣе ли справедливъ для нашего времени? Кто посмѣетъ это утверждать послѣ видѣнныхъ нами недавно поступковъ слѣпаго или преступнаго правительства, послѣ кровавыхъ вспышекъ, жертвами которыхъ пали тысячи христіанъ безъ различія пола и возраста, послѣ преднамѣренныхъ и систематическихъ избіеній ихъ даже на улицахъ Стамбула передъ глазами и при очевидномъ соучастіи органовъ власти".

Онъ напоминаетъ, что еще Бенжаменъ Констанъ въ интересной брошюрѣ доказывалъ, что съ научной точки зрѣнія теорія о законности власти султана надъ его христіанскими подданными чудовищна, что не слѣдуетъ къ нелѣпости этого принципа присоединять еще гораздо болѣе опасную непредусмотрительность, сказывающуюся въ желаніи *дисциплинировать варваровъ* [1]).

Гр. Бенедетти ставитъ на видъ, что всѣ, предлагавшіяся донынѣ реформы въ Турціи, не удались по двумъ причинамъ: религіозной и общественной.

Коранъ до сихъ поръ является высшимъ и неприкосновеннымъ закономъ для всякаго послѣдователя Магомета. Турки, убѣдившись, что ихъ владычеству грозитъ опасность со всѣхъ сторонъ, нынѣ питаютъ по отношенію къ христіанамъ кромѣ презрѣнія еще свирѣпую, неумолимую ненависть. Въ своемъ ослѣпленномъ *озлобленіи*, которое, прибавимъ еще отъ себя, только усиливается неумѣлыми и нерѣшительными вмѣшательствами Европы, они не видятъ другого средства съ сохраненію своего могущества и къ отстраненію грозящей имъ опасности, какъ уничтоженіе христіанъ путемъ ихъ истребленія. Отсюда повсемѣстныя избіенія ими христіанъ, гдѣ только послѣдніе пытались имъ сопротивляться—въ Болгаріи, Босніи, Арменіи, на Критѣ и т. д. Эта система называется «усмиреніемъ» и возстановленіемъ отеческаго управленія великодушнаго падишаха! Можетъ ли быть рѣчь о „законности" по отношенію къ такому правительству и какимъ «миролюбіемъ» можно оправдать желаніе его поддержать?

Когда дѣлались попытки къ какимъ либо реформамъ, въ мечетяхъ и школахъ, сейчасъ начинали громко порицать ихъ и раздавалась проповѣдь о неприкосновенности ислама и господствѣ его надъ христіанствомъ. Въ особенности все это громко высказывалось въ провинціяхъ, вдали отъ глазъ новыхъ министровъ. Этимъ путемъ уничтожались намѣренія нововводителей и разсѣевались всѣ надежды и иллюзіи друзей Турціи.

[1]) Benedetti—La question d' Orient (Rev. des. D. Mondes 1 Janv. 97).

Съ другой стороны, какъ замѣчено, продажность и взяточничество служащихъ достигаютъ въ Турціи до невѣроятныхъ размѣровъ. Причиною этого является отсутствіе въ ней средняго класса обладающаго необходимымъ къ тому знаніемъ и тѣмъ профессіональнымъ воспитаніемъ, вслѣдствіе котораго въ образованныхъ странахъ изъ среды средняго класса набираются люди для службы государственной, а также и дѣятельности торговой и промышленной. Въ Турціи не откуда набрать людей, способныхъ къ исполненію служебныхъ обязанностей. Что бы ни говорили о власти и могуществѣ султана, онъ долженъ считаться однако съ религіозными воззрѣніями своихъ подданныхъ — единовѣрцевъ и со стремленіями христіанъ, алчущихъ освободиться отъ его верховнаго могущества. Что бы онъ ни обѣщалъ самъ, что бы ни постановляли европейскія державы, султанъ безсиленъ осуществить это на дѣлѣ [1]).

Послѣ столь категорическаго заявленія, совершенно несостоятельною является мысль Бенедетти о желательности соглашенія между европейскими державами въ томъ, «чтобы двѣ изъ нихъ (понятно какія) заняли два отдаленные пункта въ предѣлахъ Турціи, одинъ въ Азіи, а другой въ Европѣ и этимъ доставили бы султану сильную матеріальную поддержку, въ которой онъ всего болѣе нуждается для осуществленія своихъ преобразованій». Авторъ наивно полагаетъ, что при указанномъ имъ условіи «султанъ и его совѣтники получатъ возможность приступить къ мирному осуществленію настоятельно необходимыхъ для блага страны мѣръ, не возбуждая нигдѣ волненія и нигдѣ не встрѣчая препятствія». Этотъ дипломатическій оптимизмъ автора лучше всего опровергается его собственными же выше-приведенными и столь вѣрными разсужденіями о религіозномъ и общественномъ положеніи современной Турціи.

Въ томъ же журналѣ, гдѣ появилась статья Берара, въ Revue de Paris, напечатана недавно статья мусульманина Мальком-Хана [2]). Вся она проникнута стремленіемъ защитить Турцію отъ нападокъ и доказать ея права на самостоятельное существованіе. Но, вопреки словамъ автора, собственное его мнѣніе о внутреннемъ состояніи его родины уничтожаетъ возможность повѣрить въ успѣшность предлагаемыхъ имъ мѣръ. Онъ говоритъ: «Вотъ уже сто лѣтъ какъ дипломатическіе переговоры, оружіе, затраты, совѣты, увѣщанія, всевозможныя средства примѣняются Европой для того, чтобы принудить Турцію къ преобразованіямъ. Каковъ же былъ результатъ всего этого? Для владѣній нашихъ— груды развалинъ, для народа—неистощимый источникъ слезъ. Какъ же объяснить ту поразительную неудачу, какую потерпѣли мудрость и могущество Европы? Отвѣтъ коротокъ: христіанскія державы совсѣмъ не понимаютъ ислама, главный принципъ котораго слѣдующій: христіанская Европа есть врагъ. Всякое допущеніе христіанскаго вмѣшательства въ дѣла ислама святотатство и преступленіе. Можно покорить, уничтожить, разсѣять мусульманскій народъ, но никогда онъ не приметъ преобразованія, навязаннаго христіанскою державою. Почему? А потому, что для мусульманина всякая реформа можетъ имѣть только одинъ закон-

1) Русскій Вѣстникъ ib.

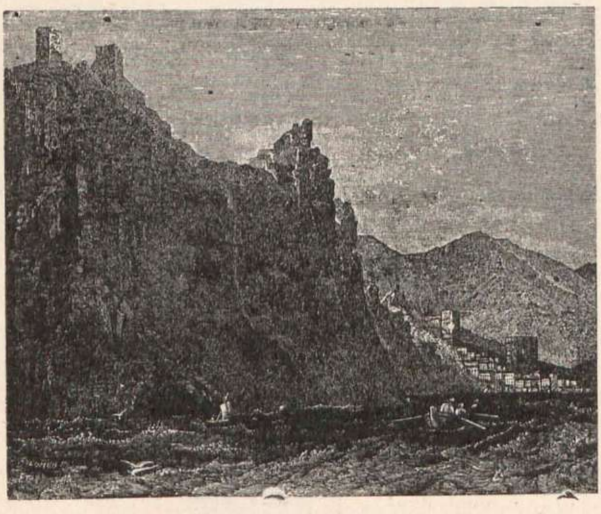
2) *Prince Malcom-Khan.* L'Orient назв. журн. 1 Fevr. 1897. Ср. Русскій Вѣстникъ тамъ-же.

ный источникъ—исламъ». На этомъ основаніи Малькомъ Ханъ утверждаетъ, что европейскимъ державамъ нѣтъ другого выбора, какъ или совсѣмъ уничтожить Турцію, или, прежде чѣмъ предлагать какія либо реформы, измѣнить форму правленія, ограничивъ власть султана конституціей. И вотъ авторъ вѣритъ въ возможность спасенія этимъ путемъ Оттоманской имперіи и полагаетъ, что мысли его найдутъ сочувствіе въ средѣ всѣхъ турокъ, жалающихъ избавить свое отечество отъ гибели. Новая иллюзія! Никакая конституція не спасетъ и не можетъ спасти Турцію. Главнымъ препятствіемъ для этого является именно исламъ, признаваемый и авторомъ за основу турецкой монархіи. Какое же при этомъ условіи можетъ быть напр. равенство гражданъ передъ закономъ въ государствѣ, состоящемъ изъ христіанъ и мусульманъ, когда первые по ученію послѣднихъ должны находиться у нихъ въ порабощеніи? И также непримѣнимою оказалась бы конституція по всѣмъ другимъ своимъ пунктамъ.

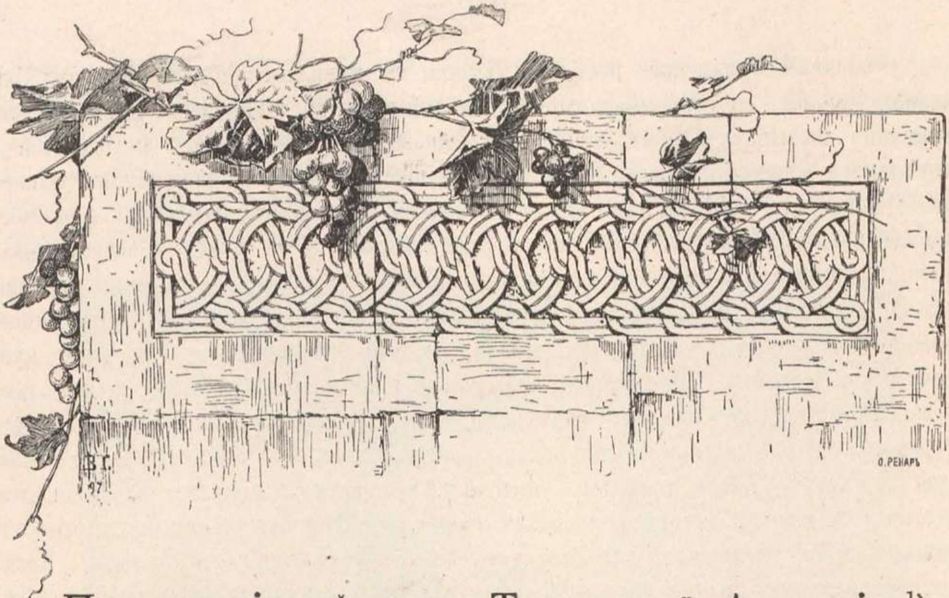
Все это въ заключеніе приводитъ насъ къ мысли, что державамъ давно пора отказаться отъ фетиша «неприкосновенности Турціи», созданнаго дипломатіею, и приступить наконецъ совмѣстно къ возможно мирному и справедливому замѣщенію ея новыми, жизнеспособными политическими тѣлами. Этимъ онѣ и лучше всего обезпечили бы самый миръ въ Европѣ.

Мартъ 1897 г.

Гр. Л. Камаровский

Крѣпость Ала (Киликія).

Положеніе дѣлъ въ Турецкой Арменіи [1]).

(До избіеній 1895 г.).

I.

Существуетъ премилый разсказъ о маленькой дѣвочкѣ, которая, боясь оставаться спать въ темной комнатѣ, просила мать не уносить свѣчи, пока она не заснетъ. «Чего ты боишься, милая?»—спросила строгая родительница.—«Темноты», отвѣчалъ ребенокъ. «Но помни, дорогая моя, что Богъ здѣсь въ комнатѣ съ тобою, а Богъ есть свѣтъ». Молчаніе, послѣдовавшее за этой догматической сентенціею, повидимому, показывало, что желаемое впечатлѣніе произведено, но вдругъ молчаніе было нарушено нѣжнымъ голоскомъ:—«Въ такомъ случаѣ, мама, возьми Бога и оставь свѣчу».

1) Изъ *Contemporary Reviev* 1895, августъ.—Авторъ этой статьи являетъ собою примѣръ боеваго, неустрашимаго служенія печатному слову. Съ неимовѣрными трудностями и опасностями выполнилъ онъ многотрудную роль разслѣдователя звѣрствъ турецкихъ, встрѣчая на каждомъ шагу, при выполненіи своей благородной миссіи, противодѣйствія со стороны турецкаго правительства. Приводимъ со словъ *„Новаго Обозрѣнія"* данныя изъ біографіи Диллона:

„Эмиль Диллонъ — по происхожденію ирландецъ: онъ родился въ Дублинѣ 9-го марта 1855 г. Закончивъ первоначальное свое образованіе въ родномъ городѣ, г. Диллонъ для полученія высшаго образованія отправился въ Англію, а затѣмъ слушалъ лекціи по философіи и восточнымъ языкамъ въ лучшихъ французскихъ и нѣмецкихъ университетахъ. Между прочимъ, въ Collège de France онъ слушалъ лекціи Ренана, а въ университетахъ тюбингенскомъ и лейпцигскомъ спеціально занимался изученіемъ сравнительной филологіи. Изъ Германіи Диллонъ прибылъ въ Россію, гдѣ получилъ въ петербургскомъ университетѣ званіе магистра восточныхъ языковъ и былъ приглашенъ въ Харьковскій университетъ на каѳедру сравнительной филологіи. Послѣднюю должность г. Диллонъ отправлялъ въ теченіе четырехъ лѣтъ. Посвятивъ свое особенное вниманіе изученію древне-армянскаго языка и литературы, г. Диллонъ вскорѣ перевелъ на русскій языкъ и издалъ книгу Егише „Война армянъ съ персами", а также напечаталъ собственный этюдъ—„Отношеніе армянскаго языка къ иранской группѣ языковъ". Для болѣе основательнаго изученія армянскаго языка и литературы, г. Диллонъ отправился въ Венецію,

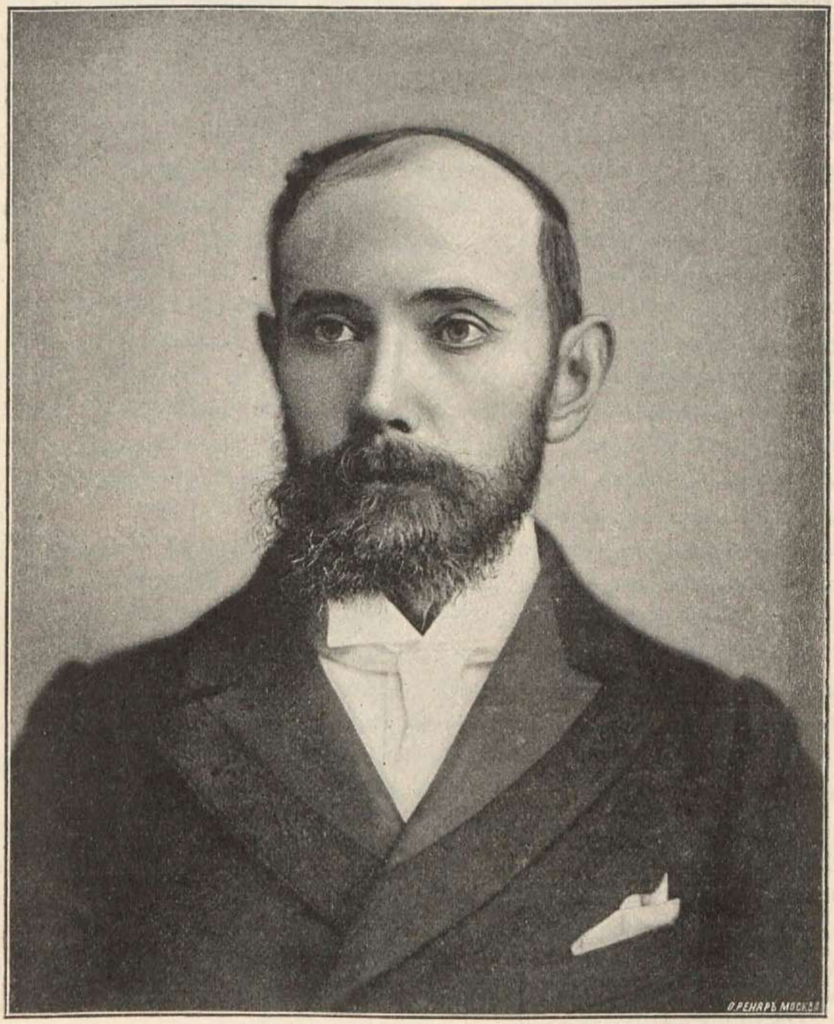
Отношеніе армянскаго населенія Турціи къ цивилизованнымъ народамъ Западной Европы, со стороны которыхъ жестокія пытки и кровавыя избіенія своевременно вызываютъ обнадеживающія выраженія справедливаго негодованія и моральнаго сочувствія, представляютъ большое сходство съ оборотомъ мыслей этого невиннаго ребенка. «Мы можемъ обойтись безъ вашего сочувствія и вашихъ соболѣзнованій, если вы гарантируете намъ безопасность жизни и имущества». Такъ разсуждаетъ благодарный армянинъ. Безпристрастный посторонній наблюдатель, знакомый съ ужаснымъ положеніемъ страны и ея жителей, естественно пошелъ бы дальше и смѣло утверждалъ бы, что выраженіе сочувствія на публичныхъ собраніяхъ, за которымъ слѣдуетъ полная бездѣятельность, нетолько хуже, чѣмъ дѣйствительная матеріальная помощь, но положительно *вредно*. Прежде турки не любили армянъ и сасунская рѣзня представляетъ яркій образчикъ силы чувства. Теперь послѣ позорнаго униженья, которому подвергли ихъ европейскіе друзья ихъ жертвъ, турки ненавидятъ самое имя Арменіи и считаютъ, что никакія насилія не могутъ удовлетворить ихъ оскорбленнаго самолюбія. Когда иностранные консулы въ Эрзерумѣ недавно обратили вниманіе вали (губернатора) на исключительно рѣзкій случай несправедливости, онъ сказалъ драгоманамъ, что турецкое правительство и армянскій народъ находятся по отношенію другъ къ другу въ положеніи мужа и жены, и посторонніе, питающіе состраданіе къ женѣ, съ которой мужъ дурно обращается, лучше бы сдѣлали, если бы воздержались отъ вмѣшательства. И это замѣчаніе совершенно справедливо, *если супруги предполагаютъ жить вмѣстѣ*, потому что жестокій мужъ всегда можетъ найти время и мѣсто, чтобы выместить злобу на своей безпомощной подругѣ. Именно это и происходитъ въ настоящее время въ Турецкой Арменіи.

На глазахъ русскихъ, англійскихъ и французскихъ делегатовъ въ Мушѣ, свидѣтели, имѣвшіе мужество говорить правду представителямъ державъ, заключались въ тюрьму, и ничья рука не поднялась, чтобы защитить ихъ, и въ настоящее время на разстояніи брошеннаго камня отъ иностранныхъ консуловъ и миссіонеровъ вѣрноподданные армяне вѣшаются за ноги со связанными вмѣстѣ волосами на головѣ и бородѣ, а тѣла ихъ жгутся раскаленнымъ желѣзомъ и уродуются такими способами, о которыхъ въ Англіи нельзя ни разсказать, ни дать понятіе; при этомъ жены ихъ въ ихъ присутствіи подвергаются позору, а дочери на ихъ глазахъ уводятся. И все, что филантропическая англійская нація можетъ предложить своимъ protégé, это краснорѣчивое негодованіе и пустое сочувствіе. Не лучше ли было бы замолчать сасунскую рѣзню и закрыть глаза

гдѣ занимался этими предметами въ ученой конгрегаціи мхитаристовъ, (см. выше) а въ 1886 г., издавъ свое изслѣдованіе объ армянскомъ языкѣ, онъ получилъ званіе члена этой конгрегаціи. Вернувшись изъ Венеціи въ Англію, г. Диллонъ напечаталъ въ англійскихъ ученыхъ журналахъ цѣлый рядъ спеціальныхъ статей по сравнительной филологіи — объ армянскомъ языкѣ и литературѣ—и пріобрѣлъ имя солиднаго ученаго. Кромѣ родного языка, г. Диллонъ основательно владѣетъ языками: русскимъ, французскимъ, нѣмецкимъ и древне-армянскимъ. Въ качествѣ корреспондента, г. Диллонъ стяжалъ себѣ завидную славу: его корреспонденціи, отличающіяся основательнымъ знаніемъ трактуемаго предмета и правдивостью изложенія, приковали къ себѣ всеобщее вниманіе въ Англіи и вызвали сочувствіе къ положенію Арменіи, ужасы которой, по авторитетному заявленію Гладстона, превосходятъ ужасы Болгаріи до послѣдней войны“.

передъ ужасами смерти, чѣмъ раздражить турка до бѣшенства и затѣмъ предоставить ему свободно вымещать свою злобу на христіанахъ, единственною защитой которыхъ служитъ наше сентиментальное краснорѣчіе?

По какимъ мотивамъ армяне относятся съ благодарностью къ Англіи — это тайна, которая была бы не разрѣшима, еслибы мы не понимали подъ благодарностью чувство, вызванное представленіемъ о будущихъ благодѣяніяхъ. Ибо сущ-

Эмиль Диллонъ.

ность результатовъ, достигнутыхъ нашимъ вмѣшательствомъ съ 1878 г., съ точки зрѣнія чисто филантропической, заключалась въ томъ, что въ пяти армянскихъ провинціяхъ утвердилась *звѣрская* система управленія, по сравненію съ которой жестокости рабовладѣльческой системы южныхъ штатовъ представляются незначительными злоупотребленіями. Мы торжественно уничтожили чистилище и завѣдомо содѣйствовали устроенію *ада*. Мы взялись наблюдать за тѣмъ, чтобы

зло, порожденное дурнымъ управленіемъ въ армянскихъ округахъ Турціи, было скоро и окончательно искоренено; и мы не только не выполнили этого обязательства, которое добровольно взяли на себя, отказавшись довѣрить его Россіи, но допустили, чтобы безпорядочная система дурного управленія постепенно развивалась въ дьявольскую политику *безпощаднаго истребленія*; и мы допустили это, не рѣшившись показать нашей силы и не осмѣлившись признать собственное безсиліе. Даже сасунская рѣзня, вызвавшая такіе бурные порывы негодованія въ народахъ, употребляющихъ англійскій языкъ, оказалъ единственное ощутительное вліяніе на наше послѣднее либеральное правительство, именно—побудилъ его увеличить число писемъ, телеграммъ и консульскихъ отчетовъ. Совершенно достовѣрно, хотя, быть можетъ, не всѣмъ извѣстно, что либеральный кабинетъ еще въ прошломъ (1884 г.) сентябрѣ мѣсяцѣ зналъ о главныхъ фактахъ этой рѣзни и не упустилъ никакихъ мѣръ для того, чтобы *скрыть* эти факты до своей отставки; при этомъ достойно вниманія, что злополучные армяне подвергнуты въ настоящее время еще болѣе жестокой травлѣ и вивисекціи. Мы все-таки безпечно ждемъ чего-то, чтобы подняться. Отвѣтственность за эту позорную трату времени, какъ заявляютъ намъ нѣкоторые хорошо освѣдомленные политики, падаетъ на плечи Россіи, «подпольная интрига» которой дѣлаетъ, по ихъ словамъ, безсильными энергическія стремленія Англіи. Пресловутыя козни «московитскихъ дипломатовъ» слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы на нихъ нужно было останавливаться,— туманнаго намека совершенно достаточно; можно быть увѣреннымъ, что догадливая публика сама нарисуетъ себѣ вполнѣ точную картину.

Армянскій вопросъ имѣетъ, несомнѣнно, политическую сторону, въ виду которой невозможно сказать, какое положеніе займетъ Россія, но естественно предполагать, что нынѣшній Царь будетъ руководствоваться въ своей политикѣ только соображеніями справедливости и желаніемъ добра. Могутъ, однако, не колеблясь сказать, что Великобританія должна разсматривать армянскій вопросъ на почвѣ или чистой политики, или исключительно гуманныхъ побужденій. Мы не можемъ дѣлать и то и другое. Мы не должны открыто предлагать милостыню и тайно пытаться получить *ходячій процентъ* на сумму, которая какъ будто была подарена нами; мы не должны, строя домъ для безпріютнаго, требовать, чтобы этотъ домъ служилъ намъ самимъ защитой и преградой противъ наступленія возможныхъ враговъ, съ которыми мы продолжаемъ обращаться какъ съ друзьями и которыхъ мы приглашаемъ къ участію въ этой постройкѣ. Отношеніе Россіи вполнѣ корректно; болѣе того, она весьма благосклонна, ибо она оказала гостепріимство почти 20,000 армянскихъ бѣглецовъ, между тѣмъ какъ мы, несущіе нравственную отвѣтственность за невообразимый хаосъ, существующій у ея границъ, оттолкнули страдальцевъ, выразивъ имъ пустое, но шумное сочувствіе и надававъ имъ громкія обѣщанія.

Между тѣмъ обязанность этой страны въ высшей степени проста; мы должны или быстро положить конецъ ужасамъ турецкой Дагомеи, или публично признать свою неспособность выполнить наши обязательства въ Арменіи и тѣмъ отступить отъ гигантской задачи поддержанія цѣлости Турецкой имперіи въ Азіи. Если мы сдѣлали серьезную ошибку, возбудивъ прошлою зимой армянскій вопросъ прежде, чѣмъ удостовѣрились, что можемъ удовлетворительно разрѣшить его, то мы со-

вершаемъ почти преступленіе, давая туркамъ необходимое время для выполненія ихъ преступныхъ плановъ и упорно отказываясь взглянуть фактамъ прямо въ глаза.

Тѣ, которые знакомы съ положеніемъ пяти провинцій и ихъ христіанскаго населенія, безъ колебанія присоединятся къ такому взгляду на вопросъ; для тѣхъ же, которые не обладаютъ такимъ знакомствомъ, слѣдующій краткій очеркъ можетъ быть поучительнымъ.

II.

Владычество турокъ въ Арменіи фактически началось въ 1849 году, когда Османъ-паша нанесъ coup de grace звѣрской власти курдскихъ деребековъ въ 5 юговосточныхъ провинціяхъ (Ванъ, Битлисъ, Мушъ, Баязетъ и Діарбекиръ). Этотъ длинный промежутокъ времени, почти въ 50 лѣтъ, раздѣляется совершенно ясно на два періода: періодъ позорнаго управленія (1847—1891) и періодъ (1892—1894) открытаго истребленія. Совѣты и убѣжденія могутъ имѣть большое значеніе какъ средство противъ злоупотребленій, вытекающихъ изъ первой системы; но противъ послѣдней дѣйствительна только сила. Въ этомъ смыслѣ взглядъ, высказанный недавно по этому предмету лордомъ Салисбюри, совершенно вѣренъ.

Въ 1891 году Блистательная Порта, опасаясь серьезныхъ затрудненій для себя отъ обѣщаннаго введенія реформъ въ Арменіи и возможной во время войны враждебности христіанъ, живущихъ въ провинціяхъ пограничныхъ съ Россіей, рѣшила убить двухъ зайцевъ однимъ выстрѣломъ и организовала, такъ-называемую, кавалерію гамидіэ, составленную исключительно изъ курдовъ. Планъ, предложенный нѣкоторыми высшими сановниками имперіи, заключался въ томъ, чтобы вытѣснить армянъ изъ пограничныхъ земель, какъ, наприм., Алашкертъ, и замѣнить ихъ магометанами, чтобы число ихъ во всѣхъ пяти провинціяхъ было сокращено до такихъ размѣровъ, при которыхъ исчезла бы надобность въ спеціальныхъ реформахъ для армянскаго населенія и чтобы въ случаѣ войны курды дѣйствовали какъ противовѣсъ казакамъ.

Эта открытая политика истребленія была точно осуществляема и значительно расширена съ того времени, и если ей не положатъ скораго конца, то она, безъ сомнѣнія, приведетъ къ окончательному разрѣшенію армянскаго вопроса; но это разрѣшеніе будетъ позоромъ для христіанства и презрительной насмѣшкой надъ цивилизаціей. Курды, записанные въ войска, были оставлены въ своихъ родныхъ мѣстахъ, освобождены отъ службы, снабжены оружіемъ, облечены неприкосновенностью посланниковъ и обезпечены жалованіемъ, которое уплачивалось съ регулярностью, характеризующею Блистательную Порту. И они исполнили свою миссію съ щепетильной точностью: грабили богатыхъ армянъ, разрушали дома, жгли хлѣбъ и кормъ, уничтожали деревни, рѣзали скотъ, уводили молодыхъ дѣвушекъ, позорили замужнихъ женщинъ, истребляли цѣлыя поселенія и убивали всѣхъ, кто былъ настолько мужественъ или безразсуденъ, что пытался оказать

противодѣйствіе. Армяне принадлежатъ теперь къ самымъ *бѣднымъ и несчастнымъ* народамъ на земномъ шарѣ.

Но, быть можетъ, турецкія власти не предвидѣли, а турецкое правосудіе не одобряетъ этихъ результатовъ? Напротивъ, власти не только ожидали такихъ послѣдствій, но содѣйствовали и помогали тѣмъ, которые производили ихъ; они побуждали и вознаграждали виновниковъ; и когда какой-нибудь армянинъ осмѣливался жаловаться, то чиновники, которымъ онъ платилъ за то, что они должны были защищать его, не только не слушали его, но заключали его въ грязную тюрьму, мучили и оскорбляли самымъ ужаснымъ и необыкновеннымъ образомъ за его дерзость и нахальство.

Корресп. Э. Диллонъ въ курдскомъ костюмѣ.

Теперь доказано, что сасунская рѣзня была *сознательнымъ* дѣломъ представителей Блистательной Порты, — дѣломъ, которое было заботливо подготовлено и безпощадно выполнено, несмотря на то, что эти ужасы вызывали содроганіе даже въ курдскихъ разбойникахъ и чувство состраданія даже въ сердцахъ турецкихъ солдатъ.

Слѣдовательно, жаловаться на необезпеченность жизни и имущества въ Арменіи до тѣхъ поръ, пока эта страна находится подъ безотвѣтственнымъ управленіемъ Блистательной Порты, это все равно, что солдату жаловаться на серьезную опасность отъ непріятельскихъ пуль во время кроваваго столкновенія. Результатъ, составляющій предметъ жалобъ, является той именно цѣлью, къ которой стремятся, и совершенство, съ которымъ достигается этотъ результатъ, служитъ убѣдительнымъ доказательствомъ дѣйствительности употребляемыхъ мѣръ.

Одинъ выдающійся иностранный государственный дѣятель, обыкновенно считающійся убѣжденнымъ туркофиломъ, недавно замѣтилъ въ частномъ разговорѣ со мною, что турецкое владычество въ Арменіи можно было бы правильно опредѣлить, какъ *организованное разбойничество*, узаконенное убійство и вознаграждаемая безнравственность. Протесты противъ этой системы могутъ быть спра-

ведливы и умѣстны, но ихъ едва ли можно считать полезными. Филантропъ при посѣщеніи тюрьмы можетъ испытать большое огорченіе, увидя, что у одного изъ заключенныхъ связаны руки и ноги, но онъ едва ли будетъ тратить время на принесеніе жалобы по этому поводу, если узнаетъ, что этотъ арестантъ присужденъ къ смерти и скоро будетъ повѣшенъ.

Первый шагъ къ осуществленію плана истребленія заключался въ томъ, чтобы систематически разорять народъ. Это естественно въ странѣ, гдѣ чиновники по восьми или десяти мѣсяцевъ ждутъ своего жалованья и затѣмъ должны довольствоваться только частію того, что имъ слѣдуетъ. «Я не получалъ и одного пара въ теченіе двѣнадцати недѣль; я не могу даже купить себѣ платья»,—воскликнулъ чиновникъ, которому поручено было слѣдить за мною день и ночь въ Эрзерумѣ. «Платили ли вамъ правильно жалованье?» — спросилъ я начальника телеграфной конторы въ Кутекѣ. «Нѣтъ, эффенди,—отвѣчалъ онъ,—теперь я не получалъ ничего въ теченіе восьми мѣсяцевъ; впрочемъ я получилъ мѣсячное жалованье на байрамъ».—«Какъ же вы живете въ такомъ случаѣ?»—«Бѣдно».—«Но вѣдь вамъ нужно же хоть сколько-нибудь денегъ, чтобы не умереть съ голоду?» — «Конечно, я имѣю немного денегъ, но недостаточно. Аллахъ милостивъ. Вы сами теперь дали мнѣ немного денегъ».—«Но вѣдь эти деньги не для васъ, они заплачены за телеграмму и принадлежатъ государству».—«Я беру эти деньги себѣ въ возмѣщеніе жалованья, это составитъ не очень много, но сколько бы денегъ ни составилось такимъ образомъ, я кладу ихъ себѣ въ карманъ». Эти люди, конечно, мелкіе чиновники, но ихъ положеніе по существу не отличается отъ положенія ихъ начальниковъ: судьи, офицеры, вице-губернаторы, вали и т. д. и т. д. находятся въ такомъ же безденежьи, но и отличаются нерѣдко большею жадностью.

Тасикъ-паша, бывшій генералъ-губернаторъ Битлиса, представляетъ отличный образчикъ высокаго турецкаго сановника эпохи истребленія. Онъ имѣлъ обыкновеніе заключать въ тюрьму множество богатыхъ армянъ безъ всякаго основанія къ обвиненію въ чемъ-нибудь или хотя бы какого-нибудь предлога. Затѣмъ имъ предлагалась свобода за большія суммы, представляющія большую часть ихъ состоянія. Отказъ отъ платежа имѣлъ своимъ послѣдствіемъ для заключенныхъ такое обращеніе, по сравненію съ которымъ пытки, примѣнявшіяся къ евреямъ въ средневѣковой Англіи или мученія евнуховъ принцессы Уды въ современной Индіи, представляются мягкими и благотворными наказаніями. Нѣкоторые заключенные должны были держаться на ногахъ цѣлый день и цѣлую ночь, причемъ имъ не давали ни ѣсть, ни пить и запрещали двигаться. Если они теряли силы и сознаніе, то холодная вода или раскаленное желѣзо скоро приводили ихъ въ себя и пытка продолжалась. Такъ какъ время и настойчивость были на сторонѣ турокъ, то вообще кончалось тѣмъ, что армяне обыкновенно жертвовали чѣмъ угодно, чтобы только спастись отъ страшныхъ страданій. Имъ приходилось или принести въ жертву все, или сдѣлаться самимъ жертвами, и они, конечно, выбирали наименьшее изъ золъ.

Въ вилайетѣ Битлиса нѣсколько сотъ армянъ, имѣвшіе деньги, скотъ и хлѣбъ подверглись произвольному аресту и были освобождены за крупную взятку. Нѣкоторые изъ нихъ не въ состояніи были тотчасъ заплатить деньги, поэтому

ихъ держали въ мрачныхъ темницахъ до тѣхъ поръ, пока они не добыли требуемой суммы, а нѣкоторые изъ нихъ были умерщвлены. Около ста армянъ погибло въ одной Битлисской тюрьмѣ. Слѣдующая петиція съ подписями была отправлена мнѣ и, если не ошибаюсь, то одновременно также иностраннымъ делегатамъ въ Мушѣ; эта петиція, исходившая отъ одного хорошо извѣстнаго человѣка, имя и адресъ котораго я сообщаю, поможетъ составить себѣ идею о томъ, какъ вали Битлиса управлялъ своими провинціями и въ то же время благодѣтельствовалъ: «мы, служившіе турецкому правительству съ безусловною вѣрностію, подвергаемся особенно въ послѣдніе годы, дурному обращенію и гнету то со стороны правительства, то со стороны курдскихъ разбойниковъ. Такъ въ прошломъ году (1894) я былъ внезапно арестованъ въ моемъ собственномъ домѣ турецкой полицией и жандармами, которые отвели меня въ Битлисскую тюрьму, гдѣ я подвергся оскорбленіямъ и самымъ ужаснымъ пыткамъ. Просидѣвъ тамъ четыре мѣсяца, я былъ освобожденъ подъ условіемъ, что заплачу 440 ф. стерл. Для такихъ дѣйствій не было представлено никакого основанія или повода. По возвращеніи домой, я нашелъ свое хозяйство въ безпорядкѣ, свои дѣла разстроенными и мои средства къ жизни исчезли. Моя первая мысль была обратиться къ турецкому правительству съ просьбой о возмѣщеніи моихъ потерь, но я отказался отъ этого плана, чтобы не подвергнуться снова осужденію. Услышавъ, что вы явились въ Арменію для того, чтобъ изслѣдовать положеніе народа, я умоляю васъ именемъ Бога отмѣтить мое дѣло. Подписано: Богосъ Дарманіанъ изъ деревни Икнакаджіа въ казѣ Манаскердъ».

Въ 1890 году старшина деревни Одантджіоръ въ Буланикѣ, по имени Абдалъ, былъ богатымъ человѣкомъ по понятіямъ господствующимъ въ этой мѣстности. У него было 50 буйволовъ, 80 быковъ, 600 овецъ, не считая лошадей и прочаго. Женщины его семьи носили золотыя украшенія въ волосахъ и на груди и онъ платилъ 50 ф. стерл. налоговъ въ казначейство. Это было въ 1890 г. Въ 1894 году онъ былъ бѣднымъ поселяниномъ, хорошо знакомымъ съ нуждой и подвергавшійся голодной смерти. Его селеніе и жители всего округа подверглись грабежу, у нихъ отняли рѣшительно все, между тѣмъ какъ турецкія власти смотрѣли на это грабительство съ одобрительной улыбкой. Въ теченіе 1894 года въ округахъ только Буланика и Муша болѣе 10.000 головъ рогатаго скота и овецъ были уведены курдами. Эта система господствовала во всей странѣ; разница сводится только къ подробностямъ, зависящимъ отъ мѣстныхъ условій, но средства и цѣль никогда не измѣнялись. Въ результатѣ благосостояніе совершенно исчезаетъ и быстро распространяется нищета, которая достигаетъ такихъ размѣровъ, такъ безнадежна и такъ ужасна по своимъ нравственнымъ и физическимъ дѣйствіямъ, что жертвы ея охватываются тѣмъ дикимъ мужествомъ, приближающимся къ безумію, которое всегда возникаетъ подъ вліяніемъ отчаянія [1]).

Между вали или генералъ-губернаторомъ и заптіемъ или сборщикомъ податей существуетъ много ступеней административной лѣстницы и къ каждой изъ нихъ

[1]) Я писалъ въ другомъ мѣстѣ о сравненіи между благоденствіемъ армянъ, жившихъ въ эпоху дурнаго управленія, и негодованіемъ тѣхъ, которые томятся въ нынѣшнюю эру истребленія; но этотъ интересный предметъ никогда не былъ разсмотрѣнъ съ необходимой полнотой. — *Прим. автора.*

и ко всѣмъ имъ вмѣстѣ взятымъ прилипаетъ часть имущества предпріимчивыхъ армянъ. Безъ сомнѣнія, существуютъ худшія бѣдствія, чѣмъ потеря имущества, и безстрастные англичане скорѣе приберегутъ свое сочувствіе для тѣхъ, которые испытали такія бѣдствія. Но безъ сомнѣнія и утрата имущества—не малое бѣдствіе, когда причиной его является не преступленіе, случай или безпечность, а безстыдная и наглая несправедливость, и если потерпѣвшій имѣетъ семью въ 15 или 20 человѣкъ. Слѣдующіе факты показываютъ, что потеря имущества очень часто влечетъ за собой гораздо большія бѣдствія.

Въ іюлѣ 1892 года одинъ капитанъ кавалеріи Его Величества гамидіэ, по имени Идрисъ,—гордость племени Гасснакли, явился съ своимъ братомъ требовать корма отъ жителей Гаменшейка. Они обратились къ двумъ армянскимъ старшинамъ Ало и Хачадуръ и приказали имъ приготовить требуемое сѣно. Они отвѣчали, что у нихъ во всей деревнѣ не найдется такого количества сѣна. «Доставьте сѣно безъ разговоровъ, или я застрѣлю васъ», сказалъ Идрисъ.— «Но его не существуетъ и мы не можемъ создать его». — «Ну, такъ умрите», закричалъ доблестный капитанъ и тутъ же на мѣстѣ убилъ армянъ. Противъ Идриса подана была формальная жалоба, и каймакамъ, къ своей чести, арестовалъ его и продержалъ въ тюрьмѣ 4 недѣли, но затѣмъ, когда благородный курдъ далъ обычную взятку, его выпустили на свободу.—Въ томъ же округѣ Буланика и въ томъ же году было совершено также открыто и безнаказанно около 30 подобныхъ убійствъ.

III.

Сначала армяне склонны были жаловаться, когда ихъ родственники или друзья подвергались убійству; ими руководила при этомъ надежда, что хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ правосудіе покараетъ убійство и такимъ образомъ устрашитъ другихъ.

Но они скоро отказались отъ этой системы, потому что на нихъ повліяли факты вродѣ слѣдующаго: въ іюлѣ 1892 года одинъ курдъ, по имени Ахмедъ-Оглы-Батомъ, ѣхалъ въ Говандукъ (округъ Кнуссъ) и увелъ съ собой четырехъ воловъ, принадлежавшихъ одному армянину по имени Муко. Въ 1892 году законъ, запрещающій христіанамъ носить оружіе, еще не соблюдался со всей строгостью и Муко, имѣя револьверъ и видя, что курдъ также намѣренъ стрѣлять, прицѣлился и спустилъ курокъ. Оба выстрѣла раздались въ одно мгновеніе и оба человѣка упали мертвыми на мѣстѣ. Затѣмъ произошло слѣдующее: 19 армянъ этого селенія, изъ которыхъ никто не имѣлъ представленія о случившемся, были арестованы и затѣмъ имъ объявили, что ихъ выпустятъ, если они заплатятъ большую взятку. 10 изъ нихъ заплатили и были немедленно освобождены; остальные же, отказавшіеся исполнить это требованіе, еще долго содержались въ тюрьмѣ. Изъ курдовъ же никто не былъ привлеченъ къ отвѣтственности. «Развѣ магометане должны подвергаться наказанію за убійство армянъ? — сказалъ мнѣ

одинъ курдскій разбойникъ, состоящій при этомъ офицеромъ гамидіэ:—это невозможно». Въ самомъ дѣлѣ возможно ли это? Магометанскому уму представляется вполнѣ естественнымъ и понятнымъ (потому, быть можетъ, что это обычное явленіе), чтобы родственники убитыхъ подвергались строгому наказанію за то, что они жалуются на тѣхъ, которые сдѣлали ихъ вдовами и сиротами.

Въ августѣ 1893 года курды Джибрани напали на селеніе Каэкикъ, разграбили его и ранили купца по имени Оаннеса, который былъ занятъ своимъ дѣломъ въ лавкѣ. На другой день Оаннесъ явился къ вице-губернатору (каймакаму) въ Кнуссабердѣ и принесъ ему жалобу, но каймакамъ заключилъ его въ тюрьму, обвиняя во лжи. Страданія, которымъ онъ подвергся въ этомъ очагѣ тифозной горячки, превосходятъ всякое воображеніе, но это уже другая исторія. Черезъ восемь дней его сосѣди привели къ каймакаму курда, который подтвердилъ ихъ заявленіе о томъ, что Оаннесъ дѣйствительно былъ раненъ, какъ онъ разсказываетъ, и что онъ не лжетъ. Тогда и только тогда дозволили пришедшимъ заплатить взятку въ 10 ф. за освобожденіе раненаго Оаннеса.

Жители Кртабоза (селеніе въ Бассенѣ) разсказали мнѣ нѣсколько ужасныхъ исторій о томъ, что имъ пришлось вытерпѣть отъ курдовъ, которые увели у нихъ 23 быка, 28 лошадей, 60 коровъ и 20 овецъ. Одна изъ этихъ исторій, иллюстрирующая способы турецкаго правосудія, дастъ читателю представленіе о всѣхъ этихъ разсказахъ. «Въ истекшемъ маѣ мѣсяцѣ (1894 году) 12 конныхъ гамидіэ напали на наше селеніе и схватили нашего священника Теръ-Давида. Они обѣщали освободить его, если онъ заплатитъ 6 фунтовъ. Онъ занялъ эту сумму, отдалъ ее курдамъ и былъ освобожденъ; при этомъ солдаты стрѣляли по другимъ жителямъ селенія, которые убѣжали. На другой день Гиль-Бэкъ отправился въ Гассанкале, чтобы жаловаться властямъ. Тамъ онъ подвергся оскорбленіямъ, его назвали лжецомъ и арестовали. Просидѣвъ сорокъ дней въ ужасномъ вертепѣ, называемомъ тюрьмой, онъ получилъ дозволеніе заплатить 7 ф. въ видѣ взятки и тогда итти домой».

Христіанинъ, потерпѣвшій отъ магометанъ, не имѣетъ никакихъ средствъ добиться правосудія и не потому, чтобы судьи были безпечны или недѣятельны, но потому, что они *сознательно* стремятся къ этому. Доказательствомъ этого мнѣнія, если только требуется какое-нибудь доказательство, заключается въ томъ, что жалобщики сами подвергаются наказанію за то, что свидѣтельствуютъ противъ своихъ обидчиковъ. Но если курдъ или турокъ является жертвой преступленія или хотя бы несчастнаго случая, энергія правительственныхъ чиновниковъ не знаетъ границъ. Весною прошлаго года, когда снѣгъ началъ таять и вода поднялась высоко въ рѣкахъ и потокахъ, нѣсколько бѣдныхъ курдовъ шли по берегу рѣки около Хусспакара. Это были бѣдные нищіе, просившіе милостыню и боровшіеся съ нуждой. Во время попытки перейти въ бродъ рѣку они были унесены теченіемъ и утонули. Вслѣдствіе этого противъ поселянъ было начато дѣло по обвиненію ихъ въ убійствѣ курдовъ и четыре армянскихъ старшины были арестованы и посажены въ тюрьму въ Гассанкале; при этомъ нисколько не скрывали цѣли этого несправедливаго обвиненія. По истеченіи семи или восьми мѣсяцевъ армянамъ сказали, что арестованные будутъ выпущены на свободу за взятку въ 75 фунт. Деньги эти были собраны по мелочамъ и уплачены начальству,

послѣ чего заключенные были освобождены. Я самъ видѣлъ двухъ изъ нихъ, Атама и Доно.

Налоги, собираемые съ армянъ, чрезмѣрно велики; взятки, которыми всегда сопровождается ихъ взиманіе, берутся заптіями и могутъ достигать невѣроятныхъ размѣровъ, принимая самыя отвратительныя формы; что же касается способовъ, при помощи которыхъ происходитъ собираніе податей, то они сами по себѣ составляютъ достаточное основаніе для уничтоженія оттоманскаго господства въ Арменіи.

Для того, чтобы привести подходящій примѣръ различнаго уровня обложенія христіанъ и магометанъ въ городахъ, достаточно будетъ сказать, что въ Эрзерумѣ, гдѣ существуетъ 8.000 магометанскихъ домохозяйствъ, мусульмане платятъ 395.000 піастровъ, между тѣмъ какъ христіане, которыхъ по числу домохозяйствъ насчитывается только 2.000, вносятъ 430.000 піастровъ.

Въ сельскихъ округахъ все безъ исключенія очень высоко обложено правительствомъ, но самое тяжелое податное бремя, взимаемое на законномъ основаніи, легко по сравненію съ вымогательствами заптіевъ. Предположимъ наприм., что семья должна платить 5 ф., которыя она и вноситъ должнымъ образомъ. Но заптіи требуютъ еще 3 или 5 ф. для себя; имъ рѣшительно отказываютъ въ этомъ; начинаются переговоры, сопровождаемые рѣзкими и оскорбительными выраженіями, и спорящіе сходятся, наконецъ, на 1 ф. Но заптіи не могутъ успокоиться: черезъ недѣлю они возвращаются и снова требуютъ тѣ же налоги. Армяне выходятъ изъ себя, протестуютъ и показываютъ росписку, но заптіи смѣясь заявляютъ, что предъявляемый документъ не росписка, а нѣсколько стиховъ изъ одной турецкой книги. Поселяне ссылаются на свою бѣдность и умоляютъ о пощадѣ. Жадность, а не состраданіе, побуждаетъ заптіевъ согласиться на 3 ф., но этихъ денегъ не оказывается наготовѣ. Тогда заптіи требуютъ, чтобъ имъ предоставили молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ семьи для удовлетворенья своихъ грубыхъ влеченій, и отказъ влечетъ для несчастныхъ въ видѣ наказанія такія мученія, отъ описанія которыхъ приходится воздержаться ради приличія и чувства гуманности. Похищеніе и всякаго рода грубыя оскорбленія, могущія возникнуть только въ больномъ умѣ восточныхъ развратниковъ и непонятныя обыкновенному европейцу, а иногда даже убійство завершаютъ инцидентъ.

Я видѣлъ жертвъ этихъ представителей Блистательной Порты и говорилъ съ ними; я осматривалъ ихъ раны, расспрашивалъ ихъ семьи, обращался къ ихъ священникамъ, преслѣдователямъ и тюремщикамъ (нѣкоторые изъ нихъ посажены въ тюрьму за то, что принесли жалобы) и я безъ колебанія утверждаю, что подобные ужасы составляютъ не только дѣйствительные факты, но явленія часто случающіяся. Нижеслѣдующее представляетъ переводъ подлиннаго документа, находящагося у меня въ рукахъ; этотъ документъ за подписью и печатью жителей Меликана (каза Кеги) не далѣе какъ 26 марта нынѣшняго года былъ отправленъ къ его преосвященству, ученому и святому іерарху архіепископу Эрзерумскому, который пользуется уваженіемъ какъ друзей, такъ и враговъ:

«Много времени тому назадъ 4 или 5 заптіевъ, которымъ поручено было собираніе государственныхъ налоговъ, избрали нашу деревню своей главной квартирой и заставляютъ жителей прилегающей мѣстности являться сюда для

уплаты податей. Эти заптіи ѣдятъ, пьютъ и кормятъ своихъ лошадей на нашъ счетъ, не скрывая, что они рѣшили довести насъ до нищенства.

«Недавно 7 другихъ заптіевъ, не имѣющихъ даже предлога въ формѣ собиранья податей, явились въ нашу деревню, избили жителей, оскорбили христіанскую религію и опозорили нашихъ женъ и дочерей; затѣмъ они схватили трехъ человѣкъ, заявлявшихъ протесты, по имени Погосъ, Мардигъ и Крикоръ, связали ихъ двойною цѣпью и повѣсили на брусъ за ноги. Въ такомъ положеніи они оставили несчастныхъ, пока у нихъ изъ ноздрей не пошла кровь. Послѣ такой пытки эти три человѣка заболѣли. Между тѣмъ заптіи публично заявили, что руководились въ своихъ дѣйствіяхъ только спеціальными приказаніями начальника полиціи. Въ виду изложеннаго, мы обращаемся къ правосудію, чтобы оно спасло насъ отъ этого невыносимаго положенія». Жители селенья Меликанъ, каза Кеги. Подписано: Катгере, 26 марта 1895». Вотъ другая петиція отъ другого селенія той же каза, также направленная къ архіепископу Эрзерумскому:

«Нѣсколько заптіевъ, подъ предлогомъ сбора податей, прибыли въ наше селенье въ 5 часовъ по турецкому времени (около 10 часовъ пополудни), взломали двери нашихъ жилищъ, ворвались во внутреннія комнаты, схватили нашихъ женъ и дѣтей, бывшихъ полураздѣтыми, и выбросили ихъ на улицу вмѣстѣ съ постелями. Затѣмъ они крайне жестоко били ихъ. Наконецъ, выбравъ болѣе 30 изъ нашихъ женщинъ, они заперли ихъ въ сарай и исполнили надъ ними свое преступное желаніе. Прежде чѣмъ удалиться, они, по своему неизмѣнному обыкновенію, захватили всю пищу и весь кормъ, который былъ у насъ. Мы просимъ васъ обратить ваше вниманіе на эти факты и умоляемъ объ императорской милости. Жители деревни Арекъ, каза Кеги». Подписано: *Мурадіанъ*, *Россіанъ*, *Берговянъ*, *Мелконіанъ*. 26 марта 1895. Я самъ находился въ домѣ одного армянскаго поселянина въ деревнѣ Киприкіе, когда туда явились нѣсколько конныхъ заптіевъ; они вызвали хозяевъ и грубо потребовали, чтобъ имъ дали поѣсть, накормили лошадей и устроили ночлегъ. Я не знаю, чего бы они еще потребовали, но я выручилъ изъ затрудненія моего хозяина, заявивъ, что я снялъ все его помѣщеніе на ночь. Неудивительно, если поселяне Кнусскаго округа жалуются въ петиціи, которую они просили меня представить «благородному и гуманному англійскому народу», на то, что страна, нѣкогда благоденствовавшая и плодородная, теперь опустошена, разорена и сожжена».

Вотъ каковы тѣ ужасы, о которыхъ нѣкоторые просвѣщенные англичане говорятъ въ такихъ легкомысленныхъ выраженіяхъ: «Эти армяне и курды вѣчно ссорятся междусобой и, конечно, при обычномъ положеніи дѣлъ въ этой странѣ безразлично, будетъ ли пролито немного больше или меньше крови».

Это замѣчаніе справедливо въ томъ смыслѣ, что овцы и волки находятся въ постоянной войнѣ другъ съ другомъ; но этимъ справедливость приведенныхъ словъ и ограничивается. Армяне отъ природы миролюбивы: въ сельскихъ округахъ они страстно преданы земледѣлію, а въ городахъ совершенно поглощены торговлей. Но чтобы ихъ врожденное отвращеніе къ кровопролитію не было подавлено чувствомъ долга, инстинктомъ самосохраненія и глубокой привязанностью къ близкимъ и дорогимъ для нихъ существамъ, имъ запрещено имѣть оружіе, и

мученія, которымъ подвергаютъ немногихъ нарушителей этого закона, вызвали бы краску стыда на щекахъ соотечественника Конфуція [1]). Армяне должны разсчитывать только на защиту турецкихъ солдатъ и турецкаго закона.

Характеръ защиты, которую оказываютъ императорскія войска, достаточно обнаружился въ минувшемъ августѣ и сентябрѣ въ Сасунскомъ округѣ, на склонахъ Фафркара и высотахъ Андока, въ деревняхъ Дальвокира и долинѣ Гелліегузана. Селенья Оданджаръ, Гамзашейкъ, Какарлубъ, Карагіуль, процвѣтавшія и пользовавшіяся благосостояніемъ въ 1800—91 гг., не имѣли ни одной овцы, ни одного буйвола и ни одной лошади въ 1894 г. Хлѣвы и конюшни были пусты, а пепелъ 70-ти громадныхъ стоговъ хлѣба досказывалъ эту печальную исторію. Это было дѣломъ курдовъ, друзья которыхъ, турецкіе солдаты, были расквартированы въ числѣ 200 конныхъ въ Іонджали, въ получасовомъ разстояніи отъ Оданджара, въ такомъ же числѣ — въ Копѣ и 100 человѣкъ — въ Шекагубѣ. Войска дѣйствительно оказали защиту, но только курдамъ, и въ вознагражденіе получили часть добычи.

Защита, которую даетъ турецкій законъ, носитъ такой же характеръ, но только несравненно болѣе гибельный для армянъ, которымъ приходится прибѣгать къ нему. Два-три примѣра, подтвержденныхъ толпой свидѣтелей, прольютъ достаточно свѣта на странныя формы турецкаго правосудія въ армянскихъ провинціяхъ.

Кеворкъ Вартаніанъ изъ деревни Манкассаръ (санджакъ Алашкердъ) между прочимъ показалъ слѣдующее:

«Въ 1892 г. одинъ курдъ, по имени Антонъ, сынъ Кереваша (изъ племени Тшалала) явился съ своими товарищами въ мой домъ и взялъ 5 фунтовъ золотомъ, которое я сберегъ для того, чтобы купить на нихъ сѣмена. Я подалъ на него жалобу, но начальство презрительно отвергло ее. Антонъ, узнавъ о моей попыткѣ привлечь его къ отвѣтственности, явился однажды ночью съ 12 людьми, взобрался на крышу и выстрѣлилъ черезъ отверстіе. Пуля попала въ мою сноху, Іезеко, которая тутъ же упала мертвой. При этомъ же случаѣ были убиты два ея мальчика и мой двухлѣтній ребенокъ, Миссакъ. Затѣмъ курды вошли въ домъ и забрали мебель, платье, 4 воловъ и 4 коровъ [2]). Я поспѣшилъ въ деревню Каракилиссе и жаловался Рахиму-пашѣ. Выслушавъ меня, онъ сказалъ: «Курды-гимидіэ—слуги султана. Поступать такъ—это ихъ право. Вы, армяне, лжецы». *Насъ арестовали* и выпустили только тогда, когда мы заплатили 2 фунта золотомъ.

На слѣдующую зиму въ нашу деревню явились 200 солдатъ подъ предводительствомъ самого Рахима паши. Онъ намъ сейчасъ же заявилъ, что жаловаться

[1]) Одинъ изъ состоятельныхъ жителей Прхосса около озера Нацига (округъ Аклатъ) явился въ этомъ отношеніи счастливымъ исключеніемъ. Правда, у него не было ружья, но его заподозрили въ томъ, что оно у него имѣется. Домъ его былъ обысканъ, полъ поднятъ, чердакъ осмотрѣнъ, но безъ результатовъ. Тогда его арестовали на мѣсяцъ и дозволили ему купить свою свободу за 70 ф., причемъ онъ далъ подписку въ томъ, что никогда не имѣлъ никакого огнестрѣльнаго оружія.

[2]) Коровы, лошади и другой скотъ часто стоятъ въ одномъ же помѣщеніи, гдѣ живутъ и спятъ хозяева. Я провелъ много безпокойныхъ ночей въ большой комнатѣ вмѣстѣ съ лошадьми, буйволами, быками, овцами и козлами.

на дѣйствія курдовъ незаконно. Затѣмъ онъ помѣстился у насъ съ своими войсками и потребовалъ, чтобы мы ежедневно доставляли имъ 8 овецъ, 10 мѣръ ячменя, кромѣ яицъ, живности и масла. Въ теченіе 40 дней жители нашей деревни доставляли эти продукты безвозмездно, получая за труды ругательства и удары. Рахимъ-паша, разсердившись на своего хозяина Перу за то, что онъ ворчалъ, велѣлъ разогрѣть мѣдную посуду и, когда она накалилась, поставилъ ее на голову Пера. Затѣмъ онъ раздѣлъ его до гола и щипцами вырывалъ куски мяса отъ его дрожащихъ рукъ.

Едва эти разбойники покинули нашу деревню, какъ Аинэ-паша съ 60 конными занялъ ихъ мѣста. Увидѣвъ, что у насъ не осталось больше овецъ, они убивали и ѣли нашихъ коровъ и воловъ и, причинивъ намъ много страданій въ теченіе шести дней, они уѣхали. Къ кому мы могли обратиться съ нашими жалобами, если на нашихъ глазахъ законныя власти сами совершали подобныя дѣянія? Намъ оставалось только покинуть страну, что мы и сдѣлали».

Вотъ другой случай, жертвою котораго была жена армянскаго миссіонера-протестанта, г-жа Сукіасіанъ изъ деревни Тодоверанъ (округъ Бассенъ). Я лично знакомъ съ этой семьей и имѣю у себя портреты всѣхъ ея членовъ, въ томъ числѣ и госпожи, которая впослѣдствіи была умерщвлена. «12 сентября 1894 г.,— сообщилъ Арменакъ Сукіасіанъ, сынъ убитой,—мы сидѣли за столомъ въ домѣ моего отца, какъ вдругъ вбѣжалъ мальчикъ и сказалъ намъ, что турки и курды явились, чтобы напасть на насъ, христіанъ. Мой братъ пошелъ на другую сторону улицы, гдѣ находилась его лавка, чтобы взять револьверъ. Между тѣмъ 16 курдскихъ всадниковъ въѣхали въ улицу, взобрались на крыши и начали стрѣльбу. Мы забаррикадировали дверь, но они выломали ее. Пуля попала моей матери въ шею, но не нанесла ей серьезной раны. Она находилась на крышѣ и защищалась, бросая камни. Въ это время одинъ магометанинъ поднялъ ружье, прицѣлился и выстрѣлилъ. Пуля попала въ щеку и вышла подъ ухомъ вырвавъ часть лица. Она упала, мы внесли ее во внутрь и дали ей воды, которую пришлось влить, поднявъ верхнюю челюсть. На слѣдующее утро она умерла. Мы жаловались, но никто не подвергся наказанію.

Еще одинъ типическій примѣръ, и я окончу съ этой частью предмета. Случай, о которомъ я намѣренъ разсказать теперь, почерпнутъ не только изъ сообщеній заинтересованныхъ сторонъ, но также изъ *оффиціальныхъ отчетовъ*, подписанныхъ, съ приложеніемъ печати, правительственными чиновниками, которыхъ я самъ видѣлъ. Онъ лучше самой краснорѣчивой діатрибы освѣщаетъ состояніе турецкаго правосудія и служитъ полезнѣйшимъ урокомъ для тѣхъ, которые до сихъ поръ честно вѣрятъ турецкимъ обѣщаніямъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1890 г. селенье Алиджакрекъ было сценой двойнаго преступленія. Армянскіе пастухи, пасшіе деревенскія стада, прибѣжали въ сильномъ волненіи, прося помощи. «Курды Ибиль Оглу Ибрагимъ явились съ своими овцами и согнали насъ съ деревенскаго пастбища». Это одно изъ заурядныхъ явленій сельской жизни въ турецкой Арменіи. Четыре молодыхъ человѣка выступили, чтобы начать переговоры съ мусульманами и заявить о своемъ правѣ собственности; но едва они дошли до мѣста, какъ курды открыли огонь и тутъ же убили одного изъ юношей, по имени Госепъ. Другой былъ смертельно раненъ; его имя

Гарутіунъ. Ихъ товарищи въ ужасѣ убѣжали въ деревню; поселяне въ страхѣ бросили работу; сельскій священникъ и нѣсколько главныхъ представителей мѣстнаго населенія бросились къ мѣсту, гдѣ происходило убійство; другіе—побѣжали, чтобы предупредить жандармовъ. Дѣйствительно заптіи (жандармы) въ сопровожденіи одного чиновника не замедлили явиться. Они нашли Госепа мертвымъ, а сельскаго священника Теръ-Оганнеса читающимъ отходную умирающему Гарутіуну, Они прекратили молитву и угрожающе спросили: «Гдѣ курды, которые совершили убійство?» — «Они скрылись»,—былъ отвѣтъ.—«Да, вѣроятно, вы, собаки, убили ихъ и зарыли подальше отъ глазъ. Я всѣхъ васъ арестую (обращаясь къ священнику)—и васъ также!» И ихъ всѣхъ повели въ Гассанъ-кале, гдѣ они были заключены въ отвратительную темницу. Черезъ нѣкоторое время ихъ перевели въ эрзерумскую тюрьму.

Сельскій священникъ Теръ-Оганнесъ былъ состоятельнымъ человѣкомъ. Процессъ систематическаго разоренія тогда только начинался. Его братъ, Карапетъ, и ихъ 10 товарищей по несчастью также были достаточными людьми и властямъ желательно было перевести ихъ имущество въ другія руки. Поэтому они оставили армянъ въ смрадной тюрьмѣ. Время тянулось медленно, день за днемъ, недѣля за недѣлей, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, такъ что, казалось, ихъ совершенно забыли. Ихъ семьи находились въ постоянной агоніи страха, дѣла ихъ пришли въ полное разстройство, здоровье оказалось въ конецъ подорваннымъ. Въ этомъ адскомъ состояніи они провели годъ—самый ужасный періодъ ихъ жизни. Тогда они начали почтительнѣйше ходатайствовать передъ своими гонителями, чтобы тѣ помогли имъ добиться освобожденія и просили назначить цѣну. Условія были установлены и имъ посовѣтовали послать курдовъ для розыска убійцъ, въ убійствѣ которыхъ были обвинены армяне. «Если ихъ найдутъ, вы будете освобождены». Цѣна этого совѣта и расходы по осуществленію его достигли почти 400 ф. ст., которые были добыты армянами изъ 40%.

Розыски, конечно, увѣнчались успѣхомъ, потому что курды и турки, убившіе христіанъ, не имѣютъ надобности скрываться и приходить въ уныніе. Все, что они сдѣлаютъ—хорошо. Герои этой исторіи оказались солдатами въ одномъ изъ баталіоновъ любимой кавалеріи султана — гамидіэ алашкертскаго округа. Они сознались въ своемъ преступленіи, и цѣлая толпа свидѣтелей, разумѣется, турокъ и курдовъ, потому что свидѣтельство христіанъ не принимается, дали на судѣ показанія въ пользу 12 армянскихъ узниковъ, которые и были затѣмъ освобождены, раззоренные и съ надорваннымъ здоровьемъ. Судебный приговоръ гласилъ, что армяне, обвиненные въ убійствѣ нѣсколькихъ курдовъ, убившихъ двухъ армянскихъ поселянъ, доказали свою невинность, такъ какъ упомянутые курды оказались живы и здоровы и были розысканы на службѣ главы правовѣрныхъ въ войскахъ гамидіэ.

Убійцы-курды, изъ-за драгоцѣнныхъ жизней которыхъ было поднято столько шума, остались нетронутыми и *до сихъ поръ* еще продолжаютъ служить Его Величеству султану съ тѣмъ же усердіемъ и такимъ же презрѣніемъ къ послѣдствіямъ, какъ и раньше.

Собака будетъ лаять, если въ ея присутствіи застрѣлятъ другую собаку. Эти же армяне даже не жаловались; они просто пригласили на мѣсто престу-

пленія представителей закона и правосудія, а послѣдніе обошлись съ ними какъ съ убійцами. Христіане въ Арменіи не смѣютъ разсчитывать на такое отношеніе къ себѣ, какимъ пользуются собаки со стороны хорошихъ хозяевъ.

IV.

Разсказы, передаваемые вообще о курдскихъ офицерахъ гамидіэ и въ частности одна изъ такихъ исторій относительно офицера Мостиго, казались мнѣ до такой степени невѣроятными, что мнѣ стоило не мало труда, чтобы провѣрить ихъ. Узнавъ, что этотъ Фра-Діаволо былъ арестованъ и содержится какъ опасный преступникъ въ Эрзерумской тюрьмѣ, гдѣ ему, по всей вѣроятности, предстояла висѣлица, я рѣшилъ, если возможно, добиться свиданья съ нимъ, чтобы узнать истину изъ его собственныхъ устъ. Моя первая попытка окончилась неудачей. Мостиго, какъ закоренѣлый убійца, находился подъ особенно строгимъ надзоромъ, и если бы я привелъ въ исполненіе мой первоначальный планъ—посѣтить его переодѣтымъ, я не остался бы въ живыхъ. Послѣ трехнедѣльныхъ хлопотъ, мнѣ удалось, наконецъ, при помощи кошелька, расположить въ свою пользу тюремщика. Затѣмъ я вступилъ въ переговоры съ самимъ разбойникомъ и результатомъ моихъ стараній было соглашеніе, по которому Мостиго получилъ дозволеніе тайно выйти изъ тюрьмы въ ночное время и провести 6 часовъ въ моей комнатѣ, послѣ чего онъ долженъ былъ вернуться въ свою темницу.

Когда наступилъ назначенный день, тюремщикъ отказался отъ исполненія договора на томъ основаніи, что Мостиго, зная, что участь его рѣшена, вѣроятно, убѣжитъ, какъ только выйдетъ изъ предѣловъ тюрьмы. Послѣ нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ переговоровъ, однако, я согласился оставить за него двухъ заложниковъ, въ томъ числѣ одного курда, жизнью котораго разбойникъ не рискнулъ бы даже ради своей собственной. Наконецъ, онъ явился ко мнѣ ночью, пробравшись по крышамъ, чтобы не быть замѣченнымъ полиціей, которая постоянно держалась у моихъ дверей.

Онъ провелъ у меня всю ночь, и я показалъ его двумъ наиболѣе почтеннымъ европейцамъ въ Эрзерумѣ; кромѣ того, чтобы мой разсказъ не могъ вызвать никакихъ сомнѣній, я самъ утромъ снялся съ нимъ на фотографической карточкѣ.

Разсказъ, переданный мнѣ этимъ курдскимъ аристократомъ, представляетъ замѣчательнѣйшую иллюстрацію турецкаго режима въ Арменіи. Здѣсь не мѣсто передавать этотъ разсказъ цѣликомъ. Одного или двухъ короткихъ извлеченій будетъ достаточно.

Вопросъ. Мостиго, я желалъ бы услышать изъ вашихъ собственныхъ устъ о вашихъ удивительныхъ дѣяніяхъ и записать вашъ разсказъ. Я хочу сообщить объ этомъ европейцамъ.

Отвѣтъ. Да, да. Сообщите о нихъ 12-ти державамъ (т.-е. всему свѣту).

У Мостиго, очевидно, не могло быть мысли о нравственныхъ послѣдствіяхъ или страха судебной кары. И тѣмъ не менѣе фактъ возмездія былъ на лицо. Мостиго былъ приговоренъ къ смерти. Желая выяснить этотъ пунктъ, я продолжалъ:

Ученики Армянской школы въ Мушѣ.

— Мнѣ очень прискорбно видѣть васъ въ тюрьмѣ. Давно ли вы въ заключеніи?

Отв. Мнѣ это также очень прискорбно. Пять мѣсяцевъ, но это время кажется вѣчностью.

Вопр. Кажется въ томъ виноваты армяне?

Отв. Да.

Вопр. Мнѣ разсказывали, что вы перебили огромное число ихъ, уводили ихъ женъ, сожигали ихъ селенья и вообще жестоко пробирали ихъ?

Отв. (презрительно). Это не имѣетъ ничего общаго съ моимъ тюремнымъ заключеніемъ. Я не былъ бы наказанъ за ограбленіе армянъ. Мы всѣ это дѣлаемъ. Я рѣдко убивалъ ихъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда они сопротивлялись. Но армяне выдали меня, и я попался. Вотъ что я имѣю въ виду. Если меня повѣсятъ, то за нападеніе на турецкій постъ и ограбленіе его, а также за изнасилованіе жены турецкаго полковника, находящагося теперь въ Эрзерумѣ. Но совсѣмъ не за армянъ! Что они такое, чтобы я пострадалъ изъ-за нихъ?

Разсказавъ нѣсколько своихъ приключеній, во время которыхъ онъ подвергалъ насилію христіанскихъ женщинъ, убивалъ армянскихъ поселянъ, ограбилъ постъ и бѣжалъ изъ тюрьмы, онъ сказалъ:

«Послѣ этого мы совершили большія дѣла, такія, которыя удивили бы 12 державъ. Мы нападали на селенья, убивали тѣхъ, которыя могли бы насъ убить, грабили дома, захватывая деньги, одѣяла, овецъ и женщинъ и нападали на путешественниковъ... Смѣлы и велики были наши дѣла, и люди много говорили о нихъ».

Выслушавъ разсказъ о многихъ изъ этихъ «великихъ дѣлъ», изъ которыхъ нѣкоторыя стоили жизни 50 человѣкамъ, я спросилъ:

Оказываютъ ли вамъ когда-нибудь армяне сопротивленіе, когда вы уводите ихъ скотъ и женщинъ?

Отв. Не часто. Они не могутъ, потому что у нихъ нѣтъ оружія, и имъ хорошо извѣстно, что убей они нѣсколькихъ человѣкъ изъ нашихъ, другіе курды явились бы и отомстили за насъ, такъ что армяне ничего не выиграли бы. Когда же мы убиваемъ ихъ, никто этимъ не возмущается. Турки ненавидятъ ихъ, мы же не питаемъ къ нимъ ненависти. Намъ нужны только деньги и добыча; а нѣкоторые курды хотятъ также захватить ихъ земли; турки же жаждутъ ихъ крови. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я напалъ на армянское селенье Кара-Клиріу и увелъ всѣхъ овецъ. Я не оставилъ тамъ ни единой штуки. Жители въ отчаяніи на этотъ разъ преслѣдовали насъ и нѣсколько разъ выстрѣлили по насъ, но не причинили вреда. Мы угнали овецъ къ Эрзеруму, чтобы продать ихъ. Но по дорогѣ намъ пришлось имѣть стычку около армянской деревни Шэмъ. Поселяне знали, что мы увели скотъ ихъ единовѣрцевъ, и напали на насъ. Насъ курдовъ всего было 5 человѣкъ, а ихъ было много — вся деревня вышла противъ насъ. Двое изъ моихъ людей, оба *райи* [1]), были убиты. Армянамъ удалось отбить 40 овецъ, остальныя были удержаны нами и проданы въ Эрзерумѣ.

Вопр. Убивали ли вы вообще много армянъ?

Отв. Да. Мы не желали этого. Намъ нужна добыча, а не ихъ жизни; отъ

1) Курды дѣлятся на *тореновъ* (torens) или благородныхъ, являющихся предводителями на войнѣ и отдыхающихъ во время мира, и на *райевъ* (rayahs), отдающихъ свою жизнь господамъ и находящихся въ полной зависимости отъ нихъ. Торенъ можетъ убить райю съ такой же безнаказанностью, какъ и христіанина.

нихъ намъ нѣтъ никакой пользы. Но намъ приходилось прибѣгать къ пулямъ, чтобы усмирить ихъ, когда они сопротивляются.

Вопр. Часто ли вы употребляли ваши кинжалы?

Отв. Нѣтъ, большею частью мы пользовались нашими ружьями. Намъ нужно существовать. Мы добываемъ осенью столько хлѣба и денегъ, сколько намъ требуется на зиму. У насъ есть скотъ, но мы не заботимся о немъ. *Мы отдаемъ его армянамъ, чтобы они смотрѣли за нимъ и кормили его.*

Вопр. Но если они отказываются?

Отв. Тогда мы сжигаемъ ихъ сѣно, хлѣбъ и дома и уводимъ ихъ овецъ; поэтому они не отказываются. Мы беремъ назадъ нашъ скотъ весною, и при этомъ армяне должны вернуть такое же число, какое получили.

Вопр. Но если число овецъ уменьшится отъ болѣзни?

Отв. Это дѣло армянъ. Они должны вернуть намъ тотъ скотъ, который мы имъ дали, или равное число; и они это знаютъ. Мы не можемъ нести потерь. Почему же они не могутъ взять ихъ на себя? Почти всѣ наши овцы отъ нихъ.

Выслушавъ цѣлый рядъ исторій объ ихъ набѣгахъ, убійствахъ, грабежахъ и пр и пр., я опять спросилъ его:

«Можете ли вы, Мостиго, сообщить мнѣ еще что-нибудь о вашихъ смѣлыхъ дѣяніяхъ для того, чтобы я довелъ о нихъ до свѣдѣнія 12-ти державъ?» на что онъ далъ слѣдующій характерный отвѣтъ:

«Однажды волку сказали, разскажи намъ что-нибудь объ овцѣ, которую ты растерзалъ; а онъ отвѣтилъ: я съѣлъ тысячи овецъ, о какой изъ нихъ вы говорите? То же самое можно сказать о моихъ дѣлахъ. Еслибъ я говорилъ, а вы писали два дня подрядъ, все-таки многое еще оставалось бы недосказаннымъ".

Этотъ разбойникъ—курдъ, а курдамъ—имя легіонъ. Ex uno disce omnes. И тѣмъ не менѣе курды оказались самыми мягкими изъ всѣхъ преслѣдователей армянъ. Нуждаясь въ деньгахъ, этотъ человѣкъ грабилъ; жаждая чувственныхъ наслажденій, онъ подвергалъ позору женщинъ и дѣвушекъ; защищая свою добычу, онъ убивалъ мущинъ и женщинъ и, дѣлая все это, онъ былъ вполнѣ увѣренъ въ своей безнаказанности до тѣхъ поръ, пока его жертвами были армяне. Въ такомъ случаѣ, невольно спрашиваешь, значитъ закона тамъ не существуетъ? Напротивъ, существуетъ и даже очень хорошій законъ, если бы только онъ примѣнялся; ибо стоило только Мостиго разграбить имперскій постъ и изнасиловать турецкую женщину — и онъ немедленно же былъ присужденъ къ смерти.

Поэтому законы, реформы и конституціи, будь они составлены самыми мудрыми и опытными законодателями и государственными людьми, не стоятъ той бумаги, на которой они написаны, пока примѣненіе ихъ будетъ ввѣрено туркамъ *безъ всякаго контроля.* Доказательствомъ является жизнь и дѣятельность турецкихъ чиновниковъ въ какой угодно періодъ послѣднихъ 50 лѣтъ.

Вотъ, напримѣръ, достойные подвиги энергическаго администратора, его превосходительства Гуссейна паши, генералъ-бригадира Его Величества султана. Этотъ разсказъ можетъ выдержать самую строгую провѣрку. Начальствуя надъ шайкой курдскихъ разбойниковъ, которая доходила въ нѣкоторыхъ случаяхъ до

2.000 человѣкъ, онъ постоянно тревожилъ мирныхъ жителей провинціи, грабя ихъ, муча, насилуя и убивая, такъ что одно его имя вызывало у всѣхъ чувство ужаса. Армяне Патнотца такъ много терпѣли отъ его беззаконій, что они покинули свою деревню и переселились въ Кара-Килиссе, гдѣ живетъ каймакамъ; тогда Гуссейнъ окружилъ значительной военной силой домъ епископа Каракилисскаго и заставилъ его отправить народъ обратно. Даже магометане были настолько возмущены его поступками, что мусульманскій учитель Патнотца, шейхъ Нари, жаловался на Гуссейна эрзерумскому вали (генералъ-губернатору).

Послѣ этого Гуссейнъ командировалъ своихъ людей, которые убили шейха Нари и такъ испугали его невѣсту, что она умерла. Во время одной изъ своихъ экспедицій онъ увелъ 2.600 овецъ, много лошадей, коровъ и пр., захватилъ 500 ф., сжегъ 9 селеній, убилъ 10 человѣкъ и отрѣзалъ правыя руки, носы и уши у другихъ 10 человѣкъ. Въ началѣ 1890 г. онъ увелъ 5 христіанскихъ дѣвушекъ изъ Патнотца, а въ сентябрѣ и октябрѣ того же года онъ собралъ съ населенья того же округа контрибуцію въ 300 ф. *Ни за одно изъ этихъ преступленій онъ не подвергся даже суду*. Въ декабрѣ 1890 г. онъ отправилъ своего брата, чтобы собрать еще денегъ, и это было сдѣлано посредствомъ разграбленія 21 селенія Аиптабскаго округа, въ результатѣ чего получилась сумма въ 350 ф. и 200 батмановъ масла (—3.000 ф.). Одинъ армянинъ Патнотца, по имени Хачо, не могъ или не хотѣлъ внести требуемой суммы; вслѣдствіе этого его домъ былъ разграбленъ, а жена и двое дѣтей были убиты. Въ теченіе всего этого времени доблестный Гуссейнъ-паша занималъ постъ и «исполнялъ обязанности» мушира или вице-губернатора.

Однажды онъ угналъ изъ Патнотца и Кизилкоха 1.000 овецъ и 7 паръ воловъ и продалъ ихъ одному купцу въ Эрзерумѣ; потомъ онъ захватилъ хорошую лошадь, принадлежавшую одному армянину изъ Кизилкоха, Мануку, и отправилъ ее въ подарокъ сыну эрзерумскаго судьи. Въ одну ночь къ концу февраля 1891 г. Гуссейнъ, его племянникъ Рассулъ и другіе ворвались въ домъ армянина Каспара для того, чтобы увести его красавицу-невѣстку. Но домашніе начали звать на помощь; тогда Гуссейнъ вынулъ револьверъ и убилъ молодую женщину. Эрзерумскому вали была подана просьба о привлеченіи Гуссейна къ отвѣтственности, но эта просьба была отклонена; послѣ этого Гуссейнъ былъ вызванъ въ Константинополь, гдѣ онъ встрѣтилъ сердечный пріемъ, получилъ орденъ отъ султана, былъ возведенъ въ санъ паши и назначенъ генералъ-бригадиромъ. Когда войска явились въ прошломъ году въ Мушъ и Сасунъ, Гуссейнъ былъ однимъ изъ героевъ и, по возстановленіи «порядка», онъ вернулся въ Патнотцъ съ нѣсколькими молодыми сасунскими дѣвушками, которыхъ онъ увелъ; теперь онъ пользуется благополучіемъ и уваженіемъ.

Безъ сомнѣнія существуютъ порученія, которыя могутъ быть ввѣрены такому господину, какъ Гуссейнъ-паша, или ему подобнымъ. Но можно ли имъ поручать управленіе христіанскимъ населеніемъ? Если мы предположимъ, что эрзерумскіе вали и другіе администраторы края были люди гораздо болѣе высокаго нравственнаго уровня, то какая же все-таки польза отъ ихъ благородства и прекрасныхъ намѣреній, если они позволяли Гуссейну грабить, раззорять, жечь и убивать безнаказанно? Возможно ли порицать Гуссейна-пашу за его дѣла, когда

за исполненіе ихъ онъ былъ *отличенъ и вознагражденъ* верховнымъ хранителемъ закона и порядка, главою правовѣрныхъ?

Не всѣ начальствующія лица обладаютъ такими же вкусами и такой же степенью мужества, какъ его превосходительство Гуссейнъ-паша. Другіе, и, безъ сомнѣнія, очень многіе, независимо отъ своихъ личныхъ склонностей, считаютъ нужнымъ изъ чувства служебнаго долга искать предлога для совершенія проступковъ, для которыхъ нельзя придумать никакого оправданія. Безумства, которыя они совершаютъ, въ поискахъ за этой тѣнью, казались бы невѣроятными, если бы они не были общеизвѣстны. Слѣдующій случай былъ разслѣдованъ и провѣренъ иностранными представителями въ Турціи. Весною 1893 года Гассибъ-паша, губернаторъ Муша, стремясь найти какое-нибудь доказательство недоброжелательности армянъ Авзута (Auzoot) и сосѣднихъ селеній, отправилъ туда полицейскаго капитана Решида-эффенди, чтобы произвести розыскъ относительно оружія. Решидъ отправился, произвелъ тщательное изслѣдованіе, усердно искалъ въ домахъ, на крышахъ и подъ землей, но тщетно. Нигдѣ не оказывалось огнестрѣльнаго оружія. Онъ вернулся и доложилъ, что поселяне строго соблюдаютъ законъ, воспрещающій имъ имѣть какое бы то ни было оружіе. Но Гассибъ-паша вышелъ изъ себя. «Какъ вы смѣете утверждать то, что по моимъ свѣдѣніямъ совершенная ложь?» — закричалъ онъ. — «Сейчасъ же ступайте назадъ и найдите оружіе. Не смѣйте возвращаться безъ него!» Полицейскій капитанъ снова отправился въ Авзутъ и перерылъ всѣ углы, т.-е. перевернулъ всѣ дома вверхъ дномъ, но все-таки ничего не нашелъ. Тогда онъ позвалъ сельскаго старосту и сказалъ: «Меня прислали, чтобъ отыскать спрятанное оружіе. Скажите мнѣ, гдѣ оно». — «Но у насъ нѣтъ никакого оружія».—«Оно должно быть гдѣ-нибудь».—«Увѣряю васъ, вы ошиблись».—«Хорошо, теперь слушайте. Я долженъ найти здѣсь оружіе, есть ли оно у васъ или нѣтъ; я не могу вернуться безъ него. Если вы не дадите мнѣ какого-нибудь оружія, я долженъ буду расположиться въ вашей деревнѣ вмѣстѣ съ моими людьми». Это предвѣщало, конечно, грабежъ и разореніе. Староста былъ смущенъ. «Что же мнѣ дѣлать?—спросилъ онъ. У насъ нѣтъ оружія».—«Въ такомъ случаѣ ступайте и отыщите его, украдьте, купите, но достаньте». Въ виду этого два или три лица были отправлены въ ближайшую курдскую деревню, гдѣ они купили три воза старыхъ кинжаловъ кремневыхъ ружей и заржавленныхъ сабель, которые и были переданы Решиду.

Онъ вернулся съ ними ликующій къ мушскому губернатору. Гассибъ-паша, видя эту коллекцію, чрезвычайно обрадовался и сказалъ: «Вотъ видите, я былъ правъ. Я говорилъ вамъ, что тамъ было спрятано оружіе. Вы не искали его, какъ слѣдуетъ вначалѣ. Будьте впредь усерднѣе».

Верто Папакіанъ, житель селенья Калилъ-Чаушъ (Кнуссъ), разсказалъ слѣдующую исторію своихъ треволненій, бросающую свѣтъ на любопытныя черты турецкаго правосудія и армянской сельской жизни.

«Одинъ курдъ, по имени Джунди, пытался увести мою племянницу Назо, но мы отправили ее въ Эрзерумъ и тамъ выдали замужъ за одного армянина. Мы нерѣдко выдаемъ нашихъ дѣвушекъ замужъ еще дѣтьми, 11 ти—12-ти лѣтъ, или одѣваемъ ихъ мальчиками, чтобы спасти отъ изнасилованья. Мужъ Назо

былъ сынъ сельскаго священника въ Гертевѣ. Курды хотѣли отомстить мнѣ за то, что я спасъ, такимъ образомъ, дѣвушку. Джунди такъ избилъ моего брата, что онъ пролежалъ въ постели около 6 мѣсяцевъ; затѣмъ тотъ же курдъ со своими людьми увелъ мой скотъ, сжегъ мой хлѣбъ, солому и сѣно и окончательно раззорилъ насъ. Когда племянница пріѣхала однажды къ намъ въ гости, Джунди и его курды напали на нашъ домъ и увели ее. Мы жаловались всѣмъ властямъ и мѣстнымъ, и эрзерумскимъ. Когда они рѣшили, наконецъ, опросить племянницу, она родила ребенка отъ курда и стыдъ помѣшалъ ей вернуться. Она осталась магометанкой. Тогда мы купили для своей защиты ружье, такъ какъ въ то время не существовало закона запрещающаго имѣть оружіе. Въ 1893 г. мы продали ружье одному курду по имени Хаджи Дахо, но въ 1894 г. полиція явилась къ намъ и потребовала его. Мы сказали, что продали, и курдъ подтвердилъ наше заявленіе. Онъ даже показалъ полиціи ружье. Тѣмъ не менѣе меня съ братомъ арестовали и заставили насъ дать двухъ воловъ въ обмѣнъ на два ружья, которыя они забрали съ собой, какъ вещественное доказательство нашей вины; затѣмъ мы отправлены были въ эрзерумскую тюрьму. Намъ пришлось просидѣть тамъ долго и терпѣть большія страданія. По прошествіи 8-ми мѣсяцевъ мой братъ умеръ отъ дурнаго обращенія. Тогда мнѣ обѣщали свободу за большую взятку, которая должна была привести меня въ полную нищету. У меня не было выбора, и я отдалъ все, что у меня просили, оставшись съ семьей безъ всякихъ средствъ. *И послѣ этого меня приговорили къ шестилѣтнему тюремному заключенію*».

Армянамъ строго отказываютъ въ какихъ бы то ни было формахъ правосудія. Одинъ тотъ фактъ, что армянинъ осмѣливается обращаться къ суду въ качествѣ жалобщика или преслѣдователя противъ курда или турка, всегда служитъ достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы произошла метаморфоза, превращающая жалобщика въ отвѣтчика или преступника и обыкновенно приводящая его въ тюрьму. Въ такихъ случаяхъ тюрьма является не болѣе какъ переходной ступенью отъ сравнительнаго довольства къ полной нищетѣ; заключенныхъ дочиста обираютъ и затѣмъ выпускаютъ на всѣ четыре стороны. Но что представляетъ собою тюрьма, этого невозможно описать съ достаточной ясностью. Если представить себѣ соединеніе изъ старой Звѣздной палаты въ Англіи, испанской инквизиціи, китайскаго вертепа для куренья опіума, больницы для желтой лихорадки и одного изъ самыхъ мрачныхъ уголковъ дантовскаго ада, то это соединеніе будетъ подобіемъ турецкой тюрьмы. Грязь, вонь, болѣзни, безобразіе, мученія въ такихъ видахъ и размѣрахъ, которыхъ въ Европѣ не могутъ себѣ и представить, — вотъ характеристика ея внѣшнихъ чертъ; психологическую обстановку составляютъ: полное отчаяніе, бѣсовская дикая злоба, адское наслажденіе человѣческими страданіями, стоическое самопожертвованіе въ поддержаніи омерзительныхъ пороковъ, совершенное извращеніе нравственной природы, и все это воплощено въ уродливыхъ существахъ, человѣческій образъ которыхъ составляетъ оскорбленіе божества. Въ этихъ ужасныхъ темницахъ постоянно смѣшиваются вопли, вызванные утонченнымъ терзаніемъ съ криками противоестественныхъ наслажденій; грязныя пѣсни поются подъ аккомпаниментъ раздирающихъ душу стоновъ; и въ то же время изъ тѣлъ, давно уже лишенныхъ

жизненныхъ силъ, отлетаютъ души, неоплакиваемыя никѣмъ, кромѣ сырыхъ стѣнъ, на которыхъ пары невѣроятныхъ пораненій и страшныхъ болѣзней скопляются большими каплями и падаютъ по камнямъ на полъ, подымаясь оттуда въ видѣ испареній. По истинѣ это чудовищный кошмаръ, превращенный въ дѣйствительность.

Въ прошломъ мартѣ мѣсяцѣ я просилъ одного своего друга посѣтить политическихъ преступниковъ въ Битлисской тюрьмѣ и просить ихъ дать мнѣ краткое описаніе ихъ положенія. Четверо изъ заключенныхъ отвѣтили коллективнымъ письмомъ, которое производитъ потрясающее впечатлѣніе. Вотъ послѣднія страницы этого документа, помѣченнаго такъ:

«Битлисская тюрьма, адъ, 28 марта (9 апрѣля) 1895 г.

«Въ Битлисской тюрьмѣ 7 камеръ, изъ которыхъ каждая можетъ вмѣстить отъ 10 до 12 человѣкъ. Въ дѣйствительности въ нихъ помѣщается отъ 20 до 30 чел. *Санитарныхъ приспособленій совершенно не существуетъ.* Отбросы и грязь, которымъ должно было лежать въ особомъ мѣстѣ, отведенномъ для этой цѣли, нагромождены въ камерѣ. Воду нельзя пить. Нерѣдко арестантовъ армянъ принуждаютъ пить воду изъ таза, въ которомъ мусульмане совершаютъ омовенія»...

Затѣмъ слѣдуетъ краткое, но поучительное описаніе тѣхъ мученій, которымъ подвергались товарищи писавшаго и отъ которыхъ многіе изъ нихъ умерли. Вотъ примѣръ: «Малкассъ Агаджаніанъ и Серопъ Малкассіанъ изъ Авзута (Мушъ) подверглись побоямъ до тѣхъ поръ, пока не потеряли сознанія. Перваго въ восьми мѣстахъ прожгли раскаленнымъ желѣзомъ, втораго—въ дѣнадцати». Другое насиліе, совершенное надъ Серопомъ, не можетъ быть даже названо. «Гагоръ Серапіонъ, изъ деревни Авзутъ, былъ битъ до потери сознанія; затѣмъ ему набросили на шею поясъ и потащили въ комнату заптія, гдѣ ему было наложено 16 клеймъ раскаленнымъ до-красна желѣзомъ». Описавъ другія мученія, которымъ онъ подвергся, наприм., выдергиваніе волосъ, продолжительное лишеніе пищи и питья при неподвижномъ стояніи на одномъ мѣстѣ, разсказчикъ передаетъ затѣмъ о такихъ пыткахъ, для которыхъ не существуетъ названія на англійскомъ языкѣ и о которыхъ цивилизованный народъ не можетъ слышать. Потомъ онъ продолжаетъ: «Сирко Макассіана, Гарабеда Леалкассіана и Изро Асдвадзадуріана изъ той же деревни жестоко избили и заставили неподвижно стоять въ теченіе долгаго времени, послѣ чего имъ вылили на голову содержаніе нѣкоторыхъ сосудовъ. Корки Мардаіанъ, изъ деревни Семоль, подвергся жестокому избіенію, у него вырвали волосы и заставили его простоять неподвижно въ теченіе 24 часовъ. Послѣ этого Мулазинъ-хаджи-али и тюремщикъ Абдулкадиръ заставили его подвергнуться т. н. Sheitantory [1]), окончившейся смертью несчастной жертвы. Ему было 45 лѣтъ отъ роду. Мекитаръ Сафоріанъ и Катго Балобанъ изъ Какарлу (Буланикъ) подверглись такой же пыткѣ. Мекитару было только 15 лѣтъ, а Катго всего 13. Сохо Шарайна изъ Алвариндзки (Мушъ) былъ отведенъ изъ

1) Буквально значитъ „дьявольское кольцо“. Руки туго связываются и ноги, также связанныя за большія пальцы, перетягиваются черезъ руки. Остальныя части Sheitantory состоятъ изъ ужасной пытки и отвратительнаго преступленія.

Муша въ Битлисскую тюрьму въ кандалахъ. Въ Битлисѣ его жестоко избили и заставили находиться въ стоячемъ положеніи безъ пищи. Когда онъ падалъ въ обморокъ, его приводили въ сознаніе душами холодной воды и плетьми. Ему также рвали волосы и жгли тѣло раскаленнымъ желѣзомъ. Затѣмъ... (его подвергли мученіямъ, которыхъ нельзя описать)... Гамбартзума Байаджіана, послѣ его ареста, держали въ теченіе трехъ дней подъ лучами палящаго солнца. Затѣмъ его перевели въ Семаль, гдѣ онъ и его товарищи были избиты и заперты въ церковь. Имъ не позволяли выходить даже для отправленія естественныхъ нуждъ и заставляли ихъ осквернять крестильныя купели и алтари... Гдѣ вы, христіанская Европа и Америка?»

Въ числѣ четырехъ лицъ, подписавшихъ это письмо, имѣется подпись одного очень уважаемаго и богобоязненнаго духовнаго лица [1]).

Я лично знакомъ со множествомъ людей, прошедшихъ через эти тюрьмы. Исторіи, которыя они разсказываютъ о своихъ испытаніяхъ такъ ужасны, что трудно было бы повѣрить имъ, еслибъ онѣ не были вполнѣ подтверждены страшнымъ зрѣлищемъ ихъ помраченнаго разсудка, изуродованныхъ тѣлъ, глубокихъ рубцовъ и чудовищныхъ увѣчій, которые не исчезнутъ, пока могила или коршуны не поглотятъ ихъ тѣлъ. Въ пыткахъ и насиліяхъ, изобрѣтаемыхъ турецкими тюремщиками и мѣстными властями, есть нѣчто до такой степени отвратительно-фантастическое и дико-чудовищное, что простой неприкрашенный отчетъ о нихъ представляется безумствованіемъ больного діавола. Но это такой предметъ, который невозможно изложить вполнѣ откровенно.

V.

Изъ того, что было уже сказано раньше, легко можно усмотрѣть, по какимъ основаніямъ люди попадаютъ въ турецкую тюрьму въ Арменіи. Для этого достаточно, чтобы они обладали деньгами, скотомъ, хлѣбомъ, землей, женой или дочерью или, наконецъ, врагами. Мы возмущаемся, когда читаемъ о жестокостяхъ дикихъ курдовъ, совершающихъ набѣги на деревни, нападающихъ на дома, уводящихъ овецъ, захватывающихъ все имущество, которое можно унести, позорящихъ женщинъ и спокойно возвращающихся домой съ сознаніемъ, что они исполнили за этотъ день доброе дѣло. Мы называемъ это оскорбленіемъ цивилизаціи и, быть можетъ, эта квалификація правильна. Но какъ ни дурны эти дѣянія, они представляются самой милостью по сравненію съ турецкими пріемами дѣйствія, основанными на законѣ и ужасахъ тюрьмы. Человѣкъ, который по бѣдности или даже вслѣдствіе полной нищеты оказывается не въ силахъ заплатить воображаемыя недоимки по податямъ, который не желаетъ отдать заптіямъ въ видѣ «бакшиша» свою корову или буйвола, или умоляетъ ихъ поща-

[1]) Такъ какъ трое изъ подписавшихся находятся до сихъ поръ въ тюрьмѣ, то осторожность мѣшаетъ мнѣ сообщить ихъ имена, извѣстные однако *Foreign Office*.

дить честь его жены или дочери, попадаетъ въ одну изъ такихъ темницъ и никогда не выходитъ отгуда не отмѣченный неизгладимымъ клеймомъ этого мѣста. Приведемъ для примѣра одинъ изъ обычныхъ, но отнюдь не самый возмутительный случай арестованія.

Молодой человѣкъ изъ деревни Авзутъ (округъ Муша) отправился въ Россію въ поискахъ за работой и нашелъ себѣ тамъ занятіе. Онъ женился, прожилъ въ Россіи нѣсколько лѣтъ и къ концу 1892 года онъ вернулся въ свою родную деревню. Полиція, узнавъ, что прибылъ «одинъ армянинъ, жившій въ Россіи», отправила въ Авзутъ четырехъ своихъ агентовъ подъ начальствомъ Исаака Чауша. Они пріѣхали въ деревню черезъ 2 часа послѣ захода солнца; трое остались стеречь домъ снаружи, а начальникъ вошелъ въ середину. Сейчасъ же послышались выстрѣлы, онъ и молодой армянинъ Исаакъ лежали мертвые. Вслѣдствіе этого случая битлисскія власти отправили въ Авзутъ одного полковника заптіевъ для наблюденій затѣмъ, чтобы «правосудіе» было осуществлено, и его осуществили очень скоро. Полковникъ созвалъ всѣхъ жителей деревни, изъ которыхъ ни одинъ не былъ замѣшанъ въ это дѣло, и посадилъ ихъ въ тюрьму. Затѣмъ начальство изнасиловало всѣхъ дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ въ Авзутѣ, послѣ чего были освобождены всѣ мужчины, кромѣ 20, отправленныхъ въ Битлисскую тюрьму. Нѣкоторые изъ нихъ тамъ умерли, а 10 другихъ были скоро выпущены. Наконецъ, рѣшено было обвинить молодого учителя Маркара изъ деревни Вазетенисъ въ убійствѣ Исаака Чауша, и такъ какъ противъ него не было доказательствъ, то другимъ арестантамъ приказано было давать показанія противъ него.

Армяне имѣютъ репутацію лжецовъ, но они, безъ сомнѣнія, не идутъ въ этомъ отношеніи такъ далеко, чтобы давать клятвенныя показанія противъ невиннаго человѣка, особенно если отъ этого зависитъ его жизнь; въ настоящемъ случаѣ они отказались совершить двойное преступленіе лжесвидѣтельства и убійства. Для того, чтобы принудить ихъ, были употреблены всевозможныя усилія: ихъ раздѣли и били плетьми, затѣмъ жгли раскаленнымъ желѣзомъ въ разныхъ частяхъ тѣла до тѣхъ поръ, пока они начали кричать отъ боли. Затѣмъ имъ не давали спать въ теченіе нѣсколькихъ ночей и потомъ опять мучили ихъ до тѣхъ поръ, пока они, корчась и дрожа отъ пытокъ, не обѣщали давать какія угодно показанія, лишь бы ихъ освободили отъ мученій. Тогда отъ ихъ имени былъ составленъ актъ, въ которомъ свидѣтельствовалось, что Маркаръ находился въ деревнѣ, когда туда прибылъ Исаакъ Чаушъ, который и былъ убитъ имъ въ присутствіи ихъ, свидѣтелей. Подъ этимъ документомъ они подписались. Въ это же время Маркара пытали въ другой части тюрьмы.

Когда началось разбирательство дѣла и былъ прочитанъ этотъ документъ, свидѣтели сняли одежду въ судѣ, показали страшные знаки, оставленные на ихъ тѣлѣ желѣзомъ и призывали Бога въ свидѣтели того, что показаніе, исторгнутое у нихъ невѣроятными пытками, ложно. Съ другой стороны Маркаръ заявилъ, что онъ не былъ въ деревнѣ Авзутъ въ ту ночь, когда произошло убійство. Но эти заявленія не были приняты во вниманіе; Маркаръ былъ повѣшенъ въ прошломъ году, а «свидѣтели» приговорены къ заключенію въ крѣпостяхъ на разные сроки. Нѣкоторыя изъ женщинъ, изнасилованныхъ заптіями, умерли вслѣдствіе обращенія, которому онѣ подверглись.

Всѣ свѣдѣнія о тюрьмахъ Арменіи, турецкія, курдскія и христіанскія, согласуются въ главныхъ чертахъ. Я недавно пригласилъ къ себѣ одного очень почтеннаго армянина, человѣка хорошо воспитаннаго и нѣкогда состоятельнаго; онъ побывалъ въ нѣсколькихъ тюрьмахъ, куда его заключили изъ желанія овладѣть его имуществомъ. Я спросилъ его относительно обращенія съ заключенными и онъ сказалъ мнѣ слѣдующее:

«Армяне очень часто подвергаются пыткамъ; но многое зависитъ отъ мѣстныхъ условій. Нѣкоторыя тюрьмы крайне плохи и извѣстны по ужаснымъ фактамъ, совершающимся въ ихъ стѣнахъ; другія не такъ отвратительны. Эрзерумская тюрьма, наприм., далеко не такъ плоха, какъ Битлисская, хотя и тамъ пытки примѣняются иногда самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. Я полагаю, причина этого различія заключается въ томъ, что иностранные консулы въ Эрзерумѣ, почти всегда могутъ имѣть свѣдѣнія о томъ, что происходитъ въ мѣстной тюрьмѣ, и власти, зная это, воздерживаются отъ крайнихъ жестокостей.

Вопр. Въ Эрзерумѣ не примѣняются пытки?

Отв. Иногда примѣняются, но далеко не такъ часто, какъ въ другихъ мѣстахъ. Я видѣлъ тамъ «стоячій ящикъ» и знаю, что его употребляли нѣсколько времени тому назадъ, но я думаю, что имъ пользуются не часто и во всякомъ случаѣ далеко не такъ часто, какъ въ Битлисѣ.

Вопр. Что это такое «стоячій ящикъ?»

Отв. Это — небольшой шкапъ, какъ разъ такого размѣра, чтобы въ немъ могъ помѣститься только одинъ человѣкъ—по виду этотъ ящикъ напоминаетъ караулку. Заключенный въ нее не можетъ ни сѣсть, ни прислониться, ни двигаться.

Вопр. Конечно, онъ можетъ прислониться къ стѣнкамъ?

Отв. Нѣтъ, потому что на стѣнкахъ торчатъ острые желѣзные гвозди, а на полу оставлено только мѣсто, необходимое для двухъ ногъ. Заключеннаго держатъ въ такомъ ящикѣ 24, 36, 48 часовъ, словомъ сколько придется; иногда даже дольше указанныхъ выше сроковъ. При этомъ на стражѣ всегда стоятъ два заптія, которые слѣдятъ за тѣмъ, чтобы операціи производились должнымъ образомъ. Человѣкъ, подвергшійся этой пыткѣ, не получаетъ никакой пищи и питья, и ему не позволяютъ даже выходить изъ ящика для отправленія естественныхъ надобностей. Это ужасная пытка. Она была примѣнена къ учителю Маркару и къ нѣкоторымъ моимъ друзьямъ и знакомымъ. Ей подверглись: слуга Дамадіана, Сохо Шаропанъ, а также Агопъ Серопіанъ изъ Авзута, Сирко Минассіанъ, Карапетъ Молкассіанъ, Корки Мардойанъ изъ Коссельди (Буланикъ), и многіе другіе. Но эта пытка не самая жестокая. Пытка Шейтантопи, составляющая вмѣстѣ съ тѣмъ насиліе...

Да, я знаю все, относящееся къ ней. Армяне, приведенные изъ Муша въ тюрьму Гассанкалэ (многіе изъ нихъ виноваты только въ томъ, что давали показанія передъ коммиссіей, допрашивавшей ихъ относительно избіенія въ Сасунѣ), являются жертвами самыхъ возмутительныхъ преступленій. Чиновники, совершающіе надъ ними насиліе, многочисленны, и ихъ имена хорошо извѣстны; у меня подробно записаны ихъ фамиліи и адресы, и я могу сослаться на множество свидѣтелей въ подтвержденіе приведеннаго мною обвиненія. Эти негодяи

большею частью заптіи. Я видѣлъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и говорилъ съ ними, и они почти не старались скрыть страшные факты. Тюремщики богатѣютъ благодаря деньгамъ, которыя они вымогаютъ отъ заключенныхъ. Тюремщикъ въ Битлисѣ, Абдулкадеръ, котораго можно назвать человѣкомъ только потому, что онъ, нужно полагать, созданіе Божіе, получаетъ этимъ путемъ огромныя суммы. Недавно онъ истратилъ на свой домъ 500 ф. и, говорятъ, два или три турецкихъ купца ведутъ торговлю на его деньги, между тѣмъ онъ получаетъ всего 50 шиллинговъ въ мѣсяцъ жалованья. Эти деньги получаются въ видѣ взятокъ не за какую нибудь услугу заключеннымъ, а исключительно за освобожденіе ихъ отъ пытки, предпринятой единственно въ цѣляхъ вымогательства.

Слѣдующій случай можетъ дать понятіе о характерѣ той помощи, за которую приходится такъ дорого платить. Около 5 мѣсяцевъ назадъ 3 человѣка изъ деревни Кртабазъ были арестованы и заключены въ тюрьму [1]). То, что они были освобождены безъ суда черезъ 10 недѣль, служитъ достаточнымъ доказательствомъ ихъ невинности. Ихъ заключили въ тюрьму Ганссанкалэ. Помѣщеніе, въ которомъ ихъ заперли, было переполнено. Понятіе переполненія означаетъ не одно и то же въ Арменіи и въ Европѣ. *Армяне, о которыхъ идетъ рѣчь, за недостаткомъ мѣста не имѣли возможности даже лечь.* Нѣсколько курдовъ, помѣщавшихся въ той же камерѣ, пользовались особыми привиллегіями, но и имъ было предоставлено пространство всего въ $2^1/_2$ фута. Въ углу камеры дыра, продѣланная въ стѣнѣ, замѣняла отхожее мѣсто, и упомянутымъ тремъ армянамъ сказали, что они должны стоять около этой дыры и могутъ опираться о стѣну, чтобы спать.

Они находились въ такомъ положеніи въ теченіе 15 сутокъ подрядъ. Вонь, грязь, обиліе насѣкомыхъ превосходили всякое воображеніе. Черезъ 15 дней, рискуя уморить себя отъ голода, они отдали часть своей пищи нѣкоторымъ курдамъ, которые взамѣнъ того позволили имъ занять ихъ мѣста въ теченіе дня. Это было немного, потому что курды сами имѣли въ своемъ распоряженіи всего $2^1/_2$ фута; но все-таки армяне получили нѣкоторое облегченіе. Но курды были жестоко наказаны за свою услугу или предпріятіе: ихъ порція хлѣба была сокращена и они были закованы въ кандалы на нѣсколько дней. Люди, которымъ курды помогли такимъ образомъ и которые обязаны имъ жизнью, были старѣйшины деревни, ни въ чемъ неповинные: черезъ нѣсколько недѣль ихъ выпустили. потому что «они не сдѣлали ничего дурнаго».

И тѣмъ не менѣе турокъ, говорятъ, *истинный джентльменъ*, между тѣмъ армяне *лжецы и воры*. Имѣя въ виду, какъ много зависитъ отъ терминовъ, можно допустить, что это мнѣніе справедливо въ какомъ-нибудь отношеніи. Но джентльменъ не будетъ убивать безчеловѣчнымъ способомъ кошку или собаку, которыя ему не нужны. Развѣ въ такомъ случаѣ нельзя требовать, чтобы оттоманскій джентльменъ убивалъ своихъ армянъ, не подвергая ихъ мученіямъ? Развѣ не было бы дѣломъ человѣколюбія со стороны послѣдняго либеральнаго министерства устроить такъ, чтобы армянъ съ ихъ женами и дѣтьми убивали безъ мученій. Хлороформъ, синильная кислота или электричество, конечно, со-

1) Ихъ имена Веретъ, Мартиросъ, Теръ Каспаріанъ и Гульбегъ.

ставили бы улучшенія по сравненію съ «Шейтантопи», «стоячимъ ящикомъ» или раскаленнымъ желѣзомъ, и армяне и ихъ друзья имѣли бы основаніе благодарить насъ за что-нибудь. Эта мысль, правда, не вполнѣ христіанская, но, безъ сомнѣнія, она относительно гуманна. Что бы ни думали объ этомъ предложеніи въ теоріи, на практикѣ немногіе, въ положеніи армянъ, задумались бы предоставить своимъ сестрамъ, женамъ и сыновьямъ возможность положить конецъ страданіямъ.

«Армяне могли бы улучшить свое положеніе, если бы они дѣйствительно хотѣли этого», сказалъ мнѣ недавно одинъ англичанинъ съ серьезнымъ и убѣжденнымъ видомъ; имъ стоитъ только перейти въ магометанство. Безъ сомнѣнія, Богъ не накажетъ ихъ за это». Это, конечно, вѣрно, что съ того момента, какъ они приняли бы Исламъ, ихъ мученія прекратились бы, и что теперь, являясь по своимъ страданіямъ мучениками, они не получаютъ мученическаго вѣнца и считаются презрѣнными «преступниками». Многіе, силы которыхъ были слабы, нарушили свое внутреннее убѣжденіе и отказались отъ вѣры, другіе готовятся сдѣлать то же самое. Нѣкоторые изъ тѣхъ, съ которыми мнѣ приходилось говорить, спрашивали меня, посовѣтую ли я имъ спасти свои семьи отъ позора и смерти, признавъ, что существуетъ единый Богъ и пророкъ его Магометъ. Я отвѣчалъ выраженіемъ надежды, которую я питаю только отчасти, что христіанская Европа во-время придетъ имъ на помощь и избавитъ ихъ отъ необходимости выбирать между такими альтернативами. Одно несомнѣнно, — если они перейдутъ въ магометанство, то должны сдѣлать не только наружно. Отступленія быть не можетъ, потому что жестокая смерть въ самой жестокой формѣ явилась бы наказаніемъ за отступничество. Слѣдующая исторія можетъ показать, какой соблазнъ представляется для армянъ въ отношеніи религіи. Этотъ разсказъ, кромѣ того, поучителенъ и въ другихъ отношеніяхъ.

Меликъ Ага былъ вліятельнымъ и благороднымъ армяниномъ деревни Абра (округъ Буланикъ); Богъ благословилъ его сыновьями и внучатами, рогатымъ скотомъ, овцами, землей, хлѣбомъ и кормомъ. Это былъ своего рода армянскій Іовъ въ небольшомъ размѣрѣ. Благородный магометанинъ той же деревни Кіамиль Шейхъ, завидуя его богатствамъ, пожелалъ овладѣть ими и, если бы это ему не удалось, то уничтожить ихъ и ихъ владѣльца. Съ этой цѣлью онъ сжегъ сѣно и хлѣбъ Мелика; потомъ люди Шейха пришли и увели 8 лошадей его, умертвивъ 150 овецъ и оставивъ ихъ трупы на гніеніе тамъ, гдѣ они были убиты. Эта потеря была очень велика для страны, населенье которой всегда бѣдствуетъ и часто голодаетъ. Поэтому Меликъ отправился въ Конъ, гдѣ живетъ каймакамъ, и просилъ защиты закона. Пока онъ находился въ Конѣ, а его сынъ былъ на работѣ, люди Шейха, постоянно находившіеся на сторожѣ, ворвались въ домъ, убили двухъ дѣтей старшаго сына Мелика и увели его жену, которая была въ послѣднемъ періодѣ беременности. Меликъ Ага, услышавъ объ этомъ несчастіи, отправился въ Эрзерумъ, чтобы передать это дѣло властямъ вилайета. Результатомъ его жалобы было то, что Селимъ паша отправился для разслѣдованія этого дѣла и возвращенія женщины; дѣтей, конечно, нельзя уже было воскресить, и убійца остался безнаказаннымъ. Похититель отказался возвратить молодую женщину, говоря, что она публично заявитъ о своемъ переходѣ въ

магометанство. Тогда паша, обратившись къ Мелику, спросилъ: «Что вы скажете или сдѣлаете, если ваша невѣстка публично признаетъ Исламъ?»—«Я скажу, что мы тоже сдѣлаемся магометанами, чтобы у насъ не отнимали нашихъ женъ и дочерей.»

Тогда привели женщину; но Меликъ, видя, что она окружена шейхами и боится говорить правду, сказалъ пашѣ: «Она больна; черезъ нѣсколько дней она будетъ матерью. Оставьте ее въ покоѣ до тѣхъ поръ и помѣстите пока въ какомъ вамъ угодно турецкомъ домѣ въ Эрзерумѣ. Черезъ двѣ недѣли мы спросимъ ее, что она можетъ сказать». Всѣ согласились на это, и паша уѣхалъ. Черезъ 3 дня мужъ этой женщины (старшій сынъ Мелика) былъ убитъ слугами Кіамиля среди бѣла дня. Даже турецкое семейство, въ которомъ жила женщина, было охвачено ужасомъ и просило шейховъ взять ее, такъ какъ оно не желаетъ имѣть никакого отношенія къ этому дѣлу.

Вскорѣ послѣ этого второй сынъ Мелика, Мкиртичъ застрѣлилъ въ полѣ двухъ шейховъ. Это былъ очень дурной нехристіанскій поступокъ; подобные случаи даютъ поводъ честнымъ людямъ въ Европѣ жаловаться на мстительность армянъ. Мы знаемъ, что Мкиртичу слѣдовало пригласить шейховъ къ обѣду или по крайней мѣрѣ, оставить ихъ въ покоѣ; хотя существуютъ высокообразованные европейцы, даже служители христіанской церкви, лично мнѣ извѣстные, которые говорятъ: Да будетъ благословенъ Богъ за всякій инстинктъ, возмущающійся противъ такого порядка, при которомъ скотъ переживаетъ человѣка. Какъ бы то ни было Мкиртичъ и его младшій братъ, сознавая, что они и ихъ родичи погибли, скрылись въ домѣ Муссабея и объявили себя магометанами. Затѣмъ они отправили посланнаго къ своему отцу, чтобы объявить ему, какъ они поступили и посовѣтовать ему поступить также; и онъ послушался ихъ совѣта. Муллѣ было поручено преподать новообращенной семьѣ догматы Ислама и научить ее магометанскому богослуженью, и случилось такъ, что мулла оказался бывшій старый слуга Мелика, который гораздо больше былъ склоненъ принять христіанство, чѣмъ его хозяинъ, признать ученіе Корана. Меликъ, обсудивъ планъ дѣйствій съ дружески расположеннымъ къ нему муллой, отправилъ свою овдовѣвшую дочь съ взрослой дѣвочкой и тремя мальчиками въ Россію. Когда они были уже недалеко отъ границы, въ Гора-Гедукѣ, курды напали на нихъ и хотѣли отнять дѣвочку. Но она крѣпко держалась за мать и отказалась сдѣлаться жертвой гнусныхъ желаній этихъ дикарей. Тогда курды застрѣлили ее. Мать схватила трупъ дочери на спину и отнесла его въ деревню Гайраванкъ, въ трехъ миляхъ отъ Кагнемана, гдѣ убитая дѣвочка и была похоронена отцемъ Рафаиломъ. Черезъ нѣкоторое время, самъ Меликъ и остальные члены его семьи убѣжали въ Россію, покинувъ домъ, земли, кормъ, хлѣбъ, скотъ и пр. и захвативъ съ собой только немного денегъ, которыя курды отняли у нихъ на пути. Но Меликъ благодарилъ Бога за то, что ему удалось спасти свою жизнь [1]).

1) Мулла отправился въ знаменитый армянскій монастырь въ Эчміадзинѣ и принялъ христіанство.

VI.

У армянъ все больше и больше укрѣпляется убѣжденіе, что жизнь — это единственная божеская или человѣческая милость, за которую имъ придется исповѣдывать чувство благодарности. Правда, ихъ не разъ утѣшали надеждой, и съ этимъ утѣшеніемъ выступали даже мы, которые съ самаго начала помѣшали Россіи придти армянамъ на помощь и дать имъ хорошее управленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставили Турціи полную возможность устроить въ пяти провинціяхъ новую Дагомею. Дѣйствительно, иногда непроницаемый мракъ является только провозвѣстникомъ скораго разсвѣта; но для этихъ существъ жизнь — вѣчная тьма неизвѣданныхъ вертеповъ. Армяне — христіане и они обращаютъ свои взоры къ Богу, зная, что имъ нельзя надѣяться ни на кого другаго.

Не легко армянину перейти границу и вступить въ предѣлы Россіи, если у него имѣется золотая или серебряная монета или какая-нибудь одежда; не легко также женщинѣ покинуть страну, не подвергшись сначала позору, одно упоминаніе о которомъ заставляетъ кровь кипѣть отъ стыда и негодованія. «Да, но эти вещи не чувствуются армянами съ такой остротой, какъ онѣ чувствовались бы европейцами», сказала мнѣ на-дняхъ одна англійская дама.—Можетъ быть, но я говорилъ съ сотнями и сотнями армянскихъ женщинъ и не замѣтилъ подтвержденья этихъ словъ. Какіе бы пороки ни приписывались армянкамъ, цѣломудріе должно считаться одной изъ ихъ главнѣйшихъ добродѣтелей. Они доводятъ ее до невѣроятной крайности. Во многихъ мѣстностяхъ армянки даже не разговариваютъ съ чужимъ мужчиной, иначе какъ въ присутствіи мужа. Она даже не вступаетъ въ разговоры съ родственниками—мужчинами, и чистота ея и въ трущобахъ Эрзерума, и въ долинахъ Сасуна стоитъ внѣ всякаго подозрѣнія. И тѣмъ не менѣе женщины подвергаются постояннымъ оскорбленіямъ грубыхъ курдовъ и гнусныхъ турокъ, получая иногда освобожденіе только благодаря смерти. Но трудность выселенія изъ Турціи съ деньгами, одеждой или женщинами яснѣе обнаружится на нѣсколькихъ конкретныхъ примѣрахъ. Не то, чтобы турки имѣли что-нибудь противъ ухода армянъ; напротивъ (и это служитъ лучшимъ доказательствомъ существованія плана истребленія), они прямо выпроваживаютъ ихъ за границу и потомъ упорно отказываются пускать ихъ обратно.

Сара Гаройанъ, спрошенный о причинахъ, по которымъ онъ и его семья въ 10 человѣкъ эмигрировали изъ деревни Кетеръ (Байазетскій санджакъ), сообщилъ слѣдующее:

«Мы не могли оставаться, потому что Резекамъ-бей, сынъ Джіафора-ага и его люди обращались съ нами, какъ съ вьючнымъ скотомъ, и мы не могли жаловаться на нихъ, потому что они принадлежатъ къ гамидіэ. Я эмигрировалъ къ концу прошлаго года, Резекамъ явился съ своими людьми и зашелъ какъ будто въ военное время въ дома армянъ, изгнавъ ихъ самихъ. Только семи семьямъ позволили оставаться. Остальные, не зная куда дѣваться, пріютились въ церкви. Намъ пришлось кормить курдовъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, отдавать имъ нашъ хлѣбъ, овецъ и пр. и держать скотъ на пастбищѣ. Мы должны

были служить нѣкоторымъ изъ нихъ въ качествѣ вьючныхъ животныхъ [1]). Самъ Резекамъ еженедѣльно посѣщалъ деревню Каракилиссе и взималъ въ видѣ контрибуціи 10 турецкихъ фунтовъ, не считая корма, ягнятъ и пр., которые получали его люди. Наконецъ, будучи не въ силахъ нести больше это бремя, мы обратились съ жалобой къ властямъ. Онѣ прогнали насъ. Тогда одинъ курдъ, по имени Газазъ Тимеръ, приказалъ намъ подписать документъ, въ которомъ говорилось, что мы благоденствуемъ и чувствуемъ себя счастливыми. Этотъ документъ долженъ былъ быть отправленъ въ Константинополь, такъ какъ названный курдъ желалъ получить мѣсто юзбаши гамидіэ. Никто не подписалъ бумаги, и Тимеръ такъ разсердился за это, что убилъ Авака и его брата. Черезъ 5 мѣсяцевъ онъ убилъ Микасса, сына Кре, изъ деревни Манкассаръ. Когда наступила прошлая зима, Резекамъ-бей арестовалъ нашего сосѣда Саркисса, сына Саха; онъ погружалъ ему голову въ холодную воду и затѣмъ давъ ей высохнуть облилъ керосиномъ и зажегъ его волоса. Потомъ онъ пытался изнасиловать сестру Саркисса, Сару, но ее во время спрятали. Слуга Резекама, Кето, обезчестилъ жену Мурада, а черезъ нѣсколько дней, явившись въ домъ одного изъ жителей той же деревни, Авраама, приказалъ ему отправиться на работу къ Резекамъ бею. Жена Авраама, которая должна была скоро родить, просила, чтобы ея мужу позволено было остаться дома, но Кето ударилъ ее въ животъ и она родила черезъ часъ мертваго ребенка. Нѣтъ, мы не могли бы жить тамъ, даже если бы мы были животными, а не христіанами».

Мкиртичъ Мегайанъ, 35 лѣтъ, изъ деревни Купечеранъ (Байазетскій санджакъ) заявилъ: «Я эмигрировалъ въ 1894 г., потому что Аира-паша явился съ 40 курдскими семьями, разрушилъ нашу церковь и забралъ все, что у насъ было». Такая же исторія съ нѣкоторыми варіаціями сообщается изъ каждаго санджака, почти изъ каждой деревни въ 5 армянскихъ провинціяхъ. Петросъ Коздіанъ, 55 лѣтъ отъ роду, изъ деревни Арогъ (Ванскій санджакъ), показалъ слѣдующее:

«Я покинулъ родную деревню и страну съ своей семьей въ августѣ прошлаго (1894) года, потому что насъ выгнали курды, находившіеся подъ командой Три, сына Гало, котораго подстрекали къ этому турецкія власти. Онъ прежде всего явился и изнасиловалъ трехъ дѣвушекъ и трехъ молодыхъ замужнихъ женщинъ, которыхъ онъ увелъ, несмотря на ихъ крики и мольбы. Три армянина пытались защитить несчастныхъ женщинъ, которыя умоляли отнять ихъ у злодѣевъ. Но курды убили ихъ на мѣстѣ. Ихъ имена были Саркиссъ, Кячо и Кеворкъ. На другой день Три со своими людьми угналъ деревенскихъ овецъ. Мы жаловались Ванскому губернатору, но онъ сказалъ, что не можетъ вмѣшаться въ это дѣло. Черезъ 10 дней курды снова явились и захватили съ собой нашу пшеницу, ячмень и скотъ и сожгли кормъ, который не могли взять. Затѣмъ они разрушили алтарь въ нашей церкви, надѣясь найти подъ нимъ золото и серебро. Мы снова просили властей защитить насъ, но намъ сказали: «мы перебьемъ васъ какъ овецъ, если вы еще разъ осмѣлитесь придти съ жалобой на добрыхъ магометанъ». Тогда мы взяли съ собой, что могли, и направились въ Россію. Когда мы достигли Сокака, на насъ напали шесть вооруженныхъ

1) Это не рѣдкое явленіе въ Арменіи.

курдовъ; они отняли у насъ все, что у насъ было, такъ что мы перешли черезъ границу, имѣя на себѣ только одежду».

Саркиссъ Мартиросіанъ изъ деревни Учкилиссе (Алашкертскій санджакъ), сказалъ:

«Я эмигрировалъ со своей семьей, состоящей изъ пяти человѣкъ, потому что не могъ больше жить тамъ. Курды явились къ намъ, сожгли весь мой кормъ и другіе продукты, которыхъ у меня было очень много. Затѣмъ, они угнали 100 деревенскихъ коровъ, 50 воловъ и 300 овецъ. Мы не могли больше платить пошлинъ и, боясь пытокъ со стороны заптіевъ, а также голода, мы рѣшили уйти. Въ Кіатуккѣ курды отняли у насъ все, что мы имѣли, и отправили насъ черезъ границу».

Овэ Овьянцъ изъ деревни Лизъ (Булакинскій санджакъ) показалъ слѣдующее:

«Я эмигрировалъ со своей семьей, состоящей изъ восьми человѣкъ, потому что насъ прогнали курды, находившіеся подъ командой Терпой-Неато, который дѣйствовалъ съ согласія султанскихъ властей. Онъ явился въ нашу деревню и захватилъ три упряжки воловъ, 70 овецъ и 2 муловъ. Черезъ мѣсяцъ они угнали еще 70 овецъ и 2 муловъ, а впослѣдствіи еще 17 моихъ овецъ. Насъ было 250 армянскихъ семействъ, но мы ничего не могли сдѣлать противъ шайки курдовъ, потому что не имѣли огнестрѣльнаго оружія. Однажды ночью они выломали мою дверь и унесли съ собою одежду и украшенія женщинъ и увели 2 коровъ. Модего Тило, видя, что одинъ изъ нашихъ сосѣдей имѣетъ красивую дочь, увелъ ее и заставилъ перейти въ магометанство. Отецъ дѣвушки жаловался Битлисскому вали, который приказалъ Копскому каймакаму наказать плетьми жалобщика и посадить его на 7 дней въ тюрьму. Это было исполнено, и когда его освободили, то предупредили, что онъ будетъ замученъ до смерти, если еще разъ явится съ жалобой. Моя семья вмѣстѣ съ четырьмя другими переселилась тогда въ Россію. Въ Акадзинѣ курды напали на насъ и отняли все, что у насъ было».

Качо Карапетіанъ изъ деревни Кіавурми (Кнусскій санджакъ) заявилъ слѣдующее:

«Мнѣ сорокъ пять лѣтъ. Причина, по которой я эмигрировалъ съ своей семьей, заключается въ томъ, что турецкія власти дозволили курдамъ подъ начальствомъ Кіасо ограбить меня, послѣ чего турецкіе заптіи явились ко мнѣ и потребовали податей, которыхъ я не могъ уплатить. Начальникъ заптіевъ сказалъ: «у васъ нѣтъ денегъ, но есть красивая жена, отдайте мнѣ ее и я вамъ выдамъ расписку въ полученіи налоговъ». «Я устроилъ такъ, что моя жена скрылась въ другомъ домѣ, и когда турецкій чиновникъ увидѣлъ, что онъ не можетъ ее обезчестить, онъ наказалъ меня. Сначала на меня лили холодную воду, потомъ лицо растирали навозомъ и грязью и, наконецъ надѣли на шею ремень. Потомъ меня таскали по всей деревнѣ; когда это окончилось, то у меня отняли вола, который составлялъ все мое имущество и если бы не этотъ волъ, они лишили бы меня жизни. Послѣ этого я бѣжалъ со своей семьей; у насъ было всего два турецкихъ фунта денегъ, но солдаты остановили насъ и отняли эти деньги, такъ что мы ступили въ Россію, не имѣя при себѣ рѣшительно ничего“.

Планъ истребленія, очевидно, дѣйствуетъ регулярно и хорошо. Христіанское населеніе истребляется, деревни переходятъ въ другія руки почти такъ же быстро, какъ мѣняются декораціи въ комической оперѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ исходъ въ Россію и погребальное шествіе на кладбище возрастаютъ. Здѣсь не мѣсто давать списокъ деревень, перешедшихъ въ магометанство, но одинъ типическій примѣръ поможетъ составить себѣ представленіе о томъ процессѣ, который теперь совершается. Въ провинціи Алашкердъ, граничащей съ Россіей, существуетъ пять деревень на востокъ отъ Каракилиссе, именно: Кедръ (или Кэтеръ) Мангосаръ, Джаджанъ, Зиро и Кубкеранъ. Эйубъ-Паша послалъ своихъ сыновей, чтобы занять эти деревни. Они — курды изъ племени Залапли и всѣ состоятъ офицерами гамидіэ. Генералъ Эйубъ имѣетъ трехъ сыновей—Ресго-бея, Канидъ-бея и Юсуфъ-бея, и эти доблестные офицеры со своими солдатами выступили прошлою весной и заняли названныя деревни. Тамъ было въ то время около 400 армянскихъ домовъ т.-е. приблизительно около 3000 жителей христіанъ. Теперь въ этой мѣстности не осталось ни одного. Только одинъ изъ прежнихъ жителей по имени Аведисъ-Аса остался въ странѣ, но и онъ живетъ въ другой деревнѣ, Юнджану. Онъ былъ богатымъ человѣкомъ, когда явились курды; теперь онъ нищій. Армяне были совершенно изгнаны въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ при помощи такихъ мѣръ, которыя должны быть отнесены къ категоріи сильно дѣйствующихъ средствъ. Вотъ примѣръ: однажды курды встрѣтили Маркара, сына Гуго, везшаго изъ поля домой свой хлѣбъ. Они потребовали, чтобы онъ далъ имъ свою арбу, но онъ отвѣчалъ, что онъ теперь занятъ, какъ они сами видятъ это, но позднѣе можетъ исполнить ихъ желаніе. Они убили его на мѣстѣ за непослушаніе и бросили его тѣло на повозку. Тридцать поселянъ отправились со своими дѣтьми въ Каракилиссе, чтобы жаловаться каймакаму. Послѣдній заставилъ ихъ прождать на открытомъ воздухѣ одиннадцать дней; затѣмъ, выслушавъ ихъ, сказалъ имъ, чтобы они отправлялись въ Россію.

Въ Битлисскомъ вилайетѣ (Буланикская каза и Мушскій санджакъ) находится деревня по имени Хачъ, что значитъ въ переводѣ деревня креста. Теперь это — деревня полумѣсяца. Средства, при помощи которыхъ была произведена эта внезапная перемѣна, были тѣ же, какія описаны выше. Магометъ Эминъ привелъ шайку курдовъ (изъ племенъ Джидракли и Каспакли) и занялъ деревню т.-е. взялъ ее штурмомъ и по ихъ собственному живописному выраженію «сѣлъ въ ней». Къ счастью, она расположена всего въ разстояніи пяти миль отъ мѣста жительства турецкаго вице-губернатора; но къ несчастью для населенія, онъ отказался двинуть пальцемъ, и всѣ жители были изгнаны, какъ бараны.

Послѣ этого, побѣдители принялись грабить сосѣднія деревни и въ особенности Пиранъ, расположенный на разстояніи одной мили. Эти деревни также перешли бы къ магометанамъ, если бы у одного изъ деревенскихъ старшинъ не явилась счастливая идея — предложить одному курду поселиться со своими людьми въ Пиранѣ; онъ получилъ *двадцать пахатныхъ полей, 10 луговъ* и большой двухъ-этажный домъ, который былъ выстроенъ спеціально для него архитекторомъ изъ Битлиса; за это этотъ курдъ взялся защищать армянъ отъ Магомета Эмина и его веселыхъ молодцовъ.

Когда я уѣзжалъ изъ Арменіи, триста шесть наиболѣе видныхъ представителей населенія Кнусскаго округа подали мнѣ за своею подписью петицію, которую они просили передать «гуманному и благородному народу Англіи». Въ этомъ документѣ они справедливо говорятъ:

«Мы торжественно увѣряемъ васъ, что рѣзня бывшая въ Сасунѣ составляетъ только каплю въ томъ океанѣ армянской крови, которая постепенно и безмолвно проливается во всей имперіи послѣ русско-турецкой войны. Годъ за годомъ, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, день за днемъ невинныхъ людей, не исключая женщинъ и дѣтей, застрѣливаютъ, закалываютъ и убиваютъ въ ихъ домахъ и на поляхъ, пытаютъ варварскими способами въ грязныхъ тюрьмахъ или обрекаютъ на гибель въ изгнаніи подъ палящимъ солнцемъ Аравіи. Въ то время, какъ разыгрывалась эта длинная и страшная трагедія, не раздалось ни одного голоса во имя милосердія и не протянулась ни одна рука, чтобы помочь намъ. Эта трагедія продолжается до сихъ поръ, но теперь она вступила уже въ свою заключительную фазу, и армянскій народъ находится при послѣднемъ издыханіи. Неужели европейское сочувствіе должно выразиться только въ формѣ креста на нашихъ могилахъ?»

VII.

Я получилъ также два трогательныхъ воззванія отъ женщинъ Арменіи, скрѣпленныхъ ихъ подписями и обращенныхъ къ ихъ сестрамъ въ Англіи. То, чего *онѣ* просятъ, очень скромно: это, чтобы ихъ защитили отъ безчестія. Но до тѣхъ поръ, пока общіе выборы не дали намъ сильнаго правительства съ опредѣленными намѣреніями, казалось, что и эти женщины просятъ невозможнаго.

Англійскій народъ не имѣетъ даже приблизительнаго понятія о томъ, въ какихъ размѣрахъ молодыя женщины и дѣвушки во всей Арменіи подвергаются позору со стороны турецкихъ солдатъ, заптіевъ, курдскихъ офицеровъ и разбойниковъ; при чемъ позоръ ихъ сопровождается такими страшными жестокостями, которыя завершаются мучительной смертью. Дѣвочки 11 или 12 и даже 9 лѣтъ вырываются изъ семьи и дѣлаются жертвами насилій со стороны «людей», имена которыхъ извѣстны и которые встрѣчаютъ въ своихъ поступкахъ одобреніе представителей закона и порядка. Эти представители сами — чудовища, — животныя, страсти которыхъ своимъ убійственнымъ ядомъ губятъ «нѣжную, чистую и невинную жизнь».

Похищенья, насилія, оскорбленія, не имѣющія имени и совершаемыя съ неумолимой безпощадностью, сдѣлались обычнымъ явленіемъ въ повседневной жизни Арменіи. И турецкій «джентльменъ» одобрительно улыбается. Я лично собралъ свѣдѣнія о 300 такихъ случаяхъ и слышалъ о безконечномъ числѣ ихъ.

Въ 1893 году солдаты гамидіэ явились въ домъ Кумаро (деревня Тортанъ), приказали приготовить имъ постели и затѣмъ заставили всѣхъ молодыхъ жен-

щинъ служить ихъ гнуснымъ инстинктамъ [1]). Въ Байбурдѣ, между Эрзерумомъ и Трапезундомъ, солдаты похитили дочь Хейерана, Фенедо и затѣмъ заставили ее перейти въ магометанство [2]). Въ Думанѣ (Кнусскій санджакъ) Кало и его товарищи схватили молодую дочь армянскаго священника, изнасиловали ее и заставили признать Исламъ. Въ той же деревнѣ Мушафи изнасиловалъ Варо, дочь Шебо, и заставилъ ее сдѣлаться магометанкой. Въ Тортанѣ молодая дѣвушка Дильбаръ, дочь Ассо была похищена двумя курдами. Жалобы, обращенныя къ турецкимъ властямъ, оказались тщетны. Черезъ нѣсколько дней сами турки, въ числѣ 5 человѣкъ, похитили двухъ другихъ молодыхъ дѣвушекъ, Тулеранъ и Ягудъ, Мардиросса Іенгойана [3]) изъ дер. Бадиveганъ. заставили отдать 12 ло-

Ученицы Армянской школы въ Мушѣ.

шадей, содержать трехъ курдовъ и, наконецъ, предоставить имъ на позоръ свою жену [4]). Въ прошломъ году молоденькая дѣвушка по имени Маріамъ, дочь Соломона изъ деревни Кортазъ, похищена Кало, который увелъ ее и заставилъ перейти въ магометанство. Въ 1893 г. 6 курдовъ явились въ деревню Геки,

1) Показаніе Акопа Теръ-Марторосіанъ и др.

2) Показаніе Харутюпа Харутюніана.

3) Санджакъ Гассанкалэ.

4) Его собственное показаніе.

вошли въ домъ Карапета Киракосіана и заставили хозяина дать имъ самимъ много пищи, а лошадямъ корма. Наѣвшись они пошли въ садъ и ѣли тамъ зеленые фрукты и огурцы до тѣхъ поръ, пока не заболѣли. Тогда они обвинили Карапета въ томъ, что онъ отравилъ ихъ, и принялись наказывать его достойнымъ образомъ. Они крѣпко привязали его къ одному изъ столбовъ въ домѣ, затѣмъ схватили его жену и поочереди подвергли ее безчестью. Послѣ этого они заявили несчастному человѣку, что освободятъ его, если онъ заплатитъ имъ извѣстную сумму денегъ.

7 ноября одинъ турокъ изъ города Байазета потребовалъ отъ Аветиса Кржойана уплаты небольшого долга. Армянинъ не располагалъ въ это время деньгами, просилъ своего кредитора подождать нѣсколько недѣль. Турокъ отказался и заявилъ, что желаетъ взять себѣ жену Кржойана, какъ залогъ по долгу. Мольбы и слезы оказались напрасны; женщину увели и заставили принять мусульманство. Она никогда уже не можетъ вернуться къ своему мужу.

Въ деревнѣ Кассо Веранъ (Бассенъ) одна дѣвушка по имени Сельви была взята туркомъ, какъ залогъ по долгу ея отца. Кредиторъ держалъ ее у себя три мѣсяца и обезчестилъ; онъ не согласился отпустить ее, прежде чѣмъ Кирагосъ Оконисіанъ не поручился за должника; но такъ какъ долгъ не былъ уплоченъ, то турокъ и до сихъ поръ имѣетъ право залога на дочь. Такіе факты не могутъ считаться явленіемъ совершенно исключительнымъ; хотя мнѣ лично извѣстны только три подобныхъ примѣра, я слышалъ болѣе чѣмъ о 20 фактахъ этого рода въ разныхъ частяхъ Арменіи.

На другой день послѣ Рождества прошлаго года Серопъ Сарксіанъ, поселянинъ деревни Озагъ (Мушъ), былъ внезапно превращенъ въ нищаго однимъ курдомъ, по имени Магсонъ, которому, какъ и его товарищамъ, нѣтъ основанія опасаться закона. Магсонъ сжегъ хлѣбные амбары Сарксіана, и затѣмъ изнасиловалъ и увелъ двухъ его дочерей. Нужно замѣтить, что одной изъ этихъ дѣвочекъ, Фиданѣ, было ровно 12 лѣтъ, а сестрѣ ея, Алиназдѣ, только 9. А Магсонъ? Онъ пользуется глубокимъ уваженіемъ своихъ единовѣрцевъ, которые всегда ликуютъ, когда христіане, мужчины или женщины, обращаются отъ религіознаго мрака къ свѣту источника вѣры. Поэтому мусульмане только хвалили курдовъ, которые похитили 23 декабря прошлаго года маленькую дочь Каттига изъ деревни Іонджалу (Буланикъ), и одобряли двухъ слугъ курдскаго начальника Тиджина, которые, явившись въ деревню Шерваншейгъ (Буланикъ), изнасиловали племянницу Серко Гушдіана, Вартухи, и заставили ее перемѣнить вѣру. Такія дѣянія считаются заслугами.

Не только совершенно безполезно, но часто положительно опасно обращаться съ жалобами къ властямъ, которыя отъ мала до велика сами принимаютъ участіе въ этомъ восточномъ «спортѣ». Кіатибъ Алай среди бѣлаго дня вошелъ въ домъ Ованесса Гуликіана (дер. Каратизубанъ въ Кнуссѣ), похитилъ 15-лѣтнюю дочь Ованесса и отправилъ ее въ Трапезундъ. Отецъ ея жаловался, просилъ властей вернуть ему дочь, и, ради справедливости, нужно замѣтить только, что, насколько мнѣ извѣстно, онъ не былъ подвергнутъ наказанію.

Вице-губернаторъ Арабсира арестовалъ и изгналъ изъ города нѣсколькихъ жителей, жены которыхъ считались выдающимися по красотѣ во всей Арменіи.

Затѣмъ онъ приступилъ къ исполненію своего плана, но встрѣтилъ заслуженный отпоръ. Послѣ этого несчастныя женщины *застрѣлились* въ своихъ домахъ, отказавшись впустить туда вице-губернатора и его людей, которые сказали своимъ жертвамъ, что ихъ мужья будутъ возвращены только въ томъ случаѣ, если онѣ удовлетворятъ желаніе своихъ мучителей.

Въ слѣдующемъ случаѣ я принималъ живѣйшій интересъ, потому что я хорошо знакомъ съ жертвой и ея семьей. Ее зовутъ Люссина Мюссегъ и родиной ея была деревня Кнуссабердъ. Люсина родилась въ 1878 г. и въ дѣтствѣ ходила въ армянскую миссіонерскую школу въ Эрзерумѣ, гдѣ ей преподавали ученіе евангелической церкви, къ которой отецъ ея Агаджанъ Кемаліанъ всегда чувствовалъ сильную склонность. Армянскія дѣвушки подвержены постоянной опасности похищенья со стороны турокъ и курдовъ и родители находятся въ вѣчной заботѣ о томъ, какъ защитить своихъ дѣтей отъ несчастія, оканчивающагося иногда смертью. Средства защиты, къ которымъ прибѣгаютъ армяне, заключаются въ очень раннихъ бракахъ или въ переодѣваніи дѣвочекъ мальчиками [1]). Я зналъ дѣтей, которыхъ брали изъ школы, вѣнчали и потомъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ихъ супружеской жизни снова отсылали въ школу. Это именно случилось и съ Люсиной; ее взяли изъ школы въ 14-ти-лѣтнемъ возрастѣ, обвѣнчали съ мальчикомъ такого же возраста, по имени Миликинъ, и когда она прожила съ мужемъ подъ кровомъ его отца, ее снова отправили въ протестантскую школу. Однажды ночью, во время отсутствія мужа она была схвачена нѣсколькими людьми, которые волокли ее за волосы, заткнули ей ротъ и принесли въ домъ Гусcни-бея. *Этотъ человѣкъ—сынъ мѣстнаго вице-губернатора.* Онъ обезчестилъ молодую женщину и на другой день отправилъ ее домой, но мужъ отказался принять ее, и теперь она лишена близкихъ и одинока [2]).

Отецъ Люсины обратился съ жалобой къ полковнику гамидіэ и подалъ просьбу приходскому священнику. Архіепископъ эрзерумскій также взялъ это дѣло въ свои руки и обратился къ генералъ-губернатору вилайета и Кнусскому суду. Но все оказалось безполезно. Люсина теперь парія. Въ своемъ воззваніи къ англійскимъ женщинамъ, которое слишкомъ длинно и наивно, чтобы приводить его здѣсь, она говоритъ:

«Мы терпѣливо выносили наши страданія, когда у насъ отнимаютъ нашъ хлѣбъ, масло и медъ и оставляютъ насъ голодными бѣдняками; мы преклоняемъ головы съ грустнымъ покорствомъ, когда курды и турки вырѣзали нашу родню. Но должны ли мы молчать и покоряться даже тогда, когда наша раса отравляется въ самомъ корнѣ? Когда матери-дѣти и малютки-дочери подвергаются насиліямъ со стороны дикарей? Скажите, сестры-христіанки, неужели въ самомъ дѣлѣ нѣтъ средства противъ этого зла?.. Мы не просимъ ни отмщеній ни привилегій; мы просимъ только, чтобы.., но должна ли я объяснять это англійскимъ матронамъ, женамъ и сестрамъ?.. Хотя мы армяне, но мы христіане;

1) Въ дер. Пшку, напр., дочь Тепана Ага одѣвалась мальчикомъ. Ее арестовали за это и продержали нѣкоторое время въ Эрзерумской тюрьмѣ, такъ какъ это тоже преступленіе.

2) Она вручила мнѣ воззваніе къ англійскимъ женщинамъ за ея подписью и съ ея фотографіей.

меня, какъ и васъ, воспитывали въ протестантской школѣ; какъ и вы, я черпаю свои нравственныя правила изъ Библіи; меня, какъ и васъ, учили мыслить и чувствовать... Ради Бога, которому мы съ вами поклоняемся, помогите намъ, сестры-христіанки, пока еще не поздно; и примите благодарность отъ матерей, женъ, сестеръ и дочерей моего народа и съ ними вмѣстѣ отъ той, для которой, несмотря на ея юность, смерть явилась бы желаннымъ избавленіемъ».

Подписано: *Люсина Мюссегъ.*

Я получилъ также скорбное воззваніе къ англійскимъ женщинамъ отъ нѣсколькихъ сотенъ армянокъ изъ округа Кнуссъ; онѣ молятъ, какъ о высшей милости, защитить ихъ отъ жестокаго обращенія, которому ихъ подвергаютъ. Печатать это воззваніе здѣсь безполезно: писанные призывы рѣдко оказываютъ сильное вліяніе. Еслибы читатель видѣлъ самихъ этихъ несчастныхъ женщинъ, какъ я ихъ видѣлъ, и слышалъ ихъ печальную повѣсть изъ ихъ собственныхъ устъ, разсказанную простыми словами, подкрѣпляемую стонами и рыданіями и иллюстрированную ихъ нищетой и бѣдствіями, онъ могъ бы тогда составить себѣ понятіе о положеніи дѣлъ въ Арменіи—положеніи, которое въ добрыя старыя времена теократіи привлекло бы на виновныхъ небесный огонь. Наприм., въ деревнѣ Бегли-Ахмедъ я встрѣтилъ женщину около 28 лѣтъ, одѣтую въ лохмотья, съ блѣднымъ изнуреннымъ мальчикомъ 12-ти лѣтъ, который страдалъ отъ страшнаго кашля и выглядѣлъ тифознымъ больнымъ лѣтъ 6-ти или 7-ми. Я просилъ ее разсказать мнѣ ея исторію и вотъ что она сказала:

«Меня зовутъ Агилассъ Манукіанъ. Я изъ деревни Кыртъ (округа Кнуссъ). Мы отлично жили, но курды отобрали у насъ все, что мы имѣли—все, эффенди; тѣмъ не менѣе мой бѣдный мужъ продолжалъ работать на меня и моего ребенка, хотя намъ приказали уходить. Однажды, когда я несла пищу моему мужу въ поле, они ударили меня по головѣ и обезчестили... Это было днемъ...

— Это случилось въ полдень, мама, когда ты несла отцу хлѣбъ», перебилъ ребенокъ-призракъ.

Я никогда въ жизни не видѣлъ болѣе печальной картины, чѣмъ эти два родныя безнадежныя существа, дрожавшія отъ холода, и этого умирающаго ребенка, который такъ просто сообщалъ о томъ, что нѣсколько сосѣднихъ курдовъ на его глазахъ обезчестили его мать [1]).

Потомъ она продолжала:—Я жаловалась старшему офицеру шейху Мураду, но бимбаши жестоко билъ меня по головѣ и спинѣ и вытолкнулъ вонъ. Затѣмъ, прошлой весной, когда мой мужъ снялъ хлѣбъ, Али Махмедъ явился и убилъ его.

— Убилъ осью, мама, сказалъ ребенокъ.

— Мы теперь одиноки на свѣтѣ, блуждаемъ и нищенствуемъ и никто насъ не знаетъ, сказала женщина.

Давъ ей нѣсколько монетъ, я поспѣшилъ прочь, тщетно стараясь отдѣлаться отъ страшнаго впечатлѣнія, которое какъ ужасный призракъ преслѣдовало меня потомъ цѣлыя недѣли.

1) У меня есть фотографія несчастной женщины.

Сасунская рѣзня заставила содрогнуться самыя холодныя сердца. Но это избіеніе было небесною милостью въ сравненіи съ адскими дѣяніями, которыя совершаются каждую недѣлю и каждый день въ теченіе года. Жалобные стоны голодающихъ дѣтей, стенанья стариковъ, которымъ привелось увидѣть дѣла, не поддающіяся описанію, страшные крики насилуемыхъ дѣвушекъ и нѣжныхъ малютокъ, вопли матерей, лишившихся дѣтей, благодаря преступленіямъ, по сравненію съ которыми убійство было бы благодѣяніемъ; нечеловѣческій визгъ женщинъ, извивающихся подъ лозами, эти тщетные голоса крови и мученія, умирающіе въ пустынѣ, не встрѣтивъ отклика ни на землѣ, ни на небѣ; все это вмѣстѣ взятое оставляетъ въ тѣни Сасунъ и всѣ его ужасы.

Таковы дѣла, за которыя мы несемъ нравственную отвѣтственность; и несмотря на то, что либеральному правительству были извѣстны эти факты и другія аналогичныя имъ, лордъ Кимберлэй не нашелъ возможнымъ выступить противъ нихъ и счелъ неудобнымъ ихъ обнародовать. Къ счастью, существуютъ серьезныя основанія ожидать, что лордъ Салисбюри, который только одинъ изъ всѣхъ англійскихъ государственныхъ людей повидимому понимаетъ всѣ трудности этого вопроса, усыпаннаго терніями, найдетъ (?) дѣйствительныя средства, чтобы сразу положить скорый конецъ армянскому аду.

Эм. Диллонъ.

Армянскія сироты въ Смирнѣ.

Письма турецкихъ жертвъ изъ Малой Азіи.

(1895—1896 гг.).

I.

Недавно появившаяся книга подъ заглавіемъ: Les Massacres d'Arménie, содержитъ въ себѣ 34 письма малоазіатскихъ армянъ и предисловіе, принадлежащее видному политическому дѣятелю, Клемансо. Мысль объ изданіи этихъ писемъ принадлежитъ живущимъ въ Европѣ армянамъ, желающимъ познакомить Европу съ истиннымъ положеніемъ вещей въ Малой Азіи во время бѣдствія, постигшаго ихъ собратій.—Тонъ большинства писемъ производитъ впечатлѣніе страданія и запуганности. Авторъ письма изъ Эгины, написаннаго въ присутствіи мудира (мера общины) боится даже называть убійцъ, говоритъ о событіяхъ сдержанно, кое о чемъ вовсе умалчиваетъ [1]). Мы не можемъ, говорится въ прошеніи Байбурдскихъ женщинъ, поданномъ турецкимъ слѣдственнымъ коммиссарамъ, называть имена (мусульманскихъ зачинщиковъ) вслѣдствіе слышимыхъ угрозъ и полнаго отсутствія безопасности [2]). Самыя письма, принадлежащія столь разнымъ по положенію и по другимъ признакамъ личностямъ, больше чѣмъ изъ 20 мѣстностей и написанныя главнымъ образомъ для того, чтобы подѣлиться

[1]) Стр. 167—169.
[2]) Стр. 66.

горемъ съ своими родными и знакомыми, представляютъ достаточныя и надежныя данныя для возстановленія событій, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ чертахъ. Попытаемся на основаніи ихъ дать читателю понятіе о ходѣ и характерѣ бѣдствій, постигшихъ малоазіатскихъ армянъ отъ октября 1895 г. до февраля 1896 года.

Катастрофѣ во многихъ мѣстностяхъ предшествуетъ общее тревожное состояніе, хорошо изображенное въ письмѣ изъ Муша 22-го ноября 1895 г. (по старому стилю). „Въ настоящее время, говорится въ немъ, армянское населеніе въ городѣ и въ окрестностяхъ находится въ страхѣ, вслѣдствіе ежедневно слышимыхъ страшныхъ угрозъ. Жизнь, имущество и честь въ опасности, и общее избіеніе кажется неминуемымъ. Рынокъ и общественныя мѣста закрыты; сообщенія съ деревнями, даже находящимися въ долинѣ Мушъ, прерваны [1]). Здѣсь и тамъ происходятъ отдѣльные или массовые насилія и грабежи, производимые туземцами изъ мотивовъ добычи, личной мести и другихъ; въ воздухѣ чувствуется, что всякая расправа надъ армянами останется безнаказанной.

Такъ, въ деревню Гававъ является разбойникъ Кашикъ и требуетъ съ армянина М. 15 турецкихъ лиръ, говоря, что онъ 20 лѣтъ тому назадъ проигралъ такую сумму денегъ противъ дѣда этого армянина. Нѣсколько дней спустя въ ту же деревню является депутація беевъ изъ Палу и требуетъ во имя этихъ беевъ отдачи всего хлѣба собраннаго въ этотъ годъ, угрожая въ случаѣ неповиновенія привести турокъ и курдовъ и сжечь деревню [2]). 15-го октября 1895 г. въ воскресенье армянскій банкиръ Погосъ получаетъ пять ударовъ кинжаломъ отъ четырехъ турокъ, послѣ чего умираетъ черезъ четверть часа. Весь городъ приходитъ въ волненіе, вездѣ крики, угрожающіе избіеніемъ армянамъ.

Утромъ въ понедѣльникъ турки производятъ нападеніе на рынокъ, поощряемые полиціей и солдатами, грабятъ лавки, крича: убьемъ армянъ! слава Магомету [3])! И потомъ, когда уже за истребленіе армянъ принимается армія регулярная и иррегулярная, враждебные армянамъ туземцы продолжаютъ свое дѣло, являясь дѣятельными соучастниками организованнаго избіенія.

Предчувствуя свою неминуемую бѣду, жертвы бросаются къ мѣстнымъ властямъ и тутъ-то встрѣчаютъ самыя лживыя и самыя пышныя увѣренія, чтобы армяне не безпокоились, шли домой и занимались своими дѣлами, что они, т.-е. начальство отвѣчаютъ за порядокъ. А между тѣмъ въ это время, пока армяне подъ вліяніемъ такихъ предательскихъ рѣчей успокаиваются и возвращаются къ обычнымъ занятіямъ, за кулисами производятся дѣятельныя приготовленія къ избіенію тѣми же увѣрявшими въ безопасности властями, распространяются нелѣпые слухи между мусульманами, чтобы раздражить ихъ противъ армянъ, раздается оружіе для предстоящаго нападенія. Такъ напр. было въ Эрзингіанѣ, гдѣ вслѣдъ за увѣреніями властей происходитъ нападеніе на рынокъ, во многихъ мѣстахъ являющійся по весьма понятнымъ причинамъ мѣстомъ первоначальнаго

[1]) Стр. 84—85.

[2]) Письмо изъ Палу, стр. 182—183.

[3]) Урфа, стр. 239—241.

разграбленія [1]) и избіенія армянъ; тоже было въ Харпутѣ [2]), въ Арапкирѣ [3]), въ Гусни-Манзурѣ [4]). Въ Палу капитанъ Гуссейнъ-бей членъ административнаго совѣта въ казѣ, въ одно и тоже время успокаиваетъ обратившихся къ нему армянъ, представителей мѣстнаго сельскаго общества, и тайно сносится съ курдами, даетъ имъ инструкціи на счетъ предстоящаго разгрома, армянъ же увѣряетъ, что онъ переговаривался съ курдами о томъ, чтобы они были подальше отъ армянскихъ деревень,—онъ даже для виду арестовываетъ извѣстныхъ курдскихъ разбойниковъ, которыхъ затѣмъ потихоньку отпускаетъ на свободу [5]). Въ Трапезунтѣ мѣстный вали (начальникъ вилайета, губернаторъ) Кадри-Бей клянется присланнымъ отъ мѣстнаго армянскаго епископа людямъ, что никто не осмѣлится сдѣлать вреда армянамъ и даже прибавляетъ: на васъ нападутъ, только перейдя чрезъ мой трупъ. А въ то же время турки закупаютъ на базарѣ револьверы, полиція обезоруживаетъ армянъ, муллы и власти возбуждаютъ толпу разными баснями и слухами, мѣстное начальство раздѣляетъ турокъ на группы, распредѣляетъ между ними оружіе, патроны и назначаетъ день нападенія [6]). Въ Гуссейникѣ турецкія и курдскія власти, склоняя армянъ выдать оружіе, клянутся именемъ Пророка, что никто ихъ не тронетъ, а немного времени спустя начинается рѣзня [7]). Впрочемъ тонъ властей мѣняется, разъ только увѣренія достигли своей цѣли и армяне попали въ ловушку. Тогда власти начинаютъ выговаривать армянскимъ депутатамъ за преувеличеніе, арестовываютъ наиболѣе почтенныхъ лицъ [8]), требуютъ выдачи виновныхъ [9]), выдачи оружія [10]) — каковое обезоруженіе опять-таки дѣлается въ виду приготовляющагося нападенія [11]), наконецъ въ довершеніе крайняго цинизма вынуждаютъ у жертвъ петицію благодарности султану [12]). Съ этого начинаетъ слѣдственная коммиссія въ Мушѣ, посланная туда послѣ избіенія, чтобы ввести реформы. Коммиссія эта упрекаетъ мѣстныя власти за то, что они не вынудили благодарственной петиціи у армянъ, и тутъ же власти начинаютъ принуждать армянскихъ представителей подписать благодарственную телеграмму султану [13]). Такимъ же образомъ въ Палу за день до страшныхъ избіеній жертвы благодарятъ султана за возстановленіе порядка при содѣйствіи прибывшихъ войскъ [14]), въ Марашѣ они въ петиціи, при таковыхъ же обстоятельствахъ составленной, признаютъ, что они хотѣли избить мусульманъ и что отвѣтственность за безпорядки падаетъ на нихъ [15]).

1) Напр. въ Кесареѣ стр. 227, въ Урфѣ стр. 240—241 въ Сивасѣ стр. 222.
2) Стр. 138—140.
3) Стр. 164
4) Стр. 217—218.
5) Стр. 183—185.
6) Стр. 21—25.
7) Стр. 132.
8) Эрзингіанъ, стр. 53—54, Урфа стр. 246.
9) Трапезундъ, стр. 24.
10) Арапгиръ, стр. 142—143.
11) Арапгиръ, стр. 142—144.
12) Арапгиръ, стр. 149.
13) Мушъ, стр. 88.
14) Палу, стр. 184—185.
15) Марашъ, стр. 236.

Систематичность, съ которой дѣлаются приготовленія къ рѣзнѣ, поразительна. Всѣ средства пущены въ ходъ, предусмотрѣны малѣйшія детали. Мѣропріятія для истребленія армянъ предательски облекаются въ форму мѣръ, припятыхъ для ихъ защиты. Въ Урфѣ мутессарифъ (инстанція слѣдующая за вали, начальникъ округа, санджака) говоритъ армянскому духовенству и представителямъ: „идите, ничего не бойтесь, я пошлю въ вашъ кварталъ войско для защиты, и дѣйствительно посылаетъ 3000 регулярнаго войска и 1500 гамидіе (иррегулярная курдская кавалерія), которые и производятъ нападеніе на армянскія жилища [1]. Въ Гусни-Манзурѣ власти раздаютъ мусульманскому населенію 200 ружей системы Мартини якобы для защиты христіанъ, изъ коихъ многіе на другой день были ранены патронами этихъ самыхъ ружей [2]). Такая же раздача оружія происходитъ въ Трапезунтѣ, въ Арапгирѣ, гдѣ передъ избіеніемъ всѣ Турки были снабжены оружіемъ, начиная съ стариковъ и кончая одиннадцатилѣтними, въ Урфѣ [3]). Рядомъ съ этимъ происходитъ обезоруженіе мѣстнаго армянскаго населенія, чтобы сдѣлать его беззащитнымъ, предпринимаемое опять-таки подъ разными благовидными предлогами, напр. чтобы армяне этимъ доказали свою покорность, какъ это было въ Гуссейникѣ [4]), въ Урфѣ, въ Трапезунтѣ. Въ Трапезунтѣ заранѣе назначается день избіенія. Турки съ этою цѣлью раздѣляются на группы, принимаются мѣры для распознанія жертвъ отъ другихъ національностей,—съ этою цѣлью учреждается особое шпіонство, самъ вали Кадри-бей, произносившій, какъ мы видѣли выше, предательскія успокоенія, въ день рѣзни, окруженный турецкими бандитами, даетъ лично указанія, кого убивать, главнымъ образомъ богачей. Въ Харпутъ переселяются войска, стоявшія въ Арапгирѣ и наоборотъ для того, чтобы виновники злодѣяній не могли быть узнаны мѣстнымъ населеніемъ, въ Харпутѣ же призываются къ оружію редифы подъ предлогомъ защиты мѣстнаго населенія; часть редифовъ переодѣваютъ крестьянами и посылаютъ въ деревни для грабежей, наоборотъ деревенскихъ жителей переодѣваютъ солдатами и даютъ имъ инструкціи на счетъ разгрома [5]). Въ Арапгирѣ постановляется, чтобы каждый турокъ началъ избіеніе съ своихъ армянскихъ друзей [6]). Въ Эрзингіанѣ властямъ удается сложными успокоеніями заставить армянъ выйти изъ домовъ на рынокъ, гдѣ и начинается истребленіе [7]). Въ Харпутѣ армяне, успокоенные словами жандармовъ, которые обѣщаются защищать ихъ, отпираютъ двери домовъ и подвергаются затѣмъ избіенію и грабежу [8]). Въ Палу, собственникъ деревни Сакратъ, курдъ Ибрагимъ бей заманиваетъ въ эту деревню массу спасающихся отъ истребленія армянъ, чѣмъ заслуживаетъ репутацію покровителя христіанъ. Впрочемъ онъ беретъ съ бѣглецовъ плату за свое покровительство, выманиваетъ у нихъ скотъ и имущество подъ видомъ лучшей сохранности послѣдняго, подвергаетъ ихъ всякаго рода оскорбленіямъ и вымогательствамъ и наконецъ выдаетъ на са-

1) Урфа, стр. 249—250.
2) Гусни-Манзуръ, стр. 212, Харпутъ, стр. 123.
3) Стр. 244.
4) Стр. 132—133.
5) Стр. 123—124.
6) Стр. 144.
7) Стр. 51.
8) Стр. 124.

мое варварское истребленіе [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ идутъ тщательныя сношенія властей съ курдами, чтобы ихъ подготовить къ истребленію армянъ; съ этой цѣлью въ Харпутѣ выпускаются курдскіе преступники изъ тюремъ [2]).

Чтобы хоть нѣсколько оправдать разгромъ, а равнымъ образомъ лучше возбудить мѣстное населеніе противъ армянъ, властями дѣлается цѣлый рядъ попытокъ до, во время и послѣ избіенія обвинить армянъ въ рядѣ преступленій, преступныхъ замысловъ, а главнымъ образомъ представить армянъ инсургентами. Обвиненіе въ возстаніи было пущено въ ходъ властями въ Урфѣ [3]), въ Трапезунтѣ, гдѣ бѣгущимъ армянамъ турки кричали: сдавайтесь, какъ будто они были повстанцы [4]) (въ Эрзингіанѣ, въ Мушѣ). Въ Урфѣ же турки разсказываютъ, что армяне хотѣли напасть на мусульманскій кварталъ, но только имъ это не удалось. Жандармъ Габгаръ сознается, что выстрѣлы, которые были слышимы ночью въ Урфѣ принадлежали туркамъ, но что ихъ хотятъ приписать армянамъ; въ Порту посылается телеграмма съ увѣдомленіемъ, что армяне разрушили мечети и избили тысячу мусульманъ. Въ Трапезунтѣ власти распространяли такой слухъ между туземцами: армяне хотятъ въ союзѣ съ англичанами разрушить династію Османа и уничтожить магометанство; въ будущую пятницу здѣшніе армяне съ оружіемъ въ рукахъ нападутъ на мечети и перерѣжутъ мусульманъ; мы должны предупредить этихъ невѣрныхъ собакъ, чтобы не быть ими истребленными. Въ призывахъ къ избіенію, дѣлаемыхъ по иниціативѣ властей, иногда говорится, что настоящей цѣлью разгрома было истребленіе армянъ, грабежъ же игралъ роль второстепенную. Въ Мушѣ, напр. одно оффиціальное лицо такъ высказалось въ присутствіи большого числа курдовъ и армянъ: курды дѣйствовали дурно. Мы имъ дали приказаніе уничтожить армянъ, они же скорѣе грабили, чѣмъ убивали [5]). Въ Палу муфти и вожаки движенія кричатъ нападающимъ: главнымъ образомъ убивайте и не теряйте времени на грабежъ, въ Эрзингіанѣ высшіе чиновники кричатъ толпѣ: рѣжьте гяуровъ, не бойтесь ничего. Въ Арапгирѣ еще до избіенія глашатаи прогуливаются по деревнямъ, крича: дѣти Магомета должны исполнить свой долгъ—истребить всѣхъ армянъ, ограбить и сжечь ихъ дома; ни одинъ армянинъ не долженъ уйти живымъ. Тамъ же турки и курды упрекаютъ другъ друга, что они плохо выполнили приказъ убивать всѣхъ армянъ выше семилѣтняго возраста и что причиною такого плохого исполненія была жадность къ добычѣ [6]). Въ Урфѣ Гассанъ-Паша кричитъ толпѣ: идите, дѣти мои, у васъ въ распоряженіи 48 часовъ времени, вырѣжьте всѣхъ гяуровъ, и ихъ богатства будутъ принадлежать вамъ; такія же приказанія отдаются стоящимъ здѣсь капитаномъ войскамъ [7]). Подобнымъ же образомъ власти возбуждаютъ толпу въ Трапезунтѣ [8]), въ Сегердѣ [9]), въ Палу [10]).

1) Стр. 205 и слѣд.
2) Стр. 122—123, въ Палу, стр. 184—185
3) Стр. 240, также стр. 246.
4) Стр. 27.
5) Стр. 88—89.
6) Стр. 146—147.
7) Стр. 241—242.
8) См. выше стр 29.
9) Стр. 83.
10) Стр. 186.

II.

За этими адскими махинаціями, систематичность которыхъ заставляетъ думать, что мы находимся на бойнѣ, а не въ человѣческомъ обществѣ, слѣдуетъ самое избіеніе. Въ ужасномъ калейдоскопѣ послѣдняго быстро смѣняютъ другъ друга убійство, грабежъ, поджогъ, изнасилованіе, цѣлая гамма истязаній, сложныхъ и тоже систематическихъ. Послушаемъ очевидцевъ. Вотъ что пишетъ свидѣтель рѣзни въ Урфѣ. «Армяне не знали что дѣлать, у нихъ не было даже перочиннаго ножа для защиты (все оружіе было отобрано властями раньше), они плакали, прятались по угламъ домовъ, молили Бога сжалиться надъ ними. Турки разбивали двери лопатами и входили въ дома, убивая и изрѣзывая въ куски всѣхъ, кого встрѣчали, молодыхъ, стариковъ, мужчинъ, женщинъ. Нельзя ни перечесть, ни описать ихъ безстыдства и чудовищныя вещи, которыя они совершили. Они опозорили большое количество женщинъ и дѣвицъ на глазахъ ихъ отцовъ и мужей, отрывали у опозоренныхъ груди, четвертовали и убивали ихъ, продолжительно и страшно муча. Съ утонченной жестокостью они зарѣзывали сначала дѣтей, а потомъ уже родителей, тѣшась тѣмъ, что истязуемые молили поскорѣе покончить съ собою. Были звѣри, которые удовлетворяли свою страсть надъ трупами дѣвицъ, наложившихъ на себя руки для избѣжанія позора. Армяне пытаются сопротивляться, но ихъ усилія слабы противъ потока непріятелей, со всѣхъ сторонъ нападавшихъ на нихъ. Сопротивленіе это только продолжило избіеніе, такъ какъ мусульманамъ, не смотря на ихъ количество, понадобилось много времени для истребленія массы армянъ. Бойня прекратилась только съ наступленіемъ ночи. Солдаты еще продолжали осаду домовъ, но толпа утомленная и пресыщенная истребленіемъ, отхлынула... Сотни армянскихъ женъ и дѣвицъ были опозорены въ эту ночь въ мусульманскихъ жилищахъ. Въ воскресенье утромъ снова послышался звукъ трубы, и толпа, возвратившись въ армянскій кварталъ, снова принялась за рѣзню. Въ этотъ день кровь текла ручьями, окрашивая улицы и дома, и ни откуда никакой помощи, никакой жалости. Матери бросались къ ногамъ убійцъ, кидавшихся на ихъ дѣтей, сестеръ, братьевъ, мужей, отдавали убійцамъ все золото, которое имѣли, все свое имущество, прося пощадить жизнь близкихъ; но звѣри топтали бѣдныхъ женщинъ и, ходя по ихъ тѣламъ, перерѣзывали ихъ семейства.

Въ полдень толпа явилась передъ соборомъ, куда спаслось до 3000 армянъ. Черезъ полчаса двери были разбиты, нападающіе ворвались туда, но увидали, что пришлось бы имъ потратить много времени, если-бы они захотѣли убивать армянъ по одиночкѣ. Послѣдніе скопились въ такомъ количествѣ въ храмѣ, что давили другъ друга, что дѣти умирали отъ задушенія. Тогда нападающимъ пришла страшная мысль. На дворѣ собора стояло до пятидесяти ящиковъ съ керосиномъ. Турки разливаютъ керосинъ по церкви и поджигаютъ его, и черезъ немного времени сгораетъ до 3000 несчастныхъ. Тѣ, которые пытаются бѣжать, безжалостно зарѣзываются толпой. Изъ всей массы армянъ спасся только одинъ человѣкъ, раненый въ нѣсколькихъ мѣстахъ, пролежавшій три дня подъ трупами. Армянскій архіепископъ Хоренъ Мхитаріанъ

видитъ все это ужасное зрѣлище съ крыши своего дома. Онъ настолько потрясенъ, что въ отчаяніи съ плачемъ уходитъ въ свою комнату, перерѣзываетъ себѣ артеріи и, обмакнувъ перо въ свою *кровь*, пишетъ письмо мутессарифу. Вы уничтожили мой народъ, говоритъ онъ; мнѣ, его пастырю, нельзя оставаться на этомъ свѣтѣ, я пойду за нимъ. Ты причина этихъ насилій и этихъ строкъ, написанныхъ кровью, и, такъ какъ никто не хочетъ на этомъ свѣтѣ защитить мой народъ, я его поручаю Богу, заступнику невинныхъ. Архіепископъ очень любимъ и уважаемъ турками за честность и ученость. Мутессарифъ, прочитавъ это письмо, приходитъ въ смущеніе и по совѣту вліятельныхъ людей сейчасъ же отправляетъ врачей къ архіепископу, которымъ удается прибыть во время и спасти его. Архіепископъ живъ до сихъ поръ, хотя и слабъ. Число убитыхъ доходитъ до 10000 чел. Ежедневно умираетъ отъ 25 до 30 человѣкъ, тяжело раненыхъ и изувѣченныхъ. Ничего не осталось, ни народа, ни пастыря; изъ восьми священниковъ уцѣлѣлъ только одинъ, протестантскій викарій изрѣзанъ въ куски. Остающіеся въ живыхъ находятся въ крайней нуждѣ, а палачи еще не насытились [1]).

Въ Трапезунтѣ 26 сентября 1895 г. убивали всѣхъ «и кто сдавался и кто умолялъ о пощадѣ и кто бѣжалъ, стариковъ, дѣтей, молодыхъ людей—всѣ были безжалостно вырѣзаны, разорваны—около 300 человѣкъ въ этотъ день, въ томъ числѣ нѣсколько женщинъ. Были турки, убивавшіе своихъ сосѣдей, собратій, друзей. Разъяренные, они, какъ звѣри, крошили даже трупы. Печальное зрѣлище представляли собою армянскіе кварталы. Женщины, новобрачныя, дѣти бѣгаютъ по улицамъ растерянныя, не зная куда. Однѣ кидаются съ высокихъ стѣнъ, другія падаютъ въ обморокъ. Молодыя женщины, одной рукой прижимая къ груди дѣтей, а другой держась за веревку, привязанную къ окнамъ, спускаются на землю, ежеминутно рискуя разбиться. Старики прячутся въ погребахъ. Ужасъ великъ. Солдаты и разбойники сотнями входятъ въ дома и требуютъ выдачи мужчинъ, солдаты стрѣляютъ въ окна, башибузуки рѣжутъ и разрываютъ мужчинъ на глазахъ ихъ женъ и дѣтей» [2]).

Объ избіеніи въ Арапгирѣ сообщаются слѣдующія подробности. «Начали убивать, жечь. Испуганные армяне бѣгутъ изъ домовъ въ поле, въ горы. Но большая часть попадается на дорогѣ въ руки турокъ и находитъ себѣ страшную смерть. Однихъ кидаютъ въ огонь, другихъ вѣшаютъ головой внизъ какъ барановъ и сдираютъ кожу, третьихъ рубятъ и рѣжутъ на куски топорами и серпами, четвертыхъ поливаютъ керосиномъ и сжигаютъ, на послѣднихъ кладутъ другія жертвы, которыя задыхаются отъ дыма. Многихъ зарываютъ живыми въ землю, другихъ обезглавливаютъ и головы ихъ сажаютъ на длинные шесты. Человѣкъ по пятидесяти армянъ турки связываютъ веревками въ одну группу, разстрѣливаютъ ихъ, и трупы ихъ крошатъ топорами и саблями. Вырываютъ груди у женщинъ, четвертуютъ ихъ, кладутъ имъ порохъ въ волоса и воспламеняютъ его. Беременнымъ женщинамъ распарываютъ животы, извлекаютъ зародышъ и уничтожаютъ его. Подобныя же сцены неизмѣнно повторяются въ другихъ мѣстахъ, напр. въ Палу, въ Сивасѣ, въ Эрзерумѣ [3]), въ Кесареѣ.

[1]) Стр. 250—256.

[2]) Стр. 27—28.

[3]) Стр. 41—43.

Какъ видно изъ этихъ сообщеній, въ разгромѣ принимали прямое участіе войска, въ Урфѣ 3000 регулярныхъ и 1500 гамидіе, въ Арапгирѣ 1600 регулярныхъ и редифовъ, въ Байбурдѣ регулярные баталіоны, посланные изъ Эрзингіяна, въ Харпутѣ редифы, въ Гуссейникѣ полкъ регулярныхъ солдатъ, въ Сивасѣ регулярныя войска и жандармы, также въ Эрзерумѣ, въ Палу, въ Трапезунтѣ, въ Сегредѣ.

Мѣстныя власти, свѣтскія, духовныя, военныя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ открыто руководятъ побоищемъ или же принимаютъ въ немъ прямое участіе. Такъ въ Трапезунтскомъ избіеніи самъ вали Кадри бей лично даетъ инструкціи, кого убивать, и призываетъ къ грабежу [1]), въ Палу въ избіеніи участвуютъ каймакамъ, муфти, полицейскій коммиссаръ, въ Байбурдѣ начальникъ жандармовъ, въ Урфѣ Гассанъ паша и начальникъ военнаго отряда, въ Эрзингіянѣ чиновники, занимающіе великіе посты. И въ другихъ мѣстахъ власти обнаружили свое участіе, именно въ подгототовкѣ и въ подстрекательствѣ къ рѣзнѣ, какъ, напр. каймакамъ (начальникъ округа, по турецки каза) въ Ахтамарѣ, военный начальникъ и членъ административнаго совѣта казы, Гуссейнъ бей въ Палу, тамъ же полицейскій коммиссаръ муллы въ Трапезунтѣ [2]), муфти въ Гусни-Мансурѣ [3]). Войска и толпа призываются къ избіенію, какъ на войнѣ, звуками военной трубы, такъ въ Харпутѣ, въ Палу.

Подвергается истребленію главнымъ образомъ армянское населеніе мужскаго пола [4]). Съ особенной охотой убиваютъ и заключаютъ въ тюрьму людей богатыхъ, наиболѣе интересныхъ въ цѣляхъ грабежа, негоціантовъ [5]), также людей вліятельныхъ [6]). Среди павшихъ насчитывается, какъ мы увидимъ, много лицъ принадлежащихъ къ духовенству.

Производящая избіеніе толпа представляетъ пеструю смѣсь; главную роль въ ней, конечно, играютъ турки и курды. Въ Арапгирѣ, напр., убивали и грабили курды подъ начальствомъ Баттала въ количествѣ 5000 челов., подъ начальствомъ Діабага въ количествѣ 1500 челов. и масса другихъ курдовъ. Но тутъ же мы встрѣчаемъ лазовъ, черкесовъ, туркменъ, напр. въ Эрзерумѣ, феллаховъ [7]). Даже женщины принимали участіе въ разгромѣ. «Но что всего позорнѣе, говорится въ письмѣ изъ Кесареи, это то, что мы видѣли турчанокъ, помогавшихъ грабить мужьямъ и братьямъ. Эти женщины, слывущія стыдливыми, прячущія обыкновенно лицо подъ покрываломъ и не показывающіяся мужчинамъ, ходили взадъ и впередъ по улицамъ съ открытымъ лицомъ безъ стыда и страха и, совершенно не имѣя состраданія, свойственнаго ихъ полу, весело тащили вещи, награбленныя мужчинами». Тоже самое происходило въ Урфѣ. Объ усердіи убійцъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ слѣдующіе разсказы изъ Харпута. Тамъ Сулейманъ бей съ бра-

1) Стр. 26.

2) Стр. 25.

3) Стр. 221.

4) Трапезунтъ, Гумухане. стр. 35, Эрзерумъ, стр. 44.

5) Гумухане, стр. 37, Арапгиръ, стр. 164, Эрзерумъ, стр. 42—43, Урфа, стр. 258.

6) Харпутъ, стр. 125, Палу, стр. 201, Гусни-Мансуръ, стр. 218, Марашъ, стр. 236, Урфа, стр. 258.

7) Въ Урфѣ, стр. 244.

томъ убили болѣе 300 армянъ, а Хаджи Бего около 100 человѣкъ [1]. Тамъ же одинъ булочникъ во всеуслышаніе говорилъ, что убилъ 97 армянъ и хвастался, что доведетъ эту цыфру до ста. О результатахъ избіенія и разгрома можно судить по слѣдующимъ цыфрамъ: въ Марашѣ 850 убитыхъ и болѣе 500 раненыхъ, болѣе 300 арестованныхъ, въ Кесареѣ до 340 убитыхъ, до 200 тяжело раненныхъ, разграблено до 400 домовъ и 250 магазиновъ, въ Сивасѣ было вывезено послѣ избіенія на кладбище 450 труповъ, число разграбленныхъ лавокъ доходитъ до 2000 [2], въ Гусни-Манзуръ 617 жертвъ. Въ Арапгирѣ число убитыхъ доходитъ до 3000 челов.; изъ 3000 домовъ осталось только 150 полуразрушенныхъ и разграбленныхъ, въ Биреджикѣ убитыхъ считается 3400 человѣкъ, въ Урфѣ до 10000 человѣкъ. Въ округѣ Палу число обезчещенныхъ турками женщинъ и дѣвицъ можно считать между 60-ю и 70-ю процентами, не принимая въ разсчетъ тѣхъ, которыя были похищены турками и насильно сдѣлались ихъ женами [3].

Дыбомъ становятся волосы отъ ужасовъ, совершенныхъ во время избіеній въ Урфѣ, Арапгирѣ и другихъ мѣстахъ (см. приведенныя выше сообщенія). Европейцу даже трудно войти въ психологію такихъ звѣрствъ, какъ рѣзаніе труповъ и издѣвательство надъ ними, удовлетвореніе половой страсти надъ убитыми, распарываніе животовъ у беременныхъ женщинъ и истребленіе зародышей [4]. Это смѣшеніе варварства съ извращеніемъ, это самоуслажденіе причиненіемъ самыхъ жестокихъ, безсмысленныхъ и безчеловѣчныхъ мукъ—тайна восточнаго темперамента. Вотъ еще нѣсколько образчиковъ такихъ звѣрствъ. Во время Трапезунтскаго избіенія турки входятъ въ мясную лавку, нападаютъ на хозяина ея съ сыномъ—тотъ и другой были уже ранены,—и начинаютъ крошить ихъ. «Они вырвали у нихъ руки, ноги, голову, искрошили обоихъ на куски, повѣсили послѣдніе на крючья и, обращаясь къ прохожимъ, выкрикивали: чего хотите? ногу? руку? голову? покупайте. Отдадимъ дешево» [5]. Одинъ изъ нашихъ друзей, пишутъ изъ Сиваса, спасся къ своему сосѣду и другу турку. Послѣдній убилъ его съ страшными мученіями, отрѣзавъ ему сначала носъ и уши, потомъ выколовъ глаза [6]. Въ Харпутѣ Хаджи Бего велѣлъ разрѣзать одну женщину на четыре части и выставить ихъ на столбахъ, въ Ахтамарѣ нѣкто Джеверъ связалъ двухъ братьевъ веревками, прибилъ ихъ кольями къ землѣ и такимъ образомъ умертвилъ [7]. Въ Байбурдѣ чудовища забавлялись тѣмъ, что втыкали кинжалъ въ грудь или въ шею раненыхъ и вращали имъ тамъ, какъ буравомъ» [8]. Истязаніе и истребленіе мужчинъ, насилованіе и издѣвательство надъ женщинами— неизмѣнно повторяющіеся инциденты армянскихъ избіеній. Вечеромъ въ Харпутѣ нападающіе привели армянскихъ женщинъ и дѣвицъ въ военное депо, и тамъ

1) Стр. 125—126, 129.
2) Стр. 223—224.
3) Стр. 191.
4) О звѣрствахъ послѣдняго рода сообщается также изъ Байбурда, изъ Сиваса.
5) Стр. 31. Подобное происшествіе описано въ Эрзерумѣ стр. 42—43.
6) Подобное въ Харпутѣ стр. 131.
7) Стр. 109.
8) Стр. 1.

600 солдатъ позорили ихъ, послѣ чего изнасилованныя женщины были убиты [1]). Въ Харпутѣ знакомый уже намъ Хаджи Бего велѣлъ раздѣть до нага одну женщину и въ такомъ видѣ провести ее по деревнѣ. Подобное происходило въ Урфѣ. Въ Бпреджикѣ Турки нападаютъ на домъ армянина Гарабеда, чтобы похитить его дочь, славящуюся своей красотой. Бѣдный ребенокъ, видя, что ее ожидаетъ, въ ужасѣ кидается въ цистерну и тамъ умираетъ. Турки перерѣзываютъ всѣхъ обитателей этого дома, вытаскиваютъ изъ цистерны трупъ дѣвушки и позорятъ его [2]).

III.

Среди причинъ и цѣлей, управлявшихъ армянскими избіеніями, не малую роль играетъ религіозный элементъ. Старые завѣты ислама — истребленіе невѣрныхъ и обращеніе ихъ въ магометанство чувствуются въ настроеніи массъ и ихъ руководителей, сказываются въ томъ направленіи и въ тѣхъ объектахъ, на которые направлено разрушеніе. Руководителями или же подстрекателями движенія въ нѣкоторыхъ случаяхъ являются, какъ видѣли, представители духовенства, муллы, муфти. Смерть христіанамъ! Слава Магомету!—вотъ крики, съ которыми толпа идетъ на армянъ [3]). Въ Гусни-Мансурѣ нападающіе кричатъ: примите магометанство, не то всѣхъ перерѣжемъ [4]). Въ Аинтабѣ турки говорятъ: увидите, не оставимъ въ живыхъ ни одного гяура [5]). Въ Урфѣ нападающіе восклицаютъ: если мы не уничтожимъ гяуровъ, мы никогда не получимъ рая [6]). Въ Арапгирѣ еще до избіенія глашатаи публично объявляли истребленіе армянъ, грабежъ и сожженіе ихъ домовъ обязанностью дѣтей Магомета [7]). Вездѣ, гдѣ только было избіеніе, турки съ особеннымъ ожесточеніемъ разрушали церковныя зданія и убивали духовныхъ лицъ. Отовсюду несутся вѣсти о сожженіи, разграбленіи и разрушеніи церквей и монастырей [8]). Въ письмѣ изъ Вана насчитывается болѣе ста двадцати разграбленныхъ церквей и монастырей только въ предѣлахъ 8 округовъ [9]). Рядомъ съ этимъ идетъ профанація и глумленіе нападающихъ надъ церквами и священными предметами. Въ Марашѣ разрушается и оскверняется армянское кладбище [10]). Въ Гуссейникѣ турки и курды стаскиваютъ съ армянской

1) Тоже въ Палу стр. 205.

2) Подобный случай въ Палу стр. 240.

3) Въ Сивасѣ стр. 225, въ Урфѣ стр. 241—242, 250.

4) Стр. 218.

5) Стр 257.

6) Стр. 246.

7) Стр. 143—144.

8) Битлисъ стр. 73, 74, 76. Ахтамаръ стр. 105, 108, 110, 112, 113, 115, 116, 118, Харпутъ стр. 137, Малація стр. 177, Марашъ 234—235.

9) District, стр. 97—101.

10) Стр. 237.

церкви колоколъ и бросаютъ его въ рѣку [1]) Въ Эгинѣ были разрушены и опустошены семь армянскихъ церквей, находящихся въ городѣ, при чемъ Евангеліе и другія священныя книги были разорваны и алтари осквернены [2]). Во многихъ мѣстахъ курды надѣвали на себя унесенныя церковныя облаченія и плясали въ нихъ, думая пародировать армянское богослуженіе [3]). Нерѣдко армянскія церкви и монастыри превращаются мусульманами въ мечети [4]). Съ особеннымъ ожесточеніемъ нападающіе избиваютъ лицъ духовнаго званія, бѣлое духовенство и монаховъ, сопровождая убійство истязаніями и глумленіемъ [5]), сжигая жертвы живыми [6]), сдирая съ живыхъ кожу [7]). Въ округѣ Гарджганъ настоятель монастыря Петросъ былъ разрѣзанъ по суставамъ, ему отрѣзали языкъ и покончили съ нимъ послѣ страшныхъ истязаній [8]).

Рядомъ съ разрушеніемъ церквей и избіеніемъ духовенства идетъ насильственное обращеніе армянскаго населенія *въ магометанство*, единичное и массовое [9]). Оставшіеся въ живыхъ жители цѣлыми деревнями принуждены были принять магометанство и только этою цѣною могли себѣ сохранить жизнь, какъ напр. жители четырнадцати деревень въ Эгинѣ, цѣлыя деревни въ Ванѣ [10]). Въ Арапгирѣ армянское населеніе получаетъ отъ очень высокопоставленнаго лица предложеніе принять магометанство и тѣмъ купить себѣ безопасность. Армяне отвѣчаютъ отказомъ и на другой день послѣ этого подвергаются избіенію [11]). Отказывающіеся измѣнить религію немедленно предаются смерти, нерѣдко съ истязаніями. Въ Харпутѣ шейхъ предлагаетъ сорока вліятельнымъ лицамъ изъ армянъ, нашедшимъ себѣ убѣжище въ церкви, перейти въ Исламъ и, когда тѣ отказались, приказываетъ перерѣзать ихъ одного за другимъ на порогѣ этой церкви [12]). Подобные случаи происходили въ Эгинѣ [13]), въ Ченкугѣ [14]). Истязаніямъ особенно подвергается армянское духовенство, отказывающееся измѣнить религію. Здѣсь повторяются раздирающія душу сцены изъ эпохи первыхъ гоненій на христіанъ. Въ Харпутѣ архимандриту Оаннесу предлагаютъ отречься отъ своей вѣры. Тотъ проситъ дать ему отсрочку на два часа для принесенія отвѣта и начинаетъ съ горькими слезами молиться Богу. Нападающіе, не дождавшись конца отсрочки, начинаютъ рѣзать тѣло старика по су-

1) Стр. 132—133.

2) Стр. 178.

3) Стр. 102.

4) Въ Байбурдѣ стр. 62, въ Битлисѣ стр. 74, въ Сегредѣ стр 82, въ Ахтамарѣ стр. 106, 110, въ Гусни—Мансурѣ стр. 221.

5) Въ Ванѣ стр. 91, въ Ахтамарѣ 111—112, въ Арапгирѣ стр. 163, въ Марашѣ стр. 235—2.

6) Харпутъ стр. 131.

7) Ахтамаръ стр. 104.

8) Стр. 118

9) Байбурдъ, Харпутъ, Битлисъ, Арапгиръ, Гусни-Мансуръ стр. 221.

10) Стр. 91, тоже въ Сегредѣ стр. 82, въ Битлисѣ стр. 74, въ Ахтамарѣ стр. 106.

11) Стр. 165

12) Сгр. 126, также случаи, описанные на стр. 134, 138.

13) Стр. 168.

14) Сгр. 21·.

ставамъ, начиная съ рукъ и, отрѣзавъ послѣднія до локтей, снова предлагаютъ ему принять магометанство. Тогда въ отвѣтъ на это архимандритъ съ твердостью произноситъ исповѣданіе вѣры. При этихъ словахъ ярость враговъ не имѣла границъ, архимандритъ былъ зарѣзанъ на самомъ порогѣ церкви [1]). Въ Харпутѣ же предлагаютъ священнику Теръ-Акопу отречься отъ вѣры. Послѣдній отвѣчаетъ, что онъ вѣруетъ въ Бога и во всѣхъ его пророковъ. Недовольные такимъ отвѣтомъ, 50 солдатъ вынимаютъ шпаги на голо, раздѣваютъ свою жертву, и, приложивъ концы шпагъ къ груди Теръ-Акопа, требуютъ отреченія отъ христіанства. Несчастный теряетъ разсудокъ и начинаетъ говорить безсвязныя слова съ жестами, не оставляющими сомнѣнія на счетъ его умственныхъ способностей. Тогда турки заключаютъ его въ тюрьму, съ цѣлью вынудить у него по выздоровленіи принятіе магометанства [2]). Зачѣмъ у насъ нѣтъ полнаго перечня лицъ, пишетъ Хачатуръ, католикосъ Ахтамарскій, которые мученически пострадали за свою вѣру и удостоились вѣчнаго блаженства? [3]).

Чисто формальный взглядъ на обращеніе, который не справляется съ внутреннимъ состояніемъ обращеннаго и требуетъ только, чтобы послѣдній продѣлалъ внѣшнимъ образомъ извѣстные обряды, а также желаніе поглумиться надъ жертвами, причинить имъ побольше страданій сказываются въ отношеніи турокъ къ армянамъ, насильно принявшимъ магометанство. Новообращенныхъ заставляютъ въ доказательство перемѣны религіи носить чалму, одѣваться на манеръ улемъ, жить съ нѣсколькими женами, творить мусульманскія молитвы и тому подобное [4]). Насильственное обращеніе сопровождается насильственнымъ обрѣзаніемъ, какъ напр. въ Байбурдѣ [5])и въ Ченкугѣ [6]). Въ Палу обрѣзаніе было совершено такимъ жестокимъ способомъ, что многіе изъ насильственно обращенныхъ погибли послѣ сильныхъ страданій [7]). Въ Ченкугѣ мусульмане овладѣваютъ настоятелемъ монастыря Минасомъ Амригьяномъ, уводятъ его въ мечеть, заставляютъ его перемѣнить вѣру и силой производятъ надъ нимъ обрѣзаніе. Несчастный живетъ въ мечети и тамъ находится подъ сильнымъ надзоромъ. Его не оставляютъ одного даже ночью, въ это время при немъ ставится сторожъ. Христіанамъ и подозрительнымъ лицамъ изъ новообращенныхъ запрещается даже приближаться къ нему. Жизнь его достойна жалости. Онъ даже тайно просилъ одного, также, какъ онъ, насильно обращеннаго въ магометанство армянина написать о немъ въ Константинополь, не найдутъ ли тамъ средства спасти его отъ этого печальнаго состоянія [8]).

1) Стр. 129—130.
2) Стр. 136—137.
3) Стр. 103.
4) Ванъ стр. 91, Ахтамаръ стр. 105—106, 108, Харпутъ стр. 132, Эгина стр. 173.
5) Стр. 61.
6) Стр. 215.
7) Стр. 196.
8) Стр. 215—216.

IV.

Печальны картины городовъ и селеній, гдѣ произошло избіеніе. Въ Эрзерумѣ на другой день послѣ избіенія армянское кладбище представляло страшное и раздирающее душу зрѣлище: виднѣлись сотни окровавленныхъ изуродованныхъ, обезображенныхъ до неузнаваемости труповъ, наваленныхъ одни на другіе, и около нихъ большое количество армянъ, пришедшихъ съ рискомъ быть убитыми по дорогѣ, ищущихъ своихъ родныхъ и близкихъ, наклоняющихся надъ каждымъ убитымъ и все-таки не могущихъ признать тѣхъ, кого искали[1]). Въ Харпутѣ, въ Палу проѣзжающіе купцы изъ Алеппо видятъ по дорогамъ и по полямъ сотни женщинъ совершенно обнаженныхъ, обезчещенныхъ, искалѣченыхъ, мертвыхъ или находящихся въ агоніи, около нѣкоторыхъ грудныя дѣти, еще живыя[2]). Оставшіеся въ домахъ послѣ избіенія трупы начинаютъ разлагаться, нестерпимый запахъ заражаетъ воздухъ[3]). Нашъ городъ, пишутъ изъ Сиваса, теперь развалина. Рынка нѣтъ, никто не работаетъ, у рабочихъ отняли даже инструменты; никто не продаетъ, нѣтъ ничего. Всѣ бѣдны, безъ дѣлъ, безъ хлѣба, безъ денегъ, всѣ съ ужасомъ ожидаютъ. Церкви и школы закрыты. Трудно достать какихъ-либо съѣстныхъ припасовъ. Турки, которые отняли все, берутъ теперь 40 піастровъ за то, что стоитъ десять. Мы въ ужасномъ положеніи[4]). Вслѣдствіе этихъ страшныхъ несчастій (т.-е. избіенія и грабежа), сообщаютъ изъ Малаціи, бѣдность и страшный голодъ даютъ себя знать; народъ, лишенный крова и пищи, принужденъ нищенствовать, ходя изъ лавки въ лавку, изъ дома въ домъ, прося сжалиться надъ собою даже тѣхъ, кто вчера еще былъ его палачами. Улицы переполнены несчастными жертвами, между коими часто видны дѣвушки и женщины, полураздѣтыя, и старики, которые едва движутся. Вслѣдствіе суровой погоды, много несчастныхъ погибло отъ голода и ихъ трупы были находимы въ городѣ и въ окрестностяхъ[5]). Подобныя же картины наблюдаются въ Ахтамарѣ, въ Арапгирѣ, въ Ванѣ, въ Битлисѣ, гдѣ были случаи смерти отъ голода[6]). Отовсюду несутся вопли о голодѣ и полной нищетѣ армянскаго населенія послѣ разгрома, изъ Байбурда, изъ Муша, изъ Вана, изъ Ахтамара[7]), изъ Арапгира, изъ Эгины, изъ Гусни-Манзура, изъ Кесареи[8]). Мы не имѣемъ ни дома, ни постели, ни хлѣба, пишутъ изъ Трапезунта[9]); въ Сивасѣ тѣ, которымъ удалось избѣжать смерти, не имѣютъ ничего: ни денегъ, ни одежды, ни даже постели спать[10]). Не могу болѣе писать тебѣ, дорогой сынъ, говорится въ письмѣ отца къ сыну,

1) Стр. 43.
2) Стр. 82—83.
3) Палу, стр. 210.
4) Стр. 226.
5) Стр. 176—177.
6) Стр. 79.
7) Стр. 105, 119—120.
8) Стр. 232.
9) Стр. 32.
10) Стр. 225.

моя рука дрожитъ отъ холода, къ тому же мы почти три дня ничего не ѣли [1]). «Большое количество дѣтей, пишетъ Хачатуръ, католикосъ Ахтамарскій, остались сиротами; вездѣ встрѣчали неутѣшныхъ родителей, отыскивающихъ слѣды сына или пропавшей дочери [2])». У меня убили отца, пишетъ женщина изъ Арапгира, дѣда, дядей, дядю моей матери... Убили нашего друга Б. и его жену, у нихъ осталось четверо сиротъ, которые плачутъ, зовутъ мать; убили А. и его жену, послѣ нихъ осталось пятеро дѣтей, двое грудные, но некому ихъ кормить грудью [3]). Понятно поэтому, что нѣкоторыя письма оканчиваются призывомъ къ матеріальной помощи: помогите намъ, мой братъ, помогите поскорѣе! Но можете ли вы помочь нашему огромному несчастью своими скромными средствами? Не стыдитесь; обратитесь къ иностранцамъ, къ европейцамъ, обратитесь къ ихъ чувствамъ человѣколюбія. Мы вѣдь люди, мы христіане... чѣмъ мы виноваты? [4]) «Помоги намъ, дорогое дитя, пишетъ отецъ къ сыну, у насъ нѣтъ ничего и, что всего страшнѣе, мы голодаемъ. Прошу тебя еще разъ, ради Бога и Іисуса Христа, пошли намъ что нибудь, иначе мы погибли. Твои братья и сестры кричатъ: Hatz! Hatz! (хлѣба! хлѣба!) Если можно еще уговорить большихъ, какъ заставить замолчать самыхъ маленькихъ? Если ты хочешь спасти нашу жизнь, сдѣлай все возможное, чтобы помочь намъ; если необходимо, самъ проси милостыню [5]).

V.

До сихъ поръ мы болѣе останавливались на внѣшнемъ ходѣ избіенія и на его послѣдствіяхъ. Посмотримъ теперь, что чувствовали жертвы во время разгрома и послѣ него. Это дастъ намъ возможность вѣрнѣе оцѣнить размѣры несчастія.

Одни охвачены ужасомъ, отчаяніемъ. Одинъ молодой человѣкъ въ Палу подъ вліяніемъ страха выдергиваетъ себѣ усы въ надеждѣ переодѣться женщиной и спастись [6]). Нѣкоторые умираютъ отъ ужаса и бѣдствій [7]). Въ Харпутѣ священникъ Теръ-Акопъ сходитъ отъ страха съ ума [8]). Архіепископъ Урфскій Хоренъ, о которомъ рѣчь была выше, съ отчаянія покушается на самоубійство [9]). Священникъ Теръ Оаннесъ Т. внезапно умираетъ отъ скорби при видѣ умерщвленія своихъ четырехъ сыновей [10]). Женщины и дѣвушки, которымъ грозитъ изнасило-

1) Стр. 165.
2) Стр. 105.
3) Стр. 160.
4) Стр. 150—151 изъ Арапгира.
5) Стр. 166 изъ Арапгира, подобное въ другомъ письмѣ стр. 162.
6) Стр. 188—189.
7) Битлисъ стр. 79.
8) стр. 137.
9) Стр. 254—255.
10) Стр. 235.

ваніе, лишаютъ себя жизни. Такіе случаи были въ Палу[1]), въ Байбурдѣ[2]). Въ Палу турки похитили женщину и молодую дѣвушку и уже вели ихъ къ себѣ. На дорогѣ около рѣчки жертвы просятъ позволенія напиться воды. Получивъ его, онѣ пользуются моментомъ свободы, прочитываютъ молитву и бросаются въ воду[3]). Въ Палу же тридцать пять армянскихъ крестьянокъ, преслѣдуемыя курдами, кидаются въ рѣку, чтобы спастись отъ позора[4]).

Въ то время какъ одни испытываютъ скорбь, ужасъ, отчаяніе, другіе жалуются на притупленіе чувствъ подъ вліяніемъ событій. «Не считайте насъ живыми, пишетъ женщина изъ Арапгира; тѣ, кто пережилъ это несчастіе, не имѣютъ ни тѣла, ни крови, мы не знаемъ, что мы такое, мы живые мертвецы. Душа иногда какъ будто каменѣетъ. Мы сами даже не удивляемся, что мы не пали подъ тяжестью такого ужаса и несчастія. Лучше, если бы мы умерли. Что за жизнь наша теперь! Все время у насъ передъ глазами эти страшныя сцены, все время мы видимъ, какъ эти звѣри убиваютъ и грабятъ невинныхъ людей. Если бы не были сожжены наши дома, мы бы предпочли уйти къ себѣ, подальше другъ отъ друга, чтобы не слыхать стоновъ. Если бы по крайней мѣрѣ это случилось лѣтомъ, мы бы ушли въ горы, ѣли траву и не слыхали этихъ криковъ. Боже! Боже! Когда же мы перестанемъ плакать? Когда же Ты услышишь насъ»[5]). Въ такомъ же тонѣ письма изъ Эрзерума[6]) и изъ Битлиса. Послѣ того, что мы пережили, говорится въ послѣднемъ письмѣ, мы не знаемъ, что съ нами будетъ.

Мы ошеломлены, отупѣли, сдѣлались больны отъ того, что случилось. Притаившись по угламъ нашихъ домовъ, мы въ ожиданіи. Едва живые, мы находимся среди голода и страха[7]). Положеніе жертвъ хорошо обрисовывается въ сообщеніяхъ изъ Кесареи и изъ Арапгира. Вотъ что происходило въ Кесареѣ 26-го ноября 1895 г. На зарѣ раздаются пистолетныя выстрѣлы, сопровождаемые страшнымъ шумомъ. Армянскіе кварталы подвергаются новому нападенію. Толпа пытается войти въ Армянскій соборъ, куда спаслось 300 женщинъ и дѣтей. Нападающіе рубятъ топоромъ двери, что производитъ неописуемый ужасъ у находящихся въ соборѣ; послѣдніе испускаютъ крики отчаянія, плачутъ, стонутъ, громко молятся Богу спасти ихъ. На улицѣ неистовствуетъ толпа, слышатся угрожающіе смертью голоса, пытаются сломать церковныя двери. Архіепископъ въ отчаяніи велитъ священникамъ причастить народъ въ виду неминуемой смерти. Началась печальная церемонія: всѣ готовились къ смерти. Къ счастію туркамъ не удалось разрушить собора[8]):

Другая сцена происходитъ въ Арапгирѣ. «Избіеніе, грабежъ, пожаръ, пишетъ одна женщина къ брату мужа, продолжались восемь дней. Слышался невѣроятный шумъ, адскіе голоса, крики маленькихъ дѣтей... Дѣти кричатъ: Боже! мама! другіе: помогите! помогите! Кто ихъ услышитъ? Градомъ

1) Стр. 197, 204.
2) Стр. 61.
3) Стр. 204.
4) Стр. 197.
5) Стр. 161.
6) Стр. 43—44.
7) Стр. 72.
8) Стр. 230—231.

падаютъ пули. Они (Турки) идутъ съ саблями въ рукахъ. Не было такихъ жестокихъ палачей, такихъ хищныхъ звѣрей. Никогда такъ варварски не избивали невинныхъ ни въ чемъ людей. Если написать исторію всего, что произошло, нельзя будетъ читать ее безъ ужаса. Теперь мы въ Турецкомъ кварталѣ, въ домѣ въ семь комнатъ. Насъ сто человѣкъ.—женщины, молодыя дѣвушки, дѣти и нѣсколько мужчинъ, всѣ ранены. Всѣ плачутъ, стонутъ. Нечего положить на раны, нечѣмъ даже ихъ перевязать, нѣтъ бѣлья для перемѣны. Крики, стоны не даютъ спать. На минуту заснешь, сейчасъ же просыпаешься отъ дѣтскихъ криковъ. Дѣти испуганно кричатъ во снѣ: вотъ они! вотъ они! Мама! насъ хотятъ зарѣзать, сжечь. Помоги»[1]).

Пережитыя несчастія естественно оставили глубокіе слѣды въ тонѣ писемъ, написанныхъ среди событій или вслѣдъ за ними. Читая ихъ, невольно переносишься на арену избіеній. «Какъ изобразить въ цѣломъ такія страшныя событія, говоритъ авторъ письма изъ Байбурда, гдѣ начать? гдѣ кончить? Трауръ и развалины царятъ въ Байбурдѣ» [2]). Луна освѣщала городъ, пишутъ изъ Эрзерума, недалеко поднималось пламя зажженыхъ домовъ, иногда раздавались ружейные выстрѣлы. Эта луна, говорили мы себѣ, освѣщаетъ сейчасъ и другія страны, гдѣ ходятъ, говорятъ, смѣются, веселятся, не подозрѣвая, что гдѣ-то въ одномъ мѣстѣ на земномъ шарѣ этимъ самымъ свѣтомъ пользуются для рѣзни, поджога, грабежа и изнасилованія[3]).

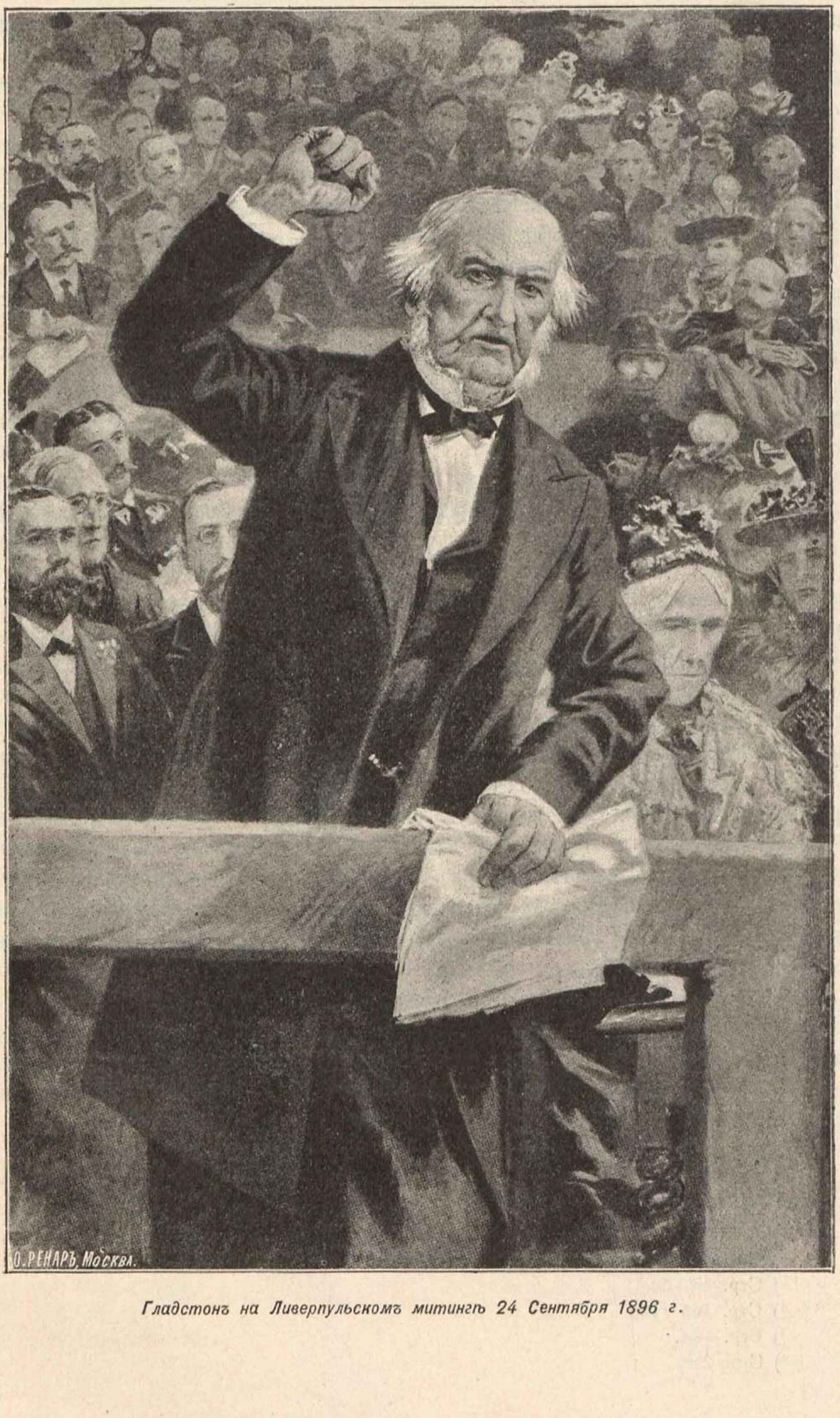
Вотъ разсказъ несчастнаго отца, у котораго вырвали дочь для опозоренія: «Увы, едва могу писать тебѣ объ этомъ, говоритъ онъ въ письмѣ къ сыну. Меня угрожали убить, если я не выдамъ твою сестру. Все уже было похищено... я сопротивлялся, готовый на все. Но когда дочь увидала меня подъ ножомъ и поняла, что я погибъ, если не выдамъ ее, тогда она сама бросилась къ ногамъ турокъ и закричала: возьмите меня, только пощадите отца! вотъ я! И они унесли ее[4]). «Вотъ письмо изъ Эгины, авторъ котораго былъ насильно обращенъ въ магометанство. Печаленъ и безнадеженъ тонъ этого письма. Авторъ разсказываетъ, какъ онъ два дня блуждалъ здѣсь и тамъ съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, какъ на его глазахъ изрѣзали на куски старую тетку Еву, бывшую паломницу въ Іерусалимѣ, за то, что она не хотѣла принять магометанство. «Не сердитесь на насъ за это (имѣется въ виду принятіе магометанства пишущимъ и другими армянами), дорогіе братья, не сердитесь, мы до конца...» — авторъ не продолжаетъ фразы по той причинѣ, что пишетъ въ присутствіи мудира (мера общины)[5]). Боже, сжалься надъ нами![6]).

Авторъ предисловія заканчиваетъ книгу слѣдующими словами: необходимо ввести какъ можно скорѣе реформы, нужныя для успокоенія народа. Оттоманское правительство неспособно ихъ осуществить, даже если бы этого желало.

Необходимо энергическое вмѣшательство Европы, иначе народу этому грозитъ гибель.—

П. Бѣляевъ.

1) Стр. 156—158.
2) Стр. 62.
3) Стр. 49—50.
4) Стр. 165—166.
5) Стр. 168.
6) Стр. 258.

Гладстонъ на Ливерпульскомъ митингѣ 24 Сентября 1896 г.

Жизнь въ Ильдизѣ.

(*Изъ Contemporary Review*).

I.

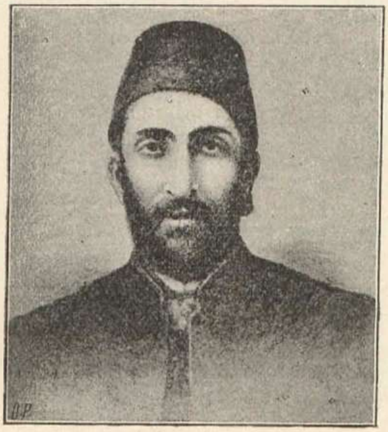
Съ тѣхъ поръ какъ Абдулъ-Гамидъ на престолѣ, онъ рѣдко ложится спать ночью, чтобы встать утромъ, какъ обыкновенные смертные. Султанъ удаляется на покой только съ разсвѣтомъ, а въ восемь часовъ онъ опять на ногахъ. Въ долгіе ночные часы въ его апартаментахъ происходитъ непрерывное движеніе приходящихъ и уходящихъ посѣтителей. То ему приносятъ экстренное полицейское донесеніе; то является съ отчетомъ чиновникъ, на котораго возложено было какое-нибудь спеціальное порученіе; то въ сосѣдней комнатѣ происходитъ допросъ, къ которому султанъ прислушивается за занавѣскою. Если на очереди нѣтъ срочныхъ государственныхъ дѣлъ, то время проводится въ чтеніи какого нибудь романа Ксавье де-Монтепэна, Фортюне де-Буагобея и т. п.

Не питая довѣрія къ окружающимъ, султанъ неусыпно контролируетъ самъ стражу и наблюдаетъ за правильнымъ исполненіемъ сложныхъ мѣръ, придуманныхъ для огражденія его личной безопасности. Службу лицъ, занятыхъ этимъ дѣломъ, никакъ нельзя назвать синекурою. Кромѣ военныхъ чиновниковъ, во дворцѣ всегда имѣется на лицо десятка два часовыхъ, принадлежащихъ къ албанскимъ тюфенкджи (стрѣлкамъ); вооруженные съ головы до ногъ они помѣщаются съ своимъ начальникомъ въ особой комнатѣ, готовые явиться по первому зову.

Если кто-либо желаетъ видѣть того или иного дворцоваго чиновника, то имя посѣтителя сообщается одному изъ секретарей; разрѣшеніе на входъ дается ему лишь въ томъ случаѣ, если соотвѣтственный чиновникъ разрѣшаетъ привратнику впустить его. Когда разрѣшеніе получено, посѣтителя сопровождаетъ къ квартирѣ чиновника тайный агентъ, который сторожитъ у дверей во все время свиданія; по окончаніи его онъ провожаетъ посѣтителя обратно и не разстается съ нимъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не выйдетъ на улицу, за ограду дворца. Сверхъ того,

всякаго посѣтителя, если только стража не знаетъ его отлично въ лицо, обыскиваютъ и если онъ имѣлъ неосторожность взять револьверъ,—который въ Турціи носятъ при себѣ самые мирные люди,—то онъ легко можетъ поплатиться изгнаніемъ. Во всякомъ случаѣ онъ вправѣ разсчитывать по меньшей мѣрѣ на мѣсячный арестъ, допросы и палки.

Главныя ворота дворца запираются въ полночь. Если послѣ этого часа кто-нибудь имѣетъ настоятельное дѣло къ султану, то приходится подвергнуться гораздо болѣе строгому осмотру, прежде чѣмъ удастся проникнуть къ дежурному камергеру. Въ султанской резиденціи имѣются 150 ночныхъ сторожей (бекджи), обязанныхъ ходить дозоромъ по садамъ, окружающимъ главныя зданія; за внѣшними стѣнами часовые разставлены черезъ каждые 100 шаговъ; въ ненаселенныхъ частяхъ парка существуетъ особая стража изъ садовниковъ. Въ самихъ зданіяхъ у каждаго апартамента стоятъ на караулѣ албанскіе тюфенкджи, а въ гаремѣ на евнуховъ возложенъ спеціальный и весьма строгій надзоръ.

Султанъ Абдулъ Гамидъ II.

II.

Султанъ, какъ сказано было, встаетъ обыкновенно въ восемь. Онъ почти тотчасъ же одѣвается и послѣ утренней молитвы принимаетъ легкій завтракъ. Вслѣдъ затѣмъ дежурный камергеръ представляетъ ему списокъ государственныхъ бумагъ, присланныхъ первымъ секретаремъ. Онѣ состоятъ, прежде всего, изъ назначеній и повышеній; грамотъ на титулы; документовъ, исходящихъ отъ великаго визиря; докладовъ совѣта министровъ. Затѣмъ идутъ отчеты изъ провинцій, сообщенія отъ различныхъ коммиссій, назначенныхъ непосредственно султаномъ, и отъ министра двора. Камергеръ даетъ резюме каждаго документа. Абдулъ-Гамидъ произноситъ сакраментальную формулу „ираде-итдиме“, обращающую его въ законъ; на нѣкоторыхъ документахъ (фирманахъ и пр.) онъ собственноручно дѣлаетъ надпись объ исполненіи. Затѣмъ является другой камер-

геръ, которому поручены иностранныя дѣла. Читаются, вопервыхъ, телеграммы отъ турецкихъ посланниковъ при различныхъ европейскихъ дворахъ и сообщенія министра иностранныхъ дѣлъ. Нѣсколько времени посвящается затѣмъ отчетамъ лицъ, главнымъ образомъ, иностранцевъ, имѣющихъ секретныя порученія въ европейскихъ столицахъ, и сообщеніямъ нѣкоторыхъ лицъ, прикосновенныхъ къ дипломатическому міру Перы, которыя за деньги доставляютъ свѣдѣнія о томъ, что дѣлается въ посольствахъ. Всѣ эти дѣла, какъ они ни кажутся сложными на первый взглядъ, рѣдко отнимаютъ больше $1\frac{1}{2}$ часа.

Затѣмъ начинаются пріемы. Каждый министръ и крупный сановникъ имѣетъ одинъ или два дня въ недѣлю, по которымъ онъ долженъ представляться во дворцѣ. Каждое утро первый и второй камергеръ, первый секретарь, Иззетъ-бей, довѣренное лицо султана, и нѣкоторые другіе чиновники принимаютъ около тридцати важныхъ особъ. Абдулъ-Гамидъ принимаетъ ихъ доклады, выражаетъ свои мнѣнія и желанія, указываетъ необходимыя назначенія, и этимъ путемъ подготовляетъ почву для послѣдующихъ докладовъ сообразно его взглядамъ. Такимъ образомъ рѣшенія, представляемыя на утвержденіе султана, являются въ общемъ только выраженіями его собственной воли, которыя передаются ему отъ имени фиктивной исполнительной власти. Иногда султанъ даруетъ аудіенціи извѣстнымъ посѣтителямъ, посылаетъ свой «монаршій привѣтъ» другимъ, и такимъ образомъ наступаетъ половина 12-го—часъ завтрака.

Султанская пища приготовляется въ особой кухнѣ, подъ наблюденіемъ особаго чиновника, нѣкоего Османъ-бея, а не плевненскаго Османа-паши, какъ ошибочно сообщалось въ печати. Этотъ чиновникъ запечатываетъ посуду, въ которой блюда подаются на столъ; печати снимаются въ присутствіи султана. Другой чиновникъ, «чеснщжи-баши», долженъ отвѣдать каждое блюдо, прежде чѣмъ султанъ возьметъ его. Когда къ столу приглашены иностранные посланники, эта процедура продѣлывается раньше, а не на виду у гостей.

Послѣ завтрака султанъ часто отдыхаетъ часа два и около 3 часовъ принимаетъ камергера съ докладами тайной полиціи. Впрочемъ важнѣйшіе доклады этого рода представляются султану немедленно, во всякое время дня и ночи, и раньше всѣхъ другихъ дѣлъ. Султанъ принимаетъ затѣмъ въ аудіенціи нѣкоторыхъ начальниковъ дворцовыхъ частей, отдаетъ имъ изустныя приказанія, и ведетъ бесѣды съ улемами и духовными шейхами, которыми онъ окружилъ себя.

Около 4 часовъ онъ отправляется на прогулку по парку въ экипажѣ, верхомъ или пѣшкомъ; по дорогѣ онъ посѣщаетъ одинъ изъ множества наполняющихъ паркъ châlets—резиденцію какой либо изъ его законныхъ женъ («кадинъ») или одну изъ устроенныхъ имъ многочисленныхъ мастерскихъ и фабрикъ. Къ наиболѣе важнымъ среди нихъ принадлежитъ фарфоровый заводъ и мебельная фабрика. По традиціи дома Османовъ султаны должны знать какое либо ремесло и Абдулъ-Гамидъ довольно порядочный столяръ и токарь. Онъ играетъ также на рояли, хорошо ѣздитъ верхомъ и искусно стрѣляетъ. Къ любимымъ развлеченіямъ султана относятся также катанье по искусственному озеру на электрическомъ баркасѣ.

Султанъ имѣетъ по меньшей мѣрѣ 50 рабочихъ кабинетовъ въ иль-

дизскомъ дворцѣ, императорскомъ гаремѣ и различныхъ chalets парка. Никто не знаетъ, гдѣ онъ проведетъ ту или другую часть дня или вечера. Часто онъ входитъ въ какое-нибудь зданіе и въ то время, какъ часовые у дверей полагаютъ, что султанъ находится внутри, онъ выходитъ черезъ заднюю дверь и отправляется въ другое мѣсто. Сверхъ того, въ какой бы части дворца онъ ни находился, постоянная стража бодрствуетъ день и ночь и султана сопровождаетъ всегда человѣкъ двадцать, устраивающихъ особый надзоръ въ томъ зданіи или апартаментѣ, гдѣ онъ находится въ данную минуту. Между главнымъ входомъ во дворецъ и различными покоями, служащими резиденціею султана, всегда есть 4—5 дверей, у которыхъ стоятъ на караулѣ часовые-албанцы. Никто не можетъ пройти черезъ нихъ безъ сопровожденія одного изъ камергеровъ или дежурныхъ адъютантовъ, которые должны имѣть спеціальное разрѣшеніе допустить указанныхъ лицъ.

Никогда не бываетъ также извѣстно, гдѣ султанъ будетъ спать. У него больше 50 постелей въ частныхъ апартаментахъ его законныхъ женъ, въ султанскомъ гаремѣ, chalets парка и въ главномъ корпусѣ самого ильдизскаго дворца, гдѣ онъ также спитъ иногда, когда обстоятельства заставляютъ его быть на сторожѣ. Эти спальни отдѣлены отъ всего зданія желѣзными дверями и снабжены замками съ необыкновенно замысловатымъ механизмомъ. Говорятъ также, что въ стѣнахъ и обшивкѣ комнатъ имѣются тайники, построенные мастерами, нарочно привезенными для этого изъ Европы, и извѣстные одному лишь султану. Въ дополненіе ко всѣмъ этимъ, какъ будто бы еще недостаточнымъ, предосторожностямъ, у дверей спальни, гдѣ въ данный моментъ спитъ султанъ, лежатъ два великолѣпныхъ сенъ-бернарда, которые громко лаютъ при малѣйшемъ шумѣ.

III.

Ильдизскій дворецъ построенъ на замѣчательно живописномъ склонѣ холма, расположеннаго между предмѣстьемъ Бешикташъ и деревнею Ортакёй. При Абдулъ-Азисѣ Ильдизъ служилъ только кіоскомъ или лѣтней дачей, гдѣ собственникъ проводилъ обыкновенно немногіе часы въ жаркую пору дня, или же онъ обращалъ его на нѣсколько недѣль въ свою главную резиденцію. Служащій для этой цѣли кіоскъ составляетъ принадлежность каждаго дворца при Босфорѣ. Такимъ же образомъ Ильдизъ представляетъ кіоскъ дворца Чераганъ, но Абдулъ-Гамидъ всегда избѣгалъ Черагана и сдѣлалъ кіоскъ своею единственною резиденціею. Главное соображеніе, руководившее имъ при этомъ, состояло въ томъ, что, благодаря уединенному положенію и обширности участка, дачу легко было обратить въ окруженную лагеремъ крѣпость. Въ теченіе 19 лѣтъ, проведенныхъ въ Ильдизѣ, султанъ окружилъ его множествомъ казармъ, построилъ многочисленные кіоски и другія зданія въ паркѣ, который онъ расширилъ,—однимъ словомъ, превратилъ лѣтній дворецъ въ обширную и сложную крѣпость.

Насколько Ильдизъ великъ, можно судить по тому факту, что его персоналъ доходитъ до 12,000 человѣкъ. Въ эту армію чиновниковъ и другихъ служащихъ входятъ 30 камергеровъ, 30 генералъ-адъютантовъ, 50 дежурныхъ адъютантовъ, 100 секретарей, 30 муссагибовъ, т. е. чиновниковъ, обязанныхъ развлекать султана, когда ему скучно, 50 церемоніймейстеровъ, 60 врачей, 30 аптекарей, 50 охотниковъ за крупной дичью, 30 охотниковъ за птицами, 20 кахнеджи, обязанныхъ приготовлять и подавать султану кофе, 50 библіотекарей, 20 переводчиковъ, 1,000 лакеевъ, 400 поваровъ и кухонной прислуги, 400 оффиціантовъ для разноски блюдъ, 400 музыкантовъ, комедіантовъ, пѣвцовъ, акробатовъ, жонглеровъ и т. д. 300 евнуховъ для гарема, 50 цирюльниковъ для служащихъ, 50 декораторовъ и т. д. и т. д. Понятно, что всѣ эти лица не присутствуютъ во дворцѣ одновременно, но они всѣ состоятъ на султанской службѣ и должны находиться во дворцѣ, когда этого требуютъ ихъ обязанности.

Абдулъ-Гамидъ нетерпѣливъ и запальчивъ; онъ не переноситъ противорѣчій своимъ планамъ. Если султанъ отдалъ какое-нибудь приказаніе, онъ не допускаетъ, чтобы событія могли принять оборотъ, несогласный съ его ираде. Если въ Константинополѣ или въ его окрестностяхъ случается пожаръ, султанъ посылаетъ адъютанта къ начальнику пожарной команды съ приказаніемъ немедленно потушить огонь. Если, несмотря на всѣ усилія пожарныхъ, огонь распространяется,—а это бываетъ болѣе, чѣмъ часто,—то вслѣдъ за первымъ является скоро другой адъютантъ съ извѣстіемъ, что «эфендимизъ («нашъ повелитель») разгнѣванъ неисполненіемъ его приказа, и отданъ приказъ, что пожаръ долженъ немедленно прекратиться».

Патріархъ Измирліанъ.

Turkey and the armenian atrocities by. Rev. Edwin M. Bliss, 1896.

Образъ дѣйствій и поведеніе константинопольскаго патріарха Матеоса Измирліана, не устававшаго печаловаться за свою злосчастную паству предъ султаномъ и одного имѣвшаго смѣлость говорить ему правду въ глаза, дѣлаетъ честь, говоритъ американскій миссіонеръ Блиссъ, армянскому національному характеру и служитъ залогомъ лучшей будущности для этого замученнаго народа. По описанію одного американскаго резидента въ Константинополѣ, Измирліанъ роста нѣсколько выше средняго, худой, но крѣпкаго сложенія, со строгимъ и рѣшительнымъ взглядомъ и съ крупными, характерными для его народа, чертами лица.

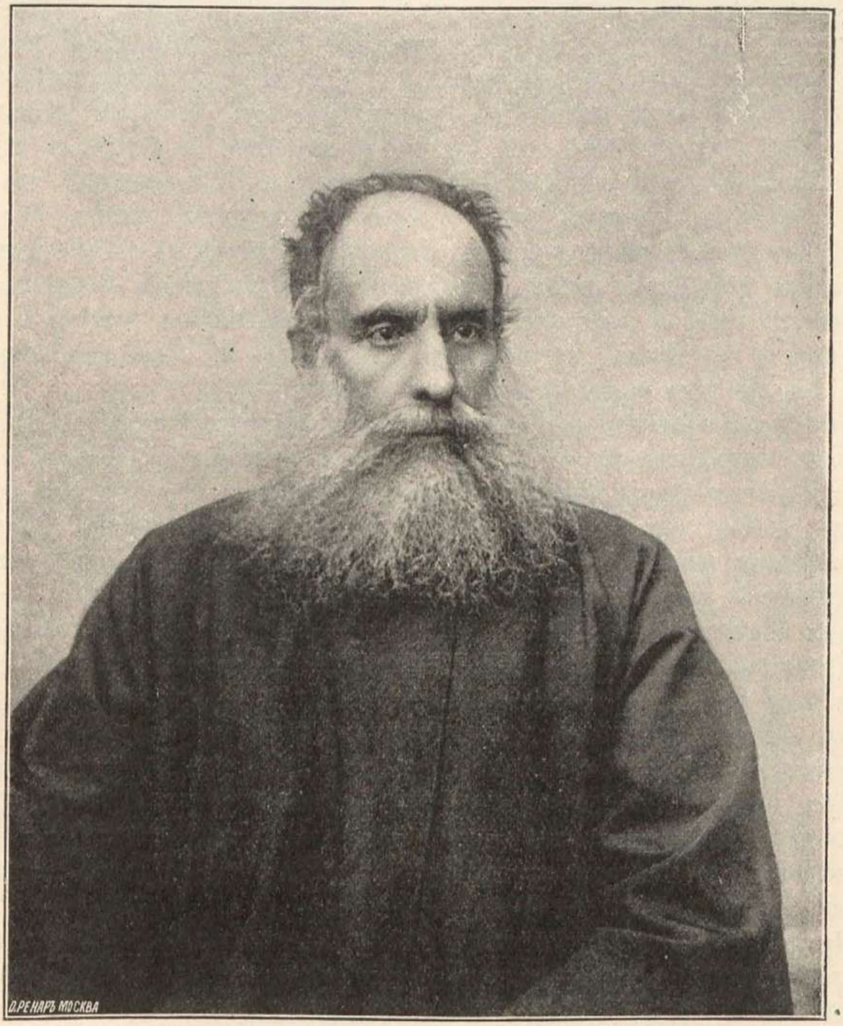
Онъ родился въ Константинополѣ въ 1845 г. и прозвище Измирліанъ получилъ, какъ уроженецъ Смирны (Измиръ по турецки). Ученіе онъ прошелъ въ Армянской школѣ и 19-ти лѣтъ былъ посвященъ въ діаконы въ одной армянской церкви на Босфорѣ. Въ 1867 г. онъ принялъ монашество и былъ посвященъ въ архимандриты. Способности и трудолюбіе выдвинули его впередъ и, постепенно повышаясь, онъ былъ сначала секретаремъ патріархата, потомъ депутатомъ армянскаго національнаго собранія, а затѣмъ членомъ духовнаго Совѣта его. Онъ былъ замѣченъ, какъ талантливый проповѣдникъ и скоро пріобрѣлъ большую популярность. Онъ также сталъ извѣстенъ какъ человѣкъ рѣдкой проницательности и благородства.

31-го года Измирліанъ былъ рукоположенъ въ епископы и получилъ въ управленіе Египетскую епархію. Здѣсь онъ ввелъ много улучшеній; его заслуги были такъ общеизвѣстны, что ему пожаловали ордена не только султанъ, но и абиссинскій король Менеликъ. При послѣднихъ выборахъ на постъ высшаго общеармянскаго іерарха, Эчміадзинскаго каѳоликоса, Измирліанъ былъ выбранъ вторымъ кандидатомъ.

Въ декабрѣ 1894 г., когда положеніе армянскаго народа, послѣ Сассунской рѣзни, было крайне плачевно, на Измирліана пало единодушное избраніе на каѳедру Константинопольскаго патріарха. Не смотря на то, что рѣшительный

характеръ и преданность Измирліана[1]) народному благу были хорошо извѣстны, султанъ счелъ нужнымъ утвердить избраніе.

Съ этого времени Измирліанъ сдѣлался въ истинномъ значеніи словъ трибу-

Константинопольскій патріархъ Матеосъ Измирліанъ (1895—1896 гг.).

номъ своего народа, принимая къ сердцу съ рѣдкою отзывчивостью всѣ нужды его и смѣло выступая на защиту попираемыхъ правъ его. Онъ пользовался

1) Чистота жизни Измирліана, его благотворительность и апостольская дѣятельность создали ему, пишетъ Бераръ, репутацію святаго какъ среди христіанъ, такъ и мусульманъ; Европа и ея представители цѣнили его прямоту и умъ. — Твердый патріотъ Измирліанъ не способенъ былъ льстить народнымъ страстямъ или безсмысленнымъ мечтаніямъ относительно націи или себя самого, но онъ былъ не способенъ также и на ту гнусную миссію, которую Ильдизъ-Кіоскъ возлагалъ на его предмѣстниковъ. (См. Victor Bérard—La politique de Sultan p. 179).

всѣми законными средствами для защиты своего народа, и никакія угрозы заточеніемъ и смертью не могли остановить его стойкую дѣятельность.

Вскорѣ послѣ своего избранія Измирліанъ потребовалъ назначенія новыхъ епископовъ на мѣсто заключенныхъ турками. Порта отвѣчала, что донесеніе не вѣрно и что епископы будутъ освобождены. Измирліанъ отвѣчалъ: «донесеніе правильно и я не могу допустить несправедливости. — Ни угрозы, ни обольщенія не поколебали его. Вѣрноподданный султана, онъ не унижался до раболѣпства, какъ онъ и самъ заявилъ на аудіенціи султану. «Насколько позволяетъ мнѣ совѣсть, сказалъ онъ, я буду повиноваться вамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ я долженъ имѣть въ виду благосостояніе моего народа». Не удивительно, что султанъ пришелъ въ страшную ярость и, прогнавъ патріарха, лишилъ обычнаго ордена. Впослѣдствіи, желая задобрить его, султанъ предлагалъ высшія награды, раздаваемыя свѣтскимъ людямъ. Измирліанъ возражалъ: «Ваше Величество, на что мнѣ эти вещи? Я простой священнослужитель. Я питаюсь хлѣбомъ и оливками, какъ и мой народъ. Въ моемъ домѣ нѣтъ мѣста для столь великолѣпныхъ вещей. Умоляю васъ не настаивать на ихъ принятіи.

Другой образчикъ своей смѣлости и непоколебимости Измирліанъ показалъ въ своемъ вступительномъ словѣ при вступленіи въ должность. «Передъ Богомъ и въ присутствіи народа клянусь, сказалъ онъ, остаться вѣрнымъ своему правительству, своему народу и конституціи, дарованной Абдулъ-Азисомъ. Мое пониманіе вѣрности таково: вѣрность обусловливается защитою правительствомъ нашихъ правъ на жизнь, на имущество, честь и безопасность. Безъ этого условія заявленіе вѣрности подданныхъ есть лицемѣріе, опасное какъ для армянскаго народа, такъ и правительства. Всякое пожеланіе, домогательство, протестъ, имѣющіе въ виду укрѣпленіе этихъ правъ, не только не будетъ нарушеніемъ моей присяги, но, наоборотъ, будетъ доказательствомъ моей вѣрноподданической безукоризненности. — Затѣмъ я долженъ быть вѣренъ народу, т. е. церкви, потому что долгъ нашей апостольской церкви не раздѣлять себя отъ народа. Права нашей церкви и народа не отмѣняемы и священны. Вашъ патріархъ будетъ ихъ защитникомъ и истолкователемъ, потому что является ихъ отвѣтственнымъ хранителемъ предъ церковью и народомъ».

Патріархъ проявилъ мужество не только по отношенію къ правительству, но и революціонному кружку, который не разъ обращался къ нему съ угрозами. Едва-ли будетъ преувеличеніемъ сказать, что Измирліанъ достоинъ быть поставленнымъ въ ряду наиболѣе извѣстныхъ борцовъ за право.

Вынужденный покинуть въ 1896 г. каѳедру, Измирліанъ осужденъ былъ на ссылку въ Триполи и только заступничество пословъ спасло его отъ этой замаскированной смертной казни. — Вмѣсто Триполи Измирліанъ былъ сосланъ въ Іерусалимъ, гдѣ онъ живетъ на положеніи опальнаго инока.

N. N.

(Посвящается памяти умершаго для меня дорогого существа).

—

Я пѣлъ бы и моря безбрежнаго ширь,
Лазурныхъ небесъ высоту;
Я пѣлъ бы и солнца румяный восходъ,
И звѣзднаго неба красу.

—

Я пѣлъ бы и птичекъ веселую трель,
И гимны счастливой любви;
Я пѣлъ бы и шопотъ дремучихъ лѣсовъ,
И пѣсни расцвѣтшей весны.

—

Но не то я видалъ, не то я слыхалъ,
Не то моей жизни злой рокъ диктовалъ...

—

Я видѣлъ долину, покрытую мглой
И мрачную, точно тюрьма,
И неба кусочекъ въ подвальномъ окнѣ,
И грязную дверь кабака.

—

Я слышалъ, какъ вьюга въ окошко стучитъ,
Какъ воетъ и плачетъ въ трубѣ,
Какъ братъ, умирающій, шепчетъ мольбы,
Съ тоской прижимаясь ко мнѣ...

—

Не до веселыхъ мнѣ пѣсенъ съ тобой,
Муза долины, нужды роковой!..

—

Я пѣлъ бы и дѣвы прелестной красу,
И очи любовью полны,
Румяныя щечки, густую косу,
И брови, какъ уголь, черны.

—

Я пѣлъ бы восторги влюбленныхъ сердецъ,
Горячую клятву любви,
И звукъ поцѣлуя, и лепетъ ночной
При свѣтѣ спокойной луны...

—

Но не то я видалъ, не то я слыхалъ,
Не то моей жизни злой рокъ диктовалъ...

—

Я блѣдныя щеки и губы видалъ
И очи слезами полны...
Дѣтьми ужъ увядши, дѣтьми заняты
Трудомъ непосильнымъ они...

—

Я слышалъ о хлѣбѣ насущномъ мольбу,
Плачъ жалкихъ, голодныхъ дѣтей;
Я слышалъ проклятья уставшихъ отцовъ,
Вздохъ бѣдныхъ, больныхъ матерей...

—

Не до веселыхъ мнѣ пѣсенъ съ тобой,
Муза долины, нужды роковой...

—

Моя пѣсня мрачна, какъ осенняя ночь,
Пѣсня грустная, полная слезъ...
Моя пѣсня тяжка, какъ любовь безъ надеждъ
Пѣснь разбитыхъ, несбывшихся грезъ...

—

Это крикъ наболѣвшей души,
Это вопль отъ мучительной боли,
Это стонъ въ безграничной юдоли
Безпросвѣтнаго мрака и тьмы...

—

Это плачъ о потерянныхъ годахъ,
Это вопль о надорванныхъ силахъ,
Это повѣсть о долгихъ невзгодахъ,
Это плачъ на родимыхъ могилахъ...

Савельевъ.

Съ Мраморнаго моря къ ночи—ориг. рис. И. К. Айвазовскаго.

Я пѣлъ бы и дѣвы прелестной красу,
И очи любовью полны,
Румяныя щечки, густую косу,
И брови, какъ уголь, черны.

—

Я пѣлъ бы восторги влюбленныхъ сердецъ,
Горячую клятву любви,
И звукъ поцѣлуя, и лепетъ ночной
При свѣтѣ спокойной луны...

—

Но не то я видалъ, не то я слыхалъ,
Не то моей жизни злой рокъ диктовалъ...

—

Я блѣдныя щеки и губы видалъ
И очи слезами полны...
Дѣтьми ужъ увядши, дѣтьми заняты
Трудомъ непосильнымъ они...

—

Я слышалъ о хлѣбѣ насущномъ мольбу,
Плачъ жалкихъ, голодныхъ дѣтей;
Я слышалъ проклятья уставшихъ отцовъ,
Вздохъ бѣдныхъ, больныхъ матерей...

—

Не до веселыхъ мнѣ пѣсенъ съ тобой,
Муза долины, нужды роковой...

—

Моя пѣсня мрачна, какъ осенняя ночь,
Пѣсня грустная, полная слезъ...
Моя пѣсня тяжка, какъ любовь безъ надеждъ
Пѣснь разбитыхъ, несбывшихся грезъ...

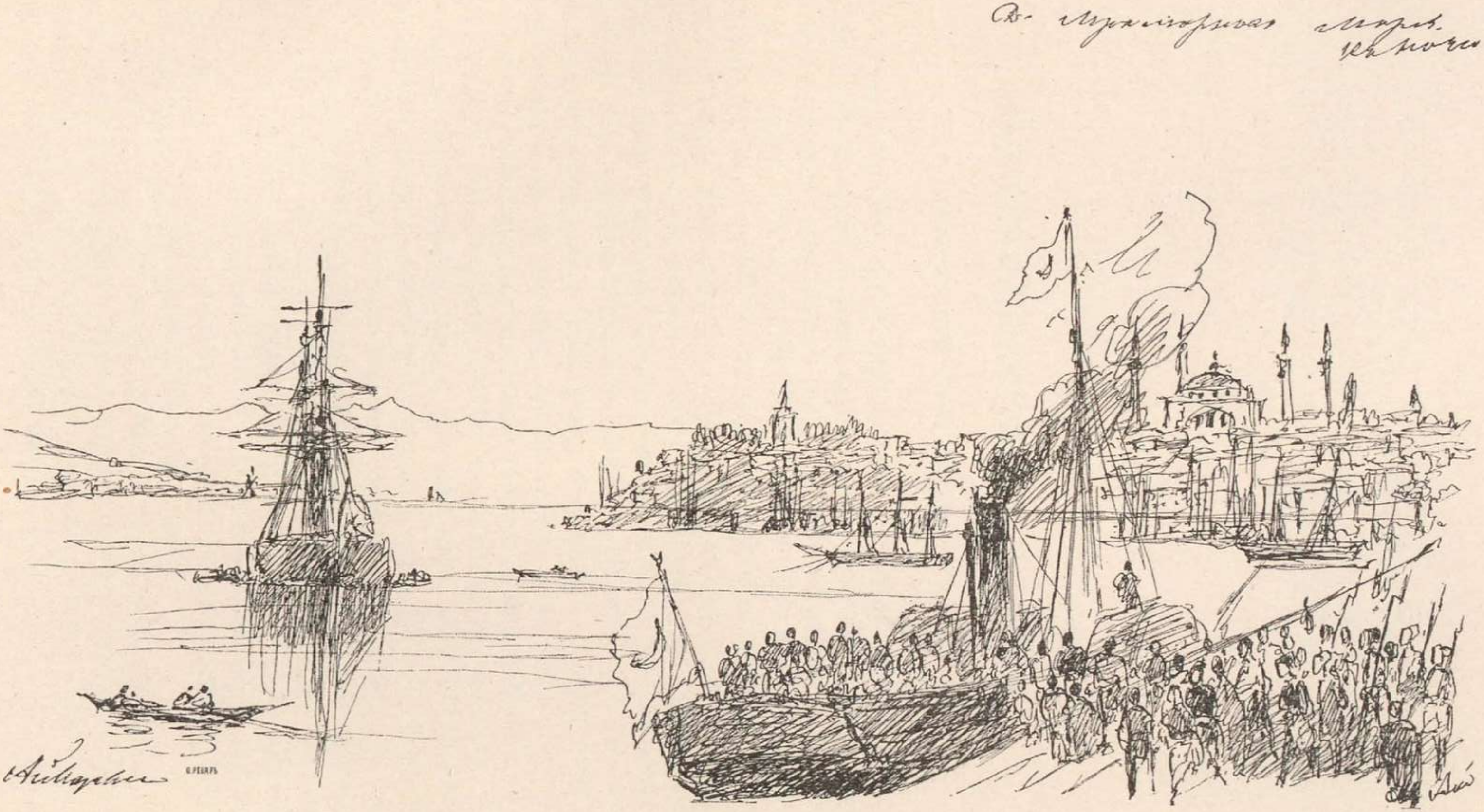
—

Это крикъ наболѣвшей души,
Это вопль отъ мучительной боли,
Это стонъ въ безграничной юдоли
Безпросвѣтнаго мрака и тьмы...

—

Это плачъ о потерянныхъ годахъ,
Это вопль о надорванныхъ силахъ,
Это повѣсть о долгихъ невзгодахъ,
Это плачъ на родимыхъ могилахъ...

Савельевъ.

Съ Мраморнаго моря къ ночи—ориг. рис. И. К. Айвазовскаго.

Константинопольская рѣзня.

(Письмо изъ Константинополя).

14 и 15 августа (1896 г.) мы стояли въ Константинополѣ; намъ пришлось быть свидѣтелями избіенія армянъ турками; видѣнныя нами ужасныя картины стоятъ и теперь передъ глазами; едва вѣришь тому, что все *это* дѣйствительно *было*, что мы не во снѣ видѣли всѣ эти ужасы. Мы пришли въ Константинополь въ среду, утромъ; пароходъ нашъ («Sidon»—Француз. компаніи Messagerie Maritime) остановился у пристани. Мы вышли между 10 и 11-ю на берегъ, были въ обѣихъ частяхъ города (Пера—европейская и Галата—азіатская), были на телеграфѣ и на почтѣ; все было совершенно покойно; мы вернулись на пароходъ около часа. Послѣ я еще разъ выходила отправлять письмо на русскую почту (въ нѣсколькихъ шагахъ отъ пристани) и тоже ничего не замѣтила. А между тѣмъ, какъ разсказывали послѣ другіе очевидцы, именно въ это время (между 12 и 1 час.) началась рѣзня: сигналомъ начала послужили убійство армянами кассира въ банкѣ и ссора на почтѣ, какъ говорили; сейчасъ же началось преслѣдованіе и убійство поголовно всѣхъ армянъ турками; магазины, лавки были быстро позаперты одни за другими; движеніе конокъ пріостановлено; на 4 улицахъ сразу произошло въ разныхъ концахъ города страшное смятеніе; всѣ бѣжали, не понимая ничего; поминутно посреди улицъ на тротуарахъ падали убиваемые армяне, подъ градомъ сыпавшихся на нихъ ударовъ палками и саблями. Не довольствуясь убійствомъ на улицахъ, толпы турокъ врывались въ дома и тамъ продолжалось избіеніе. Замѣчательно въ данномъ случаѣ то, что избіеніе началось одновременно по всему городу, и потому объяснять его, какъ потомъ говорили, местью за убійство кассира въ банкѣ армянами было бы странно.

Мы до 2-хъ часовъ еще ничего не знали о начавшемся смятеніи; сидѣли на пароходѣ, мирно разговаривая. Вдругъ... этотъ моментъ особенно врѣзался у меня въ памяти—на набережной раздался страшный, какой-то жалобный, молящій, протяжный, громкій крикъ, а вслѣдъ за нимъ сейчасъ же нѣсколько выстрѣ-

ловъ изъ револьверовъ, быстро промелькнуло нѣсколько фигуръ, впереди бѣжалъ кто-то, спотыкаясь, обезсилѣвая. За нимъ гналось человѣкъ десять,—все это произошло въ какое-нибудь мгновеніе и вслѣдъ за тѣмъ мы увидѣли на набережной распростертымъ трупъ бѣжавшаго. Это былъ одинъ изъ поденщиковъ армянъ, работавшихъ на пристани около барокъ, его такъ и захватила смерть за работой—онъ успѣлъ пробѣжать, спасаясь отъ преслѣдователей, всего какую-нибудь сотню шаговъ. Что такое? что такое? спрашивали мы, ошеломленные видѣнной сценой. Намъ отвѣчали второпяхъ: турки бьютъ армянъ!

Всѣ устремились къ борту парохода, откуда можно было видѣть слѣдующую сцену. Какъ разъ противъ того мѣста набережной, гдѣ присталъ нашъ пароходъ, находилось огромное старое почернѣвшее зданіе, складъ угля, а за нимъ въ переулкѣ, удалявшемся вглубь отъ набережной, но такъ, что можно было все хорошо видѣть, другое такое же зданіе, въ которомъ жили рабочіе армяне, по большей части пришельцы изъ различныхъ мѣстъ, занимавшіеся поденной работой на пристани: нагрузкой барокъ и пароходовъ, переноской вещей и пр. Многіе изъ нихъ работали въ это время на пристани, другіе, вѣроятно, узнавъ о грозившей опасности, укрылись въ домѣ, къ которому и направилась толпа турокъ, вооруженныхъ палками и саблями. Нѣсколько армянъ, работавшихъ на пристани, были убиты ими мгновенно, наповалъ, нѣсколькими ударами палокъ по головѣ: перескочивъ черезъ ихъ трупы, оставивъ ихъ валяться на пристани, преслѣдователи бросились къ дому рабочихъ; передовые вбѣгали по лѣстницѣ, влѣзали въ окна, остальная же толпа стояла внизу, ожидая добычи, которую бросятъ ей на растерзаніе; на минуту крики затихли, слышался только какой то вой; вотъ показались изъ оконъ турки, волочившіе за собой армянъ, найденныхъ ими въ домѣ; трудно было рѣшить, были ли тѣ уже убитые, или избитые до полусмерти, или потерявшіе сознаніе отъ страха. Ихъ бросили въ толпу, которая добивала ихъ, волокла по улицѣ, топтала въ пыли; зрѣлище было до такой степени отвратительное, ужасное, что невозможно было смотрѣть.

Хотѣлось бѣжать куда-нибудь отъ него, но вмѣстѣ съ тѣмъ и уйти отъ него было невозможно, такъ какъ ужасъ положительно леденилъ кровь и что-то заставляло слѣдить за несчастными жертвами съ какой то надеждой... не спасутся ли они чудомъ? Вотъ одинъ изъ нихъ — поденщикъ въ синей заплатанной рубахѣ, повязанный бѣлымъ платкомъ на головѣ, бѣжитъ по улицѣ; одинъ разъ мелькнуло передъ нами его смертно-блѣдное лицо; его настигли, сшибли съ ногъ: уже по его неподвижной позѣ видно, что въ немъ нѣтъ больше признаковъ жизни, — онъ лежитъ поперекъ улицы лицомъ вверхъ, съ распростертыми руками. Проходящій мимо турокъ ударилъ его, мертваго, ногой прямо въ лицо, а другой полоснулъ по немъ саблей. Все это произошло необыкновенно быстро; не было слышно ни одного крика, ни одного вопля умиравшихъ; ихъ валили, какъ снопы, одинъ за другимъ грудами. Когда мы немного опомнились, изъ переулка уже выѣхала огромная телѣга, верхомъ нагруженная тѣлами убитыхъ; нѣкоторыя изъ нихъ, казалось, шевелились...

Телѣгу сопровождало нѣсколько полицейскихъ, важно выступавшихъ по обѣимъ сторонамъ: полиція въ этотъ день, какъ мы замѣтили, появлялась на сценѣ лишь каждый разъ, когда производилась очистка улицъ отъ труповъ

послѣ побоища. Переулокъ опустѣлъ. Толпа устремилась дальше вглубь, и намъ не стало уже видно ея. Передъ домомъ рабочихъ, гдѣ только что происходила страшная сцена, бродило нѣсколько собакъ; на нѣсколько минутъ водворилось молчаніе, и никого не было видно. Вдали раздавались выстрѣлы и страшный лай собакъ; мимо насъ по набережной провезли еще три фуры мертвыхъ тѣлъ, наваленныхъ безпорядочно, неприкрытыхъ. Судя по одеждѣ, это все были рабочіе бѣдняки (такъ какъ это былъ именно кварталъ, гдѣ жили армяне рабочіе). Немного спустя, въ переулкѣ, который мы могли наблюдать, около все того же дома рабочихъ, снова стала понемногу собираться толпа турокъ; они входили въ двери, влѣзали въ окна и появлялись снова на улицѣ, нагруженные различнымъ домашнимъ скарбомъ: тюфяками, одеждой, жалкой мебелью, однимъ словомъ, все жалкое имущество бѣдняка поденщика, только что убитаго, тащилось убійцами. Этотъ отвратительный грабежъ среди бѣлаго дня, у всѣхъ на глазахъ продолжался весь день. Когда было разграблено все имущество, стали выламывать оконныя рамы, двери — награбленное добро тащили въ разныя стороны, большею частью въ пивную, находившуюся какъ разъ противъ нашего парохода, и тутъ устраивалась попойка... Развеселившаяся удачей компанія усаживалась за столиками на тротуарѣ передъ пивной, о чемъ то (угадать не трудно о чемъ) съ жаромъ разговаривала; иные потирали руки, размахивали ими; потомъ вдругъ всѣ снимались съ мѣста и устремились въ одинъ изъ сосѣднихъ переулковъ, словно волки, почуявшіе добычу.

Мы провели весь день до вечера неподвижно на одномъ мѣстѣ, слѣдя съ парохода за ужасными, разыгравшимися передъ нами сценами убійства и грабежа. Мимо насъ провезли еще и еще нѣсколько фуръ мертвыхъ тѣлъ; тутъ же передъ самымъ нашимъ пароходомъ убили еще одного армянина, который выбѣжалъ изъ дома, намѣреваясь спастись въ лодкѣ, но его подстерегали уже, вѣроятно, и мигомъ покончили съ нимъ... Нѣкоторое время его трупъ пролежалъ на улицѣ, и проходившіе толкали и били его ногами; бдительная и аккуратная полиція, однако, не замедлила убрать его. Настал вечеръ; мракъ быстро сгустился надъ городомъ, огней почти нигдѣ не зажигали, наступила ночная тишина, нарушаемая лаемъ собакъ и выстрѣлами, раздававшимися въ различныхъ частяхъ города. Мимо по пристани проходили безпрестанно одна за другой шайки турокъ съ палками въ рукахъ, напоминавшія шакаловъ, выходившихъ на ночную охоту. Противъ нашего парохода, на бревнахъ усѣлись нѣсколько турокъ, которые, видимо, расположились здѣсь прочно на всю ночь; не трудно было угадать ихъ намѣренія: они выслѣживали добычу, которую чуяли на пароходѣ; дѣйствительно, на нашемъ пароходѣ удалось укрыться нѣсколькимъ армянамъ, которыхъ французы приняли, успокоили и обѣщали безплатно провезти изъ Константинополя до одного изъ греческихъ портовъ.

Можно себѣ представить, въ какомъ состояніи находились ихъ семьи въ городѣ; не зная, что они нашли себѣ убѣжище, они, конечно, считали ихъ погибшими. Удостовѣриться въ смерти пропавшихъ не было никому изъ родственниковъ никакой возможности; тѣла, которыя, какъ мы видѣли, возили въ фурахъ, сваливали потомъ въ баркасы и *безъ счета топили* въ томъ мѣстѣ, гдѣ при входѣ изъ Босфора въ Мраморное море существуетъ довольно сильное теченіе. Гово-

рили, что такихъ тяжело нагруженныхъ баркасовъ съ тѣлами убитыхъ было свалено въ теченіе ночи въ море 42. «Истиннаго же числа жертвъ даже приблизительно никто никогда не будетъ знать», замѣтилъ кто-то.

Страшно тяжелая, тревожная, гнетущая была эта ночь; все время на палубѣ велись тихіе разговоры о случившемся, а на берегу смотрѣли устремленные на насъ жадно глаза турокъ, ожидавшихъ добычи, выли собаки, а внизу къ спуску съ парохода на берегъ нѣсколько разъ подходили турки и плескались подолгу, усѣвшись на мостики; при одномъ изъ выходовъ луны изъ-за тучъ мы разглядѣли, что они отмывали у себя на тѣлѣ кровь.

Съ восходомъ солнца снова пошло то же самое; вѣроятно, не прекращавшіяся и ночью звѣрства, которыя прикрылъ на нѣкоторое время мракъ, опять стали видны повсюду. Утромъ нѣсколько моряковъ отправились въ городъ и принесли извѣстія, что всѣ рѣшительно армянскіе магазины и лавки разграблены, что число убитыхъ особенно велико въ Стамбулѣ, гдѣ даже вывозить трупы не успѣваютъ и что сегодня побоище грозитъ принять еще большіе размѣры... Въ переулкѣ противъ нашего парохода, гдѣ вчера мы наблюдали описанную выше сцену, предъ тѣмъ самымъ домомъ снова собралась толпа. Они провѣдали, что въ домѣ укрылось еще нѣсколько армянъ, и отправились на розыски ихъ. Прошло нѣсколько мучительныхъ минутъ неизвѣстности: найдутъ ихъ или нѣтъ? Толпа, ожидавшая на улицѣ, не могла дольше ждать; еще многіе полѣзли брать домъ словно приступомъ; остальные образовали плотно сомкнутую стѣну поперекъ улицы, чтобы не дать убѣжать ни одному армянину, котораго найдутъ въ домѣ. Немного погодя, изъ оконъ и на какомъ-то выступѣ дома показалось нѣсколько турокъ, которые волочили новыя жертвы...

Я больше не видѣла, что потомъ произошло... Говорятъ, ихъ бросали на мостовую внизъ головой; наваливъ ими телѣгу, ихъ увезли. А толпа снова раздѣлилась: однихъ увлекъ дальше разыгравшійся инстинктъ кровожадности, у другихъ взяла верхъ жадность—они остались и долго еще продолжался грабежъ... Мимо по набережной ѣхали кареты, открытые экипажи, въ которыхъ сидѣли, судя по одеждѣ, видныя лица города; прохаживалась полиція, небольшіе отряды—человѣкъ по 10 солдатъ; жизнь шла своимъ порядкомъ; никто какъ бы не хотѣлъ обращать вниманія на происходившіе у всѣхъ на глазахъ убійство и грабежъ. И что особенно производило странное впечатлѣніе, такъ это то, что тутъ же, въ виду этого повальнаго истребленія людей, стояли вдоль берега и дальше въ проливѣ громадныя суда — представители всѣхъ европейскихъ державъ. Вся эта рѣзня не производила бы, кажется, такого вдвойнѣ ужаснаго впечатлѣнія гдѣ-нибудь въ глуши, въ какомъ-нибудь захолустномъ турецкомъ городишкѣ, но не здѣсь, въ столицѣ, въ присутствіи всѣхъ властей, мѣстныхъ и иностранныхъ. Это не была стычка, война, подавленіе возстанія, а просто какое-то отвратительное, повальное, массовое убійство, *охота на человѣка*; по крайней мѣрѣ, такой видъ имѣло избіеніе въ той части города, которую мы могли наблюдать; но отъ другихъ приходилось слышать, что и тамъ было то же самое.

На другой день (въ четвергъ) пришлось видѣть (слава Богу, хотя издалека) еще болѣе раздирающія сцены: спасавшихся въ безумномъ страхѣ на крыши армянъ настигли и тамъ преслѣдователи бросали ихъ съ высоты 3-хъ, 4-хъ

этажныхъ домовъ, на виду у ихъ женъ, дѣтей. Женщинъ и дѣтей не трогали, правда, но ихъ, во всякомъ случаѣ, послѣ смерти отцовъ, братьевъ, мужей ожидала нищета, а можетъ быть, и голодная смерть.

Нашъ пароходъ, по распоряженію французскаго агентства, долженъ былъ остаться на неопредѣленное время въ Константинополѣ, чтобы предоставлять убѣжище французамъ, жителямъ Константинополя.

Намъ посовѣтовали продолжать путешествіе на другомъ пароходѣ (Gironde), что мы и сдѣлали. Когда мы ходили туда наводить справки, примутъ ли насъ, было 2 часа дня; какъ разъ въ это время толпы убійцъ направлялись снова къ пристани. Заслышавъ выстрѣлы, служащіе на пароходѣ посовѣтовали намъ идти какъ можно скорѣе, чтобъ избѣжать опасности, такъ какъ толпа приближалась быстро. Пока мы прошли разстояніе отъ одного парохода до другого по пристани, слыша тревожные совѣты французовъ: скорѣй, скорѣй! и раздававшіеся за нами все громче и громче выстрѣлы и вой толпы, я поняла отчасти и еще живѣе представила себѣ весь ужасъ этихъ убійствъ; ощутила, такъ сказать, ихъ реальность, тогда какъ раньше, видя все это съ парохода, я не вѣрила своимъ глазамъ: нѣсколько разъ казалось, что это какое-то жестокое театральное представленіе, сильно дѣйствующее на нервы, а не живая дѣйствительность; не вѣрилось, что все, что мы видѣли, происходило дѣйствительно на нашихъ глазахъ наканунѣ XX-го столѣтія, что мы не перенесены въ какомъ-то снѣ далеко назадъ, въ средніе вѣка.

О. Кайданова.

Добавленіе.

А вотъ что сообщалъ съ Босфора корреспондентъ *Новаго Времени*:

«Вечерѣетъ, солнце только что зашло и еще золотитъ верхушки минаретовъ... На казенной пристани, въ Босфорѣ, какая то толпа; слышенъ стукъ оружія, лязгъ оковъ, сдержанный говоръ, командныя слова. Между двухъ рядовъ низама, конвоируемые полицейскими, по одному и по два переходятъ арестанты съ пристани на маленькій военный пароходъ. Нагрузка живого груза идетъ быстро, хотя на первый взглядъ, движенія кажутся вялыми, походка — медленною; но это только на первый взглядъ, въ сущности же вся эта работа дѣлается живо, безъ пререканій, безъ недоразумѣній, въ полномъ порядкѣ. Начальникъ выкликаетъ имена; Ахметы и Фуады, не откликаясь, молча, съ апатичными лицами, занимаютъ свои мѣста въ шествіи, и постепенно пристань освобождается отъ арестантовъ, а трюмъ и палуба парохода наполняются ими. Тутъ и армяне, и курды, и турки, большею частью молодежь, особенно среди турокъ много молодыхъ лицъ, частью скованныхъ по рукамъ и по ногамъ, частью оставленныхъ на свободѣ. Это — выселяемые «неспокойные» элементы константинопольскаго населенія. Армяне, по словамъ турецкихъ полицейскихъ, подозрѣваются въ «несочувствіи» турецкому режиму, и подозрѣваются довольно основа-

тельно, такъ какъ «сочувствующихъ» этому режиму между армянами трудно найти; курды, конечно, рѣзали и били, но выселяются не поэтому, а потому что въ Ильдизъ-кіоскѣ боятся, какъ-бы они отъ упражненій «райей» не перешли къ упражненіямъ надъ правовѣрными; турки, или, вѣрнѣе, младо-турки выселяются не за то, что били или рѣзали, а за «опасныя мечтанія», которыя заронились въ ихъ правовѣрныхъ головахъ. Поклонникамъ Магомета разрѣшается мечтать лишь о посмертныхъ наслажденіяхъ съ гуріями, эти же заблудшія овцы нарушили завѣтъ пассивной покорности фатуму и отъ невѣрныхъ гяуровъ заразились мечтаніями о переустройствѣ своего земного существованія. И вотъ ихъ сбили тутъ въ одно стадо: курдовъ, армянъ, младо-турокъ и нагружаютъ на пароходъ, который долженъ развести ихъ по мѣстамъ «не столь» «и болѣе» отдаленнымъ.

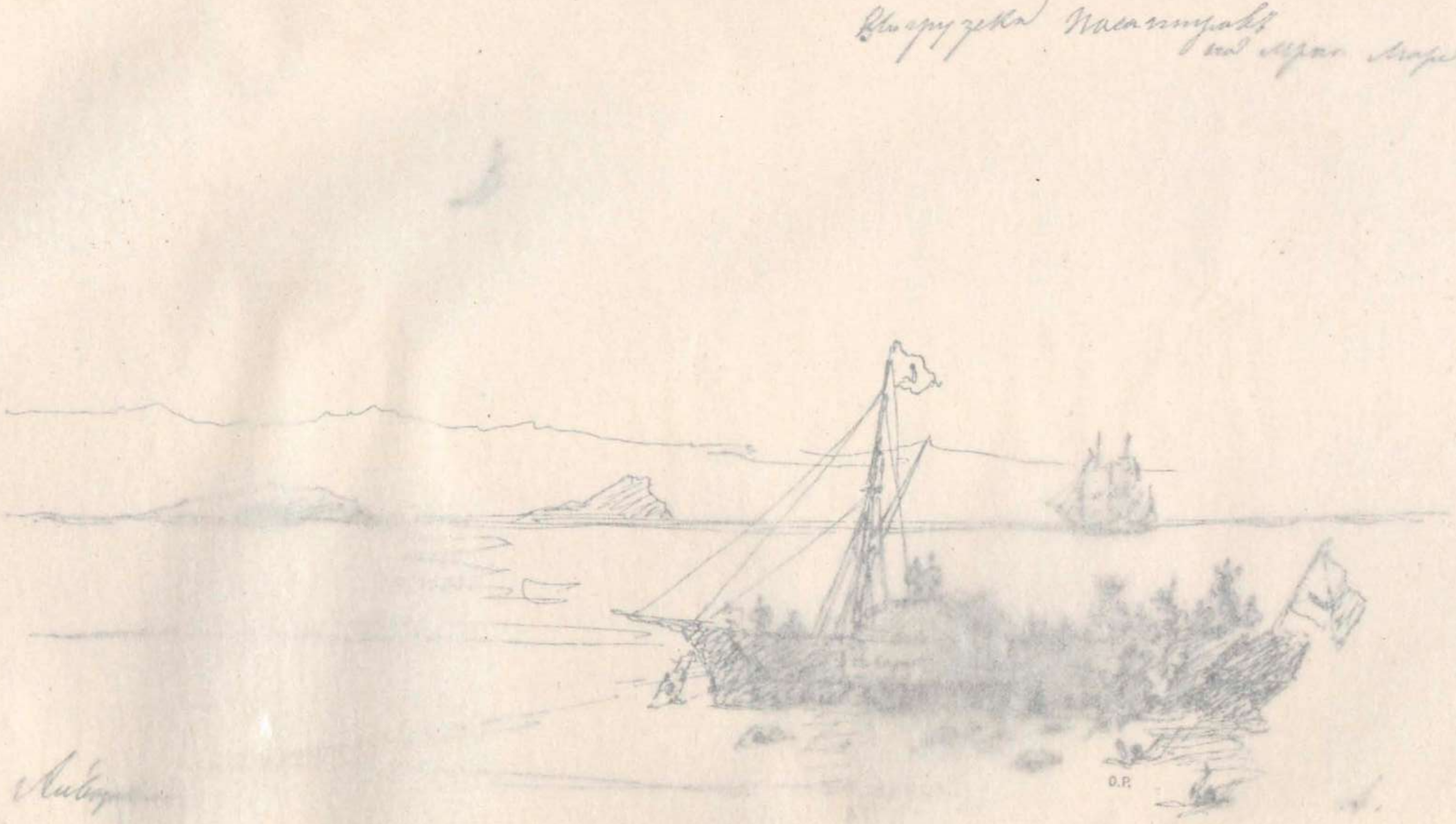
«И тутъ то, на пристани и на пароходѣ, восточный фатализмъ снова восторжествовалъ и надъ озвѣреніемъ курдовъ, и надъ страданіями христіанъ, и надъ фрондерствомъ оевропеившихся младо-турокъ. Ни одного протеста, ни одной жалобы не раздается изъ толпы высылаемыхъ; равнодушно и покорно повинуются они командными словамъ и съ тупою безсознательностью слѣдуетъ это стадо за своими вожаками.

«Сумерки сгустились, настала ночь; на пароходѣ и на пристани зажгли фонари. Нагрузка окончена. Послѣдними заняли мѣста конвойные солдаты, столь же равнодушные и съ тѣмъ же тупымъ выраженіемъ лицъ, какъ и высылаемые. Невольно приходитъ на мысль, что ихъ нисколько не удивитъ, если завтра же имъ придется занять мѣсто конвоируемыхъ арестантовъ. Капитанъ скомандовалъ, пароходъ двинулся въ путь и скоро скрылся въ ночной тьмѣ, направляясь къ Мраморному морю.

«Утромъ, когда опять сіяло солнце во всей своей красотѣ и лучезарно сверкали волны Босфора у подножія мраморныхъ дворцовъ, маленькій военный пароходъ опять стоялъ у пристани, очищаясь послѣ ночного рейса и готовясь къ нагрузкѣ новаго стада. «А гдѣ же высылавшіеся?» — освѣдомился я. *Они доставлены по назначенію*,—отвѣчали мнѣ.

«Потомъ разсказывали, что ночью на Мраморномъ морѣ на проходившихъ судахъ слышали какіе то крики, стоны, вопли...

«Не знаю, насколько во всемъ правды, но фактъ тотъ, что европейцы въ Константинополѣ теперь *не ѣдятъ рыбы*. И мнѣ босфорская рыба противна: она слишкомъ жирна».

Выгрузка паломниковъ на Мраморномъ морѣ. Рис. И. К. Айвазовскаго.

тельно, такъ какъ «сочувствующихъ» этому режиму между армянами трудно найти; курды, конечно, рѣзали и били, но выселяются не поэтому, а потому что въ Ильдизъ-кіоскѣ боятся, какъ-бы они отъ упражненій «райей» не перешли къ упражненіямъ надъ правовѣрными; турки, или, вѣрнѣе, младо-турки выселяются не за то, что били или рѣзали, а за «опасныя мечтанія», которыя зароились въ ихъ правовѣрныхъ головахъ. Поклонникамъ Магомета разрѣшается мечтать лишь о посмертныхъ наслажденіяхъ съ гуріями, эти же заблудшія овцы нарушили завѣтъ пассивной покорности фатуму и отъ невѣрныхъ гяуровъ заразились мечтаніями о переустройствѣ своего земного существованія. И вотъ ихъ сбили тутъ въ одно стадо: курдовъ, армянъ, младо-турокъ и нагружаютъ на пароходъ, который долженъ развести ихъ по мѣстамъ «не столь» «и болѣе» отдаленнымъ.

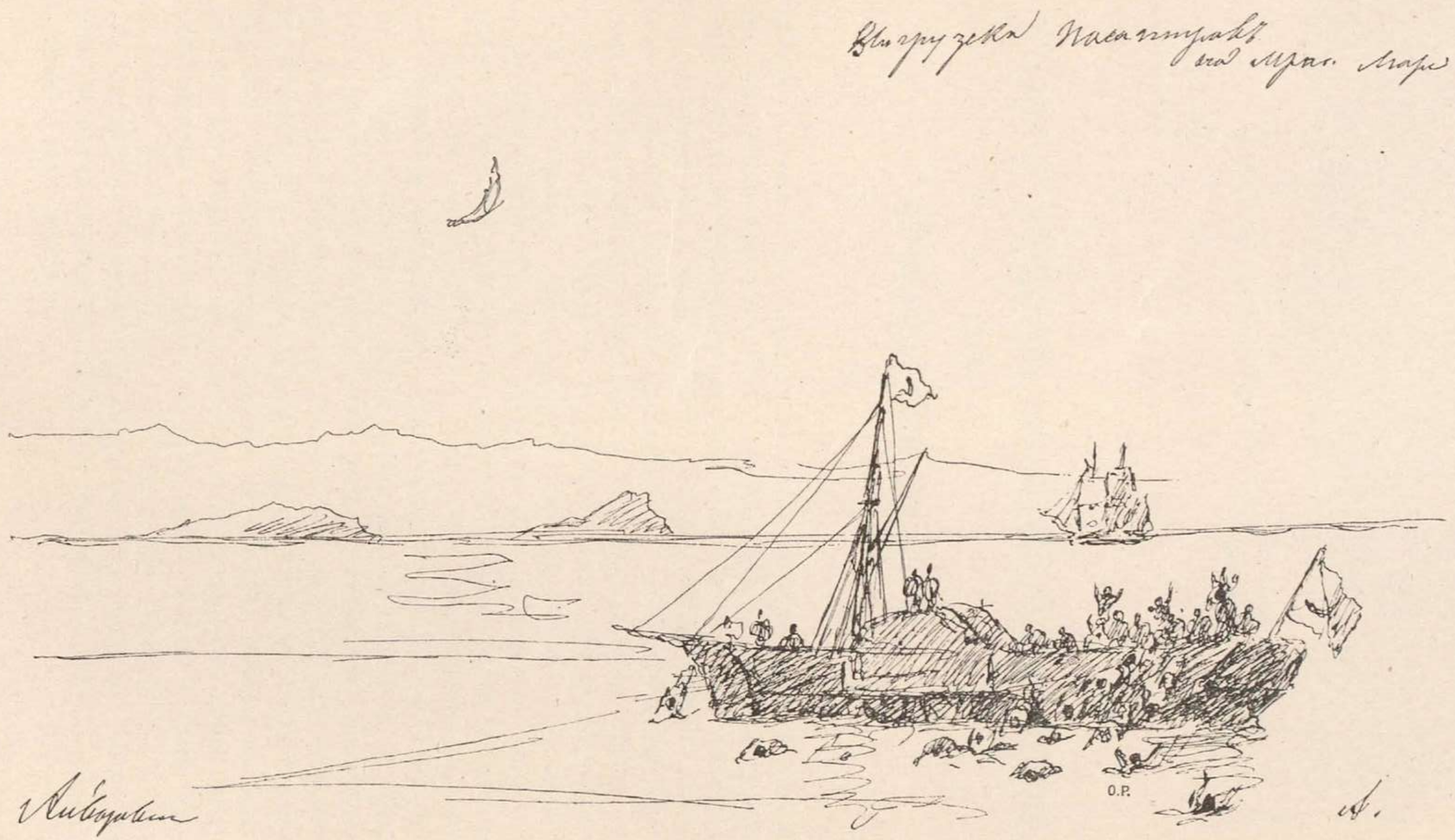
«И тутъ то, на пристани и на пароходѣ, восточный фатализмъ снова восторжествовалъ и надъ озвѣреніемъ курдовъ, и надъ страданіями христіанъ, и надъ фрондерствомъ оевропеившихся младо-турокъ. Ни одного протеста, ни одной жалобы не раздается изъ толпы высылаемыхъ; равнодушно и покорно повинуются они командным словамъ и съ тупою безсознательностью слѣдуетъ это стадо за своими вожаками.

«Сумерки сгустились, настала ночь; на пароходѣ и на пристани зажгли фонари. Нагрузка окончена. Послѣдними заняли мѣста конвойные солдаты, столь же равнодушные и съ тѣмъ же тупымъ выраженіемъ лицъ, какъ и высылаемые. Невольно приходитъ на мысль, что ихъ нисколько не удивитъ, если завтра же имъ придется занять мѣсто конвоируемыхъ арестантовъ. Капитанъ скомандовалъ, пароходъ двинулся въ путь и скоро скрылся въ ночной тьмѣ, направляясь къ Мраморному морю.

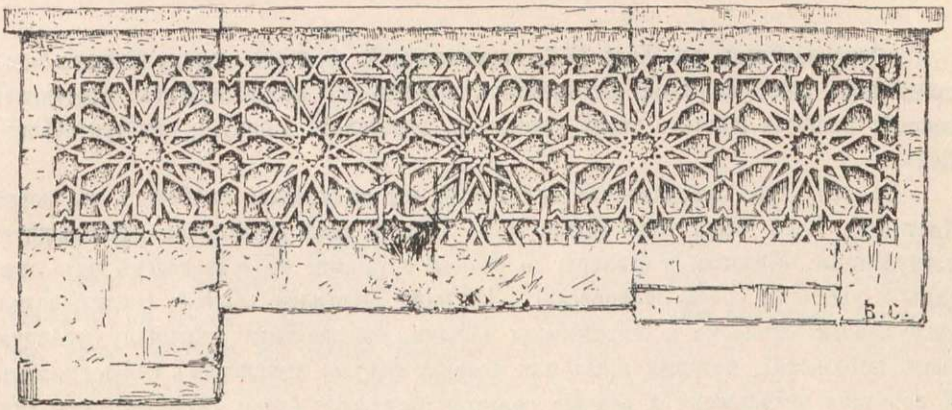
«Утромъ, когда опять сіяло солнце во всей своей красотѣ и лучезарно сверкали волны Босфора у подножія мраморныхъ дворцовъ, маленькій военный пароходъ опять стоялъ у пристани, очищаясь послѣ ночного рейса и готовясь къ нагрузкѣ новаго стада. «А гдѣ же высылавшіеся?» — освѣдомился я. *Они доставлены по назначенію*,—отвѣчали мнѣ.

«Потомъ разсказывали, что ночью на Мраморномъ морѣ на проходившихъ судахъ слышали какіе то крики, стоны, вопли...

«Не знаю, насколько во всемъ правды, но фактъ тотъ, что европейцы въ Константинополѣ теперь *не ѣдятъ рыбы*. И мнѣ босфорская рыба противна: она слишкомъ жирна».

Выгрузка пассажировъ на Мраморное море—ориг. рис. И. К. Айвазовскаго.

Августовскія убійства въ Константинополѣ.

(1896 г.).

Виктора Берара [1]).

I.

Въ глубинѣ Золотаго Рога, какъ разъ противъ кипарисовъ и священной мечети Эюба, расположилось Хасъ-Кёй, предмѣстье Константинополя, преимущественно заселенное армянскими семьями. Въ Хасъ-Кёй не было никакихъ памятниковъ, а потому оно и не посѣщалось туристами. Расположенное на одномъ берегу съ Галатой и Перой, оно отдѣлялось отъ нихъ арсеналами Теръ-Ханэ, и было почти неизвѣстно европейцамъ. Хасъ-Кёй, впрочемъ, ничѣмъ не отличался отъ другихъ чисто турецкихъ кварталовъ. Это были тѣ-же покатые переулки какъ и въ Стамбулѣ, тѣ-же деревянные домишки, тотъ-же видъ общаго упадка и временныхъ построекъ, то-же отсутствіе шума и движенія. Только по утрамъ группы мущинъ и мальчиковъ спускались къ лодкамъ, чтобы доѣхать до Большаго Моста или пересѣчь Золотой Рогъ. Они направлялись къ лавкамъ базара Покончивъ свой день, они возвращались вечеромъ. Это были ремесленники, портные и башмачники, пробивавшіеся изо дня въ день и не обладавшіе ничѣмъ, кромѣ четырехъ деревянныхъ стѣнъ, да небольшаго количества мебели ихъ чисто восточныхъ хижинъ. Въ Хасъ-Кёй не было выставленнаго на видъ великолѣпія, какъ у грековъ Фанары или капиталистовъ Перы; не было эксплоатаціи сосѣда подозрительными ремеслами и стряпней денегъ; не было также и политическихъ споровъ; они жили далеко отъ патріархата и Кумъ-Капу, центра армянской націи. Многіе приняли къ себѣ женъ, дочерей и дѣтей спасшихся отъ избіенія въ Малой Азіи при убійствахъ. Они знали, какая участь ожидала ихъ при первомъ признакѣ неудовольствія. Они жили въ тиши, на концѣ города, гранича съ полями и кладбищами и, довольствуясь тѣмъ, что живы, старались, чтобы о нихъ позабыли.

1) Изъ книги: La politique du sultan. Paris. 1897.

«Отправляйтесь въ Хасъ-Кёй, говорили мнѣ. Сейчасъ мы не можемъ вамъ предложить никакой рѣзни: не хватаетъ армянъ. Но возвращайтесь слѣдующей весной: Болгары примутъ тогда участіе въ праздникѣ. А покуда, осмотрите Хасъ-Кёй».

Въ это утро, затуманенное октябремъ, мы высадились на берегъ въ портѣ Хасъ-Кёй. Насъ было трое французовъ. Передъ нами спустились стекольщики, нагруженные стеклами и столяры со своими орудіями; на дебаркадерѣ ихъ ожидалъ и увелъ за собой полицейскій. За нами двигался *хамалъ* (носильщикъ), нагруженный одѣялами и шерстяными вещами, предшествуя драгоману французскаго посольства, который шелъ для поданія помощи армянскимъ священникамъ. У пристани носильщики и морскіе солдаты нагружали судно: хромыми столами, продавленными стульями, дверями, оконными рамами, ящиками изъ коммодовъ, разбитыми стеклами, коврами, испачканными большими черноватыми пятнами: «Это кровь», сказалъ одинъ изъ насъ, нащупывая запекшійся кусокъ волосъ и мозга. Носильщики и солдаты сваливали на судно эту безпорядочную кучу разломанной въ куски мебели; каждый день въ теченіе мѣсяца отправляется въ арсеналъ много такимъ образомъ нагруженныхъ барокъ...

Маленькія прибрежныя греческія кофейни съ своими портретами короля Георга и королевы Ольги открыты, но пусты. Ничто не обезпокоило ни ихъ выставленной въ шеренгу посуды, ни ихъ блестящихъ мѣдныхъ кофейниковъ, ни паутины, которыя ткутъ ихъ пауки въ тѣни потолковъ. Въ бездѣйствіи, передъ своими боченками сардинокъ и оливъ, греческіе колоніальные торговцы проводятъ время въ чтеніи газетъ и въ поджариваніи на сковородѣ вонючей рыбы. Ничто не смутило ихъ политическихъ разговоровъ. Ни одинъ грекъ, ни одинъ греческій домъ, ни одна греческая витрина не были повреждены, и это кажется настоящимъ чудомъ въ этомъ портѣ Хасъ-Кёй, гдѣ лавки и дома грековъ и армянъ перемѣшивались между собою такъ, что ихъ нельзя было различить. Но во всѣхъ армянскихъ лавкахъ, отданныхъ на разграбленіе, теперь сбиты крыши. А впереди, въ разоренныхъ бесѣдкахъ, вокругъ подносовъ и чашекъ, расположились кружками и курятъ солдаты и полицейскіе. Насъ встрѣтилъ полковникъ, въ полной формѣ, съ совсѣмъ новымъ орденомъ коммандора на шеѣ.

Онъ далъ намъ въ проводники довѣреннаго человѣка съ приказаніемъ показать намъ въ подробностяхъ все, что сдѣлано для облегченія этихъ несчастныхъ.

Черезъ пустынныя улицы, окаймленныя запертыми домами со вновь вставленными стеклами въ окнахъ, этотъ человѣкъ провелъ насъ въ церковь, о существованіи которой нельзя было догадаться за высокой стѣною. Надо было долго стучаться въ дверь, окованную желѣзомъ. Церковь, построенная на выстланной плитами террасѣ, довольно велика, но безъ колокольни и безъ фасада, внутри-же никакой роскоши, ни одной позолоты, ни одной рамы. Это церковь какой нибудь очень бѣдной общины, такая, какую можно видѣть въ нашихъ горныхъ приходахъ, чистенькая, съ еловымъ поломъ и еловыми скамейками, съ выбѣленными известкой стѣнами и деревяннымъ разрисованнымъ алтаремъ. Армяне этого квартала были все мелкіе ремесленники и церковь у нихъ была бѣд-

ная. Отсюда можно было прочитать еще на одной двери написанныя подъ двумя строчками на армянскомъ языкѣ слѣдующія слова по французски: Ceci est un cordonnier [1]).

*
* *

На раздачу одѣялъ прибѣжали женщины. Въ комнатѣ священника сидѣло отъ десяти до двадцати человѣкъ—все что осталось изъ мужскаго армянскаго населенія въ этомъ кварталѣ изъ пятисотъ семействъ. Они избѣжали общей рѣзни. Тотъ работалъ въ одномъ европейскомъ домѣ Перы и его оставили тамъ въ теченіе трехъ дней. Другой отправился въ Кади-Кёй и былъ спрятанъ мусульманами-албанцами.

— А ты?

— Я, я пошелъ въ Стамбулъ чтобы отнести башмаки, которые я докончилъ; я башмачникъ. Это было наканунѣ Успеньева дня (26—14 августа), и я былъ въ надеждѣ, что мнѣ заплатятъ. Я возвращался съ деньгами. Насъ было трое армянъ въ одномъ кайкѣ и трое гребцовъ—турокъ. Турки сказали намъ: «Не ходите сегодня домой; вотъ ужъ съ часъ времени, какъ въ Хасъ-Кёй рѣжутъ». Тогда мы попросили ихъ свезти насъ въ Эюбъ...

Эюбъ, мусульманскій кварталъ на другомъ берегу Золотаго Рога, слыветъ въ Константинополѣ за центръ фанатизма. Въ его мечети недоступной для *гяуровъ*, хранится мечъ Пророка, который каждый новый султанъ опоясываетъ при своемъ вступленіи на престолъ. А потому намъ показалась странною мысль, которая пришла этимъ армянамъ выбрать себѣ подобное убѣжище во время избіенія. Но армянинъ продолжалъ:

— Мы отправились въ Эюбъ къ Фэми-Пашѣ. Это очень благочестивый старикъ, котораго Султанъ не любитъ и который хочетъ окончить свои дни въ Эюбѣ, чтобы быть похороненнымъ около мечети. Цѣлый годъ Феми говорилъ армянамъ,—потому что вотъ ужъ годъ, какъ всѣ знаютъ, что насъ будутъ убивать:—«Приходите ко мнѣ спасаться». Вотъ мы и укрылись въ его домѣ. Но домъ былъ малъ и уже полонъ. Онъ провелъ насъ въ мечеть и сказалъ священнику: „Возьми этихъ людей и спаси ихъ". Священникъ ввелъ насъ во дворъ. Насъ было больше ста. Намъ принесли рогожъ и кувшины, и мы оставались тутъ четыре дня; каждый день, утромъ и вечеромъ, турки квартала приносили намъ ѣсть. На второй день пришли убійцы вмѣстѣ съ солдатами и полицейскими. Они хотѣли проникнуть во дворъ и говорили: «Повелитель позволилъ убивать армянъ». Священникъ, стоя у дверей отвѣчалъ: «Я не знаю, что вамъ позволилъ повелитель. Но Пророкъ, который приказываетъ убивать идолопоклонниковъ, воспрещаетъ убивать народовъ Книги. Эти — христіане, и вы не будете ихъ убивать», и софты и другіе священники не пропускали ихъ. Но ихъ было безчисленное количество, и тѣ, что были позади, подняли дубины, кричали и толкали другихъ. Тогда одинъ полицейскій въ формѣ, впереди другихъ, крикнулъ имъ: «Яссакъ! Яссакъ! Воспрещается! Воспрещается!» и они удалились, и даже не стали разорять армянскихъ лавокъ попадавшихся имъ на дорогѣ»...

1) Это башмачникъ.

Покончивъ съ раздачей одѣялъ, драгоманъ посольства возвратился къ намъ: «Я зналъ всѣхъ здѣсь. Еще въ 1895 г., послѣ Стамбульскихъ убійствъ въ этой церкви скрылось сто шестьдесятъ человѣкъ, которые не хотѣли выходить отсюда. Посольство отправило меня для переговоровъ съ ними: каждое посольство взяло на себя по одному армянскому кварталу. Мнѣ удалось ихъ разувѣрить; но они умоляли меня удалить изъ Хасъ-Кёй двухъ мусульманскихъ мясниковъ и чиновника, ведущаго отчетность въ арсеналѣ, которые устроились какъ бы тѣснымъ кружкомъ для избіенія и угрожали имъ смертью. Несмотря на наши представленія, эти бандиты не были потревожены. И теперь, какъ только убійцы появились, за работой не стало дѣла; армянскія двери были помѣчены мѣломъ; я могу вамъ показать турецкія надписи, онѣ всѣ сдѣланы одной рукою. Они пріѣхали на лодкѣ въ среду 26-го августа, около пяти часовъ вечера, и всю ночь, и весь слѣдующій день, въ продолженіи тридцати часовъ, была работа. Первыхъ же армянъ найденныхъ въ городѣ, привели къ мясникамъ. А такъ какъ они отбивались, то имъ отрубили обѣ руки на мясномъ полкѣ и мясникъ кричалъ: „Продаются свиныя ноги". Потомъ ихъ убивали по способу принятому этой хорошо организованной экзекуціей. У бандъ не было другаго оружія кромѣ дубинъ, *сопасъ*, (sopas) но всѣ онѣ были одинаковой формы и длины: полагаютъ, что онѣ были изготовлены спеціально для этого употребленія въ морскихъ мастерскихъ, и извѣстно, что за много дней прежде, онѣ были розданы по различнымъ полицейскимъ постамъ, въ виду того, что власти были предупреждены и ожидали возстанія со стороны армянскихъ революціонеровъ... Итакъ *сопаджи* бросали армянина на колѣни или ничкомъ и колотили его по головѣ до тѣхъ поръ, пока она не обращалась въ кашу или вовсе отваливалась отъ туловища. Полиція оцѣпляла кварталъ и сгоняла обратно бѣглецовъ. Они дѣйствовали въ порядкѣ, не торопясь, переходя отъ дома къ дому: — ни одно армянское жилье не было забыто;—можно сказать безъ всякой ошибки: ни одинъ греческій домъ не подвергся нападенію;—безъ преувеличенія:—приказъ касался только мущинъ, и ни одна женщина не подверглась даже насилію—короче, они поступали совсѣмъ какъ добросовѣстные и послушные работники. Все разрушали. Все ломали палками. И такое-же стараніе прикладывали къ тому, чтобы обратить человѣческія головы въ мѣсиво для собакъ, приходившихъ напиться къ ручьямъ крови посреди разбитой въ прахъ мебели; потребовалось тридцать часовъ этимъ шестидесяти или осьмидесяти работникамъ".

Мы поднимаемся по переулкамъ Хасъ-Кёй. У домовъ, прежде всего, поправлены двери, окна и стекла. Но едва-ли одинъ изъ десяти домовъ обитаемъ, да и то лишь молодыми женщинами, которыя, наклоняясь изъ верхнихъ этажей, какъ будто-бы ожидаютъ раздачи припасовъ. Послѣ разгрома, имъ давало пропитаніе французское посольство: корреспондентъ *Temps*, освѣдомленный однимъ изъ бѣглецовъ, пришелъ на мѣсто и объятый ужасомъ и жалостью побѣжалъ въ посольство.

Молодыя женщины, по прибытіи бандъ, спасались въ деревню или прятались по погребамъ, опасаясь въ особенности солдатъ и ихъ обычныхъ вольностей. Но старухи цѣплялись за своихъ мужей, за своихъ сыновей и, повиснувъ на нихъ, тащились за ними. Онѣ все видѣли, и ими овладѣло безуміе. Посреди улицъ, на камняхъ, валяясь, онѣ царапаютъ ногтями песокъ, набиваютъ себѣ

землею ротъ и волосы и воютъ словно дикія: «Аманъ, аманъ, Челеби! Сжалься, сжалься, господинъ» или, молчаливо, съ безсмысленными жестами покачиваютъ головой и туловищемъ.

По мѣрѣ того какъ мы поднимаемся, запустѣніе увеличивается. Нѣтъ больше женщинъ у оконъ безъ занавѣсокъ. Нѣтъ обитаемой хижины. Собаки, и тѣ, въ поискахъ за пищей, покинули верхній кварталъ. Коза и двое ея козлятъ, переходящіе съ блеяніемъ отъ двери къ двери, вотъ единственная наша встрѣча. Здѣсь слѣды сохранились болѣе явственно. Улицы усыпаны битымъ стекломъ и жестью. Стекла еще не вставлены. На дверяхъ, несмотря на очевидное соскабливаніе, сохранились надписи, о которыхъ говорилъ драгоманъ изъ посольства. Одна изъ нихъ была даже нетронута; можно было прочитать написанное прекраснымъ турецкимъ почеркомъ мѣломъ: «здѣсь, Агопъ, Армянинъ». Написано очень искусно: въ прошломъ году армяне подали доносъ на чиновника ведущаго отчетность въ арсеналѣ какъ на секретаря мусульманскихъ мясниковъ.

Вотъ и послѣдній домъ въ концѣ квартала, близъ кладбища: деревянная одноэтажная хижинка, похожая на всѣ другія, такъ какъ всѣ онѣ построены по одному и тому-же плану. Внизу три маленькія комнатки, а въ нихъ деревянные мостки, накрытые ковромъ и служившіе постелью или диваномъ. Еще ниже, въ подземельѣ маленькая кухня безъ печи, съ двумя жаровнями. Наверху еще три небольшія голыя комнаты. Все это бѣлое деревянное, стѣны, потолки и лѣстницы—еловые, едва выструганные. Полъ исчезаетъ подъ слоемъ всякихъ остатковъ, изодранной бумаги, разбитаго въ дребезги стекла, разрубленной жести, изорванныхъ въ мелкіе куски матерій и ковровъ. Послѣ убійцъ сюда нагрянули банды евреевъ изъ Балаты и Стамбульской черни, и, перевернувъ и изгрязнивъ эти лохмотья, унесли съ собой все сколько нибудь цѣнное. Съ кухонныхъ водоемовъ были сорваны мѣдные краны; сорваны мѣдныя шишки у дверныхъ ручекъ и дверей, и мѣдныя рамки копеечныхъ зеркалъ. Только по шкафамъ и въ спальняхъ на полкахъ еще остаются тщательно разостланные листы газетъ, на которые заботливая хозяйка складывала свое бѣлье и выравнивала фрукты, а газеты эти—*Mode illustrée*, *les Annales politiques et littéraires* и англійскій *Globe*. Эти армяне вели очень простую жизнь. У наиболѣе богатыхъ, которыхъ было очень мало, имѣлись маленькія желѣзныя кровати; у другихъ-же служили постелью ковры съ дивановъ. Но по вечерамъ, когда ночь спускалась на сосѣднія кладбища, здѣсь предавались мечтамъ о Европѣ и цивилизаціи; здѣсь, какъ и въ нашихъ маленькихъ провинціальныхъ семьяхъ, читали *les Annales* и *la Mode illustrée*.

Посѣтивъ кладбище, все взбугренное свѣжими могилами,—(какое количество могло быть погребено здѣсь, впопыхахъ, втихомолку? а сколько сволокли за ноги и побросали въ Золотой Рогъ? въ теченіе нѣсколькихъ недѣль никто въ Константинополѣ не ѣлъ рыбы),—мы снова спускаемся въ портъ. Ясное солнце играетъ въ осеннемъ туманѣ, а тамъ, посреди кипарисовъ, смѣется и плещетъ Золотой Рогъ. И въ Хасъ-Кёй снова наступаетъ тишина, нарушенная, было, на минуту нашими шагами. Лишь изъ нижняго этажа одного дома, гдѣ помѣщается школа, доносится визгъ ребятишекъ. Это вернулись въ классъ маленькія дѣвочки — надо же когда нибудь снова приниматься за жизнь — вернулись,

и громко повторяютъ хоромъ, какъ это принято на востокѣ, фразу прочитанную имъ вслухъ учительницей. Учительница читаетъ по французски, и дѣвочки повторяютъ за нею, скандуя слова: *Cher petit oreiller, doux et chaud sous ma tête*.

Учитесь французскому языку, маленькія армянки. Ваши отцы тоже учились ему; когда дѣйствительность имъ казалась слишкомъ жестокой, они обращали взоры на Францію, а мы безъ одного слова, безъ одного жеста сожалѣнія дали умертвить вашихъ отцовъ.

II.

Въ продолженіе трехъ дней (26—28 августа 1896 г.) Константинополь былъ свидѣтелемъ этого набѣга на армянъ, и теперь о немъ говорятъ какъ объ обыкновенномъ зрѣлищѣ, которое безъ сомнѣнія будетъ возобновляться. Въ первые же часы моего пребыванія тамъ, я слышалъ двадцать разсказовъ отъ очевидцевъ. Но прежде чѣмъ допустить что-бы то ни было, я долженъ сказать, что у меня есть свидѣтельство, которымъ я дорожу.

Въ 1890 г., во время моей поѣздки черезъ Албанію, я посѣщалъ многихъ мусульманскихъ беевъ этой страны. Два мѣсяца, отъ Превезы до Скутари, они давали мнѣ пріютъ подъ своею крышей и служили мнѣ провожатыми. Эти мусульмане безъ фанатизма были увлечены тогда патріотическою преданностью— что въ Турціи рѣдкость—турецкимъ интересамъ: образовали лигу и помѣшали расчлененію Имперіи и раздѣлу Албаніи между Греціей, Сербіей и Черногоріей. И ихъ преданность особѣ султана Абдулъ-Хамида была очень искренна, такъ какъ они были сильно заинтересованы въ его щедрой раздачѣ имъ льготъ у себя дома и должностей въ остальной Имперіи. Сношенія между нами сохранились. Но милость или недовѣріе государя сдѣлали то, что ихъ большею частью призвали въ Константинополь, дали имъ оклады прибыльныхъ синекуръ и вотъ уже пять лѣтъ правильно оплачивали ихъ изъ фондовъ двора.

Въ нихъ-то я надѣялся найти правдивыхъ свидѣтелей. Послѣ многихъ изворотовъ, чтобы отстранить отъ нихъ возможность доноса, (такъ какъ въ этой кроткой странѣ всякое совѣщаніе сходитъ за заговоръ,)—а отъ меня возможную опасность, мы кончили тѣмъ, что собрались въ одномъ изъ ихъ домовъ въ Босфорѣ. Вотъ слово въ слово разсказъ одного изъ нихъ.

*
* *

«Въ среду утромъ 26-го августа, такъ-же какъ и всегда, я сѣлъ въ Скутари, гдѣ я живу, въ лодку, и около половины перваго я высадился у большаго Моста. Я отправился въ Галату на набережную къ одному христіанину, у котораго своя контора въ Алексіади-Ханъ»...

Словомъ *ханъ* обозначаютъ большія зданія, обыкновенно четырехугольныя, съ четырьмя фасадами оконъ; внутри находится центральный дворъ, окруженный

многими этажами галлерей; на эти галлереи выходятъ маленькія каморки, служащія конторой или магазиномъ. Каждый изъ этихъ хановъ изолированъ: доступъ туда даетъ единственная дверь.

«Высаживаясь, я услыхалъ ружейные выстрѣлы со стороны Перы, и мнѣ сказали, что въ Оттоманскомъ Банкѣ бунтуютъ. Я былъ передъ Галатскимъ полицейскимъ карауломъ. Солдаты впускали туда толпы плохо одѣтыхъ людей, которые ужъ съ недѣлю,—какъ я это замѣтилъ въ предыдущіе дни,—усаживались съ утра по краямъ троттуаровъ у входа на мостъ. Скоро эти люди вышли изъ полиціи съ палками и принялись нападать на армянскихъ хамаловъ (носильщиковъ). Они останавливали *хамала*, опрокидывали его ношу, на землю, укладывали его однимъ ударомъ дубины по затылку, *хамалъ* вскрикивалъ «*хи*» и они доканчивали его. Тѣхъ, кто хотѣлъ бѣжать, не пропускали солдаты. А кто говорилъ: «Я турокъ»! у того срывали штаны, и если онъ оказывался необрѣзаннымъ, его изувѣчивали, а потомъ убивали. Но били только армянъ. Съ ними были жиды и шпіоны, которые ихъ показывали. Съ каждаго убитаго армянина доносчики стаскивали сандаліи; имъ вѣроятно должны были заплатить съ пары, потому что они брали съ собой и такія, за которыя никто бы не далъ и одного *пара* (одинъ сантимъ).

«Когда я подошелъ къ группѣ, убивавшей одного старика, одинъ изъ полицейскихъ сказалъ мнѣ: «уходи прочь, тебѣ здѣсь нечего дѣлать» и немного толкнулъ меня. Я пошелъ по набережной къ Алаксіади-Ханъ. Я подошелъ къ нему какъ разъ въ тотъ моментъ, какъ запирали ворота. Внутри было человѣкъ съ сорокъ, все христіане, кромѣ одного турка изъ Андика и меня, все европейцы или греки, кромѣ шести армянъ. Они заперли ворота и подкатили къ нимъ тюки съ хлопчатой бумагой и мѣшки. Мы услышали, какъ стучатся въ Миллетъ-Ханъ, который находился по другую сторону улицы, и поднялись на террасу. Мы увидали, какъ толпа ворвалась въ Миллетъ-Ханъ, выломавъ двери; а снаружи солдаты оберегали входъ. Извнутри слышны были удары и крики. Одинъ армянинъ, взошедъ на террасу, показывалъ намъ знаками, что тамъ отрубали головы. Онъ что-то говорилъ; но мы ничего не могли разобрать, по причинѣ ружейныхъ выстрѣловъ: солдаты на набережной стрѣляли въ деревянный домъ, что около Ліонскаго кредита.

«Мы должны были удалиться съ террасы, потому что стрѣляли также и въ насъ. Толпа-же, покончивъ съ Миллетъ-Ханомъ, стала стучаться въ наши ворота, а товарищи мои не хотѣли отворять. Это было чистое безуміе, потому что у нашего хана были окна въ нижнемъ этажѣ, и уже убійцы срывали съ нихъ рѣшетки желѣзными поперечинами. Поэтому я распорядился убрать тюки, преграждавшіе входъ и закричалъ черезъ дверь по турецки: «Я сейчасъ отворю, я турокъ, я бей изъ Х...» Мнѣ отвѣчали по албански: «Отворяй, братъ», и прежде всего я увидалъ въ открытую дверь двухъ албанцевъ», двухъ *тюфекчи* султана“...

У султана, въ качествѣ его наиболѣе интимной стражи, есть небольшая группа, человѣкъ въ пятьдесятъ, стрѣлковъ, *тюфекчи*, набираемыхъ въ особенности изъ албанцевъ съ сѣвера, надзоръ за которыми порученъ нѣкоему Тагиръ-Пашѣ, когда-то бывшему садовникомъ при дворцѣ. «Эти два албанца не были облечены въ мундиры *тюфекчіевъ*, но были въ національномъ костюмѣ.

Только у нихъ на поясѣ висѣли револьверы охраны, приклады которыхъ изготовлялись спеціально для *тюфекчи* серебряниками изъ Призренда. Я зналъ ихъ обоихъ: одинъ былъ изъ Дьяковы, а другой изъ Малихево. Они меня сейчасъ же узнали, и, чтобы остановить напиравшую сзади толпу, поцѣловались со мной. Потомъ они спросили меня, есть-ли у насъ армяне. Я отвѣчалъ, что далъ всѣмъ этимъ христіанамъ мое *беза* (честное слово, клятва защиты между албанцами). Тогда они раздвинули толпу убійцъ и дали намъ выйти. Но какъ только мы миновали дубины, намъ преградили дорогу полиція и солдаты. Они хотѣли даже вернуть насъ въ ханъ, чтобы умертвить насъ. Я долженъ былъ позвать албанцевъ, которые сказали съ сердцемъ: «Господинъ приказалъ убивать только армянъ, а это—албанцы». Но одинъ изъ доносчиковъ указалъ нашихъ армянъ, и уже убійцы брали ихъ, когда албанцы выхватили свои револьверы и закричали: «у нихъ *беза* бея, и вы не убьете ихъ!» Потомъ они проводили насъ, четырехъ армянъ и меня, до Перы, и армяне бѣжали оттуда.

«Я отправился на ночь въ кварталъ Татаволы къ одному изъ моихъ друзей. Убійцы пришли туда въ тотъ-же вечеръ; греки квартала не пустили ихъ и объявили, что будутъ защищать армянъ; убійцы ушли восвояси. Я не люблю грековъ; но тѣ, кто говоритъ про нихъ, что они, подобно евреямъ, помогали убійствамъ—лгутъ.

«Въ четвергъ утромъ я воротился въ ханъ съ тѣми изъ христіанъ, которые хотѣли добиться документовъ. Всѣ бюро были разграблены, тюки и мѣшки распотрошены, оконныя рѣшетки и перила галлерей сорваны, денежныя кассы выброшены на дворъ и взломаны, бумаги изорваны въ мелкіе клочки. Нетронутыми остались лишь одно бюро и одинъ подвалъ, на дверяхъ которыхъ не было никакого слѣда ударовъ, бюро и подвалъ, принадлежащіе нѣмецкимъ желѣзнымъ дорогамъ Анатоліи. Проходя мимо двери, мы услыхали, что кто-то тихо позвалъ насъ: это былъ одинъ изъ шести армянъ. Я вспомнилъ, что дѣйствительно, наканунѣ, я вывелъ съ собой лишь четырехъ. Два другіе исчезли. Одинъ изъ нихъ, секретарь нѣмецкой компаніи, заперся въ бюро; онъ сказалъ намъ, что и другой долженъ быть гдѣ нибудь въ подвалѣ, гдѣ мы въ самомъ дѣлѣ и нашли его сидѣвшимъ на корточкахъ въ боченкѣ изъ подъ масла. Они слышали весь грабежъ. Передъ ихъ дверями стоялъ полицейскій, громко предупреждая рабочихъ, и отгоняя ихъ отъ этой европейской собственности...

«Возвращаясь съ Большого Моста, я видѣлъ, что все еще убивали, но армянъ почти ужъ не было больше: это орали и колотили банды въ ханахъ и переулкахъ Галаты. Носильщики стаскивали трупы за ноги и кидали ихъ въ Босфоръ: и теченіе тотчасъ-же уносило ихъ въ Мраморное море. Другіе-же сбрасывали мертвыхъ и раненыхъ въ маленькія телѣжки и опрастывали ихъ на кладбищѣ Шишли. И на всемъ протяженіи своего пути телѣжки эти, съ которыхъ свѣшивались болтающіяся руки и окровавленныя головы, поливали кровью большую улицу Перы. Ручей въ улицѣ Мальтійцевъ былъ изъ настоящей крови, по причинѣ стоящихъ близъ него трехъ армянскихъ лавокъ, въ которыхъ, по разсказамъ сосѣдей, было убито двадцать человѣкъ.

«Одинъ Албанецъ изъ Загари свелъ меня въ домъ, стоящій по сосѣдству съ банкомъ, откуда видно было Галату и ея дома, пользующіеся плохой репутаціей. Женщины въ пеньюарахъ или въ рубашкахъ стояли на крышахъ вмѣстѣ съ сол-

датами и съ офицерами. И если кто нибудь изъ армянъ пробовалъ скрыться черезъ террасы, эти женщины съ крикомъ указывали ихъ солдатамъ, и солдаты стрѣляли. Когда-же армянинъ падалъ, онѣ цѣловали солдатъ и тутъ-же, подъ открытымъ небомъ, вознаграждали ихъ. На крышѣ банка были и европейцы: вотъ ихъ имена, ты можешь у нихъ спросить (Европейцы эти, изъ которыхъ одинъ былъ нѣмецъ, а другой французъ, подтвердили мнѣ этотъ разсказъ).

«Въ четвергъ вечеромъ я хотѣлъ, было, вернуться домой въ Скутари. Но мои друзья изъ квартала Татавала боялись за свою жизнь, потому что наканунѣ они защищали армянъ. Они упросили меня остаться и на другой день свезти ихъ на Острова Принцевъ. Итакъ, въ пятницу утромъ мы подъѣхали къ Большому Мосту. У входа все еще стояли убійцы, а съ ними солдаты и полицейскіе. Но имъ уже не оставалось больше дѣла: они нагло осматривали всѣхъ отъѣзжающихъ. Мы сѣли на пароходъ, отправлявшійся къ Островамъ. На палубѣ сидѣло нѣсколько турецкихъ семей, по обыкновенію отправлявшихся провести пятницу въ Grand Hôtel de Prinkipo.

«Сюда пришла также группа молодыхъ людей, разговаривавшихъ по французски. Нѣкоторые изъ нихъ были въ мундирахъ съ золотыми аксельбантами, другіе были одѣты по послѣдней парижской модѣ, съ бутоньерками и въ перчаткахъ. Пароходъ отошелъ отъ пристани и сталъ повертывать. Спускаясь въ залу, эта прекрасная молодежь увидала подъ лѣстницей молодаго парня, онъ былъ въ фуражкѣ, въ синей блузѣ и панталонахъ. Это былъ армянинъ, помощникъ механика компаніи. Они втащили его на палубу и принудили матросовъ вернуться назадъ. На пристани они призвали отрядъ *сопаджи* и заставили убить его. Потомъ трупъ бросили въ воду, вычистили пристань, и пароходъ отплылъ снова.

„Въ Принкипо обошлось безъ убійствъ. Европейцы, бывшіе въ большомъ количествѣ въ Grand-Hôtel, защитили армянъ. Курды, работавшіе при насыпкѣ земли и въ садахъ, дали обѣщаніе своему хозяину, французу, по фамиліи Валори, что они никого не тронутъ. Но въ пятницу утромъ, день отдыха у мусульманъ, они пришли къ нему и попросили денегъ и оружія, говоря: „Мы сегодня не работаемъ, а потому отпусти насъ въ Стамбулъ, тамъ повелитель позволилъ убивать армянъ“. Они уѣхали съ тѣмъ самымъ пароходомъ, на которомъ мы пріѣхали. Они вернулись на другой-же день, повидимому, съ деньгами и съ цѣнными вещами. Тѣмъ не менѣе они были недовольны. Имъ казалось, что султанъ сошелъ съ ума: утромъ позволяетъ, а вечеромъ запрещаетъ; не успѣешь пріѣхать, а онъ ужъ и передумалъ. И въ самомъ дѣлѣ, убійства рѣзко оборвались въ пятницу вечеромъ; а въ субботу утромъ полиція уже задерживала и обезоруживала *сопаджи*, которые впрочемъ не оказывали ни малѣйшаго сопротивленія и тотчасъ-же выпускались на свободу.

«Вотъ то, что я видѣлъ. По возвращеніи моемъ домой, мнѣ разсказали, что въ Скутари не рѣзали: этого не допустилъ одинъ священникъ изъ мечети Искелесси-Джами. Въ Кади-Кёй помѣшалъ убійствамъ Фуадъ-Паша, тотъ самый, котораго прозвали *сумасброднымъ Фуадомъ*, *Фуадомъ безумнымъ*. Ему былъ полный разсчетъ допустить рѣзню, потому что при своей маніи къ постройкамъ и послѣ возведенія своего *конака* (дворца), который онъ каждый годъ перестраиваетъ сызнова, онъ былъ кругомъ въ долгу у армянъ. Но онъ громко говорилъ,

что хотѣлъ этимъ выказать свое нерасположеніе къ султану. Какъ и всѣ придворные, онъ живетъ вынужденными доходами отъ двора или концессіями и финансовыми дѣлами, которыя онъ обхлопатываетъ иностраннымъ капиталистамъ. Годъ тому назадъ султанъ ограничилъ его маленькимъ жалованьемъ. Фуадъ-Паша спасалъ армянъ, чтобы отомстить своему господину. Верхомъ на лошади онъ носился по улицамъ, жестикулировалъ и кричалъ, — онъ эксцентриченъ и немного не въ своемъ умѣ; но это только прибавляетъ ему популярности;—онъ кричалъ, что не позволитъ дотронуться ни до одного волоса на головѣ христіанъ, и уводилъ армянъ въ свой *конакъ*... его арестовали; но судить его не посмѣютъ; онъ слишкомъ популяренъ въ арміи... Также и въ Кумъ-Капу, который по преимуществу армянскій кварталъ, и гдѣ находится Патріаршій Престолъ, не было убійствъ: оттуда выгналъ банды одинъ командиръ по имени Хаханъ-Ага».

*
* *

Таковъ разсказъ безпристрастнаго свидѣтеля, за искренность котораго я ручаюсь, и показанія котораго я постарался провѣрить: если когда нибудь наше правительство соблаговолитъ ознакомить общество съ донесеніями нашего посольства, всѣ увидятъ, что въ нихъ описываются тѣ-же самые факты. Итакъ, о Константинопольскихъ убійствахъ не слѣдуетъ думать какъ о взрывѣ фанатизма. Что касается его, то слѣдуетъ даже отмѣтить капитальную разницу между двумя избіеніями, которыя на разстояніи одного года заливали кровью улицы города. Въ первый разъ, въ октябрѣ 1895 г., *софты* (студенты богословія) и люди изъ медрессе (семинарій) принимали участіе въ Стамбульскихъ стычкахъ. Въ 1896 же году, по завѣренію нѣкоторыхъ, они были заперты по мечетямъ и находились подъ наблюденіемъ полиціи: теперь султанъ не довѣряетъ имъ и боится, какъ бы очутившись разъ на свободѣ, они не двинулись противъ дворца. Я слышалъ также, что будто-бы на приглашенія агентовъ султана, они отказали въ своемъ содѣйствіи, думая, что послѣ первыхъ предложеній цѣну надбавятъ, и разсчитывая выпудить лучшее вознагражденіе: поистинѣ это было-бы стачкой софтъ. Возможно, что къ этому случаю оба объясненія примѣнимы. Но это достовѣрный фактъ, что въ 1895 г. они работали, а въ 1896 г. воздержались. Не менѣе достовѣрно и то, что сотни армянъ были спасены людьми изъ мечетей.

Съ другой стороны въ этихъ убійствахъ не было никакого народнаго движенія. *Все было приготовлено заблаговременно*: убійцы, дубины, шпіоны и тележки. Все двинулось, и все остановилось по первому знаку. Всѣ повиновались паролю: „Господинъ позволилъ убивать армянъ»; на *шесть* или на *семь тысячъ* жертвъ—(это минимальная цыфра, потому что на одномъ Шишлійскомъ кладбищѣ, совсѣмъ рядомъ съ Перой, гдѣ посольства наблюдали погребеніе труповъ, количество убитыхъ было опредѣлено врачами болѣе, чѣмъ въ три тысячи человѣкъ; но вѣдь кромѣ того были и другія погребенія—въ Кассимъ-Пашѣ, въ Хасъ-Кёй, а еще большее число армянъ отправились по дорогѣ черезъ Мраморное море),—итакъ, на шесть или на семь тысячъ жертвъ выдалось едва-ли тридцать или сорокъ случаевъ, гдѣ ошибка стоила жизни Грекамъ, Туркамъ или Европейцамъ, которые съ виду слишкомъ напоминали армянъ.

Армянскій вопросъ по документамъ французской Желтой Книги.

(*Documents diplomatiques. Affaires arméniennes. Projets de réformes dans l'empire ottoman. 1893 - 1897. Documents diplomatiques. Affaires arméniennes (Supplément). 1895—1896.*

1. До Сасунской рѣзни.

«Армянскаго вопроса не существуетъ, но мы его создадимъ», сказалъ одинъ высокопоставленный турецкій сановникъ 5 лѣтъ тому назадъ французскому послу въ Константинополѣ Камбону. Предсказаніе сбылось очень скоро, раньше чѣмъ можно было предполагать. — Уже въ 1894 году Камбонъ писалъ своему правительству: «Армянскій вопросъ теперь существуетъ. Въ теченіе слишкомъ цѣлаго года Армяне въ тѣсномъ смыслѣ и сосѣднія провинціи являются театромъ важныхъ событій: наши консулы сообщаютъ намъ каждую недѣлю извѣстія объ арестахъ и кровавыхъ столкновеніяхъ между армянами и властями. Въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ циркуляровъ къ посламъ Порта сознапалась, что кровь была пролита въ Юзгатѣ, и великій визирь заявилъ недавно, что Арменія составляетъ для Порты предметъ самыхъ серьезныхъ заботъ. Турки идутъ къ тому, чтобы снова открыть восточный вопросъ со стороны Азіи».

Возлагая на турецкое правительство вину за ужасныя событія, жертвами которыхъ пали въ послѣдніе три года тысячи ни въ чемъ неповинныхъ армянъ, французскій посолъ основывался на близкомъ знакомствѣ съ турецкимъ управленіемъ и исторіей отношеній Порты къ христіанскому населенію Малой Азіи. Вотъ какъ онъ излагаетъ этотъ предметъ въ своемъ донесеніи отъ 20 февраля (н. с.) 1894 г.:

61-я статья Берлинскаго трактата поручала судьбу армянскихъ христіанъ заботамъ Европы, и Кипрскій трактатъ 1878-го года признавалъ необходимость

«улучшенія положенія армянъ». Въ это время еще не было признаковъ пробужденія армянской національности, и идея армянской независимости существовала только въ умахъ нѣсколькихъ передовыхъ армянъ переселившихся въ Европу. Масса населенія желала только реформъ и порядка въ управленіи подъ оттоманскимъ владычествомъ: дальше не простирались ея мечты. Безпечность Порты нарушила мирное настроеніе армянъ. Обѣщанныя реформы не были приведены въ исполненіе. Постыдное взяточничество чиновниковъ осталось въ прежней силѣ; судъ не улучшился; созданіе новыхъ полковъ Гамидіе изъ курдовъ подъ предлогомъ охраны границъ было въ сущности *оффиціальной организаціей грабежа* на счетъ армянскихъ христіанъ. Положимъ, не одна Арменія была въ такомъ состояніи.

По всей Турецкой Имперіи греки, албанцы, арабы жаловались на недостатокъ правосудія, на продажность администраціи, на отсутствіе личной безопасности. Но политическая важность Арменіи останавливала вниманіе державъ преимущественно на ней, и это обстоятельство давало армянамъ перевѣсъ въ томъ положеніи, которое они раздѣляли вмѣстѣ съ другими подданными Имперіи.

Мои прошлогоднія донесенія познакомили съ событіями въ Цезареѣ и въ Марсивани (въ январѣ 1893 г.) съ арестами, которые послѣдовали затѣмъ, съ процессомъ Ангоры (май, іюнь), съ казнью пяти осужденныхъ (іюль). Своею жестокостью Порта освятила движеніе, которое теперь уже можетъ насчитывать своихъ мучениковъ. Упорно стремясь поддерживать въ Арменіи режимъ ужасовъ, арестовъ, убійствъ, насилій, и т. д., она какъ будто намѣренно ускоряетъ событія. Двѣ недѣли тому назадъ въ Юзгатѣ произошли такіе крупные безпорядки, что въ самой Портѣ насчитываютъ до 500 жертвъ.

Въ Сивасѣ нашъ консулъ повидимому боится въ скоромъ времени вспышки. Такимъ образомъ, когда движеніе охватитъ всѣ деревни, и правительство своимъ произволомъ доведетъ до отчаянія мирное населеніе, то отъ Алеппо до Трапезунда и отъ Ангоры до Эрзерума могутъ вдругъ разыграться такія событія, которыя не преминутъ повлечь за собой вмѣшательство Европы. Вотъ въ какомъ видѣ представляется къ началу 1894 г. положеніе армянскаго вопроса.

Какое рѣшеніе его можетъ быть предположено или *предусмотрѣно* въ настоящихъ смутныхъ обстоятельствахъ? *Независимость Арменіи?* Объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Арменія не представляетъ изъ себя, какъ Болгарія, или Греція, страны обособленной естественными границами, или племеннымъ составомъ населенія. Армяне разбросаны по всей Турціи, и въ предѣлахъ собственной Арменіи они повсюду перемѣшаны съ мусульманами. Кромѣ того, Арменія уже раздроблена между Турціей, Персіей и Россіей, и если бы (что почти невѣроятно) послѣ войны Европа, задумала создать Арменію, то было бы почти невозможно опредѣлить границы этого новаго государства. То же затрудненіе остается въ силѣ, если предположить устройство полуавтономной области. Гдѣ начинается, гдѣ кончается Арменія? Остается обѣщаніе реформъ. Но прекрасно извѣстно, чего стоятъ въ Турціи такія обѣщанія. Чтобы провести реформу, слѣдовало бы предѣлать рѣшительно все. Что касается частныхъ улучшеній, то десять лѣтъ назадъ они, можетъ быть, удовлетворили бы армянъ, теперь же

можно опасаться, что этого будетъ недостаточно. Такимъ образомъ армянскій вопросъ не допускаетъ возможнаго рѣшенія; онъ останется открытымъ, и турки будутъ лишь обострять его своимъ дурнымъ управленіемъ и бездѣятельностью. Отъ времени до времени взрывы жестокости будутъ вызывать болѣе энергическія жалобы и возмущенія; европейская пресса будетъ въ концѣ концовъ затронута этими безконечными инцидентами; общественное мнѣніе христіанскихъ странъ исполнится сочувствія къ угнетеннымъ; движеніе въ ихъ пользу, ограничивающееся теперь Англіей и Соединенными Штатами, захватитъ остальные христіанскіе народы; снова выступитъ на сцену вопросъ о Берлинскомъ трактатѣ, и дѣло перейдетъ въ руки Европы. Будетъ ли это завтра или черезъ нѣсколько лѣтъ—неизвѣстно; можно сказать только, что въ Турціи самыя странныя положенія отличаются большою живучестью: но каждый день можно ожидать взрыва, и это будетъ нисколько не удивительно».

2. Сасунская рѣзня.

Всего нѣсколько мѣсяцевъ прошло послѣ того, какъ было написано приведенное донесеніе Камбона, какъ событія блестящимъ образомъ подтвердили его мнѣніе. Уже въ концѣ августа 1894 г. французскій вице-консулъ въ Эрзерумѣ сообщалъ министру иностранныхъ дѣлъ въ Эрзерумѣ «съ нѣкотораго времени господствуетъ въ умахъ тревога, вслѣдствіе мѣръ, принятыхъ недавно военными властями». Мѣры эти заключались въ томъ, что отрядъ регулярныхъ войскъ въ 2.500 человѣкъ получилъ приказъ отправляться въ округъ Сасунъ, расположенный между Мушемъ и Діарбекиромъ, для того, чтобы, какъ писалъ вице-консулъ, «подавить своего рода возстаніе, вспыхнувшее въ этихъ мѣстностяхъ уже довольно давно и грозящее увѣковѣчиться». Точныхъ свѣдѣній о томъ, что произошло въ Сасунѣ, въ то время еще не имѣлось, потому что «власти по обыкновенію старались возможно больше скрыть эти печальныя событія, не будучи впрочемъ въ состояніи успокоить умы». Однако, сообщенія эрзерумскаго вице-консула скоро получили подтвержденіе изъ другаго источника. Французскій вице-консулъ въ Діарбекирѣ также узналъ «о безпорядкахъ, вспыхнувшихъ въ битлисскомъ вилайетѣ, около Муша» и сообщилъ объ этомъ своему правительству въ донесеніи отъ 5 октября 1894. Вице-консулъ передавалъ при этомъ, что «по приказу изъ Константинополя, командиръ 4-го армейскаго корпуса въ Эрцингіанѣ отправился въ битлисскій вилайетъ, во главѣ довольно значительной военной силы, исчисляемой приблизительно въ 15.000 чел. и составленной изъ регулярныхъ войскъ, извѣстнаго контингента, доставленнаго курдскими племенами и нѣкотораго числа гамидіэ (иррегулярныхъ войскъ), вытребованныхъ битлисскимъ вали. Послѣ нѣсколькихъ безуспѣшныхъ аттакъ, названному военачальнику удалось овладѣть мятежниками, которые повидимому защищались съ отчаяніемъ».

Затѣмъ сообщаются подробности объ ужасной драмѣ, разыгравшейся въ Сасунѣ: около $7^1/_2$ тысячъ армянъ погибло, 30 армянскихъ деревень истреблены

были огнемъ, 40 женщинъ уведены въ неволю, 200 женщинъ, освобожденныхъ муширомъ, пытались утопиться, чтобы не пережить своего безчестія. «Въ общемъ, писалъ вице-консулъ, ужасъ господствуетъ въ странѣ». Факты, сообщенные въ консульскихъ донесеніяхъ, не замедлили подтвердиться. 14 ноября 1894 г. Камбонъ подробно доносилъ министру иностранныхъ дѣлъ о впечатлѣніи, произведенномъ Сасунской рѣзней на представителей иностранныхъ державъ въ Константинополѣ, и о мѣрахъ, которыя были приняты ими въ виду происшедшихъ событій:

«Кровавыя событія, имѣвшія мѣсто въ провинціи Битлисъ далеко еще не забыты, не смотря на усилія оттоманскаго правительства держать ихъ въ тайнѣ. Благодаря отдаленности тѣхъ областей, гдѣ совершены были убійства, и отсутствію на мѣстѣ иностранныхъ агентовъ, Портѣ удалось оставить подъ нѣкоторымъ сомнѣніемъ точность слуховъ, дошедшихъ до посольствъ въ Константинополѣ. Сомнительность источниковъ этихъ слуховъ не позволяла признать ихъ безъ контроля: тѣмъ не менѣе ихъ исключительная важность требовала иныхъ объясненій, чѣмъ тѣ отрицанія, которыхъ упорно держалась Порта, и иныхъ мѣръ, чѣмъ та инертность, въ которой она замкнулась. Свѣдѣнія, собранныя нашимъ агентомъ въ Діарбекирѣ, почти во всемъ сходятся со свѣдѣніями, полученными англійскимъ посольствомъ».

Англійскій посланникъ рѣшилъ произвести слѣдствіе: Г. Шиплей, драгоманъ посольства, выѣхалъ вчера въ Эрзерумъ, гдѣ онъ намѣревается учредить консульство; но онъ проѣдетъ дальше въ глубь страны, и въ дѣйствительности на него возложена миссія точно разслѣдовать приписываемыя турецкимъ войскамъ преступленія. Полковникъ Чермсайдъ, военный аташэ, отправляется точно также черезъ нѣсколько дней въ провинцію Битлисъ для производства подобнаго же слѣдствія.

Такимъ образомъ, повидимому, снова возникаетъ армянскій вопросъ при обстоятельствахъ особенно тревожныхъ для турецкаго правительства. Султанъ сдѣлалъ запросъ о моемъ мнѣніи. Я отвѣтилъ, что необходимо ввести реформы въ управленіи Арменіей, подавить всякія преступныя дѣйствія, особенно со стороны полковъ гамидіэ; возстановить верховный авторитетъ султана, дать почувствовать его верховную власть. Что ему нечего опасаться слѣдствія англійскихъ агентовъ, если онъ поспѣшитъ самъ довѣрить его людямъ выдающимся, уважаемымъ всѣми, пользующимся его довѣріемъ и достаточнымъ авторитетомъ, чтобы смирить преступниковъ и привести людей и вещи въ надлежащій порядокъ.

Я имѣю основаніе думать, что мои коллеги были такъ же опрошены и высказали тѣ же совѣты. Г. Нелидовъ отвѣчалъ въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и я. Австрійскій посланникъ, которому я выразилъ свой взглядъ, отвѣтилъ: «мы вполнѣ раздѣляемъ Ваше мнѣніе».

Такое единодушіе взглядовъ у представителей великихъ державъ не можетъ не оказать вліянія на султана; онъ навѣрно сдѣлаетъ попытку въ указанномъ ему направленіи, но, по всей вѣроятности, она окажется недѣйствительной и результаты ея будутъ не долговѣчны. Если онъ найдетъ лицъ, достаточно энергичныхъ, чтобы возстановить порядокъ и принять разумныя мѣры, онъ *не найдетъ* себѣ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, способныхъ водворить право-

судіе; но каковы бы ни были результаты такой попытки, она должна быть сдѣлана, такъ какъ это единственное средство для султана отсрочить на нѣкоторое время разрѣшеніе вопроса, принимающаго съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе острую форму.

Единодушіе пословъ, дѣйствительно, произвело на султана впечатлѣніе: черезъ нѣсколько дней послѣ приведеннаго выше донесенія Мунпръ-бей сообщилъ Камбону отъ имени султана, что въ Арменію отправляется слѣдственная коммиссія, къ коей присоединены были делегаты отъ Россіи, Франціи и Англіи.

На основаніи инструкціи, составленной тремя послами, слѣдствіе ограничилось исключительно сасунскими событіями и веденіе его предоставлено было оттоманскимъ властямъ. Делегаты должны были ограничиться контролемъ и «обезпечить добросовѣстность разслѣдованія». Имъ предписывалось ежедневно доставлять коллективный протоколъ, присутствовать при всѣхъ операціяхъ коммиссіи, составлять послѣдней всякія полезныя указанія и, что самое важное, предлагать свидѣтелямъ вопросы черезъ предсѣдателя коммиссіи, въ случаѣ же его отказа, непосредственно.

Султанъ просилъ пословъ отказаться отъ послѣдняго, наиболѣе существеннаго пункта; но они не нашли возможнымъ исполнить это желаніе.

24 января 1895 г. слѣдственная коммиссія имѣла первое засѣданіе въ Мушѣ, и уже въ депешѣ Камбона отъ 6 февраля сообщается, что «всѣми возможными способами оттоманскія власти стараются *помѣшать* свидѣтелямъ говорить». Затѣмъ эта жалоба регулярно повторяется чуть не въ каждомъ донесеніи французскаго посла. 21 февраля онъ пишетъ, что по свѣдѣніямъ имѣющимся у него и его коллегъ, «даже за предѣлами Сасунскаго округа власти всюду ведутъ глухое преслѣдованіе противъ армянъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ и оттоманскіе коммиссары, какъ видно изъ депеши отъ 6 марта, стремились отклонить слѣдствіе отъ его нормальнаго хода. Встревоженные показаніями Эрко, писалъ Камбонъ, коммиссары признаютъ, что войска принимали участіе (въ Сасунской рѣзнѣ), и что ихъ дѣйствія могли зайти очень далеко, но они утверждаютъ, что это была необходимая репрессія противъ мятежныхъ армянъ. Подъ видомъ безпристрастія, коммиссары пытаются установить, что произошло возстаніе и смертоносное вмѣшательство войскъ было вполнѣ законно».

Въ депешѣ отъ 4 апрѣля Камбонъ писалъ, что «Вильберъ (французскій делегатъ) настаиваетъ на трудностяхъ, съ которыми встрѣчаются европейскіе делегаты при исполненіи своей миссіи. Очевидно, что оттоманскіе коммиссары пытаются устрашить истинныхъ свидѣтелей сасунскихъ событій и предполагаютъ вести слѣдствіе только на основаніи оффиціальныхъ документовъ и показаній, исходящихъ отъ чиновниковъ или лицъ, которыя имѣютъ связи съ властями». Несмотря на всѣ старанія, европейскимъ делегатамъ такъ и не удалось обставить слѣдствіе хотя бы элементарными гарантіями безпристрастія. При какихъ условіяхъ производилось разслѣдованіе по поводу сасунскихъ событій, всего яснѣе видно изъ донесенія Камбона отъ 2 мая, въ которомъ говорится, что «мѣстныя власти оказываютъ постоянное давленіе на слѣдствіе; свидѣтели, являющіеся изъ сосѣднихъ мѣстностей, тотчасъ по прибытіи въ Мушъ, поручаются надзору полиціи, которая *беретъ на себя* доставлять имъ помѣщеніе и пищу и *диктуетъ*

имъ показанія, которыя они должны давать передъ коммиссіей. Нѣкоторые изъ нихъ отказались отъ своихъ прежнихъ показаній послѣ одной ночи, проведенной ими въ рукахъ полиціи; другіе, настаивавшіе на своихъ первоначальныхъ показаніяхъ, подверглись вслѣдствіе этого аресту; большинство свидѣтелей дѣлаетъ заявленія, какъ бы заученныя наизусть и въ одинаковыхъ выраженіяхъ внушающихъ очень сильное недовѣріе. Множество лицъ, обнаруживающихъ желаніе явиться передъ коммиссіей для дачи показаній, удерживается властями въ деревняхъ. Несмотря на увѣренія, которыя неоднократно давалъ намъ султанъ, *свободы слѣдствія почти не существуетъ*».

Вотъ каковы оказались результаты отказа державъ отъ самостоятельнаго слѣдствія, которому такъ радовались дипломаты и которое гр. Кальноки привѣтствовалъ какъ удачную попытку «локализовать инцидентъ». (Депеша французскаго посла въ Вѣнѣ Лозэ отъ 6 февраля 1895 г.). И тѣмъ не менѣе, несмотря на отсутствіе какихъ-либо серьезныхъ гарантій полноты и безпристрастія разслѣдованій, предпринятыхъ оттоманской коммиссіей, европейскіе делегаты не могли не убѣдиться *въ справедливости* тѣхъ разсказовъ объ ужасахъ Сасунской рѣзни, которые осенью 1894 года дошли до свѣдѣнія европейской дипломатіи и печати. Факты были такъ вопіющи и многочисленны, что скрыть ихъ не удалось турецкимъ властямъ, несмотря на всѣ старанія и увертки.

Уже въ началѣ апрѣля французскій делегатъ, не предрѣшая хода дальнѣйшихъ работъ коммиссіи, считалъ вполнѣ доказаннымъ, что «селенія Шеникъ, Семаль и Гелигузанъ подверглись нападенію со стороны турецкихъ войскъ и курдовъ-номадовъ; дома были сожжены, поселяне подверглись преслѣдованію и были перебиты, остальное же населеніе этихъ трехъ деревень, нынѣ уничтоженныхъ, разбросано теперь болѣе, чѣмъ въ 80 мѣстахъ».

16 іюля 1895 г. слѣдственная коммиссія, выслушавъ 190 свидѣтелей, закончила свои занятія и 28 іюля европейскіе делегаты представили коллективный докладъ, въ которомъ подвели итогъ всему, что имъ удалось узнать и выяснить. Приведя цѣлый рядъ данныхъ, констатированныхъ слѣдствіемъ, делегаты говорятъ:

«Всѣ эти факты нисколько не доказываютъ, что армяне подняли открытое возстаніе въ концѣ іюля 1894 года. Въ подтвержденіе этого обвиненія ссылались на одинъ изъ документовъ, найденныхъ у Мурада, какъ на политическую программу, но содержаніе его ясно показываетъ, что онъ не содержитъ ничего кромѣ голаго перечня событій; такъ какъ если возстаніе постепенно развивалось въ теченіе трехъ предшествовавшихъ мѣсяцевъ, если положеніе было таково, какимъ оно выясняется изъ телеграммъ Мутесарифа Гуэнджъ отъ $^{3}/_{15}$ мая и изъ оффиціальныхъ донесеній правительственныхъ агентовъ, то какъ объяснить себѣ образъ дѣйствій властей, которыя въ теченіе мая, іюня и іюля мѣсяцевъ не принимали никакихъ мѣръ противъ такого серьезнаго и обострившагося положенія дѣлъ?

Смѣшное само по себѣ обвиненіе армянъ въ поджогѣ ихъ собственныхъ деревень, овчаренъ и т. д. опирается лишь на слухи; показанія свидѣтелей, называющихъ себя очевидцами, такъ противорѣчивы и невѣроятны, что нижеподписавшіеся вынуждены отвергнуть его, какъ незаслуживающее никакого довѣрія;

но даже на минуту признавъ основательность такого обвиненія, возможно ли допустить, (чего, впрочемъ, никто еще не осмѣливался утверждать), чтобы армяно-григоріанское населеніе, особенно преданное своей религіи, какъ и всѣ другіе христіане православнаго вѣроисповѣданія, дошло до оскверненія и разрушенія своихъ церквей, приведя ихъ въ тотъ видъ, который былъ констатировалъ нижеподписавшимися?

Послѣдніе вынуждены потому признать основательностъ армянскихъ обвиненій и видѣть въ курдахъ и въ солдатахъ виновниковъ пожаровъ цѣлыхъ селеній.

Наконецъ, если, для уясненія себѣ характера первыхъ кровавыхъ столкновеній армянъ съ курдами, принять во вниманіе бездѣятельность, если не участіе, въ этихъ сраженіяхъ войскъ, всякое отсутствіе распоряженій со стороны властей для ихъ устраненія или для оказанія помощи крестьянамъ, подвергнувшимся нападенію, если мы вспомнимъ, что ходилъ слухъ о приказѣ истребить ихъ, чѣмъ воспользовались курды, съ цѣлью вынудить деньги у крестьянъ Кавара и, что у армянъ на глазахъ разрушались ихъ села, то станетъ понятно, что имъ не оставалось ничего другого, какъ взять на себя защиту своей собственной жизни и жизни своихъ родныхъ и своей семьи.

При появленіи отряда войскъ въ Гелегузанѣ, они разбѣжались; обстоятельства, при которыхъ будто бы произошло здѣсь столкновеніе, такъ же какъ и при Геліезанѣ, остались покрыты глубокой тайной, тѣмъ болѣе, что число убитыхъ или раненыхъ, могущее подтвердить дѣйствительность приводимыхъ сраженій, показана однимъ Тевфикъ-Пашою, показанія котораго въ этомъ случаѣ не могутъ внушать къ себѣ довѣрія, между тѣмъ какъ другія донесенія относительно числа убитыхъ въ регулярныхъ войскахъ очень неопредѣленны.

Все вышеизложенное даетъ нижеподписавшимся право повторить, что факты, обнаруженные слѣдствіемъ, не подтверждаютъ возстанія армянъ Кавара и Талори противъ правительства.

Переходя къ мѣрамъ, принятымъ для подавленія того, что считалось за возстаніе, прежде всего слѣдуетъ вспомнить, какъ мало, если не ничего, было сдѣлано съ цѣлью положить мирный ему конецъ, и что мы не находимъ и признака мѣръ къ огражденію жизни и дѣтей, находившихся, по общему заявленію, съ армянами при Антокъ-Дагѣ; изъ многочисленныхъ свидѣтельствъ послѣднихъ видно, что во время этихъ событій погибло много мужчинъ, женщинъ и дѣтей: изъ нихъ одни были убиты солдатами, курдами или заптіями, другіе умерли отъ страха, лишеній, наконецъ, нѣкоторые исчезли во время паники, вызванной начавшимися противъ нихъ преслѣдованіями; иные были сожжены въ домахъ, гдѣ они были оставлены; другіе же избиты вмѣстѣ со священникомъ Оганнесомъ изъ Семалы въ лагерѣ при Гелегузанѣ.

Если вѣрить тѣмъ донесеніямъ, согласно которымъ сраженіе при Семалѣ между армянами и курдами продолжалось только два дня, послѣ чего послѣдніе немедленно скрылись, а всѣ военныя дѣйствія затѣмъ лишь ограничивались ружейной стрѣльбой при нападеніи при Гелегузанѣ и Геліезанѣ, тогда всѣ обвиненія армянъ должны считаться ложными, а ихъ потери, ограничивающіяся лишь мужчинами, принимавшими участіе въ трехъ сраженіяхъ, крайне незначительными.

Нижеподписавшіеся не могутъ, однако, на основаніи всего вышесказаннаго, раздѣлять эту точку зрѣнія и вынуждены вѣрить, что въ дѣйствительности армяне,—мужчины, женщины и дѣти, были жертвой неоднократныхъ преслѣдованій солдатъ, курдовъ и заптіевъ, ранившихъ или убивавшихъ безъ различія пола всѣхъ попадавшихся имъ подъ руку; при этомъ особенно важно отмѣтить тотъ фактъ, что кромѣ одиннадцати поселянъ изъ Талори, не оказалось ни одного плѣнника.

Фактъ этихъ избіеній выясняется изъ многочисленныхъ свидѣтельствъ армянъ, сходныхъ въ своихъ показаніяхъ и сообщающихъ имена жертвъ: что же касается числа послѣднихъ, то при отсутствіи всякаго гражданскаго порядка и серьезныхъ мѣръ къ возстановленію населенія Кавара и Талори, его невозможно опредѣлить даже приблизительно, тѣмъ болѣе, что сами армяне, бѣжавшіе и разсѣявшіеся въ разныя стороны, показываютъ въ числѣ мертвыхъ лицъ, только неизвѣстно куда исчезнувшихъ и въ числѣ убитыхъ тѣхъ, кто погибъ жертвою предыдущихъ событій; тѣмъ не менѣе гибель многихъ людей не подлежитъ сомнѣнію, и мы можемъ лишь сослаться по этому вопросу на добавленія (глава IV), гдѣ указаны имена лицъ, причисленныхъ къ погибшимъ.

Были ли совершены въ это время возмутительныя жестокости въ родѣ варварскаго изувѣченія беременной женщины? Свидѣтельства о томъ одиночны, какъ заявленіе жены Шеника, или опираются на слухи, какъ показаніе священника изъ Гунджа; а такъ какъ многія армянскія донесенія сильно преувеличены, мы не считаемъ возможнымъ высказаться по этому вопросу.

Что касается стариковъ и дѣтей, сгорѣвшихъ во время пожара въ домахъ, сообщенія о нихъ Таво изъ Семалы, Саво и Коте Шеника не подтвердились; но несомнѣнно, что въ деревняхъ, покинутыхъ жителями, оставались нѣкоторые старики, больные и дѣти, что доказано для Гелегузана письмомъ священника Оганнеса изъ Семалы.

Однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ обвиненій противъ регулярныхъ войскъ является обвиненіе въ томъ, что ими были избиты и зарыты въ землю при Гелегузанскомъ лагерѣ часть жителей Семалы, явившихся, со своими священниками во главѣ, съ цѣлью сдаться и что ими при этомъ были совершены насилія надъ женщинами.

Во время слѣдствія мы нижеподписавшіеся натолкнулись на открытое нежеланіе со стороны коммиссіи выяснить этотъ одинъ изъ наиболѣе важныхъ вопросовъ.

Выслушаны были только четыре женщины изъ Семалы, и то одна изъ нихъ отказалась отвѣчать на второй день допроса.

Коммиссія не пожелала выслушать по этому дѣлу одну женщину Анну Шеникъ, а также армянскихъ погонщиковъ муловъ, находившихся въ лагерѣ; и прежде чѣмъ отправиться въ Гелегузанъ и осмотрѣть тамъ ямы, наполненныя по слухамъ останками жертвъ, она уже прежде времени высказалась по поводу ихъ происхожденія, заявивши, что если ямы наполнены костями умершихъ, то весьма возможно, что они были собраны и сложены тамъ самими армянами.

При такихъ условіяхъ въ рукахъ слѣдователей оказалось очень немного показаній очевидцевъ, да и тѣ исходятъ, по большей части, отъ лицъ, явив-

шихся по собственному желанію или отъ имени своихъ родственниковъ, которыхъ можно всегда обвинить въ предварительномъ соглашеніи относительно показаній на слѣдствіи; но именно потому первымъ долгомъ Коммиссіи было заручиться всѣмъ, что могло пролить свѣтъ на дѣло, также какъ и наивозможно большимъ числомъ свидѣтельскихъ показаній. Мы, нижеподписавшіеся, заявляемъ, что этого *не было сдѣлано*. Какъ было уже сказано выше, письмо, подписанное священникомъ Оганнесомъ, доказываетъ, что послѣ оставленія Гелегузана армянами, что случилось, повидимому, 12 или 13 августа, слѣдовательно до прибытія войскъ, положеніе армянъ при Антокъ-Данѣ было отчаянное, и что съ этого времени они начали разбѣгаться.

Изъ показаній поименованныхъ Таво, Симо, Эго, Оссепа, двухъ женщинъ по имени Маріамъ и Дило, всѣхъ родомъ изъ Семалы, явствуетъ, что ихъ священникъ съ частью поселянъ, прибылъ въ Гелегузанъ, чтобы сдаться войскамъ нѣсколько дней спустя послѣ своего бѣгства.

Таво, присутствіе котораго въ лагерѣ, впрочемъ, очень сомнительно и Маріамъ, жена Шерко, говорятъ, что это случилось на второй день ихъ бѣгства.

Другіе свидѣтели, напротивъ, утверждаютъ, что это происходило пять или шесть дней спустя.

Послѣдняя цыфра, впрочемъ, совпадаетъ съ числомъ, помянутымъ армянскими погонщиками муловъ, которые заявляютъ, что бѣжавшіе сдались къ концу пребыванія ихъ въ Гелегузанѣ, которое продолжалось, по ихъ словамъ, шесть дней.

Ясно, что если бы войска оставались въ Гелегузанѣ не болѣе трехъ дней, то всѣ обвиненія ихъ въ совершенныхъ ими насиліяхъ рушились бы сами собою. Но слѣдствіе не устанавливаетъ этого срока пребыванія ихъ, а напротивъ скорѣе говоритъ въ пользу пяти и шестидневнаго пребыванія ихъ тамъ, какъ нижеподписавшіеся считаютъ это доказаннымъ ими выше.

Съ другой стороны относительно смерти священника Оганнеса до сихъ поръ не получено сколько нибудь удовлетворительнаго объясненія.

Священникъ Парсегли, говорятъ, былъ убитъ курдами въ ту минуту, когда онъ собрался сдаться войскамъ; но это сообщеніе исходило не отъ Таво, какъ онъ самъ заявилъ объ этомъ. Такъ какъ всѣ усилія священника Парсегли доказать свои сношенія съ вышеназваннымъ Таво явно безуспѣшны, то и утвержденіе Решида изъ Гелегузана и Жирбо, сына Манука Шеника, показаннаго въ числѣ убитыхъ при Гелегузанѣ, опровергается письмомъ, подписаннымъ священникомъ Оганнесомъ написаннымъ уже послѣ битвы. Сверхъ того самъ полковникъ Тевфикъ-Бей не могъ отрицать существованіе слуховъ о событіяхъ, происшедшихъ у Гелегузана.

А между тѣмъ, жители Муша и окрестныхъ деревень заявляютъ, что имъ ничего не извѣстно о происшедшемъ; нѣкоторые жители Семалы даже осмѣливались утверждать, что *не знаютъ* ни имени священника своего собственнаго села, ни постигшей его участи.

Эти противорѣчивыя и ложныя объясненія съ одной стороны, эти отрицанія съ другой скорѣе подтверждаютъ, чѣмъ уничтожаютъ обвиненіе.

Наконецъ, послѣднее вполнѣ установлено открытіемъ ямъ при Гелегузанѣ, дѣйствительно находящихся за домомъ Бэдо; изъ нихъ одна въ особенности усѣяна человѣческими костями: видъ представляемый въ настоящее время ямами, объясняется очень правдоподобными объясненіями армянскихъ показаній по этому поводу, совершенными здѣсь впослѣдствіи раскопками труповъ и опустошеніями, произведенными дикими звѣрями: впрочемъ, слѣдствіе не даетъ никакого объясненія о происхожденіи этихъ ямъ.

Всѣ эти соображенія вмѣстѣ взятыя даютъ право, несмотря на произвольно недостаточныя изысканія коммиссіи, утверждать, что противно формальному отрицанію Тевфикъ-Бея и Гаджъ-Мустафы-Эффенди, обвиненіе въ избіеніи войсками при Гелегузанѣ священника Оганнеса изъ Семалы и армянъ имѣетъ основаніе: число жертвъ можетъ быть доходитъ до сорока; но подробности самаго избіенія остаются скрытыми во練ракѣ.

Фактъ разлуки, по прибытіи въ лагерь, мужчинъ съ дѣтьми и женами, насилія надъ послѣдними совершились при тѣхъ же обстоятельствахъ, какъ и избіеніе, съ которымъ то и другое тѣсно связано: если вѣрить одному изъ этихъ обвиненій, то нужно повѣрить и другому. Необходимо, впрочемъ, помнить, что существуютъ нѣкоторыя противорѣчія относительно часовыхъ, солдатъ или заптіевъ, окружавшихъ женщинъ и позволившихъ по отношенію къ нимъ безчестные поступки.

Если разсмотрѣть послѣдствія всѣхъ этихъ происшествій, окажется, что опустошенію подверглись три деревни: Каваръ, Шемикъ и Семала, Гелегузанъ, весь округъ Талори, Агпи, Гетинкъ, Спаганкъ съ ихъ окрестностями, и почти всѣ жители, лишенные средствъ къ существованію, крова, вынуждены удалиться, одни по направленію къ Діарбекиру, другіе, при частномъ содѣйствіи властей, распредѣлены по армянскимъ деревнямъ въ равнинѣ, которая кормила ихъ въ теченіе зимы.

Полное опустошеніе цѣлой области никогда не можетъ считаться наказаніемъ, пропорціональнымъ преступленію возстанія; а тѣмъ болѣе въ настоящемъ случаѣ, гдѣ единственнымъ преступленіемъ со стороны армянъ было дарованное ими убѣжище и укрывательство Мурада и его шайки; нѣсколько отдѣльныхъ нападеній съ цѣлью разбоя на курдовъ, или случаевъ неповиновенія властямъ, возможность легкаго сопротивленія султанскимъ войскамъ при выяснившихся условіяхъ не могутъ служить оправданіемъ того бѣдственнаго состоянія, въ какое были подвергнуты страна и народъ.

Отсутствіе мѣръ къ предотвращенію предполагаемаго возмущенія, начало котораго обнаружилось еще въ маѣ, и къ устраненію позднѣйшихъ столкновеній армянъ и курдовъ, слѣдствіемъ чего были самыя различныя потери, возлагаетъ всю отвѣтственность за нихъ на мѣстныя гражданскія и военныя власти. Образъ дѣйствій войскъ въ Мергемузанѣ остается необъяснимымъ, въ виду событій разыгравшихся у нихъ на глазахъ и не находитъ себѣ оправданія, такъ же какъ и поведеніе явившагося вслѣдъ за этимъ отряда, при чемъ не было предпринято никакихъ мѣръ для огражденія безопасности женщинъ и дѣтей или для возвращенія армянъ въ ихъ село, что было выполнено впослѣдствіи по прибытіи Мушира Зекки-Паши.

Такъ какъ слѣдствіе не разсматривало дѣйствій самихъ властей, ихъ сношеній другъ съ другомъ и распоряженій, отданныхъ или полученныхъ ими по этому поводу, нижеподписавшіеся не считаютъ возможнымъ поднимать вопросъ о личной отвѣтственности ихъ».

3 Избіенія 1895—1896 гг.

Въ концѣ 1895 г. и въ началѣ 1896 г. въ теченіе полугода происходили по всей Малой Азіи, въ городахъ и деревняхъ, населенныхъ армянами, ужасающія организованныя массовыя избіенія, предъ которыми поблѣднѣли даже Турецкія звѣрства въ Сасунѣ. Исходнымъ моментомъ послужила мѣра, обѣщавшая армянамъ начало умиротворенія. Послѣ упорнаго сопротивленія, султанъ вынужденъ былъ утвердить въ октябрѣ 1895 г. проэктъ реформъ, выработанный для шести армянскихъ вилайэтовъ, представителями Россіи, Франціи и Англіи, и вслѣдъ за этимъ началась рѣзня и грабежъ армянъ. — Въ двухъ томахъ *Желтой книги* приводится масса потрясающихъ подробностей, изъ которыхъ мы заимствуемъ лишь небольшую часть.

а) Требизондъ.

Требизондъ, когда раньше другихъ пришли вѣсти изъ столицы, первый подалъ примѣръ избіенія армянъ. Уже 5 октября французскій консулъ телеграфировалъ о началѣ „рѣзни и грабежа“. Въ послѣдующихъ донесеніяхъ онъ между прочимъ писалъ:

„Лица, видѣвшія городъ за нѣсколько минутъ до начала убійствъ — писалъ въ своей депешѣ Камбонъ отъ 15 октября 1895 г. — никакъ не могли предвидѣть готовыхъ свершиться такъ близко событій. Толпа народа, занятая своимъ обычнымъ дѣломъ, наполняла улицы. Теперь вполнѣ доказано, что мусульмане, безъ всякаго сигнала, дружно и одновременно бросились на армянъ. Рабочіе-носильщики для внутренней разноски, принадлежащіе большею частью къ армянскимъ артелямъ, находились по своимъ дѣламъ въ большомъ количествѣ около таможни: они были убиты. Нѣсколько несчастныхъ, попытавшихся спастись, переправившись на лодкахъ на суда, стоявшія въ портѣ, были убиты лодочниками ударами веселъ; одинъ былъ выброшенъ въ море и побитъ каменьями. На всѣхъ улицахъ и площадяхъ избивались встрѣчавшіеся армяне, при чемъ ихъ добивали съ неслыханною жестокостью. Торговцевъ вытаскивали изъ ихъ магазиновъ и отдавали въ руки убійцъ.

Въ самое короткое время убійства были кончены. Тогда толпа ринулась грабить лавки. На улицахъ попадались носильщики уносившіе товары, и никто не мѣшалъ имъ въ ихъ грабежѣ.

Утверждаютъ, что при этомъ солдаты и заптіи не только не препятствовали этому, но даже поощряли къ тому. Мнѣ разсказывали, напримѣръ, что въ одномъ мѣстѣ мятежники не могли взять армянскій домъ, такъ какъ ихъ выстрѣлы

(ружья) не достигали далеко; солдаты, увидавъ это, сняли съ себя куртки и открыли огонь совмѣстно съ убійцами. Во всякомъ случаѣ я могу засвидѣтельствовать de visu, что заптіи, занимавшіе полицейскій постъ, стояли съ оружіемъ въ рукахъ въ оборонительномъ положеніи и не дѣлая ни малѣйшей попытки остановить мятежниковъ.

Точное число жертвъ еще не приведено въ извѣстность. Власти опредѣляютъ его въ 180 человѣкъ; но судя по всему, число убитыхъ въ г. Требизондѣ навѣрно свыше 500. Почти никто изъ армянъ не вернулся домой. Фреры (французскіе монахи) дали пріютъ 3300 лицамъ. По оффиціальному объясненію поводъ къ рѣзнѣ далъ выстрѣлъ изъ револьвера, сдѣланный армяниномъ и ошибочно понятый мусульманами. — Одновременное начало рѣзни *во всѣхъ* частяхъ города дѣлаетъ это объясненіе совершенно неправдоподобнымъ. Это былъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, заговоръ тщательно обдуманный (un complot soigneusement réglé)[1]. Участіе регулярнаго войска въ преступленіяхъ и допущеніе грабежа — говорятъ сами за себя".

б) Діарбекиръ.

Въ ноябрѣ того же года произошла рѣзня въ Діарбекирѣ. Подробное описаніе этого событія мы находимъ въ донесеніи французскаго вице-консула Мейріэ. Вотъ что онъ сообщалъ въ депешѣ отъ 18 декабря 1895 г.

„Анизъ-Паша, Мутесарифъ Мардина, назначенный въ октябрѣ 1894 года управлять въ отсутствіе Сури-Паши вилайэтомъ Діарбекира, былъ извѣстенъ всему городу своимъ фанатизмомъ и ненавистью къ христіанамъ. Всѣ его мѣры при исполненіи возложенной на него обязанности подтвердили эту репутацію его и послужили для христіанъ доказательствомъ его пристрастія и враждебнаго къ нимъ отношенія. Еще памятно то положеніе, въ которомъ находился Діарбекиръ въ нынѣшнемъ мартѣ мѣсяцѣ, когда шейхъ Зиланъ проходилъ черезъ него, и тѣ старанія, которыя были приложены къ тому, чтобы отсрочить катастрофу. И потому, когда 4-го октября пронесся въ городѣ слухъ о назначеніи его вали Діарбекира, христіане были въ отчаяніи: они видѣли себя беззащитными, въ полной власти человѣка, отъ котораго можно было всего бояться, и съ этой минуты всякое довѣріе къ правительству было ими потеряно. Между тѣмъ Анизъ-Паша не удовольствовался назначеніемъ, на которое не могъ даже надѣяться и которое было для всѣхъ необъяснимо; ему нужно было еще одобреніе угнетаемаго имъ населенія: онъ силою вынудилъ у его высшаго духовенства и знати телеграмму къ султану, въ которой они благодарили его за это назначеніе и въ пышныхъ выраженіяхъ восхваляли ему того, кто былъ предметомъ этого назначенія.

Всѣ христіане, безъ исключенія, были возмущены этой неделикатностью со стороны начальника управленія и приведены въ негодованіе малодушной слабостью своихъ представителей. Они заперли лавки и церкви, куда запретили входъ

[1]) На это обстоятельство указываютъ также и другіе консулы. Такъ, Эрзерумскій консулъ, извѣщая о рѣзнѣ 31 октября и 3 ноября, объ истребленіи большинства армянскихъ деревень вокругъ Эрзерума, добавляетъ: „необходимо предать суду военныхъ, принимавшихъ участіе въ грабежѣ и избіеніи. Мои товарищи консулы Англіи, Италіи и Россіи и я имѣемъ въ рукахъ *несомнѣнное* доказательство такого участія". (№№ 17, 18, 21).

своимъ священникамъ и добились, наконецъ, отъ своихъ высшихъ сановниковъ новой телеграммы къ Константинопольскимъ патріархамъ въ опроверженіе первой, чтобы заявить, что она была противна волѣ ихъ народа. Отвѣтъ заставилъ себя ждать восемь дней, во время которыхъ положеніе оставалось все то же и только получивъ его, христіане прекратили свои манифестаціи.

Все это время городъ находился, такъ сказать, въ состояніи анархіи и правительство не предпринимало ничего, чтобъ прекратить порядокъ вещей, серьезно угрожавшій въ продолженіи 10 дней общественной безопасности.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда 22-го октября пришло извѣстіе, что реформы приняты султаномъ.

Тогда возбужденіе между мусульманами возросло до небывалыхъ размѣровъ; все оружіе, имѣвшееся въ продажѣ, было раскуплено по баснословной цѣнѣ; самые зловѣщіе слухи ходили по городу. Въ среду, 30-го октября въ 8 часовъ вечера я отправился къ вали, чтобъ сообщить ему объ этихъ слухахъ и просить его принять мѣры противъ угрожающихъ безпорядковъ.

Онъ отвѣтилъ мнѣ, что рѣшительно нечего опасаться; что мусульмане спокойны; что ихъ религія запрещала имъ убивать и что онъ отвѣчаетъ за спокойствіе, если христіане не сдѣлаютъ ничего, чтобы его нарушить. Онъ даже просилъ меня убѣдить ихъ не давать повода къ безпорядкамъ, не поддаваться страху и ходить на работу, какъ въ обыкновенное время. Не успокоенный ни мало этимъ объясненіемъ, я тотчасъ телеграфировалъ Вашему Превосходительству объ угрожающемъ положеніи дѣлъ. Для меня нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что Анизъ-Паша зналъ о немъ лучше меня и что *одного его слова* было достаточно, чтобъ избѣжать всѣхъ этихъ бѣдствій.

Въ пятницу, 1-го ноября, въ праздникъ Всѣхъ Святыхъ, я отправился съ своимъ семействомъ къ обѣднѣ; за исключеніемъ нѣсколькихъ вооруженныхъ курдовъ, мы не замѣтили ничего особеннаго. Когда я возвратился домой, мнѣ сказали, что какой то мусульманинъ въ это утро бѣгалъ по улицамъ города и призывалъ своихъ единовѣрцевъ къ избіенію христіанъ. Армяно-Григоріанскій епископъ отправился къ вали, чтобъ заявить ему объ этомъ фактѣ и послѣ увѣреній этого послѣдняго, что бояться нечего, онъ самъ пошелъ на рынокъ, чтобъ успокоить христіанъ, убѣдить ихъ не бояться и продолжать работу. Несчастный епископъ горько раскаивается съ этого дня въ своемъ поступкѣ и обвиняетъ себя въ тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя онъ вызвалъ. У католиковъ былъ праздникъ, и, по счастью, они не отпирали своихъ лавокъ.

Около 11 ч. утра мой драгоманъ пришелъ мнѣ сказать, что между христіанами распространилась паника; что на улицахъ всѣ бѣгутъ и уже нѣсколько человѣкъ убито. Я вышелъ на дворъ и увидалъ двухъ раненыхъ, бѣжавшихъ съ базара; я стоялъ у двери, улица была совершенно пуста, но съ кровли мнѣ закричали, что они идутъ и чтобъ я немедленно вернулся въ домъ. Я увидалъ въ это время трехъ заптіевъ, случайно тутъ находившихся и далъ имъ приказъ охранять Консульство. Въ эту минуту съ противоположной стороны улицы, на разстояніи 20 шаговъ, я увидалъ ворвавшуюся въ улицу толпу вооруженныхъ съ ногъ до головы людей, испускающихъ свирѣпые крики. Девять заптіевъ съ однимъ офицеромъ прибыли въ это время для охраны Консульства.

Было безъ пяти минутъ двѣнадцать.

Съ этой минуты началась рѣзня; на улицѣ раздавались крики преслѣдуемыхъ и спасавшихся въ домахъ: она продолжалась безостановочно три дня и три ночи съ такимъ остервененіемъ, что тѣ, которые уцѣлѣли, спрашиваютъ себя и по сіе время, какимъ чудомъ Промысла Божія они избѣгли общей участи. Убійства начались при крикахъ Salavat Mahomed въ назначенный часъ, *по сигналу, условленному заранѣе, безъ всякаго вызова съ чьей либо стороны.*

Я счелъ своимъ первымъ долгомъ послать къ вали заптія съ требованіемъ болѣе надежной охраны для монастыря (такъ какъ я предполагалъ, что она у него уже есть). Заптій не вернулся и я не получилъ никакого отвѣта на свое требованіе.

Пятница была посвящена исключительно базару. Сперва были убиты всѣ христіане, не успѣвшіе скрыться, а затѣмъ началось разграбленіе. Я видѣлъ курдовъ и мусульманъ города, проходившихъ мимо консульства, нагруженными награбленными вещами; нѣкоторые изъ нихъ были остановлены моими заптіями, которые отняли награбленные товары и сложили на храненіе въ сосѣдніе дома, а затѣмъ унесли къ себѣ. Меня увѣряли, что въ грабежѣ принимали участіе всѣ, отъ мала до велика,—*курды, солдаты, заптіи и многіе высокопоставленные мусульмане.*

Когда базаръ былъ опустошенъ, что взяло немного времени, онъ былъ подожженъ. Было около 2-хъ часовъ дня; пожаръ продолжался до слѣдующаго дня. Всѣ лавки христіанъ разорены; потери значительны.

Въ дѣйствительности, настоящая рѣзня началась только въ субботу утромъ; до сихъ поръ христіанъ убивали на улицахъ, ихъ убивали на кровляхъ домовъ, стрѣляя по нимъ изъ оконъ и минаретовъ; въ домахъ на нихъ еще не нападали.

Въ этотъ же день вмѣстѣ съ восходомъ солнца началось кровопролитіе и продолжалось до воскресенья вечера.

Они раздѣлились отрядами и приступили къ дѣлу систематически, переходя *изъ дома въ домъ,* старательно обходя дома мусульманъ. Выламывали двери, разграбливали все и, если находили въ немъ живущихъ, ихъ убивали, убивали всякаго, попадавшаго подъ руку,—мужчинъ, женщинъ и дѣтей; дѣвушекъ похищали. Почти всѣ мусульмане города, солдаты, заптіи и курды этой области приняли участіе въ этой ужасной рѣзнѣ.

Всѣ стѣны консульства были пробиты пулями и два трупа лежали распростертыми почти подъ самыми нашими окнами на сосѣднихъ кровляхъ. Племена курдовъ кочевниковъ не участвовали; всѣ хорошо знали, что эти дикія орды не дѣлаютъ различія между религіями и что, если разнуздать ихъ инстинкты грабежа и убійства, весь городъ безъ различія между мусульманами и христіанами прошелъ бы черезъ ихъ руки.

Между тѣмъ, тѣ изъ христіанъ, у которыхъ нашлось оружіе и которые могли собраться въ достаточномъ количествѣ, пробовали защищаться; это имъ удалось въ нѣкоторыхъ кварталахъ, на которые осаждающіе не посмѣли напасть; такимъ образомъ имъ удалось ихъ отстоять. Что касается другихъ, они спасались когда могли, бѣгствомъ, укрываясь въ церквахъ и консульствахъ! Монастырь

Святыхъ отцовъ принялъ ихъ до 3.000 ч.; число нашедшихъ убѣжище у меня достигало 1.500 ч. Улицы были непроходимы и потому эти несчастные принуждены были дѣлать отверстія въ стѣнахъ и спасаться черезъ нихъ; или же они скрывались по кровлямъ, перебираясь по доскамъ черезъ улицы, и являлись полуживыми отъ страха въ мѣста убѣжища. Одна женщина упала на нашихъ глазахъ въ ту минуту, когда была у входа. Сколько такихъ несчастныхъ убилось при этихъ ужасныхъ переправахъ.

Въ воскресенье въ три часа пополудни я видѣлъ изъ своего окна, какъ могли видѣть всѣ, солдатъ, заптіевъ, курдовъ и мусульманъ, стрѣлявшихъ вмѣстѣ съ кровель и минаретовъ въ армяно-григоріанскую церковь. Я потребовалъ отъ офицера на караулѣ занести этотъ фактъ въ протоколъ и въ то же время я попросилъ у одного духовнаго лица, жившаго по сосѣдству и очень почитаемаго въ городѣ, Абаса Ходжія, его вмѣшательства для прекращенія этого кровопролитія. До сихъ поръ мы еще могли думать, что войска постараются подавить возстаніе и могли надѣяться, что они этого достигнутъ; но съ этой минуты не было уже никакого сомнѣнія. Ужасъ между укрывшимися былъ такъ великъ, что я обратился къ Вашему Высокопревосходительству съ своимъ воззваніемъ, спасшимъ насъ всѣхъ.

Между тѣмъ, черезъ нѣсколько минутъ мы увидали, что эти люди сошли внизъ и удалились; ночь почти наступила; грабители скрылись, звукъ выстрѣловъ становился все рѣже, надежда стала вновь оживать. Около 9-ти часовъ вечера мнѣ пришли сказать, что по приказанію губернатора нѣсколько высокопоставленныхъ мусульманъ и одинъ христіанинъ стараются возстановить спокойствіе; два часа спустя вѣстники объявляли на улицахъ, что губернаторъ запрещаетъ стрѣлять и, что всякій найденный съ оружіемъ въ рукахъ будетъ строго наказанъ. Вообще ночи были спокойнѣе дня; ружейные выстрѣлы начинали раздаваться съ разсвѣтомъ и потому себѣ легко представить, съ какимъ страхомъ онъ ожидался. Въ понедѣльникъ утромъ стрѣльба не возобновлялась.

Около 8 часовъ Абасъ-Ходжіа, никогда не выходящій изъ дому, явился съ визитомъ ко мнѣ въ консульство; за нимъ слѣдомъ прибыли вскорѣ самые знатные мусульмане квартала, и всѣ они увѣряли меня, что все кончено и что теперь слѣдуетъ заняться возстановленіемъ спокойствія. Что могло случиться на столько важнаго, чтобъ укротить бѣшеный пароксизмъ этихъ изступленныхъ и почти внезапно прекратить рѣзню въ минуту ея полнаго разгара?

Я предполагаю, что «голова Анизъ-Паши» не непричастна этому неожиданному обороту (Французскій посолъ Камбонъ пригрозилъ, что потребуетъ «головы Аниза» если пострадаютъ католики, покровительствуемые Франціею) и что эта жалкая особа, дорожа своею жизнью столько же, сколько послѣдній изъ христіанъ, побоялся поставить ее на карту, чтобы насытить фанатизмъ своихъ единовѣрцевъ и свой.

Какъ бы то ни было, рѣзня въ Діарбекирѣ кончилась. Къ несчастью, того же нельзя сказать про деревни, гдѣ не было французскаго консула въ опасности. Тамъ она продолжалась еще болѣе пятнадцати дней и все было разорено.

Меня обязываетъ совѣсть объявить съ увѣренностью, пишетъ консулъ, что убійства въ Діарбекирѣ были совершены мусульманами и ничѣмъ не были вызваны; что

генералъ-губернаторъ, командующій войсками, начальникъ жандармовъ оставались безучастны передъ сценами ужаса и ничего не предпринимали, чтобы ихъ остановить; что если они прямо не участвовали, ихъ отношеніе къ нимъ имѣло характеръ поощренія; что я видѣлъ своими глазами солдатъ и заптіевъ, присоединившихся къ мусульманамъ и курдамъ и стрѣлявшихъ вмѣстѣ въ христіанъ; что эти послѣдніе прибѣгли къ оружію только ради самозащиты, когда они были къ тому вынуждены. Полиція и войска вмѣшались лишь для того, чтобы ударить по жертвамъ.

Хотя я донесъ по телеграфу цыфры потерь и не имѣю ничего въ нихъ измѣнить, нахожу не лишнимъ привести ихъ здѣсь:

Армянъ-Григоріанцевъ:

Мертвыхъ	1000
Раненыхъ	250
Разграбленныхъ домовъ	1500
Разграбленныхъ и сожженныхъ лавокъ	2000

Армянъ-Католиковъ.

Убитыхъ	10
Раненыхъ	1
Разграбленныхъ домовъ	36
Разграбленныхъ и сожженныхъ лавокъ	65

Сиріянъ-Схизматиковъ (якобитовъ).

Убитыхъ объявленныхъ	36
» дѣйствительныхъ	150
Раненыхъ	11
Разграбленныхъ домовъ	35
Лавокъ разграбленныхъ и сожженныхъ	200

Сиріянъ-Католиковъ.

Убитыхъ	3
Раненыхъ	1
Разграбленныхъ домовъ	6
Лавокъ разграбленныхъ и сожженныхъ	30

Халдеевъ.

Убитыхъ	14
Раненыхъ	9
Разграбленныхъ домовъ	58
Лавокъ разграбленныхъ и сожженныхъ	78

Грековъ.

Убитыхъ	3
Раненыхъ	3
Разграбленныхъ домовъ	15
Лавокъ разграбленныхъ и сожженныхъ	15

Протестантовъ.

Убитыхъ	11
Раненыхъ	1
Разграбленныхъ домовъ	51
Лавокъ разграбленныхъ и сожженныхъ	60
Исчезнувшихъ всѣхъ вѣроисповѣданій	1000
Крестьянъ—христіанъ, работавшихъ въ городѣ убитыхъ и исчезнувшихъ	1000

119 селъ санджака Діарбекира, было разграблено и сожжено; они состояли изъ 6000 семействъ, насчитывавшихъ 30.000 христіанъ убитыми и исчезнувшими.

Въ городѣ 50 женщинъ и дѣвушекъ было похищено. Въ деревняхъ число неисчислимо. Матеріальная потеря одного города исчисляется въ 2 милліона турецкихъ фунтовъ.

Между мусульманами 195 убитыхъ, въ числѣ которыхъ 70 человѣкъ были убиты своими же, при раздѣлѣ награбленной добычи.

При моемъ послѣднемъ свиданіи съ губернаторомъ я его просилъ устно, но въ видѣ требованія, стражу для консульства и монастыря, еслибъ того потребовали обстоятельства. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что это его долгъ и въ случаѣ надобности онъ не преминетъ исполнить требованіе.

Онъ прислалъ для консульства 9 заптіевъ и одного офицера, но не послалъ никого въ монастырь. Я обращался къ нему съ требованіемъ за требованіемъ; онъ ни разу мнѣ не далъ отвѣта, и только послѣ того, какъ увидалъ нѣсколько разъ въ день поднимавшійся и опускавшійся флагъ, онъ наконецъ рѣшилъ прислать разсыльнаго узнать, что я желаю. Я сказалъ унтеръ-офицеру, что требую достаточной охраны для монастыря и подкрѣпленія для меня. Онъ замѣтилъ, что солдаты не могутъ идти въ монастырь, такъ какъ по дорогѣ христіане стрѣляютъ въ нихъ. На что я ему отвѣчалъ, что такъ какъ заптіи и солдаты боятся огня, я самъ поднимусь на кровлю (верхнюю площадку), чтобъ убѣдить христіанъ не стрѣлять. И я это сдѣлалъ при немъ. Немного времени спустя 10 солдатъ и одинъ офицеръ прибыли въ консульство; но ни одного не было послано къ монахамъ. Всѣ находящіеся подъ нашей защитой оставались такимъ образомъ всѣ три дня рѣзни безъ охраны и очень часто находились въ опасности.

Послѣ трехъ дней убійствъ, когда погибло свыше 3000 христіанъ, разграблено все ихъ имущество, можно было надѣяться, что правительство приметъ христіанъ хотя бы для виду подъ свою защиту. Увы, ничуть не бывало! ихъ такъ же преслѣдовали послѣ того, какъ и до этого; они были жертвами самой вопіющей несправедливости. Ихъ разоружили съ величайшей строгостью, между тѣмъ какъ мусульманамъ оставлено было ихъ оружіе. Брошеные въ тюрьмы за то, что были причиной возстанія, они замучены были до смерти съ цѣлью добиться отъ нихъ взаимныхъ доносовъ и доставить такимъ образомъ властямъ предлогъ къ обвиненію. Дошли до того, что отняли у армянскаго населенія ту небольшую помощь, которую оно получало для прокормленія оставшихся безъ всякихъ средствъ семей, изъ за того, что епископъ не согласился подписать бумаги, констатирующей виновность своихъ. Въ продолженіи 46 дней, до прибытія Зіа-Паши и особенно Абдулла-Паши, страхъ царилъ въ городѣ; правительство не сдѣлало ничего, чтобы его разсѣять. Напротивъ; мусульмане, увѣренные въ безнаказанности, не боялись открыто выражать христіанамъ свою враждебность и совершали при дневномъ свѣтѣ новыя насилія. Можно сказать, что Анизъ-Паша задался задачею покровительствовать преступникамъ и *наказывать жертвы ихъ*».

в) Сивасъ.

Почти одновременно съ описанными событіями въ Діарбекирѣ вспыхнули безпорядки въ Сивасѣ. Французскій вице-консулъ Карнье — передаетъ о нихъ слѣдующее:

«Рѣзня началась ровно въ полдень во всѣхъ частяхъ города одновременно». Такъ начинаетъ Сивасскій консулъ Карнье свою депешу отъ 12 ноября 1895.— Передавъ отдѣльные эпизоды грабежа и убійствъ онъ продолжаетъ изложеніе по пунктамъ:

Базаръ. — «Всѣ лавки и магазины армянъ были совершенно разорены и разграблены; даже вынуты окна; не оставлено ничего, хотя бы старыхъ бумагъ.

Въ аптекахъ грабители, боясь взять лѣкарства, разбили всѣ пузырьки.

На базарѣ существуетъ большое каменное зданіе, недавно выстроенное и называющееся «новый ханъ»; оно запирается двумя желѣзными дверями, имѣетъ просвѣтъ только въ нижнемъ этажѣ и занято складами и магазинами самыхъ богатыхъ купцовъ. Около 400 армянъ заперлись въ немъ. Въ этомъ строеніи хранилось довольно значительное количество оружія (присланнаго когда-то комитетомъ) и много военныхъ запасовъ.

Мусульмане по крайней мѣрѣ цѣлый часъ трудились надъ тѣмъ, чтобы продѣлать въ двери отверстіе въ 1 метръ, въ чемъ имъ не мѣшали ни полиція, ни осажденные и когда первый человѣкъ проникъ съ трудомъ черезъ брешь, армяне сдались и отворили свои магазины, которые тотчасъ же были совершенно разграблены.

Вали утверждаетъ, что всѣ остались въ живыхъ; я это узнаю впослѣдствіи, такъ какъ знаю большинство именъ, укрывшихся въ новомъ ханѣ.

Если этотъ фактъ мало говоритъ въ пользу храбрости армянъ, онъ имѣетъ и свою хорошую сторону: эти послѣдніе могли легко убить много мусульманъ, а это повело бы къ жестокимъ репрессаліямъ.

Было разграблено нѣсколько домовъ, покинутыхъ ихъ владѣльцами, но почти все исключительно людей богатыхъ.

Убійства. — Рѣзня должна была быть навѣрно подготовлена заранѣе, такъ какъ отличалась особеннымъ единодушіемъ. Что тутъ было потворство властей — вещь очень возможная.

Секретъ хорошо сохранялся, хотя наканунѣ вечеромъ нѣсколько осторожныхъ предостереженій было сдѣлано. Но предостереженія были слишкомъ темны. Тѣмъ не менѣе, 11-го ноября вечеромъ я посовѣтовалъ нашимъ миссіонерамъ секретно запастись запасами на случай мятежа, близость котораго я не подозрѣвалъ, и далъ имъ приказъ не выходить ни подъ какимъ предлогомъ изъ дому въ случаѣ малѣйшей тревоги.

Излишне говорить, что заптіи, солдаты, служащіе управленія и т. д. принимали личное участіе въ убійствахъ, такъ же какъ и въ грабежахъ. Только уже вечеромъ они взялись за роль полиціи. Два офицера гамидіэ эскортировали вмѣстѣ съ другими фуры, нагруженныя добычей.

Власти опредѣляли на другой день число убитыхъ количествомъ отъ 200— до 300 человѣкъ, трупы которыхъ собраны были въ одномъ ханѣ базара; на

самомъ дѣлѣ ихъ было 500, нѣсколько мусульманъ было убито армянами; двое— убиты нечаянно своими единовѣрцами. Я узналъ позднѣе, что въ другомъ ханѣ находилось столько же труповъ, убитыхъ при въѣздѣ въ городъ, большею частью все поселянъ, привезшихъ продукты на базаръ. Все это составляетъ для 12 ноября около 1000, не считая неизвѣстныхъ.

Между убитыми очень мало застрѣленыхъ; почти у всѣхъ разбитые черепа топорами, палками, желѣзными ломами, хотя перестрѣлка въ продолженіе 2—3 часовъ была очень сильная. Эта странность объясняется пользованіемъ почти исключительно револьверами и пистолетами, оружіемъ очень опаснымъ въ опытныхъ рукахъ, но производящемъ больше шума чѣмъ дѣла въ неумѣлыхъ.

Раненые. — Сравнительно раненыхъ мало, такъ какъ ихъ очень скоро доканчивали. Тѣ, которые были приняты за мертвыхъ или избѣгли смерти чудомъ, имѣютъ мало надежды остаться въ живыхъ; я знаю одного, въ котораго сдѣлано было 12 выстрѣловъ и нанесены другія раны.

Одинъ армянинъ, печникъ по ремеслу, убившій солдата, былъ убитъ и разорванъ на куски.

На другой день начальство прекратило рѣзню и одинъ изъ нихъ говорилъ: «вчера долгъ мусульманина обязывалъ его убивать и награбленное было наградою имъ, сегодня все должно прекратиться»

г) Орфа.

(Показаніе очевидца).

Въ воскресенье 6 ноября (1895 г.) въ 5 часовъ (по турецкому исчисленію) молодой турокъ при помощи трехъ товарищей зарѣзалъ армянина мѣнялу предъ самымъ каѳедральнымъ соборомъ. Убійцу арестовали, но онъ твердилъ, что убійство совершено имъ по приказанію одного офицера. Его отвели въ гауптвахту, гдѣ онъ былъ убитъ штыками. Эти двѣ смерти подали поводъ къ послѣдующей рѣзнѣ. Головы были разгорячены, и магометане открыто говорили, что они должны слѣдовать примѣру турокъ въ Марашѣ, истребившихъ христіанъ. Въ ту же ночь въ 7 час. турки стали стрѣлять изъ ружей и армяне провели всю ночь въ смертельномъ страхѣ. На другой день полиція, въ видахъ возбужденія мусульманъ, распространяла слухъ, что ночью армяне стрѣляли въ турокъ и что ждутъ только приказанія султана, чтобы искоренить гяуровъ. — Не смотря на эти слухи армяне принялись за дѣло, но ихъ оскорбляли и били въ ихъ собственныхъ лавкахъ, и они, во избѣжаніе худшаго, удалились въ свои дома. Воспользовавшись отсутствіемъ армянъ, турки стали разбивать ихъ лавки и грабить при помощи военныхъ. Я видѣлъ все это собственными глазами изъ окна гостинницы, гдѣ я стоялъ.

Начальникъ части Гассанъ-Паша, считая этотъ грабежъ недостаточнымъ, говорилъ грабителямъ: «Будетъ еще время награбить; ступайте сначала въ армянскій кварталъ и бейте армянъ, а потомъ на свободѣ берите все въ домахъ и въ лавкахъ. Видя, что его совѣтъ не достаточно быстро выполняется, онъ призвалъ капитана и приказалъ ему взять роту и при помощи солдатъ погнать бунтовщиковъ въ армянскій кварталъ. Войска пришли и при крикѣ: «Смерть христіанамъ» погнали всю эту толпу въ армянскій кварталъ: дома были разбиты, хозяева

умерщвлены, а имущество расхищено. — Но армяне имѣли время загородиться у себя и закрыть главные входы въ кварталъ. Благодаря принятымъ мѣрамъ, армяне могли сдержать натискъ этихъ изступленныхъ, которые удалились, разрушивъ 300 домовъ, убивъ 120 человѣкъ и ранивъ 40; турки съ своей стороны имѣли 4 убитыхъ и 60 раненыхъ. Въ своемъ дикомъ бѣшенствѣ они бросились тогда на базаръ и разграбили 1700 лавокъ.

На другой день мѣстныя власти подъ завѣдомо лживымъ предлогомъ, будто армяне были зачинщиками, и въ видахъ большаго еще распаленія мусульманъ, предали военному суду аптекаря Мелкона и его родственниковъ. Они были отданы на растерзаніе черни, которая бросила ихъ трупы въ ровъ съ нечистотами.

Послѣ этого администрація призвала въ городъ всѣхъ поселянъ, турокъ, арабовъ и др. и раздала имъ все имѣвшееся въ ея распоряженіи оружіе, чтобы идти на армянъ, которые оставались у себя; еще разъ бросились на этотъ кварталъ, испуская дикіе крики и рѣшившись все предать огню и всѣхъ перерѣзать. Но встрѣтивъ сопротивленіе, толпа удалилась, оставивъ 5 убитыхъ и разграбивъ 50 домовъ и убивъ 20 армянъ. Это послѣднее нападеніе происходило во вторникъ въ 10 час., и тотчасъ послѣ него армянскій кварталъ былъ оцѣпленъ войсками, которыя прекратили всякія сношенія его съ внѣшнимъ міромъ.

Въ среду заключили въ тюрьму выдающихся армянъ города. Отъ нихъ, во что бы то ни стало, требовали сознанія, что они участвують въ революціонномъ комитетѣ. Домогались отъ нихъ именъ членовъ комитета, а также передачи 1800 ружей или же значительной суммы денегъ, если они желаютъ быть освобожденными. Несчастные, не имѣя возможности признаться въ соучастіи въ несуществующемъ комитетѣ, ни передать ружей, которыхъ не получали, повѣривъ турецкому слову, передали денегъ, сколько могли собрать, но вмѣсто освобожденія, ихъ заперли въ темную, гдѣ они донынѣ (январь 1896) томятся.

Все послѣдующее изложеніе докажетъ непререкаемымъ образомъ, что именно само правительство подготовило и предписало избіеніе (a organisé et ordonné les massacres). Администрація, сообразивъ, что для истребленія армянъ придется пожертвовать множествомъ турокъ, придумала слѣдующую ловушку, чтобы обезоружить армянъ и предать ихъ на волю турокъ.

Она призвала главы армянской общины и объявила имъ, что отдала строгое приказаніе о прекращеніи рѣзни, на что и они, съ своей стороны должны заставить своихъ единовѣрцевъ передать свое оружіе.

Турки, увѣряя въ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ, распорядились выставить баттареи надъ армянскимъ кварталомъ. Въ теченіе дней 20 ничего не было предпринято противъ армянъ, которые, правда, оставались взаперти въ своихъ домахъ. Но это не входило въ разсчетъ мѣстнаго начальства, которое желало поскорѣе окончить. Въ виду этого снова были призваны священники, имъ указали на водворившееся спокойствіе и на необходимость выдать оружіе, дабы, съ обѣихъ сторонъ, выразилось довѣріе и дѣла пошли обычнымъ порядкомъ.

Священники должны были согласиться сдѣлать попытку. Въ сопровожденіи полиціи они обходили жилища армянъ и на Евангеліи заставляли клясться, имѣетъ-ли онъ оружіе или нѣтъ. Все наличное оружіе было отобрано, затѣмъ обысканы были дома священниковъ и могилы.

Убѣдившись въ томъ, что армяне предоставлены его волѣ, правительство сняло стражу и приказало имъ приняться за свое дѣло.

Они не вѣрили своимъ глазамъ, видя свои лавки раззоренными, опустошенными и сожженными: такую картину приготовили армянамъ послѣ 48-ми дневнаго заключенія ихъ въ домахъ и прежде чѣмъ отправить большинство ихъ на тотъ свѣтъ.

16-го именно числа (января) распространился слухъ, что готовится большое движеніе турокъ противъ армянъ. Священники раннимъ утромъ явились къ начальству, прося о предупрежденіи новыхъ волненій. Не успѣли они вернуться домой, какъ армянскій кварталъ было окруженъ 3000 солдатъ и 1500 гамидіэ (иррегул. войско), которые вмѣстѣ съ толпою, также вооруженною начальствомъ, бросились какъ взбѣсившіеся звѣри на армянскіе дома, ломая двери и стѣны, убивая всѣхъ встрѣчавшихся на пути и потомъ поджигая дома. Описать вамъ отвратительныя сцены, продолжавшіяся цѣлый день, нѣтъ возможности.

Все это чинилось во имя пророка и султана, тѣни его на землѣ.

Ихъ свирѣпость и кровожадность не были еще насыщены, потому что на другой день началось снова.

Три тысячи обезумѣвшихъ армянъ искали спасенія въ каѳедральномъ соборѣ. Большинство были женщины, дѣвушки, дѣти, обращавшіяся съ мольбою къ Богу, прося о прекращеніи этой бойни. Можно было думать, что фанатики пощадятъ святыню. Нѣтъ, они выломали двери топорами. Войдя во внутрь, они убивали, сколько могли, и уничтожали священные предметы. Наконецъ, чтобы покончить дѣло разрушенія, эти злодѣи принесли керосинъ и розлили около этихъ несчастныхъ, съ нетерпѣніемъ ждавшихъ смерти. Соборъ подожгли, и всѣ тѣ, которые спаслись отъ лезвія оружія, погибли въ огнѣ въ то время, какъ мулла съ крыши собора возносилъ благодарность Магомету.

Число армянскихъ жертвъ за эти два дня 16—17 января опредѣляется точною цифрою 10.000.

Въ теченіе одной недѣли евреи по приказанію администраціи, волокли трупы по улицамъ и затѣмъ бросали ихъ во рвы...

Въ Береджинѣ нѣтъ болѣе ни одного христіанина. Всѣ тѣ, которые не были зарѣзаны или брошены въ Евфратъ, вынуждены были перейти въ магометанство.

Продажа женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ продолжается здѣсь на площадяхъ по дешевымъ цѣнамъ.

д) Убійство Сальватора.

Благодаря тому, что Сальваторъ, въ качествѣ католика, находился подъ протекторатомъ Франціи, на убійство его было обращено особое вниманіе и для дознанія посланъ былъ подполковникъ Віаларъ. Вотъ что сообщалъ онъ въ своемъ рапортѣ.

«Въ серединѣ декабря 1895 г. распространился слухъ, что отецъ Сальваторъ, итальянскій монахъ ордена францисканцевъ въ Святой Землѣ, настоятель монастыря Муджукъ-Дерессп, вблизи отъ Мараша, былъ убитъ въ послѣднихъ числахъ ноября того же года.

Это вначалѣ неопредѣленное и сомнительное извѣстіе постепенно пріобрѣтало болѣе правдоподобія и подкрѣплялось новыми сообщеніями и подробностями,

которыя собирались съ большой тщательностью и осмотрительностью, дѣлающими честь, какъ намъ пріятно это замѣтить, французскому консулу въ Алеппо, г. Бартелеми.

Въ сѣверной части Алеппскаго вилайета господствовало въ это время сильное возбужденіе; происшедшія здѣсь убійства вызвали панику; христіане не рѣшались выйти за предѣлы своихъ деревень и городовъ. Поэтому нисколько не удивительно, что извѣстія доходили оттуда медленно. Но эта медленность не мѣшала имъ пріобрѣтать съ каждымъ днемъ больше полноты, и въ 1896 году уже не оставалось и тѣни сомнѣнія ни въ убійствѣ отца Сальватора и нѣкоторыхъ изъ его католическихъ односельчанъ латинскаго происхожденія, находившихся подъ протекторатомъ Франціи, ни въ участіи въ рѣзнѣ иррегулярныхъ войскъ турецкой арміи.

Въ концѣ января французское посольство въ Константинополѣ обратилось къ Высокой Портѣ съ требованіемъ дать ему необходимыя разъясненія. Но это требованіе осталось безъ отвѣта. Наконецъ, послѣ долгихъ и усиленныхъ настояній, въ началѣ апрѣля, по приказу Его Величества Султана, была образована коммиссія. На нее возложена была миссія произвести на мѣстѣ дознаніе относительно указанныхъ фактовъ...

Мы уже сказали, что Алеппскій вилайетъ былъ сильно возбужденъ въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1895 года. Особенно тревожно было настроеніе жителей въ Марашскомъ санджакѣ.

И дѣйствительно, въ самомъ Марашѣ 25-го октября былъ убитъ армянинъ Карабетъ Топалянъ.

26-го октября турки Караманлійскаго квартала напали и ранили нѣсколько христіанъ, разграбили лавки.

27-го и 28-го октября произошло новое нападеніе на христіанъ; многіе были убиты или ранены, лавки разграблены.

3-го ноября, въ воскресенье, было перебито отъ 20 до 25 христіанъ.

Наконецъ, 18-го ноября произошло безжалостное избіеніе 7 или 8 сотъ христіанъ, при чемъ войска принимали участіе въ этой бойнѣ.

Сильная паника охватила сосѣднія христіанскія деревни.

1-го ноября отецъ Сальваторъ писалъ изъ Муджукъ-Дересси своему собрату отцу Діонисію, настоятелю Марашскаго монастыря: «Вотъ уже четыре дня, какъ я не смыкалъ глазъ, вездѣ въ окрестностяхъ слышатся угрозы, и мы, дѣйствительно, въ крайней опасности. Да сохранитъ насъ Господь!»

7-го ноября онъ писалъ въ другомъ письмѣ: «Мы еще живы, но все время на сторожѣ, потому что со всѣхъ сторонъ насъ окружаютъ разбойники, которые лишь ищутъ случая ограбить».

Это было послѣднее письмо, полученное отъ него въ Марашѣ. Опасность казалась ему настолько близкой, что онъ просилъ выслать ему двухъ вѣрныхъ заптіевъ, чтобы сопровождать его въ Марашъ, такъ какъ въ монастырѣ нельзя было оставаться въ безопасности.

По причинамъ, разсматривать которыя мы здѣсь не будемъ, 15 ноября 1895 г. ночью были отправлены войска изъ Мараша въ Муджукъ-Дересси; они находились подъ начальствомъ полковника Мазгаръ-бея.

Оба батальона съ послѣднимъ во главѣ явились въ Муджукъ-Дерессп 16-го ноября въ субботу къ вечеру. Они расположились лагеремъ между мусульманской деревней Кайшли и христіанской деревней Муджукъ-Дерессп, но ближе къ послѣдней.

Странное явленіе обнаруживается тогда передъ нами.

Появленіе войскъ въ неспокойной мѣстности вызываетъ обыкновенно общую радость и веселье, какъ вѣсть о безопасности и порядкѣ. Здѣсь же, напротивъ, паника охватываетъ всѣхъ жителей христіанъ, которые разбѣгаются въ разныя стороны, и даже въ умѣ отца Сальватора зарождаются опасенія; эта паника и эти опасенія были вполнѣ основательны, какъ подтверждаютъ это многочисленныя показанія, такъ какъ избавители сжигаютъ нѣсколько домовъ въ деревнѣ, преслѣдуютъ ея жителей и убиваютъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Мало того: въ тотъ же вечеръ или въ одинъ изъ слѣдующихъ дней отецъ Сальваторъ въ своемъ монастырѣ подвергается угрозамъ, побоямъ, при чемъ ударомъ штыка его ранятъ въ ногу; женщинъ хватаютъ и задерживаютъ, такъ же какъ и мужчинъ, не имѣвшихъ времени скрыться въ монастырѣ, окруженномъ стражей и находящемся подъ строгимъ наблюденіемъ.

Нѣкоторые свидѣтели, бывшіе очевидцами этой сцены, думали, что отецъ Сальваторъ былъ убитъ въ тотъ же день. Но они ошиблись. Въ этотъ день онъ былъ только раненъ; убитъ же онъ былъ нѣсколько дней спустя.

Мазгаръ-бей со своими двумя батальонами оставался въ лагерѣ между Кайшли и Муджукъ-Дерессп пять дней: 17, 18, 19, 20 и 21 ноября (онъ прибылъ туда 16-го вечеромъ).

Мы переходимъ, наконецъ, къ событіямъ 22-го ноября.

Полковникъ Агасси-Саидъ-бей, явившійся съ киллійскимъ батальономъ, принесъ изъ Мараша приказъ вернуться обратно, и рано утромъ палатки были сняты и багажъ сложенъ.

Но въ то же время произошла знаменательная сцена, разсказъ о которой передаютъ многочисленные свидѣтели.

Изъ верхняго этажа спустили внизъ отца Сальватора и христіанъ, не имѣвшихъ времени спастись бѣгствомъ и задержанныхъ здѣсь; мужчинъ велѣли разлучить съ женщинами, порученными Мудиру, при чемъ мужчинамъ было сказано, чтобы они получше насмотрѣлись въ послѣдній разъ на своихъ женъ (показывая знакомъ, что они обречены на гибель); затѣмъ имъ связали руки веревками, захваченными въ монастырѣ.

Войска выстроились и готовились выступить въ походъ.

Отецъ Сальваторъ, раненый въ ногу, попросилъ дать ему лошадь, но ему отказали. Онъ могъ бы, пожалуй, скрыться бѣгствомъ. Были ли у него связаны руки, какъ и у остальныхъ? Мы не можемъ утверждать этого, такъ какъ не всѣ свидѣтели сходятся относительно этого пункта. Мы смѣемъ надѣяться и имѣемъ основаніе думать, что ему не было нанесено еще и этого оскорбленія, потому что намъ извѣстно, что онъ держалъ въ рукѣ свѣчу и свой требникъ, и эта свѣча была отнята у него во время избіенія и передана намъ нѣсколько времени спустя въ Зейтунѣ, и она до сихъ поръ еще хранится у насъ.

Разсказъ объ этой сценѣ отъѣзда передаютъ намъ очевидцы.

Какая участь постигла этихъ плѣнниковъ? Объ этомъ мы узнаемъ изъ показаній очень юнаго свидѣтеля, 10-лѣтней дѣвочки, Маріамъ, дочери Мардироса, племянницы Бальджи-Углу-Оганнеса, одного изъ погибшихъ.

Вотъ важнѣйшіе пункты этого вопроса:

В. — Кто привелъ тебя въ Марашъ?
О. — Меня привели солдаты.
В. — Знаешь-ли ты солдатъ, приведшихъ тебя и узнала-ли бы ты ихъ при встрѣчѣ?
О. — Я ихъ не знаю и не могла бы ихъ узнать.
В. — Откуда они привели тебя въ Марашъ?
О. — Они привели меня изъ Муджукъ-Дерессп.
В. — Какъ они вели тебя?
О. — Они посадили меня на мула и увезли меня.
В. — Былъ-ли на мулѣ кто-нибудь кромѣ тебя?
О. — Нѣтъ, я была одна.
В. — Былъ-ли нагруженъ мулъ?
О. — На немъ было два одѣяла.
В. — Прежде чѣмъ попасть въ Марашъ, гдѣ вы находились въ Муджукъ-Дерессп?
О. — Я была въ монастырѣ. .

. .

В. — Что вы видѣли въ церкви? (Дѣвочка, вѣроятно, не поняла вопроса и отвѣтила):
О. — Когда пришли солдаты, они убили дядю.
В. — Кто вашъ дядя?
О. — Оганнесъ (Бальджи-Углу-Оганнесъ).
В. — Когда они пришли откуда?
О. — Они убили его въ Геджекѣ.
В. — Были тамъ дома?
О. — Въ томъ мѣстѣ, гдѣ его убили, не было; но напротивъ было два мусульманскихъ дома.
В. — Въ какое время дня убили вашего дядю, днемъ или ночью?
О. — Его убили днемъ по приходѣ, послѣ полудня.

(Если высчитать время, какое потребовалось для перехода войскъ изъ Муджукъ Дерессп къ Геджекскому оврагу, преступленіе, дѣйствительно, должно было имѣть мѣсто около полудня).

В. — Свѣтило-ли солнце?
О. — Да, свѣтило.
В. — Былъ-ли вѣтеръ?
О. — Да, было вѣтрено.
В. — Не шелъ-ли дождь? (коварный вопросъ).
О. — Нѣтъ, дождя не было! свѣтило солнце.
В. — Что сдѣлали солдаты, послѣ того какъ они убили вашего дядю?
О. — Они убили его ударами штыковъ.
В. — Я спрашиваю васъ, что они сдѣлали, убивши его?
О. — Убивши его, они сожгли его.
В. — Откуда они взяли огня?
О. — У нихъ были спички и хворостъ.
В. — Убили-ли они еще другихъ людей, кромѣ вашего дяди?
О. — Да, они убили нѣсколько человѣкъ и святого отца.
В. — Кромѣ святого отца, кто былъ убитъ ими?
О. — Іеремія, слуга святого отца.
В. — А еще кто?
О. — Еще Зирунъ; они всѣ были связаны вмѣстѣ у локтя.
В. — Какъ вы могли это видѣть?

О. — Я была рядомъ съ ними

. .

В. — Плакали-ли вы?

О. — Я плакала, и они заткнули мнѣ ротъ.

В. — Въ какое мѣсто ударили они штыками вашего дядю?

О. — Они воткнули ихъ ему въ спину

В. — Знаете-ли вы еще что-нибудь? скажите!

О. — Я сказала все, что знала, это все.

В. — Знаете-ли вы имя святого отца?

О. — Его зовутъ отецъ Сальваторъ.

В. — Правда-ли все, что вы разсказывали? или вы говорили по чьему-нибудь наущенію?

О. — Все это правда, никто ничего не говорилъ мнѣ.

У насъ есть еще другія свидѣтельства, относящіяся къ этой послѣдней части драмы:

1) Показаніе Люцика (n° 3): «Когда я пріѣхалъ въ Каишли, я услышалъ отъ мусульманъ: Какъ былъ жиренъ святой отецъ! Иначе сказать, убивши святого отца, они, по ихъ словамъ, сожгли его».

2) Показаніе Мукра, который говорилъ отцу Льву (n° 5), показывая рукою на область Уениджe-Кале: «Солдаты привели отсюда красиваго священника. По знаку, данному имъ глазами ихъ предводителемъ, они убили его съ нѣсколькими его спутниками, затѣмъ сложили всѣ трупы одинъ на другой и сожгли ихъ».

3) Показаніе Тестецъ-Оглу-Назарета, сдѣланное имъ въ Зейтунѣ 20 февраля 1896 г., которое несомнѣнно сообщено было очевидцемъ: «Нѣсколько дней спустя я проѣзжалъ по лагерю, когда тотъ же солдатъ Топалъ позвалъ меня и повелъ въ свою палатку. Тамъ же находился и вышеупомянутый сержантъ. Во время разговора солдатъ заговорилъ о военныхъ дѣйствіяхъ въ Уениджe-Кале, гдѣ мы нашли красивое зданіе, гдѣ жилъ монахъ Кендирли (въ веригахъ) и 23 армянина. Нашъ офицеръ сказалъ монаху, что мы намѣреваемся отвести его въ Марашъ. Монахъ попросилъ себѣ верховую лошадь, и офицеръ отвѣтилъ: «Двинемся пока впередъ, а затѣмъ я вамъ дамъ лошадь». Мы вывели изъ монастыря святого отца и армянъ и, пройдя нѣкоторое разстояніе, мы, по приказанію офицера, окружили всю толпу, которую мы покончили съ помощью нашихъ штыковъ, послѣ чего мы сожгли всѣхъ. Когда горѣлъ монахъ, онъ дрожалъ и стоналъ. Въ монастырѣ было много вина и всякихъ вещей; но мы сожгли все, не позволивши никому взять себѣ что-либо. Въ отвѣтъ на разсказъ сержанта, я спросилъ его, какъ осмѣлились солдаты совершить такое злодѣяніе по отношенію къ святому отцу, который не былъ турецкимъ подданнымъ. Онъ отвѣчалъ, что получилъ правительственное распоряженіе убивать всѣхъ христіанъ, но что во всякомъ случаѣ теперь уже дарована амнистія, и мы счастливо избѣжали всякаго наказанія».

e) Совращеніе армянъ въ мусульманство и продажа ихъ въ рабство.

Первыя свѣдѣнія о насильственномъ совращеніи армянъ въ магометанство было сообщено англійскимъ вице-консуломъ въ Мушѣ, который писалъ въ декабрѣ 1895 г., что большинство сельскаго населенія близъ Діарбекира обращено, подъ

угрозою смерти, въ исламъ. Первоначально извѣстіе это встрѣчено было дипломатіей съ недовѣріемъ[1]), но впослѣдствіи факты подтвердились вполнѣ и великія державы потребовали назначенія дознанія. Оно было произведено въ Аданѣ при участіи англійскаго консула Фицъ-Морица и было удостовѣрено: «Въ Береджикѣ (близъ Діарбекира) до дня рѣзни (1-го января) было 240 домовъ; послѣ убіенія 150 душъ христіанъ, остальные въ числѣ 1500 душъ (армянъ-грегоріанъ, протестантовъ и католиковъ) предъ окровавленными трупами своихъ родственниковъ и въ виду угрозы толпы перешли въ магометанство[2]).

Такія же совращенія были удостовѣрены и въ другихъ мѣстахъ. При какихъ условіяхъ происходило обращеніе въ магометанство можетъ дать слѣдующая сцена, описываемая французскимъ консуломъ въ Ангорѣ: «Покончивъ съ базаромъ (Цезареи), турки начали настоящую «бойню», убивая мужчинъ, женщинъ и дѣтей и сжигая живьемъ стариковъ въ разграбленныхъ домахъ. Фанатики заставляли вдовъ и сиротъ переходить въ исламъ, отказывавшихся тотчасъ. Многія молодыя дѣвушки были нагишомъ выгнаны на улицу изъ домовъ, изъ бань, и тутъ же публично подвергались изнасилованію, затѣмъ ихъ убивали или похищали (№ 161, стр. 116).

Общее число совращенныхъ (къ маю 1896 г.) таково: въ округѣ Береджикскомъ — 4300, въ Урфѣ — 500, въ Северешѣ — 200, въ Аданѣ и его окрестностяхъ — 900 и еще нѣсколько сотъ близъ Мараша. Начатыя дипломатическія сношенія, имѣвшія цѣлью дать возможность христіанамъ возвратиться въ свою вѣру, не были еще закончены ко времени изданія Желтой Книги.

О продажѣ армянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ въ рабство упоминаютъ нѣсколько разъ французскіе консулы изъ Орфы, Александретты, Алеппо — консулъ Поньонъ еще въ ноябрѣ 1896 г. доносилъ, что въ Алеппо почти публично продаются армянскія дѣвушки. Начальство ничего не предпринимаетъ, чтобы остановить эту торговлю. Поньонъ передаетъ такой случай: «Воскуи, жена портного, умоляла дозволить ей выкупить ея 12-ти лѣтнюю дочь, привезенную изъ Орфы для продажи въ Алеппо и разсказала о своихъ злоключеніяхъ слѣдующее: наканунѣ рѣзни въ Орфѣ она бѣжала съ дѣтьми въ одно магометанское селеніе и такимъ образомъ спаслась отъ смерти; мужъ ея бѣжалъ въ церковь и былъ сожженъ живымъ вмѣстѣ съ другими, нѣкто Наметъ-Алла похитилъ ея 12-ти лѣтнюю дочь, а съ остальными дѣтьми она бѣжала въ Алеппо. Узнавъ о привозѣ для продажи партій армянскихъ дѣвушекъ, Воскуи просила у генералъ-губернатора, какъ милости, видѣть ихъ. Разрѣшеніе было дано, но заптіи несчастную мать привели въ мѣсто заключенія публичныхъ женщинъ». Этою депешею отъ 10 ноября 1896 г. заканчивается 2-ая часть Желтой Книги.

[1]) См. депешу № 120 изъ Петербурга Монтебелло, который, между прочимъ, пишетъ: „кн. Лобановъ указывалъ на необходимость провѣрить факты (совращенія) и заявилъ, что и въ случаѣ подтвержденія ихъ онъ вовсе не обязался (предъ Англіею) дѣлать совмѣстное представленіе Портѣ по этому поводу“. Стр. 86.

[2]) Лероа-Болье, отмѣчая героизмъ, съ которымъ огромное большинство армянъ, грубыхъ неразвитыхъ поселянъ, предпочло мученическую смерть за вѣру переходу въ магометанство, замѣчаетъ: „едва-ли могли бы наши французскіе крестьяне выдержать такое жестокое испытаніе вѣры“. (Les Arméniens et la question Arménienne).

Краснорѣчивой иллюстраціей къ описаннымъ событіямъ служатъ таблицы приложенныя къ депешѣ изъ Константинополя отъ 25 января 1896 г. Приводимъ для примѣра одну изъ нихъ.

Вилайетъ Мамуретъ-Уль-Азисъ.

Мѣстности.	Время событій.	Убитые.	Раненые.	Событія. Ихъ причины.	Отношеніе къ событіямъ населенія и властей.
Карпутъ.	10/11 нояб.	болѣе 500	—	Курды и мусульмане нападаютъ на армянскіе кварталы и избиваютъ жителей. Настоятель миссіи капуциновъ чуть было не былъ убитъ. Американская миссія уничтожена и значительное число уцѣлѣвшихъ христіанъ не имѣли иного исхода какъ принять мусульманство. Болѣе 60 деревень, расположенныхъ въ окрестностяхъ Карпута, опустошены. По сообщенію Эрзерумскаго вали, сдѣланному консуламъ, число убитыхъ простирается до 92, изъ которыхъ 12 мусульманъ. Больницы, находящіяся въ вѣдѣніи капуциновъ, переполнены ранеными. Караванъ изъ 200 армянъ, отправленныхъ изъ Аданы въ Карпутъ, ихъ родину, подвергается нападенію со стороны курдовъ, которые приэтомъ убили 193 человѣка. Жандармы, вмѣсто того чтобы защищать ихъ, принимали участіе въ грабежѣ. Невозможно съ точностью опредѣлить число опустошенныхъ мѣстностей и исчезнувшихъ армянъ. Но изъ совокупности сообщеній, сдѣланныхъ консуломъ, вытекаетъ, что вся область была разорена. Такъ какъ численность христіанскаго населенія въ этой мѣстности очень высока, то можно опасаться, что число жертвъ было очень велико.	Офицеры и солдаты принимаютъ участіе въ дѣлежѣ добычи. Курды утверждаютъ, что на ихъ сторонѣ власти; послѣдніе поняли, наконецъ, что должны дѣйствовать но поздно: такъ какъ офицеры, солдаты и жандармы принимали участіе въ грабежѣ, то власти не смѣютъ выступить противъ кого-либо.
Арабкиръ.	1/5 ноября.	2800	Очень много.	Вооруженные курды и турки бросаются на христіанъ и разгромляютъ городъ. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ число жертвъ достигло 260, изъ кото-	Черезъ нѣсколько дней шайки мусульманъ, явившихся изъ деревень при-

Мѣстности.	Время событій.	Убитые.	Раненые.	События. Ихъ причины.	Отношеніе къ событіямъ населенія и власти.
				рыхъ 60 мусульманъ. По консульскимъ свѣдѣніямъ грабежъ и пожаръ продолжались 10 дней. Нѣсколько церквей было осквернено; около 2400 домовъ разграблено, около 2800 армянъ погибло. Женщины и дѣти, оставшіяся въ живыхъ, доведены до нищеты. Въ сосѣдней деревнѣ Амбарга всѣ жители, кромѣ трехъ, были перерѣзаны; 60 домовъ подверглись грабежу. Въ деревнѣ Шенигъ осталось въ живыхъ только 6 человѣкъ. Всѣ остальныя деревни долины болѣе или менѣе разорены.	соединяются къ городскимъ. Когда пожары окончились, полиція произвела разслѣдованіе и всѣ лица, избѣжавшія рѣзни, были посажены въ тюрьму. Объ ихъ участи нѣтъ свѣдѣній. Начальство въ теченіе нѣсколькихъ дней раздавало хлѣбъ несчастнымъ, но затѣмъ прекратило эту помощь.
Эгинъ.	8 нояб.	—	—	Курды изъ Дерсима нападаютъ на деревню Гамарагабъ, 300 домовъ разорено и одинъ кварталъ, состоящій изъ 31 дома, совершенно сожженъ. Часть жителей перебита; остальные должны были обратиться къ магометанству. Самый Эгинъ былъ пощаженъ за выкупъ въ 1500 тур. фунтовъ. Абу-Шейкъ уцѣлѣлъ, заплативъ выкупъ въ 200 т. ф. Въ Пигліанѣ было разграблено 250 домовъ. Въ Армаданѣ . . . 130. „ Лиджѣ 220. „ Симарѣ 80. „ Тегудѣ 140. „ Мушешджакѣ . 160. „ Нарверѣ . . . 30. Жители всѣхъ этихъ мѣстностей были частью избиты. Тѣ, которые не спаслись бѣгствомъ, должны были перейти въ магометанство.	
Малатія.	29 октября.	—	—	Распространяется первая тревога и армяне прячутся у себя. Слухи объ избіеніяхъ произведенныхъ въ области, поддерживаютъ безпокойство въ слѣдующіе дни.	
—	4, 5, 6, 7, 8 и 9 нояб.	—	—	Курды и турки бросаются на христіанъ, и въ теченіе 6 дней продолжаются убійства и грабежи. Армяне скрываются въ церквахъ, чтобы спас-	Въ теченіе 24 час. Мутессарифъ допускаетъ рѣзню и грабежъ.

Мѣстности.	Время событій.	Убитые.	Раненые.	Событія. Ихъ причины.	Отношеніе къ событіямъ населенія и властей.
				тись отъ грабежа и пожара. Съ католическими капуцинами дурно обращаются и бьютъ ихъ. Ихъ дома, школа и церковь сожжены. На другой день вечеромъ, вмѣстѣ съ толпой армянъ-католиковъ, ихъ помѣстили въ большой казармѣ, гдѣ они пробыли 3 дня и 3 ночи въ одной комнатѣ безъ пищи. Потери ихъ достигаютъ до 120.000 фр. Число убитыхъ опредѣляется по крайней мѣрѣ въ 3000, изъ которыхъ много женщинъ и молодыхъ людей. Многіе вынуждены были перейти въ магометанство. Всѣ армянскіе дома сожжены. Дома и православная церковь въ деревнѣ Гумушъ-Маіданъ разграблены. Въ деревнѣ Мамша разграблено 30 домовъ.	Только 5-го числа вечеромъ онъ заявляетъ армянскому католическому епископу, что если его единовѣрцы хотятъ находиться подъ защитой, они должны выдать оружіе; лишь послѣ того, какъ они соглашаются на это, онъ соглашается выпустить ихъ изъ казармъ. 6-го числа онъ поступаетъ такимъ же образомъ съ 300 армяно-грегоріанъ, укрывшихся въ церкви. Только 9 ноября онъ помѣстилъ капуциновъ въ домѣ одного мусульманина.

Такія же таблицы составлены по 10 вилайетамъ.

Рѣзня въ ванскомъ вилайетѣ.

(Іюнь 1896 г.).

I.

Корреспондентъ „Арарата", бывшій очевидцемъ и свидѣтелемъ многихъ изъ описываемыхъ имъ событій въ турецкой Арменіи, сообщаетъ подробности прошлогодняго (1896 г.) Ванскаго разгрома.—Пятаго іюня, по его словамъ, начинаютъ собираться въ Ванъ оставшіеся въ живыхъ жители окрестныхъ деревень. Это преимущественно старики, дѣти, женщины, раненые, избитые, опозоренные. Число ихъ доходитъ до 15 тыс. Видъ этихъ несчастныхъ до такой степени возбуждаетъ жалость, что даже многіе изъ турокъ не въ состояніи были удержать слезъ. Всѣ они вмѣстѣ съ обездоленными недѣлю тому назадъ мѣстными жителями находятъ убѣжище въ домѣ американскихъ миссіонеровъ или же въ разоренныхъ церквахъ.

Когда же городскія власти стали успокоивать ихъ и увѣрять, что жизнь ихъ въ безопасности, тогда американскіе миссіонеры выпустили скрывающихся у нихъ армянъ; наскоро была устроена больница въ зданіи армянскаго училища, куда стали приводить раненыхъ, больныхъ и отъ страха лишившихся разсудка дѣвицъ и женщинъ. Больница быстро стала наполняться, несмотря на то, что въ день приходилось хоронить 50—60 чел. Среди этого ужасающаго зрѣлища, среди этихъ стоновъ и криковъ взоры всѣхъ обращены на своего ангела-хранителя, дѣвицу доктора Кимбаль, которая съ чисто материнскою заботливостью и необыкновеннымъ самоотверженіемъ ходитъ за больными, моетъ ихъ раны, перевязываетъ, утѣшаетъ, успокоиваетъ, чтобъ сколько-нибудь облегчить тяжелую участь этихъ жертвъ турецкаго звѣрства.

Живущіе въ окрестностяхъ Варакскаго монастыря поселяне, числомъ около 1000 чел. скрылись въ монастырѣ и въ сосѣднихъ горахъ. Другая часть ихъ, вышедши изъ своихъ селеній, намѣревалась перейти персидскую границу и спастись такимъ образомъ отъ смерти. 10 іюня, въ понедѣльникъ, когда армянамъ была объявлена безопасность жизни, то одновременно съ этимъ курды—Шмиреты

стали преслѣдовать бѣжавшихъ къ персидской границѣ армянъ. Не желая пропустить такого удобнаго случая угнать стада скрывающихся въ горахъ армянъ, курды бросились на Варакскую гору и произвели страшное избіеніе не только поселянъ, но и живущихъ въ монастырѣ монаховъ, учениковъ, учителей, а самый Варакскій монастырь, одинъ изъ лучшихъ монастырей въ турецкой Арменіи, ими превращенъ былъ въ груды дымящихся развалинъ.

Такимъ образомъ число городскихъ бѣдняковъ увеличилось еще приливомъ этихъ послѣднихъ. Наконецъ курды добрались до тѣхъ, которые стремились къ границѣ. Этихъ было человѣкъ 200, хорошо вооруженныхъ. Къ нимъ же присоединились 1000 чел. ванскихъ жителей, желавшихъ спастись въ Персію. Они думали подъ охраной 200 чел. дойти до границы; но не тутъ-то было: курды нагнали ихъ и съ помощью регулярныхъ войскъ произвели полное избіеніе. Точно такимъ же образомъ была избита другая партія въ 600 чел. также намѣревавшихся перейти границу черезъ Сару и Хотуръ. Одна только партія въ 500—600 чел. спаслась въ горахъ, несмотря на тщательные поиски войскъ, имѣвшихъ съ собой горныя орудія для истребленія. Когда эти не нашли никого, то они пошли къ ближайшей деревнѣ Кохнъ и разорили, въ отместку, какъ эту послѣднюю, такъ и монастырь св. Григорія. Уже добравшіеся до границы нѣкоторыя партіи были истреблены въ борьбѣ, продолжавшейся 4 дня. Таково, по крайней мѣрѣ, правительственное сообщеніе. Изъ всѣхъ этихъ бѣглецовъ уцѣлѣло только 6 чел., которые до сихъ поръ содержатся въ центральной Ванской тюрьмѣ.

Послѣ Ванской рѣзни Феридъ-Саадъ-Эддинъ-паша сталъ обезоруживать армянъ, для чего призвалъ къ себѣ знатнѣйшихъ изъ нихъ съ архимандритомъ Исаакомъ и далъ на то срокъ 24 часа. Тогда между несчастными снова наступила паника. Собраны были оставшіяся въ небольшомъ количествѣ ружья, причемъ прибѣгли было къ насиліямъ, но ихъ отъ этого удержалъ одинъ сановникъ-армянинъ, нѣкто Степанъ-эфенди Меликъ, приводя весь вредъ такого образа дѣйствій. Такими же соображеніями руководствовался прежній губернаторъ, Назимъ-паша, что такъ долго удерживалъ отъ разгрома Ванскую область. Вся задача этого гуманнаго правителя заключалась въ уничтоженіи религіозной розни, ненависти, существующей между армянами и мусульманами.

По несчастію армянъ, да и самихъ турокъ, такая политика Назима не нашла никакого одобренія и сочувствія со стороны Стамбула и Назимъ былъ замѣненъ жестокосердымъ Феридомъ. Этотъ же все время возбуждалъ курдовъ противъ христіанъ, поддерживалъ съ помощью высшихъ административныхъ сферъ комитеты, которые играли гнусную роль палачей въ рѣзнѣ армянъ. Вѣдь, эти же комитеты, видя храброе сопротивленіе армянъ въ центральныхъ кварталахъ Вана и сравнительно большія потери со стороны турокъ, побудили чернь броситься на губернаторскій домъ, прося у Назима помощи войсками и даже заставили убить одного изъ приближенныхъ Назима, нѣкоего Гамди-бея, посланнаго для того, чтобы не допустить въ городъ шайки Шакира. Назимъ паша, боясь ярости черни, не рѣшался выходить изъ дому, пока не подписалъ своей отставки.

Послѣ рѣзни въ Ванѣ оказалось до 30 тысячъ обездоленныхъ людей. Помощи ни откуда. Всѣ они остались на попеченіи одного американскаго общества.

Во всѣхъ почти церквахъ Ванскаго вилайета, кромѣ небольшого числа собственно городскихъ церквей, прекратились всякія церковныя службы. Очень многія изъ нихъ теперь представляютъ изъ себя груды развалинъ, или магометанскія мечети. Священнослужители частью убиты, частью обращены въ исламъ. Одно уныніе, одна печаль и запустѣніе царитъ всюду. Стаи волковъ и другихъ хищныхъ звѣрей, увеличивавшіяся въ послѣдніе годы, рыщутъ въ окрестностяхъ безлюдныхъ деревень, нѣкогда богатыхъ и цвѣтущихъ. Вой этихъ звѣрей перемежается съ заунывнымъ призывомъ къ молитвѣ магометанскихъ муэдзиновъ, уныло распѣвающихъ священные стихи алькорана съ нѣкогда бывшихъ колоколенъ, теперь превращенныхъ въ минареты.

* * *

Когда 3 іюня началась рѣзня въ городѣ, оффиціальныя телеграммы извѣстили объ этомъ провинціальныя власти, которыя поэтому приказали начать разгромъ.

Хотя вслѣдствіе прекращенія путей сообщеній въ Малой Азіи вообще, нельзя въ точности въ цифрахъ выразить число убитыхъ, тѣмъ не менѣе, по нѣкоторымъ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ дошедшимъ до насъ, можно предположить, что общее число убитыхъ во всемъ вилайетѣ не менѣе 20.000, а по мнѣнію другихъ и 30.000.

Самая ужасная рѣзня была произведена въ Арчетѣ, Гайоцъ-Дзорѣ, Кивашѣ и Гарчганѣ. Въ первыхъ двухъ убито 1650 чел. и 850 во вторыхъ двухъ. Во всѣхъ деревняхъ Арчетской волости почти не осталось никакого населенія. Одинъ Дайфуръ, глава курдской шайки, какъ сообщается въ оффиціальномъ турецкомъ извѣщеніи, убилъ *150 чел.* Въ деревнѣ Нарекъ убито 200 чел., а въ Бэлу и болѣе того. Изъ всѣхъ этихъ деревень спаслось только десятеро. Два разбойника, Абдулъ-Гамидъ и братъ его, Абдулъ-Кафюръ убили болѣе 200 чел. Въ Шахпазѣ убито 160 чел.

Деревня Арчакъ не подверглась прошлогоднему разгрому и тамъ порядокъ сохранялся отрядомъ войска въ 130 чел. Когда же началась рѣзня во всей области, то начальникъ этого отряда поклялся передъ обществомъ, что недопуститъ къ нимъ грабителей. Но это только обманъ. Вскорѣ самъ же предаетъ село грабежу и къ нему на помощь приходитъ другой бо́льшій количествомъ отрядъ. Здѣсь было убито 200 чел., 60—65 молодыхъ женщинъ и дѣвицъ было обезчещено. Нѣкоторые убѣгаютъ въ курдскую деревню Мезре и тамъ принимаютъ исламъ, чтобы спастись отъ неминуемой гибели.

Магометъ-бей, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ начальниковъ курдскаго племени Айтеранли, ни въ прошломъ году, ни теперь не захотѣлъ участвовать въ разгромахъ области Беркръ; тѣмъ не менѣе его племя, помимо его воли, произвело ужасную рѣзню.

Во всѣхъ вышеназванныхъ областяхъ, кромѣ большого числа убитыхъ, было и много обращенныхъ въ исламъ. Причиной перехода въ исламъ было то обстоятельство, что многія области не имѣли такихъ природныхъ убѣжищъ, куда

можно было бы скрыться, вслѣдствіе чего многіе прямо бѣжали въ мечети, въ дома шейховъ, муллъ, дервишей, которые подъ угрозой смерти обращали ихъ силой въ исламъ. Было и много такихъ курдскихъ бековъ, которые спасали много армянъ; но это дѣлалось не изъ человѣколюбія, а единственно вслѣдствіе того, что эти армяне находились въ нѣкоторой крѣпостной зависимости отъ бековъ, которые, конечно, изъ корыстныхъ цѣлей, не давали убивать ихъ. Одинъ только Махмудъ-заде-Бейтуллахъ-бей, отличаясь гуманностью и человѣколюбіемъ, защитилъ отъ разгрома всю Мокскую область. Онъ хорошо знакомъ съ армянскимъ языкомъ, много читаетъ на немъ. Во время рѣзни онъ отсутствовалъ изъ своей области; но зная, что дикіе курды воспользуются его отсутствіемъ и произведутъ избіеніе армянъ, поспѣшно прибылъ изъ Вана и, собравъ вокругъ себя 400 храбрыхъ курдовъ, разогналъ толпы курдовъ-ашеретовъ, идущихъ съ цѣлью избіенія въ Мокскую область. Этотъ же бекъ, въ прошломъ году, кромѣ оказанныхъ армянамъ многихъ услугъ, пожертвовалъ 300 лиръ въ пользу армянъ. На Варакской горѣ укрылось 5000 чел., большая часть которыхъ погибла отъ меча, пожара, голода, заразныхъ болѣзней. Много укрылось также на судахъ и бѣжало на островки Лимъ и Кутуцъ. Число ихъ простирается до 8 тыс.

Было много примѣровъ самозащиты организованными наскоро и вооруженными отрядами, тѣмъ не менѣе нигдѣ не пришлось до конца отстоять свою безопасность. Деревня Асрафъ въ прошлую рѣзню отстояла себя, теперь она совершенно уничтожена. Не менѣе храбро защищалась и деревня Банонъ; но въ концѣ пала отъ звѣрствъ Эмина-паши. Деревня Гендотнъ сдѣлалась жертвой обмана со стороны гамидіэ, потребовавшихъ взамѣнъ безопасности жизни, оружія. Жители повѣрили и были убиты всѣ поголовно.

Болѣе всего пострадала большая деревня Шахъ-Шатахской волости, гдѣ дѣйствовалъ самый ужасный изъ курдскихъ предводителей Шакиръ-паша, человѣкъ-звѣрь въ полномъ смыслѣ этого слова. Шакиру всегда помогали власти. Вообще въ деревняхъ, вслѣдствіе малочисленности населенія, отсутствія средствъ и оружій было больше жертвъ, чѣмъ въ городахъ. Да и избіенія носили ужасный варварскій характеръ. Такъ, арчешскаго священника привязали къ *хвосту дикой лошади*; а въ деревнѣ Ганцакъ нѣкто Али-бекъ и Надыръ-оглу до 20 дѣтей и 10 старухъ бросилъ въ *глубокую яму*, въ которой побивали камнями этихъ несчастныхъ проходящіе до тѣхъ поръ, что яма не наполнилась камнями и два дня еще слышались оттуда стоны брошенныхъ. Въ самомъ Ванѣ женщинъ и дѣтей щадили. Напр. тамъ Халибъ-паша оберегалъ такъ дѣтей и женщинъ, что приказывалъ давать имъ воды въ то время, когда эти падали въ обморокъ, видя страданія своихъ близкихъ причиняемыя самимъ Халибомъ. Не то было въ деревняхъ: здѣсь не разбирали ни пола, ни возраста; если и оставались въ живыхъ женщины или даже дѣти, то и ихъ обезчещивали. Чтобы избѣгнуть этого позора, многія изъ бѣжавшихъ въ городъ женщинъ, обривали себѣ голову, брови и вымазывали лицо глиной. Многія деревни подверглись двумъ, тремъ, даже четыремъ разгромамъ, такъ что ничего тамъ не осталось, даже дверныя и оконныя рамы и тѣ унесены.

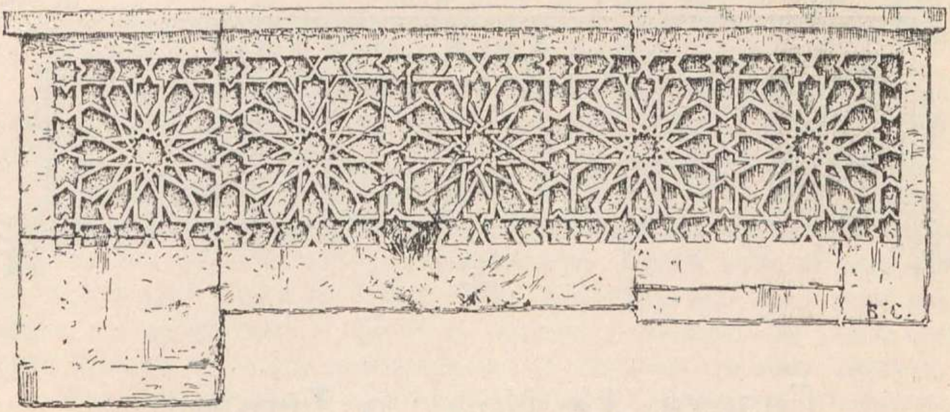
Тѣ изъ армянъ, которые по какимъ-либо соображеніямъ спасались у магометанъ, были обращены въ исламъ. Таковы многіе изъ жителей Арчеша, Арцкея,

Каваша, Карчкана, Хошана и др. Извѣстно, что еще въ прошлую рѣзню перешедшіе въ исламъ почти всѣ жители Хизана, Спаркерта, Каркара, Мамртана вотъ уже 8 мѣсяцевъ, какъ хлопочутъ о переходѣ снова въ христіанство, но правительство оттягиваетъ. Число омагометанившихся въ Ванскомъ вилайетѣ доходитъ до 30,000. Въ настоящее время они въ знакъ перехода въ исламъ носятъ на головѣ бѣлую чалму, а на поясѣ кинжалъ.

Кромѣ матеріальныхъ убытковъ, нанесенныхъ многимъ монастырямъ, уничтожена масса древностей: древней церковной утвари, очень много рѣдкихъ рукописей и т. д. Шайки курдовъ еще теперь носятъ въ города на сплавъ церковныя вещи, дорогія ризы и серебряные переплеты старыхъ рукописей. Долгое время не показывавшему мѣста монастырскихъ сокровищъ архимандриту Елисею отрубили голову и бросили собакамъ, а другого священника изжарили въ печкѣ. Ужасное зрѣлище представляли разлагающіеся трупы въ городахъ и селахъ; стаи собакъ кормились ими. Воздухъ былъ зараженъ зловоніемъ, вездѣ смерть и опустошеніе и въ тоже время вездѣ дикій, веселый разгулъ курдовъ.

Ванскіе армяне на жнитвѣ.

Изъ А. К. Толстаго.

⁂

Тотъ, кто съ вѣчною любовью
Воздавалъ за зло добромъ —
Избіенъ, покрытый кровію
Вѣнчанъ терновымъ вѣнцомъ;
Всѣхъ съ собой страданьемъ сближенныхъ,
Въ жизни долею обиженныхъ,
Угнетенныхъ и униженныхъ
Осѣнилъ своимъ крестомъ.

—

Вы, чьи лучшія стремленія
Даромъ гибнутъ подъ ярмомъ,
Вѣрьте, други, въ избавленье,
Къ Божью свѣту мы придемъ.
Вы, кручиною согбенные,
Вы, цѣпями удрученные,
Вы, Христу сопогребенные,
Совоскреснете съ Христомъ!

Газета „Le Nord“ о Турціи [1]).

Въ концѣ іюля 1897 г. *Le Nord* писалъ:

«Главная причина несчастій, претерпѣваемыхъ Турціею въ продолженіе слишкомъ цѣлаго столѣтія, кроется въ ея соціальной, національной и правительственной организаціи.

«Движимая страстью, свойственной, впрочемъ, всякой дикой кочующей націи, ежеминутно мѣнять резиденцію и мѣсто жительства, туркоманская и турецкая раса, болѣе шести вѣковъ тому назадъ, покинула равнины центральной Азіи, гдѣ она предавалась постоянному грабежу, для того, чтобы наводнить страны, болѣе богатыя и плодородныя. Явившись во владѣнія византійской имперіи, утонченная цивилизація и несмѣтныя богатства которой въ это варварское время заставляли преклоняться передъ собою народы, несравненно болѣе культурные, нежели потомки орды Эртогрула, турки вообразили себя способными основаться въ качествѣ властелиновъ на развалинахъ столькихъ имперій. Мало-по-малу они завладѣли византійскою имперіей и сынъ рабыни (такъ сами турки называютъ султана, ибо султаны не имѣютъ законныхъ матерей) раскинулъ свой шатеръ на томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то красовался дворецъ великихъ цезарей. Восточно-римская имперія перестала существовать и на ея мѣстѣ въ 1453 г. возникъ султанатъ Магомета II.

«Но съ той поры и до нашихъ дней, несмотря на свое могущество въ теченіе трехъ первыхъ вѣковъ послѣ своего основанія на цвѣтущихъ берегахъ Босфора, Оттоманская имперія продолжала вести тотъ же образъ жизни, какой основатели ея вели на равнинахъ центральной Азіи. Не признавая иного закона, кромѣ предписаннаго Магометомъ, проповѣдующимъ разореніе и погибель невѣрныхъ, турки продолжали *оставаться дикарями*, несмотря на близкое сосѣдство христіанскихъ культурныхъ народовъ. Слушаясь только своихъ животныхъ, разрушительныхъ инстинктовъ и жажды къ пріобрѣтенію, турки смотрѣли на подвластные имъ народы, какъ на рабовъ находящихся у нихъ на оброкѣ и существующихъ исключительно для служенія грубымъ страстямъ побѣдителей.

«Со времени взятія Константинополя протекло почти четыре съ половиною столѣтія, не оставивъ ни малѣйшаго слѣда цивилизаціи на потомкахъ азіатскихъ кочевниковъ. Какими они были шесть вѣковъ тому назадъ, когда существовали грабежами на горахъ и въ долинахъ Туркестана, такими же они остались и

[1]) С.-Петербургскія Вѣд., 18 іюля 1897 г. № 193.

понынѣ, когда рѣжутъ и душатъ тысячи христіанъ для того, чтобы овладѣть ихъ имуществомъ, предаваясь самому разнузданному разврату.

«Отдѣленная отъ этихъ грабителей цѣлымъ континентомъ, Западная Европа далеко не имѣла понятія о чудовищныхъ народахъ Оттоманской имперіи. Въ своемъ невѣдѣніи, Франція поддерживала дипломатическія сношенія съ этими бандитами и въ дипломатическихъ лѣтописяхъ царствованія короля-солнца не разъ упоминается имя Солимана Великолѣпнаго, турецкаго султана. Только одна Россія имѣла точное понятіе объ этомъ преступномъ государствѣ. Прежде всего ей пришлось лишиться многихъ своихъ южныхъ провинцій, подпавшихъ подъ власть османской имперіи, а о жестокостяхъ и звѣрствахъ бывшихъ кочевниковъ она узнала отъ своихъ братьевъ по религіи, бѣжавшихъ подъ ея защиту отъ турецкихъ злодѣевъ.

«Россія первая нанесла варварскому государству нѣсколько послѣдовательныхъ ударовъ, прекратившихъ сначала всемогущество султановъ и освободившихъ затѣмъ нѣсколько милліоновъ христіанъ, стонавшихъ подъ османскимъ игомъ. Петръ Великій, Анна Іоанновна, Екатерина Великая, Александръ I, Николай I, Освободитель Греціи, и Александръ II, Царь-Освободитель, обезсмертили свое имя, нанося роковые удары живому анахронизму Европы, существующему подъ именемъ Турціи.

«Частые уроки, получаемые Турціею и ея султанами отъ Россіи, могли бы, кажется, поднять до европейской культуры самыхъ ужасныхъ антропофаговъ изъ Океаніи, но на Турцію они, къ сожалѣнію, не подѣйствовали! Униженная, побитая, потерявшая весьма многія изъ своихъ владѣній, Турція все не измѣнилась и осталась вѣрна прежнимъ, варварскимъ традиціямъ. Подобно старой Польшѣ, о которой историкъ говоритъ, что «она ничему не научилась и ничего не забыла», Турція въ эти послѣдніе года XIX столѣтія осталась въ томъ же соціальномъ, нравственномъ, интеллектуальномъ и правительственномъ положеніи, въ которомъ обрѣталась въ 1300 году, когда дикая орда основалась при Османѣ у Кара-Гиссата.

«Это все та же *мусульманская нація*, кровожадность которой можетъ равняться только ея *неспособности* къ цивилизаціи. Шесть вѣковъ пронеслись надъ нею безслѣдно и за нею осталась ея азіатская хитрость, удѣлъ рабовъ и народовъ, осужденныхъ на исчезновеніе съ лица земли.

«Во всемъ этомъ и простая настоящая причина тѣхъ затрудненій и промедленій, которыми государственные дѣятели Абдулъ-Гамида все время тормазили дѣятельность пословъ великихъ державъ. Министры султана разсчитываютъ своимъ азіатскимъ коварствомъ провести самыхъ умныхъ представителей европейской дипломатіи.

«Они замедляютъ ходъ переговоровъ, предполагая, что Европа раздѣляетъ вкусы главъ османлисовъ, которые, уставъ думать о серьезныхъ вещахъ, предпочитаютъ запираться въ гаремахъ, предоставляя все прочее на волю судебъ.

«Пока цивилизація не достигла высокой степени развитія, Европа терпѣла существованіе Турціи, не считая ее анахронизмомъ. Но заставить это государство продолжать въ настоящее время существовать или помѣшать ему обратиться въ прахъ—это значило бы *идти противъ судебъ человѣчества*. Рокъ осудилъ Турцію, и могила ея вырыта прежде всего ею самою, а потомъ и другими государствами».

Изъ Ѳ. И. Тютчева.

Не въ первый разъ волнуется Востокъ,
Не въ первый разъ Христа тамъ распинаютъ,
И отъ „креста“ луны поблекшій рогъ
Щитомъ своимъ державы прикрываютъ.
Несется кличъ: „распни, распни его!
Предай опять на рабство и на муки!“
— О Русь, ужель не слышишь эти звуки
И, какъ Пилатъ, свои умоешь руки?
Вѣдь это кровь изъ сердца твоего!

Изъ Э. Э. Ухтомскаго.

Пускай нѣмѣетъ скорбь, пускай гнетутъ мученья,
Пускай туманный сводъ безвѣрьемъ полоненъ!
Я знаю, что мы всѣ дождемся пробужденья,
И въ ласковыхъ лучахъ святаго обновленья
Живительно сверкнетъ лазурный небосклонъ.

Содержанiе.

Стр.

Предисловiе . a—g

ВВЕДЕНIЕ.

1. **К. Р***.—Изъ Апокалипсиса** III—IV
2. **В. А. Гольмстремъ***. Братья-Армяне** V—XIV
3. **Прот. I. Сергiевъ (Кронштадтскiй)**. Письмо въ ред. С.-Пб. Вѣд XV
4. **Архимандритъ Мурадьянъ**. Письмо въ ред. С.-Пб. Вѣд. XV—XVII
5. **А. М. Жемчужниковъ***. Многотруденъ мой путь** XVIII
6. Встрѣча съ Армянами-переселенцами. XX
7. Армяне-переселенцы въ Россiи (изъ С.-Пб. Вѣд.) XXI—XXV
8. Оффицiальныя данныя о турецкихъ звѣрствахъ. XXVI
9. Какъ спасти живыми сиротъ армянскихъ мучениковъ? XXVII—XXXIII
10. **А. Агароньянъ** „Фалагъ-вургуни". Эскизъ. (Переводъ съ армянскаго Н. А. Кара-Мурзы) . XXXIV—XLI
11. Изъ Ѳ. И. Тютчева. XLI
12. Изъ А. В. Переводчиковой . XLII
13. Французское благотворительное изданiе въ пользу пострадавшихъ армянъ. XLIII
14. **Ст.** Пѣснь армянскаго переселенца XLV
15. Изъ письма въ редакцiю „Братской Помощи" Константинопольскаго патрiарха . XLV—XLI
16. **Е. А. Морозовъ**.—Привѣтъ . XLVII
17. **Гр. Л. Н. Толстой**. — Письмо въ редакцiю „Братской Помощи". (Полное факсимиле текста) . XLVIII

ОТДѢЛЪ I.

1. **К. Р***. Я баловень судьбы** . 1—2
2. **В. Г. Бѣлинскiй**. Изъ переписки съ женою 3—16
3. **А. Л. Боровиковскiй**. Рожденiе Басни** 17—18
4. **Проф. П. Н. Милюковъ***. Университетскiй курсъ Грановскаго 19—61
5. **Проф. Ѳ. Е. Коршъ***. Изъ Аристотеля Валаорити. Самуилъ. 62—67

*) Съ автографомъ автора.

**) Перепечатано съ разрѣшенiя автора.

Стр.

6. **А. И.** и **Н. А. Герцены**. Изъ Владимірской жизни. Письма мужа и жены. Съ предисловіемъ и примѣчаніями **Е. С. Некрасовой***. 68—102
7. **К. Д. Бальмонтъ***. Изъ Джироламо Муціо. 103

—

8. **Д. Н. Маминъ Сибирякъ***. Ночь. (Эскизъ) 104—109
9. **К. С. Баранцевичъ***. Два духа. (Новелла). 110—116
10. **Г. М. Кансонъ**. Къ смерти (Армянская мелодія) 117—118
11. **Н. Д. Телешовъ***. Жертвы жизни. (Очеркъ). 119—126

—

12. **В. Д. Спасовичъ***. Страсти Господни въ Оберъ Аммергау. (Путевыя воспоминанія) . 127—143
13. **Кн. Э. Э. Ухтомскій**. Калькутскіе армяне и Будда-Гайа. Глава изъ „Путешествія Государя Императора на Востокѣ“** 144—147
14. **В. М. Гессенъ***. Надъ розой душистой поетъ соловей. 148
15. **С. Н. Филипповъ**. Среди запустѣнья (изъ очерковъ Константинополя)** . . 149—155
16. **С. И. Чахотинъ***. 1) Турецкое кладбище въ Скутари 2) Въ тишинѣ прохладной ночи . 156—157

—

17. **Проф. И. Р. Тархановъ***. О воображаемомъ банкротствѣ науки 158—167
18. **Проф. Н. А. Карышевъ***. Изъ исторіи народнаго хозяйства 168—188
19. **Проф. Ѳ. Е. Коршъ***. Изъ Панагіота Федра. Летучая мышь. (Басня) . . . 189—190
20. **Проф. М. М. Ковалевскій***. Изъ исторіи крестьянскихъ движеній на Западѣ. 191—199
21. **А. М. Жемчужниковъ**. Предложеніе Компромисса. (По поводу газетн. статей) Полное факсимиле текста . 200
22. **Проф. Г. А. Халатьянцъ***. Давидъ Сасунскій. Образчикъ армянскаго народнаго эпоса . 201—227

—

23. **Проф. К. А. Тимирязевъ***. Фотографія и чувство природы. 228—236
24. **И. А. Бѣлоусовъ***. Бойцы, измученные битвой. 237
25. **Діогео**. Весною. (Изъ дорожныхъ воспоминаній). 238—246
26. **Гр. П. С. Уварова***. Поѣздка въ Пшавію и Хевсуретію. 247—271
27. **Е. К. Алибегова***. Иматра . 272—274

—

28. **М. А. Веневитиновъ***. Проэктъ положенія о освобожденіи крестьянъ графини Віельгорской. 275—281
29. **Проф. Н. И. Стороженко***. Геніальный Горемыка. 282—293
30. **Г. А. Джаншіевъ***. Свѣтлая страница исторіи. Справка по поводу 36-й годовщины объявленія воли. 294—309
31. **В. М. Гессенъ**. Рожденъ вдали отъ береговъ. 310
32. **П. Н. Обнинскій***. Изъ моихъ воспоминаній 311—324

—

33. **И. Астаховъ**. Въ глуши . 325—333
34. **А. А. Веселовская***. Передъ неразгаданной тайной. Разсказъ Рудольфа Штрица . 334—341

—

35. **В. А. Гиляровскій***. Другу . 342
36. **Н. С.** Изъ воспоминаній о Викторѣ Антоновичѣ Арцимовичѣ. Школа А. Ѳ. Вырской. 343—354
37. **Н. А. Бѣлоголовый**. Графъ Мих. Тар. Лорисъ-Меликовъ. Воспоминанія (1878—1888 гг.) . 355—380

*) Съ автографомъ автора.

**) Перепечатано съ разрѣшенія автора.

Стр.

38. **Г. А. Джаншіевъ**. Изъ воспоминаній о Н. А. Бѣлоголовомъ 381—387
39. **М. Е. Салтыковъ**. Послѣднія письма М. Е. Салтыкова къ Н. А. Бѣлоголовому. Полное факсимиле послѣдняго письма 388—391
40. **К. Д. Бальмонтъ**. 1) Въ сумеркахъ. 2) Какъ волны морскія. 3) Стонъ . . 392—393
41. **Н Н. Златовратскій***. Изъ литературныхъ воспоминаній (Тургеневъ, Салтыковъ и Гаршинъ) . 394—403
42. С. И. Зарудный . 404
43. **А. М. Жемчужниковъ**. Когда вступаешь въ тѣ года 405

—

44. **Л. З. Мсеріанцъ***. Двѣ ученыхъ обители (Венеціанскіе и Вѣнскіе Мхитаристы) 407—420
45. **Абгаръ Іоннисіани***. Эскизы физической географіи Арменіи. О. Леона Алишана. (Переводъ съ армянскаго) 421—429
46. **Проф. В. Ѳ. Миллеръ***. Викраморваши. Драма Калидасы (съ санскритскаго). 430—441
47. **С. Н. Головачевскій***. Изъ Гейне 442

—

48. **Генералъ Потто***. Генералъ Иванъ Давыдовичъ Лазаревъ 443—452
49. **К—евскій**. Генералъ Арзасъ Артемьевичъ Тергукасовъ 453—463
50. **Генералъ Потто***. Генералъ Бебутъ Мартиросовичъ Шелковниковъ 465—490
51. Генералъ Як. Кайх. Алхазовъ 491

—

52. **Иванъ-да-Марья**. Энтузіазмъ изъ „Orientales“ „Виктора Гюго“ 492—493
53. **В. В. Верещагинъ***. Изъ записной книжки художника 494—498
54. И. К. Айвазовскій . 499—500
55. **С. Д. Махаловъ***. Фантазія на трагедію „Гамлетъ“ 502—511
56. Трагикъ Адамьянъ . 512—514

57. **М. В. Никольскій***. Древняя страна Урарту (Араратъ) и слѣды ассиро-вавилонской культуры на Кавказѣ 515—531
58. **Г. М. Кансонъ**. Наше время. Изъ Анастасія Грюна 532
59. Армянскіе патріархи . 533—541
60. Патріархъ-каѳоликосъ Мкртичъ I (Айрикъ) 542—553
61. **Проф. Ѳ. Е. Коршъ**. Айрикъ, пѣсня ашуга (съ армянскаго) 554—555
62. **Л. М.** Древне-Армянская Литература (эскизъ Аршака Чобаніана) 556—573
63. Шараканъ. Въ переводѣ Н. О. Эмина 574—581
64. **Р. Бар. Штакельбергъ***. Нѣсколько словъ о значеніи армянскихъ историковъ для изученія Сассанидской Персіи 582—586
65. **Г. Х.** Два армениста: I) Проф. Н. О. Эминъ и II) К. П. Паткановъ . . . 587—607

—

66. **Г. А. Мировъ**. У Парѳенона 608—609
67. **В. А. Гольцевъ***. Леонъ Буржуа о солидарности 610—612
68. **Буква**. „Патріотизмъ“ и патріотизмъ 613—616
69. **Г. Сигма**. О національзмѣ 617—626

—

70. **Г. И. Канановъ***. Армяне въ Россіи. Посмертная статья 627—639
71. Памяти Георгія Ильича Кананова 640—648
72. **Гревъ**. Наброски изъ исторіи армянъ 649—656
73. **А. С. Хахановъ***. Положеніе армянъ въ грузинскомъ царствѣ 657—661
74. **А. Н. Сазоновъ***. Армяне на Кавказѣ. Статистическіе наброски 662—676

*) Съ автографомъ автора.

Стр.

75. Нѣсколько замѣтокъ по поводу нападокъ на армянъ. I) **Г. Д.** Армяне въ кавказской администраціи (изъ Рус. Вѣд.). II) **Кавказецъ.** Въ чемъ кроется истинная причина разбоевъ въ Закавказьѣ (изъ Спб. Вѣд. III) **М. Б.** Черноморскіе армяне 677—686

—

76. **П. И. Кошевичъ.** Желѣзный вѣкъ (отрывокъ изъ 5-й пѣсни поэмы „Космосъ") 687—688
77. **Проф. Г. А. Халатіанцъ.** О нѣкоторыхъ любимѣйшихъ мотивахъ армянскихъ сказокъ . 689—702
78. **К. Д. Бальмонтъ.** Ахтамаръ. Народная легенда (съ армянскаго) 703—704
79. **Минасъ Берберьянъ*.** Замѣтки о новой армянской литературѣ 705—714
80. **Л. Уманецъ.** Изъ Александра Цатуріана (съ армянскаго). 715
81. **Ю. А. Веселовскій*.** Къ характеристикѣ новой армянской литературы . . . 716—724
82. **Раффи.** Полоса земли. Очеркъ. (Переводъ съ армянскаго) 725—729
83. **А. Ветовъ.** Изъ Гая-Армена. Мое царство. (Съ армянскаго) 730

—

84. **В. Г. Короленко*.** Въ борьбѣ съ діаволомъ. Эскизъ изъ дорожнаго альбома** 731—741
85. **В. Е. Ермиловъ*.** Книга и народъ. Изъ деревенскихъ размышленій. 742—746
86. **Проф. А. Н. Веселовскій.** Чувствительный и холодный** 747—752

ОТДѢЛЪ II.

87. **К. Р*.** Мостъ вздоховъ**. 1—2
88. **Проф. Гр. Л. А. Камаровскій*.** О реформахъ въ Турціи. 3-8
89. **Эм. Диллонъ.** Положеніе дѣлъ въ турецкой Арменіи. 9—47
90. **П. И. Бѣляевъ*.** Письма турецкихъ жертвъ изъ Малой Азіи 48-63
91. Жизнь въ Ильдизѣ. 65—69
92. Патріархъ Измирліанъ. 70—72
93. **А. Савельичъ.** N. N. (Посвящается памяти умершаго для меня дорогого существа) . 73—74
94. **О. Кайданова.** Константинопольская рѣзня** 75—80
95. **Викторъ Бераръ.** Августовскія убійства въ Константинополѣ. 81—90
96. Армянскій вопросъ по документамъ франц. Желтой Книги 91—119
97. Рѣзня въ Ванскомъ вилайетѣ (Іюнь 1896 г.). 120—124
98. Изъ А. К. Толстаго. 125
99. Газета „Le Nord" о Турціи. 126—127
100. Изъ Ѳ. И. Тютчева. 128
101. Изъ Э. Э. Ухтомскаго. 128

I. Рисунки:

И. К. Айвазовскій. 4 оригинальныхъ рисунка: 1) Сошествіе Ноя съ Арарата. (Отд I стр. 96) 2) Свѣжая погода. (Отд. I стр 496); 3) Съ Мраморнаго моря къ ночи. (Отд. II стр. 74); 4) Выгрузка пассажировъ на Мраморномъ морѣ. (Отд. II стр. 80).

*) Съ автографомъ автора.

**) Перепечатано съ разрѣшенія автора.

В. Я. Суреньянцъ. Оригинальныя заставки-иллюстраціи: 1) Еван. отъ Матоея, глава 11, ст. 28 (стр. I); 2) барельефъ Эчміадзинскаго стиля (стр. II); 3) апоѳеозъ поэзіи, стр. 1) 4) мостъ вздоховъ (стр. 3, II от.) и оригинальныя заставки въ армянскомъ стилѣ (ст. V, XLVII введ.

II. Портреты:

1) **Введ.** Гладстонъ (стр. VIII); 2) В. А. Гольмстремъ (стр. XIV); 3) Вашингтонскій епископъ Генри Саттерленъ (стр. XXXIII); 4) О. Шарметанъ (стр. XLIII); 5) Б. Константинопольскій патріархъ Измирліанъ (стр. XXVI); **Отдѣлъ I.** 6) Бѣлинскій (стр. 3); 7) семья Бѣлинскаго стр. 5); 8) Грановскій (стр. 21); 9) Н. А. Милютинъ (стр. 308); 10) В. А. Арцимовичъ (стр. 347); 11) графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ (стр. 359); 12) Н. А. Бѣлоголовый (стр. 381) 13) М. Е. Салтыковъ (стр. 389); 14) С. И. Зарудный за переводомъ Данта (стр. 404); 15) Архіеп. Айдыньянъ (стр. 419); 16) о. Леонъ Алишанъ (стр. 421); 17) И. Д Лазаревъ (стр. 446); 18) А. А. Тергукасовъ (стр. 453); 19) Б. М. Шелковниковъ (стр. 465); 20) Я. К. Алхазовъ (стр. 491); 21) И. К. Айвазовскій (стр. 499); 22) П. Адамьянъ въ роли Гамлета (стр. 513); 23) Каѳоликосъ Геворкъ V, основат. Эчміадзинской Духовной Академіи (стр. 537); 24) Каѳоликосъ Мкртичъ I (1893 г.) (стр. 545); 25) Депутаты армянскихъ епархій Россіи, Турціи и пр., избравшіе Мкртича I (стр. 549); 26) Мкртичъ I Айрикъ (1889 г.) (стр. 554); 27) Н. О. Эминъ (стр. 588); 28) К. П. Паткановъ (стр. 599); 29) Г. И. Канановъ († 4 іюня 1897 г. стр. 640); 30) Архіеписк. Хоренъ Нарбей (стр. 707); 31) Рафаэль Патканьянъ (стр. 719). **Отдѣлъ II.** 32) Эмиль Диллонъ (стр. 11) 33) Корресп. Э. Диллонъ въ курдскомъ костюмѣ (стр. 14); 34) Гладстонъ на Ливерпульскомъ митингѣ 24 сентября 1896 г; 35) Султанъ Абдулъ Гамидъ II (стр. 66) 36) Матеосъ Измирліанъ Константинопольскій патріархъ (1895 —1896 гг.) (стр. 71).

III. Виды и типы Турецкой Арменіи, Закавказья и пр.

ОТДѢЛЪ I.

Стр.

1. Армянинъ на молитвѣ I
2. Армянская переселенческая семья на русской границѣ XIX
3. Армянскія сироты въ Эрзерумѣ XXXI
4. Армянка у люльки XXXIV
5. Барельефъ съ развалинъ Ани 2
6. Армянскій крестоносецъ 61
7. Могильный крестъ-камень (арм. стиль X в.) 67
8. Контуръ руки сына Герцена 81
9. Общій видъ Корикоса (Киликія) 102
10. Крѣпость Корикосъ (Киликія) 103
11. Варакскій монастырь близъ Вана (IX вѣка), разрушенный въ 1895 году . . . 116
12. Духовенство Варакскаго монастыря 117
13. Гюлизаръ, жертва курда Мусса-бея 118
14. Городъ Алая (Киликія) 126
15. Монастырь св. Ѳомы въ Акулисахъ (Нахичев. у.) 117
16. Ворота Аманосянъ (Киликія) 143
17. Серебряная модель храма Будда-Гайа, поднесенная Государю Императору Калькутскими армянами 145
18. Адана (Киликія) 148
19. Соборъ св. Григорія въ Дарачичагѣ (Эрив. у.) 155
20. Тарсъ (Киликія) 156
21. Армянки пекутъ хлѣбъ 168

Стр.
22. Армянская арба . 188
23. Габріеліанъ. — Армянскій хамалъ 192
24. Сасунскій армянинъ . 201
25. Габріеліанъ — Ванскій армянинъ 209
26. Эрзерумская армянка . 225
27. Сисская цитадель (Киликія) . 228
28. Киликійскій видъ . 236
29. Пшавія. Главное святилище края Тамаръ-Непе: внѣшній дворъ, ограда, помѣщенія для богомольцевъ и колокольня 252
30. Хевсуретія. Хевисберы, святилище сел. Гузани и предметы принадлежащіе святилищамъ . 256
31. Группа Хевсурокъ долины Аргуна 260
32. Хевсуретія. Рѣка Аргунъ . 264
33. Хевсуретія. Археологическая экспедиція въ ущельѣ Гули 270
34. Кюдносъ (Киликія) . 273
35. Анаша (Киликія) . 274
36. Мармашенъ (Эриван. губ.) . 282
37. Ламбронъ (Киликія) . 309
38. Александретская пристань (Киликія) 310
39. Часовня св. Петра и Павла въ Енидже (Эрив. губ.) 324
40. Мерсинъ (Киликія) . 333
41. Анарбазанъ (Киликія) . 341
42. Карсское ущелье . 355
43. Аджинъ (Киликія) . 387
44. Мысъ Анамуръ (Киликія) . 393
45. Монастырь св. Макарія, основ. въ VI вѣкѣ (Елизаветпольской губ.) 406
46. Монастырь Мхитаристовъ въ Венеціи (1717 г.) 407
47. Севангскій монаст. на о. Гокчѣ 409
48. Монастырь Мхитаристовъ — главная галлерея 410
49. Монастырь Мхитаристовъ — кабинетъ Байрона 412
50. Монастырь Мхитаристовъ — терраса съ видомъ на Венецію 414
51. Монастырь Мхитаристовъ — садъ и колокольня 416
52. Варакскія горы (Турецкой Арм.) 423
53. Ванское озеро (Турецкой Арм.) . 425
54. Ванская цитадель (Турец. Арм.) 426
55. Мостъ царицы Наны XI в. (Тифл. губ.) 427
56. Килиндрія (Кил.) . 429
57. Армянская красавица . 442
58. Надгробный крестъ-камень изъ мон. Мхитара-Гоша XIII в. (Шушин. у.) . . 443
59. Стѣны Ани . 463
60. Ученики школы Айвазянъ и крестьяне с. Сарушенъ (Шушин. у.) 464
61. Киликійскій армянинъ . 490
62. Ной послѣ потопа . 505
63. Зейтунецъ на покосѣ . 498
64. Адалія (Киликія) . 511
65. Араратъ . 515
66. О. Гокча и Севангскій мон. 531
67. Монастырь Эчміадзинъ, основ. въ 302 г. 535
68. Западн. врата Гегартскаго мон. (X в.) 541
69. Мушъ (Турец. Арм.) . 542
70. Въѣздъ Мкртича I въ Эчміадзинъ 553
71. Гегартскій монастырь съ двумя церквами, высѣченными въ скалѣ близъ Арарата (X в.) . 561
72. Св. Варданъ Мамиконьянъ . 568

Стр.
73. О. Гокча и Севангскій мон. (X в.) . 574
74. Пѣвчіе Нахичеванскаго собора св. Григорія 581
75. Аясъ (Киликія) . 586
76. Агарцинскій монастырь XIII в. (Шушин. у.) 593
77. Парѳенонъ . 608
78. О. Гокча . 612
79. Адалія (Киликія) . 626
80. Армяне-землепашцы близъ Алагеза (Эриванской губ.) 665
81. Зейтунецъ . 688
82. Народное гулянье у Эчміадзинскаго пруда 693
83. Сисъ (Киликія) . 702
84. Армянка у фонтана . 726
85. Эрзерумская армянка . 730
86. Севангскій островъ на о. Гокчѣ . 741

ОТДѢЛЪ II:

87. Крѣпость Ала (Киликія) . 8
88. Ученики армянской школы въ Мушѣ 25
89. Ученицы армянской школы въ Мушѣ 43
90. Армянскія сироты въ Смирнѣ . 48
91. Ванскіе армяне на жнитвѣ . 124

Зейтунецъ-косарь.

Мармашенъ (Эрив. губ.).

Завѣд. редакц. Гр. Джаншiевъ.

Продаются въ книжныхъ магазинахъ КАРБАСНИКОВА, (Москва, Моховая):

1) Положеніе армянъ въ Турціи, съ портретами: Патріарха Измирліана и Г-на Э. Диллона, изданіе 2-е. Цѣна 1 рубль.

2) Эмиль Диллонъ и Гринъ.—Положеніе дѣлъ въ Турецкой Арменіи и звѣрства въ Сасунѣ. Цѣна 25 коп.

3) Гр. Діевъ.—Армянскій вопросъ въ Турціи. Цѣна 40 коп.

4) Макъ-Коль.—Султанъ и Державы. Цѣна 1 руб. 50 коп.

5) В. Тенишевъ. Позоръ цивилизаціи. По поводу Турецкихъ дѣлъ. Цѣна 25 коп.

Складъ въ книжномъ магазинѣ **КАРБАСНИКОВА**,
въ Москвѣ, (Моховая).

2007089972